
3 1761 05610393 0

84

ИСТОРІЯ

ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА

ЗА ДВѢСТИ ЛѢТЪ

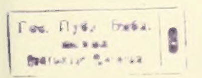
ИСТОРІЯ
ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА
ЗА ДВѢСТИ ЛѢТЪ

1711—1911 гг.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1911

Сенатская типографія.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Исторія Правительствующаго Сената за двѣсти лѣтъ" издается по случаю истекающаго 22-го февраля 1911 года двухсотлѣтія Сената. Она имѣетъ цѣлью изобразить съ возможною полнотою устройство и дѣятельность этого учрежденія за все время его существованія.

Составленіе настоящаго труда было возложено г. министромъ юстиціи на особую комиссію подъ предсѣдательствомъ сенатора Н. А. Добровольскаго, въ составъ коей вошли: сенаторъ Н. А. Звѣревъ, ординарные профессоры Императорскаго училища правовѣдѣнія Э. Н. Берендтсъ и Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго – С. Ѳ. Платоновъ и Московскаго – А. Н. Филипповъ, библіотекарь Императорской публичной библіотеки докторъ русской исторіи Н. Д. Чечулинъ, управляющій Сенатскою типографіею членъ консультаціи, при Министерствѣ юстиціи учрежденной, А. А. Жедринскій и состоящіе за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Первомъ департаментѣ Сената: инспекторъ Сенатскаго архива И. А. Блиновъ и оберъ-секретарь сего департамента Н. В. Граве.

Комиссія приступила къ занятіямъ съ осени 1908 года. Обсудивъ условія предстоявшаго ей труда, она предположила раздѣлить историческій очеркъ дѣятельности Правительствующаго Сената на четыре тома, изъ коихъ два первые посвятить исторіи Сената въ XVIII столѣтіи, а два

послѣдующіе Сенату XIX столѣтія. Въ дополнительный, пятый томъ предположено было отнести всѣ тѣ статьи и матеріалы, которые по своему содержанію или объему не могли бы быть помѣщены въ примѣчаніяхъ и приложеніяхъ къ тексту основныхъ четырехъ томовъ. Работы надъ составленіемъ основныхъ томовъ изданія были начаты одновременно, причемъ редакція перваго тома, за исключеніемъ „Введенія", была поручена А. Н. Филиппову, второго—С. Ѳ. Платонову и Н. Д. Чечулину, третьяго и четвертаго Э. Н. Берендтсу. Редакторы имѣли право, съ одобренія комиссіи, приглашать сотрудниковъ для обработки, подъ ихъ наблюденіемъ, отдѣльныхъ главъ и частей порученныхъ имъ томовъ. На обязанности же всей комиссіи лежало согласованіе производимыхъ работъ и ихъ общая редакція; для достиженія этихъ цѣлей члены комиссіи въ рядѣ послѣдовательныхъ засѣданій подвергли совмѣстному обсужденію весь текстъ изданія.

Поставивъ своею цѣлью по возможности полное и точное изображеніе дѣятельности Сената во всѣ эпохи его двухвѣковой жизни, комиссія имѣла въ виду сочетать въ порученномъ ей изданіи серьезность ученаго изслѣдованія съ доступностью литературнаго изложенія. Она не останавливалась предъ необходимостью архивныхъ изысканій и командировала своихъ сочленовъ въ архивы Сенатскій и Государственный, въ архивъ Государственнаго Совѣта, въ Главный архивъ Министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ, въ архивъ Министерства юстиціи въ Москвѣ, въ Императорскую публичную библіотеку, въ библіотеку Императорской Академіи наукъ, а также и въ архивъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи (куда былъ допущенъ для справокъ лишь одинъ изъ членовъ комиссіи—инспекторъ Сенатскаго архива И. А. Блиновъ). Привлекая къ дѣлу матеріалы, еще не бывшіе въ научномъ обращеніи, комиссія надѣялась придать своему труду историческую полноту и свѣжесть и тѣмъ увеличить его внутреннюю цѣнность. Въ то же время она постановила не помѣщать въ текстѣ изданія архивныхъ

документовъ, цѣликомъ или въ обширныхъ извлеченіяхъ, и по возможности избѣгать полемическаго обсужденія несущественныхъ научныхъ разнорѣчій въ исторіи Правительствующаго Сената.

Обсужденіе общаго плана изданія показало комиссіи, что существо дѣла требуетъ различной системы изложенія для исторіи Сената въ первомъ и во второмъ вѣкахъ его существованія. Въ XVIII столѣтіи, будучи органомъ верховнаго управленія, Сенатъ пережилъ рядъ колебаній въ своемъ составѣ и организаціи, въ широтѣ своихъ полномочій и въ силѣ своего вліянія, благодаря тѣмъ перемѣнамъ, которыя обусловливались личнымъ характеромъ и политическими взглядами Монарховъ, правившихъ Имперіей, и Ихъ довѣренныхъ лицъ, стоявшихъ у власти. Съ началомъ же XIX столѣтія Сенатъ превратился въ высшій органъ управленія подчиненнаго и фактически сталъ болѣе далекимъ отъ Верховной власти учрежденіемъ; посему перемѣны царствованій весьма мало стали вліять на положеніе Сената въ общей системѣ управленія. Въ зависимости отъ указаннаго различія въ положеніи Сената, исторію его въ XVIII столѣтіи представлялось болѣе удобнымъ изложить по царствованіямъ, въ отношеніи же Сената XIX столѣтія принять дѣленіе лишь на двѣ эпохи до реформъ Императора Александра II-го и послѣ этихъ реформъ.

Въ исполненіе принятаго комиссіею общаго плана содержаніе отдѣльныхъ томовъ изданія опредѣлилось такимъ образомъ.

Въ первомъ томѣ, вслѣдъ за общимъ введеніемъ, посвященнымъ очерку устройства верховнаго управленія въ до-Петровской Руси, помѣщены отдѣлы: „Правительствующій Сенатъ въ царствованіе Петра Великаго", „Высокій Сенатъ въ царствованія Екатерины I и Петра II" и „Правительствующій Сенатъ въ царствованія Анны Іоанновны и Іоанна Антоновича".

Во второмъ томѣ находятся отдѣлы: „Правительствующій Сенатъ въ царствованія Елисаветы Петровны и Петра Ѳеодо-

ровича", „Правительствующій Сенатъ въ царствованіе Екатерины II" и „Правительствующій Сенатъ въ царствованіе Павла I".

Въ третьемъ томѣ помѣщенъ отдѣлъ „Правительствующій Сенатъ въ XIX столѣтіи до реформъ 60-хъ годовъ".

Въ четвертомъ томѣ находится отдѣлъ „Правительствующій Сенатъ въ XIX столѣтіи послѣ реформъ 60-хъ годовъ".

Въ дополнительномъ, пятомъ, томѣ помѣщены статьи: 1) Мѣстонахожденіе, помѣщеніе и убранство Сената со дня его учрежденія по настоящее время; 2) Изданія при Сенатѣ и 3) Форменная одежда сенаторовъ, чиновъ оберъ-прокурорскаго надзора и канцеляріи Правительствующаго Сената. Засимъ, въ видѣ приложеній, помѣщены: 1) Спискокъ сенаторовъ съ 22 февраля 1711 по 15 января 1911 г. и 2) Алфавитные указатели.

Для отдѣловъ, вошедшихъ въ составъ первыхъ двухъ томовъ, принятъ былъ болѣе или менѣе однообразный порядокъ изложенія, по которому въ каждомъ отдѣлѣ одинаково, послѣ вступительной главы, слѣдуютъ главы, выяснявшія для даннаго періода времени: а) отношеніе Сената къ Верховной власти и другимъ высшимъ учрежденіямъ, б) устройство Сената, в) кругъ его вѣдомства, г) дѣлопроизводство Сената и д) очеркъ дѣятельности Сената въ данный періодъ. Тотъ же порядокъ изложенія признанъ былъ желательнымъ и для томовъ третьяго и четвертаго; но устройство и дѣятельность Сената въ XIX столѣтіи, съ ростомъ государственной жизни Россіи, столь осложнились, что изображеніе ихъ потребовало иного масштаба. Вмѣсто простого раздѣленія отдѣловъ на главы, было признано болѣе удобнымъ расчленить ихъ на рядъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ очерковъ, общая послѣдовательность коихъ воспроизводила бы въ существенныхъ чертахъ тотъ же принятый для первыхъ томовъ изданія порядокъ изложенія.

Громадный объемъ подлежавшаго обработкѣ архивнаго матеріала, въ большинствѣ своемъ не опубликованнаго и даже

вовсе неизвѣстнаго, а съ другой стороны, краткость времени, бывшаго въ распоряженіи комиссіи для ея работъ, объясняютъ и въ значительной степени оправдываютъ нѣкоторые недочеты изданія. Къ ихъ числу комиссія относитъ, между прочимъ, неравномѣрность въ обработкѣ различныхъ періодовъ исторіи Сената и значительное количество выписокъ изъ старинныхъ документовъ въ текстѣ изданія, относящемся къ XVIII вѣку. Какъ то, такъ и другое было слѣдствіемъ зависимости изслѣдователей отъ сырого историческаго матеріала, не подвергнутаго до настоящаго времени никакому предварительному изслѣдованію, никакой критической обработкѣ. Въ томахъ, посвященныхъ XIX столѣтію, также допущена нѣкоторая неравномѣрность: отдаленнымъ отъ нашего времени десятилѣтіямъ отведено болѣе мѣста, нежели послѣднимъ годамъ русской жизни, ибо реформы послѣдняго пятилѣтія (1905—1910 г.г.) не принадлежатъ еще исторіи, и время для ихъ объективной оцѣнки еще не наступило. Историкъ обязанъ воздержаться отъ обсужденія того, что̀ еще служитъ предметомъ повседневныхъ толковъ и текущей публицистики. Какъ бы ни былъ великъ интересъ современности, ея обсужденіе не будетъ обладать необходимымъ спокойствіемъ и свободою отъ боевыхъ лозунговъ и увлеченій переживаемаго момента, то-есть, не будетъ имѣть тѣхъ условій, безъ которыхъ не мыслимъ строго-научный историческій трудъ. Въ такихъ соображеніяхъ составители отдѣловъ по исторіи Сената въ XIX столѣтіи лишь изрѣдка касались какъ законовъ, изданныхъ въ періодъ времени съ 1905 по 1910 г., такъ и вызванной ими дѣятельности Правительствующаго Сената, и притомъ избѣгали уклоняться отъ фактическихъ справокъ въ область критической оцѣнки и субъективныхъ замѣчаній. Однако, сознавая несовершенства исполненнаго труда, комиссія питаетъ твердую надежду, что сдѣланное ею послужитъ полезнымъ пособіемъ для будущихъ изслѣдователей исторіи русскаго государственнаго устройства и управленія.

Кругъ лицъ, трудившихся надъ „Исторіей Правительствующаго Сената за двѣсти лѣтъ", былъ значителенъ. Въ алфавитномъ порядкѣ приводятся здѣсь имена авторовъ, участвовавшихъ въ изданіи, съ означеніемъ составленныхъ ими отдѣловъ и главъ „Исторіи".

1) Э. Н. Берендтсъ, ординарный профессоръ Императорскаго училища правовѣдѣнія: а) „Проекты реформы Сената въ царствованія Императоровъ Александра I и Николая I" (т. III, стр. 1—166) и б) „Проекты реформы Правительствующаго Сената во второй половинѣ XIX столѣтія" (т. IV, стр. 454—494).

2) И. А. Блиновъ, состоящій за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ I департаментѣ Сената, инспекторъ Сенатскаго архива: а) „Отношенія Сената къ мѣстнымъ учрежденіямъ до реформъ 60-хъ годовъ" (т. III, стр. 506—657); б) „Вступленіе" къ IV тому (стр. 3—15); в) „Отношенія Сената къ мѣстнымъ учрежденіямъ послѣ реформъ 60-хъ годовъ" (т. IV, стр. 108—214) и г) „Списки сенаторскихъ ревизій XIX вѣка" (т. IV, стр. 503—516).

3) Д. А. Всеволожскій, помощникъ оберъ-секретаря I департамента: „Форменная одежда сенаторовъ, чиновъ оберъ-прокурорскаго надзора и канцеляріи Правительствующаго Сената" (т. V, стр. 93—104).

4) В. А. Гагенъ, экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета: а) „Отношеніе Сената къ Верховной власти" (т. III, стр. 167—190) и „Отношеніе Сената къ высшимъ государственнымъ установленіямъ, не подчиненнымъ его надзору" (т. III, стр. 191—242), и б) „Личный составъ и организація Правительствующаго Сената" (т. III, стр. 243—403), и в) Организація Правительствующаго Сената (т. IV, стр. 16—66).

5) А. О. фонъ-Гернетъ, помощникъ оберъ-секретаря департамента Герольдіи: „Кругъ вѣдомства департамента Герольдіи по охраненію сословныхъ правъ" (т. IV, стр. 356—395).

6) С. К. Гогель, помощникъ статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта, приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета: а) „Кругъ вѣдомства и очеркъ дѣятельности Правительствующаго Сената“ (т. III, стр. 404—505), б) „Сенатское дѣлопроизводство въ XIX столѣтіи до реформъ 60-хъ годовъ“ (т. III, стр. 658—683), в) „Кругъ вѣдомства и очеркъ дѣятельности Правительствующаго Сената“, (т. IV, стр. 67 — 107), г) „Охраненіе правъ личности“ (т. IV, стр. 335—345), д) „Правотворческая дѣятельность Сената въ области уголовнаго права“ (т. IV, стр. 396 420), и е) „Сенатское дѣлопроизводство въ XIX столѣтіи послѣ реформъ 60-хъ годовъ“ (т. IV, стр. 441—453).

7) Н. В. Граве, состоящій за оберъ-прокурорскимъ столомъ, оберъ-секретарь (исполняющій обязанности товарища оберъ-прокурора) I департамента Сената: а) „Мѣстонахожденіе, помѣщеніе и убранство Сената со дня его учрежденія по настоящее время“ (т. V, стр. 1—71), и б) объясненія къ рисункамъ, портретамъ и факсимиле, помѣщеннымъ въ изданіи.

8) В. К. Лукомскій, помощникъ оберъ-секретаря департамента Герольдіи: „Храненіе гербовъ Государственныхъ и Императорскаго дома“ (т. IV, стр. 346—355).

9) Н. А. Мурзановъ, состоящій за оберъ-прокурорскимъ столомъ во II департаментѣ Сената, исполняющій обязанности секретаря Сенатскаго архива: „Списокъ сенаторовъ 22 февраля 1711—15 января 1911“ (т. V, стр. 107—161).

10) Баронъ А. Э. Нольде, приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, экстраординарный профессоръ Императорскаго Александровскаго лицея, магистръ гражданскаго права: а) „Судебная дѣятельность Сената“ (въ царствованіе Екатерины Второй) (т. II, стр. 623—674), б) „Правительствующій Сенатъ въ царствованіе Павла I“ (т. II, стр. 695 779), и в) „Правотворческая дѣятельность Правительствующаго Сената въ области гражданскаго права“ (т. IV, стр. 421—440).

11) I. М. Пекарскій, состоящій за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ I департаментѣ Сената, оберъ-секретарь, редакторъ Собранія узаконеній и распоряженій правительства и Сенатскихъ Вѣдомостей: а) „Кругъ вѣдомства Правительствующаго Сената по дѣламъ казеннаго управленія и казеннаго обложенія" (т. IV, стр. 294—334) и б) Изданія при Сенатѣ (т. V, стр. 73—92).

12) С. Ѳ. Платоновъ, ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета: „Введеніе" (т. I, стр. 1—43).

13) М. А. Поліевктовъ, магистръ русской исторіи, приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета: „Межевой департаментъ" и „Заботы Сената о межеваніи" (въ царствованіе Екатерины Второй) (т. II, стр. 402—411 и 674—681).

14) А. Е. Прѣсняковъ, магистръ русской исторіи, приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета: „Правительствующій Сенатъ въ царствованіе Елисаветы Петровны" (т. II, стр. 3—314).

15) И. М. Тютрюмовъ, оберъ-прокуроръ II департамента Сената, приватъ-доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета: „Второй департаментъ Правительствующаго Сената" (т. IV, стр. 215—293).

16) А. Н. Филипповъ, заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета: а) „Правительствующій Сенатъ въ царствованіе Петра Великаго", б) „Высокій Сенатъ въ царствованія Екатерины I и Петра II", и в) „Правительствующій Сенатъ въ царствованія Анны Іоанновны и Іоанна Антоновича" (т. I, стр. 45—640).

17) Н. Д. Чечулинъ, докторъ русской исторіи, библіотекарь Императорской публичной библіотеки: „Правительствующій Сенатъ въ царствованіе Петра Ѳеодоровича" (т. II, стр. 315—325) и „Правительствующій Сенатъ въ царствованіе Екатерины Второй" (т. II, стр. 329—401, 412—622 и 681—691).

Заботы о художественной сторонѣ изданія были возложены комиссіей на ея члена, Н. В. Граве, который вѣдалъ, какъ

подборъ и воспроизведеніе намѣченныхъ комиссіей портретовъ, старинныхъ гравюръ и факсимиле, такъ и всѣ внѣшнія украшенія типографскаго текста. Розысканіе портретовъ и гравюръ началось съ первыхъ же дней дѣятельности комиссіи. Наиболѣе цѣнный художественный матеріалъ былъ полученъ изъ коллекцій и изданій Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Михаиловича и изъ собранія покойнаго Павла Яковлевича Дашкова; были также отчасти использованы коллекціи Императорскаго Эрмитажа, Императорской публичной библіотеки и нѣкоторыхъ частныхъ лицъ. Фотографическій портретъ Его Императорскаго Величества Государя Императора былъ лично выбранъ для изданія и Всемилостивѣйше подписанъ Его Императорскимъ Величествомъ. Этотъ портретъ воспроизведенъ въ I томѣ изданія геліогравюрою. Равнымъ образомъ и портретъ Учредителя Сената Императора Петра Великаго воспроизведенъ геліогравюрой. Портреты прочихъ Императоровъ и Императрицъ XVIII-го и XIX-го столѣтій отпечатаны фототипіей; оригиналами для нихъ послужили портреты, находящіеся нынѣ въ Сенатѣ, за исключеніемъ лишь портретовъ Императора Петра II и Императрицы Анны Іоанновны, воспроизведенныхъ съ оригиналовъ той эпохи изъ Романовской галлереи Зимняго Дворца. Кромѣ портретовъ, въ текстѣ изданія воспроизведены виды сенатскихъ зданій и снимки съ нѣкоторыхъ документовъ. Виды сенатскихъ зданій подобраны съ возможною полнотою и размѣщены въ хронологическомъ порядкѣ. По большей части они изображаютъ памятникъ Императора Петра Великаго и Сенатскую (иначе Исаакіевскую) площадь; зданіе же Сената обычно помѣщено на второмъ планѣ. При кажущемся однообразіи всѣ эти виды различны въ деталяхъ и принадлежатъ разнымъ художникамъ. Снимки съ документовъ воспроизводятъ манускрипты, любопытные въ отношеніи историческомъ или же примѣчательные съ художественной стороны. Какъ рисунки, помѣщенные внѣ текста, такъ и клише для рисунковъ въ текстѣ, исполнены фирмою Голике и Вильборгъ. Ею же исполнены и концовки, всѣ безъ

исключенія заимствованныя изъ дѣла канцеляріи ген.-прокурора 1797 года № 151 (Арх. Сен.) о пріобрѣтеніи, въ составъ типографіи Сената, частной типографіи графа А. И. Мусина-Пушкина.

Успѣшнымъ выполненіемъ своего труда комиссія много обязана чинамъ Сенатскаго архива и Сенатской типографіи.

Съ самаго начала работъ комиссіи въ 1908 году архивъ былъ открытъ четыре дня въ недѣлю по семи часовъ и два дня въ недѣлю по двѣнадцати часовъ. Со стороны инспектора архива И. А. Блинова, исполняющаго обязанности секретаря архива Н. А. Мурзанова и прочихъ служащихъ всѣмъ лицамъ, работавшимъ надъ исторіею Сената, оказывалось постоянное содѣйствіе по прісканію документовъ, наведенію справокъ, составленію разнаго рода выписокъ и выборокъ и т. п. Такого рода занятія, не прерывавшія обычной текущей дѣятельности архива, требовали весьма значительнаго напряженія силъ служащихъ. Но еще болѣе осложнились обязанности служащихъ архива въ послѣдніе мѣсяцы дѣятельности комиссіи, когда при одновременномъ печатаніи всѣхъ томовъ изданія стали поступать редакціонныя замѣчанія членовъ комиссіи по поводу печатаемаго текста. Сводка этихъ замѣчаній и чтеніе корректуръ производились въ канцеляріи архива служащими: А. А. Соболевымъ, З. Н. Крыжановской, В. И. Моревой, гр. С. Б. Толстой и Е. Я. Мясковской, подъ руководствомъ Л. Л. Слухоцкаго. При окончательной корректурѣ печатаемыхъ листовъ постоянно производились справки въ документахъ архива и печатныхъ изданіяхъ, благодаря чему устранено было немало погрѣшностей. Всѣ возникавшія сомнѣнія представлялись на разрѣшеніе предсѣдателя комиссіи, за подписью котораго пропускались въ печать всѣ безъ исключенія листы изданія.

Работа Сенатской типографіи по набору „Исторіи Правительствующаго Сената“ началась съ первыхъ чиселъ августа 1910 года, при чемъ для даннаго изданія было образовано спеціальное наборное отдѣленіе, снабженное особыми шрифтами,

отлитыми по выбору комиссіи. Къ печатанію было приступлено съ 17-го ноября того же года; въ зависимости отъ количества печатныхъ машинъ и краткости срока, печатаніе производилось не только въ сверхурочное, но и въ ночное время. Брошюровка и переплетъ изданія были произведены переплетнымъ отдѣленіемъ той же типографіи. Главный надзоръ за работами по изданію принадлежалъ управляющему Сенатскою типографіею А. А. Жедринскому; исполненіемъ же работъ руководилъ завѣдывающій техническою частью И. Т. Ивановъ, при сотрудничествѣ его помощника П. Г. Кошелева, корректорскаго отдѣленія типографіи, старшаго мастера печатнаго отдѣленія И. В. Гурлева, метранпажа В. Н. Васильева и старшаго переплетнаго мастера А. Г. Еремѣева.

Составленіе указателей было поручено помощнику оберъ-секретаря I департамента Сената, помощнику редактора Собранія узаконеній и распоряженій правительства и Сенатскихъ Вѣдомостей К. И. Шарскому.

3 февраля 1911 г.

ВВЕДЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

Предшественница Сената—боярская Дума. I. Древнѣйшій боярскій совѣтъ при князьяхъ Кіевской и Суздальской Руси. II. Образованіе Московскаго царства. Превращеніе Московскаго князя-вотчинника въ національнаго государя и княжества-вотчины въ государство. Родовая знать и московскіе государи. Устройство государственнаго управленія и царскій синклитъ. III. Составъ Думы XVII вѣка. Совѣтъ „всѣхъ бояръ". Соборы. Думныя комиссіи. „Судъ бояръ". Ближняя дума. „Избранная рада". Бояре „въ земскомъ" и „въ опричнинѣ". Разгромъ боярства при Іоаннѣ Грозномъ. IV. Боярская дума въ Смутное время. „Бояре" въ роли временнаго правительства; его неудача. V. Боярская дума въ XVII вѣкѣ. Думные чины. Практика думы: дума въ составѣ соборовъ; совѣщанія съ сословными представителями. „Комнатная дума" и „Расправная палата", какъ замѣна общихъ собраній думы. VI. Ученая полемика о характерѣ общихъ собраній думы. Обычный порядокъ общихъ собраній и устройство думныхъ комиссій по типу приказовъ.

Въ 1711 году указами 22 февраля и 2 марта царь Петръ Алексѣевичъ „опредѣлилъ быть" Правительствующему или Управительному Сенату „для управленія": для правды и праваго суда „какъ между народомъ, такъ и въ дѣлѣ государственномъ" и для „сбиранія казны и людей и прочаго всего, чего государя и государства сего интересы требуютъ". Учрежденіемъ Сената былъ окончательно прекращенъ старый порядокъ боярскаго „сидѣнья" о дѣлахъ и былъ упраздненъ тотъ вѣковой боярскій совѣтъ, „синклитъ", съ которымъ Русскіе великіе князья и цари „строили" и „держали" свою землю.

Каковъ же былъ этотъ боярскій совѣтъ и каковы были его обычаи и порядки?

I.

Еще „старый князь Кіевскій“ Владиміръ Святой, по словамъ начальной лѣтописи, любилъ „дружину“ своихъ соратниковъ и совѣтниковъ и съ ними строилъ порядокъ въ Русской землѣ, „думалъ о строѣ земленѣмъ и о ратехъ и о уставѣ земленѣмъ“ [1]). Когда предъ Владиміромъ сталъ важный вопросъ о перемѣнѣ вѣры и принятіи христіанства, князь, по разсказу лѣтописца, не самъ рѣшилъ его въ своей совѣсти. Онъ созвалъ на совѣтъ бояръ и земскихъ старѣйшинъ и совѣщался съ ними, что надо сдѣлать. „Да что ума придасте? что отвѣщаете?“ спрашивалъ Владиміръ своихъ совѣтниковъ [2]). При внукахъ и правнукахъ Владиміра Святого, русскихъ князьяхъ XI XII вѣковъ, боярскій совѣтъ обратился въ постоянную, ежедневную принадлежность княжескаго управленія. Въ литературныхъ памятникахъ того времени упоминается не разъ, какъ по обычаю раннимъ утромъ, „зорямъ восходящемъ“, всѣ вельможи и бояре ѣхали къ князю изъ своихъ домовъ. Князь же, проснувшись съ зарею и „заутреннюю отдавши Богови хвалу“, при первыхъ лучахъ солнца садился „думати съ дружиною или люди оправливати“. Послѣ думы и трудовъ, къ полудню князь распускалъ уже „вся боляры въ домы своя“ [3]). Крѣпкій княжескій обычай „сидѣть“ и „думать“ съ боярами остался только обычаемъ и не перешелъ въ законъ. Боярскій совѣтъ не развился въ учрежденіе въ современномъ значеніи этого слова. Но вся жизнь той эпохи складывалась такъ, что князьямъ нельзя было отваживаться на единоличное рѣшеніе какихъ-либо важныхъ дѣлъ и нельзя было обходиться безъ обычныхъ совѣтниковъ. Когда князь принималъ свое рѣшеніе безъ бояръ, бояре могли просто уклониться отъ его исполненія. Они говорили, что не пойдутъ за княземъ на такое дѣло, которое онъ „о себѣ замыслилъ“, безъ ихъ вѣдома и участія. И общественное мнѣніе въ подобныхъ случаяхъ становилось на сторону бояръ: оно осуждало князя за то, что князь не обращался за совѣтомъ къ „мужемъ своимъ лѣпшимъ думы своея“ [4]).

[1]) „Лѣтопись по Лаврентьевскому списку“. СПБ., 1872, стр. 124.

[2]) Тамъ же, стр. 104.

[3]) Тамъ же, стр. 238; „Чтенія въ Императорскомъ Московскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей“ за 1899 г., II, Житіе преп. Ѳеодосія, стр. 61, 65.

[4]) „Лѣтопись по Ипатскому списку“. СПБ. 1871, стр. 525, 416.

Съ такимъ же характеромъ юридически необязательнаго, но житейски неизбѣжнаго княжескаго совѣта дума перешла и въ послѣдующій періодъ русской исторіи. Въ тѣхъ княжествахъ Русскаго сѣверо-востока, которыя стали колыбелью Великорусскаго государства и выростили первое зерно національнаго объединенія, боярскій совѣтъ сохранился въ своемъ исконномъ видѣ неоформленнаго, но крѣпкаго и общепризнаннаго обычая.

Первыя основы великорусской гражданственности создавались въ условіяхъ очень своеобразныхъ. Великорусская народность складывалась во время заселенія Русью верхняго и средняго Поволжья и сама явилась послѣдствіемъ этого заселенія. Русскіе переселенцы изъ разныхъ княжествъ выходили на пустынную, богатую лѣсами и рѣчными потоками Ростово-Суздальскую окраину, тѣснили прочь рѣдкое финское населеніе, садились на удобныя мѣста и ставили свое нехитрое хозяйство. Во главѣ колонизаціоннаго движенія стояли здѣсь князья —младшее колѣно Мономахова рода, овладѣвшее „Низовскою землею" еще въ началѣ XII вѣка. Руководя заселеніемъ края, призывая къ себѣ населеніе и направляя колонизаціонный потокъ, князья въ своихъ княжествахъ являлись передъ пришлымъ населеніемъ какъ бы первыми заимщиками земель и потому считали свои земли личною собственностью. Княжество ихъ было для нихъ „вотчиною", которую они себѣ сами „налѣзли" и „примыслили" и которую потому прочили своимъ дѣтямъ, мимо всѣхъ остальныхъ сородичей. Въ Низовскихъ княжествахъ власть князей получила такимъ образомъ патримоніальный характеръ и достигла большой полноты. Въ коренныхъ Русскихъ волостяхъ, Кіевскихъ и Новгородскихъ, вся земля волости тянула къ старшему, „великому" городу, принадлежала его главной святынѣ— „Святой Софіи", „Святому Спасу" или „Святой Троицѣ"; городъ былъ высшимъ земскимъ центромъ. Въ Суздальщинѣ же волости превратились въ княжескіе удѣлы и города стали княжескими крѣпостями. Средоточіемъ волостной жизни здѣсь становился княжескій дворъ, и вѣчевая площадь уже не соперничала съ нимъ за политическое преобладаніе. Какъ единый владѣлецъ и хозяинъ своей земли, князь на сѣверѣ не любилъ ни съ кѣмъ дѣлиться своею властью и имуществомъ и охотно усваивалъ себѣ привычки автократическаго правителя, „хотя единъ властель быти".

Тѣмъ не менѣе вмѣстѣ съ князьями „самовластцами“ въ ихъ удѣлахъ по старинѣ дѣйствуетъ боярскій совѣтъ. Вокругъ каждаго князя стоятъ его бояре, готовые помочь ему совѣтомъ и ратною силою. Въ малолѣтство князя Дмитрія Донского только усердіе и разумъ преданныхъ ему бояръ удержали первенство за Московскими князьями въ сѣверо-восточной Руси. Немногимъ позднѣе открытая измѣна нижегородскихъ бояръ погубила Нижегородскаго князя Бориса и отдала Нижній Москвѣ. Въ рѣшительную минуту борьбы эти бояре сочли себя въ правѣ сказать своему господину, что они его оставляютъ: „господине княже, не надѣйся на насъ: уже бо есмы отнынѣ не твои, и нѣсть есмя съ тобою, но на тя есмы“ [1]). Какъ въ далекую Кіевскую пору, такъ и теперь, вольные княжескіе слуги не задумались воспользоваться своею волею въ ущербъ государю князю и оставили его на погибель. Вотчинное полновластіе князей не могло пока уничтожить первобытныхъ вольностей боярства, сильнаго не одною традиціей, но и матеріальными средствами. Обладая обширными землями, „боярщинами“, имѣя у себя свои „дворы“ съ цѣлыми „воинствами“ слугъ и холоповъ, бояре были общественною силою, съ которою князья должны были считаться. И какъ встарину, такъ и въ удѣльную пору общественное мнѣніе почитало боярское содѣйствіе и боярскій совѣтъ необходимымъ условіемъ доброй княжеской политики. Князья должны „любити мудрыхъ совѣтниковъ своихъ, яко свои уды“; князья „сами едини безъ искуснѣйшихъ старцевъ всякаго земскаго правленія да не самочинствуютъ“. Такъ говорила тогдашняя письменность [2]). Впрочемъ житейскія условія и самихъ князей въ ихъ удѣлахъ пріучали, не „самочинствуя“, править съ постояннымъ боярскимъ участіемъ. Нѣтъ возможности точно опредѣлить нормальный составъ удѣльныхъ княжескихъ совѣтовъ; но нельзя сомнѣваться, что эти совѣты были ежедневнымъ органомъ княжескаго управленія. „Обычнаго градцкаго ради управленія“ совѣтники князя по утрамъ ежедневно сбирались на его удѣльномъ „дворѣ“ совершенно такъ же, какъ когда-то, въ Кіевскую пору, ежедневно съѣзжалась къ старымъ Кіевскимъ князьямъ ихъ старшая дружина.

[1]) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. XI, стр. 148.

[2]) „Сказанія князя А. М. Курбскаго“, изд. 3-е, стр. 37; Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. XI, стр. 211.

Такимъ образомъ на всемъ пространствѣ русской исторической жизни, вплоть до образованія Московскаго царства, боярскій совѣтъ соправительствовалъ съ княземъ, представляя собою житейски неизбѣжное, бытовое условіе княжескаго управленія. Ростъ княжескаго авторитета въ сѣверной Руси, обратившій князей въ вотчинныхъ обладателей ихъ удѣловъ, не умалилъ бытового значенія боярской думы въ удѣльныхъ княжествахъ. Однако между княжескимъ полновластіемъ и обязательностью для князей боярскаго соправительства лежало внутреннее противорѣчіе. Удѣльный бытъ его терпѣлъ. Съ нарожденіемъ же Московскаго единодержавія это противорѣчіе должно было вскрыться и найти себѣ то или другое разрѣшеніе.

II.

Конецъ XV и начало XVI-го вѣка въ исторіи русской жизни имѣютъ особо важное значеніе. Въ это время, въ нѣсколько десятилѣтій, создалось могущественное Русское государство и выросли основы національнаго міросозерцанія. Счастливыя пріобрѣтенія великихъ князей Ивана III и Василія III въ нѣсколько разъ увеличили территорію Московскаго княжества и соединили подъ одною властью огромныя пространства Руси „Новогородской“ и „Низовской“. Московскій князь, дотолѣ окруженный себѣ подобными русскими князьями, съ этихъ поръ сталъ сосѣдомъ „нѣмцевъ“ Свейскихъ и Ливонскихъ, Литвы и татаръ. Самая обстановка политической жизни выдвинула на первый планъ, вмѣсто удѣльныхъ междоусобныхъ счетовъ съ русскими князьями, задачи національныя и международныя. Охрана рубежей и населенія отъ иноплеменнаго и иновѣрнаго врага сдѣлалась первою заботою Московскаго государя. Освобожденіе отъ татарскаго верховенства представлялось необходимостью и далось легко. Изъ ханскаго данника Московскій князь силою вещей превратился въ „вольнаго царя“. Онъ становился не только „царемъ русскимъ“, но и царемъ „всего православія“, ибо къ концу XV столѣтія во всемъ православномъ мірѣ не стало иной самостоятельной политической власти. Всѣ „царства“ православнаго Востока пали подъ Турецкою грозою; стояло и цвѣло одно лишь Московское царство.

Два послѣдствія проистекали, между прочимъ, изъ столь быстрыхъ политическихъ успѣховъ Москвы. Во-первыхъ, власть Московскаго князя получила новый характеръ. Во-вторыхъ, создались новыя формы дѣйствія этой власти.

Ростъ внѣшнихъ силъ Московскаго княжества поднималъ международное значеніе Московскаго князя. Почувствовавъ себя единымъ главою и защитникомъ всего великорусскаго племени, Московскій князь сталъ считать себя единымъ національнымъ государемъ и въ сношеніяхъ съ Литвою заявлялъ свои притязанія на всѣ Русскія области, бывшія подъ властью Литовской династіи. Выѣзжіе со славянскаго Юга греки и славяне, а за ними и свои, московскіе, писатели внушали Московскимъ князьямъ величавую мысль о томъ, что ихъ значеніе не ограничивается національною сферою, а простирается на всю вселенную, на весь православный міръ. Такимъ образомъ, удѣльный владѣтель XIV вѣка, Московскій князь къ XVI вѣку превращался, въ идеѣ, во вселенскаго властителя, единаго во всей поднебесной православнаго царя, въ чье царство „вся христіанская царства снидошася". Получая оцѣнку своей власти въ такого рода теоріяхъ и фикціяхъ, Московскіе государи въ XVI вѣкѣ естественно должны были склониться къ горделивому самоопредѣленію и привыкли ставить себя на одинъ уровень съ Греческими царями. Съ высоты своего предполагаемаго вселенскаго авторитета они стали смотрѣть и внутрь своего государства. Старинныя формы удѣльнаго общежитія ихъ уже не удовлетворяли. Простота отношеній къ управляемой средѣ уже не соотвѣтствовала важности ихъ новаго вселенскаго сана. Вольности удѣльныхъ слугъ казались нетерпимыми. Не только внѣшніе враги, но и домашніе слуги должны были почувствовать и уразумѣть ростъ царскаго авторитета въ Москвѣ.

Такъ мѣнялся характеръ Московской власти въ пору сложенія Московскаго государства. Быстрота этой перемѣны дѣлала ее очень замѣтною для современниковъ. Тѣ изъ нихъ, кому не нравилось новое настроеніе Московскихъ государей, пробовали роптать, хвалили старину и порицали новшества. Великіе князья недовольныхъ устраняли и наказывали. Но отъ этого недовольство не исчезало: напротивъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе оно росло, ибо имѣло въ обществѣ сильные и цѣпкіе корни. Московская жизнь сложилась такъ, что одновременно возносила

„высокую руку“ Московскихъ князей и ростила вокругъ ихъ трона сильную оппозиціонную знать. Какъ разъ въ пору наибольшихъ успѣховъ Московской династіи, когда Москва собирала подъ свою власть удѣльныя земли, въ Москвѣ сосредоточились въ большомъ числѣ и владѣльцы этихъ земель, удѣльные князья, лишенные своей политической самостоятельности. Московскій государь считалъ ихъ своими подчиненными слугами, которыхъ у него было „не одно сто“. Сами же они помнили свое династическое происхожденіе и на немъ думали строить извѣстныя притязанія. Они считали себя въ правѣ занимать первыя мѣста при дворѣ, въ думѣ и въ войскѣ Московскаго государя. Они почитали себя также „государями“ и на простыхъ бояръ склонны были смотрѣть, какъ на „рабовъ“, недостойныхъ стать на одномъ уровнѣ съ ихъ „великими родами“. По условіямъ времени, государямъ Московскимъ приходилось уступать родословнымъ притязаніямъ княжеской знати. Во всѣхъ служебныхъ назначеніяхъ государи именовали князей на первомъ мѣстѣ и отдѣльно отъ бояръ: „князи и бояре“—обычная формула оффиціальныхъ перечней той эпохи. На почетнѣйшія мѣста и должности обычно назначались князья же—по великой породѣ своей, какъ „обыкли старѣйшая братія на большія мѣста сѣдати“. Такъ какъ нельзя было отрицать родовитость „княжатъ“ и такъ какъ тогда родовитому человѣку обычай вездѣ давалъ первенство, то „княжата“ невозбранно господствовали на вершинахъ московскаго общества, поговаривая, что государь „не жалуетъ породою“, а можетъ жаловать только деньгами и землями.

Внутреннее несоотвѣтствіе между автократическою властью великаго князя и царя и притязаніями родовой княжеской знати, искавшей соправительства съ государемъ, должно было раздражать обѣ стороны. Въ XVI вѣкѣ это раздраженіе привело къ столкновенію царя и знати. Въ юности Іоанна Грознаго бояре-княжата сдѣлали попытку организовать около государя свой совѣтъ („избранную раду“, какъ назвалъ его западно-русскимъ терминомъ князь А. М. Курбскій). Боярскій совѣтъ „снялъ“, было, съ царя всю власть и поставилъ подъ свою опеку молодого Іоанна. Казалось, что Москва шла отъ царскаго самодержавія къ княжеской олигархіи. Однако Грозный, осмотрясь, „сталъ за себя“ и не только разогналъ „раду“, но и совер-

шилъ государственный переворотъ, направленный вообще противъ знати и въ пользу демократическаго самодержавія. Извѣстный подъ именемъ „опричнины“, этотъ переворотъ состоялъ въ томъ, что къ княжеской знати были примѣнены такія мѣры, какія обыкновенно примѣнялись Москвою въ покоренныхъ земляхъ къ наиболѣе опаснымъ врагамъ. Москва всегда выводила изъ покоренныхъ областей господствующіе слои населенія и замѣняла ихъ московскими поселенцами. Это былъ испытанный пріемъ государственной ассимиляціи. Его-то Грозный и примѣнилъ въ опричнинѣ. Онъ забралъ въ особый порядокъ управленія, въ „опричнину“, тѣ области своего государства, которыя обнимали территоріи старыхъ удѣльныхъ княжествъ и въ которыхъ были родовыя вотчины княжатъ-бояръ. Оттуда онъ систематически выселялъ княжатъ на окраины государства и замѣнялъ ихъ своими „опричниками“. Покидая родовыя земли и свою старинную осѣдлость, знать разорялась и должна была растерять свои удѣльныя преданія. Она лишалась такимъ образомъ своихъ матеріальныхъ и политическихъ устоевъ: а частыя казни и гоненія отъ Грознаго довершали ея бѣды, уничтожая однѣ княжескія семьи и запугивая другія. Къ исходу XVI столѣтія политическое значеніе княжеской знати было уничтожено въ корень и власть Московскаго государя получила непререкаемый авторитетъ.

Такъ произошло превращеніе великаго князя удѣльной эпохи въ Московскаго монарха. Изъ князя-вотчинника, татарскаго данника, онъ сталъ сначала „царемъ православія“, усвоилъ себѣ роль защитника и представителя сильнѣйшей православной народности въ ея международныхъ отношеніяхъ. Внѣшніе успѣхи повели за собою и передѣлку внутреннихъ отношеній. Царь православія сталъ самодержавнымъ царемъ для своихъ прямыхъ подданныхъ. Новое положеніе власти должно было, конечно, отразиться и на положеніи ея совѣтниковъ бояръ. Патріархальный боярскій совѣтъ удѣльнаго князя обращался при новыхъ условіяхъ въ „царскій синклитъ“ или въ „царскую палату“, становился государственнымъ совѣтомъ при Московскомъ самодержцѣ.

Вторымъ послѣдствіемъ быстрыхъ политическихъ успѣховъ Москвы было созданіе новыхъ формъ дѣйствія Московской власти. Въ удѣльную пору управленіе князя носило частновладѣльче-

скій характеръ. Называя свое княжество „вотчиною", князь и правилъ имъ, какъ вотчиною. Центромъ управленія былъ „дворъ" князя. „Дворецкій" князя вѣдалъ его земельное хозяйство и челядь; „казначей" хранилъ его денежное богатство, „кузнь" и „рухлядь" (то-есть, золото и серебро, мѣха и ткани). Подъ начальствомъ дворецкаго дѣйствовала особая канцелярія—„дворецъ"; подъ отвѣтственностью казначея находились кладовыя и архивъ—„казна", при которой также существовала канцелярія. Въ этихъ канцеляріяхъ „дьяки" вели необходимое письмоводство и вмѣстѣ съ дворецкимъ и казначеемъ судили судъ по дѣламъ, имъ подсуднымъ. Отдѣльныя отрасли княжескаго домоводства и хозяйственнаго управленія „приказывались" княземъ тому или другому его слугѣ и назывались „путями". По своей конструкціи такая администрація была частно-вотчинною. Но ею исчерпывались и всѣ функціи центральнаго княжескаго управленія. Это и было правительство удѣльнаго типа, вѣдавшее всѣ важнѣйшія дѣла княжества. Въ составъ такого правительства входили и бояре-совѣтники князя. Они или принимали на себя должности въ княжескомъ „дворѣ", „путяхъ" и „казнѣ" и становились „боярами введенными", или же, оставаясь внѣ вотчинной администраціи, служили князю ратную службу и сидѣли его „намѣстниками" по городамъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ они были думцами князя и по его приглашенію являлись къ нему на совѣтъ. Никакихъ опредѣленныхъ юридическихъ очертаній у этого совѣта не замѣтно. Не опредѣляются ни число его членовъ, ни кругъ подлежащихъ ему дѣлъ, ни порядокъ дѣлопроизводства, ни права совѣтниковъ. Мало уловимая „старина" и „пошлина" руководитъ отношеніями въ совѣтѣ. Князь не ограничиваетъ ничѣмъ своей державной воли; слуги вольные князя служатъ ему по свободному желанію и сохраняютъ право отъѣзда отъ одного князя къ другому.

Осложненія внѣшней политики и внутренній ростъ Московскаго государства въ корень измѣнили несложные и нехитрые порядки удѣльнаго управленія. Московское правительство въ XVI вѣкѣ уже не могло довольствоваться „дворцомъ" и „казною" и должно было создать соотвѣтствующія его новымъ нуждамъ и задачамъ учрежденія. По нѣкоторымъ даннымъ можно заключить, какимъ именно способомъ создавались эти новыя учрежденія—„приказы". Осложненіе функцій стараго „дворца" и

старой „казны", нарожденіе въ прежнемъ кругѣ ихъ вѣдомства новыхъ отношеній и заботъ заставляло выдѣлять изъ ихъ вѣдѣнія тѣ или иныя группы дѣлъ и „приказывать" ихъ ссобымъ лицамъ. Устраиваясь въ своихъ „приказахъ", эти лица сосредоточивали свои дѣла и своихъ подчиненныхъ въ особыхъ „избахъ" въ Московскомъ кремлѣ. По роду дѣлъ эти избы и получали названіе „Посольской избы", „Разрядной избы", или „Посольскаго приказа", „Помѣстнаго приказа" и т. д. Во второй половинѣ XVI вѣка въ Москвѣ уже существовалъ цѣлый рядъ приказовъ, осуществлявшихъ собою новые органы только-что возникшаго государственнаго управленія. Съ точки зрѣнія современныхъ теорій и техники, это были весьма неблагоустроенныя учрежденія. Но они для своего времени удовлетворительно дѣлали свое дѣло и быстро превратили частнохозяйственный строй удѣла въ извѣстную систему государственной администраціи.

Одновременно съ перерожденіемъ центральнаго управленія совершалась въ серединѣ XVI вѣка коренная перемѣна въ управленіи областномъ. Въ удѣлахъ княжескихъ волости управлялись, во-первыхъ, въ порядкѣ хозяйственномъ—или самимъ княземъ или ихъ собственниками (боярами и духовенствомъ), причемъ хозяину принадлежало и право суда надъ населеніемъ. Во-вторыхъ, въ нѣкоторыхъ городахъ и волостяхъ князья сажали своихъ „намѣстниковъ", которые „кормились" отъ населенія и управляли имъ, поддерживая порядокъ и отправляя судъ съ помощью своей дворни. Эти архаическія формы администраціи при Іоаннѣ Грозномъ были реформированы. Взамѣнъ намѣстничьяго управленія было вводимо земское самоуправленіе на очень широкихъ началахъ, причемъ, при опредѣленіи его строя, правительство обыкновенно пользовалось издавна существовавшими въ земщинѣ формами самодѣятельности. Для охраны собственно правительственныхъ интересовъ въ областяхъ появились правительственные агенты съ спеціальными полномочіями (воеводы, городовые прикащики и т. п.). Наконецъ, иммунитеты крупныхъ землевладѣльцевъ подверглись вообще ограниченіямъ; мало того—правительство налагало свою руку нетолько на исключительныя права землевладѣльцевъ, но и на самое землевладѣніе. Въ „опричнинѣ" Грознаго было ликвидировано княжеское землевладѣніе съ жившими въ немъ остатками державныхъ правъ владѣтелей-княжатъ. Въ теченіе всего

XVI-го вѣка правительство пыталось бороться съ неудобными для государства сторонами льготнаго церковнаго землевладѣнія, и мысль о возможности секуляризаціи церковныхъ земель жила въ правительственномъ сознаніи. Такимъ образомъ государственный строй быстро созрѣвалъ въ Москвѣ въ новыхъ учрежденіяхъ и порядкахъ, начинавшихъ дѣйствовать какъ на вершинахъ общества, въ центрѣ русскаго общежитія, такъ и въ его глухихъ низахъ, въ волостяхъ и крестьянскихъ мірахъ.

Поставленный въ новыя условія народившагося національно-государственнаго порядка, старинный боярскій совѣтъ Московскаго князя неизбѣжно долженъ былъ примѣниться къ этому порядку и получить иной характеръ. Изъ безформеннаго собранія княжескихъ совѣтниковъ ему предстояло обратиться въ высшее руководящее учрежденіе съ широкимъ вѣдомствомъ. Именно въ такой роли „царскаго синклита" и выступаетъ передъ нами боярская дума XVI вѣка. Вмѣстѣ съ государемъ ведетъ она государственныя реформы и внѣшнюю политику молодого государства, является въ немъ высшимъ судомъ, распоряжается военными силами страны и въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣетъ тенденцію стать даже политическою силою, неудобною для самодержца-князя, а потому и терпитъ существенныя потрясенія и перемѣны въ своемъ составѣ и работѣ.

III.

Сдѣланныя нами историческія справки показали, что, въ соотвѣтствіи съ общимъ ходомъ Московской жизни, боярская дума въ XVI вѣкѣ получила характеръ „царскаго синклита" съ высокими полномочіями и широкимъ вѣдомствомъ. Она была призвана къ роли руководящаго государственнаго учрежденія и вмѣстѣ съ государемъ строила государственный и общественный порядокъ Московской Руси. Взглянемъ ближе на этотъ періодъ дѣятельности думы.

Прежде всего познакомимся съ составомъ думныхъ чиновъ и думныхъ собраній въ XVI вѣкѣ. Во второй половинѣ этого вѣка составъ думныхъ чиновъ установился окончательно. Членами думы почитались всѣ тѣ служилые люди, которымъ были „сказаны", то-есть пожалованы, чины „боярина" или „окольничаго". Бояре и

окольничіе и составляли, по современному выраженію, „боярство думное“, которое, въ силу уже своего сана, входило въ совѣтъ государя. Кромѣ нихъ, однако, государь приглашалъ въ думу и простыхъ служилыхъ людей, „дворянъ“. Уже въ началѣ XVI столѣтія эти приглашенія не составляли случайности; нѣкоторые дворяне постоянно „живутъ у государя съ бояры въ думѣ“ и, такимъ образомъ, составляютъ третій думный чинъ — „дворянъ думныхъ“. Все дѣлопроизводство думы ведутъ дьяки, — конечно, дьяки главные или „большіе“ среди государевыхъ дьяковъ. Во второй половинѣ XVI столѣтія имъ усвоивается названіе „думныхъ дьяковъ“ и, повидимому, опредѣляется ихъ постоянное число — четыре. Такимъ образомъ складывается оффиціальный составъ думы: „бояре“ (собственно бояре и окольничіе) и „думные люди“ (дворяне и дьяки). Кромѣ того, въ старинныхъ спискахъ вмѣстѣ съ боярами и думными людьми упоминаются старшіе придворные чины: конюшій, дворецкій, казначей, оружничій, кравчій, ловчій. Надо думать, что ихъ служебная близость къ государю открывала имъ путь въ думу независимо отъ того, сказаны ли они были въ думные чины, или нѣтъ. Если мы вспомнимъ, что, кромѣ того, великіе князья вводили въ думу своихъ родственниковъ, князей удѣльныхъ, а также приглашали на совѣтъ и митрополита Московскаго, то окончательно опредѣлимъ кругъ лицъ, входившихъ въ государеву думу.

Бывали случаи, когда Московскій государь звалъ на совѣтъ всѣхъ перечисленныхъ лицъ и составлялъ изъ нихъ какъ бы общее собраніе своей думы. Оффиціальная лѣтопись и другіе документы, говоря о такихъ общихъ собраніяхъ, указываютъ обычно, что государь „совѣтовалъ“ или „говорилъ“, или „уложилъ“ о томъ или иномъ дѣлѣ съ „богомольцемъ своимъ“ митрополитомъ и со „всѣми бояры“. Выраженіе „бояре всѣ“ въ дѣловомъ языкѣ того времени пріобрѣтаетъ характеръ термина, точно обозначающаго именно общее собраніе или общее дѣйствіе полнаго состава думы. Между прочимъ, это выраженіе употреблено въ Судебникѣ 1550 года, въ той его статьѣ (98-й), которая предусматриваетъ порядокъ пополненія Судебника новыми законодательными опредѣленіями. Пополненіе должно совершаться не иначе, какъ „съ государева доклада и со всѣхъ бояръ приговору“, то-есть по разсмотрѣніи дѣла въ общемъ собраніи думы. Категоричность этой ссылки на приговоръ „всѣхъ бояръ“

повела проф. В. И. Сергѣевича къ заключенію, что въ данной статьѣ Судебника боярами было проведено „несомнѣнное ограниченіе царской власти“: „царь—только предсѣдатель боярской коллегіи и безъ ея согласія не можетъ издавать новыхъ законовъ“ [1]). Эта мысль, однако, не встрѣтила поддержки у другихъ изслѣдователей. Приговоръ „всѣхъ бояръ“ не знаменуетъ здѣсь ограниченія власти, а свидѣтельствуетъ лишь о томъ важномъ значеніи, какое усваивалось тогда общему собранію боярской думы въ дѣлѣ законодательства.

Въ случаяхъ особой государственной важности составъ общаго собранія думы расширялся. Государь звалъ въ думу не одного митрополита, а всѣхъ тѣхъ церковныхъ „властей“, съ которыми митрополитъ обычно совѣтовалъ о важныхъ церковныхъ дѣлахъ. Получалось соединенное засѣданіе „царскаго синклита“ и „освященнаго собора“. Такъ, „бояре“ и „власти“ въ 1550—1551 годахъ сидѣли совмѣстно на церковно-земскомъ соборѣ и разсуждали объ „исправленіяхъ“ земскихъ и церковныхъ. Судебникъ и Стоглавъ явились результатомъ этого знаменитаго собора. Иногда же къ „синклиту“ и „властямъ“ присоединялась и третья категорія совѣтниковъ — представители сословій, земскій соборъ. Это бывало въ самыя важныя минуты Московской жизни, когда власть хотѣла слышать голосъ „всея земли“ и опереться на приговоръ „всякихъ чиновъ людей Московскаго государства“. Но въ составѣ такихъ расширенныхъ совѣщаній боярская дума не расплывалась и не теряла своей внутренней цѣльности. Царскій „синклитъ“ всегда именуется особо, какъ самостоятельная составная часть всякихъ экстренныхъ совѣщаній.

Такимъ образомъ, существованіе въ XVI вѣкѣ общаго собранія думы, „всѣхъ бояръ“, не подлежитъ сомнѣнію. Нельзя, конечно, ручаться, что въ такомъ собраніи всегда присутствовали всѣ до одного члены боярской думы, носившіе думные чины и записанные въ боярскомъ спискѣ. Значительная ихъ часть по службѣ бывала въ отъѣздахъ: сидѣла на воеводствахъ въ большихъ городахъ, ѣздила въ посольствахъ и т. п. По замѣчанію проф. В. О. Ключевскаго, въ XVI вѣкѣ „около половины думы дѣйствовало ежегодно внѣ столицы“ [2]). Поэтому на собраніяхъ думы „бояре всѣ“ собирались далеко не сполна; тѣмъ не менѣе,

[1]) В. И. Сергѣевичъ, „Русскія юридическія древности“, т. II (изд. 1896 г.), стр. 369.
[2]) В. О. Ключевскій, „Боярская дума древней Руси“, изд. 3-е, стр. 404.

дѣло представлялось такъ, что боярскій синклитъ дѣйствовалъ въ полномъ своемъ составѣ.

Если важнѣйшія дѣла политики и управленія принято было обсуждать общимъ совѣтомъ всѣхъ бояръ, и даже „со властьми", то для дѣлъ меньшей важности или же спеціальныхъ изъ состава думы выдѣлялись особыя комиссіи, иногда очень немноголюднаго состава. Такъ, руководство дипломатическими сношеніями Московскаго государства принадлежало государю „съ бояры"; но, обыкновенно, не вся дума вела переговоры съ иноземными послами, а лишь немногіе бояре и дьяки, назначаемые „быть въ отвѣтѣ съ послы". Четыре—пять человѣкъ, представляя собою все Московское правительство, договаривались съ иностраннымъ посольствомъ, а думѣ съ государемъ принадлежала только санкція достигнутыхъ переговорами результатовъ, или же разрѣшеніе частныхъ затрудненій и недоразумѣній, возникавшихъ въ переговорахъ. Съ отъѣздомъ государя изъ Москвы боярская дума иногда его сопровождала, иногда же оставалась въ столицѣ. Въ послѣднемъ случаѣ государь ввѣрялъ ей текущее управленіе и даже дѣлалъ ей особыя дѣловыя порученія. Такъ, въ 1553 году Іоаннъ Грозный уѣхалъ изъ Москвы на богомолье; „а бояромъ приказалъ государь безъ себя о Казанскомъ дѣлѣ промышляти, да и о кормленіяхъ сидѣти", то-есть заняться устройствомъ только-что завоеваннаго Казанскаго царства и реформою мѣстнаго управленія [1]). Въ данномъ случаѣ дума и безъ государя сохраняла за собою полномочія высшаго законодательнаго органа. Но чаще бывало такъ, что царь бралъ съ собою своихъ думцовъ („а съ государемъ въ походѣ бояре всѣ"), или же давалъ имъ отпускъ въ деревни, пока самъ отсутствовалъ. Тогда въ Москвѣ думы уже не оставалось, а для текущихъ дѣлъ назначалась особая спеціальная комиссія—„Москву вѣдать". Въ ней бывало, обыкновенно, не болѣе десяти лицъ разныхъ думныхъ чиновъ. Они вели все текущее управленіе, давали рѣшенія („чинили указы") по обычнымъ дѣламъ, а дѣла болѣе важныя и отвѣтственныя посылали къ царю „въ походъ". Во время длительныхъ отлучекъ монарха бояре, вѣдавшіе Москву, обращались во временное правительство страны, дѣйствовавшее именемъ государя и думы.

[1]) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. XIII, стр. 523.

Для наблюдателя, привыкшаго къ особенностямъ Московской практики XVI вѣка, не удивительна та легкость, съ какою измѣнялся составъ присутствій государевой думы въ зависимости отъ условій ихъ дѣйствія. Врядъ ли можно отрицать опредѣленность и твердость этого учрежденія только отъ того, что нѣкоторыя дѣла дума вершила въ полномъ составѣ, другія дѣлала въ соединеніи съ иными учрежденіями и лицами, а третьи за всю думу исполняла немногочисленная думская комиссія. Скорѣе можно удивляться тому, что въ XVI вѣкѣ, параллельно съ общимъ собраніемъ думы или, собственно, „думою", при Московскомъ государѣ образовались постоянныя коллегіи сановниковъ, дѣлавшихъ, какъ будто бы, то же самое дѣло, на какое была призвана боярская дума. Эти коллегіи и компаніи извѣстны въ источникахъ подъ названіями „суда бояръ", „ближней думы", „избранной рады". Насколько устойчивы и постоянны были эти образованія, сказать трудно; слишкомъ мало оставили они послѣ себя слѣдовъ въ историческихъ документахъ.

„Судъ бояръ" была боярская коллегія, повидимому, отправлявшая высшій судъ въ государствѣ. Она существовала уже въ первой половинѣ XVI вѣка. Въ 1542 году въ документахъ упоминается „палата, гдѣ бояре судятъ". Въ 1557 году встрѣчаемъ извѣстіе, что эта „палата" или „комната" иначе называлась „набережною малою палатой" и, повидимому, постоянно служила не только для собраній боярскаго суда, но и для отвѣтныхъ комиссій думы, которыя въ этой именно палатѣ вели переговоры съ иностранными послами [1]). Изъ указаній на то, что набережная палата—„малая палата" или „комната", можно вывести заключеніе, что въ ней „судила" не вся дума, а немноголюдная, по составу, коллегія. На особенный составъ судной коллегіи намекаетъ и то обстоятельство, что у нея былъ особый дьякъ. Въ 1566 году „у бояръ въ судѣ" былъ дьякъ Б. И. Сукинъ. Въ 1562 году, когда бояре вмѣстѣ съ государемъ отправились въ большой зимній походъ на Полоцкъ, „въ судѣ у бояръ" состоялъ П. В. Зайцевъ [2]). „Судъ бояръ" XVI вѣка служилъ, такимъ образомъ, предшественникомъ позднѣйшаго

[1]) Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. CXXIX, стр. 40; В. О. Ключевскій, „Боярская дума древней Руси", изд. 3-е, стр. 408.

[2]) Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, т. I, № 192; П. Н. Милюковъ, „Древнѣйшая разрядная книга оффиціальной редакціи (по 1565 г.)". М. 1901, стр. 234.

судебнаго департамента думы — „Расправной палаты“ XVII вѣка. Къ сожалѣнію, нѣтъ возможности собрать объ этомъ судѣ сколько-нибудь обстоятельныя свѣдѣнія. Ясно одно, что его происхожденіе нельзя связывать съ учрежденіемъ опричнины, какъ думали нѣкоторые изслѣдователи. Опричнина учреждена въ 1565 году, а „судъ бояръ“, какъ видимъ, упоминается уже въ 1562 году и ранѣе.

Болѣе имѣется свѣдѣній о такъ называемой „ближней“ или „тайной“ думѣ. Это былъ тѣсный и интимный совѣтъ особо довѣренныхъ людей при государѣ, съ которымъ государь обсуждалъ всякое интересовавшее его дѣло ранѣе, чѣмъ оно поступало въ думу „всѣхъ бояръ“, и независимо отъ того, поступало ли оно вообще въ думу. Составъ ближней думы зависѣлъ всецѣло отъ усмотрѣнія государя. Онъ „пускалъ“ къ себѣ въ думу, кого хотѣлъ,—какъ думныхъ, такъ и недумныхъ людей. Никакихъ формальностей при этомъ не было. Ближняя дума собиралась въ жилыхъ покояхъ государя, по тогдашнимъ выраженіямъ—„въ комнатѣ“, „у постели“, и обсуждала дѣла какъ бы въ частной бесѣдѣ. Однако, участники „ближней“ или „тайной“ думы носили оффиціальный титулъ „ближнихъ“ бояръ, дворянъ и дьяковъ, что считалось за великое отличіе и почетъ. Можно думать, что, несмотря на совершенно частный, интимный характеръ совѣщаній, составъ ближней думы при томъ или другомъ государѣ былъ болѣе или менѣе постояненъ, а потому и званіе „ближняго“ думца бывало не только почетнымъ титуломъ, но и должностью. Отношеніе ближней думы къ думѣ „всѣхъ бояръ“ не было опредѣлено закономъ; житейски же оно складывалось весьма опредѣленно. Московская лѣтопись дважды очень отчетливо открываетъ передъ нами это отношеніе [1]). Когда великій князь Василій III расхворался во время своей богомольной поѣздки по монастырямъ (1533 г.), то ему уже на походѣ пришлось подумать о томъ, какъ устроить свою душу и государство. Онъ призвалъ къ себѣ двухъ ближайшихъ сановниковъ: дворецкаго и „введеннаго“ дьяка. Съ ними втроемъ онъ намѣтилъ, кого именно изъ бояръ надлежитъ пригласить къ составленію духовной грамоты. Когда же ему удалось больному доѣхать до Москвы, то намѣченные три—четыре боярина были призваны въ „ком-

[1]) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. XIII, стр. 410 и слѣд.; стр. 523 и слѣд.

нату", и великій князь „нача думати съ бояры". Это была ближняя дума, которая присутствовала при томъ, какъ государь писалъ „духовную свою грамоту и завѣтъ о управленіи царствія". Сдѣлавъ это дѣло, Василій III соборовался, причастился и тогда, призвавъ своихъ братьевъ, митрополита и всѣхъ бояръ, сталъ говорить князьямъ, святителю и „бояромъ всѣмъ" послѣднюю свою волю. Государство Василій „приказывалъ" своему малолѣтнему сыну Іоанну и призывалъ бояръ къ вѣрности ему, „чтобы мой сынъ учинился на государствѣ государь и чтобы была въ землѣ правда". Такъ шло важное дѣло закрѣпленія власти за малолѣтнимъ государемъ подъ опекою его матери, княгини Елены. Все дѣло было по существу обдумано и оформлено въ интимномъ совѣтѣ въ видѣ личной духовной грамоты великаго князя; „боярамъ же всѣмъ", наравнѣ съ митрополитомъ и государевыми братьями, оно лишь было объявлено къ исполненію. Подобныя же обстоятельства настали въ Москвѣ двадцать лѣтъ спустя (1553 г.), когда преемникъ Василія III Іоаннъ Грозный расхворался и, по примѣру отца, составилъ духовную грамоту въ пользу маленькаго сына, царевича Димитрія. Болѣзнь Іоанна была тяжка, и его дьякъ Иванъ Михайловъ (Висковатый) „воспомянулъ государю о духовной". Царь велѣлъ составить текстъ завѣщанія, „совершить духовную". Когда тѣ лица, которымъ было поручено это дѣло, написали духовную, они „начаша государю говорити о крестномъ цѣлованіи", то-есть совѣтовали немедля же привести къ присягѣ маленькому Димитрію двоюроднаго брата царя Іоанна, удѣльнаго князя Владиміра Андреевича, и всѣхъ бояръ. Нѣтъ сомнѣнія, что „совершали духовную" и совѣтовали закрѣпить ее присягою ближніе думцы государя. Съ нихъ и началось крестное цѣлованіе: восемь ближнихъ бояръ и думныхъ людей присягнуло въ тотъ же день, и притомъ такъ, что прочіе бояре объ этомъ и не знали. Дѣло о передачѣ престола „пеленочнику" (то-есть малюткѣ) Димитрію было рѣшено, стало быть, въ теснѣйшемъ кругѣ интимныхъ совѣтниковъ Іоанна. Когда на другой день въ палатѣ, близкой къ спальнѣ больного царя, ближніе бояре стали приводить ко кресту прочихъ бояръ, среди бояръ начался ропотъ. Ихъ смущало и то, что престолъ переданъ грудному ребенку, и то, что дѣло обставлено для нихъ неясно съ формальной стороны. О „ближнихъ" боярахъ, при-

водившихъ ко кресту прочихъ думцевъ, эти послѣдніе говорили: „Богъ то знаетъ: насъ бояре приводятъ къ цѣлованію, а сами креста не цѣловали". Повидимому у думцевъ возникало даже подозрѣніе въ законности дѣйствій „ближнихъ" бояръ, которые въ отсутствіи государя приводили ихъ къ присягѣ именемъ царя, а сами на глазахъ у думы креста не цѣловали вовсе. Для тѣхъ, кто не считалъ удобнымъ воцареніе грудного младенца, это послужило хорошимъ поводомъ начать смуту. Вотъ къ чему привело слишкомъ пассивное положеніе думы „всѣхъ бояръ" въ важномъ вопросѣ о престолонаслѣдіи. Однако царь и ближняя дума съумѣли настоять на своемъ и сломили сопротивленіе боярства. Въ теченіе нѣскольких дней всѣ бояре присягнули Димитрію. Мало того: когда впослѣдствіи изъ за придворной смуты два князя Лобановыхъ-Ростовскихъ задумали отъѣхать въ Литву и были пойманы (1554 г.), то царь поручилъ судъ надъ ними именно своей „ближней" думѣ. Въ томъ же составѣ, въ какомъ ближніе люди дѣйствовали во время смуты у крестнаго цѣлованія, они вели слѣдствіе надъ бѣглецами. Изъ лѣтописи [1]) узнаемъ, что въ ихъ средѣ было 7 или 8 бояръ, 1 окольничій, 1 думный дворянинъ, 1 казначей и 1 думный дьякъ. Таковъ былъ повидимому постоянный составъ ближней думы въ эти годы царствованія Грознаго. Самодержавная власть Московскихъ государей не стѣснялась дѣйствовать съ интимнымъ кругомъ своихъ надежныхъ друзей и слугъ,—и въ этомъ была вся сила ближней думы. Но въ то же время, какъ замѣтилъ проф. В. О. Ключевскій, государь, прибѣгая къ тайному совѣту ближнихъ людей, „этимъ самымъ косвенно выражалъ свое признаніе думы всѣхъ бояръ, какъ постояннаго и въ извѣстной степени самостоятельнаго государственнаго совѣта" [2]). Онъ бралъ изъ общей думы въ ближнюю лишь тѣ дѣла, которыя или требовали строгой политической тайны, или касались интимной жизни дворца, или же нуждались въ предварительномъ обсужденіи передъ внесеніемъ ихъ въ общую думу. Значеніе „всѣхъ бояръ", какъ государственныхъ совѣтниковъ, этимъ не отрицалось; но сила дѣйствительнаго ихъ вліянія на дѣла, разумѣется, умалялась.

---

[1]) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. XIII, сравн. стр. 238 и 523.
[2]) В. О. Ключевскій, „Боярская дума древней Руси", изд. 3-е, стр. 329.

Существовавшая одновременно и рядомъ съ ближнею думою „избранная рада“ Іоанна Грознаго пользуется большою извѣстностью, но изучена она очень мало. Это была кратковременная политическая коньюнктура. Выше было сказано, какъ она явилась. Изъ нѣдръ княжеской московской аристократіи возникъ кружокъ лицъ съ цѣлью подчинить себѣ волю молодого государя и направить ее согласно съ политическими идеалами и тенденціями княжескаго боярства. Такъ, по крайней мѣрѣ, опредѣлялъ „раду“ самъ Грозный [1]). Онъ смотрѣлъ на членовъ рады, какъ на заговорщиковъ противъ царскаго самодержавія, и опредѣленно указывалъ на княжескія ихъ тенденціи. Но царь нисколько не отожествлялъ „рады“ съ своею думою. Центральнымъ лицомъ зломышленнаго боярскаго кружка считалъ онъ „попа“ Сильвестра, своего бывшаго любимца, не состоявшаго членомъ боярской думы. По представленію Грознаго, это именно Сильвестръ „примирилъ“ къ себѣ многихъ людей, образовалъ изъ нихъ свой кругъ и наполнилъ ими всю администрацію: „ни единыя власти не оставиша, идѣже своя угодники не поставиша“. Одного изъ своихъ единомышленниковъ компанія Сильвестра провела даже въ „синклитію“, то-есть въ царскую думу. По указанію Грознаго, это былъ кн. Дм. Курлятевъ, котораго мы знаемъ въ составѣ ближней царской думы. Изъ всѣхъ приведенныхъ отзывовъ Іоанна мы можемъ заключить, что „рада“ была внѣ думы и представляла собою частный кружокъ временныхъ царскихъ любимцевъ. Князь А. М. Курбскій представляетъ дѣло нѣсколько иначе [2]). Въ своей „Исторіи Іоанна Грознаго“ онъ, какъ и самъ Грозный, называетъ учредителемъ рады священника Сильвестра. Сильвестръ будто-бы привлекъ къ своимъ видамъ митрополита Макарія и другихъ лицъ изъ духовенства. Вмѣстѣ они собрали около царя „совѣтниковъ“, „во старости маститей сущихъ“ и „въ среднемъ вѣку“, „предобрыхъ и храбрыхъ“, и усвоили ихъ царю „въ пріязнь и въ дружбу“ такъ, чтобы ему „безъ ихъ совѣту ничего же устроити или мыслити“. „И нарицались (прибавляетъ Курбскій) тогда оные совѣтницы у него избранная рада“. По этимъ выраженіямъ Курбскаго слѣдуетъ заключить, что рѣчь идетъ объ

[1]) „Сказанія князя А. М. Курбскаго“, изд. 3-е, стр. 163—169.
[2]) „Сказанія князя А. М. Курбскаго“, изд. 3-е, стр. 9—10.

организованномъ совѣтѣ, тѣмъ болѣе, что именно „радѣ“ Курбскій приписываетъ всѣ важнѣйшія государственныя мѣропріятія 50-хъ годовъ XVI-го вѣка. Однако можно считать доказаннымъ, что составъ „рады“ не совпадалъ ни съ составомъ общаго собранія боярской думы, ни съ составомъ ближней думы Грознаго. Стало быть, если вѣрить Курбскому, надо предположить, что Сильвестръ организовалъ какой-то особый кружокъ единомышленниковъ, который дѣйствовалъ мимо думы и, благодаря „пріязни“ государя, очень вліялъ на ходъ государственнаго управленія. Этотъ кружокъ, конечно, держался у дѣлъ лишь до тѣхъ поръ, пока Іоанну угодно было терпѣть его вліяніе.

Таковы были коллегіи и кружки, дѣйствовавшіе въ XVI столѣтіи рядомъ съ думою „всѣхъ бояръ“. Были ли они постоянными или временными, оффиціальными или частными, гласными или тайными, они не упраздняли думы „всѣхъ бояръ“ и не отнимали у нея значенія главнаго государева совѣта и руководящаго органа управленія. Если иногда они какъ бы закрывали собою думу и вторгались въ сферу ея вѣдѣнія, то, съ другой стороны, они служили ей же вспомогательными органами, подготовлявшими для ея санкціи тѣ дѣла, которыя предварительно разрабатывали и обсуждали.

„Избранная рада“ въ несчастную минуту появилась на московскомъ политическомъ горизонтѣ. Въ область государственнаго строительства она внесла элементъ политической интриги и борьбы. Явившись орудіемъ боярско-княжескихъ вожделѣній, направленныхъ не въ пользу Московской династіи, противъ ея единодержавія и самодержавія, „рада“ вызвала бурное противодѣйствіе со стороны Грознаго и увлекла его къ необузданной репрессіи противъ неблагонадежной, „многомятежной“ и „измѣнной“ княжеской знати. Выше указано, какой характеръ и размѣры приняла эта репрессія, ликвидируя въ „опричнинѣ“ крупное землевладѣніе старой московской знати и истребляя въ царской опалѣ цѣликомъ подозрительныя для Грознаго княжескія и боярскія семьи. Развиваясь въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, опричнина захватила въ особый порядокъ управленія добрую половину государства и поставила „опришнинскія“ или „дворовыя“ земли внѣ обычнаго правительственнаго руководства боярской думы. Для думы и думцевъ съ началомъ опричнины наступила эпоха тяжелыхъ перемѣнъ и испытаній.

Лѣтопись говоритъ, что Грозный, учреждая опричнину, „государство же свое Московское, воинство и судъ и управу и всякія дѣла земскія приказалъ вѣдати и дѣлати бояромъ своимъ, которымъ велѣлъ быти въ земскихъ, князю И. Д. Бѣльскому, князю И. Ѳ. Мстиславскому и всѣмъ бояромъ". Такимъ образомъ боярская дума („всѣ бояре", которые „въ земскихъ")— оставлена въ силѣ. Она должна править государствомъ „по старинѣ" и руководить приказной администраціей: царь „всѣмъ приказнымъ людемъ велѣлъ быти по своимъ приказомъ и управу чинити по старинѣ, а о большихъ дѣлехъ приходити къ бояромъ". Дума должна была вершить эти дѣла; „а ратныя каковы будутъ вѣсти или земскія великія дѣла, и бояромъ о тѣхъ дѣлехъ приходити къ государю, и государь съ бояры тѣмъ дѣломъ управу велитъ чинити"[1]). Таковъ исконный, понятный и правильный порядокъ думской дѣятельности. Только онъ предуказанъ не для всего государства, а для того, что осталось „въ земскомъ"; опричнина изъ него ушла. Такъ какъ опричнина захватила добрую половину государственной территоріи, то изъ вѣдѣнія думы оказалась изъятою половина государства, и притомъ центральная, коренная. Для управленія этою коренною частью государства создались особыя учрежденія, параллельныя „земскимъ". Въ опричнинѣ у Грознаго были „особно учинены" всѣ „чины", начиная съ думныхъ и кончая конюхами и стрѣльцами. Тамъ видимъ „бояръ и окольничихъ и дворецкого и казначеевъ и дьяковъ и всякихъ приказныхъ людей". Тамъ были и свои приказы „опришнинскіе" или „дворовые", руководимые дворовыми дьяками: Дворовый разрядъ, Дворовый большой приходъ и т. д. Тамъ должна была образоваться и своя боярская дума. Дѣйствительно, иногда документы говорятъ, что съ государемъ въ походѣ были „бояре изъ опришнины"; надо думать, что они составляли при царѣ не только свиту, но и опричный боярскій совѣтъ (хотя ни одного „приговора" такого опричнинскаго или двороваго совѣта намъ неизвѣстно). Такимъ образомъ земская боярская дума, которая должна была сохранить „по старинѣ" и по государеву указу свое правительственное положеніе, на дѣлѣ его не сохранила: она потеряла изъ своего вѣдомства половину областей и перестала быть единственнымъ руководящимъ

[1]) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. XIII, стр. 394 и слѣд.

органомъ управленія. Въ важныхъ случаяхъ государственной практики, когда Грозный понималъ необходимость правительственнаго единства, онъ предписывалъ боярамъ „обоимъ“, земскимъ и дворовымъ, ссединяться въ одномъ собраніи: „приказалъ государь о рубежахъ (съ Литвою) говорити всѣмъ бояромъ, земскимъ и изъ опришнины;... и бояре обои, земскіе и изъ опришнины, о тѣхъ рубежѣхъ говорили“... (1570 г.). Слѣдствіемъ такого своеобразнаго порядка дѣйствія могло быть, конечно, только паденіе авторитета думы—результатъ, къ которому, вѣроятно, и стремился Іоаннъ. Преслѣдуя знать, онъ добился между прочимъ и того, что среди бояръ „изъ земскихъ“ не осталось къ концу его царствованія ни одного Рюриковича, кромѣ князя Ѳ. М. Троекурова, которымъ Іоанну надо было дорожить, какъ талантливѣйшимъ дипломатомъ.

Въ такомъ состояніи вступала дума въ Смутную эпоху Московскаго государства. Умаленная въ своемъ правительственномъ значеніи, съ разстроеннымъ опалами личнымъ составомъ, дума представляла собою въ сущности разбитое учрежденіе. Но традиціи думы никѣмъ не оспаривались: какъ и ранѣе, она оставалась царскимъ синклитомъ, которому принадлежало руководство всѣмъ механизмомъ государственнаго управленія.

IV.

Смутное время началось съ прекращеніемъ вѣковой Московской династіи. Конецъ царскаго рода можно было чувствовать уже въ послѣдніе дни Грознаго. Іоаннъ, кончая свою жизнь, имѣлъ несчастье знать, что его законный сынъ царевичъ Ѳеодоръ непроченъ по физической немощи, а младшій сынъ Дмитрій сомнителенъ въ своей законности, какъ происшедшій отъ седьмой супруги. Спустя немного лѣтъ по смерти Грознаго сошелъ со сцены Димитрій, умершій въ Угличѣ необычной смертью; царь же Ѳеодоръ, хирѣя, кончалъ свой недолгій вѣкъ бездѣтнымъ. Можно было съ года на годъ ждать царской кончины, а съ нею и „вдовства“ Московскаго престола. Къ этому слѣдовало быть готовымъ не только тѣмъ, кто осмѣливался питать надежду на царскій вѣнецъ, но и тѣмъ, кто вообще не былъ равнодушенъ къ судьбамъ царства. Знать, окружавшая тронъ, дѣлилась тогда на два

опредѣленныхъ круга. Одинъ состоялъ изъ тѣхъ бояръ, которые были выдвинуты впередъ милостями Московскихъ царей XVI вѣка и составляли, чаще всего, ихъ родню по женамъ-царицамъ. Въ центрѣ этого круга дворцовой знати были семьи Романовыхъ и Годуновыхъ. Изъ первыхъ взята была супруга Грознаго Анастасія, изъ вторыхъ—супруга Θеодора Ирина. Второй кругъ бояръ состоялъ изъ представителей родовой княжеской аристократіи, уцѣлѣвшихъ отъ грозъ опричнины. Задавленная и запуганная, разоренная и униженная при Грозномъ, эта княжеская знать однако не забыла своего происхожденія и своихъ обидъ. Ея вожаки, знатнѣйшіе Рюриковичи князья Шуйскіе и знатнѣйшіе Гедиминовичи князья Булгаковы (Голицыны и Куракины), твердо помнили свое „колѣнство" и свою „породу", иначе говоря, свое родовое старшинство и знатность. Оба круга бояръ должны были зорко слѣдить за „государевымъ здравіемъ" царя Θеодора и ждать его кончины, чтобы такъ или иначе повліять на замѣщеніе престола желательнымъ для нихъ лицомъ. Еще при жизни Θеодора стали обнаруживаться интриги и ссоры между боярами, конечною цѣлью которыхъ было стремленіе получить въ свои руки распоряженіе судьбами престола. Когда же Θеодоръ „преселился въ кровы небесные" (1598 г.), въ боярствѣ началась открытая борьба за власть и тронъ, и боярская дума стала свидѣтельницею сложныхъ политическихъ дѣйствій.

Послѣ кончины царя Θеодора боярской думѣ не пришлось занять командующаго положенія въ государствѣ. Первые дни правила царица Ирина, вдова послѣдняго государя, а послѣ ея удаленія въ монастырь дѣло перешло въ руки земскаго собора, которымъ, повидимому, руководилъ патріархъ, а не бояре. Соборъ избралъ въ цари Бориса Годунова, не затянувъ нисколько избирательной процедуры. А затѣмъ править государствомъ сталъ „нареченный" царь Борисъ. Оффиціально дѣло имѣло такой видъ, что печальное междуцарствіе было пережито Москвою мирно и единодушно. Неоффиціально же мы знаемъ, что борьба за власть шла въ это время между Годуновыми и Романовыми, а княжеская знать, разбитая и угнетенная опричниной и послѣдующимъ правленіемъ Годунова, не имѣла еще силъ и средствъ принять участіе въ борьбѣ за престолъ. Побѣдивъ Романовыхъ, Годуновъ мало-по-малу привелъ эту сильную боярскую семью, со

всѣми ея родственниками и кліентами, къ опалѣ и ссылкамъ. Онъ удалилъ своихъ опасныхъ соперниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сильно ослабилъ кругъ дворцовой знати и этимъ очистилъ дорогу къ должностямъ и карьерѣ столь же опаснымъ для него „княжатамъ". Когда явился самозванецъ, и началась война съ нимъ, то во главѣ московскихъ войскъ Борисъ поставилъ именно княжатъ. Они разбили самозванца, ибо въ него не вѣрили. Но когда Борисъ умеръ, и князья Шуйскіе съ Голицыными взвѣсили всѣ политическія обстоятельства того момента, они рѣшили устранить Годуновыхъ, потерявшихъ со смертью Бориса всякую силу. Сына Годунова они свергли съ престола и убили, дѣйствуя во имя ложнаго „царя Димитрія", а этого послѣдняго они думали не допустить до Москвы воинскою силою. Однако войска, повѣривъ въ истинность Димитрія, привели его въ Москву. Тогда княжата, переждавъ необходимое время и собравшись съ силами, свергли съ престола самозванца и умертвили его (1606 г.). Этотъ переворотъ сдѣлалъ княжатъ господами политическаго положенія, такъ какъ дворцовая знать съ паденіемъ Романовыхъ и Годуновыхъ сходила съ политической сцены. Княжата поставили на Московскій престолъ родовитѣйшаго человѣка изъ своей среды князя Василія Ивановича Шуйскаго. Ни земскій соборъ, ни „бояре всѣ", ни патріархъ не приняли участія въ этомъ дѣлѣ „самоизвольнаго" воцаренія Шуйскаго. Оно было сдѣлано политическою партіей. Нельзя поэтому удивляться той быстротѣ, съ которою распространилось повсюду недовольство Шуйскимъ и его княжеско-боярскимъ правительствомъ. Бурное развитіе общественной смуты повело страну къ кровавому междоусобію; междоусобіе вызвало иноземное вмѣшательство въ московскія дѣла. Лѣтомъ 1610 года царь Василій Шуйскій потерялъ послѣднихъ приверженцевъ и былъ сведенъ съ царства московскою толпою, которая неизвѣстно кѣмъ была собрана на мятежное вѣче. Взамѣнъ царской власти въ Москвѣ стала дѣйствовать временная боярская.

До этой минуты во всемъ ходѣ смуты боярская дума, какъ учрежденіе, не играла замѣтной роли. Одинаково и при Годуновѣ, и при Шуйскомъ, бояре обычнымъ порядкомъ сидѣли надъ дѣлами внѣшней политики и внутренняго управленія. Въ сферѣ послѣдняго ихъ особенно занималъ вопросъ о регулировкѣ отношеній между рабочей массой и землевладѣльцами, ея „госуда-

рями", объ укрѣпленіи крестьянъ и холоповъ, объ ихъ регистраціи, о предупрежденіи побѣговъ, возвращеніи бѣглыхъ и т. п. На этой почвѣ росло народное недовольство, ею питалась смута, ее казалось необходимымъ оздоровить. Въ этой дѣловой сферѣ бояре не сходили съ точекъ зрѣнія того сословія, къ которому принадлежали, и стремились прежде всего оградить интересы земельно-служилыхъ классовъ общества. Но въ ихъ думской работѣ не видно никакихъ слѣдовъ „политики" въ спеціальномъ смыслѣ этого слова. Борьба политическихъ круговъ и партій за власть и вѣнецъ шла не черезъ думу, совершалась въ сторонѣ отъ нея и отражалась на думскихъ отношеніяхъ лишь косвенно и случайно, дѣля бояръ на враждебные кружки, усиливая личное вліяніе однихъ, принижая другихъ. Перевороты, потрясавшіе тогда государственную жизнь, производились не думою, безъ ея вѣдома и участія. Думѣ предоставлялось лишь признавать то, что произошло, и служить тому, кто превозмогъ въ борьбѣ. Но послѣ сверженія Шуйскаго дѣло стало иначе. Никто не спѣшилъ занять освободившійся престолъ: хотя, можетъ быть, и тогда были „желатели царства", но они не обладали ни смѣлостью, ни силою. Земскаго собора налицо въ Москвѣ не было и собрать его изъ областей, охваченныхъ смутою, было не легко. Оставалось боярской думѣ взять на себя заботы объ избраніи государя и принять временное управленіе государствомъ. И дума впервые выступила въ роли временнаго правительства Москвы—„приняла Московское государство, пока Богъ дастъ государя".

Боярской думѣ („князю Ѳ. И. Мстиславскому съ товарищи", по тогдашнему выраженію) всею Москвою была принесена присяга, чтобы слушать бояръ и судъ ихъ любить. Наскоро собравъ бывшихъ въ Москвѣ случайныхъ представителей областей и изъ нихъ составивъ земскій соборъ, дума съ соборомъ повела дѣло къ тому, чтобы пригласить на Московскій престолъ Польскаго королевича Владислава. Были завязаны сношенія съ начальникомъ польскихъ войскъ, подошедшихъ къ Москвѣ, съ гетманомъ Ст. Жолкевскимъ. Дума предъявила Жолкевскому условія избранія Владислава и, когда гетманъ ихъ принялъ, то привела Москву къ присягѣ Владиславу, а затѣмъ вступила въ въ переговоры съ королемъ Сигизмундомъ о скорѣйшемъ пріѣздѣ королевскаго сына Владислава на его новое царство. Отъ лица

думы, патріарха и „всея земли“, то-есть земскаго собора, къ королю было послано „великое“ посольство. Извѣстно, что король пожелалъ самъ воцариться въ Москвѣ и потому Владислава въ Москву не отпустилъ, а понемногу сталъ прибирать московскія дѣла въ свои руки. Боярская дума не смогла или не хотѣла прямо стать противъ плановъ Сигизмунда и мало-по-малу обратилась въ послушное орудіе королевской политики. Появившіеся вь Москвѣ агенты короля, опираясь на польско-литовскія войска, стали править дѣлами отъ имени думы, а бояре, по ихъ словамъ, „въ то время живы не были“. Начальникъ польско-литовскаго гарнизона въ Москвѣ, Гонсѣвскій „переималъ всякія дѣла на себя“: приходилъ въ думу, садилъ послѣ себя своихъ совѣтниковъ, не принадлежащихъ къ настоящему составу думы, и съ ними одними вершилъ всѣ дѣла; „а намъ и не слыхать (говорили ему потомъ бояре), что ты съ своими совѣтниками говоришь и переговариваешь“. Правительственная власть думы выродилась въ постыдный плѣнъ. Когда вся Русь возстала противъ Сигизмунда, и земскія ополченія осадили въ Москвѣ королевскій гарнизонъ, бояре-думцы сидѣли неволею въ осадѣ, вмѣстѣ съ ляхами и русскими „измѣнниками“. Поэтому, когда Москва была взята ополченіемъ князей Дм. М. Пожарскаго и Дм. Т. Трубецкаго, бояръ не стали пускать въ думу и выслали вонъ изъ Москвы въ деревни, какъ измѣнниковъ народному дѣлу. Есть данныя думать, что бояре получили амнистію лишь на Пасхѣ 1613 года, когда „до нихъ милость царская возсіяла“ уже отъ новаго Государя Михаила Θеодоровича.

Такъ неудаченъ оказался опытъ боярскаго правительства. Неосновательно было бы впрочемъ и ожидать его успѣха. Во-первыхъ, обстоятельства той минуты были чрезвычайно сложны и неблагопріятны для бояръ. Принимая власть, они желали дать ей опору въ земскомъ соборѣ, но не могли собрать этого собора такъ, какъ бы хотѣли, ибо смута не позволила съѣхаться въ Москву выборнымъ отъ городовъ. Къ услугамъ бояръ не было и военной силы, кромѣ иноземнаго войска. Допустивъ же чужое войско въ Москву, бояре стали его плѣнными, а не его начальниками. Такимъ образомъ, „принявъ государство“, дума не имѣла силы его держать. Во-вторыхъ, въ самомъ устройствѣ и традиціяхъ думы не было условій, необходимыхъ для того, чтобы сдѣлать это учрежденіе способнымъ „принять государ-

ство“, стать правительствомъ. Въ своемъ полномъ составѣ дума была только пассивнымъ совѣтомъ государя, органомъ совѣщательнымъ. Какъ только надо было дѣйствовать, государь или сама дума изъ состава „бояръ всѣхъ“ выдѣляли ту или иную распорядительную или исполнительную комиссію. Принявъ временно, въ цѣломъ своемъ составѣ, верховную власть, дума оказалась въ несвойственной ей роли активнаго повелителя и распорядителя. Для этой роли собраніе „всѣхъ бояръ“ было непривычно и неприспособлено. Правда, современники говорятъ, что на дѣлѣ во главѣ правительства стали не всѣ бояре, а „пріяша власть государства Русскаго седмь московскихъ бояриновъ“. Но справки въ документахъ удостовѣряютъ, что эти семь бояръ не составляли собою особой распорядительной коллегіи, а силою вещей были общимъ собраніемъ думы, малочисленность котораго обусловлена простыми случайностями. Въ своемъ большинствѣ московскіе бояре въ ту минуту или были внѣ Москвы, или стали уже жертвами смутъ. Событія шли такъ быстро, что боярская дума просто не успѣла приспособиться къ своей новой роли, какъ уже выпустила власть изъ рукъ. Современникъ ядовито замѣтилъ, что „седмочисленные бояре“ вовсе не правили и только два мѣсяца наслаждались властью, а затѣмъ „всю власть Русскія земли предаша въ руцѣ литовскихъ воеводъ“.

Во всякомъ случаѣ время „Московскаго разоренья“ (1610—1612 гг.) было роковымъ для боярской думы. Она оказалась неспособною управить дѣла государства; она навлекла на себя обвиненіе въ измѣнѣ и въ служеніи врагу Руси—Сигизмунду. По освобожденіи Москвы, въ концѣ 1612 года, старая дума была замѣнена новымъ совѣтомъ соратниковъ и сотрудниковъ князей Пожарскаго и Трубецкаго; эти „начальники“ временно и управляли дѣлами, а старыхъ бояръ, „которые на Москвѣ сидѣли“, въ думу „начальниковъ“ не припускали, а „писали о нихъ въ городы ко всякимъ людемъ: пускать ихъ въ думу, или нѣтъ?“ Такъ старую думу подвергли суду всей земли, и судъ былъ суровъ: бояръ удалили изъ Москвы. Они въ Москвѣ не были до тѣхъ поръ, пока 7 февраля 1613 года земскій соборъ безъ нихъ избралъ въ цари М. Ѳ. Романова. Чтобы закрѣпить это избраніе своимъ согласіемъ, бояре были возвращены въ столицу 21 февраля; амнистію же они получили только на „Ве-

ликъ день", въ апрѣлѣ 1613 года. Съ этихъ поръ попрежнему „князь Ѳ. И. Мстиславскій съ товарищи" сталъ во главѣ „бояръ всѣхъ".

Такимъ образомъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ при вступленіи на царство встрѣтилъ у своего престола двѣ группы совѣтниковъ: старыхъ бояръ, совершенно скомпрометированныхъ, и „начальниковъ" земскаго ополченія, временно державшихъ совѣтъ при князьяхъ Пожарскомъ и Трубецкомъ. Боярской думы, какъ верховнаго учрежденія безгосударной страны, уже совсѣмъ не существовало, такъ какъ измѣнная, послушная королю Сигизмунду боярская дума была сметена событіями и уступила мѣсто властямъ земской рати. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что нуждавшіеся въ амнистіи и пощадѣ бояре не могли ставить царю Михаилу никакихъ условій и не имѣли ни возможности, ни случая взять съ него какое-бы то ни было обязательство. Преданіе о томъ, что царь Михаилъ правилъ на условіяхъ и съ обязательствами, не можетъ относиться къ тогдашней боярской думѣ. Не дума тогда указывала основанія будущаго правопорядка, а самое думу надобно было поднять изъ праха и поставить выше упрековъ въ измѣнѣ народу и вѣрѣ [1]).

V.

Можно прослѣдить по документамъ, какъ царь Михаилъ полнилъ свою боярскую думу. Въ ней продолжали числиться старые бояре „великихъ родовъ", которыми обыкновенно наполняли думу въ XVI столѣтіи. Но эти „великіе роды" были развѣяны бурями Смутнаго времени. Одна за другою вымирали въ XVII вѣкѣ княжескія фамиліи Мстиславскихъ, Шуйскихъ, Воротынскихъ и др. Временно, до исхода XVII вѣка, скрылись въ безвѣстности опальные князья Голицыны и Куракины. Измельчали вѣтви уцѣлѣвшихъ Годуновыхъ и Сабуровыхъ. Уцѣлѣвшіе Романовы изъ бояръ стали царскимъ родомъ. Словомъ, не осталось старой знати, какъ цѣльнаго и опредѣленнаго круга лицъ,

[1]) См. С. Ѳ. Платоновъ „Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв." (СПБ. 1899 г.) и его же „Московское правительство при первыхъ Романовыхъ" (въ Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія, 1906 г., декабрь).

окружавшаго старую династію. Однако, по старому преданію, представителей этого вѣкового боярскаго круга царь Михаилъ попрежнему возводитъ въ бояре. Въ его думѣ видимъ вновь пожалованныхъ: кн. Одоевскаго, кн. Репнина, Шереметевыхъ, Морозовыхъ и многихъ другихъ, имъ подобныхъ. Но они уже меньшинство. Съ самаго начала,—можно сказать, съ первыхъ дней своей власти,—царь Михаилъ жалуетъ въ думу свою родню независимо отъ ея знатности. Князья Сицкіе, Троекуровъ и Лыковъ, дворяне Салтыковы и Стрѣшневы—попадаютъ въ думу именно какъ родичи и свойственники новаго государя. Наконецъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ шире открывается дорога въ думу людямъ не знатнымъ, но способнымъ и заслуженнымъ. Первый рѣзкій тому примѣръ представляетъ назначеніе въ думные дворяне знаменитаго „мясника“ Козьмы Минина. За нимъ слѣдуютъ, напримѣръ, дьяки Томило Луговскій и Иванъ Грамотинъ, замѣчательные приказные дѣльцы той эпохи, удостоенные званія думныхъ дворянъ.

Практика Михаилова царствованія укрѣпилась при его преемникахъ: въ теченіе всего XVII вѣка въ думные чины жаловали людей или по ихъ „великой породѣ“, или по житейской близости къ государю, или по личной выслугѣ. Аристократически-сословный характеръ прежней думы исчезаетъ въ XVII вѣкѣ и, чѣмъ далѣе идетъ время, тѣмъ яснѣе и яснѣе дѣлается ея бюрократическій складъ. Ходъ Московской исторіи въ XVI вѣкѣ ставилъ на очередь вопросы объ отношеніяхъ власти великаго князя къ вольностямъ его свободныхъ слугъ и удѣльнымъ правамъ его служилыхъ князей. Самое существо только что создавшейся единодержавной власти подвергалось спорамъ и подлежало опредѣленію. Боярская дума пріобрѣтала поэтому характеръ политической арены, гдѣ иногда вспыхивали споры и обострялись отношенія государя и знати. Въ XVII вѣкѣ не было уже ничего подобнаго. Царская власть единая, національная и крѣпкая, не только никѣмъ не оспаривалась, но, напротивъ, составляла послѣ Смутнаго времени предметъ общаго желанія и сочувствія, какъ лучшая защита отъ внутреннихъ московскихъ смутъ и чужихъ иноземныхъ покушеній. Созданная этою властью дума была ея послушнымъ органомъ и не представляла собою никакой опредѣленной сословной среды и никакихъ оппозиціонныхъ вожделѣній. Она помогала государю упра-

влять, но уже ни мало не связывала его. Въ XVII вѣкѣ, по словамъ извѣстнаго эмигранта Котошихина, царь Алексѣй „какія великія и малыя своего государства дѣла похочетъ по своей мысли учинити, —съ бояры и съ думными людми спрашивается о томъ мало; въ его волѣ: что хочетъ, то учинити можетъ". Однако необходимость въ руководящемъ и созидающемъ органѣ верховнаго управленія была тогда такъ велика и сильна, что дѣятельность боярской думы нисколько не ослабѣла сравнительно съ XVI вѣкомъ. Напротивъ, проигравъ въ предѣлахъ своего политическаго вліянія, дума въ области законодательства и управленія заняла еще болѣе опредѣленную и крѣпкую позицію. На пространствѣ XVII вѣка изъ неоформленнаго совѣта „бояръ всѣхъ" при государѣ она обнаружила тенденцію обратиться въ рядъ присутствій, дѣйствовавшихъ каждое по своей спеціальности постоянно и независимо отъ того, бывалъ ли въ нихъ лично государь, или нѣтъ.

Чиновный составъ боярской думы въ XVII вѣкѣ остался такимъ же, какимъ былъ въ XVI вѣкѣ. Въ думѣ сидѣли „бояре" и „думные люди". Подъ общимъ именемъ „бояръ" разумѣли собственно „бояръ" и „окольничихъ". По старому обычаю, люди наиболѣе родовитые „сказывались" прямо въ бояре, минуя окольничество (напримѣръ князья Одоевскіе, князья Голицыны). Другіе начинали съ чина окольничаго съ тѣмъ, чтобы перейти затѣмъ въ бояре. Третьи оставались окольничими весь свой вѣкъ, не поднимаясь до боярства. Старинный порядокъ, по которому въ боярскіе чины производили людей изъ старшихъ придворныхъ чиновъ, уже не строго соблюдался послѣ Смутнаго времени. Въ XVII вѣкѣ боярство становилось доступно не только придворнымъ, но и приказнымъ людямъ. Нѣсколько дьяковъ, выдавшихся по способностямъ въ приказной службѣ, прошло въ думу сначала въ должностяхъ думныхъ дьяковъ, а затѣмъ было произведено въ окольничіе (таковы Гавреневъ, Ѳ. Елизаровъ, Заборовскій). Въ окольничіе, а иногда и въ бояре, проходили въ XVII вѣкѣ и простые дворяне, не служившіе придворныхъ службъ. Таковы, напримѣръ, знаменитые любимцы царя Алексѣя Михайловича Ординъ-Нащокинъ и Матвѣевъ; таковы и многіе другіе правительственные дѣятели XVII столѣтія. Оставшись удѣломъ вѣковой знати, по ея „великой породѣ", боярство понемногу стало служебнымъ отличіемъ и для

простыхъ служакъ, наградою личнаго усердія и талантовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ выросло и число лицъ, жалуемыхъ боярскими чинами. При старой династіи бояръ и окольничихъ бывало два-три десятка. Въ первой половинѣ XVII вѣка видимъ почти такія же цифры; но къ 1682 году было уже 67 бояръ и 57 окольничихъ. Совершенно также возрастало и число „думныхъ людей". Думные дворяне въ XVI вѣкѣ считались единицами. Во второй же половинѣ XVII вѣка ихъ были уже десятки (38 – въ 1682 году). Число думныхъ дьяковъ долго держалось неизмѣннымъ. Въ XVI вѣкѣ ихъ было четыре; они стояли во главѣ главнѣйшихъ московскихъ приказовъ (Посольскаго, Разряднаго, Помѣстнаго и Казанскаго дворца) и были какъ бы секретарями думы, ведя дѣлопроизводство думы посредствомъ своихъ приказныхъ канцелярій. Дѣло имѣло такой видъ, какъ будто бы дума, не располагая особою канцеляріею, пользовалась приказами, какъ отдѣленіями своей канцеляріи. Когда въ XVII вѣкѣ Казанскій дворецъ (вѣдавшій Поволжье) былъ переданъ въ управленіе не дьяку, а довѣренному боярину, то думныхъ дьяковъ временно стало трое. Но затѣмъ мы видимъ, вмѣсто одного двухъ думныхъ дьяковъ въ Разрядномъ приказѣ. А затѣмъ число думныхъ дьяковъ начинаетъ рости и къ концу вѣка доходитъ уже до 14-ти. Какъ представители крупныхъ вѣдомствъ, думные дьяки играли въ думѣ весьма вліятельную роль. Они были и членами совѣщаній, и дѣлопроизводителями думы. Съ увеличеніемъ же числа думныхъ дьяковъ, весьма вѣроятно, эта должность превратилась въ почетное званіе, даваемое за отличіе.

Какъ и въ XVI столѣтіи, при первыхъ государяхъ новой династіи, дума дѣйствовала не всегда въ одинаковомъ составѣ. Попрежнему существовали „отвѣтныя" комиссіи, и не всѣ бояре бывали въ „отвѣтахъ" для дипломатическихъ переговоровъ съ иноземными послами. Попрежнему бояре безъ государя „Москву вѣдали", въ маломъ числѣ представляя собою все правительство въ сферѣ текущаго управленія. Какъ ранѣе, „бояре всѣ" входили въ составъ земскихъ соборовъ, представляя въ ряду многихъ группъ соборныхъ участниковъ особую группу – синклитъ. Этотъ синклитъ вмѣстѣ со „властьми" духовными обратился на земскомъ соборѣ 1648 – 1649 г.г. даже въ отдѣльную верхнюю палату, которой вмѣстѣ съ государемъ принадлежало окончательное разсмотрѣніе законодательныхъ проектовъ и

послѣдняя редакція кодекса, „соборнаго уложенія", разсмотрѣннаго соборомъ. Когда правительство царя Алексѣя Михайловича прекратило обычай созывать земскіе соборы и пробовало замѣнять ихъ односословными комиссіями свѣдущихъ людей, то государевы бояре вмѣстѣ съ земскими экспертами не разъ совмѣстно обсуждали дѣла. Такъ, въ 1660—1663 г.г. шли совѣщанія бояръ съ гостями и тяглыми людьми г. Москвы по поводу денежнаго и хлѣбнаго кризиса. Въ 1681—1682 г.г. односословныя комиссіи земскихъ представителей работали въ Москвѣ: служилая—надъ вопросами военной организаціи, тяглая—надъ вопросами податного обложенія. И вотъ однажды члены служилой комиссіи вмѣстѣ съ государемъ, думою и духовными „властьми" составили общее засѣданіе для торжественной отмѣны вѣкового обычая „мѣстничества". Такъ легко государева дума входила въ разнообразныя дѣловыя соединенія съ тѣми или иными элементами земскаго представительства. Что же касается до совмѣстныхъ собраній синклита съ освященнымъ соборомъ, бояръ съ властями, то эти собранія были весьма обычнымъ явленіемъ практики XVII вѣка. Надлежитъ, для примѣра, вспомнить, что первый приступъ къ работамъ надъ Уложеніемъ 1649 года былъ рѣшенъ на такомъ именно „соборѣ" бояръ и властей 16 іюля 1648 года.

Болѣе спокойное и, если можно такъ выразиться, болѣе государственное настроеніе государей Московскихъ XVII вѣка дѣлало уже невозможными „опришнинскія" затѣи Іоанна Грознаго. А паденіе княжеской знати послѣ опричнины и смуты избавляло власть отъ повторенія олигархической „избранной рады" Грознаго. Въ XVII вѣкѣ уже не видно ничего подобнаго. Царь Алексѣй спокойно и величаво характеризуетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ свое отношеніе къ боярамъ и предустановленную роль бояръ въ царствѣ. Богъ „даровалъ намъ, великому государю (говоритъ онъ), и вамъ, боляромъ, съ нами единодушно люди Его, Свѣтовы, разсудити въ правду, всѣмъ равно" [1]). Борьба за власть между удѣльнымъ государемъ и его вольными слугами была закончена въ ужасахъ опричнины. Самый удѣлъ замѣнился государствомъ. Царь и бояре доросли до со-

[1]) „Письма царя Алексѣя Михайловича", изд. П. И. Бартеневымъ (М. 1858), стр. 225 и 232.

знанія, что должны „единодушно“ дѣлать великое „государево и земское дѣло“. Однако же и при новыхъ условіяхъ дѣятельности не исчезла прежняя „ближняя“ дума. Какъ въ XVI столѣтіи, такъ и въ XVII-мъ, „ближніе“ бояре окружаютъ государя въ качествѣ его ближайшихъ совѣтниковъ, „тайныя думы“ думцевъ. Равнымъ образомъ существуетъ и „судъ бояръ“ въ XVII вѣкѣ, въ видѣ разныхъ судебно-слѣдственныхъ боярскихъ комиссій, столь же мало опредѣленныхъ, какъ и ранѣе. Только къ исходу XVII вѣка этотъ судъ получаетъ ясный обликъ постоянной „Расправной палаты“.

Указанія на ближнюю думу идутъ отъ времени какъ Михаила Ѳеодоровича, такъ и Алексѣя Михайловича. Сохранилась любопытная дѣловая переписка царя Михаила съ его отцомъ патріархомъ Филаретомъ за тѣ дни, когда они разлучались и кто-либо изъ нихъ покидалъ Москву для богомольнаго „похода“ къ иногороднымъ святынямъ [1]). Сообщая другъ другу о дѣлахъ, царь и патріархъ считали „за обычай“, что наиболѣе важныя и секретныя дѣла и донесенія („отписки“) не сообщаются всѣмъ боярамъ, а довѣряются только ближайшимъ совѣтникамъ. „Тѣ, государь, отписки (пишетъ Михаилъ Ѳеодоровичъ патріарху Филарету) мы слушали и ближнимъ бояромъ чести велѣли, а всѣмъ бояромъ чести не велѣли“. Мысль о томъ, что государь самъ опредѣляетъ, что сообщить и чего не сообщать боярамъ, одинаково раздѣлялась и царемъ и патріархомъ. Оба они одинаково не считали себя связанными совѣтомъ всѣхъ бояръ и свободно прибѣгали къ интимнымъ совѣщаніямъ съ одними ближними людьми. Такъ же поступалъ и царь Алексѣй Михайловичъ. О его обычаѣ Котошихинъ говоритъ: „а какъ царю лучится о чемъ мыслити тайно, и въ той думѣ бываютъ тѣ бояре и окольничіе ближніе, которые пожалованы изъ спальниковъ, или которымъ приказано бываетъ приходити; а иные бояре и окольничіе и думные люди въ тое палату, въ думу и ни для какихъ ни буди дѣлъ, не ходятъ, развѣ царь укажетъ“ [2]). Эта „палата“ ближнихъ людей при царѣ Алексѣѣ получила названіе „комнаты“, а ближніе думцы стали зваться „комнатными“. Повидимому, ихъ было опредѣленное число (въ одномъ

[1]) „Письма русскихъ государей“, изд. Археографической Комиссіи, т. I (М. 1848).
[2]) „О Россіи въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича“, глава II.

случаѣ, въ 1659 году, указано пять), и царь Алексѣй смотрѣлъ на нихъ, какъ на постоянную коллегію. По одному дѣлу онъ писалъ князю Н. И. Одоевскому: „мы, великій государь, указали о томъ говорить бояромъ нашимъ комнатнымъ всѣмъ; а ты, бояринъ нашъ князь Никита Ивановичъ, въ приговорѣ тутъ былъ же; . . . а нынѣ просишь ты новаго приговору". Царь отказалъ въ новомъ приговорѣ своему любимцу, „потому, что нашъ великаго государя указъ на вашъ боярской приговоръ былъ; . . . а прежъ сего наши, великого государя, указы и ваши боярскіе приговоры бывали крѣпки и постоянны" [1]). Изъ этого видно, что ближняя дума дѣйствовала, какъ учрежденіе, особое отъ „всѣхъ бояръ;" ея приговоръ формально обращался въ „государевъ указъ и боярскій приговоръ" и получалъ силу закона „крѣпкаго и постояннаго". Изъ интимнаго и тайнаго совѣта прежняго времени ближняя дума при царѣ Алексѣѣ обратилась какъ бы въ постоянный высшій совѣтъ, носившій на языкѣ современниковъ названіе „палаты", „комнаты". А за ея спиною у царя Алексѣя, по старому московскому обычаю, оказывалась еще и „тайная" дума двухъ-трехъ довѣренныхъ его любимцевъ, даже и не думныхъ по чину людей, съ которыми царь обсуждалъ все, что его интересовало. Своеобразнымъ органомъ этой тайной думы былъ знаменитый „Тайный приказъ" царя Алексѣя, передававшій изъ общаго порядка управленія въ личнсе распоряженіе государя всякое дѣло, какое государю угодно было взять на свое личное попеченіе.

Итакъ, совокупность „всѣхъ бояръ", повидимому, переставала быть и считаться ежедневно-постояннымъ совѣтомъ государя. Роль такого совѣта переходила къ однимъ „комнатнымъ" боярамъ, дума которыхъ при царѣ Алексѣѣ замѣнила „ближнюю думу" прежняго времени. Такое явленіе уже подмѣчено историками права. По поводу его одинъ изслѣдователь замѣчаетъ, что дума, какъ личный совѣтъ государя, начинаетъ выдѣляться изъ боярской думы, какъ постояннаго учрежденія, носящаго государственный характеръ. По словамъ другого ученаго, при царѣ Алексѣѣ „основное назначеніе „всѣхъ бояръ" было, видимо, сидѣть „за служилыми и приказными дѣлами", вершить „чело-

[1]) В. О. Ключевскій, „Боярская дума древней Руси", изд. 3-е, стр. 327; А. П. Барсуковъ, „Родъ Шереметевыхъ", т. IV, стр. 421—423.

битчиковы дѣла“; обсужденіе же „государственныхъ дѣлъ“ сосредоточилось въ комнатной и тайной думахъ: послѣдняя подготовляла рѣшенія царя, а первая составляла тѣ боярскіе приговоры, которые закрѣплялись утвержденіемъ царя“ [1]). Многолюдныя же собранія „всѣхъ бояръ“ стали созываться лишь въ исключительно важныхъ или торжественныхъ случаяхъ московской правительственной практики.

Что касается до „суда бояръ“, то его устройство и функціи въ XVII вѣкѣ столь же неопредѣленны, какъ и ранѣе. Не будетъ, думаемъ, особо смѣлою и неправильною мысль, что при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ постоянная судная коллегія бояръ дѣйствовала подъ именами „приказовъ“: „Приказа сыскныхъ дѣлъ“, „Приказа приказныхъ дѣлъ“, „Приказа, что на сильныхъ бьютъ челомъ“ и т. п. Въ подобныхъ „приказахъ“ сидѣли „большіе“ бояре, родные и близкіе самому государю. Къ нимъ поступали дѣла изъ прочихъ приказовъ, какъ въ высшую инстанцію [2]). Такимъ образомъ эти боярскія коллегіи являлись какъ бы высшими блюстителями правосудія и охранителями права и правды. О дѣятельности боярскихъ „приказовъ“ извѣстно пока такъ мало, что нѣтъ даже возможности сказать, въ какихъ именно годахъ начинали и кончали они свою дѣятельность и въ какихъ взаимныхъ отношеніяхъ находились. Разумѣется, этими приказами не ограничивалась судебная функція боярской думы. Мѣстническія дѣла судили особо къ тому назначаемые бояре; особенно важныя дѣла судила вся дума. Но въ учрежденіи судныхъ боярскихъ „приказовъ“ ясно сказывалась мысль о необходимости созданія твердыхъ формъ высшаго суда и расправы. Эта мысль уже опредѣленно выражена въ Уложеніи царя Алексѣя. Уложеніе (въ главѣ X, ст. 2) предписываетъ „спорныя дѣла, которыхъ въ приказѣхъ за чѣмъ вершити будетъ не мощно, взносити изъ приказовъ въ докладъ къ государю... и къ его государевымъ бояромъ и окольничимъ и думнымъ людемъ; а бояромъ и окольничимъ и думнымъ людемъ сидѣти въ полатѣ и по государеву указу государевы всякія

[1]) А. Н. Филипповъ „Учебникъ исторіи русскаго права“. Часть I (Юрьевъ, 1907), стр. 367—368; И. Я. Гурляндъ, „Приказъ великаго государя тайныхъ дѣлъ“ (Ярославль, 1902), стр. 328—329.

[2]) И. Я. Гурляндъ, „Приказъ великаго государя тайныхъ дѣлъ“, стр. 97—104; его-же статья „Приказъ сыскныхъ дѣлъ“ въ „Сборникѣ въ честь проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова“ (Кіевъ 1904).

дѣла дѣлати всѣмъ вмѣстѣ". Какіе именно думцы должны были сидѣть о спорныхъ дѣлахъ въ этой палатѣ, неизвѣстно. Но нѣтъ сомнѣнія, что это была правильная коллегія, которая имѣла постоянное мѣсто засѣданій и опредѣленный порядокъ слушанія дѣлъ. Въ 1669 году было, напримѣръ, указано точно, въ какіе дни недѣли изъ какихъ приказовъ надлежитъ „къ боярамъ въ Золотую полату дѣла вносить къ слушанію и къ вершенію" [1]). Составъ и порядокъ дѣйствій судно-расправной палаты становится точнѣе извѣстенъ только съ 1681 года [2]). Документы этого года удостовѣряютъ, что князю Н. И. Одоевскому поручено было одновременно и „Москву вѣдать", и вести „расправныя дѣла" съ опредѣленнымъ штатомъ „товарищей" — бояръ, окольничихъ, дворянъ и дьяковъ (всего около 20 лицъ). Коллегія кн. Одоевскаго называлась „Расправною", „Золотою" палатою, „Палатою расправныхъ дѣлъ" и существовала какъ постоянное присутствіе, — мѣняя, впрочемъ, предсѣдателя и членовъ, — до 1694 года. Стоя надъ приказами, она вершила „спорныя дѣла" въ порядкѣ апелляціонномъ и кассаціонномъ, а въ отсутствіе государей изъ Москвы „вѣдала Москву" обычнымъ стариннымъ порядкомъ, обращаясь во временное правительство по дѣламъ текущаго управленія. Такъ создался постоянный департаментъ думы; вмѣстѣ съ „комнатною" думою онъ повидимому упразднилъ всякую надобность въ постоянной совмѣстной работѣ „бояръ всѣхъ" и обратилъ общее собраніе думы въ сравнительно рѣдкую форму правительственныхъ совѣщаній.

VI.

Итакъ, ходъ исторической жизни привелъ боярство и боярскую думу къ распаду. Древняя дума „всѣхъ бояръ" была житейски-неизбѣжнымъ, обязательнымъ для князя-государя совѣтомъ, въ которомъ каждый членъ, „вольный слуга" князя, считалъ за собою „право совѣта" и „право отъѣзда". Дума второй половины XVII вѣка состоитъ изъ чиновниковъ, которые не

[1]) Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, т. I, 1669 г., № 460.

[2]) В. О. Ключевскій, „Боярская дума древней Руси", изд. 3-е, стр. 433 и слѣд.; С. К. Богоявленскій „Расправная палата при боярской думѣ" (въ „Сборникѣ статей, посвященныхъ В. О. Ключевскому". М. 1909, стр. 409 и слѣд.).

помнятъ правъ, а знаютъ только служебныя обязанности, работаютъ въ приказахъ и въ думныхъ комиссіяхъ, а въ общія думныя совѣщанія ходятъ лишь по особому зову, „развѣе государь укажетъ“. Изъ политически-цѣльнаго, иногда оппозиціоннаго, класса боярство превратилось въ бюрократическую среду случайнаго состава. Изъ совѣта, опредѣлявшаго когда-то политику князя, дума превратилась въ простое орудіе управленія.

По обстоятельствамъ московской жизни это орудіе оказалось настолько несовершеннымъ, громоздкимъ и сложнымъ, что затруднило дѣло его наблюденія и изученія. Какъ уже было показано, предъ глазами изслѣдователей, рядомъ съ боярскимъ „синклитомъ“, то-есть общимъ собраніемъ „всѣхъ бояръ“, постоянно возникаютъ иныя комбинаціи лицъ: „бояре въ отвѣтѣ“, „судъ бояръ“, „ближніе бояре“, „тайныя думы думцы“, „комната“, „Расправная палата“, „Золотая палата“ и т. п. Идя за указаніями такихъ и другихъ подобныхъ терминовъ, ученые юристы стараго времени полагали, что боярская дума дѣлилась на департаменты съ опредѣленными спеціальностями. „Это были отдѣленія думы, кажется, постоянныя“, говорилъ, напримѣръ, Ѳ. М. Дмитріевъ: „по всей вѣроятности, отдѣленія завѣдывали различными дѣлами“ [1]). Въ основѣ всѣхъ такихъ предположеній лежала мысль, что боярская дума XVII вѣка была правильнымъ учрежденіемъ въ нашемъ смыслѣ слова, съ опредѣленнымъ внутреннимъ устройствомъ и кругомъ вѣдомства. Послѣдующіе историки думы исправили ошибку предшественниковъ. Н. П. Загоскинъ и В. О. Ключевскій, кромѣ Расправной палаты, иныхъ постоянныхъ „отдѣленій“ думы не нашли. Но и они стали на той же мысли, что дума была твердымъ и опредѣленнымъ учрежденіемъ съ дѣятельностью по преимуществу законодательною и судебною [2]). Бытовая опредѣленность состава „царскаго синклита“; ясные слѣды участія синклита въ законодательствѣ, судѣ, внутреннемъ управленіи и внѣшнихъ сношеніяхъ; наконецъ, точныя указанія современниковъ на важную роль думы въ государственной жизни, — все это удостовѣряло, что „синклитъ“ или „дума“ есть установленіе постоянное. Однако проф.

[1]) Ѳ. М. Дмитріевъ, „Исторія судебныхъ инстанцій“ (М. 1859), стр. 341.

[2]) Н. П. Загоскинъ, „Исторія права Московскаго государства“, т. II, выпускъ 1-й (Казань, 1879); В. О. Ключевскій, „Боярская дума древней Руси“.

В. И. Сергѣевичъ высказалъ нѣсколько иной взглядъ на дѣло [1]). Говоря о „Московской государевой думѣ“, онъ прежде всего и справедливо указалъ на то, что „указовъ, опредѣляющихъ составъ, компетенцію и порядокъ дѣятельности думы, не было издано“, и что „всѣ наши знанія основываются на трудно уловимой практикѣ“. Затѣмъ проф. Сергѣевичъ рѣшительно отдѣлилъ вопросъ о „думѣ государевой“ въ собственномъ смыслѣ этого термина отъ вопроса о „высшемъ судебномъ или правительственномъ учрежденіи, дѣйствующемъ безъ государя въ отведенной для него и болѣе или менѣе самостоятельной сферѣ дѣятельности“. Слѣдя затѣмъ за указаніями „трудно уловимой практики“, проф. Сергѣевичъ пришелъ къ выводу, что „высшее учрежденіе“ первоначально образовалось въ Москвѣ въ 1564—1565 гг., затѣмъ было уничтожено и возникло снова въ серединѣ XVII вѣка. Это была „Расправная палата“ — высшее судебно-правительственное установленіе съ особымъ предсѣдателемъ, съ опредѣленнымъ составомъ членовъ, съ полномочіями и властью, основанными на законѣ. Палату необходимо строго отличать отъ думы государевой, хотя та и другая на старомъ языкѣ опредѣлялись терминомъ „бояре“. Государева дума не учрежденіе, и „думные люди не суть необходимые совѣтники“. Государи правятъ единолично. „Они совѣщаются только въ тѣхъ случаяхъ, когда находятъ это нужнымъ; но совѣщаются они не съ учрежденіемъ, а съ такими думцами, которыхъ пожелаютъ привлечь въ свою думу“. На дѣлѣ государи созываютъ думу не постоянно, а „по мѣрѣ надобности“, и зовутъ въ нее не всѣхъ бояръ, и даже вовсе не бояръ, а кого въ данную минуту пожелаютъ позвать, — людей свѣтскихъ и даже церковныхъ. Дума государева есть совершенно безформенный личный совѣтъ государя, — таковъ конечный выводъ проф. Сергѣевича.

Сильно выраженное и полемически изложенное мнѣніе проф. Сергѣевича открыло собою острую научную контроверзу. Существованіе боярской думы, какъ учрежденія, стало почитаться спорнымъ и заново доказывалось въ послѣдующихъ трудахъ историковъ-юристовъ (А. Н. Филиппова, М. А. Дьяконова и др. [2])

[1]) В. И. Сергѣевичъ, „Русскія юридическія древности“, т. II.

[2]) А. Н. Филипповъ, „Учебникъ исторіи русскаго права“, часть I (Юрьевъ, 1907); М. А. Дьяконовъ, „Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси (до конца XVII вѣка)“, томъ I (Юрьевъ, 1907 г.).

Никто не рѣшился раздѣлить взгляды проф. Сергѣевича и, отказавшись отъ мысли, что боярская дума существовала, признать бытіе въ Москвѣ думныхъ чиновъ безъ служебной думной дѣятельности. М. Ф. Владимірскій-Будановъ въ теоріи В. И. Сергѣевича нашелъ справедливымъ одно лишь указаніе на существованіе у государей Московскихъ интимнаго совѣта. „Вопросъ сводится только къ тому", говоритъ онъ: „могъ ли великій князь имѣть, кромѣ думы, своихъ, такъ сказать, домашнихъ совѣтниковъ и любимцевъ; такое право нельзя отрицать не только у государей, но и у всякаго частнаго лица" [1]). Замѣчаніе это мѣтко указываетъ на одно изъ психологическихъ основаній конструкціи В. И. Сергѣевича. Личный совѣтъ свой Московскіе государи устраивали дѣйствительно, какъ хотѣли: въ него не входили многіе думные люди и входили недумные. Этотъ совѣтъ отнюдь не былъ учрежденіемъ государственнымъ. Тотъ изслѣдователь, который не различитъ „тайной думы" и „синклита", разумѣется, перенесетъ на послѣдній характерныя черты безформенныхъ интимныхъ совѣщаній государя съ его тайными или частными совѣтниками и друзьями. Такого рода неправильность даже весьма понятна и возможна въ отношеніи именно московскаго „синклита". Выше было не разъ указано, что боярская дума съ чрезвычайною легкостью съуживала и расширяла свой составъ. Въ полномъ своемъ комплектѣ синклитъ являлся только въ важныхъ и торжественныхъ собраніяхъ, „соборахъ"; въ ежедневной же практикѣ думцы дѣйствовали въ составѣ или постоянныхъ комиссій или же случайной наличности членовъ думы, присутствовавшихъ въ Москвѣ и „въ верху", то-есть въ царскомъ дворцѣ. Такой способъ раздѣленія труда отнюдь не уничтожалъ самой идеи синклита или думы. И весь синклитъ, и его спеціальныя комиссіи пользовались въ подчиненной средѣ одинаковымъ авторитетомъ, носили одно наименованіе „бояръ" и одинаково „приговаривали" по ввѣреннымъ имъ дѣламъ. Съ точки зрѣнія современной бюрократической техники это, конечно, безпорядокъ; для того же времени это былъ очень удобный и всѣмъ понятный способъ дѣйствія.

Возможно установить въ общихъ чертахъ какъ порядокъ общихъ совѣщаній боярской думы, такъ и дѣлопроизводство думскихъ

[1]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ, „Обзоръ исторіи русскаго права", изд. 4-е (Кіевъ, 1905 г.), стр. 167 и др.

комиссій. Такъ какъ дума не имѣла особой канцеляріи и не образовала особаго архива своихъ дѣлъ, то думскіе порядки изучаются лишь косвеннымъ путемъ—по частнымъ о нихъ сообщеніямъ или по случайнымъ остаткамъ бумажнаго дѣлопроизводства.

Если имѣть въ виду общія собранія думы, „бояръ всѣхъ“, то надлежитъ признать за В. О. Ключевскимъ, что „въ своей ежедневной практикѣ дума была постояннымъ совѣтомъ наличныхъ думныхъ людей, находившихся при государѣ“ [1]). Эти думные люди, не отвлеченные изъ столицы служебными посылками и не уволенные въ свои вотчины на отдыхъ, съѣзжались во дворецъ дважды въ день: утромъ и вечеромъ. Во дворцѣ они собирались въ одной изъ палатъ („Передней палатѣ“) и ждали „царскаго выходу изъ покою“. Ближніе люди, „уждавъ время“, входили и во внутренніе государевы покои („въ комнату“) [2]). Съ выходомъ государя начиналось „сидѣніе о дѣлахъ“. Думные люди разсаживались въ палатѣ на лавкахъ по чинамъ и по „отечеству“ или „породѣ“, то-есть по степени знатности. Думные дьяки стояли, пока государь не указывалъ имъ сѣсть. Главнымъ образомъ дьяки и вели докладъ тѣхъ дѣлъ, которыя поступали въ думу изъ приказовъ. Когда дѣло рѣшалось и вырабатывался „приговоръ“, „приказываетъ царь и бояре думнымъ дьякомъ помѣтить и тотъ приговоръ записать“. Отъ дьяка съ его „помѣтою“ приговоръ поступалъ къ исполненію въ соотвѣтствующій приказъ, гдѣ затѣмъ и хранился. Такимъ же образомъ составлялись и записывались „приговоры“ по дѣламъ, возбуждаемымъ въ думѣ самимъ государемъ. До насъ, между прочимъ, дошла любопытная запись царя Алексѣя о тѣхъ дѣлахъ, какія онъ хотѣлъ внести въ думу и поручить „поговорить бояромъ“. Это „письмо, о какихъ дѣлахъ говорить бояромъ“, свидѣтельствуетъ, что царь вдумчиво готовился къ засѣданіямъ думы, не только помѣчая предметы предстоящаго сужденія, но даже и мотивы возможнаго приговора [3]). Кромѣ приказнаго доклада и государева почина, дѣла въ думѣ возникали еще и по частнымъ челобитьямъ. Сами же думцы очень рѣдко возбуждали въ думѣ вопросы, подлежащіе ея обсужденію. Никто не возбранялъ

[1]) В. О. Ключевскій, „Боярская дума древней Руси“, глава XXII.

[2]) „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича“, глава II.

[3]) Записки Отдѣленія Археологіи Славянской и Русской Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, т. II, стр. 733—735.

имъ законодательнаго почина, но условія жизни были таковы, что пользоваться этимъ починомъ не было ни нужды, ни желанія. Пассивная роль думы, какъ совѣта при государѣ, въ обычномъ порядкѣ ея дѣятельности не давала простора законодательной инціативѣ. Однако эта пассивность не вела къ апатіи и послушному безмолвію. Въ засѣданіяхъ думы иногда шли большіе споры, разгоралась борьба мнѣній, и вскрывалась вражда боярскихъ партій. При отсутствіи въ практикѣ думы чего-либо похожаго на правильные журналы и протоколы, мы только стороною, изъ лѣтописи или случайныхъ указаній современниковъ, узнаемъ о дебатахъ въ думѣ. Извѣстенъ разсказъ лѣтописи о засѣданіи думы въ 1541 году, при вѣстяхъ о нашествіи крымцевъ на Москву [1]). Маленькій государь, будущій царь Іоаннъ Грозный, поставилъ на обсужденіе бояръ вопросъ о томъ, сѣсть ли ему въ осаду на Москвѣ, или же уѣхать изъ столицы. Митрополитъ и бояре долго и оживленно спорили, пока, наконецъ, „сошли всѣ на одну рѣчь", что государю слѣдуетъ остаться въ Москвѣ. Немногимъ позднѣе, въ 1549 году, бояре препирались не только другъ съ другомъ, но и съ самимъ государемъ при обсужденіи вопроса о томъ, слѣдуетъ-ли настаивать на признаніи Литвою новаго „царскаго" титула Московскаго царя. Возобладало мнѣніе, котораго, повидимому, царь лично не раздѣлялъ, именно, что настаивать пока не слѣдуетъ [2]). Примѣры боярскихъ споровъ встрѣчаются и въ XVII вѣкѣ, причемъ видно, что споры рождаются иногда даже и не изъ дѣлового разномыслія, а изъ столкновенія родовыхъ и личныхъ честолюбій или изъ взаимнаго недоброжелательства боярскихъ кружковъ [3]). Такъ шли собранія думы обычныя, когда бояре съ государемъ „сидѣли о дѣлахъ" простымъ будничнымъ порядкомъ. Если государь указывалъ слушать очередныя дѣла безъ него, бояре слушали ихъ совершенно такъ же, какъ и въ присутствіи царя и, „поговоривъ", то-есть обсудивъ дѣло, „приговаривали". Невозможно сказать, въ какихъ случаяхъ и почему одни боярскіе „приговоры" докладывались государю для полученія по нимъ его санкціи, а другіе просто обращались въ приказы къ исполненію и руководству. Для подчиненной среды всякое рѣ-

[1]) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. XIII, стр. 434—435.

[2]) Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. LXXI, стр. 291—300.

[3]) В. О. Ключевскій, „Боярская дума древней Руси", изд. 3-е, стр. 417—421.

шеніе думы имѣло силу закона, какъ государевъ указъ. „Царь государь указалъ, и бояре приговорили“, „по государеву цареву указу и боярскому приговору“ таковы были формулы, съ которыхъ обычно начиналось изложеніе московскаго закона. Боярскій приговоръ нераздѣльно сливался съ царскимъ указомъ въ одинъ актъ верховной власти.

Въ случаяхъ особо важныхъ или торжественныхъ не видно такого равнодушія къ полнотѣ думскихъ собраній, какое существовало въ буднее рабочее время. Когда на очередь становился вопросъ большой государственной важности, государи привлекали къ его рѣшенію всѣхъ своихъ совѣтниковъ, посылая за ними даже въ города. Въ свою очередь и сами думные люди являлись въ столицу при вѣсти о чемъ-либо важномъ. Передъ войною съ Великимъ Новгородомъ Іоаннъ III въ 1471 году „разослалъ“ по всѣхъ своихъ совѣтниковъ, собирая въ Москву всѣхъ епископовъ, князей, бояръ и воеводъ для совѣта о предстоящемъ походѣ. Собравшіеся „мыслили о томъ не мало“ и приговорили воевать съ новгородцами [1]). Передъ кончиною великаго князя Василія III „мнози бояре съѣхашася изъ своихъ вотчинъ, слышавъ государеву немощь“; такимъ образомъ Василій могъ объявить свою волю о престолонаслѣдіи предъ всѣмъ составомъ своей думы [2]). Въ февралѣ 1613 года, при избраніи на престолъ Михаила Ѳедоровича, сочли необходимымъ вызвать въ Москву изъ вотчинъ даже опальныхъ „измѣнныхъ“ бояръ, ибо въ столь важномъ дѣлѣ считалось необходимымъ участіе всего „синклита“ [3]). Съ теченіемъ времени, когда число думныхъ людей очень умножилось, весь синклитъ собирали, повидимому, рѣдко, довольствуясь совѣтомъ „комнатныхъ“ бояръ. Общее собраніе думы понемногу само превратилось въ чрезвычайную торжественную церемонію.

Засѣданія думскихъ комиссій, постоянныхъ и временныхъ одинаково, происходили подъ предсѣдательствомъ не государя, а старшаго чиномъ и породою боярина. По имени этого боярина звалась обыкновенно и самая комиссія: напримѣръ, „у приказныхъ дѣлъ бояринъ В. П. Морозовъ съ товарищи“, „у расправныхъ дѣлъ бояринъ князь Н. И. Одоевскій съ товарищи“.

[1]) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. XII, стр. 129.

[2]) Тамъ же, т. XIII, стр. 413.

[3]) С. Ѳ. Платоновъ, „Московское правительство при первыхъ Романовыхъ“, глава I.

Порядокъ дѣлопроизводства въ думскихъ комиссіяхъ весьма приближался къ приказному, такъ что иногда комиссіи даже оффиціально именовались приказами. Говорилось, напримѣръ, „въ приказѣ были у приказнаго дѣла бояре“. Въ 1648 году была образована думская комиссія для составленія проекта Уложенія подъ предсѣдательствомъ князя Н. И. Одоевскаго; въ ея вѣдѣніе поступили вызванные для того же дѣла въ Москву земскіе выборные: по тогдашнему выраженію, они были „въ приказѣ у князя Н. И. Одоевскаго“. Какъ приказные „судьи“ въ приказахъ, члены думскихъ комиссій составляли присутствіе, а при этомъ присутствіи формировалась канцелярія изъ дьяковъ и подъячихъ, командируемыхъ въ распоряженіе данной комиссіи изъ разныхъ приказовъ [1]). По внѣшнему устройству думскія комиссіи можно было бы поставить въ ряды московскихъ приказовъ, если бы по своимъ задачамъ и полномочіямъ онѣ не стояли надъ приказами. Дѣятельность московскихъ приказовъ не выходила изъ сферы подчиненнаго управленія. Думскія же комиссіи дѣйствовали въ области управленія верховнаго.

Съ приближеніемъ къ періоду реформъ, къ исходу XVII вѣка, дѣятельность этихъ комиссій получила особенное развитіе въ ущербъ старой формѣ совѣщаній „бояръ всѣхъ“. Реформа высшаго управленія при Петрѣ Великомъ должна была считаться съ общимъ собраніемъ думы гораздо менѣе, чѣмъ съ комиссіями-„приказами“ полномочныхъ бояръ.

[1]) Н. П. Загоскинъ, „Исторія права Московскаго государства“, т. II, стр. 86; И. Я. Гурляндъ, „Приказъ великаго государя тайныхъ дѣлъ“, стр. 86, 98; С. К. Богоявленскій „Расправная палата при боярской думѣ“, стр. 415, 426.

ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩІЙ СЕНАТЪ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

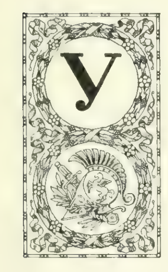

ГЛАВА I.

Вступленіе.

I. Происхожденіе Правительствующаго Сената.—II. Первоначальное значеніе Правительствующаго Сената; связь новаго учрежденія съ губернскою реформою 1708—1710 г.г.

I. Происхожденіе Правительствующаго Сената.

Учрежденіе Правительствующаго Сената, послѣдовавшее 22 февраля 1711 г. по „опредѣлительному" о томъ Именному указу, различно оцѣнивалось и оцѣнивается въ ученой литературѣ нашей, почему вопросы о происхожденіи Сената и о первоначальномъ значеніи реформы центральнаго управленія, осуществившейся въ устройствѣ Сената, получаютъ далеко не единообразное толкованіе. Въ нашу задачу не входитъ составленіе исчерпывающаго очерка всѣхъ этихъ толкованій, такъ какъ это завлекло бы насъ далеко за предѣлы установленнаго плана изслѣдованія; но мы считаемъ, однако, необходимымъ остановиться кратко на обзорѣ важнѣйшихъ изъ нихъ.

Такъ по вопросу о происхожденіи Правительствующаго Сената необходимо отмѣтить два противоположныхъ мнѣнія. По одному, которое является нынѣ господствующимъ, отрицается заимствованіе учрежденія изъ какого-либо иноземнаго образца. Выразителемъ этого мнѣнія надо признать прежде всего проф. В. И. Сергѣевича, который, касаясь указаннаго вопроса,

говоритъ: „Сенатъ — названіе нерусское; это можетъ навести на мысль, что и само учрежденіе позаимствовано, особенно, если вспомнить, что почти всѣ Петровскія учрежденія списаны съ иностранныхъ. Тѣмъ не менѣе Сенатомъ мы никому не обязаны. Заимствовано одно имя, а что касается существа дѣла, то это учрежденіе совершенно оригинальное, свое русское, созданное Петромъ изъ Боярской Думы, на основаніи тѣхъ потребностей и нуждъ, которыя самъ Петръ испытывалъ въ дѣлѣ управленія государствомъ" [1]). Противоположное мнѣніе, высказывавшееся уже раньше, а затѣмъ вновь повторенное въ сравнительно недавнее время проф. В. В. Ивановскимъ, гласитъ, что „Сенатъ учрежденъ въ Россіи при Петрѣ Великомъ въ 1711 г. *по образцу подобнаго же учрежденія, существовавшаго въ Швеціи* (курсивъ нашъ). Изучая государственныя учрежденія въ Швеціи, Петръ Великій остановился именно на *Сенатѣ*; это учрежденіе съ нѣкоторыми измѣненіями, приноровленными къ быту русской жизни, должно было, по его мнѣнію, найти удобную почву и въ системѣ нашего управленія" [2]). Какъ бы отвѣчая на мнѣніе, подобное вышеизложенному, извѣстный знатокъ шведскаго государственнаго устройства Э. Н. Берендтсъ, отмѣтивъ, что „въ 1710 г. изъ шведскаго плѣна возвратился генералъ Адамъ Вейде, который, по словамъ Царя и по свидѣтельству современниковъ, въ теченіи десятилѣтняго своего плѣна близко изучилъ шведскую центральную администрацію", добавляетъ, что „ни отъ кого другого, какъ отъ него, Петръ узналъ объ организаціи шведскаго государственнаго совѣта, получившаго особое образованіе во время отсутствія короля Карла XII. Но была ли та высшая коллегія, которая появилась въ Россіи годъ спустя послѣ возвращенія Вейде и Головина изъ шведскаго плѣна, было ли учрежденіе Сената въ 1711 г. *плодомъ ознакомленія* Петра съ строемъ высшей администраціи Швеціи? Былъ ли Сенатъ *сколкомъ* съ шведскаго государственнаго совѣта? Въ этомъ да позволено будетъ усумниться!" Сомнѣніе свое названный авторъ подтверждаетъ яркимъ изображеніемъ особенностей „шведскаго государственнаго совѣта (никогда офиціально не носившаго названіе „Сенатъ")", при чемъ указываетъ,

[1]) В. И. Сергѣевичъ, Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права, СПБ., 1883 г., стр. 833.

[2]) В. В. Ивановскій, Русское государственное право, Казань, 1896 г., т. I, стр. 218.

№ 47

Указ о бытии Сенату

Определили быть для отлучек наших
Правительствующий Сенат для
управления:

гдн граф Мусин Пушкин
господин Стрешнев
господин князь Петр Голицын
господин к. Михайла Долгорукой
господин Плещеев
господин к. Григорей Волконской
господин Самарин
господин Василей Апухтин
господин Мелницкой
обер секретарь в сенате Анисим Щукин

№ 16

Собственноручный указъ Петра Великаго отъ 22-го февраля 1711 г.
объ учрежденіи Правительствующаго Сената.

(Пунктирною линіею обозначены размѣры оригинала).

[illegible]
[illegible]
[illegible]

[illegible]
[illegible]

[illegible]
[illegible]

Въ Преображенскомъ 22 апреля
1711

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

что „не коллегію лицъ, пользующихся довѣріемъ государя, сильную этимъ довѣріемъ -(какъ было у насъ при учрежденіи Сената —замѣтимъ здѣсь мы кстати) —видѣлъ Петръ въ Швеціи, а напротивъ, въ Европѣ было извѣстно, что между королемъ, живущимъ въ Турціи, и совѣтомъ въ Швеціи идетъ упорная вражда, что совѣтъ государственный есть органъ той партіи, которая стремится къ возстановленію побѣжденной Карломъ XI олигархіи. Неужели этотъ раздробленный, разъединенный, враждующій съ королемъ совѣтъ —былъ образцомъ, по которому учрежденъ Сенатъ?" [1]).

Но если, такимъ образомъ, между создавшимся у насъ высшимъ центральнымъ учрежденіемъ и его якобы прототипомъ не было ничего общаго въ основномъ вопросѣ, а именно—въ вопросѣ объ отношеніи этого учрежденія къ Монарху, если при томъ первоначальное устройство новаго учрежденія представлялось настолько мало-опредѣленнымъ, что являло собою лишь очень слабый силуетъ будущаго грандіознаго установленія, если, наконецъ, нѣтъ прямыхъ указаній на заимствованіе, подобныхъ тѣмъ, какія имѣются о другихъ реформахъ Петра Великаго, то совершенно невозможно утверждать, что нашъ Сенатъ былъ созданъ „по образцу подобнаго-же учрежденія, существовавшаго въ Швеціи". При обсужденіи вопроса о происхожденіи Сената надо имѣть въ виду также и то обстоятельство, что Петру было вообще извѣстно о существованіи въ европейскихъ государствахъ учрежденій, носившихъ наименованіе „Сената". Имъ велась переписка, а также по его приказанію производились сношенія съ Сенатомъ „венецыйскимъ", „стекольмскимъ" (стокгольмскимъ), польскимъ, и въ одной грамотѣ его читаемъ, напр., что „всему Сенату Венецыйскому", вмѣстѣ съ дожемъ, посылается „Царскаго Величества благопривѣтственное поздравленіе" и пр. [2]) Однако, положеніе Сената въ каждомъ изъ этихъ государствъ было такъ своеобразно, что о какомъ-либо переносѣ ихъ устройства къ намъ нечего

[1]) Э. Н. Берендтсъ, нѣсколько словъ о „коллегіяхъ" Петра Великаго". Ярославль, 1896 г., стр. 13—14. О шведскомъ государственномъ совѣтѣ въ XVII и началѣ XVIII в. см. сочиненіе того-же автора: „Государственное хозяйство Швеціи". СПБ., 1890 г., стр. 190, л. 417 сл. и др.

[2]) Письма и бумаги императора Петра Великаго, т. IV, СПБ., 1900 г., стр. 490, 492, 319, 604, 639; томъ V, СПБ., 1907 г., стр. 176, 141, 471, 473, 475, 525, 542; ср. также Е. Ф. Шмурло: „Сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи царствованія Петра Великаго". Юрьевъ, 1903 г., т. I, стр. 686, 694 и др.

было и думать, а для приспособленія ихъ къ русскимъ условіямъ у Петра не было тогда ни намѣренія, ни досуга. Отсутствіе здѣсь заимствованія было отмѣчено внимательными наблюдателями основаній Петровской реформы еще въ XVIII вѣкѣ, и одинъ изъ нихъ, извѣстный секретарь Екатерины II Г. Н. Тепловъ,—въ докладѣ, поданномъ Государынѣ въ 1763 г.,—писалъ, напр., что „всякое мѣсто по фундаторову намѣренію разумѣть и толковать должно. Петръ Великій Сенатъ, своей самодержавной власти приличный, въ государствѣ своемъ, для подмоги себѣ въ дѣлахъ, не съ польскаго, шведскаго и другого какого-либо республиканскаго обыкновенія учредилъ, а оному мѣсту только далъ прерогативу первымъ быть правительствомъ подъ собою“ [1]). Эти слова заслуживаютъ вниманія во многихъ отношеніяхъ. Они, во 1-хъ, исходятъ отъ человѣка, близко стоявшаго къ Екатеринѣ II, составлявшаго для нея проекты указовъ и рескриптовъ, бывшаго дѣлопроизводителемъ нѣсколькихъ важныхъ тогда комиссій и вообще сосредоточивавшаго въ своихъ рукахъ дѣловыя бумаги Государыни, которая, между прочимъ, весьма серьезно изучала акты и переписку Петровскаго царствованія. Интересно, что именно изъ изученія этихъ бумагъ Петровскаго времени авторъ доклада вынесъ вышеуказанное мнѣніе свое о происхожденіи Сената. Оно едва ли ошибочно, и прежде всего потому, что въ громадной перепискѣ Петра Великаго, за первое десятилѣтіе XVIII в., нѣтъ никакихъ указаній на Его справки объ устройствѣ западно-европейскихъ сенатовъ, что неминуемо было-бы, еслибъ Онъ хотѣлъ положить въ образецъ своего Сената одинъ изъ существующихъ на Западѣ; намъ, по крайней мѣрѣ, такихъ указаній не удалось отыскать, несмотря на многіе поиски. Затѣмъ, во 2-хъ, какъ намъ кажется, въ приведенномъ выше мѣстѣ доклада Г. Н. Теплова—на ряду съ категорическимъ отрицаніемъ заимствованія устройства Сената изъ какого-либо образца,—отлично схвачена монархическая природа нашего Сената, съ одной стороны, его значеніе, какъ „перваго правительства“ при Петрѣ Великомъ, съ другой. Создавая такое „первое правительство подъ собою“, Петръ вовсе не имѣлъ нужды брать за образецъ его устрой-

[1]) А. Н. Филипповъ, „Объ экспрессіи сенаторъ и о россійскомъ Сенатѣ“ (докладъ Императрицѣ Екатеринѣ II Г. Н. Теплова) въ „Журналѣ Юридич. Общества“, 1897 г., кн. IV, стр. 72).

ства какой-либо изъ существовавшихъ на Западѣ сенатовъ; Ему достаточно было для созданія такого правительства лишь усвоенія той идеи западно-европейскихъ государствъ, что Монархъ долженъ править не только съ помощью людей, но и закономѣрныхъ учрежденій. Воспріятіе этой идеи было, конечно, чрезвычайно плодотворно для усовершенствованія нашего государственнаго строя въ будущемъ, и этой идеѣ мы обязаны появленіемъ позднѣе „должностей“, „регламентовъ“ и другихъ законодательныхъ актовъ, болѣе или менѣе опредѣленно устанавливавшихъ составъ, устройство, компетенцію учрежденій. Но такое установленіе было, однако, еще задачею будущаго, оно создалось далеко не сразу, почему первоначальный Петровскій Сенатъ, по своему назначенію, вылившемуся въ рядъ порученій, болѣе походилъ на московскіе приказы, чѣмъ на учрежденіе въ западно-европейскомъ смыслѣ, и, поэтому, представлялъ собою не столько строго-законченную организацію „перваго правительства“ при Монархѣ, сколько идею о крайней необходимости созданія такой организаціи. Но такъ какъ эта организація создавалась очень медленно, на основаніи опыта, исходила изъ реальныхъ условій тогдашней дѣйствительности, то уже по одному этому нельзя искать прототипа Сената Петра въ какомъ-либо опредѣленномъ западно-европейскомъ образцѣ. Еслибъ такой прототипъ существовалъ, его устройство такъ или иначе отразилось-бы на Сенатѣ въ моментъ его учрежденія, чего, однако, не было вовсе.

Но, если не было сходства между шведскимъ государственнымъ совѣтомъ и Сенатомъ Петра, то, можетъ быть, надо согласиться съ мнѣніемъ, высказаннымъ также въ нашей литературѣ, а именно—съ мнѣніемъ, что было сходство между положеніемъ Карла XII, надолго покинувшаго свое отечество, и положеніемъ Петра, собиравшагося его покинуть и создавшаго, подобно Карлу, для своихъ отлучекъ, Сенатъ [1]). Однако, даже находя указанное мнѣніе основательнымъ, надо признать, что это сходство, натолкнувшее, можетъ быть, Петра на мысль объ учрежденіи Сената, ограничивалось чисто-внѣшними чертами и что учрежденный въ Россіи Сенатъ, въ сущности, мало походилъ на стокгольмскій „Ricksrödet“, какъ справедливо замѣчаетъ по этому

[1]) С. А. Петровскій, „О Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго“. М., 1875 г., стр. 36.

поводу, П. Н. Милюковъ [1]). Какъ намъ представляется, „чисто внѣшнія черты“ сходства состояли лишь въ томъ, что полномочному „первому правительству подъ собою“ Государь далъ иноземное имя, да снабдилъ такимъ же именемъ органы первоначально тайнаго надзора — фискаловъ, созданныхъ при Сенатѣ и бывшихъ въ Пруссіи. Надо вообще замѣтить, что Петръ Великій, въ своей практикѣ управленія государствомъ, нерѣдко называлъ иностранными именами учрежденія и лица прежде, чѣмъ тѣ и другія пріобрѣли de jure нѣкоторыя основныя черты, присущія этимъ наименованіямъ на Западѣ (таковы, напр., наименованія „министръ“, „губернаторъ“, „канцелярія“ и мн. др.). Впослѣдствіи, съ развитіемъ реформъ (имѣвшихъ, въ той или иной мѣрѣ, свой образецъ на Западѣ Европы), такіе иноземные термины учрежденій и должностныхъ лицъ нашли себѣ оправданіе въ общемъ направленіи реформъ; первоначально же они больше обѣщали, чѣмъ давали, что-либо новое въ организаціи учрежденій и въ постановкѣ тѣхъ или иныхъ должностей. Называя эти учрежденія и лица иноземными именами, законодатель, сознательно или безсознательно, но отдѣлялъ тѣмъ старое московское управленіе отъ новаго, имъ постепенно вводимаго, и отдѣлялъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда повторялъ, подъ новыми наименованіями содержаніе старое. Повидимому, спѣшность реформъ, съ одной стороны, желаніе законодателя, какъ можно ярче оттѣнить реформу даже внѣшне, съ другой, и тѣмъ показать, что со старымъ порвана имъ преемственная связь, заставляли его прибѣгать къ чуждой терминологіи.

II. Первоначальное значеніе Правительствующаго Сената; связь новаго учрежденія съ губернскою реформою 1708—1710 г.г.

Переходя отъ этихъ общихъ замѣчаній о происхожденіи Правительствующаго Сената къ вопросу о первоначальномъ его значеніи, мы и здѣсь должны отмѣтить два противоположныхъ взгляда на это значеніе. Еще Неволинъ утверждалъ, что

[1]) П. Н. Милюковъ, „Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великаго“. СПБ., 1892 г., стр. 410.

„первое начало Сената скрывается въ древнемъ обыкновенiи россiйскихъ государей, на время своей отлучки изъ столицы, хотя бы самой непродолжительной, поручать столицу въ вѣдѣнiе бояръ, именно для того каждый разъ назначаемыхъ“ [1]). То же самое, по существу, находимъ у В. О. Ключевскаго, утверждающаго, что „особенности, усвоенныя при Петрѣ Великомъ Боярской Думою, перешли и въ правительственное учрежденiе, ее смѣнившее. Сенатъ явился на свѣтъ съ характеромъ временной комиссiи, какiя выдѣлялись на время отъѣзда Царя и въ какую сама Дума стала превращаться при частыхъ и долгихъ отлучкахъ Царя“ [2]). Таковъ взглядъ, высказанный пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ и доселѣ еще поддерживаемый. По другому взгляду, получившему наиболѣе рѣзкую формулировку у А. Д. Градовскаго, „во время великой сѣверной войны, требовавшей безпрерывныхъ „отлучекъ“ Государя, Петръ Великiй рѣшился создать невиданное прежде установленiе, съ чрезвычайнымъ полномочiемъ управлять государствомъ“ [3]).

Итакъ, съ одной стороны, создавая Правительствующiй Сенатъ, Петръ Великiй лишь возстановлялъ „древнее обыкновенiе“ государей поручать столицу, при отлучкахъ, въ вѣдѣнiе бояръ, учреждалъ „временную комиссiю, какiя выдѣлялись на время отъѣзда Царя“ изъ Москвы, съ другой—онъ вводилъ у насъ невиданное прежде установленiе. Какъ объяснить наличность въ литературѣ указанныхъ двухъ мнѣнiй и какое изъ нихъ можно признать наиболѣе прiемлемымъ? Прiемлемыми, съ оговорками, указываемыми нами ниже, можно признать оба мнѣнiя. Что-же касается ихъ наличности въ литературѣ вопроса, то объясненiе ея лежитъ въ томъ, что Градовскiй, говоря о Сенатѣ, какъ о невиданномъ прежде установленiи, вѣроятно имѣлъ въ виду [4]), противоположенiе Сената Боярской Думѣ московскихъ Государей

[1]) К. А. Неволинъ, полное собранiе сочиненiй, т. VI, СПБ., 1859 г., стр. 214.

[2]) В. О. Ключевскiй, Курсъ русской исторiи, ч. IV, М., 1910 г., стр. 212 и сл.

[3]) А. Д. Градовскiй, Начала русскаго государственнаго права, т. II, СПБ., 1876 г., стр. 119.

[4]) Хотя А. Д. Градовскiй, высказавъ указанный взглядъ на значенiе реформы въ своихъ „Началахъ русскаго государственнаго права“, ничего не говоритъ объ его основанiи, но что онъ имѣлъ въ виду противоположенiе Сената Боярской Думѣ видно изъ его изслѣдованiя: „Высшая администрацiя Россiи въ XVIII в. и пр.“, гдѣ онъ, утверждая категорически, что „начало центральнаго и вообще высшаго управленiя остались неизмѣнными до 1711 г., т. е. до появленiя Правительствующаго Сената“ и что Боярская Дума существовала до 1705 г.,—имѣлъ въ виду Боярскую Думу (стр. 72 и сл.).

между тѣмъ какъ В. О. Ключевскій, утверждая, что „идея и форма Сената создались раньше, чѣмъ явилось его названіе", сравниваетъ съ Сенатомъ тотъ „боярскій совѣтъ" (или „консилію"), который съ XVII вѣка начинаетъ замѣнять Боярскую Думу и котораго особенности, по его мнѣнію, наслѣдовалъ Петровскій Сенатъ [1]). Если между Боярскою Думою и Правительствующимъ Сенатомъ было, дѣйствительно, громадное различіе, дающее основаніе къ признанію въ послѣд-

Видъ Коломенскаго дворца, гдѣ родился Петръ Великій.

[1]) „Читая первые указы объ учрежденіи Правительствующаго Сената въ 1711 г.," говоритъ В. О. Ключевскій, „можно замѣтить, что онъ имѣлъ близкую родственную связь съ боярскимъ совѣтомъ, собиравшимся въ Ближней канцеляріи и наслѣдовалъ всѣ его особенности" (Боярская Дума древней Руси, изд. 3, М. 1909 г., стр. 451).

немъ „невиданнаго прежде установленія“, то, наоборотъ, въ боярскомъ совѣтѣ, или консиліи, —въ которую медленно преображалась Боярская Дума, какъ собраніе „бояръ всѣхъ“, были, въ качествѣ промежуточной стадіи развитія, черты сходства съ первоначальнымъ Петровскимъ Сенатомъ. По справедливому замѣчанію С. Ѳ. Платонова,—„съ приближеніемъ къ періоду реформъ, къ исходу XVII в., дѣятельность думскихъ комиссій получила особенное развитіе въ ущербъ старой формѣ совѣщанія „бояръ всѣхъ“. Реформа высшаго управленія при Петрѣ Великомъ должна была считаться съ общимъ собраніемъ Думы гораздо менѣе, чѣмъ съ комиссіями — „приказами“ полномочныхъ бояръ“ (см. выше, стр. 43). Такое положеніе вопроса о Боярской Думѣ въ концѣ XVII и началѣ XVIII в., въ сущности, дѣлаетъ излишнимъ подробное сравненіе ея съ Правительствующимъ Сенатомъ, такъ какъ не Боярская Дума, какъ общее собраніе бояръ, а особый боярскій совѣтъ былъ непосредственнымъ предшественникомъ Правительствующаго Сената. Однако, въ объясненіе того, почему взглядъ Градовскаго,—принимаемый и другими учеными, съ нѣкоторыми, впрочемъ, модификаціями [1]), — представляется намъ справедливымъ, остановимся кратко на сравненіи Боярской Думы съ Сенатомъ.

Различіе между двумя учрежденіями было, несомнѣнно, велико. Если вся политико-соціальная роль Боярской Думы зиждилась на основахъ стародавняго обычнаго права, то все значеніе Правительствующаго Сената лежало въ тѣхъ полномочіяхъ править государствомъ, какія давалъ ему законъ. Если Сенатъ долженъ былъ быть, какъ говоритъ одинъ изъ указовъ Петра, „управительнымъ“, т. е., если ему предуказывалась власть не только исполнительная, но и распорядительная, то „Боярская Дума была“, какъ это доказывается ея авторитетнымъ историкомъ, — „собственно и даже исключительно законодательнымъ учрежденіемъ“ [2]). Если въ лицѣ Сената создавалось учрежденіе, отвѣтственное не только „передъ своимъ Государемъ“, но и передъ государствомъ, то такой идеи еще не было въ организаціи Боярской Думы. Если Боярская Дума была, по выраженію того же ея историка, „учрежденіемъ тѣсно свя-

[1]) См., напр., С. А. Петровскій, „О Сенатѣ“ въ цар. Петра Вел., стр. 22 и сл.
[2]) В. О. Ключевскій, Боярская Дума, стр. 454 и сл.

заннымъ съ судьбою извѣстнаго класса московскаго общества" [1]), то въ созданномъ Петромъ Сенатѣ такой связи не наблюдается. Если, можетъ быть, надо, съ одной стороны, признать крайнимъ утвержденіе другого историка Московской Государевой Думы, В. И. Сергѣевича, что эта „Дума не имѣетъ никакой своей компетенціи" [2]) (такъ какъ цѣлые вѣка совмѣстной дѣятельности государей съ своими боярами не могли, какъ намъ кажется, не создать въ этомъ вопросѣ извѣстной традиціи), то, съ другой, несомнѣнно, что компетенція Сената, постепенно устанавливаемая по закону, отличалась бо̀льшею опредѣленностью, чѣмъ компетенція Боярской Думы, которая вся строилась на обычаѣ и волѣ государя.

Не продолжая пока далѣе нашего обзора всѣхъ другихъ особенностей Правительствующаго Сената, отличающихъ его не только отъ Боярской Думы, но и отъ того боярскаго совѣта, который былъ промежуточнымъ между ними звеномъ, замѣтимъ лишь, что и сказаннаго достаточно, чтобъ видѣть радикальность реформы, заключающейся въ учрежденіи Правительствующаго Сената. Но эта реформа ни въ цѣломъ, ни въ частностяхъ, не создалась сразу, по какому-либо образцу или теоріи права. Большою заслугою В. О. Ключевскаго надо признать указаніе на дѣятельность „боярскаго совѣта" или „боярской консиліи", какъ промежуточнаго учрежденія между Боярскою Думою и Правительствующимъ Сенатомъ, дѣйствовавшаго съ 1696 по 1711 г., причемъ авторомъ дано детальное изображеніе постепеннаго и малопримѣтнаго перехода въ этотъ совѣтъ прежней Московской Боярской Думы. Это изображеніе приводитъ названнаго ученаго къ тому, уже указанному нами выше, выводу, что „идея и форма Сената создались прежде, чѣмъ явилось его названіе". Разбирая перемѣны, происшедшія при Петрѣ съ Боярской Думою и указывая, что „измѣнились составъ, вѣдомство и характеръ дѣятельности" учрежденія, авторъ утверждаетъ, что „эти перемѣны произошли отъ двухъ причинъ: разрушилось прежнее боярство, а кружокъ оставшихся бояръ разбился по службамъ внѣ Москвы; отсутствіе Царя изъ Москвы, бывшее прежде случайностью, теперь стало обычнымъ

[1]) В. О. Ключевскій, Боярская Дума, стр. 524.
[2]) В. И. Сергѣевичъ, Древности русскаго права, томъ II, изд. 3, СПБ., 1908 г., стр. 425.

явленіемъ. Боярская Дума при Петрѣ стала тѣснымъ совѣтомъ съ разрушавшимся генеалогическимъ и даже чиновнымъ составомъ старой Думы: даже люди недумныхъ чиновъ теперь имѣли въ ней мѣсто. Существенной ея особенностью было то, что она дѣйствовала вдали отъ Государя и была передъ Нимъ отвѣтственна, руководя внутреннимъ управленіемъ и исполняя особыя порученія Государя, но не мѣшаясь въ военныя дѣйствія и внѣшнюю политику. Такова была Боярская Дума или, точнѣе говоря, боярскій совѣтъ, собиравшійся въ Ближней канцеляріи и другихъ мѣстахъ. Авторъ находитъ затѣмъ, что уже „первые указы о Сенатѣ въ 1711 г.“ показываютъ „близкую родственную связь“ съ этимъ совѣтомъ Сената, наслѣдовавшаго „всѣ его особенности“. Такъ, „Сенатъ также учреждался для всегдашнихъ въ сихъ войнахъ отлучекъ“ Государя, являясь случайной временной комиссіею, а не постояннымъ учрежденіемъ; даже первоначальный девятичленный составъ его близко напоминалъ прежнія комиссіи въ отсутствіе государей изъ Москвы, какъ и совѣтъ бояръ въ Ближней канцеляріи. Въ личномъ составѣ его происхожденіе и чинъ также имѣли мало значенія: важнѣйшіе сановники, „верховные господа“, „принципалы“, кн. Меншиковъ, канцлеръ Головкинъ, адмиралъ Апраксинъ, не вошли въ первоначальный составъ Сената и писали ему „указомъ“. Сенатъ также руководилъ всѣмъ внутреннимъ управленіемъ, не вмѣшиваясь въ военныя дѣйствія и внѣшнюю политику, и при томъ на него возложено было Государемъ нѣсколько особыхъ порученій по набору войска, по развитію торговли и особенно государственныхъ доходовъ. Первая инструкція, данная Петромъ Сенату 2 марта, не постоянный и подробный регламентъ, а скорѣе рядъ такихъ порученій, указъ, „что́ по отбытіи Нашемъ дѣлать“, какъ выразился Петръ. По первоначальной мысли Петра, Сенатъ, какъ и собраніе министровъ, не государственный совѣтъ при Государѣ, а высшее распорядительное учрежденіе, замѣняющее Государя въ правительственномъ центрѣ на время его отсутствія и подлежащее строгой, даже суровой отвѣтственности [1]).

Какъ видно изъ всего вышеизложеннаго, почтеннымъ авторомъ тщательно отмѣчены всѣ внѣшнія черты сходства пер-

[1]) В. О. Ключевскій, Боярская Дума, стр. 451 и сл.

воначальнаго Сената съ этимъ боярскимъ совѣтомъ. Даютъ-ли, однако, эти черты намъ право къ отождествленію названныхъ учрежденій, или, говоря словами автора, къ утвержденію, что „идея и форма Сената создались прежде, чѣмъ явилось это названіе“? Что Сенатъ повторилъ въ своемъ первоначальномъ строѣ нѣкоторыя особенности своего предшественника,—это не подлежитъ, конечно, сомнѣнію. Такъ, система порученій, практиковавшаяся до Петра, а затѣмъ и самимъ Петромъ въ консиліи, перешла и на Сенатъ, какъ перешли сюда и нѣкоторые предметы этихъ порученій (наборъ войска, сборъ денегъ и пр.); подобно консиліи, или совѣту, Сенатъ утверждался на время отлучекъ Государя; въ составѣ Сената, какъ и въ составѣ консиліи, происхожденіе и чинъ имѣли мало значенія. Отношенія между „принципалами“ и Сенатомъ также весьма напоминали отношенія ихъ къ боярскому совѣту. Кажется, однако, этими чертами сходство двухъ учрежденій и ограничивалось. Но зато были и крупныя черты различія. Во 1-хъ, у этого боярскаго совѣта,—или, говоря иначе, у Боярской Думы, превратившейся въ означенный совѣтъ,—не было ни постояннаго состава, ни постояннаго мѣста засѣданій, что было налицо у Сената съ первыхъ дней его образованія Петромъ и что было чрезвычайно важно. Во 2-хъ, уже первые указы, опредѣливъ степень власти и отвѣтственности Сената, объявили объ этомъ всенародно, чего не дѣлалось по отношенію къ консиліи бояръ, но что было, однако, очень характерно уже само по себѣ, такъ какъ знаменовало собою публичное признаніе Сената, какъ учрежденія, причемъ законодателемъ впервые былъ провозглашенъ у насъ принципъ повиновенія учрежденію, „какъ Намъ Самому, подъ жестокимъ наказаніемъ и смертію, по винѣ смотря“. Въ 3-хъ, новые магистраты, призванные засѣдать въ учрежденіи, установленномъ „вмѣсто присутствія Его Царскаго Величества собственной персоны“, приносили, сообразно великой важности своей функціи, особую присягу на вѣрность служенія не только своему Государю, но и государству, чего ранѣе не бывало. Въ 4-хъ, между порученіями, возлагавшимися на Сенатъ, были такія, какихъ не зналъ вовсе боярскій совѣтъ („судъ нелицепріятный имѣть и неправедныхъ судей наказывать“ и пр.), точно также какъ между учрежденіями, сразу возникшими при Сенатѣ, были такія, которыхъ не

Послѣдняя страница перваго опредѣленія Правительствующаго Сената отъ 1-го марта 1711 г.

было у насъ раньше (институтъ фискаловъ). Замѣтимъ еще, что въ другомъ своемъ сочиненіи, тотъ же авторъ рисуетъ, хотя и кратко, но весьма ярко, этотъ боярскій совѣтъ или консилію и при томъ такъ, что, кажется, сразу представляется яснымъ, насколько онъ былъ непохожъ на первоначальный Сенатъ: „консилія министровъ", говоритъ В. О. Ключевскій, „собиралась случайно и въ случайномъ составѣ, несмотря на предписанія, точно регулировавшія ея дѣлопроизводство. По списку 1705 г. значилось 38 думныхъ людей, бояръ, окольничьихъ и думныхъ дворянъ, а въ началѣ 1706 г., когда Карлъ неожиданнымъ движеніемъ изъ Польши отрѣзалъ сообщенія у русскаго корпуса подъ Гродною, при Царѣ въ Москвѣ случилось только два министра, думныхъ человѣка; остальные были „на службахъ" „въ служебномъ разгонѣ" [1]).

Не отрицая, какъ видно изъ всего предъидущаго, извѣстной чисто внѣшней, преемственной связи Сената съ боярскимъ совѣтомъ, мы думаемъ, однако, что уже въ самомъ первоначальномъ устройствѣ Сената были налицо такіе элементы развитія, которыхъ не зналъ вовсе боярскій совѣтъ, засѣдавшій то въ Ближней канцеляріи, то на „Генеральномъ дворѣ" въ Преображенскомъ [2]). Когда эти новые элементы стали ясны для законодателя, явилось и новое имя для учрежденія, долженствовавшаго вмѣстить ихъ въ себѣ. Мысль Петра, вообще обращенная на Западъ, нашла это имя въ установленіяхъ, стоявшихъ тамъ во главѣ управленія и перенесла его на вновь создаваемое у насъ учрежденіе, мудро отдѣляя даже внѣшне старое отъ новаго...

Замѣтимъ еще, что, при сравненіи Сената съ предшествовавшимъ ему боярскимъ совѣтомъ, не слѣдуетъ, кажется, слишкомъ настаивать на преходящемъ характерѣ Сената, присущемъ ему будто-бы настолько, что онъ являлся первоначально „случайной временной комиссіею, а не постояннымъ учрежденіемъ". Конечно, самъ Петръ въ указахъ отъ 22 февраля и 2 марта 1711 г. говоритъ объ опредѣленіи Сената „для

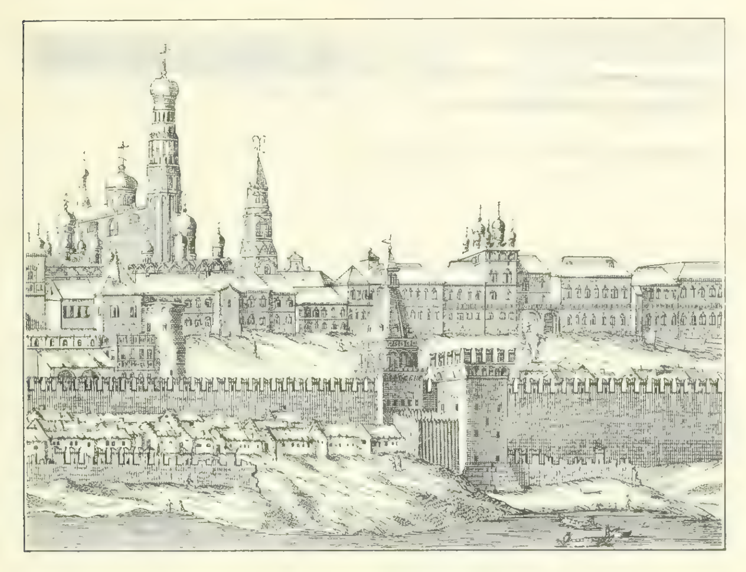
[1]) В. О. Ключевскій, Курсъ русской исторіи, ч. IV, М., 1910 г., стр. 215.

[2]) Объ этомъ учрежденіи и о собраніи въ Преображенскомъ боярскаго совѣта см. статью А. А. Востокова: „О дѣлахъ Генеральнаго двора". Описаніе докум. и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, кн. V, 1888 г., гл. I, стр. 1 сл.

отлучекъ Нашихъ", или „для всегдашнихъ въ сихъ войнахъ отлучекъ." Но эти слова, на нашъ взглядъ, указываютъ лишь на мотивъ, заставившій Государя прибѣгнуть къ созданію новаго учрежденія. Что это такъ, — можно подтвердить при изученіи отношеній Петра къ Сенату: отношенія эти были всегда таковы (какъ это видно будетъ изъ слѣдующей главы), что ничѣмъ не обнаруживали Его взгляда на Сенатъ, какъ на нѣчто случайное и временное; наоборотъ, постоянное заботливое стремленіе Государя къ усовершенствованію Сената и окружавшихъ его учрежденій говоритъ за иной взглядъ Его на Сенатъ. Затѣмъ, въ многочисленныхъ письмахъ и указахъ Государя, обращенныхъ къ Сенату, ни разу не встрѣчается даже намека на временный характеръ учрежденія. Наконецъ, возвращаясь временно въ отечество, Петръ никогда не прерываетъ дѣятельности этой, якобы случайной, комиссіи. Самъ первоначальный Сенатъ, при неусыпномъ надзорѣ Государя, всегда велъ себя такъ, какъ не могла бы вести себя случайная комиссія. Ниже будутъ указаны многочисленные факты, свидѣтельствующіе о томъ, какъ широко и основательно устраивалъ Сенатъ свою канцелярію, какъ старательно стремился онъ, по мѣрѣ силъ, осуществить мысль Петра, что сенаторы „иного дѣла не имѣютъ, точію одно правленіе", и что этимъ дѣломъ они должны заниматься постоянно и неусыпно. Самыя порученія, дававшіяся Петромъ Сенату, часто были таковы, что требовали, для своего выполненія, многолѣтней упорной дѣятельности. Впрочемъ, если-бъ и были какія-либо основанія къ пониманію словъ Петра — „для отлучекъ Нашихъ" — не въ смыслѣ объясненія подданнымъ причины, заставившей Монарха вручить управленіе государствомъ новому учрежденію, а въ смыслѣ указанія на его намѣреніе имѣть „Управительный Сенатъ" лишь на время, пока онъ отсутствуетъ изъ отечества, то и въ такомъ случаѣ къ Сенату не идетъ указанная характеристика. Тѣ высокіе атрибуты власти, какими снабдилъ Петръ свой Сенатъ уже въ моментъ его созданія, скорѣе дѣлаютъ Сенатъ похожимъ на „регентство, вполнѣ замѣняющее Царя во время его отсутствія и получившее широкія полномочія", какъ характеризуетъ Сенатъ, для времени съ 1711 по 1718 г.г., М. Ф. Владимирскій — Будановъ [1]).

[1]) М. Ф. Владимирскій-Будановъ, Обзоръ исторіи русскаго права, изд. 4, Кіевъ, 1905 г., стр. 252 и сл.

Конечно, это регенство было весьма своеобразно замѣна Царя „во время его отсутствія“ была чисто-внѣшнею, такъ какъ духовно Царь всегда пребывалъ въ отечествѣ и крѣпко держалъ въ рукахъ своихъ бразды правленія государствомъ... Но Сенату, какъ регентству, хотя и руководимому Петромъ, во всякомъ случаѣ болѣе, чѣмъ какой-то случайной комиссіи, приличествовало со стороны подданныхъ повиновеніе, какъ самому Монарху.

Съ грав. И. Пикара 1721 г.

Строенія приказовъ въ Московскомъ Кремлѣ.

Какъ регентство, Сенатъ долженъ былъ дѣйствовать, „вмѣсто присутствія Его Царскаго Величества персоны“; отъ его членовъ естественно было потребовать торжественной присяги на вѣрность Государю и государству; понятно, при такомъ значеніи новаго учрежденія, и врученіе ему Государемъ высокой функціи „судъ имѣть нелицепріятный и неправедныхъ судей наказывать“ и пр.

Намъ приходилось уже не разъ, говоря о боярскомъ совѣтѣ, упоминать также о Ближней канцеляріи. Въ ученой литературѣ

нашей было высказано мнѣніе, что именно эта „Ближняя канцелярія является непосредственною преемницею Боярской Думы, представляетъ собою, какъ-бы промежуточное звено между этой послѣдней и Сенатомъ [1])“. Какъ уже видно изъ всего вышесказаннаго, непосредственнымъ учрежденіемъ между Боярскою Думою и Сенатомъ была не Ближняя канцелярія, а боярскій совѣтъ, боярская —или какъ еще иногда говорятъ —министерская консилія, собиравшаяся какъ въ означенной канцеляріи, такъ и на Генеральномъ дворѣ въ Преображенскомъ и въ другихъ мѣстахъ. Вѣроятно, вслѣдствіе того, что указанный совѣтъ собирался чаще всего въ Ближней канцеляріи, онъ и назывался именемъ послѣдней, хотя эта канцелярія, явившаяся уже въ 1699 г., имѣла свое особое назначеніе, которое одинъ изъ современниковъ, кн. Б. И. Куракинъ, описывалъ такъ: „сдѣлана ближняя канцелярія подъ судомъ думнаго дворянина Никиты Зотова. Вельми то умно и похвально: ото всѣхъ дѣлъ, что со всѣхъ приказовъ, по вся недѣли (вносится) вѣдомость, что гдѣ чего въ приходѣ, въ расходѣ, и кому что должно на что расходъ держать, и всего государства весь расходъ, съ оклады и приходы и всѣ расходы съ оклады и безъ окладовъ [2])“. Приведя означенныя слова кн. Куракина, В. О. Ключевскій говоритъ: „очевидно, въ новомъ учрежденіи возстановлялся Счетный приказъ, дѣйствовавшій при царѣ Алексѣѣ и вѣдавшій, по словамъ Котошихина, „приходъ и расходъ и остатокъ по книгамъ“ всѣхъ приказовъ и областныхъ управленій [3])“. Къ сожалѣнію, въ литературѣ нашей имѣется очень мало свѣдѣній о Счетномъ приказѣ, чтобъ можно было согласиться съ категорическимъ утвержденіемъ автора, что въ Ближней канцеляріи слѣдуетъ видѣть лишь возстановленіе этого приказа. Поэтому намъ представляется болѣе пріемлемымъ другое мнѣніе, а именно мнѣніе П. Н. Милюкова, который выражается нѣсколько осторожнѣе по данному вопросу. Такъ, касаясь появленія Ближней канцеляріи —„учрежденія, съ котораго начинается непрерывная исторія государственнаго контроля“,—авторъ говоритъ

[1]) Н. Я. Токаревъ, „Ближняя канцелярія при Петрѣ Великомъ и ея дѣла“ (Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Мин. Юстиціи, т. V, стр. 50; срав. 75 стр.)

[2]) Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина, кн. I, СПБ., 1890 г., стр. 259.

[3]) В. О. Ключевскій, Боярская Дума, стр. 442 и сл.

лишь, что „предшественника Ближней канцеляріи можно видѣть въ Счетномъ приказѣ, возникшемъ также по случаю войны [1])“. Можно думать, что въ Счетномъ приказѣ мы имѣемъ зародышъ, а въ Ближней канцеляріи уже значительное, сравнительно, развитіе идеи о необходимости государственнаго контроля надъ движеніемъ доходовъ и расходовъ, а равно и упорядоченія отчетности. Только что названный авторъ подробно и обстоятельно изслѣдовалъ сводныя вѣдомости прихода и расхода, „составленіе коихъ было главною обязанностью Ближней канцеляріи въ 1701—1709 г.г. [2])“. И какъ бы ни смотрѣть на дѣятельность Ближней канцеляріи, въ качествѣ перваго, болѣе или менѣе опредѣленнаго, органа государственнаго контроля, но въ ней, во всякомъ случаѣ, нельзя не признать особаго финансоваго учрежденія, дѣйствовавшаго „подъ судомъ (т. е. подъ управленіемъ) думнаго дворянина Никиты Зотова“. Этимъ и объясняется, что ея существованіе не было излишнимъ и по учрежденіи Правительствующаго Сената, чего, конечно, не могло-бы быть, еслибъ Ближняя канцелярія являлась только „промежуточнымъ звеномъ между Боярскою Думою и Сенатомъ“, какъ полагалъ изслѣдователь этого учрежденія, Н. Я. Токаревъ. Замѣтимъ еще кстати, что тотъ же авторъ, устанавливая разницу между тремя послѣдовательно смѣнявшими другъ друга, по его мнѣнію, учрежденіями Боярской Думою, Ближней канцеляріею и Сенатомъ так резюмируетъ „вкратцѣ“ свою мысль: „Боярская Дума была учрежденіемъ, дѣйствовавшимъ при Государѣ и съ нимъ вмѣстѣ; Ближняя канцелярія дѣйствовала уже вдали отъ Государя, но по его предначертаніямъ и руководству, а Сенатъ могъ уже замѣщать самого Государя, будучи установленъ вмѣсто присутствія Его Величества собственной персоны [3])“. Конечно, Сенатъ былъ установленъ для управленія государствомъ „вмѣсто присутствія“ Государя и это составляло существенное отличіе его отъ боярскаго совѣта (или по терминологіи автора—отъ Ближней канцеляріи), имѣвшаго, дѣйствительно, видъ случайной временной комиссіи съ непостояннымъ составомъ и пр. Но между Сенатомъ и этимъ совѣтомъ не

[1]) П. Н. Милюковъ, Государственное хозяйство Россіи, стр. 112, примѣчаніе.
[2]) Ibidem, стр. 103—290.
[3]) Н. Я. Токаревъ, „Ближняя канцелярія при Петрѣ Великомъ“ и ея дѣла ibid., стр. 75.

было того противоположенія, какое, повидимому, хочетъ установить авторъ, такъ какъ подобно боярскому совѣту, собиравшемуся въ Ближней канцеляріи (какъ и въ другихъ мѣстахъ), Сенатъ также дѣйствовалъ, если и вдали отъ Государя, то „по его предначертаніямъ и руководству", какъ это будетъ доказано въ послѣдующемъ изложеніи.

Какъ извѣстно, реформѣ центральныхъ учрежденій при Петрѣ Великомъ, начавшейся съ образованія въ 1711 г. Правительствующаго Сената, предшествовало переустройство областного управленія. Первымъ крупнымъ шагомъ этого переустройства надо считать учрежденіе въ Москвѣ Бурмистерской палаты или Ратуши, а въ городахъ —земскихъ избъ. Создавая названныя учрежденія, законодатель преслѣдовалъ двѣ цѣли. Съ одной стороны, онъ хотѣлъ оберечь гостей, гостиную сотню и всѣхъ посадскихъ, купецкихъ промышленныхъ людей и чернослободцевъ „отъ волокиты въ разныхъ приказахъ и отъ приказныхъ и разныхъ чиновъ отъ людей нападковъ и убытковъ и разоренья", создавъ для управленія ими особыя учрежденія. Съ другой,—онъ заботился о томъ, чтобъ „Его, Великаго Государя, казнѣ, окладнымъ доходамъ доимки, а пошлиннымъ и питейнымъ и инымъ сборамъ недоборовъ-бы не было" [1]), при чемъ, при осуществленіи этихъ цѣлей на практикѣ, естественно, возобладала вторая, фискальная, въ виду тяжелыхъ условій, въ которыхъ находились тогда финансы государства, такъ какъ содержаніе арміи требовало все бо̀льшихъ и бо̀льшихъ расходовъ.

Изучая подробно государственное хозяйство за время съ 1681 по 1701 г. и считая самую реформу 1699 г. „фискальной мѣрою, имѣвшею цѣлью дальнѣйшее развитіе финансовой реформы 1679—1681 г.г.", П. Н. Милюковъ обнаруживаетъ два факта изъ исторіи этого хозяйства: „во первыхъ, окончательное паденіе областныхъ финансовыхъ приказовъ XVII в., во вторыхъ, появленіе цѣлаго ряда новыхъ военныхъ приказовъ съ финансовымъ значеніемъ", при чемъ Ратуша не вмѣщаетъ въ себѣ этихъ послѣднихъ [2]). Это само по себѣ уже требовало дальнѣйшихъ преобразованій. Но, кромѣ того, Ратуша не достигала и другой цѣли, поставленной законодате-

[1]) П. С. З., №№ 1674, 1675.

[2]) П. Н. Милюковъ, Государственное хозяйство Россіи, стр. 163 и сл.

лемъ „собрать воедино разсыпанную храмину торгово-промышленнаго сословія“, какъ это доказывается весьма убѣдительно И. И. Дитятинымъ [1]).

Разрушеніе старыхъ приказовъ и финансовыхъ областныхъ округовъ шло параллельно съ укрѣпленіемъ и развитіемъ округовъ военныхъ. „Петру“, говоритъ П. Н. Милюковъ, „было еще нужнѣе, чѣмъ Алексѣю и Ѳедору, сосредоточить сборы со всей Россіи прямо въ рукахъ своихъ генераловъ и адмираловъ, поближе къ мѣсту ихъ дѣйствій. Завоевываетъ онъ Прибалтійскій край, и весь сѣверо-западъ Россіи отдается въ полное распоряженіе главнокомандующаго Меншикова. Ожидаетъ онъ нападеніе Карла XII изъ-за Днѣпра, и немедленно формируются военныя квартиры въ Смоленскѣ и Кіевѣ; къ Кіеву приписываются и старые разряды: Сѣвскій и половина Бѣлгородскаго. Другая половина Бѣлгородскаго съ Воронежемъ приписывается къ Азову для построенія флота. Бунтъ поволжскихъ инородцевъ заставляетъ сформировать военную квартиру въ Казани и перенести туда, на мѣсто, управленіе стараго Казанскаго дворца. Только центръ и сѣверъ остаются внѣ прямого завѣдыванія генераловъ, но для бóльшаго единообразія Петръ и ихъ рѣшаетъ превратить въ военно-финансовые округа съ обязательствомъ помогать южной Россіи. Такимъ образомъ создается впервые въ Россіи правильное дѣленіе всего государства на области, или, какъ называетъ ихъ Петръ, губерніи“ [2]). Тотъ же взглядъ, въ сущности, на смыслъ губернской реформы 1708 г., высказывается В. О. Ключевскимъ, который, между прочимъ, говоритъ, что „извѣрившись въ способность центральныхъ приказовъ и самой Ратуши удовлетворить военнымъ нуждамъ, Петръ хотѣлъ во главѣ крупныхъ округовъ поставить полномочныхъ намѣстниковъ, которые могли бы изыскать необходимыя для того средства. Слишкомъ конкретный умъ Петра располагалъ его болѣе довѣряться лицамъ, чѣмъ учрежденіямъ. Отсюда планъ разложить содержаніе арміи по частямъ на такіе округа, раздробивъ по нимъ и военный бюджетъ“ [3]).

Какой выводъ изъ этого взгляда, представляющагося нынѣ господствующимъ въ литературѣ предмета, надо сдѣлать для

[1]) И. И. Дитятинъ. Устройство и управленіе городовъ Россіи, т. I, СПБ., 1875 г., стр. 179 и сл.

[2]) П. Н. Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры, ч. I, СПБ., 1896 г., стр. 153.

[3]) В. О. Ключевскій. Курсъ русской исторіи, ч. IV, М., 1910 г., стр. 204 и сл.

интересующаго насъ вопроса—о вліяніи губернской реформы 1708 и двухъ послѣдующихъ годовъ на образованіе новаго центральнаго учрежденія, получившаго наименованіе Правительствующаго Сената? Указанные выше авторы отвѣчаютъ на этотъ вопросъ такъ. „Въ результатѣ устройства губерній (1708—1712 г.г.)", говоритъ П. Н. Милюковъ, „обнаружилась, однако, большая неожиданность. Раздѣливши управленіе и доходы съ различныхъ областей России между своими генералами, Петръ этимъ самымъ въ корень разрушилъ прежнее центральное управленіе—приказы... Россія была теперь съ областями, но безъ центральнаго управленія; жалкіе обломки приказовъ слились съ управленіемъ Московской губерніи; старинная Дума Боярская уже не собиралась съ начала столѣтія; вмѣсто нея существовали съѣзды ближайшихъ помощниковъ Петра, въ болѣе или менѣе случайномъ составѣ, собиравшіеся, за его отлучками, все рѣже и рѣже. Уже для военно-финансовыхъ порученій пришлось создать въ центрѣ болѣе постоянное учрежденіе, которое Петръ украсилъ громкимъ именемъ Сената" [1]).

„Происхожденіе, точнѣе такое превращеніе Сената („изъ временной комиссіи, какою являлся Сенатъ въ 1711 г., постепенно въ постоянное верховное учрежденіе"), замѣчаетъ В. О. Ключевскій, „тѣсно связано съ губернскою реформою 1708 г. Эта реформа опустошила или разстроила центральное приказное управленіе; одни приказы, какъ Сибирскій и Казанскій, она упразднила, перемѣстивъ ихъ вѣдомства въ соотвѣтственныя губерніи, другіе превратила изъ общегосударственныхъ въ учрежденія Московской губерніи. Къ числу этихъ послѣднихъ принадлежала и Московская Ратуша, ставшая теперь просто Московской губернскою управою. Создавалось рѣдкое по конструкціи государство, состоявшее изъ 8 обширныхъ сатрапій, ничѣмъ не объединявшихся въ столицѣ, да и самой столицы не существовало: Москва перестала быть ей, а Петербургъ еще не успѣлъ стать ею" [2]).

Такимъ образомъ, по вышеозначенному взгляду, образованіе Правительствующаго Сената стоитъ въ прямой связи съ губернскою реформою 1708 г., окончательно разстроившей центральное приказное управленіе. Это разстройство, — вмѣстѣ

[1]) П. Н. Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры, ч. I, СПБ., 1896 г., стр. 153 и сл.
[2]) В. О. Ключевскій. Курсъ русской исторіи, ч. IV, стр. 214 и сл..

съ несовершенствами организаціи того боярскаго совѣта, который занялъ мѣсто Боярской Думы московскихъ государей въ первое десятилѣтіе XVIII вѣка,—естественно, должно было, какъ намъ кажется, наводить законодателя на мысль о необходимости созданія новаго высшаго учрежденія въ центрѣ государства, которымъ еще оставалась пока Москва. Новое учрежденіе должно было быть, во 1-хъ, „управительнымъ", т. е. соединяющимъ въ себѣ какъ исполнительную, такъ и распорядительную высшую власть. Оно должно было, во 2-хъ, связать центръ государства съ его областями, получившими наименованіе губерній и нуждавшимся въ руководительствѣ и контролѣ единой высшей центральной инстанціи.

Несомнѣнно, для исполненія этой трудной миссіи только-что созданному Сенату было дано первоначально весьма мало средствъ, а обремененіе его массою мелкихъ дѣлъ, стекавшихся къ нему отовсюду,—въ виду отсутствія между нимъ и областями посредствующихъ учрежденій, какими были на Москвѣ, при Боярской Думѣ, приказы,—заставляло Сенатъ тратить много времени совершенно непроизводительно и тѣмъ самымъ еще болѣе удаляться отъ своей прямой цѣли. Но эта цѣль—править государствомъ и объединять центръ съ областями—была, во всякомъ случаѣ, предуказана уже въ „опредѣлительномъ" о Сенатѣ указѣ. Отъѣздъ Государя на войну былъ послѣднимъ толчкомъ, осуществившимъ въ учрежденіи Сената эту цѣль воочію. Петръ, съ его громаднымъ здравымъ смысломъ, съ его геніальною способностью вѣрно и глубоко оцѣнивать всѣ реальныя условія дѣйствительности, не могъ, конечно, покинуть отечества раздѣленнымъ на 8 областей, безъ объединяющаго ихъ высшаго учрежденія въ центрѣ, какъ не могъ оставить правленія государствомъ въ рукахъ такого безформеннаго, маложизненнаго учрежденія, какимъ являлся боярскій совѣтъ послѣднихъ лѣтъ передъ реформою. Онъ этого и не сдѣлалъ, а создалъ „Правительствующій" или „Управительный" Сенатъ. Мысль, выраженную въ „опредѣлительномъ" о Сенатѣ указѣ, Петръ, въ весьма категорической формѣ, еще разъ повторилъ въ письмѣ своемъ Меншикову, посланномъ изъ Горокъ 11 марта 1711 г., т. е. вскорѣ по учрежденіи Сената: „еще-жъ объявляю", пишетъ Государь своему любимцу, „уже вы извѣстны, что Мы опредѣлили Сенатъ Правительствующій, которому всю полную

мочь дали, того ради извольте о всѣхъ требованіяхъ писать къ нимъ, а къ Намъ только о томъ вѣдѣніе давать, дабы время не терять"...[1]). Къ изученію исторіи этого Сената мы теперь и обратимся.

Медаль на рожденіе
Петра Великаго
(Елисаветинской эпохи).

[1]) И. И. Голиковъ, „Дѣянія Петра Великаго", изд. 2, томъ IV, М., 1838 г., стр. 524.

ГЛАВА II.

Отношеніе Правительствующаго Сената къ Верховной власти. Отношеніе къ Св. Правительствующему Синоду.

I. Петръ Великій и Сенатъ во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ „при отлучкахъ" Государя.— II. Петръ Великій и Сенатъ, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, въ присутствіе Государя въ столицахъ.—III. Отношеніе Правительствующаго Сената къ Святѣйшему Правительствующему Синоду.

I. Петръ Великій и Сенатъ во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ „при отлучкахъ" Государя.

Съ первыхъ дней своего образованія и вплоть до кончины Петра Сенатъ нетолько находился въ непрестанныхъ сношеніяхъ съ своимъ великимъ творцомъ, но и правилъ государствомъ подъ непосредственнымъ Его наблюденіемъ и воздѣйствіемъ. Если его дѣятельность, по обстоятельствамъ времени, и протекала вдали отъ Петра, то это мало вліяло на ея сущность, такъ какъ Государь всегда зналъ, что дѣлалъ Сенатъ, былъ ли Онъ близко или далеко отъ него. Мѣнялись, конечно, время отъ времени, формы сношеній, а равно и способы наблюденія и воздѣйствія Петра въ отношеніи Сената; но путемъ письменныхъ постоянныхъ сношеній, какъ и путемъ личныхъ переговоровъ съ отдѣльными сенаторами, посѣщеніемъ самого Сената, или передачею своихъ велѣній Сенату посредственно (черезъ особыхъ лицъ, состоявшихъ при Петрѣ, или при самомъ Се-

натѣ), съ затребованіемъ отъ него всякаго рода свѣдѣній, вѣдомостей, табелей и т. п.,—Петръ постоянно руководилъ дѣятельностью Сената и направлялъ ее на рѣшеніе тѣхъ дѣлъ, которыя считалъ наиболѣе важными и неотложными. Правда, при разрѣшеніи этихъ неотложныхъ и важныхъ дѣлъ, Сенатъ нерѣдко предпринималъ рядъ дѣйствій, о коихъ сообщалъ Петру лишь post factum, причемъ иногда и пріостанавливалъ исполненіе указовъ Государя, но онъ и объ этомъ тотчасъ же увѣдомлялъ Государя, гдѣ бы тотъ ни находился. Сохранилась въ архивахъ, и частію уже нынѣ издана, громадная переписка Петра съ Сенатомъ, а также съ созданными, въ концѣ царствованія, магистратами, стоявшими при Сенатѣ, изъ коей видно, какъ постоянны, бдительны, часто мелочны были заботы Царя о направленіи дѣятельности Сената и наблюденіе за ея продуктивностью. Не менѣе обширна была переписка съ сенаторами, оберъ-секретарями, дьяками, позднѣе съ генералъ-прокуроромъ, рекетмейстеромъ и прочими лицами кабинетъ-секретаря Петра — Алексѣя Макарова. Въ этой перепискѣ Макаровъ требовалъ обычно сообщенія ему разнообразныхъ свѣдѣній о дѣйствіяхъ Сената и, въ свою очередь, сообщалъ Сенату повелѣнія Государя.

Уже менѣе чѣмъ черезъ два мѣсяца по отъѣздѣ своемъ изъ Москвы, а именно въ письмѣ отъ 4 мая 1711 г. Государь пишетъ Сенату: „зѣло Мы удивляемся, что Мы, по отъѣздѣ Нашемъ съ Москвы, никакой отповѣди отъ васъ не имѣемъ, что у васъ чинится, а особливо отправлены ли, по указу, на Воронежъ, новые полки, также и въ Ригу рекруты, что зѣло нужно, о чемъ уже Мы дважды къ вамъ писали и никакой отповѣди не получили, исполнено ли то, или нѣтъ“. Когда затѣмъ оказалось, что „отповѣдь“ уже была отправлена Сенатомъ Государю и что въ ней Сенатъ докладывалъ, что имъ посланъ указъ о доставкѣ въ Ригу рекрутъ, Петръ вновь выражаетъ свое крайнее удивленіе, что сенаторы Ему пишутъ, „какъ старые судьи: послано, а то позабыли (добавить), что дошли ли? Или у васъ уже та клятва вышла изъ души, которую недавно учинили?“. Это требованіе дѣйствительнаго исполненія предписаннаго, а не простой отписки по дѣлу, возможно было провести въ практикѣ, конечно, только потому, что Петръ самъ неустанно слѣдилъ за дѣятельностью сенаторовъ, которые, по словамъ Его „иного дѣла не имѣютъ, точію одно правле-

№ 9:

Господа Сенатъ

Писмо ваше писанное изъ москвы апреля въ 30 дня до насъ дошло, в которомъ пишете что рекруты в Ригу по указу вы отправили, а понеже господинъ генералъ фелтъмаршалъ и губернатор князь Меншиковъ ко мне писалъ нынѣ апреля въ 16 дня что в Ригу в прибавокъ к смоленским и архангелогородцким рекрута явились толко в одно Казанско губерни что невесть с которыхъ многое число в бегахъ, с его писма прилагается экстрактъ, а з другихъ губерне еще ничего не явилось, того для весма вам надобно о том старатца, и вместо беглецовъ в ыныхъ губерне высылать вновь, дабы указное число конечно было исполнено,

[illegible]

Письмо Петра Великаго Сенату отъ 19-го мая 1711 г.

Последнія 9 строкъ и слѣдующій листъ писаны Государемъ собственноручно

Протчее здесь все по[illegible] здесь 20

соединены войска ———

в Яворове 19 мая 1711 Петр

ніе". И Петръ достигалъ, почти всегда, исполненія указсвъ всѣми доступными Ему средствами: Онъ „паки и паки" подтверждалъ Сенату свои требованія и то ласкою и угрозами, то указаніемъ на крайнюю государственную нужду, взывалъ къ совѣсти сенаторовъ. Получивъ, напр., благопріятныя для дѣла письма Сената, Онъ тотчасъ же отвѣчаетъ ему такъ: „за исправленья дѣлъ благодарствую, въ чемъ и впредь надлежитъ вамъ трудиться и все заранѣе со временемъ изготовлять, понеже пропущеніе времени смерти невозвратной подобно". Или сообщаетъ: „что же пишете о усмотрѣніи соляной прибыли, такоже и о персидскомъ торгу, и за то вамъ благодарствуемъ, и паки напоминаемъ, дабы вы, по даннымъ вамъ пунктамъ, которые Мы въ бытность свою на Москвѣ вамъ отдали, трудились о усмотрѣніи такой же прибыли у товаровъ, которые были по приказамъ (яко у поташу, у смолы и у прочихъ) и о исправленіи векселей, отъ чего будетъ немалая государству польза"... Наоборотъ, найдя, напримѣръ, что сенаторы „о китайскомъ торгу учинили весьма не такъ", какъ Государь говорилъ и писалъ, и что они свой приговоръ „или смѣху для, или дачи отъ оныхъ (торговыхъ людей) учинили по старымъ глупостямъ", Петръ указываетъ, что съ нихъ, при возвращеніи Его въ Ингерманландію, „куда имъ всѣмъ зимою (изъ Москвы) быть надлежитъ, весьма инако спрашивано будетъ"... Слѣдя за дѣятельностью Сената издали и направляя ее, Петръ уже въ концѣ перваго года существованія Сената потребовалъ прибытія сенаторовъ изъ Москвы въ Нарву и „оттоль въ Ревель или въ Петербургъ, гдѣ Мы будемъ обрѣтаться; и буде всѣмъ вамъ невозможно быть (для того, чтобъ тамъ дѣла не стали), то кто-нибудь изъ васъ, двое или трое, пріѣзжайте съ полными вѣдомостьми, что по даннымъ вамъ указамъ сдѣлано, и чего не додѣлано и за чѣмъ" [1]), т. е., иначе говоря, хотѣлъ лично, при свиданіи съ сенаторами, прибывшими „съ полными вѣдомостьми", — убѣдиться въ ихъ исполнительности.

Письма слѣдующихъ лѣтъ полны подтвержденіями указовъ, напоминаніями о дѣлахъ и т. п. Въ августѣ 1712 г. Онъ пишетъ, напр., Сенату: „господа Сенатъ! понеже, будучи въ С.-Пе-

[1]) Сбор. Имп. Русс. Ист. Общ., т. XI, стр. 191, 192, 348, 195, 197, 203, 215; срав. факсимиле №№ III, VI.

тербургѣ, говорено вамъ о приготовленіи пороху и чтобы всегда было въ запасѣ больше селитры, о чемъ и нынѣ паки напоминаемъ, дабы вы о томъ старались, чтобъ въ нужной случай нужды въ томъ не принять (ибо войнѣ еще не видѣть когда конецъ будетъ)"... Требуя въ ноябрѣ того же года, въ подтвержденіе прежняго указа, посылки мяса въ корпусъ Шереметева, Государь напоминаетъ Сенату, что „о семъ зѣло надобно имѣть попеченіе и для такихъ трудныхъ маршевъ, конечно, имъ надобно мяса давать: ибо инако, ежели они не будутъ довольны, а нужда ихъ требовать будетъ, тогда не минете не только жестокой отвѣтъ дать, но и истязаны будете". Въ началѣ слѣдующаго года Петръ, между прочимъ, сообщаетъ Сенату: „Я зѣло со удивленіемъ услышалъ, что вы плута Сомова, которой табели потерялъ и достоинъ жестокого наказанья, на майора шведскаго размѣнили, чего не надлежало вамъ дѣлать, и будете въ томъ жестоко штрафованы". Иногда въ одномъ и томъ же письмѣ, Государемъ указывается Сенату, что „то изрядно", а „то зѣло худо сдѣлано"... Узнавъ, что по доносамъ фискаловъ Сенатъ „ни единаго главнаго дѣла не вершилъ", но все „проманивалъ время отъ времени, забывая Бога и души своя", Петръ написалъ сенаторамъ: „ежели пяти или шти дѣлъ главныхъ, буде болѣе не успѣете (о которыхъ вамъ будутъ фискалы доносить), до ноября первого числа (письмо писано 2 іюля) не вершите и преступникомъ (которые, для своихъ пользъ, интересъ государственной портятъ) не учините смертную казнь, не щадя никого въ томъ, и ежели инако въ томъ поступите, то вамъ сіе будетъ"... Подтверждая затѣмъ вновь свое требованіе, Государь сообщаетъ Сенату и реестръ дѣлъ, которыя надобно вершить по доносамъ фискаловъ. Въ августѣ 1714 г., извѣщая о „викторіи" своей въ Финляндіи, —благодаря которой „вездѣ намъ непріятель оттворенный берегъ свой оставилъ",- Государь требуетъ скорѣйшей присылки провіанта въ Або и Гельсингфорсъ и заканчиваетъ письмо такими словами: „а буде сего не учините, то вы, что Богъ далъ Намъ, все испортите, и въ томъ винны будете". Повелѣвая въ началѣ 1715 г. Сенату все приготовить къ отправленію флота, Петръ обращаетъ вниманіе сенаторовъ, что „инакожъ винны будете потерянію всей кампаніи". И, дѣйствительно, въ слѣдующемъ году (какъ это

видно изъ письма отъ 7 окт. 1716 г.), Петръ уже прямо винитъ Сенатъ въ неудачахъ кампаніи: такъ, приказывая сенаторамъ - „чинить всякое приготовленіе“ (о скотѣ и провіантѣ) во всемъ, „что о томъ вамъ будутъ объявлять г. адмиралъ и г. князь Меншиковъ, — Петръ иронически добавляетъ въ концѣ письма: „только не усните такъ, какъ въ нынѣшней кампаніи, что адмиралъ принужденъ былъ поворотиться...“ [1]).

Для полноты характеристики нельзя не добавить, что Государь сообщаетъ Сенату о всѣхъ важныхъ событіяхъ и не скрываетъ отъ него какъ своихъ неудачъ, такъ и сложныхъ внѣшнихъ конъюнктуръ того времени. Объ этомъ мы скажемъ особо. Та высокая роль, какая была предоставлена въ государствѣ Сенату Его великимъ Основателемъ, вызывала, естественно, Его на мысль, что сильный своею властію Сенатъ долженъ умѣть реагировать противъ всякаго государственнаго нестроенія и искоренять его, и достаточно было Петру изъ своего далека услыхать объ этихъ нестроеніяхъ, какъ Онъ съ горечью выговаривалъ за нихъ Сенату. Въ письмѣ, напр., присланномъ „господамъ Сенату“, изъ Кале, отъ 16 апрѣля 1717 г., Петръ пишетъ: „понеже какъ Я слышу по постороннимъ вѣдомостямъ, что въ губерніяхъ несносные правежи чинятся (въ чемъ Мнѣ, за такою дальностью, а, въ своемъ государствѣ будучи, за сею тяжкою войною усмотрить невозможно), отъ чего не точію разоренья государству, но отъ Бога не безъ гнѣву, что Я по совѣсти своей не могъ оставить вамъ сіе писать, дабы вы въ томъ горазда смотрѣли, понеже иного дѣла не имѣете, точію одно правленіе, которое, ежели несмотрительно будете дѣлать, то предъ Богомъ, а потомъ и здѣшняго суда не избѣжите. Что же надлежитъ до сборовъ денежныхъ, въ томъ наипаче смотрѣть надобно, ибо и безъ великого отягченія людемъ денегъ сыскать мочно, въ чемъ паче всего трудъ приложите, ибо въ семъ дѣлѣ немалую оплошку имѣете“ [2]). Можно было, конечно, винить Сенатъ за оплошку,—которая, между прочимъ, состояла въ томъ (какъ видно это изъ того же письма), что, какъ иноземцы, такъ и русскіе купцы отъѣзжали отъ Архангельска, не заплативъ надлежащихъ торговыхъ пошлинъ, тогда какъ Сенатъ долженъ былъ заботиться объ умноженіи

[1]) Сбор. Имп. Русс. Ист. Общ., т. XII, стр. 239, 250 сл., 257, 259, 264, 268, 281, 333.
[2]) Ibid., стр. 348.

сборовъ,—но искоренить сразу „несносные правежи“ въ губерніяхъ было внѣ силы не только Сената, но и самого Петра, и съ ними пришлось бороться не одному поколѣнію. Сенатъ, впрочемъ, продолжалъ оставаться до конца царствованія „высокопо вѣреннымъ отъ Его Царскаго Величества“ учрежденіемъ.

Размолвки съ Сенатомъ по частнымъ вопросамъ, а равно и его „оплошки“, не могли подорвать правительствующаго значенія Сената, тѣмъ болѣе, что замѣнить его было нечѣмъ, особенно— въ случаѣ возможныхъ отлучекъ Государя. Когда, напр., въ январѣ 1719 г. президентъ Камеръ-коллегіи кн. Д. М. Голицынъ, между прочимъ, въ докладныхъ своихъ „пунктахъ“, спросилъ Государя: можно ли расходовать и по какимъ указамъ деньги соляного сбора, „въ случаѣ, если изъ оныхъ Сенатъ востребуетъ въ какія дачи“, Петръ положилъ резолюцію: „ни по какимъ указамъ (не расходовать), кромѣ Моего, развѣ въ дальномъ Моемъ отъѣздѣ—по указу изъ Сената“. Отбывъ 18 іюля 1722 г. изъ Астрахани въ Персію, Петръ въ письмѣ къ ген.-прокурору П. И. Ягужинскому такъ опредѣлилъ роль Сената въ Его отсутствіи: „дѣла, которыя время терпѣть могутъ, чтобъ о такихъ изъ Сенату къ Намъ не писали, но или обождать Нашего возвращенія, или до Нашей апробаціи на время рѣшенія чинить, дабы въ настоящихъ Нашихъ трудахъ лишней докуки не было, также и рѣшенья какую пользу имѣть будетъ въ такой дальности, токмо потеряніе времени...“ [1]).

Мы остановились кратко на перепискѣ Петра Великаго съ Сенатомъ, теперь частію изданной, почти не касаясь тѣхъ подробностей отношеній Петра къ Сенату, которыя уже были предметомъ сужденія въ литературѣ нашей. Но переписка Макарова съ тѣми или иными лицами, состоявшими при Сенатѣ, а равно и съ самимъ Сенатомъ, какъ и письма къ Петру сенаторовъ по большей части еще покоятся въ нашихъ архивахъ и доселѣ почти не были изслѣдованы, почему мы и считаемъ необходимымъ остановиться на этомъ архивномъ матеріалѣ болѣе подробно, такъ какъ онъ не менѣе (если—не болѣе), чѣмъ письма и указы самого Петра Сенату, бросаетъ яркій свѣтъ на отношеніе послѣдняго къ Государю, съ одной стороны, и на положеніе учрежденія, съ другой. Обращаясь прежде всего

[1]) Сбор. Имп. Русс. Ист. Общ., т. XII, стр. 381, 493.

къ перепискѣ Макарова, этого сильнаго непосредственной близостью къ Петру человѣка, надо вообще сказать, что черезъ его руки проходили всѣ извѣстія, поступавшія къ Петру, а равно и повелѣнія, отъ Государя исходившія. Самъ Петръ привыкъ смотрѣть на Макарова, какъ на человѣка, который все знаетъ и отъ котораго можно получить нужныя свѣдѣнія. Въ письмѣ, напр., отъ 19 марта 1714 г. къ ревизору Василію Зотову, извѣстивъ его о полученіи писемъ относительно того, что Котлинская гавань „къ нынѣшней зимѣ не поспѣетъ", что Государь „объ этомъ уже извѣстенъ чрезъ письма высокоправительствующихъ г.г. сенаторовъ и что за то штрафованы нѣкоторые г.г. губернаторы" — Макаровъ пишетъ въ заключеніе слѣдующее: „и для того доношу вамъ, что впредь о нужнѣйшихъ такихъ дѣлахъ, подобныхъ сему, извольте заранѣе, хотя вкратцѣ, сюда писать для извѣстія Его Царскому Величеству, а особливо Его Величество изволитъ спрашивать у меня извѣстія о исполненіи его именныхъ указовъ, что по которымъ учинено, или зачѣмъ не учинено, а какіе отсель посылаются указы въ Правительствующій Сенатъ, по тому вы извольте освѣдомляться отъ нихъ (т. е. отъ сенаторовъ), а въ губерніи какіе отсель посылаются и съ тѣхъ сообщимъ копіи". Добавивъ въ post-scriptum'ѣ, что „сего моменту" имъ получено отъ Зотова извѣстіе о благополучномъ походѣ Бековича-Черкасскаго и о построеніи имъ крѣпости, Макаровъ заключаетъ свое письмо такими словами: „сія вѣдомость Его Царскаго Величества зѣло порадовала, ибо здѣсь мыслили объ немъ, что онъ пропалъ и для того прошу, дабы и впредь меня изволили о всемъ увѣдомлять, дабы я по тѣмъ вашимъ письмамъ могъ доносить Его Царскому Величеству и для того въ тѣхъ письмахъ излишнихъ куплементовъ писать не извольте для того, что я тѣ письма показываю самому Государю"... [1]). Въ свою очередь, гнѣвъ и милость Петра Великаго дѣлаются извѣстными Сенату и состоящимъ при немъ лицамъ, нетолько чрезъ письма самого Петра, но и черезъ его кабинетъ-секретаря. Въ письмѣ къ Анисиму Щукину изъ Амстердама отъ 20 августа 1717 г., Макаровъ, сообщивъ Щукину о полученіи Государемъ письма отъ сенаторовъ о юфти, которую „велѣно дѣлать" Юрію

[1]) Гос. Арх., разр. IX, Каб. II, № 50, л. 181 и об.

Нелединскому, и которой однако, „въ два года, и больше, сдѣлано самое малое число“, добавляетъ, что это извѣстіе Монархъ „зѣло за противно принялъ и изволилъ при томъ упоминать, что для сего такъ худо обучаются, или Нелединскій худо смотритъ, и въ томъ дѣлѣ извольте ихъ сіятельствамъ и превосходительствамъ (т. е. сенаторамъ) донести, чтобъ изволили подтвердить отъ себя указами, дабы онъ, Нелединскій, скорѣе обучилъ“... Въ письмѣ къ В. Зотову Макаровъ пишетъ, что Его Величеству „довольно докучаютъ“ письма адмиралтейскихъ совѣтниковъ, жалующихся, что „за неприсылкою къ нимъ опредѣленныхъ денегъ, всѣ дѣла ихъ останавливаются“ и что онъ, Макаровъ, „принужденъ“ къ нему писать, „дабы о томъ ихъ сіятельствамъ и превосходительствамъ г.г. сенаторамъ предложили, дабы они впредь такихъ жалобъ до Его Величества, въ такомъ дальномъ отлученіи, паче-же за наступающею трудною кампаніею, не допускали“, добавляя, что „ежели-же впредь такія жалобы сюда до Его Величества будутъ, то, я мню, что, или вы двое съ г. Щукинымъ, или другіе, которые о тѣхъ дѣлахъ не радѣютъ и не доносятъ ихъ сіятельствамъ и превосходительствамъ о рѣшеніи оныхъ, конечно, будутъ жестоко отвѣчать, и для того не извольте на меня гнѣваться, что такъ вамъ дерзновенно пишу“ [1]).

Чрезвычайно характерна эта переписка Макарова какъ съ разными лицами, состоящими при Сенатѣ, такъ и съ самимъ Сенатомъ. Въ письмѣ къ сенатскимъ дьякамъ, отъ 18 января 1717 г., Макаровъ,—отправляя, напр., къ нимъ копіи съ писемъ Петра къ сенаторамъ, „въ запасъ для того, что, можетъ быть, либо оригинальныя въ дорогѣ гдѣ укоснѣютъ“, сообщаетъ, что Государемъ получены отъ сенаторовъ письма о заготовкѣ юфти и, что, слушая эти письма, Петръ „изволилъ упоминать, ежели всей юфти будетъ въ дѣлѣ нынѣ такое-жъ число, какъ прошлаго года, то бы лучше всей ей проданной быть предъбудущую городскую ярмонку изъ казны, понеже, когда оная въ однѣхъ рукахъ будетъ, то и цѣна на нее будетъ выше“, и добавляетъ отъ себя: „только я не могу знать, точно-ли такое число сыскать денегъ, что за нее всее надлежитъ заплатить. И о томъ извольте донести ихъ сіятельствамъ и превосходительствамъ (т. е. сенаторамъ) и меня

[1]) Гос. Арх., разр. IX, Каб. II, № 50, л. 302, 90.

съ первою почтою увѣдомить, чтобъ я заранѣе могъ стараться объ указѣ, дабы хотя изъ соляныхъ денегъ въ прибавку нѣкоторую сумму указалъ Его Величество на расплату за тое юфть выдать. P. S., однакожъ, не въ указъ (сенаторамъ) доношу, лучше, чтобъ ихъ сіятельства и превосходительства изволили къ Его Царскому Величеству о деньгахъ сами отписать". Извѣщая В. Зотова, что дьякъ Вороновъ и подьячіе прислали Царю челобитныя о денежномъ и хлѣбномъ жалованьи и что онъ, Макаровъ, „о семъ Его Величеству, за слабымъ здоровьемъ, доносить не разсудилъ за благо", и что означенныя лица получатъ денежное жалованье изъ канцеляріи князя Вас. Вл. Долгорукаго, онъ заключаетъ письмо словами: „а о хлѣбномъ жалованьѣ извольте донести ихъ сіятельствамъ, высокоповѣреннымъ г.г. сенаторамъ, чтобъ изволили приказать опредѣлить по своему разсмотрѣнію".

Въ слѣдующіе годы, когда были созданы должности генералъ-прокурора, рекетмейстера, герольдмейстера, Макаровъ ведетъ переписку и съ лицами, занимающими эти должности, время отъ времени передавая имъ повелѣнія Петра относительно разсмотрѣнія дѣлъ, которыя долженъ рѣшать Сенатъ. Такъ, напр., Макаровъ, отсылая 25 февраля 1722 г. Ягужинскому „доношеніе въ Сенатъ о посылкѣ капитана Степана Пырскаго для набору плотниковъ, которое доношеніе указалъ ему Государь послать чрезъ Ягужинскаго"—категорически добавляетъ: „и какъ оное до рукъ вашихъ дойдетъ, то извольте предложить сенаторамъ, чтобъ его, Пырскаго, поскорѣе отправили" [1]). Изъ письма отъ 2 марта того же года узнаемъ, что Макаровъ „обстоятельно доносилъ" Государю (на основаніи писемъ того же Ягужинскаго), „какія затрудненія въ дворянскихъ смотрахъ учинились", и что Государь указалъ ему „отписать" къ Ягужинскому, „чтобъ публикаціею и прибиваніемъ именъ нѣтчиковъ къ висѣлицѣ обождали

[1]) Гос. Арх., разр. IX, Каб. II, № 50, л. 155 об., л. 136 и сл. Сообщая, напр., Сенату 11 сентября 1723 г., что „Его Величеству доносилъ синодальный вице-президентъ Ѳеодосій, архіепископъ новгородскій, именемъ всего Св. Синода, что де генералитетъ, который взыскиваетъ въ губерніяхъ и провинціяхъ доимку, не допускаетъ синодскихъ подчиненныхъ свободно настоящихъ на сей годъ сборовъ сбирать, отчего-де чинится остановка. И Его Императорское Величество указалъ вашимъ сіятельствамъ и превосходительствамъ предложить, дабы въ губерніи и провинціи къ генералитету послать указы, дабы они въ сборы синодальнаго вѣдомства не мѣшались и препятствія ихъ подчиненнымъ никакого не чинили" (Ibid., IX, № 2, ч. III, „Книга записная отходящимъ письмамъ за рукою к.-с. Макарова 1722 г.", л. 147).

до возвращенія посланныхъ изъ провинцій, а которые послѣ перваго числа февраля явились, а на указный срокъ не поспѣли, и о тѣхъ такожъ изволили указать обождать до возвращенія своего въ Москву" —Петръ въ это время отправлялся на Петровскіе заводы [1]). Въ бытность Петра въ Астрахани, ему билъ челомъ дворянинъ Михаилъ Щербачевъ объ отпускѣ въ Москву, по указу Камеръ-коллегіи, на смотръ, но такъ какъ Щербачевъ, бывшій у соляного сбора въ Астрахани, былъ необходимъ для дѣла, то „Его Величество онаго Щербачева изволилъ Самъ здѣсь смотрѣть и указалъ ему здѣсь быть до указу у того соляного дѣла по прежнему". Объ этомъ „для извѣстія" Макаровъ объявляетъ герольдмейстеру Ив. Плещееву письменно, предложивъ „донесть о семъ" г.г. сенаторамъ, а также и Павлу Ивановичу (Ягужинскому), „дабы его велѣли отмѣтить и не написали въ нѣтчики". Затѣмъ оберъ-секретарю Сената Познякову, 8 декабря 1720 г., Макаровъ сообщаетъ, что Государь „изволилъ упоминать", чтобъ Позняковымъ была приготовлена къ слушанію „инструкція о магистратѣ, также и прочія нужнѣйшія дѣла, для которыхъ намѣренъ Его Величество завтра рано быть въ Сенатѣ", при чемъ Макаровъ просилъ Познякова не забыть сообщить въ Камеръ-коллегію, чтобъ и она готова была съ своею окладною табелью о государственномъ штатѣ.

Отсылая въ Сенатъ, по повелѣнію Петра, различныя челобитныя, доношенія и т. п., Макаровъ нерѣдко оканчиваетъ свои сообщенія стереотипными фразами: „и по оному (доношенію)", или „по которой (челобитной) извольте учинить рѣшеніе", „того для высокоправительствующимъ г.г. Сенату симъ предлагается, дабы о вышеописанномъ о всемъ учинена была резолюція"... и т. п. [2]). Въ докладахъ канцеляріи Сената, вызывавшихъ тѣ или иные его приговоры, не разъ встрѣчаемъ отмѣтки, что письма Макарова (къ оберъ-секретарю Щукину, къ тѣмъ или инымъ изъ сенаторовъ, въ канцелярію Сената, на имя дьяковъ и пр. [3]),—

[1]) Гос. Арх., разр. IX, Каб. II, № 2, ч. IV, л. 34 об., 44 об., л. 158 и об., л. 444.

[2]) Ibid., л. 158 и об., л. 454, 458, № 2, ч. V, кн. 1, л. 32 об. и др.

[3]) Док. и приг. Пр. Сен., т. I, стр. 93, 159, 185, 237, 353; т. II, ч. 1, стр. 76, 148, 160, 161, 254 и др.; ч. 2, стр. 241, 260, 434; т. III, ч. 1, стр. 275, 360; ч. 2, стр. 476, 691, 838, 1235 и др. Приговоры Сената, составлявшіеся, на основаніи писемъ или доношеній Макарова, сообщались затѣмъ въ копіяхъ въ Кабинетъ. Такъ, напр., между другими сообщеніями Кабинету, находимъ такую копію: „августа 21 дня 1724 г., по указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ приказали: по доношенію Тайнаго Каби-

подобно письмамъ и указамъ самого Государя, именемъ коего онъ писалъ—служатъ основаніемъ къ разсмотрѣнію дѣла Сенатомъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ также и отвѣтныя письма къ Макарову названныхъ лицъ. Приведемъ, для примѣра, письма къ нему Алексѣя Щукина и др. „Государь мой Алексѣй Васильевичъ“, пишетъ, 18 января 1718 г. Щукинъ Макарову, „по письму вашему и по присланнымъ копіямъ съ писемъ ген. кн. Репнина, къ Его Царскому Величеству писанныхъ, кой часъ оные здѣсь получены, то тогожъ времени г.г. сенаторамъ донесено и какое до оныхъ еще въ октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго 717 года, тако-же и по требованію изъ военнаго приказу о дивизіяхъ генераловъ кн. Репнина и г. Вейде, гдѣ имѣли винтеръ-квартиры, такожде и объ людяхъ въ комплектъ и о прочемъ опредѣленіе учинено, и къ нимъ о томъ изъ Сената нынѣ писано — съ того копіи при семъ прилагаются“... „Государь мой Алексѣй Васильевичъ“, пишетъ тому же Макарову 5 февраля 1712 г. секретарь Сената Иванъ Молчановъ, „сіятельнѣйшіе г.г. сенаторы приказали мнѣ до вашей милости писать и каковъ Его Царскаго Величества Именной указъ (о дачѣ послѣ умершихъ мужа женѣ и послѣ жены мужу бездѣтнымъ изъ недвижимаго и движимаго имѣнія четвертой части) подписанъ и закрѣпленъ ихъ сенаторскими руками, къ вашей милости послать, который при семъ прилагаю, дабы ваша милость изволили доложить Царскому Величеству, оному указу такъ ли быть и, буде такъ соизволитъ, чтобъ Его Величество изволилъ подписать, понеже и прежде состоявшійся оный пунктъ, съ первенствомъ вмѣстѣ, Его Величества рукою подписанъ; а буде подписать не соизволитъ, а повелитъ быть за однѣми сенаторскими руками, то въ губерніи указы послать печатные-ль, или писанные, о чемъ, доложа Его Величеству, благоволите, государь мой, прислать извѣстіе немедля“ [1]).

нетъ-секретаря Макарова о посылкѣ изъ Астрахани къ прибытію въ крѣпость Св. Креста, или къ Теркамъ, грузинскаго принца Вахтанга нѣкоторой суммы денегъ да провіанта съ довольствомъ, для пропитанія онаго принца съ людьми. А понеже приговоромъ Правительствующаго Сената іюля 12 дня прошлаго 1723 г. опредѣлено, когда грузинскій принцъ Вахтангъ прибудетъ въ Астрахань, тогда довольствовать въ корму астраханскому, по прежнимъ примѣрамъ (по чему давано въ бытность тамо Мелитинскому царю Арчилу), того ради о довольствованіи онаго принца съ людьми, какъ у крѣпости Св. Креста, такъ и въ Астрахани, послать къ нему, губернатору, указъ съ прежняго отпуску“.— Сообщено изъ Сената сентября во 2 день 1724 г. (Гос. Арх., разр. IX, II, кн. 68, л. 75).

[1]) Гос. Арх. разр. IX, II, кн. 53, л. 781, 783.

Если изъ перваго письма видно, съ какимъ вниманіемъ относятся сенаторы къ сообщеніямъ Макарова, то второе ясно показываетъ, какую роль игралъ знаменитый кабинетъ-секретарь, въ качествѣ посредствующаго звена между Петромъ и Сенатомъ. Иногда изъ переписки этой обнаруживалась невозможность приведенія въ исполненіе сообщеній Макарова. Въ письмѣ, напр., къ нему Анисима Маслова, отъ 18 марта 1723 г., послѣдній говоритъ: „изволили вы, государь, ко мнѣ писать, чтобъ присланный изъ Сената въ канцелярію г.-м. и маіора отъ гвардіи И. И. Дмитріева-Мамонова указъ объ отдачѣ денегъ въ Штатсъ-контору написать въ иной силѣ, и на оное вамъ, моему государю, доношу: вышеобъявленный указъ посланъ былъ съ приговору г.г. сенаторей, который закрѣпленъ всѣхъ руками и хотя нынѣ, безъ присутствія ихъ, отмѣнить того неможно, однакожъ, и тотъ указъ мало не въ одной силѣ состоитъ, понеже изъ той канцеляріи деньги велѣно взять, для настоящей крайней нужды, на исправленіе двухъ коллегій, а именно сухопутной и морской, а и вы, государь, изволите писать, чтобъ отдать въ адмиралтейство и въ политическую коллегію и въ томъ воля ваша и ежели тѣ деньги въ С.-Петербургъ, для отдачи въ адмиралтейство, взять изволите, то въ томъ противности не разсуждается, токмо, не изволите-ль, государь, о томъ дать знать Штатсъ-конторѣ“ [1]). Изъ этого весьма интереснаго письма видно, что сообщеніе Макарова запоздало, сенатскій указъ уже былъ отправленъ и Масловъ, какъ оберъ-секретарь Сената, пытается примирить требованіе Макарова съ посланнымъ указомъ. Въ тѣхъ случаяхъ, однако, когда замѣчанія Макарова доходили до Сената своевременно, они имъ принимались къ исполненію, конечно, потому, что основывались на Высочайшей волѣ. Сенатъ, напр., 8 іюня 1720 г. разсуждалъ о приведеніи въ исполненіе присланнаго изъ Кабинета Царскаго Величества 8 февраля „образа баллотированія“. Въ докладѣ, предшествующемъ приговору, читаемъ слѣдующее: „въ письмѣ кабинетъ-секретаря А. Макарова къ секретарю Сената Ивану Познякову написано: „образъ баллотированія, каковъ вамъ отданъ за подписаніемъ Его Царскаго Величества руки, изволите сообщить Анисиму Яковлевичу (Щукину); а понеже

[1]) Гос. Арх. разр. IX, II, кн. 64, л. 69 и об.

въ подлинномъ написано „образъ баллотированія“, а у васъ переправлено „указъ баллотированія“, того для, мнится мнѣ, что лучше-бы, не переправливая, съ подлиннаго напечатать и о томъ изволь посовѣтовать съ Анисимомъ Яковлевичемъ; такожъ надобно снестся о баллотированьѣ съ Воинскою коллегіею и съ регламентомъ вашимъ, какъ о томъ баллотированьѣ помянуто и чего въ вышеупомянутомъ образѣ баллотированья нѣтъ, то, выбравъ и написавъ на половинѣ, извольте прислать ко мнѣ сегодня“ [1]). Въ докладѣ Сенату, по этому вопросу, дѣйствительно, есть ссылки и на „Должность Сената“ 1718 г. и на указъ, данный Военной коллегіи въ 1719 г. о баллотировкѣ офицеровъ и пр. [2]).

Надо, при этомъ, замѣтить, что въ тѣхъ случаяхъ, когда Макаровъ, выходя volens-nolens изъ прямой своей роли, выражаетъ свое личное мнѣніе по тому или иному вопросу,—мнѣніе, по всѣмъ вѣроятіямъ (въ виду полнаго знанія имъ, какъ характера Петра, такъ и Его взглядовъ) весьма близкое, если не тождественное съ мнѣніемъ Государя—онъ оговариваетъ это и проситъ обратить вниманіе, что онъ доноситъ объ этомъ не въ указъ г.г. сенаторамъ, какъ это уже было отмѣчено выше. Приведемъ для большаго подтвержденія сказаннаго еще лишь одинъ отрывокъ изъ переписки Макарова. Мы уже касались письма Макарова къ Щукину изъ Амстердама, отъ 20 августа 1717 г. (стр. 75). Въ этомъ письмѣ, между прочимъ, Макаровъ, указывая на весьма интересный фактъ, что „торговые иноземцы на Москвѣ и въ городахъ покупаютъ червонные и тѣ червонные вывозятъ изъ россійскаго государства вонъ, а иные говорятъ, что и серебряныя русскія деньги и серебряную монету почали вывозить“, добавляетъ: „и того надобно съ прилежаніемъ смотрѣть, понеже золота и серебра у насъ въ России и такъ немного и опасно, дабы и достальнаго не вывезли; такожъ, повидимому, знатно, что у города Архангельскаго управители сборовъ худо смотрятъ, понеже Голландія и англичане сами говорятъ, что они великую доимку у города на себѣ имѣютъ и хотя имъ корреспонденты часто тамъ

[1]) П. С. З., № 3528.
[2]) М. А. М. Ю., дѣла Сената, кн. 10/660, л. 134—146; П. С. З., № 3265.

объ окончанiи счетовъ докучаютъ, но управители сборовъ отъ времени до времени имъ въ томъ отказываютъ...." „О сихъ двухъ послѣднихъ дѣлахъ, какъ о вывозѣ денегъ, такъ и о несмотрѣнiи городскихъ управителей" пишетъ Щукину Макаровъ —„доношу только вамъ, для вашего собственнаго извѣстiя и осторожности, и дабы ихъ сiятельства и превосходительства (т. е. сенаторы) не изволили на меня возмнить, якобы о сихъ дѣлахъ я (имъ) указомъ пишу" [1]). Конечно, Макаровъ не могъ посылать указовъ Сенату, но все, что онъ писалъ, напр., „о несмотрѣнiи городскихъ управителей", вполнѣ соотвѣтствовало тому, въ переписку о чемъ съ Сенатомъ уже входилъ самъ Петръ еще 16 марта того же года. Макаровъ только напоминалъ здѣсь Щукину о письмахъ Петра [2]). Что же касается вывоза серебряныхъ денегъ за границу, то съ небольшимъ черезъ годъ послѣдовалъ указъ Сената о запрещенiи этого вывоза [3]).

Близость Макарова къ Петру заставляла, естественно, сенатскихъ оберъ-секретарей обращаться къ первому за разъясненiями именныхъ указовъ Государя. Такъ, напр., въ письмѣ А. Маслова отъ 1 марта 1723 г., между прочимъ, читаемъ: „при томъ вамъ, государю моему, доношу—прислана въ Сенатъ при именномъ указѣ роспись кандидатомъ, которыхъ повелѣно баллотировать въ оберъ-фискалы въ Москву и въ дивизiи, а ко всѣмъ ли дивизiямъ надобенъ оберъ-фискалъ одинъ, или къ каждой по одному—того не изображено, а кандидатовъ только 5 человѣкъ. Того ради прошу, благоволите, государь, о томъ увѣдомить, понеже, разсуждается, ежели баллотировать ко всѣмъ пяти дивизiямъ по человѣку и того съ московскими надобно 6 человѣкъ и недостанетъ одного, и для того то баллотированiе сей день отложено". Масловъ въ концѣ своего письма добавляетъ еще, что „завтрашнiй день уже послѣднiй для того сенаторы съѣздъ по-

[1]) Гос. Арх., разр. IX, I, № 50, л. 302.

[2]) Въ письмѣ этомъ Петръ, между прочимъ, пишетъ Сенату: „пошлите къ Архангелогородскому вице-губернатору указъ, чтобъ онъ какъ иноземцовъ, такъ и русскихъ торговыхъ людей отъ города (Архангельска) отпускать не велѣлъ, пока пошлины не будутъ сполна взяты, какъ всегда обыкновенно бывало, и велите всю тамошную доимку безъ отлагательства выбрать какъ на русскихъ, такъ и на иноземцахъ". Въ другомъ письмѣ отъ того же числа Государь считаетъ „отъѣздъ" иноземцевъ и русскихъ изъ Архангельска ничѣмъ инымъ, какъ оплошкою со стороны Сената (Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. XI, стр. 347 и сл.).

[3]) П. С. З., № 3441.

ложили и для того прикажи, государь, съ симъ посланнымъ прислать извѣстіе". На поляхъ письма отмѣчено „государственный (аго) оберъ-фискала одного, да въ дивизіи одного" [1]). Въ свою очередь Макаровъ, узнавъ изъ приведеннаго письма о томъ, что предстоитъ послѣднее засѣданіе Сената,—спѣшитъ воспользоваться этимъ извѣстіемъ и пишетъ 2-го того же марта Ягужинскому слѣдующее: „понеже, какъ я слышу, что высокоправительствующій Сенатъ имѣетъ съѣхаться сегодня въ послѣдніе, того для предлагаю, дабы, для краткости времени, нынѣ учинена была резолюція только о слѣдующихъ дѣлахъ: 1) о скорой высылкѣ въ Петербургъ къ генералъ-полицеймейстеру тѣхъ, кои не зачали на Васильевскомъ острову строиться, кромѣ тѣхъ, кои у нужнѣйшихъ дѣлъ, напр., какъ ген.-маіоры Дмитріевъ-Мамоновъ и Салтыковъ и имъ подобные; 2) о баллотированіи генералъ-фискала и оберъ-фискала, что зѣло нужно. А что оберъ-секретарь Масловъ требуетъ извѣстія, одинъ-ли оберъ-фискалъ ко всѣмъ дивизіямъ надобенъ и объ ономъ разумѣется, что надобно нынѣ ко всѣмъ дивизіямъ одинъ оберъ-фискалъ" [2]). Какъ намъ кажется, эта переписка вскрываетъ вполнѣ наглядно характеръ отношеній Сената къ тайному кабинетъ-секретарю, т. е. въ сущности—къ самому Петру.

Обращаемся, наконецъ, къ письмамъ сенаторовъ къ Государю. Письма эти можно подраздѣлить на двѣ группы. Въ одну, болѣе многочисленную, войдутъ письма дѣлового характера, въ которыхъ сенаторы,—то отвѣчая на запросы Государя, то оправдываясь въ своихъ дѣйствіяхъ, то, наконецъ, просто сообщая, „каковы указы (имъ) были посланы" и что они, во исполненіе ихъ, сдѣлали—подробно излагаютъ свои приговоры по отдѣльнымъ вопросамъ, посылаютъ нужныя вѣдомости, табели, доклады по дѣламъ и т. п. Другую группу составляютъ письма политическаго содержанія, гдѣ Сенатъ входитъ въ оцѣнку дѣятельности Государя, воздаетъ ей хвалу, желаетъ Петру дальнѣйшихъ успѣховъ на благо отечества... Если изъ писемъ первой группы, —вмѣстѣ, конечно, съ письмами самого Петра, а равно Макарова и другихъ довѣренныхъ персонъ, —мы наглядно

[1]) Гос. Арх., разр. IX, II, кн. 64, л. 58 и об. Указъ Петра, подавшій поводъ къ перепискѣ, Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. XI, стр. 507 и сл.

[2]) Ibid., IX, № 2, ч. III, „книга записная отходящимъ письмамъ к.-с. Макарова 1793 г.", л. 41.

видимъ, какъ постоянна и многообразна была связь Петра съ Сенатомъ по управленію государствомъ, то письма второй группы свидѣтельствуютъ (какъ намъ, по крайней мѣрѣ, это представляется) о близости къ Петру и Его дѣлу „двойника" Петра Сената. Остановимся въ подтвержденіе сказаннаго хотя на немногихъ письмахъ сенаторовъ къ Петру. „Всемилостивѣйшій Государь",—пишутъ, напр., сенаторы 14 января 1717 г.,— „по указу Вашего Величества велѣно для строенія Кроншлодскаго гавана (sic) быть нынѣшнею зимою опредѣленныхъ губерній губернаторомъ [1]) и отдѣлать при себѣ и о томъ къ нимъ послано пять указовъ, однакожъ, они, губернаторы, по се число въ С.-Петербургъ не были; а что у которой губерніи приготовлено лѣсу и камня и изъ онаго на Котлинъ поставлено, и чего не поставлено, и зачѣмъ, то при семъ къ Вашему Величеству прилагаемъ табель [2]). Нынѣ тотъ лѣсъ и камень подряжаютъ вывозить нынѣшнимъ зимнимъ путемъ, а сего генваря 4 дня капитанъ Лейнъ подалъ доношеніе, что, за умаленіемъ лѣсу и камня, того гаваннаго строенія нынѣшнею зимою окончать невозможно и для наилучшаго опредѣленія оставить отъ всѣхъ губерній четвертую часть лучшихъ работныхъ людей и велѣть онымъ чрезъ зиму и будущее лѣто, сколько возможность допуститъ, для рубки ящиковъ, готовить лѣсъ и въ награжденіе камень. А ежели будутъ предбудущую зиму изъ Ревеля зимовать при Кроншлотѣ въ гавани корабли и для такой нужды, чтобъ приказать къ старой гавани прибавить, отъ вѣтра оста, на 30 или 40 саженъ, гдѣ возможно будетъ зимовать 35 или 40 кораблямъ, по которому его доношенію учинить повелѣли. Вашего Величества нижайшіе рабы кн. Яковъ Долгорукій, гр. Иванъ Мусинъ-Пушкинъ, Тихонъ Стрешневъ, гр. Петръ Апраксинъ,

[1]) Изъ письма Петра отъ 10 ноября 1716 г. видно, какъ его заботило дѣло о построеніи означенной гавани: „Господа Сенатъ",—пишетъ онъ,—„прежде сего писали Мы къ вамъ, дабы вы подтвердили губернаторомъ о Кроншлоцкомъ гаванѣ, чтобъ оной нынѣшнею зимою отдѣлали, о чемъ паки напоминаемъ, ибо зѣло нужно" (Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. XI, стр. 335).

[2]) Обширная и обстоятельная табель, приложенная къ письму, содержитъ точныя свѣдѣнія о томъ, „что̀ къ Кроншлоцкому гавану велѣно изготовить лѣсу и камня, и въ то число поставлено на Котлинѣ островѣ и на берегъ моря изъ лѣсу вывезено, и что еще не вывезено", при чемъ въ ней также отмѣчено, что̀ губерніи (Московская, Сибирская, Архангелогородская и Казанская, Нижегородская и Азовская) отвѣтствовали, по отношенію къ требованіямъ Сената. Табель эта можетъ, между прочимъ, служить свидѣтельствомъ, что сообщенія Сената Петру не были простою отпискою.

Михайло Самаринъ" [1]). Отвѣтъ Петра на это письмо, повидимому, не сохранился; однако, назначеніе сенатора Самарина къ наблюденію за постройкою Котлинской гавани, послѣдовавшее въ ноябрѣ того же года [2]), несомнѣнно, служитъ указаніемъ на то, что Петръ былъ недоволенъ дѣятельностью Сената по наблюденію за „гаваннымъ дѣломъ" и, зная, какъ обремененъ Сенатъ всякаго рода обязанностями, выдѣлилъ означенное дѣло изъ его вѣдомства, т. е., здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, Петръ не удовольствовался заявленіемъ со стороны Сената, что нужное дѣло, по такимъ то основаніямъ, имъ не могло быть выполнено, но принялъ мѣры къ его исполненію во чтобы то ни стало. Въ другомъ обширномъ письмѣ отъ 25 января того же года, въ отвѣтъ на нетерпѣливое требованіе Петра („дайте немедленный отвѣтъ, что намѣрены дѣлать") сообщить ему о механикѣ Алимари и его предполагаемой работѣ, сенаторы подробно описываютъ, что именно (по вызовѣ въ канцелярію Сената) сказали Алимари, Вестри и Растрелли по дѣлу объ устройствѣ „комуникаціи" до Ладожскаго озера, какихъ суммъ потребуетъ это устройство, сколько времени оно возьметъ и пр., а равно говорятъ и о требованіи, послѣдовавшемъ со стороны Сената, о представленіи ему контракта объ условіяхъ работы и т. п., при чемъ съ подробныхъ показаній названныхъ механиковъ Сенатъ отправляетъ Государю копію [3]). Въ письмахъ сенаторовъ Петру читаемъ постоянно, что „какое въ Сенатѣ о томъ опредѣленіе учинено, тому прилагаемъ при семъ извѣстіе", что „по справкѣ въ Сенатѣ" оказалось (то-то и то-то), что „по тѣмъ доношеніямъ указы посланы (тогда-то)", что, „слушавъ... докладной выписки (о томъ-то), объявляютъ нижеподписавшіеся свое мнѣніе Царскому (позднѣе—Императорскому) Величеству..." и т. п. [4]). Всѣ эти, какъ и другія, имъ подобныя, выраженія въ письмахъ, показываютъ постоянную и дѣйствительную подотчетность Сената предъ Государемъ въ своихъ дѣйствіяхъ, при чемъ

[1]) Гос. Арх., разр. IX, II, № 34, л. 60—61.

[2]) Въ указѣ сенатору Самарину, отъ 22 ноября 1717 г., приказано было „вѣдать и надсматривать дѣла гаванное, чтобъ, кромѣ болварковъ, сей зимы, конечно, всѣмъ неусыпно радѣть, и дѣлать, и понуждать, чтобъ, конечно, было здѣлано. Не смотря ни на кого дѣлать прямо, подъ потеряніемъ живота" (Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. XI, стр. 356).

[3]) Гос. Арх., разр. IX, № 34, л. 68—71; срав. Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. XI, стр. 320, 321. Письмо Петра по этому вопросу, ibid., стр. 337.

[4]) Гос. Арх., № 34, л. 71—72 и об.; кн. 68, л. 64—66; № 32, л. 315 и сл., и мн. др.

въ тѣхъ случаяхъ, когда Сенату приходилось не только выполнять повелѣнія Петра Великаго, а дѣйствовать самостоятельно, имъ подаются Петру подробные доклады, въ коихъ мотивируется основаніе, заставившее Сенатъ „мнѣніе свое утвердить“ и т. п., „безъ докладу Его Величества“. Сенатъ, напр., получилъ изъ Астрахани „доношеніе, что калмыцкій ханъ Дондукъ-Омбо имѣетъ намѣреніе черезъ Донъ сильно переправляться и, ежели онъ переправится, то за нимъ намѣрена и ханша и съ достальными улусы тѣмъ-же трактомъ перелѣзть, а будетъ-же черезъ Донъ не пропустятъ, то намѣренъ иттить силою“. Князь Голицынъ, сообщивъ объ этомъ Сенату, вмѣстѣ съ симъ донесъ, какія мѣры онъ принялъ и какой указъ онъ далъ атаману донскихъ казаковъ, „дабы, какъ будетъ (Дондукъ-Омбо) чрезъ Донъ сильно переправляться, тобъ обослаться съ бригадирами Шамординымъ и Измайловымъ“. А по мнѣнію Сената, „понеже оные калмыки кочуютъ нынѣ между Дономъ и линіею и, хотябъ они за Донъ усиленно перейти похотѣли, до того ихъ вышеписанныя войска не допустятъ. А ежели они черезъ линію пойдутъ сильно, то за малолюдствомъ войска и за пространствомъ линіи удержать ихъ будетъ не безъ труда, а нынѣ уже наступаетъ осеннее время и зимою въ тѣхъ мѣстахъ кочевать имъ будетъ немочно. Того ради, не соизволитъ-ли Его Величество для зимняго кочеванья чрезъ линію ихъ пропустить, чтобы они противности не учинили и силою не перешли“. Рѣшивъ первоначально представить свое мнѣніе на утвержденіе Государя, Сенатъ затѣмъ 28 августа „то же свое мнѣніе безъ докладу Его Величества утвердилъ, понеже въ сихъ числахъ докладывать Его Величеству времени не имѣетъ и оное дѣло времени не терпитъ“, о чемъ было сообщено изъ Сената въ Кабинетъ 30 августа [1]).

Нами приводилось уже выше извѣстное письмо Петра Великаго, отъ 16 апрѣля 1717 г. („о несносныхъ правежахъ“, чинимыхъ въ губерніяхъ), въ которомъ категорически указывалось сенаторамъ, что они „иного дѣла не имѣютъ, точію одно правленіе“. На дубликатъ этого письма, отъ 29 апрѣля, сохранился отвѣтъ сенаторовъ, заслуживающій упоминанія по своей обстоятельности. А именно, получивъ означенный дубликатъ лишь 24 мая, сенаторы отвѣтили 28 іюня того же года, что

[1]) Гос. Арх., кн. 68, л. 73 и сл.

„о правежахъ излишнихъ и дабы на народъ ничего сверхъ положенныхъ сборовъ безъ указа не накладывали, не только посланы именной и многіе сенатскіе указы во всѣ губерніи", но нѣкоторые изъ губернаторовъ „за неисправленіе въ указныхъ сборахъ" и штрафованы. При этомъ Сенатъ сообщалъ, что „въ губерніяхъ во всѣхъ губернаторы и ландраты и прочіе у дѣлъ приставленные побрали себѣ жалованье, по указному табелю, на 3 года, и имали оное, не исправивъ сборовъ и не показавъ дѣло свое чисто, безъ указа собою, а тѣхъ будетъ съ 200 т. руб., или больше". „За такую дерзость . . . паче же за противность въ томъ Его Величества указу", Сенатъ приказалъ на нихъ всѣхъ „доправить взятыя деньги безсрочно и употребить въ указные платежи за губернскіе, къ народной пользѣ", причемъ правежъ этихъ денегъ положенъ былъ на полковника Кошелева, на котораго вообще, по именному указу, было возложено взысканіе недоимокъ. Сообщивъ затѣмъ о двухъ губерніяхъ (Московской и Нижегородской), въ которыхъ были положены вновь на населеніе „тягостные сборы, не описывая въ Сенатъ", и „отъ ландратовъ и комиссаровъ явились въ лѣсу и въ камнѣ вымышленные подряды и другія плутовства", сенаторы пишутъ, что „того несмотрѣнія на губернаторахъ взыскиваютъ съ истязаніемъ, а винными въ оныхъ подрядахъ розыскиваютъ жестоко и тому, какъ въ Сенатѣ увѣдано, и розыскъ идетъ, есть съ четыре мѣсяца". При копіи къ письму этому имѣется очень интересная приписка Макарова, въ которой значится, что онъ извѣстилъ оберъ-секретаря А. Щукина, что „письмо ихъ сіятельствъ и превосходительствъ, высокоправительствующихъ г.г. сенаторей, до Его Царскаго Величества, іюня отъ 28 д., исправно дошло, которое онъ (Макаровъ), улуча время, Его Царскому Величеству поднесъ, по которому довольно изволилъ (Государь) разсуждать о неисполнителяхъ указовъ, яко о ландратахъ и прочихъ чинахъ, которые прежде, нежели исправя по указамъ высылку денегъ въ указныя мѣста, сами напередъ себѣ жалованье побрали, паче же о преступникахъ, которые, будучи у дѣла, вымышленно подряжались и крали и за благо то Его Царское Величество принялъ, что ихъ сіятельства и превосходительства (т. е. сенаторы) приказали жестоко о томъ розыскивать, также на ландратахъ и на прочихъ чинахъ денегъ править, въ зачетъ указныхъ

съ крестьянъ податей“ [1]). Петръ остался, такимъ образомъ, доволенъ распорядительностью Сената въ данномъ случаѣ и лишь велѣлъ (какъ это видно изъ его письма въ Сенатъ отъ 25 августа того года) подтвердить въ губерніяхъ указъ Сената о взысканіи незаконно-полученнаго жалованья губернаторами, ландратами и прочими чинами [2]).

Получая постоянно и отовсюду свѣдѣнія о распоряженіяхъ Сената, Петръ иногда вводился въ заблужденіе ими, такъ какъ его корреспонденты, вольно или невольно, сообщали ему невѣрныя данныя. Интересно, какъ поступалъ въ подобныхъ случаяхъ Сенатъ? Онъ, конечно, защищался и прямо указывалъ Государю, что его свѣдѣнія не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Въ началѣ марта 1717 г., напр., Петръ написалъ Сенату изъ Амстердама слѣдующее письмо: „прежде сего изъ Копенгагена писано къ вамъ, чтобъ нынѣшняго московскаго губернатора Кирилла Нарышкина, за неисправленіе дѣлъ прежняго губернатора, не штрафовать и людей его, которые въ тѣхъ штрафныхъ деньгахъ взяты за караулъ, свободить, и ежели люди его изъ-за караулу еще не освобождены, то для чего такъ учинено? И по полученіи сего, конечно, велите ихъ свободить, и взыскивайте на немъ съ того времени, какъ онъ началъ Московскую губернію править“ [3]). Конечно, эти дѣйствія Сената относительно Нарышкина, еслибъ они, дѣйствительно, имѣли мѣсто,—должны были показаться Петру очень странными, и онъ могъ, естественно, задать Сенату вопросъ „для чего такъ учинено?“. Сенатъ, получивъ 17 апрѣля означенное письмо и собравъ необходимыя данныя, 21 іюня отвѣчалъ Государю, что „онаго губернатора Нарышкина люди держатся (за карауломъ) не прежняго губернатора за неисправленіе, но за его, а именно, по Его Царскаго Величества указамъ, при вѣдомствѣ его, на подрядъ С.-Петербургскаго провіанта на прошлый 716 г., не заплачено было 127.593 р., которому уже подряду и время проходило, а под-

[1]) Арх. Сен., Выс. ук. и пов. въ коп., кн. 19, л. 30 и сл.

[2]) Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. XI, стр. 354. По полученіи означеннаго письма, Сенатъ приговорилъ 27 сентября, уже по Именному Его Величества указу, править на означенныхъ „безъ всякія понаровки“ взятое ими жалованье. М. А. М. Ю. дѣла Сената, кн. 49/49, л. 192 и сл. (Ак. Наукъ). Приговоры Пр. Сената, означенные словами „Ак. Наукъ“, взяты изъ собранія Н. Ѳ. Дубровина, хранящагося въ рукописномъ отдѣленіи Библіотеки Имп. Академіи Наукъ.

[3]) Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., XI, стр. 343.

ряжать было не на что и для того Его Величества указомъ велѣно, противъ другихъ губерній, тѣ деньги заплатить ему, по полученіи о томъ указа, въ мѣсяцъ". Въ уплатѣ этихъ денегъ Сенатомъ постановлено было „взять съ него", Нарышкина (какъ и съ другихъ губернаторовъ), сказку, но Нарышкинъ „въ платежѣ тѣхъ денегъ сказки не далъ и за то положили на него штрафъ въ 1 т. р. съ приказомъ заплатить въ недѣлю, а буде въ недѣлю не заплатитъ, взять 2 т. р., которыхъ еще и по се число ничего не заплатилъ, въ чемъ люди его на правежѣ и до сего времени держатся". Указавъ далѣе, что Нарышкинъ не отправилъ къ арміи и въ опредѣленныя мѣста за 1716—1717 г.г. около 260 т. р., не заготовилъ отъ своей губерніи (какъ требовалось по именному указу) лѣса и камня для постройки гавани, затѣмъ, несмотря на 4 указа, посланные къ нему, не явился въ Петербургъ для строенія гавани къ сроку и хотя, послѣ срока, ему было послано еще 2 указа, онъ всетаки не пріѣхалъ, за что у него и у вице-губернатора Лодыженскаго были отписаны деревни. Сенатъ сообщилъ, что лишь послѣ явки ихъ (перваго—6 февр., второго—19 марта) тѣ деревни имъ возвращены по прежнему [1]). Впрочемъ, этотъ случай непослушанія Нарышкина, замѣтимъ кстати, не былъ еще особенно выдающимся, если принять во вниманіе, что этотъ же губернаторъ, съ 1714 по 1717 г., не прислалъ доимочныхъ за провіантъ денегъ болѣе 300 т., несмотря на то, что къ нему, вице-губернатору, съ товарищи, было послано изъ Сената „всего 25 указовъ" [2]). Неисполнительность Сената, несомнѣнно, стояла часто въ прямой зависимости отъ непослушанія или „преслушанія" сенатскимъ указамъ со стороны подчиненныхъ Сенату лицъ и учрежденій. И оправдываясь предъ Государемъ, Сенатъ могъ нерѣдко вполнѣ добросовѣстно складывать съ себя отвѣтственность на другихъ. Въ письмѣ отъ 2 іюля 1716 г., написанномъ тайнописью, Петръ сообщилъ Сенату, что-де „пишетъ къ Намъ

[1]) Арх. Сен., Выс. ук. и пов. въ коп., кн. 19, л. 25 и сл. Другое письмо Петра о матери своего генер.-адъютанта Семена Нарышкина,—которую будто бы Сенатъ высылалъ на житье въ Петербургъ, хотя „за ней деревень нѣтъ, а справлены всѣ за нимъ, Семеномъ"—вызвало отвѣтъ Сената, что свѣдѣнія эти невѣрны, такъ какъ „онаго генералъ-адъютанта матери на житье" въ С.-Петербургѣ съ прочими въ спискахъ, посланныхъ въ губерніи, „не написано и понужденія никакого ей не бывало" и что, по полученіи Его Величества указа, посланы въ губерніи указы, дабы ее нынѣ и впредь въ С.-Петербургъ не высылали (Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. XI, 347 стр., Арх. Сен., Выс. ук. и пов. въ коп., кн. 19, л. 22).

[2]) Арх. Сен., ibid., кн. 19, л. 42 и сл.

господинъ адмиралъ, что онъ къ Аланту пришелъ и пойдетъ по указу далѣе, а провіанту къ нему ни единаго четверика не прислано. И ежели отъ того походу его учинится остановка, и въ томъ принуждены будете вы отвѣтствовать“ [1]). Сенатъ отвѣтилъ Государю, что „замедленіе во отпуску провіанта учинилось не отъ Сената, но отъ неприсылки судовъ изъ адмиралтейства, понеже требовано тѣхъ судовъ еще зимою, марта съ 5 числа, на что отвѣтствано, спустя мѣсяцъ, апрѣля 4“, что находящіяся при адмиралтействѣ суда нужны для отвода въ Ревель и въ другія мѣста амуниціи и всякихъ адмиралтейскихъ припасовъ, что Сенатъ, по полученіи этого отвѣта, сдѣлалъ публикацію для вызова охотниковъ и пр. [2]).

Скажемъ, наконецъ, нѣсколько словъ о политической перепискѣ Сената съ Петромъ. Какъ уже указывалось, Петръ вообще сообщалъ Сенату о всѣхъ важныхъ событіяхъ и не скрывалъ отъ него какъ своихъ неудачъ, такъ и сложныхъ внѣшнихъ конъюнктуръ того времени. Будучи въ іюнѣ 1711 г. въ Бреславлѣ, Петръ извѣщаетъ, напр., Сенатъ „о здѣшнихъ конъюнктурахъ“, а именно объ уговорѣ съ польскимъ королемъ и сенаторами о военныхъ дѣйствіяхъ; въ слѣдующемъ мѣсяцѣ о мирѣ съ турками, объ уступкѣ имъ завоеванныхъ городовъ и о разореніи новопостроенныхъ, добавляя съ горечью: „хотя Я николибъ хотѣлъ къ вамъ писать о такой матеріи, о которой нынѣ принужденъ есмь, однако жъ, понеже такъ Воля Божія благоволила (и грѣхи христіянскіе не допустили): ибо Мы въ 8 день сего мѣсяца съ турками сошлись и съ самого того дни, даже до 10-го числа полуденъ, въ превеликомъ огнѣ, не точію дни, но и ночи были, и правда никогда, какъ и началъ служить, въ такой десператіи не были (понеже не имѣли конницы и провіанту)“... Въ сентябрѣ того же года онъ посылаетъ Сенату „экстракты изъ полученныхъ вѣдомостей изъ Помераніи“. Въ концѣ слѣдующаго года, извѣщая Сенатъ, что „вчерашняго дни получили Мы вѣдомость, что турки паки миръ разорвали“, добавляетъ— „того ради не ослабѣвайте о пріуготовленіяхъ оборонительно противъ оныхъ; чините противъ той диспозиціи такъ, какъ, будучи въ С.-Петербургѣ, положено“... Въ февралѣ 1713 г. Сенату посылаются вѣдомости, полученныя изъ Вѣны отъ

[1]) Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. XI, стр. 325.

[2]) Арх. Сен., Выс. ук. и пов. въ коп., кн. 18, л. 74 и сл.

№ 11: 24

[illegible]

Собственноручное письмо Петра Великаго Сенату отъ 8-го їюня 1711 г.

.P.S. Anco a mi pa. o. a Mja [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]
[illegible]

[illegible]

русскаго посла о турецкомъ дѣлѣ, при чемъ указывается Сенату, что „понеже дѣла ихъ инаково являются быть, и для того, ежели съ той стороны противности намъ не будетъ (что дай Боже), то надобно и тѣ два полка Алартовой дивизіи, которые вы съ Москвы къ Кіеву отпустили, взять къ Петербургу. Также ежели, конечно, съ стороны той успокоится, то и Вейдову дивизію чрезъ Смоленскъ и Псковъ (или черезъ Москву), усмотря куда ближе и способнѣе, туда жъ надобно къ Петербургу отправить".

Извѣщая о побѣдахъ своихъ, — „сею новиною вамъ поздравляемъ", или „сими добрыми вѣдомостьми вамъ поздравляемъ" и т. п. (такъ обычно заканчиваетъ Петръ свои посланія къ Сенату), дѣлаетъ его прежде всѣхъ участникомъ своей радости какъ, впрочемъ, и горя [1]). Сенатъ, съ своей стороны, отвѣчаетъ на письма, принося ему „рабское благодареніе" за извѣщеніе и желая „впредь Его Величеству къ вящей славѣ и сугубѣйшее получить приращеніе" и т. д. [2]). Кажется, что за этими офиціальными изъявленіями благодарности и пожеланіями какъ „приращеній", такъ и побѣдъ и т. п., у Сената было истинное пониманіе высокихъ подвиговъ и важныхъ заслугъ передъ отечествомъ Великаго Императора. Изъ писемъ, характеризующихъ ярко, какъ намъ кажется, такое пониманіе, остановимся лишь на одномъ, а именно на письмѣ отъ 3 окт. 1722 г., писанномъ сенаторами изъ Москвы, въ моментъ нахожденія Государя въ персидскомъ походѣ. Взявъ Дербентъ, Петръ прислалъ, по обыкновенію, извѣщеніе Сенату о своихъ дѣяніяхъ, приложивъ къ нему „журналъ о походѣ". „Вашего Величества всемилостивѣйшее писаніе, отпущенное изъ Дербеня прошедшаго августа 30 д., купно съ приложеннымъ при ономъ журналѣ о походѣ Вашего Величества съ арміею изъ Астрахани въ азіатскія страны, (получили) и хотя о многотрудномъ, токмо о благополучномъ въ Персію вступленіи и полученіи тамъ основанія черезъ подданство Вашего Величества высокодержавнѣйшей власти 2-хъ

[1]) Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. XI, стр. 195, 199, 203, 252 и сл.; 260 и сл.; 329 и сл.; 342, 389 и мн. др.

[2]) Таковы, напр., отвѣты Сената на извѣщеніе Петра о бракосочетаніи его племянницы Екатерины Іоанновны съ герцогомъ Мекленбургскимъ и о примиреніи съ Польшею, при чемъ Государь сообщилъ Сенату и „кондиціи, предложенныя со стороны Царскаго Величества къ примиренію межъ его королевскимъ величествомъ и чинами сконфедованными Речи Посполитой и войскъ обоихъ народовъ" (Арх. Сен., Выс. ук. и пов. въ коп., кн. 18, л. 39, 41—48; срав. П. С. З., № 3014).

главныхъ городовъ, особливожъ о вступленіи и торжественномъ входѣ (какъ гисторія повѣствуетъ) отъ Александра Великаго въ созданный градъ Дербень и о пораженіи противныхъ владѣльцевъ войскъ и о разореніи ихъ земель, здѣсь мы черезъ курьера получили 28 сен. съ превеликою радостью, за что, воздавъ Всевышнему Побѣдодавцу, при молебномъ пѣніи, должное благодареніе, отправили пиршество, при которомъ какъ Вашего Величества вѣрные подданные, духовнаго и мірского чина, знатныя персоны, такожъ изъ чужестранныхъ его высочество герцогъ Голштинской, со свитою своею, и чужестранные министры присутствовали и за здравіе Его Величества Петра Великаго, вступившаго на стези Александра Великаго, всерадостно пили и симъ всепокорнѣйше, за всемилостивѣйшее увѣдомленіе, наипаче же за такія, не токмо къ высочайшей и безсмертной славѣ великаго имени Вашего, но и для прославленія подданнаго Вашего всероссійскаго народа и распространенія государствъ (sic) и ради полученія, при помощи Вышняго, изъ того впредь неизреченной всенародной пользы, за великіе подъятые труды неустанно Вашему Императорскому Величеству благодарствуемъ и желаемъ, да благоволитъ всевышній непобѣдимое Вашего Императорскаго Величества оружіе и впредь и вящшими счастливыми побѣдами благословить и увѣнчать"... Въ припискѣ къ письму, сенаторы говорятъ, что „о прочихъ, какое по Вашимъ Императорскаго Величества указамъ о дѣлахъ отправленіе чинится, о томъ нынѣ, въ настоящихъ Его Величества военныхъ трудахъ, утруждать не дерзаемъ, а по окончаніи оныхъ Вашему Величеству доносить будемъ" [1]).

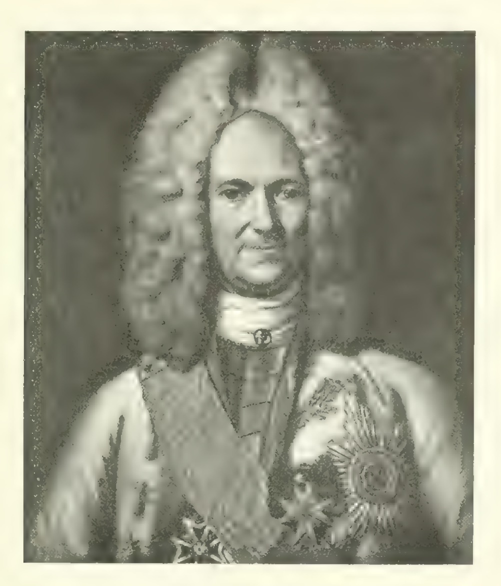
Изъ приговоровъ Сената особенно интересно остановиться на приговорѣ его о поднесеніи Петру титуловъ „Отца Отечества, Императора Всероссійскаго и Великаго", приговорѣ, доселѣ малоизвѣстномъ [2]). „Всемилостивѣйшій Государь" пишутъ сенаторы [3]) Государю „понеже труды Вашего Величества въ про-

[1]) Гос. Арх., разр. IX, от. II, кн. 3, № 61, входящія письма 1722 г., л. 133 и сл.

[2]) „Актъ поднесенія Государю Царю Петру I титула Императора Всероссійскаго и наименованія Великаго и Отца Отечества", въ офиціальномъ изложеніи приговора этого не содержитъ, см. П. С. З., № 3840.

[3]) Подъ приговоромъ находимъ подписи сенаторовъ: кн. А. Меншикова, канцлера гр. Головкина, адмирала гр. Апраксина, кн. Григорія Долгорукаго, кн. Дмитрія Голицына, бар. Петра Шафирова, Петра Толстого, кн. Дмитрія Кантеміра, гр. Андрея Матвѣева. Какъ видно изъ вышеуказаннаго „акта", въ Сенатѣ было также объ этомъ совѣщаніе съ Синодомъ.

изведенiи нашего отечества и подданнаго Вашего всероссiйскаго народа всему свѣту извѣстны, того ради, хотя мы вѣдаемъ, что Вашему Величеству, яко Самодержцу, всѣ принадлежимъ, однакожъ, въ показанiе и знакъ нашего признанiя, что весь подданный Вашъ народъ ничѣмъ инымъ, кромѣ единыхъ Вашихъ неусыпныхъ попеченiй и трудовъ объ ономъ и со ущербомъ дражайшаго здравiя Вашего положенныхъ, на такую степень благополучiя и славы въ свѣтѣ произведенъ есть, помыслили мы,

Кн. А. Д. Меншиковъ.

съ прикладу древнихъ, особливо-жъ римскаго и греческаго народовъ, дерзновенiе воспрiять, въ день торжества и объявленiя заключеннаго оными Вашего Величества трудами всей Россiи столь славнаго и благополучнаго мира, по прочитанiи трактата онаго въ церкви, по нашемъ всеподданнѣйшемъ благодаренiи за исходатайствованiе онаго мира, принесть свое прошенiе къ Вамъ публично, дабы изволили принять отъ насъ, яко вѣрныхъ своихъ подданныхъ, во благодаренiе титулъ (Отца отечества, Императора Всероссiйскаго, Петра Великаго),

какъ обыкновенно отъ римскаго сената, за знатныя дѣла императоровъ ихъ, такіе титулы публично имъ въ даръ приношены и на статуахъ (sic), для памяти, въ вѣчные роды, подписываны. Святѣйшій Синодъ въ томъ съ нами согласенъ. И тако токмо ожидаемъ обще отъ Вашего Величества милостиваго намъ невозбраненія" [1]. „Прошеніе" Сената было представлено Государю кн. Меншиковымъ, причемъ Монархъ пожелалъ, прежде рѣшенія своего, „съ нѣкоторыми членами изъ Сената напредь о томъ говорить". Когда Сенатъ, вмѣстѣ съ архіепископами новгородскимъ и псковскимъ, явился къ Государю, онъ „по своей обыкновенной и достохвальной модестіи, или умѣренности, того принять долго отрекался, уступивъ лишь по долгомъ оныхъ г.г. сенаторовъ прошеніи и предложеннымъ важнымъ представленіямъ". Затѣмъ, 22 окт. 1721 г., въ день празднованія вѣчнаго мира со Швеціею, по совершеніи богослуженія и по выслушаніи поученія Ѳеофана, приступилъ къ Его Императорскому Величеству весь Сенатъ и канцлеръ г. гр. Головкинъ говорилъ „отъ онаго именемъ всѣхъ государственныхъ чиновъ" привѣтственную рѣчь, прося принять „титулъ Отца Отечества, Петра Великаго, Императора Всероссійскаго". Роль, которую игралъ Сенатъ въ этомъ „признаніи благодѣяній, показанныхъ отечеству" Петромъ, заслуживаетъ вниманія, такъ какъ ею наглядно живописуется положеніе Сената въ государствѣ въ концѣ царствованія Государя, а равно и его близость къ Государю.

II. Петръ Великій и Сенатъ, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, въ присутствіе Государя въ столицахъ.

Если постоянныя и часто притомъ весьма продолжительныя отлучки Государя то изъ отечества, то изъ своихъ столицъ, естественно, вели къ необходимости установленія между

[1]) Гос. Арх., разр. II, № 11. Кампредонъ, французскій полномочный министръ при русскомъ дворѣ, очевидно, слышавъ что-то объ этомъ приговорѣ Сената, совершенно превратно толкуетъ его значеніе. А именно, онъ говоритъ, что Царь приказалъ провозгласить Себя Императоромъ. „Для этой цѣли, Онъ, за день до того, даровалъ Сенату права и власть, какими располагали древніе римскіе сенаторы, а на другой день снова отнялъ ихъ". (Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. XL, стр. 298).

Нимъ и Сенатомъ письменныхъ сношеній, въ виду настойчиваго стремленія Петра знать всегда все, что дѣлаетъ Сенатъ и поскольку онъ является исполнителемъ Его велѣній, то и пребываніе Государя въ Москвѣ или Петербургѣ, смотря по тому, гдѣ находился Сенатъ, не избавляло послѣдній отъ обязанности постоянно ставить Государя о себѣ въ извѣстность, путемъ тѣхъ или иныхъ докладовъ по дѣламъ. Одни изъ этихъ докладовъ Петръ выслушивалъ самъ лично въ Сенатѣ, другіе приказывалъ доставлять Ему въ Его скромные дворцы. Были, наконецъ, также случаи, когда самъ Сенатъ считалъ себя вынужденнымъ войти къ Государю съ особымъ докладомъ. Остановимся, для примѣра, на нѣсколькихъ изъ указанныхъ докладовъ, представленныхъ Петру. Такъ, въ приговорахъ Сената, не разъ отмѣчается, что Государь,—„будучи въ Сенатѣ“ и „слушавъ сего докладу“, „слушавъ докладной выписки“, „слушавъ росписи“ (губерній), „присяжныхъ должностей“ и т. д., указалъ по именному своему, Великаго Государя указу „сдѣлать“ то или другое [1]). Въ другихъ случаяхъ, Онъ самъ приказывалъ Сенату составить по дѣлу докладъ. Въ Кабинетѣ Петра хранится, напр., докладъ, составленный „по указу Его Величества“, изъ котораго видно, что Сенату велѣно, „поставя на мѣрѣ, предложить къ слушанію, по чему въ которыхъ мѣстахъ (смотря по дешевизнѣ и дороговлѣ мѣстъ) платились мужикамъ за подводы (когда нужда позоветъ), также за работу людямъ и лошадямъ за такія дѣла, какъ нынѣ на Дону, понеже со временемъ и еще, для вѣдѣнія, можетъ въ плакатъ внесть надобно. А по сенатскому мнѣнію надлежитъ за такія работы давать во всѣхъ мѣстахъ равно, а именно въ лѣтнее время мужику съ лошадью по 10, а безъ лошади по 5 к., а въ зимнее—съ лошадью по шести, а безъ лошади по 5 к. на день, а когда нужда позоветъ въ подводахъ, тогда давать, сверхъ прогоновъ, пристойнаго, по вышеписанному-жъ на день. На подлинномъ докладѣ была положена 13 янв. 1724 г. резолюція Петра „учинить тако“ [2]). Не касаясь другихъ докладовъ Сената подобнаго рода, нынѣ уже частію напечатанныхъ, вмѣстѣ съ резолюціями Государя [3]), остановимся лишь

[1]) М. А. М. Ю., кн $^{10}/_{660}$, л. 388 и сл., Арх. Сен., Выс. ук. и пов. въ коп., кн. 5, л. 639, 727; кн. 22, л. 76, 85 и мн. др. См. также рядъ докладовъ, выслушанныхъ Государемъ въ Сенатѣ 12 апр. 1722 г., Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. XI, стр. 463.

[2]) Гос. Арх., разр. IX, Каб., II, кн. 33, л. 41.

[3]) Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. XI, стр. 362, 403, 407, 412, 436, 475 и сл.; 504 и сл.

на тѣхъ, которые Сенатъ самъ подавалъ Государю, вынужденный тѣми или иными обстоятельствами. Эти доклады также весьма характерны для опредѣленія отношенія Сената къ носителю Верховной власти. Сенатъ, приговоромъ своимъ отъ 22 дек. 1718 г., опредѣлилъ, напр., отправить на жалованье армейскимъ полкамъ нужную сумму изъ присланныхъ изъ губерній въ военную канцелярію денегъ. Однако, сенаторъ кн. Я. Ф. Долгорукій предоставилъ въ Сенатъ меморіалъ, въ которомъ заявилъ, что, когда доимочныя изъ губерній деньги были присланы въ Петербургъ, онъ донесъ объ этомъ Государю, повелѣвшему ихъ принять въ Кабинетъ и „для того оныхъ денегъ опредѣлить имъ (сенаторамъ) безъ именного Его Величества указу невозможно", а что-де онымъ армейскимъ полкамъ надо выдать „изъ доимочныхъ армейскихъ денегъ, о которыхъ въ его меморіалѣ объявлено". Сенатъ, пересмотрѣвъ 24 февраля слѣдующаго года свой приговоръ, нашелъ, что эти деньги „надлежатъ быть употреблены по табельному опредѣленію на дачу жалованья и на мундиръ въ Военную коллегію", „что настоящими сего года сборами помянутую заплату исправить невозможно" и что объ этомъ должно „доложить Царскаго Величества" [1]). Въ другомъ случаѣ Сенатъ, заслушавъ доношеніе Камеръ-коллегіи и мнѣніе ея, приговорилъ доложить Государю, что, по мнѣнію Сената, слѣдуетъ давать адмиралтейскимъ служителямъ низоваго корпуса вмѣсто трески „вялую и коренную рыбу", заготовленную на Волгѣ, ввиду того, что провозъ трески обойдется очень дорого [2]). Или, изъ приговора Сената, отъ 1 марта 1723 г., узнаемъ, что „по Именному Его Императорскаго Величества указу о промѣнѣ остаточнаго хлѣба въ Амстердамѣ, учиненные указы къ кн. Куракину и Бранту слушаны и, по разговорѣ, разсуждено: тѣ указы одержать, а для яснаго повелѣнія доложить Его Величества въ Петербургѣ, понеже безъ провозу (?) того хлѣба изъ Амстердама не отпустятъ" [3]). Постановивъ 8 марта того же года, между прочимъ, о бытіи Соляной конторы въ Москвѣ и опредѣливъ Московской акцизной каморы оберъ-директору быть въ Москвѣ до

[1]) М. А. М. Ю., дѣла Сената, кн. $^{2}/_{60}$, л. 329—347.

[2]) Ibid., кн. $^{6}/_{814}$, л. 544—548.

[3]) Ibid., кн. $^{59}/_{275}$, л. 183 (А. Н.). Вопросъ объ этомъ хлѣбѣ очень безпокоилъ Государя, какъ это, между прочимъ, видно изъ письма его къ Сенату отъ 15 окт. 1722 г. (Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. XI, стр. 496 и сл.).

указу, Сенатъ приговорилъ „со временемъ доложить Его Величества“ о своемъ рѣшеніи [1]).

Иногда въ Сенатъ поступали такого рода свѣдѣнія, что, не рѣшаясь принимать на основаніи ихъ какія-либо мѣры, Сенатъ прямо отсылалъ ихъ на усмотрѣніе Государя. Такъ, напр., получивъ „доносительные пункты отъ всѣхъ благочестивыхъ монастырей литовскихъ бѣлорусскихъ“, Сенатъ, заслушавъ ихъ и постановивъ выдать ихъ подателю, игумену Мелетію, „изъ канцеляріи Сената 10 рублевъ, ради его нуждъ“, приговорилъ о томъ писать къ Царскому Величеству. Первый пунктъ, между вышеназванными, гласилъ, что „поляки всеконечно хотятъ во всемъ государствѣ своемъ польскомъ и великомъ княжествѣ литовскомъ благочестіе святое искоренить, а на сеймѣ варшавскомъ унію вездѣ конституціею укрѣпити, понеже въ государствѣ польскомъ и великомъ княжествѣ литовскомъ уже не многіе монастыри православіе святое сохраняютъ, прочіе-же премногіе суть принуждены на унію“, а въ третьемъ пунктѣ говорилось „о насильственномъ превращеніи многихъ монастырей на унію“, объ отнятіи всѣхъ крѣпостей у одного изъ монастырей (при чемъ двумъ іеромонахамъ „головы и бороды совсѣмъ дочиста обрили, самихъ нещадно бивъ до смерти, и, за неживыхъ, вонъ монастыря за ноги стягнули, отъ нихъ же единъ, именемъ Варлаамъ, представися“), и возбуждалось ходатайство о томъ, „дабы тѣ монастыри во благочестіе святое превращены были“. Указавъ въ слѣдующихъ пунктахъ, что, если они отъ Его Величества „не получатъ помощи“, то монастыри „на костелы и унію превращены будутъ“, монахамъ „въ различныя страны разбѣгнуться нужда будетъ“, Сенатъ выразилъ мысль, что необходимо „утвердить православіе крѣпкимъ на сеймѣ, или безъ сейма, договоромъ и въ приговорныя книги вписать, а унію-бы сеймовою конституціею утвердити и написати въ тѣхъ ихъ монастыряхъ не попустить“ и пр. [2]).

Характеръ отношеній Петра къ Сенату ни въ чемъ, кажется, не сказался такъ ярко, какъ въ участіи Государя въ засѣданіяхъ Сената. Какъ ни кратки, къ сожалѣнію, относящіяся сюда свѣдѣнія, они, въ общемъ, все же не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что Петръ, когда бывалъ въ Петербургѣ и посѣщалъ Сенатъ,

[1]) М. А. М. Ю., дѣла Сената, кн. $^{5}/_{814}$, л. 662 и сл. (А. Н.).
[2]) Ibid., кн. $^{18}/_{18}$, л. 966—970 (А. Н.).

то участвовалъ въ обсужденіи дѣлъ, подлежавшихъ разсмотрѣнію Сената, приказывалъ представлять доклады по вопросамъ, наиболѣе Его интересовавшимъ, постановлялъ самъ рѣшенія и объявлялъ свои указы, назначалъ, наконецъ, чѣмъ долженъ былъ заниматься Сенатъ въ Его присутствіи. Въ письмѣ Макарова къ секретарю Сената Познякову отъ 8 декабря 1720 г. читаемъ, напр., слѣдующее: „Его Царское Величество изволилъ упоминать, чтобъ вы приготовили къ слушанію инструкцію о магистратѣ, также и прочія нужнѣйшія дѣла, для которыхъ намѣренъ Его Величество быть въ Сенатѣ. P. S. Также не забудьте сообщить и Камеръ-коллегіи, чтобъ и они готовы были съ своею окладною табелью о государственномъ штатѣ“ [1]). Если судить по перечню дѣлъ, разсматривавшихся въ Сенатѣ въ присутствіи Петра, то надо заключить, что Государь нерѣдко пребывалъ въ засѣданіяхъ Сената продолжительное время [2]) и выслушивалъ всѣ дѣла, подлежавшія, въ данное засѣданіе, сужденію Сената, не говоря уже о тѣхъ, которыя повелѣвалось самимъ Петромъ разсмотрѣть Сенату. Въ записи присутствій Петра Великаго въ Сенатѣ въ концѣ 1721 г. [3]) читаемъ, напр., подъ 10 ноября, что Государь „въ присутствіи въ Сенатѣ объявилъ указъ о учиненіи школъ, въ которыхъ учиться приказнымъ людямъ. При томъ же учинить велѣно: объ отбытіи казанскому губернатору въ Москву, о произвожденіи статскихъ и дворовыхъ ранговъ въ табель, о запрещеніи впредь старыхъ лодокъ и о дѣлѣ финскихъ ботовъ, о вѣдомствѣ канальнаго дѣла въ Военной коллегіи, о додѣланіи прешпективной дороги до Москвы,

[1]) Гос. Арх., разр. IX, № 2, ч. IV, л. 444.

[2]) Въ такъ называемыхъ „юрналахъ“ Петровскаго царствованія, къ сожалѣнію, лишь очень рѣдко отмѣчается, сколько времени пребывалъ Петръ въ Сенатѣ, посѣщая его. Такъ, напр., подъ 21 января 1724 г. отмѣчено, что „по утру въ 7-мъ часу въ началѣ изволилъ придти (Государь) въ Сенатъ, но понеже сенаторовъ, ни секретарей сенатскихъ не было, кромѣ подъячихъ, то, побывъ съ четверть часу, изволилъ пойти въ адмиралтейство;“ подъ 31 числомъ сказано, что Государь „былъ въ Сенатѣ до обѣда“; подъ 5 марта: „Его Величество изволилъ быть въ Сенатѣ не-надолго, а послѣ полдень паки былъ въ Сенатѣ и сидѣлъ“ (времени не обозначено); лишь подъ 4 августомъ того же года мы нашли вполнѣ опредѣленную запись, что „Его Императорское Величество изволилъ присутствовать въ Сенатѣ отъ 8-го часу по утру до 12-го по обѣдѣ“ (Походные журналы, 1724 г., СПБ., 1855 г., стр. 35, 37, 38). Въ „юрналѣ или запискѣ впредь для памятствованія“ за 1723—24 гг., хранящейся въ Сенатскомъ Архивѣ, вовсе не указывается, при отмѣткахъ посѣщенія Петромъ Сената, какое онъ время пребывалъ тамъ (Арх. Сен., Выс. ук. и пов. въ коп., кн. 15).

[3]) Гос. Арх., разр. IX, I, кн. 32, л. 44 и сл.

о нечиненіи въ городахъ, не отсылая къ главнымъ правленіямъ, по розыскнымъ дѣламъ экзекуцій; о бытіи воеводамъ и синодальной команды дворянамъ и смоленской шляхтѣ къ смотру въ Москву, о слѣдованіи и наказаніи въ коллегіяхъ, о калужскихъ служителяхъ, впадшихъ въ погрѣшенія, о пересмотрѣ явившихся дворянъ Сенату". Затѣмъ былъ объявленъ указъ Государемъ „о заготовленіи впредь провіанта и матеріаловъ въ адмиралтейство, о заклейменіи подрядныхъ и казенныхъ лѣсовъ; при томъ же писаны собственною Его Величества рукою указы объ учиненіи, при повышеніи чиновъ, всякому присяги; по доношенію генерала Волкова о припискѣ явльшихся сверхъ поданныхъ доношеніевъ и о выключеніи писанныхъ душъ вдвое; по мнѣнію сенаторскому о раздѣлѣ движимаго и недвижимаго имѣнія послѣ генерала Вейде, объ отдачѣ жалованныхъ вотчинъ послѣ тайнаго совѣтника Стрѣшнева внукѣ его, дѣвицѣ Софьѣ; о прибавочной суммѣ въ адмиралтейскій окладъ".

Уже простой перечень дѣлъ даннаго дня показываетъ, что пребываніе Петра въ Сенатѣ не могло быть простою формальностью, но что Государь не пренебрегалъ выслушиваніемъ многочисленныхъ дѣлъ, а равно предлагалъ къ исполненію свои указы. Къ сожалѣнію, лишь немногія записи присутствія Петра въ Сенатѣ даютъ намъ возможность нѣсколько глубже войти въ разсмотрѣніе дѣятельности здѣсь Его, а не ограничиться простымъ перечисленіемъ дѣлъ, слушавшихся въ Сенатѣ, или отмѣткою объявленныхъ Имъ указовъ. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ такихъ записей. Въ выпискѣ изъ протокола Сената о дѣлахъ, доложенныхъ въ присутствіи Государя 12 августа 1724 г., прямо отмѣчено, что Петръ „изволилъ слушать слѣдующихъ дѣлъ: во 1-хъ, присланные къ Его Величеству отъ г.-л. Миниха письма и репорты о состояніи канальной работы, и при томъ вѣдомостей, сколько онъ требуетъ къ будущему году работныхъ людей, и что на все то канальное дѣло надобно денежной казны". По выслушаніи всего этого, Государь приказалъ нарядить на работу „изъ армейскихъ полковъ, числомъ столько, сколько онъ, ген.-лейт., требуетъ". Разсмотрѣвъ затѣмъ представленные Ему чертежи, присланные отъ Миниха,—„какимъ образомъ онъ то канальное дѣло и отдѣлку береговъ производитъ",—Петръ повелѣлъ отдать ихъ въ Кабинетъ и что „ему, Миниху, по онымъ чинить, о томъ послать указъ изъ Кабинета".

Въ бытность Петра въ данномъ засѣданіи президентъ Камеръ-коллегіи Плещеевъ подалъ табель о всѣхъ окладныхъ и неокладныхъ сборахъ. По выслушаніи ея, Государь „изволилъ разсуждать: 1) которымъ сборамъ надлежитъ быть впредь въ окладѣ, 2) которые въ окладъ положить сумнительны, 3) которые отставить". Объ этомъ „Государь изволилъ на оной табели отмѣчать собственною своею рукою, а именно—надъ которыми сборами отмѣчены крыжи—тѣ отставить, надъ которыми окружено, тѣ оставлены въ сумнительныхъ, впредь къ разсмотрѣнію, а надъ которыми сборами ничего не отмѣчено, тѣмъ всѣмъ быть въ окладѣ и расписывать (ихъ) на штатъ. А который сборъ въ той табели объявленъ съ дворцовыхъ волостей, что сбирается во дворецъ, кромѣ подушнаго сбора, а именно 944.490 р. 92 к., Онъ соизволилъ указать собирать въ Дворцовую канцелярію, вмѣсто тѣхъ доходовъ, которые въ ту канцелярію и въ комнаты отпускались изъ Штатсъ-конторы", причемъ соляной сборъ долженъ былъ поступать въ Кабинетъ „на всякія строенія и на дѣло каналовъ, кромѣ Ладожскаго большого канала". Всѣ сборы, выбывшіе изъ валовой, показанной въ табели, суммы, Его Величество „изволилъ собственною рукою записывать на особомъ листѣ". Повелѣвъ подтвердить указъ 1704 года о сборѣ привальныхъ и отвальныхъ денегъ съ торговыхъ судовъ, идущихъ съ товарами „въ иныя страны", Государь запретилъ, однако, брать что-либо съ тѣхъ, которыя будутъ въ пути приставать на пристани „для покупки харчевыхъ себѣ запасовъ, или для исправленія своихъ нуждъ, а не для выгрузки и продажи товаровъ". Затѣмъ повелѣлъ взять въ Сенатъ изъ Синода немедленно вѣдомость, „сколько гдѣ раскольщиковъ, которымъ по указамъ надлежитъ быть въ двойномъ окладѣ", и вѣдать этотъ сборъ съ нихъ при Сенатѣ, опредѣливъ для того „особаго человѣка, которому придать 2 человѣкъ подъячихъ"; „изволилъ тако жъ слушать поданный изъ Малороссійской коллегіи табель о тамошнихъ сборахъ денежной казны, провіанта и прочихъ тамошнихъ доходовъ, и что въ расходѣ", послѣ чего „изволилъ указать денежный сборъ приложить къ окладнымъ прочимъ доходамъ и для того обо всѣхъ доходахъ взять отъ той коллегіи подлинную вѣдомость"; потомъ „Камеръ-коллегіи президенту изволилъ приказать, чтобъ обо всѣхъ сборахъ окладная книга и при ней вѣдомости и табель изготовлены были съ подлиннымъ извѣстіемъ, и чтобъ всѣ сборы расписаны

были порознь, а ежели того изготовлено не будетъ, то взыщется на немъ жестоко". Наконецъ, Государь „изволилъ говорить въ разсужденіе: когда всѣ монастыри, по соизволенію Его Величества, распоряжены будутъ и что, за опредѣленнымъ числомъ монаховъ, съ монастырскихъ вотчинъ доходовъ въ остаткѣ будетъ, тогда на тѣ остаточные доходы положатся всѣ неимущіе пропитанія, также ружники и починка цер-

Гр. Г. И. Головкинъ.

ковная". Эта выписка изъ протокола, подписанная сенаторами ген.-адмираломъ гр. Апраксинымъ, канцлеромъ гр. Головкинымъ, гр. Петромъ Толстымъ, кн. Дмитріемъ Голицынымъ и скрѣпленная оберъ-секретаремъ А. Масловымъ [1]), приведена нами почти цѣликомъ, въ виду ея важности и неизвѣстности въ печати. Она наглядно показываетъ, что дѣлалъ Государь въ Сенатѣ, и какое значеніе имѣлъ при Немъ Сенатъ до конца Его царствованія. Конечно, предметы, подлежавшіе рѣшенію Петра, были различны, и Онъ, „будучи въ Сенатѣ"—какъ обычно гла-

[1]) Гос. Арх., разр. XVI, № 157; срав. также Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. XI, стр. 463, 469, 485.

сятъ указы и приговоры, отмѣчающіе Его пребываніе здѣсь, то жаловалъ „въ чины“ отдѣльныхъ лицъ, то диктовалъ свои указы, то приказывалъ отпустить деньги на то или другое нужное дѣло, то выражалъ свой гнѣвъ или милость по поводу дѣйствій своихъ агентовъ по службѣ государству и т. д.; но все, о чемъ разсуждалось при Петрѣ въ Сенатѣ, свидѣтельствуетъ о Его глубокомъ интересѣ и вниманіи къ дѣлу правленія, порученному Сенату. „Будучи“, напр., „въ Сенатѣ“ 19 февраля 1721 г., пожаловалъ секретаря Сената Ивана Давыдова сына Познякова въ оберъ-секретари и указалъ ему быть у своихъ Государевыхъ дѣлъ „въ Сенатѣ“; или, 17 ноября того же года, указалъ „судить и, по усмотрѣнію винъ, штрафовать“ коллежскихъ служителей (кромѣ членовъ), впадшихъ„ въ какое партикулярное, а не въ важное погрѣшеніе, въ тѣхъ же коллегіяхъ, въ которыхъ оные обрѣтаются“; или повелѣлъ отпустить на дѣло Кронштадтскаго канала 20 т. рублей, „а ежели толикаго числа вдругъ отпустить не изъ чего, то отпускать, расписавъ по частямъ, усматривая, дабы въ помянутой работѣ остановки не учинилось“ [1]). Иногда Государь, „будучи въ Сенатѣ“, являлся верховнымъ судіею и самъ постановлялъ приговоръ. Такъ, 15 мая 1720 г., „слушавъ докладной выписки, указалъ по Именному своему, Великаго Государя, указу, присланному изъ С.-Петербургской губерніи шведскому арестанту капитану Югану Старшниту, за его дерзновеніе, о которомъ 4 человѣка свидѣтели сказали, что онъ, будучи въ Томску у воеводы Щербатова, ударилъ тростью по написанной Его Царскаго Величества персонѣ, въ чемъ онъ и самъ себя призналъ, но, вызволяя себя, подъ присягою сказалъ, якобы то онъ учинилъ ненарочно — объявить Своего Царскаго Величества указомъ, что онъ за то повиненъ жестокому наказанію, но, по высокой Своей Царскаго Величества милости, тое его вину оставляетъ и, по объявленіи, послать его, по прежнему, въ Сибирь“ [2]).

Коснемся, въ заключеніе изложеннаго, вопроса о томъ, насколько часто Государь бывалъ въ Сенатѣ. Частію на основаніи изданныхъ, а частію на основаніи архивныхъ данныхъ, этотъ вопросъ можетъ быть выясненъ лишь относительно по-

[1]) М. А. М. Ю., кн. $^{4}/_{607}$, л. 370 и сл., кн. $^{10}/_{660}$, л. 673 и сл., кн. $^{3}/_{374}$, л. 770 и сл. (А. Н.).
[2]) Арх. Сен., Выс. ук. и пов. въ коп., кн. 5, л. 727.

слѣднихъ лѣтъ жизни Петра, съ 1721 г., когда, послѣ Ништадскаго мира [1]), Государь вообще сталъ больше пребывать въ своей столицѣ и когда „юрналы“ болѣе или менѣе точно отмѣчаютъ время Его появленія въ Сенатѣ; говоримъ — болѣе или менѣе точно въ виду того, что между отдѣльными списками „юрналовъ“ нѣтъ единогласія въ этомъ вопросѣ, и въ то время, какъ въ однихъ изъ нихъ отмѣчено, подъ тѣмъ или инымъ числомъ, о прибытіи Государя въ Сенатъ, въ другихъ подъ тѣми же числами объ этомъ не говорится ничего. Коснемся сначала напечатанныхъ „Походныхъ Журналовъ“ съ 1721 г., дополнивъ ихъ свѣдѣнія другими данными, изъ числа неизданныхъ. Такъ, изъ одного изъ „юрналовъ“ 1721 г. узнаемъ, что 16 января „Его Величество былъ въ Сенатѣ, кушалъ дома, и былъ въ адмиралтействѣ, и паки былъ въ Сенатѣ“. Двукратное посѣщеніе Сената отмѣчено также и подъ 18 числомъ; 16 марта Петръ уѣхалъ въ Ригу, посѣтивъ затѣмъ Ревель и другіе прибалтійскіе города, и вернулся въ Петербургъ 19 іюня [2]). Затѣмъ, журналы этого года не упоминаютъ о посѣщеніи Петромъ Сената; однако, въ приговорахъ Сената мы находимъ указанія, что Петръ былъ въ Сенатѣ 23 іюля и объявилъ здѣсь нѣсколько именныхъ своихъ указовъ; затѣмъ Онъ присутствовалъ въ Сенатѣ 24 сентября, 16 октября, 26 ноября того же года [3]). Въ концѣ 1721 г. сенаторы переѣхали въ Москву и до 13 мая 1722 г., когда Петръ уѣхалъ изъ Москвы, Онъ посѣтилъ Сенатъ 4 раза [4]). Болѣе всего Петръ имѣлъ возможность посѣщать Сенатъ въ 1723 г., и за этотъ годъ, соединяя вмѣстѣ свѣдѣнія напечатанныхъ „Походныхъ Журналовъ“ съ „Юрналомъ, или запискою впредь для памятствованія“ Сенатскаго архива, мы насчитали съ 3 марта, когда Государь прибылъ въ Петербургъ, 17 дней, когда Онъ засѣдалъ въ Сенатѣ, причемъ два изъ этихъ дней не были (насколько можно судить по журнальнымъ записямъ) посвящены разсмотрѣнію дѣлъ, а именно въ одинъ изъ этихъ дней, 30 мая (день рожденія Государя), „кушали въ Сенатѣ“ и 14 сентября изволили быть въ

[1]) О времени пребыванія Петра Великаго за границею и объ отъѣздахъ изъ Петербурга обстоятельныя свѣдѣнія приводятся въ статьѣ П. Н. Милюкова „Петръ I Алексѣевичъ Великій“ (Энциклопедическій словарь, т. XXXa, стр. 493).

[2]) Походный Журналъ 1721 г., СПБ., 1855 г., стр. 17, 27, 49.

[3]) Арх. Сен., Выс. ук. и пов. въ коп., кн. 5, л. 175, 242, 305, 504, 638, 639, 641.

[4]) Походный Журналъ 1722 г., СПБ., 1855 г., стр. 29, 32.

сенатской аудіенціи для отпуска персидскаго посла“ [1]). Сенатъ при Петрѣ Великомъ, впрочемъ, видѣлъ въ стѣнахъ своихъ Государя не только во всѣхъ вышеозначенныхъ случаяхъ, когда Онъ являлся его президентомъ, но и при различныхъ торжественныхъ государственныхъ актахъ, какъ напримѣръ при принятіи Государемъ новаго титула и только что упомянутомъ пріемѣ 14 сент. 1723 г. — „послѣ обѣдни, изволили быть (Государь съ Государынею) въ сенатской ауденціи, для отпуска персидскаго посла, и изволили слушать отъ него церемоніи и передъ Сенатомъ стояли командированныя роты отъ полковъ...“ [2]).

Въ 1724 г. до 17 февраля, когда Императоръ „изволилъ итти къ Олонецкимъ марціальнымъ водамъ“, Онъ побывалъ въ Сенатѣ 10 разъ [3]). Отправившись затѣмъ въ Москву на коронацію Екатерины, Государь вернулся въ свою новую столицу лишь 25 іюня и, начиная съ 17 іюля до конца года, былъ въ Сенатѣ 4 раза [4]). Сенатъ 14 декабря 1724 г. въ послѣдній разъ видѣлъ въ засѣданіи своемъ Великаго Монарха, своего основателя. Необходимо еще отмѣтить, что въ томъ же году явился очень важный указъ, имѣвшій въ виду установить извѣстный общій порядокъ рѣшенія дѣлъ, какъ въ Сенатѣ, такъ и въ коллегіяхъ, въ присутствіи Государя, но и этотъ порядокъ недолго пришлось примѣнять на практикѣ, въ виду безвременной кончины Государя. А именно, 1 сентября 1724 г. экзекуторъ Сената Елагинъ объявилъ генералъ-рекетмейстеру указъ, писанный такимъ образомъ: „Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій Петръ Великій, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, сего августа 12 дня указалъ: когда Его Величество изволитъ присутствовать въ Сенатѣ, или въ которой коллегіи, тогда о надлежащихъ дѣлахъ докладывать по реестру токмо въ то время, какъ изволитъ сидѣть. И для того къ присутствію Его Величества, о чемъ которой коллегіи и при-

[1]) Походный Журналъ 1723 г., СПБ. 1855 г., указываетъ лишь 2 случая посѣщенія Государемъ Сената (17 и 22 мая), стр. 14; въ „Юрналѣ, или запискѣ впредь для памятствованія“ (Арх. Сен., Выс. ук. и пов. въ коп., кн. 15) пребываніе Петра въ Сенатѣ указано подъ 7, 29, 30 числами апрѣля мѣсяца; подъ 6, 10, 13 (и также 17), 30 числами мая; затѣмъ подъ 21, 23 іюня, подъ 10 и 20 августа, 14 сентября, 18, 21, 25 октября (см. подъ означенными числами).

[2]) Арх. Сен., Выс. ук. и пов. въ коп., кн. 15, „юрналъ“ (подъ означенною датою).

[3]) Походный журналъ за 1724 г., СПБ., 1855 г., стр. 33, 35—50.

[4]) Ibid., стр., 4, 9, 13, 14, 16, 25.

сутственныхъ оной конторъ, готовить реестры, которые должно имѣть на столѣ. А когда Его Величество встать изволитъ, тогда ни о какихъ дѣлахъ, подъ штрафомъ, не докладывать. И о томъ сей указъ объявить всѣмъ коллегіямъ" [1]).

Общее заключеніе, къ которому необходимо придти на основаніи всего вышеизложеннаго, будетъ то, что, по существу, взаимныя отношенія между Монархомъ и Сенатомъ оставались одними и тѣми-же, былъ ли Государь далеко отъ Сената, пребывалъ ли Онъ въ своихъ столицахъ; мѣнялись лишь формы ихъ. Живя въ столицахъ, Онъ либо самъ присутствовалъ въ Сенатѣ, гдѣ, выслушавъ подлежащія разсмотрѣнію дѣла и разсужденія сенаторовъ, давалъ свои о нихъ повелѣнія, либо объявлялъ именные свои указы, при чемъ, если дѣла были сложны и требовали какихъ-либо справокъ, приказывалъ представлять себѣ о нихъ особые доклады. Уѣзжая изъ столицъ, Онъ вручалъ Сенату лично, либо черезъ уполномоченныхъ персонъ, свои знаменитые „пункты", либо посылалъ ихъ съ пути, причемъ требовалъ отъ Сената неуклоннаго и быстраго ихъ исполненія. Всюду и всегда, говоря кратко, Сенатъ былъ близокъ къ Государю и дѣйствовалъ подъ Его руководствомъ и по Его волѣ. Одно небольшое письмо Петра Великаго изъ Астрахани, отъ 18 іюня 1722 г. [2]), отлично воспроизводитъ форму обычныхъ сношеній Его съ Сенатомъ, когда Онъ былъ вдали отъ него, показывая въ то же время, какъ нерѣдко трудно удавалось Государю добиться исполненія своихъ велѣній [3]). Надо, впрочемъ, если не въ оправданіе, то въ объясненіе этого, сказать, что и положеніе Сената, при выполненіи повелѣній Петра, временами было весьма нелегко. Не говоря уже о томъ, что Сенатъ часто самъ не могъ добиться отъ подчиненныхъ ему учре-

[1]) М. А. М. Ю., меморіи Сената по герольдмейстерскимъ и рекетмейстерскимъ дѣламъ, кн. 54/8155, л. 184.

[2]) „Господа Сенатъ, при семъ посылаемъ къ вамъ пункты о нѣкоторыхъ нужныхъ дѣлахъ, и когда ихъ получите, тогда по онымъ учините рѣшеніе. Мы сего дня отходимъ въ путь свой на море". (Сбор. Имп. Русс. Ист. Общ., т. XI, стр. 491).

[3]) Пунктъ пятый, собственноручно писанный Петромъ и приложенный къ вышеозначенному письму, гласитъ слѣдующее: „о деньгахъ мѣдныхъ Я многократно говорилъ, чтобъ способъ искать, понеже и сюды въ жалованья отпущено въ 270 тысячахъ мѣдныхъ, и такъ уже половина оныхъ ставится, а сдѣлана меньше, отъ чего, ясно видѣть, что привозныхъ много мѣдныхъ, о чемъ гораздо думать и способъ сыскивать надлежитъ, дабы послѣ не тужить о невозвратномъ убыткѣ" (ibid., стр. 492).

жденій и лицъ выполненія его указовъ, на него, благодаря порывистой натурѣ Государя, требовавшаго быстраго приведенія въ исполненіе всего предписаннаго, нерѣдко безъ соображенія, возможно-ли это,—а равно и благодаря измѣнчивости Его плановъ и рѣшеній, возлагалась масса тяжкихъ порученій, предъявлялся къ нему рядъ труднѣйшихъ задачъ для разрѣшенія. При этомъ едва успѣвалъ Сенатъ вникнуть въ одно порученіе, или приступить къ выполненію другого, какъ отъ Государя шло уже новое повелѣніе. Все это вмѣстѣ держало Сенатъ въ постоянномъ напряженіи, создавало внутреннюю близость учрежденія къ Монарху, даже если ихъ раздѣляло очень большое разстояніе.

Близость и непосредственность отношеній Сената къ своему Основателю не могла укрыться и отъ населенія. По одной изъ народныхъ пѣсенъ, Государь, объятый горестью, пріѣзжаетъ въ Сенатъ для объявленія войны—„подъ нимъ лошади вороныя, на самомъ на Немъ платье черно, платье черно, да все кручинно"... Онъ „во присутствіе да самъ заходитъ; сенаторы всѣ да испугались, изъ рукъ перья у нихъ повалились, изъ очей слезы да покатились... Онъ беретъ въ руки да листъ бумаги, листъ бумаги Онъ, да не плохія... Начинаетъ писать да доношеніе, отсылаетъ доношеніе въ ину землю. Желаетъ Онъ себѣ бою, да драки"... Другая пѣсня изображаетъ Петра умирающимъ и влагаетъ въ уста окружающихъ Его „князей-бояръ, всѣхъ старшихъ фельдмаршаловъ" такіе вопросы: „на кого Ты царство свое приказываешь, на кого Ты свое государство отказываешь? Кому у насъ будетъ Сенатъ судить". Государь отвѣчаетъ: „Сенатъ судить вамъ, князьямъ-боярамъ"... А на вопросъ Екатерины, своей супруги, добавляетъ: „Сенатъ судить князьямъ-боярамъ, всѣмъ старшимъ фельдмаршаламъ" [1]), что и сбывается, уже вскорѣ по кончинѣ Государя, въ организаціи надъ Сенатомъ Верховнаго Тайнаго Совѣта.

---

[1]) Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ и изданныя Обществомъ любителей россійской словесности, М. 1870 г., выпускъ 8, стр. 212, 273 и 274.

III. Отношеніе Правительствующаго Сената къ Святѣйшему Правительствующему Синоду.

Перейдемъ теперь къ характеристикѣ отношеній Правительствующаго Сената къ другому высшему учрежденію, созданному въ концѣ царствованія Петра Великаго, -Святѣйшему Правительствующему Синоду. Касаясь этого вопроса, надо сказать, что въ ученой нашей литературѣ не дается на него одного общаго отвѣта, и если одни изслѣдователи, какъ, напр., В. Поповъ, стоятъ на той точкѣ зрѣнія, что „Святѣйшій Синодъ не только юридически, но и фактически стоялъ на одинаковой высотѣ съ Сенатомъ" (хотя въ то же время проводится мысль, что „Сенатъ смотрѣлъ на Святѣйшій Синодъ, какъ на установленіе низшее его и даже ему подчиненное" [1]), то другіе, какъ, напр., Голубевъ, думаютъ, что, „по сравненію съ полномочіями Сената полномочія Синода" въ Петровское время „едва ли были больше и шире коллежскихъ", добавляя, что „такъ это и должно было быть. Сенатъ во время Петра I былъ высокоповѣреннымъ и полномочнымъ органомъ по управленію дѣлами государства, былъ тѣмъ же, чѣмъ впослѣдствіи были Верховный Тайный Совѣтъ и Кабинетъ". Названный авторъ при этомъ полагаетъ, что, при существованіи такого органа,—въ виду того, что „въ то время духовная область не составляла какого-нибудь особеннаго организма, существовавшаго отдѣльно отъ государства"—„для блага самого государства нельзя было Монарху надѣлять Синодъ такою властью, какою онъ надѣлилъ Сенатъ" [2]). М. Ф. Владимірскій-Будановъ, говоря объ учрежденіи Духовной коллегіи, замѣчаетъ, что „первоначально эту коллегію, наравнѣ съ другими, Сенатъ хотѣлъ подчинить себѣ, но Духовная коллегія, переименованная въ Святѣйшій Синодъ, старалась до-

[1]) В. Поповъ, О Святѣйшемъ Синодѣ и объ установленіяхъ при немъ въ царствованіе Петра I, СПБ., 1881 г., стр. 35 и сл.; ср. также Н. Кедрова, „Духовный регламентъ" и пр. (М., 1886 г.), утверждающаго, что, по мысли Петра, Синодъ всегда долженъ стоять на одинаковой ступени съ Сенатомъ, стр. 70.

[2]) А. Голубевъ, „Святѣйшій Синодъ" въ книгѣ „Внутренній бытъ русскаго государства" и пр., М., 1886 г., стр. 252 и сл. Другія мнѣнія по вопросу см. у В. Н. Латкина: Учебникъ исторіи русскаго права, СПБ., 1909 г., стр. 347 и сл.; примѣчанія.

стигнуть (въ своей сферѣ) равнаго положенія съ Сенатомъ, хотя не всегда съ успѣхомъ“ [1]). Наконецъ, послѣдній авторъ, высказавшійся по вопросу, В. Н. Латкинъ, держится своего прежняго взгляда, что, „разсматривая юридическое положеніе Синода, необходимо констатировать фактъ крайней неопредѣленности послѣдняго“. Авторъ въ подтвержденіе своего мнѣнія приводитъ данныя, свидѣтельствующія, съ одной стороны, что Синодъ „ставился въ равноправное положеніе съ Сенатомъ“, а съ другой, указывающія, что Синодъ „есть коллегія, какъ и прочія коллегіи, и, въ силу этого, права его не одинаковы съ Сенатомъ“ [2]).

Какъ намъ кажется, „крайняя юридическая неопредѣленность положенія“ Синода по отношенію къ Сенату можетъ быть констатирована лишь въ первое время по его образованіи, что̀ находитъ себѣ ясное подтвержденіе прежде всего уже въ тѣхъ докладныхъ пунктахъ, съ которыми Синодъ, тотчасъ по своемъ учрежденіи, обращается къ Государю. Основываясь на одномъ мѣстѣ Духовнаго регламента, — который гласитъ, что „Духовная коллегія должна обвѣстить или публиковать всѣмъ обще христіанамъ коего-либо чина, что можно всякому, усмотрѣвъ нѣчто къ управленію церкви полезное, доносить такъ, какъ вольно всякому доносить Сенату о правильныхъ прибыляхъ государственныхъ“ и, принимая во вниманіе, что въ другомъ мѣстѣ регламента говорится: „немалая должность (Духовной коллегіи) какъ бы священство отъ симоніи и безсуднаго нахальства отвратить, для сего полезно есть сдѣлать совѣтъ съ Сенатомъ“,—одинъ авторъ (Кедровъ) думаетъ, что „въ означенныхъ пунктахъ регламента дается понять, что юридически Духовная коллегія ставится законодателемъ въ совершенно параллельное положеніе съ Сенатомъ“ [3]). Однако, Синодъ не увидалъ здѣсь того, что представляется современному изслѣдователю Духовнаго регламента, и уже въ первомъ своемъ засѣданіи, состоявшемся 14 февраля 1721 г.,—„по молебномъ въ Троицкомъ соборѣ пѣніи“,—имъ былъ представленъ Государю докладъ, въ которомъ (какъ видно изъ журнала его отъ указаннаго числа)

[1]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Обзоръ ист. русск. права, К., 1905, стр. 260.

[2]) В. Н. Латкинъ. Учебникъ ист. русс. права, стр. 346 и сл.

[3]) Кедровъ. Духовный Регламентъ, въ связи съ преобразовательною дѣятельностью Петра Великаго, стр. 69 и сл.

испрашивалась резолюція Государя прежде всего о томъ: „въ церковныхъ служеніяхъ, гдѣ было патріаршее имя возносимо, вмѣсто онаго, Правительствующаго Духовнаго Собранія именованіе возносить-ли" (по указываемой въ докладѣ формѣ — „О Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ" и пр.), а затѣмъ и о томъ: „о прилучающихся требованіяхъ отъ упомянутаго Духовнаго Собранія въ Правительствующій Сенатъ, также и въ коллегіи, и отъ нихъ въ Духовное Собраніе (т. е. Синодъ), каковымъ образомъ письменное обхожденіе имѣть? А на патріаршее имя указовъ ни откуда не присылалось, Духовная-же коллегія имѣетъ честь, силу и власть патріаршую, или едва и небольшую, понеже—Соборъ". Государь собственноручно написалъ на первый пунктъ резолюцію: именованіе возносить „о Святѣйшемъ Синодѣ или о Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ", а на второй: „въ Сенатъ (писать)—вѣдѣніемъ и за подписаніемъ всѣхъ, а въ коллегіи, какъ изъ Сенату пишутъ, и за подписаніемъ только секретарскимъ" [1]).

Эти резолюціи, какъ намъ представляется, несомнѣнно показываютъ, что у Петра Великаго была мысль сдѣлать Синодъ, подобно Сенату, во 1-хъ, правительствующимъ учрежденіемъ въ сферѣ духовныхъ дѣлъ, а равно и поставить его, во 2-хъ, на равное съ Сенатомъ положеніе въ государствѣ. Впрочемъ, этихъ резолюцій оказалось недостаточно для установленія на практикѣ идеи равенства двухъ названныхъ учрежденій, и слишкомъ черезъ годъ, а именно 12 апрѣля 1722 г., Синодъ снова былъ вынужденъ войти къ Государю съ докладомъ, въ которомъ, между другими пунктами, отмѣтилъ также, что „хотя Именными Его Императорскаго Величества указы такъ Синоду въ духовномъ, какъ Сенату въ свѣтскомъ правленіи, дѣйствительно дана сила и уравненіе учинено, однако-жъ, Сенатъ, воспоминая прежній Его Императорскаго Величества Именной 1711 г. указъ,—по которому велѣно въ отсутствіе Его Императорскаго Величества какъ свѣтскимъ, такъ и духовнымъ (когда еще Синода не было) повиноваться Сенату, какъ самому Его Величеству,—о чемъ нѣкоторый терминъ и въ Синодъ уже письменнымъ мая 25 дня 1721 г. вѣдѣніемъ, въ отсутствіе Его Императорскаго Величества, Сенатъ употребилъ, отчего дается знать, что

[1]) Пол. Собр. Пост. и Расп. по вѣдомству православнаго исповѣданія, т. I, СПБ., 1879 г., изд. 2, стр. 33.

оную, до синодскаго состоянія данную власть, признаваетъ имѣть и надъ Синодомъ. А Синодъ присягою своею исповѣдалъ, и нынѣ исповѣдуетъ, единаго себѣ токмо крайняго судію самого Его Высокодержавнѣйшаго Императора, а Сенату подчиненна себѣ не признаваетъ. И дабы Сенатъ никакой надъ Синодомъ власти себѣ не причиталъ и синодальное правительство, во званіи своемъ, было-бъ дѣйствительно, проситъ Синодъ отъ Его Величества конфирмаціи" [1]).

Изъ приведеннаго пункта синодскаго доклада видно, что Сенатъ не склоненъ былъ разсматривать себя, какъ учрежденіе равное „по силѣ" съ Святѣйшимъ Синодомъ, несмотря на то, что это „уравненіе" было учинено именными указами, причемъ ссылался на указъ отъ 2 марта 1711 г., состоявшійся еще до учрежденія Синода. Петръ оставилъ этотъ пунктъ доклада безъ отвѣта, что даетъ поводъ одному изъ изслѣдователей (А. А. Голубеву) утверждать, что „великій Преобразователь, понимая очень хорошо, что нельзя было Монарху надѣлять Синодъ такою же властью, какою Онъ надѣлилъ Сенатъ", „умышленно оставилъ безъ резолюціи вышеупомянутый пунктъ синодскаго доклада, въ которомъ Синодъ выражалъ свое нежеланіе быть подъ командою Сената" и пр. [2]). Мы, конечно, не знаемъ, почему Петръ оставилъ безъ отвѣта указанный пунктъ доклада; но что это оставленіе, во всякомъ случаѣ, не имѣло того смысла, какое ему приписываетъ названный изслѣдователь вопроса о Святѣйшемъ Синодѣ, ясно видно изъ того, что въ тотъ же день, по другому докладу Синода,—на одинъ изъ его пунктовъ, вопрошавшій Государя, какъ поступать съ тѣми, „кто гордо презираетъ власть церковную съ великимъ соблазномъ немощныхъ братій и тако безбожія вою отъ себя издаетъ,"— Государь положилъ такую резолюцію: „понеже Синодъ въ духовномъ дѣлѣ равную власть имѣетъ, какъ Сенатъ, того ради респектъ и послушаніе равное издавать надлежитъ и за преступленіе—наказаніе" [3]). Эта резолюція Государя опять таки показываетъ, что „въ духовномъ дѣлѣ Синодъ долженъ былъ имѣть такую же власть, какъ Сенатъ въ гражданскихъ дѣлахъ".

[1]) Пол. Собр. Пост. и Расп. по вѣд. прав. исп., т. II, СПБ., 1872 г., стр. 173, п. б.
[2]) А. А. Голубевъ, Внутренній бытъ русс. государства, стр. 253.
[3]) П. С. З., № 3963, пунктъ 5.

Надѣленіе Синода такою же властію, какую имѣлъ Сенатъ, естественно, приводило къ вопросу, какъ слѣдовало поступать въ тѣхъ случаяхъ, когда сферы ихъ компетенціи на практикѣ соприкасались между собою. Петровскіе указы повелѣвали въ такихъ случаяхъ приходить къ соглашенію, для чего, въ свою очередь, между Синодомъ и Сенатомъ должны были устраиваться конференціи. Уже Духовный регламентъ говорилъ о „совѣтѣ“ Святѣйшаго Синода съ сенаторами по вопросу о симоніи. Но, конечно, такіе „совѣты“ не могли ограничиваться однимъ указаннымъ случаемъ; жизнь требовала постояннаго обращенія къ совѣщаніямъ двухъ „правительствующихъ“ учрежденій Имперіи, и вотъ уже въ Именномъ указѣ отъ 6 сентября 1721 г. мы читаемъ, что „ежели впредь какъ изъ Святѣйшаго Синода въ Сенатъ, такъ и изъ Сената въ Синодъ будутъ присылаться вѣдѣнія и по усмотрѣнію которой стороны, яко отъ синодальной, или отъ сенатской, явятся по мнѣнію сомнительныя, такъ, для возымѣнія по онымъ конференціи, приходить, какъ отъ Синода же въ Сенатъ, такъ и отъ Сената въ Синодъ, по двѣ персоны“ [1]). Въ этомъ указѣ снова утверждается, что Синодъ и Сенатъ поставлены въ одинаковое положеніе другъ къ другу, и имъ, говоря словами вышеуказаннаго сенатскаго доклада, „уравненіе учинено“. По обыкновенію Петръ, не довольствуясь общимъ указомъ, давалъ Сенату особыя повелѣнія о тѣхъ случаяхъ жизненной практики, по которымъ слѣдовало-бы, по его мнѣнію, Сенату и Синоду придти къ соглашенію. Такъ, напр., въ указѣ „г.г. Сенату“ отъ 12 апрѣля 1722 г. онъ говоритъ, что „надлежитъ согласиться (Сенату) съ Синодомъ и опредѣлить изъ доходовъ на госпитали больнымъ, изъ доходовъ на госпитали увѣчнымъ и старымъ часть такую, чѣмъ ихъ содержать, къ тѣмъ доходамъ, которые на оные опредѣлены, а недостаетъ“ [2]). Конференціи Синода съ Сенатомъ и бывали неоднократно [3]). Интересно, что черезъ $1^1/_2$ мѣсяца послѣ указа о конференціяхъ Синода съ Сенатомъ Синодъ вошелъ (19 октября 1721 г.) къ Государю съ новымъ

[1]) Полн. Собр. Пост. и Расп. по вѣд. прав. исп., т. I, стр. 257.

[2]) Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., XI, стр. 462 и сл., срав. 533.

[3]) См., напр., Пол. Собр. Пост. и Расп. по вѣд. прав. исп., т. I, стр. 333 и сл., т. II, стр. 177 и сл., 407 и сл., 466 и сл., 537 и др. Подробный разборъ этихъ конференцій см. у Голубева, Внутренній бытъ русскаго государства, стр. 239 и сл.

докладомъ, въ которомъ, между прочимъ, указывалъ на слѣдующее: „когда сенатскими приговоры бываютъ какія генерально о всѣхъ опредѣленія, въ чемъ и синодская команда заключается, тогда можно, видится, прежде заключенія, во время обычайнаго о такихъ опредѣленіяхъ разсужденія, и Синодъ увѣдомлять, и съ общаго согласія такія опредѣленія заключать, что было-бъ къ лучшему общей пользы усмотрѣнію". Петръ положилъ резолюцію: „быть такъ" [1]), т. е. призналъ справедливымъ дополнить указъ о конференціяхъ постановленіемъ, требующимъ, чтобы Сенатъ извѣщалъ Синодъ, „прежде заключенія" своего, по всѣмъ тѣмъ вопросамъ, какіе могли вызывать генеральныя, или общія, съ его стороны постановленія. Впрочемъ, сдѣлавъ указанную резолюцію на синодскомъ докладѣ, Государь въ тотъ же день, „будучи въ Сенатѣ", противъ указаннаго пункта доклада, „на особливомъ листѣ", написалъ собственноручно слѣдующее: —„какое дѣло позоветъ о новомъ какомъ опредѣленіи генеральномъ, то не должно ни въ Сенатѣ, ни въ Синодѣ, безъ подписанія Нашей руки, чинить; а буде во отлученіи Нашемъ такое дѣло случится, а обождать до прибытія Нашего будетъ невозможно, то Синоду согласиться съ Сенатомъ и подписать и потомъ публиковать" [2]). Оставляя здѣсь безъ разсмотрѣнія вопросъ о томъ, какое значеніе эта резолюція имѣетъ для опредѣленія предѣловъ законодательствованія двухъ названныхъ учрежденій, мы видимъ, что здѣсь, во всякомъ случаѣ, Синодъ и Сенатъ также стоятъ въ одинаковомъ положеніи, причемъ въ отсутствіе Государя ни одно учрежденіе, ни другое не можетъ издавать генеральныхъ опредѣленій, т. е. законовъ. Затѣмъ, нѣсколько позднѣе, Петръ, подтверждая свое повелѣніе о рѣшеніи дѣлъ, не терпящихъ отлагательства, Синоду „обще съ Сенатомъ", повелѣваетъ „рѣшать (ихъ) до его апробаціи" [3]).

Не касаясь другихъ резолюцій и указовъ Петра, уравнивавшихъ Синодъ съ Сенатомъ [4]), надо, несомнѣнно, на нашъ взглядъ, придти къ тому общему выводу, что Петровское законодатель-

[1]) Пол. Собр. Пост. и Расп. по вѣд. прав. исп., т. I, стр. 365, пунктъ 5.

[2]) Ibid., стр. 369 и сл., п. 6; П. С. З., № 3854, п. 6.

[3]) П. С. З., № 4051 (указъ 13 ноября 1722 г.).

[4]) Пол. Собр. Пост. и Расп. по вѣд. прав. исп., т. I, стр. 669, пунктъ 25, гдѣ положена резолюція Государя о рѣшеніи вопроса „противу Сената" и др.; т. IV, стр. 71 о выдачѣ жалованья оберъ-секретарю, секретарю и канцелярскимъ служителямъ уравнительно противъ Сената и др.

ство, уже вскорѣ послѣ учрежденія Святѣйшаго Правительствующаго Синода, вполнѣ опредѣленно и настойчиво проводило идею равенства Синода и Сената, какъ высшихъ правительствующихъ учрежденій. Встрѣчавшееся иногда наименованіе Синода коллегіею едва ли говоритъ противъ этого вывода, а скорѣе свидѣтельствуетъ о смѣшеніи общаго широкаго смысла, заключающагося въ словѣ коллегія, съ спеціальнымъ, узкимъ; во всякомъ случаѣ, законодатель сознательно никогда не хотѣлъ уравненія Синода съ прочими коллегіями, какъ административными учрежденіями, подчиненными Сенату. Но идея равенства двухъ названныхъ учрежденій, проводившаяся de jure законодателемъ, на практикѣ прививалась весьма туго, и Синодъ жаловался на стремленіе Сената подчинить его себѣ. Пререканіе изъ-за власти вообще—очень характерная черта въ исторіи высшихъ нашихъ учрежденій въ XVIII вѣкѣ, и начало этому пререканію положено было уже съ первыхъ шаговъ дѣятельности Святѣйшаго Синода.

Остановимся на нѣкоторыхъ эпизодахъ этого пререканія между Синодомъ и Сенатомъ, чтобы затѣмъ попытаться уяснить его причины. Синодъ тотчасъ по открытіи своемъ вошелъ въ Сенатъ съ реестромъ объ опредѣленіи для него секретарей и подьячихъ, причемъ Синодъ, для „взятья, по реестру изъ городовъ, секретаря и подьячихъ", послалъ затѣмъ солдатъ, и когда канцеляристъ Корнышевъ былъ отысканъ, ему въ Синодѣ былъ „сказанъ указъ о бытности секретаремъ". Между тѣмъ, Сенатъ, разсмотрѣвъ реестръ, представленный Синодомъ, велѣлъ въ Синодѣ быть лишь тѣмъ подьячимъ, которые не у дѣлъ, а остальныхъ опредѣлилъ „взять изъ монастырскаго, трехъ патріаршихъ и изъ архіерейскихъ приказовъ и разныхъ монастырей", „вѣдая, что тѣхъ мѣстъ (начальствующіе) помянутыми служительми удовольствоваться могутъ". Такая постановка вопроса вызвала неудовольствіе обоихъ учрежденій. Съ одной стороны, Синодъ докладывалъ Государю, что его требованіе секретарей и подьячихъ не удовлетворено Сенатомъ, и Государь,—желая, повидимому, помирить оба учрежденія, сдѣлалъ соотвѣтствующую резолюцію („которые, противъ требованія, желаются, и что оные не въ Сенатѣ, ни въ коллегіяхъ, но у другихъ дѣлъ, и таковыхъ отдать безъ спору"). Съ другой стороны, Сенатъ,—объясняя въ „вѣдѣніи" Синоду отъ 25 мая того-

же 1721 г. свои дѣйствія,—говоритъ, что онъ не опредѣлилъ требуемыхъ, по реестру, лицъ, „дабы тѣхъ дѣлъ, у которыхъ оные обрѣтаются, не остановить къ поврежденію интереса", указывая въ то же время, что, ежели-бъ тѣмъ опредѣленіемъ Духовный Синодъ былъ недоволенъ и о томъ-бы ему надлежало „паки писать въ Сенатъ, не трудя тѣмъ Царское Величество" и ставя на видъ, что Синоду „и по силѣ второго указа" (т. е. указанной выше резолюціи) „надлежало опредѣленіе объ отдачѣ тѣхъ приказныхъ служителей требовать въ Сенатѣ, а не получая опредѣленія въ Сенатѣ, отъ гражданскихъ дѣлъ брать и, для взятья ихъ, нарочныхъ посылать и Корнышеву въ Синодѣ секретарство сказывать и къ дѣламъ опредѣлять не надлежало, понеже Пр. Сенатъ въ правленіи гражданскихъ дѣлъ силу и дѣйствіе имѣетъ, какъ Его Величества именной указъ... 1711 г. повелѣваетъ, что и самъ Св. Пр. Синодъ признать и въ помянутомъ вѣдѣніи написать заблагоразсудилъ, что Пр. Сенатъ равную часть и силу имѣетъ въ свѣтскомъ правленіи, какъ и Св. Синодъ въ духовномъ; да и въ бытность св. россійскихъ патріарховъ, по управленію дѣлъ, изъ гражданскихъ въ судьи и во дьяки опредѣлялись и указы имъ сказаваны изъ Разряда, хотя оный тогда таковой силы и дѣйствія не имѣлъ, какъ нынѣ Пр. Сенатъ" [1]).

Съ формальной точки зрѣнія, обѣ стороны представляются неправыми: едва ли Сенатъ имѣлъ основаніе „утруждать себя", какъ выражается Синодъ, „опредѣленіемъ" на указанныя должности лицъ, принадлежавшихъ, — какъ замѣтилъ Синодъ, — „къ собственному духовному правительству, которыхъ годныхъ можетъ Синодъ взять и безъ сенатскаго опредѣленія своею отъ Царскаго Величества данною властью". Что это было такъ, видно изъ 4-го докладного пункта, поданнаго Петру Синодомъ 19 ноября 1721 г. [2]), на которомъ

[1]) Пол. Собр. Пост. и Расп. по вѣд. прав. исп., т. I, стр. 151 и сл.

[2]) Пунктъ этотъ гласилъ: „понеже Синодъ съ Сенатомъ уравненъ есть, того ради можетъ, какъ и Сенатъ, изъ подчиненныхъ своихъ въ своей командѣ секретарей опредѣлять, о чемъ не было-бы здѣ нужды упоминать, ежели бы не произошло отъ Сената иного о томъ мнѣнія. А понеже то произошло, требуется опредѣленіе, дабы и впредь Синоду изъ подчиненныхъ своихъ въ секретари опредѣлять и тотъ чинъ въ Синодѣ сказывать быть позволено, чтобы синодальное правительство не пріобщено было къ числу коллегій, отъ сенатскихъ указовъ зависящихъ" (ibid. стр. 365).

Государь положилъ резолюцію: „изъ своихъ сказывать въ Синодѣ; и буде которые понадобятся, кромѣ вѣдѣнія ихъ (т. е. Синода), о такихъ давать вѣдѣнія въ Сенатъ и съ согласія опредѣлять“, т. е., иначе говоря, призналъ, что Сенатъ не долженъ былъ самъ опредѣлять служащихъ въ канцелярію Синода изъ дьяковъ и подьячихъ духовныхъ приказовъ и монастырей. Но, съ другой стороны, нельзя было допустить, чтобы и Синодъ безъ согласія Сената „сказывалъ секретарство“ и опредѣлялъ „въ свою канцелярію гражданскихъ чиновниковъ, находившихся на службѣ (въ данномъ случаѣ Корнышевъ былъ написанъ „у дѣлъ на Котлинѣ-островѣ, у палатнаго строенія“), за дѣятельность которыхъ отвѣчалъ Сенатъ. Синодъ счелъ, затѣмъ, за обиду, что Сенатъ опредѣлилъ къ нему на службу „однихъ такихъ, которые, яко къ дѣламъ негодные, обрѣтаются не у дѣлъ“; но „ненахожденіе у дѣлъ“ еще не означало само по себѣ негодности, а Сенатъ, конечно, долженъ былъ заботиться о томъ, чтобъ никого не отрывать отъ службы и назначать на нее и прежде всего тѣхъ, которые въ данное время не служили. Синодъ, въ своемъ обширномъ отвѣтѣ Сенату, не приводитъ доказательствъ, чтобъ на службу въ его канцелярію Сенатъ назначилъ дѣйствительно „къ дѣламъ негодныхъ“, а потому его обвиненіе Сената не кажется убѣдительнымъ.

Сенатъ, далѣе, указывалъ Синоду, что, если онъ былъ недоволенъ опредѣленіемъ его по вопросу о секретаряхъ и подьячихъ, ему „надлежало-бы паки писать въ Сенатъ, не трудя тѣмъ Царское Величество“. На это Синодъ возражалъ, что „хотя о неудовольствованіи повторять, якобы прошеніемъ, отнюдь Синодъ Сенату, яко неподчиненный, не долженъ“; однако, имъ былъ посланъ въ Сенатъ совѣтникъ синодскій, архимандритъ Петръ, „съ объявленіемъ того неудовольствованія и съ предложеніемъ синодскаго требованія, но къ исполненію ни малыя приклонности не получено“, почему Синоду не оставалось ничего иного, какъ обратиться къ Монарху, „яко Высочайшей своей власти“. Здѣсь Сенатъ обнаружилъ неуступчивость въ дѣлѣ, въ которомъ все должно было быть основано на соглашеніи (какъ это и указано было позднѣе въ резолюціи самого Государя), и далъ Синоду справедливый поводъ жаловаться, что въ его производствѣ происходитъ „остановка дѣлъ“, за неназначеніемъ нужныхъ лицъ въ его канцелярію.

Не касаясь другихъ весьма обширныхъ замѣчаній Синода „на вѣдѣніе“ Сената [1]) по данному вопросу и ограничиваясь указанными замѣчаніями, изъ которыхъ, кажется, ясенъ общій характеръ пререканій между Синодомъ и Сенатомъ, остановимся еще на одной жалобѣ Синода на „повелительство“ Сената, выразившееся въ присылкѣ Сенатомъ „своего приказанія Правительствующему Духовному Синоду, акибы подчиненному, не взирая на равенство и не упоминая того, что правительство духовное имѣетъ честь, силу и власть патріаршескую, а къ патріаршескому лицу отъ свѣтскаго правленія повелительныхъ писемъ не посылалося“. Поводомъ къ этой жалобѣ послужилъ указъ Сената, сообщенный при вѣдѣніи Синоду [2]). Въ концѣ этого вѣдѣнія было добавлено: „и Правительствующему Духовному Синоду о томъ вѣдать и чинить по Его, Великаго Государя, указу, а въ Камеръ и Штатсъ-конторъ-коллегіи и въ губерніи и провинціи о томъ изъ Сената указы посланы“. Синодъ увидалъ въ приложенномъ къ вѣдѣнію Сената указѣ **приказаніе**, при чемъ замѣтилъ, что „оное Правительствующаго Сената приказаніе, яко повелительство, къ Пр. Д. Синоду прислано и о дѣлахъ не свѣтскаго правленія, но духовнаго, которое до Правительствующаго Сената и не надлежитъ, но зависитъ отъ собственныхъ Пр. Д. Синода указовъ, что и самъ Правительствующій Сенатъ, сообщеннымъ своимъ прошедшаго мая 26 вѣдѣніемъ, признать и равную честь и силу Пр. Д. Синода въ духовномъ правленіи, какъ и Правительствующій Сенатъ имѣетъ въ свѣтскомъ, показать заблагоразсудилъ“. Приказаніе это, говоритъ Синодъ, „умаляетъ дѣйствительную (его) честь и лишаетъ равенства, понеже приказаніе, яко повелительство, происходитъ отъ большинства къ меньшеству, а въ равенствѣ повелѣнія не бываетъ, но подобныя себѣ употребляются корреспонденціи“. Отмѣтя въ тонѣ указа, а равно и въ вѣдѣніи Сената, „повелительство“, Синодъ затѣмъ добавляетъ, что „къ тому еще опредѣлено о оныхъ деньгахъ, которыя съ духовныхъ дѣлъ собираться будутъ, репортовать въ Камеръ-и Штатсъ-конторъ-коллегіи, которымъ уже, аки и подчиненъ быть, по тому Си-

[1]) Пол. Собр. Пост. и Расп. по вѣд. прав. исп., т. I, стр. 155 и сл.

[2]) П. С. З., № 3785. Въ относящейся къ пререканію части своей указъ этотъ гласитъ: „положенныя съ тѣхъ раскольщиковъ деньги, которыя будутъ собираться по окладу вдвое, тѣ отсылать въ Штатсъ-конторъ-коллегію, а штрафы по духовнымъ дѣламъ имать въ Пр. Д. Синодъ, а въ Камеръ-и Штатсъ-конторъ-коллегіи репортовать“.

нодъ значится. И такимъ опредѣленіемъ Правительствующій Сенатъ отягощеніе духовному правительству наноситъ напрасно и поступаетъ въ томъ не по содержанію предложенныхъ объ ономъ духовномъ правительствѣ указовъ, и репортованіемъ утруждать намѣренъ, аки бы Синодъ во интересахъ невѣроятенъ былъ, а оный Пр. Д. Синодъ, во исканіи интереса, присягою обязался не меньше коллегій и обрѣтающихся отъ нихъ въ Правительствующемъ Сенатѣ персонъ, и вѣрность присяжную всецѣло содержать тщится, а въ похищеніи интересовъ неточію не явился, но никогда тому (чего всякъ хранится долженъ) еще и не учился, и впредь учиться не намѣренъ" [1]). Если, конечно, трудно предположить, чтобъ вышеуказанное распоряженіе Сената имѣло въ виду мысль о какихъ-либо злоупотребленіяхъ со стороны Синода, то въ то же время нельзя не сказать, что раздраженіе Синода этимъ распоряженіемъ было вполнѣ естественно, такъ какъ Сенатъ не имѣлъ права обращаться къ нему съ указами, а въ своихъ „вѣдѣніяхъ"—держаться повелительнаго тона, намѣренно или ненамѣренно, но весьма ясно выраженнаго.

Помимо указанныхъ пререканій, на нѣкоторую шероховатость отношеній между Синодомъ и Сенатомъ вліяла также медленность разрѣшенія Сенатомъ вѣдѣній Синода. Это даже заставило Синодъ войти къ Государю съ докладомъ объ учрежденіи должности особаго „агента въ Синодѣ", мотивируя необходимость созданія ея тѣмъ, что „на посылаемые изъ Синода вѣдѣнія и въ коллегіи указы отвѣтствіе бываетъ продолжительное, а на иные и ничего не отвѣтствуется". Петръ утвердилъ 30 марта 1722 г. этотъ докладъ, предоставивъ Синоду самому выбрать такого агента. Синодъ 4 апрѣля выбралъ въ агенты синодальнаго дома дворецкаго Владыкина, давъ ему подробную инструкцію. По инструкціи, агентъ долженъ былъ, „какъ въ Сенатѣ, такъ и въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ, рекордовать настоятельно, дабы по онымъ синодскимъ вѣдѣніямъ и указамъ надлежащая отправа чинена была безъ продолженія времени", при чемъ о важныхъ дѣлахъ вѣдѣнія въ Сенатъ долженъ былъ подавать самъ, донося о всемъ Синоду и т. д. [2]). Дѣятельность этого агента, однако, не принесла ожидаемой пользы, и уже въ сентябрѣ слѣдующаго 1723 г. архіепископъ новгородскій Ѳеодосій, между прочимъ, доклады-

[1]) Пол. Собр. Пост. и Расп. по вѣд. прав. исп., т. I, стр. 160 и сл.
[2]) Ibid., т. II, стр. 159, № 3921.

валъ Государю „о безсилiи Синода, которое происходитъ отъ того, что сообщаемыя въ Сенатъ вѣдѣнiя и посылаемые въ коллегiи указы оказываются недѣйствительными“, и что „отъ учрежденiя Синода, съ 1721 г., на сообщенныя въ Сенатъ вѣдѣнiя, которыхъ больше ста, и на посланные въ коллегiи и канцелярiи многiе указы не только дѣйствительнаго исполненiя, но и отвѣтовъ долгое время не получалось“ [1]). Такимъ образомъ Сенатъ, задерживая на продолжительное время разрѣшенiе вопросовъ, возбуждавшихся въ синодскихъ „вѣдѣнiяхъ“, мало помогалъ Синоду и въ томъ, чтобъ синодскiе указы, обращенные къ подчиненнымъ Сенату коллегiямъ, получали скорое и дѣйствительное исполненiе. Вообще практика отношенiй Сената и Синода вызывала нерѣдко различныя недоразумѣнiя, несмотря на то, что de jure равенство между этими учрежденiями было вполнѣ признано. Часть этихъ недоразумѣнiй надо отнести на неопытность новыхъ правительствующихъ установленiй, на ревнивое отношенiе ихъ къ своему высокому положенiю, а часть ихъ объяснима неясностью и незаконченностью самаго законодательства по данному вопросу. Такъ, въ законодательствѣ не разграничивалась точно сфера духовныхъ и свѣтскихъ дѣлъ, подлежавшихъ вѣдомству того или другого учрежденiя, не было установлено порядка принесенiя жалобъ на синодскiй судъ, и челобитчики направляли эти жалобы въ Сенатъ и т. д. Все это вмѣстѣ создавало почву для взаимныхъ недоразумѣнiй, не говоря уже о личныхъ счетахъ сильныхъ персонъ, засѣдавшихъ въ данныхъ учрежденiяхъ.

Медаль на вступленiе на престолъ Петра I
(Елисаветинской эпохи).

[1]) Соловьевъ, Исторiя Россiи, т. XVIII, изд. 3, стр. 193.

ГЛАВА III.

Устройство Правительствующаго Сената.

I. Составъ Правительствующаго Сената; назначенія, права и обязанности сенаторовъ.— II. Канцелярія Правительствующаго Сената.—III. Расправная палата.—IV. Сенатская контора.

I. Составъ Правительствующаго Сената; назначенія, права и обязанности сенаторовъ.

ервоначальное устройство Правительствующаго Сената отличалось чрезвычайною простотою и совсѣмъ не походило на ту организацію, какую, въ постепенномъ своемъ развитіи, получилъ Сенатъ къ концу царствованія Петра Великаго. Учредительный актъ Правительствующаго Сената, знаменитый указъ отъ 22 февраля 1711 г., собственноручно писанный Государемъ и данный имъ „въ Преображенскомъ“ [1]), гласилъ лишь слѣдующее: „указъ объявить послѣдующій: опредѣлили быть, для отлучекъ Нашихъ, Правительствующій Сенатъ для управленія: г. графъ Мусинъ-Пушкинъ, г. Стрѣшневъ, г. кн. Петръ Голицынъ, г. кн. Михайло Долго-

[1]) Собственноручно писанный, но не подписанный, однако, Петромъ Великимъ (какъ это нерѣдко случалось вообще съ Его указами), указъ этотъ хранится въ Архивѣ Правительствующаго Сената въ С.-Петербургѣ (Высочайшіе указы и повелѣнія, кн. 1, л.л. 53 и 54). Съ этого подлинника воспроизведено факсимиле подъ № 1. Указъ 22 февраля 1711 г. былъ „сказанъ того жъ числа вышеупомянутымъ господамъ (сенаторамъ) въ Ближней канцеляріи“, при чемъ было повелѣно „записать въ книгу и сей подлинный указъ держать въ сохраненіи“.

рукой, г. Племянниковъ, г. кн. Григорій Волконскій, г. Самаринъ, г. Василій Апухтинъ, г. Мельницкой; оберъ-секретарь сего Сената Анисимъ Щукинъ. Московскую губернію управлять и доносить Сенату Василью Ершову. На князь Петрова мѣсто Голицына г. Курбатовъ. Вмѣсто приказа разряднаго быть столу разрядному при вышепомянутомъ Сенатѣ. Такожъ со всѣхъ губерній въ вышеписанномъ суду, для спроса и принимнія указовъ, быть по два комиссара съ губерній“ [1]).

Какъ ни многознаменательны краткія слова этого учредительнаго акта, они, однако, мало даютъ матеріала для сужденія объ устройствѣ Правительствующаго Сената. То же надо, въ общемъ, сказать и о трехъ указахъ Петра отъ 2 марта. Указы эти, будучи чрезвычайно важны для опредѣленія власти и отвѣтственности членовъ новаго учрежденія, а равно и его первоначальныхъ задачъ, вовсе не касаются вопроса объ устройствѣ Сената. Такъ, одинъ изъ этихъ указовъ, категорически объявлявшій „всѣмъ, кому о томъ вѣдати надлежитъ“, объ учрежденіи „Управительнаго Сената“, гласилъ, что Сенату „всякъ, и ихъ указамъ, да будетъ послушенъ такъ, какъ Намъ самимъ, подъ жестокимъ наказаніемъ, или и смертію, по винѣ смотря“, а ссылаясь на присягу, которую долженъ былъ принести, при своемъ вступленіи въ должность, каждый сенаторъ [2]), грозитъ жестокимъ наказаніемъ за ея нарушеніе, но откладываетъ, однако, выполненіе этой угрозы до возвращенія Государя, желая тѣмъ создать сенаторамъ твердую почву для непререкаемаго и непрерывнаго дѣйствія [3]). Другіе два указа (отъ того же 2 марта) устанавливаютъ, въ своихъ 12-ти пунктахъ, примѣрную программу дѣятельности Сената на первыхъ порахъ. Не много находимъ также данныхъ по вопросу объ устройствѣ Сената и въ указѣ отъ 5 марта, состоя-

[1]) Въ „Описи Высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ“ П. Баранова, томъ I, СПБ., 1872 г., стр. 10, указъ объ учрежденіи Сената почему-то раздѣленъ на пять указовъ (подъ №№ 98—102), при чемъ только о первыхъ строкахъ онаго (кончая словами „Анисимъ Щукинъ“) сказано, что онѣ писаны собственноручно Государемъ, что невѣрно, какъ это ясно изъ факсимиле указа (№ 1); кромѣ того, дата „въ Преображенскомъ 22 февраля 1711 г.“ стоитъ въ концѣ всего текста, а это показываетъ ясно, что весь текстъ составляетъ одинъ указъ, какъ онъ правильно и означенъ въ Пол. Собр. Законовъ подъ однимъ нумеромъ (№ 2321).

[2]) Форма присяги въ П. С. З., №№ 2327, 2329, 2330.

[3]) „И ежели оный Сенатъ, черезъ свое нынѣ предъ Богомъ принесенное обѣщаніе, неправедно что поступятъ въ какомъ партикулярномъ дѣлѣ, и кто про то увѣдаетъ, да молчитъ до Нашего возвращенія, дабы тѣмъ не помѣшать настоящихъ прочихъ дѣлъ“ (П. С. З., № 2328).

щемъ изъ трехъ пунктовъ. Наиболѣе обстоятельный изъ этихъ пунктовъ (3-ій) говоритъ объ учрежденіи фискалата и объ его отношеніи къ Сенату. Не касаясь здѣсь этого новаго института, введеннаго у насъ Петромъ, отмѣтимъ лишь, что первый пунктъ указа повелѣваетъ „всѣмъ, въ Сенатѣ пребывающимъ, мѣста имѣть по списку, кто послѣ кого написанъ въ опредѣлительномъ указѣ" (т. е. въ указѣ 22 февраля), а во второмъ—устанавливается сенаторамъ „голоса имѣть равные и у всякихъ указовъ подписывать всѣмъ своими руками, и что хотя одинъ не подпишетъ и засвидѣтельствуетъ неправу тому быти приговору, то и прочіе недѣйственны суть; однако жъ, надлежитъ тому, кто не споритъ, тое протестацію дать за своею рукою на письмѣ" [1]).

Таковы несложныя постановленія о Сенатѣ, данныя при его учрежденіи, и такъ скромно начинало свое историческое поприще знаменитое установленіе, игравшее затѣмъ столь важную роль среди высшихъ центральныхъ органовъ управленія Россіи въ новой ея исторіи. Если такое случайное обстоятельство, какъ отъѣздъ Петра на войну съ Турціею, создавало на время „Управительный Сенатъ", то цѣлый рядъ другихъ укрѣпилъ его значеніе въ послѣдующіе годы. Во первыхъ, „отлучки" Государя изъ отечества, или изъ своихъ столицъ, постоянно повторялись и были весьма продолжительны, а, во вторыхъ, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе сказывалась необходимость имѣть единое центральное учрежденіе, сосредоточивающее въ себѣ все высшее управленіе государствомъ, его контролирующее и само, въ свою очередь, находящееся подъ постояннымъ контролемъ (какъ мы уже это отмѣтили) Монарха и Его довѣренныхъ, ближайшихъ совѣтниковъ. Правда, съ учрежденіемъ коллегій, отъ Сената отошло непосредственное управленіе, но нужда для Монарха въ высшемъ исполнительномъ органѣ, наблюдающемъ за закономѣрностью и цѣлесообразностью дѣйствій центральныхъ и мѣстныхъ органовъ, продолжала постоянно сказываться. Поэтому самъ Петръ очень скоро перестаетъ смотрѣть на Сенатъ, какъ на учрежденіе временное, но, наоборотъ, все болѣе и болѣе настоятельно требуетъ, чтобъ сенаторы „гораздо смотрѣли" за дѣломъ управленія государствомъ, быстро выполняли указы Царя и назначенныхъ отъ Него персонъ, при чемъ, по обычаю, грозитъ

[1]) П. С. З., № 2331.

сенаторамъ всяческими карами за упущеніе, нерадѣніе и пр. Ростъ государственныхъ потребностей и развитіе задачъ управленія все болѣе и болѣе осложняютъ затѣмъ обязанности Сената; оставаться при той примитивной организаціи, какую получилъ первоначально Сенатъ, было невозможно, и вотъ, хотя медленно и постепенно, Сенатъ преобразуется, его устройство болѣе и болѣе совершенствуется, и частію въ составѣ Сената, или его канцеляріи, частію рядомъ съ нимъ, создаются новыя установленія и должностныя лица, выполняющія тѣ или иныя функціи, при чемъ Сенатъ, въ концѣ царствованія, получаетъ свои „Должности" (въ 1718 и 1722 г.г.), или уставы, кои уже болѣе точно и обстоятельно, чѣмъ отдѣльные пункты и указы, опредѣляютъ его юридическое положеніе. Постепенное развитіе устройства Сената и связанныхъ съ нимъ учрежденій и лицъ создаетъ, какъ намъ представляется, для изслѣдователя этого учрежденія необходимость послѣдовательнаго, въ порядкѣ времени, изображенія всѣхъ его измѣненій, наглядно показывающихъ наростаніе его функцій. Попытку такого изображенія и будетъ представлять нижеслѣдующій очеркъ, при чемъ прежде всего онъ коснется вопроса о составѣ Сената и его канцеляріи.

Какъ уже отмѣчено было выше, составъ Сената былъ обозначенъ въ учредительномъ (или, какъ говорилъ самъ Петръ, въ „опредѣлительномъ") указѣ 22 февраля 1711 г., при чемъ здѣсь было упомянуто и объ оберъ-секретарѣ Сената. Въ этомъ упоминаніи можно было видѣть, конечно, лишь слабый намекъ на то, что въ составѣ Сената необходимо будетъ впредь строго различать его присутствіе отъ его канцеляріи. Намекъ, однако, былъ отлично понятъ Сенатомъ, и канцелярія Сената является уже съ первыхъ дней существованія его, хотя учредительный актъ и не упоминаетъ о ней. Касаясь состава присутствія Сената, включавшаго въ себѣ девять персонъ, выше уже переименованныхъ, надо сказать, что большинство этихъ сенаторовъ ($^2/_3$) не принадлежало ни по своимъ личнымъ качествамъ, ни по своему положенію въ государствѣ, къ выдающимся людямъ времени; „верховные господа", или „принципалы" (кн. А. Д. Меншиковъ, гр. Ѳ. М. Апраксинъ, Б. П. Шереметевъ, канцлеръ гр. Г. И. Головкинъ и др.),—какъ ихъ именуетъ одинъ изъ сенатскихъ указовъ [1]), еще не входили въ составъ новаго

[1]) П. С. З., № 2342.

учрежденія, будучи заняты выполненіемъ другихъ важныхъ дѣлъ и порученій Петра. Составъ этотъ, при томъ, не оставался долго у дѣлъ. Первымъ оставилъ Сенатъ, по старости лѣтъ, Н. П. Мельницкій, котораго не находимъ въ составѣ Сената уже въ 1712 г. [1]); въ 1713 г. Петръ назначилъ губернаторомъ г. Риги сенатора кн. П. А. Голицына [2]); съ 1714 г. мы не встрѣчаемъ подъ приговорами подписи Г. А. Племянникова, подписывавшагося ранѣе нетолько за себя, но часто и за безграмотнаго сенатора кн. М. Долгорукаго; повидимому, обвиненіе во взяточничествѣ не прошло для него даромъ. Въ концѣ слѣдующаго года, когда было раскрыто въ большихъ размѣрахъ казнокрадство въ нѣсколькихъ канцеляріяхъ (ингерманландской, адмиралтейской и др.) и когда были произведены многочисленные аресты, были „схвачены“ также два сенатора: кн. Г. И. Волконскій и В. А. Апухтинъ, а въ началѣ 1715 г. эти два сенатора „были подвергнуты публичному наказанію, имъ жгли языкъ раскаленнымъ желѣзомъ за то, что подряжались сами чужими именами подъ провіантъ, брали дорогую цѣну и тѣмъ народу приключили тягость. Присутствующіе при экзекуціи говорили, что Царь очень раздраженъ на Волконскаго и называлъ его Іудою“ [3]). Какъ кн. Волконскій, такъ и прощенный позднѣе Петромъ Апухтинъ, однако, въ Сенатъ не возвратились. Затѣмъ 6 февраля 1718 г. „господа Сенатъ“ получили краткій, но грозный указъ Петра: „Михайла Самарина велите взять за караулъ крѣпкій губернатору к. Меншикову и всѣ его письма и прочее перепечатать“; взятъ былъ подъ арестъ и новый сенаторъ Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ (назначенный въ Сенатъ 9 іюня 1715 г.) [4]). Къ счастію, арестъ этихъ сенаторовъ былъ непродолжителенъ; извѣтъ, поданный на нихъ, оказался ложнымъ (по дѣлу царевича Алексѣя Петровича), и ровно черезъ мѣсяцъ Петръ объявилъ Сенату (письмомъ своимъ отъ 7 марта), „что П. М. Апраксинъ и Михайла Самаринъ по дѣламъ своимъ (для чего они взяты были къ Москвѣ) очистились, и для того оные нынѣ отпущены въ Петербургъ по прежнему къ дѣламъ и для того нынѣ Ми-

[1]) Доклады и приговоры Пр. Сената, т. II, ч. 2, стр. 100.

[2]) Ibid., т. III, ч. 1, стр. 235.

[3]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. 16, изд. 3, М., 1882 г., стр. 230 и сл.

[4]) Сбор. Имп. Русс. Ист. Общ., XI, стр. 365. Док. и пр. Пр. Сената, т. V, ч. I, стр. 528. Факсимиле этого указа см. подъ № X.

хайла Самарина домъ велите распечатать и людей его велите свободить. А какой былъ на нихъ извѣтъ и чѣмъ они оправдались, тому прилагается при семъ копія“ [1]). Оба названныя лица нѣкоторое время послѣ этого происшествія были еще сенаторами. Къ сожалѣнію, не ушелъ оправданнымъ по дѣлу царевича Алексѣя кн. М. В. Долгорукій, получившій въ 1718 г. отставку

Кн. Я. Ѳ. Долгорукій.

и лишь указомъ 15 января 1724 г. опредѣленный вновь на службу Сибирскимъ губернаторомъ [2]). Такимъ образомъ, уже въ первые годы своего образованія, Сенатъ потерпѣлъ много измѣненій въ своемъ составѣ: изъ 9-ти первыхъ сенаторовъ выбыло болѣе половины, при чемъ, впрочемъ, Сенатъ былъ пополненъ двумя членами: названнымъ уже нами П. М. Апраксинымъ и извѣстнымъ кн. Яковомъ Ѳеодоровичемъ Долгорукимъ, назначеннымъ сенаторомъ въ 1712 г., но уже съ августа мѣсяца

[1]) Сбор. Имп. Русс. Ист. Общ., т. XI, стр. 363, 369; упоминаемый въ письмѣ „извѣтъ“, ibid., стр. 370 сл.

[2]) М. М. Самаринъ былъ въ 1719 г. назначенъ начальникомъ помѣстнаго приказа; П. А. Апраксинъ оставался сенаторомъ до 1719 г. (Петровскій, О Сенатѣ, стр. 51 и сл.); Сбор. Имп. Русс. Ист. Общ., т. XI, стр. 528.

предыдущаго года обязаннымъ „всегда пребывать“ съ сенаторами, какъ это видно изъ письма Петра къ Сенату отъ 18 августа 1711 г. [1]). Кажется, онъ можетъ быть названъ наиболѣе выдающимся сенаторомъ первыхъ лѣтъ существованія Сената. Впрочемъ, между первыми, по времени назначенія, сенаторами трое, а именно гр. И. А. Мусинъ-Пушкинъ, Т. Н. Стрѣшневъ и Г. А. Племянниковъ, принадлежали къ членамъ Боярской Думы, т. е., во всякомъ случаѣ, имѣли высокое положеніе въ Государствѣ еще до созданія Правительствующаго Сената. О судьбѣ одного изъ этихъ сенаторовъ—Г. А. Племянникова—мы уже говорили; что же касается Т. Н. Стрѣшнева, то онъ умираетъ въ 1718 г.; графъ-же И. А. Мусинъ-Пушкинъ не только остается сенаторомъ во все царствованіе Петра, но и является членомъ сенатской конторы въ эпоху правленія Верховнаго Тайнаго Совѣта.

Таковъ былъ составъ Правительствующаго Сената до знаменитаго указа 3 декабря 1718 г. о „Должности Сената“ [2]), по первому пункту котораго „Сенату надлежало состоять изъ президентовъ коллегій“. Такъ какъ изъ тогдашнихъ президентовъ коллегій двое были уже въ это время сенаторами (а именно кн. Я. Ѳ. Долгорукій, бывшій тогда президентомъ Ревизіонъ-коллегіи, сливавшейся, впрочемъ, теперь съ Сенатомъ, и гр. И. А. Мусинъ-Пушкинъ, являвшійся президентомъ Штатсъ-конторы), то въ составъ Сената вошло еще 8 персонъ, частію изъ тѣхъ „верховныхъ господъ“ или „принципаловъ“, отъ которыхъ Сенатъ ранѣе получалъ указы, частію изъ другихъ лицъ. Таковы были: два президента Военной коллегіи—кн. А. Д. Меншиковъ и А. А. Вейде, президентъ Адмиралтейской коллегіи гр. Ѳ. М. Апраксинъ, президенты Камеръ-коллегіи и Юстицъ-коллегіи—кн. Д. М. Голицынъ и гр. А. А. Матвѣевъ, наконецъ, президенты Комерцъ-коллегіи, Иностранной коллегіи и Бергъ и Мануфактуръ-коллегіи—гр. П. А. Толстой, канцлеръ гр. Г. И. Головкинъ и Я. В. Брюсъ. Впрочемъ, уже въ 1719 г. отъ этого общаго принципа было сдѣлано нѣ-

[1]) Сбор. Имп. Русс. Ист. Общ., XI, стр. 202.

[2]) „Должность“ эта, напечатанная въ П. С. З., не имѣетъ вполнѣ опредѣленной даты, а отнесена лишь къ декабрю 1718 г. (№ 3264). На пунктахъ—о „Должности Сената“, „о должности секретаря сенатскаго“ и пр., „о раздѣленіи земскаго штапа на два манира“ и пр.,—написанныхъ рукою Петра, имѣется, однако, помѣта „декабря 3 дня 1718 г.“ (Сбор. Имп. Русс. Ист. Общ., XI, отд. 375), почему мы и считаемъ возможнымъ отнести утвержденіе этой „Должности“ къ 3 декабря 1718 г. и затѣмъ именовать ее подъ означенною датою.

которое отступленіе введеніемъ въ Сенатъ вице-президента Иностранной коллегіи П. П. Шафирова, а затѣмъ и назначеніемъ (20 февраля 1721 г.) сенаторомъ бывшаго молдаванскаго господаря кн. Д. К. Кантемира [1]). Позднѣе, указомъ 12 января 1722 г., самъ принципъ этотъ былъ признанъ совершенно не-

Гр. Я. В. Брюсъ.

состоятельнымъ, и указъ гласилъ о немъ такъ: „понеже правленіе сего государства, яко нераспоряженнаго предъ симъ, непрестанныхъ трудовъ въ Сенатѣ требуетъ, а члены сенатскіе, почитай, всѣ свои коллегіи имѣютъ, того ради не могутъ онаго снесть" (т. е. не могутъ одновременно стоять во главѣ коллегій и нести „непрестанные труды въ Сенатѣ"); „сіе съ начала не-

[1]) Сбор. Имп. Русс. Ист. Общ., т. XI, стр. 419; см. соображенія С. А. Петровскаго по поводу этихъ двухъ назначеній: О Сенатѣ, стр. 54.

осмотря учинено, что нынѣ исправить надлежитъ". Исправленіе должно было состоять,—поскольку дѣло шло объ измѣненіи состава Сената,—въ томъ, „чтобъ, кромѣ двухъ воинскихъ коллегій и Иностранной, выбрать иныхъ президентовъ, а именно въ Юстицъ, въ Камеръ, въ Комерцъ, въ Мануфактуръ-коллегіи и въ Статсъ-контору (надлежало бы и въ Бергъ-коллегію, но заобычнаго не знаю, того ради, пока такой сыщется, быть по старому)". Такимъ образомъ, сенаторами и вмѣстѣ президентами ввѣренныхъ имъ коллегій остаются лишь президенты 3-хъ первыхъ, изъ названныхъ, коллегій постоянно и четвертой (Бергъ-коллегіи) лишь временно, въ лицѣ незамѣнимаго, въ данное время, по словамъ Государя, Я. В. Брюса; остальныхъ коллегій президенты, оставаясь сенаторами, eo ipso теряютъ свое президенство. Убыль въ сенаторахъ должна быть затѣмъ пополнена „изъ министровъ, которые нынѣ при чужестранныхъ дворахъ". Вся реформа производится, по мысли законодателя, въ тѣхъ цѣляхъ, „дабы сенатскіе члены партикулярныхъ дѣлъ не имѣли, но непрестанно трудились о распорядкѣ государства и смотрѣли бы надъ коллегіями, яко свободные отъ нихъ, а нынѣ, сами будучи во оныхъ, какъ могутъ сами себя судить?" [1]). Что у сенаторовъ было весьма много дѣла по управленію государствомъ, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться, а потому соединять ихъ обязанности еще съ какими-либо сложными обязанностями (какъ президенство въ коллегіяхъ) было, конечно, невозможно.

Справедливымъ представляется вполнѣ и другой мотивъ: Сенату сплошь и рядомъ приходилось разсматривать то въ качествѣ высшаго исполнительнаго органа, то въ качествѣ контролирующей инстанціи, дѣла, начатыя въ коллегіяхъ, и, конечно, президенты коллегій, являясь, въ качествѣ сенаторовъ, судьями самихъ себя, не могли сохранять достаточнаго безпристрастія, что уже современниками было отмѣчено. Исключеніе было сдѣлано, впрочемъ, для президентовъ двухъ воинскихъ и Иностранной коллегій; но оно вполнѣ оправдывалось тѣмъ соображеніемъ, что эти коллегіи, стоя въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ Монарху, не находились въ подчиненіи Сенату. Въ виду того, однако, соображенія, что и

[1]) П. С. З., № 5877, п. I. Срав. мнѣнія объ этомъ указѣ Берхгольца и Бассевича, приведенныя у Градовскаго (Высшая администрація и пр., стр. 107).

эти президенты „довольно“ имѣли дѣла въ своихъ коллегіяхъ, они (а также временно и президентъ Бергъ-коллегіи) должны были посѣщать Сенатъ, въ случаѣ публикаціи новыхъ вѣдомостей и новыхъ указовъ, въ случаѣ „генеральнаго суда“ или „новаго дѣла“, наконецъ, когда въ Сенатѣ присутствуетъ самъ Государь (2-ой пунктъ). Указъ этотъ представляетъ важность потому, что, возвращая Сенату самостоятельность по отношенію къ коллегіямъ, онъ, однако, не разрывалъ связи Сената съ наиболѣе довѣренными предъ Монархомъ лицами. Въ разъясненіе этого указа былъ данъ затѣмъ указъ 16 мая того же 1722 г., гласившій, что уволенные отъ постояннаго присутствія въ Сенатѣ президенты, выше нами названные, нынѣ, „для малолюдства“ (въ Сенатѣ) членовъ, „должны сидѣть равно съ другими, только два дня меньше въ недѣли, не совершa регламента стату, не ѣздить съ Москвы никуда; а, совершa оное, ежели нужныхъ дѣлъ не будетъ, то мочно въ деревни ѣздить по одному и то (въ) подмосковная такъ, что какъ съ посылкою могъ стать на другой день въ Сенатѣ“ [1]). Этотъ указъ долго толковался нашими учеными, какъ возвращеніе къ указу (о должности Сената) 3 декабря 1718 г., по которому Сенатъ долженъ былъ состоять изъ президентовъ коллегій. Такое возвращеніе, конечно, представлялось-бы весьма страннымъ, въ виду приведенныхъ самимъ Петромъ важныхъ соображеній противъ подобнаго состава Сената. Въ дѣйствительности, однако, никакого возвращенія къ названному указу не было, и уже С. А. Петровскій справедливо возразилъ на это толкованіе, что въ указѣ 16 мая дѣло идетъ лишь о президентахъ четырехъ названныхъ коллегій, а не о президентахъ всѣхъ прочихъ коллегій, при чемъ разсматривалъ указъ 16 мая, какъ „мѣру временную, вызванную малолюдствомъ сенаторовъ“ [2]). Указъ этотъ, несомнѣнно, просто требуетъ примѣненія на практикѣ своего второго пункта, по которому президенты 4 коллегій, считающіеся членами Сената, — въ случаяхъ, подобныхъ тому, какой имъ указывается (для „совершенія регламента стата“) — обязаны бывать въ Сенатѣ; малый же, въ данное время, составъ Сената, заставляетъ приглашать ихъ, — и по составленіи этого штата, — хотя бы и не всѣхъ, въ засѣданія Сената.

[1]) П. С. З., № 4011.

[2]) С. А. Петровскій, О Сенатѣ въ ц. Петра Великаго, стр. 56 и сл.

Указъ 16 мая 1722 г. констатируетъ, какъ сказано, „малолюдство“ въ Сенатѣ. Дѣйствительно, если не считать 4-хъ президентовъ коллегій, входившихъ въ Сенатъ, — которые, однако, имѣли „довольно дѣла“ въ своихъ коллегіяхъ,—то Сенатъ въ это время состоялъ изъ 7 персонъ (кн. Д. М. Голицына, кн. Гр. Ѳед. Долгорукаго, бывшаго русскаго посла въ Польшѣ, кн. Дм. К. Кантемира, гр. Андрея Артам. Матвѣева, гр. Петра Анд. Толстого, гр. И. А. Мусина-Пушкина, бар. П. П. Шафирова) [1]. „Въ десятый день (августа 1723 г.) велѣно, по именному указу, быть въ Сенатѣ, на мѣсто кн. Григорія Ѳедоровича Долгорукова, сенаторомъ кн. Василію Лукичу Долгорукому-жъ“, какъ объ этомъ читаемъ въ „юрналѣ или запискѣ для памятствованія“, въ виду кончины перваго, послѣдовавшей незадолго передъ этимъ [2]. Затѣмъ, указомъ Петра отъ 9 января 1723 г., въ виду розыска по дѣлу бар. П. П. Шафирова съ оберъ-прокуроромъ Сената Скорняковымъ-Писаревымъ (объ извѣстномъ ихъ столкновеніи въ Сенатѣ), „оба, Шафировъ и Писаревъ, отъ своихъ дѣлъ, къ которымъ они призваны, отрѣшаются весьма, пока сей розыскъ окончается“ [3]; розыскъ оканчивается увольненіемъ обоихъ отъ ихъ должностей и, такимъ образомъ, въ Сенатѣ остается шесть постоянныхъ членовъ.

Вскорѣ послѣ указа 12 января 1722 г., столь измѣнившаго составъ Сената,—въ виду освобожденія оставшихся въ Сенатѣ президентовъ коллегій (кромѣ 4-хъ) отъ ихъ обязанностей,—а именно 27 апрѣля того же года, Петромъ дается Сенату вторая его „должность“, съ резолюціею, собственноручно Государемъ написанною: „поступать по сей, а старую, ради ея неполноты, оставить“. Первый пунктъ этой новой „должности“ гласилъ,

[1]) С. А. Петровскій полагаетъ, что въ это время въ Сенатѣ было лишь пять постоянныхъ членовъ, принимая во вниманіе, что кн. Я. Ѳ. Долгорукій и А. Вейде тогда уже умерли, „а кн. Д. К. Кантемиръ пересталъ ходить въ Сенатъ: его подписей въ 1722 и слѣдующихъ годахъ не встрѣчается; ему, вѣроятно, надоѣло пассивно подписывать приговоры“ (стр. 56). Что касается кн. Кантемира, то онъ еще въ 1722 году бывалъ въ Сенатѣ и подписи его подъ приговорами Сената встрѣчаются, по крайней мѣрѣ, въ первой половинѣ даннаго года (Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. XI, стр. 452, 454, 464, 470; Арх. Сен., Выс. ук. и пов. въ коп., кн. 28, л. 17, 21, 31, 159, 177, 192 и др.); остальные шесть членовъ Сената перечислены выше.

[2]) Арх. Сен., Выс. ук. и пов. въ коп., кн. 15, „юрналъ“ подъ означенными днями; подъ 19 числомъ, между прочимъ отмѣчено, что „пополудни въ 7-мъ часу Его Величество и Государыня Императрица изволили быть на выносѣ и погребеніи т. с. и сенатора кн. Гр. Ѳ. Долгорукова, и прочіе министры, въ Невскомъ монастырѣ“.

[3]) Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. XI, стр. 503.

что „Сенату надлежитъ состоять изъ тайныхъ дѣйствительныхъ и тайныхъ совѣтниковъ, кому отъ Насъ нынѣ повелѣно и впредь повелѣно будетъ, и сидѣть по рангамъ, и кромѣ ихъ, также и генерала и оберъ-прокуроровъ, и оберъ-секретаря и секретаря, и протоколиста, никакой незванной персонѣ не входить въ то время, какъ совѣты отправляются“ [1]).

Здѣсь, такимъ образомъ, были обозначены вполнѣ опредѣленно тѣ „ранги“ (или по современной терминологіи чины), изъ коихъ Государемъ назначаются сенаторы. Интересно, однако. отмѣтить, что это обозначеніе невполнѣ соотвѣтствовало желанію Сената, какъ это мы сейчасъ укажемъ. Дѣло въ томъ, что еще 1 февраля 1721 г. въ Сенатъ была прислана Государемъ, собственноручно подписанная, „Табель о рангахъ“, при чемъ предписывалось, „дабы къ сентябрю мѣсяцу, подумавъ въ Сенатѣ, изготовить (о ней) свое мнѣніе, ежели что надлежитъ— перемѣнить, прибавить или убавить, и которые чины перемѣнить, и какъ“. Сенатъ, что́ будетъ нами подробно въ своемъ мѣстѣ разсмотрѣно, отнесся весьма серьезно къ своей задачѣ, и 21 сентября Государю было имъ представлено обширное „доношеніе“, въ которомъ излагалось по вопросу „всепокорное мнѣніе“ Сената. Между прочимъ, отмѣтивъ въ этомъ мнѣніи, что по датскому регламенту „написаны тайные совѣтники, которые въ королевскомъ совѣтѣ, выше генераловъ полныхъ, а во французскомъ написаны министры и секретари штатскіе (т. е. статсъ-секретари) въ равенствѣ съ генералами полными, а въ шведскомъ въ первомъ — королевскіе совѣтники и сенаторы“, Сенатъ замѣчаетъ, что въ присланной Табели о рангахъ „написаны тайные дѣйствительные совѣтники ниже генераловъ (полныхъ)“, почему и представляетъ свое мнѣніе, — „не соизволитъ-ли Его Царское Величество, по вышеписаннымъ примѣрамъ, причесть чинъ дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ противъ другихъ дворовъ, а которые сидятъ въ Сенатѣ, по вышеписанному-жъ примѣру, не изволитъ-ли Его Величество почесть за дѣйствительныхъ же“ (тайныхъ) [2]). Петръ не нашелъ, однако, возможнымъ исполнить желаніе Сената, частію, вѣроятно, потому, что по отношенію къ наличнымъ членамъ Сената, изъ

[1]) П. С. З., № 3978.

[2]) Гос. Арх., разр. IX, Каб. II, кн. 93, л. 212 и сл.

коихъ не всѣ тогда были дѣйствительными тайными, такое правило, введенное въ „Табель", потребовало-бы повышенія въ рангахъ лицъ, коихъ Онъ не находилъ нужнымъ повышать, по отношенію же къ будущимъ назначеніямъ это правило могло стѣснять его въ выборѣ, или опять таки вызывать повышеніе въ рангахъ ipso jure. Могло вліять на это рѣшеніе и то обстоятельство, что у Петра была тогда мысль создать особый Тайный Совѣтъ и что эта мысль нашла нѣкоторое осуществленіе въ извѣстномъ указѣ отъ 13 февраля 1720 г., который предполагалъ созывать „для важныхъ государственныхъ дѣлъ" всѣхъ или нѣсколькихъ („по важности" дѣла) дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ „для совѣту" [1]) и что, такимъ образомъ, не было основанія составлять Сенатъ непремѣнно изъ указанныхъ высшихъ чиновъ. При томъ разсмотрѣнный выше 1-ый пунктъ новой „Должности" и безъ того высоко поднималъ составъ Сената, признавая, что онъ de jure долженъ состоять изъ 2 названныхъ ранговъ. Уже въ самомъ концѣ своего царствованія, а именно 5 декабря 1724 г., Государь послалъ Сенату такой лаконическій указъ: „понеже въ Сенатѣ нынѣ мало членовъ обрѣтается, того ради 3 персоны прибавьте изъ генералитета, и перемѣняться имъ погодно" [2]). Этотъ указъ вводилъ въ составъ Сената новый родъ его членовъ—„перемѣняющихся погодно", при чемъ предоставлялъ, повидимому, самому Сенату,—съ согласія, конечно, Императора, опредѣлить, какихъ трехъ персонъ „изъ генералитета" ввести въ Сенатъ. Указъ этотъ, однако, не былъ приведенъ въ исполненіе, вѣроятно, вслѣдствіе болѣзни, а затѣмъ и кончины Императора, послѣдовавшей, какъ извѣстно, 28 января 1725 года. Указъ этотъ, во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ вниманія по своей идеѣ, наглядно показуя въ то же время, какъ часто мѣнялись у Петра планы.

Назначеніе сенаторовъ дѣлалось Высочайшими, какъ письменными, такъ и словесными указами, при чемъ, впрочемъ, вовсе не требовалось особаго именного указа Государя о каждомъ изъ назначенныхъ въ Сенатъ лицъ. Если, напр., по учредительному акту 22 февраля 1711 г. простое перечисленіе Государемъ девяти персонъ eo ipso дѣлало ихъ сенаторами, то требованіе

[1]) П. С. З., № 3518.
[2]) Сбор. Имп. Русс. Ист. Общ., т. XI, стр. 563.

первой „Должности“ о томъ, что „Сенату надлежитъ состоять изъ президентовъ коллегій“ обращало послѣднихъ въ члены Сената. Бывали случаи словеснаго объявленія воли Монарха Сенату о введеніи въ его составъ новаго лица. Неудивительно поэтому, что между Высочайшими повелѣніями, дошедшими до насъ, не оказывается особыхъ именныхъ указовъ о назначеніи цѣлаго ряда сенаторовъ, какъ это констатируется П. А. Барановымъ [1]), и мы узнаемъ о назначеніи отдѣльныхъ лицъ либо изъ приговоровъ Сената [2]), либо изъ записей „журналовъ“, какъ это указано уже выше относительно назначенія кн. В. Л. Долгорукаго; поэтому, иногда опредѣлить точную дату назначенія того или другого лица сенаторомъ представляется совершенно невозможнымъ. Не была выработана и какая-либо форма указовъ о назначеніи сенаторовъ; наоборотъ, Петръ извѣщалъ Сенатъ объ этомъ весьма своеобразно. „Господа Сенатъ“,—писалъ, напр., Петръ Сенату, 20 февраля 1721 г., будучи въ Петербургѣ, „по полученіи сего господарю волошскому, князю Дмитрію Кантемиру, объявите чинъ тайнаго совѣтника и членомъ Сената“ [3]). То же надо сказать, въ общемъ, и объ увольненіи сенаторовъ. Лица, назначенныя членами Сената, или сенаторами [4]), приводились къ особой присягѣ. Сенаторы клялись соблюдать, „во первыхъ, вѣрность Государю и государству“, „второе,—правду и правый судъ какъ между народомъ, такъ и въ дѣлѣ государственномъ“, „третіе,—въ собираніи казны и людей и прочаго всего, что Государя и государства интересы требуютъ, какое оныя званіе не имѣютъ“ [5]). Въ идеѣ присяги на службу „Государю и государству“ слышится, несомнѣнно, нѣчто новое, неизвѣстное предыдущей эпохѣ.

[1]) П. А. Барановъ. Опись Высоч. указамъ и повелѣніямъ и пр., т. II, СПБ., 1875 г., стр. VIII, примѣчаніе.

[2]) Укажемъ, для примѣра, такой приговоръ Сената, основанный, повидимому, на словесномъ повелѣніи Петра, бывшаго тогда на островѣ Котлинѣ: 1711 г., іюня въ 9 день, Великій Государь, Царь и Великій князь Петръ Алексѣевичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержецъ, указалъ въ Сенатѣ быть бывшему губерніи Казанскія губернатору, боярину Петру Матвѣевичу Апраксину, ему жъ вѣдать и канцелярію коммерціи, и о томъ, для вѣдома, послать во всѣ приказы и губерніи указы изъ канцеляріи Сената“ (Док. и пр. Пр. Сената, т. V, ч. 1, стр. 528).

[3]) Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., XI, стр. 419.

[4]) Оба наименованія имѣли одинаковое право гражданства, какъ при Петрѣ Великомъ, такъ и позднѣе (см. объ этомъ статью А. Н. Филиппова „объ экспрессіи сенаторъ и о россійскомъ Сенатѣ“, Журн. Юрид. Общ., 1897 г., кн. 4, стр. 82 и сл.).

[5]) П. С. З., № 2329.

Недостатокъ въ людяхъ, опытныхъ въ дѣлахъ государственнаго хозяйства и управленія, заставлялъ Петра возлагать на сенаторовъ, кромѣ исполненія ихъ прямыхъ обязанностей, еще цѣлый рядъ порученій. То, напр., въ „росписи, кому которые корабли надсматривать“ (т. е. наблюдать за ихъ постройкою), присланной Государемъ въ Сенатъ, находимъ имена сенаторовъ гр. Мусина-Пушкина, Стрешнева, Самарина, кн. Я. Ѳ. Долгорукаго, то сенаторъ Самаринъ получаетъ указъ „вѣдать и надсматривать дѣло гаванское“, то въ указѣ, данномъ Сенату, 27 апрѣля 1722 г. повелѣвается слѣдующее: „президенту князю

Кн. Д. М. Голицынъ.

Голицыну Камеръ-коллегію велите вѣдать по тѣхъ мѣстъ, какъ для нынѣшняго походу провіантъ отправитъ; а какъ возвратится въ Москву, то велите ему сидѣть въ Сенатѣ, а Камеръ-коллегію велите у него принять и вѣдать Герасиму Кошелеву“. Князь Д. М. Голицынъ, подобно другимъ президентамъ коллегій, былъ, на основаніи І-ой „Должности“ Сената, сдѣланъ сенаторомъ, а его должность занялъ, по указу 18 января 1722 г., Г. Кошелевъ, которому затѣмъ дается Государемъ рядъ особыхъ порученій, и вотъ временно, для исполненія обязанностей президента Камеръ-коллегіи, вновь назначается кн. Голицынъ. Или, напр., 15 февраля 1715 г. Петръ повелѣлъ „на тульскихъ заводахъ оружейнаго

дѣла мастерамъ дѣлать ружья" и быть „тому ружейному дѣлу въ вѣдѣніи г. кн. Волконскаго". Или, 14 декабря 1715 г. было поручено, по Именному указу, П. М. Апраксину вѣдать „домъ внучатъ" Государя, „благороднаго Государя-Царевича и Великаго Князя Алексѣя Петровича дѣтей" [1]) и т. д. Помимо этихъ весьма важныхъ, но, во всякомъ случаѣ, особыхъ порученій, дававшихся сенаторамъ, въ Петровскихъ указахъ можно найти одно общее постановленіе, касающееся установленія такъ наз. „сенаторскихъ ревизій". Именно, 4 апрѣля 1722 г., Государь, „будучи въ Сенатѣ, указалъ: для смотрѣнія всякихъ дѣлъ въ губерніяхъ и провинціяхъ, чтобъ во всякихъ дѣлахъ была правда, посылать на каждый годъ изъ сенатскихъ членовъ по одному, да при немъ изъ каждой коллегіи по 1 человѣку. И которые сенаторы члены будутъ жить въ Москвѣ и ѣздить будутъ по губерніямъ и провинціямъ и отъ нихъ кому учинится неправый судъ, или какое неправое-же рѣшеніе и ихъ инструкціи преступленіе, на тѣхъ бить челомъ и доносить въ Сенатѣ, а Сенату тѣмъ учинить указъ, какъ о томъ генеральные указы повелѣваютъ, а въ партикулярныхъ обидахъ бить челомъ и на нихъ искать судомъ, гдѣ надлежитъ" [2]). Насколько извѣстно, первая сенаторская ревизія, на основаніи этого указа, была назначена лишь въ царствованіе Екатерины I, когда въ 1726 г. сенатору А. А. Матвѣеву было поручено обревизовать Московскую губернію [3]), о чемъ мы скажемъ позднѣе особо.

Обращаясь къ обзору правъ сенаторовъ, надо вообще замѣтить, что Петръ, — поставивъ высоко Сенатъ и объявивъ всенародно, что „тотъ вышній Сенатъ отъ Царскаго Величества высокоповѣреннымъ есть и въ особахъ честныхъ и знатныхъ состоитъ, которымъ нетокмо челобитчиковы дѣла, и правленіе государства повѣрено есть" [4]), мало затѣмъ заботился о развитіи въ законодательствѣ понятія личныхъ правъ каждаго сенатора, какъ таковаго. Бѣдность Петровскаго законодательства по данному вопросу даетъ основанія историку Петров-

[1]) Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. XI, стр. 332, 356, 468, 447; Док. и пр. Пр. Сената, II, ч. I, стр. 104; т. V, ч. 2, стр. 1191.

[2]) П. С. З., № 3931.

[3]) П. С. З., № 4886.

[4]) П. С. З., № 3261, п. 5.

№ 26:

62

Собственноручный указъ Петра Великаго отъ 11-го іюня 1712 г.

скаго Сената утверждать справедливо, что, „кромѣ привилегій сенаторовъ по суду, мы не знаемъ никакихъ другихъ“ [1]). Интересно также, что даже такой знатокъ нашего законодательства новаго времени, какъ Сперанскій, составляя въ „Учрежденіи Правительствующаго Сената“ Свода законовъ главу „о правахъ, обязанностяхъ и отвѣтственности сенаторовъ“, ссылался на позднѣйшее объ этомъ законодательство, а изъ Петровскаго указалъ только на два пункта (1 и 8) „Должности“ Сената отъ 27 апрѣля 1722 г., при чемъ обѣ эти ссылки приведены по вопросу объ обязанностяхъ, а не о правахъ сенаторовъ. Что касается обязанностей сенаторовъ, то общее понятіе о нихъ устанавливалось въ формѣ присяги, приносившейся сенаторами при вступленіи въ должность.

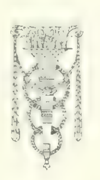
За неисполненіе обязанностей, кромѣ суда Божія, „здѣсь“, въ мірѣ, виновнаго ожидала „градская казнь“ [2]). Какъ извѣстно, Петровское законодательство о наказаніи вообще было основано на началѣ устрашенія [3]), и Петръ пользовался этимъ началомъ чрезвычайно энергично, не щадя ничьего званія, разъ лицо, носившее это званіе, своими дѣяніями наносило ущербъ государственнымъ и общественнымъ интересамъ; сенаторы не представляли здѣсь какого-либо исключенія, и Государь угрожалъ имъ всяческими карами, включая смертную казнь. Впрочемъ, единственный сенаторъ, приговоренный къ смертной казни и уже возведенный на эшафотъ, бар. П. П. Шафировъ, былъ помилованъ Петромъ и сосланъ въ Сибирь. Кромѣ опалы и отрѣшенія отъ должности, о чемъ мы уже говорили, сенаторы обычно подвергались еще денежнымъ штрафамъ. Такъ, уже 5 сентября 1712 г. Сенатъ приговорилъ „взять штрафу 2 т. руб.“ на сенаторѣ кн. П. А. Голицынѣ за невысылку дворянина Наума Головнина, „потому, что та невысылка Головнина умедлилась и по сказкахъ объявлена г.г. сенаторей отъ него, князь Петра Алексѣевича“. Дѣло о взятіи этого штрафа началось по указу Государя Сенату (отъ 11 іюня), въ которомъ было написано, что Государь еще въ апрѣлѣ послалъ въ Сенатъ собственноручное письмо о высылкѣ въ Пе-

[1]) Петровскій, О Сенатѣ, стр. 60 и сл. По автору, привилегіи сенаторовъ по суду состояли въ томъ, что никто не могъ позвать сенатора на судъ безъ оберъ-фискала, что дѣла о сенаторахъ судились въ Сенатѣ, что только послѣ того, какъ „оказались неудобства суда Сената надъ своими сочленами“, стали назначаться Государемъ особые суды, а въ особо важныхъ случаяхъ такъ наз. „вышній судъ“.

[2]) П. С. З., № 2329.

[3]) А. Н. Филипповъ. О наказаніи по законодательству Петра Великаго, стр. 131 и сл.

тербургъ (тогда Сенатъ былъ еще въ Москвѣ) дворянина Головнина, „по которому указу товарищи ваши, которые на Москвѣ“ говоритъ Государь въ заключеніе указа „нетокмо въ 2 сіи мѣсяцы оного дворянина сюды выслали, которой на Москвѣ живетъ, но ниже отвѣту на оной указъ учинили; того ради и надлежитъ оныхъ вамъ судить, яко преслушниковъ Нашего указу, и каковъ декретъ издастся, о томъ писать къ Намъ“ [1]). Въ 1719 г. Государь указалъ изъ штрафныхъ денегъ, которыя положены, за 2 неправыя вершенья дѣлъ, „на г.г. сенаторовъ“, именно на кн. Я. Ѳ. Долгорукаго, графа Мусина-Пушкина, кн. М. В. Долгорукаго, М. А. Самарина, „да послѣ смерти бывшаго сенатора жъ т. с. Стрешнева на внукѣ его родной, Софьѣ, сына его на Ивановѣ дочери Стрешнева, да за неправое-жъ объявленіе на графѣ Апраксинѣ, по сту рублевъ съ каждого человѣка, и того пятьсотъ рублевъ, по прежнему и по сему Его Царскаго Величества именнымъ указомъ взять въ Его-жъ Царскаго Величества казну непремѣнно, да на нихъ же сенаторахъ, на князьяхъ Долгорукихъ и Стрешневѣ (перечисляются назначенныя суммы), взявъ, отдать (такимъ-то), а прежде-положенныя на нихъ, сенаторахъ, по тѣмъ дву неправымъ вершеньямъ и объявленію штрафы, милосердуя Его Величество о нихъ, опричь вышеписанныхъ денегъ, брать съ нихъ не указалъ; а на которыхъ, по прежнимъ Его Величества указомъ, взяты были деньги, и тѣмъ излишнія деньги, которыя взяты сверхъ сего Царскаго Величества указу, и оныя возвратить имъ по прежнему“ [2]). О правахъ и обязанностяхъ сенаторовъ, въ качествѣ членовъ Сената, скажемъ особо.

[1]) Факсимиле этого указа см. подъ № V.

[2]) Док. и пр. Пр. Сената, т. II, ч. 2, стр. 206—211; Сбор. Имп. Росс. Ист. Общ. XI, стр. 230, 384 и сл.

II. Канцелярія Правительствующаго Сената.

Какъ уже отмѣчалось нами въ „опредѣлительномъ указѣ“ объ учрежденіи Правительствующаго Сената, наряду съ обозначеніемъ тѣхъ девяти персонъ, которыя вошли первоначально въ составъ Сената, было сказано, что оберъ-секретаремъ Сената назначается Анисимъ Щукинъ. Затѣмъ тѣмъ-же Именнымъ указомъ одновременно повелѣвалось „вмѣсто приказа разряднаго быть столу разрядному при вышеписанномъ Сенатѣ“, а также „со всѣхъ губерній въ вышеписанномъ суду (т. е. въ Сенатѣ-же) для спроса и приниманія указовъ быть по 2 комиссара съ губерній“. Конечно, то и другое повелѣніе, въ связи съ назначеніемъ оберъ-секретаря Сената, предполагало созданіе особаго учрежденія для завѣдыванія какъ разрядными дѣлами, такъ и „спросомъ и приниманіемъ указовъ“. Это учрежденіе, подъ именемъ „канцелярія Правительствующаго Сената“, встрѣчается уже въ первомъ приговорѣ Сената отъ 27 февраля о дачѣ солдатамъ, явившимся изъ бѣговъ, жалованья по окладу гарнизонныхъ полковъ. Приговоръ этотъ состоялся „въ канцеляріи Правительствующаго Сената“, т. е. здѣсь канцелярія Сената еще не выдѣлена отъ его присутствія, но, повидимому, это лишь неудачная редакція записи этого приговора, такъ какъ въ послѣдующихъ приговорахъ мы уже не встрѣчаемся съ такими выраженіями и приговоры свои „Вышній Правительствующій Сенатъ“, какъ онъ первоначально себя именуетъ, составляетъ „будучи въ консиліи“, или просто „въ консиліи“, т. е. въ общемъ присутствіи сенаторовъ [1]). Въ литературѣ высказано мнѣніе, что „Сенатъ былъ самъ творцемъ своей канцеляріи“, такъ какъ „собственнымъ своимъ указомъ отъ 27 марта 1711 г. далъ канцеляріи извѣстное устройство“ [2]). Съ этимъ мнѣніемъ нельзя не согласиться, такъ какъ первые именные указы, состоявшіеся до 27 марта—когда Сенатъ подробно остановился на вопросѣ, какимъ образомъ „въ канцеляріи Правительствую-

[1]) Док. и пр. Пр. Сената, т. I, стр. 1 и сл.

[2]) Петровскій, О Сенатѣ, стр. 62.

щаго Сената надлежитъ учинить повытья столами" касаются либо назначенія дьяковъ и подьячихъ въ канцелярію Сената, либо говорятъ о посылкѣ изъ канцеляріи тѣхъ или иныхъ указовъ и грамотъ, о доставленіи въ нее вѣдомостей и пр. [1]), но не занимаются вовсе вопросомъ о внутреннихъ распорядкахъ канцеляріи; сенатскій-же приговоръ отъ 27 марта дѣлитъ канцелярію Сената на 4 стола, а именно—на столъ: 1) секретный, 2) приказный, 3) губернскій и 4) разрядный.

Таково дѣленіе сенатской канцеляріи, если держаться буквальнаго текста приговора Сената, говорящаго подъ 5-мъ пунктомъ не объ особомъ какомъ-либо столѣ, —по перечисленіи выше указанныхъ четырехъ столовъ, —а о сторожахъ, солдатахъ, или драгунахъ, которые должны быть при канцеляріи Сената. Но въ пунктѣ 4-мъ, гласящемъ, „что разрядному столу во всемъ состояніи быть по прежнему" (онъ былъ уже, какъ сказано, учрежденъ по указу 22 февраля), упоминается еще фискальскій столъ, такъ что, вопреки буквальному тексту приговора, который указываетъ на дѣленіе канцеляріи на 4 стола [2]), въ дѣйствительности уже первоначально канцелярія Сената была раздѣлена на 5 столовъ, или отдѣленій, съ весьма обширнымъ кругомъ вѣдомства, при чемъ каждый столъ подраздѣлялся на повытья. Такъ, что касается прежде всего стола секретнаго, то въ немъ должны быть, во 1-хъ, собраны въ копіяхъ всѣ указы и письма Государя, обращенные непосредственно къ Сенату, а равно и отвѣты на нихъ со стороны Сената; затѣмъ, во 2-хъ, „письма и нужнѣйшія вѣдѣнія ихъ милости, верховныхъ господъ" [3]), когда они „о чемъ либо важномъ и нужнѣйшемъ писати будутъ къ Правительствующему Сенату указомъ Царскаго Величества": въ 3-хъ, письма, отписки, вѣдѣнія губернаторовъ, меморіалы пословъ, посланниковъ и президентовъ, а равно какъ названныхъ, такъ и другихъ лицъ, облеченныхъ особымъ довѣріемъ Государя и вступавшихъ въ переписку съ Сенатомъ по управленію Малороссіею и т. п. Секретный столъ долженъ былъ также вѣдать

[1]) Док. и пр. Пр. Сената, т. I, стр. 5, 13; 3, 7.

[2]) Ibid., стр. 25 и сл.; П. С. З., № 2442; срав. Док. и пр. Пр. Сената, т. III, ч. 2, стр. 903, 1048, 1114, 1223 и др., гдѣ упоминается особый „фискальскій" столъ.

[3]) Какъ подъ этимъ, такъ и подъ именемъ „принципаловъ" Сенатомъ называются кн. Меншиковъ, адм. гр. Апраксинъ, ген.-фельдм. Шереметевъ, гос. канцлеръ гр. Головкинъ, ген.-президентъ Ближней канцеляріи гр. Зотовъ, подканцлеръ бар. Шафировъ и К. Патрикѣевъ (П. С. З., № 2342).

„отправленіе писемъ Правительствующаго Сената, о чемъ будутъ писати (сенаторы) къ Его Царскому Величеству и означеннымъ принципаламъ, также къ гетману и прочимъ вспомянутымъ особамъ о нужнѣйшихъ дѣлахъ". Затѣмъ, къ вѣдомству „секретнаго стола" отнесено все, что касается переписки о приходахъ и расходахъ, „о нарядахъ" изъ губерній, а равно дѣла иноземческія и армянскія, „по которымъ и русскіе обязаны будутъ" („кромѣ розыскныхъ дѣлъ"), т. е. дѣла, касающіяся торговыхъ трактатовъ. Наконецъ, секретный столъ долженъ былъ хранить всѣ подлинные приговоры и указы, „которые будутъ съ выписками и безъ выписокъ, за руками Правительствующаго Сената", при чемъ въ другіе столы даются лишь копіи этихъ актовъ. Если сосредоточіе въ секретномъ столѣ документовъ, относящихся „къ государственному интересу и къ иному какому предостерегательному тонкому вѣдѣнію" (какъ характеризуетъ сенатскій приговоръ меморіалы дипломатическихъ агентовъ), оправдывалось существомъ дѣла, то оно, въ свою очередь, говорило ясно и о томъ, какъ широко понималъ первоначально свои задачи по управленію государствомъ Сенатъ. Завѣдываніе секретнымъ столомъ поручалось изъ старыхъ подьячихъ двумъ человѣкамъ, „которые такового дѣла есть практики, въ нихъ же и окладное дѣло, весьма сочиненія ради табелей, искусно было". Подьячіе этого стола должны были „разбирать" всѣ поступавшія дѣла „по различію качества оныхъ" и собирать по числамъ и по мѣсяцамъ, вести имъ реестръ и т. д.

Второй столъ сенатской канцеляріи приказный завѣдывалъ перепискою Сената съ приказами, денежными и монетнымъ дворами, а равно и вѣдалъ во всемъ Московскую губернію [1]) и московскій гарнизонъ „и прочихъ губерній сношенія о настоящихъ дѣлахъ, которыя по вопросамъ изъ онаго подлежать будутъ какому особому усмотрѣнію и исправленію". Столъ этотъ также вѣдается двумя старыми подьячими, собирающими всѣ дѣла и вѣдомости, для переплета въ книги, помѣсячно, изготовляющими имъ реестры и т. д. Третій столъ—губернскій—завѣдываетъ управленіемъ губерній Кіевской, Азовской, Казанской, С.-Петербургской, Архангелогородской, Смоленской и Сибирской, при чемъ первыя 3 гу-

[1]) Какъ извѣстно, уже по указу 22 февраля 1711 г., всѣ донесенія по управленію Московской губерніи поступаютъ въ Сенатъ.

берніи находятся въ вѣдомствѣ одного стараго подьячаго, два-же другихъ старыхъ подьячихъ вѣдаютъ только по 2 губерніи, а именно С.-Петербургскую и Архангелогородскую, Смоленскую и Сибирскую, составляющія ихъ „повытье“. Четвертый столъ разрядный завѣдываетъ всѣмъ тѣмъ, чѣмъ завѣдывалъ прежній разрядный приказъ, съ присоединеніемъ, впрочемъ, сюда позднѣе всего того, что касалось, вообще, военной службы со всѣми ея новшествами при Петрѣ. Что касается пятаго стола фискальскаго,—то его обязанности не указываются въ разбираемомъ сенатскомъ приговорѣ, но онѣ сводились, какъ ясно изъ наименованія стола, къ сосредоточію переписки Сената по „фискальскимъ дѣламъ“. Исходя изъ положенія, что „секретный столъ въ преимущественномъ достояніи (достоинствѣ) содержанъ быти имѣетъ“, сенатскій приговоръ подчиняетъ подьячихъ приказнаго стола „въ нарядахъ и запросахъ“ секретному столу, а всѣхъ прочихъ—„приказному“ [1]).

По приговору 16 іюля слѣдующаго года, Сенатъ приказалъ „канцеляріи Сената подьячимъ по повытьямъ“ собрать помѣсячно подлинные приговоры его, со всѣми выписками къ нимъ, учинить имъ реестры „со объявленіемъ каждаго дѣла“, т. е. съ означеніемъ его содержанія, и „подъ тѣми приговорами подписать, что по тѣмъ приговорамъ учинено, и въ которыхъ мѣсяцахъ и числахъ указы посланы“, а затѣмъ передать все это въ секретный столъ, оставивъ по повытьямъ лишь копіи приговоровъ и выписокъ, при чемъ, еслибъ обнаружилось, что нѣкоторые изъ приговоровъ Правительствующаго Сената подписаны „не всѣхъ руками и выписки не закрѣплены“, то эти приговоры и выписки повытчики должны „поднесть къ подписанію не мотчавъ-же“ [2]). Такимъ образомъ, Сенатъ заботится о содержаніи своихъ приговоровъ въ цѣлости, что, говоря вообще, соблюдается и позднѣе; частію благодаря этой мѣрѣ сохраняется, для изученія дѣятельности Сената, обширный матеріалъ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что ни кругъ дѣлъ, входящихъ въ компетенцію отдѣльныхъ сенатскихъ „столовъ“, ни даже ихъ число не остаются неизмѣнными. Не касаясь всѣхъ тѣхъ перемѣнъ, какія указаны въ литературѣ вопроса, отмѣтимъ, что уже въ

[1]) П. С. З., № 2342.
[2]) Док. и пр. Пр. Сената, т. II, ч. 2, стр. 34.

1712 г. упоминается между названными столами доимочный столъ, въ 1714 г. „столъ сбора за конныхъ даточныхъ“, въ слѣдующемъ „столъ канцеляріи сенатскаго правленія“ и др. [1]). То же надо сказать и о компетенціи столовъ. Приговоромъ 29 іюня 1711 г., при распредѣленіи дѣлъ между старыми подьячими, къ секретному столу были, напр., отнесены денежные столы и купецкая палата, Московская же губернія отнесена къ вѣдомству губернскаго стола; съ 1713 г. въ секретномъ столѣ, „вмѣсто жалованья“, должны были вѣдаться „всѣ иноземческія и Строгоновы дѣла, кромѣ городскихъ товаровъ“ [2]).

Конечно, перемѣны въ кругѣ дѣлъ, подвѣдомственныхъ отдѣльнымъ столамъ, стояли въ связи съ расширеніемъ компетенціи Сената и практическими соображеніями, что такое-то дѣло удобнѣе почему-либо вѣдать въ такомъ то столѣ, а такое то въ другомъ. Въ декабрѣ 1712 г. подьячіе секретнаго стола, напр., жаловались, что, съ переводомъ ихъ изъ разныхъ учрежденій въ секретный столъ сенатской канцеляріи, „государева жалованья учинено имъ, противъ прежняго, съ убавкою, которымъ жалованьемъ пропитаться имъ съ домашними своими невозможно, отчего пришли въ великое оскудѣніе и нищету потому, что, кромѣ помянутаго жалованья, прибытка имъ нѣтъ никакого, а прочимъ ихъ братьи подьячимъ, опредѣленнымъ повытьями у губернскихъ дѣлъ, у которыхъ бываютъ челобитчиковы дѣла, оклады имъ учинены съ ними въ равенствѣ“. Не имѣя возможности, какъ другіе, кормиться отъ челобитчиковыхъ дѣлъ, подьячіе секретнаго, но бездоходнаго стола, просятъ,—„за непрестанную ихъ безкорыстную работу, къ окладамъ ихъ государева жалованья прибавить“. Сенатъ, неохотно вообще шедшій на расходы, нашелъ болѣе удобнымъ „вѣдать въ секретномъ столѣ, вмѣсто жалованья, всѣ иноземческія и Строгоновы дѣла, кромѣ городскихъ товаровъ“.

Такъ случайны бывали, иногда, мотивы къ измѣненію круга вѣдомства отдѣленій сенатской канцеляріи. Конечно, наибольшее вліяніе на это оказывало расширеніе компетенціи самого Сената, которое шло, въ свою очередь, не по какому-либо опредѣленному плану, а изо дня въ день. Вообще, въ первые годы суще-

[1]) Док. и пр. Пр. Сената, т. II, ч. 1, стр. 11; т. IV, ч. 2, стр. 782, 1164; V, ч. 2, стр. 922, 953.

[2]) Ibid, т. I, стр. 190; т. III, ч. 1, стр. 360 и сл.

ствованія Сената, канцелярія его играетъ большую роль, далеко выходящую за предѣлы ея прямого назначенія завѣдыванія дѣлопроизводствомъ. Эта роль, естественно, вызываетъ, прежде всего, увеличеніе личнаго состава канцеляріи. Если, напр., въ 1711 г. въ ней состояло 87 подьячихъ, дѣлившихся на три „статьи" (старыхъ, среднихъ и молодыхъ), то это число постепенно растетъ [1]), какъ растетъ число дьяковъ и секретарей, такъ что, наконецъ, Сенатъ не можетъ довольствоваться однимъ оберъ-секретаремъ, и ихъ является двое.

Чѣмъ больше возлагалось на Сенатъ обязанностей, тѣмъ больше обременялась его канцелярія выполненіемъ всякаго рода дѣлъ, такъ какъ канцелярія эта долгое время была, вмѣстѣ съ губернскими комиссарами, единственнымъ постояннымъ исполнительнымъ органомъ Сената. Такъ, напр., въ пунктахъ, данныхъ Сенату 2 марта 1711 г., было предписано: „кто скрывается отъ службы, объявить въ народѣ—кто такого сыщетъ или возвѣститъ, тому отдать всѣ деревни того, кто ухаранивался", и Сенатъ уже 13 марта постановляетъ о такихъ лицахъ объявлять въ канцеляріи Сената, что создаетъ для нея заботу о веденіи списковъ явившихся и неявившихся на службу, отсылки ихъ въ полки и пр. [2]). Въ сенатскую канцелярію должны были также являться царедворцы и записывать тамъ „свои пріѣзды", а затѣмъ быть изъ канцеляріи для государевыхъ дѣлъ въ посылкахъ. Высылаются на смотры въ канцелярію подьячіе и отсюда разсылаются въ тѣ или иныя канцеляріи; въ 1713 г., напр., Сенатъ приговорилъ „Московскихъ всѣхъ подьячихъ поставить къ смотру въ канцелярію Сената безъ замедленія", гдѣ составить имъ списки; что касается прочихъ губерній (кромѣ Петербургской), то одну половину ихъ, подьячихъ, осмотрѣть на мѣстѣ, а другую опять таки выслать къ Москвѣ въ канцелярію Сената [3]). Пріѣзжая въ Москву, „вышнихъ и нижнихъ чиновъ" военные люди - „по отпускамъ для какихъ дѣлъ и своихъ нуждъ" должны были также являться въ канцелярію Сената и „доносить

[1]) Док. и пр. Пр. Сената, т. I, стр. 190, 321 и др. Помимо постояннаго состава канцеляріи Сената, бывало временное увеличеніе его путемъ прикомандированія къ нему дьяковъ и подьячихъ изъ другихъ мѣстъ. Такъ, напр., по приговору Сената отъ 3 октября 1711 г., изъ губерній должно было быть выслано въ канцелярію 8 дьяковъ и 96 подьячихъ всѣхъ статей „для учиненія вѣдомостей изъ приходорасходныхъ книгъ" (Ibid. 260 стр.).

[2]) Ibid, т. I, 35, 65, 283 стр.

[3]) Ibid т. II, ч. 1, стр. 24, т. III, ч. I, стр. 2, 85, 289, ч. II, стр. 652 сл., 749 сл.

ей, зачѣмъ кто пріѣхалъ"; „а буде кто пріѣхалъ и не явясь на Москвѣ въ канцеляріи Правительствующаго Сената (а въ губерніяхъ—губернаторамъ) учнутъ жить", то съ ними должно было поступать, какъ съ укрывающимися отъ службы [1]). Или, напр., получивъ извѣстіе, что купцамъ чинятся обиды, Сенатъ разрѣшаетъ обиженымъ „доносить въ канцелярію Сената" объ ихъ обидахъ, приказывая „для того по градскимъ воротамъ и на гостиномъ дворѣ прибить листы". Въ 1712 г. дѣлается Сенатомъ постановленіе о томъ, чтобы „поташные и смальчужные заводы, и къ нимъ волости, взявъ подлинное о нихъ извѣстіе, вѣдать въ канцеляріи Сената" [2]). Въ томъ же году Сенатомъ приказывается „впредь патріаршихъ, архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ ни за какія доимки, не подавъ вѣдѣнія въ канцелярію Правительствующаго Сената, на Великаго Государя не описывать" и т. д. [3]).

Если мы къ этому прибавимъ, что изъ канцеляріи Сената выдавалось жалованье различнымъ чинамъ, а также деньги на покупку провіанта, „мундира" для арміи, лошадей, артиллеріи и пр., и, слѣдовательно, велось обширное счетоводство по расходованію суммъ, поступавшихъ въ канцелярію изъ разныхъ мѣстъ, что, затѣмъ, канцелярія нерѣдко должна была, кромѣ того, сама заботиться о заготовленіи разныхъ вещей, нужныхъ для арміи и для флота, заключать подряды съ разными лицами, составлять контракты съ призываемыми на службу мастеровыми людьми и т. п., то нельзя будетъ не признать не только обширности ея функцій, но и сложнаго ихъ характера, далеко выходящаго за предѣлы ея прямого назначенія. Чтобы не быть голословными, и лишь для нѣкоторой иллюстраціи сказаннаго, приведемъ нѣсколько примѣровъ дѣятельности канцеляріи въ указанныхъ областяхъ ея вѣдомства и, прежде всего, по пріему и расходованію денегъ. Не говоря уже о томъ, что канцелярія Сената, въ лицѣ особыхъ приходорасходчиковъ, вела обширное счетоводство по суммамъ, отпускавшимся на нужды самого Сената и его канцеляріи, на нее постоянно возлагались Сенатомъ разнаго рода операціи какъ по приходу, такъ и расходу суммъ на государственныя потребности. Въ канцелярію Сената пишетъ, напр.,

[1]) Док. и приг. Пр. Сената, т. V, стр. 181.
[2]) П. С. З., №№ 2382, 2469.
[3]) Док. и пр. Пр. Сената, т. II, ч. I, стр. 228.

въ апрѣлѣ и маѣ 1711 г. ген.-адмиралъ гр. Апраксинъ о присылкѣ на Воронежъ „полковыхъ припасовъ по росписи“. Канцелярія обращается тогда въ оружейную палату и артиллерійскій приказъ съ запросомъ, „сколько нынѣ въ оружейной и въ артиллеріи полковыхъ припасовъ въ готовности есть, и почему тѣ припасы стали“, и получаетъ отвѣтъ, что готовыхъ припасовъ имѣется на 1.572 р. 5 алтынъ 2 деньги. На основаніи этого извѣстія, Сенатъ постановляетъ: „дать изъ канцеляріи Правительствующаго Сената“ означенную сумму денегъ, готовить припасы впредь, „а что тѣхъ припасовъ будетъ въ готовности, и что за тѣ припасы довлѣетъ дать денегъ, о томъ взнесть доношеніе въ канцелярію Правительствующаго Сената“. Въ іюлѣ 1712 г. Сенатъ распорядился послать изъ Москвы въ Тверь „къ взводу тялокъ, парусныхъ полотенъ 50 кусковъ, а деньги за тѣ полотна отпустить въ адмиралтейскій приказъ изъ канцеляріи Правительствующаго Сената, а въ канцелярію Правительствующаго Сената тѣ деньги взять изъ Московской губерніи для того: тялочное дѣло положено во отправленіи на Московскую губернію“. Въ августѣ того же года, Сенатъ приказываетъ изъ канцеляріи отправить въ Померанію, „на жалованье обрѣтающейся тамъ арміи“, 25 т. золотыхъ, „купя и что есть сдѣланныхъ на денежномъ дворѣ“, и его канцелярія должна произвести довольно сложную операцію, какъ по закупкѣ золотыхъ, такъ и по бережному отправленію ихъ за границу. Въ декабрѣ отъ канцеляріи, по приговору Сената, должно быть отпущено 10 т. р., „изъ наличныхъ и изъ доимочныхъ, какія есть“, въ адмиралтейскій приказъ на жалованье казакамъ, съ возвратомъ ихъ изъ Казанской губерніи, на которую положено жалованье тѣмъ казакамъ. Въ апрѣлѣ 1713 г. приказывается Сенатомъ деньги, „на покупку упалыхъ лошадей, по 1 р. на лошадь, изъ губерній присылать на прошлый 712 г. и впредь по вся годы присылать въ канцелярію Правительствующаго Сената на вышеписанные и на другіе прибылые расходы, которые непрестанно случаются въ канцеляріи Правительствующаго Сената“. Въ письмѣ Правительствующаго Сената изъ С.-Петербурга въ Москву требуется прислать въ Петербургъ немедленно денегъ 30 т. р., „какія есть въ Сенатѣ (въ Москвѣ) налицо; буде-де толикаго числа въ Сенатѣ не соберется, взявъ съ денежнаго серебрянаго двора“, а въ другомъ

письмѣ добавлено, что „въ деньгахъ имъ, Правительствующему Сенату, нужды много, для чего по се число принуждены въ С.-Петербургѣ занять у вице-губернатора немалое число, а у комиссарства и жалованья на полки дать нечего, отчего солдаты понесутъ немалую нужду"; по приговору Сената отъ 20 іюня 1713 г., требуемыя деньги высылаются канцеляріею Сенату изъ Москвы [1]).

Какъ извѣстно, по указамъ, даннымъ Сенату 2 марта „за подписаніемъ Его Царскаго Величества собственныя руки", обязанности Сената сводились первоначально къ 12-ти пунктамъ. Эти пункты затѣмъ постоянно пополнялись и видоизмѣнялись; но всѣ они, взятые въ цѣломъ, создавали прежде всего для канцеляріи Сената рядъ заботъ, какъ по средоточенію въ ней всѣхъ нужныхъ для Сената свѣдѣній, такъ и по наблюденію за выполненіемъ его требованій. Остановимся, напр., на роли канцеляріи въ заключеніи подрядовъ и откуповъ, составленіи контрактовъ и т. п. Уже въ 1711 г., приговоромъ отъ 19 іюня, Сенатъ „приговорилъ объявить Его Великаго Государя указъ по всѣмъ воротамъ, чтобъ явились подрядчики всякихъ чиновъ люди въ канцелярію Правительствующаго Сената и уговоры бы свои (здѣсь) записывали, кто, сколько и какъ и по какой цѣнѣ можетъ пороху сдѣлать". Приговоръ этотъ былъ затѣмъ нѣсколько видоизмѣненъ, ввиду того, что въ канцелярію Сената явился иноземецъ Андрей Стельсъ и подалъ доношеніе, изъ котораго усмотрѣно, что, „за приписаніемъ Его Царскаго Величества важныя руки", повелѣно порохъ Стельсу дѣлать одному, а „прочимъ пороховымъ уговорщикамъ, которые порохъ дѣлали, велѣно отказать", почему канцеляріи Сената, по указанному подряду, приходилось имѣть дѣло прежде всего со Стельсомъ; но въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, подряды и поставки, такъ или иначе, входили въ компетенцію Сенатской канцеляріи, какъ исполнительнаго органа Сената [2]). Въ канцелярію Сената подали, далѣе, 20 іюня того же 1711 г. прошеніе два кузнеца о дозволеніи имъ дѣлать, изъ казенной мѣди, кружки копѣечные, денежные и полушечные, потребные для набережнаго денежнаго двора, на „сдѣланіе" кото-

[1]) Док. и пр. Пр. Сената, I, 95, II, ч. 2, 27, 185, 376, III, кн. 1, 252, 430; см. также III, кн. 2, стр. 1544 и сл.; IV, кн. 2, стр. 1400, и др.

[2]) См. обширный приговоръ Сената отъ 13 апр. 1711 г., учиненный „противъ тѣхъ пунктовъ", ibidem, т. I, стр. 34 и сл.; срав. также, ibid., стр. 148, 182.

рыхъ они просили отпустить имъ мѣди 10 т. пудовъ. Канцелярія, собравъ справки о цѣнахъ за работу кружковъ, сдѣлала затѣмъ распоряженіе о прибитіи по градскимъ воротамъ и въ прочихъ пристойныхъ мѣстахъ „торговыхъ листовъ, во всенародное объявленіе—о вызовѣ въ оную канцелярію къ торгамъ лицъ, желающихъ производить работу означенныхъ кружковъ для денежныхъ дворовъ". Явившіеся подрядчики объявили свои цѣны, причемъ одни изъ нихъ „отказались отъ торга", не желая взять за цѣну, менѣе ими объявленной, другіе объявили меньшую, чѣмъ первые, и при этомъ обязались, „въ исправности работы", представить въ канцелярію Сената благонадежныхъ по себѣ поручителей. Сенатъ, заслушавъ затѣмъ выписку, представленную ему по дѣлу канцеляріею, велѣлъ „сыскать въ канцелярію" поручителей по подрядчикѣ, указанномъ въ выпискѣ, объявить имъ условія подряда, заставить ихъ „приложить" въ канцеляріи руки къ тому подряду, обязавъ въ то же время монетный дворъ доставлять въ канцелярію время отъ времени свѣдѣнія о ходѣ работы [1]). Не приводя другихъ примѣровъ и ограничиваясь лишь указаннымъ, весьма рельефно рисующимъ роль канцеляріи Сената по вопросу о подрядахъ, замѣтимъ лишь, что такъ, въ общемъ, продолжалось до 1715 г., когда, по именному указу, велѣно было „надъ всѣми подрядными дѣлами, которыя обрѣтаются въ приказахъ и губерніяхъ, имѣть смотрѣніе капитану Герасиму Кошелеву и, ежели въ чемъ усмотритъ какую неправду и вымыселъ, о томъ доносить ему въ Сенатъ, а самому ему, Г. Кошелеву, быть при сенатскомъ вѣдѣніи". Во исполненіе этого указа, сенатскіе приговоры прямо предписывали Кошелеву производить подряды на поставку провіанта и фуража, свидѣтельствовать прошлыхъ лѣтъ подрядные контракты и т. д., и уже на состоящую подъ его вѣдомствомъ канцелярію подрядныхъ дѣлъ (или подрядную канцелярію) падаетъ значительная часть работы, которую ранѣе выполняла канцелярія Сената. Впрочемъ, сложеніе съ сенатской канцеляріи подрядныхъ дѣлъ не было безусловнымъ, и въ случаѣ экстренныхъ обстоятельствъ послѣдняя продолжала выполнять свои прежнія обязанности. Такъ, напр., изъ приговора Сената отъ 16 апрѣля 1716 г. видно, что Сенатъ приказалъ объявить въ

[1]) Док. и пр. Пр. Сената, т. I, стр. 212 и сл.

народъ указами, что „буде кто похочетъ провіантъ везти въ Абовъ (Або) подрядомъ на своихъ судахъ, и тѣ-бъ люди немедленно явились въ канцелярію Сената и торги свои записывали“ [1]).

Заканчивая обзоръ важнѣйшихъ дѣлъ, которыя фактически подлежали вѣдомству сенатской канцеляріи, надо вообще замѣтить, что первоначально вѣдомство это было очень неопредѣленно и неустойчиво. Занимаетъ, напр., Сенатъ въ данное время вопросъ о посылкѣ работниковъ, плотниковъ и припасовъ на Нерльскую пристань, и въ канцеляріи Сената „уговаривается“ кр. Бирюковъ на этой пристани „у тялочнаго дѣла всякіе инструменты починивать и вновь противъ образца дѣлать, и за дѣло и за починку инструментовъ получать по 4 р. на мѣсяцъ“, причемъ канцелярія ставитъ условіе, что „буде онъ, Тимоѳей, тѣхъ инструментовъ починивать и вновь, противъ образца, дѣлать не станетъ, и на немъ, Тимоѳеѣ, взять штрафъ и данныя деньги вдвое“, а Сенатъ, „слушавъ сего уговору“ своей канцеляріи, постановляетъ „отослать того кузнеца на пристань ту“. Или, напр., Именнымъ указомъ 1717 г. повелѣно было „въ губерніяхъ набрать большихъ мужиковъ въ гренадеры“, росписавъ, противъ приложенныхъ при томъ указѣ мѣръ, до 200 человѣкъ. Въ слѣдующемъ году ихъ было набрано въ Петербургской губерніи 5 человѣкъ, и ея генералъ-губернаторъ кн. Меншиковъ „приказалъ объявить (ихъ) въ Правительствующемъ Сенатѣ“, спрашивая „о пріемѣ вышеписанныхъ солдатъ Правительствующій Сенатъ что укажетъ? И въ канцеляріи Сената вышеписанные солдаты съ опредѣленною мѣрою мѣряны“, объ измѣреніи этомъ представлено было затѣмъ Сенату, который „приговорилъ ихъ въ канцелярію Правительствующаго Сената принять и жалованье имъ давать противъ драгунъ, которые при канцеляріи Сената“ и пр. Или фискалы доносятъ о тайномъ винокуреніи и, по ихъ доношеніямъ, берутся въ канцелярію Сената „винные 26 кубовъ, да 9 трубъ, которыми разныхъ чиновъ люди, за указомъ, курили вино“. Сенаторъ Апухтинъ, разбиравшій фискальскія доношенія, приказалъ „въ канцелярію Сената призвать изъ котельнаго ряда людей и дать торгъ, и кто станетъ больше давать, тому съ торгу и продать“. Если требовалось произвести

[1]) Док. и пр. Пр. Сената, т. IV, ч. 1, 231 и сл. стр.; сравн. такъ же стр. 326, 517; ч. 2, стр. 783; т. VI, стр. 342, 352, 363 и др.; см. также о торгахъ, бывшихъ въ канцеляріи Сената по продажѣ смолы Гутфелю, т. III, ч. 1, стр. 124.

кому-либо допросъ, „въ пополненіе“ къ имѣющимся уже свѣдѣніямъ о приведенномъ лицѣ, то допросъ поручается также канцеляріи, какъ ею-же производится отдача на поруки колодниковъ, содержащихся при канцеляріи, разсылка ихъ, дача имъ провіанта, конвоя и т. п. [1]). Нечего говорить, что въ канцеляріи Сената сосредоточивались всякаго рода свѣдѣнія, нужныя для Сената, и изъ его-же канцеляріи разсылались указы, грамоты, всякаго рода требованія.

Всѣ указанныя колебанія въ кругѣ дѣлъ, подвѣдомственныхъ сенатской канцеляріи, немало отражались на ея устройствѣ и составѣ. Къ этому присоединилось и то обстоятельство, что Сенатъ первоначально не имѣлъ одного постояннаго мѣста своего пребыванія. Если въ 1711 г. Сенатъ пребывалъ въ Москвѣ, то въ 1712 г. часть сенаторовъ отправляется въ Петербургъ, часть остается въ Москвѣ, причемъ каждая дѣйствуетъ самостоятельно; тоже самое продолжается и въ слѣдующемъ году, и лишь въ концѣ его, Сенатъ in corpore, за исключеніемъ одного Апухтина, завѣдывавшаго Московскими монетными дворами, переселяется въ Петербургъ. Но Сенатъ, съ его сложною системою сношеній со многими мѣстами и лицами, немыслимъ былъ, конечно, безъ канцеляріи тамъ и здѣсь. Поэтому, создается, во 1-хъ, походная канцелярія Правительствующаго Сената [2]); затѣмъ, во 2-хъ, начинаютъ съ 1714 г. различать „канцелярію сенатскаго правленія“ отъ „канцеляріи Правительствующаго Сената“, причемъ первая находится въ Москвѣ, вторая —въ Петербургѣ [3]). И, хотя, какъ общее правило, приговоръ Сената отъ 8 октября 1714 г. гласилъ, что „канцеляріи Сената дьякомъ отправленіе всякихъ его государевыхъ дѣлъ вѣдать по повытьямъ и вѣдать губерніи по прежней росписи 1712 г.“, однако, изъ того же приговора видно, что это завѣдываніе частію поручается другимъ лицамъ, въ виду, между прочимъ, раздѣленія первоначальной одной канцеляріи

[1]) Док. и пр. Пр. Сената, т. II, ч. 1, 22; ср. I, стр. 354 и сл.; М. А. М. Ю. кн. $^{8}/_{6}$ л. 176—181 (А. Н.); Док. и пр. Пр. Сената, т. IV, ч. 2, стр. 665, 696, 1193; т. V ч. I, стр. 52, ч. II, 631, 1092 и др.

[2]) Док. и пр. Пр. Сената, т. II, ч. 1, стр. 1: „дьяку Ив. Молчанову для петербургскаго походу выдать жалованья въ приказъ на подъемъ 100 р., да на нынѣшній 712 г., противъ дачи Бл. канцеляріи, 300 р.“; ср. т. II, ст. 190, 333; т. IV, стр. 1, 519, гдѣ указанъ приговоръ В. А. Апухтина о выдачѣ „канцеляріи Сената подьячимъ для С.-Петербургской ихъ посылки выдать Его, Великаго Государя, жалованья на подъемъ противъ ихъ братьи“.

[3]) Ibid., т. IV, ч. 2, стр. 655, 702, 879 и мн. др.; V, 2, стр. 641 и мн. др.

на двѣ [1]). Изъ доклада, сдѣланнаго 28 іюня 1714 г. въ Сенатѣ, по поводу челобитья подьячихъ, переѣхавшихъ вмѣстѣ съ Сенатомъ въ Петербургъ и жаловавшихся на свои малые оклады, недостаточные для Петербурга [2])—узнаемъ, что въ это время всего въ канцеляріи Сената, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, было подьячихъ старыхъ 8, средней статьи 8, молодыхъ 50 человѣкъ; изъ нихъ переѣхало въ Петербургъ старыхъ 2, средней статьи 2, молодыхъ 16, итого 20 человѣкъ. Сенатъ находитъ просьбу подьячихъ заслуживающей уваженія и постановляетъ прибавить находящимся въ Петербургѣ кормовыхъ денегъ: старымъ по 3 р., средней статьи по 2 р. по 3 алтына по 2 деньги, молодымъ по 1 р. по 16 алтынъ по 4 деньги на мѣсяцъ съ 1 января 1714 г., когда они прибыли и опредѣлились къ дѣламъ въ С.-Петербургѣ [3]); позднѣе всѣ почти подьячіе, вмѣстѣ съ дьяками, переходятъ въ Петербургъ [4]).

Канцеляріею Сената завѣдывалъ, до созданія института прокуратуры при Сенатѣ, оберъ-секретарь Анисимъ Яковлевичъ Щукинъ, назначенный самимъ Государемъ на эту должность. Щукинъ отличался какъ дѣловитостью, такъ и честностью, почему и пользовался полнымъ довѣріемъ Государя и Сената, отвѣчая передъ ними за все, что происходило въ канцеляріи. Петръ самъ писалъ иногда Щукину или поручалъ сообщать ему о дѣлахъ Сената своему кабинетъ-секретарю [5]). Наблюдая за порядкомъ въ канцеляріи, оберъ-секретарь поручалъ своимъ помощникамъ—дьякамъ, или старымъ подьячимъ—со-

[1]) Док. и пр. Пр. Сената, т. IV, ч. 2, стр. 962: „а которыя (дѣла) по той росписи вѣдалъ Московскую и С.-Петербургскую губернію дьякъ Гаврило Окуньковъ, нынѣ вѣдать дьяку Федору Воронову", такъ какъ Окуньковъ остается въ Москвѣ завѣдывающимъ „канцеляріею сенатскаго правленія".

[2]) Ibid., т. IV, ч. 1, стр. 588: „Нынѣ въ прошеніи вышеписанныхъ подьячихъ, которые въ С.-Петербургѣ, написано: работаютъ де они въ канцеляріи Правительствующаго Сената денно и нощно безкорыстно и, живучи въ С.-Петербургѣ, не токмо хлѣбъ и дрова покупаютъ, и квартиры нанимаютъ; а Его Государева жалованья оклады имъ малые, которыми отнюдь здѣсь пропитаться невозможно; а другимъ ихъ братьѣ, а именно С.-Петербургской, кои при свѣтлѣйшемъ князѣ и при посольской канцеляріи, учинены оклады такожъ и кормовыя деньги; и чтобъ Великій Государь пожаловалъ ихъ, велѣлъ за ихъ работу и для скудости ихъ и здѣшняго бытія учинить имъ къ окладамъ ихъ кормовыя деньги по Его Государеву милостивому разсмотрѣнію".

[3]) Годовые оклады жалованья, получавшіеся ими ранѣе, были „для старыхъ подьячихъ по 100 р., средней статьи 7 человѣкъ по 50 р., 1—по 40 р., молодымъ—отъ 40 до 5 р. (ibid)".

[4]) Ibid., т. IV, ч. 2, стр. 1274; V, 1, стр. 321.

[5]) Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. XI, стр. 400; Док. и пр. Пр. Сената, т. I, стр. 93; II, ч. 1, стр. 76 и др.

ставленіе надлежащихъ по дѣлу докладовъ, и стереотипная фраза, которою начинаются весьма многіе доклады Сенату: „въ канцеляріи Правительствующаго Сената выписано“ [1]), показываетъ, какъ много труда и, кажется, нерѣдко инициативы въ предложеніи Сенату разсмотрѣть то или другое дѣло проявлялъ его первый оберъ-секретарь, выносившій на своихъ плечахъ всю сложную работу всевозможныхъ, какъ письменныхъ, такъ и личныхъ сношеній, какія велъ Сенатъ черезъ посредство своей канцеляріи, и прежде всего, конечно,—чрезъ посредство своего оберъ-секретаря, о чемъ свидѣтельствуютъ наглядно приведенныя нами уже выше свѣдѣнія о дѣлахъ, подвѣдомственныхъ Сенату. Затѣмъ, конечно, приговоръ Сената приводился въ исполненіе оберъ-секретаремъ, который посылалъ указы—согласно Именному указу отъ 10 января 1719 г.,—за своею подписью, „по которымъ указамъ“ повелѣно „вездѣ исполнять безъ всякой остановки“ [2]).

Какъ видно изъ предыдущаго изложенія, канцелярія Сената состояла изъ дьяковъ и подьячихъ, дѣлившихся на три „статьи“ или группы—старыхъ подьячихъ, среднихъ и молодыхъ; послѣдняя третья группа, въ свою очередь, подраздѣлялась на три статьи, по крайней мѣрѣ — по отношенію къ получаемому жалованью. Такъ, въ приговорѣ Правительствующаго Сената, отъ 27 ноября 1711 г., были учинены такіе годовые оклады: старымъ подьячимъ, 11 чел.,—по 100 р., средней статьи, 12 чел.,—по 50 р., молодымъ первой статьи, 20 чел.,—по 30 р., второй — 20 чел.—по 20 р., третьей—по 15 р. [3]). Дьяки, переименованные, по учрежденіи коллегій, въ секретари, будучи непосредственными помощниками оберъ-секретаря, стояли, обычно, во главѣ „столовъ“ Сената, иногда, впрочемъ, замѣняясь старыми подьячими, при чемъ, конечно, исполняли и всякія другія порученія Сената и его оберъ-секретаря. Такъ, напр., дьяку Ѳ. Ефимьеву поручено было „пересмотря, описать дѣла разряднаго приказа“; когда сенаторъ кн. Г. И. Волконскій получилъ въ свое завѣдываніе тульскіе оружейные заводы, дьяку Пале-

[1]) Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. I, стр. 95, 97, 103, 108, 170 и мн. др.; т. II, ч. I, стр. 12, 40, 86 и др.; т. VI, ч. 1, стр. 4, 22, 24, 27, 37, 45 и мн. др.; ч. II, стр. 591, 610, 632 и др.

[2]) П. С. З., № 3273.

[3]) П. С. З., № 2453.

хину было поручено отправленіе дѣлопроизводства по этому дѣлу [1]). Сами оклады жалованья дьяковъ и подьячихъ не оставались неизмѣнными; они частію стояли въ зависимости отъ состоятельности лица, а частью отъ суммы тѣхъ порученій, какія исполнялись имъ [2]). Случалось, что нетолько выдача заслуженнаго уже жалованья, но и его повышеніе зависѣло отъ наличности денежной казны, что видно изъ многихъ фактовъ. Такъ, напр., никто иной, какъ самъ оберъ-секретарь Сената Щукинъ, вошелъ въ 1714 г. въ Сенатъ съ весьма характернымъ прошеніемъ, въ которомъ указывалъ, что „служитъ онъ, Щукинъ, въ Правительствующемъ Сенатѣ съ начала онаго опредѣленія уже 4-й годъ безпорочно, не имѣя никакого пріобрѣтенія къ пропитанію своему, и теперь пришелъ въ такую скудость, что уже не имѣетъ болѣе чѣмъ содержать себя". Изъ того жалованья, которое по указу Государя въ количествѣ 600 руб. въ годъ назначено ему за службу, онъ получилъ только за одинъ прошедшій 713 годъ; да предъ отъѣздомъ изъ Москвы въ С.-Петербургъ „выдано ему онаго жалованья, котораго не только для прожитія въ С.-Петербургѣ, но и на одни сборы въ дорогу ему не достало; по сему и проситъ выдать ему его заслуженное жалованье за 711 и 712 годы". По справкѣ въ канцеляріи Сената оказалось, что въ указѣ отъ 24 апрѣля 713 года изъ канцеляріи Правительствующаго Сената писано: „Великій Государь пожаловалъ оберъ-секретаря Анисима Щукина, за многіе его въ канцеляріи Сената труды, окладомъ его Государева жалованья въ 600 руб. За 713 годъ по этому окладу „оберъ-секретарю Щукину жалованье выдано". Выслушавъ прошеніе, Сенатъ приказалъ: „оберъ-секретарю Анисиму Щукину его Государево жалованье, по окладу его, на прошлые 711 и 712 годы, выдать половину въ Санктъ-Петербургѣ, а другую на Москвѣ изъ наличныхъ, какія въ канцеляріи Сената есть,

[1]) Док. и пр. Пр. Сената, т. I, стр. 183; т. III, ч. 2, стр. 1256 и сл.

[2]) Дьяку Т. Палехину прибавлено къ окладу жалованья въ 100 р. еще 200 р., „для того, что онъ, Палехинъ, въ сказкѣ своей явилъ, подъ страхомъ Его, Великаго Государя, указа, что за нимъ помѣстій и вотчинъ и никакихъ заводовъ и лавокъ и промысловъ напередъ сего не бывало и нынѣ нѣтъ, и кромѣ того Его, Великаго Государя, жалованья, питаться ему не чѣмъ"... (Ibid., т. III, ч. 2, стр. 1254). Или, одному подьячему дано жалованья 4 р.; а въ виду его просьбы „приказано ему, канцеляріи Правительствующаго Сената подьячему, Филиппу Алексѣеву, за приказную его многую работу дать Его, Великаго Государя, жалованья и(зъ) збору за даточныхъ и съ штрафныхъ денегъ 5 рублевъ". (Ibid., т. IV, ч. 1, стр. 360).

въ приходѣ денегъ...“ [1]). Едва-ли бы Сенатъ отказалъ въ выдачѣ всѣхъ денегъ своему оберъ-секретарю, еслибъ онѣ у него были въ наличности, или, еслибъ не входило вообще въ политику Сената, согласно требованію Петра, быть, по возможности, бережливымъ въ расходахъ. Впрочемъ, тотъ же приговоръ Сената констатируетъ, что, по крайней мѣрѣ, „дьякамъ канцеляріи Правительствующаго Сената отъ начала сенатскаго правленія Его Государево жалованье по окладамъ ихъ выдано сполна за всѣ—711-й, 712-й и 713-й годы, а также и за 714-й выдача жалованья уже была“, чего нельзя, однако, сказать о всѣхъ подьячихъ [2]).

Интересно также отмѣтить, что хотя, по 14 п. Регламента Штатсъ-конторъ-коллегіи, повелѣно было составить штаты коллегіямъ, но эти штаты, однако, должны были быть составлены для всѣхъ коллегій, кромѣ Иностранныхъ дѣлъ коллегіи и канцеляріи Правительствующаго Сената, въ которыхъ опредѣленное жалованье по прежнему „годовою дачею давано быть имѣетъ“ [3]), повидимому, потому, что установить число служащихъ въ канцеляріи, размѣръ ихъ жалованья, наградъ и т. д. на болѣе продолжительный срокъ въ это время (1719 г.) не представлялось еще возможнымъ, въ виду роста учрежденія, предполагаемыхъ въ немъ уже тогда измѣненій и пр. Штатъ сенатской канцеляріи съ ея конторами устанавливается лишь 19 февраля 1725 г. [4]). Дьяки и подьячіе имѣли нѣкоторыя привилегіи; такъ, между прочимъ, дворы ихъ освобождались отъ воинскаго постоя [5]). Несмотря на полученіе жалованья, дьяки и подьячіе имѣли нѣкоторые доходы отъ „челобитчиковыхъ дѣлъ“, въ виду, конечно, незначительности жалованья [6]). Переводъ подьячихъ изъ одной статьи въ другую производился Сенатомъ, назначеніе же въ дьяки какъ сенатской канцеляріи, такъ и другихъ учрежденій дѣлалось именнымъ указомъ; при производ-

[1]) Док. и пр. Пр. Сената, стр. 454 и сл.

[2]) О раздачѣ подьячимъ жалованья вообще см. ibid., т. IV, ч. 2, стр. 1192, гдѣ отмѣчено также, сколько убыло и прибыло подьячихъ въ Сенатѣ; ср. также ibid., стр. 1193; см. также жалобу 8 подьячихъ въ 1714 г. о невыдачѣ имъ жалованья, ibid., ч. I, стр. 254 и сл.; иногда жалованье выдавалось „вполы“, т. е. только въ половинномъ окладѣ (ibid., стр. 111).

[3]) П. С. З., № 3303.

[4]) П. С. З., № 4659.

[5]) П. С. З., № 2717; дьяки и подьячіе Сената имѣли также право безпошлиннаго прохода черезъ городскія ворота, П. С. З., № 2463.

[6]) П. С. З., № 2879.

ствѣ въ дьяки (позднѣе въ секретари) бралось въ канцелярію Сената, „изъ собственныхъ пожитковъ произведенныхъ, по 100 р. въ лазареты на пропитаніе больныхъ и раненыхъ“ [1]).

Многочисленныя посылки изъ Сената со всякаго рода указами, требованіями доставленія денегъ, людей и пр. вызвало учрежденіе при Сенатѣ особой драгунской роты. Какъ видно изъ сенатскихъ дѣлъ, число драгунъ этой роты въ концѣ 1711 г. равнялось 164 чел. [2]).

Во второй половинѣ царствованія Петра въ устройствѣ сенатской канцеляріи происходятъ большія перемѣны. Въ первой уже „Должности“ Сената отъ 3 декабря 1718 г. содержатся нѣкоторыя общія постановленія о канцеляріи Сената и ея дѣлопроизводствѣ. Устанавливается прежде всего, что чинъ „секретаря, или иной чинъ надъ нимъ, и къ тому нижніе служители“ должны быть устроены „по чину прочихъ коллегій“. Секретарь созываетъ собраніе и „когда всѣ съѣдутся оное дѣло слушать, то снизу каждому свое мнѣніе писать и потомъ рѣшеніе всѣмъ подписать; буде-же и всѣмъ оное вершить невозможно, то учинить предложеніе и свое мнѣніе въ докладъ“. Затѣмъ устанавливается, что „въ канцелярію Сената должны всѣ губернаторы и ландсгевдинги писать о тѣхъ дѣлахъ, которыя не принадлежатъ къ коллегіямъ, яко о начатіи какой войны, мора, какого замѣшанія, или какихъ припадковъ“ [3]). Наконецъ, предписывается рядъ правилъ дѣлопроизводства въ Сенатѣ, о чемъ мы скажемъ особо. Дальнѣйшій шагъ въ развитіи устройства сенатской канцеляріи находимъ, какъ въ знаменитомъ „Генеральномъ Регламентѣ“, данномъ всѣмъ коллегіямъ 28 февраля 1720 года, такъ во второй „Должности“ Правительствующаго Сената и „въ Должности“ „генералъ-прокурора“, данныхъ одновременно, а именно 27 апрѣля 1722 года [4]). Надо замѣтить, что уже вскорѣ по полученіи первой своей „Должности“, а именно, по приговору своему отъ 19 февраля 1719 г., Сенатъ сталъ переустраивать, „противъ прочихъ коллегій“, свою канцелярію, по докладу оберъ-

[1]) Док. и пр. Пр. Сената, т. II, ч. I, 4, 5, 7; III, ч. 1, 181, 206, 282; ч. 2, 498, 1264 и мн. др. (о производствѣ въ дьяки); ibid., стр. 910, 1074; т. IV, стр. 1207, 1275 и др. (о переводѣ изъ низшей „статьи“ въ высшую); П. С. З., № 2910 (о вычетахъ на лазареты).

[2]) Док. и пр. Пр. Сената, т. I, стр. 307; т. II, ч. I, стр. 26.

[3]) П. С. З., № 3264.

[4]) П. С. З., №№ 3534, 3978, 3979.

секретаря. Такъ, онъ прежде всего переименовалъ чины двухъ дьяковъ (Семена Иванова и Ивана Познякова), назвалъ секретарями, приказавъ имъ „управлять дѣла, развытя по коллегіямъ", и опредѣлилъ для иностранныхъ дѣлъ одного секретаря и переводчика; затѣмъ выбралъ изъ подьячихъ нотаріуса, актуаріуса, регистратора и канцеляриста приказнаго стола. Дѣла коллегій и губерній, поступавшія въ Сенатъ, должны были вѣдаться въ четырехъ повытьяхъ такъ, чтобъ „въ каждомъ повытьѣ" было „по 2 коллегіи и по 2 губерніи", при чемъ въ каждомъ повытьѣ, изъ старыхъ подьячихъ, было назначено по 1-му канцеляристу; къ нимъ въ копіисты было опредѣлено по 4 „молодыхъ" подьячихъ; изъ „среднихъ" подьячихъ былъ опредѣленъ архиваріусъ. Каждому изъ опредѣленныхъ въ преобразованную канцелярію лицъ—„о должности ихъ, что кому дѣлать надлежитъ" приказано „дать инструкцію съ Генеральнаго регламента". Какъ извѣстно, въ „Генеральномъ регламентѣ" каждому изъ чиновъ коллежскихъ канцелярій было посвящено особое опредѣленіе и, такимъ образомъ, внесено въ понятіе каждаго чина нѣчто, установленное по закону, что было ново и, конечно, само по себѣ представлялось весьма важнымъ [1]). При этомъ каждый изъ чиновъ сенатской канцеляріи приводился—„во исполненіи ихъ должности по Регламенту"—къ присягѣ.

Въ Генеральномъ регламентѣ, какъ уже сказано, было опредѣлено значеніе отдѣльныхъ должностей, вводившихся въ коллегіяхъ; эти опредѣленія, говоря вообще, приложимы и къ сенатскимъ должностямъ, съ нѣкоторыми, впрочемъ, отступленіями. Такъ, за нѣсколько дней до утвержденія, Генеральнаго регламента, а именно 13 февраля 1720 г., былъ данъ Именной указъ „о должности оберъ-секретаря Сената", въ которомъ „ко обыкновенной должности оберъ-секретаря", — обозначенной затѣмъ въ Генеральномъ регламентѣ и дѣлавшей оберъ-секретаря начальникомъ канцеляріи [2]), присоединялось порученіе ему слѣдить за порядкомъ въ засѣданіяхъ Сената, съ одной стороны, наблюдать за соблюденіемъ Сенатомъ его „Должности",

[1]) П. С. З., № 3311 по тому же указу опредѣлено „при той же канцеляріи быть 1 вахмистру, 4 сторожамъ, 1 переплетчику".

[2]) По Ген. регламенту — секретарь всякой коллегіи „надъ протоколомъ и канцеляріею имѣетъ, подъ вышнею дирекціею коллегіи, надзираніе" (Гл. XXIX).

съ другой, —съ правомъ доносить Государю, „ежели въ Сенатѣ хотя что малое учинится противъ указа, даннаго о ихъ должности“ (2 пунктъ). Тяжелая и малосоотвѣтствующая положенію оберъ-секретаря обязанность эта, впрочемъ, недолго лежала на немъ: перейдя на него отъ такъ называемаго „генералъ-ревизора“ (въ 1715 г.), она отошла затѣмъ, менѣе чѣмъ черезъ годъ, къ штабъ-офицерамъ отъ гвардіи, опредѣляемымъ помѣсячно и обязаннымъ, между прочимъ, смотрѣть, дабы все чинилось въ Сенатѣ по 2-му пункту, который написанъ „въ должность оберъ-секретарю Щукину“ и который только что приведенъ нами [1]). Эти эпизоды въ организаціи надзора за Сенатомъ были прелюдіею къ образованію должности генералъ- и оберъ-прокуроровъ Сената, къ которымъ и перешли указанныя функціи оберъ-секретаря, при чемъ, впрочемъ, хотя генералъ-прокуроръ (по п. 5-му своей „должности“) долженъ былъ „въ своей дирекціи имѣть канцелярію сенатскую и служителей оной“ оберъ-секретарь въ Сенатѣ остался правителемъ его канцеляріи, завѣдывавшимъ всѣмъ дѣлопроизводствомъ, а равно докладчикомъ дѣлъ по порядку, установленному въ Генеральномъ регламентѣ [2]). Регламентъ ставитъ въ обязанность секретарю сочинять „важные“ доклады самому, а другіе раздѣлять между прочими „канцелярскими служителями, по должности каждаго“, предписываетъ ему вести реестры „вершенымъ и исполненнымъ“ и „вершенымъ, но неисполненнымъ дѣйствомъ“ дѣламъ и т. д., какъ это видно изъ XXIX главы Регламента. „Табель о рангахъ“ поставила оберъ-секретаря Сената выше другихъ, а именно, онъ считался состоящимъ въ VI классѣ,

---

[1]) П. С. З., №№ 2519 и 3721 (указы 13 февр. 1720 и 28 янв. 1721 гг.).

[2]) П. С. З., № 3979. По пятой главѣ Ген. регламента—„сколь скоро коллегіумъ въ вышепомянутое время и часы соберется, хотя и не всѣ, но большая часть членовъ, то доноситъ и чтетъ секретарь все въ надлежащемъ порядкѣ, а именно, нижеписаннымъ образомъ: перво публичныя государственныя дѣла, касающіяся Цар. Его Величества интереса, потомъ приватныя дѣла. При обѣихъ такихъ управленіяхъ, должность чина секретарскаго въ томъ состоитъ, что ему на всѣхъ приходящихъ письмахъ и доношеніяхъ номеры подписывать, и на нихъ числа, когда поданы, приписывать, и объ оныхъ безъ всякаго подлога, или пристрастія, по номерамъ и числамъ доносить, развѣ когда дѣла такія между прочими случатся, которыя остановки имѣть не могутъ, но вскорѣ отправлены быть имѣютъ: и въ такомъ случаѣ порядокъ оной отставить, и объ тѣхъ напередъ доносить надлежитъ, которыя нужнѣе. Тако-жъ и въ челобитчиковыхъ дѣлахъ, которыя дѣла и старшѣе по реестру написаны, а истца и отвѣтчика въ надлежащее время не прилучится, а по другимъ дѣламъ, которыя и послѣ въ реестрѣ написаны, прилучатся истецъ и отвѣтчикъ, то, окончивъ государевы немедленно, и ихъ дѣла, по вышеписанному порядку, докладывать, а не выборомъ, дабы оныхъ долго не волочить, но какъ скоро возможно отправить“...

тогда какъ оберъ-секретари первыхъ трехъ коллегій (двухъ воинскихъ и Иностранной)—въ 7-мъ, прочихъ же въ 8-мъ, при чемъ указъ отъ 8 ноября 1723 г. оставлялъ затѣмъ этотъ „чинъ“, кромѣ Сената и Синода, только въ указанныхъ трехъ коллегіяхъ [1]).

Обращаясь къ другимъ должностямъ, введеннымъ въ Сенатъ, остановимся кратко на тѣхъ, которыя, уже по самому своему наименованію, требуютъ объясненій. Таковы должности нотаріуса, актуаріуса и регистратора. Подробности, въ коихъ опредѣляются обязанности этихъ чиновъ канцелярій, весьма характерны, такъ какъ наглядно показываютъ, какъ еще чуждъ былъ нашимъ учрежденіямъ, къ концу царствованія Петра, порядокъ дѣлопроизводства „коллежскихъ“ учрежденій, почему и требовалось останавливаться на опредѣленіи обязанностей отдѣльныхъ канцелярскихъ должностей, по возможности, полно.

Обязанность нотаріуса состояла „въ держаніи, при собраніи коллегіи, протокола“. Поэтому нужно было научить его вести оный, при чемъ, впрочемъ, законодатель не различалъ еще протокола отъ журнала. Прежде всего „нотаріусъ (или, какъ онъ сталъ позднѣе, болѣе правильно, называться протоколистъ) долженъ вверху листа годъ и число написать, потомъ присутствующіе члены записать и потомъ протоколъ держать: 1) всѣмъ приключившимся въ коллегіяхъ дѣламъ, или перечнемъ, или когда дѣло великой важности, то пространно со всѣми надлежащими обстоятельствы; 2) выписку или содержаніе всѣхъ отъ Его Царскаго Величества и отъ всѣхъ другихъ коллегій, губерній, служителей, поданныхъ и прочихъ полученныхъ, и противъ того отпущенныхъ указовъ (грамотъ), писемъ, требованій, меморіаловъ, реляцій и прочее; 3) записывать разговоры о важныхъ дѣлахъ, такожде записывать и то, ежели коллегіумъ о какомъ дѣлѣ большаго изъясненія требуетъ, и оное до другого времени отсрочить надлежитъ; 4) записывать, когда члены въ голосахъ не согласны [2]), а ежели члены согласны, то голоса въ протоколъ не записываются, но только краткая записка, и по оному рѣшеніе“. На обязанности нотаріуса лежало сшиваніе протоколовъ помѣсячно,

[1]) П. С. З., №№ 3890 и 4353. Интересно также, что указъ Петра отъ 31 января 1724 г. вводитъ впервые сословное начало въ вопросъ о замѣщеніи должности секретарей, запрещая опредѣлять въ эти должности не дворянъ и лишь допуская, по особеннымъ заслугамъ, производство подьячихъ (канцеляристовъ) въ эти должности. (П. С. З., № 4449).

[2]) При несогласіи членовъ, ихъ мнѣнія записываются особо (гл. VI Регламента).

отдача ихъ въ переписку, составленіе росписи нерѣшеннымъ дѣламъ, при чемъ что весьма важно отмѣтить онъ обязанъ такую роспись еженедѣльно „предъ президентомъ на столѣ имѣть, дабы оную въ коллегіи ежедневно видѣть, и о невершеныхъ дѣлахъ вѣдать мочно было, такожде онъ долженствуетъ роспись о вершеныхъ и оконченныхъ дѣлахъ имѣть. А секретарь напишетъ къ тому на полѣ, которому канцелярійскому служителю каждое дѣло ко управленію его отдано" (гл. XXX). На обязанности актуаріуса лежало собраніе, веденіе реестровъ и нумерація всѣхъ получаемыхъ бумагъ (писемъ), заведеніе „квитанцной (или распискамъ) книги", въ которую вносятся расписки о взятіи отдѣльныхъ документовъ, „для отправленія своего дѣла", другими служителями канцеляріи (XXXII гл.). Наконецъ, „регистратора должность въ томъ состоитъ, чтобы онъ письма собиралъ и по пакетамъ раскладывалъ, и потомъ велѣлъ на бѣло переписывать сочиненія всѣхъ указовъ (грамотъ) и писемъ помѣсячно и во весь годъ, которыя изъ коллегіи отпущены и въ коллегіи получены". Для этого онъ долженъ былъ завести, во 1-хъ, „журналъ" или „повседневную записку", а во 2-хъ, т. н. „регистратуру", „въ свою очередь", раздѣляющуюся на 4 книги (XXXIII гл.), о которыхъ мы скажемъ подробно при разсмотрѣніи дѣлопроизводства Сената. Въ литературѣ вопроса отмѣчено, что, при устройствѣ канцеляріи Сената по образцу коллежскихъ канцелярій, въ первой „вовсе изчезъ прежній главный секретный столъ" и что „его дѣла разошлись по прочимъ столамъ", а также и то, что „подобное уничтоженіе было ошибкою со стороны Сената" [1]). Съ этимъ нельзя не согласиться, въ виду указа Петра Великаго отъ 16 января 1723 г., ставившаго Сенату на видъ необходимость имѣть секретныя дѣла въ завѣдываніи „надежныхъ лицъ", вслѣдствіе чего Сенатомъ была образована секретная экспедиція съ особымъ болѣе довѣреннымъ, составомъ служащихъ.

Всѣ названныя выше должности указывались, какъ сказано, уже въ Генеральномъ регламентѣ, по образцу котораго онѣ и созданы. Однако, по учрежденіи должности „генералъ-прокурора" Сената, Петръ нашелъ нужнымъ ввести въ составъ сенатской канцеляріи еще одну должность экзекутора. Уже

[1]) Петровскій „О Сенатѣ", стр. 72; ср. П. С. З., № 4418.

въ указѣ 12 января 1722 г. упоминалась, въ числѣ другихъ вновь образуемыхъ должностей, должность экзекутора при Сенатѣ; затѣмъ въ пунктахъ отъ 17 января того же года есть замѣтка о томъ, „чтобы сдѣлать чинъ при Сенатѣ для экзекуціи по указамъ", при чемъ самимъ Государемъ собственноручно написано: „сдѣлано въ рангахъ", т. е. должность его введена въ табель о рангахъ. Однако, подробное изображеніе того, въ чемъ-же именно должны состоять обязанности сенатскаго экзекутора, является лишь въ 1724 г. [1]). Должность эта интересна въ томъ отношеніи, что ея созданіемъ, по мысли Петра, должно было обезпечиваться быстрое и неукоснительное исполненіе сенатскихъ указовъ, такъ какъ экзекуторъ, получивъ отъ протоколиста реестръ состоявшимся въ Сенатѣ приговорамъ, обязанъ былъ передать ихъ по назначенію —почтою, черезъ особыхъ посланныхъ и даже врученіемъ лично, при чемъ президенты коллегій должны были сообщать ему письменно объ исполненіи сенатскихъ указовъ; затѣмъ всѣмъ отправленіямъ, — съ точнымъ обозначеніемъ времени отсылки указовъ, отмѣткою, съ кѣмъ указъ посланъ, когда полученъ на него отвѣтъ и пр.,— ведется особая книга, а равно сообщается экзекуторомъ, въ случаѣ неисполненія по указамъ, генералъ-прокурору, котораго ближайшимъ помощникомъ, по исполненію сенатскихъ приговоровъ, онъ являлся.

Трудно представить себѣ, соображая всѣ обязанности, лежавшія на отдѣльныхъ чинахъ сенатской канцеляріи и точно по закону опредѣленныя, болѣе совершенный порядокъ въ устройствѣ сенатской канцеляріи, чѣмъ тотъ, который указанъ былъ къ непремѣнному руководству всѣми вышеотмѣченными узаконеніями. Дѣйствительность, однако, очень мало оправдала надежды законодателя: дѣлопроизводство Сената имѣло очень много недостатковъ и вовсе не обезпечивало какъ скораго разсмотрѣнія дѣлъ Сенатомъ, такъ и точнаго исполненія его указовъ.

[1]) П. С. З., № 3877, п. 4.; Сбор. Имп. Русс. Ист. Общ., т. XI, стр. 447; П. С. З., № 4484. Впрочемъ, экзекуторы появляются уже въ Сенатѣ съ начала 1722 г. Такъ, 17 января, противъ указанныхъ выше пунктовъ отмѣчено: въ Сенатѣ экзекуторъ учиненъ былъ изъ майоровъ Гурьевъ, а послѣ того опредѣленъ въ прокуроры въ Комерцъ (коллегію), а нынѣ опредѣленъ Елагинъ (Арх. Сен., Выс. ук. и пов. въ коп., кн. 28, л. 26).

III. Расправная палата.

Касаясь устройства Пр. Сената, необходимо сказать о Расправной палатѣ, учрежденіи, возродившемся въ Сенатѣ уже въ концѣ 1712 г. и имѣвшемъ одною изъ своихъ задачъ разсмотрѣніе такъ называемыхъ „фискальскихъ доношеній“. А именно, въ концѣ этого года, наряду съ записями приговоровъ, постановленныхъ всѣмъ составомъ Сената („Пр. Сенатъ, слушавъ . . . выписи, приговорили...), начинаютъ встрѣчаться такого рода записи: „Пр. Сената сенаторы Г. А. Племянниковъ, М. М. Самаринъ и расправныхъ дѣлъ судьи Д. П. Протасьевъ, М. Ѳ. Ртищевъ, слушавъ . . . выписи, приговорили“... [1]). Эти записи показываютъ, что изъ общаго состава Сената, первоначально постановлявшаго приговоры in corpore, стало выдѣляться особое присутствіе, состоящее частію изъ сенаторовъ, частію изъ назначенныхъ самимъ Сенатомъ „судей расправныхъ дѣлъ“; иначе говоря, сталъ создаваться особый судебный департаментъ Сената, если приложить къ этой палатѣ, mutatis mutandis, терминологію позднѣйшаго времени.

Этотъ особый департаментъ, разсматривавшій челобитья, поступавшія въ Сенатъ, сталъ съ 1713 г. называться старымъ, знакомымъ еще по Боярской Думѣ, именемъ „Расправной палаты“, при чемъ приговоромъ самаго Сената, отъ 3 сентября того же года, была опредѣлена компетенція этого возстановленнаго вновь учрежденія. Сущность приговора состояла въ томъ, что Расправная палата должна была принимать къ своему разсмотрѣнію лишь „дѣла вершеныя“ („невершеныхъ дѣлъ изъ губерній и изъ приказовъ отнюдь не имать“), при чемъ, если челобитчикъ показывалъ, что судья вершилъ его дѣло „не дѣльно и противно Его Величества указамъ и Уложенью“, у него должно было „взять за рукою сказку, чтобъ онъ объявилъ именно, какая въ томъ дѣлѣ судейская неправость и противность Государеву Указу и Уложенью“. Признавъ, затѣмъ, челобитную заслуживающею уваженія, Расправная палата брала къ

[1]) Док. и пр. Пр. Сената, т. II, ч. 2, стр. 329, 345 и сл., 438.

своему разсмотрѣнію „вершеное дѣло" и постановляла по немъ приговоръ. При жалобахъ на волокиту, Расправная палата посылала въ соотвѣтствующее учрежденіе указъ о немедленномъ рѣшеніи даннаго дѣла и, въ случаѣ неисполненія указа, подтверждала свое требованіе „вторыми и третьими указами, подъ взятьемъ штрафовъ", и уже затѣмъ подавала сама объ этомъ доношеніе Сенату. Палата эта должна была также разсматривать фискальскія доношенія, сообщая въ Сенатъ ежемѣсячно и подробно, „коликое число фискальскихъ доношеній будетъ въ мѣсяцъ, и что по нихъ будетъ учинено", и т. д. [1]), о чемъ мы еще будемъ говорить особо, касаясь фискалата. Приговоръ, далѣе, требовалъ также разсылки изъ Сената какъ „невершеныхъ дѣлъ", взятыхъ въ его канцелярію изъ губерній и приказовъ, такъ равно и тѣхъ, о которыхъ челобитчики, въ своихъ прошеніяхъ, не приводили основательныхъ данныхъ въ доказательство того, что судьи, дѣйствительно, „тѣ дѣла вершили не дѣльно и противно Государеву Указу и Уложенію". Указанное постановленіе свидѣтельствуетъ наглядно, какъ еще неясно представлялась первоначально самому Сенату его роль, въ качествѣ высшаго судебнаго учрежденія. Хотя уже первый пунктъ, полученный Сенатомъ, въ числѣ другихъ, отъ Государя 2 марта 1711 г., гласилъ о томъ, что Сенатъ долженъ „имѣть судъ нелицепріятный и неправедныхъ судей наказывать отнятіемъ чести и всего имѣнія, тожъ и ябедникамъ да послѣдуетъ" [2]), т. е., очевидно, предполагалъ, что Сенатъ явится высшей инстанціею, разсматривающей, по жалобѣ сторонъ, приговоръ „неправедныхъ судей"; Сенатъ бралъ, однако, первоначально къ своему разсмотрѣнію и дѣла, нигдѣ не рѣшенныя, „являясь предъ нами", какъ уже замѣчено въ литературѣ вопроса, „и какъ высшая, и какъ низшая инстанція", при чемъ „хаотическое состояніе" судебнаго значенія Сената объясняется неопредѣленностью самого законодательства [3]). Не отрицая этой неопредѣленности, нельзя, однако, не отмѣтить, что указанный выше пунктъ, во всякомъ случаѣ, устанавливалъ „значеніе" Сената, какъ высшей инстанціи, пересматривавшей приговоръ низшей.

Впрочемъ, Сенатъ, обремененный массою дѣлъ и порученій, вынужденный, кромѣ того, разсматривать фискальскія доношенія

[1]) Док. и пр. Пр. Сената, т. III, ч. 2, стр. 704 и сл.; П. С. З., № 2710.
[2]) П. С. З., № 2330.
[3]) Петровскій. О Сенатѣ, стр. 249 и сл.

№: 48. .115.

Собственноручный указъ Петра Великаго отъ 30-го октября 1712 г.

и челобитныя „о судейской неправости", скоро самъ замѣтилъ всю трудность своего положенія, между прочимъ, созданнаго для него именно тѣмъ обстоятельствомъ, что, рядомъ съ „дѣлами вершеными", изъ губерній и приказовъ еще брались къ разсмотрѣнію „дѣла невершеныя". Все это вмѣстѣ и заставило Сенатъ вспомнить о существованіи еще въ московской практикѣ особаго судебнаго учрежденія Расправной палаты. Въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, Сенатъ проявилъ свою распорядительную власть, не спрашиваясь Государя и увидавъ самъ, изъ повседневной практики, всю невозможность in pleno разсматривать судебныя дѣла, да и вообще челобитныя на неправильныя дѣйствія администраціи, такъ какъ уже съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности „расправныхъ дѣлъ судьи" касались этихъ дѣйствій. А именно, уже въ 1712 г., они, напримѣръ, разсматривали челобитье Азовской губерніи городовой службы разныхъ чиновъ, жаловавшихся на неправильные съ нихъ сборы, и приговорили съ нихъ „всякіе поборы имать по переписнымъ книгамъ прошлаго года наличныхъ дворовъ", не взимая съ пустыхъ, какъ дѣлалось на практикѣ [1]). Такъ было и позднѣе и, наряду съ чисто-судебными дѣлами, разсматривались судьями дѣла вышеуказаннаго характера [2]). Обиліе дѣлъ, разсматривавшихся Сенатомъ, и ихъ все бóльшее и бóльшее накопленіе заставили Сенатъ оставить (съ 1713 г.) въ составѣ присутствія Расправной палаты лишь одного сенатора (М. М. Самарина), но зато увеличить число судей съ 2-хъ до 5-ти чел. [3]).

Сенатъ самъ назначалъ „расправныхъ дѣлъ судей". Такъ, напримѣръ, въ приговорѣ отъ 8 января 1718 г. читаемъ, что „Правительствующій Сенатъ приказали: быть судьями въ Расправной палатѣ комнатному стольнику Ѳ. Е. сыну Бутурлину, стольникамъ кн. Семену княжъ Юрьеву сыну Солнцеву-Засѣкину, С. А. сыну Глѣбову, Д. А. сыну Бестужеву-Рюмину, В. А. сыну Ржевскому и о томъ имъ въ канцеляріи Сената сказать его, Великаго Государя, указъ" (на подлинникѣ сдѣлана отмѣтка: „указъ о томъ передъ сенаторами сказанъ того жъ числа") [4]).

[1]) Док. и пр. Пр. Сената, т. II, ч. 2, стр. 329 и сл.; ср. стр. 333; т. III, ч. 2, стр. 745 и м. др.

[2]) См. подробную опись приговорамъ Расправной палаты за 1712—1713 г.г. въ ст. Голубева: „Расправная палата при Сенатѣ" (Опись док. и бум., хранящихся въ Моск. Арх. М. Юст., кн. V (М. 1888 г.), от. II, стр. 117—148.

[3]) Док. и пр. Пр. Сената, т. III, ч. 1, стр. 50; ч. 2, стр. 524 и др. Съ 1713 г., кромѣ Д. П. Протасьева и М. Ѳ. Ртищева, въ числѣ судей состоятъ Г. П. Петрово-Соловово и И. И. Леонтьевъ (ib., т. III, ч. 2, стр. 745); съ 1715 г.—Ѳ. И. Замыцкій (т. V, ч. 2, стр. 783).

[4]) М. А. М. Ю., дѣла Сената, кн. 1/641, л. 133 (А. Н.).

Какое число судей обычно присутствовало на засѣданіяхъ сказать нельзя, въ виду того, что въ протоколахъ съ 1713 г. писалось: „Правительствующаго Сената сенаторы (или сенаторъ) и справныхъ дѣлъ судьи, слушавъ . . . выписки, приговорили“ [1]). Съ того же года Расправная палата имѣетъ особый составъ для канцелярскихъ работъ и появляется „канцелярія расправныхъ дѣлъ“; но, однако, еще въ августѣ 1715 г., Расправной палатѣ приходится писать Сенату, что „въ Расправной палатѣ денегъ никакихъ въ сборѣ нѣтъ, а о жалованьи палаты дьяку и подьячимъ и солдатамъ нужда немалая, и о томъ Правительствующій Сенатъ что повелитъ?“ [2]). Иначе говоря, эта канцелярія, подобно другимъ, не была нѣсколько лѣтъ благоустроена, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи своего содержанія; она притомъ не была постоянна и по своему составу, какъ, впрочемъ, и канцелярія самого Сената. Одно доношеніе судей означенной палаты отлично характеризуетъ состояніе этой канцеляріи, а равно и отношеніе палаты къ Сенату. Въ этомъ доношеніи судьи говорятъ, что „въ тое палату присланы многіе Его Царскаго Величества указы и челобитчиковъ и фискальскія дѣла о разныхъ дѣлахъ и нынѣ непрестанно множатся, а подьячихъ въ той палатѣ малое число, только 4 чел., въ томъ числѣ средней статьи Алексѣй Красовскій, который присланъ отъ вашего высокородія (т. е. отъ Сената), изъ канцеляріи Сената, и сидитъ многіе годы, и оный Красовскій къ дѣламъ заобыклый, а безъ повелительнаго указу отъ вашего высокородія онаго въ старые подьячіе опредѣлить собою не смѣемъ; того ради просимъ вашего высокородія, дабы повелѣно было оному подьячему вашимъ указомъ опредѣлить (sic) въ тое палату изъ средней статьи въ старые подъячіе. И о томъ высокородные сіятельные господа Правительствующаго Сената что повелите?“ Сенатъ приказалъ быть ему „старымъ подьячимъ“, по усмотрѣнію судей, буде онъ этого достоинъ [3]).

Въ другомъ доношеніи отъ 4 іюля 1715 г. палата жалуется, что у ней нѣтъ копій съ именныхъ указовъ, новоуказныхъ статей, писцоваго наказа и пр., а также, что изъ канцеляріи Сената не послано указовъ въ Москву „въ правленіе Сената“ (т. е. въ канцелярію сенатскаго правленія) и въ губерніи губернаторамъ, „на комъ

[1]) Док. и пр. Пр. Сената, т. III, ч. 2, стр. 524, 1124 и м. др.
[2]) Ibid., т. V, ч. 2, стр. 793 и сл.
[3]) М. А. М. Ю., дѣла Сената, кн. 35/35, л. 565—568 (А. Н.).

надлежитъ (съ вершеныхъ дѣлъ) взять въ Расправную палату пошлинныхъ, штрафныхъ и канцелярскихъ денегъ и истцовыхъ исковъ“ и пр. и заканчиваетъ свое доношеніе словами: „и о присылкѣ съ именныхъ Царскаго Величества указовъ копій и помѣстныхъ и вотчинныхъ статей и писцоваго наказа въ Расправную палату и о посылкѣ въ Москву и въ губерніи указовъ Правительствующій Сенатъ что повелитъ?“ Сенатъ приказываетъ отослать изъ своей канцеляріи въ Расправную палату всѣ требуемыя копіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, постановляетъ „послать въ губерніи и приказы Его, Великаго Государя, указы, дабы, по посланнымъ изъ Расправной палаты указамъ о присылкѣ дѣлъ и о правежѣ штрафовъ, или какихъ исковъ, исправляли въ тѣхъ губерніяхъ и приказахъ неотложно“ [1]. Въ другой разъ палата входитъ въ Сенатъ съ доношеніемъ, въ которомъ указываетъ, что когда „для турецкой войны“ велѣно было сбирать съ разныхъ чиновъ по полтинѣ, то Сенатомъ было предписано „тотъ сборъ вѣдать и сбирать по сказкамъ и по переписнымъ книгамъ 186 года въ канцеляріи у расправныхъ дѣлъ, а въ губерніяхъ тѣ деньги губернаторамъ, собирая, присылать въ канцелярію къ расправнымъ дѣламъ помѣсячно съ именными вѣдомостями“. И къ тому сбору въ ту канцелярію присланы по указу изъ ратуши пріемщики (такіе-то), у которыхъ въ пріемѣ „полтинныхъ денегъ“ (столько-то), да съ пріемщиками было прислано 6 счетчиковъ, между тѣмъ, нынѣ ихъ осталось 4, въ томъ числѣ „2 чел. за старостью, серебряныхъ денегъ не считаютъ, а принимаютъ мѣдныя“. Ввиду этого, Сенатъ приговорилъ послать указъ, „велѣть къ пріему денегъ и въ счетчики прислать изъ купечества добрыхъ и пожиточныхъ людей, за выборомъ, не замотчавъ, а прежнихъ по книгамъ ихъ счесть“ и т. д. [2]. Приговоромъ своимъ отъ 12 марта 1718 г. Сенатъ приказываетъ въ Расправной палатѣ завести „записную книгу поданнымъ отъ челобитчиковъ о разныхъ дѣлахъ челобитнымъ“ [3].

Всѣ эти, какъ и многія другія, данныя ясно показываютъ, что Расправная палата не представляла собою какого-либо самостоятельнаго учрежденія, состоящаго при Сенатѣ, а была его судебнымъ департаментомъ. Конечно, „расправныхъ дѣлъ судьи“ сами рѣшали

[1]) Док. и пр. Пр. Сената, т. V, ч. 2, стр. 621.
[2]) Ibid., т. IV, ч. 1, стр. 308 и сл.
[3]) М. А. М. Ю., кн. 12/522, л. 18 (А. Н.).

дѣла, имъ переданныя изъ Сената; но о дѣлахъ, о которыхъ „начнутся розыски", они должны были доносить Сенату, не приводя въ исполненіе своего приговора, причемъ Сенатъ-же разрѣшалъ и всѣ вопросы, возникавшіе при обсужденіи тѣхъ или иныхъ дѣлъ, отданныхъ имъ на разсмотрѣніе Расправной палаты. Въ Сенатъ, напримѣръ, поступило прошеніе Василія Языкова, который,—указавъ на то, что у него въ Расправной палатѣ велось дѣло по челобитной, отосланной туда Сенатомъ для рѣшенія, —заявляетъ, что „по тому челобитью все, что ни надлежитъ быть, изслѣдовано, токмо вящаго рѣшенія и понынѣ онъ, Языковъ, не имѣетъ отъ судьи Замыцкаго, для его къ нему, Языкову, недоброжелательства" и приводитъ затѣмъ доказательства этого недоброжелательства. Сенатъ, приговоромъ отъ 19 февраля 1718 г., постановляетъ „противъ вышесказаннаго челобитья учинить въ Расправной палатѣ указъ судьямъ вновь опредѣленнымъ..., а судьѣ Замыцкому того дѣла не вѣдать" [1]). Въ 1715 г. Расправной палатѣ понадобился къ розыску „попъ Иванъ, старецъ Андроникъ и дьяконъ Ѳедоръ" и о высылкѣ ихъ къ митрополиту рязанскому и муромскому былъ посланъ указъ съ подьячимъ, но „митрополитъ указа того не принялъ, а сказалъ: дѣло, которое онъ, митрополитъ, вершилъ, въ Расправной палатѣ перевершено"; затѣмъ съ тѣмъ же указомъ былъ посланъ изъ палаты „дьякъ, но и того указа онъ, преосвященный митрополитъ, не принялъ же, а сказалъ: дѣло архангельскаго попа съ невѣсткою и со внукомъ, которое онъ, митрополитъ, въ Москвѣ вершилъ, въ Расправной палатѣ перевершено и за что, гнѣваяся на судей, того указа не принялъ; и затѣмъ тому розыскному дѣлу учинилась остановка; и о томъ Правительствующій Сенатъ что повелитъ?" Сенатъ самъ постановляетъ тогда приговоръ объ отправленіи изъ Расправной палаты указа о высылкѣ означенныхъ лицъ, видоизмѣняя, впрочемъ, первый указъ палаты въ томъ смыслѣ, что о высылкѣ „попа и старца" долженъ быть посланъ указъ въ монастырскій приказъ, а дьякона „къ нижегородскому архіерею" [2]), не рѣшаясь, очевидно, снова безпокоить гнѣвающагося на судей рязанскаго митрополита.

Какъ уже сказано, Сенатомъ отсылались „къ расправнымъ дѣламъ" челобитья, къ нему поступавшія, при чемъ бывали

[1]) М. А. М. Ю., кн. 12/522, л. 13—17.

[2]) Док. и пр. Пр. Сената, т. V, кн. 2, стр. 734.

случаи, что сами челобитчики просили объ этомъ. Такъ, напримѣръ, фискалъ Санинъ былъ недоволенъ рѣшеніемъ приказа земскихъ дѣлъ по дѣлу его съ новокрещенымъ индѣйцемъ В. Матвѣевымъ, а равно и тѣмъ, что послѣдній, „видя свою вину", перенесъ дѣло въ посольскій приказъ. Исходя изъ того, что „фискалы, по именному указу, вѣдомы судомъ и расправою въ канцеляріи Правительствующаго Сената" правильнѣе было-бы сказать „вѣдомы въ Правительствующемъ Сенатѣ" онъ проситъ взять дѣло его, „для подлиннаго вершенья, въ палату расправныхъ дѣлъ, чтобъ ему, за тѣмъ дѣломъ волочась, не быть во всеконечномъ разореніи", и Сенатъ постановляетъ—взять то дѣло въ Расправную палату [1]). Въ данномъ случаѣ, Сенатъ, по жалобѣ недовольной стороны, приказываетъ разсмотрѣть „вершеное дѣло", что вполнѣ было согласно съ его собственнымъ приговоромъ отъ 3 сентября 1713 г. Но вотъ 23 ноября того-же года оберъ-секретарь Сената А. Щукинъ входитъ въ Сенатъ съ такимъ челобитьемъ: „дѣло у него Пафнутьева монастыря, что въ Боровскѣ, съ келаремъ старцемъ А. Логинымъ о разломанныхъ сараяхъ, которые были построены на отданномъ ему того жъ уѣзда погостѣ въ патріаршѣ казенномъ приказѣ и тому дѣлу того приказа судьи указа никакого не чинятъ, а его волочатъ; а нынѣ оный келарь приличился по рекрутскому и матроскому дѣлу въ канцеляріи Правительствующаго Сената расправныхъ дѣлъ къ розыску; и Великій Государь пожаловалъ-бы его, велѣлъ то дѣло съ онымъ келаремъ взять въ канцелярію Правительствующаго Сената къ расправнымъ дѣламъ". Сенатъ въ тотъ же день удовлетворяетъ челобитье своего оберъ-секретаря, приказывая послать указъ „о взносѣ того дѣла въ канцелярію къ расправнымъ дѣламъ" [2]). Въ послѣднемъ случаѣ Сенатомъ было приказано внести въ Расправную палату „невершеное дѣло", причемъ поводомъ къ этому послужило указаніе челобитчика, что келарь—отвѣтчикъ и безъ того привлекается къ розыску въ этой палатѣ, а потому, кстати, можно же было бы разсмотрѣть въ ней и его дѣло съ Щукинымъ, хотя, согласно съ приговоромъ отъ 3 сентября 1713 г., слѣдовало-бы прежде всего понудить казенный приказъ къ разбору дѣла, а не брать самого дѣла для вершенья въ Сенатъ. Впрочемъ

[1]) Док. и пр. Пр. Сената, т. III, ч. 3, стр. 824 и сл.
[2]) Ibid., стр. 1135 и сл.

указанный свой приговоръ Сенатъ считалъ, повидимому, обязательнымъ лишь для Расправной палаты, а не для самого себя. Характерно также, что въ первой челобитной проситель говоритъ о взятіи его дѣла въ палату расправныхъ дѣлъ, въ виду того, что онъ, какъ фискалъ, „вѣдомъ судомъ и расправою въ канцеляріи Правительствующаго Сената", а во второй говорится о „канцеляріи Правительствующаго Сената расправныхъ дѣлъ", т. е. тамъ и здѣсь Расправная палата считается какъ-бы отдѣленіемъ общей канцеляріи Правительствующаго Сената. Намъ, однако, она представляется отдѣленіемъ самого Сената. Конечно, въ виду того громаднаго значенія, какое имѣла сенатская канцелярія, особенно въ первые годы существованія Сената, въ устахъ современниковъ неудивительно это смѣшеніе понятій „присутствія" и „канцеляріи" Сената.

Расправная палата постановляла, въ предѣлахъ ея компетенціи, приговоры по дѣламъ, поступавшимъ отъ Сената. Такъ, напримѣръ, въ записи приговора „сенатора М. М. Самарина и расправныхъ дѣлъ судей" отъ 26 ноября 1713 г. читаемъ, что они „приговорили штрафныя деньги, которыя были положены по мытенному дѣлу на дьяка А. Неронова и подьячаго А. Русинова, а именно 125 р., съ нихъ сложить и съ нихъ тѣхъ денегъ не править". Въ другомъ приговорѣ читаемъ, что они, „слушавъ фискальскаго доношенія и расправныхъ рѣчей", постановили „дать (нѣсколькимъ недорослямъ) сроку на 3 года для того, что они, по смотру ихъ Правительствующаго Сената сенатора М. М. Самарина и расправныхъ дѣлъ судей, явились малолѣтны, и о томъ дать имъ указъ" [1]). Изъ другихъ приговоровъ Сената видно, что то же, что въ названныхъ случаяхъ дѣлала палата, дѣлалъ самъ Сенатъ, пока не нашелъ удобнымъ для себя поручить рѣшеніе подобныхъ дѣлъ особому присутствію. Приговоры Расправной палаты могли подлежать пересмотру Сената, если онъ это находилъ нужнымъ [2]). Расправная палата такъ сливалась съ Сенатомъ, что, когда указами отъ 21 марта и 8 декабря 1714 г. были установлены судебныя инстанціи, дѣла, подлежавшія суду губернаторовъ, переносились прямо въ Сенатъ, безъ упомина-

[1]) Док. и пр. Пр. Сената, т. V ч. 2, стр. 1150, 824.

[2]) Ibid. Въ одномъ, напр., приговорѣ Пр. Сената отъ 15 сентября 1713 г. читаемъ, что „Пр. Сенатъ приговорили: приговоръ Расправной Палаты судей... отставить по тому"... (идетъ указаніе мотивовъ—ibid. III, ч. 2, стр. 745).

нія о Расправной палатѣ, хотя она продолжала существовать при Сенатѣ [1]).

Въ 1718 г., когда „учинена была на разнимательство неправыхъ вершеныхъ дѣлъ и расправы“ Юстицъ-коллегія, естественно, отъ Сената и его Расправной палаты должны были отойти указанныя дѣла, почему Юстицъ-коллегія входитъ къ Государю съ докладомъ, который Имъ и утверждается, о томъ, что надлежитъ „помѣстному приказу быть подъ управленіемъ Коллегіи юстиціи, также суднымъ и всякимъ расправнымъ дѣламъ“, причемъ дьяки и подьячіе этой палаты переводятся въ Юстицъ-коллегію, буде не опредѣлены еще по разнымъ коллегіямъ. Въ виду, однако, того обстоятельства, что Юстицъ-коллегія въ это время еще не открыла своихъ дѣйствій, Сенатъ въ слѣдующемъ году (10 января) предписалъ Расправной палатѣ рѣшать дѣла „до указа—покамѣстъ Юстицъ-коллегія въ совершенство придетъ и дѣйство свое производить будетъ“ —въ тѣхъ, конечно, цѣляхъ, чтобъ „челобитчикамъ волокиты отнюдь не было“; а Юстицъ-коллегія, въ свою очередь, дала особый указъ,—во исполненіе именного указа „въ пополнку“, о порядкѣ дѣлопроизводства въ Расправной палатѣ, опять таки „покамѣстъ Юстицъ-коллегія въ состоятельное судебное дѣйство вступитъ“. Изъ этого указа видно, что въ случаѣ, еслибъ этой палатѣ было нужно взять откуда какія-либо дѣла къ разсмотрѣнію, она должна требовать объ этомъ изъ Коллегіи юстиціи „послушные указы“. Затѣмъ, по указу Юстицъ-коллегіи отъ 3 февраля, Расправная палата должна была представлять въ коллегію ежедневно отчетъ о своей дѣятельности, т. е., иначе говоря, Расправная палата теперь не только выдѣляется, какъ видно изъ вышеприведенныхъ данныхъ, изъ Сената, но и состоитъ уже въ подчиненіи Юстицъ-коллегіи [2]). Но такое ея положеніе было временнымъ, и въ 1719 г. ея функціи выполняетъ въ С.-Петербургѣ надворный судъ, чѣмъ и объясняются архивныя записи, что „дѣло взято въ Юстицъ-коллегію изъ Расправной палаты, что нынѣ надворный судъ“ [3]).

---

[1]) П. С. З., №№ 2787, 2865; срав. Петровскій, „О Сенатѣ“, стр. 252 и сл.; Голубевъ, Расправная палата, стр. 114 и сл.

[2]) П. С. З., №№ 3224, 3274, 3285, 3297.

[3]) П. С. З., № 3403; Голубевъ, Расправная палата, стр. 114.

IV. Сенатская контора.

Созданіе коллегій многообразно повліяло на устройство Сената и, между прочимъ, принесло за собою учрежденіе Сенатской конторы, образованной, одновременно съ конторами коллегій, въ Москвѣ. Именной указъ отъ 12 января 1722 г. гласилъ, что „на Москвѣ быть для суда и управленія изъ каждой коллегіи по 1-му совѣтнику и имѣть контору для управленія дѣлъ по указамъ своей коллегіи, также судить присудныхъ его коллегіи, надъ ними по одному члену изъ Сената, и имѣть Сенатскую контору для сего управленія и исполненія указовъ сенатскихъ; симъ всѣмъ перемѣняться погодно". Указъ требуетъ затѣмъ составленія и представленія на утвержденіе Государя инструкцій для каждой изъ конторъ, въ которыхъ „въ окончаніи написать: а кто чего не можетъ рѣшить —отсылать, куда надлежитъ" [1]). Инструкція члену Сената въ Москвѣ была составлена Сенатомъ, и Его Величества собственною рукою подписана 6 апрѣля того же года. На обязанности члена лежало записываніе въ книги получаемыхъ указовъ, рапортованіе о полученіи и затѣмъ исполненіе ихъ „со всякимъ тщаніемъ, не упуская времени", съ сообщеніемъ Сенату немедленно, „что по тѣмъ указамъ исполнено, или зачѣмъ исполнить немочно", причемъ, буде Сенатомъ пришлются какіе срочные указы, то требовать исполненія ихъ въ указанное время отъ губернаторовъ и воеводъ, съ штрафованіемъ ихъ за неисполнительность и сообщеніемъ немедленно объ этомъ Сенату. То же предписывается сенатскому члену выполнять и по отношенію къ челобитнымъ, поступающимъ къ нему на Московскій надворный судъ, или конторы коллегій, въ волокитахъ. Въ случаѣ-же жалобъ на рѣшеніе дѣлъ „противно указамъ", означенному члену предоставляется такія дѣла „имать въ свою контору и рѣшать безволокитно", совмѣстно съ членами коллежскихъ конторъ, „опричь", конечно, „тѣхъ, на кого будетъ челобитье". Если приговоръ ограничивался штрафомъ,

[1]) П. С. З., № 3887; Арх. Сен., Выс. ук. и пов. въ коп., кн. 28, л. 38 и об.

послѣдній взыскивался „неотмѣнно", причемъ въ Сенатъ лишь посылались ежемѣсячно рапорты о рѣшеніи. Наоборотъ, если кто подлежалъ натуральной или политической смерти, или временной ссылкѣ на галерную работу, „тѣ дѣла и ихъ самихъ" должно было присылать въ Сенатъ. Подобно тому, какъ Сенатъ наблюдалъ за дѣятельностью коллегій, такъ и членъ Сената въ Москвѣ долженъ былъ слѣдить, чтобъ члены коллежскихъ конторъ „для отправленій дѣлъ сидѣли въ конторахъ по Регламенту, по вся дни", причемъ о времени сидѣнья своего и что въ каждый день учинено конторы должны вести журналъ, съ коего представлялись ему еженедѣльно копіи; сообщалось также, какіе указы ими получены изъ коллегій (такой же журналъ ведетъ и самъ членъ Сената, рапортуя о томъ помѣсячно Сенату). Сенатскій членъ имѣетъ около себя, „для вспоможенія въ дѣлахъ", двухъ асессоровъ „изъ лучшихъ людей"; кромѣ того, въ Сенатской конторѣ долженъ былъ быть особый прокуроръ и экзекуторъ [1]). При переѣздѣ Сената и коллегій въ Москву, что было въ 1722 г. [2]), контора Сената и ея членъ пребывали въ Петербургѣ [3]).

Для иллюстраціи отношеній Сената къ его конторѣ приведемъ нѣкоторые примѣры. Геролдмейстеръ, напримѣръ, сдѣлалъ докладъ Сенату о смотрахъ недорослей и дворянъ. Сенатъ, разсмотрѣвъ его, приговорилъ, что недоросли, являющіеся въ герольдмейстерскую контору, въ случаѣ признанія ихъ годными къ службѣ, отсылаются въ Военную коллегію, малолѣтніе и непоспѣвшіе къ службѣ — въ дома свои, причемъ впредь недоросли должны являться въ Москву, осматриваться оставшимся тамъ сенаторомъ, который поступаетъ съ ними по вышеозначенному порядку. Въ свою очередь, дворяне и офицеры, явившіеся въ Москву, представляются на смотръ „сенатору, обрѣтающемуся въ Москвѣ, который призываетъ, для скораго ихъ опредѣленія и негодныхъ отпуску, отъ Военной коллегіи нижняго военнаго суда судей". Другой указъ Сената предписываетъ не возвращать, до указа, приписанныхъ въ казну деревень дворянъ, не явившихся на службу, „кромѣ такихъ, кои по вѣдомостямъ изъ Москвы отъ сенатскаго члена не высланы по подлиннымъ докторскимъ

[1]) П. С. З., № 3951.
[2]) Сбор. Имп. Русс. Ист. Общ., т. XI, стр. 451, 465 и др.
[3]) П. С. З., №№ 4180, 4295.

осмотромъ, за болѣзньми". Сенатская контора, такимъ образомъ, въ порученныхъ ею Сенатомъ дѣлахъ дѣйствуетъ самостоятельно, но на ея рѣшенія приносятся, однако, жалобы Сенату. Какъ уже указано выше, судебная компетенція конторы была ограничена, и она не могла присуждать къ „политической и натуральной" смертной казни, къ ссылкѣ на галеры. Подотчетность конторы предъ Сенатомъ выражалась также въ обязанности представлять ей журналъ и рапорты о своей дѣятельности.

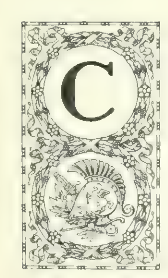
Медаль на учрежденіе коллегіи.

ГЛАВА IV.

Учрежденія и лица, состоявшія при Правительствующемъ Сенатѣ.

I. Губернскіе комиссары.— II. Фискалы.— III. Первоначальная организація надзора за Правительствующимъ Сенатомъ и генералъ-прокуроръ.— IV. Генералъ-рекетмейстеръ и его контора.— V. Герольдмейстеръ; происхожденіе должности и ея функціи.

I. Губернскіе комиссары.

Самыми ранними, одновременно съ Сенатомъ созданными, должностными лицами, состоявшими при немъ, были, какъ извѣстно, губернскіе комиссары и фискалы. Указъ 22 февраля 1711 г. о первыхъ гласилъ кратко слѣдующее: „со всѣхъ губерній въ вышеписанномъ суду, для спроса и приниманіе указовъ, быть по два комиссара съ губерніи“. Уже 7 марта, „по вѣдомости изъ Казанской и Азовской губерній“, были утверждены комиссарами первой изъ названныхъ губерній Г. Д. Плещеевъ и кн. Ѳ. И. Борятинскій, второй —В. И. Владычкинъ и Б. И. Толстой. При этомъ, по приговору 16 марта, опредѣлена была болѣе подробно и роль избранныхъ комиссаровъ, а именно приказано имъ „сказать указъ, что-бъ они въ канцеляріи Вышняго Правительствующаго Сената, для приниманія указовъ и для вопросу о нужныхъ тѣхъ губерній дѣлахъ, были всегда безотлучно и для того грамоты и вѣдѣнія о всякихъ губернаторскихъ дѣлахъ, для скорой къ губернаторамъ посылки и восприниманія отвѣтовъ,

отдавать имъ съ расписками, а имъ посылать тѣ грамоты и вѣдѣнія къ губернаторамъ съ Москвы черезъ нарочныя почты, или и съ нарочными, и получа отъ нихъ о томъ вѣдѣніе подавать въ канцелярію Сената за своими руками". Одновременно было приказано губернаторамъ тѣхъ губерній, изъ которыхъ комиссаровъ еще не опредѣлено, выслать ихъ, сообщивъ имъ также, „для чего имъ надлежитъ быть при Сенатѣ" [1]). Позднѣе были назначены комиссары другихъ губерній (С.-Петербургской П. Власовъ и И. Тормасовъ, Сибирской—кн. В. И. Гагаринъ и др.). Но, впрочемъ, не всѣ комиссары являлись къ своему дѣлу и дѣйствительно были при Сенатѣ. Такъ, напримѣръ, изъ приговора Сената отъ 27 ноября 1717 г. видно, что Сенатъ просилъ князя Меншикова, С.-Петербургскаго губернатора, прислать „въ канцелярію Сената человѣка знающаго, который могъ бы, по посланнымъ указомъ, о губернскихъ всякихъ вѣдомостяхъ отвѣтствовать", такъ какъ изъ назначенныхъ двухъ комиссаровъ отъ губерніи въ Сенатъ явился лишь одинъ Власовъ, да и тотъ былъ при дѣлѣ до 1714 г., а съ этого времени въ С.-Петербургѣ при канцеляріи Сената не былъ и „никого комиссаровъ отъ С.-Петербургской губерніи нѣтъ," а „отъ другихъ губерній при канцеляріи Сената опредѣлено по одному комиссару для принимания указовъ и всякаго отвѣтствія и за небытіемъ при канцеляріи Сената отъ С.-Петербургской губерніи комиссара, во всякихъ дѣлахъ чинится замедленіе немалое" [2]).

Такъ трудно налаживалось тогда всякое новое дѣло. Въ 1714 г. Сенатъ нѣсколько видоизмѣняетъ свой приговоръ отъ 7 марта, а именно—приказываетъ 7 іюня „всѣхъ губерній комиссаровъ по одному человѣку, которые были при канцеляріи Сената, для принятія отъ Сенату указовъ и по нихъ отповѣди, выслать со всѣми губернскими вѣдомостями,—что отправлено, и зачѣмъ чего не отправлено,—въ С.-Петербургъ немедленно, а по другому быть въ Москвѣ, и о томъ въ губерніи къ губернаторамъ послать указы, а о высылкѣ изъ Москвы писать къ г. Апухтину [3])". Приговоръ этотъ, однако, оказалось нелегко привести въ исполненіе. Въ письмѣ изъ Сената, находившагося въ Петербургѣ,

[1]) Док. и пр. Пр. Сената, т. I, стр. 10.166; П. С. З., № 2339.
[2]) М. А. М. Ю., дѣла Сената, кн. 8/66, л. 720—725 (А. Н.).
[3]) Док. и пр. Пр. Сената, т. IV, ч. 1, стр. 468.

къ оставленному въ Москвѣ сенатору В. А. Апухтину, читаемъ, что, хотя по вышеписанному приговору и велѣно выслать въ Петербургъ по одному комиссару „изъ тѣхъ, которые при сенатской канцеляріи, а по другому (комиссару) оставить въ Москвѣ при канцеляріи сенатскаго правленія", но комиссаръ отъ Московской губ., Сидоръ Есиповъ, „увѣдавъ тоѣ посылку, съ Москвы бѣжалъ и живетъ въ деревнѣ своей и по посланному указу изъ канцеляріи сенатскаго правленія въ Москвѣ огурствомъ своимъ не поѣхалъ и учинился ослушенъ, за что онъ, за такое своевольство и ослушаніе, подлежитъ великаго штрафа и отнятія деревни его на Великаго Государя и послать за нимъ, Есиповымъ, подьячаго и другихъ, за его прогоны, изъѣзду, по наказу". Черезъ три мѣсяца Сенату приходится посылать „другіе указы" о прибытіи въ Петербургъ нѣкоторыхъ комиссаровъ (въ томъ числѣ и указаннаго выше Есипова) [1], и такія его требованія повторяются неоднократно. При этомъ сами губерніи назначали, вмѣсто 2-хъ комиссаровъ, одного, и Сенату снова приходилось напоминать о выборѣ другого, „человѣка добра, кого-бы на такое дѣло стало" [2]).

Какъ видно изъ текста Петровскаго указа и сенатскаго приговора, приведенныхъ выше, губернскіе комиссары должны были являться посредниками между Сенатомъ и губерніями. Изъ практики ихъ взаимныхъ отношеній можно указать рядъ примѣровъ, иллюстрирующихъ это. Приведемъ лишь немногіе. Въ 1716 г., напримѣръ, Сенатъ отдаетъ комиссарамъ указы о высылкѣ въ С.-Петербургъ рекрутъ съ ландрихтерами. Указы вручаются подъ расписку восьми комиссарамъ всѣхъ губерній, кромѣ Петербургской, не имѣвшей тогда комиссара, причемъ отъ нихъ требуется отправка этихъ указовъ безъ всякой проволочки, по губерніямъ, съ нарочными, на почтовыхъ [3]). Или, напримѣръ, въ 1718 г. Сенатъ приказываетъ „взять въ Москвѣ у комиссаровъ всѣхъ губерній вѣдѣніе, что изъ тѣхъ губерній въ С.-Петербургское адмиралтейство, на нынѣшній годъ, запасовъ, а именно—масла, вина, мяса, сала, сухарей, гороху и крупъ, подрядомъ, или сбирая съ уѣздныхъ, заплачено, и

[1]) Док. и пр. Пр. Сената, т. IV, ч. 2, стр. 702, 830.

[2]) Ibid., стр. 768.

[3]) Ibid., т. VI, ч. 1, стр. 302. Изъ расписокъ, данныхъ комиссарами, видно, кто тогда занималъ эти должности.

буде подрядомъ —кто имяны подрядчики, и на которые сроки поставить подрядились, и по подряду своему на тѣ сроки поставили-ль и буде не поставили —зачѣмъ, и нынѣ тѣ запасы гдѣ у нихъ обрѣтаются, также и сборный съ кѣмъ имяны отправленъ, и въ которыхъ мѣсяцахъ и числахъ, и тѣ запасы въ адмиралтейство поставлены-ль, или чего не доставлено, и зачѣмъ не доставлено, и гдѣ нынѣ обрѣтаются, и что чего порознь; также о томъ во всѣ губерніи къ генералъ-губернаторамъ, и губернаторамъ, и вице-губернаторамъ послать указы, чтобъ они о томъ потому-жъ прислали вѣдѣніе за своими руками, безъ мотчанія" [1]).

Мы привели одинъ изъ многихъ приказовъ Сената, обращенныхъ къ губернскимъ комиссарамъ и свидѣтельствующихъ ясно о томъ, чего отъ нихъ требовалъ Сенатъ. Одновременное обращеніе къ мѣстнымъ властямъ служило какъ повѣркою свѣдѣній, доставляемыхъ комиссарами, такъ и дополняло эти свѣдѣнія въ случаѣ, если комиссары не доставляли оныхъ, или доставляли неполностью. Интересно, что губернскіе комиссары, помимо своей прямой роли, нами выше описанной, вообще были въ рукахъ Сената подвижными агентами, употреблявшимися для выполненія разнообразныхъ нуждъ. Такъ, напримѣръ, адмиралтейство жалуется, что губернскіе комиссары и плательщики провіанта подвозятъ его очень медленно, къ сдачѣ не являются и что „изъ провіанта теперь наипаче всего (дѣло было весною) нужны свиныя мяса, которыя надлежитъ солить голландскимъ усоломъ въ бочкахъ, понеже тому соленью время пришло и проходитъ, и ежели оныя свиныя мяса нынѣ присланы вскорѣ не будутъ, то впредь солить будетъ ихъ поздно и противъ удобнаго времени оныя хороши не будутъ". Сенатъ, заслушавъ это донесеніе, приговорилъ „комиссаровъ, которые отъ губерній при канцеляріи Сената, для исправленія вышеписанныхъ припасовъ, отослать въ адмиралтейство на 2 дня" [2]). Или, напримѣръ, „комиссарамъ отъ Казанской губерніи, обрѣтающимся при Сенатѣ", отдается для продажи привозная армянская икра, а также негодный клей (годный оставляется для заморскаго отпуска) [3]) и т. д.

Очень часто Сенатъ обращается къ губернскимъ комиссарамъ съ требованіемъ доставленія изъ губерній всякаго

---

[1]) М. А. М. Ю., дѣла Сената, кн. 13/523, л. 260 (А. Н.).

[2]) Ibid., кн. 38/38, л. 285—299 (А. Н.).

[3]) Док. и пр. Пр. Сената, т. III, ч. 2, стр. 492 и др.

рода денежныхъ сборовъ и дѣлаетъ ихъ отвѣтственными за невзносъ этихъ сборовъ. 6 ноября 1715 г., напримѣръ, поступило изъ посольскаго приказа въ Сенатъ донесеніе о суммахъ, которыя должны были поступить какъ въ указанный, такъ и въ малороссійскій приказы, „на положенныя окладныя дачи“ съ 5-ти губерній, причемъ въ недоимкѣ на 1713 г. оказалось изъ 158 слишкомъ тысячъ рублей болѣе 96 т. р., Сенатъ приговорилъ „за недосланныя въ посольскій приказъ на 713 годъ изъ губерній деньги тѣхъ губерній комиссаровъ бить на правежѣ въ посольскомъ приказѣ, по тѣхъ мѣстъ, какъ тѣ недосланныя деньги въ тотъ приказъ сполна отправлены будутъ“, для чего и отослать комиссаровъ этихъ губерній въ посольскій приказъ. Приказъ, въ другомъ своемъ донесеніи Сенату, отмѣчаетъ, въ какое затрудненіе ставитъ его неприсылка денегъ, въ виду того обстоятельства, что ему было „по присланнымъ Великаго Государя указамъ изъ С.-Петербурга велѣно вышеписанныя съ губерній деньги, взявъ, послать по векселямъ въ положенное годовое жалованье въ окрестныя государства къ министрамъ, такожъ и на другія нужныя дачи на Москвѣ выдать надлежитъ. И за неприсылкою съ тѣхъ губерній вышеписанныхъ денегъ министры Его Царскаго Величества, обрѣтающіеся въ окрестныхъ государствахъ, нетокмо на нынѣшній 714 годъ удовольствованы опредѣленнымъ по указу жалованьемъ, но и на прошлый 1713 годъ многимъ не додано, такожъ и въ переводѣ чрезъ векселя на нужные расходы остановка учинилась, отъ чего можетъ произойти и дѣламъ Его Царскаго Величества препятствіе“. Затѣмъ тотъ-же приказъ спрашиваетъ, въ какіе дни тѣхъ комиссаровъ бить на правежѣ (за то, что „они ничего не платятъ“), такъ какъ оказалось, что по другому сенатскому приговору они держатся уже на правежѣ въ Военной коллегіи [1]).

[1]) Док. и пр. Пр. Сената, т. III, ч. 2, стр. 1235 и сл.; IV, кн. 1, стр. 458 и сл. Изъ доклада по дѣлу видно, что въ декабрѣ 1713 г. Сенатъ приказалъ „губернскихъ комиссаровъ, за невысылкою изъ губерній на прошлые и на 713 годы въ мундирную канцелярію на строеніе мундира и амуниціи денегъ, для правежа на нихъ, отсылать въ военную канцелярію, въ недѣлѣ по два или по три дня, пока присылкою тѣхъ денегъ исправятся; понеже отъ неприсылки оныхъ денегъ то мундирное дѣло весьма остановилось. И, по помѣтѣ на томъ доношеніи дьяка Гаврила Окунькова, велѣно послать въ тое канцелярію вѣдѣніе и комиссаровъ для правежу, а держать на правежѣ въ недѣлѣ по два дня, понедѣльникъ, да четвертокъ“...

Такіе случаи были весьма часты, при чемъ иногда ихъ держали на правежѣ и при самомъ Сенатѣ [1]).

Назначались губернскіе комиссары, обычно, Сенатомъ по представленію губернаторовъ [2]), которые также входили съ представленіями о замѣнѣ ихъ другими лицами; иногда, впрочемъ, они отставлялись отъ своихъ должностей и Сенатомъ. Что касается замѣны, то, напримѣръ, казанскій губернаторъ донесъ Сенату въ 1715 г., что въ предыдущемъ году опредѣленъ изъ Казанской губ. въ Петербургъ „для отправленія казанскаго комиссарства комиссаръ Лука Нечаевъ и понынѣ онъ въ С.-Петербургѣ уже тому другой годъ, и 1 декабря сего 715 г. посланъ изъ Казанской губерніи въ С.-Петербургъ, на перемѣну Луки Нечаева, для отправленія комиссарства, изъ отставныхъ офицеровъ капитанъ Данила Лукинъ комиссаромъ“. Сенатъ, выслушавъ это доношеніе, приговорилъ быть Д. Лукину при канцеляріи Сената въ комиссарахъ, взять „у прежняго комиссара Л. Нечаева наличную остаточную денежную казну и дѣла и всякія вѣдомства и съ нимъ росписаться, а его, Луку, для счету изъ С.-Петербурга, отпустить въ Казань“ [3]).

Комиссары отъ губерній оказались весьма жизненнымъ институтомъ, который „не только сохранился и послѣ 1719 г.“ (когда произошла извѣстная областная реформа), „но сталъ“, какъ замѣтилъ справедливо изслѣдователь этой реформы проф. Богословскій, „также проводникомъ въ сообщеніи съ Сенатомъ и для провинцій: губернскій комиссаръ передавалъ сенатскіе указы и въ тѣ провинціи, которыя сформировались изъ его прежней губерніи. Но онъ пересылалъ эти указы въ провинціи черезъ губернскій столъ“ [4]).

Учрежденіе коллегій оказало и на этотъ институтъ нѣкоторое вліяніе. Въ мартѣ 1721 г. Сенатъ разсматривалъ слѣдующее доношеніе Камеръ-коллегіи: когда, говоритъ коллегія, были опредѣлены отъ губерній при Сенатѣ въ Петербургѣ и въ Москвѣ комиссары и при нихъ подьячіе съ солдатами, то было „давано имъ, и нынѣ дается, жалованье и до состоянія коллегіи (т. е. до учрежденія Камеръ-коллегіи)

[1]) Док. и пр. Пр. Сената, т. III, ч. 2, стр. 1076.

[2]) Ibid., стр. 564.

[3]) Ibid., т. VI, ч. 1, стр. 258 и сл.

[4]) М. М. Богословскій. Областная реформа Петра Великаго—Провинція 1719—27 г.г. (М., 1902), стр. 80 и сл.

Господа Сенату 19.

Писмо ваше о [illegible]
Аничкова и прочих о избав-
лении его [illegible] будет мой к
вам зело благодарю

[illegible] Алексей

[illegible] 1712

Собственноручное письмо Сенату Царевича Алексѣя Петровича 1712 г.

ко онымъ комиссарамъ присылана (была) денежная казна, для заплаты во оныя положенныя мѣста, а нынѣ оная казна изъ губерній посылается въ Штатсъ-конторъ-коллегію въ общую сумму, и онымъ комиссарамъ въ дачѣ жалованья чинятся излишніе расходы". Камеръ-коллегія, конечно, по должности своей, обязана была заботиться объ уменьшеніи расходовъ, почему ея представленіе Сенату являлось вполнѣ понятнымъ и, по существу, весьма справедливымъ. Дѣлая его, она, вмѣстѣ съ тѣмъ, „объявила свое мнѣніе" по вопросу, а именно—указала, что „въ Петербургѣ и въ Москвѣ надлежитъ опредѣлить комиссаровъ по 1 человѣку и при нихъ подьячихъ по 2, для принятія изъ Сената и коллегій и изъ канцелярій указовъ и разсылки по губерніямъ и провинціямъ присылаемыхъ изъ тѣхъ губерній и провинцій и доношеній и вѣдомостей, для подачи въ Сенатъ и въ коллегіи и въ канцеляріи. А вышеписанныхъ комиссаровъ, по приходнымъ и расходнымъ книгамъ, счесть въ Камеръ-коллегіи и, по счетѣ, отпустить въ губерніи по прежнему. И Правительствующій Сенатъ о вышеписанномъ что повелитъ?" заканчиваетъ свое представленіе коллегія. Въ Сенатѣ, заслушавъ его, „приказали согласно—учинить по мнѣнію Камеръ-коллегіи и о томъ въ Камеръ и, для вѣдома, въ другія коллегіи послать указы"[1]).

Такимъ образомъ, согласно этому мнѣнію, принятому Сенатомъ, губернскіе комиссары возвращались къ тому положенію, какое они должны были имѣть по Именному указу 22 февраля 1711 г. Въ литературѣ высказанъ взглядъ, что „съ учрежденіемъ коллегій значеніе губернскихъ комиссаровъ и потребность въ нихъ исчезаютъ и они становятся какимъ-то страннымъ учрежденіемъ для передачи корреспонденціи между центральными общегосударственными и областными учрежденіями. Здѣсь они даже собственно не имѣютъ права называться своимъ прежнимъ именемъ губернскихъ комиссаровъ при Сенатѣ, такъ какъ они стали уже теперь не при одномъ Сенатѣ, но частію, и даже наибольшею, при коллегіяхъ и другихъ равныхъ и неподчиненныхъ имъ учрежденіяхъ"[2]). Что губернскіе комиссары теряютъ свой первоначальный характеръ учрежденія, состоящаго при Сенатѣ, съ этимъ нельзя не согла-

[1]) М. А. М. Ю., дѣла Сената, кн. 2/811, л. 309—322 (А. Н.); ср. П. С. З., № 3767.
[2]) Петровскій, О Сенатѣ, стр. 97.

ситься; но то обстоятельство, что они служатъ теперь не только Сенату, но и коллегіямъ, не говоритъ въ пользу утвержденія, что „потребность въ нихъ исчезаетъ"; при Петрѣ Великомъ они, во всякомъ случаѣ, продолжаютъ принимать сенатскіе указы для пересылки въ губерніи и провинціи.

II. Фискалы.

Почти одновременно съ учрежденіемъ губернскихъ комиссаровъ при Сенатѣ создается институтъ фискаловъ. Уже въ одномъ изъ указовъ 2 марта 1711 г.,—по перечисленію тѣхъ девяти пунктовъ программы, которая была дана первоначально для выполненія Сенату, было предуказано „учинить фискаловъ во всякихъ дѣлахъ, а какъ имъ быть, пришлется извѣстіе". „Извѣстіе" это было прислано весьма скоро, такъ какъ уже въ 3-мъ пунктѣ Именного указа отъ 5 марта, наряду съ требованіемъ „выбрать оберъ-фискала, человѣка добраго и умнаго (изъ какого чина ни есть)"—содержится и опредѣленіе его обязанностей: „долженъ онъ надъ всѣми дѣлами тайно надсматривать и провѣдывать про неправый судъ, такожъ въ сборѣ казны и прочаго, и кто неправду учинитъ,—долженъ фискалъ позвать его предъ Сенатъ (какой высокой степени ни есть) и тамъ его уличить". Уличеніе имѣло, между прочимъ, своимъ послѣдствіемъ полученіе фискаломъ половины штрафа въ свою пользу, неуличеніе-же не должно было „фискалу въ вину ставить, ниже досадовать, подъ жестокимъ наказаніемъ и разореніемъ имѣнія". Подъ вѣдѣніемъ оберъ-фискала должны были состоять „провинціалъ-фискалы", имѣющіе подъ собою еще „нѣсколько нижнихъ", которые „во всемъ таку жъ силу и свободность имѣютъ, какъ и оберъ-фискалъ, кромѣ одного, что вышняго судью или генеральнаго штаба и на судъ безъ оберъ-фискала позвать не могутъ". Сенатъ долженъ былъ „объявить" оберъ-фискалу „о всѣхъ публичныхъ и генеральныхъ указахъ" [1]), т. е. оберъ-фискалу, обличающему „неправый судъ" и оберегающему интересы фи-

[1]) П. С. З., №№ 2330, 2331.

ска, естественно, должны быть извѣстны всѣ законы. Вотъ тѣ немногія и мало-опредѣленныя строки закона, относившіяся къ новому институту. Въ началѣ 1712 г. къ нимъ былъ добавленъ еще одинъ пунктъ, ставившій фискаловъ подъ вѣдомство Сената и отстаивавшій ихъ самостоятельность по отношенію къ власти губернаторовъ [1]).

Затѣмъ, путемъ практики, постоянныхъ разъясненій и дополненій, начинаетъ мало помалу развиваться указанный институтъ, играть важную роль въ царствованіе Петра, вызывать къ себѣ ненависть со стороны обличаемыхъ, а равно и надежды со стороны защищаемыхъ отъ лихоимства, неправосудія всякаго рода, обидъ и т. п. Прослѣдимъ его дальнѣйшія судьбы. Уже 6 апрѣля того же года гр. И. А. Мусинъ-Пушкинъ объявилъ Сенату, что „Его Величество, при отлученіи изъ Москвы, будучи въ домѣ его, ст. сов. и графа, по именному своему Великаго Государя указу, по вышеобъявленнымъ 5 марта пунктамъ, указалъ на Москвѣ быть оберъ-фискаломъ дьяку Якову Былинскому и сей Его Величества Государя указъ ему, Якову, сказать“ [2]). Однако, уже 29 мая Петръ шлетъ „господамъ Сенату“ такое посланіе: „понеже его величество, князь Ѳедоръ Юрьевичъ [3]), изволилъ къ намъ писать о дьякѣ своемъ Былинскомъ, дабы онаго въ фискалы не брать, того для въ фискалы выберите кого изъ царедворцевъ, добраго человѣка, а онаго Былинскаго отправьте въ Петербургъ для строенія дому его величества“ [4]). Письмо это было подано Сенату почему-то лишь 15 сентября и 20 сентября въ Правительствующемъ Сенатѣ оно, уже какъ Именной указъ отъ 15 сентября, объявлено было Былинскому, и на должность оберъ-фискала выбранъ Сенатомъ по жребію изъ царедворцевъ Михаилъ Желябужскій [5]). Затѣмъ, по Именному указу 7 апрѣля 1715 г., оберъ-фискаломъ назначенъ фискалъ Алексѣй Нестеровъ, „а прежнему оберъ-фискалу М. Желябужскому“ повелѣно „у тѣхъ дѣлъ не

[1]) По пункту 5-му указа отъ 5 января 1712 г. велѣно „фискаловъ, которые въ губерніяхъ, не вѣдать, ни деревень ихъ, губернаторамъ ни въ чемъ“, а быть имъ „вѣдомымъ“—„только въ Сенатѣ черезъ государственнаго фискала“, т. е. черезъ оберъ-фискала (П. С. З., № 2467).

[2]) Док. и пр. Пр. Сената, т. I, стр. 28.

[3]) Т. е. кн. Ѳ. Ю. Ромодановскій.

[4]) Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. XI, стр. 194.

[5]) Док. и пр. Пр. Сената, т. I, стр. 277 и сл. Такимъ образомъ, Былинскій былъ замѣненъ Желябужскимъ не въ 1712 г., какъ полагаетъ С. А. Петровскій (О Сенатѣ, стр. 105), а еще въ 1711 г.

быть, а опредѣлить его къ другимъ дѣламъ", что и исполняется Сенатомъ, назначившимъ Желябужскаго ландратомъ въ Смоленскъ [1]). Послѣ отдачи подъ судъ Нестерова, указомъ 20 февраля 1723 г. генералъ-фискаломъ былъ назначенъ полковникъ Алексѣй Мякининъ, который позднѣе (въ царствованіе Петра II) ссылается, вмѣсто смертной казни, къ которой онъ былъ приговоренъ, —въ Сибирь за неправое слѣдствіе по дѣлу кн. Меншикова [2]). Такова, въ немногихъ словахъ, судьба лицъ, стоявшихъ во главѣ фискалата при Петрѣ Великомъ.

Какъ указано, Я. Былинскій едва вступилъ въ отправленіе своей трудной должности, какъ былъ замѣненъ другимъ. Между тѣмъ, Былинскій еще 31 августа 1711 г. подалъ въ Сенатъ докладные пункты [3]), въ которыхъ просилъ Сенатъ разъяснить рядъ недоразумѣній, естественно возникавшихъ у него, въ виду неясности указа 5 марта 1711 г. Кратко обозрѣвая эти пункты, надо отмѣтить, что первый оберъ-фискалъ спрашивалъ, распространяется-ли его власть („надъ дѣлами надсматривать") на всѣ губерніи, или на одну лишь Московскую губ., а равно на патріаршіе и архіерейскіе приказы и судебныя учрежденія, на что получилъ утвердительный отвѣтъ отъ Сената; затѣмъ спрашивалъ, „сколько и изъ какихъ чиновъ должно быть провинціалъ-фискаловъ и подъ ними нижнихъ чиновъ", на что Сенатъ предписалъ ему самому сообразить, „сколько ихъ надобно къ какому дѣлу". На вопросъ, какъ быть, когда тотъ, на кого доносятъ тайно, „въ томъ запрется", и дѣло дойдетъ до очныхъ ставокъ и розыска, Сенатъ отвѣтилъ, что, если придется объявить о доносителѣ, то объ этомъ предварительно долженъ быть извѣщенъ Сенатъ; вообще же надлежитъ, „какъ возможно, доносителей ограждать и не объявлять объ нихъ, чтобы тѣмъ страхомъ другимъ доносителямъ препятія не учинить". На просьбу оберъ-фискала о скорѣйшей высылкѣ къ нему изъ Московской губерніи дѣлъ и всего того, что нужно „для усмотрѣнія неправды", Сенатъ предписываетъ послать во всѣ губерніи надлежащіе указы, съ повелѣніемъ, чтобы въ доставленіи всего, что оберъ-фискалъ

[1]) Док. и пр. Пр. Сената, т. V, ч. 1, стр. 342.

[2]) Сен. Арх., Выс. ук. и повел. кн. 24, л. 57; кн. Ф., л. 208.

[3]) Изъ напечатанныхъ докладовъ видно, что эти пункты поданы 31 августа (Док. и пр. Пр. Сената, т. I, стр. 277); въ П. С. З. они отнесены къ 10 августа (П. С. З., № 2414).

потребуетъ, „мотчанія не чинили“, при чемъ оберъ-фискалъ самъ посылаетъ указы о доставленіи ему этихъ дѣлъ, для чего ему брать приказныхъ людей „съ послушными указами отъ Сената“. Указывая на то, что уже въ данное время „отъ обидимыхъ есть принужденіе“ въ рѣшеніи ихъ дѣлъ, оберъ-фискалъ отмѣчаетъ, что „для управленія ему никого и ничего не дано, и гдѣ быть колодникамъ — не указано“, а равно онъ не знаетъ, „быть-ли, по приказному обычаю, и гдѣ“ его „судейскому столу“ и откуда будутъ даваться подводы и прогоны на случай посылокъ.

Отвѣты Сената на одни вопросы отличаются неопредѣленностью, на другіе же онъ вовсе ничего не отвѣчаетъ. Такъ, по отношенію къ вопросу, откуда брать бумагу, чернила и свѣчи, Сенатъ разрѣшаетъ давать оберъ-фискалу все это и „иную расходную мелочь“ изъ канцеляріи Сената; относительно-же колодниковъ разрѣшаетъ оберъ-фискалу „сажать ихъ въ приказахъ, гдѣ (онъ) похочетъ“, но умалчиваетъ о мѣстѣ его „судейскаго стола“, о подводахъ и прогонахъ; не отвѣчаетъ ничего оберъ-фискалу на его довольно странную просьбу объяснить ему, „для чего велѣно объявлять оберъ-фискалу о всѣхъ публичныхъ и генеральныхъ указахъ“; наконецъ, обходитъ вовсе молчаніемъ вопросы оберъ-фискала, должно ли ему дѣлать Сенату представленіе о ложныхъ доносахъ, и что чинить за неправое доношеніе. Вопросные пункты Былинскаго ясно показываютъ, въ какомъ неопредѣленномъ и неустроенномъ видѣ явился первоначально у насъ фискалатъ и въ какое затрудненіе былъ поставленъ Сенатъ при примѣненіи его на практикѣ. Очевидно, Петръ заимствовалъ изъ Пруссіи лишь идею фискалата и не взялъ за образецъ тамошняго устройства названнаго института. Интересно также, что, несмотря на то, что резолюція Сената на указанные пункты не отличалась достаточной опредѣленностью, а на нѣкоторые изъ нихъ она и вовсе не давала отвѣтовъ, оберъ-фискалу предписано по этимъ пунктамъ „чинить со всякимъ тщаніемъ неотмѣнно, а къ тѣмъ дѣламъ выбрать фискаловъ, сколько человѣкъ надлежитъ“, подавъ Сенату доношеніе, „изъ какихъ чиновъ и кто имяны выбраны будутъ“.

Затѣмъ начинается возложеніе Сенатомъ на фискаловъ разнообразныхъ порученій, т. е. происходитъ то же, что происходило первоначально и съ губернскими комиссарами. Такъ, приговоромъ Сената отъ 4 августа 1712 г. велѣно опись и оцѣнку движимыхъ и

недвижимыхъ имуществъ, отписываемыхъ въ казну „за какую вину“; или „выморочныхъ“, производить при фискалахъ, и къ тѣмъ отписямъ „имъ, фискаламъ, прикладывать руки, чтобы никто въ той описи утайки и въ оцѣнкѣ убавки (не чинилъ), а отъ нихъ, фискаловъ, впредь въ чемъ какого спору не было“. Въ октябрѣ того же года предписывается „фискаломъ смотрѣть списка всѣхъ царедворцевъ и другихъ чиновъ, которые назначены въ С.-Петербургѣ на житье, что нѣтъ-ли кого въ прописке; а буде кто имяны прописаны, и имъ (фискаламъ) о томъ въ канцелярію Правительствующаго Сената подать доношеніе“. Въ слѣдующемъ году предписывается производить при фискалахъ продажу клея, икры, „дѣлать у фискальскихъ дѣлъ шляпы, башмаки“, въ виду того, что „у фискальскихъ дѣлъ подрядчики просятъ меньше“ за нихъ, чѣмъ въ адмиралтейскомъ приказѣ, и т. д. [1]). Такъ расширяетъ Сенатъ функціи фискаловъ и въ то же время очень мало обращаетъ вниманія на разсмотрѣніе „фискальскихъ доносовъ“, вызывая 2 іюля 1713 года гнѣвное посланіе Государя, на которомъ мы уже останавливались и въ которомъ Петръ упрекаетъ Сенатъ за медленность, угрожая сенаторамъ наказаніемъ [2]). Если, съ одной стороны, Сенатъ слишкомъ расширяетъ компетенцію фискаловъ, вопреки ея первоначальной идеи тайному надзору за правосудіемъ и интересами фиска, то, съ другой, и сами фискалы неясно понимаютъ свою задачу и вмѣшиваются въ ненадлежащія дѣла, что вызываетъ 24 апрѣля того же года Именной указъ, въ которомъ повелѣвается „фискаламъ въ челобитчиковы дѣла ни въ какія не вступать, а въ неправомъ вершеньи на судью въ Сенатъ имъ, челобитчикомъ, бить челомъ самимъ, а фискаламъ до того дѣла нѣтъ“ [3]).

Фискалы, во главѣ съ оберъ-фискаломъ, состоятъ при Сенатѣ. Какъ-же устраивается Сенатомъ дѣлопроизводство по доношеніямъ

[1]) Док. и пр. Пр. Сената, т. II, ч. 2, стр. 112, 276; т. III, кн. 2, стр. 1176 сл.; 1178 сл., 558 сл.

[2]) „Понеже увѣдомлены Мы, что вы по доносамъ фискальскимъ ни единого главнаго дѣла не вершили, но все проманеваете время до времени, забывая Бога и души свои, того ради сіе послѣднее о семъ пишу къ вамъ: ежели 5 и 6 дѣлъ главныхъ, буде болѣе не успѣете (о которыхъ вамъ будутъ фискалы доносить), до ноября 1 не вершите и преступникамъ (которые для своихъ пользъ интересъ государственный портятъ) не учините смертной казни, не щадя никого въ томъ, и ежели инако въ томъ поступите, то вамъ сіе будетъ“ (Сбор. Имп. Русс. Ист. Общ. т. XI, 264 стр.).

[3]) Док. и пр. Пр. Сената, т. III, ч. 1, стр. 226; П. С. З., № 2669.

фискаловъ въ первые годы ихъ существованія до полученія ими, по Именному указу 17 марта 1714 г., своей „должности"?

Мы знаемъ, что, еще по указу 27 марта 1711 г., въ канцеляріи Сената образуется „фискальскій столъ", куда должны были поступать всѣ дѣла по доношеніямъ фискаловъ, начиная съ доношеній ихъ главы—оберъ-фискала. Одно изъ первыхъ фискальскихъ доношеній было разсмотрѣно Сенатомъ 15 октября 1712 г. и изъ него мы видимъ процедуру дѣлопроизводства въ первое время по учрежденіи фискаловъ. Еще 25 іюля было подано Сенату доношеніе отъ фискаловъ, въ которомъ значилось, что какъ подьячіе, такъ и дьяки Алексѣй Павловъ съ товарищами, „вымысломъ своимъ, и для явной своей корысти, принимали бѣглыхъ рекрутъ въ каменщики, а инымъ бѣглымъ рекрутамъ, не выписавъ и ни въ чемъ явно не справясь, давали отпускные указы", въ чемъ они сами въ Сенатѣ и повинились. Затѣмъ фискалы отыскали, „за приписью того же обличеннаго плута, дьяка Алексѣя Павлова", -и самый отпускной указъ. Дьякъ Алексѣй Павловъ былъ, черезъ нѣсколько дней по полученіи Сенатомъ донесенія, допрошенъ въ канцеляріи Сената, при чемъ ею были собраны всѣ свѣдѣнія по розыскному фискальскому дѣлу, а затѣмъ внесена была въ Сенатъ особая по дѣлу выписка, на основаніи коей съ Алексѣя Павлова присуждено „доправить штрафа 1 т. р. и половину того штрафа записать въ Его Великаго Государя казну, а другую отдать оберъ-фискалу за ихъ по тому дѣлу доношеніе" [1]). Затѣмъ, 23 октября того же года, Сенатъ приказываетъ подьячимъ собрать въ повытьяхъ всѣ фискальскія доношенія за 1711 и 1712 г.г., „снести ихъ къ запискѣ въ приказный столъ" и записать въ книгу, сдавъ подъ расписку „къ расправнымъ дѣламъ" (т. е. въ Расправную палату) старому подьячему, вѣдающему эти дѣла, что̀ дѣлать и впредь въ канцеляріи Сената [2]).

Вѣроятно, подъ вліяніемъ вышеуказаннаго письма Петра отъ 2 іюля 1713 г., негодующаго на медленность Сената въ разсмотрѣніи дѣла по фискальскимъ доносамъ, указомъ отъ 4 сентября Сенатъ требуетъ „въ Расправной же палатѣ чинить розыски и прочее управленіе по доношеніямъ фискальскимъ, не упуская времени, дабы продолженія излишняго по тѣмъ дѣламъ не было", при чемъ эта палата должна была по-

[1]) Док. и пр. Пр. Сената, т. II, ч. 2, стр. 287—290.
[2]) Ibid., стр. 294.

мѣсячно представлять въ Сенатъ „репортъ" о томъ, „коликое число фискальскихъ доношеній будетъ въ мѣсяцъ, и что по нихъ будетъ учинено, и сколько съ кого будетъ взято штрафовъ, и изъ того числа что отдано будетъ фискаламъ, и затѣмъ что будетъ во взятьѣ на Государя, или кому, и за что, учинено будетъ наказаніе, или въ какихъ дѣлахъ начнутся розыски" [1]).

Въ какомъ состояніи, однако, находилось производство дѣлъ, по доношеніямъ въ Сенатъ фискаловъ, показываетъ интересное доношеніе въ Сенатъ „провинціаръ-фискала" Артамона Ляпина (такъ нерѣдко называются въ актахъ провинціалъ-фискалы). Онъ пишетъ, что „въ отправленіи фискальскихъ дѣлъ подалъ онъ (въ Сенатъ) многія доношенія, и изъ тѣхъ доношеній по инымъ предложены на нихъ помѣты: послать указы въ разные приказы, дабы указъ учинить, а что учинено будетъ, о томъ въ канцелярію Сената взнесть вѣдѣніе: и по такимъ ихъ фискальскимъ доношеніямъ и по помѣтамъ, по посланнымъ указамъ, чинится въ ихъ фискальскомъ отправленіи медленіе и указа по многимъ по сіе доношеніе не чинятъ и вѣдѣнія въ канцелярію Сената не взносятъ; а которые люди по онымъ ихъ фискальскимъ доношеніямъ достойны бо суть вызваны быти на судъ, и такимъ продолженіемъ чинится имъ льгота, а имъ, фискаламъ, излишняя волокита", между тѣмъ, какъ „по пунктамъ" о фискалахъ (т. е. по указу 5 марта 1711 г.) на обязанности фискаловъ лежитъ „призывать на судъ предъ Сенатомъ и тамо обличать всѣхъ, кто неправду учинитъ". Ляпинъ видитъ „фискаламъ излишній подзоръ" (позоръ) въ томъ, что, хотя ихъ фискальскія доношенія подаются въ Сенатъ, однако, „многія доношенія, по поданіи, отыскиваются у подьячихъ не безъ продолженія" (т. е., попросту, хранятся ими такъ небрежно, что нескоро отыскиваются), „понеже которому подьячему которое доношеніе отдается, письменнаго лица въ томъ нѣтъ".

Въ виду вышесказаннаго, фискалы требуютъ отъ Сената „благопотребнаго подтвержденія, дабы приказали учинить ихъ фискальскимъ доношеніямъ записную книгу, и ту книгу держать, за закрѣпою дьячьею, передъ дьяками на столѣ, и каждое-бъ доношеніе, по поданіи, въ оныя книги записывать, и по помѣтамъ кому которое доношеніе подьячему сдастся, дабы каждый

[1]) Док. и пр. Пр. Сената, т. III, ч. 2, стр. 704 и сл.; ср. П. С. З., № 2710.

подьячій въ тѣхъ книгахъ подъ запискою того доношенія во взятьѣ и росписался своею рукою; а по которымъ ихъ фискальскимъ доношеніямъ посланы объ указѣ указы въ разные приказы, и по тѣмъ доношеніямъ, дабы тѣ дѣла и по тѣмъ дѣламъ кого надлежитъ, также и винныхъ, которыхъ они, фискалы, требуютъ къ обличеніямъ на судъ, взять въ Правительствующій Сенатъ, въ чемъ онъ, фискалъ, Правительствующему Сенату свидѣтельствуется симъ доношеніемъ, да не причтется ему, фискалу, въ несмотрѣніе, паче же и къ противности пунктамъ фискальскаго правленія; и о томъ Правительствующій Сенатъ что повелитъ?"... Это весьма обстоятельное донесеніе фискала Ляпина отлично рисуетъ положеніе вопроса о „фискальскихъ доношеніяхъ" въ Сенатѣ. Съ одной стороны, видно, что имъ не ведется даже реестра, что они съ трудомъ затѣмъ отыскиваются у подьячихъ и весьма медленно докладываются Сенату, а, съ другой, и докладъ дѣла Сенату, вызвавшій затѣмъ посылку въ приказы соотвѣтственныхъ указовъ, еще не гарантируетъ ихъ исполненія, да и разслѣдованія по доношеніямъ фискаловъ не производятся. Сенатъ, разсмотрѣвъ это доношеніе, приговорилъ 27 января 1714 г. „противъ сего доношенія учинить записную книгу и отдавать доношеніи съ расписками, а изъ канцелярей, въ которыя по фискальскимъ доношеніямъ посланы указы о розыскахъ и о вершеніи дѣлъ, взять вѣдѣніе, не замотчавъ, что по тѣмъ указомъ учинено"... [1]).

Разсматривая вышеприведенный указъ Сената 23 октября 1712 г. объ отдачѣ фискальскихъ доношеній въ Расправную палату, С. А. Петровскій объясняетъ это распоряженіе тѣмъ, что „Сенатъ, за ужасною массою дѣлъ, не нашелъ возможнымъ самому заниматься фискальскими дѣлами" [2]). Что Сенатъ былъ обремененъ массою дѣлъ, въ этомъ нѣтъ, конечно, сомнѣнія; едва-ли, однако, однимъ только обремененіемъ Сената объясняется его небрежное отношеніе къ „фискальскимъ доношеніямъ". Извѣстно доношеніе, поданное въ 1712 г. самому Государю тремя фискалами, во главѣ съ оберъ-фискаломъ Желябужскимъ. Жалуясь, какъ и Ляпинъ, на то, что ихъ доносы остаются безъ движенія въ Сенатѣ, и отмѣчая, что, вопреки „пунктамъ" Государя, „на судъ" имъ (изъ числа

[1]) Док. и пр. Пр. Сената, т. IV, ч. 1, стр. 65.
[2]) С. А. Петровскій, О Сенатѣ, стр. 144.

лицъ, „неправду сотворившихъ") „не токмо котораго судью, но и послѣдняго подьячаго ко обличенію не поставлено" предъ Сенатомъ, они въ заключеніе указываютъ слѣдующее: „когда", говорятъ они, „приходимъ въ Сенатъ, и отъ князей Якова Ѳедоровича (Долгорукаго), да отъ Григорія Племянникова, безо всякой нашей вины, бываетъ къ намъ, съ непорядочнымъ гордымъ гнѣвомъ, всякое немилосердіе, еще-жъ съ непотребными укоризны и поношеніемъ позорнымъ, зачѣмъ (т. е. вслѣдствіе чего) намъ, рабамъ твоимъ, къ нимъ входить опасно. Племянниковъ называетъ насъ уличными судьями, а князь Яковъ Ѳедоровичъ антихристами и плутами" [1]). Самъ Петръ позднѣе долженъ былъ сказать, что „земскаго фискала чинъ тяжелъ и ненавидимъ".

Ненависть къ фискаламъ, раздѣлявшаяся Сенатомъ вообще съ правящимъ классомъ [2]) и дѣлавшая положеніе фискаловъ невыносимымъ въ Сенатѣ настолько, что имъ временами къ сенаторамъ и „входить было опасно", —дѣлаетъ, кажется, правдоподобнымъ наше предположеніе, что Сенатъ, сдавая фискальскія доношенія въ Расправную палату, руководился не однимъ только желаніемъ избавиться отъ разсмотрѣнія ложныхъ дѣлъ, но и другими мотивами. Но Петръ нелегко отказывался отъ того, что считалъ нужнымъ для блага государства. Казнокрадство, взяточничество и всякаго рода другія преступленія, наносившія вредъ интересамъ казны и общества, неумолимо требовали надзора за дѣятельностью правительственныхъ агентовъ. Приходилось не только поддерживать дѣятельность фискаловъ, но и поощрять всячески доносы „противъ повредителей интересовъ государственныхъ и грабителей" [3]). Петръ угрожалъ сенаторамъ казнію, если они не будутъ разсматривать „фискальскихъ доносовъ"; затѣмъ, не довольствуясь этимъ, передавалъ эти доносы на разсмотрѣніе и для производства о нихъ розысковъ довѣреннымъ лицамъ, а именно въ такъ называемыя „майорскія канцеляріи" (позднѣе — въ тайную канцелярію) [4]). Въ концѣ

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XVI, изд. 3, стр. 207, 213.

[2]) Какъ у Соловьева (ibid.), такъ и у Петровскаго въ его книгѣ „О Сенатѣ" находимъ объ этомъ рядъ убѣдительныхъ фактовъ (стр. 136 и сл.). Соловьевъ приводитъ и реальныя основанія этой ненависти къ фискаламъ со стороны сенаторовъ: фискалы обличали справедливо и ихъ (ibid., стр. 207—209).

[3]) П. С. З., № 2707, 2726 и мн. др.

[4]) В. Веретенниковъ, Исторія тайной канцеляріи Петровскаго времени, Харьковъ, 1910 г., стр. 35, 41, 73, 151, 160 и др.

1713 г., когда Сенатъ отправился въ Петербургъ, велѣно было ѣхать также туда и оберъ-фискалу съ товарищами и, между другими предметами, дать „для той поѣздки подъ фискальскія дѣла 2 ящика большихъ съ нутрянными замками". А такъ какъ, при этомъ, 3 подьячихъ жаловались, что они „работаютъ въ канцеляріи Правительствующаго Сената у фискальскихъ дѣлъ безкорыстно и, будучи у тѣхъ дѣлъ, оскудѣли и одолжали, а Великаго Государя годового жалованья имъ не дано", то вѣдавшій, между прочими, и расправныя дѣла сенаторъ М. Самаринъ приказалъ дать какъ имъ, такъ и другимъ подьячимъ, работавшимъ у фискальскихъ дѣлъ, жалованье и подъемныя деньги „изъ взятыхъ по фискальскимъ доношеніямъ штрафныхъ денегъ"; въ концѣ концовъ, при этихъ сборахъ оказалось, что „фискальскія вершеныя и невершеныя дѣла" не умѣщаются въ 2-хъ ящикахъ, и было велѣно купить „сундукъ съ нутряннымъ замкомъ", да ящикъ и цѣлый запасъ всякаго рода канцелярскихъ принадлежностей и пр. [1]).

Эти мелочи, между прочимъ, показываютъ, какъ много накопилось фискальскихъ доношеній и сколько требовалось чернилъ, бумаги и перьевъ, чтобы привести ихъ къ окончанію, такъ какъ Петръ, повторяемъ, — вопреки пренебрежительному отношенію къ фискальскимъ доносамъ Сената, смотрѣлъ на эти доносы совсѣмъ иначе. Неудивительно поэтому, что какъ только оберъ-фискалъ съ своими товарищами устроился въ Петербургѣ, то, во 1-хъ, послѣдовалъ Именной указъ 17 марта 1715 г. „о должности фискаловъ", въ которомъ болѣе опредѣленно, чѣмъ въ предыдущихъ указахъ, былъ поставленъ институтъ фискаловъ, а затѣмъ была двинута къ производству вся масса фискальскихъ доношеній, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ приговоръ Сената отъ 5 апрѣля того же года.

Прежде всего остановимся кратко на этомъ приговорѣ. Имъ Сенатъ приказалъ всѣ „вершеныя и невершеныя дѣла", находившіяся въ канцеляріи Сената и въ Расправной палатѣ, вслѣдствіе доношенія оберъ-фискала и его товарищей, вмѣстѣ съ колодниками, разослать по губерніямъ, при чемъ губернаторы „по вершенымъ дѣламъ" должны на виноватыхъ немедленно править штрафы, а „не по вершенымъ дѣламъ чинить розыски безъ продолже-

[1]) Док. и пр. Пр. Сената, т. III, ч. 2, стр. 1239, 1390, 1426 и сл.

нія". Объ отсылкѣ этихъ дѣлъ дается немедленно знать оберъ-фискалу, который сообщаетъ объ этомъ провинціалъ-фискаламъ, имѣющимъ „какъ о вершеныхъ въ правежѣ штрафовъ, такъ и о невершеныхъ дѣлахъ стараніе, по преданнымъ Царскаго Величества пунктамъ". И вотъ для этого производства всѣ тѣ дѣла, о которыхъ сказано выше и „которые привезены въ С.-Петербургъ", приказано тотчасъ „послать къ Москвѣ и съ подьячими, у которыхъ тѣ дѣла были, и велѣть тѣ дѣла описать всѣ имянно со всякими подлинными очистками и съ перечневыми выписками и роздать дѣла и колодниковъ губернскимъ комиссаромъ съ расписками; а докладные выписки, по которымъ явились въ С.-Петербургѣ въ розыску колодники, оставить для вершенія въ канцеляріи Сената" [1]). Такъ ликвидировалось дѣло съ фискальскими доношеніями, поданными въ Сенатъ еще до вышеуказанной „должности фискаловъ".

Посмотримъ теперь, что внесла „должность фискаловъ" въ положеніе фискаловъ по закону и что затѣмъ происходило въ практикѣ Сената. „Должность" эта, какъ уже сказано, вообще содержитъ въ себѣ болѣе опредѣленныя положенія по отношенію къ фискаламъ, хотя и не является послѣднимъ словомъ Петровскаго законодательства о фискалахъ. Въ ней, во 1-хъ, указывается точно составъ фискалата [2]), причемъ повелѣвается „оберъ-фискалу быть при государственномъ правленіи", т. е. при Сенатѣ (какъ это ясно особенно изъ пункта 9-го „должности"). Во 2-хъ, указываются функціи фискаловъ. „Дѣйствіе же ихъ", говоритъ законъ, „сіе есть — взысканіе всѣхъ безгласныхъ дѣлъ, то есть: 1) всякія преступленія указомъ; 2) всякія взятки и кражу казны и прочее, что во вреду государственному интересу быть можетъ, какова-бъ оное имени ни было; 3) такожъ и прочія дѣла народныя, за которыхъ нѣтъ челобитчика, напр., ежели какова пріѣзжаго убьютъ, или наслѣдникъ послѣдній въ своей фамиліи во младенчествѣ умретъ, безъ завѣту духовной предковъ его, и прочія тому подобныя безгласныя дѣла, иже не имѣютъ челобитчика о себѣ".

[1]) Док. и пр. Пр. Сената, т. IV, ч. 1, стр. 290.

[2]) „Оберъ-фискалу быть при государственномъ правленіи, да съ нимъ же быть фискаломъ четыремъ человѣкомъ, въ томъ числѣ двумъ изъ купечества, которые-бъ могли купеческое состояніе тонко вѣдать, а въ губерніяхъ во всякой, при губернаторскомъ правленіи, быть по четыре человѣка, въ томъ числѣ провинціаръ-фискалу изъ какихъ чиновъ достойно, такъ же и изъ купечества, а въ городѣхъ во всѣхъ, смотря по препорціи города, быть по одному и по два человѣка" (Ibid., стр. 234 и сл.).

Провѣдывая о всемъ вышеуказанномъ, донося на преступниковъ и обличая ихъ, фискалъ, однако, не долженъ отнюдь самъ „ничѣмъ ни до кого, также и въ дѣла гласъ о себѣ имѣющія“, касаться „ни тайно, ни явно, подъ жестокимъ штрафомъ, или разореніемъ и ссылкою (смотря по дѣламъ, чего будетъ достоенъ), тако жъ какъ въ письмахъ, такъ и на словахъ, въ позывкѣ всякаго чина людемъ безчестныхъ и укоризныхъ словъ отнюдь не чинить“. При этомъ полная безнаказанность фискальскихъ доносовъ, такъ ярко выступавшая въ 3-мъ пунктѣ указа 5 марта 1711 г. и вызывавшая противъ себя нареканія современниковъ (между ними такихъ, какъ Стефанъ Яворскій [1]), здѣсь значительно ограничена. По „должности“, если фискалъ и не докажетъ всего, то это не ставится ему въ вину, такъ какъ невозможно о всемъ „аккуратно вѣдать“, т. е., во всякомъ случаѣ требуется, чтобъ въ доносѣ его было что-либо справедливое. Наоборотъ, „буде фискалъ, представя доносъ, —того, на кого онъ донесъ—ни въ маломъ не уличитъ, но всѣ доносы его будутъ неправы; однако-жъ, ежели оной то учинилъ ни для какой корысти или злобы, то взять штрафъ съ него легкій, дабы впредь, лучше осмотряся, доносили; буде же фискалъ какой ради страсти или злобы затѣетъ и передъ судомъ подлинно и истинно отъ того, на кого что взвелъ, обличенъ будетъ, то оному, яко преступнику, тожъ учинить, что довелось было учинить тому, естли бъ по его доносу подлинно виноватъ былъ“. Здѣсь какъ-бы повторяется мысль извѣстной проповѣди Стефана Яворскаго, что не доказавшій своего поклепа фискалъ долженъ самъ сложить свою голову, подобно тому, какъ копавшій кому ровъ „пусть самъ впадетъ въ онь, сынъ погибельный, чужою бо мѣрою мѣрите“...

Нечего говорить, что фискалъ по „должности“ подлежалъ,—въ случаѣ полученія взятки, недонесенія по дружбѣ, — тому же наказанію, какому подлежалъ-бы самъ преступникъ. О всѣхъ преступленіяхъ, „о которыхъ фискалы должны провѣдывать тайно и явно“, они „доносятъ оберъ-фискалу и съ нимъ будучимъ при главномъ правленіи, а въ самыхъ нужныхъ дѣлахъ и самому Царскому Величеству, а провинціаръ-фискаломъ съ товарыщи въ губерніяхъ — губернаторомъ, а прочимъ фискаломъ въ городѣхъ —оберъ-

[1]) Петровскій, О Сенатѣ, стр. 130 и сл.

комендантомъ и комендантомъ". Если послѣдніе не будутъ чинить „розыска", городовые фискалы пишутъ объ этомъ къ провинціалъ-фискаламъ, а послѣдніе сообщаютъ губернаторамъ. Могло, однако, случиться, что самъ губернаторъ или вице-губернаторъ будетъ „чинить неправый розыскъ, или самъ впадетъ въ какое прегрѣшеніе". Тогда объ этомъ долженъ „провинціаръ-фискалъ писать оберъ-фискалу съ товарыщи, а ему доносить въ Сенатѣ, а опричъ такого порядку городовымъ фискаломъ самимъ, мимо провинціаръ-фискала, губернаторомъ, такъ же и провинціаръ-фискаломъ мимо оберъ-фискала, въ Сенатъ ни о чемъ не писать и не доносить, если за ними какой не усмотритъ неправости"... Здѣсь законъ, такимъ образомъ, устанавливаетъ порядокъ восхожденія дѣлъ отъ однихъ фискаловъ къ другимъ и пытается освободить Сенатъ отъ непосредственнаго разсмотрѣнія всѣхъ фискальскихъ доносовъ, что, конечно, очень обременяло прежде Сенатъ. Частію въ тѣхъ же цѣляхъ, а частію чтобъ избѣжать изобличеній, трудно доказуемыхъ, по давности самихъ преступленій, законъ требуетъ „въ дѣлѣхъ взысканіе имѣть съ 1700 г., а далѣе (т. е. ранѣе) не починать", почему фискаламъ даются копіи указовъ, „о которыхъ съ того года вѣдать пожелаютъ".

Не касаясь обязанностей провинціалъ-фискаловъ и выборовъ въ должности, замѣтимъ еще, что законъ вноситъ серьезныя измѣненія въ вопросъ о штрафахъ, идущихъ въ пользу фискаловъ. Указъ 5 марта 1711 г. опредѣлялъ, что одна половина штрафа съ обличеннаго идетъ въ пользу казны, другая—въ пользу фискала-доносителя. Теперь вводится болѣе сложная система распредѣленія штрафовъ, благодаря которой фискалъ-доноситель получаетъ только четвертую часть. Такое уменьшеніе въ суммѣ штрафа, получаемой указаннымъ фискаломъ, объясняется, впрочемъ, не стремленіемъ умѣрить рвеніе доносителей, а необходимостью, при сложной теперь организаціи фискалата, дать участіе въ штрафахъ всѣмъ фискаламъ [1].

[1]) „Изъ штрафныхъ денегъ, которыя по фискальскимъ дѣламъ взяты будутъ, половину имать въ казну, а другую раздѣлить на двое, и одну часть изъ того отдать тому фискалу, чрезъ чье изысканіе штрафныя деньги взяты будутъ, а другую оставить на раздѣлъ общій провинціалъ-фискалу со всѣми городовыми фискалы той губерніи, изъ которой, на двадцатую часть отдѣля, присылать оберъ-фискалу съ товарищи" (Док. и пр. Пр. Сената, т. IV, ч. 1, стр. 235; ср. П. С. З., № 2786); мы цитируемъ по „Докл. и пр. Пр. Сената".

„Должность фискаловъ" была напечатана и, если одинъ экземпляръ былъ данъ „за Его Величества рукою" оберъ-фискалу Желябужскому съ товарищами, то другіе экземпляры, въ листахъ, посланы были „для вѣдома и публикованія въ народъ во всѣ губерніи", какъ, обычно, бывало при Петрѣ съ тѣми указами, которымъ онъ придавалъ важное значеніе. Особенностью „должности", сравнительно съ первоначальною ея постановкою, было теперь то, что фискалъ долженъ былъ „провѣдывать о всѣхъ оныхъ дѣлахъ тайно и явно", какъ гласилъ ея 8-ой пунктъ, между тѣмъ какъ, по указу 5 марта 1711 г., фискалъ долженъ былъ „надъ всѣми указами тайно провѣдывать". Это первоначально требовавшееся „тайное провѣдываніе" наложило, въ литературѣ вопроса, печать на характеристику фискалата, какъ тайнаго надзора [1]), и дало, между прочимъ, поводъ къ противоположенію, на этомъ основаніи, фискалата—прокуратурѣ. „Фискалы", говоритъ, напримѣръ, Н. В. Муравьевъ, „или мало пользовались своими полномочіями, или употребляли ихъ во зло, возбуждая при этомъ страхъ и ненависть способомъ своего воздѣйствія, которое почерпалось тайнымъ провѣдываніемъ и доносомъ. Напротивъ, прокуроры открыто выступаютъ въ значеніи органовъ закономѣрнаго правительственнаго надзора и при всякомъ нарушеніи закона явно протестуютъ предъ высшею властію, пріучая общество видѣть въ ихъ дѣйствіяхъ безличную охрану законности даже противъ должностныхъ ея нарушителей" [2]). Конечно, эта характеристика двухъ институтовъ вопроса вѣрна лишь постольку, поскольку дѣло идетъ о формѣ сообщенія о нарушеніяхъ закона фискалъ доноситъ тайно, прокуроръ протестуетъ явно. Но она преувеличена по отношенію къ способу провѣдыванія, который фактически уже ранѣе, а по закону—уже съ 1714 г. могъ быть и явнымъ, а не только тайнымъ. Присутствуя, напр., при описи въ казну имущества (что требовалось отъ фискала еще приговоромъ Сената отъ 1712 г.) и видя, что оцѣнка имущества дѣлается ниже ея дѣйствительной стоимости, онъ могъ это обнаружить безъ

[1]) „Сущность фискальской должности", говоритъ С. А. Петровскій, „тайный досмотръ, тайное провѣдываніе про совершенныя преступленія" („О Сенатѣ" и пр., стр. 157 и сл.).

[2]) Н. В. Муравьевъ, Прокурорскій надзоръ въ его устройствѣ и дѣятельности, М., 1889 г., стр. 288 и сл.

всякаго тайнаго разслѣдованія; мало этого, отказываясь подписать опись, онъ явно показывалъ и несогласіе свое съ ней. Конечно, если фискалы доносили о незаконныхъ тратахъ казенныхъ денегъ,—что заставляло Петра требовать отъ Сената „немедленной инквизиции и экзекуціи“ по ихъ доносамъ [1],—то дѣло едва-ли обходилось безъ „тайнаго провѣдыванія“ со стороны фискаловъ. Наоборотъ, когда фискалъ, на основаніи закона [2], входилъ въ контору крѣпостныхъ дѣлъ и осматривалъ ея дѣла и книги, „чтобъ непорядочнымъ образомъ, для злой хитрости, устроены не были“, -а затѣмъ, убѣдившись въ неправильности веденія крѣпостныхъ книгъ, доносилъ объ этомъ по принадлежности, онъ не производилъ никакого тайнаго разслѣдованія.

Несомнѣнно, нужда въ контролѣ дѣятельности правительственныхъ агентовъ была тогда такъ велика, что заставляла прибѣгать ко всякимъ мѣрамъ розыска зла, тайнымъ и явнымъ, употребляя при томъ для этой цѣли какъ фискаловъ, такъ и другихъ лицъ. Поэтому неудивительно, что объ однихъ и тѣхъ-же злоупотребленіяхъ доносятъ какъ фискалы, такъ и комиссары. Напримѣръ, комиссаръ ямскихъ строеній Архангелогородской губ. Брянчаниновъ доноситъ Петру объ „отбывателѣ“ отъ государевой службы Борщовѣ и проситъ „ради сыску его, дать (ему) солдатъ“, а „пожитки его и деревни“, по Именному указу 26 сен. 1714 г., отдать ему, доносителю; въ доношеніи-же фискала Алексѣя Нестерова читаемъ, что „черезъ нѣкоторое письменное извѣстіе провѣдалъ онъ, что кашинскіе, бѣжецкіе и углицкіе помѣщики служить не служатъ и укрываются“ (приводятся имена 14 лицъ), и проситъ послать, „оныхъ неслужащихъ для сыску, нѣкотораго доносителя, который еще такихъ-же неслужащихъ знаетъ и сыщетъ многое число“ [3]. Иначе говоря, совершенно непричастный къ дѣлу розыска комиссаръ отъ ямскихъ строеній и фискалъ приносятъ по одному и тому-же поводу свои доносы, по которымъ и дѣлается разслѣдованіе.

[1]) Въ письмѣ въ Сенатъ, отъ 16 апрѣля 1717 г., Петръ, между прочимъ, пишетъ: „также въ такихъ дѣлахъ, которыя денежной траты касаются, о которыхъ фискалы будутъ доносить, чтобъ немедленная инквизиція была и экзекуція“ (Сбор. Имп. Русс. Ист. Общ. т. XI, стр. 349). О выполненіи этого повелѣнія см. указъ Сената отъ 29 апрѣля того же года (П. С. З., № 3081).

[2]) П. С. З., № 3436, п. 36.

[3]) Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ. т. XI, стр. 294 и сл.; Док. и пр. Пр. Сената, т. IV, ч. 2, стр. 1252—1254.

Собственноручный указъ Петра Великаго отъ 16-го апрѣля 1717 г.

[illegible]

Петр

Мало этого,—злоупотребленія всякаго рода были такъ велики, а желаніе ихъ пресѣчь у Петра было такъ сильно, что въ одной запискѣ, собственноручно написанной Государемъ, у Него вырывается замѣчаніе о полномъ для Него безразличіи, кто доноситъ, лишь-бы доносъ былъ справедливъ; разница состоитъ только въ порядкѣ направленія дѣлъ по ложнымъ доносамъ. Именно, 18 января 1722 г. Государь указалъ, что „надворнымъ судамъ надлежитъ не одни расправныя дѣла дѣлать, но и прочія всѣ по доносамъ фискальскимъ, или хотя кто и не фискалъ донесетъ на кого, которые повинны они сыскивать, и, сыскавъ, послать дѣло и виноватыхъ въ тое коллегію, гдѣ кто вѣдомъ (а вмѣсто его приказать дѣло его, кому заблагоразсудятъ, для опредѣленія коллегіи), а самимъ не вершить. А ежели кто ложно донесетъ, кромѣ фискала, то тѣхъ по винамъ наказывать; а ежели фискалъ то учинитъ, то, сыскавъ, его и дѣло отсылать къ генералу-прокурору" [1]). Законъ этотъ, по существу, не былъ новостью: названный выше комиссаръ Брянчаниновъ, требуя, чтобы ему было отдано имѣніе укрывающагося отъ службы Борщова, ссылался на указъ 21 сентября 1714 г., въ которомъ, между прочимъ, было повелѣно на тѣхъ, кто не является на службу, „всѣмъ извѣщать вольно, кто-бъ какого званія ни былъ, которымъ доносителямъ всѣ ихъ пожитки и деревни будутъ отданы безъ всякаго препятія". Но сама мысль о безразличіи доношенія фискала отъ доноса не фискала, лишь-бы доносъ былъ справедливъ, нигдѣ не выражена такъ ярко, какъ въ указанной запискѣ. При такомъ безразличіи и при острой нуждѣ въ доносителяхъ, конечно, не могло на практикѣ проводиться строго требованіе отъ фискаловъ только „тайнаго провѣдыванія"; наоборотъ, кто бы и какъ бы ни провѣдалъ о преступленіи, важно было лишь раскрытіе преступленія.

Изданіе „должности" фискаловъ не остановило движенія законодательства о нихъ, при чемъ, впрочемъ, до учрежденія

[1]) Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. XI, стр. 448; ср. П. С. З., № 3880. Необходимость допускать дѣятельность частныхъ доносителей вызывалась, между прочимъ, злоупотребленіями самихъ фискаловъ. Приведемъ одно изъ многихъ архивныхъ свѣдѣній по этому вопросу. Въ 1717 г., напр., нѣкій доноситель Золотаревъ показалъ на провинціалъ-фискала А. Зиминскаго, что онъ „дѣтей своихъ въ указные годы держитъ въ домѣ своемъ и укрываетъ". Смотря на это, „также и многіе дворяне Казанской губерніи", гдѣ Зиминскій былъ фискаломъ, „дѣтей своихъ въ С.-Петербургъ не везутъ". Сенатъ постановляетъ, на основаніи этого, всѣхъ недорослей, „кроющихся отъ службы" въ числѣ 43 чел., „выслать въ канцелярію Сената за карауломъ" М. А. М. Ю., дѣла Сената, кн. 5/102, л. 1365 и сл. (А. Н.).

коллегій и института прокуратуры можно отмѣтить лишь немногія о нихъ постановленія; наоборотъ, созданіе коллегій и прокуратуры внесло много новаго въ положеніе фискаловъ, въ особенности—въ ихъ отношенія къ Сенату. Что касается времени отъ 1714 по 1718 г.г., то здѣсь можно отмѣтить указъ Сената, запрещавшій фискаламъ вступать въ подряды, „для того, что въ иныхъ подрядахъ надлежитъ имъ провѣдывать, чтобъ какихъ фальшивыхъ подрядовъ и деньгамъ передачи не было"; затѣмъ отмѣтимъ: указъ, напоминавшій фискаламъ о подачѣ мѣстнымъ правителямъ, согласно указу 17 марта 1714 г., доношеній о всякаго рода похищеніяхъ, утайкахъ государственной казны, и лишь въ случаѣ оставленія ими этихъ доношеній безъ движенія объ обращеніи въ канцелярію Сената, по тщательномъ развѣдываніи справедливости обвиненій; указъ, снова подтверждавшій необходимость записи доношеній оберъ-фискала и фискаловъ въ книги „по годамъ, и по мѣсяцамъ, и по числамъ", съ отдачею подьячимъ подъ расписки; указъ, требовавшій, опять-таки еще на основаніи указа 17 марта 1714 г., выбора фискаловъ, по пропорціи города, по одному или по два человѣка изъ купечества, съ тѣмъ, однако, разъясненіемъ, что выборы должны производиться „не изъ первостатейныхъ купцовъ и не изъ тѣхъ, которые платятъ большіе оклады, дабы не учинить въ платежѣ табельнаго оклада недобору", при чемъ выбранные освобождаются отъ уплаты податей, первостатейные-же отставляются отъ фискальскаго дѣла, буде они до этого указа были взяты въ фискалы [1]).

Съ учрежденіемъ коллегій повелѣно было „всѣмъ фискальскимъ дѣламъ быть въ Коллегіи юстиціи". Затѣмъ, 12-го января 1712 г., оберъ-фискалъ Нестеровъ входитъ въ послѣднюю съ доношеніемъ, въ которомъ указываетъ, что еще „съ начала его фискальства (т. е. съ 1712 г.) до 1715 г." [2]) было подано отъ него и другихъ фискаловъ много доношеній въ канцелярію Сената и въ Расправную палату. Эти доношенія, какъ уже сказано, были разосланы по губерніямъ, а „нынѣ посланы изъ Москвы сюда (т. е. въ С.-Петербургъ) и донынѣ въ

[1]) П. С. З., №№ 3033, 3081, 3102, 3211. Изъ архивныхъ данныхъ видно также, что въ эти годы, какъ и раньше, на фискаловъ продолжали возлагать рядъ разнообразныхъ порученій (Арх. Сен., Выс. ук. и пов. въ коп. кн. 54, л. 280 и сл., алфавитъ Елесова).

[2]) См. отчетъ объ этихъ годахъ дѣятельности Нестерова, напечатанный въ книгѣ Павлова-Сильванскаго—Проекты реформъ и пр., стр. 47 и сл., прилож. № 9.

канцеляріи Сената", гдѣ и лежатъ безъ движенія, какъ можно-бы было продолжить слова Нестерова. Позднѣе, а именно съ 1715 по 1719 г.г., въ канцеляріи-же Сената и другія учрежденія подано было вновь немало доношеній фискалами, по которымъ, однако, то вовсе рѣшеній не учинено, то, хотя рѣшенія и состоялись, но „казны и штрафовъ не отыскано". Въ виду всего этого Нестеровъ и проситъ, „для лучшаго рѣшенія, оныя дѣла вездѣ побрать безостаточно въ Коллегію юстиціи и съ повытчиками, кои у тѣхъ фискальскихъ дѣлъ есть", пославъ одновременно въ губерніи указы о скорѣйшемъ разсмотрѣніи фискальскихъ доношеній, такъ какъ „въ губерніяхъ фискальнымъ дѣламъ превеликая волокита и остановка и казна и штрафы напрасно пропадаютъ", а оберъ-фискалу съ товарищами наносится „немалое укорительное подозрѣніе, якобы фискальство ничто суть, о чемъ и въ Сенатѣ доношенія его съ немалою жалобою и неоднократно поданы-жъ и указы въ губерніи посланы, дабы рѣшеніе тамъ чинили, но и затѣмъ тако жъ творятъ и указа не чинятъ"...

Приведенное доношеніе Нестерова было доложено Петру, и, конечно, безсиліе, а частію и нерадѣніе Сената, вновь подчеркнутыя оберъ-фискаломъ, должны были вызвать тотъ или иной отвѣтъ Государя. А такъ какъ съ учрежденіемъ Юстицъ-коллегіи къ ней переходило „разнимательство неправыхъ вершеныхъ дѣлъ", то естественно было передать ей для разсмотрѣнія и фискальскія доношенія, лишь нѣсколько расширивъ ея компетенцію. Поэтому, указомъ 14 января 1719 г., было повелѣно дѣла фискальскія, вершеныя и невершеныя, собравъ и учиня реестры и пр., прислать въ Юстицъ-коллегію изъ канцеляріи Сената и другихъ учрежденій, кромѣ находящихся въ рукахъ лейбъ-гвардіи майоровъ и самого оберъ-секретаря Сената Щукина [1]). Такимъ образомъ, этимъ Именнымъ указомъ фискальскія дѣла вышли изъ сенатскаго вѣдомства, оберъ-фискалъ сталъ въ непосредственное отношеніе къ Юстицъ-коллегіи, что, между прочимъ, ясно изъ Именного указа, вскорѣ состоявшагося (послѣ передачи въ Юстицъ-коллегію фискальскихъ доношеній) и установившаго положеніе, что „по всѣмъ доношеніямъ фискальскимъ, кого надлежитъ, допрашивать въ Коллегіи юстиціи при оберъ-фискалѣ и при другихъ фискалахъ, чьи тѣ доношенія

[1]) П. С. З., № 3280.

будутъ", а также изъ указа самой коллегіи, требовавшей подачи фискалами „доношеній о самыхъ важныхъ и до великаго интереса Его-жъ Великаго Государя дѣлахъ черезъ оберъ-фискала въ государственную Юстицъ-коллегію" [1]).

Фискалы затѣмъ вводятся во всѣхъ коллегіяхъ, и глава XLV Генеральнаго регламента устанавливаетъ, какъ общее правило, что „каждому коллегію надлежитъ своего фискала имѣть, который долженъ смотрѣть, чтобъ все порядочно по даннымъ регламентамъ и указамъ управляемо было правдою и доброю ревностію; а кто въ томъ погрѣшитъ, о томъ онъ о всемъ фискальски въ коллегіи доносить долженъ, какъ его инструкція повелѣваетъ. Однакожъ, надлежитъ ему осторожно и со основательными свидѣтельствованіями поступать и никого безвинно въ подозрѣніе не вводить". Установивъ затѣмъ отвѣтственность фискаловъ, сообразно тому, по „страсти или собственной корысти ради онъ винныхъ обойдетъ" (т. е. не привлечетъ къ отвѣтственности), или сдѣлаетъ это „кромѣ вышеписанныхъ страстей", Генеральный регламентъ устанавливаетъ, что, въ случаѣ, „если онъ (фискалъ) за президентомъ (коллегіи), или кто въ небытность его управляетъ, что противнаго увидятъ, о томъ долженъ донести генеральному фискалу".

Касаясь указа, коимъ всѣ фискальскія доношенія передавались въ Юстицъ-коллегію, С. А. Петровскій говоритъ, что „когда оберъ-фискалъ перешелъ изъ Сената въ Юстицъ-коллегію, а генералъ-фискалъ еще не былъ назначенъ, то, для замѣны присутствія оберъ-фискала въ Сенатѣ, Петръ въ 1721 г. 28 января учреждаетъ помѣсячное дежурство въ Сенатѣ штабъ-офицеровъ гвардіи" [2]). Начальныя слова этого указа,—а именно слова, что „понеже государственнаго фискала вскорѣ еще выбрать не можемъ, того ради, пока оный учиненъ будетъ, опредѣляемъ по одному изъ штабъ-офицеровъ отъ гвардіи быть при Сенатѣ, перемѣняясь помѣсячно, которому отъ насъ даны пункты, что, будучи при немъ, чинить"—дѣйствительно, даютъ поводъ къ такому утвержденію. Однако, изъ пунктовъ, помѣщенныхъ въ указѣ, вполнѣ ясно, что обязанности указанныхъ штабъ-офицеровъ гвардіи въ Сенатѣ никакого

[1]) П. С. З., № 3293, 3453.
[2]) С. А. Петровскій, О Сенатѣ, стр. 107.

отношенія къ обязанности оберъ-фискала не имѣли, а лишь снимали съ оберъ-секретаря Сената Щукина надзоръ за дѣятельностью Сената [1]), почему эти офицеры являлись, такимъ образомъ, предшественниками, —по идеѣ, по крайней мѣрѣ— института прокуратуры при Сенатѣ, а не фискалата. Есть основаніе предполагать скорѣе, что здѣсь подъ наименованіемъ генералъ-фискала Петръ разумѣлъ первоначально генералъ-прокурора, можетъ быть, подъ вліяніемъ одного проекта К. Зотова, извѣстнаго уже въ то время Государю. К. Зотовъ, — какъ это указывается Павловымъ-Сильванскимъ, — „видя въ генералъ-прокурорѣ прежде всего государственнаго фискала (или генералъ-фискала)“, думалъ, что „сей чинъ (какъ и фискалы) не можетъ избыть ненависти и бремени“ и предлагалъ объявить, что „Государь принимаетъ его въ свою милостивую протекцію и оборону отъ его ненавистниковъ“. Позднѣе Петръ отвергъ эту идею смѣшенія обязанностей генералъ-прокурора съ обязанностями генералъ-фискала [2]). Вполнѣ правильно въ вышеназванномъ указѣ, —надѣляя штабъ-офицеровъ л.-гвардіи правами, которыя позднѣе принадлежали генералъ-прокурору, и говоря въ то же время, что это дѣлается, „пока учиненъ будетъ государственной фискалъ“ (т. е. генералъ-фискалъ), котораго, однако, Государь „вскорѣ еще выбрать не можетъ“,— Петръ представлялъ себѣ его еще въ роли генералъ-прокурора.

Связь, порванная между Сенатомъ и фискалатомъ, нѣсколько возстанавливается съ учрежденіемъ въ 1722 г. должности генералъ-прокурора при Сенатѣ, а еще болѣе, конечно,—съ назначеніемъ въ 1723 г. генералъ-фискала. Что касается генералъ-прокурора, то ему вмѣняется въ обязанность наблюдать за дѣятельностью фискаловъ, а именно: генералъ-прокуроръ „долженъ отъ фискаловъ доношенія, о чемъ ихъ должность есть, противъ 7 пункта о ихъ „должности“, примать и предлагать Сенату и инстиговать; также за фискалами смотрѣть, и ежели что худо увидитъ —немедленно доносить Сенату“ (пун. 4). Затѣмъ, фискалы, состоящіе при коллегіяхъ и другихъ учрежденіяхъ, должны доносить обо всемъ „своимъ прокурорамъ“. Въ случаѣ, если „прокуроры по тѣмъ доношеніямъ будутъ мѣшкать

[1]) П. С. З., № 3721.
[2]) Павловъ-Сильванскій, Проекты реформъ и пр., стр. 75, 77.

взысканіемъ чрезъ положенное время или манить, о томъ должны фискалы доносить оберъ-фискалу, а оберъ-фискалъ генералъ-прокурору", при чемъ, въ случаѣ недонесенія оберъ-фискаломъ генералъ-прокурору, дозволяется направлять доносъ прямо къ послѣднему (пун. 7 „должности генералъ-прокурора") [1].

Подчиненіе фискаловъ новому учрежденію, прокуратурѣ, толкуется нѣкоторыми изслѣдователями въ томъ смыслѣ, что съ появленіемъ этого учрежденія, „предназначеннаго для исправленія или замѣны фискаловъ", они уже были въ тѣни, въ энергіи оберъ-фискала уже не ощущалось прежней надобности и чѣмъ ярче выступили темныя стороны его дѣятельности, тѣмъ легче было свести съ ней многочисленные счеты, причемъ ставятъ это измѣненіе въ положеніи фискалата также въ связь съ дѣломъ оберъ-фискала Нестерова [2]. Дѣятельность оберъ-фискала Нестерова въ достаточной мѣрѣ раскрыта въ ученой литературѣ нашей и намъ нѣтъ основаній на ней останавливаться [3]. Замѣтимъ, однако, что нѣтъ никакой связи между его паденіемъ, а затѣмъ казнію, совершенной 24 января 1724 г., и положеніемъ фискалата по учрежденіи прокуратуры.

Создавая прокуратуру, Петръ вовсе не думалъ замѣнять ею фискаловъ, и фискалы совсѣмъ не находятся послѣ учрежденія прокуроровъ въ тѣни. Наоборотъ, какъ нѣкоторые указы Петра Великаго, такъ и образованіе должности генералъ-фискала ясно показываютъ Его желаніе поднять институтъ и дать ему условія лучшаго развитія при наличности прокуратуры. Другое дѣло, конечно, привело ли это желаніе къ чему либо положительному; но, во всякомъ случаѣ, прокуратура не должна была его замѣнить. Подчиненіе фискалата прокуратурѣ было просто результатомъ неудовлетворительнаго, по всей видимости, веденія Юстицъ-коллегіею фискальскихъ дѣлъ, почему, съ учрежденіемъ прокуратуры, въ этой коллегіи оставляются лишь тѣ изъ дѣлъ, „которыя принадлежатъ къ правленію Юстицъ-коллегіи", а остальныя всѣ разсылаются въ прочія коллегіи [4]. Затѣмъ, вскорѣ по назначеніи (20 февраля 1723 г.) полковника Алексѣя Мякинина гене-

[1]) П. С. З., № 3979.

[2]) Муравьевъ, Прокурорскій надзоръ, стр. 261 и сл.

[3]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XVI (изд. 3), стр. 207—222; т. XVIII (изд. 3), стр. 153 и сл. Краткая, но вѣрная характеристика Нестерова дана Павловымъ-Сильванскимъ (Проекты реформъ, стр. 92 и сл.).

[4]) П. С. З., № 4039.

ралъ-фискаломъ, съ опредѣленіемъ его ранга „противъ оберъ-прокурора Сената“, т. е. въ четвертомъ классѣ, тогда какъ, по Табели о рангахъ, „оберъ-фискалъ государственный“ состоялъ въ седьмомъ классѣ (въ одномъ классѣ съ экзекуторомъ Сената), что само по себѣ уже показываетъ желаніе Петра возвысить служебное положеніе генералъ-фискала, — былъ данъ общій указъ, опредѣлявшій ранги чиновъ фискалата. А именно, указъ 22 февраля того же года опредѣлялъ „быть генералъ-фискалу въ классѣ противъ генералъ-майора, оберъ-фискалу государственному въ классѣ бригадирскомъ“ и т. д., при чемъ повелѣвалось одновременно „въ Сенатѣ всѣмъ членамъ учинить свои мнѣнія“ и подать затѣмъ Государю „о рангахъ провинціалъ-фискаловъ“, результатомъ чего явился указъ 23 ноября слѣдующаго года [1]).

Мотивировка, вызвавшая введеніе въ Табель о рангахъ фискаловъ, во главѣ съ генералъ-фискаломъ, ясно показываетъ желаніе Петра поднять вообще служебное значеніе фискаловъ, при чемъ Государь видитъ одну изъ причинъ ихъ печальнаго состоянія въ томъ, что они были выбираемы „изъ самыхъ нижнихъ людей“, теперь-же они опредѣлены „изъ знатныхъ офицеровъ“ [2]); говоримъ — одну, такъ какъ изъятіе Петромъ фискальскихъ дѣлъ изъ вѣдомства Сената и передача ихъ Юстицъ-коллегіи показываетъ ясно, что не одни фискалы были виновны въ плохомъ служеніи государственнымъ интересамъ.

Во всякомъ случаѣ, всѣ указанныя мѣры не говорятъ о желаніи Петра замѣнить фискаловъ прокуратурою, а дальнѣйшія распоряженія о направленіи фискальскихъ дѣлъ, по учрежденіи должности генералъ-фискала, показываютъ, что институтъ этотъ при Петрѣ Великомъ, до конца Его царствованія, не оставался

[1]) П. С. З., №№ 4170, 4602.

[2]) „Понеже фискалы, въ началѣ распорядка статскихъ дѣлъ, вскорости были выбраны изъ самыхъ нижнихъ людей, безъ свидѣтельства, которые ранговъ не имѣли, кромѣ оберъ-фискала, которые нынѣ явились въ великихъ преступленіяхъ и злодѣйствахъ. А нынѣ опредѣлены фискалы изъ знатныхъ офицеровъ, того ради ихъ ранги опредѣлены слѣдующіе...“ (П. С. З., № 4170). Самъ порядокъ выбора въ должности генералъ-фискаловъ показываетъ желаніе видѣть на этомъ посту достойнаго человѣка, а именно—въ началѣ 1723 г. Государь указалъ искать въ генералъ-фискалы и въ оберъ-фискалы „добрыхъ людей и для того объявить всѣмъ коллегіямъ, ежели кто знаетъ къ оному дѣлу достойныхъ, кои таковыхъ-бы писалъ въ кандидаты и имена прислать на Генеральный дворъ“. Изъ 4 представленныхъ Сенатомъ кандидатовъ Петръ остановилъ свой выборъ на А. Мякининѣ (Петровскій, О Сенатѣ, стр. 109).

въ тѣни. Такъ, Сенатъ, по представленію Мякинина, велѣлъ оставить въ должности „провинціалъ-фискаловъ тѣхъ, которые не были въ подозрѣніи, а на мѣсто подозрительныхъ опредѣлить достойныхъ", представивъ въ Сенатъ ихъ реестръ. Затѣмъ было опредѣлено, по вступленіи генералъ-фискала въ должность, какъ изъ Сената, такъ „изо всѣхъ коллегій и канцелярій, и изъ надворныхъ и провинціальныхъ судовъ, гдѣ какія фискальскія и доносителевы доношенія невершеныя есть, описавъ, всѣ отослать къ нему, генералъ-фискалу" [1]). Генералъ-фискалъ сталъ, какъ раньше стоялъ оберъ-фискалъ, въ непосредственное отношеніе къ Сенату. Это какъ будто возвращеніе къ старому порядку, несмотря на всѣ недостатки сенатскаго правленія по отношенію къ фискальскимъ доношеніямъ; но здѣсь есть и разница болѣе высокое положеніе генералъ-фискала, сравнительно съ положеніемъ прежняго оберъ-фискала, имѣло цѣлію, вмѣстѣ съ поднятіемъ общаго значенія по службѣ фискаловъ, дать генералъ-фискалу бо̀льшую самостоятельность, не разрывая, однако, совсѣмъ связи съ единственнымъ „управительнымъ" учрежденіемъ Имперіи. Петръ и поддерживалъ всегда фискаловъ, какъ учрежденіе, въ виду гнетущей необходимости искоренять, хотя бы путемъ фискальскихъ доношеній, злоупотребленія всякаго рода, вошедшія, ко вреду государства и общества, въ нравы тогдашнихъ людей и учрежденій и заставлявшія такъ усиленно поощрять всякаго рода доносы [2]).

Организуя фискалатъ, какъ государственное учрежденіе, и требуя отъ фискаловъ, подъ тяжкою отвѣтственностью, закономѣрныхъ дѣйствій, Петръ хотѣлъ руководить ихъ дѣятельностью, какъ Онъ руководилъ дѣятельностью самого Сената, различныхъ майорскихъ канцелярій, Тайною канцеляріею [3]) и др., руководилъ съ неусыпною, поразительною энергіею и постоянствомъ. Но эта энергія мало помогала въ борьбѣ съ закоренѣлыми общественными язвами. На эту борьбу притомъ не хватало ни людей, ни учрежденій, почему естественно, –при печальныхъ условіяхъ тогдашняго времени и при нетерпѣливомъ желаніи Петра такъ или иначе искоренить зло неправосудія, казнокрадства и т. п.,— не приходилось отказываться отъ помощи наличныхъ учрежде-

[1]) Петровскій, О Сенатѣ, стр. 147.

[2]) А. Н. Филипповъ, „О наказаніи по законодательству Петра Великаго", стр. 245 и сл.

[3]) Веретенниковъ, „Исторія Тайн. канцеляріи", гл. II и V.

ній. Да и эти учрежденія, дѣйствуя даже совмѣстно, были часто безсильны въ борьбѣ. Приведемъ одинъ изъ многихъ примѣровъ.

Въ концѣ декабря 1723 г. фискалъ Угличской провинціи, Михаилъ Акиншевъ, донесъ прокурору на мѣстныхъ воеводу и камерира, обвиняя ихъ въ переборахъ съ купечества и съ крестьянъ, при взиманіи податей и налоговъ, въ подлогахъ въ рекрутскомъ наборѣ, въ незаконномъ освобожденіи изъ тюремъ воровъ и разбойниковъ, въ допущеніи примиреній челобитчиковъ съ отвѣтчиками, во избѣжаніе уплаты пошлинъ съ ихъ исковъ, въ нарушеніи правилъ о гербовой бумагѣ, въ злоупотребленіяхъ по постройкѣ мундирной одежды, въ неправильной поставкѣ и продажѣ соли, въ незаконной заготовкѣ обуви, растратѣ провіанта, въ невыдачѣ уѣзднымъ людямъ квитанцій о внесеніи ими казенныхъ сборовъ, въ нетребованіи отчетовъ съ кабатчиковъ черезъ бурмистровъ. Затѣмъ, вопреки закону, воевода не давалъ фискалу требуемыхъ имъ копій съ указовъ, не допускалъ его къ осмотру дѣлъ и не принималъ его доношеній, въ чемъ слѣдовали за воеводою въ городахъ бурмистры съ товарищами, отчего „и изъ купечества фискалы стали быть непослушны" ему, провинціальному фискалу. Вотъ, въ нѣсколькихъ словахъ, сущность тѣхъ многихъ обвиненій, какія извлечены относительно указанныхъ лицъ проф. Ѳ. В. Тарановскимъ изъ „Актовъ Угличской провинціальной канцеляріи" за 1719 26 г.г. [1]). Изъ дальнѣйшаго обзора дѣла видно, что даже совмѣстное дѣйствіе фискалата, прокуратуры и частію суда мало помогало разрѣшенію вопроса, насколько воевода и камериръ были виновны въ взводимыхъ на нихъ преступленіяхъ по службѣ. Прокуроръ, получивъ донесеніе фискала, направилъ его, согласно закону, для изслѣдованія въ Ярославскій надворный судъ; послѣдній 24 декабря 1723 г. послалъ воеводѣ указъ, чтобы онъ по прежнимъ и будущимъ доношеніямъ фискала чинилъ „слѣдованіе и рѣшеніе" по указамъ и по Генеральному регламенту, выдавалъ фискалу слѣдуемыя копіи съ указовъ, принималъ доношенія, и представилъ бы объясненія, почему не было произведено разслѣдованія по прежнимъ доношеніямъ фискала. На этотъ указъ — какъ и слѣ-

[1]) Труды Ярославской губернской архивной комиссіи. Москва. 1908 г., книга V, стр. XVI и сл.

довало ожидать воевода отвѣчалъ молчаніемъ, почему черезъ 7 мѣсяцевъ ему былъ посланъ второй указъ, на который онъ отвѣтилъ черезъ мѣсяцъ, при чемъ, „въ сущности говоря", какъ справедливо указано тѣмъ-же Ѳ. В. Тарановскимъ, „отписывался отъ взводимыхъ на него обвиненій". Хотя эта „отписка" воеводы и показалась суду неудовлетворительной, но судъ, лишь черезъ годъ почти послѣ донесенія фискала Акиншева и представленія прокурора Корина, нашелъ нужнымъ поручить изслѣдованіе дѣла постороннему лицу, „кромѣ ихъ, воеводы и камерира, понеже-де по тѣмъ доношеніямъ и до нихъ, воеводы и камерира, нѣсколько касатися будетъ немалое число". Назначивъ для этого слѣдствія Пошехонской провинціи асессора А. Заборовскаго, судъ послалъ воеводѣ указъ, чтобъ „воевода съ товарищи и камериръ и фискалъ и другіе, что до кого будетъ касаться", ему „въ подлежащемъ были послушны безъ всякаго спору"; но Заборовскому пришлось до начатія слѣдствія вступить въ длинную переписку съ воеводою объ отводѣ помѣщенія, о присылкѣ документовъ и дѣлъ и пр. Однако, пока посылались эти требованія, былъ полученъ Именной указъ отъ 4 декабря 1724 г., по которому всѣ дѣла по фискальскимъ доношеніямъ должны были быть переданы генералъ-фискалу Мякинину „и за тѣмъ-де Его Императорскаго Величества указомъ оный капитанъ Заборовскій тѣхъ дѣлъ не изслѣдовалъ"...

„Учрежденіе прокуратуры дѣлало излишнимъ" существованіе столь неудовлетворительнаго института, какъ институтъ фискаловъ, полагалъ изслѣдователь „прокурорскаго надзора" въ Россіи [1]); но многіе факты изъ исторіи прокуратуры показываютъ, что, въ тяжелыхъ условіяхъ тогдашней дѣйствительности, одна прокуратура немногаго могла добиться. Во всякомъ случаѣ, при Петрѣ Великомъ она имѣла въ фискалахъ помощниковъ, благодаря донесеніямъ коихъ нерѣдко возбуждались преслѣдованія о преступленіяхъ по должности.

[1]) Муравьевъ, Прокурорскій надзоръ, стр. 265.

III. Первоначальная организація надзора за Правительствующимъ Сенатомъ и генералъ-прокуроръ.

Какъ уже не разъ указывалось, дѣятельность Сената съ первыхъ дней его основанія протекала подъ бдительнымъ надзоромъ Государя, причемъ личное Его обаяніе, съ одной стороны, могущество Его власти, съ другой, являлись важнѣйшими факторами въ направленіи этой дѣятельности. Одинъ изъ иностранцевъ, имѣвшихъ случай касаться этой дѣятельности въ своихъ донесеніяхъ, а именно французскій комиссаръ въ Петербургѣ де-Лави (De la Vie), живо воспроизводитъ предъ нами значеніе этихъ факторовъ. Въ донесеніи отъ 29 апрѣля 1717 г. онъ, напр., пишетъ, что „вражда между Сенатомъ и кн. Меншиковымъ продолжается, слѣдствіемъ чего являются безпорядки, которые могутъ быть прекращены только присутствіемъ Его Царскаго Величества"; въ донесеніи отъ 5 іюня онъ сообщаетъ, что кн. Меншиковъ передалъ Сенату письмо Государя, который жалуется на дурное управленіе дѣлами государства, особенно на медленность Сената при выполненіи Его повелѣній, и говоритъ, что за это накажетъ Сенатъ Богъ, а самъ Онъ по возвращеніи разберетъ поведеніе Сената и накажетъ виноватыхъ, вслѣдствіе чего „всѣ члены этого знаменитаго учрежденія находятся въ невыразимомъ страхѣ (la consternation parmi ceux, qui composent cet illustre corps, est inexprimable)" [1]). Одинъ изъ нашихъ историковъ дѣлаетъ вѣрное замѣчаніе, что „вообще птенцы Петра Великаго, смирные, ручные при Немъ, съ яростью клевали другъ друга, лишь только Онъ слеталъ съ гнѣзда и оставлялъ ихъ съ общаго согласія вѣдать и вершить дѣла Имперіи" [2]).

Можно значительно умножить сказанія современниковъ и обобщенія ученыхъ, сводящіяся къ признанію громаднаго личнаго вліянія Государя на дѣла управленія. Но Государь часто и подолгу отсутствовалъ изъ государства, и какъ ни пристально всматривался

[1]) Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. XXXIV, стр. 181 и сл., 218; срав. также стр. 247, 319.
[2]) М. И. Семевскій, „Царица Прасковья" (С.П.Б. 1861 г.), стр. 112.

Онъ изъ своего далека въ дѣянія сотрудниковъ, все-таки не могъ искоренить ихъ вражды между собою, вредившей ходу дѣлъ, а также казнокрадства, взяточничества и пр. Петръ, съ Его свѣтлымъ умомъ, съ Его громадной наблюдательностью, не могъ также не замѣтить, что однѣ угрозы наказаніями и даже сами наказанія были недостаточны для исправленія всѣхъ золъ тогдашняго управленія; они притомъ вырывали, или могли вырывать, у Него самыхъ дѣятельныхъ и способныхъ работниковъ. Онъ сознавалъ, что помочь дѣлу можетъ лишь организація постояннаго надзора за дѣятельностью лицъ и учрежденій, не исключая отсюда и самого Сената. Но въ первые годы по учрежденіи Сената такого надзора не было еще создано по отношенію къ „любимому дѣтищу" Петра, а Государь довольствовался собственными воздѣйствіями на работу Сената. Чѣмъ болѣе, однако, отвлекался Петръ Великій путешествіями и войнами отъ непосредственнаго наблюденія надъ Сенатомъ, чѣмъ болѣе, съ теченіемъ времени, развивалась и усложнялась дѣятельность Сената, тѣмъ ощущительнѣе сказывалась нужда въ особомъ органѣ надзора. Практика западныхъ учрежденій, съ которой разными путями знакомился Петръ Великій, говорила, что, наряду съ личнымъ вліяніемъ государей, въ государствѣ благоустроенномъ должна дѣйствовать планомѣрная система учрежденій, контролируемыхъ и de jure отвѣтственныхъ.

Прошло, впрочемъ, почти четыре года (послѣ учрежденія Сената), прежде чѣмъ была сдѣлана слабая попытка къ организаціи этого контроля надъ Сенатомъ, при чемъ эта попытка не была первоначально удачна. Именно,—27 ноября 1715 г. Сенату были объявлены четыре,—по обыкновенію, ничего неимѣвшіе между собою общаго,—пункта, изъ которыхъ первый гласилъ: „объявливается Василій Зотовъ чиномъ генеральнаго ревизора, или надзирателя указовъ, дабы все исполнено было и, ежели кто не исполнитъ, въ такое время, кому возможно въ то время исполнить, или указъ точный имѣетъ съ срокомъ, на того объявлять въ Сенатѣ, а онымъ немедленно штрафовать оныхъ, и то дѣло довершивать; буде-же въ Сенатѣ въ томъ манить станутъ нѣсколько или всѣ, то на нихъ Намъ доносить. Онъ долженъ имѣть столикъ въ той же избѣ, гдѣ Сенатъ сидитъ, и записывать указы, и держать онымъ прото-

колъ, которому со всѣхъ указовъ сообщенныя копіи, за подписаніемъ сенатора мѣсячнаго, даваны да будутъ" [1]).

Приведенный нами указъ, по своей неясности, можетъ поспорить съ извѣстнымъ указомъ 5 марта 1711 г., кратко говорящимъ о фискалахъ. Первыя слова указа говорятъ лишь о надзорѣ генеральнаго ревизора за выполненіемъ указовъ и о доношеніи объ этомъ Сенату, т. е. вовсе не касаются дѣятельности самого Сената, и только тогда, когда сенаторы не обратятъ вниманія на доношеніе генералъ-ревизора, онъ получаетъ право донесенія на нихъ Государю, между тѣмъ какъ цѣль созданія должности не могла ограничиться только понужденіемъ сенаторовъ къ наблюденію за выполненіемъ указовъ, а должна была простираться и на самую ихъ дѣятельность; иначе ему не для чего было бы присутствовать въ засѣданіяхъ Сената и онъ могъ бы довольствоваться полученіемъ копій съ указовъ и слѣдить за ихъ исполненіемъ, какъ это и замѣчено уже въ литературѣ вопроса.

Не лучше, чѣмъ положеніе фискаловъ въ Сенатѣ, было первоначальное положеніе генеральнаго ревизора и въ другихъ отношеніяхъ. Именной указъ, собственноручно подписанный Петромъ, повелѣвалъ отвести ему столикъ въ Сенатѣ и давать копіи съ указовъ; затѣмъ, ему было, по Именному-же указу, велѣно имѣть для письма двухъ подьячихъ. Однако, болѣе чѣмъ черезъ полгода, въ письмѣ въ Сенатъ, отъ 6 іюня 1716 г., В. Н. Зотовъ пишетъ, что, несмотря на этотъ указъ и выборъ имъ этихъ подьячихъ—о чемъ онъ подалъ уже два письма въ Сенатъ —„оныхъ двухъ человѣкъ подьячихъ и по се число не опредѣлено, только по тѣмъ письмамъ по словесному вашего превосходительства (т. е. сенаторовъ) приказу опредѣленъ изъ молодыхъ подьячихъ Иванъ Кирилловъ, которому письменнаго дѣла одному управить не можно. Прошу вашего сіятельства и превосходительства опредѣлить для письма другого подьячаго С. Маслова" [2]). Сенатъ приговорилъ отдать ему просимаго подьячаго.

Если здѣсь мало-внимательное отношеніе Сената къ „генеральному ревизору" проявляется въ мелочахъ, то то же можно констатировать и въ крупныхъ вопросахъ. Черезъ мѣсяцъ съ

[1]) П. С. З., № 2957.
[2]) Док. и пр. Пр. Сената, т. VI, ч. I, стр. 504.

небольшимъ послѣ этого эпизода, Зотовъ пишетъ Макарову, что, когда имъ было объявлено сенаторамъ объ отправленіи въ Кенигсбергъ подьячихъ, согласно письму Макарова, „на то никакого рѣшенія не учинили, только разговаривали между собою, надобно-де выбрать въ посылку надъ тѣми людьми надзирателя", при чемъ добавляетъ, что и „прежъ сего объ ономъ отправленіи письменно и словесно г.г. сенаторамъ я объявлялъ". Въ концѣ августа того же года пишетъ Зотовъ уже самому Петру, что, хотя онъ и предложитъ къ исполненію сенаторамъ Высочайшее повелѣніе, „только", заявляетъ онъ прямо, „я знаю, что по тому моему предложенію не учинятъ никакого рѣшенія, какъ и по прежнимъ моимъ предложеніямъ о другихъ дѣлахъ, а говорятъ, будто препятствуетъ имъ въ такихъ дѣлахъ то, что къ нимъ особливо нѣтъ писемъ" [1]). Послѣднее было, несомнѣнно, только отговоркою со стороны сенаторовъ, такъ какъ имъ не въ первый разъ приходилось исполнять приказанія Петра, переданныя Сенату третьимъ лицомъ. Мало этого. Сенаторы не выполняли точно даже указы Петра о дачѣ Зотову копій съ состоявшихся указовъ, какъ это видно изъ письма Государя къ Сенату отъ 21 августа того же 1716 г.: „господа Сенатъ, пишетъ къ Намъ генеральной ревизоръ Зотовъ, что вы къ его дѣламъ съ указовъ выписки, а не копіи отдаете, и не со всѣхъ указовъ, но выборомъ, и не въ тѣхъ числахъ, въ которыхъ состоялись, но спустя многіе дни, того для, по полученіи сего указу, ревизору Зотову давайте списки съ указовъ слово въ слово, а не выписками, такъ, какъ въ данномъ вамъ указѣ о семъ написано" [2]).

Таково было отношеніе къ Зотову со стороны Сената уже въ первое время по образованіи его должности, почему не является вовсе преувеличеніемъ мнѣніе Н. П. Павлова-Сильванскаго, что „Петръ нисколько не заботился о томъ, чтобы новыми указами поднять его значеніе или усилить его власть" [3]). Между тѣмъ, не только по образованіи этой важной должности (какъ видно изъ предыдущаго), но и позднѣе, Петръ продолжалъ давать Зотову всякаго рода порученія, требовавшія, конечно, скораго исполненія, для чего,

[1]) Гос. Арх., разр. IX, Каб. II, № 27, л. 198 и сл., 202.

[2]) Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. XI, стр. 337.

[3]) Н. П. Павловъ-Сильванскій, Проекты реформъ, стр. 73 и сл.; Петровскій, О Сенатѣ, стр. 160 и сл.

въ свою очередь, лицо, предъявлявшее Сенату такія требованія, должно было обладать извѣстнымъ авторитетомъ. Нельзя же думать, что Петръ хотѣлъ держать В. Зотова въ должности „надзирателя указовъ“ только потому, что онъ сообщалъ Ему о дѣйствіяхъ Сената; для этого у Петра были и другія лица. Изъ писемъ, характеризующихъ роль Зотова въ Сенатѣ, остановимся, напр., на весьма интересномъ письмѣ Макарова къ Зотову отъ 2 іюня 1715 г. Въ этомъ письмѣ Макаровъ,—сообщивъ Зотову, что „Его Царскому Величеству довольно докучаютъ письма адмиралтейскихъ совѣтниковъ, а тако-жъ г. кн. Черкасскаго“ о невысылкѣ къ нимъ денегъ, вслѣдствіе чего у нихъ „всѣ дѣла останавливаются,“—добавляетъ: „и о томъ принужденъ къ вамъ писать, дабы вы о томъ ихъ сіятельствамъ (и) превосходительствамъ, г.г. высокоправительствующимъ сенаторамъ, предложили, дабы они впредь такихъ жалобъ до Его Величества въ такомъ дальномъ отлученіи, паче-жъ за наступающею трудною кампаніею, не допускали; ежели-же впредь такія жалобы сюда до Его Величества будутъ, то я мню, что или вы двое съ г. Щукинымъ, или другіе, которые о тѣхъ дѣлахъ не радѣютъ и не доносятъ ихъ сіятельствамъ и превосходительствамъ о рѣшеніи оныхъ, конечно, будутъ жестоко отвѣчать, и для того не извольте на меня гнѣваться, что такъ вамъ дерзновенно пишу“. Въ началѣ 1717 г. Макаровъ, сообщая Зотову копіи именныхъ указовъ, посланныхъ въ Сенатъ, извѣщаетъ его, что хотя имъ и получены челобитныя дьяка Воронова и другихъ (очевидно, посланныя Зотовымъ), но онъ не рѣшился ихъ доложить Государю, „за слабымъ здоровьемъ“, и что дѣло уже уладилось иначе. Въ другомъ письмѣ, извѣщая Зотова, что имъ, Макаровымъ, получено его письмо, — въ которомъ Зотовъ писалъ, между прочимъ, о томъ, что котлинская гавань къ нынѣшней зимѣ не поспѣетъ, и указывая, что Его Величество объ этомъ уже знаетъ „черезъ письма высокоправительствующихъ господъ Сената“, Макаровъ проситъ Зотова: „впредь о нужнѣйшихъ дѣлахъ, подобныхъ сему, извольте заранѣе, хотя вкратцѣ, сюда писать, для извѣстія Его Царскому Величеству, а особливо Его Царское Величество изволитъ спрашивать“ у него, Макарова, „иногда извѣстія о исполненіи Его именныхъ указовъ, что по которымъ учинено, или зачѣмъ не учинено, а какіе отсель посылаются указы въ

Правительствующій Сенатъ: по сему вы извольте освѣдомляться отъ нихъ, а въ губерніи какіе указы будутъ отсель посылать, и съ тѣхъ сообщимъ вамъ копіи и, каковы указы нынѣ посланы къ кому, съ тѣхъ писемъ прилагаются копіи"[1]).

Ограничиваясь даже лишь указанными письмами, мы все же ясно видимъ, что Зотовъ игралъ не только роль корреспондента Государя, но, получая копіи указовъ Его, долженъ былъ слѣдить за ихъ исполненіемъ со стороны Сената. Почему-же, однако, не было дано ему соотвѣтствующихъ полномочій и Сенату не напоминалось строго о необходимости слушаться его распоряженій, основанныхъ на Высочайшихъ повелѣніяхъ? Почему, кромѣ того, около него не было образовано никакого служебнаго персонала и самому ему не дано столь обычныхъ при Петрѣ „пунктовъ" или инструкціи, сколько-нибудь точно опредѣляющей предметы его вѣдомства, отношеніе къ Сенату, устанавливающей, наконецъ, порядокъ производства дѣлъ? Кажется, въ отвѣтъ на все это можно лишь сказать, что ни въ моментъ созданія должности, ни нѣсколько лѣтъ спустя (до учрежденія прокуратуры) у Петра не было еще ничего готоваго по вопросу объ организаціи контроля надъ Сенатомъ и другими учрежденіями, тогда возникавшими, и Онъ только еще работалъ надъ вопросомъ объ этой организаціи, съ помощью, между прочимъ, одного изъ своихъ заграничныхъ корреспондентовъ, а именно Конона Зотова, брата „генералъ-ревизора". Письмо Конона Зотова, какъ доказываетъ это Павловъ-Сильванскій, написанное къ брату еще въ 1716 г. и требовавшее усиленія власти генералъ-ревизора, послужило, по мнѣнію того же автора, „однимъ изъ источниковъ знаменитаго закона Петра о „Должности генералъ-прокурора"[2]). Правда, генералъ-ревизоръ,—„что нынѣ во Франціи называется генералъ-прокуроръ", какъ выражается Зотовъ[3]),—долженъ былъ имѣть (согласно этому письму) такую власть надъ Сенатомъ, какой не былъ надѣленъ по своей „Должности" позднѣе генералъ-прокуроръ. Такъ, онъ могъ перевершать „всякія дѣла, которые худо вершатся" сенаторами, —могъ не только „укорять и

[1]) Гос. Арх., разр. IX, Каб., т. II, ч. I, черновая переписка А. Макарова, л. 90 об., л. 155 об.; л. 181 и об.

[2]) Н. П. Павловъ-Сильванскій, Проекты реформъ, стр. 73—75.

[3]) Само письмо это, написанное въ 1716 г. и поданное затѣмъ, въ 1721 г., въ переработанномъ видѣ, Петру, см. ibid., приложеніе № 6, стр. 68 и сл.

281

Собственноручный указъ Петра Великаго Сенату
отъ 21-го января 1718 г.

уличать Сенатъ и доносить Государю", но даже и „штрафовать" сенаторовъ; но письмо, во всякомъ случаѣ, по мнѣнію указаннаго автора, послужило „однимъ изъ матеріаловъ при выработкѣ этого закона" [1]). Надо при этомъ отмѣтить, что, еще во время своего пребыванія въ Парижѣ въ 1717 году, Государь имѣлъ случай получить нѣкоторыя представленія объ институтѣ прокуратуры. Онъ присутствовалъ 19 іюля на торжественномъ засѣданіи парламента (grande chambre), гдѣ чины парламента и его прокуратуры привѣтствовали Государя, а генералъ-адвокатъ де-Ламуаньонъ, занимавшій прокурорское мѣсто, сказалъ, какъ представитель французской прокуратуры, отъ имени всѣхъ ея чиновъ, рѣчь, въ которой поздравилъ „парламентъ съ высокою честью Царскаго въ немъ присутствія" и вполнѣ справедливо, конечно, утверждалъ, что „такъ какъ исторіи суждено передать потомству подвиги и доблести этого героя, то храмъ правосудія долженъ включить настоящій день въ число славнѣйшихъ дней своихъ, а лѣтописи парламента всегда сохранятъ о немъ воспоминаніе" [2])... Въ слѣдующемъ году извѣстный Генрихъ Фикъ, въ одномъ изъ своихъ проектовъ, совѣтовалъ учредить особаго начальника канцеляріи Сената и поставить его наравнѣ съ сенаторами, а въ описаніи шведскаго государственнаго устройства, сдѣланномъ по порученію Петра, указывалъ, что при шведскомъ сенатѣ съ 1714 г. состоитъ особенное лицо, наблюдающее за правосудіемъ и исполненіемъ указовъ, имѣющее право при этомъ „каждому, ради его поступку, выговаривать" [3]). Все это, въ совокупности, могло направить мысль Петра на необходимость созданія у насъ института прокуратуры, во главѣ съ генералъ-прокуроромъ, состоящимъ при Сенатѣ.

Надо замѣтить, что Петръ не взялъ буквально ни проекта Зотова, ни Фика, а пытался приспособить къ нашимъ условіямъ предлагаемые образцы новой должности, при чемъ самъ написалъ знаменитую „Должность генералъ-прокурора", нѣсколько разъ ее передѣлывая и измѣняя. Нельзя также не обратить вниманія на то, что занятый множествомъ другихъ дѣлъ Государь могъ серьезно приняться за выработку этой „Должности" не ранѣе 1721 г. и закончилъ ее въ началѣ 1722 г. До этого же времени у Него

[1]) Н. П. Павловъ-Сильванскій, Проекты реформъ, стр. 75—77.
[2]) Н. В. Муравьевъ, Прокурорскій надзоръ, стр. 268.
[3]) С. А. Петровскій, О Сенатѣ, стр. 167 и сл.

не было выработано ничего вполнѣ опредѣленнаго по вопросу объ организаціи контроля надъ Сенатомъ, хотя и продолжала ощущаться острая нужда въ немъ, и тотъ же Зотовъ доносилъ Царю позднѣе, а именно въ 1718 г., о крупныхъ непорядкахъ въ дѣлопроизводствѣ Сената [1]). Но, повидимому, первый „генералъ-ревизоръ“, этотъ предшественникъ генералъ-прокурора, не былъ въ глазахъ Государя настолько довѣреннымъ и близкимъ лицомъ, чтобъ онъ могъ рѣшиться вручить ему сильную надзирающую власть надъ Сенатомъ, не говоря уже о томъ, что Петру самому въ это время не была вполнѣ ясна организація этой власти. Всѣмъ этимъ вмѣстѣ, какъ намъ представляется, объясняется затруднительное и неопредѣленное положеніе В. Зотова въ Сенатѣ, окончившееся, впрочемъ, уже въ 1719 г., когда онъ пересталъ появляться въ засѣданіяхъ Сената. Но нужда въ контролѣ заставляетъ Петра временно возложить въ началѣ 1720 г. обязанности „надзирателя указовъ“ на оберъ-секретаря Сената А. Щукина, что онъ и несетъ до своей смерти, послѣдовавшей въ 1720 г.; затѣмъ въ началѣ слѣдующаго года тѣ-же обязанности исполняютъ, по очереди, штабъ-офицеры гвардіи [2]), причемъ эти обязанности также были мало опредѣлены въ подробностяхъ.

Въ одномъ „краткомъ экстрактѣ о поступкахъ сенатскихъ изъ указовъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Его Императорскаго Величества Петра Великаго, состоявшихся за подписаніемъ Его Величества собственныя руки“, экстрактѣ, хранящемся въ Государственномъ архивѣ, находимъ изображеніе перемѣнъ въ организаціи надзора за Сенатомъ, интересное, какъ выраженіе взглядовъ современника на вопросъ. „Когда Его Императорское Величество“, читаемъ въ первомъ пунктѣ экстракта, „соизволилъ усмотрѣть въ Сенатѣ непорядки, тогда оберъ-секретарю соизволилъ дать инструкцію, какимъ поряд-

[1]) „Въ бытность мою при Сенатѣ по многимъ указамъ не исполнено и, хотя сенаторамъ я неоднократно доносилъ, но тѣ мои доношенія уничтожены. Велѣно господамъ сенаторамъ съѣзжаться въ канцелярію и, ежели кто не будетъ, на томъ брать штрафу за каждый день 50 рублей; этотъ указъ постоянно не исполняли, о чемъ значится въ повседневной запискѣ. По указу 1714 г. велѣно въ Сенатѣ въ войскахъ и губерніяхъ всѣмъ дѣламъ составлять протоколы и безъ того отнюдь не дерзать, а въ Сенатѣ по протоколамъ дѣлъ рѣшено, до моего прибытія, одно, да при мнѣ въ 3 года 3 дѣла. Годовыя вѣдомости въ Сенатъ ни откуда не присылаются.... Въ недосылкѣ изъ губерній денегъ, съ 714 г. по нынѣшній, близъ $1^1/_2$ милліона рублей“ и т. д. (Соловьевъ, Исторія Россіи, т. 16, стр. 161).

[2]) П. С. З., №№ 3519, 3721.

комъ имъ дѣла слушать; а ежели кто изъ членовъ Сената противно того учинитъ, то ему, все покинувъ, иттить тотчасъ и объявить Его Величеству, гдѣбъ быть не изволилъ, а во отлученіи Его Величества писать именно". „А какъ Его Императорское Величество изволилъ усмотрѣть", читаемъ далѣе, что „оберъ-секретарское смотрѣніе въ томъ несильно, тогда указалъ гвардіи майору при томъ быть съ перемѣною помѣсячно" (дальше идетъ изложеніе того, что добавлено было „къ должности оберъ-секретарской", согласно указу 28 января 1721 г.). „А понеже въ перемѣнныхъ гвардіи майорахъ Его Императорское Величество изволилъ усмотрѣть, во исполненіи Его указовъ, недостатокъ, того ради въ 1722 г. въ Сенатѣ опредѣлилъ генерала и оберъ-прокуроровъ" [1]), давъ имъ инструкцію (идетъ ея изложеніе). Здѣсь, въ немногихъ словахъ, но ясно изображены перемѣны въ организаціи порядка надзора за Сенатомъ, причемъ, въ общемъ, вѣрно указано исканіе Петромъ лучшихъ способовъ этой организаціи.

Изъ всѣхъ указовъ Петра относительно организаціи контроля надъ Сенатомъ врученіе надзора за нимъ штабъ-офицерамъ кажется, съ перваго взгляда, особенно удивительнымъ. Оно указываетъ прежде всего на то, что Петръ въ это время еще не остановился ни на какомъ опредѣленномъ лицѣ, коему можно было бы вручить полномочіе по веденію этого контроля, а затѣмъ и на то, что все еще въ Его распоряженіи не было разработаннаго плана реформы. Затѣмъ это распоряженіе заставляетъ насъ остановиться вообще на роли штабъ-офицеровъ гвардіи, въ качествѣ довѣренныхъ лицъ Государя. Важная роль эта можетъ быть не разъ и многообразно отмѣчена въ царствованіе Петра. Всюду, и въ центрѣ, и въ областяхъ, мы встрѣчаемъ гвардейскихъ офицеровъ, исполняющихъ многочисленныя и нерѣдко очень трудныя порученія. Не касаясь ихъ роли въ провинціи [2]), отмѣтимъ, что, въ концѣ 1717 г., былъ образованъ въ столицѣ цѣлый рядъ канцелярій подъ вѣдомствомъ лейбъ-гвардіи офицеровъ, которымъ новѣйшій изслѣдователь даетъ, не безъ основанія, общее наименованіе „майорскихъ розыскныхъ канцелярій" [3]). Въ эти канцеляріи, какъ уже отмѣчалось,

[1]) Гос. Арх., разр. XVI, № 154, л. 63 и сл.

[2]) Объ этой роли см. у М. М. Богословскаго: Областная реформа и пр., стр. 313 и сл.

[3]) Веретенниковъ, Исторія Тайной канцеляріи, стр. 28 и сл., стр. 41.

передавались фискальскія доношенія, съ которыми Сенатъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ, не справлялся самъ и держалъ ихъ безъ движенія, при чемъ гвардейскимъ офицерамъ дается полномочіе „пытать и всячески слѣдовать“, а Сенату предписывается давать „нѣкоторыхъ изъ канцелярій асессоровъ и подьячихъ, гдѣ (т. е. въ Сенатѣ) безъ препятствій оные указы не письмомъ только, но и дѣломъ исправлялись подъ опасеніемъ жестокаго отвѣта“. Затѣмъ въ этихъ канцеляріяхъ ведутся дѣла противъ первыхъ трехъ пунктовъ, т. е. важнѣйшія дѣла: 1) о какомъ зломъ умыслѣ противъ персоны Его Царскаго Величества, 2) о возмущеніи или бунтѣ, 3) о похищеніи казны [1]).

Такимъ образомъ, лейбъ-гвардіи офицеры пріобрѣтаютъ извѣстную опытность въ разсмотрѣніи какъ политическихъ, такъ и „интересныхъ“, говоря языкомъ того времени, дѣлъ (т. е. касающихся интересовъ казны, съ которыми тогда мало церемонились): здѣсь испытывается ихъ вѣрность Монарху, вообще питавшему, по справедливому замѣчанію одного изъ нашихъ историковъ, „къ гвардіи необыкновенную любовь и довѣріе“ [2]). Гвардейскіе офицеры играютъ большую роль въ розыскѣ по дѣлу царевича Алексѣя и за это щедро награждаются [3]). Примѣру Петра слѣдуютъ Его сановники, такъ, сенаторъ и Камеръ-коллегіи президентъ, извѣстный кн. Д. М. Голицынъ, въ пунктахъ, представленныхъ Петру, рекомендуетъ, между прочимъ, „для добраго основанія въ соляной прибыли въ тѣ мѣста, гдѣ соль варится у самосадка, для досмотру и къ слѣдствію прежней описи, гдѣ что не въ совершенствѣ, послать отъ гвардіи офицеровъ 6 человѣкъ, а паче въ Астрахань и въ Сибирь“ [4]). Положеніе въ тогдашнемъ обществѣ гвардейскихъ чиновъ,—по большей части, какъ извѣстно, происходившихъ изъ родовитаго дворянства, —было таково, благодаря довѣрію къ нимъ Государя, что сенаторы, какъ и другіе высшіе чины Имперіи, рисковавшіе попасть легко подъ ихъ слѣдствіе, относились къ нимъ съ подобострастіемъ, удивлявшимъ иноземцевъ [5]). Но если штабъ-офи-

[1]) П. С. З., № 2877.

[2]) Богословскій, Областная реформа, стр. 312.

[3]) Сборникъ Имп. Русс. Ист. Общ., т. XI, стр. 376 и сл.

[4]) Ibidem., т. XI, стр. 380.

[5]) Тотъ же де-Лави, донесенія котораго о Сенатѣ приводилось уже нами выше, говоря о порученіи слѣдствій надъ знатнѣйшими подданными простымъ офицерамъ, выражаетъ тѣмъ не менѣе удивленіе, „что члены Сената встаютъ со своихъ мѣстъ

церы гвардіи вели слѣдствія и призывали къ отвѣту сенаторовъ внѣ Сената, то было послѣдовательно посадить ихъ въ Сенатъ, по крайней мѣрѣ, до выработки общаго закона о контролѣ надъ Сенатомъ, и заставить слѣдить за сенаторами въ самыхъ стѣнахъ его. Мы замѣтили выше, что контроль ихъ былъ также мало опредѣленъ въ подробностяхъ, какъ и контроль генералъ-ревизора, или оберъ-секретаря Сената. Однако, степень довѣрія къ нимъ была чрезвычайна, почему указъ весьма значительно повышалъ полномочія ихъ, сравнительно съ правами генералъ-прокурора: эти офицеры могли въ извѣстныхъ случаяхъ „арестовать" сенатора и отвести въ крѣпость, „а потомъ дать знать" объ этомъ Государю, причемъ штабъ-офицеръ долженъ былъ „чинить сіе нелицемѣрно, а ежели пренебрежитъ, то лишенъ будетъ всего и къ тому смертію казненъ или шельмованъ будетъ" [1]). Конечно, помѣщеніе штабъ-офицеровъ въ Сенатѣ было мѣрою временною, какъ это и оговаривается въ законѣ, но эта мѣра не представляла собою ничего необыкновеннаго и явилась естественнымъ слѣдствіемъ того положенія, какое занимали при Государѣ гвардейскіе офицеры, вообще исполнявшіе всякаго рода порученія.

Послѣ долговременной разработки законопроекта о генералъ-прокурорѣ, разработки, къ которой Петръ приложилъ немало собственныхъ усилій, Государь далъ наконецъ, 27 апрѣля 1722 г., знаменитую „Должность генералъ-прокурору". Но „Должности" этой предшествовалъ, однако, еще указъ 12 января того-же года, въ которомъ, наряду съ перемѣною состава сенаторовъ, говорилось впервые и о томъ, что „надлежитъ быть при Сенатѣ генералъ-прокурору и оберъ-прокурору, также во всякой коллегіи по прокурору, которые должны будутъ репортовать генералъ-прокурора". Упомянувъ затѣмъ, что также „надлежитъ быть при Сенатѣ рекетмейстеру, экзекутору и герольдмейстеру", указъ добавляетъ, что „нынѣ ни въ чемъ такъ надлежитъ трудиться, чтобъ выбрать и Мнѣ представить кандидатовъ въ вышеписанные чины; а буде, за краткостью времени, всѣхъ нельзя, то,

передъ лейтенантомъ и относятся къ нему съ подобострастіемъ („chose étonnante pourtant de voir un Sénat se lever debout et faire des soumissions basses à un lieutenant"), какъ это случилось на дняхъ, и что достоинство Имперіи до такой степени унижено" и пр. (Сбор. Имп. Русс. Ист. Общ., т. XXXIV, стр. 289).

[1]) П. С. З., № 3721.

чтобъ въ президенты коллегій и въ генералъ и оберъ-прокуроры выбрать, что необходимая есть нужда до наступающаго карнавала учинить, дабы постомъ исправиться въ дѣлахъ было мочно; въ сіи чины дается воля выбирать изо всякихъ чиновъ, а особливо въ прокуроры, понеже дѣло нужно есть“ [1]). Однако Государь не хотѣлъ ждать выборовъ и уже черезъ 6 дней послѣ этого указа, а именно 18 января, подписалъ въ Преображенскомъ рядъ назначеній, и въ томъ числѣ: Павла Ягужинскаго въ генералъ-прокуроры, Григорія Скорнякова-Писарева въ оберъ-прокуроры, пополнивъ одновременно предъидущій указъ повелѣніемъ: „прокурорамъ быть и въ надворныхъ судахъ“ [2]). Въ появившейся черезъ нѣсколько дней, а именно 24 января, „Табели о рангахъ“ предуказано высокое положеніе чиновъ генералъ и оберъ-прокурора Сената: рангъ перваго, говоря языкомъ того времени, отнесенъ къ третьему классу, второго—къ четвертому [3]). Наконецъ, весьма скоро по учрежденіи генералъ—и оберъ-прокуроровъ при Сенатѣ, а именно уже 27 апрѣля того же 1722 г., является и „Должность генералъ-прокурора“ [4]), благодаря которой ему, какъ и его „помощнику“, дается возможность сразу, что такъ рѣдко было при Петрѣ, вступить въ отправленіе своихъ обязанностей, имѣя подъ собою твердую почву въ законѣ, а не идти ощупью, отъ случая къ случаю, какъ это долго приходилось дѣлать сенаторамъ, оберъ-и генералъ-фискаламъ и другимъ Петровскимъ магистратамъ.

Остановимся на обзорѣ положеній этой, игравшей столь важную роль въ исторіи института, „Должности“. Ея девять пунктовъ вполнѣ точно и опредѣленно устанавливаютъ права и обязанности генералъ-прокурора въ Сенатѣ, давая ему, въ лицѣ оберъ-прокурора, „помощника въ его дѣлахъ“, замѣняющаго его „въ небытность“ въ Сенатѣ. Такъ, первый пунктъ гласитъ, что „генералъ-прокуроръ повиненъ сидѣть въ Сенатѣ и смотрѣть накрѣпко, дабы Сенатъ свою должность хранилъ, и во всѣхъ дѣлахъ, которыя къ сенатскому разсмотрѣнію и рѣшенію подлежатъ, истинно, ревностно и порядочно, безъ потерянія

[1]) П. С. З., № 3877.

[2]) Сбор. Имп. Русс. Ист. Общ., XI, стр. 447; П. С. З., № 3880. Позднѣе нѣсколько, а именно по инструкціи члену Сенатской конторы отъ 6 апрѣля, прокуроръ долженъ былъ быть и въ этой конторѣ (П. С. З., № 3951).

[3]) П. С. З., № 3890.

[4]) П. С. З., № 3979.

времени, по регламентамъ и указамъ отправлялъ"... Такъ какъ, конечно, Сенатъ могъ имѣть законныя основанія въ своемъ промедленіи, то генералъ-прокуроръ обязанъ занести эти основанія въ свой журналъ. Какъ-бы боясь, что исполненіе будетъ чисто формальнымъ, и Сенатъ ограничится лишь посылкою указовъ, — „а то позабудетъ" узнать, что „дошли-ли и приведены ли въ надлежащее дѣйствіе" (какъ это указывалъ еще раньше Сенату Петръ),—уже первый пунктъ „Должности" подробно и точно регламентируетъ обязанности генералъ-прокурора по отношенію къ этому вопросу. Именно —Петръ требуетъ отъ генералъ-прокурора „накрѣпко смотрѣть, чтобъ въ Сенатѣ не на столѣ только дѣла вершились, но самымъ дѣйствомъ по указамъ исполнялись, въ чемъ онъ долженъ спрашивать у тѣхъ, кто на что указы получилъ, исполнено ль по нихъ въ такое время, въ которое начало и совершенство онаго исполнено быть можетъ; и буде не исполнено, то ему вѣдать надлежитъ, для какой причины, невозможность ли какая помѣшала, или по какой страсти, или за лѣностью, и о томъ немедленно Сенату предлагать долженъ, для чего повиненъ имѣть книгу, въ которой записывать на одной половинѣ, въ которой день какой указъ состоялся, а на другой половинѣ записывать, когда что по оному указу исполнено, или не исполнено, и для чего, и прочія обстоятельства нужныя вносить". Затѣмъ, согласно второму пункту, если генералъ-прокуроръ замѣтилъ-бы, что Сенатъ не поступаетъ въ своемъ званіи „правильно и нелицемѣрно", т. е., въ сущности, если онъ „не хранитъ своей должности", „тогда въ тотъ же часъ повиненъ (онъ) предлагать Сенату явно, съ полнымъ изъясненіемъ, въ чемъ они, или нѣкоторые изъ нихъ, не такъ дѣлаютъ, какъ надлежитъ, дабы исправили; а ежели не послушаютъ, то долженъ въ тотъ часъ протестовать, и оное дѣло остановить, и немедленно донесть Намъ, если весьма нужное, а о прочихъ—въ бытность Нашу въ Сенатѣ, или помѣсячно, или понедѣльно, какъ указъ имѣть будетъ".

Предписывая генералъ-прокурору подачу, въ указанныхъ выше случаяхъ, „явныхъ доношеній",—чѣмъ, конечно, прежде всего его роль, относительно нарушеній Сенатомъ своихъ обязанностей, существенно отличается отъ обязанностей оберъ-и генералъ-фискаловъ,—законъ требуетъ, чтобъ онъ поступалъ при этомъ

„осторожно и осмотрительно, дабы напрасно кому безчестья не учинить“. Если дѣло нарушенія закона представляется ему неяснымъ, „или два вида имѣющимъ“, — какъ своеобразно выражается „Должность“, — онъ можетъ повременить съ своей протестаціею и „посовѣтоваться о дѣлахъ, съ кѣмъ самъ за благо разсудитъ. Но если при этомъ увидитъ, что подлинно такъ, или болѣе изъяснить и сумнѣнія миновать не можетъ, то доносить Намъ, однакожъ, болѣе недѣли въ томъ не мѣшкать, а ежели зѣло ясно, то немедленно доносить въ нужныхъ, а въ прочихъ, какъ выше писано; тако-жъ не медля болѣе недѣли-жъ, не отговариваясь никакими нуждами, развѣ Мы будемъ въ отлученіи, то, однакожъ, письмомъ въ то-жъ время написаннымъ, и немедленно съ нарочнымъ послать“. Требуя „явнаго“ и своевременнаго доношенія, законъ, однако, предостерегаетъ генералъ-прокурора, что „ежели (онъ) какое неправое доношеніе учинитъ по какой страсти, то будетъ самъ наказанъ, по важности дѣла“.

Минуя разсмотрѣніемъ здѣсь тѣ пункты, которые устанавливаютъ отношеніе генералъ-прокурора къ прокуратурѣ и фискалату (3, 4, 7), а равно и къ подчиненнымъ ему канцеляріи и экзекутору Сената (5, 6, 8 пункты), коснемся еще трехъ пунктовъ, весьма важныхъ для характеристики положенія генералъ-прокурора въ Сенатѣ. Безъ всякой послѣдовательности, послѣ приведенныхъ нами пунктовъ, девятый пунктъ говоритъ, что „генералъ и оберъ-прокуроры ничьему суду не подлежатъ, кромѣ Нашего“, при чемъ у Сената остается лишь право ареста, при отлучкѣ Государя, этихъ чиновъ и учиненія надъ ними розыска, въ случаѣ ихъ измѣны; затѣмъ 10-ый пунктъ устанавливаетъ за генералъ-прокуроромъ важное право законодательной инициативы [1]) въ случаѣ отсутствія „ясныхъ указовъ“ по какимъ-либо вопросамъ, и, наконецъ, пунктъ 11-ый, исходя изъ положенія, что „сей чинъ, яко око Наше и стряпчій о дѣлахъ государственныхъ“, долженъ во всемъ „вѣрно по-

[1]) Пунктъ 10: „о которыхъ дѣлахъ указами ясно не изъяснено, о тѣхъ предлагать (генералъ-прокурору) Сенату, чтобъ учинили на тѣ дѣла ясные указы, противъ указа апрѣля 17 дня 722 г., который всегда на столѣ держится; и какъ сочинятъ, доносить Намъ и, ежели въ пополненіе сей инструкціи что усмотритъ, о томъ доносить-же“. (Упоминаемый въ текстѣ указъ, который, „яко зерцало предъ очьми судящихъ“, долженъ былъ стоять всегда на столѣ во всѣхъ мѣстахъ, начиная съ Сената, см. въ П. С. З., № 3970).

ступать“, заключаетъ, что, въ противномъ случаѣ, „перво на немъ взыскано будетъ, и ежели въ чемъ поманитъ, или инако какимъ образомъ ни есть должность свою вѣдѣніемъ или волею преступитъ, то, яко преступникъ указа и явный разоритель государства, наказанъ будетъ“. Предполагая, однако, что возможно допустить нарушеніе имъ должности своей „весьма не вымысломъ“, законъ не ставитъ ему этого нарушенія въ вину, „понеже лучше доношеніемъ ошибиться, нежели молчаніемъ“,

Гр. П. И. Ягужинскій.

добавляя, впрочемъ, что, „однакожъ, ежели то часто будетъ употреблять, то не безъ вины будетъ“.

Мы изложили возможно-полно содержаніе „Должности генералъ-прокурора“, въ виду ея важности. Конечно, громадныя права, какія давались ею, требовали назначенія къ исполненію обязанностей генералъ-прокурора и его товарищей людей достойныхъ и опытныхъ, на которыхъ притомъ Монархъ могъ-бы вполнѣ положиться. Довольно единогласныя показанія современ-

никовъ рисуютъ перваго генералъ-прокурора, какъ человѣка очень способнаго отъ природы, энергичнаго, честнаго, пользовавшагося полнымъ довѣріемъ Государя, сказавшаго про него однажды: „что осмотритъ Павелъ, то такъ вѣрно, какъ будто Я самъ видѣлъ" [1]). Довѣріе это Ягужинскій оправдывалъ до конца царствованія Петра, что было тогда уже само по себѣ незауряднымъ явленіемъ [2]), и чего нельзя, между прочимъ, сказать о первомъ оберъ-прокурорѣ Сената, Григоріи Григорьевичѣ Скорняковѣ-Писаревѣ. Уже указомъ Петра отъ 9 января 1723 г. Скорняковъ-Писаревъ, вмѣстѣ съ Шафировымъ, съ которымъ у него произошло извѣстное столкновеніе въ Сенатѣ, былъ отрѣшенъ отъ своей должности (временно къ ея отправленію было повелѣно опредѣлить Ивана Бибикова), „пока розыскъ окончается" о нихъ [3]). Лишенный по суду чиновъ и деревень, онъ вошелъ въ слѣдующемъ году съ челобитною о помилованіи, на которую Государь положилъ весьма характерную резолюцію, ясно свидѣтельствующую о томъ, что, хотя въ лицѣ Скорнякова-Писарева у Петра и имѣлся оберъ-прокуроръ, заслуживавшій своего „чина", но, однако, невполнѣ безупречный въ своихъ служебныхъ дѣйствіяхъ [4]).

Петръ, по обычаю, велъ постоянную переписку и съ новымъ высокимъ „чиномъ" при Сенатѣ, своимъ „окомъ и стряпчимъ по дѣламъ государственнымъ". Эта переписка, если и свидѣтельствуетъ, съ одной стороны, о томъ, что Государь здѣсь, какъ и въ другихъ

[1]) Біографическія свѣдѣнія о П. И. Ягужинскомъ см. у П. Иванова „Опытъ біографій ген.-прокуроровъ и министровъ юстиціи" (СПБ., 1863) и статью А. А. Гоздаво-Голомбіевскаго: Гр. П. И. Ягужинскій—въ „Сборникѣ біографій кавалергардовъ" (СПБ., 1902 г.), т. I, стр. 1 и сл.

[2]) Каково было положеніе дѣла при Петрѣ, достаточно привести немногія строки изъ „Исторіи Россіи" С. М. Соловьева: „Курбатовъ умеръ подъ судомъ, сибирскій губернаторъ кн. Гагаринъ и оберъ-фискалъ Нестеровъ казнены смертію, сенаторъ и вице-канцлеръ Шафировъ съ плахи посланъ въ ссылку; первый вельможа въ государствѣ, свѣт. князь Меншиковъ, уличенъ въ злоупотребленіяхъ и долженъ нести громадный штрафъ"... (т. XVI, стр. 155). Въ этотъ перечень вошли лишь наиболѣе выдающіеся изъ слугъ Петра, и перечень этотъ могъ-бы быть значительно удлиненъ.

[3]) Сбор. Имп. Русс. Ист. Общ., т. XI, стр. 502 и сл.

[4]) Государь, на челобитную Скорнякова-Писарева, собственноручно пишетъ слѣдующее: „Сказать, что онъ за дерзновеніе брани въ Сенатѣ довольно наказанъ и въ старой чинъ достоинъ былъ бы, но въ канальномъ дѣлѣ потачка и недосмотръ, того ради за оную вину того самъ себя учинилъ недостойнымъ; но для нынѣшняго торжества и обличенья Шафирова дается чинъ полковничій и половина взятыхъ деревень" (Сбор. Имп. Русс. Ист. Общ., т. XI, стр. 548). Чинъ полковника и 200 крестьянскихъ дворовъ Скорняковъ-Писаревъ получилъ въ началѣ 1719 г. „за вѣрные труды въ бывшемъ розыскѣ" о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ (ib., стр. 377).

случаяхъ, хотѣлъ держать бразды правленія въ своихъ мощныхъ рукахъ, то, съ другой, въ ней все время чувствуется благосклонность къ лицу, облеченному Его великимъ довѣріемъ. Весьма обширна также переписка съ генералъ-прокуроромъ и Макарова, передававшаго, какъ всегда, различныя порученія Государя.

Укажемъ на нѣкоторыя изъ писемъ Петра къ Ягужинскому, частію изданныя, частію еще не напечатанныя. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1722 г., Государь, напр., пишетъ Ягужинскому изъ Казани слѣдующее письмо: „Monsieur, понеже въ указѣ Нашемъ, данномъ Сенату въ 6-ой день апрѣля, 3-ій пунктъ написанъ противно 109-му артикулу въ адмиралтейской книгѣ, въ должности Коллегіи адмиралтейской, на 34 листу, чего для Мы оный 109-ый артикулъ переправили, дабы сходно было съ помянутымъ Нашимъ указомъ и оный переправленный артикулъ при семъ посланъ, который вели на Москвѣ, противъ сего посланнаго, напечатать тѣми литерами, которыя привезены изъ Петербурга, и чтобъ было 600 листовъ напечатано, изъ которыхъ вели положить въ тѣ книги, которыя въ Сенатъ и вамъ отданы на Москвѣ, а старые вели вынять, да Намъ пришли 17 листовъ, а достальные всѣ вели отправить въ Петербургъ въ типографію, чтобъ тамъ во всѣхъ книгахъ тѣ листы перемѣнить и впредь печатать по сему. Петръ“ [1]). Письмо это, изъ числа многихъ, служитъ нагляднымъ свидѣтельствомъ того вниманія, какое удѣлялъ Петръ не только тексту законовъ, но даже ихъ печатанію, а затѣмъ оно указываетъ также, что Петръ давалъ генералъ-прокурору порученіе слѣдить за исполненіемъ своихъ распоряженій. Изъ другого письма мы видимъ, что генералъ-прокурору поручается, напр., веденіе розыска по дѣлу, а въ случаѣ отлучки передача его другимъ членамъ прокуратуры. Такъ, въ томъ же 1722 г. Петръ получилъ прошеніе посадскаго человѣка Сутягина, въ которомъ дѣлался доносъ на ярославскаго провинціалъ-фискала Савву Попцова въ держаніи бѣглыхъ, отпускѣ рекрутъ изъ-за взятокъ, въ пользованіи казенными деньгами и пр. Вскорѣ Макаровъ написалъ Ягужинскому, что „понеже сіе дѣло не малой важности“, то „указалъ Его Императорское Величество челобитную и пункты отослать вашему превосходительству, дабы вы по тому дѣлу изслѣдовали въ Се-

[1]) Арх. Сен., Выс. ук. и повел., кн. 18, л. 496 и сл.; упоминаемый въ текстѣ указъ отъ 6 апрѣля 1722 г. см. П. С. З., № 3942; артикулъ 109—ib., № 3937.

натѣ, или особливо въ вашей конторѣ“ [1]). Скоро, однако, Государю стало извѣстно отъ Ягужинскаго, что Попцовъ оговариваетъ самого оберъ-фискала Нестерова, и вотъ Онъ пишетъ генералъ-прокурору изъ Астрахани 15 октября слѣдующее: „Г. Ягужинскій, письмо твое октября отъ 5 числа до Насъ дошло, въ которомъ пишешь, что фискалъ Попцовъ съ розыску показалъ во взяткахъ и въ другихъ преступленіяхъ на оберъ-фискала Нестерова и въ своихъ преступленіяхъ винился, и оное дѣло велите, по отлученіи своемъ, слѣдовать и розыскивать прокурору Егору Пашкову и для того придайте ему въ помощь изъ прокуроровъ, кого онъ будетъ требовать, и ежели оберъ-фискалъ дойдетъ до розысковъ, также и другіе, то велите розыскивать“ [2]).

Не надо думать, конечно, что порученія Петра касались только отдѣльныхъ, хотя бы и весьма важныхъ, случаевъ тогдашней практики: у Петра общее и частное шли всегда рука объ руку, почему, наряду съ вышеуказанными письмами, Ягужинскій получалъ и другія. Такъ, напр., 20 мая 1724 г., Петръ писалъ Ягужинскому: „Г. генералъ-прокуроръ, которые прокуроры отъ коллегій здѣсь въ Москвѣ, прикажи имъ, чтобъ они свои конторы здѣсь гораздо посмотрѣли, такъ ли дѣлается, какъ надобно, и ежели что не такъ, чтобъ тебѣ репортовали, и оныхъ бы, сыскавъ и освидѣтельствовавъ, наказать, понеже за глазами, чаю, много диковинокъ есть“. Въ этомъ отношеніи весьма характерно также другое письмо Государя къ своему генералъ-прокурору, въ которомъ, при ярко выраженномъ довѣріи къ нему, сообщаются повелѣнія Императора, какъ по отдѣльнымъ вопросамъ, требующимъ рѣшенія, такъ и дается руководящая нить для рѣшенія Сенатомъ дѣлъ впредь: „Г. генералъ-прокуроръ, указы посланы отсель (изъ Астрахани) о нѣкоторыхъ дѣлахъ, а наипаче о мѣдныхъ деньгахъ; какъ самъ усмотришь изъ оныхъ, зѣло надлежитъ исполнить“... Въ postscriptum'ѣ къ письму затѣмъ говорится: „дѣла, которыя время терпѣть могутъ, чтобъ о такихъ изъ Сенату къ Намъ

[1]) Будучи начальникомъ сенатской канцеляріи, генералъ-прокуроръ имѣлъ, однако, особую свою канцелярію прокурорскихъ дѣлъ, или контору, гдѣ велась переписка самого генералъ-прокурора, и которая стояла подъ управленіемъ особаго секретаря.

[2]) Арх. Сен., Выс. ук. и повел., кн. 28, л. 3.

не писали, но или обождать Нашего возвращенія, или до Нашей апробаціи, на время рѣшенія чинить, дабы въ настоящихъ Нашихъ трудахъ лишней докуки не было, также и рѣшенье,— какую пользу имѣть будетъ въ такой дальности, токмо потеряніе время". Высказавъ столь важную мысль свою по вопросу о томъ, какія дѣла можетъ рѣшать Сенатъ „до апробаціи" Государя,—мысль, которую, конечно, генералъ-прокуроръ долженъ былъ неуклонно приводить, при случаѣ, въ исполненіе,—Государь прибавляетъ: „бывшій офицеръ Языковъ, который былъ въ розыску и явно наказанъ, яко воръ, а слышалъ, что его изъ войско(во)й коллегіи или опредѣлили, или хотятъ опредѣлить къ дѣлу, чего вамъ накрѣпко смотрѣть надлежитъ, чтобъ того не чинили, понеже паки честь изгадятъ и ворамъ потачку сдѣлаютъ" [1]).

Тотъ же характеръ, въ общемъ, носятъ и письма А. Макарова къ генералъ-прокурору, отражая, конечно, въ себѣ всецѣло отношеніе къ нему Монарха; они также, вмѣстѣ съ письмами самого Петра, наглядно указываютъ на то, что генералъ-прокуроръ, будучи дѣйствительнымъ „окомъ" Государя, являлся въ то же время посредствующимъ звеномъ между Нимъ и Сенатомъ. Въ письмѣ отъ 25 февраля 1722 г., отправленномъ Макаровымъ Ягужинскому, читаемъ: „при семъ посылаю доношеніе въ Сенатъ о посылкѣ капитана Степана Пырскаго для набора плотниковъ, которое доношеніе указалъ мнѣ Его Величество черезъ васъ послать и, какъ оное до рукъ вашихъ дойдетъ, то извольте предложить сенаторамъ, чтобы его, Пырскаго, поскорѣе отправили"... Въ письмѣ отъ 2 марта Макаровъ, извѣщая Ягужинскаго о полученіи его писемъ и о докладѣ Государю „по онымъ какія затрудненія въ дворянскихъ смотрахъ учинились", сообщаетъ, что Государь указалъ „ему, Ягужинскому, отписать, чтобъ публикаціею и прибиваніемъ именъ нѣтчиковъ къ висѣлицѣ обождали до возвращенія посланныхъ изъ провинцій, а которые послѣ 1 числа февраля явились, а на указный срокъ не поспѣли, и тѣхъ такожъ изволилъ указать обождать до возвращенія своего въ Москву". Или, напр., Государю билъ челомъ о прощеніи его вины бывшій секретарь генералъ-адмирала Ив. Глазуновъ. Государь, выслушавъ челобитье, при-

[1]) Сбор. Имп. Русс. Ист. Общ., т. XI, стр. 550, 492 и сл.

казалъ его, „по примѣру другихъ", простить. „Чего для", пишетъ Макаровъ, „ихъ сіятельствамъ и превосходительствамъ г.г. правительствующимъ сенаторамъ извольте предложить, дабы о томъ учинили по Его Императорскаго Величества указу, чего для помянутую его, Глазунова, челобитную при семъ прилагаю". Въ обширномъ письмѣ отъ 2 марта 1723 г. Макаровъ пишетъ, между прочимъ, генералъ-прокурору слѣдующее: „и понеже, какъ я слышу, что Высокоправительствующій Сенатъ имѣетъ съѣхаться сего дня въ послѣдніе, того для предлагаю, дабы ради краткости времени нынѣ учинена была резолюція о слѣдующихъ дѣлахъ"... (указываются 2 дѣла). Въ письмѣ отъ 2 мая онъ проситъ его справиться „о серебрѣ и золотѣ, которое показано по вѣдомостямъ изъ коллегіевъ и канцеляріевъ на Москвѣ при отъѣздѣ" и учинить резолюцію, дабы оное серебро и золото отдано „было на монетные дворы въ передѣлъ", добавляя, что „сіе токмо доношу для собственнаго вашего извѣстія" [1])... Въ письмѣ отъ 23 апрѣля 1722 г. рельефно выступаетъ также роль генералъ-прокурора по отношенію къ оберъ-фискалу. „Понеже какъ за скорымъ отъѣздомъ, такъ и за моими суетами", откровенно пишетъ Макаровъ Ягужинскому, „не успѣлъ вашему превосходительству объявить о предложеніяхъ оберъ-фискальскихъ, которымъ при семъ прилагаю реестръ, противъ котораго къ нему писалъ, чтобъ онъ на тотъ реестръ сочинилъ экспликацію съ принадлежащими документами, понеже безъ того докладывать Его Величеству было мнѣ невозможно; но понеже того, по отъѣздъ мой, мнѣ (оберъ-фискалъ) не отдалъ, того для, противъ того реестру, извольте о тѣхъ дѣлахъ съ нимъ поговорить, а которыя еще не рѣшены, извольте у него требовать надлежащихъ доказательствъ" [2]). Не умножая другими примѣрами всего вышесказаннаго, въ виду того, что и приведенныя мѣста писемъ отлично характеризуютъ роль генералъ-прокурора по отношенію къ Монарху, Сенату и къ фискалату, остановимся на разсмотрѣніи вопроса, какъ реагировалъ генералъ-прокуроръ на обращенныя къ нему повелѣнія и чего онъ достигалъ своею дѣятельностью въ Сенатѣ.

Мы уже говорили, что въ лицѣ Ягужинскаго Государь имѣлъ не только преданнѣйшаго, но и ревностнѣйшаго исполнителя своихъ

[1]) Гос. Арх., разр. IX, № 2, ч. IV, л. 34 об., 44 об., 53 об. и сл.; ч. III, л. 48, 81.
[2]) Ibid, № 2, ч. IV, л. 128 об. и сл.

велѣній. И поскольку дѣло шло о рвеніи самого генералъ-прокурора, оно было внѣ сомнѣній; однако, по сознанію самого Ягужинскаго, „сенатское заобычное несогласіе не токмо мною мало могло удержано быть, но наипаче нынѣ ссоры и брани стали быть и воистину немало остановки тѣмъ бываетъ", пишетъ Ягужинскій Государю 16 октября 1722 г. Уѣзжая изъ Петербурга, онъ опасается, чтобъ безъ него „тѣ партіи страсти своей не продолжали", въ заключеніе письма говоря, что онъ „совѣстью своею и всѣми сенаторами засвидѣтельствуетъ, сколько въ томъ вѣрности его и старанія не было, однакожъ, съ превеликою трудностью, при такихъ страстяхъ, дѣла въ порядкѣ держать было можно, особливо будучи безъ всякаго надежнаго вспомощника" [1]. Въ октябрѣ того-же года, —послѣ извѣстной ссоры Шафирова съ Меншиковымъ, ссоры, въ которой былъ замѣшанъ и оберъ-прокуроръ, „похлебственнымъ поступкомъ своимъ" по отношенію къ Меншикову, Ягужинскій написалъ кому-то весьма откровенное письмо, гдѣ сознавался въ своемъ безсиліи хорошо управлять дѣлами въ Сенатѣ, несмотря на то, что онъ „во всю бытность, съ опредѣленія своего въ прокурорство, по своему слабому уму", какъ въ присутствіи оберъ-прокурора, такъ и въ его отсутствіи, исправлялъ „по всякой возможности и съ прилежаніемъ" свои обязанности: „хотя я", пишетъ онъ, „вѣрнымъ и истиннымъ своимъ желаніемъ радъ бы въ дѣлахъ и трудъ свой прилагать, какъ Государю и народу надобно, но препятствуетъ мнѣ перво неискусство мое въ дѣлахъ, второе окруженъ все коварными и лукавыми людьми, которые при смотрѣніи Государева интереса и партикулярные не назади оставляютъ". Онъ находитъ нужнымъ образованіе въ Сенатѣ должности второго оберъ-секретаря, „понеже несказаемая бездна дѣлъ, къ тому же небезподозрителенъ одинъ и можетъ партіи имѣть, а когда другой будетъ, то одинъ за другимъ глаза" [2]. Въ другомъ письмѣ къ Государю генералъ-прокуроръ предлагаетъ измѣнить составъ Сената, не имѣя, очевидно, возможности,—не смотря на всю свою близость къ Монарху въ достаточной степени вліять на сенаторовъ: „я бы желалъ", откровенно заявляетъ Ягу-

[1]) Гос. Арх., Каб., I, кн. 58, л. 131 и сл.

[2]) А. А. Гоздаво-Голомбіевскій, Сборникъ біографій кавалергардовъ, стр. 7 и сл. А. А. Г.-Голомбіевскій думаетъ, что это письмо написано къ А. В. Макарову, что представляется вполнѣ вѣроятнымъ.

жинскій, „чтобъ Сенатъ изъ такихъ среднихъ людей былъ сочиненъ, чтобъ сильныхъ особъ споровъ и браней меньше было".

Обращаемся къ дѣятельности Ягужинскаго въ Сенатѣ.

Какъ нами было только что указано выше, Петръ либо самъ, либо черезъ Макарова, сообщалъ генералъ-прокурору о своихъ повелѣніяхъ. Кажется, при этомъ Ему не приходилось дѣлать никакихъ напоминаній объ ихъ исполненіи, такъ какъ Ягужинскій тотчасъ же принималъ всѣ мѣры, какія отъ него зависѣли, хотя, какъ онъ и самъ сознается, не всегда успѣвалъ достигать желаемыхъ результатовъ. Выше было приведено нами письмо Петра къ генералъ-прокурору отъ 20 мая 1724 г. „о диковинкахъ", которыя „за глазами" можно было ожидать въ коллегіяхъ. Получивъ письмо, Ягужинскій въ тотъ же день пишетъ оберъ-секретарю Сената: „Г. оберъ-секретарь, прикажи прокуроровъ отъ всѣхъ коллегій собрать и объявить имъ письмо, каково Императорское Величество ко мнѣ писать изволитъ. И понеже имъ, прокурорамъ, и безъ такого напоминанія то надлежало чинить и меня репортовать, но того и по многократному моему требованію не учинено, въ томъ будутъ они сами отвѣтствовать; однакожъ, симъ подтвержая, требую, чтобъ каждый отъ своей конторы, гдѣ неисправа есть, сегодня, или кончая завтра, меня репортовалъ и мнѣ бы было что Государю донесть. Мнѣ не безъ зазрѣнія, что Государь мнѣ самъ о должности моей напоминаетъ. Нашей прокурорской конторѣ о семъ тоже думать надобно. Приложенное письмо немедленно къ генералъ-фискалу отошли". Такъ какъ въ письмѣ Государя, вышеуказанномъ уже нами, была приписка о совѣщаніи Сената и Синода въ селѣ Коломенскомъ [1]), то Ягужинскій приказываетъ тотчасъ оберъ - секретарю Сената: „по припискѣ о Синодѣ объяви на словахъ Сенату и потомъ Синоду, и чтобъ на той недѣлѣ по тому письму, а хотя бы и завтра, межъ собою еще поговоря, основали и завтра-же мнѣ о томъ извѣстіе было, чтобъ заранѣе день съѣзду въ Покровское назначить". Къ письму этому имѣется приписка, чтобы „г.г. сенаторамъ напамятовать, чтобъ въ 9 часовъ пріѣз-

[1]) „Ежели еще ненастный день до воскресенья будетъ, чтобъ въ Покровское съѣхались и Синодъ, дабы, что въ Коломенскомъ читали, рѣшить и монастыри для начатія назначить". Здѣсь дѣло шло о регламентѣ для монастырей, какъ говоритъ Государь въ другомъ письмѣ къ генералъ-прокурору (Сбор. Имп. Русс. Ист. Общ., т. XI, стр. 550 и сл.).

жать изволили—отмѣнить; можетъ быть, донесутъ о томъ Государю, то останусь и я въ винѣ".

Письмо это, въ числѣ другихъ, свидѣтельствуетъ, какъ быстро Ягужинскій исполнялъ, насколько отъ него зависѣло, повелѣнія Государя и какъ онъ огорчался, что Государь напоминалъ ему о его должности. Онъ, конечно, справедливо ссылался „на неискусство свое въ дѣлахъ", такъ какъ предшествовавшая его служебная дѣятельность очень мало подготовила его къ данной высокой роли, но что̀ онъ могъ, онъ дѣлалъ, безпрестанно напоминая Сенату о дѣлахъ и наблюдая за законностью его приговоровъ. Въ томъ же письмѣ отъ 20 мая 1724 г. къ оберъ-секретарю читаемъ слова: „о прусскихъ сукнахъ, о которыхъ недавно прусскаго посланника меморіалы я отдалъ, надобно предложить Сенату и что нибудь ему на то отвѣтствовать; а на бредни Комерцъ-коллегіи я смотрѣть не хочу, развѣ такимъ образомъ, что процессъ заведемъ все на все". Когда Государь, уѣзжая въ іюлѣ 1719 г., приказалъ 21 числа Ягужинскому „паки подтвердить" президентамъ коллегій свой указъ отъ 2 іюня, „чтобъ они въ исправленіи дѣлъ оныхъ коллегій въ нынѣшнемъ Его Величества отсутствіи не ослабѣвали и всемѣрно трудились къ лучшему дѣйству ихъ произвесть, и сколько которая коллегія будетъ дѣйствовать, о томъ на всѣ мѣсяцы подавали-бъ президенты, за руками своими, письменные репорты дважды", Ягужинскій въ тотъ же день доложилъ объ этомъ Сенату и послѣдній приговорилъ разослать съ сего указа копіи г. г. президентамъ „не мѣшкавъ" [1]). Когда казанскій губернаторъ Салтыковъ, находившійся подъ судомъ, просилъ выдать ему копію съ допроса, а Сенатъ склонялся къ мысли, что копіи этой нельзя ему выдать, въ виду того, что дѣло „интересное" (т. е. связанное съ интересами фиска), Ягужинскій прочелъ сенаторамъ указъ о формѣ суда, въ коемъ повелѣвалось давать отвѣтчикамъ копіи съ пунктовъ, поданныхъ челобитчиками, и потребовалъ выдачи означенной копіи, съ законностью чего Сенатъ и долженъ былъ согласиться [2]).

[1]) Арх. Сен., Выс. ук. и пов., кн. 26, л. 338 и сл.; М. А. М. Ю., кн. $^{42}/_{42}$, л. 131—134 (А. Н.).

[2]) Сборникъ біографій кавалергардовъ, стр. 9—10, гдѣ указаны и другіе примѣры.

IV. Генералъ-рекетмейстеръ и его контора.

Хотя должность рекетмейстера (или генералъ - рекетмейстера) появляется подъ этимъ наименованіемъ впервые лишь въ указѣ 12 января 1722 г., причемъ 5 февраля дается и „Наказъ“ только что назначенному рекетмейстеру [1]), т. е. иначе говоря, для законодателя только къ этому времени выясняется окончательно названіе и обязанности этого новаго магистрата, состоящаго при Сенатѣ, а равно и находится лицо, которое могло-бы ихъ выполнять успѣшно, однако, потребность въ должности сказывается сильно задолго до ея учрежденія. А именно —уже 9 апрѣля 1720 г. Петръ, „будучи въ Сенатѣ“ указалъ „опредѣлить особаго человѣка, персону знатную, а съ нимъ быть секретарю Ивану Молчанову—ради пріема челобитенъ такихъ, въ которыхъ объявлять будутъ челобитчики на коллегіи, или на которую канцелярію, во многовременныхъ (отъ тѣхъ коллегій и канцелярій) челобитчикамъ волокитахъ“. Эти лица должны были принимать челобитья, „помѣчать, чтобъ по тѣмъ челобитьямъ..... дѣла рѣшили въ указные сроки безъ всякаго продолженія“ и требовать изъ коллегій и канцелярій „извѣстія о рѣшеніи оныхъ (челобитенъ), или зачѣмъ по которому дѣлу рѣшенія вскорѣ учинить неможно. А которыя челобитныя будутъ подавать на коллегіи и канцеляріи въ неправосудіи, или такія челобитныя, которыхъ имъ собою помѣтить невозможно, и по такимъ докладывать Правительствующаго Сената и тому имѣть имъ записныя книги и для того при Сенатѣ опредѣлить имъ особое мѣсто“ [2]).

„Персона знатная“, которая должна была разсматривать челобитныя, не была, однако, назначена до 1722 г., и секретарю Сената Ивану Молчанову пришлось первоначально одному считаться съ незаконченностью указа, что и вызвало съ его стороны, какъ это мы увидимъ далѣе, обращеніе къ Правительствующему Сенату за

[1]) П. С. З., №№ 3877, 3900. Въ „Табели о рангахъ“, данной 24 января того-же года, рекетмейстеръ именуется уже „генералъ-рекетмейстеромъ“ (ibid., № 3890).

[2]) П. С. З., № 3581. Указъ этотъ Правительствующій Сенатъ приказалъ „въ народъ публиковать печатными листами“. М. А. М. Ю., кн. $^{10}/_{660}$, л. 66—75 (А. Н.).

разъясненіями. Кромѣ того, указъ этотъ совершенно не вскрывалъ тѣхъ мотивовъ, какіе вызывали законодателя на учрежденіе при Правительствующемъ Сенатѣ особой должности рекетмейстера, и лишь въ Наказѣ ему эти мотивы были обозначены вполнѣ ясно. Предисловіе къ Наказу гласитъ именно слѣдующее: „понеже Его Величество, соболѣзнуя о подданныхъ своихъ, дабы имъ каждому по ихъ дѣламъ во всемъ судъ праведный и безпродолжительный, чрезъ многіе и несносные труды свои, учреждалъ губерніи, канцеляріи, а потомъ коллегіи. И Его Величество многими указы и инструкціями и регламенты, чтобъ судьи дѣла скоро и справедливо рѣшили, а челобитчики бъ Его Величеству никто не дерзалъ, мимо суда и Сената, прошенія свои подавать, подъ жестокимъ прещеніемъ, утверждено; однакожъ, несмотря на такіе указы и уставы, судьи челобитчикамъ въ дѣлахъ чинятъ немалыя волокиты, а другимъ дѣла вершатъ неправедно; такожъ и челобитчики, мимо опредѣленныхъ имъ судовъ и Сената, продерзостію своею прошенія свои приносятъ и подаютъ Его Величеству самому, не дая нигдѣ покою". Мотивами къ установленію должности рекетмейстера являлись, съ одной стороны, „немалыя волокиты" и несправедливыя рѣшенія судей, непрекратившіяся и по учрежденіи коллегій и канцелярій, а съ другой—невозможное положеніе, въ которое ставили Государя челобитчики, „недая нигдѣ покою", всюду подавая Ему свои прошенія и не обращая никакого вниманія на установленныя инстанціи. Нѣкоторые ученые, какъ, напримѣръ, Градовскій, думаютъ, разсматривая Наказъ рекетмейстеру, что „Петръ Великій желалъ освободить Сенатъ отъ челобитчиковыхъ дѣлъ, оставивъ за нимъ только нѣкоторыя дѣла, къ которымъ принадлежали и преступленія по должности. Рекетмейстера можно назвать отводомъ сенатскимъ отъ судебныхъ дѣлъ" [1]).

Съ этимъ мнѣніемъ нельзя, однако, согласиться. „Отводомъ сенатскимъ отъ судебныхъ дѣлъ" по учрежденіи коллегій была Юстицъ-коллегія, являвшаяся общею и высшею для всей Имперіи инстанціею по судебнымъ дѣламъ, на которую подавались жалобы въ Сенатъ только въ томъ случаѣ, „буде вышній тотъ Коллегіи юстиціи судъ, какою своею впредь неисправою, тѣмъ челобитчи-

[1]) Градовскій, Начала русскаго госуд. права, томъ II, СПБ., 1876 г., стр. 127.

камъ правосуднаго рѣшенія послѣ того не учинитъ“, да и эти жалобы подавались не прямо, а чрезъ сенатскаго секретаря, представлявшаго ихъ предварительно Государю [1]). Затѣмъ и по учрежденіи должности рекетмейстера у Сената, какъ это мы увидимъ далѣе, было немало дѣла съ челобитными. Скорѣе надо видѣть въ рекетмейстерѣ и его конторѣ начало Комиссіи прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ, при чемъ въ московскій періодъ ему соотвѣтствовалъ челобитный приказъ. Что именно желаніе пресѣчь волокиту и неправосудіе въ судахъ, избавивъ въ то же время Государя, —въ виду Его „многихъ и несносныхъ трудовъ“ по управленію государствомъ—отъ принятія и разсмотрѣнія лично несчетнаго числа челобитенъ, руководило законодателемъ, это ясно, какъ изъ вышеуказанной мотивировки, содержащейся въ Наказѣ рекетмейстера, такъ и изъ другихъ данныхъ.

Если московское законодательство —какъ это видно изъ Соборнаго уложенія, Новоуказныхъ статей и даже изъ указовъ первыхъ лѣтъ единодержавнаго правленія Петра, повторявшихъ еще старыя начала — дозволяло непосредственную подачу челобитій Государямъ, ставя лишь условіемъ, чтобъ челобитчики предварительно били челомъ въ соотвѣтственныхъ приказахъ и только въ случаѣ отказа имъ этими учрежденіями въ правосудіи, или при „нечиненіи указа“ по челобитью, обращались къ Монархамъ [2]), то новое Петровское законодательство начинаетъ вообще запрещать непосредственную подачу челобитенъ Государю. Первый указъ отъ 21 марта 1714 г., устанавливая подачу челобитенъ въ городахъ комендантамъ, повелѣваетъ, въ случаѣ „неучиненія ими кому указа или, при учиненіи указа неправедно“, подавать челобитья на нихъ губернаторамъ, а на губернаторовъ, въ аналогичныхъ случаяхъ, жаловаться Правительствующему Сенату, а „Великому Государю, Его Царскому Величеству, бить челомъ не приходить и челобитенъ подавать

[1]) П. С. З., № 3261, п. 4.

[2]) „А которымъ людемъ доведется о судныхъ своихъ и о иныхъ какихъ дѣлахъ бити челомъ Государю и тѣмъ людямъ о тѣхъ своихъ дѣлахъ челобитныя свои подавати въ приказѣхъ... А будетъ ему въ приказѣхъ суда не дадутъ, или противъ его челобитья, указу ему не учинятъ и ему о томъ бити челомъ и челобитныя подавать Государю и то въ челобитныхъ своихъ описывати, что онъ о томъ дѣлѣ напередъ того въ приказѣ билъ челомъ, а указу ему не учинено“ (Соборное уложеніе, гл. X, ст. 20); П. С. З., № 826, 1241, 1707, 1748 и др.

недерзать, понеже, по милосердному Его Царскаго Величества указу, учинены на то управленія, нижніе и вышніе суды и Сенатъ". Впрочемъ, указъ дѣлаетъ одно исключеніе, а именно— онъ разрѣшаетъ еще подачу челобитенъ самому Государю, „ежели кому въ Сенатѣ рѣшенія не учинено" [1]). Надо при этомъ также замѣтить, что какъ раньше, такъ и позднѣе, разрѣшалась подача челобитій непосредственно Государю по такъ называемымъ „первымъ тремъ пунктамъ", при чемъ указъ 19 января 1718 г. устанавливаетъ, что по первымъ двумъ пунктамъ челобитья подаются караульному офицеру, который будетъ на караулѣ у дома Его Царскаго Величества, а по третьему (о похищеніи казны) гвардіи майору Ушакову. Указъ этотъ констатируетъ также, что „приходя, многіе доносили плуты, мимо караульныхъ офицеровъ", и подавали „письма" Государю не только „о такихъ важныхъ, но и о бездѣльныхъ дѣлахъ", почему, подтверждая прежніе указы, вышеозначенный указъ грозитъ за подачу писемъ самому Государю жестокимъ наказаніемъ [2]). Наконецъ, указъ 22 декабря того же года разражается горькою жалобою на то, что „челобитчики непрестанно Его Царскому Величеству докучаютъ о своихъ обидахъ вездѣ, во всякихъ мѣстахъ, не дая покою, и при этомъ не разсуждая, что какое ихъ множество, а кому бьютъ челомъ—одна персона есть, и та коликими трудами объята, что всѣмъ извѣстно есть, и хотя-бъ и такихъ трудовъ не было, возможно-ль одному человѣку за такъ многими усмотрѣть? Во истину не точію человѣку, ниже ангелу: понеже и оные мѣстами описаны суть, ибо гдѣ присутствуетъ, индѣ его нѣтъ".

Указавъ на учрежденіе коллегій и на то, что имъ будутъ даны вскорѣ регламенты, которые у нихъ „отымаютъ" возможность „старыя поползновенія дѣлать", т. е. производить волокиту и рѣшать дѣла неправо, законодатель устанавливаетъ съ слѣдующаго 1719 года порядокъ подачи челобитій по инстанціямъ, обѣщая создать вездѣ въ губерніяхъ, провинціяхъ и городахъ особые низшіе суды, а „надъ ними всѣми вышній надворный судъ въ знатныхъ губерніяхъ, куда отъ нижнихъ судовъ, ежели неправдою вершатъ, или волочить за срокъ будутъ, переносить противъ Ре-

[1]) П. С. З., № 2787; срав. № 2865.
[2]) П. С. З., № 3143.

гламента". Если, въ свою очередь, этотъ надворный судъ „дѣла тѣ станетъ продолжать и неправо ихъ рѣшитъ", то дѣло переносится въ Юстицъ-коллегію; „буде-же вышній тотъ Коллегіи юстиціи судъ, какою своею впредь неисправою, тѣмъ челобитчикамъ правосуднаго рѣшенія послѣ того не учинитъ, тогда о томъ именно, со изъясненіемъ прямыхъ и важныхъ причинъ, подавать челобитныя секретарю сенатскому". Секретарь Сената (какъ намъ кажется,—оберъ - секретарь), „выслушавъ челобитье", представляетъ челобитье Государю, который его подписываетъ. Подписаніе челобитной Государемъ имѣло своимъ слѣдствіемъ разсмотрѣніе ея Правительствующимъ Сенатомъ, причемъ, еслибъ оказалось, „свыше чаянія, что оные-жъ неудовольствованные челобитчики отъ своей неразумной продерзливости и онаго Сената правосудіемъ неудовольствуютъ, потомъ имъ уже больше никуда своего челобитья не имѣть, понеже тотъ вышній Сенатъ отъ Его Царскаго Величества высокоповѣреннымъ есть и въ особахъ честныхъ и знатныхъ состоитъ, которымъ не токмо челобитчиковы дѣла, но и правленіе государства повѣрено есть. И кто дерзнетъ о томъ Его Царскому Величеству бить челомъ, и тотъ смертному осужденію будетъ повиненъ" [1]). Этотъ указъ дѣлаетъ, такимъ образомъ, рѣшительный шагъ къ запрещенію переноса челобитій къ Государю, запрещаетъ жалобы на сенатскія рѣшенія и возлагаетъ на сенатскаго оберъ-секретаря обязанность предварительнаго разсмотрѣнія челобитій на Юстицъ-коллегію. Здѣсь сенатскій оберъ-секретарь долженъ былъ играть ту же роль, какую онъ временно игралъ по отношенію къ надзору за Сенатомъ, а именно—на него возлагалось исполненіе обязанностей, не вытекавшихъ совсѣмъ изъ существа его должности, и возлагалось только потому, что Государь еще не установилъ общей мѣры для избавленія себя отъ несносной докуки со стороны челобитчиковъ, не дающихъ Ему нигдѣ покоя, и въ то же время не рѣшался оставить въ рукахъ „вышняго Коллегіи юстиціи суда" и Сената

[1]) П. С. З., № 3251. Если смертное осужденіе было здѣсь лишь крайнимъ предѣломъ устрашенія челобитчиковъ, то, съ другой стороны, въ указѣ назначаются наказанія, примѣнявшіяся на практикѣ (какъ это будетъ отмѣчено ниже), а именно—указано, что „кто свыше указа дерзнетъ неосмотрительно учинить (т. е. подать Государю лично челобитье), то, за объявленнымъ симъ указомъ, они имѣютъ наказаны быть: изъ знатныхъ людей лишеніемъ чина или имѣнія, а другіе—изъ нижняго чина и подлые наказаніемъ жестокимъ" (ibid).

судебъ челобитчиковъ, ненашедшихъ и здѣсь „правосуднаго рѣшенія".

Несомнѣнно однако, что порученіе „выслушивать челобитныя" на Юстицъ-коллегію, данное оберъ-секретарю Сената, при множествѣ дѣлъ на немъ лежавшихъ, не могло привести ни къ какимъ благопріятнымъ результатамъ, и вотъ менѣе чѣмъ черезъ полтора года послѣ этого, въ указѣ отъ 13 мая 1720 г., Государемъ высказывается мысль о необходимости „опредѣленія особаго человѣка, персоны знатной", которая-бы, вмѣстѣ съ сенатскимъ секретаремъ Ив. Молчановымъ, принимала и разсматривала челобитья на коллегіи и канцеляріи въ чинимыхъ ими волокитахъ. „Персона знатная", съ титуломъ рекетмейстера, явилась, однако, не ранѣе 1722 г., и Ив. Молчанову, долго приходилось одному исправлять вышеуказанныя обязанности. Вслѣдствіе неопредѣленности указа 9 апрѣля 1720 г. это было весьма нелегко, почему названный секретарь и вошелъ въ Сенатъ вскорѣ съ обширнымъ докладомъ. Въ виду неизвѣстности этого доклада въ печати [1]), мы остановимся на немъ болѣе подробно, тѣмъ болѣе, что резолюція Правительствующаго Сената на этотъ докладъ вошла затѣмъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, и въ „Наказъ рекетмейстеру", т. е. имѣла продолжительное примѣненіе, а потому и заслуживаетъ вниманія. Молчановъ, получивъ 2-го августа инструкцію за рукою оберъ-секретаря Сената Щукина, въ которой воспроизводился краткій Указъ Государя отъ 9-го апрѣля, подалъ Сенату докладъ въ 13 пунктовъ, требуя резолюцію на нихъ, въ виду того, что „въ инструкціи не назначено, какія челобитныя порознь принимать". Пункты эти гласятъ слѣдующее: „1) буде въ челобитныхъ на вершеніе неправды не напишутъ, а напишутъ, что не по Регламенту, или не по указу вершено—принимать-ли? 2) буде напишутъ, что 1 или 2 персоны отъ коллежскихъ правителей, или изъ членовъ, что учинили (и) докладомъ вершено, принимать-ли? 3) буде президентскаго мнѣнія и подписки у сентенціи, за какимъ случаемъ, не будетъ, а подписали другіе правители, и на оное вершенье станутъ

[1]) С. А. Петровскій выражаетъ сожалѣніе, что ему не встрѣтилось „въ архивѣ (мин. юстиціи), ни въ сенатскихъ дѣлахъ вообще, ни въ дѣлахъ по рекетмейстерской конторѣ въ частности доклада, поданнаго въ Сенатъ Молчановымъ" (О Сенатѣ, стр. 187); докладъ этотъ, или доношеніе, мы нынѣ печатаемъ по подлиннику, находящемуся въ указанномъ архивѣ.

бить челомъ принимать-ли? 4) ежели по одной помѣченной челобитной дѣла не вершатъ, и станутъ бить челомъ и тѣхъ челобитенъ черезъ коликое время и много-ли ихъ числомъ принимать, или больше одной не принимать, а требовать извѣстія, положа присылкѣ тому извѣстію время, что по той первой челобитной учинено, а, не положа времени, оная присылка будетъ медлиться? 5) послѣ суда, или какихъ допросовъ, въ пополненіе, челобитенъ, вмѣсто уликъ въ коллегіяхъ, какъ у истцовъ, такъ и отвѣтчиковъ, по указу, принимать не станутъ, а они будутъ приносить, и такія челобитныя принимать-ли? 6) ставочныя челобитныя, ежели будутъ приносить, въ которыхъ напишутъ, что правители коллежскіе изъ коллегій выѣхали, или не были, принимать-ли? 7) изъ арміи и изъ гарнизоновъ штабъ-и оберъ-и унтеръ-офицеры, драгуны и солдаты и изъ губерній гражданскіе чины для дѣлъ будутъ отпущены и о скоромъ времени, чтобъ имъ на тѣ сроки, по отпускамъ, стать, станутъ бить челомъ, а по Регламенту велѣно вершить въ полгода и по тѣмъ челобитнымъ въ помѣтахъ о вершеніи въ тѣ сроки (освидѣтельствовавъ ихъ подлинно), а не въ полгода - писать-ли? 8) не бивъ челомъ въ коллегіяхъ (кромѣ иноземцевъ), будутъ приносить челобитныя—принимать-ли, или съ тѣми челобитными, не помѣтя ихъ, отсылать въ тѣ коллегіи, кому гдѣ надлежитъ бить челомъ? 9) челобитныя, помѣтя и въ книгу записавъ ихъ, отдавать ли съ расписками, или по нихъ указы посылать, понеже у тѣхъ указовъ надлежитъ быть печатямъ, за которые станутъ платить пошлины?“ [1]).

Не касаясь остальныхъ трехъ пунктовъ, поданныхъ Ив. Молчановымъ при доношеніи его въ Сенатъ [2]), замѣтимъ, что Сенатъ, разсмотрѣвъ 17 сентября того же года указанные выше пункты, далъ на нихъ обстоятельные отвѣты [3]), которые сводились къ слѣдующему. Во 1-хъ, въ подаваемыхъ челобитьяхъ должно быть написано, въ чемъ состоитъ „неправость и противность указамъ“ (какъ это уже требовалось и раньше) и только по

[1]) М. А. М. Ю., кн. 10/660, л. 76—89.

[2]) Въ этихъ пунктахъ Молчановъ указываетъ, „напримѣръ“, какихъ канцеляристовъ онъ хотѣлъ-бы имѣть для письмоводства, проситъ дать сторожа „для караула и для посылокъ драгуновъ 6 ч.“, починить палаты, „гдѣ сидѣть показано“, а равно указать, „гдѣ нынѣ сидѣть“, спрашиваетъ, гдѣ взять „мебель, канцелярскія принадлежности и впредь оный приказный расходъ откуда брать“ (пункты 10—12, ibid).

[3]) Они напечатаны въ П. С. З., № 3643, почему мы излагаемъ имъ лишь вкратцѣ.

такимъ челобитьямъ дѣла должны взноситься въ Сенатъ, причемъ, —въ случаѣ жалобъ на „нечиненіе въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ по челобитнымъ указовъ“, — коллегіи и канцеляріи должны быть понуждаемы къ „учиненію указовъ“, или въ случаѣ невозможности почему либо это сдѣлать —къ донесенію о причинахъ. Во 2-хъ, жалобы принимаются на рѣшеніе всей коллегіи. Въ 3-хъ, при отсутствіи мнѣнія и подписи президента, но при наличности подписи другихъ членовъ, требовать объясненія, „для чего президентскаго мнѣнія не подписано“. Въ 4-хъ, на челобитьяхъ, въ коихъ жалуются на „долговременныя волокиты“, подписывать о немедленномъ рѣшеніи, съ представленіемъ въ недѣльный срокъ отвѣта, „буде зачѣмъ указа учинить будетъ немочно“. Въ 5-хъ, челобитенъ, подаваемыхъ послѣ суда или допросовъ, не принимать. Въ 6-хъ, если челобитчики указывали, что имъ велѣно „стать на сроки“ въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ, а они, придя туда, никого не нашли, то надо освѣдомиться въ справедливости заявленія и до 12 часовъ дня челобитья принимать; буде, при справкѣ, окажется, что судьи „въ тѣхъ часахъ будутъ, и тѣ челобитныя отсылать къ тѣмъ судьямъ съ запискою“. Въ 7-хъ, челобитныя, по подписи ихъ, отдаются жалобщикамъ „для подачи, гдѣ надлежитъ“ съ расписками и по записи ихъ въ книгу. Въ 8-хъ, не принимать челобитныхъ отъ лицъ, не бившихъ челомъ предварительно въ подлежащихъ коллегіяхъ и канцеляріяхъ, а „велѣть имъ бить челомъ, гдѣ надлежитъ по указамъ“. При этомъ, буде о долгахъ, счетахъ, недоданномъ жалованьѣ бьютъ челомъ иностранцы, не знающіе, гдѣ надо подавать челобитья, послѣднія отъ нихъ принимаются, и на нихъ дѣлается помѣтка о разсмотрѣніи дѣла въ надлежащей коллегіи или канцеляріи.

Какъ вопросы, обращенные къ Сенату Молчановымъ, такъ и отвѣты на нихъ со стороны Сената, во 1-хъ, ясно показываютъ, какъ неудовлетворителенъ былъ, относительно указаній на направленіе дѣлъ по разсмотрѣнію челобитій, первоначальный, данный 9 апрѣля, Указъ Петра, а во 2-хъ, какъ трудно налаживалось дѣло въ коллегіяхъ. Случалось (какъ это видно и изъ послѣдующей практики генералъ-рекетмейстера), что челобитчики не находили судей въ коллегіяхъ, почему челобитья приходилось принимать тому же Молчанову, что затѣмъ приговоры не подписывались президентами коллегій, что жалобы не только

на „неправыя рѣшенія“, но и „на многовременныя волокиты“ продолжали раздаваться повсюду, хотя Петръ думалъ, что съ учрежденіемъ коллегій судъ будетъ „безпродолжительный“, и, такимъ образомъ, старое зло московскихъ приказовъ исчезнетъ.

Должность рекетмейстера впервые, какъ уже сказано, появляется подъ этимъ именемъ въ указѣ 12 января 1722 г.; черезъ нѣсколько дней, а именно 18 января, намѣчается и лицо для замѣщенія этой должности (Василій Кондратьевичъ Павловъ), затѣмъ 5 февраля дается рекетмейстеру и „Наказъ“ [1]). Хотя мы и не можемъ согласиться съ мнѣніемъ, высказаннымъ въ литературѣ, что пункты этого Наказа, „сходясь во всемъ главномъ съ инструкціею, данной Сенатомъ Молчанову, прибавляютъ и измѣняютъ только нѣсколько частныхъ подробностей“ [2]),—такъ какъ въ „Наказѣ“ находится немало существенныхъ нововведеній, но, во всякомъ случаѣ, въ инструкціи Сената, явившейся отвѣтомъ на пункты Молчанова, было нѣчто опредѣленное. Поэтому „персона знатная“, занявшая должность рекетмейстера, нашла для своей дѣятельности уже подготовленную почву, что, какъ мы знаемъ, невсегда бывало въ тогдашней практикѣ.

Остановимся на тѣхъ постановленіяхъ „Наказа рекетмейстеру“, которыя представляли собою какія-либо новшества. Таковъ прежде всего первый пунктъ „Наказа“. Установивъ, что рекетмейстеръ принимаетъ —какъ это дѣлалъ и Молчановъ — челобитныя на коллегіи и канцеляріи „во многовременныхъ волокитахъ“, Наказъ дѣлаетъ къ этому весьма существенную добавку. А именно, онъ говоритъ, что „такія челобитныя ему, рекетмейстеру, примая, въ тѣ коллегіи ходить самому и свидѣтельствовать. И буде по свидѣтельству, противъ того челобитья, такія волокиты явятся: и ему тѣхъ коллегій президентамъ говорить, дабы они оное дѣло рѣшили, по Регламенту, въ указанные сроки неотмѣнно; ежели-жъ въ указныя жъ числа того дѣла не рѣшатъ, то доносить ему Сенату, и требовать на оное рѣшеніе. Буде же будетъ челобитчикъ бить челомъ неправдою, то таковымъ, доложа Сенату, за ложное челобитье чинить наказаніе“. Эта добавка представляла

[1]) П. С. З., №№ 3877, 3900; Сбор. Имп. Русс. Ист. Общ., т. XI, стр. 447.

[2]) Петровскій, О Сенатѣ, стр. 190.

собою очень существенное новшество, имѣвшее весьма важное значеніе на практикѣ. Второй пунктъ, требуя, подобно второму-же пункту сенатской инструкціи, указанія въ челобитныхъ, въ чемъ состояла „неправость и противность“ указамъ, на которыя челобитчики жалуются, опять таки добавляетъ, что рекетмейстеръ, принявъ челобитья, долженъ, съ доклада сенатскаго, произвести изъ дѣла „подлинныя и перечневыя выписки“, къ которымъ члены данной коллегіи и челобитчики должны приложить руки, и лишь послѣ этого дѣла докладываются Сенату. Приложеніе рукъ служило для Сената гарантіею правильности выписокъ, и если коллежскіе члены и челобитчики не засвидѣтельствовали своими подписями этой правильности, дѣло берется въ Сенатъ цѣликомъ. Если первый пунктъ имѣлъ цѣлію понудить учрежденія путемъ не письменныхъ, но личныхъ сношеній къ ускоренію рѣшенія дѣлъ, то второй долженъ былъ гарантировать для челобитчиковъ правильность выписокъ, что, конечно, для нихъ имѣло существенное значеніе. Въ третьемъ пунктѣ рекетмейстеру предписывается, при неуказаніи челобитчиками, въ чемъ дѣло рѣшено „неправо и противно указамъ“, не возвращать безъ дальнѣйшихъ обсужденій челобитій, а подписывать на нихъ, чтобъ „они о томъ писали подлинно“, т. е., иначе говоря, надоумливать ихъ, а при обращеніи ихъ непосредственно къ рекетмейстеру, „не бивъ челомъ“ въ коллегіяхъ, не только говорить имъ объ этомъ, но и указывать тѣ коллегіи, „къ которымъ они присудственны“.

При подачѣ челобитныхъ „послѣ суда и допросовъ въ пополненіе“, челобитчики должны представляться рекетмейстеромъ Сенату, „а Сенату таковымъ учинить наказаніе, дабы впредь такъ другимъ дѣлать было неповадно“. Этого постановленія также не было въ сенатской инструкціи Молчанову, но и его нельзя не признать весьма существеннымъ; цѣлью его было прекращеніе затяжекъ въ разрѣшеніи дѣла, допускаемыхъ по какимъ-либо соображеніямъ самими челобитчиками. По отношенію къ челобитчикамъ-иноземцамъ Наказъ содержитъ то дополненіе, что ихъ челобитныя самъ рекетмейстеръ отсылаетъ въ соотвѣтствующія коллегіи „съ своими посланными при челобитчикахъ“, при чемъ съ президентовъ коллегій берутся расписки въ полученіи челобитій и приказывается записывать ихъ въ книги. Заключительный седьмой пунктъ Наказа опять

повторяетъ основной мотивъ утвержденія должности рекетмейстера, заключавшейся не въ отводѣ отъ Сената судебныхъ дѣлъ, а въ освобожденіи Государя отъ челобитій. Рекетмейстеру предписывается снова „смотрѣть того накрѣпко, чтобъ челобитчики, мимо опредѣленныхъ имъ судовъ и коллегій и канцелярій, Его Императорскому Величеству нигдѣ прошеній своихъ подавать и тѣмъ Его Величество утруждать не дерзали..."

Петровское законодательство, несомнѣнно, весьма упорядочило организацію государственнаго управленія, а созданіемъ инстанцій много сдѣлало для установленія извѣстнаго порядка въ движеніи какъ частныхъ, такъ и общихъ жалобъ населенія. Но потому ли, что населеніе плохо освоивалось съ этимъ сложнымъ механизмомъ новаго управленія, потому ли, что въ немъ еще жили старые взгляды на отношенія свои къ носителю Верховной власти, но населеніе продолжало осаждать Петра Великаго всякими, и дѣльными, и вздорными челобитьями. То же, что Петръ Великій, повидимому, испытывалъ и Іоаннъ Грозный, когда говорилъ въ одной изъ своихъ грамотъ по поводу этого непрерывнаго, немолчнаго тока челобитій къ Нему, что „Намъ отъ крестьянъ челобитья великія и докука была безпрестанная". . . Эта „докука" надоѣдала и великому Царю-Реформатору, отвлекая Его отъ великихъ думъ и дѣлъ. . . Однако, Онъ не былъ склоненъ только жаловаться на эту „докуку", но, во 1-хъ, отучалъ населеніе отъ обращенія къ Нему лично строгими наказаніями, а, во 2-хъ, завершалъ созданіемъ должности генералъ-рекетмейстера циклъ мѣръ, направленныхъ къ тому, чтобъ подданные не страдали ни отъ неправыхъ рѣшеній судей, ни отъ волокиты.

Посмотримъ теперь на практическую дѣятельность генералъ-рекетмейстера и его конторы, чтобы видѣть, къ какимъ результатамъ привела реформа. Несмотря на установленныя инстанціи и на образованіе должности генералъ-рекетмейстера, подача челобитенъ непосредственно Государю продолжалась и вызывала тѣмъ особое производство по челобитнымъ „у рекетмейстерскихъ дѣлъ". Въ 1722 г., 11 апрѣля, гренадеръ Шепелевъ привелъ, напримѣръ, „въ канцелярію Правительствующаго Сената суздальскаго дворцоваго крестьянина Мокія Соловьева, а сказалъ, что оный крестьянинъ подавалъ Его Императорскому Величеству челобитную. И Его Величество, принявъ ту

челобитную, отдалъ ему, Шепелеву, и приказалъ его съ тою челобитною отвесть въ Сенатъ къ генералъ-рекетмейстеру г-ну Павлову. И оный приводный крестьянинъ Мокій Соловьевъ въ канцелярію Сената принятъ и допрашиванъ. А въ допросѣ онъ, Мокій, сказалъ: сего апрѣля 11 дня подалъ онъ на Яузскомъ мосту Его Императорскому Величеству 5 челобитенъ, въ которыхъ написанъ титулъ Великія Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны; и надлежало было тѣ челобитныя подать въ домовой канцеляріи Ея Величества. А тѣ челобитныя написаны: первая—на неправое межеванье дьяка Андреяна Ратманова; другая—о завладѣніи земли и сѣнныхъ покосовъ Борисомъ Пушкинымъ; 3-я—о завладѣніи лѣсу князь Сергѣевыми крестьяны Голицына; 4-я—о дачѣ жалованья дому Ея Величества служителю Петру Бобровскому изъ казенныхъ житницъ; 5-я—о взяткахъ подьячаго Петра Лоскутова. И тѣ-де челобитныя Его Императорскому Величеству подалъ онъ для того, что челобитье ихъ было многое въ домовой канцеляріи, а рѣшенія не учинено. И чтобъ по поданію Его Величеству, по прежнему ихъ челобитью, рѣшеніе было учинено безволокитно; „а подавать тѣхъ челобитенъ Его Величеству никто его не научалъ, а подалъ собою". За свое „дерзновеніе" податель челобитенъ былъ, по указу Сената, битъ батогами, а затѣмъ, за подписью генералъ-рекетмейстера, копіи челобитенъ были разосланы, при указахъ, въ соотвѣтствующія коллегіи, а равно и въ домовую канцелярію Ея Величества. При этомъ случалось,—какъ это нерѣдко тогда бывало,—что указы попадали не туда, куда слѣдуетъ, такъ какъ разобраться въ компетенціи учрежденій того времени не всегда было подъ силу и Сенату. Такъ, когда подьячій А. Друковцевъ подалъ указъ Правительствующаго Сената въ Военную коллегію относительно взятокъ суздальскаго подьячаго Петра Лоскутова, о коихъ говорилось въ пятой челобитной, то президентъ Военной коллегіи, кн. Меншиковъ, „выслушавъ тотъ указъ", сказалъ, что „такихъ рекрутскихъ дѣлъ у нихъ нѣтъ, а потому указъ касается о взяткахъ до суздальскаго подьячаго въ рекрутскихъ дѣлахъ и городовые-де рекрутскіе наборы отправляются въ Каморъ-коллегіи и надлежитъ-де въ тое коллегію и указъ послать" [1]).

[1]) М. А. М. Ю., дѣла Пр. Сената, по рекетмейстерской конторѣ, кн. 1/1273, л. 86—90.

Интересно также еще отмѣтить, что челобитчики обычно при допросѣ „у рекетмейстерскихъ дѣлъ" показывали, что имъ неизвѣстны были указы, запрещавшіе подачу лично челобитенъ Государю, хотя эти указы и были публикованы. Петръ, не принимая подаваемыхъ Ему челобитенъ, отсылалъ ихъ, однако, всегда вмѣстѣ съ подателями къ генералъ-рекетмейстеру. Податели челобитенъ тотчасъ-же допрашивались у „рекетмейстерскихъ дѣлъ". Такъ, нѣкій крестьянинъ Тимоѳей Денисовъ на допросѣ показалъ, что „пришелъ онъ изъ вотчины помѣщика своего .... отъ общаго мірскаго совѣту въ Москву Его Императорскому Величеству бити челомъ помѣщика ихъ на человѣка Семена Петелина и написавъ де за Спасскими вороты на площади челобитную сего января 28 д. (1723 г.), въ Преображенскѣ у двора Его Императорскаго Величества, какъ Его Величество изволилъ съѣхать, Его Императорскому Величеству тое челобитную подавалъ. И Его-де Величество той челобитной принять у него не изволилъ, а указалъ съ тою челобитною отослать его къ рекетмейстерскимъ дѣламъ и той-де челобитной, чтобъ Его Императорскому Величеству подавать, никто его не научалъ и запретительныхъ указовъ, что Его Императорскому Величеству самому не бить челомъ и челобитенъ не подавать, не вѣдалъ" [1]). Другой челобитчикъ, посадскій человѣкъ Иванъ Нагибинъ, также заявилъ, что не зналъ о запретительныхъ указахъ и просилъ у Государя „самъ собою, а не по чьему наученью", что, однако, не избавляетъ его не только отъ битья кнутомъ, но и отъ ссылки въ каторжную работу. Это рѣшеніе Правительствующаго Сената обращаетъ особенно на себя вниманіе потому, что какъ видно изъ содержанія челобитной Нагибинъ просилъ „словесно" у Государя нетолько о своей обидѣ, но и „объ интересѣ Его Величества", а именно, „о негодной мѣди, которая лежитъ многіе годы на денежномъ монетномъ дворѣ, у которой мѣди въ утратѣ Его Величества интересу многія тысячи". Кажется, на наложеніе на него тяжкаго наказанія повліяло то обстоятельство, что Нагибинъ не только подавалъ челобитье, но дважды „словесно" безпокоилъ Государя на Преображенскомъ дворѣ. Когда Нагибинъ въ первый

[1]) М. А. М. Ю., дѣла Пр. Сената по рекетмейстерской конторѣ, кн. 5/1277, л. 134.

разъ „просилъ у Его Величества словесно объ интересѣ Его Величества и о своей обидѣ“, денщикъ Государя, „имени коего онъ не знаетъ, велѣлъ ему итти на генеральный дворъ и оный-де денщикъ велѣлъ ему дожидаться на крыльцѣ и какъ-де Его Величество изволилъ вытти изъ хоромъ и въ то-де время онъ, Нагибинъ, у Его Величества просилъ вторично о томъ же интересѣ и объ обидѣ своей и Его-де Величество указалъ ему, Нагибину, итти къ рекетмейстеру и онъ-де, Нагибинъ, пришедъ, на томъ же генеральномъ дворѣ подалъ рекетмейстеру о вышеупомянутой обидѣ челобитную, а ту де челобитную у него, Нагибина, рекетмейстеръ, принялъ и по пріемѣ-де той челобитной, взявъ его съ генеральнаго двора, ... солдатъ привелъ въ Сенатъ къ рекетмейстерскимъ дѣламъ“ [1]).

Насколько можно судить по архивнымъ даннымъ, вопросы, возбуждавшіеся просителями въ челобитныхъ, никогда почти не оставлялись безъ изслѣдованія, и Сенатъ, хотя и не безъ проволочекъ времени, но разсматривалъ ихъ, согласно доношеніямъ генералъ-рекетмейстера, и посылалъ затѣмъ соотвѣтствующіе указы о необходимыхъ справкахъ по дѣлу, а затѣмъ и о рѣшеніи дѣлъ. Посылка указовъ, впрочемъ, не всегда обезпечивала дѣйствительное исполненіе, какъ вслѣдствіе нерадѣнія и продолжительной волокиты, столь обычныхъ въ то время, такъ и вслѣдствіе различныхъ возраженій со стороны учрежденій. Укажемъ, для примѣра, одно изъ такихъ возраженій. Разсмотрѣвъ челобитье Нагибина, Правительствующій Сенатъ, между прочимъ, приказалъ „изслѣдовать и указъ учинить въ Бергъ-коллегіи“—„о зачетѣ, Нагибину, доимки, по прошенію его въ конторѣ монетнаго правленія, невыданныхъ ему изъ городовой канцеляріи, за строеніе кирпичныхъ заводовъ, денегъ 500 р., за взятую зеленую мѣдь во дворецъ 30 р., за учиненную имъ въ дѣлѣ пуговицъ и проволоки прибыль 100 р.“ Приложивъ къ своему доношенію въ Сенатъ справку о доимкѣ на Нагибинѣ, Бергъ-коллегія затѣмъ добавила: „а что оный Нагибинъ показалъ долги свои на городовой канцеляріи и учиненную въ пуговицахъ прибыль и взятую зеленую мѣдь во дворецъ, и въ томъ Бергъ-коллегіи справокъ чинить не надлежитъ, а надлежитъ ему, Нагибину, объ ономъ просить и стараніе

[1]) М. А. М. Ю., дѣла Пр. Сената по рекетмейстерской конторѣ, кн. 5/1267, л. 137, л. 225.

имѣть самому въ тѣхъ мѣстахъ, или въ Правительствующемъ Сенатѣ, понеже на немъ доимка въ Бергъ-коллегіи за взятыя изъ казны деньги; и ежели Бергъ-коллегіи о такихъ должникахъ имѣть справки, то въ правежѣ будетъ весьма продолженіе; да и оная Нагибина доимка съ прочими въ 722 году отослана для правежа въ магистратъ, которую на себя магистратъ и перенялъ..." [1]).

Не касаясь многихъ другихъ челобитенъ, подававшихся Государю и сохранившихся до нашего времени [2]), замѣтимъ, что каждая изъ нихъ вызывала рекетмейстера на цѣлый рядъ дѣйствій, какъ, напр., на допросъ жалобщика, посылку въ соотвѣтствующія учрежденія за справками, взятіе самого дѣла, вызвавшаго челобитную, въ контору рекетмейстера [3]), докладъ по немъ Сенату, или самому Государю, смотря по важности дѣла.

Какъ уже отмѣчалось нами по 1-му пункту Наказа, въ случаѣ жалобъ на волокиту, рекетмейстеръ долженъ былъ самъ отправиться въ данную коллегію и тамъ „президентамъ говорить, дабы они оное дѣло рѣшили по Регламенту въ указные сроки неотмѣнно", т. е., повидимому, не позднѣе шести мѣсяцевъ (по истеченіи перваго срока), а „ежели-жъ въ указныя-жъ числа того дѣла не рѣшатъ, то доносить ему Сенату и требовать на оное рѣшенія". Пунктъ этотъ возлагалъ, такимъ образомъ, на рекетмейстера (точнѣе на генералъ-рекетмейстера) весьма тяжелую обязанность—хожденія по учрежденіямъ съ требованіемъ объясненій о причинахъ волокиты по дѣламъ. Нынѣ намъ можетъ показаться очень страннымъ, что такимъ хожденіемъ и уговариваніемъ президентовъ не затягивать рѣшенія дѣлъ занимается „знатная персона", какимъ являлся и по закону, и въ глазахъ Петра, генералъ-рекетмейстеръ (по Табели о рангахъ, его должность состояла въ V классѣ). Но, кажется, ни въ чемъ, какъ въ указанномъ фактѣ, не сказались такъ сильно, съ одной стороны, представленіе Петра о важности служенія каждаго интересамъ государства и общества, а съ другой, стремленіе достичь дѣйствительнаго служенія этимъ интересамъ, не взирая ни на кого. Генералъ-рекетмейстеръ „персона знатная" по своему служебному положенію и непо-

[1]) М. А. М. Ю., дѣла Пр. Сената по рекетмейстерской конторѣ, кн. 5/1277, л. 225.
[2]) Ibid., л. 620, 626, 627; кн. 1/1273, л. 120, 121 и мн. др.; кн. 4/1276, л. 32 и сл.
[3]) Ibid., л. 127, 237; кн. 3/1275, л. 2—4, л. 9—10, 24, 28, 39.

средственной близости къ Государю, которому онъ докладываетъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, о челобитныхъ, но, это не препятствуетъ тому, чтобы онъ служилъ какъ-бы на посылкахъ и исполнялъ то, что теперь исполняется лишь второстепенными агентами главноначальствующихъ лицъ, разъ такое исполненіе могло, по мнѣнію законодателя, принести несомнѣнную пользу дѣлу. Превосходный дневникъ генералъ-рекетмейстера за 1723 24 г. г.,—сохранившійся въ одномъ изъ архивовъ и доселѣ вовсе неиспользованный въ литературѣ вопроса — отлично воспроизводитъ, въ многочисленныхъ своихъ записяхъ, это служеніе генералъ-рекетмейстера дѣлу, не путемъ переписки, а путемъ личнаго воздѣйствія на коллегіи и канцеляріи.

Воспроизведемъ и мы нѣкоторыя изъ записей названнаго дневника. „Сего числа", читаемъ запись отъ 3 сентября 1723 г., „генералъ - рекетмейстеръ ходилъ въ Юстицъ - коллегію и предложилъ челобитную съ именнымъ указомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы и въ тожъ время той коллегіи говорилъ, что многое время, по именному Императорскаго Величества указу, по Халяпину и армянскому дѣламъ рѣшенія не учинено, чтобы рѣшеніе немедленно учинили"; 27 ноября „ходилъ генералъ-рекетмейстеръ въ Вотчинную коллегію и той коллегіи президенту о дѣлѣ канцлера гр. господина Головкина съ бригадиромъ Корчминымъ, что многое время не рѣшено, также и о дѣлѣ бригадира Леонтьева и чтобы рѣшены были немедленно, говорилъ". На другой день, ввиду челобитья бригадира Леонтьева „о многой волокитѣ по дѣлу его съ канцлеромъ гр. Головкинымъ" рекетмейстеръ снова ходилъ въ Юстицъ-коллегію и „о многой по тому дѣлу волокитѣ членамъ и прокурору, чтобъ по оному дѣлу рѣшеніе было учинено немедленно, говорилъ", при чемъ изъ объясненія выяснилось, что, „того дѣла принимать не довелось за тѣмъ, что оное въ Московскомъ надворномъ судѣ не вершено" [1]). Генералъ-рекетмейстеръ ходилъ затѣмъ въ коллегіи по самымъ разнообразнымъ поводамъ. Такъ, по дѣлу „важенина, посадскаго человѣка Якова Давыдова", жаловавшагося на Юстицъ-коллегію, что его дѣло съ Яганомъ Греномъ не рѣшено ею, несмотря на то, что оно перенесено въ коллегію „тому третій годъ",—генералъ-

[1]) М. А. М. Ю., Меморіи Пр. Сената п геральдм. и рекетмейстерскимъ дѣламъ, 1724 г., кн. 54/1855, л. 139 и об., 149 и об., 150; срав. также л. 158 и об.

рекетмейстеръ не только посѣтилъ коллегію для понужденія къ скорѣйшему рѣшенію дѣла, но „и того дѣла смотрѣлъ“, вѣроятно, желая знать, почему оно такъ долго не рѣшается коллегіею. Въ другой разъ онъ былъ въ коллегіи по иному уже поводу, а именно говорилъ той коллегіи о присылкѣ дѣла секундъ-майора Воеводскаго [1]).

Иногда, посѣщенія учрежденій оканчивались для генералъ-рекетмейстера не совсѣмъ благополучно, что неудивительно, ввиду тогдашнихъ нравовъ. Такъ, генералъ-рекетмейстеромъ былъ возбужденъ 10 марта 1724 г. вопросъ въ Сенатѣ „объ очисткѣ ему для рекетмейстерскихъ дѣлъ палаты, въ которой онъ напредъ сего съ рекетмейстерскими дѣлами сидѣлъ“. Но, генералъ-прокуроръ Ягужинскій на это ходатайство сказалъ, что „та палата ему самому надобна и чтобъ онъ искалъ себѣ иную палату и на оное онъ, рекетмейстеръ, сказалъ, что кромѣ той палаты сидѣть ему негдѣ, на что генералъ-прокуроръ ему сказали, мы-де для тебя иной не складали“. В. К. Павловъ вошелъ тогда съ тою же просьбою къ Сенату, но „Пр. Сенатъ ничего ему не сказали“ и лишь тогда, когда онъ подалъ, 13 марта, письменное доношеніе, сенаторы „приказали послать указъ въ Камеръ-коллегію и къ московскому вице-губернатору объ отводѣ ему подъ контору, изъ дворцовыхъ палатъ, палаты“. Повидимому, для ускоренія этого отвода,—ввиду того, что онъ съ своими дѣлами не имѣлъ въ Москвѣ пристанища,—генералъ-рекетмейстеръ самъ отправился въ Камеръ-коллегію и „объ отводѣ ему палатъ президенту говорилъ, при чемъ той коллегіи прокуроръ Воейковъ на рекетмейстера кричалъ и высылалъ вонъ нечестно и на все вышеприказанное президентъ ему, генералъ-рекетмейстеру, резолюціи не учинилъ“ [2]). Пререканія объ отводѣ палаты подъ рекетмейстерскія дѣла характерны потому, что ясно вскрываютъ враждебныя отношенія къ Павлову Ягужинскаго. Такъ, между прочимъ, когда Павловъ докладывалъ Ягужинскому объ отводѣ палатъ, послѣдній „сказалъ, что

[1]) М. А. М. Ю., Меморіи Пр. Сената по герольд. и рекет. дѣламъ, 1724 г., кн. 54/1855, л. 161 об., л. 153.

[2]) Ibid., л. 168 и об. Пререканіе изъ-за палаты произошло потому, что когда въ мартѣ 1724 г. рекетмейстерскіе служители съ дѣлами прибыли въ Москву, то оказалось, что тѣ палаты, въ которыхъ сидѣлъ ген.-рекетмейстеръ съ дѣлами въ 1722—23 г.г. до поѣздки въ Петербургъ, заняты оставшимся въ Москвѣ сенатскимъ членомъ, ibid., л. 168 об.

де-ему, генералъ-прокурору, дѣла нѣтъ (до этого отвода), для того, что-де у него съ нимъ, генералъ-рекетмейстеромъ, не дружба, за которою говорить и мириться и дружбы съ нимъ водить не хочетъ, по тѣхъ мѣстъ, пока Его Императорское Величество его, генералъ-прокурора, отъ него оборонитъ". Сенаторы-же, въ своею очередь, находили, что „опредѣленіе" рекетмейстеру палаты—„не ихъ дѣло, а генералъ-прокурора" [1]).

Посѣщеніе рекетмейстеромъ лично тѣхъ или иныхъ коллегій имѣло нерѣдко положительный результатъ, о чемъ и записывалось. Такъ, напр., „генералъ-рекетмейстеръ ходилъ въ Вотчинную коллегію по челобитью суконной фабрики отъ компанейства Г. Александрова и о скоромъ рѣшеніи дѣла его съ Степаномъ Булгаковымъ той коллегіи говорилъ, на что ему коллегія отвѣтствовала, что рѣшено будетъ немедленно; въ собраніи были президентъ и члены"; иногда при этомъ хожденіи „оказывалось, что дѣло у нихъ (въ коллегіи –въ данномъ случаѣ Мануфактуръ-коллегіи) рѣшено", почему понуждать о рѣшеніи уже не приходилось; бывало, впрочемъ, что имъ усматривалось, при хожденіи, что „и приговоръ написанъ, только не закрѣпленъ", а челобитчикъ жаловался на волокиту и убытки; тогда онъ понуждалъ о рѣшеніи дѣла „въ указные сроки по Регламенту" и т. п. [2]).

Въ какихъ отношеніяхъ стоялъ генералъ-рекетмейстеръ къ Государю и Правительствующему Сенату? Отвѣтъ на эти вопросы дается тѣмъ же дневникомъ В. К. Павлова, добросовѣстно заносящимъ въ свои записки все важнѣйшее. Дневникъ этотъ по листамъ скрѣпленъ самимъ генералъ-рекетмейстеромъ, а потому представляется вполнѣ достовѣрнымъ источникомъ тѣхъ свѣдѣній, какія хотѣлъ сохранить В. К. Павловъ въ памяти. Коснемся прежде всего перваго вопроса. Отдавъ 21 октября 1723 г. приказъ всѣмъ канцелярскимъ служителямъ рекетмейстерскихъ дѣлъ приходить въ канцелярію повседневно въ пятомъ часу пополуночи, рекетмейстеръ поставилъ въ обязанность „дневальнымъ подьячимъ, каждому въ свое дневанье, освѣдомляться въ Сенатѣ о пришествіи Его Императорскаго Величества въ Сенатъ и, какъ освѣдомятся, что Его Императорское Величество изволитъ быть, то, неумедля, того жъ

[1]) М. А. М. Ю., Меморіи Пр. Сената по герольд. и рекет. дѣламъ, 1724 г., кн. 54/1855, л. 169 об.—170 и об.; ср. л. 177.

[2]) Ibid., л. 155 об., л. 163, л. 188 и об. и др.

часа, для извѣстія о томъ, къ генералъ-рекетмейстеру послать дневальнаго драгуна съ поспѣшеніемъ" [1]). Дневникъ довольно подробно описываетъ встрѣчи генералъ-рекетмейстера, какъ въ Сенатѣ, такъ и внѣ его, съ Государемъ. „Сего числа", говоритъ запись отъ 12 октября того же года, „какъ Е. И. В. изволилъ отъ сенатской пристани итти въ Сенатъ, въ то время Его Величеству генералъ-рекетмейстеръ докладывалъ, не изволитъ-ли Его Величество отъ рекетмейстерскихъ дѣлъ докладовъ, кои учинены по приговорамъ сенатскимъ, также и по челобитнымъ разныхъ людей, слушать и Его Величество указалъ, что о слушаніи тѣхъ докладовъ назначенъ ему будетъ день". Затѣмъ, 17 декабря, будучи на асамблеѣ у ген.-майора Головина, докладывалъ Его Императорскаго Величества генералъ-рекетмейстеръ, чтобъ у него хотя краткое доношеніе принять изволилъ и Его Величество изволилъ ему, генералъ-рекетмейстеру, сказать: „дай время" [2]). Въ слѣдующемъ 1724 г., въ записи отъ 14 января, читаемъ, что Государь „изволилъ быть въ присутствіи въ Сенатѣ, и при Его Величествѣ сенаторы и генералъ и оберъ-прокуроры, при томъ же былъ генералъ-рекетмейстеръ, для докладу Его Величества по доношеніямъ и докладамъ, и Его Величество ему, ген.-рекетмейстеру, изволилъ сказать, что-де стоишь, то перво тебѣ дѣла не будутъ", т. е. что его дѣла не будутъ докладываться первыми. Въ февралѣ (5-го числа) къ Павлову явился денщикъ Его Величества Бутурлинъ и „объявилъ указомъ Его Императорскаго Величества, чтобъ ему, ген.-рекетмейстеру, когда Его Величество изволитъ быть въ Сенатѣ, завсегда быть при Сенатѣ-жъ, понеже Его Величеству многіе челобитчики докучаютъ". Павловъ донесъ объ этомъ указѣ Правительствующему Сенату, доложивъ, что „ему положено сидѣть за уложеньемъ въ недѣлю по 3 дня, а въ тѣ дни иногда изволитъ быть въ Сенатъ Его Величество; о томъ что повелятъ? И Правительствующій Сенатъ приказали ему въ тѣ дни, когда Его Величество изволитъ быть въ Сенатъ, за уложеньемъ не сидѣть" [3]). Затѣмъ ген.-рекетмейстеру 1 сентября былъ объявленъ

[1]) По другой записи дневальные подьячіе должны доносить ген.-рекетмейстеру „и о сенаторахъ въ кое время изволятъ одни быть", л. 152.

[2]) М. А. М. Ю., Меморіи Пр. Сената по герольд. и рекет. дѣламъ, 1724 г., кн. 54/1855, 145 и об., 154 и об.

[3]) Ibid., л. 158 и об., л. 163 об., л. 184 об.

экзекуторомъ Сената Елагинымъ указъ Государя о порядкѣ доклада ему дѣлъ въ томъ случаѣ, когда Его Величество изволитъ присутствовать въ Сенатѣ, или въ которой коллегіи; этотъ указъ уже приводился нами выше (стр. 104). Интересно отмѣтить, что генералъ-рекетмейстеръ долженъ быть въ Сенатѣ въ присутствіи Государя не только для доклада Ему по дѣламъ, но и для пріема челобитенъ „понеже Его Величеству челобитчики докучаютъ“, несмотря на всѣ запрещенія подавать прошенія Государю лично. Вышеприведенный указъ, объявленный Бутурлинымъ В. К. Павлову, отлично передаетъ основной мотивъ учрежденія занимаемой имъ должности—отводъ челобитчиковъ отъ Государя.

Таковы данныя, характеризующія отношенія Петра къ генералъ-рекетмейстеру и его „дѣламъ“. Государь не всегда могъ улучать время, чтобъ ихъ разсматривать, но, когда Онъ только находилъ къ этому возможность, Онъ проявлялъ свое вниманіе и по отношенію къ нимъ.

Обратимся теперь къ записямъ, касающимся отношеній генералъ-рекетмейстера къ Сенату. Если вполнѣ положиться на эти записи, то необходимо признать, что Сенатъ, занятый множествомъ дѣлъ, не всегда находилъ достаточно времени для выслушиванія докладовъ генералъ-рекетмейстера. Если В. К. Павловъ не всегда могъ добиться помѣщенія для своей конторы, несмотря на указаніе, что, не имѣя пристанища, онъ не можетъ приняться за разборъ дѣлъ, то съ неменьшимъ трудомъ ему удавалось убѣдить сенаторовъ разсмотрѣть его доклады. Приведемъ хотя бы нѣсколько примѣровъ. Генералъ-рекетмейстеръ „докладывалъ о слушаніи отъ него дѣлъ“ (такихъ-то). И Правительствующій Сенатъ слушали „только дву приговоровъ“, а „другихъ дѣлъ ничего не слушали“, или „дѣлъ отъ него слушать не стали“, или —„ему сказали, что они слушать, за другими дѣлами, не будутъ“ и т. д.—таковы стереотипныя фразы, весьма нерѣдко встрѣчающіяся въ „дневникѣ“ [1]). Иногда, впрочемъ, дѣла эти только откладывались. Такъ, когда Павловъ внесъ по реестрамъ дѣла на разсмотрѣніе, эти дѣла „отъ слушанія отрѣшили для того, что не всѣ въ собраніи, а приказали быть для докладу съ дѣломъ дворцовой Ярополческой волости

[1]) М. А. М. Ю., Меморіи Пр. Сената по герольд. и рекет. дѣламъ, 1724 г., кн. 54/1855, л. 170, 170 об., 178, 179 и об., 183 и друг.

крестьянъ, которое съ гр. г. Матвѣевымъ, сего августа 20 дня (1723 г.), для чего приказали къ тому числу повѣстить всѣмъ сенаторамъ“ [1]): но такія записи чрезвычайно рѣдки, тогда какъ указанія, якобы на нежеланіе сенаторовъ слушать дѣла, взнесенныя рекетмейстеромъ, идутъ постоянно. Къ сожалѣнію, лишь очень рѣдко отмѣчаются мотивы этого, какъ это указано, было только-что нами и какъ, напр., это записано въ другомъ случаѣ, что „отъ него (ген.-рекетмейстера) дѣлъ не слушали для того, что другихъ (кромѣ двухъ) сенаторовъ не было“ (на засѣданіи). Затѣмъ, 21 августа 1724 г. сенаторы объявили В. К. Павлову, что „будутъ отъ него слушать дѣла всегда по средамъ“, но и это рѣшеніе мало помогло движенію рекетмейстерскихъ докладовъ: по крайней мѣрѣ, въ записи отъ 16 сентября читаемъ напр., что Павловъ „докладывалъ тому собранію (Сената) о слушаніи отъ него дѣлъ и по оному докладу дѣлъ отъ него не слушали“, причемъ отмѣченъ такой эпизодъ: „и томужъ собранію сенаторовъ онъ, ген.-рекетмейстеръ, подавалъ доношеніе со мнѣніемъ по дѣламъ Агафона Мѣшкова съ Карпомъ Сытинымъ и падчерицею его, котораго доношенія они, Правительствующій Сенатъ, не приняли и онъ, генералъ-рекетмейстеръ, то доношеніе положилъ имъ на столъ и въ то же время съ того-жъ доношенія копію при доношеніи подалъ генералъ-прокурору. Потомъ канцлеръ гр. Головкинъ означенное, поданное имъ доношеніе, отдавалъ ему, генералъ-рекетмейстеру, токмо онъ не принялъ и послѣ того вскорѣ сенатскій секретарь Богдановъ означенное поданное сенаторамъ, доношеніе, вынезчи (sic) изъ сенаторской палаты, отдалъ рекетмейстерскихъ дѣлъ секретарю Ермолаеву и сказалъ, что сенаторы велѣли отдать генералъ-рекетмейстеру“. Черезъ недѣлю то же дѣло было разсмотрѣно Правительствующимъ Сенатомъ [2]).

Откладывая разсмотрѣніе дѣлъ, взнесенныхъ генералъ-рекетмейстеромъ къ слушанію, сенаторы иногда указывали ему о взносѣ въ Сенатъ докладовъ по тѣмъ изъ дѣлъ, которыя они находили необходимымъ выдѣлить слушаніемъ; къ сожалѣнію, мотивы этого выдѣленія неизвѣстны [3]). Въ концѣ октября того-же года генералъ-рекетмейстеръ доложилъ генералъ-прокурору „о

[1]) М. А. М. Ю., Меморіи Пр. Сената по герольд. и рекет. дѣламъ, 1724 г., кн. 54/1855, л. 182.
[2]) Ibid., л. 181 об., 183, 187 и об., 188 об.
[3]) Ibid., л. 189 об., 191 об., 193,199.

слушанiи отъ него дѣлъ и притомъ доносилъ, что дѣла рекетмейстерскiя неслушанiемъ всѣ остановились и генералъ-прокуроръ ему сказалъ, что нетокмо рекетмейстерскiя дѣла, но и прочiя государственныя дѣла остановились-же и чтобъ онъ, генералъ-рекетмейстеръ, докладывалъ о томъ Правительствующему Сенату, а ему до того дѣла нѣтъ, а Правительствующiй Сенатъ стали слушать секретныхъ дѣлъ, потомъ пришли всѣхъ коллегiй президенты и члены и Правительствующiй Сенатъ стали слушать коллежскихъ дѣлъ, а рекетмейстерскихъ дѣлъ не слушали“.... Жалобы на такое отношенiе Правительствующаго Сената къ рекетмейстерскимъ дѣламъ продолжаются и позднѣе [1]).

Если, конечно, генералъ-рекетмейстеръ не могъ требовать исключительнаго вниманiя къ его докладамъ по челобитьямъ, такъ какъ у Правительствующаго Сената было очень много дѣлъ, казавшихся ему болѣе важными, чѣмъ означенныя дѣла, то, во всякомъ случаѣ указанныя жалобы свидѣтельствуютъ объ извѣстномъ невниманiи къ его требованiямъ. Изъ одного отвѣта сенаторовъ на требованiе генералъ-рекетмейстера выслушать отъ него дѣла, „за которыми челобитчики непрестанное хожденiе имѣютъ“, видно, что у рекетмейстера съ Сенатомъ было разногласiе также и о томъ, какiя дѣла подлежатъ слушанiю въ Сенатѣ и какiя нѣтъ. Именно, сенаторы „сказали что дѣлъ у него, генералъ-рекетмейстера, которыя не на неправыя вершенья, слушать не будутъ а, для слушанiя въ неправомъ вершеньи дѣлъ, будутъ нарочно сего мѣсяца (ноября) 12 числа“. Едва ли такое ограниченiе было правильно, такъ какъ по 1 пункту своего „Наказа“ генералъ-рекетмейстеръ долженъ былъ доносить Сенату и требовать отъ него рѣшенiя и въ случаѣ волокиты по дѣлу. Пререканiя генералъ-рекетмейстера съ Сенатомъ продолжались и даже вызвали со стороны Сената предложенiе генералъ-рекетмейстеру обратиться къ самому Государю [2]).

[1]) М. А. М. Ю., Меморiи Пр. Сената по герольд. и рекет. дѣламъ, 1724 г., кн. 54/1855, л. 193 об., 194, 195, 199 и др.

[2]) Такъ 16 декабря 1724 г. ген.-рекетмейстеръ подалъ Сенату „доношенiе о рѣшенiи дѣлъ по реестрамъ (его) и о дѣлахъ, что мимо рекетмейстерскихъ дѣлъ дѣлаются въ Сенатѣ и о прочемъ“. Выслушавъ это доношенiе сенаторы сказали, „чтобъ онъ, г.-р., показалъ именно, кто (изъ сенаторовъ) его съ тѣми дѣлами отрѣшаетъ, или бъ доносилъ Его Императорскому Величеству.“ Генералъ-рекетмейстеръ при этомъ просилъ чтобъ о слушанiи назначенъ былъ день и „Правительствующiй Сенатъ на оное резолюцiи никакой не учинили и въ протоколъ записать не велѣли, только генералъ-прокуроръ сказалъ, что нынѣ будутъ слушать штатскихъ дѣлъ“ (л. 199 об.).

Генералъ-рекетмейстеръ самъ заботился объ устройствѣ своей конторы. Такъ, онъ приказалъ „расписать повытья и чтобъ всякъ свое повытье зналъ и изъ другого повытья къ себѣ никого не брать безъ приказанья, а быть въ повытьяхъ въ 1—канцеляристу Алексѣю Григорьеву, у него подканцеляристу А. Чуфаровскому, копіисту Гавр. Бунину; во 2-мъ канцеляристу Андрею Сунгурову, у него подканцеляристу А. Аѳанасьеву, копіисту Гр. Безсонову, въ 3-мъ подканцеляристу Андрею Друковцеву, у него копіистамъ Алексѣю Бокову, Лукѣ Букину и дѣламъ раздѣлить по повытьямъ, а въ дополненіе копіистовъ написать въ Сенатъ доношеніе". Не мало прилагалъ В. К. Павловъ стараній и къ водворенію порядка внутри своей конторы. Одинъ изъ приказовъ отданныхъ имъ, свидѣтельствуетъ объ этомъ весьма наглядно. „Вижу я завсегда", говорится В. К. Павловымъ въ его приказѣ, „что канцелярскіе служители въ канцелярію приходили послѣ меня, о чемъ имъ подтверждено приказомъ съ подписаніемъ, чего не слушаютъ. Того ради подтвердить симъ приказомъ, чтобъ приходили въ канцелярію какъ по утру, такъ и пополудни и дѣла дѣлали нелѣностно, а другихъ словъ между собою о другихъ дѣлахъ ничего не говорили-бъ, а дѣлали-бъ всѣ дѣла, чего смотрѣть секретарю. А буде кто по утру придетъ позже генералъ-рекетмейстера, такихъ дневальному записывать, кто въ которомъ часу пришелъ, чтобъ можно было у всякаго, по Регламенту, вычесть изъ жалованья. А дневальнымъ, подъ такимъ-же штрафомъ, завсегда дневать и ночевать неотлучно. И о томъ дневальному повседневно подавать генералъ-рекетмейстеру репортъ; дневальнымъ же ввечеру спрашивать въ Сенатѣ о пришествіи Его Императорскаго Величества, также и о собраніи Правительствующаго Сената въ Сенатѣ и, по увѣдомленіи, когда Его Величество изволитъ, также и сенаторы, быть въ Сенатѣ, о томъ чрезъ караульнаго чинить вѣдомость рекетмейстру тогожъ числа и, во исполненіе сего, всѣмъ подписаться [1]". Генералъ-рекетмейстеръ закрѣплялъ самъ приговоры Правительствующаго Сената по рекетмейстерскимъ дѣламъ и посылалъ изъ своей конторы, на основаніи ихъ, соотвѣтствующіе указы [2]).

[1]) М. А. М. Ю., Меморіи Пр. Сената по герольд. и рекет. дѣламъ, 1724 г., кн. 54/1855, л. 177 об., л. 185 об.

[2]) Тамъ же, дѣла Пр. Сената по рекетмейстерской конторѣ, кн. 3/1275, л. 2—39.

Не касаясь всѣхъ другихъ вопросовъ, связанныхъ съ дѣятельностью генералъ-рекетмейстера, ввиду ихъ разработанности въ ученой литературѣ нашей[1]), ограничимся лишь вышеозначенными, главнымъ образомъ потому, что относительно ихъ имѣются архивныя данныя, доселѣ въ печати не использованныя.

V. Герольдмейстеръ: происхожденіе должности и ея функціи.

Уже въ „опредѣлительномъ“ о Правительствующемъ Сенатѣ указѣ было повелѣно „вмѣсто приказа разряднаго быть столу разрядному при вышеписанномъ Сенатѣ“. Какъ извѣстно, въ московскій періодъ исторіи нашей, такъ называемый „разрядъ“, или „разрядный приказъ“, вѣдалъ военное дѣло, служилыхъ людей, ихъ „верстаніе и приборъ“ на военную службу и, наконецъ, цѣлый рядъ городовъ, созданныхъ, по преимуществу, для цѣлей военной обороны. Изъ этихъ функцій прежняго разряда къ вновь образованному Сенату перешелъ, главнымъ образомъ, надзоръ за выполненіемъ военными (а затѣмъ и приказными) людьми ихъ служебныхъ обязанностей, и назначеніе ихъ на тѣ или иныя должности. Веденіе списковъ служилыхъ людей и приказныхъ, смотры недорослей и взрослыхъ, тщательное наблюденіе за тѣмъ, чтобъ никто не укрывался отъ службы, писаніе „въ чины“ (т. е. „въ должности“), посылка для исполненія различныхъ порученій и т. п., вотъ, въ немногихъ словахъ, весьма многосложныя обязанности, возложенныя Петромъ на Сенатъ и требовавшія отъ него большихъ усилій въ борьбѣ съ закоренѣлымъ московскимъ обычаемъ „нѣтства“, неявкою на смотры и на службу. Сенатъ также долженъ былъ наблюдать за исправнымъ состояніемъ списковъ, какъ дворянъ, такъ и приказныхъ людей, и заботиться о томъ, чтобы они были и содержали въ себѣ достовѣрныя свѣдѣнія о службѣ каждаго, что представляло тогда немалыя трудности. Образованный при сенатской канцеляріи разрядный столъ „наслѣдовалъ“, какъ за-

[1]) С. А. Петровскій. О Сенатѣ, стр. 185—202.

мѣчаетъ Павловъ-Сильванскій, „отъ бывшаго Разряда всѣ списки служилыхъ людей десятни, списки всѣхъ прежнихъ смотровъ и назначеній къ различнымъ должностямъ“ [1]). Остановимся кратко на изображеніи дѣятельности Сената въ указанныхъ вопросахъ.

Какъ самому Петру, такъ и Его Сенату приходится вести продолжительную и упорную борьбу съ „нѣтчиками“, причемъ Петръ,—возлагая на Сенатъ уже по одному указу 2 марта 1711 г. обязанность „дворянъ собрать молодыхъ, а наипаче тѣхъ, которые кроются, сыскать“, —одновременно повелѣвалъ, по другому „объявить въ народѣ“, что „кто такого сыщетъ, или возвѣститъ, тому отдать всѣ деревни того, кто ухоронивается“ [2]), т. е., желая здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, достичь дѣйствительнаго исполненія своего повелѣнія, Государь прибѣгалъ къ новой мѣрѣ -отдачѣ деревень нѣтчиковъ доносителямъ на нихъ. Въ свою очередь, Сенатъ, съ первыхъ-же дней своего существованія, усиленно занимается высылкою на службу дворянъ, царедворцевъ, подьячихъ, требуетъ доставленія ему списковъ ихъ, посылаетъ указы о ихъ розыскѣ и, наконецъ, производитъ отписку помѣстій и вотчинъ дворянъ и царедворцевъ за неявку на службу [3]). Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ воспроизвести подробно всѣ дѣйствія Сената по выполненію возложенной на него Петромъ обязанности, почему мы и ограничимся разсмотрѣніемъ двухъ только вопросовъ, а именно: во-первыхъ, вопроса о томъ, поскольку была удачна борьба Сената и самого Петра съ нѣтчиками, а во вторыхъ, —насколько Сенату удалось установить вполнѣ точные списки служилыхъ людей и приказныхъ, такъ какъ оба эти вопроса бросаютъ свѣтъ на обстоятельства, заставившія Петра прибѣгнуть къ установленію новой должности герольдмейстера.

Уже черезъ 2 недѣли послѣ своего образованія, а именно 13 марта 1711 г., Сенатъ, во исполненіе Петровскаго указа, составляетъ приговоръ о томъ, чтобъ съ указа (о донесеніи на укрывающихся отъ службы и объ отдачѣ доносителямъ ихъ деревень) „для

[1]) Павловъ-Сильванскій. Государевы служилые люди.—Происхожденіе русскаго дворянства. (СПБ., 1898 г.), стр. 281. Въ сочиненіи этомъ дается также довольно обстоятельный очеркъ положенія служилыхъ людей въ XVII в. передъ реформою, что позволяетъ намъ не касаться здѣсь этого вопроса (стр. 145—252).

[2]) П. С. З., №№ 2327, п. 3, 2330, п. 4.

[3]) Док. и пр. Пр. Сената, т. I, стр. 3, 4, 8, 13, 20, 28, 29, 45, 79, 151, 157, 175, 182 и мн. др.; т. II, ч. I, стр. 7, 23, 136, 152, 157; ч. II, 17, 18, 92, 278 и мн. др.

вѣдома, по градскимъ воротамъ, прибить листы, а въ губерніи къ ген.-губернаторамъ и губернаторамъ-же и ко управителю Московской губерніи послать вѣдѣніе"; 27 марта имъ предписывается, въ дополненіе къ этому приговору, „кроющимся" отъ службы и недорослямъ явиться къ 15 апрѣлю „въ канцелярію Вышнему Правительствующему Сенату, а кто не явится и съ тѣхъ, съ вышнихъ и нижнихъ чиновъ людей, взятъ будетъ штрафъ большой, смотря по персонѣ", о чемъ опять таки приказывается прибить листы „по градскимъ воротамъ". Въ іюлѣ того же года, Сенатъ предписываетъ отписать вотчины и помѣстья царедворцевъ, не явившихся на службу, и „для того изъ тѣхъ ихъ помѣстій и вотчинъ женъ и дѣтей ихъ выслать, и людямъ и крестьянамъ слушать ихъ не велѣть" [1]). Такъ идетъ изъ года въ годъ, и мы видимъ, какъ Сенатомъ отписываются имѣнія, то за неявку на смотры, то за неявку „по посылкамъ изъ канцеляріи Сената", то за побѣгъ изъ военной службы и т. д. [2]). Наряду съ этимъ идутъ наказанія, или угрозы ими, за небытіе на службѣ, за невысылку къ смотру, за укрывательство нѣтчиковъ и недорослей и т. д. Такъ, напр., въ приговорѣ сенатора и ген.-квартирмейстера В. А. Апухтина читаемъ, что „по прежнимъ и по сему Е. В. Г. указомъ, вышеписанныхъ Московской губерніи городовыхъ подьячихъ выслать по половинѣ къ смотру къ Москвѣ въ канцелярію Правительствующаго Сената на срокъ, изъ ближнихъ городовъ февраля къ 20, а изъ дальныхъ марта къ 1 числу нынѣшняго 714 году; а буде тѣхъ подьячихъ къ вышеписаннымъ числамъ выслано не будетъ, и за то Московской губерніи на ландрихтерѣ доправленъ будетъ (штрафъ)" [3]). Сенату приходится постоянно посылать и давать наказы для сыска и „ловли" бѣглыхъ со службы [4]).

[1]) Док. и пр. Пр. Сената, т. I, стр. 7, 23, 176 и мн. др.

[2]) Ibid., т. III, ч. I, стр. 2, ч. II, стр. 913, 1202, 1112 и сл.

[3]) Ibid., т. IV, ч. I, стр. 60; ч. II, стр. 653 и мн. др.

[4]) Въ одномъ изъ приговоровъ Сената читаемъ, напр., что посылаемому для такого сыска поручику Изжеурову „въ сыску бѣглыхъ драгунъ и солдатъ, противъ прежнихъ указовъ, которые посланы къ губернатору и къ оберъ-комендантомъ и комендантомъ, учинить вспоможеніе; а для письма подьячихъ и розсылки солдатъ давать безъ задержанія, чтобъ въ томъ сыску помѣшательства не учинилось; а къ нему Изжеурову о томъ, для вѣдома, послать указъ и велѣть по прежнему наказу, каковъ ему данъ изъ канцеляріи Сената, и по посланнымъ указомъ, бѣглыхъ драгунъ и солдатъ всѣхъ, которые явятся изъ розбору стольника Юрья Нелединского-Мелецкого, ловить и за карауломъ присылать къ Москвѣ въ канцелярію Сената, не замотчавъ же" (ibid., т. IV ч. 1, стр. 335).

Нельзя сказать, чтобъ указанныя мѣры, какъ и другія, имъ подобныя приводили всегда къ положительнымъ результатамъ. Что это такъ, ясно можно вывести изъ разсмотрѣнія указовъ Петра, шедшихъ параллельно съ этими мѣрами. Государь, видя безуспѣшность борьбы Сената съ нѣтчиками, а равно и съ бѣглецами со службы, все болѣе и болѣе усиливаетъ репрессіи какъ въ отдѣльныхъ своихъ указахъ, такъ и въ общемъ уголовномъ кодексѣ, созданномъ для арміи, а именно въ Воинскомъ уставѣ, обнародованномъ 30 марта 1716 г. [1]). Остановимся на нѣкоторыхъ изъ первыхъ, въ подтвержденіе сказаннаго. Въ 1716 г., напр., велѣно явиться на смотръ въ Москву, къ особо назначенному изъ Сената лицу, всѣмъ дворянамъ „отъ 30 до 10 лѣтъ возраста", при чемъ, въ случаѣ неявки въ срокъ, доносителю на тѣхъ, „кто сіе преслушаетъ", отдаются всѣ пожитки и деревни, „какого бы оный низкаго чина ни былъ, или хотя слуга" (неявившихся). Въ 1716 г. повелѣно было объявить публично имена явившихся на смотръ недорослей, разославъ ихъ списки по губерніямъ, гдѣ и „прибить въ городахъ и знатныхъ селахъ, чтобъ вѣдали которыхъ тутъ (въ спискахъ) нѣтъ и кроются" [2]). Хотя, какъ мы знаемъ, отысканіемъ неявившихся на службу занимались, какъ фискалы, такъ и частные доносители, „нѣтчиковъ" продолжало быть очень много. Не приводя здѣсь перечня всѣхъ Петровскихъ указовъ объ укрывающихся отъ службы или отъ смотровъ дворянъ, остановимся лишь на знаменитомъ указѣ отъ 11 января 1722 г., въ которомъ прямо констатируется, что несмотря на многіе указы, коими повелѣвалось „дабы шляхетство всякаго званія и отставные офицеры... для Нашего осмотра были въ Москву" къ опредѣленнымъ срокамъ, „но и по нынѣ явились не всѣ, преступая оные Наши указы". Въ виду этого, Петръ угрожаетъ ослушникамъ указа такимъ безпримѣрнымъ шельмованіемъ, что передъ нимъ блѣднѣютъ всѣ предшествовавшія мѣры и угрозы: „а ежели кто изъ оныхъ до того срока и на тотъ срокъ пріѣзда своего не запишетъ, и на смотръ не явится: и таковы будутъ шельмованы, и съ добрыми людьми ни въ какое дѣло причтены быть не могутъ, и ежели кто таковыхъ ограбитъ, ранитъ, что у

[1]) Объ этомъ уставѣ и системѣ его жестокихъ наказаній см. подробно въ изслѣдованіи А. Н. Филиппова: „О наказаніи по законодательству Петра Великаго" и пр., стр. 400 и сл.

[2]) П. С. З., №№ 2845, 2988.

нихъ отъиметъ, и у такихъ, а ежели и до смерти убьетъ, о такихъ челобитья не принимать, и суда имъ не давать, а движимое и недвижимое ихъ имѣнiи описаны будутъ на Насъ безповоротно... и по прошествiи вышеписанныхъ сроковъ всѣхъ нѣтчиковъ имена будутъ особо напечатаны, и для публики прибиты къ висилицамъ на площади, дабы о нихъ всякъ зналъ, яко преслушателей указамъ и равнымъ измѣнникамъ". Дальше въ угрозахъ грядущими карами идти уже было некуда, такъ какъ здѣсь „нѣтчикъ" не только публично осрамлялся, но какъ-бы и уподоблялся древнему wargus'у, человѣку-волку, лишавшемуся всякой защиты со стороны возставшей на него общины. Справедливость требуетъ замѣтить, что Петръ Великій дошелъ до этихъ крайнихъ предѣловъ устрашенія не сразу, а послѣ цѣлаго непрерывнаго ряда разныхъ мѣръ борьбы, какъ Сената, такъ и Его самого, противъ шляхетскаго непослушанія и „огурства", какъ говорили въ XVIII вѣкѣ, Его указамъ о службѣ. Часть указовъ этихъ перечисляется въ только что названномъ указѣ, при чемъ здѣсь отмѣчается также, что еще въ октябрѣ 1721 г. было повелѣно явиться на смотръ къ самому Государю и „записывать свои прiѣзды у стольника Степана Колычева" шляхетству и отставнымъ офицерамъ, но что изъ нихъ „и понынѣ" явились не всѣ, почему дается таковымъ послѣдній срокъ для явки 31 января 1722 г. Интересно, что этотъ указъ, доведшій до крайности угрозы осрамительными наказаніями, былъ данъ наканунѣ другого знаменитаго указа, указа создавшаго при Правительствующемъ Сенатѣ, -вмѣстѣ съ должностями генералъ и оберъ-прокуроровъ, рекетмейстера, также и должность герольдмейстера, при чемъ эту должность занялъ тотъ же Колычевъ, неоднократно и раньше завѣдывавшій смотрами и провѣркою списковъ [1]). Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, Петръ не ограничился только карательными мѣрами, но стремился помочь устроенiю служилаго класса учрежденiемъ новой отвѣтственной должности, въ коей сосредоточивалось бы все управленiе дѣломъ. Нуженъ былъ,—какъ выражается самъ Петръ въ указѣ 12 января 1722 г.—„герольдмейстеръ, или иной какой чинъ, кто бы дворянъ вѣдалъ и всегда представлялъ къ дѣламъ, когда спросятъ".

[1]) П. С. З., №№ 3874, 3877.

Уже назначеніе Колычева, задолго до учрежденія должности герольдмейстера, къ завѣдыванію смотрами и къ провѣркѣ списковъ, а равно и вытребованіе имъ ихъ изъ губерній, буде они въ Сенатѣ налицо не находились [1]), -показываетъ, что Петръ былъ недоволенъ дѣятельностью Сената [2]), но не сразу, однако, пришелъ къ мысли объ изъятіи изъ его непосредственнаго вѣдомства служилаго класса. Сенатъ добросовѣстно, въ теченіе десяти лѣтъ, исполнялъ свои обязанности и посвящалъ смотрамъ, разсмотрѣнію списковъ, распредѣленію на службу служилыхъ людей и другимъ подобнымъ дѣламъ немало времени. Такъ, напр., въ приговорѣ отъ 4 августа 1712 г. читаемъ, что Сенатъ „слушалъ списка бояръ, окольничихъ, думныхъ и ближнихъ людей, стольниковъ комнатныхъ, и стольниковъ же, и стряпчихъ, и дворянъ московскихъ и дьяковъ и жильцовъ, генераловъ, бригадировъ, полковниковъ и офицеровъ, ландрихтеровъ и комиссаровъ, которые живутъ въ Москвѣ и въ арміи и вдовъ и недорослей“, списокъ, въ которомъ было написано 1212 человѣкъ, и опредѣлилъ „имъ жить на Котлинѣ-островѣ“ [3]). Конечно, прослушать этотъ списокъ и отнестись внимательно къ его содержанію требовало извѣстнаго времени. Но это было только началомъ дѣла, такъ какъ нужно затѣмъ было слѣдить за выполненіемъ означенными въ спискѣ лицами ихъ новой обязанности и предпринимать цѣлый рядъ мѣръ понужденія. Впрочемъ, уже само добываніе списковъ служилыхъ людей разнаго рода, а равно и повѣрка свѣдѣній, въ нихъ заключавшихся, было также дѣломъ нелегкимъ, и въ приговорахъ Сената мы постоянно находимъ его требованія, посылаемыя въ губерніи, о доставленіи списковъ, объ ихъ исправленіи и дополненіи и пр. Кромѣ этого, новыя условія, создававшіяся для несенія службы, какъ военной, такъ и гражданской, рядомъ Петровскихъ узаконеній, вызывали сосредоточіе всѣхъ дѣлъ о службѣ въ однѣхъ рукахъ въ цѣляхъ дальнѣйшаго ея развитія. Все это и отразилось на вопросѣ о постановкѣ должности герольдмейстера. Въ инструкціи, данной герольдмейстеру 5 февраля 1722 г., вскорѣ по его назначеніи на должность [4]), мы нахо-

[1]) П. С. З., №№ 3810, 3820, 3825, 3836.

[2]) Петровскій, О Сенатѣ, стр. 215.

[3]) Док. и пр. Пр. Сената, т. II, ч. 2, стр. 100—112.

[4]) С. А. Петровскій говоритъ, что „5 февраля 1722 г. назначается герольдмейстеръ и дается ему инструкція“ (ibid., стр. 217). Но, однако, уже въ одномъ изъ пунктовъ, при-

димъ вполнѣ опредѣленное изображенiе его обязанностей, почему мы и обратимся къ обзору ея содержанiя.

„Наказъ“ или „Инструкцiя“ герольдмейстеру состоитъ изъ пяти пунктовъ, изъ коихъ первый обязываетъ его „всего государства всѣхъ дворянъ списки имѣть троякiе“ [1]); второй — „учинить краткую школу“ [2]) и „отъ всякой, знатныхъ и среднихъ фамилiй, обучать экономiи и гражданству“, наблюдая, „дабы въ гражданствѣ болѣе трети отъ каждой фамилiи не было, чтобъ служилыхъ на землѣ и на морѣ не оскудѣть“; третiй пунктъ предписываетъ ему смотрѣть, „дабы, подъ именемъ малыхъ дѣлъ, по городамъ не укрывались, не маня никому, подъ штрафомъ натуральной, или политической смерти“. „Смотрѣнiе“ со стороны герольдмейстера надъ гражданскими чинами должно было имѣть своимъ результатомъ то, что „когда съ какимъ дѣломъ гражданскимъ, какая или какiя персоны понадобятся въ Сенатѣ, чтобъ тотчасъ представить на примѣръ (т. е. въ качествѣ кандидатовъ) могъ, смотря по дѣлу и по его состоянiю, кто къ чему достоенъ, и потомъ въ тѣ мѣста отсылать, кого въ Сенатѣ опредѣлятъ“. Четвертый пунктъ „Инструкцiи“ говоритъ не о какой-либо обязанности герольдмейстера, а требуетъ отъ коллегiй и канцелярiй, а равно и отъ губернскихъ начальствъ, отсылки къ герольдмейстеру всѣхъ свободныхъ отъ порученныхъ имъ дѣлъ, опять-таки въ тѣхъ цѣляхъ, чтобъ они, „подъ именемъ прежнихъ дѣлъ, въ домахъ своихъ не укрывались“. Наконецъ, пятый пунктъ возлагаетъ на герольдмейстера обязанность „вписывать во дворянскiе списки“ лицъ, которыя дослужатся до оберъ-офицерства не изъ дворянъ“, а равно и ихъ „дѣтей, которыя родятся въ оберъ-офицерствѣ“. „Дѣло сiе — новаго основанiя“, говоритъ объ этомъ пунктѣ самъ законо-

ложенной къ „Табели о рангахъ“ отъ 24 января 1722 г. указывается, что „для сего дѣла (для доказательства дворянства и пр.) опредѣлили Мы герольдмейстера“ (П. С. З., № 3890, п. 16). Назначенiе послѣдовало, повидимому, еще 18 января (Сбор. Имп. Русс. Ист. Общ., т. XI, стр. 471).

[1]) Списки эти должны были быть: „1) генеральные именные и порознь по чинамъ; 2) кто изъ нихъ къ дѣламъ годится, и употреблены будутъ, и къ какимъ порознь, и за тѣмъ оныхъ останется; 3) что у кого дѣтей, и въ каковы мѣста, и впредь кто родится и умретъ мужскаго пола“. (П. С. З., № 3896).

[2]) Мотивомъ къ созданiю такой элементарной школы выставлено то соображенiе, что „здѣсь еще ученiи не гораздо вкоренились, а особливо въ экономическихъ дѣлахъ, почитай, ничего нѣтъ“, почему „пока академiи исправятся“, герольдмейстеръ и долженъ учинить вышеуказанную „краткую школу“.

датель, „того ради надлежитъ ему (герольдмейстеру) ко управленію герольдмейстерской должности искать всякаго способа". И, дѣйствительно, пунктъ этотъ, вмѣстѣ съ пунктомъ 2-мъ („о краткой школѣ"), являются новшествами въ дѣлѣ организаціи служилаго класса,—новшествами, вызванными какъ „Табелью о рангахъ", незадолго передъ этимъ утвержденной [1]), такъ и тѣмъ преобразованіемъ административныхъ учрежденій, которое закончилось введеніемъ коллегіальнаго принципа въ управленіе и которое создавало обширнѣйшій кругъ лицъ, посвящавшихъ себя „дѣламъ гражданскимъ", требовавшимъ, по словамъ Петра, знанія „экономіи и гражданства".

Остальные пункты „Инструкціи",—касаясь обязанностей, лежавшихъ раньше на Сенатѣ (веденіе списковъ, наблюденіе за укрывающимися отъ службы, собраніе свѣдѣній о лицахъ, свободныхъ отъ дѣлъ, а, слѣдовательно, и могущихъ быть назначенными вновь на службу),—не представляютъ собою, по существу, чего-либо новаго, а лишь имѣютъ въ виду указать герольдмейстеру на лучшіе способы осуществленія этихъ обязанностей, такъ какъ сенатская практика не была всегда здѣсь удачна, часто, впрочемъ, по независящимъ отъ Сената обстоятельствамъ. Такъ, пунктъ 1-ый, говоря о веденіи „троякихъ списковъ", предписываетъ отдать герольдмейстеру всѣ „прежніе шляхетскіе списки, которые есть при Сенатѣ и остались въ прежнемъ разрядѣ". Но, предвидя вполнѣ основательно, что тѣми списками „довольну быть невозможно, понеже тѣ списки прошедшихъ лѣтъ, въ которыхъ можетъ многая перемѣна, и умершіе, и новорожденные", инструкція предписываетъ сообщить изъ Военной и Адмиралтейской коллегій герольдмейстеру списки военныхъ, сухопутныхъ и морскихъ чиновъ, какъ изъ шляхетства, такъ и изъ дослужившихся до оберъ-офицерскаго ранга, дававшаго права потомственнаго дворянства. Самъ же герольдмейстеръ долженъ составлять списки дворянъ „изъ нынѣшнихъ пріѣздовъ и смотра, порознь по чинамъ, и что у нихъ дѣтей и свойственниковъ мужеска пола, и въ каковы лѣта, и въ какомъ ученіи, или, кромѣ ученія, при нихъ въ домахъ живутъ". Чтобъ обезпечить герольдмейстеру возможность имѣть „вѣрныя и обстоятельныя вѣдомости о находящихся у дѣлъ дворянахъ, а равно живущихъ

[1]) А именно 24 января 1722 г. (П. С. З., № 3890).

[illegible] 282

[illegible]

[illegible] 6 февраля 1718

Получено февраля 22 дня [illegible] году

Собственноручный указъ Петра Великаго Сенату
отъ 6-го февраля 1718 г.

по домамъ, рождающихся и умирающихъ", коллегіи, канцеляріи, губерніи и провинціи обязаны были погодно доставлять ему всѣ указанныя свѣдѣнія. По отношенію къ лицамъ, дослужившимся до потомственнаго дворянства, пятый пунктъ инструкціи предписываетъ герольдмейстеру обдумать,—и „что по тому изобрѣтено будетъ обстоятельно доносить Сенату",—„какимъ образомъ, или порядкомъ, знатныхъ и прочихъ фамилій въ родословныхъ и прежнихъ гербахъ и вновь данныхъ содержаніи быть имѣютъ, и для того къ тому пристойныя книги другихъ государствъ пріискивать и переводить". По одному изъ пунктовъ, данныхъ Сенату 12 апрѣля того же 1722 г., для составленія этихъ гербовъ былъ опредѣленъ „въ товарищахъ у герольдмейстера иноземецъ графъ Францышка Сантій" (Санти) [1]).

Надо еще отмѣтить, что какъ въ пунктахъ, приложенныхъ къ „Табели о рангахъ", такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ узаконеніяхъ, явившихся послѣ инструкціи герольдмейстеру, содержатся постановленія, то ее разъясняющія, то дополняющія. Такъ, въ 16-мъ пунктѣ къ „Табели" говорится, что „всѣмъ, кто хочетъ имѣть гербы, надлежитъ приходить къ герольдмейстеру и доношенія подавать и рѣшенія требовать, какъ слѣдуетъ; кто имѣетъ дворянство, и на оное гербы, дабы доказывали, что они, или предки ихъ, отъ какого надданія (ихъ) имѣли". Въ случаѣ, если проситель не докажетъ своего притязанія, о томъ герольдмейстеръ доноситъ Сенату, а „въ Сенатѣ, о томъ разсмотря, доносить Намъ". То же должно дѣлаться въ томъ случаѣ, если кто изъ дворянъ будетъ просить „за явныя службы о надданіи", а равно надлежало и дослужившимся, русскимъ и иноземцамъ, „давать гербы, смотря по заслугамъ". Интересно также, что гербы даются и тѣмъ, „которые не были въ воинской службѣ и ничего не заслужили, но могутъ доказать не меньше ста лѣтъ" и пр. [2]). Изъ отдѣльныхъ указовъ отмѣтимъ еще указъ, данный въ одинъ день съ „Инструкціею" и устанавливающій отношеніе Сената къ герольдмейстеру. Если, говорится во 2-мъ пунктѣ этого указа, понадобится назначить дворянъ къ гражданскимъ дѣламъ въ коллегіи, губерніи и на воеводства,—такихъ „безъ указа сенатскаго ни въ какой урядъ не опредѣлять, но, выбравъ—представлять въ Се-

[1]) Сбор. Имп. Русс. Ист. Общ., т. XI, стр. 464.

[2]) П. С. З., № 3890, пунктъ 16.

натѣ, а буде не могутъ выбрать, то о вакансіяхъ подавать доношенія въ Сенатѣ-жъ, противъ чего давать изъ Сената указъ герольдмейстеру, дабы онъ ихъ представлялъ Сенату". Когда Сенатъ опредѣлитъ кого къ какому дѣлу, то герольдмейстеру даетъ знать, что такой-то, по указу Сената, вручаемому и самому назначенному лицу, къ такому дѣлу опредѣленъ. Затѣмъ надлежало „публиковать въ народѣ, чтобъ безъ такихъ указовъ ни кому не вѣрили, дабы каждый знаемъ былъ, гдѣ кто и какихъ дѣлъ" [1]). Другой указъ отъ 20 февраля заслуживаетъ вниманія по той роли, какая отводится герольдмейстеру уже самимъ Сенатомъ по отношенію лицъ наказанныхъ, но не получившихъ еще „публичнаго прощенія". Въ этомъ указѣ Сенатъ констатируетъ, что въ столовой палатѣ (во дворцѣ) „являются на смотръ офицеры и дворяне и прочихъ чиновъ люди, которые за вины (свои) были въ публичныхъ наказаніяхъ (тѣлесныхъ) и въ галерныхъ и прочихъ работахъ на урочные годы, и которые въ оныя же работы и вѣчно были посланы, а знаковъ на нихъ никакихъ не положено, свобожены въ домы, а публичнаго прощенія не получили и прежнихъ ранговъ имъ не дано, и въ число добрыхъ людей не причтены и въ народъ не публикованы". Такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь указаніе на взглядъ общества того времени, что каково бы ни было наказаніе, но разъ его отбылъ наказанный, онъ уже считаетъ себя въ правѣ являться публично на смотрахъ и т. д., не испрашивая себѣ прощенія, о которомъ говоритъ указъ 4 ноября 1721 г. Сенатъ, какъ раньше и Петръ, вооружается противъ этого взгляда, почему и предписываетъ герольдмейстеру объявить всѣмъ вышеуказаннымъ лицамъ, не получившимъ „публичнаго прощенія", чтобъ они представили свѣдѣнія, за какія „вины" они были наказаны; затѣмъ герольдмейстеръ сообщалъ ихъ списокъ Сенату, который о прощеніи ихъ долженъ былъ „учинить указъ". Если же такія лица явятся на смотрахъ до объявленія о своихъ „винахъ" и „штрафованіяхъ" герольдмейстеру, то „таковыя будутъ жестоко наказаны и прощенія уже никогда не получатъ", какъ говоритъ въ заключеніе тотъ же указъ [2]). Такимъ образомъ, здѣсь герольдмейстеръ долженъ

[1]) П. С. З., № 3897.

[2]) П. С. З., № 3909; срав. указъ 4 ноября 1721 г.; П. С. З., № 3842. Болѣе подробныя свѣдѣнія по вопросу о лишеніи чести см. въ изслѣдованіи А. Н. Филиппова: „О наказаніи по законодательству Петра Великаго" и пр., стр. 271 и сл.

былъ бороться противъ стараго взгляда на тѣлесныя (какъ и другія, лишающія чести) наказанія, какъ на такія, которыя, по отбытіи ихъ, не мѣшаютъ человѣку чувствовать себя „въ равенствѣ съ своею братіею", какъ говорится въ Генеральномъ регламентѣ.

Мы коснулись выше законодательныхъ опредѣленій о герольдмейстерѣ и его отношеніи къ Сенату. Приведемъ теперь нѣкоторыя данныя изъ практики того времени, поскольку о ней можно судить по архивнымъ даннымъ.

Герольдмейстеръ представлялъ Сенату на смотръ разнаго рода служилыхъ людей, дѣлая предварительно на нихъ тѣ или иныя „размѣтки", которыя Сенатъ обычно принималъ во вниманіе. Сенатскіе приговоры по герольдмейстерскимъ дѣламъ довольно однообразно гласятъ слѣдующее: „Правительствующій Сенатъ, смотря по спискамъ", представленнымъ отъ герольдмейстера, приказываетъ, напр., „по размѣткамъ герольдмейстерскимъ, старыхъ увѣчныхъ и негодныхъ (капраловъ, драгунъ и солдатъ) отпустить въ домы ихъ вовсе, а которые отмѣчены въ валовой списокъ и къ воеводамъ въ посылки, тѣхъ отпустить до указу и дать имъ пашпорты; а что они явились послѣ указаннаго сроку и то имъ въ вину не ставить для того: прошедшаго августа 2 дня 1722 г. въ указѣ Его Императорскаго Величества изъ Правительствующаго Сената въ канцелярію герольдмейстерскихъ дѣлъ написано которые у герольдмейстерскихъ дѣлъ явились, хотя и послѣ указныхъ сроковъ.... тѣхъ старыхъ и увѣчныхъ и дряхлыхъ, за болѣзньми, и которые въ денежномъ окладѣ, а иные написаны будутъ въ валовой списокъ и такихъ, съ смотру сенатскаго и по размѣткамъ герольдмейстерскимъ, давъ пашпорты отпускать въ домы для того: понеже объ оныхъ нижнихъ чинахъ, что (бъ) явиться на смотръ, Его Императорскаго Величества указами не опредѣлено". Или, „по спискамъ городовыхъ подьячихъ, которые высланы въ Москву и у герольдмейстера на смотрѣ были, а именно (перечисляются провинціи), которыхъ, въ отпускъ штата первой половины, подьячихъ не достало, по размѣткамъ герольдмейстера, которые подьячіе отмѣчены въ помянутые провинціи къ воеводамъ, къ камерирамъ, къ рентмейстерамъ и прочимъ дѣламъ, тѣхъ, по размѣткамъ герольдмейстерскимъ, отпустить въ провинцію, по прежнему, къ дѣламъ въ указное число,

въ зачетъ штата. А которые отмѣчены въ коллегіи и прочія мѣста, тѣхъ, по тѣмъ размѣткамъ, отослать въ тѣ мѣста, а старыхъ и негодныхъ, по размѣткамъ же герольдмейстерскимъ, отпустить въ домы по прежнему и въ провинціяхъ тѣмъ старымъ и негоднымъ, въ опредѣленномъ указномъ числѣ штата не быть и о томъ, куда надлежитъ, послать указы". Или еще, напр., Правительствующій Сенатъ, „смотря поручика Дмитрія Неклюдова, прапорщика Ивана Макшеева приказали, по размѣткамъ герольдмейстера г. Плещеева [1]), Неклюдова, для опредѣленія къ дѣламъ, отослать въ Камеръ-коллегію, Макшеева, за болѣзнь, написать въ валовой и отпустить въ домъ до указу, покамѣстъ вылѣчится, и дать ему пашпортъ (изъ герольдмейстерской конторы); а что они въ герольдмейстерской конторѣ явились послѣ указаннаго срока, и въ томъ ихъ винности нѣтъ, для того, что они отъ полковой службы отставлены, изъ Военной коллегіи въ герольдмейстерскую контору присланы въ нынѣшнемъ 723 г., послѣ указнаго срока" [2]).

Таковы были приговоры Сената, обычно утверждавшаго „размѣтки" герольдмейстера о службѣ тѣхъ или иныхъ лицъ. Подготовляя надлежащій матеріалъ, герольдмейстеръ, съ одной стороны, значительно облегчалъ Сенатъ, а съ другой, -упорядочивалъ веденіе дѣла: онъ, при томъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, давалъ Сенату объясненія о своихъ „размѣткахъ", что создавало извѣстную его отвѣтственность.

Остановимся также на нѣкоторыхъ приговорахъ самого герольдмейстера. Такъ, напр., января 3 дня 1723 г. „по указу Его Императорскаго Величества герольдмейстеръ Иванъ Никифоровичъ Плещеевъ съ товарищи, слушавъ сей выписки (а именно объ отсылкѣ новгородца, городового дворянина Андрея Толбугина къ прежнему дѣлу), приказали: новгородца, городового дворянина Андрея Павлова сына Толбугина къ вальдмейстерскимъ дѣламъ не отсылать, а отослать его къ прежнему дѣлу въ Бергъ-коллегію для того, что, по требованію той коллегіи и по приговору Правительствующаго Сената, августа 13 дня, отосланъ

[1]) С. А. Колычевъ недолго оставался въ должности герольдмейстера, такъ какъ уже 2 мая 1722 г. герольдмейстеромъ былъ назначенъ полковникъ И. Н. Плещеевъ (Арх. Сен., Высоч. ук. и повел., кн. 18, л. 446).

[2]) М. А. М. Ю., меморіи Пр. Сената по герольдм. и рекетм. дѣламъ, 1723 и 1724 г.г., кн. 54/8155, л. 15, 21 об. и сл., л. 56 и мн. друг.

онъ въ тое коллегію къ ловлѣ земчюгу (жемчуга), у котораго дѣла нынѣ обрѣтается, чего ради, не справясь съ Бергъ-коллегіею и высылать его, Толбугина, въ Москву не надлежало, и о томъ, куда надлежитъ, послать указъ, а за неправку подьячему учинить наказаніе—бить батоги" [1]). Изъ другого приговора узнаемъ, что „герольдмейстеръ съ товарищи" приказали послать къ ген.-майору Чернышеву промеморію о сыскѣ подьячихъ, съ предупрежденіемъ, что „ежели оные отъ сыску станутъ укрываться, то тѣхъ подьячихъ дворы и пожитки, до указу, запечатать для того, что они, по отсылкѣ въ Военную коллегію, какъ въ той коллегіи, такъ и по присылкѣ изъ той коллегіи, имянъ ихъ, въ герольдмейстерскую канцелярію не являются и отъ смотровъ укрываются". Третій приговоръ показываетъ отношеніе герольдмейстера съ товарищами къ сенатскимъ приговорамъ, а именно: они, выслушавъ челобитье отставного драгуна Повтева,—постановили дать ему „по прежнему смотру и по отмѣткѣ секретаря Ивана Ларіонова, на которой отмѣчено, что онъ негоденъ, пашпортъ, понеже и нынѣ, по смотру герольдмейстера, явилась у него, Полтева, кила, а въ челобитьѣ его написано, что, съ смотру Правительствующаго Сената, объ отставкѣ данъ ему былъ пашпортъ и въ нынѣшнемъ 723 г. разбили его разбойники, а тотъ пашпортъ съ прочими его крѣпостьми побрали; того ради, дать нынѣ вновь пашпортъ, понеже, по присланному указу изъ Сената, велѣно, по смотрѣннымъ спискамъ, которые отмѣчены будутъ за увѣчьемъ и въ службу и къ дѣламъ негодны, давать пашпорты герольдмейстеру за своею рукою". Или, относительно пяти неграмотныхъ дворянъ, „герольдмейстеръ съ товарищи" приговорили „по прежнимъ Правительствующаго Сената приговорамъ, быть имъ въ валовомъ спискѣ, съ отпускомъ ихъ въ домы до указу, для того, что пріѣзды ихъ записаны въ указныхъ срокахъ, а, по приговору Правительствующаго Сената велѣно такихъ, за неумѣньемъ грамотѣ, писать въ валовой списокъ и употреблять къ воеводамъ въ посылки и для надзиранія лѣсовъ, къ оберъ-вальдмейстеру". Герольдмейстеръ и отослалъ указанныхъ дворянъ, на основаніи

[1]) М. А. М. Ю., меморіи Пр. Сената по герольдм. и рекетм. дѣламъ, 1723 и 1724 г. г., кн. 54/3155, л. 82 и об. Приговоръ этотъ (какъ и слѣдующіе) скрѣпленъ Иваномъ Плещеевымъ и кн. Алексѣемъ Путятинымъ; иногда есть еще третья подпись—секретаря Степана Исапова, или дьяка Александра Русинова (ibid. л. 83 и сл.); встрѣчаются, впрочемъ, приговоры и за закрѣпою одного герольдмейстера (ibid. л. 88 и об., 92 и об. и др.).

сенатскаго указа, къ оберъ-вальдмейстеру, но оттуда они были присланы обратно, а къ дѣламъ (причина не указывается) не опредѣлены, о чемъ, для вѣдома, было имъ, герольдмейстеромъ, постановлено послать указы въ тѣ провинціи, изъ коихъ они были высланы [1]).

Всѣ являвшіяся на смотры лица должны были записывать свои „пріѣзды", по особой формѣ, въ общемъ соотвѣтствующей требованіямъ „Инструкціи". Герольдмейстеръ имѣлъ свою особую контору, носившую также наименованіе „канцеляріи герольдмейстерскихъ дѣлъ"; она состояла изъ секретаря, дьяка и нѣкотораго числа подьячихъ. Когда герольдмейстеръ съ своею канцеляріею находился въ Петербургѣ, въ Москвѣ оставалась его контора, являвшаяся отдѣленіемъ канцеляріи герольдмейстерскихъ дѣлъ [2]).

Укажемъ нѣсколько примѣровъ дѣлопроизводства въ этой канцеляріи. Получивъ именной, или сенатскій указъ, герольдмейстеръ приказывалъ прежде всего его „въ канцеляріи герольдмейстерской записать". Такъ, напр., когда ему 22 января 1723 г. былъ объявленъ „въ Преображенскомъ, на Генеральномъ дворѣ, отъ засѣдающихъ г.г. сенаторей, генералитета, штабъ- и оберъ-офицеровъ Именной Его Императорскаго Величества указъ" о представленіи на смотръ самому Государю въ Москвѣ штабъ- и оберъ-офицеровъ, царедворцевъ и дворянъ, „которые пріѣзды свои записали послѣ указныхъ сроковъ и съ начала той канцеляріи вѣдѣнія его, Плещеева, отпущены въ домы и къ дѣламъ опредѣлены", то въ тотъ же день герольдмейстеръ далъ своей канцеляріи приказъ объ отправкѣ указовъ относительно высылки означенныхъ лицъ, „съ нарочными курьеры на почтовыхъ подводахъ, приложа при тѣхъ указѣхъ именные имъ, офицерамъ, царедворцамъ и дворянамъ, росписи". Всѣ лица эти должны быть высланы въ Москву, въ канцелярію герольдмейстерскую, „въ самой скорости, безъ всякаго послабленія и отговорокъ, хотя изъ нихъ кто будутъ и больные, или чемъ будутъ отговариваться, несмотря ни на что, выслать ихъ потому-жъ и для скорой высылки тѣмъ командирамъ послать отъ себя за каждымъ человѣкомъ съ ними курьеры, по особливому солдату,

[1]) М. А. М. Ю., меморіи Пр. Сената по герольдм. и рекетм. дѣламъ, 1723 и 1724 г. г., кн. 54/8155, л. 85 об., л. 102 об. и сл.

[2]) С. А. Петровскій, о Сенатѣ, стр. 220 и сл.

и велѣть, взявъ, привозить въ городъ, а какъ кто привезенъ будетъ, тогда имъ, командирамъ, не дожидаясь другихъ, тѣхъ выслать въ Москву немедленно, въ самой скорости, со особливыми солдаты, а достальныхъ, сыскивая, высылать потому-жъ въ скорости, на ихъ подводахъ, и въ пути ѣхать съ великимъ поспѣшеніемъ. А буде они, въ самой скорости, отъ нихъ, командировъ, высланы не будутъ, то взяты они, командиры, будутъ сами къ отвѣту предъ Его Императорскимъ Величествомъ въ Преображенскомъ на Генеральный дворъ".

Сдѣлавъ указанныя распоряженія, рѣшительный тонъ коихъ такъ напоминаетъ указы самого Петра, требовавшаго неукоснительнаго и быстраго исполненія Его велѣній, герольдмейстеръ тотчасъ-же входитъ съ доношеніемъ и въ Сенатъ, требуя присылки въ его канцелярію „потребнаго числа драгунъ", дачи имъ подводъ и на нихъ прогонныхъ денегъ, съ представленіемъ одновременно Сенату вѣдомости, „въ которые провинціи и городы тѣ курьеры посылаются и сколько оныхъ числомъ" [1]). Если судить по указаннымъ распоряженіямъ, исполнительность герольдмейстера была выше похвалъ. Эти распоряженія не были, при томъ, единственными. Такъ, 9 февраля того же года Плещеевъ съ товарищами, разсмотрѣвъ выписки, между прочимъ, о штабъ- и оберъ-офицерахъ, „которые въ герольдмейстерскую канцелярію къ смотру и къ указному опредѣленію не являются, —приказали: такихъ (офицеровъ) выписать имена на росписи и, при указѣхъ, при барабанномъ бою, публиковать и прибить въ пристойныхъ мѣстахъ, дабы оные всѣ, по опредѣленію, явились въ герольдмейстерской канцеляріи немедленно, а ежели кто изъ оныхъ сего февраля по . . . число не явится, и о такихъ послать о высылкѣ ихъ въ городы, гдѣ они испомѣщены, и къ кому надлежитъ, нарочно указы съ росписьми, чтобъ ихъ по тѣмъ росписямъ, сыскавъ, выслать въ Москву въ самой скорости . . . на ихъ подводахъ" и т. д. [2]). Такъ какъ, однако, герольдмейстеръ,—какъ и другія лица и учрежденія, не исключая и Сенатъ, не всегда встрѣчалъ достаточно усердныхъ исполнителей, то герольдмейстеръ, подобно другимъ, искалъ помощи себѣ у Сената. Герольдмейстеръ требовалъ, напр., отъ Военной и

[1]) М. А. М. Ю, меморіи Пр. Сената по герольдм. и рекетм. дѣламъ, кн. 54/8155, л. 85 и сл.

[2]) Ibid., л. 88 и об.

Адмиралтейской коллегій именныхъ списковъ военныхъ, сухопутныхъ и морскихъ людей, происшедшихъ изъ шляхетства и дослужившихся до оберъ-офицерскаго ранга. Предвидя, повидимому, задержку въ доставленіи этихъ списковъ, герольдмейстеръ написалъ въ своихъ указахъ, посланныхъ въ означенныя коллегіи, что „ежели оные списки, къ сочиненію герольдическаго опредѣленія, вскорѣ присланы не будутъ, и въ томъ неисправленіи герольдмейстерская контора предлагать будетъ Правительствующему Сенату". По другому приговору было постановлено доложить Сенату, — „учиня обстоятельную выписку", — о неявкѣ нѣкоего стольника Чубарова къ смотру въ герольдмейстерскую контору и „о незаписаніи своего пріѣзда" въ этой конторѣ [1]), въ цѣляхъ понужденія его къ этому уже Сенатомъ. Потому-ли, что Петръ самъ слѣдилъ съ особымъ вниманіемъ за дѣйствительнымъ отправленіемъ службы шляхетствомъ, находя время производить смотры и пр., потому-ли, что личности первыхъ герольдмейстеровъ были пріятны сенаторамъ, но мы въ отношеніяхъ ихъ къ „герольдмейстерскимъ дѣламъ", и къ мнѣніямъ герольдмейстера съ его товарищами, не встрѣчаемъ тѣхъ пререканій, какія бывали у сенаторовъ съ ген.-рекетмейстеромъ и другими магистратами, состоявшими при Сенатѣ; можетъ быть, одною изъ причинъ мирныхъ отношеній было и то, что какъ „Инструкція" герольдмейстеру, такъ и другіе указы ставили его въ болѣе подчиненное положеніе къ Сенату, чѣмъ другихъ лицъ.

Ковчегъ печати Петровской эпохи.

[1]) М. А. М. Ю., меморіи Пр. Сената по герольдм. и рекетм. дѣламъ, 1723 и 1724 г.г., кн. 54/8155, л. 119 об., л. 128 об. и сл.

ГЛАВА V.

Кругъ вѣдомства Правительствующаго Сената, въ связи съ его дѣятельностью.

I. Первоначальный кругъ вѣдомства Правительствующаго Сената въ области управленія. II. Кругъ вѣдомства Правительствующаго Сената, въ области управленія, по учреждени коллегій. III. Вопросъ о законодательной власти Сената при Петрѣ. Участіе Сената въ законодательствѣ. IV. Кругъ вѣдомства Сената въ судебной области.

I. Первоначальный кругъ вѣдомства Правительствующаго Сената въ области управленія.

ругъ вѣдомства Правительствующаго Сената, подобно организаціи самого Сената и состоявшихъ при немъ магистратовъ, не создался сразу, а слагался медленно и постепенно, путемъ наростанія порученій, дававшихся Государемъ Сенату для исполненія, съ одной стороны, и какъ результатъ дѣятельности самого Сената, съ другой. Начиная съ двухъ указовъ Петра отъ 2 марта 1711 г., въ которыхъ содержались двѣнадцать пунктовъ примѣрной программы того, что „по отбытіи Нашемъ дѣлать“ (Сенату) и кончая пунктами, дававшимися Петромъ въ послѣдніе мѣсяцы Его жизни, Сенатъ получалъ постоянно повелѣнія, направлявшія его вниманіе на разсмотрѣніе и разрѣшеніе тѣхъ или иныхъ вопросовъ. Впрочемъ, здѣсь, какъ и въ дѣлѣ организаціи Сената и состоявшихъ при немъ лицъ и учрежденій,

первые годы дѣятельности Сената при Петрѣ надо отличать отъ послѣднихъ. Учрежденіе коллегій, появленіе затѣмъ должностей генералъ- и оберъ-прокуроровъ, генералъ-рекетмейстера, герольдмейстера, руководствующихся въ своихъ отношеніяхъ къ Сенату опредѣленными нормами закона, несмотря на возможныя отъ нихъ отступленія, создаетъ и для Сената извѣстную, болѣе или менѣе устойчивую, компетенцію, почему развитіе круга его вѣдомства путемъ отдѣльныхъ пунктовъ отступаетъ на второй планъ и является лишь вспомогательнымъ. Ввиду этого представляется, кажется, правильнымъ, касаясь вопроса о кругѣ вѣдомства Петровскаго Сената, остановиться прежде всего на установленіи его въ первые годы по учрежденіи Сената, когда этотъ кругъ постепенно очерчивался отдѣльными пунктами и указами, а затѣмъ, уже разсмотрѣть, какія измѣненія были внесены въ вопросъ о компетенціи Сената регламентами коллегій, „должностями" самого Сената, наказами и инструкціями, данными генералъ-прокурору, рекетмейстеру, герольдмейстеру и др.

Указы отъ 2 марта опредѣляли, какъ сказано, въ своихъ двѣнадцати пунктахъ примѣрную программу, которую долженъ былъ, на первыхъ порахъ, выполнить только что учрежденный Сенатъ. Говоримъ о двухъ указахъ отъ 2 марта и о двѣнадцати пунктахъ,—хотя въ литературѣ вопроса всегда говорятъ объ одномъ указѣ отъ 2 марта, относящемся къ компетенціи Сената, и о девяти пунктахъ, полученныхъ Сенатомъ,—потому, что кромѣ указа, содержащаго девять пунктовъ, Сенатъ получилъ въ тотъ-же день еще одинъ указъ въ три пункта. Что эта двѣнадцати-пунктная программа была лишь примѣрной, а не представляла собою вполнѣ законченнаго установленія компетенціи новаго учрежденія,—это видно уже изъ того, что она постоянно измѣнялась и дополнялась. Однако, она была весьма значительна по своему содержанію и предуказывала такую сферу дѣятельности Сената, которая осталась за нимъ надолго, несмотря на всѣ превратности его историческихъ судебъ.

Какъ мы сказали, 2 марта было дано два указа, одинъ въ девять пунктовъ, другой въ три. Указъ въ девять пунктовъ гласилъ: „Указъ, что по отбытіи Нашемъ дѣлать:

1) Судъ имѣть нелицепріятный и неправедныхъ судей наказывать отнятіемъ чести и всякаго имѣнія, тожъ и ябедникамъ да послѣдуетъ.

2) Смотрѣть во всемъ государствѣ расходовъ, и ненужные, а особливо напрасные, отставить.

3) Денегъ какъ можно сбирать, понеже деньги суть артеріею войны.

4) Дворянъ собрать молодыхъ, для запасу въ офицеры, а наипаче тѣхъ, которые кроются, сыскать; тако-жъ тысячу людей боярскихъ грамотныхъ для того-жъ.

5) Вексели исправить и держать въ одномъ мѣстѣ.

6) Товары, которые на откупахъ, или по канцеляріямъ и губерніямъ, осмотрѣть и посвидѣтельствовать.

7) О соли стараться отдать на откупъ и попещися прибыли у оной.

8) Торгъ китайскій, сдѣлавъ компанію добрую, отдать.

9) Персидскій торгъ умножить и армянъ, какъ возможно, приласкать и облегчить, въ чемъ пристойно, дабы тѣмъ подать охоту для большаго ихъ пріѣзда. Учинить фискаловъ во всякихъ дѣлахъ, а какъ быть имъ, пришлется извѣстіе".

Другой указъ въ три пункта повелѣвалъ:

1) „Разсмотрѣть, и ежели не будетъ какого препятія, то позволить всякому чину торговать, точію съ такою-жъ пошлиною; а вмѣсто десятой деньги, по пропорціи, съ торговъ класть.

2) Съ 701 года до нынѣ выписать, сколько какихъ выморочныхъ деревень розданы и кому.

3) Кто скрывается отъ службы, объявить въ народѣ, кто такого сыщетъ или возвѣститъ — тому отдать всѣ деревни того, кто ухоронивался" [1]).

Такова эта, если и неисчерпывающая всю компетенцію Сената, то во всякомъ случаѣ обширная программа, данная

[1]) Оба эти указа помѣщены въ Полн. собр. законовъ подъ 2 марта 1711 г. (№№ 2330,2327). Въ литературѣ вопроса первый указъ въ девять пунктовъ разсматривается, какъ указъ, устанавливающій первоначальную компетенцію Сената, второй—въ три пункта,—игнорируется, вѣроятно, потому, что 1-ый названъ „именнымъ, даннымъ Сенату", а второй (въ 3 пункта) просто „именнымъ" (см., напр., С. А. Петровскаго, о Сенатѣ, стр. 225, А. Д. Градовскаго, Начала рус. госуд. права, СПБ. 1876 г., стр. 119 и сл., В. О. Ключевскаго, Курсъ русской исторіи, ч. IV, стр. 213, и др.). Изъ приговоровъ Сената и изъ переписки Петра съ Сенатомъ, однако, видно, что и второй указъ въ три пункта былъ сообщенъ Сенату. Такъ, изъ приговора Сената отъ 13 апрѣля 1711 г. видно, что Сенатъ разсматривалъ первый пунктъ этого указа и сдѣлалъ свой приговоръ на его основаніи, а изъ выписи, приложенной къ приговору, ясно, что этотъ пунктъ былъ сообщенъ Сенату „за подписаніемъ Е. И. В. собственныя руки"; то же видно изъ приговора Сената отъ 27 марта относительно третьяго пункта этого указа—„кто скрывается отъ службы" и пр. (Док. и

ему. На основанiи всѣхъ ея отдѣльныхъ частей можно было бы назвать Сенатъ центральнымъ судебно-военно-финансовымъ учрежденiемъ, имѣющимъ верховный надзоръ за ходомъ государственнаго управленiя въ указанныхъ областяхъ. Оставляя пока безъ разсмотрѣнiя судебную функцiю Сената, коснемся его компетенцiи въ области управленiя государствомъ.

Сенатъ съ первыхъ дней своего существованiя начинаетъ работать надъ приведенiемъ въ исполненiе выше указанной программы въ тѣхъ рамкахъ, какiя были для нея обозначены въ названныхъ пунктахъ. Уже 13 марта „Вышнiй Правительствующiй Сенатъ", отмѣтивъ, что ему 2 марта „даны, за собственною Его Величества рукою, пункты" и остановившись на 3 и 4-мъ изъ нихъ,—„будучи въ консилiи" составляетъ приговоръ о томъ, какъ они должны быть выполнены, и подтверждаетъ его вновь 27 марта. Затѣмъ 13 апрѣля онъ подвергаетъ обсужденiю семь пунктовъ перваго и второго указовъ отъ 2 марта и составляетъ по нимъ обширнѣйшiй приговоръ. Получивъ извѣстiе, что 3-iй и 4-ый пункты перваго указа не соблюдаются „и по тому указу никого кроющихся и на нихъ доношенiя не явилось, а недорослей явилось самое малое число", онъ постановляетъ приговоръ, 16 апрѣля, о посылкѣ „третьихъ указовъ" о „всемѣрной" явкѣ „кроющихся людей и недорослей", при чемъ самъ видоизмѣняетъ 3-iй пунктъ второго (трехпунктнаго) указа 2 марта въ томъ смыслѣ, что „изъ помѣстiй ихъ и вотчинъ половина отдана будетъ тѣмъ людямъ, кто на кого донесетъ, а другая половина отписана будетъ на Великаго Государя безповоротно". Черезъ недѣлю Сенатъ вновь возвращается къ знаменитому второму пункту девятипунктнаго указа 2 марта—„денегъ, какъ можно, сбирать, понеже деньги суть артерiею войны" и составляетъ приговоръ объ учрежденiи „Купецкой палаты" для покупки ею золота, серебра, старыхъ денегъ и пр. Въ засѣданiи 14 мая мы видимъ Сенатъ слушающимъ обширную выписку и постановляющимъ, на основанiи ея, приговоръ „противъ Великаго Государя Именного указу—объ умноженiи и облегченiи армянскаго торгу" (9-ый пунктъ перваго указа отъ 2-го марта). Ровно черезъ мѣсяцъ, мы читаемъ въ приговорѣ Сената разсужденiе по пункту 7-му: „о соли стараться

пр. Пр. Сената, т. I, стр. 33 и 23). Изъ письма-же Сенату Петра отъ 1 сентября надо заключить, что Сенатъ составлялъ роспись выморочныхъ деревень, о чемъ гласитъ второй пунктъ того-же указа (Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. XI, стр. 203).

отдать на откупъ", при чемъ, „въ пополненіе прежняго приговору", Сенатъ устанавливаетъ рядъ правилъ о провозѣ, охранѣ и о продажѣ соли какъ Строганова, такъ и другихъ промышленниковъ [1]).

Обозрѣвая въ цѣломъ приговоры Сената за первые годы его дѣятельности, мы видимъ слѣдующее. Сенату цѣлыми годами приходится приводить въ исполненіе основныя положенія данныхъ ему Государемъ первоначально пунктовъ. На ряду съ этимъ идутъ постоянно, какъ отъ самого Петра, такъ и отъ „принципаловъ", разнообразныя требованія, при чемъ Государь напоминаетъ кн. Меншикову, ген.-адмиралу гр. Апраксину и др. о необходимости обращаться непосредственно къ учрежденному Имъ Сенату [2]). Мы уже останавливались подробно на перепискѣ Петра съ Сенатомъ. Приведемъ теперь лишь нѣкоторыя данныя изъ обращеній къ нему довѣренныхъ лицъ Государя, также заставлявшихъ Сенатъ заниматься исполненіемъ тѣхъ или иныхъ ихъ требованій. Въ іюнѣ 1711 г., напр., Сенатъ, по письму Меншикова, постановляетъ приговоръ о посылкѣ къ нему, „въ дополнку полковъ", лошадей; въ октябрѣ, по письму кіевскаго губернатора кн. Д. М. Голицына, принимаетъ мѣры противъ распространенія моровой язвы, появившейся въ Нѣжинѣ; въ декабрѣ, по письму государственнаго канцлера гр. Головкина, отпускаетъ въ Швецію плѣннаго полковника Алфейделя „на пароль" на 6 мѣсяцевъ; въ слѣдующемъ году, по его же письму, посылаетъ въ Константинополь стольника Аврама Лопухина „съ ратификаціями" и „съ самыми добрыми соболями" и лисицами лучшими на 12 т. руб.; или, по письму ген.-адмирала гр. Апраксина, приказываетъ собрать для зимняго похода подводы съ губерній, „по 50 подводъ съ доли", и т. д. [3]).

Постановляя приговоры о приведеніи въ исполненіе вышеозначенныхъ первоначальныхъ пунктовъ указовъ 2 марта, исполняя постоянно многочисленные отдѣльные указы самого

---

[1]) Док. и пр. Пр. Сената, т. I, стр. 7, 23, 33—36 (срав. П. С. З., № 2349), стр. 41—43, 60 и сл., 79—89, 136—138.

[2]) „Извольте о всѣхъ требованіяхъ писать къ нимъ".... (т. е. къ сенаторамъ) пишетъ Петръ 11 марта 1711 г. кн. Меншикову; „о деньгахъ изволь писать Сенату, ибо все на нихъ положено" и т. д. (Голиковъ, Дѣянія Петра Великаго, изд. 2-ое, т. IV, стр. 524; т. XV, стр. 206).

[3]) Док. и пр. Пр. Сената, т. I, стр. 143, 275 и сл., 403 и сл.; т. II, ч. 1, стр. 314 и сл., ч. 2. стр. 451.

Петра, а равно и требованія, идущія какъ отъ „принципаловъ", такъ и отъ другихъ лицъ и учрежденій, Сенатъ, кромѣ того, распоряжается самостоятельно то наборомъ рекрутъ, то распредѣленіемъ недорослей и подьячихъ, то отправкою, въ надлежащія мѣста, людей, лошадей, амуниціи, денегъ и пр., разбираетъ какъ самъ, такъ и черезъ Расправную палату, судебныя дѣла, создаетъ новыя учрежденія и уничтожаетъ старыя, какъ это видно изъ громадной массы его приговоровъ, нынѣ уже напечатанныхъ, за время съ 1711 по 1716 г.г., и какъ это частью уже отмѣчено въ литературѣ предмета [1]).

Но, на ряду съ приведеніемъ въ исполненіе отдѣльныхъ указовъ Петра и разнообразныхъ требованій, отовсюду къ нему стекавшихся, Сенату снова и снова приходится проявлять свою заботу по исполненію цѣлой серіи Петровскихъ „пунктовъ". Не имѣя возможности касаться ихъ всѣхъ [2]), остановимся на разборѣ одной изъ такихъ серій. Нами уже указывалось выше, что Государь въ концѣ 1711 г. потребовалъ пріѣзда сенаторовъ на свиданіе съ Нимъ, въ Ревелѣ или въ Петербургѣ, „гдѣ Мы будемъ обрѣтаться". Помимо личныхъ объясненій съ сенаторами и наставленій ихъ (безъ чего, конечно, не обошлось это свиданіе), сенаторы получили и письменное изъясненіе воли Монарха. А именно, въ бумагахъ Кабинета Петра мы нашли обширную запись „указовъ, данныхъ отъ Его Царскаго Величества г.г. вышнимъ сенаторамъ въ бытность ихъ въ С.-Петербургѣ генваря съ 16 дня". Въ этой записи, состоящей изъ 33 пунктовъ [3]), Государемъ намѣчается—по обычаю, весьма кратко и категорично—цѣлый рядъ вопросовъ, которые долженъ былъ обсудить Сенатъ и затѣмъ найти способы къ осуществленію предписаній Государя на практикѣ.

[1]) Петровскій, о Сенатѣ, стр. 278 и сл.

[2]) Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. XI, стр. 184, 188, 190, 207 и сл., 220, 229 и сл., 255 и сл., 268, и мн. другіе, passim.

[3]) Запись этихъ указовъ раздѣлена на 3 части: въ первой, трактующей „о дѣлахъ воинскихъ", содержится 9 пунктовъ, во второй, говорящей „о собраніи денегъ и прочихъ государственныхъ интересовъ",—17 пунктовъ и въ третьей—„о расположеніи въ будущую кампанію о войнѣ противъ турковъ"—изъ 7-ми пунктовъ (Гос. Арх., IX разр., кн. 34, л. 43—49 и об.). Замѣтимъ, что запись эта помѣщена, подъ наименованіемъ „именной (указъ) въ пунктахъ", въ П. С. З. (№ 2468), при чемъ, впрочемъ, въ ней добавлено нѣсколько новыхъ пунктовъ и откинуты имѣющіе частное значеніе, а равно и расположеніе частей является нѣсколько инымъ, чѣмъ въ той, которая была дана сенаторамъ. Самое же главное это то, что въ П. С. З. не отмѣчено, что эта запись была вручена сенаторамъ въ бытность ихъ въ Петербургѣ.

Приведеніе указываемой программы въ дѣйствіе, конечно, потребовало у Сената не мало времени. Передадимъ кратко содержаніе общихъ пунктовъ этой программы [1]) и посмотримъ, что сдѣлалъ Сенатъ для ея выполненія. Въ первой части о дѣлахъ воинскихъ сказано, что Сенатъ долженъ штрафовать офицеровъ и рядовыхъ, „чтобы оные, съ вышняго даже до нижняго (чина), смотрѣли . . . дабы солдаты не бѣгали", при чемъ штрафъ налагается „по пропорціи" жалованья, „а почему именно брать—тому есть особливая роспись". Сенатъ затѣмъ долженъ былъ, во-первыхъ, объявить въ арміи, чтобы „у денщиковъ и у офицеровъ и солдатскихъ и всякаго чина людей, которые имѣютъ своихъ слугъ, тако-жъ у харчевниковъ и у торговыхъ, которые будутъ въ войскѣ", было при себѣ „огневое и студеное ружье, подъ великимъ штрафомъ" (за неимѣніе его), а, во-вторыхъ, сказать „штабъ-офицерамъ", что, если кто изъ нихъ—„безъ главнаго генерала указу"—„оставитъ гдѣ больныхъ, или пошлетъ куда онаго безъ письменнаго указу своей руки", то съ такого будетъ браться штрафъ по 10 р. изъ жалованья, за каждаго человѣка. Въ каждомъ полку долженъ быть назначенъ комиссаръ, „а надъ ними съ губерніи комиссаръ"; деньги, оставшіяся отъ мундира, должны идти на солдатъ; принимающіе бѣглыхъ рекрутъ, по тѣлесномъ наказаніи, должны ссылаться на галеры, самимъ же бѣглымъ долженъ быть положенъ „на лѣвой рукѣ крестъ", который надо было „наколоть съ порохомъ"; мундиры на войско нужно было покупать за деньги (или съ выдачею изъ казны товарами) у иноземцевъ или у русскихъ, „дабы тѣмъ вексель лучше укрѣпить" (или, какъ сказано въ 19-мъ пунктѣ,—„суконъ не подряжать, но покупать у русскихъ на мундиры"); „русскимъ офицерамъ, которымъ даютъ иноземческое жалованье, давать русское до указу, а имена ихъ впредь присылать для извѣстія", наконецъ, прибавить по 20 р. въ мѣсяцъ жалованья „бригадирамъ къ ихъ жалованью полковничью" (пункты 1—9).

Характерно отмѣтить, что во всѣхъ этихъ воинскихъ дѣлахъ Сенатъ являлся по большей части лишь простымъ исполни-

[1]) Нѣкоторые пункты касаются, какъ сказано, распоряженій Петра по частнымъ случаямъ тогдашней административной практики. Такъ, напр., пунктъ 12-ый первой части гласитъ о посылкѣ Ст. Вараксина на соляные заводы Строганова и Пискорскаго монастыря для осмотра, пунхтъ 17—о посылкѣ двухъ лицъ съ шлюзнымъ мастеромъ „для досмотру удобныхъ мѣстъ, гдѣ можно сдѣлать шлюзы", что, конечно, Сенатъ могъ привести въ исполненіе безъ промедленія. Док. и пр. Пр. Сената, т. II, ч. I, стр. 56-58, 294, 296.

телемъ, который долженъ былъ примѣнять на практикѣ предписанное, что онъ и дѣлалъ [1]). Болѣе простора для его распорядительности оставляется въ тѣхъ указахъ, которые говорятъ „о деньгахъ и о прочихъ государственныхъ интересахъ". Такъ, уже въ 1-мъ пунктѣ, —послѣ обращенія вниманія Сената на тотъ фактъ, что „губернаторъ с.-петербургскій, кромѣ наложенія на крестьянъ въ окладной сборъ (денегъ), прибавилъ еще 72 т. р.",—говорится, что „того ради надлежитъ и прочимъ губерніямъ тако-жъ чинить, выискивая такихъ доходовъ безъ тягости народной, зачѣмъ гораздо смотрѣть Сенату, какъ прежде уже велѣно, а кто не будетъ въ томъ исправенъ—не щадить въ штрафахъ". Третій пунктъ предписываетъ Сенату „заводъ суконный размножить не въ одномъ мѣстѣ такъ, чтобы въ 5 лѣтъ не покупать мундиру заморского", и „заведчи, дать торговымъ людямъ, собравъ капиталы, буде волею не похотятъ, хотя—въ неволю, а за заводъ деньги брать погодно съ легкостью, дабы ласковѣй имъ въ томъ дѣлѣ промышлять было", а послѣдующими пунктами опредѣляется порядокъ наслѣдованія выморочныхъ имѣній [2]), затѣмъ устанавливается тотъ принципъ, что „губернаторы не накладываютъ на народъ никакихъ податей безъ вѣдома Сената"; говорится о порядкѣ отдачи на откупъ вина и прочаго [3]), наконецъ, повелѣвается „учинить коллегіумъ, для торговаго дѣла исправленія, чтобъ оную (торговлю) въ лучшее состояніе привесть, къ чему надобно 1 или 2 человѣка иноземцевъ (которыхъ на-

[1]) Такой-же характеръ, въ цѣломъ, имѣютъ и указы 3-ьей части записи (о „расположеніи въ будущею кампанію о войнѣ противъ турковъ"). Здѣсь предписывается Сенату „укрѣпить гарнизоны въ малороссійскихъ городахъ людьми изъ украинцевъ", объявляется ему, что „при Кіевѣ быть фельдмаршалу Шереметеву", съ означенными въ данномъ пунктѣ дивизіями, для которыхъ долженъ быть устроенъ въ Кіевѣ „магазейнъ" съ провіантомъ на 7 мѣсяцевъ и изготовлено надлежащее число овса, сѣна или сѣчки, а для охраненія Украйны быть губернатору казанскому, „а съ нимъ полкамъ Азовской губ. всѣмъ, оставя только гарнизоны, безъ чего быть нельзя"; указывается также, что „для нужныхъ посылокъ необходимо судовъ нѣсколько сдѣлать во Брянскѣ", наконецъ, повелѣвается послать въ Кіевъ амуницію, давать „раціоны на Украйнѣ, по расположенію здѣшнему, какъ въ Ингріи положено", а „порціоны давать солдатамъ и драгунамъ рядовымъ и унтеръ-офицерамъ, а прочимъ, кои выше, не давать" (1—7 пункты). По общему смыслу этихъ указовъ, Сенатъ лишь приводитъ въ исполненіе все то, что ему повелѣвается; срав. П. С. З., № 2467—соотвѣтственные по содержанію пункты.

[2]) Пункты 3 и 4 записи, соотвѣтствующіе 15 и 16 напечатаннаго текста (П. С. З., № 2467). Отмѣчаемъ это соотвѣтствіе, чтобъ не приводить полностью схожихъ текстовъ.

[3]) Пункты 5 и 6, соотвѣтствующіе 26 и 21 напечатаннаго текста.

добно удовольствовать, дабы правду и ревность въ томъ показали), съ присягою, дабы лучшій порядокъ устроить, ибо безъ прекословія есть, что ихъ торги лучше есть нашихъ“ [1]).

Вторая часть записи указовъ опять таки возлагаетъ на Сенатъ рядъ задачъ самаго разнообразнаго свойства. Предписывая, напр., завести конскіе заводы въ Казанской, Азовской губерніи (пріобрѣтя для того кобылъ и жеребцовъ „въ Шлезіи и Пруссахъ“) или, повелѣвая перевести „будные“ заводы въ адмиралтейское вѣдомство и дѣлать въ томъ приказѣ до 1 т. бочекъ поташа (п. 8 и 14) [2]), запись указовъ-пунктовъ говоритъ затѣмъ „объ умноженіи школы инженерной“, объ устройствѣ по всѣмъ губерніямъ „шпиталетовъ“ для увѣчныхъ, о „пересмотрѣ подьячихъ въ Сенатѣ“ [3]), о запрещеніи возводить въ Москвѣ въ Бѣломъ городѣ деревянное строеніе, о раздачѣ въ Ингріи земли, по „препорціи“ крестьянъ, на 100 четвертей 10 дворовъ [4]).

Конечно, запись указовъ, данная Сенату въ 33-хъ пунктахъ, могла быть измѣнена и къ ней прибавлено было еще нѣсколько пунктовъ уже чрезъ нѣсколько дней [5]); но при томъ она не была и единственною даже для 1712 г., такъ какъ въ томъ же году Сенатъ получилъ еще рядъ „пунктовъ“, какъ равно и много отдѣльныхъ указовъ [6]). Во всякомъ случаѣ, Сенатъ тотчасъ-же приступилъ къ выполненію отдѣльныхъ ея требованій, на что, впрочемъ, понадобилось ему нѣсколько лѣтъ. Такъ, изъ приговора Сената отъ 4 февраля того же года видно, что,—на основаніи вышеприведеннаго проекта о снабженіи дивизій, находя-

[1]) Пунктъ 7-ой, соотвѣтствующій 22-му. На поляхъ противъ 7-го пункта выписано: „отвѣтствовали (сенаторы), что для исправленія тѣхъ дѣлъ велѣно взять иноземцевъ, нарвскихъ жителей Дитмара и прочихъ, которые живутъ на Вологдѣ“.

[2]) Послѣдняго 14-го пункта нѣтъ въ напечатанномъ текстѣ, 8-ой же соотвѣтствуетъ 20-му.

[3]) Пункты 9, 10 и 11-ый соотвѣтствуютъ пунктамъ 17, 18, 19 того-же текста.

[4]) Послѣднихъ двухъ пунктовъ (15 и 16) не имѣется въ напечатанномъ текстѣ, приведемъ ихъ поэтому цѣликомъ: „на Москвѣ, въ Бѣломъ городѣ, всякихъ чиновъ людямъ строить каменное строеніе и мазанки, а деревяннаго строенія не строить, а въ Земляномъ городѣ деревянное строеніе строить по прежнему; объ отдачѣ въ Ингріи земель по указу, какъ опредѣлено тѣмъ, которые имѣютъ за собою помѣстья и вотчины (кромѣ новгородцевъ), каждому по препорціи своихъ крестьянъ, велѣно давать земли, на 100 четвертей 10 дворовъ“.

[5]) Этимъ, между прочимъ, объясняется и разница въ редакціи „записи“, и напечатаннаго „именного указа въ пунктахъ“; первая была дана съ 16 января, второй „съ января 16 по 21 февраля 1712 года“, какъ это отмѣчено въ П. С. З.

[6]) См. Сбор. Имп. Русс. Ист. Общ., XI, стр. 220—254. Док. и пр. Пр. Сената, т. II, ч. 1, стр. 30; отдѣльные указы, ib., passim.

щихся въ Кіевѣ, провіантомъ (для чего долженъ быть устроенъ „магазейнъ" на 7 мѣсяцевъ), а также фуражомъ, Сенатъ дѣлаетъ соотвѣтствующія распоряженія. Затѣмъ, изъ приговора отъ 4 марта можно усмотрѣть, что онъ основанъ на 3-хъ пунктахъ вышеуказанной записи указовъ —„гарнизоны въ малороссійскихъ городахъ укрѣпить людьми... изъ украинцевъ, судовъ нѣсколько сдѣлать въ Брянскѣ... амуниціи послать, не мѣшкавъ, въ Кіевъ". Нѣсколько позднѣе, а именно 27 марта, Сенатъ приводитъ въ исполненіе повелѣніе о пересмотрѣ подьячихъ въ Сенатѣ, подробно останавливаясь на рядѣ вопросовъ, связанныхъ съ этимъ пересмотромъ, но неразвитыхъ въ соотвѣтствующемъ пунктѣ записи [1]); 13 декабря Сенатъ останавливается на обсужденіи того пункта записи, который повелѣвалъ „школу инженерную умножить", причемъ дѣлаетъ постановленіе „ту инженерную школу вѣдать и содержать оную во всемъ по тому Его Царскаго Величества указу въ военной канцеляріи" и т. д. [2]).

Интересно, что, если большинство пунктовъ, или „указовъ, данныхъ г.г. вышнимъ сенаторамъ", было приведено въ исполненіе, или объявлено изъ Сената, то два изъ нихъ были обнародованы, какъ именные указы, въ томъ видѣ, какъ они были изложены въ пунктахъ, конечно, съ одной стороны, потому, что представляли собою нѣчто законченное и опредѣленное, а, съ другой, вѣроятно, потому, что у Петра было желаніе скорѣйшаго объявленія своей воли по данному вопросу. Такъ, въ видѣ именныхъ, явились указы о выморочныхъ имѣніяхъ и объ учрежденіи въ губерніяхъ госпиталей, буквально воспроизводившіе соотвѣтствующіе пункты вышеозначенныхъ указовъ [3]); они, по всей видимости, даже не обсуждались въ Сенатѣ [4]); другіе, какъ именные, были объявлены изъ Сената въ томъ же 1712 году [5]). Но „Коллегіумъ для торговаго дѣла", или „Коллегіумъ комерціи", какъ назывался онъ позднѣе, былъ пред-

[1]) Док. и пр. Пр. Сената, т. II, ч. 1, стр. 74, 135, 196; П. С. З., № 2494.

[2]) Ibid., т. II, ч. 2, стр. 384.

[3]) П. С. З., №№ 2467 (п. 15 и 18), 2471, 2477 (въ послѣднемъ только вмѣсто слова „шпиталеты" сказано „гошпитали").

[4]) По крайней мѣрѣ въ изданныхъ нынѣ Докл. и пр. Пр. Сената за январь мѣсяцъ 1712 г., къ которому относятся эти указы, нѣтъ о нихъ приговоровъ Сената.

[5]) П. С. З., № 2493 (о запрещеніи губернаторамъ налагать подати безъ вѣдома Сената); № 2527 (о бытіи буднымъ заводамъ въ вѣдомствѣ адмиралтейскаго приказа); № 2531 (о запрещеніи строить въ Москвѣ въ Бѣломъ городѣ деревянныя строенія).

метомъ сужденія Сената 4 марта слѣдующаго (1713 г.), когда Сенатъ опредѣлилъ въ „торговлѣ у дѣла быть оберъ-комиссару Дм. Соловьеву, и для того торговаго состоянія дать ему списокъ именныхъ указовъ (между прочимъ и съ того проекта, который, въ разбираемой записи, говорилъ объ этомъ „Коллегіумѣ") и съ Торговаго устава", при чемъ „при немъ (Соловьевѣ) быть и съ нимъ о томъ торговомъ опредѣленіи совѣтовать съ иноземцами нарвскими жителями съ Дитмаромъ, да Бумграфомъ, да съ дерптскимъ жителемъ Табертомъ, да къ тому еще къ себѣ выбрать, изъ купецкихъ знатныхъ людей, 5 или 6 человѣкъ, а кого выберетъ—о томъ подать ему въ канцелярію Правительствующаго Сената доношеніе, а гдѣ имъ для того дѣла сидѣть—отвесть палаты" [1]). Соловьевъ вскорѣ представилъ Сенату выбранныхъ имъ „московскихъ купецкихъ людей", и Сенатъ опредѣлилъ имъ засѣдать съ нимъ „для изъясненія о торговомъ поведеніи". Затѣмъ, иноземцы, упомянутые выше, были Сенатомъ отпущены на Вологду, такъ какъ Соловьевъ объявилъ, что „въ Коллегіумѣ дѣла до нихъ никакого нѣтъ" [2]). Мы не знаемъ, какое направленіе получило позднѣе въ Сенатѣ дѣло объ учрежденіи этого коллегіума, но изъ приговоровъ Сената видно, что лишь въ началѣ ноября 1715 г. Коллегіумъ комерціи получилъ своего президента въ лицѣ сенатора П. М. Апраксина, который у Сената потребовалъ „пристойныхъ для него служителей" и Сенатъ озаботился дать ему дьяковъ, подьячихъ и пр. [3]).

На примѣрѣ отмѣченной выше записи указовъ-пунктовъ, данныхъ сенаторамъ Петромъ, видно, что по однимъ указамъ Сенату приходилось лишь заняться ихъ объявленіемъ, по другимъ входить въ обсужденіе вопроса, по третьимъ предпринимать рядъ сложныхъ дѣйствій прежде, чѣмъ достигались какіе-либо результаты. Не трудно было, конечно, предписать „учинить Коллегіумъ для торговаго дѣла", но привести въ исполненіе это предписаніе можно было далеко не сразу. Кажется, при томъ быстрота исполненія мало зависѣла отъ формы объявленія указа. Петръ, напр., уже 31 января 1712 г. далъ Именной указъ объ учрежденіи госпиталей въ губерніяхъ, изъявъ

[1]) Док. и пр. Пр. Сената, т. II, ч. 1, стр. 113.
[2]) Ibid., стр. 161, 411.
[3]) Ibid., т. V, ч. 2, стр. 1002, 1005.

первоначально этотъ вопросъ изъ записи указовъ, данныхъ Сенату; однако, объ учрежденіи такихъ госпиталей говоритъ еще Именной указъ, объявленный изъ Сената 4 ноября 1715 г., и сенатскій отъ 1 февраля 1720 г., и Регламентъ главнаго магистрата отъ 16 января 1721 г. и др. [1]). Во всякомъ случаѣ, такіе многочисленные и сложные „пункты", какъ разсмотрѣнные нами выше, равно и многіе другіе, надолго предопредѣляли характеръ дѣятельности Сената и заставляли его идти по руслу, обозначенному Петромъ. Они давались при томъ, какъ сказано уже, неоднократно, и ими постепенно и медленно очерчивался кругъ вѣдомства Сената въ первые годы по его образованіи.

Замѣтимъ еще, что Сенатъ, получивъ отъ Государя Его „пункты", изложенные иногда весьма лаконично, долженъ былъ, при приведеніи ихъ въ исполненіе, развивать ихъ и изъяснять болѣе подробно. Приведемъ, въ доказательство, лишь одинъ изъ многихъ примѣровъ.

Собственноручные пункты Государя:	Именной, объявленный изъ Сената указъ:
„Описать, которые живутъ отъ 15 верстъ и ближе: 1) около Бѣлаго или Мурманскаго моря по берегамъ; 2) которые кругомъ озеръ Ладожскаго и Онежскаго; 3) кои по Двинѣ до Холмогоръ" [2]).	„Великій Государь указалъ, по Именному своему Великаго Государя указу, въ С.-Петербургской и Архангельской губерніяхъ, около Бѣлаго или Мурманскаго моря по берегамъ и кругомъ озеръ Ладожскаго и Онежскаго и кои по Двинѣ до Холмогоръ отъ 15 верстъ и ближе, описать села и деревни и въ нихъ людей по именамъ, мужеска полу, и коликихъ лѣтъ, и тѣ описныя книги прислать въ Канцелярію Сената въ скоромъ времени" [3]).

[1]) П. С. З., №№ 2477, 2953, 3708.
[2]) Арх. Сен., Высоч. ук. и повел., кн. 6, л. 317.
[3]) П. С. З., № 2935; указъ отъ 30 сентября 1715 г.

Подчеркнутыя слова въ указѣ Сената взяты изъ „пунктовъ“ Государя; все остальное является разъясненіемъ этихъ пунктовъ, вполнѣ, конечно, умѣстнымъ, въ виду ихъ лаконичности.

II. Кругъ вѣдомства Правительствующаго Сената, въ области управленія, по учрежденіи коллегій.

Учрежденіе коллегій и опредѣленіе, по указу 12 декабря 1718 г., компетенціи каждой коллегіи имѣло своимъ слѣдствіемъ освобожденіе Правительствующаго Сената отъ множества дѣлъ, имъ ранѣе непосредственно разсматривавшихся и рѣшавшихся, въ качествѣ высшаго правительственнаго мѣста. Внѣшне это прежде всего выразилось въ томъ, что Сенатъ, по указу своему отъ 22 января 1719 г., приказалъ разослать изъ канцеляріи Сената по коллегіямъ „дѣла вершеныя для взятья пошлинъ, а невершеныя—для рѣшенія, тако жъ фискальскія доношенія и всякія вѣдомости и переписныя книги, описавъ и закрѣпя (ихъ) дьячьими руками“ [1]). Дѣла разсылались по коллегіямъ,—„въ которую коллегію какія дѣла принадлежатъ“, что́ было возможно выполнить, ввиду того обстоятельства, что компетенція каждой коллегіи была опредѣлена, уже при возникновеніи коллегій, довольно точно.

Учрежденіе коллегій, освобождавшее Сенатъ отъ массы дѣлъ административнаго управленія, ни въ какомъ случаѣ не должно, впрочемъ, быть толкуемо (какъ намъ это кажется) въ томъ смыслѣ, что въ Сенатѣ теперь „не было никакой надобности“ и что „существованіе Сената должно бы прекратиться“. Такое мнѣніе, однако, было, — хотя и съ нѣкоторыми оговорками, — высказано въ ученой литературѣ нашей. Изображеніе нами, въ дальнѣйшемъ очеркѣ, тѣхъ особыхъ и весьма важныхъ функцій, какія долженъ былъ выполнять Сенатъ по учрежденіи коллегій, укажетъ, возможно-ли принять это мнѣніе. Теперь-же, по его поводу, замѣтимъ лишь слѣдующее. П. Н. Милюковъ, резюмируя результаты областной

[1]) П. С. З., №№ 3255, 3286.

реформы, произведенной Петромъ въ 1708 1712 г., и отмѣчая, что „первая попытка правильной бюрократической организаціи областнаго управленія кончилась неудачею“, говоритъ, что „зато уцѣлѣла другая сторона заимствованныхъ учрежденій шведскія коллегіи. Собственно такъ, какъ онѣ были введены, и въ нихъ ничего не оставалось шведскаго. Но въ нихъ дорога была самая простая и основная идея систематическаго распредѣленія дѣлъ въ центральныхъ учрежденіяхъ. Послѣ хаотической системы приказнаго управленія какія бы то ни было, только-бы систематически соподчиненныя, центральныя учрежденія казались истиннымъ совершенствомъ. Сохранился и Сенатъ, хотя, по шведскому порядку при коллегіяхъ, въ немъ не было никакой надобности; и на практикѣ, въ теченіе всего XVIII вѣка, Сенатъ никакъ не могъ точно установить своего положенія между высшею государственною властію и коллегіями“ [1]). Что положеніе Сената „между высшею государственною властію и коллегіями“ въ XVIII в. отличалось большою неустойчивостью—это не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, и черты этой неустойчивости будутъ нами не разъ отмѣчаться при изображеніи судебъ Сената при ближайшихъ преемникахъ Петра. Но едва-ли, однако, эта неустойчивость, сама по себѣ, можетъ служить указаніемъ на „ненадобность“ Сената по учрежденіи коллегій. Она, во 1-хъ, вызывалась очень сложными, политическими и иными, конъюнктурами времени, среди коихъ долженъ былъ дѣйствовать послѣ Петра Сенатъ. Она, во 2-хъ, не можетъ быть поставлена вовсе на счетъ Сенату, такъ какъ онъ не самъ устраивалъ свое положеніе „между высшею государственною властію и коллегіями“, а оно устраивалось помимо его воли и желанія. Была-ли затѣмъ какая-либо надобность въ Сенатѣ „по шведскому порядку при коллегіяхъ“ —это вопросъ, не подлежащій, конечно, нашему разсмотрѣнію. Но если согласиться съ мыслію автора, имъ весьма обстоятельно доказываемою [2]), что въ введенныхъ у насъ шведскихъ коллегіяхъ не осталось ничего шведскаго, то вопросъ будетъ состоять не въ томъ, была-ли надобность въ Сенатѣ по шведскому порядку, а лишь въ томъ, нуженъ-ли былъ Сенатъ у насъ при коллегіяхъ, весьма далекихъ отъ своего швед-

[1]) П. Н. Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры, ч. 1 (СПБ., 1896 г.), стр. 155.
[2]) Его же, Государственное хозяйство Россіи (СПБ., 1892 г.), стр. 589 и сл.

скаго образца, на что отвѣтъ можетъ быть данъ только по разсмотрѣніи компетенціи Сената со времени учрежденія коллегій.

Другой авторъ, касавшійся вопроса о компетенціи Сената по учрежденіи коллегій и связавшій его съ вопросомъ о составѣ Сената въ 1718 и 1722 г.г., а именно—проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, находитъ, что „Сенатъ при Петрѣ Великомъ прошелъ три формы". На первой формѣ (когда Сенатъ, по автору, „какъ регенство, вполнѣ замѣняющее Царя во время Его отсутствія, получилъ широкія полномочія") мы уже останавливались. Что касается двухъ слѣдующихъ, то вторая форма, или фазисъ, въ жизни Петровскаго Сената изображена авторомъ такъ: „въ 1718 г., съ учрежденіемъ коллегій, всѣ административныя функціи Сената отходятъ къ коллегіямъ: существованіе Сената должно бы прекратиться; но для объединенія административныхъ мѣръ установлено общее собраніе президентовъ коллегій, и на него перенесено названіе Сената; этотъ новый Сенатъ является опять не постоянно дѣйствующимъ учрежденіемъ, а временнымъ собраніемъ президентовъ, которое составляется въ случаѣ кто изъ нихъ не можетъ рѣшить дѣла въ коллегіи. Собственное вѣдомство Сената, независимо отъ доклада изъ коллегій, состояло въ предметахъ, не подлежащихъ ни одной коллегіи; но такъ какъ система коллегій обнимала (и должна была обнимать) всѣ отправленія государственной жизни, то на долю Сената не осталось почти ничего (извѣстія о моровой язвѣ, о нападеніи непріятелей, „какихъ припадковъ"); впрочемъ, Сенатъ баллотируетъ въ высшіе чины" [1]). Утверждая,

[1]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Обзоръ исторіи русскаго права, изд. 4 (Кіевъ, 1905 г.), стр. 253. Что касается третьей „формы" въ жизни Сената, то авторъ говоритъ о ней такъ: „въ 1722 г. Петровскій Сенатъ переходитъ въ 3-й фазисъ: въ указѣ 12 янв. (П. С. З. № 3877) Петръ самъ осуждаетъ прежнее устройство Сената, говоря: „сіе сначала не смотря учинено", а именно: президенты коллегій и такъ обременены своими прямыми обязанностями; и притомъ не могутъ надзирать сами надъ собою. Сенатъ долженъ былъ получить свой собственный составъ, независимый отъ коллегій, однако, далеко не вполнѣ: президенты Военной, Адмиралтейской, Иностранной и Бергъ-коллегій остались его членами. Законодательная функція (но не законосовѣщательная) теперь прямо воспрещена ему. Непосредственнымъ административнымъ органомъ онъ пересталъ быть съ усройствомъ коллегій. Сенату, повидимому, остался только контроль надъ прочими органами администраціи. Ревизіонъ-коллегія (вѣдомство финансоваго контроля) была уничтожена; ея роль передана Сенату. Въ отношеніи къ судебнымъ коллегіямъ надзоръ выражался въ томъ, что въ Сенатъ могутъ быть поданы какъ частныя, такъ и апелляціонныя жалобы на коллегіи, для чего учреждена при Сенатѣ должность гене-

что „на долю Сената не осталось почти ничего“, авторъ, очевидно, имѣетъ въ виду 3-ій пунктъ I-ой „Должности“ Сената отъ 1718 г., гласящій, что „въ ту же канцелярію (Сената) должны всѣ губернаторы и ландсгевдинги писать о тѣхъ дѣлахъ, которыя не прилежатъ къ коллегіямъ, яко о начатіи какой войны, мора, какого замѣшанія, или какихъ припадковъ“ [1]).

Едва-ли этотъ пунктъ, по смыслу своему относящійся къ чрезвычайнымъ происшествіямъ, о которыхъ нужно доносить Сенату и которыя здѣсь отмѣчены лишь примѣрно, имѣетъ исчерпывающій характеръ по вопросу о собственной компетенціи Сената. Такъ, мы въ той же „Должности“ находимъ указанія (какъ это подробно будетъ нами отмѣчено ниже) на нѣкоторые другіе предметы вѣдомства Сената, а объ одномъ изъ нихъ (баллотированіи въ высшіе чины) говоритъ и самъ авторъ. Но, „Должностью„ 1718 г. далеко не исчерпываются узаконенія, касавшіяся, такъ или иначе, компетенціи Сената въ данное время (съ 1718 до 1722 г.). Поэтому составить себѣ болѣе или менѣе полное представленіе о кругѣ вѣдомства Сената за этотъ періодъ можно лишь по обзорѣ, какъ общихъ уставовъ, такъ и отдѣльныхъ важнѣйшихъ пунктовъ. Къ этому обзору мы и обратимся теперь, замѣтивъ предварительно только слѣдующее. М. Ф. Владимірскій-Будановъ утверждаетъ, что „новый Сенатъ (т. е. Сенатъ съ 1718 г. до 1722 г.) является опять не постоянно дѣйствующимъ учрежденіемъ, а временнымъ собраніемъ президентовъ, которое составляется въ случаѣ, если кто изъ нихъ не можетъ рѣшить дѣло въ коллегіи“. На нашъ взглядъ, „Должность“ 1718 г. нисколько не подтверждаетъ этого вывода, а указъ 12 января 1722 г., осудившій составъ Сената, организованный „Должностью“ лишь изъ президентовъ коллегій, находитъ эту мѣру неосмотрительной („сіе съ начала не осмотря учинено“ [2]), хотя ее такъ было-бы удобно назвать, при отмѣнѣ, мѣрою временною. Если законодатель, однако, не нашелъ возможнымъ характеризовать ее, какъ временную мѣру, а назвалъ ее неосмотрительною, то, входя въ мысль его, и намъ бы не слѣдо-

ралъ-рекетмейстера. Въ отношеніи же къ прочимъ коллегіямъ ему могъ бы принадлежать надзоръ, если бы въ то же время не была учреждена особая охранительная власть, простирающаяся и надъ самимъ Сенатомъ“ (ib., стр. 253 и сл.).

[1]) П. С. З., № 3264.

[2]) П. С. З.., № 3877.

вало именовать ее такъ. Наименованіе-же ее временною не соотвѣтствуетъ духу тѣхъ задачъ, какія долженъ былъ, по „Должности“, осуществлять этотъ якобы „не постоянно-дѣйствующій“ Сенатъ. Самъ разбираемый авторъ относитъ къ кругу вѣдомства Сената дѣла, превосходившія компетенцію отдѣльной коллегіи. Но такія дѣла могли возникать, и дѣйствительно возникали, постоянно, почему для ихъ разрѣшенія нужно было и постоянное учрежденіе. Другое общее требованіе, обращенное законодателемъ къ Сенату въ той-же „Должности“, касалось соблюденія сенаторами законовъ. Это требованіе было настолько постоянною и насущною потребностью, что сама „Должность“ справедливо ставитъ вопросъ, „какъ можетъ государство управляемо быть, егда указы дѣйствительны не будутъ?“ [1]). Задача, предписываемая здѣсь Сенату къ исполненію, не имѣла временнаго характера, а потому и вызывала созданіе постояннаго учрежденія. Составъ его, конечно, могъ мѣняться по тѣмъ или инымъ, обдуманнымъ или „неосмотрительнымъ“, основаніямъ, но это не мѣшало Сенату оставаться учрежденіемъ указаннаго характера и, съ этой точки зрѣнія, мы не находимъ рѣшительно никакой разницы между Сенатомъ всѣхъ „трехъ фазисовъ“ его развитія. Въ частности, по отношенію къ двумъ послѣднимъ фазисамъ, мы можемъ сослаться на слова самого Петра, сказавшаго, что „правленіе сего государства яко нераспоряженнаго передъ симъ, непрестанныхъ трудовъ въ Сенатѣ требуетъ, а члены сенатскіе, почитай всѣ, свои коллегіи имѣютъ, того ради не могутъ онаго (т. е. совмѣщенія должности сенаторовъ съ должностью президентовъ коллегій) снесть, сіе съ начала не осмотря учинено, что нынѣ надлежитъ исправить“ и пр. [2]). Иначе говоря, одинъ составъ Сената былъ, для указанной цѣли, болѣе пригоденъ, чѣмъ другой, но, однако, при томъ или иномъ составѣ, Сенатъ оставался постояннымъ учрежденіемъ, такъ какъ, и въ 1718 г., когда было указанное совмѣщеніе должностей, и въ 1722 г., когда оно было уничтожено, правленіе государства одинаково „непристанныхъ трудовъ въ Сенатѣ требовало“. Что же касается компетенціи Правительствующаго Сената съ 1722 г., то, признавая всю важность этого года, создавшаго должности

[1]) П. С. З., № 2964, п. 12.
[2]) П. С. З., № 3878.

генералъ - и оберъ-прокуроровъ, генералъ-рекетмейстера и герольдмейстера и тѣмъ самымъ внесшаго нѣкоторыя важныя измѣненія въ компетенцію Сената, мы думаемъ, однако, что никакого новаго фазиса здѣсь въ исторіи Сената не создавалось, а лишь заканчивался давній процессъ развитія круга вѣдомства Сената, обусловленный созданіемъ коллегій, почему въ вопросѣ объ измѣненіяхъ компетенціи имѣютъ значенія не только объ „Должности“ Сената, но и Генеральный регламентъ коллегіямъ, данный еще въ 1720 г.

Обращаясь къ кругу вѣдомства Сената по учрежденіи коллегій, остановимся прежде всего на общихъ уставахъ, въ которыхъ такъ или иначе этотъ кругъ опредѣлялся, и разсмотримъ ихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, чтобы имѣть возможность отмѣтить тѣ измѣненія, какія въ нихъ время отъ времени являлись. Первымъ уставомъ, въ которомъ находимъ опредѣленія компетенціи Сената, является его первоначальная „Должность“ отъ 3 декабря 1718 г. Въ ней, во первыхъ, предоставляется компетенціи Сената вершеніе тѣхъ дѣлъ, о которыхъ рѣшенія невозможно учинить одной коллегіи, конечно, потому, что дѣла эти выходятъ за предѣлы ея компетенціи, или представляютъ какія-либо затрудненія (пунктъ 2); во вторыхъ—разсмотрѣніе тѣхъ дѣлъ, „которыя не принадлежатъ къ коллегіямъ“ и которыя представляются, какъ мы уже отмѣтили выше, чрезвычайными (пунктъ 3); въ третьихъ—разсмотрѣніе и рѣшеніе дѣлъ по челобитнымъ, удостоившимся Высочайшей подписи, „дабы розыскать между челобитчикомъ и Юстицъ-коллегіумомъ“ (п. 4); въ четвертыхъ—баллотированіе „въ чины высшіе“, т. е. въ должности (п. 5); въ пятыхъ—„сказываніе“ этихъ чиновъ, посылка объ этомъ указовъ „во все государство“, а равно и немедленное исполненіе по именнымъ указамъ о назначеніи на должности (п. 6); въ шестыхъ—наблюденіе за полученіемъ во учиненный срокъ рапортовъ на указы, „посылаемые изъ Сената“ (п. 7). „Глава же всему“ (т. е. самое главное),—говоритъ въ заключеніе законодатель въ разсмотрѣнномъ актѣ своей воли,—„дабы (сенаторы) должность свою и Наши указы въ памяти имѣли и до завтра не откладывали, ибо какъ можетъ государство управляемо быть, егда указы дѣйствительны не будутъ“, т. е. здѣсь высказывается мысль, повторенная позднѣе Екатериною II въ Ея „Наказѣ“, что въ государствѣ „надо имѣть хранилище

законовъ“ и что „въ Россіи Сенатъ есть хранилище законовъ“ [1]).

Естественнымъ дополненіемъ I „Должности“, поскольку дѣло шло о коллегіяхъ, является Генеральный регламентъ, имъ данный, въ которомъ устанавливается ихъ отношеніе къ Сенату и, вмѣстѣ, указывается компетенція Сената [2]). Въ этомъ знаменитомъ Регламентѣ прежде всего установленъ тотъ общій принципъ, что всѣ государственныя коллегіи, „токмо подъ Его Царскимъ Величествомъ особливымъ, тако жъ и Правительствующаго Сената указами обрѣтаются“,—принципъ не только свидѣтельствующій, что Сенатъ нынѣ, по учрежденіи коллегій, оставляется Монархомъ тѣмъ же учрежденіемъ, какимъ онъ былъ ранѣе, т. е. „первымъ правительствомъ подъ собою“, но и указываетъ, что законодателемъ Сенатъ опять-таки разсматривается, какъ постоянное установленіе, необходимость котораго въ государствѣ не поколеблена созданіемъ коллегій. Конечно, коллегія не была обязана исполнять всякій указъ Сената безпрекословно и, если усматривала, что предписанное Сенатомъ „Его Величества указамъ и высокому интересу (было) противно“, должна была протестовать передъ Сенатомъ, съ соблюденіемъ тѣхъ правилъ, которыя были указаны Регламентомъ [3]). Но уже одно поставленіе Регламентомъ указа Сената рядомъ съ указомъ Государя (весьма часто, впрочемъ, вообще встрѣчающееся въ законодательствѣ Петра) [4]), указываетъ на высокую роль Сената, неизмѣнно имъ сохранявшуюся во все царствованіе Петра.

[1]) П. С. З., № 3264; „Наказъ“ Екатерины II, глава IV, ст. 22 и 26.

[2]) „Генеральный регламентъ или уставъ“ коллегіямъ отъ 28 февраля 1720 г. (П. С. З., № 3534).

[3]) „Буде-же Сенатъ о какомъ дѣлѣ что повелитъ, а коллегіумъ усмотритъ, что то Его Величества указамъ и высокому интересу противно, то государственному коллегіуму не должно того вскорѣ исполнять, но имѣетъ въ Сенатѣ о томъ надлежащее письменное предложеніе учинить. И ежели Сенатъ, не взирая на оное, при прежнемъ своемъ опредѣленіи пребудетъ, то Сенатъ въ томъ отвѣтъ дать повиненъ, а коллегіуму, по письменному указу сенатскому, исполнять, и потомъ Е. Ц. В. объ ономъ донести долженъ, а ежели не извѣститъ, то коллегіумъ вся подвержена будетъ тому наказанію, по силѣ вреды. Того ради изволяетъ Е. Ц. В. всякіе свои указы въ Сенатъ и въ коллегіи, такожъ и изъ Сената въ коллегіи жъ, отправлять письменно; ибо какъ въ Сенатѣ, такъ и въ коллегіяхъ, словесные указы никогда отправляемы быть не надлежатъ“ (ibid. гл. II).

[4]) Въ томъ же „Регламентѣ“ читаемъ, что всякій президентъ, „долженъ всѣ указы Е. В. и Сената, которые надлежатъ быть письменные и порученные, а не словесные, неотложно исполнять“... (гл. IV); ср. гл. XIV, гл. XXXIII, LX и др.

Затѣмъ по Регламенту,—согласно смыслу 3-го пункта „Должности", —всякой коллегіи ставится въ обязанность „наипаче того смотрѣть, ежели дѣла сомнительныя и какого изъясненія требуютъ, чтобъ не скоро спѣшить вершеніемъ, но по изобрѣтенію дѣла и обстоятельства напредь или Сенату докладывать, или справиться, откуду надлежитъ", т. е. здѣсь опять-таки Сенатъ является высшею инстанціею, разрѣшающею затрудненія, возникающія на практикѣ. Но Сенатъ высшая инстанція и по отношенію къ личному составу коллегій. Къ нему долженъ обращаться президентъ коллегіи въ случаѣ необходимости замѣнить „мало разумныхъ" ея членовъ другими, въ случаѣ непослушанія кого-либо изъ нихъ его распоряженіямъ, при необходимости отпускать членовъ въ отпускъ и т. п. [1]). Далѣе, въ развитіе постановленій „Должности" о баллотированіи въ чины (должности) и о сказываніи ихъ, Регламентъ гласитъ, что,—въ случаѣ смерти вице-президента, о чемъ доноситъ Сенату президентъ данной коллегіи,—„Сенату, выбравъ въ вице-президенты достойныхъ нѣсколько персонъ, баллотировать и доносить Ц. В.; а совѣтниковъ и асессоровъ выбирать баллотированіемъ же въ Сенатѣ, а секретарей, камерировъ, казначеевъ и нотаріевъ выбирать президентамъ съ прочими членами той коллегіи достойныхъ по нѣскольку человѣкъ, и доносить объ нихъ, и изъ нихъ выбирать, и чины сказывать имъ въ Сенатѣ, которыхъ потомъ Е. Ц. В. патентами за подписаніемъ высокой своей руки и припечатаніемъ государственной печати снабдить изволитъ" (гл. IX). Въ Сенатѣ должна также храниться означенная печать „у особаго человѣка" и „ею печатаются грамоты и указы и прочее внутрь государства" (гл. XIII). Генеральный регламентъ завершается постановленіемъ, опять-таки свидѣтельствующимъ, что, по мысли законодателя,—выраженной не въ какомъ либо отдѣльномъ и временномъ указѣ, а въ уставѣ, имѣвшемъ постоянное и общее значеніе для всѣхъ коллегіальныхъ учрежденій,- только Монарху и Его Сенату принадлежитъ право разсмотрѣнія всего того, что слѣдовало бы въ этомъ Регламентѣ измѣнить или добавить „къ произведенію какой государственной пользы" [2]). Въ

[1]) Генеральный регламентъ гл. VIII, IX.

[2]) „Напослѣди Его Величество объявляетъ: понеже содержаніе дѣлъ безъ возобновленія въ одной мѣрѣ всегда быти не можетъ, того ради ежели что, по изобрѣтенію

цѣломъ, постановленія Генеральнаго регламента не оставляютъ сомнѣнія какъ въ необходимости Сената, такъ и въ главенствѣ его надъ коллегіями.

Обращаясь ко второй „Должности" Сената отъ 27 апрѣля 1722 г. [1]), мы видимъ, что она частію повторяетъ постановленія первой, частію ихъ видоизмѣняетъ и дополняетъ, сообразно, главнымъ образомъ, съ тѣми постановленіями, какія касались новыхъ магистратовъ, созданныхъ при Сенатѣ. Мы не будемъ останавливаться на всѣхъ ея постановленіяхъ, а отмѣтимъ лишь ея измѣненія и дополненія по отношенію къ компетенціи Сената. Такъ, учрежденіе должности рекетмейстера повело къ измѣненію порядка разсмотрѣнія челобитій при отлучкахъ Государя. Учрежденіе должности герольдмейстера имѣло своимъ послѣдствіемъ предъявленіе къ нему Сенатомъ требованія о представленіи по 2—3 кандидата на должности. Прибавимъ, что названный законодательный актъ подробно перечисляетъ и тѣ „чины" (или должности) [2]), въ которые Сенатъ выбираетъ, изъ представленныхъ кандидатовъ, достойныхъ лицъ, „сказываетъ" или объявляетъ имъ эти чины, посылаетъ указы о назначеніяхъ на должности, состоявшихся по волѣ Монарха, а равно и по „опредѣленіямъ" самого Сената, и требуетъ присылки „репортовъ во учиненный срокъ" объ исполненіи вообще по всѣмъ указамъ. Наконецъ, 2-ая „Должность" предоставляетъ Сенату право налагать штрафы и назначать наказанія за „нерепортованіе" въ срокъ (п. 6 и 8).

Всѣ разсмотрѣнные уставы, въ связи съ узаконеніями, касавшимися рекетмейстера, герольдмейстера и другихъ лицъ, состо-

---

дѣлъ, вновь къ сему прибавлено, и о томъ особыми указами объявлено будетъ, то по онымъ исполнять равнымъ образомъ, какъ и сей Регламентъ повелѣваетъ: и для того каждому коллегію, ежели что усмотритъ къ произведенію какой государственной пользы, позволяется о томъ доносить Его Величеству, тако жъ и Сенату, съ подлинными обстоятельствы на письмѣ, съ приложеніемъ своей коллегіи мнѣнія" (глава LVI).

[1]) П. С. З., № 3978.

[2]) А именно—„въ чины сказывать изъ военнаго—всему генералитету, изъ государственнаго и гражданскаго правительства—министрамъ, въ коллегіи—президентамъ, въ губерніи и провинціи—губернаторамъ, воеводамъ и комендантамъ, асессорамъ, камерирамъ, рентмейстерамъ и земскимъ и суднымъ комиссарамъ, тако жъ коллежскимъ членамъ, включая секретаря и прочихъ, и въ губерніяхъ—президентамъ въ надворные суды, оберъландрихтерамъ и земскимъ секретарямъ" (пунктъ 6).

явшихъ при Сенатѣ, поскольку въ этихъ узаконеніяхъ говорится о компетенціи Сената, даютъ общее представленіе о кругѣ его вѣдомства по учрежденіи коллегій, а равно и показываютъ мѣсто Сената среди учрежденій и лицъ центральнаго управленія.

Попытаемся теперь, хотя кратко, отмѣтить измѣненія, внесенныя учрежденіемъ коллегій въ отправленіе Сенатомъ его первоначальныхъ основныхъ функцій—военной и финансовой. Обозрѣвая важнѣйшіе пункты, относившіеся до компетенціи Сената, а равно и касаясь вопроса о происхожденіи должности герольдмейстера и его обязанностей, мы подробно останавливались на дѣятельности Сената по завѣдыванію служилыми людьми и военнымъ дѣломъ; теперь укажемъ только, что, съ учрежденіемъ двухъ воинскихъ коллегій, армія и флотъ получили самостоятельныя управленія, регулируемыя своими уставами и артикулами [1]).

Въ бо̀льшей зависимости отъ Сената и по учрежденіи коллегій осталась, однако, область финансоваго управленія. Какъ извѣстно, эта область была вручена Сенату уже пунктами 2 марта 1711 г., постоянно затѣмъ дополнявшимися и видоизмѣнявшимися. Сенатъ долженъ былъ вообще заботиться объ увеличеніи государственныхъ доходовъ, о бережной тратѣ собранныхъ денегъ, о своевременномъ доставленіи денежныхъ средствъ на жалованье служилымъ людямъ и т. д. Отсюда вытекало наложеніе Сенатомъ на населеніе новыхъ налоговъ и повинностей, уничтоженіе „ненужныхъ и напрасныхъ расходовъ", забота о лучшей эксплоатаціи регалій, принятіе мѣръ ко взысканію недоимокъ, своевременный сборъ доходовъ, поступавшихъ изъ губерній и провинцій. Въ литературѣ эта сторона административной дѣятельности Сената изслѣдована обстоятельно [2]), и мы поэтому не будемъ ея касаться. Укажемъ, однако, что внесено было въ эту дѣятельность учрежденіемъ коллегій.

Изъ девяти первоначально созданныхъ коллегій три должны были вѣдать государственные доходы и расходы, а равно и

[1]) П. С. З., № 3255, п. 5 и 6, №№ 3937, 4330, 3006.

[2]) С. А. Петровскій, О Сенатѣ, стр. 278 и сл.; П. Н. Милюковъ, Государственное хозяйство стр. 409 и сл.

контроль надъ взиманіемъ и расходованіемъ полученныхъ доходовъ [1]). Все, что, по своемъ учрежденіи, должны были вѣдать эти три коллегіи, вѣдалъ, въ сущности, первоначально Сенатъ, за исключеніемъ, впрочемъ, нѣкоторой части счетоводства по государственнымъ приходамъ и расходамъ, которымъ занималось старое учрежденіе — Ближняя канцелярія, просуществовавшая до 1718 г. Говоримъ — нѣкоторой части, такъ какъ въ первые годы губерніи и приказы „считались" также Сенатомъ. Лишь Именной указъ отъ 22 января 1714 г. пытается установить болѣе опредѣленныя отношенія между Сенатомъ и Ближнею канцеляріею. А именно — имъ повелѣвается „всѣ губерніи и собственныя канцеляріи и приказы и денежные дворы и соляной сборъ въ приходѣ и въ расходѣ считать въ Ближней канцеляріи съ начала губерній, какъ они опредѣлены по табелямъ, съ 710 г. по 714 г.". По обычаю, указъ распадается на пункты, изъ коихъ нѣкоторые относятся прямо до Сената и Ближней канцеляріи. Такъ, по пунктамъ: 5) „въ губерніи указы, посылаемые изъ Ближнія канцеляріи, принимать комиссарамъ, которые для отвѣту опредѣлены при Правительствующемъ Сенатѣ; 6) Правительствующему Сенату, по доношеніямъ изъ Ближней канцеляріи, на ослушниковъ и въ прочемъ, безъ чего быть невозможно, чинить вспоможенія; 7) буде которыя губерніи и канцеляріи и приказы въ канцеляріи Правительствующаго Сената сочтены, и тѣ счетныя и подлинныя книги прислать въ Ближнюю канцелярію по оному жъ счетному дѣлу, чтобъ труды были не вдвое, и въ счетномъ бы дѣлѣ остановки не было; 8) буде изъ губерній и изъ канцелярій и изъ приказовъ и изъ ратуши въ тѣхъ годѣхъ по расходнымъ книгамъ явится какая отсылка въ канцелярію Правительствующаго Сената, или какое взятье изъ той же канцеляріи въ губерніи и въ канцеляріи, и въ приказы и въ ратушу, и о томъ изъ той канцеляріи въ Ближнюю канцелярію для подлинной справки имать вѣдѣнія" [2]). Счетная

[1]) А именно: „Камеръ-коллегія", или коллегія казенныхъ сборовъ, должна была вѣдать „всякое расположеніе и вѣдѣніе доходовъ денежныхъ всего государства"; Ревизіонъ-коллегія — „счетъ всѣхъ государственныхъ приходовъ и расходовъ"; Штатсъ-конторъ-коллегія — „вѣдѣніе всѣхъ государственныхъ расходовъ" (П. С. З., № 3255).

[2]) Док. и пр. Пр. Сената, т. IV, ч. 1, стр. 83 и сл. Другія свѣдѣнія о Ближней канцеляріи см. ibid, т. I, стр. 15 и сл., 65 и сл., и мн. др.; т. II, ч. 2, стр. 119 и сл. и мн. др.

дѣятельность Ближней канцеляріи не отличалась успѣшностью [1]), и ее смѣняетъ Ревизіонъ-коллегія, существующая, впрочемъ, самостоятельно только до начала 1722 г., когда по указу 12 января повелѣвается быть ей при Сенатѣ, „понеже едино дѣло есть, что Сенатъ дѣлаетъ, и несмотря тогда (т. е. 12 декабря 1718 г.) учинено было“. Этой „Ревизіонъ-конторѣ“, какъ она стала теперь называться, „для свидѣтельства и правежа доимки“, 4 апрѣля того же 1722 г. повелѣвается учредить особый доимочный столъ, а 4 декабря ей дается Регламентъ, или Инструкція. Какъ учрежденіе, состоящее при Сенатѣ, она всецѣло ему подчинена [2]).

Что касается двухъ другихъ финансовыхъ коллегій, вѣдающихъ доходы и расходы, т. е. Камеръ-коллегіи и Штатсъ-конторъ-коллегіи, то и съ ихъ учрежденіемъ у Сената остается въ данной области высшее руководительство. По отношенію къ Камеръ-коллегіи это выражено ясно въ тѣхъ постановленіяхъ ея „Регламента“, по которымъ эта коллегія, во 1-хъ, „не можетъ новыхъ сборовъ или податей собою наложить“, а должна „о томъ подавать въ Сенатъ письменное доношеніе“, съ мнѣніемъ своимъ по вопросу, а во 2-хъ, не должна, безъ донесенія Сенату, заключать контракты „отъ десяти тысячъ и выше“ [3]). По отношенію же къ Штатсъ-конторъ-коллегіи это высшее руководительство состояло въ томъ, что, если она при разсмотрѣніи штатовъ усмотритъ какіе-либо „негодные расходы и несправедливости“, то объявлетъ объ этомъ Его Царскому Величеству или Сенату письменно и проситъ „о благоизобрѣтеніи и измѣненіи ихъ“; она представляетъ, далѣе, ежегодно краткій экстрактъ Сенату о суммѣ всѣхъ расходовъ и доходовъ; она не имѣетъ также сама „никакой власти“ на чрезвычайные расходы безъ особаго указа Государя или Сената. Въ случаѣ недостаточности „окладныхъ доходовъ“, Штатсъ-конторъ-коллегія обращается въ Камеръ-коллегію съ своимъ вѣдѣніемъ и требуетъ, „дабы та коллегія потребные способы и средства къ тому изобрѣсть и съ соизволенія Е. Ц. В. изъ Сената оные въ дѣйствіе произвесть могла“. Она, наконецъ, входитъ въ Сенатъ за разрѣшеніемъ разногласій между президентомъ коллегіи и штатсъ-

[1]) П. Н. Милюковъ. Государственное хозяйство, стр. 418 и сл.
[2]) П. С. З., № 3877, п. 3, №№ 3928, 4127.
[3]) П. С. З., № 3466, п. 7.

комиссарами, причемъ, если является „важный и явный убытокъ Е. Ц. В. интересу", то „можетъ президентъ о томъ Сенату самому заблаговременно доносить" [1]).

Какъ извѣстно, торговля и промышленность были предметомъ особой заботы Петра Великаго, и уже изъ данныхъ Сенату 2 марта 1711 г. 12-ти пунктовъ, шесть касались, такъ или иначе, вопросовъ, связанныхъ съ ихъ развитіемъ [2]); позднѣе эти пункты не разъ пополнялись. Конечно, въ развитіи торговли и промышленности, въ особенности съ фискальной точки зрѣнія, важную роль долженъ былъ играть Сенатъ. Затѣмъ, торговля и промыслы въ городахъ, заводы и фабрики въ уѣздахъ нуждались въ рабочихъ рукахъ. Если для обезпеченія фабрикъ и заводовъ создался особый видъ такъ называемыхъ „поссессіонныхъ крестьянъ", крѣпкихъ этимъ фабрикамъ и заводамъ, то для увеличенія торгово-промышленнаго сословія городовъ притягивается сельское населеніе. Цѣлый рядъ именныхъ и сенатскихъ указовъ обезпечиваетъ за помѣщичьими крестьянами право торговли и неразлучное съ этимъ право какъ недвижимой собственности на заводы, лавки и т. п., такъ и движимой, право на вступленіе въ гражданскія сдѣлки, пользованіе коими вытекало изъ положенія ихъ, какъ торговцевъ и промышленниковъ. Мы лишены, къ сожалѣнію, возможности слѣдить за этимъ сложнымъ процессомъ развитія какъ торговли и промышленности, такъ равно и постепеннаго пополненія городовъ торгово-промышленнымъ классомъ, процессомъ, съ достаточной полнотою, впрочемъ, обрисованнымъ въ спеціальной литературѣ нашей [3]), и можемъ лишь напомнить, что, до учрежденія коллегій, Сенату, приводившему въ исполненіе Петровскіе пункты, приходилось принимать непосредственное участіе въ этомъ процессѣ. Съ созданіемъ въ 1718 г. девяти коллегій,

[1]) П. С. З., № 3303, п. 4, 6, 10, 18, 24.

[2]) П. С. З., № 2327, п. 1, № 2330, п. 5, 6, 7, 8, 9.

[3]) По отношенію къ развитію фабричной и торгово-промышленной дѣятельности при Петрѣ укажемъ на „Русскую фабрику въ прошломъ и настоящемъ" М. М. Туганъ-Барановскаго (СПБ., 1900 г.); на „Русскія торгово-промышленныя компаніи въ 1-ю половину XVIII в."—Н. Н. Фирсова (Казань, 1896 г.); по отношенію къ поссессіоннымъ крестьянамъ „Крестьяне въ царствованіе Екатерины II" (СПБ., 1881 г., т. I)—В. И. Семевскаго; о торговлѣ крестьянъ и привлеченіи въ города крѣпостного, а затѣмъ вообще сельскаго населенія—на „Историческія изслѣдованія и статьи", К. П. Побѣдоносцева (СПБ. 1876 г.); по отношенію къ городскому классу на „Устройство и управленіе городовъ Россіи" И. И. Дитятина (СПБ., 1875 г.), т. I; на „Посадскую общину Россіи XVII в." А. А. Кизеветтера (М., 1903 г.).

изъ коихъ первоначально двѣ, а затѣмъ и три, назначены были къ обслуживанію торговли, промышленности и горнаго дѣла [1]), отъ Сената отходитъ это непосредственное участіе, но остается опять-таки высшее его руководительство дѣломъ торговли и промышленности, организаціею торгово-промышленнаго населенія и т. п. [2]).

Минуя разсмотрѣніемъ цѣлый рядъ мѣръ, предпринимавшихся Сенатомъ въ области государственнаго благоустройства и безопасности [3]), остановимся на мѣрахъ Сената по приведенію въ дѣйствіе новыхъ коллежскихъ учрежденій, какъ на вопросѣ, сравнительно, мало затронутомъ въ литературѣ. Прежде всего Сенату пришлось озаботиться наполненіемъ коллегій личнымъ составомъ, на что ушло нѣсколько лѣтъ, и коллегіи не разъ жаловались на медленность Сената въ этомъ дѣлѣ. Въ октябрѣ 1720 г., напр., Сенатъ разсматривалъ доношеніе Юстицъ-коллегіи, которая указывала, что „она немалую нужду имѣетъ въ надлежащихъ членахъ". Сенатъ постановляетъ „въ прибавокъ къ управленію Юстицъ-коллегіи членовъ, кто имъ надобны, и къ розыскнымъ и фискальскимъ дѣламъ особыхъ людей, къ тому пристойныхъ, изъ подчиненныхъ той коллегіи выбрать и подать отношеніе въ Сенатъ" [4]).

Наполненіе означенной коллегіи соотвѣтственнымъ персоналомъ беретъ, однако, болѣе двухъ лѣтъ [5]). Вина въ этой медлен-

---

[1]) Таковы были по указу 12 января 1718 г. Комерцъ-коллегія, которая должна была „смотрѣть надъ всѣми торгами и торговыми дѣйствіями", и Бергъ- и Мануфактуръ-коллегія, къ вѣдомству которой были отнесены „рудокопные заводы и всѣ прочія ремесла и рукодѣлья и заводы оныхъ, при томъ же и артиллерія" (П. С. З., № 3255); по указу 10 декабря 1719 г. „Бергъ-коллегія" выдѣляется, однако, изъ предыдущей, какъ „особенный коллегіумъ".

[2]) См. Регламентъ Комерцъ-коллегіи, П. С. З., № 4453, п. 15, 16, 21, 32; Регламентъ Мануфактуръ-коллегіи, ibid., № 4378, п. 9, 13. О дѣятельности Сената въ области торговли и промышленности см. Петровскій. О Сенатѣ, стр. 304 и сл.

[3]) О нихъ см. у Петровскаго. О Сенатѣ, стр. 304 и сл.

[4]) М. А. М. Ю., кн. 10/650, л. 109—166 (А. Н.).

[5]) Такъ, 24 января 1721 г. Юстицъ-коллегія дѣлаетъ повторное представленіе Пр. Сенату о назначеніи судей, заканчивающееся такъ: „того ради та коллегія всепокорно проситъ, дабы Высокоправительствующій Сенатъ изволилъ, по прежде поданному и нынѣшнему той коллегіи требованію, въ помянутые суды означенными чинами сказать въ Сенатѣ, дабы та коллегія уже по двулѣтнемъ времени таковымъ порядочнымъ состояніемъ удовольствована была". Значитъ, еще къ концу января 1721 г. означенная коллегія нуждалась въ личномъ составѣ. См. разборъ А. Н. Филиппова сочиненія М. М. Богословскаго „Областная реформа при Петрѣ Великомъ", составленный по порученію Имп. Академіи наукъ, оттискъ изъ отчета о XLVI присужденіи преміи гр. Уварова (С.П.Б., 1906 г.), стр. 23, примѣчаніе; срав. также указанное сочиненіе М. М. Богословскаго, стр. 185.

ности не всегда, однако, падаетъ на Сенатъ. Преосвященный митрополитъ рязанскій Стефанъ доноситъ, напр., Сенату, что опредѣленный въ Юстицъ-коллегію къ дѣламъ патріаршаго приказа подьячій Ив. Яковлевъ самому ему „потребенъ, и дабы повелѣно было оному подьячему быть у духовныхъ дѣлъ при немъ по прежнему", на что Сенатъ и соглашается [1]), а Юстицъ-коллегіи приходится искать другого и вновь представлять въ Сенатъ. Или, въ Сенатъ было представлено нѣсколько кандидатовъ въ члены Ревизіонъ-коллегіи, по особой росписи. Приговоръ, утверждавшій роспись, былъ закрѣпленъ адмираломъ Апраксинымъ, „а прочіе сенаторы въ присутствіи при томъ не крѣпили и по тому приговору ничего не произведено для того, что подано отъ Василія Зотова доношеніе, а въ немъ написано: 11 декабря 1717 года Е. Ц. В. предложено выбрать въ коллегіи совѣтниковъ и асессоровъ президентамъ, чтобъ не были его сродники или собственныя клеотуры (sic), и представить въ собраніе всѣхъ коллегій, выбирать баллотиромъ". Между тѣмъ оказалось, что кн. Я. Ѳ. Долгорукій проситъ Сенатъ опредѣлить къ нему Ѳ. В. Наумова, „о которомъ и позволено, а оный Наумовъ ему—собственникъ (свойственникъ?) и всегда бываетъ при домѣ его" [2])... Конечно, такія обстоятельства задерживали назначенія. Иногда промедленіе зависѣло отъ самой коллегіи, которая почему-либо не могла скоро найти подходящаго кандидата. Юстицъ-коллегія, напр., проситъ объ опредѣленіи въ ту коллегію Вульфа и пишетъ, что ею, „по всемѣстнымъ искательствамъ, изъ чужестранныхъ людей въ надлежащіе чины донынѣ (до конца 1718 г.) никто найтиться не могли". Наполняя коллегіи тѣмъ или инымъ персоналомъ, Сенатъ время отъ времени требовалъ отъ коллегій списки ихъ членовъ [3]).

Другой вопросъ, связанный съ учрежденіемъ коллегій, былъ вопросъ о снабженіи ихъ надлежащими регламентами или инструкціями. Въ концѣ 1720 г. та же Юстицъ-коллегія жа-

[1]) М. А. М. Ю., кн. 42/42, л. 364 и сл., л. 101—108 (А. Н.).

[2]) Ibid, л. 298.

[3]) Такъ, напр., Сенатъ 25 сентября 1719 г. потребовалъ доставленія ему вѣдомостей изъ коллегій „коллегичны (sic) чины, а именно вице-президенты и совѣтники и асессоры и прочіе служители, которые изъ иноземцевъ, кто имяны и которыхъ государствъ и земель, и свободны-ль, или изъ арестованныхъ, и насколько лѣтъ кто оныя службы принялъ, и съ кѣмъ они въ томъ капитулировали, и патенты имъ даны-ль, и о томъ въ тѣ коллегіи послать указъ". Обширныя вѣдомости были доставлены Сенату. (М. А. М. Ю., кн. 4/654, л. 112—153—А. Н.).

луется Сенату, что она имъ „еще до нынѣшняго числа никакою спеціальною инструкціею не призрѣна“ [1]). Но проекты инструкцій сочинялись въ коллегіяхъ и поступали въ Сенатъ медленно. Такъ, изъ одного приговора Сената отъ конца 1721 г., а именно отъ 29 ноября, видно, что Сенатомъ были получены регламенты и инструкціи, сочиненные Фикомъ на нѣмецкомъ языкѣ. Сенатъ приказалъ съ нихъ списать копіи и раздать ихъ по частямъ переводчикамъ, собравъ послѣднихъ въ Сенатъ. Затѣмъ, въ концѣ 1722 г. стали поступать въ Сенатъ изъ коллегій „для апробаціи“ инструкціи для ихъ конторъ, а именно, изъ конторъ Иностранной, Военной, Бергъ, Штатсъ, Камеръ, Комерцъ, Вотчинной и Мануфактуръ-коллегій [2]). Не менѣе заботъ доставляло Сенату опредѣленіе членамъ коллегій жалованья, отводъ квартиръ и т. п.

Коснемся теперь компетенціи Сената по отношенію къ органамъ мѣстнаго управленія со времени учрежденія коллегій.

Первоначально, по учрежденіи коллегій, какъ это видно изъ 3 пункта I „Должности“ Сената, губернаторы и ландсгевдинги (земскіе головы) должны были обращаться въ канцелярію Сената только „о тѣхъ дѣлахъ, которыя не прилежатъ къ коллегіямъ, яко о начатіи какой войны, мора, какого замѣшанія, или какихъ припадковъ“. Затѣмъ, однако, послѣ областной реформы Петра Великаго, создавшей въ 1719 г. новую территоріальную единицу — провинцію, которая должна была замѣнить первоначальную губернію, воеводы провинцій получили особый „Наказъ“ или „Инструкцію“ [3]), съ которой были посланы также копіи губернаторамъ, „для управленія по оной“ [4]). По этой „Инструкціи“, получившей общее распространеніе, отношенія мѣстныхъ властей къ Сенату вовсе не ограничиваются только-что указанными въ I „Должности“ Сената чрезвычайными обстоятельствами, „неприлежащими къ коллегіямъ“, а ставятся болѣе широко, хотя,

[1]) М. А. М. Ю., кн. 10/650, л. 109 и сл.

[2]) Ibid., л. 607—637; Арх. Сен., Выс. ук. и пов. въ коп., кн. 28, л. 38 об.

[3]) П. С. З., 3294. Наказъ этотъ отнесенъ въ П. С. З. къ январю 1719 г.

[4]) Подъ „Наказомъ“, напечатаннымъ въ П. С. З., значится, что „въ послѣдствіи, по опредѣленію Сената, велѣно было послать къ губернаторамъ, воеводамъ и оберъ-комендантамъ копіи съ воеводской инструкціи для управленія по оной“. (Смотр. указъ 1719 г. мая 29). На основаніи сего указа даны таковыя инструкціи 1719 г., іюля 10, сибирскому губернатору князю Черкасскому, а 1720 г. февраля 18,—смоленскому вице-губернатору Панину.

въ цѣломъ, и недостаточно опредѣленно, что вызываетъ на практикѣ рядъ недоразумѣній.

Принеся присягу въ вѣрномъ служеніи Государю и отечеству и обѣщаясь „въ томъ предъ Богомъ Его Царскому Величеству и предъ Сенатомъ, и предъ всѣмъ честнымъ свѣтомъ отвѣтъ дать“, воевода долженъ былъ прежде всего „брать за караулъ шпіоновъ“ отъ государственныхъ непріятелей, „розыскивать“ о нихъ и „о томъ извѣстіе чинить Его Царскому Величеству, или Сенату“; Его Величеству или Сенату воевода доноситъ, если замѣтитъ какія-либо неисправности въ укрѣпленіяхъ города, и пр. [1]). Наряду съ этимъ въ „Инструкціи“ отмѣчены случаи, когда воевода долженъ обращаться въ Сенатъ, или коллегіи. Эти случаи заслуживаютъ вниманія, такъ какъ показываютъ, что съ устройствомъ коллегій, которымъ непосредственно были подчинены органы мѣстнаго управленія, оставалось, по представленію законодателя, еще многое (а не только чрезвычайныя обстоятельства, о которыхъ единственно говоритъ I „Должность“), что должно было требовать разсмотрѣнія Сената. Такъ, воевода долженъ былъ стараться, „чтобъ подданные и посадскіе отъ чужихъ и постороннихъ людей ни въ чемъ не были обижены; а буде сіе учинится, о томъ розыскивать и посылать копіи въ Сенатъ, или въ коллегіи, куда о чемъ принадлежитъ“. Онъ долженъ, далѣе, изыскивать „произвести города и жителей ихъ“, „чрезъ которые способы въ торгу, въ рукодѣліяхъ, мануфактурахъ и прочихъ, на государственную пользу, въ лучшее состояніе“, а затѣмъ „о томъ о всемъ меморіалы въ Сенатъ, или надлежащимъ коллегіямъ, сообщать“. Онъ былъ обязанъ, кромѣ того, вмѣстѣ съ земскими комиссарами, узнавъ о разореніи крестьянъ помѣщиками, или о наложеніи ими на нихъ „всякихъ несносныхъ тягостей“, произвести обыски „тутошними ближними сосѣдами и другими о тѣхъ помѣщикахъ знаемыми людьми и явными свидѣтельствы, отъ чего оная пустота явилась, и не было ли тѣмъ крестьянамъ отъ помѣщиковъ такого наглаго разоренія; и тѣ обыски, съ достовѣрными свидѣтельствы, присылать въ Сенатъ“. Въ отмѣну 3 пункта I „Должности“ Сенату уже не самъ воевода, а Камеръ-коллегія, получивъ отъ воеводы извѣстіе о моровомъ повѣтріи, непріятельскомъ нашествіи и т. п.

[1]) П. С. З., № 3294, 2, 10 и 12 пункты „Наказа“ или „Инструкціи“.

(отчего „въ его провинціи явилась пустота"), доноситъ объ этомъ Сенату и ждетъ отъ него рѣшенія, имѣя, впрочемъ, право „давать, до полученія онаго, въ податяхъ тѣмъ, которые совершенно отъ вышепоказанныхъ причинъ запустѣли, сроку". Воевода, наконецъ, не можетъ оставлять свою провинцію безъ указа Государя, или Сената [1]). Нельзя, конечно, сказать, чтобъ всѣ эти постановленія отличались опредѣленностью, почему на практикѣ къ Сенату обращались губернаторы и воеводы не только „по дѣламъ, которыя не прилежатъ къ коллегіямъ" и о которыхъ надо было писать въ Сенатъ, „но и по дѣламъ постороннимъ, которымъ надлежитъ въ коллегіяхъ рѣшеннымъ быть" [2]).

Неудивительно, конечно, это обращеніе къ Сенату мѣстныхъ управителей по дѣламъ постороннимъ, такъ какъ самъ законодатель нерѣдко не находилъ возможнымъ установить сколько-нибудь точно, въ какихъ именно случаяхъ такое обращеніе должно направляться въ Сенатъ и въ какихъ—въ коллегію [3]). Только въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ регламентахъ мы встрѣчаемся съ болѣе или менѣе точными указаніями на то, когда коллегія должна входить съ своими доношеніями въ Сенатъ [4]).

Въ цѣломъ, однако, всѣ эти „должности", „регламенты", „наказы" и прочіе законодательные памятники того времени представляютъ весьма любопытную попытку установить общія нормы для дѣятельности новыхъ учрежденій и лицъ, съ одной стороны, дать то или иное опредѣленіе компетенціи Сената по отношенію къ нимъ, съ другой. Конечно, изданіе такихъ общихъ уставовъ и наказовъ не остановило дальнѣйшаго опредѣленія круга

[1]) П. С. З., № 3294, пункты 14, 17, 31.

[2]) П. С. З., № 3508; срав. М. М. Богословскаго. Областная реформа Петра Великаго, М. (1902 г.), стр. 82 и сл., гдѣ авторомъ указываются архивныя данныя о сношеніяхъ провинціи съ Сенатомъ.

[3]) Въ заключительномъ 46-мъ пунктѣ разсмотрѣннаго нами „Наказа" или „Инструкціи" воеводамъ говорится, напр., слѣдующее: „напослѣдокъ, понеже въ сей инструкціи не такъ все пространно описано, того ради ему, воеводѣ, данныя земскимъ книгодержателямъ (надзирателямъ сборовъ) и земскимъ комиссарамъ инструкціи себѣ за регламенты имѣть, и во всемъ Ц. В. интересъ и государственную пользу тщательно остерегать, и о важныхъ дѣлахъ доносить Сенату и коллегіямъ, о чемъ куда надлежитъ, и объ ономъ опредѣленія ожидать и по присылаемымъ къ нимъ указамъ исполнять, подъ опасеніемъ за неисправленіе неотмѣннаго истязанія по указамъ".

[4]) См., напр., Регламентъ Штатсъ-конторъ-коллегіи, пункты 4, 6, 24 (П. С. З., № 3303); Регламентъ Камеръ-коллегіи, пункты 12, 13 (ibid., № 3318); Регламентъ Камеръ-коллегіи, пункты 7, 14 (ibid., № 3466) и другіе регламенты коллегіямъ.

вѣдомства Сената путемъ отдѣльныхъ указовъ и пунктовъ, какъ потому, что жизнь шла постоянно впередъ и требовала дополненій и измѣненій въ законахъ, такъ и потому, что Петръ продолжалъ неустанно работать, до конца дней своихъ, надъ усовершенствованіемъ учрежденій; но это общее законодательство весьма характерно какъ само по себѣ, такъ и по отношенію къ той роли, какую оно предназначало Сенату. Эта роль превосходно выражена въ „Регламентѣ Штатсъ-конторъ-коллегіи". Указавъ, что эта коллегія посылаетъ къ Его Величеству и Сенату доношенія, 23-й пунктъ „Регламента" говоритъ, что названная коллегія „въ такой же силѣ, какъ и прочія коллегіи состоитъ и никого за вышняго управителя, кромѣ Его Величества Правительствующаго Сената не признаваетъ"...

III. Вопросъ о законодательной власти Сената при Петрѣ. Участіе Сената въ законодательствѣ.

Вопросъ о томъ, имѣлъ, или нѣтъ, при Петрѣ Великомъ Сенатъ законодательную власть, принадлежитъ къ довольно спорнымъ вопросамъ. Первый ученый, серьезно поставившій и внимательно разсмотрѣвшій этотъ вопросъ, былъ С. А. Петровскій. Названный авторъ пришелъ при этомъ къ тому выводу, что до Ништадтскаго мира, т. е. до конца 1721 г., Сенатъ „дѣйствуетъ какъ учрежденіе, имѣющее законодательную власть"... По окончаніи шведской войны, „Петръ могъ надѣяться на отдыхъ отъ разъѣздовъ, на бóльшее посвященіе себя внутреннимъ дѣламъ государственнаго управленія и переустройства; слѣдовательно, должны были прекратиться причины, вызвавшія надѣленіе Сената такою властью, и законодательство перешло къ его настоящему владѣльцу -Государю. Но, если въ 1721 и 1722 гг. отошло отъ Сената право законодательствовать, то все же у него осталась еще значительная доля участія въ законодательствѣ" [1]). Итакъ Сенатъ до Ништадтскаго мира —учрежденіе законодательное, послѣ этого мира -законодательство отъ него

[1]) С. А. Петровскій. О Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго, стр. 237 и сл., стр. 241 и сл.

отходитъ и у него остается лишь значительная доля участія въ законодательствѣ. Мы склонны думать, что доля участія принадлежала Сенату, въ той или иной мѣрѣ, во все царствованіе Петра, законодательнымъ-же учрежденіемъ онъ никогда не былъ. Прежде чѣмъ, однако, мы приведемъ наши соображенія въ пользу этого положенія, укажемъ на тѣ мнѣнія, какія существуютъ по данному вопросу въ нашей ученой литературѣ.

Уже въ годъ появленія изслѣдованія С. А. Петровскаго „О Сенатѣ", Н. М. Коркуновъ, отдавая дань автору за „успѣшное выполненіе имъ своей задачи", напечаталъ обстоятельный разборъ его труда, въ которомъ остановился, между прочимъ, и на указанномъ нами вопросѣ [1]). Надо при этомъ замѣтить, для ясности, что С. А. Петровскій, утверждая, что законодательная власть принадлежала первоначально Сенату, не могъ и самъ отрицать тѣхъ затрудненій, какія должно было вызвать это утвержденіе, въ виду того, что Верховная власть у насъ сосредоточивалась въ лицѣ Государя [2]). Но онъ, однако, нашелъ выходъ изъ этого затрудненія -какъ ему, по крайней мѣрѣ, представлялось въ томъ, что выставилъ положеніе о двухъ законодательныхъ властяхъ. Именно, обозрѣвъ дѣятельность Сената, онъ говоритъ: „такимъ образомъ двѣ законодательныя власти Государя и Сената примирялись въ томъ, что послѣдняя была несамостоятельна, въ зависимости отъ первой". Разумѣется, такой выходъ изъ затрудненія нельзя признать удачнымъ съ точки зрѣнія нашихъ современныхъ юридическихъ понятій, такъ какъ законодательная Верховная власть всегда едина, каковъ бы ни былъ ея составъ.

Н. М. Коркуновъ, указавъ также на то, что „существованіе двухъ законодательныхъ властей современная теорія, конечно, признаетъ и нелѣпостью, и невозможностью", находилъ, однако, что эта теорія „даетъ полную возможность

[1]) См. „Журналъ гражданскаго и уголовн. права", 1875 г., кн. V (сентябрь—октябрь), стр. 279 и сл.

[2]) „Законодательная власть", говоритъ почтенный авторъ, „есть одна изъ частей Верховной власти, законодательство одна изъ главнѣйшихъ ея функцій. Въ Россіи кому принадлежитъ Верховная власть? Отвѣтъ ясенъ—единой личности Государя. А съ учрежденіемъ Сената? Ему-же одному. Въ такомъ случаѣ, что же такое будетъ Сенатъ, если признать и за нимъ право издавать законы? Тогда должно бы было признаться, что у насъ субъектъ Верховной власти, сложенный изъ Монарха и Сената, представляющаго какъ бы парламентъ, изъ одной камеры состоящій" (Ibid., стр. 230).

объяснить и опредѣлить положеніе Сената и до Ништадтскаго мира". Именно, названный авторъ отмѣчаетъ, что „современная теорія" (Н. М. Коркуновъ излагаетъ ее по ученію Лоренца Штейна и Гербера), „кромѣ простого исполненія, признаетъ за административною властью еще и другую функцію —распорядительную (Verordnunsgrecht). Согласно съ нею, постановленія, исходящія отъ административной власти, могутъ имѣть своимъ предметомъ не только приведеніе въ дѣйствіе законовъ (Vollzugsverordnung), но также нормированіе такихъ отношеній, которыхъ еще не коснулось законодательство (eigentliche Verordnung) и, даже въ случаѣ необходимости, примѣненіе и отмѣну существующихъ законовъ (Nothverordnung). Подъ эти три вида распоряженій можно подвести всю не-судебную дѣятельность Сената и до и послѣ Ништадтскаго мира". Разсмотрѣвъ всѣ случаи „законодательной" дѣятельности Сената по описанію С. А. Петровскаго, Н. М. Коркуновъ заключаетъ, что „о законодательствѣ тутъ не можетъ быть и рѣчи. Постановленіе, издаваемое подъ условіемъ послѣдующаго одобренія со стороны высшей власти и подъ страхомъ отвѣтственности передъ нею, никакъ нельзя подвести подъ понятіе закона, какъ выраженіе воли власти Верховной, ни передъ кѣмъ неотвѣтственной".

Несомнѣнно, указанное возраженіе противъ взгляда С. А. Петровскаго представляется заслуживающимъ вниманія. Мы уже не разъ отмѣчали, какъ внимательно слѣдилъ за Сенатомъ Петръ и какъ отвѣтственны были передъ Нимъ сенаторы за каждое свое распоряженіе. Весьма нерѣдко распоряженія свои Сенатъ дѣлалъ вполнѣ самостоятельно, поскольку дѣло шло о выборѣ тѣхъ или иныхъ мѣръ, цѣлесообразность коихъ долженъ былъ обсудить самъ Сенатъ. Но предметъ этихъ мѣръ почти всегда былъ намѣченъ тѣмъ или инымъ Петровскимъ „пунктомъ", или указомъ, а сама мѣра получала свою исполнительную силу лишь постольку, поскольку за нее было, молчаливое или гласное, признаніе Монарха. Говорить при такихъ обстоятельствахъ о законодательной власти Сената совершенно невозможно. Законъ съ формальной точки зрѣнія есть норма, исходящая исключительно отъ Верховной власти, а таковая власть принадлежала, конечно, только Петру.

Обращаясь къ обзору мнѣній другихъ ученыхъ, мы видимъ, что они не единообразны. Если, напр., А. Д. Градовскій, ссылаясь, между прочимъ, на указанную рецензію Н. М. Корку-

нова, утверждаетъ, что „Сенату никогда не принадлежала власть законодательная, но ему принадлежала власть распорядительная, въ той формѣ, въ какой она въ настоящее время даже въ конституціонныхъ государствахъ принадлежитъ власти исполнительной“ [1]); если В. И. Сергѣевичъ говоритъ, что „Сенатъ, какъ и прежняя Государева Дума, составляетъ Совѣтъ Государя по законодательнымъ вопросамъ, не имѣя, однако, законодательной власти“ [2]), то можно указать и на взгляды совершенно противоположные. Такъ, проф. М. Ф. Владимірскій-Будановъ, говоря о третьемъ фазисѣ развитія Сената (съ 1722 г.), замѣчаетъ, что „законодательная функція (но не законосовѣщательная) теперь прямо воспрещена ему“ [3]); значитъ, было время, когда она была у Сената. Затѣмъ В. Н. Латкинъ находитъ, что „законодательное значеніе Сената при Петрѣ обстоятельно выяснено г. Петровскимъ“ и что нельзя согласиться съ мнѣніемъ Коркунова,—что „у Сената была только одна распорядительная, а не законодательная власть“,—„въ виду яснаго и категорическаго заявленія памятниковъ. Распорядительную власть Сенатъ, дѣйствительно, получилъ, но только съ 1722 г., послѣ того, когда у него были ограничены права въ области законодательства“ [4]).

Приводимыя указаннымъ авторомъ, а еще болѣе—С. А. Петровскимъ, „заявленія памятниковъ“, на нашъ взглядъ, если и говорятъ о чемъ-либо, такъ только о томъ, что распорядительная власть Сената была обширнѣе,—что̀, конечно, вполнѣ понятно,—когда Петръ бывалъ въ отсутствіи, и съуживалась въ присутствіи Государя, когда Онъ могъ самъ проявлять свою волю [5]). С. А. Петровскій не отрицаетъ этого факта, справедливо отмѣчая, что „какъ скоро Петръ дома, то всѣ указы именные, а Сенатъ только исполняетъ ихъ, или распоряжается текущими дѣлами управленія; какъ скоро же Петръ въ отъѣздѣ, тотчасъ поднимается важность и значеніе сенат-

[1]) А. Д. Градовскій. Начала русскаго государственнаго права, т. II (СПБ., 1886 г., стр. 128 и сл.).

[2]) В. И. Сергѣевичъ. Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права (СПБ., 1883 г.), стр. 836.

[3]) См. выше, стр. 279, примѣчаніе.

[4]) В. Н. Латкинъ. Учебникъ исторіи русскаго права, изд. 2 (СПБ., 1909), стр. 296 и сл., примѣчаніе.

[5]) П. С. З., №№ 3854, п. 5, 3970, 4051.

скихъ указовъ". Но онъ, однако, дѣлаетъ изъ этого тотъ выводъ, что „Сенатъ только во время отсутствія Государя владѣлъ законодательною властью" [1]), хотя слѣдовало бы утверждать лишь, что онъ получалъ на это время бòльшія права распоряженія, но и только.

Зерцало съ печатными оттисками Петровскаго времени съ указовъ 1722 и 1724 г.г. о храненіи правъ гражданскихъ и о соблюденіи благочинія.

Такое заключеніе надо прежде всего вывести изъ знаменитаго указа отъ 17 апрѣля 1722 г. о храненіи правъ гражданскихъ. По этому указу Сенатъ долженъ былъ,—если въ регламентахъ „покажется что темно, или такое дѣло, что на оное

[1]) С. А. Петровскій. О Сенатѣ, стр. 237 и сл.

рѣшенія не положено“, а Сенату сдѣлается это извѣстно созвать всѣ коллегіи, обдумать вмѣстѣ съ ними данный вопросъ и представить, по дѣлу, общее мнѣніе Государю, которое, конечно, получаетъ силу закона лишь по утвержденіи Имъ. Но указъ при этомъ добавляетъ слѣдующее: „буде когда отлучимся въ даль, а дѣло нужное, то учиня, какъ выше писано, и подписавъ всѣмъ, чинить (рѣшеніе), но не печатать, ниже утверждать вовсе по тѣхъ мѣстъ, пока отъ Насъ оной апробованъ, напечатанъ и къ регламентамъ присовокупленъ будетъ“ [1]. Сенатъ можетъ, такимъ образомъ, „чинить рѣшеніе“ по дѣламъ, нетерпящимъ отлагательства; но эти рѣшенія, чтобъ получить значеніе общей, а не частной, примѣняемой лишь ad hoc, мѣры, заслуживающей затѣмъ напечатанія и присоединенія къ регламентамъ, должны быть позднѣе утверждены Государемъ; въ дѣлахъ же, которыя могутъ быть отложены, Сенатъ подаетъ лишь свое мнѣніе Государю, но ни въ какомъ случаѣ не приводитъ его въ исполненіе. Этотъ указъ находитъ себѣ подтвержденіе и въ письмѣ Государя къ членамъ Св. Синода отъ 13 іюня того же года, въ которомъ, черезъ полтора мѣсяца, Петромъ повторяется тотъ же принципъ [2].

Иначе, какъ будто, разрѣшается этотъ вопросъ въ резолюціи Петра отъ 19 ноября 1721 г. По крайней мѣрѣ, эта резолюція учеными, стоящими за признаніе законодательной власти Сената, толкуется именно въ томъ смыслѣ, что ею разрѣшается издавать „генеральныя опредѣленія“ Сенату, по соглашенію съ Синодомъ, въ случаѣ отлучки Государя. Надо замѣтить, что когда Синодъ вошелъ къ Государю съ рядомъ пунктовъ, то на пятомъ пунктѣ (въ которомъ Синодъ указывалъ на необходимость общихъ обсужденій и рѣшеній съ Сенатомъ, „когда сенатскими приговоры бываютъ какія генерально о всѣхъ опредѣленія“), Петръ положилъ такую резолюцію: „какое дѣло позоветъ о новомъ какомъ опредѣленіи генеральномъ (т. е. о новомъ законѣ), то не должно ни въ Синодѣ, ни въ Сенатѣ безъ подписанія Нашей руки чинить; а буде во отлученіи Нашемъ

---

[1]) П. С. З., № 3970.

[2]) „А ежели впредь будутъ дѣла такія, что времени нетерпящія, хотя объ оныхъ и писать будете, однакожъ, только для вѣдома Намъ, а рѣшить можете обще съ Сенатомъ до Нашей апробаціи“ (ibid., № 4051), т. е. до утвержденія ихъ впредь Государемъ.

такое дѣло случится, а обождать до прибытія Нашего будетъ невозможно, то Синоду согласиться съ Сенатомъ и подписать и потомъ публиковать“ [1]). Эта резолюція и даетъ право С. А. Петровскому утверждать, что, если вообще „ни Сенатъ, ни равный ему по власти и значенію Синодъ, не могутъ собственною властью издавать какія-нибудь новыя генеральныя опредѣленія“, т. е. по просту законы, то „въ случаѣ отсутствія Государя, какъ исключеніе, допускается изданіе закона собственною властію обоихъ высшихъ учрежденій по совмѣстномъ ихъ обсужденіи. [2]).

Осторожный выводъ автора, что здѣсь изданіе закона допускается, какъ исключеніе, уже самъ по себѣ, какъ намъ кажется, примиряетъ различіе этой резолюціи съ двумя другими указами, приведенными выше, такъ какъ исключеніе изъ общаго правила ничего не говоритъ противъ него самого, а правиломъ остается то положеніе, что безъ Государя можно рѣшать лишь дѣла, нетерпящія отлагательства, но не издавать законы. Въ самомъ дѣлѣ, относится-ли это разрѣшеніе, если держаться буквальнаго толкованія резолюціи Петра, къ „генеральному опредѣленію“, т. е. къ закону? Другой авторъ, В. Н. Латкинъ, касаясь этой резолюціи, утверждаетъ, уже безъ всякихъ оговорокъ, что въ отсутствіи Монарха Сенатъ, замѣняя Его, „пользовался правомъ издавать своею властію законы, вступавшіе въ дѣйствіе безъ санкціи со стороны Государя“ [3]). Приведенная резолюція, говоря, въ первой своей части, „о новомъ какомъ опредѣленіи генеральномъ“, категорически запрещаетъ исполнять его безъ санкціи Государя; во второй-же ея части говорится лишь „о дѣлѣ“ (а не объ общемъ генеральномъ опредѣленіи), разрѣшенія коего (т. е. дѣла) нельзя отлагать. Иначе говоря, здѣсь вопросъ идетъ вовсе не о законѣ, а о чрезвычайномъ случаѣ административной практики, который Сенатъ, и въ началѣ своей дѣятельности при Петрѣ и въ концѣ ея одинаково могъ разрѣшать самостоятельно „до апробаціи Нашей“ [4]), т. е. подъ условіемъ послѣдующей санкціи данной мѣры,

[1]) П. С. З., № 3854.

[2]) С. А. Петровскій. О Сенатѣ и пр., стр. 238.

[3]) В. Н. Латкинъ. Учебникъ исторіи русскаго права стр. 297

[4]) Хотя это выраженіе „до апробаціи Нашей“ встрѣчается лишь въ одномъ письмѣ къ членамъ Синода, но письмо это, во 1-хъ, позднѣе двухъ другихъ указовъ, нами выше приведенныхъ; слѣдовательно, его можно считать дополняющимъ предыдущіе указы пове-

со стороны Государя. Прибавка какого либо положенія къ регламентамъ, измѣненіе ихъ, какъ и всякое иное „генеральное опредѣленіе“, могли быть отложены до возвращенія Государя. Наоборотъ, „дѣло нужное“, „дѣло, времени нетерпящее“, „такое“, съ которымъ „обождать до прибытія“ Государя было невозможно какъ говорятъ всѣ вышеуказанные акты -должно было быть разрѣшено до возвращенія Петра. Это было при томъ такъ согласно съ Его общимъ характеромъ, ставящимъ всюду на первое мѣсто благо государства и общества. Если держаться буквальнаго толкованія названныхъ выше актовъ, ясно отдѣляющихъ „генеральное опредѣленіе“ (законъ) отъ чрезвычайнаго случая, или „дѣла“, то, какъ намъ кажется, нѣтъ основаній утверждать, что Государь уполномочивалъ Сенатъ на изданіе законовъ въ Его отсутствіе; вопросъ шелъ вовсе не о законахъ, а о чрезвычайныхъ мѣрахъ, которыя Сенатъ могъ принимать до апробаціи“ Монарха.

Если Сенатъ не имѣлъ законодательной власти, а лишь власть исполнительную и распорядительную, при чемъ размѣры послѣдней, естественно, были шире въ отсутствіе Государя, чѣмъ во время Его пребыванія въ столицахъ, то, несомнѣнно, онъ принималъ весьма дѣятельное участіе въ различныхъ моментахъ прохожденія какъ законопроектовъ, такъ и самихъ законовъ. На этихъ моментахъ мы и остановимся, коснувшись болѣе подробно тѣхъ, на которые доселѣ меньше всего обращалось вниманія въ литературѣ вопроса.

Обратимся прежде всего къ участію Сената въ составленіи законопроектовъ. Сенатъ при Петрѣ Великомъ, обычно, самъ не разрабатывалъ законопроектовъ [1]). Не говоря уже о томъ, что законопроекты, по наиболѣе важнымъ вопросамъ государственнаго управленія и общественнаго быта, создавались по иниціативѣ самого Петра и Его ближайшихъ сотрудниковъ, Сенатъ, занятый многосложными текущими дѣлами и вынужденный постоянно такъ или иначе отвѣчать на разнообразныя требованія Государя и довѣренныхъ Его лицъ, не могъ удѣлять для этого достаточно времени. Кромѣ того, едва-ли, Сенатъ въ его

лѣніемъ, а, во 2-хъ, это выраженіе возможно подразумѣвать въ названныхъ указахъ, такъ какъ, вообще, всѣ мѣры Сената имѣли значенія лишь до одобренія ихъ Государемъ, и Онъ не стѣснялся ихъ отмѣнять, когда находилъ почему-либо ненужными.

[1]) Немногіе случаи такой разработки указаны у С. А. Петровскаго. О Сенатѣ, стр. 243 и сл.

составѣ и былъ подготовленъ къ этой разработкѣ, требовавшей, прежде всего, знанія, какъ иноземнаго законодательства, такъ и практики тѣхъ государственныхъ учрежденій, гдѣ это законодательство примѣнялось. Правда, Петромъ давались нерѣдко Сенату порученія о собраніи матеріаловъ и о составленіи тѣхъ или иныхъ законопроектовъ. Такъ, напр., въ пунктахъ, писанныхъ самимъ Петромъ 9 апрѣля 1720 г., читаемъ: „о подрядахъ— сдѣлать (Сенату) выписку для государственныхъ вещей: первое, именовать вещи, другое - много ль человѣкъ къ оному употребить, и какъ, и предложить въ докладъ“ [1]). Или, въ указѣ г.г. Сенату отъ 17 января 1722 г. сказано: „надлежитъ, выбравъ изъ воинскихъ морскихъ, а чего тамъ нѣтъ—изъ сухопутныхъ правъ, сдѣлать указъ (перемѣня только имена названій), какъ должность земскимъ правителямъ надлежитъ, и что имъ за преступленія государственныхъ лицъ, дабы оные равны были безъ изъятія противъ воинскихъ, и, когда оный подпишу, чтобъ тотчасъ напечатать и велѣть къ старому Уложенью въ началѣ положить и когда готова (sic) будетъ, напечатать въ началѣ“ [2]). Но, какъ указанныя, такъ и многія другія подобныя порученія касались обычно частностей реформы, а не общихъ ея началъ.

Сенатъ, не разрабатывая вообще самъ обширныхъ и сложныхъ законопроектовъ, игралъ, однако, важную роль при ихъ обсужденіи. При этомъ въ однихъ случаяхъ законопроекты представлялись въ Сенатъ въ готовомъ видѣ, въ другихъ— Сенатъ долженъ былъ, либо разобраться въ представленномъ матеріалѣ, когда собираніе его было поручено кому-нибудь Петромъ, либо принять самъ соотвѣтственныя мѣры, чтобъ законопроектъ былъ составленъ и представленъ ему на обсужденіе. Въ первомъ случаѣ, получивъ готовый законопроектъ, Сенатъ долженъ былъ высказать по нему свое мнѣніе и представить его на усмотрѣніе Государя; во второмъ —онъ долженъ былъ составить по вопросу особый докладъ. Лишь по утвержденіи того или другого, законопроектъ превращался, конечно, въ законъ и затѣмъ обнародывался, или съ поправками Сената, или въ своемъ первоначальномъ видѣ.

[1]) Сбор. Имп. Русс. Ист. Общ., т. XI, стр. 462.
[2]) Гос. Арх., разр. IX, II, кн. 61, л. 121.

Что касается представленія на обсужденіе Сената готовыхъ законопроектовъ, то примѣрами ихъ можетъ служить Регламентъ Духовной коллегіи и „Табель о рангахъ". Такъ, 20 февраля 1720 г. оберъ-секретарь Сената получилъ отъ Государя, для объявленія архіереямъ и Сенату, указъ такого содержанія: „по полученіи сего объяви преосвященнымъ архереомъ (sic) и господамъ Сенату, дабы проектъ Духовной коллегіи, при семъ вложенный, завтра выслушали, такъ ли оному быть, и ежели что не такъ покажется, то-бъ ремарки поставили и на каждой ремаркѣ—экспликацію вины дѣла". „Ремарокъ" со стороны архіереевъ и Сената на присланный Регламентъ, однако, не оказалось вовсе, и Петръ уже на слѣдующій день могъ обратиться къ Сенату съ такимъ письмомъ: „Г.г. Сенатъ, понеже вчерась отъ васъ Я слышалъ, что проектъ о Духовной коллегіи какъ архіереи, такъ и вы слушали и приняли всѣ за благо, того ради надлежитъ архіереомъ и вамъ оной подписать, которой потомъ и Я закрѣплю, а лучше-бъ два подписать и одинъ оставить здѣсь, а другой послать для подписанія прочимъ архіереомъ" [1]).

Не будемъ здѣсь касаться вопроса о томъ, дѣйствительно ли все, что было въ присланномъ законопроектѣ, приняли „за благо" указанныя лица, или зная, что вопросъ объ устройствѣ Синода предрѣшенъ Государемъ по плану, разработанному Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, они не хотѣли входить въ его подробное обсужденіе и вносить свои поправки; но замѣтимъ лишь, что такое отношеніе къ представляемымъ законопроектамъ было далеко не обычнымъ явленіемъ, и можно указать примѣръ, когда Сенатъ подвергалъ представленное обстоятельнымъ обсужденіямъ. Такъ, 1 февраля 1721 г. въ Сенатъ была прислана собственноручно подписанная Петромъ „Табель о рангахъ", съигравшая столь важную роль въ послѣдующее время [2]). „При концѣ той Табели" было „при-

[1]) Сбор. Имп. Русс. Ист. Общ., т. IX, стр. 400.

[2]) Изъ черновыхъ бумагъ Петра Пекарскій выводитъ заключеніе, что „Табель" составлена и написана самимъ Петромъ Великимъ, по образцу имѣвшихся у Него въ переводѣ расписаній чиновъ королевствъ „самодержавныхъ"—французскаго, прусскаго, шведскаго и датскаго. Видно также, что принимались въ соображеніе и англійскія учрежденія. Названный авторъ приводитъ затѣмъ замѣчательнѣйшія изъ поправокъ и дополненій Петра, вошедшихъ потомъ въ печатную „Табель" (Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, СПБ., 1862 г., т. II, стр. 565 и сл.). Вмѣстѣ съ „Табелью" въ Сенатъ были посланы расписанія чиновъ французскихъ, прусскихъ, шведскихъ и датскихъ (ib.).

№ 14,

[illegible] 29 / 154

[illegible]

23 февраля 1720 Петр

[illegible]

Собственноручный указъ Петра Великаго оберъ-секретарю Щукину отъ 23-го февраля 1720 г.

N: 15.

Подлинная

30
155

[illegible]

Петръ

Собственноручный указъ Петра Великаго Сенату
отъ 24-го февраля 1720 г.

писано, дабы къ сентябрю мѣсяцу 1721 г., подумавъ въ Сенатѣ, изготовить свое мнѣніе, ежели что надлежитъ перемѣнить, прибавить, или убавить, и которые чины перемѣнить, и какъ". Сенатъ отнесся весьма внимательно къ этой задачѣ. Въ Сенатѣ былъ „смотрѣнъ тотъ Табель, также, ради примѣру, и другихъ самодержавныхъ государей регламенты о рангахъ" и затѣмъ 21 сентября того же года Императору представлено было изъ Сената обширное доношеніе, въ которомъ излагалось „всепокорное мнѣніе" Сената. Доношеніе это начинается съ заявленія, что Сенатъ „ничего къ перемѣнѣ потребнаго не разсуждаетъ" относительно военныхъ чиновъ, ввиду того, что „о воинскихъ, сухопутныхъ и морскихъ, чинахъ сочиненный порядокъ въ рангахъ сходенъ противъ ранговъ другихъ государей, особливо французскаго, яко древняго и самодержавнаго короля". Что же касается чиновъ гражданской службы, то Сенатъ не оставляетъ безъ замѣчаній почти ни одинъ изъ пунктовъ Табели, подробно отмѣчая разницу въ положеніи ихъ по иностраннымъ регламентамъ и по Табели. Иностранные „регламенты о рангахъ", что весьма интересно для характеристики эпохи вообще, являются для Сената, какъ и для Петра, образцами, изъ коихъ заимствуются тѣ или иныя положенія; но такъ какъ сами эти регламенты часто представляютъ значительныя несходства, то для Сената, при разборѣ Петровской Табели, остается широкая возможность выбирать изъ нихъ то, что кажется ему пригоднымъ по условіямъ русской дѣйствительности.

Общая тенденція сенатскихъ замѣчаній на присланный законопроектъ состоитъ въ поднятіи значенія гражданской службы и ея чиновъ на уровень съ военной, а въ частности— въ указаніи на необходимость возвышенія ранга самихъ сенаторовъ. Не всѣ замѣчанія Сената на проектъ были приняты Петромъ во вниманіе; но, несомнѣнно, они не остались безъ вліянія на Табель о рангахъ, обнародованную 24 января 1722 г., какъ это ясно будетъ видно изъ дальнѣйшаго нашего обзора сенатскихъ замѣчаній. Замѣчанія эти начинаются съ указанія, что „въ регламентахъ о рангахъ—во французскомъ, въ датскомъ, въ аглинскомъ, канцлеръ, а во Швеціи изъ сенаторей старшій совѣтникъ, написаны въ первой (sic) классѣ, а въ присланной Табели написанъ канцлеръ во второй классѣ.

Того ради мнѣніе наше: тому чину не соизволитъ-ли Царское Величество быть въ первой классѣ"? [1]).

Петръ, какъ мы уже указывали (стр. 130 и сл.) не изволилъ „почесть" сенаторовъ за дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ [2]), какъ и не обратилъ вниманія на указаніе Сената, что въ Швеціи „изъ сенаторей старшій совѣтникъ написанъ въ первой классѣ", но помѣстилъ, согласно мнѣнію Сената, канцлера въ 1-мъ классѣ, и дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ въ одномъ (2-мъ) классѣ съ полными генералами.

Табель о рангахъ, какъ извѣстно, различаетъ чины воинскіе, статскіе и придворные. Минуя разборомъ замѣчанія Сената о придворныхъ чинахъ, имѣющихъ, впрочемъ, ту же общую тенденцію, какая высказывается Сенатомъ по отношенію къ чинамъ гражданскимъ, а именно—повышеніе ихъ въ рангахъ—и отмѣтивъ лишь, что и здѣсь Петромъ были приняты многія замѣчанія Сената [3]), остановимся болѣе подробно на томъ соотношеніи между чинами (должностями) гражданскими, какое проектировалъ Сенатъ, такъ какъ здѣсь изъ его разсужденій видно, какое значеніе онъ придавалъ тѣмъ или инымъ гражданскимъ должностямъ въ государствѣ и

[1]) Гос. Арх., Каб. II, кн. 93, л. 212 и сл.

[2]) Позднѣе, а именно по „Должности" Сената 27 апр. 1722 г., было указано, что „Сенату надлежитъ состоять изъ тайныхъ дѣйствительныхъ и тайныхъ совѣтниковъ, кому отъ Насъ нынѣ повелѣно и впредь повелѣно будетъ" (П. С. З., № 3978, п. 1).

[3]) По отношенію къ придворнымъ чинамъ Сенатъ, то прямо рекомендуетъ повышеніе ихъ въ рангахъ, сравнительно съ присланной Табелью, то ограничивается указаніемъ, что-де въ иностранныхъ регламентахъ ихъ ранги выше, чѣмъ въ Табели, какъ бы подсказывая тѣмъ необходимость ихъ общаго повышенія. Такъ, напр., Сенатъ, указавъ, что, „во французскомъ дворѣ великій мастеръ двора французскаго" состоитъ въ 1-мъ классѣ, а въ присланной Табели „написанъ оберъ-маршалъ противъ ген.-лейтенантовъ", предлагаетъ, „по примѣру другихъ дворовъ, быть тому чину хотя во 2-мъ классѣ"; или отмѣтивъ, что тайный кабинетъ-секретарь, по Табели, написанъ „противъ полковника, а во французскомъ комнатные секретари написаны противъ ген.-майора", рекомендуетъ сравнять его „чужестранной коллегіи съ тайными канцеляріи совѣтниками". Оберъ-шталмейстеръ, далѣе, былъ написанъ въ присланной табели въ бригадирскомъ рангѣ, оберъ-церемоніймейстеръ, оберъ-егермейстеръ, гофмаршалъ, оберъ-шенкъ—„противъ полковника", между тѣмъ какъ въ иностранныхъ регламентахъ, первый, во французскомъ, въ лицѣ „великаго конюшаго", имѣетъ рангъ между дворовыми первыми чинами, а въ датскомъ—оберъ-шталмейстеръ выше ген.-майора, оберъ-церемоніймейстеръ—въ прусскомъ регламентѣ выше ген.-майора, въ датскомъ—съ ген.-майоры, гофмаршалъ—въ датскомъ во 2-мъ классѣ,—выше ген.-майора, а въ шведскомъ—ниже ген.-майора; оберъ-егермейстеръ въ датскомъ и прусскомъ регламентѣ выше ген.-майора; оберъ-шенкъ по датскому регламенту состоитъ во 2-мъ классѣ, выше ген.-майора (ibid., л. 213 и сл.). Сравненіе съ Табелью о рангахъ, приведенной позднѣе въ дѣйствіе, показываетъ, поскольку эти указанія Сената были приняты во вниманіе Петромъ (П. С. З., № 3890).

насколько основательно исправлялъ онъ первоначальныя предположенія Табели, присланной ему „для разсмотрѣнія и изготовленія своего мнѣнія“.

Всѣ почти пожеланія Сената оканчиваются однообразною формулою: „не изволитъ-ли Его Величество повысить“ тотъ или иной гражданскій чинъ, или „сравнять“ его съ высшимъ. Такъ, оберъ-секретарь Сената,—лицо весьма важное въ составѣ канцеляріи Сената,—былъ написанъ въ присланномъ проектѣ „противъ майора“. Указавъ, что въ датскомъ регламентѣ онъ стоитъ во 2-мъ классѣ, выше генералъ-майора, Сенатъ рекомендуетъ „сравнять“ его „противъ совѣтниковъ коллегій“. Оберъ-секретари въ коллегіяхъ, секретари въ Сенатѣ написаны „противъ капитана“; Сенатъ проситъ „повысить“ ихъ „противъ асессоровъ коллежскихъ“, предполагая, что Петромъ будетъ уважено его замѣчаніе, что асессоровъ необходимо повысить въ рангъ полуполковничій (въ присланномъ проектѣ они были написаны также „противъ майора“) и справедливо указывая, что ближайшій „чинъ“ къ асессорамъ—совѣтники коллегій—состоятъ въ „рангѣ полковничьемъ“.

Предлагая затѣмъ „повысить противъ оберъ-ландрихтера“ секретарей и „архиваріевъ обѣихъ государственныхъ архивовъ“, написанныхъ въ проектѣ „противъ капитана-лейтенанта“, Сенатъ выдвигаетъ въ пользу этого то соображеніе, что „и нынѣ въ оберъ-ландрихтеры вчинены изъ приказныхъ людей“. Актуаріусовъ и регистраторовъ сенатскихъ, „написанныхъ противъ фендрика“, Сенатъ проситъ „повысить противъ лейтенанта, понеже корабельные секретари поставлены въ томъ же чинѣ“. Замѣтивъ, что въ Табели не написано, въ какомъ рангѣ должны состоять „актуаріусы и регистраторы коллежскіе“, а также „канцеляристы, какъ сенатскіе, такъ и коллежскіе“, Сенатъ предлагаетъ „учинить ранги актуаріусовъ и регистраторовъ и канцеляристовъ сенатскихъ противъ унтеръ-лейтенанта, а канцеляристовъ коллежскихъ старшихъ противъ фендрика, понеже нынѣ въ соизволеніи Его Величества есть въ такіе чины производить и изъ шляхетства, дабы оныхъ къ тому заохотить“.

Интересно также возраженіе Сената относительно нотаріусовъ. Еще по „Генеральному регламенту“ коллегіямъ 1720 г. должность нотаріуса была изображена въ такихъ выраженіяхъ: „понеже должность его чина въ томъ состоитъ, чтобъ онъ

20*

при собраніи коллегіи протоколъ держалъ, того ради надлежитъ ему оный (протоколъ) слѣдующимъ образомъ сочинять"... (гл. XXX). Въ разбираемомъ доношеніи Сенатъ справедливо указываетъ, что „нотаріевъ въ другихъ государствахъ (кромѣ, впрочемъ, Швеціи, замѣтимъ мы) къ канцеляріямъ не опредѣляется, токмо бываютъ у крѣпостныхъ дѣлъ для сочиненія крѣпостей, а которые обрѣтаются въ коллегіяхъ, тѣ именуются протоколисты: не изволитъ-ли Его Величество нотаріямъ писаться протоколистами", при чемъ проситъ сенатскаго протоколиста повысить „противъ секретарей коллежскихъ", поставивъ его наравнѣ съ переводчиками Сената и Иностранной коллегіи. Въ обнародованной Табели должность нотаріуса поручается протоколисту Сената и самъ терминъ „нотаріусъ", въ его первоначальномъ смыслѣ, исчезаетъ. Что же касается представленія Сената о повышеніи рангами вышеуказанныхъ должностей, то оно исполняется, хотя здѣсь можно отмѣтить и нѣкоторыя характерныя отступленія отъ сенатскаго мнѣнія, показывающія, какъ внимательно относился Петръ ко всѣмъ мелочамъ государственныхъ дѣлъ. Оберъ-секретарь Сената, написанный первоначально „противъ майора", повышенъ „противъ совѣтниковъ коллегій" и поставленъ „противъ полковника", асессоры коллегій оставлены, по прежнему, „противъ майора", но оберъ-секретари коллегій и секретари Сената повышены, какъ желалъ Сенатъ, „противъ асессоровъ коллежскихъ", т. е. почитаются уже, по обнародованной Табели, „противъ майора", а не „противъ капитана", какъ было раньше; актуаріусы и регистраторы сенатскіе, написанные раньше „противъ фендрика", повышаются, если не „противъ лейтенанта", какъ хотѣлъ Сенатъ, то противъ „унтеръ-лейтенанта".

Согласно мнѣнію Сената, „противъ коллежскихъ совѣтниковъ" „поставленъ и оберъ-рентмейстеръ въ резиденціи", т. е. повышенъ, по должности, въ 6-й классъ, тогда какъ былъ раньше лишь въ 9-мъ. Удовлетворено, хотя и не вполнѣ, требованіе Сената о повышеніи рангомъ вице-президентовъ надворныхъ судовъ. Первоначально они были написаны „противъ майора", Сенатъ находилъ необходимымъ „повысить" ихъ „противъ полковника", т. е. поставить наравнѣ съ совѣтниками коллегій; Петръ повысилъ ихъ, однако, „противъ полуполковниковъ".

Указомъ Петра Великаго было повелѣно также Сенату высказать свое мнѣніе „объ опредѣленіи жалованья статскимъ и дворовымъ чинамъ“, при чемъ Сенатъ долженъ былъ разсмотрѣть, „противъ ли ранга служилымъ (т. е. воинскимъ), въ одномъ классѣ съ ними обрѣтающимся, или меньше, или больше онымъ (жалованье) учинить“. Сенатъ нашелъ, что „о жалованьѣ высшихъ чиновъ, статскихъ и дворовыхъ, по рангъ генералъ-майора, полагается (онъ) на волю Его Царскаго Величества, а въ Сенатѣ о томъ опредѣленія учинить невозможно. А отъ ранга генералъ-майора и до нижнихъ чиновъ жалованье уравнять статскимъ и дворцовымъ чинамъ противъ военныхъ, по нашему разсужденію, невозможно, для того: понеже было-бы онымъ нижнимъ чинамъ жалованье малое, которымъ пропитаться имъ будетъ невозможно, ибо оные мало не всѣ безпомѣстные и въ нѣкоторыхъ канцеляріяхъ, кромѣ жалованья, никакихъ доходовъ не получаютъ“. Выставивъ означенное соображеніе, Сенатъ не могъ, однако, немедленно,—безъ справокъ въ Камеръ- и Штатсъ-конторъ-коллегіяхъ о состояніи прихода и расхода государственной казны,—указать, „по чему изъ тѣхъ чиновъ порознь и какое (надлежитъ) учинить жалованье“ и обѣщалъ подать объ этомъ докладъ позднѣе.

Въ виду хаотическаго состоянія тогдашняго государственнаго бюджета, а равно и постоянной нужды въ деньгахъ, такое осторожное отношеніе Сената къ вопросу представляется вполнѣ основательнымъ.

Разсматривая присланный проектъ Табели о рангахъ, Сенатъ не могъ, наконецъ, не остановиться на одномъ ея пробѣлѣ,—на умолчаніи ея, въ какихъ рангахъ должны состоять „нѣкоторые персоны“, оставшіеся „въ древнихъ чинахъ“, а именно: „бояре, кравчіе, окольничіе, думные дворяне, спальники, стольники и прочіе чины“. Сенатъ предлагалъ всѣхъ „оныхъ, по ихъ животъ, опредѣлить противъ другихъ рангами, ибо въ Россіи изъ тѣхъ чиновъ нынѣ опредѣлены, и впредь опредѣляемы быть имѣютъ, въ губернаторы, въ вице-губернаторы, въ воеводы, и ежели ранги имъ будутъ не опредѣлены, то отъ подчиненныхъ имъ будетъ не безъ противности“. Въ этомъ замѣчаніи было немало справедливаго: дѣйствительно, если всѣ чины—воинскіе, статскіе и придворные—расписывались по рангамъ, то едва-ли было удобно оставлять внѣ классовъ „персонъ древнихъ чиновъ“, особенно,

въ виду того, что, въ приложенныхъ „ко учрежденной Табели ранговъ“ пунктахъ, было точно обозначено, какъ поступать съ тѣми, „кто выше своего ранга будетъ себѣ почести требовать, или самъ мѣсто возьметъ, выше даннаго ему ранга“ [1]). Какое-же мѣсто среди другихъ могли взять себѣ эти персоны древнихъ чиновъ, когда ихъ ранги не были вовсе обозначены въ Табели? Указывая справедливо на неловкое положеніе означенныхъ персонъ въ обществѣ, слагающемся въ строгую организацію по ступенямъ служебной лѣстницы, Сенатъ отмѣтилъ одинъ изъ многихъ случаевъ Петровскаго законодательства, мало обращавшаго вниманія при введеніи своихъ новшествъ на бытовыя условія того времени.

Другое указаніе такого же характера сдѣлано было Сенатомъ въ особомъ мнѣніи, приложенномъ къ разбираемому выше докладу. Отмѣтивъ, что по указаннымъ пунктамъ положено штрафовать всѣхъ, „кто выше своего ранга почести будетъ требовать, или самъ мѣсто возьметъ, яко въ церквахъ, при аудіенціи и бракахъ“, Сенатъ не находитъ возможнымъ согласиться съ назначеніемъ штрафа съ стоящихъ не на мѣстѣ въ церквахъ, при чемъ въ своемъ мнѣніи, высказанномъ Государю, опять-таки обращаетъ Его вниманіе на нѣкоторыя бытовыя наши особенности, не позволявшія примѣнять этихъ штрафовъ у насъ. „Не изволитъ ли Его Царское Величество“, пишетъ Сенатъ, „въ бытность въ церквахъ (тѣхъ или иныхъ лицъ, обладающихъ рангами) о мѣстахъ штрафъ до времени отложить для того, что того въ церквахъ правильно учредить невозможно, понеже въ С.-Петербургѣ церкви малыя, не такъ пространныя, какъ въ окрестныхъ государствахъ костелы и кирки строятся, и гдѣ нарочно устроены мѣста каждой персонѣ особно, да и во оныхъ людствомъ, противъ россійскаго народа, гораздо меньше, а въ Россіи въ церквахъ бываетъ людство великое, котораго церковь, за многолюдствомъ, вмѣстити не можетъ и стоятъ многіе внѣ церкви, и того ради штрафовать въ такое время невозможно; но токмо, ежели кто при церквахъ и при прочихъ церемоніяхъ мѣсто у кого займетъ наглостью не по рангу и другому, выше своего ранга, не уступитъ съ упрямствомъ, таковыхъ по тѣмъ пунктамъ штрафовать; когдажъ въ Россіи въ

[1]) П. С. З., № 3890, стр. 490 и сл.

церквахъ мѣста будутъ устроены, или такое учрежденіе будетъ показано, тогда и о вышеобъявленномъ штрафѣ поступать, какъ оные пункты повелѣваютъ" [1]). Указанныя замѣчанія Сената не были приняты Петромъ во вниманіе, но за то самъ Государь указалъ Сенату на одинъ пробѣлъ въ „Регламентѣ о рангахъ", какъ онъ назвалъ „Табель" въ указѣ Сенату отъ 23 февраля 1723 г.,—„о рангахъ фискальскихъ должностей" [2]).

Мы остановились подробно на обсужденіи Сенатомъ „Табели" главнымъ образомъ потому, что она показываетъ, съ какимъ вниманіемъ Сенатъ, въ данномъ случаѣ, отнесся къ порученію, и на что Петръ обратилъ вниманіе, получивъ замѣчанія Сената на законопроектъ [3]). Кромѣ того, какъ самъ законопроектъ, такъ и замѣчанія Сената мало извѣстны въ нашей ученой литературѣ [4]). Въ послѣдней, однако, отмѣчено нѣсколько случаевъ обсужденія Сенатомъ тѣхъ или иныхъ законопроектовъ и указано, что̀ этими законопроектами внесено въ разрѣшеніе тѣхъ или иныхъ вопросовъ по существу [5]). Чтобы не повторять уже сказаннаго, мы остановимся на важнѣйшихъ изъ этихъ законопроектовъ лишь для уясненія роли Сената въ ихъ разсмотрѣніи.

[1]) Гос. Арх., разр. IX, кн. 93, л. 219.

[2]) „Понеже въ Регламентѣ о рангахъ не положено чиновъ генералъ-фискала и оберъ-фискала государственного, тако жъ оберъ-фискаловъ московского и въ войскѣ у дивизій и прочихъ, но токмо одинъ оберъ-фискалской чинъ написанъ въ классѣ съ подполковниками, а нынѣ опредѣлили Мы быть генералу-фискалу въ классѣ противъ генерала-майора, оберъ-фискалу государственному—въ классѣ бригадирскомъ, а оберъ-фискаломъ Воинской и Адмиралтейской коллегій въ полковничьемъ классѣ, а оберъ-фискаловъ московского и въ войскѣ у дивизій—въ классѣ подполковника и фискаловъ прочихъ коллегій—въ классѣ майорскомъ, въ томъ же классѣ и прокурора въ магистратѣ, также провинціалъ-фискаловъ и въ магистратѣ фискала чины въ классѣ капитанскомъ; того для, помянутые чины генерала-фискала, оберъ-фискала государственного, и оберъ-фискаловъ воинскихъ коллегій, и оберъ-фискаловъ московского и въ войскѣ у дивизій, и фискаловъ протчихъ коллегій и въ магистратѣ фискала-жъ и прокурора прибавьте въ Регламентѣ о рангахъ противъ объявленныхъ классовъ, а о рангахъ провинціалъ-фискаловъ, противъ капитанского ли классу всѣмъ или нѣкоторымъ по городамъ знатнымъ выше, а въ меньшихъ ниже въ классахъ быть надлежитъ, о томъ учинить въ Сенатѣ всѣмъ членамъ свои мнѣнія и подать Намъ" (Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. IX, стр. 507 и сл.).

[3]) Срав. еще П. С. З., №№ 4170, 4500, 4602.

[4]) Замѣчанія Сената помѣщены въ кн. В. А. Евреинова—гражданское чинопроизводство въ Россіи (СПБ., 1888 г.), стр. 99 и сл., авторъ, впрочемъ, останавливается подробно на разборѣ не этихъ замѣчаній, а положеній Табели о рангахъ, стр. 33—46.

[5]) П. Н. Милюковъ. Государственное хозяйство Россіи, стр. 618 и сл.; М. М. Богословскій. Областная реформа Петра Великаго, стр. 49 и сл.

Возьмемъ проекты реформъ губернской и центральной. Еще 9 мая 1718 г. Петръ повелѣлъ обсудить вопросъ „о государственныхъ распорядкахъ“ въ областяхъ, а именно, — „сколько ландъэвдинговъ (ландсгевдинговъ), и надъ сколькими уѣзды одинъ, и подъ нимъ сколько какихъ чиновъ, и какъ оные связаны послушаніемъ и должностію, то выписывать и приносить въ Сенатъ, гдѣ надлежитъ спускать съ русскими обычаи, что можетъ быть по старому, и что перемѣнить, то все ставить на мѣрѣ въ Сенатѣ и изготовить къ будущей осени въ докладъ“ [1]). Осенью того же года Сенатъ приступилъ къ обсужденію губернской реформы на основаніи доношеній, представленныхъ, по повелѣнію Петра, Генрихомъ Фикомъ. Къ сожалѣнію, изъ архивныхъ документовъ, относящихся къ данному вопросу, не видно совершенно, какъ шло обсужденіе этихъ доношеній. Но, во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что Сенатъ довольно продолжительное время занимался разсмотрѣніемъ доношеній Фика, видоизмѣнялъ ихъ, требовалъ отъ него время отъ времени новыхъ свѣдѣній, а равно собиралъ послѣднія изъ другихъ учрежденій. Такъ, подавъ 17 октября 1718 г. въ Сенатъ вѣдомость о жалованьи чиновъ губернской администраціи, Фикъ вошелъ въ Сенатъ 6 ноября съ „покорнѣйшимъ доношеніемъ“. Въ этомъ доношеніи Фикъ, указавъ, что „сіятельный высокоправительствующій Сенатъ, при послѣднемъ сидѣньи, милостиво изволили учинить резолюцію, чтобъ опредѣлить Дерптскій уѣздъ къ Нарвѣ“, говоритъ, что онъ не можетъ оставить „слѣдующія малыя обстоятельства къ прочему милостивому разсужденію въ покорномъ рескриптѣ донесть“, при чемъ объясняетъ, почему онъ противъ такого отнесенія Дерптскаго уѣзда къ Нарвѣ. Затѣмъ, 22 ноября онъ снова входитъ въ Сенатъ съ своимъ доношеніемъ, въ которомъ говоритъ: „понеже сіятельный высокоправительствующій Сенатъ изволили милостиво сего 3 дня ноября о земскихъ служителяхъ въ провинціяхъ воспріять, а во оной (резолюціи) не означено, въ провинціи сколькимъ человѣкомъ земскимъ фохтомъ быть, или же сколькимъ же крестьянамъ быть подъ каждымъ земскимъ фохтомъ, того ради обрѣтаю, слѣдуя своей нижайшей должности, нижеписанное припамятовать“. . . Въ началѣ декабря Сенатъ слушалъ проектъ о губернскомъ штатѣ, при чемъ

[1]) Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. XI, стр. 371.

имъ было предварительно затребовано отъ президента Юстицъ-коллегіи вѣдѣніе, „сколько чиновъ земскихъ судьямъ быть надлежитъ“.

Сенатъ, какъ извѣстно, не принялъ цѣликомъ шведскаго образца, отбросивъ изъ представленнаго проекта устройства прихода („кирхшпиля“), такъ какъ нашелъ, что „у насъ всякіе наряды и посылки бываютъ, по указамъ, изъ городовъ, а не отъ церквей, къ тому жъ и въ уѣздѣхъ изъ крестьянства умныхъ людей нѣтъ“ [1]). Конечно, нельзя согласиться съ этою мотивировкою Сената. Современникъ Петра, знаменитый Посошковъ, былъ, напр., совершенно иного взгляда на крестьянство. Говоря въ своемъ сочиненіи „О скудости и богатствѣ“ о необходимости созвать земскій соборъ для разсмотрѣнія проекта новаго уложенія, тогда составлявшагося, онъ замѣтилъ, что на этотъ Соборъ надо призвать выборныхъ отъ духовенства, отъ дворянства и отъ всѣхъ другихъ „чиновъ“ (т. е. группъ населенія), не исключая и крестьянъ, такъ какъ, говоритъ онъ, между прочимъ, „я видѣлъ, что въ мордвѣ разумные люди есть, то какъ въ крестьянахъ не быть разумнымъ?“ Но отрицаніе Сенатомъ за нашимъ приходомъ административнаго значенія (подобнаго тому, какое онъ имѣлъ въ Швеціи) было весьма основательно и исходило изъ пониманія условій тогдашней дѣйствительности.

Обращаясь къ участію Сената въ разработкѣ законопроектовъ, касавшихся коллегій, надо прежде всего отмѣтить, что Петръ 21 января 1718 года прислалъ Сенату такое письмо: „Г. г. Сенатъ, при отъѣздѣ своемъ Я письменно вамъ оставилъ для коллегій указъ, дабы брали вѣдѣніе у генерала Брюса, какъ оныя сочинять. А понеже онъ нынѣ отъѣхалъ въ Финляндію, то безъ него берите вѣдомости и спрашивайте у Фика, который оныя вывезъ изъ Швеціи“ [2]). Затѣмъ Именной указъ отъ 11 іюня того же года вполнѣ точно опредѣлялъ роль Сената по отношенію къ коллежскимъ регламентамъ, а именно—онъ повелѣвалъ „къ первымъ указамъ о регламентѣ коллегій шведскій регламентъ во всѣхъ коллегіяхъ съ русскими сводить и перво

[1]) М. А. М. Ю., кн. $^{58}/_{58}$, л. 23, 31 и об., 32 и др. Какія именно доношенія, проекты и штаты коллегій были доставлены Фикомъ,—см., ibidem, л. 17 и сл., 20 и сл., 72 и сл.

[2]) Сбор. Имп. Русс. Ист. Общ., т. XI, стр. 364.

всякому своей коллегіи опредѣлять, а что перемѣнить, и какимъ образомъ оному быть, оное поставивъ, приносить въ Сенатъ, одну коллегію по другой; а въ Сенатѣ оныя спорныя дѣла рѣшить и ставить свое мнѣніе и готовить тогда въ докладъ, гдѣ буду присутствовать, и ставить на мѣстѣ; репорты подписывать президентомъ съ вице-президентами" [1]). Такимъ образомъ, проекты регламентовъ составляются въ коллегіяхъ и потомъ направляются въ Сенатъ, который, обсудивъ всѣ спорные пункты, представляетъ ихъ для доклада Государю.

Дѣло составленія регламентовъ для коллегій подвигалось впередъ очень медленно, и они стали появляться лишь съ начала слѣдующаго года [2]), при чемъ нѣкоторые изъ нихъ (какъ, напр., Регламентъ Вотчинной коллегіи) [3]) никогда не были утверждены. Надо, впрочемъ, замѣтить, что пункты шведскаго устава, даннаго въ образецъ русскимъ коллегіямъ, во многихъ случаяхъ совершенно не отвѣчали русскимъ условіямъ или, какъ это допускалъ и самъ Петръ, были „съ ситуаціею сего государства несходны", что, конечно, очень затрудняло работу какъ коллегій, такъ и Сената. Нужно было внимательно обдумать, чтó можно было взять изъ шведскаго образца и чего не слѣдовало брать, необходимо было собрать и матеріалы, которые могли бы лечь въ основаніе доклада Государю. Юстицъ-коллегія, напр., по замѣчанію одного изъ нашихъ ученыхъ, „въ теченіи всего 1718 г. съ большимъ трудомъ, понукая и жалуясь въ Сенатъ, собирала изъ центральныхъ и областныхъ учрежденій разнаго рода статистическія свѣдѣнія о числѣ рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ дѣлъ, о прежнемъ судебно-административномъ персоналѣ областныхъ учрежденій, о количествѣ населенія по губерніямъ и городамъ Россіи,—свѣдѣнія, необходимыя, какъ базисъ реформы. По мѣрѣ полученія и обработки этихъ данныхъ составлялись коллегіею и обсуждались въ Сенатѣ проекты судебнаго устройства примѣнительно къ шведскому образцу" [4]). Сенатъ въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, былъ въ своей дѣятельности въ большой зависимости

[1]) П. С. З., № 3207; срав. ibidem, № 3197.

[2]) Первымъ явился Регламентъ Штатсъ-конторъ-коллегіи 13 февраля 1719 года, П. С. З., № 3303; другіе—см. ibidem, №№ 3318, 3468, 3937, 4330, 4378, 4453 и др.

[3]) Н. Н. Ардашевъ. Регламентъ Вотчинной коллегіи въ проектахъ 1723, 1732 и 1740 г.г. (М., 1890).

[4]) М. М. Богословскій. Областная реформа при Петрѣ Великомъ, стр. 166.

отъ дѣятельности подчиненныхъ учрежденій. Если они почему-либо медлили представленіемъ ему соотвѣтствующихъ свѣдѣній, то тѣмъ самымъ замедлялся и ходъ работъ въ самомъ Сенатѣ.

Какъ извѣстно, при Петрѣ было учреждено нѣсколько кодификаціонныхъ комиссій. Оставляя въ сторонѣ дѣятельность первой комиссіи, а именно—такъ называемой „Палаты о Уложеніи", созданной еще въ 1700 г., слѣдовательно, до учрежденія Сената, остановимся на роли послѣдняго въ комиссіяхъ 1714 и 1719 гг. Именнымъ указомъ, даннымъ Сенату 20 мая 1714 г., повелѣвалось „взнесть въ Сенатъ" „Новоуказныя статьи, учиненныя на тѣ дѣла, о которыхъ въ Уложеніи не напечатано, на одно дѣло разныя". Сенатъ, получивъ эти „статьи", долженъ былъ „изъ тѣхъ разныхъ указовъ изобрать приличное къ истинѣ и учинить на всякое дѣло одинъ указъ съ доношенія Его Величеству". Во исполненіе этого онъ разослалъ по приказамъ особую „табель образцовую" тѣхъ выписокъ, какія должны были быть ему представлены, и образовалъ, при канцеляріи Сената, особую комиссію, во главѣ которой поставилъ сенатора Апухтина [1]). Собраніе Новоуказныхъ статей и роспись ихъ по вышеназванной табели были, повидимому, окончены къ сентябрю 1717 г.; затѣмъ изъ нихъ было составлено десять главъ [2]).

Но комиссія не успѣла довершить своего дѣла, какъ Петръ въ 1718 г. приказалъ Юстицъ-коллегіи „учинить" сводъ русскихъ законовъ со шведскими [3]). Если сводная работа первыхъ двухъ комиссій была сравнительно легка, такъ какъ нужно было собрать и обобщить лишь законодательство русское, то работа третьей комиссіи была весьма затруднительна. Еще Сперанскій замѣтилъ по поводу этой новой задачи слѣдующее: „легко можно представить препятствія", говоритъ онъ, „кои и на семъ новомъ пути встрѣтились отъ разности въ языкѣ, отъ недостатка свѣдущихъ людей, отъ коренного несходства двухъ разныхъ системъ законодательства и особенно отъ того, что собственное свое законодательство, разнообразное и противо-

---

[1]) П. С. З., № 2819; Док. и пр. Пр. Сената, т. IV, ч. I, стр. 447 и сл.

[2]) В. Н. Латкинъ. Законодательныя комиссіи въ Россіи въ XVIII в. (СПБ., 1887 г.), стр. 19 и сл.

[3]) П. С. З., № 3262.

рѣчащее, не было еще Сводомъ установлено, и, слѣдовательно, не представлялось никакой возможности опредѣлить съ достовѣрностью, что должно въ немъ считать дѣйствующимъ и что отмѣненнымъ".

Является вопросъ, почему же Петръ отвергъ ранѣе уже составленный проектъ новоуложенной книги и не далъ Сенату окончить своднаго уложенія, а обратился къ столь трудной задачѣ согласованія началъ совсѣмъ чужого шведскаго кодекса съ своими? Недостатокъ свѣдѣній не даетъ возможности отвѣтить на это прямо и положительно. Но, какъ намъ кажется, объясненіе этого факта лежитъ въ томъ, что первыя два уложенія уже не могли удовлетворить Петра Великаго потому, что будучи составлены почти въ началѣ реформаціоннаго движенія, они, естественно, не укладывали въ свои нормы этого движенія, состарились для него, не успѣвъ быть даже обнародованными. При томъ Петръ не считалъ новую задачу невыполнимою, особенно въ виду того обстоятельства, что въ это же время судебно-административныя учрежденія должны были быть перестроены по шведскому образцу. Что Петръ именно такъ смотрѣлъ на предстоящую задачу, это видно изъ тѣхъ сроковъ, которые Онъ назначилъ какъ для начала слушанія проекта уложенія, такъ и для окончанія. Именно, возложивъ на Юстицъ-коллегію 9 мая 1718 г. обязанность составленія „свода шведскаго устава съ Уложеніемъ" [1]), Онъ указомъ, даннымъ Сенату 9 декабря того же года, повелѣлъ „начать слушать уложеніе генваря съ 7 дня 1720 г. и положить, поскольку дней и часовъ оное въ недѣлю слушать, чтобы того-жъ года въ послѣднихъ числахъ октября было готово". Теперь организація занятій по составленію уложенія была возложена на Сенатъ, который, однако, приступилъ къ образованію состава комиссіи и опредѣленію времени ея занятій лишь 8 августа 1720 г., т. е. всего за какія-нибудь два мѣсяца съ небольшимъ до срока, положеннаго Петромъ для окончанія работъ въ комиссіи [2]). Частію изъ этого указа, а частію изъ одного ненапечатаннаго приговора Сената отъ 26 сентября видно, отчего произошло такое промедленіе.

Указъ отъ 8 августа гласилъ, между прочимъ, что „къ тому-жъ уложенію", т. е. къ проекту его, „взять права

[1]) [illegible] Уложенія короля Христофора 1442 г. съ Уложеніемъ 1649 г.
[2]) П. С. З., №№ 3202, 3463, 3626; М. А. М. Ю., кн. 10/660, л. 230—232 (А. Н.).

эстляндскія и лифляндскія, и когда сколько оного уложенія сочинять, о томъ при собраніи предлагать къ исправленію всему Сенату по вся недѣля и сидѣть имъ для того сочиненія въ недѣли по 3 дня, при томъ же сочиненіи присутствовать изъ сенаторскихъ всѣхъ персонъ, по одному человѣку, съ перемѣною". Если изъ этого указа видна роль Сената по отношенію къ работѣ въ комиссіи, то изъ него не менѣе очевидно, что Юстицъ-коллегія не выработала къ установленному Петромъ сроку готоваго проекта, который можно было-бы начать слушаніемъ, какъ предполагалъ Государь, съ 7 января 1720 г. Изъ приговора Сената отъ 26 сентября, въ свою очередь, ясно, что́ именно представила Юстицъ-коллегія Сенату и какъ предполагалъ Сенатъ пополнить необходимый для уложенія матеріалъ. Такъ, въ приговорѣ постановлено: „для лучшаго сочиненія россійскаго уложенія ко всѣмъ въ Уложеніи обрѣтающимся главамъ, что собрано въ Юстицъ-коллегіи. къ тому собрать, что, кромѣ той коллегіи, гдѣ въ другихъ коллегіяхъ и канцеляріяхъ быть имѣетъ именныхъ и прочихъ новоучиненныхъ указовъ, пополненныхъ, сверхъ Уложенія, и тому подобныхъ и которые о чемъ учинены, по приличности прежняго Уложенія главъ". Юстицъ-коллегія, такимъ образомъ, представила въ Сенатъ лишь собраніе того законодательнаго матеріала, который находился въ ея распоряженіи и который относился къ ея компетенціи. Но матеріалъ этотъ, конечно, былъ недостаточенъ, и вотъ Сенатъ даетъ цѣнныя, даже для научныхъ изысканій, указанія, гдѣ надо брать этотъ матеріалъ. Какъ извѣстно, Соборное уложеніе дѣлилось на 25 главъ. Приведя наименованіе каждой главы этого уложенія [1]),

[1]) Наименованіе этихъ главъ таково: гл. I—„о богохульникахъ и церковныхъ мятежникахъ"; гл. II—„о государской чести и какъ его государское здоровье оберегать"; гл. III—„о государевѣ дворѣ, чтобъ на государевѣ дворѣ ни отъ кого никакого безчинства и брани не было"; гл. IV—„о подпищикахъ и которые печати поддѣлываютъ"; гл. V—„о денежныхъ мастерѣхъ, которые учнуть дѣлати воровскіе деньги"; гл. VI—„о проѣзжихъ грамотахъ въ иные государства"; гл. VII—„о службѣ всякихъ ратныхъ людей Московскаго Государства"; гл. VIII—„о искупленіи плѣнныхъ"; гл. IX—„о мытахъ и о перевозѣхъ и о мостахъ"; гл. X—„о судѣ"; гл. XI—„судъ о крестьянѣхъ"; гл. XII—„о патріаршихъ приказныхъ и о всякихъ людѣхъ, что на нихъ судъ давати на патріаршемъ дворѣ"; гл. XIII—„о монастырскомъ приказѣ"; гл. XIV—„о крестномъ цѣлованіи"; гл. XV—„о вершеныхъ дѣлѣхъ"; гл. XVI—„о помѣстныхъ земляхъ"; гл. XVII—„о вотчинахъ"; гл. XVIII—„о печатныхъ пошлинахъ"; гл. XIX—„о посадскихъ людѣхъ"; гл. XX—„о холопьѣ судѣ"; гл. XXI—„о разбойныхъ и татиныхъ дѣлѣхъ"; гл. XXII—„указъ за какія вины кому чинити смертная казнь и за какія вины смертію не казнити, а чинити наказаніе"; гл. XXIII—„о стрѣльцахъ"; гл. XXIV—„о атаманѣхъ и казакахъ"; гл. XXV—„о корчмахъ".

Сенатъ говоритъ, что къ I-ой главѣ матеріалъ надо взять въ патріаршемъ духовномъ приказѣ, ко II-ой—въ Тайной канцеляріи въ преображенскомъ приказѣ, къ V-ой въ Бергъ и Мануфактуръ-коллегіи, къ VI—VIII—въ Иностранной коллегіи, къ IX-ой и XXV-ой въ ратушѣ, къ XII-ой и XIII-ой въ духовномъ и монастырскомъ приказахъ, къ XV-ой въ канцеляріи вотчинныхъ дѣлъ, къ XVIII-ой—въ печатномъ приказѣ, къ XIX-ой—„выписать его изъ инструкціи, опредѣленной магистрату“. Сводъ всего этого матеріала коллегіи и канцеляріи должны были сдѣлать въ самомъ непродолжительномъ времени, „дабы въ сочиненіи того уложенія остановки не было“. При этомъ сенатскій приговоръ отмѣчаетъ, что „изъ Морского устава и изъ Военнаго артикула и изъ порядковъ, что къ гражданству принадлежитъ“, выписки будутъ сдѣланы въ самомъ Сенатѣ [1]). Въ указѣ Сената отъ 17 октября того же 1720 г., данномъ комиссіи, послѣдней было объявлено, „дабы засѣдающіе при уложеніи члены, за случающимися ихъ Высокоправительствующаго Сената нужды, уложеніе сочиняли и одни, и то свое сочиненіе предлагали ихъ, Высокоправительствующему Сенату, или опредѣленному (sic) отъ нихъ одной персонѣ, однако жъ и потомъ въ иные дни отъ Правительствующаго Сената по одной персонѣ также засѣданіе имѣли“ [2]).

Сочиненіе уложенія, которое, по указу Петра должно было завершиться къ концу октября 1720 г., продолжалось, однако, еще до 1724 г. Не касаясь обзора дальнѣйшихъ занятій этой комиссіи, въ виду того, что въ ученой литературѣ нашей онъ уже сдѣланъ [3]), замѣтимъ лишь, что занятія комиссіи происходили подъ наблюденіемъ Сената; имъ-же пополнялся и ея составъ [4]).

Такова роль, которую игралъ Сенатъ при Петрѣ, въ составленіи и обсужденіи законопроектовъ, а равно и въ работахъ по кодификаціи. Эту роль Сенатъ раздѣлялъ съ цѣлымъ рядомъ учрежденій и лицъ. Но былъ, однако, одинъ видъ участія Сената въ движеніи законодательныхъ актовъ, принадлежавшій ему почти исключительно. Получая именные указы Государя,

[1]) М. А. М. Ю., кн. 10/660, л. 238—262 (А. Н.).
[2]) П. С. З., № 3661.
[3]) В. Н. Латкинъ, Законодательныя комиссіи въ Россіи въ XVIII в., стр. 23—41.
[4]) М. А. М. Ю., кн. 10/660, л. 233 и сл. (А. Н.).

составляя приговоры по многочисленнымъ и разнороднымъ дѣламъ, входившимъ въ его компетенцію, Сенатъ, конечно, долженъ былъ принимать рядъ мѣръ къ тому, чтобы какъ именные указы, такъ и указы, состоявшіеся въ силу его собственныхъ приговоровъ, дѣлались извѣстны либо всѣмъ, буде указы эти предназначались, говоря языкомъ того времени, „для всенароднаго объявленія", либо тѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, до которыхъ они спеціально относились.

Задача эта была не изъ легкихъ по тогдашнимъ обстоятельствамъ. Первоначально Сенатъ практикуетъ прибитіе печатныхъ листовъ для перваго рода указовъ, и разсылку — для второго, какъ это уже отмѣчалось не разъ, по другимъ поводамъ, выше. Въ 1714 году послѣдовалъ Именной указъ, который можно разсматривать какъ первую общую мѣру. По данному вопросу Сенату повелѣно было именные указы, сенатскіе приговоры, состоявшіеся „о всякихъ государственныхъ генеральныхъ дѣлахъ" и подлежащіе, вмѣстѣ „съ объявленными письмами", „ко всенародному объявленію", нетолько посылать „по прежнему" во всѣ учрежденія, центральныя и губернскія, но „печатать и продавать всѣмъ, дабы были о томъ свѣдомы" [1]).

„Освѣдомленность" объ указахъ, даже всенародно публикованныхъ, во все царствованіе Петра была, впрочемъ, весьма незначительна, прежде всего, конечно, по безграмотности населенія. Петру и самому, и черезъ Сенатъ, приходилось не разъ напоминать объ обязательномъ знаніи указовъ, объявленныхъ и напечатанныхъ [2]), причемъ при Немъ впервые выставленъ и тотъ принципъ, что невѣдѣніемъ законовъ нельзя отговариваться. Такъ, въ указѣ отъ 9 февраля 1720 г. сказано, что „Великій Государь указалъ объявить всенародно: въ минувшихъ годахъ, которые Е. В. указы о разныхъ дѣлахъ публикованы, и впредь публиковаться будутъ въ народъ, чтобъ по онымъ исполненіе чинили, какъ въ тѣхъ указахъ предложено будетъ". Поэтому преступающему указы, вѣдалъ ли онъ о нихъ или не вѣдалъ, законъ грозитъ за дѣяніе (или даже неизвѣщеніе о дѣяніи другого), что онъ „будетъ безъ пощады казненъ или наказанъ... не ставя

¹) П. С. З., № 2785.
²) П. С. З., №№ 3435, 3586 и 4311.

то ему въ оправданіе, что смотря на другого чинилъ, чего для надлежитъ всякому поступать по указамъ и охранять оные, и чтобъ впредь никто невѣдѣніемъ не отговаривался"... [1]) Однако, отговаривались такимъ невѣдѣніемъ не только простые подданные, но и члены государственныхъ учрежденій, даже сенаторы („какъ учинилось то отъ нѣкоторыхъ изъ Сената", по выраженію самого Петра въ Его указѣ отъ 22 января 1722 г. [2]); послѣднее впрочемъ, только, кажется, однажды). Если съ сенаторовъ за это строго взыскалъ самъ Государь (они были „штрафованы отнятіемъ чиновъ и арестомъ и деньгами", какъ гласилъ тотъ-же указъ), то съ членами учрежденій и подданными, обязанными знать законы, долженъ былъ справляться Сенатъ. Требовать исполненія возможно было лишь тогда, когда указы дѣйствительно были объявлены. Сенатъ, разсылая указы, приказывая ихъ объявить подчиненнымъ учрежденіямъ, или обнародовать для всѣхъ, принимаетъ рядъ мѣръ къ тому, чтобы они дошли по назначенію и чтобы ему было „репортовано", какъ о полученіи, такъ и объ исполненіи. Забота объ этомъ лежитъ, какъ мы уже указывали, на канцеляріи Сената. Приведемъ лишь, для иллюстраціи сказаннаго, нѣкоторые примѣры. Такъ, въ Сенатѣ, послѣ составленія инструкцій или регламентовъ отдѣльнымъ коллегіямъ, состоялось нѣсколько однообразныхъ приговоровъ такого содержанія. „Правительствующій Сенатъ приказали: съ инструкціи Камеръ-коллегіи (въ другомъ приговорѣ —съ инструкціи Штатсъ-конторъ-коллегіи, Рентмейстерской и др.), которую Е. Ц. В. изволилъ въ Сенатѣ слушать и указалъ оной быть въ той силѣ, какъ исправлена, а, за отлученіемъ Е. Ц. В. въ походъ, собственною Е. В. рукою не подписано, дать изъ Сената во оную коллегію копію и управлять въ той коллегіи по тому Регламенту, а до тѣхъ мѣстъ, какъ оная отъ Е. Ц. В. собственною рукою подписана будетъ, такоже и съ инструкціи надзирателя сборовъ, которую Е. В. изволилъ слушать и на оную соизволилъ, копію во оную коллегію послать для того, чтобы во управленіи дѣлъ остановки не было" [3]). Здѣсь Сенатъ, во избѣжаніе возможныхъ отговорокъ со стороны коллегій, беретъ на себя по-

[1]) П. С. З., № 3510.
[2]) П. С. З., № 4437.
[3]) М. А. М. Ю., дѣла Сената, кн. 4/654, л. 30—39 (А. Н.).

Тамо повинно свое быть неподобало;

12. В сенате никакое дело что по[ч]нено быти надлежит словесно но все письменно; понеже сенату стати[й?] в важных повелениях вельми нужно иметь всякое опасение осторожность, дабы нашъ интерес ничем не повредить. Того ради всем членам не приитти к тяжкому ответствованию, такожде и нам ничем бы сумнительно быти могло;

Петр

[illegible]

Вслушано в сенате, апреля 27 дня 1722 года,

Подпись и собственноручная приписка Петра Великаго на «Должности Сената» 27-го апреля 1722 г.

сылку регламентовъ даже не подписанныхъ Государемъ. Въ другомъ случаѣ, разсылая по коллегіямъ, по подписаніи уже Монархомъ Генеральнаго регламента, печатные экземпляры его, Сенатъ постановляетъ приговоръ о присылкѣ за оные, за каждый Регламентъ, „денегъ въ Сенатъ по 16 алтынъ по 3 деньги, для того, что къ содержанію типографскаго стану, на дачу жалованья служителямъ и на покупку припасовъ, бываетъ изъ Сената расходъ немалый; а которые письменные разосланы по коллегіямъ и тѣ прислать по прежнему въ Сенатъ". На тѣхъ же основаніяхъ печатные экземпляры Генеральнаго регламента приказывается послать по губерніямъ, „а, для всенароднаго извѣстія, Регламентовъ-же 1200 отдать въ лавку для продажи" [1]).

Для характеристики мѣръ, принимавшихся Сенатомъ въ цѣляхъ наблюденія за публикованіемъ и исполненіемъ указовъ, приведемъ одинъ примѣръ. Сенатъ 8 іюня 1720 г. приговорилъ: „изо всѣхъ губерній и провинцій писать въ Сенатъ немедленно: Именной Е. Ц. В., состоявшійся въ 713 г.,—чтобъ посылаемые въ уѣзды всякихъ чиновъ люди, для высылки къ платежу всякихъ казенныхъ сборовъ и для выбиранія доимокъ, ни съ кого никакихъ взятковъ имать и тѣмъ уѣзднымъ людямъ разоренія чинить не дерзали,—въ городахъ и уѣздахъ публикованъ-ли и когда; послѣ того, на сборщиковъ во взяткахъ.... челобитье было-ли, и буде было, то на виноватыхъ, за такое преступленіе, по оному указу взыскивано-ль, и что кому за то учинено?" Не довольствуясь этимъ, Сенатъ приказывалъ „выставить листы", съ объявленіемъ, не брали-ли сборщики какихъ взятокъ, посуловъ, подводъ и пр., давали-ли установленныя расписки въ сборахъ, и если это случалось, то обиженнымъ предлагалъ подавать объ обидахъ и взяткахъ „письменное извѣщеніе безъ всякаго опасенія", о чемъ писать въ Сенатъ не только самимъ обиженнымъ, но и всѣмъ, кто объ этомъ провѣдаетъ [2]).

Такова была роль Сената въ дѣлѣ обнародованія законовъ.

По разсылкѣ законовъ въ однихъ случаяхъ, по опубликованіи ихъ „во всенародное извѣстіе" въ другихъ, Сенатъ выступалъ въ роли хранителя и толкователя законовъ. Выполняя эту высокую миссію, онъ заботился о правильномъ примѣненіи ихъ на практикѣ, разъяснялъ ихъ истинный смыслъ, вообще разрѣ-

[1]) М. А. М. Ю., дѣла Сената, кн. 4/654, л. 248, 252 и др.
[2]) Ibidem, кн. 10/660, л. 125—133.

шалъ всѣ затрудненія и сомнѣнія, могущія явиться при примѣненіи законовъ въ жизни. Такъ, напр., хотя указы объ образованіи коллегій, а еще болѣе ихъ регламенты, опредѣляли съ достаточною полнотою кругъ вѣдомства каждой коллегіи разные предметы, вѣдавшіеся многочисленными, не рѣдко случайными и временными, учрежденіями, не легко было, однако, отнести, безъ дальнихъ разсужденій въ ту или иную коллегію и канцелярію. Нечего говорить, что до учрежденія коллегій царившая на практикѣ путаница въ предметахъ вѣдомства приказовъ еще болѣе давала о себѣ знать, и, конечно, никто другой, а Сенатъ, не могъ разрѣшать всѣ возникавшія сомнѣнія. Мы уже останавливались на подобныхъ случаяхъ; коснемся теперь лишь роли Сената въ данномъ вопросѣ по учрежденіи коллегій.

Въ приговорѣ Сената, отъ 4 марта 1719 г., мы читаемъ весьма обширное опредѣленіе Сената, гдѣ какимъ дѣламъ надлежало быть вѣдомымъ. Хотя 12 декабря 1718 г. и явился Именной указъ, содержавшій реестръ коллегій и опредѣлявшій компетенцію каждой, но, очевидно, этого было недостаточно, и Сенату пришлось въ своемъ приговорѣ частію его разъяснять, частію дополнять. Указавъ, напр., здѣсь, что высылка царедворцевъ вѣдается въ Сенатѣ, для чего будетъ опредѣленъ особый столъ, Сенатъ говоритъ, что „наряду и высылкѣ въ Петербургъ на житье купцовъ надлежитъ быть въ Комерцъ-коллегіи, ремесленниковъ въ Бергъ-и-Мануфактуръ-коллегіи“, деньги надо требовать „на гаванное строеніе при Котлинѣ-островѣ, изъ Штатсъ-конторъ-коллегіи“, а за самимъ строеніемъ смотрѣть по прежнему сенатору Самарину; „расположеніе деньгамъ и подрядъ, что къ оному надлежитъ, содержать изъ Камеръ-коллегіи; доимкамъ быть въ вѣдомствѣ той-же коллегіи“, „соймы со всякими припасы, которыя . . . строены изъ канцеляріи Сената, отдать въ адмиралтейство“; „переписныя ландратскія книги, которыя есть въ присылкѣ, изъ Сената отослать, тако-жъ и достальныя, не досланныя изъ губерній-же, присылать въ Камеръ-коллегію; полотняные, овчарные, кожевенные, стеклянные и всякіе другіе заводы вѣдать въ Мануфактуръ-коллегіи, Печатный дворъ и С.-Петербургскую типографію въ Штатсъ-конторѣ“ [1]). Не приводя цѣликомъ этого обширнаго и интереснаго

[1]) М. А. М. Ю., кн. 7/657, л. 72—92 (А. Н.).

приговора Сената, то разъясняющаго, то дополняющаго вышеприведенный указъ, а равно и имѣвшіяся уже тогда инструкціи коллегіямъ, мы можемъ изъ приведенныхъ выше его опредѣленій видѣть, какъ распоряжался Сенатъ при распредѣленіи тѣхъ или иныхъ дѣлъ по коллегіямъ, что онъ оставлялъ въ своемъ завѣдываніи, что въ завѣдываніи отдѣльныхъ сенаторовъ и т. д.

Сенату не разъ затѣмъ приходилось указывать отдѣльнымъ учрежденіямъ, что данное дѣло входитъ въ кругъ ихъ вѣдомства по закону. Такъ, напр., ему сдѣлалось извѣстно изъ донесеній Адмиралтейской коллегіи о недоставленіи въ эту коллегію морскихъ припасовъ на 1719 г. Постановивъ приговоръ о скорѣйшемъ подвозѣ этихъ припасовъ и о наложеніи штрафовъ на губернскихъ комиссаровъ „за то, что они не только на сроки, но и послѣ сроковъ“ не озаботились доставкою сказанныхъ припасовъ, Сенатъ указываетъ, что, по закону, „опредѣлено всякія доимки взыскивать въ Камеръ-коллегіи, тако жъ и впредь о такихъ морскихъ припасахъ къ расположенію предлагать изъ Адмиралтейской коллегіи въ Камеръ-коллегію“, т. е., иначе говоря, внушаетъ первой коллегіи, что она должна была прежде всего обращаться въ Камеръ-коллегію, а не въ Сенатъ; Камеръ-же коллегіи напоминаетъ объ ея компетенціи. „Буде-же“, говоритъ приговоръ въ заключеніе, „по тѣмъ предложеніямъ, Камеръ-коллегія чего расположить (сама) не можетъ, то о томъ предложить въ Сенатѣ, какъ о томъ Регламентъ повелѣваетъ, понеже по Е. Ц. В. указомъ велѣно всякое расположеніе имѣть въ той коллегіи и о томъ въ Камеръ-и въ Адмиралтейскую коллегіи послать указы“ [1]).

Случалось иногда, что коллегіи по тѣмъ или инымъ причинамъ выходили изъ предѣловъ своей компетенціи, и тогда Сенату, естественно, приходилось напоминать имъ о законѣ и вводить ихъ снова въ опредѣленныя границы. Приведемъ лишь одинъ изъ многихъ приговоровъ Сената по данному поводу. Въ Сенатѣ было усмотрѣно изъ вѣдомости Юстицъ-коллегіи, что „въ той коллегіи удостоены въ чины“ (въ должности) лица,

[1]) М. А. М. Ю., кн. 7/657, л. 2/535, л. 116—120; срав. еще ibid., кн. 7/657, л. 269—71 (А. Н.), гдѣ указывается Камеръ-коллегіи, что „во всякихъ сборахъ разсмотрѣніе, а въ доимкахъ взысканіе . . . опредѣлено чинить въ той коллегіи“.

„о которыхъ указа въ Сенатѣ не записано“, а именно въ вице-президенты Степанъ Клокачевъ и въ асессоры провинціальныхъ надворныхъ судовъ три лица, что противорѣчило 5-му и 6-му пунктамъ I-ой „Должности“ Сената. Послѣдній 1 сентября 1720 г. постановилъ призвать Ст. Клокачева въ Сенатъ и „сказать ему Е. В. Г. указъ о произведеніи его въ тотъ чинъ, съ запискою. А впредь въ тѣ и въ прочіе чины, которыхъ по Генеральному регламенту и по инструкціямъ въ коллегіяхъ производить не повелѣно, въ такіе чины никого не производить, а предоставливать и доносить о нихъ Сенату, какъ о томъ Е. Ц. В. Генеральный регламентъ повелѣваетъ. А Желтухину, Рѣзанову и Обухову (выше упомянутымъ тремъ лицамъ) въ помянутыхъ чинахъ, въ которыхъ они въ Юстицъ-коллегіи записаны, не быть и о томъ въ тое коллегію послать указъ“ [1]). Здѣсь Сенатъ, такимъ образомъ, отмѣнилъ опредѣленіе коллегіи, какъ постановленное явно съ нарушеніемъ закона, а Ст. Клокачеву самъ „сказалъ чинъ вице-президента“, какъ это требовалось „Должностью“.

Иногда коллегіи позволяли себѣ отмѣнять распоряженіе Сената, который возстановлялъ ихъ силу и требовалъ отъ нихъ объясненій. Такъ, по инструкціи, данной Сенатомъ нижегородскому вице-губернатору Ржевскому, послѣднему, между прочимъ, было поручено „смотрѣніе надъ помѣстными и розыскными дѣлами“; Юстицъ-коллегія его отъ этого „смотрѣнія“, однако, „отрѣшила“. Сенатъ, приказавъ, приговоромъ своимъ отъ 24 августа 1720 г., означенному вице-губернатору „смотрѣніе надъ помѣстными и розыскными дѣлами имѣть такъ, какъ въ данной ему изъ Сената инструкціи написано“, затребовалъ отъ коллегіи объясненій, „какимъ образомъ отъ такихъ дѣлъ изъ Юстицъ-коллегіи вице-губернатору смотрѣніе отрѣшено?“ [2]).

Если на практикѣ обнаруживалась необходимость измѣненія какого либо закона, Сенатъ видоизмѣнялъ его. Такъ, напр., выслушавъ представленное ему доношеніе и выписки канцеляріи своей, единогласно постановилъ: „изъ Тамбовской провинціи г. Борисоглѣбскъ написать къ Воронежской провинціи для того, что той провинціи вице-губернаторъ Колычевъ вышеписаннымъ

[1]) М. А. М. Ю., кн. 9/649, л. 660—665 (А. Н.).
[2]) Ibid., кн. 10/107, л. 409—418 (А. Н.).

доношеніемъ объявляетъ, что Хоперская крѣпость, которая приписана къ Воронежской провинціи, построена отъ того города въ ближнихъ верстахъ и работными людьми и подводами и другими потребами въ той крѣпости исправляются изъ того города и о томъ въ Камеръ-и въ Штатсъ-конторъ-коллегіи и въ тѣ провинціи изъ Сената послать Его, Великаго Государя, указы" [1]).

Если законъ былъ неполонъ, или возбуждалъ при примѣненіи своемъ какія-либо затрудненія, Сенатъ постановлялъ по этому поводу соотвѣтствующіе приговоры. Въ „Табели о чинахъ въ коллегіи", утвержденной Петромъ 16 іюня 1718 г., было, между прочимъ, означено жалованіе камерирамъ изъ иноземцевъ при Штатсъ-конторъ-коллегіи, по Регламенту-же этой коллегіи надлежало быть двумъ камерирамъ русскимъ, „а въ какомъ жалованьѣ имъ быть о томъ не написано". Между тѣмъ, Именнымъ указомъ отъ 13 мая 1719 г. былъ опредѣленъ въ камериры означенной коллегіи А. Протасовъ, который просилъ о выдачѣ ему жалованья. Штатсъ-конторъ-коллегія вошла въ Сенатъ съ доношеніемъ, въ которомъ указала, что „въ помянутомъ Регламентѣ— въ какомъ жалованьѣ русскимъ камерирамъ быть—не написано", при чемъ „объявила свое мнѣніе", что указанному камериру слѣдовало-бы давать жалованье „противъ русскихъ секретарей". Сенатъ съ этимъ согласился и приказалъ, какъ на 1719 г., такъ и впредь, выдавать русскимъ камерирамъ „противъ окладу Штатсъ-конторъ-коллегіи русскаго секретаря" [2]).

Интересно также отмѣтить, что Сенатъ, прежде постановленія своего приговора въ аналогичныхъ случаяхъ, иногда самъ запрашивалъ мнѣніе коллегій [3]).

Если при примѣненіи закона на практикѣ оказывалось какое-либо затрудненіе, Сенатъ разъяснялъ законъ. Левъ Челищевъ, завѣдывавшій пропускомъ судовъ черезъ Боровицкіе пороги и собираніемъ съ нихъ пошлинъ, вошелъ въ Сенатъ съ доно-

[1]) М. А. М. Ю., кн. 10/68, л. 281—302 (А. Н.).

[2]) Ibid., кн. 2/605, л. 701—709 (А. Н.).

[3]) Такъ, напр., Камеръ-коллегія указала въ своемъ доношеніи Сенату, что солдаты, получая казенную соль, затѣмъ продаютъ ее „ниже казенной продажи, и отъ того изъ казны въ продажѣ соли и въ сборѣ прибыльныхъ денегъ чинится умаленіе" и сдѣлала представленіе объ отмѣнѣ выдачи соли солдатамъ натурою и о выдачѣ имъ денегъ на покупку соли по продажнымъ цѣнамъ. Сенатъ, разсмотрѣвъ это представленіе, приказалъ Камеръ-коллегіи обсудить этотъ вопросъ совмѣстно съ Военной коллегіей и, „разсмотря, подписавъ о томъ свое мнѣніе, при доношеніи, подать въ Сенатъ" (Ibidem, кн. 2/811, л. 489—492).

шеніемъ „о взятьи за спускъ судовъ денежной платы и о прочемъ, въ чемъ онъ имѣетъ сумнѣніе“, и потребовалъ отъ Сената о своемъ сомнѣніи указа, который Сенатъ и не замедлилъ дать ему, подробно выяснивъ все, что затрудняло Челищева [1]).

IV. Кругъ вѣдомства Сената въ судебной области.

Какъ извѣстно, въ одномъ изъ указовъ отъ 2 марта 1711 г., а именно въ указѣ, состоявшемъ изъ 9-ти пунктовъ, на первомъ мѣстѣ поставленъ былъ Петромъ пунктъ, который вмѣнялъ Сенату въ обязанность „судъ имѣть нелицепріятный и неправедныхъ судей наказывать отнятіемъ чести и всего имѣнія“. Въ этой формулѣ заключалась, несомнѣнно, мысль о значеніи Сената, какъ высшей судебной инстанціи, съ одной стороны, какъ учрежденія, которому, въ порядкѣ надзора, долженъ быть подчиненъ судебный персоналъ, съ другой. По обычному при Петрѣ ходу преобразованій эта мысль претворилась, однако, въ дѣйствительность далеко не сразу, при чемъ, при своемъ осуществленіи, она пережила нѣсколько фазисовъ, уже отмѣченныхъ нами при разсмотрѣніи дѣятельности Расправной палаты, состоявшей при Сенатѣ, а равно при обзорѣ функцій фискаловъ и генералъ-рекетмейстера. Говоря вообще, до учрежденія коллегій отношеніе Сената къ судебнымъ дѣламъ было весьма неопредѣленно, благодаря чему онъ являлся то первою, то высшею инстанціею.

Первая попытка къ образованію инстанцій, не уничтожившая, однако, принятія и позднѣе Сенатомъ къ разсмотрѣнію дѣлъ въ качествѣ первой инстанціи, была сдѣлана въ указѣ Петра отъ 17 марта 1714 г. [2]). Указомъ этимъ повелѣвалось подавать челобитья въ городахъ комендантамъ, на комендантовъ жаловаться

[1]) Арх. Сен., Высоч. ук. и пов. въ коп. кн. 10, л. 123 и сл.

[2]) По поводу этого указа С. А. Петровскій говоритъ, что „попытка къ образованію инстанцій была далѣе развита самимъ Петромъ“; первую-же попытку къ созданію инстанцій онъ видитъ въ образованіи Сенатомъ Расправной палаты „собственною своею властью, раньше всѣхъ Петровскихъ указовъ объ этомъ предметѣ“ (ibid., стр. 251 и сл.). Видя въ Расправной палатѣ судебный департаментъ Сената, хотя бы лишь въ зародышѣ, мы не считаемъ возможнымъ разсматривать ее, какъ особую инстанцію.

губернаторамъ, на послѣднихъ Сенату. Когда были введены въ 1715 г. ландрихтеры, то жалобы въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ гарнизоновъ нѣтъ, а, слѣдовательно, нѣтъ и комендантовъ, подаются ландрихтерамъ [1]). Сенатъ, такимъ образомъ, является здѣсь высшею апелляціонною инстанціею, при чемъ подача жалобъ прямо, Государю или Правительствующему Сенату, минуя низшія инстанціи, запрещается. Далѣе, важныя измѣненія вводятся съ учрежденіемъ коллегій и новыхъ провинціальныхъ судовъ. Именнымъ указомъ отъ 22 декабря 1718 г. по провинціямъ и городамъ должны были быть учреждены особые суды (съ 1722 г. воеводы и судебные комиссары), надъ которыми „въ знатныхъ губерніяхъ становятся надворные суды, куда отъ нижнихъ судовъ, ежели неправдою вершатъ, или волочить за срокъ будутъ, переносить (дѣло) противъ Регламента“. Если же, однако, и надворный судъ „дѣла тѣ станетъ продолжать и неправо вершить“, дѣло переносится въ Юстицъ-коллегію, „которая особливо только для расправы учинена“. Въ случаѣ недовольства судомъ Юстицъ-коллегіи подаются челобитныя сенатскому оберъ-секретарю, который докладываетъ объ этомъ Государю, и лишь по подписаніи челобитной дѣло переходитъ на разсмотрѣніе Сената [2]). Этотъ порядокъ дѣйствуетъ до учрежденія должности генералъ-рекетмейстера, какъ это уже отмѣчалось выше (стр. 234 и сл.).

Созданіе инстанцій превращаетъ Сенатъ въ высшую апелляціонную инстанцію. Однако, въ литературѣ нашей отмѣчено, что Сенатъ и послѣ всѣхъ вышеуказанныхъ узаконеній являлся первою инстанціею по дѣламъ о казенномъ интересѣ и по дѣламъ о такъ называемыхъ первыхъ двухъ пунктахъ, т. е. по дѣламъ политическимъ [3]). Но кромѣ исключеній по роду преступленій, существовали исключенія по лицамъ. Такъ, Сенатъ являлся первою инстанціею для преступленій фискаловъ и другихъ лицъ, не говоря уже о томъ, что самъ Государь всегда могъ повелѣть Сенату разсмотрѣть дѣло того или иного лица [4]). Впрочемъ, и дѣла о казенномъ интересѣ иногда отсылались Сенатомъ для разсмотрѣнія въ коллегіи. Въ концѣ октября

[1]) П. С. З., №№ 2787, 2865 и 2879, ср. Ѳ. М. Дмитріевъ—Исторія судебныхъ инстанцій (М., 1859 г.), стр. 521 и сл.

[2]) П. С. З., № 3261.

[3]) С. А. Петровскій. О Сенатѣ, стр. 253. М. М. Богословскій. Областная реформа, стр. 175 и сл.

[4]) С. А. Петровскій. О Сенатѣ, стр. 254.

1719 г., Сенатъ, напр., выслушавъ отписки, извѣтъ и допросныя рѣчи, полученныя имъ отъ углицкаго воеводы „о похищеніи Е. Ц. В. казны и другихъ интересовъ“ ландратомъ Алексѣемъ Нарышкинымъ, постановилъ всѣ эти документы, „для разсмотрѣнія и учиненія указа, отослать въ Юстицъ-коллегію, а что по тому дѣлу учинено будетъ о томъ въ Сенатъ подать вѣдѣніе доношеніемъ“ [1]), т. е. здѣсь Сенатъ не разсматриваетъ самъ даннаго дѣла, въ виду, вѣроятно, его сравнительной незначительности. Позднѣе (съ 1721 г.) такое разсмотрѣніе является для Сената обязательнымъ, при чемъ дѣло вносится для резолюціи къ Государю.

Немало колебаній пережилъ и вопросъ о жалобахъ на дѣйствія самого Сената. „Опредѣлительный указъ“ 22 февраля 1711 г., какъ извѣстно, допускалъ въ принципѣ такую жалобу, если „Сенатъ, черезъ свое нынѣ передъ Богомъ принесенное обѣщаніе, неправедно что поступитъ въ какомъ партикулярномъ дѣлѣ“, но, однако, требовалъ, чтобы такая жалоба была принесена Государю лишь по Его возвращеніи, чтобъ не мѣшать Сенату въ исполненіи важныхъ его обязанностей. О характерѣ жалобъ здѣсь еще ничего не говорилось, и можно предполагать, что жалобы могли содержать въ себѣ самые разнородные юридическіе элементы. Позднѣе, указъ 21 марта 1714 г., однако, допускаетъ жалобы Государю на Сенатъ по прохожденіи дѣла по установленнымъ инстанціямъ только въ случаѣ, „ежели кому въ Сенатѣ рѣшенія не учинятъ“, т. е. при отказѣ въ правосудіи, или при медленности въ рѣшеніи дѣла по апелляціи; но уже указъ 22 декабря 1718 г., провозгласивъ торжественно, что „Вышній Сенатъ отъ Е. Ц. В. высокоповѣреннымъ есть и въ особахъ честныхъ и знатныхъ состоитъ, которымъ не токмо челобитчиковы дѣла, но и правленіе государства повѣрено есть“, запрещалъ „бить (на него) челомъ Его Величеству“, подъ страхомъ казни [2]). Въ литературѣ, впрочемъ, указъ этотъ толкуется въ томъ смыслѣ, что онъ запрещаетъ челобитныя только на рѣшенія Сената, а „не на отказъ въ правосудіи“; такое толкованіе представляется весьма вѣроятнымъ.

Въ качествѣ высшей судебной инстанціи Сенатъ рѣшаетъ вопросъ о переносѣ дѣлъ изъ одного суда въ другой, или объ

[1]) М. А. М. Ю., кн. 3/374, л. 186 и сл.
[2]) П. С. З., №№ 2328, 2787, 3261.

оставленіи его въ данномъ судѣ. Изъ множества дѣлъ этого рода остановимся на нѣкоторыхъ. Князь Лобановъ-Ростовскій подалъ въ Сенатъ челобитную на генералъ-фельдмаршала гр. Б. П. Шереметева, въ которой указалъ на слѣдующее. Въ земскій приказъ въ Москвѣ поступилъ на него, кн. Лобанова-Ростовскаго, „во многихъ тысячахъ не дѣльный искъ и, въ небытность Московской губерніи вице-губернатора и ландрата, того земскаго приказа судьи . . . своевольнымъ образомъ, въ противность Уложенія и Новоуказанныхъ статей, принявъ отъ Шереметева челобитную, взяли человѣка его и держатъ многіе мѣсяцы въ тюрьмѣ за крѣпкимъ карауломъ, мучатъ принудительно того его человѣка къ допросу, въ чемъ онъ опасенъ, чтобъ тотъ человѣкъ, отъ того принужденія, противъ того челобитья, незнаніемъ того дѣла, безъ него отвѣтствовать не сталъ". Указавъ, далѣе, что на него, князя, нельзя было бить челомъ, вѣдая, что его нѣтъ въ Москвѣ, и того человѣка, „великимъ утѣсненіемъ къ допросу безъ него, настоящаго отвѣтчика, принуждать не надлежало", онъ проситъ взять челобитье гр. Шереметева въ Петербургъ. Сенатъ приказываетъ: „взять дѣло изъ Москвы въ С.-Петербургъ для того, что въ Москвѣ нынѣ губернатора и вице-губернатора нѣтъ, а высланы они въ С.-Петербургъ" [1]).

Въ другомъ дѣлѣ, весьма характерномъ для тогдашнихъ судебныхъ порядковъ, Сенатъ отказываетъ въ переносѣ дѣла по просьбѣ истца, но подтверждаетъ свои прежніе указы о безволокитномъ рѣшеніи по дѣлу. А именно, комиссаръ Афросимовъ подалъ въ Сенатъ челобитье, въ которомъ указалъ, что жаловался въ С.-Петербургскую губернскую канцелярію „на объявленнаго вора и смертнаго убійцу, на псковскаго ландрата Степана Лопухина, въ ругательномъ смертномъ бою и въ увѣчьѣ и въ презрѣніи и преступленіи Государевыхъ именныхъ указовъ, что билъ его самъ дубиною и велѣлъ бить голаго батожьемъ, напився пьянъ". Въ челобитьѣ своемъ Афросимовъ указывалъ, что онъ просилъ на Лопухина военнаго суда, но кн. Меншиковъ велѣлъ его судить „земскимъ судомъ" въ губернской канцеляріи. Дѣло это хотя и разбиралось въ этой канцеляріи, но „вершенья по тому дѣлу никакого не учинено", несмотря на то, что

[1]) С. А. Петровскій. О Сенатѣ, стр. 256.

онъ, Афросимовъ, билъ объ этомъ челомъ „многажды“. Затѣмъ онъ вошелъ съ просьбою объ ускореніи рѣшенія дѣла въ Сенатъ. Послѣдній послалъ еще 2 указа о безволокитномъ рѣшеніи дѣла, съ указаніемъ, что „ежели зачѣмъ вершить немочно, о томъ доложить Правительствующему Сенату“; но дѣло не подвигалось впередъ,—„знатно за проискомъ его, ландрата, а онъ за тѣмъ дѣломъ волочается 10 лѣтъ и пришелъ во всеконечную скудость и помираетъ голодною смертію“. Афросимовъ проситъ дѣло взять въ Сенатъ или въ военный судъ. Сенатъ постановляетъ послать въ канцелярію третій указъ о безволокитномъ рѣшеніи дѣла, съ доставленіемъ ему доношенія, „для чего, по посланнымъ двумъ указамъ, указа не учинено?“ [1]).

Сенатъ также разрѣшалъ вопросы о подсудности дѣлъ, возникавшіе тогда нерѣдко, въ виду неясности законовъ о компетенціи судебныхъ учрежденій, дѣлалъ постановленія объ отсрочкѣ въ искахъ; производилъ слѣдствія и въ качествѣ суда первой инстанціи вызывалъ и допрашивалъ стороны и свидѣтелей [2]); онъ разрѣшалъ также вопросы о подсудности дѣлъ, дѣлалъ постановленія объ отсрочкѣ исковъ. Такъ, напр., подполковникъ Артемій Петровичъ Волынскій, отправленный въ Персію „резидующимъ посланникомъ“, просилъ Сенатъ, „дабы ему и людямъ его и крестьянамъ его въ истцовыхъ искахъ отсрочить“. Сенатъ приговорилъ: „для его службы, что онъ посланъ въ Персиду посланникомъ, въ дѣлахъ его, которыя у него есть, опричь татинныхъ и убійственныхъ и разбойныхъ дѣлъ и государевыхъ податей, отсрочить по Уложенію“ [3]). Имъ дѣлались также постановленія о производствѣ пытокъ [4]), при которыхъ Сенатъ иногда самъ присутствовалъ.

Сенатомъ давались также указы о публичномъ прощеніи винъ преступниковъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особаго вниманія приговоръ, состоявшійся въ Сенатѣ по поводу помилованія сенатора Василія Андреевича Апухтина. Въ приговорѣ читаемъ:

[1]) М. А. М. Ю. кн. 1/189, л. 778 и сл. (приговоръ отъ 14 января 1718 г.—А. Н.).

[2]) Док. и пр. Пр. Сената, кн. V, ч. I, стр. 331.

[3]) М. А. М. Ю., кн. 9/125, л. 358—398 (А. Н.).

[4]) Сенатъ, напр., постановилъ 7 августа 1717 г.: „фискала Безобразова противъ допросныхъ его рѣчей, какой и за кѣмъ знаетъ онъ бунтъ“, пытать и „того-жъ числа онъ, Безобразовъ, въ застѣнкѣ и на вискѣ пытанъ“ (ibid., л. 3/113, л. 123—139, А. Н.); ср. постановленіе о пыткѣ сенатора Самарина и расправныхъ дѣлъ судей. Док. и пр. Пр. Сената, т. III, ч. 2, стр. 644 и мн. др.

„Великій Государь пожаловали В. А. Апухтина, прежнее его предъ Е. В. погрѣшеніе, за которое онъ, по достоинству и по правамъ, былъ осужденъ и наказанъ, то все указалъ ему, по милости своей, отпустить и для того, отъ сего числа, какъ духовнаго, такъ и мірского, высокаго и нижняго чиновъ людямъ во всѣхъ обхожденіяхъ, яко честнаго человѣка, по достоинству прежняго его военнаго ранга имѣть и тѣмъ прежнимъ его прегрѣшеніемъ, ни письменно, ниже словесно, не укорять, опасаясь за то Е. Ц. В. гнѣва. А ежели кто дерзнетъ его тѣмъ порекать и на такихъ имать, по свидѣтельству, по его рангу, безчестье безъ суда. И сей Его Величества указъ объявить ему, при публичномъ мѣстѣ, предъ сенатскою канцеляріею и въ коллегіи и въ канцеляріи и во всѣ губерніи и провинціи послать о томъ указы, а ему, Апухтину, дать отъ Сената указъ съ прочетомъ. А впредь для такихъ, впавшихъ въ вины, публичнаго прощенія сдѣлать мѣсто особливое передъ сенатскою канцеляріею, на которое, выведши онымъ, для всенароднаго объявленія о прощеніи, сказку сказывать (одному) изъ сенатскихъ секретарей“ [1]).

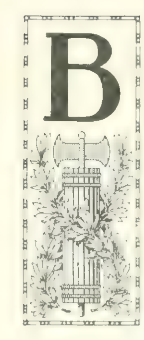

Медаль на возстановленіе спокойствія въ государствѣ.

[1]) Арх. Сен., Выс. ук. и пов. въ коп., кн. 5, л. 728 (приговоръ отъ 17 авг. 1720 г.).

ГЛАВА VI.

Дѣлопроизводство Правительствующаго Сената.

Въ предыдущихъ нашихъ очеркахъ намъ не разъ по разнымъ поводамъ приходилось говорить о дѣлопроизводствѣ Сената и состоявшихъ при немъ учрежденій. Въ настоящей главѣ мы остановимся, поэтому, только на тѣхъ вопросахъ этого дѣлопроизводства, которые касаются его формъ.

Въ первоначальныхъ указахъ о Сенатѣ мы находимъ мало опредѣленій объ организаціи его дѣлопроизводства, впюслѣдствіи сдѣлавшагося весьма громоздкимъ и вызывавшаго справедливыя нареканія въ медленности. „Опредѣлительный“ о Сенатѣ указъ повелѣлъ лишь быть въ Сенатѣ оберъ-секретарю; указъ отъ 5 марта 1711 г. установилъ только, что каждый сенаторъ занимаетъ мѣсто по тому порядку, въ какомъ онъ записанъ въ „Опредѣлительномъ“ указѣ, да отмѣтилъ, что „сенаторы должны голоса имѣть равные и у всякихъ указовъ подписывать всѣмъ своими руками и что, хотя одинъ не подпишетъ и засвидѣтельствуетъ не право тому быти приговору, то и прочіе недѣйствительные суть, однако-жъ, надлежитъ тому, кто оспоритъ, тое протестацію дать за своею рукою на письмѣ“ [1]. Въ этомъ указѣ мы имѣемъ, такимъ образомъ, повелѣніе о единогласномъ рѣшеніи дѣла, о подписаніи указовъ всѣми сенаторами, а равно и о подачѣ отдѣльнаго мнѣнія тѣми

[1]) П. С. З., № 2331, л. 1 и 2.

изъ нихъ, которые не соглашаются съ большинствомъ. Затѣмъ, какъ уже мы знаемъ, Сенатъ самъ 27 марта постановляетъ весьма важный приговоръ о раздѣленіи своей канцеляріи на столы, по которымъ распредѣляются всѣ дѣла, поступающія въ Сенатъ; но и здѣсь ничего не находимъ относительно самыхъ формъ дѣлопроизводства. Приговоръ Сената отъ 16 іюня слѣдующаго года, требовавшій собранія по повытьямъ подлинныхъ протоколовъ за весь 1711 г. и отправленія ихъ въ секретный столъ, собравъ подписи сенаторовъ подъ приговорами и дьяковъ подъ выписками [1]), свидѣтельствуетъ только объ одномъ, а именно, что и указъ 5 марта, въ которомъ содержалось указаніе на необходимость подписанія приговоровъ сенаторами, не вполнѣ соблюдался на практикѣ.

Только слишкомъ черезъ 3 года, по Именному указу отъ 4 апрѣля 1714 г. повелѣвается въ Сенатѣ, какъ и въ другихъ учрежденіяхъ,—„для лучшаго порядка... всѣмъ дѣламъ чинить протоколы, когда какое дѣло рѣшить, или какой указъ послать, или что вновь постановить, а безъ того отнюдь не дерзать никому, кто бы какой шаржи не былъ", причемъ преподаются и правила для составленія этихъ протоколовъ.

Такимъ образомъ, въ теченіе трехъ слишкомъ лѣтъ Сенатъ дѣйствуетъ по устройству своего внутренняго дѣлопроизводства вполнѣ самостоятельно, и если Петръ, „для лучшаго порядка", видоизмѣняетъ установившіяся фактически правила, находя ихъ, очевидно, не вполнѣ удовлетворительными, то нельзя не отмѣтить, что здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, Сенату приходилось дѣйствовать ощупью, на свой страхъ, не имѣя почти никакихъ указаній законодателя. Мы въ дальнѣйшемъ очеркѣ приведемъ нѣкоторыя данныя, характеризующія дѣлопроизводство Сената до вышеупомянутаго указа отъ 4 апрѣля 1714 г.; теперь же остановимся на тѣхъ правилахъ, которыя онъ преподалъ для составленія протоколовъ.

Каждое дѣло, по вышеупомянутому указу, должно было рѣшаться въ общемъ собраніи всѣхъ, „которые къ этому призваны". Предложенное къ разсмотрѣнію дѣло должно быть про-

[1]) Док. и пр. Пр. Сената, т. II, ч. 2, стр. 34.

читано секретаремъ, или дьякомъ и, „прочетчи", должно было „спрашивать, снизу по одному, и записывать всякаго мнѣніе", которое каждый долженъ былъ закрѣпить своею рукою. А когда всѣ подпишутъ свое мнѣніе, тогда „диспуты имѣть и съ той диспуты куда болѣе голосовъ явится, такъ и вершить, и подписывать всѣмъ общую сентенцію, кто и спорить будетъ, понеже болѣе его голосовъ туда стало. Однако-жъ, кто чаетъ, что то не право ему показалось, то, хотя и подписавъ, однако-жъ, будетъ просить, чтобъ его споръ особливо означить подъ подписанною сентенціею, то записать и ему же закрѣпить особливо въ протоколѣ. Буде же кого не будетъ за болѣзнію, къ тому на дворъ дѣло посылать, чтобъ, прочетчи, закрѣпилъ, а безъ того не чинить ничего. Секретарямъ и дьякамъ, подъ смертною казнію, никакихъ указовъ о рѣшеніи не крѣпить однимъ, по приказу своихъ принципаловъ, какъ прежде бывало, но крѣпить послѣ всѣхъ тому, кто челъ дѣло, тою же манирою, какъ выше означено. А прочія дѣла, которыя не подлежатъ рѣшенію, яко суть слѣдующія: сдѣлать выписку, послать память, велѣть какое дѣло окреснить, или изъяснить, и прочія тому подобныя, подписывать секретарямъ и дьякамъ" [1]). Этимъ указомъ впервые у насъ вводилось рѣшеніе по большинству голосовъ, при чемъ мнѣніе меньшинства, по его настоянію, только записывается въ протоколѣ. Нельзя также не отмѣтить очень сложной процедуры подачи письменныхъ мнѣній еще до преній. Несмотря на то, что о рѣшеніи по большинству голосовъ вполнѣ ясно говорится въ данномъ указѣ (какъ позднѣе и въ „Должностяхъ" Сената), въ ученой литературѣ нашей было общимъ мнѣніе, что при Петрѣ въ Сенатѣ дѣла рѣшались единогласно, пока въ 1875 г. С. А. Петровскій не опровергъ этого мнѣнія, сославшись какъ на указъ этотъ, такъ и на другія данныя [2]).

Это рѣшеніе дѣлъ по большинству голосовъ остается затѣмъ неизмѣннымъ и въ послѣдующее время, хотя въ другихъ отношеніяхъ къ указу 4 апрѣля 1714 г. дѣлаются дополненія и измѣненія.

[1]) П. С. З., № 2791; срав. Док. и пр. Пр. Сената, т. II, ч. 1, стр. 285 и сл., гдѣ имѣется отмѣтка, что указъ этотъ въ печатномъ видѣ былъ разосланъ во всѣ губерніи и приказы.

[2]) С. А. Петровскій. О Сенатѣ, стр. 335 и сл.

Что касается дополненій, то таковыя даются, къ указу отъ 4 апрѣля 1714 г., однимъ „пунктомъ" Государя отъ 13 апрѣля. Пунктъ этотъ гласитъ, что „всѣ дѣла, которыя будутъ начинаться, оные изъяснять и окреснивать, также которыя уже были и вершены, ко исполненію приводить и прочее, кромѣ вершенія дѣлъ и новыхъ указовъ. И того для, такожъ и ради подписанія указовъ, которые послѣ первыхъ, въ подтвержденіе другіе и третьи посылатися будутъ, всегда по одному изъ Сената быть по вся дни, а перемѣняться по мѣсяцу и держать въ тотъ мѣсяцъ свою записку, что онъ дѣлалъ, а дѣлъ всякихъ, на которыя не было рѣшенія общаго, одному не рѣшить, но дать знать всѣмъ, какъ о томъ въ особливомъ указѣ изображено". Сенатъ, какъ это видно изъ современной этому пункту записи, понялъ его въ томъ смыслѣ, что „по сему Е. Ц. В. указу управляются всѣ, кромѣ общаго рѣшенія, мѣсячными сенаторами" [1]). Такое толкованіе, вытекающее вполнѣ изъ буквальнаго смысла этого пункта, давало возможность сенаторамъ, занятымъ разрѣшеніемъ множества текущихъ дѣлъ, выдѣлять, для приведенія рѣшеній въ исполненіе (т. е. для посылки указовъ и подтвержденій), изъ общаго своего состава лишь одного сенатора. Но, впрочемъ, этотъ пунктъ, облегчая сенаторамъ работу въ данномъ отношеніи, требовалъ отъ нихъ окончанія уже начатыхъ разсмотрѣніемъ дѣлъ и ихъ изъясненія (или „окресненія"). Именной указъ отъ 20 января 1716 г., подтверждая, что мѣсячный сенаторъ долженъ ѣздить въ Сенатъ ежедневно, требуетъ отъ него пребыванія въ Сенатѣ, „не только что съ утра до обѣда, но и послѣ обѣда, ежели дѣло случится", а всѣмъ остальнымъ назначаетъ для засѣданія 3 дня въ недѣлю (понедѣльникъ, среду и пятницу) и вмѣняетъ въ обязанность отсутствующему по болѣзни или „иной какой невозможности" извѣщать товарищей о причинахъ своего отсутствія и угрожаетъ взятіемъ штрафа за неприбытіе безъ уважительныхъ причинъ [2]). Напоминаніе объ обязанности присутствія на засѣданіяхъ, съ угрозою штрафомъ за неприбытіе, убѣдительнѣе всего свидѣтельствуетъ, что сенаторы не выполняли закона о рѣшеніи дѣлъ всѣми назначенными сена-

[1]) Док. и пр. Пр. Сената, т. IV, ч. 1, стр. 299 и сл.
[2]) П. С. З., № 2982.

торами вмѣстѣ. Другой указъ, уже сенатскій, отъ 26 іюля 1717 г. предписываетъ дьякамъ канцеляріи Сената приговоры его, подносимые уже къ слушанію и подписанію, предварительно подписывать самимъ. То же надо было дѣлать и съ выписями, буде таковыя прилагаются къ приговорамъ [1]). Это требованіе должно было оберечь отъ неправильнаго изложенія дьяками сенатскихъ приговоровъ, а равно и возложить на нихъ отвѣтственность за вѣрность выписей.

Таковы немногія общія постановленія, касавшіяся дѣлопроизводства Сената до полученія имъ I-ой своей „Должности" и до учрежденія коллегій, когда правила дѣлопроизводства послѣднихъ, въ той или иной мѣрѣ, распространяются и на Сенатъ. Попытаемся, насколько это возможно по состоянію первоисточниковъ, уяснить себѣ, каковы были на практикѣ формы дѣлопроизводства Сената въ первые годы его дѣятельности.

Всѣ дѣла, вступающія въ Сенатъ, принимаются его канцеляріею, которая затѣмъ вноситъ ихъ на разсмотрѣніе Сената съ особою выпискою. Выпискѣ этой, обыкновенно, предшествуетъ формула: „Въ канцеляріи Сената выписано", за нею идетъ самая выписка, которая заключается приговоромъ Сената, по формулѣ: „... года... дня, Правительствующій Сенатъ, слушавъ сей выписки, приговорили...". Разумѣется, если приговоръ касался самой [2]) канцеляріи, то онъ начинался словами: „ . . . года . . . дня, Правительствующій Сенатъ приказали"... [3]). Иногда выписки, предшествующія приговору, начинались съ указанія, откуда или отъ кого поступило доношеніе, докладываемое Сенату: „Казанская губернія доноситъ, что . . ."; „Монастырскій приказъ доноситъ . . ."; „Оберъ-фискалъ . . . объявилъ . . . и доносилъ . . ."; „Въ челобитной Правительствующему Сенату казенной слободы Петръ Стояновъ пишетъ . . ."; „Архангелогородскій вице-губернаторъ писалъ въ канцелярію, что . . ." и т. д. [4]). Все это громадное количество выписей, вносившихся на разсмотрѣніе Сената и вызывавшихъ тотъ или иной его приговоръ, представляетъ

---

[1]) П. С. З., № 3096.

[2]) Док. и пр. Сената, т. I –VI. passim.

[3]) Ibid., т. I, стр. 25 и сл.; 33 и сл., т. II, ч. 2, стр. 33 и сл.

[4]) Ibid., т. II, ч. II, стр. 98, 141, 273.

+ против [illegible] 3 апреля [illegible] 1722 [illegible]

ѿ тѣхъ предлагать сенату что бъ учини на тѣ дѣла ясные указы+, а инакъ сочинять доносить намъ, и ежели во исполнении сей инструкціи что усмотрит о томъ доносить же;

11.

И понеже сей чинъ яко око наше и стряпчей о дѣлахъ государственныхъ, того ради надлежитъ вѣрно поступать, ибо первое на нем взыскано будетъ, и ежели в чемъ поманит или инако каким образомъ изнесть должность свою вѣдением и волею преступит, то яко преступникъ указа и явной разоритель государства наказанъ будет, будет же весма не вымыслит то оному в вину не ставить, понеже лутче доношением ошибитца нежели молчаниемъ, а напротивъ ежели то часто будет употреблять, то не безвинны будет.

12.

Оберъ прокуроръ есть помощникъ генералу прокурору во всѣхъ дѣлахъ, а в небытности его долженъ дѣла его отправлять.

в Москвѣ 27 апреля 1722. Петръ

Подпись и собственноручная приписка Петра Великаго на указѣ о должности генералъ-прокурора отъ 27-го апрѣля 1722 г.

большой интересъ еще въ томъ отношенiи, что показываетъ, какъ много поглощалось у Сената времени разсмотрѣнiемъ тѣхъ вопросовъ, которые возбуждались по инициативѣ Государя, по письмамъ извѣстныхъ уже намъ „верховныхъ господъ“ или „принципаловъ“, а равно и по требованiямъ многаго множества учрежденiй и лицъ, обращавшихся къ Сенату, какъ къ „первому правительству“ государства, и какъ мало оставалось у него этого времени для собственнаго почина. Въ общемъ, все это оставляетъ впечатлѣнiе, что Сенатъ былъ самостоятеленъ въ своихъ распоряженiяхъ и рѣшенiяхъ, но вовсе не въ выборѣ предметовъ ихъ.

Встрѣчающееся иногда въ приговорахъ выраженiе: „согласно приговорили“ указываетъ на единогласное рѣшенiе, отсутствiе ихъ—на рѣшенiе по большинству голосовъ. Подъ приговорами Сената мы видимъ, далѣе, вездѣ почти отмѣтки объ исполненiи: „указъ“, состоявшiйся, по силѣ приговора, „посланъ“—такому лицу, учрежденiю, или туда-то, съ указанiемъ даты этой посылки. Если лицо, до котораго касался указъ было въ мѣстѣ пребыванiя Сената, таковой вручался ему тутъ-же; если указъ посылался съ нарочнымъ, объ этомъ дѣлалась отмѣтка, съ поименованiемъ нарочнаго.

Что касается выписокъ, дѣлавшихся канцелярiею Сената и служившихъ главнымъ матерiаломъ для его приговоровъ, то онѣ были, вообще говоря, весьма обстоятельны, ясны, при чемъ, если дѣло откладывалось почему-либо рѣшенiемъ и очередь его вторичнаго обсужденiя наступала снова черезъ нѣкоторый лишь промежутокъ времени, то выпись повторялась при новомъ докладѣ, иногда безъ перемѣнъ, или съ перемѣнами, вызванными новыми обстоятельствами дѣла. Это повторенiе выписей должно было очень осложнять дѣлопроизводство, тѣмъ болѣе, что выписки бывали нерѣдко очень обширны и многократное ихъ переписыванiе, съ приведенiемъ всѣхъ свѣдѣнiй, ссылокъ на Уложенiе и другiя узаконенiя и т. п., едва-ли было нужно.

Протоколы, несмотря на требованiе Именного указа 4 апрѣля 1714 г., велись чрезвычайно рѣдко [1]); преобладающею же

[1]) См. примѣръ такого протокола, Док. и пр. Пр. Сената, т. V, ч. I, стр. 177 и сл.; срав. также донесенiе Государю генералъ-ревизора Зотова, указанное нами ранѣе (стр. 210, прим. 1). По справедливому мнѣнiю С. А. Петровскаго, повелѣнiе вести протоколы „осталось мертвою буквою“ (ibid., стр. 341).

формою оставался приговоръ, въ которомъ, конечно, не отмѣчалось отдѣльныхъ мнѣній, а давалось только рѣшеніе единогласное или большинства.

Что касается другого требованія Петра—подписанія сенаторами приговоровъ, то мы знаемъ много приговоровъ, подписанныхъ ими; но многіе приговоры подписывались спустя долгій промежутокъ послѣ того, какъ состоялись рѣшенія, да и то не всѣми, а иные оставались и вовсе неподписанными.

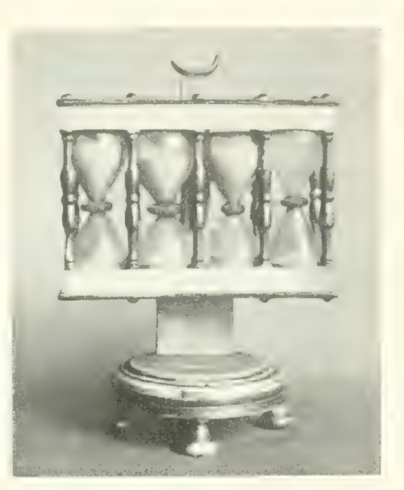
Таковы, въ общихъ чертахъ, формы сенатскаго дѣлопроизводства до І-ой и ІІ-ой „Должностей" Сената и до учрежденія коллегій.

Обращаясь къ обзору содержанія І-ой „Должности", надо прежде всего замѣтить, что въ ней, какъ и во ІІ-ой „Должности", присутствіе Сената оберегается отъ входа какой-либо незванной особы, „когда совѣты отправляются", причемъ указывается, что „когда кто впущенъ будетъ изъ высокихъ персонъ, то сенаторы велятъ подать стулъ, но и такому, который рангъ имѣлъ между первѣйшими чинами, и почтутъ его сѣсть" [1]). Затѣмъ, здѣсь и тамъ повелѣвается дѣла вершить по реестру и не разговаривать о постороннихъ дѣлахъ [2]). Во ІІ-ой „Должности" порядокъ обсужденія и вершенія дѣлъ изображенъ съ бóльшею полнотою, чѣмъ въ І-ой, почему мы на немъ преимущественно и остановимся. Такъ, 9 пунктъ ея говоритъ, что „о всѣхъ дѣлахъ, которымъ надлежитъ вершенымъ быть, въ Сенатѣ подобаетъ на столѣ подробному реестру повседневно быть съ описью, давно ли которыя дѣла не вершены, и слушать и рѣшить по оному реестру, а не выборомъ, а какія дѣла будутъ нужныя, тѣ напередъ, а наипаче же Наши указы, яко главное дѣло, а всѣ дѣла слушать и рѣшить слѣдующимъ образомъ: когда какое дѣло будутъ слушать, тогда между собою не говорить, и, выслушавъ, буде дѣло не важное, въ то время приговаривать съ нижнихъ голосовъ и рѣшить, а ежели котораго дѣла вскорѣ рѣшить будетъ не можно, то, вставъ, и кто съ кѣмъ за благо разсудитъ, о томъ дѣлѣ толковать надле-

[1]) ІІ „Должность" (1722 г.) гласитъ нѣсколько иначе, а именно она предписываетъ „сидѣть по рангамъ, и кромѣ ихъ (т. е. сенаторовъ), также и генерала- и оберъ-прокуроровъ и оберъ-секретаря и секретаря и протоколиста, никакой незванной персонѣ не входить въ то время, когда совѣты отправляются; а когда кто впущенъ будетъ изъ высокихъ персонъ, то сенаторы велятъ подать стулъ, но и то такому, который бы рангъ имѣлъ между первѣйшими чинами, а именно—до бригадира (П. С. З., № 3978, п. I; I „Должность", ibid., № 3264, п. 1).

[2]) Пункты 8 и 9—І-й, 9 и 10—ІІ-й „Должности".

жащее время, по важности дѣла и по разсужденію генералъ-прокурора, для чего ему, генералу-прокурору, имѣть песочные часы и какъ будутъ толковать, встанутъ и тогда, объявя имъ песочные часы, обратя поставить на столъ такіе, сколько къ тому толкованію время надлежитъ, а какъ то время пройдетъ, тогда сѣсть всѣмъ по своимъ мѣстамъ, и по вышеозначенному голосы свои давать съ низу одинъ по другомъ, и давъ голоса, рѣшить, а больше показаннаго времени въ рѣшеніи продолженія не чинить; и которыя вершатся, тѣ, записавъ въ протоколъ, отмѣчать въ реестрѣ; а ежели случится зѣло тяжкое, которое въ короткое время не можетъ рѣшиться, то отложить и до другого дня; буде же такое дѣло, которое отсрочки не терпитъ, то поговорить и подумать до трехъ часовъ, и рѣшить по выше писанному-жъ; а какъ голоса свои давать будутъ, тѣ каждаго голоса записывать секретарю, и имъ каждому по своимъ голосамъ крѣпить. А ежели кто изъ членовъ совѣта чинить не будетъ, или что приговаривать будетъ неправо, то генералъ-прокурору о томъ имъ предлагать, чтобъ они то чинили такъ, какъ надлежитъ, безъ страсти, напоминая имъ то, что всегда подобаетъ Сенату имѣть о Монаршеской и государственной пользѣ неусыпное попеченіе и доброе простирать и все, что вредно можетъ быть, всемѣрно отвращать...“ Позднѣе, а именно по указу 13 февраля 1720 г., введенъ болѣе простой, чѣмъ было предписано въ указѣ 4 апрѣля 1714 г., порядокъ преній, приближающійся къ нынѣ принятому въ коллегіальныхъ учрежденіяхъ порядку. Пренія ведутся устно, затѣмъ мнѣнія записываются и скрѣпляются говорившими [1]), тогда какъ по

Песочные часы, хранящіеся въ залѣ Общаго Сената Собранія.

[1]) П. С. З., № 3519.

указу 1714 г. требовалось сначала подать письменныя мнѣнія, а потомъ уже велись по нимъ „диспуты“.

Обѣ „Должности“ Сената, запрещая говорить въ Сенатѣ о дѣлахъ постороннихъ, а тѣмъ паче позволять себѣ „безцѣльные разговоры и шутки“, напоминаютъ при этомъ Сенату, что онъ „собирается вмѣсто присутствія Его Величества собственной персоны“ [1]). Одинъ общій пунктъ ихъ гласитъ, что „въ Сенатѣ никакое дѣло исполнено быти надлежитъ словесно, но всѣ письменно, понеже Сенату въ такихъ важныхъ поведеніяхъ вельми нужно имѣть всякое опасеніе и осторожность, дабы Нашъ интересъ ни въ чемъ не повредить, и того ради всѣмъ членамъ не притти къ тяжкому отвѣтствованію, такожъ и Намъ ни въ чемъ бы сумнительно быти не могло“ [2]). Этотъ пунктъ ясно вскрываетъ причины, заставившія Петра требовать отъ Сената сложнаго письменнаго производства. Оно, однако, было не подъ силу Сенату и многое изъ того, что опредѣлялось какъ и его „Должностями“ и Генеральнымъ регламентомъ, такъ и отдѣльными указами не исполнялось или исполнялось недостаточно основательно [3]), хотя Петръ и приказывалъ имѣть Сенату передъ глазами всѣ законы [4]) и по нимъ рѣшать дѣла. Сложность дѣлопроизводства коллегій вообще, а Сената въ частности, однако, очень способствовала медленности движенія дѣлъ, развитію канцелярскаго письмоводства. Впрочемъ, пока Петръ былъ живъ, при томъ постоянномъ и глубокомъ вниманіи, какое Онъ удѣлялъ дѣламъ управленія, это сложное письмоводство не убивало жизненности въ процессѣ производства дѣлъ. Государь всегда зналъ, что̀ и какъ исполнено въ дѣйствительности, что̀ и поскольку отмѣчено лишь исполненіемъ на бумагѣ.

Заканчивая нашъ очеркъ по исторіи Правительствующаго Сената при Петрѣ Великомъ, позволимъ себѣ, въ заключеніе, сказать слѣдующее. Каковы-бы ни были недостатки устройства Правительствующаго Сената и его дѣлопроизводства, Петру

[1]) Пунктъ 9-ый—I-ой и 10-ый—II-ой „Должности“.

[2]) Пунктъ 11-I-ой и 12-ый II „Должности“.

[3]) См., кромѣ вышеуказанныхъ примѣровъ, рядъ другихъ у С. А. Петровскаго, О Сенатѣ, стр. 328—349.

[4]) Въ этомъ отношеніи достаточно указать на краткій Именной указъ отъ 11 апрѣля 1722 г., повелѣвавшій: „имѣть Сенату всегда на столѣ три книги съ реестрами для пріиска: 1) инструкціи Сенату; 2) указы и регламенты; 3) указы на дѣла, конецъ имѣющія“ (П. С. З., № 3957).

Великому принадлежитъ, однако, громадная заслуга въ томъ, что Онъ пытался обставить дѣятельность своего „перваго правительства“ такъ, чтобъ Ему „ни въ чемъ сумнительно быть не могло“, т. е., чтобы Онъ всегда имѣлъ возможность провѣрить тѣ или иные результаты сенатской дѣятельности. Хотя и не сразу, но послѣ долгихъ опытовъ, Онъ далъ Сенату опредѣленную организацію, утвердилъ ее закономъ, снабдилъ Сенатъ всѣми доступными, по тому времени средствами для дѣйствія закономѣрнаго, энергичнаго и сообразнаго съ новыми потребностями государства. Въ этомъ отношеніи введеніе въ Сенатъ болѣе усовершенствованнаго механизма управленія, указаннаго опытомъ Запада, строгой отчетности въ дѣлахъ, системы контроля, устроенной Петромъ, какъ надъ Сенатомъ, такъ и для Сената, какъ учрежденія контролирующаго всѣ другія, должно было бы принести (а частью и принесло при Петрѣ Великомъ) большую пользу государству, пріучая органы власти къ соблюденію строгой законности въ управленіи. Петръ Великій, какъ извѣстно, считалъ коллегіальное начало однимъ изъ лучшихъ средствъ для утвержденія этого начала законности, думая, что и воля Монарха должна выражаться черезъ коллегіальное учрежденіе, „дабы не клеветали непокоривые человѣцы, что се или оно силою, паче и по прихотямъ своимъ, нежели судомъ и истиною, заповѣдаетъ Монархъ“. И „непокоривые человѣцы“, по справедливости, не могли „клеветать“ на Монарха, всюду вводившаго, для уничтоженія произвола, коллегіи, строгую отчетность и отвѣтственность. Но, едва умираетъ Императоръ, какъ Его учрежденія и въ особенности „любимое дѣтище“, Сенатъ, испытываютъ рядъ тяжелыхъ на себя нападеній и измѣненій въ своей организаціи. Къ изображенію исторіи всего этого процесса при ближайшихъ преемникахъ Петра Великаго мы теперь и перейдемъ.

ВЫСОКІЙ СЕНАТЪ

въ царствованія

ЕКАТЕРИНЫ I

и

ПЕТРА II.

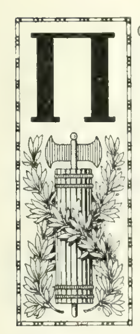
Екатерина

ГЛАВА I.

Вступленіе.

I. Взгляды современниковъ на положеніе Сената по образованіи Верховнаго Тайнаго Совѣта. II. Ближайшія обстоятельства образованія Верховнаго Тайнаго Совѣта. III. Офиціальныя объясненія причины учрежденія Верховнаго Тайнаго Совѣта.

I. Взгляды современниковъ на положеніе Сената по образованіи Верховнаго Тайнаго Совѣта.

По смерти Петра Великаго, послѣдовавшей, какъ извѣстно, 28 января 1725 г., Правительствующій Сенатъ первоначально сохранялъ, въ дѣлѣ правленія государствомъ, то же положеніе, какое онъ имѣлъ при жизни своего великаго творца. Это, однако, продолжалось только въ теченіе одного года и десяти дней, именно — „февраля по 8 число 1726 г., а съ того числа — говоря словами одного доклада, поданнаго 3 декабря 1741 года Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ — дабы только большимъ быть отмѣннымъ отъ другихъ и дѣлать-бы что хотятъ, не взирая на общую государственную пользу, Ея Императорскому Величеству присовѣтовано о учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта, съ такимъ при томъ истолкованіемъ, чтобы и Его Королевскому Высочеству, блаженныя памяти герцогу Голштинскому, въ ономъ-же присутствіе свое имѣть, дабы тѣмъ болѣе того Верховнаго Совѣта учрежденіе утвердить и тако съ того времени при дворѣ Ея Императорскаго Величества, какъ для внѣшнихъ, такъ и для внутреннихъ государственныхъ важныхъ дѣлъ,

указала (Государыня) учредить Верховный Тайный Совѣтъ, который по вышеписанному и учрежденъ. А въ Сенатѣ, по Именному Ея Величества указу, опредѣлено быть другимъ персонамъ и 7-го марта того года отъ Ея Величества подписана и дана Сенату новая должность; а 11-го того-жъ марта, по Именному Ея-жъ Величества указу, записанному въ В. Т. Совѣтѣ, на докладъ онаго, велѣно Сенату съ того времени именоваться и писаться Высокій Сенатъ, а не Правительствующій, для того, что сіе-де слово правительствующій непристойно и изъ первыхъ трехъ коллегій велѣно писать въ Сенатъ и изъ Сената въ оныя промеморіями (чрезъ что уже и явно оказался проискъ присутствующихъ въ В. Т. Совѣтѣ, къ собственной ихъ спеси, отъ коллегій президентовъ, ибо и указовъ въ тѣ коллегіи изъ Сената принимать спесивились и тако для собственной спеси общая польза забыта стала)" [1]). Такъ оцѣнивали современники, весьма близко стоявшіе къ дѣлу правленія [2]), характеръ перемѣны, послѣдовавшей въ положеніи Правительствующаго Сената, по учрежденіи В. Т. Совѣта и какъ бы ни было много субъективнаго элемента въ этой оцѣнкѣ, съ ней нельзя не считаться, тѣмъ болѣе, что она находитъ себѣ подтвержденіе и въ отзывахъ иностранцевъ о реформѣ. Кампредонъ, напр., говоря еще въ 1725 г. о предполагаемомъ Совѣтѣ при Кабинетѣ Государыни,—указываетъ, что въ этомъ Совѣтѣ будутъ рѣшаться наиболѣе важныя дѣла и что Сенатъ и Коллегія иностранныхъ дѣлъ сдѣлаются лишь исполнителями того, что будетъ постановлено въ этомъ Совѣтѣ [3]). Представитель польскаго короля Лефортъ передаетъ, хотя и по учрежденіи уже В. Т. Совѣта, что „этотъ Совѣтъ долженъ быть самымъ высшимъ въ Россіи, отъ него зависятъ всѣ важныя, какъ внутреннія, такъ и внѣшнія дѣла Россіи. . . . Сенатъ долженъ считаться первою инстанціею коллегій, разсматривающею внутреннія дѣла, о которыхъ онъ доноситъ В. Т. Совѣту. Сенатъ потерялъ свое значеніе (la charge du Sénat est éteinte) и Ягужинскій, занимавшій тамъ первое мѣсто, былъ назначенъ главнымъ конюшимъ къ Ея Величеству".

[1]) См. напечатанный А. Н. Филипповымъ „Докладъ Императрицѣ Елисаветъ Петровнѣ о возстановленіи власти Правительствующаго Сената" (Журн. Мин. Нар. Просв., 1897 г., № 2, стр. 287 и сл.).

[2]) Имена ихъ см. ibidem, стр. 291.

[3]) Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. LVIII, стр. 247.

И не отправлять, а ежели что сие учинит тот штрафован будет;

16. В протчем всѣ им порученныя дѣла и к тому ж государственным интересам исправлять, сколко возможность и сила допустит, дабы ничто опущено не было, так как честным и добрым людем надлежит. И что пред богом и государем могли по присяжной своей должности ответ дать. И для того имѣть в сенатѣ на столѣ книги с сего реестра имяно.

Инструкция Сенату;

Указы и регламенты;

Указы на дѣла имѣющия; конец.

Екатерина

В санктпитербурхе
Марта въ 7 д. 1726

No 15

в Сенате получена того ж числа

Подпись Императрицы Екатерины I на «Должности Сената» отъ 7-го марта 1726 г.

Согласно съ Лефортомъ и прусскій посланникъ, баронъ Мардефельдъ, извѣщая 23 февраля того же года объ учрежденіи В. Т. Совѣта, считаетъ его „замѣчательнымъ измѣненіемъ верховнаго управленія („sehr notable Veränderung im Ministerio“) и находитъ, что теперь „Сенатъ превратился во второстепенную коллегію“. („Der Senat ist zum subalternen Collegio gemachet“) [1]. Не касаясь другихъ извѣстій эпохи, надо сказать, что всѣ они, говоря объ учрежденіи В. Т. Совѣта, разсматриваютъ реформу, въ смыслѣ превращенія Сената въ учрежденіе подчиненное отнынѣ другому—высшему, что, конечно, вполнѣ было справедливо, при чемъ въ отзывѣ о реформѣ русскихъ людей проходитъ, какъ это видно, между прочимъ, изъ вышеприведеннаго доклада Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ мысль о нѣкоторомъ захватѣ власти В. Т. Совѣтомъ и объ утѣсненіи Сената, такъ какъ реформа была произведена, „дабы только большимъ быть отмѣннымъ отъ другихъ и дѣлать-бы что хотятъ, не взирая на общую государственную пользу“. Мы увидимъ изъ дальнѣйшаго очерка, что созданіе надъ Сенатомъ новаго верховнаго учрежденія, въ цѣляхъ законодательствованія и общаго направленія государственной политики, имѣло за себя много серьезныхъ основаній; оно при томъ намѣчалось уже ранѣе, въ силу того положенія, какое занималъ Сенатъ при Петрѣ Великомъ и какое онъ не могъ занимать послѣ Петра, при слабыхъ Его преемникахъ. Но, дѣятельность В. Т. Совѣта по отношенію къ Сенату не всегда была проникнута уваженіемъ къ закону, почему и казалась произвольною. Это бросалось въ глаза тѣмъ болѣе, что Сенатъ этой дѣятельности могъ противопоставить (и, дѣйствительно, противопоставлялъ, какъ это видно уже изъ приведеннаго доклада) цѣлый рядъ законодательныхъ актовъ, обезпечивавшихъ за нимъ правомѣрное положеніе, между тѣмъ, какъ „по учрежденіи сперва В. Т. Совѣта, а потомъ Кабинета, Сенатъ остался уже не въ такой силѣ, какъ прежде было блаженныя и вѣчно-достойныя памяти отъ Государя Императора Петра Великаго учреждено“, какъ замѣчаетъ тотъ же докладъ, то есть его права, отъ Монарха данныя, были умалены.

Въ литературѣ нашей высказано проф. М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ мнѣніе, что отношенія В. Т. Совѣта къ Сенату

[1]) Сбор. Имп. Русс. Ист. Общ., т. III, стр. 432 и сл.; т. XV, стр. 305.

(жалобы на „утѣсненія“ Сената Совѣтомъ) обыкновенно оцѣниваются не по надлежащей мѣркѣ: Верховная власть (которой участникомъ былъ Совѣтъ) не можетъ вступать въ споры о правахъ ни съ какими административными и судебными учрежденіями (каковымъ былъ всегда Сенатъ, за исключеніемъ краткихъ періодовъ регентства, при отсутствіи Государя“) [1]). Теоретически трудно что-либо возразить противъ этого положенія. Но, если, однако, современники жаловались на такія „утѣсненія“, если отголоскомъ такихъ жалобъ было офиціальное признаніе, въ указѣ Елисаветы Петровны отъ 12 декабря 1741 г., что „проискомъ нѣкоторыхъ, прежній порядокъ правленія, установленный отъ Нашего Государя- Родителя, нарушенъ вновь изобрѣтеннымъ В. Т. Совѣтомъ,“ то нельзя игнорировать этой оцѣнки событія современниками, оцѣнки прежде всего, какъ намъ кажется, покоящейся на убѣжденіи, что Верховная власть вовсе не олицетворялась всецѣло въ одномъ В. Т. Совѣтѣ, что въ дѣятельности этого учрежденія былъ элементъ произвола и захвата власти немногими... По мнѣнію современниковъ, напр., въ самой уже отмѣнѣ, по докладу В. Т. Совѣта, наименованія Правительствующій — „явно оказался проискъ присутствующихъ въ В. Т. Совѣтѣ, къ собственной ихъ спеси, отъ коллегій президентовъ.“ Если допустить, что оцѣнка современниковъ этой „отмѣны“ соотвѣтствовала дѣйствительности, то споръ о ея правомѣрности является возможнымъ, хотя это и не будетъ вовсе споромъ о правахъ съ самою Верховною властью [2]).

[1]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ. „Обзоръ исторіи русскаго права“ (Кіевъ, 1905 г.), изд. IV, стр. 255, примѣчаніе.

[2]) Въ одномъ изъ протоколовъ Совѣта читаемъ: „понеже В. Т. Совѣту извѣстно учинилось, что въ Сенатъ изъ первыхъ трехъ коллегій промеморій не принимаютъ за тѣмъ, что въ оныхъ не пишутъ (Сенатъ) Правительствующимъ (вслѣдствіе „спеси“ президентовъ этихъ коллегій, засѣдающихъ въ Совѣтѣ—какъ объясняетъ сенатскій докладъ, найденный нами)..., того ради отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, сего марта 11-го дня, ходилъ о томъ докладывать Ея Величеству т. кабинетъ-секретарь Ал. Макаровъ и, пришедъ, объявилъ, что Ея Величество, по представленію Верховнаго Тайнаго Совѣта, указала Сенату съ нынѣшняго времени именоваться и писаться Высокій Сенатъ, а не Правительствующій для того, что слово сіе Правительствующій непристойно (для Сената). См. А. Н. Филипповъ, „Исторія Сената,“ стр. 30, прим. 13. Нѣкоторые ученые, вопреки очевидности, считаютъ, что указъ о переименованіи Сената является не чѣмъ инымъ какъ непосредственнымъ повелѣніемъ Императрицы“ (А. Алексѣевъ, „Легенда объ олигарх. стремленіяхъ В. Т. Совѣта“ стр. 101). Болѣе осторожно выражается кн. Вяземскій, указывая, что „титулъ Высокій былъ данъ по соизволенію Императрицы, выраженному „11 марта“ (В. Т. Совѣтъ, стр. 149).

промемориями, а из других доношениями писать в Высокий Сенат, и потом посылать указы в Сенат, и в первые три коллегии, иностранную, военную, и адмиралтейскую, от Верховного Тайного Совета; а в протчие коллегии никуды надлежит ради ведома дел дать знать из Сената;

Карлъ Фридрихъ

Александръ Меншиковъ

Генерал Адмирал Граф Апраксинъ

Канцлеръ Граф Головкинъ

Князь Дмитрий Голицынъ

Граф Петръ Толстой

Указъ Верховнаго Тайнаго Совѣта объ именованіи Сената Высокимъ отъ 14-го марта 1726 г.

(Послѣдняя страница).

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, остановимся кратко на изображеніи ближайшихъ обстоятельствъ образованія Верховнаго Тайнаго Совѣта [1]).

II. Ближайшія обстоятельства образованія Верховнаго Тайнаго Совѣта.

Мы знаемъ, какъ близко стоялъ Сенатъ къ своему Основателю. Былъ ли Петръ вдали отъ Сената, находился-ли Онъ въ столицѣ государства, Онъ не только зналъ о томъ, что дѣлалъ Сенатъ, но и руководилъ его дѣятельностью, направлялъ ее по своей мысли. Но и Петръ Великій, однако, понималъ, что, за многимъ множествомъ дѣлъ, Имъ подъятыхъ на себя, Онъ не можетъ всегда и во всемъ контролировать этой дѣятельности лично. Отсюда возникала необходимость организаціи особой системы надзора надъ Сенатомъ, системы, о которой мы уже въ свое время говорили. Въ концѣ царствованія могучимъ органомъ этой системы надзора былъ генералъ-прокуроръ, подъ главенствомъ самого Государя слѣдившій за дѣятельностью Сената и коллегій. Это вмѣшательство Государя лично во всѣ дѣла управленія и въ частности — въ дѣла, подлежавшія компетенціи Сената, имѣло, наряду съ положительными результатами и нѣчто отрицательное: даже такое учрежденіе, какъ Сенатъ, привыкало дѣйствовать какъ-бы на помочахъ, подъ постояннымъ руководствомъ Великаго Государя и наблюденіемъ Его ока — генералъ-прокурора. Но вотъ Государя не стало, на престолѣ явилась Государыня, мало подготовленная къ дѣлу правленія. Сенатъ остался безъ главы и руководителя. Движимый естественнно высокимъ уваженіемъ къ почившему Монарху, Сенатъ, поскольку объ этомъ позволяютъ судить его указы за время послѣ Петра Великаго, приводитъ въ исполненіе Его повелѣнія,

[1]) Подробное изложеніе „исторіи образованія и развитія дѣятельности Верховнаго Тайнаго Совѣта“ см. въ изслѣдованіи А. Н. Филиппова. Исторія Сената въ правленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта и Кабинета, ч. I—„Сенатъ въ правленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта“ (Юрьевъ, 1895 г.), а также въ новѣйшемъ сочиненіи кн. Б. Л. Вяземскаго— Верховный Тайный Совѣтъ (СПБ., 1909 г.), ч. I.

постоянно ссылается на Его волю [1]), заботясь о томъ, чтобы „во всемъ поступано было противъ того, какъ Его Императорское Величество изволили опредѣлить". Но, не привыкнувъ при жизни своего Основателя проявлять иниціативу въ законодательствованіи, а умѣя лишь быть, говоря вообще, распорядительнымъ исполнителемъ Его предначертаній, онъ мало проявляетъ самостоятельности и теперь; нельзя въ его указахъ искать также какихъ-либо широкихъ плановъ, хотя и можно отмѣтить нѣкоторую заботу о томъ, чтобы начинанія Петра не заглохли.

Впрочемъ, и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ Сенатъ имѣлъ поводъ къ проявленію своихъ взглядовъ, онъ сталкивался либо со взглядами ген.-прокурора [2]), либо съ недоброжелательствомъ и неуваженіемъ со стороны такихъ сильныхъ своихъ членовъ, какъ кн. Меншиковъ. Иностранцы, какъ Лефортъ, въ іюнѣ 1725 г. отмѣчаютъ, что у Меншикова и Ягужинскаго были изъ-за власти „ссоры въ присутствіи всего Сената" („en plein Sénat"); затѣмъ происходили столкновенія между Меншиковымъ и сенаторами, съ которыми Меншиковъ держался такъ надменно, что адмиралъ Апраксинъ, по словамъ Кампредона, просилъ Царицу заставить князя держаться, согласно своему долгу, въ границахъ равенства съ другими сенаторами, а не выдѣляться, какъ онъ это дѣлаетъ [3]). Когда, напр., въ Сенатѣ въ концѣ 1725 г. разсматривался вопросъ объ отправкѣ 15 т. солдатъ, по требованію фонъ-Миниха, для работъ на Ладожскомъ каналѣ и когда это требованіе было поддержано сенаторами, Меншиковъ, говорившій противъ него, покончилъ споръ, вставши и объявивши, по приказанію Императрицы, что этотъ годъ ни одинъ солдатъ не будетъ употребленъ на каналѣ, ибо Она назначаетъ для войска другое занятіе. Сенаторы разошлись, крайне оскорбленные: совершенно равный имъ товарищъ объявляетъ имъ волю Императрицы, смѣется надъ ними, заставляетъ ихъ спорить понапрасну. Начали разсуждать о средствахъ, какъ бы сломить значеніе Меншикова; говорили, что не станутъ ѣздить въ Сенатъ [4]). Въ дѣйствительности, однако, было сломлено

[1]) П. С. З., №№ 4662, 4654—56, 4651, 4671, 4672, 4694, 4696, 4702, 4704, 4711, 4713, 4731, 4740, 4769 и мн. др.

[2]) См. ст. Павлова-Сильванскаго „мнѣнія верховниковъ о реформахъ Петра Великаго" въ его „Очеркахъ по русской исторіи XVIII в." (СПБ. 1910 г.), стр. 382 и сл.

[3]) Сб. Имп. Русс. Ист. Общ., т. III, 411; ib., т. LVIII, стр. 11.

[4]) Соловьевъ, Ист. Россіи, т. XVIII, стр. 279 и сл.

вліяніе и значеніе не Меншикова, а самого Сената, не безъ значительнаго, хотя и косвеннаго, участія въ этомъ временщика. Это произошло путемъ созданія В. Т. Совѣта.

Слухи о новомъ учрежденіи, какъ мы уже говорили, возникаютъ задолго до его учрежденія, и всѣ они, такъ или иначе, связываютъ новый совѣтъ съ именемъ Меншикова, при чемъ Кампредонъ говоритъ, что, „именитѣйшіе люди думаютъ о томъ, какъ бы ограничить деспотическую власть Государыни" [1]). Изъ извѣстій, передаваемыхъ Кампредономъ, мы остановимся лишь на одномъ, въ которомъ,—повторяя 23 февраля 1726 г. свой разсказъ о созданіи В. Т. Совѣта съ цѣлію ограниченія власти Государыни,—Кампредонъ въ то же время сообщаетъ нелишенныя для насъ интереса свѣдѣнія объ отношеніи новаго учрежденія къ Сенату. Онъ пишетъ: „я болѣе полгода тому назадъ сообщалъ Вамъ (гр. де-Морвилю), что герцогъ Голштинскій и его министръ хлопочутъ объ учрежденіи Тайнаго Совѣта, который, завися вполнѣ отъ Царицы, далъ-бы Государынѣ больше свободы въ рѣшеніяхъ. Теперь каждый вопросъ проходитъ черезъ Сенатъ, состоящій изъ людей различныхъ мнѣній, которые дѣйствуютъ въ частныхъ видахъ своихъ и часто дѣлаютъ постановленія, несогласныя съ намѣреніями Царицы, особенно въ отношеніи пламеннаго желанія Ея добиться удовлетворенія Ея зятя. Исполненіе этихъ Ея плановъ задерживается такимъ образомъ, да и другія дѣла, приходящіяся имъ не по вкусу, сенаторы умѣютъ тянуть подъ разными предлогами. Послѣ того я сообщалъ, что между русскими вельможами царствуютъ большіе раздоры; что неумѣренная власть кн. Меншикова усиливаетъ броженіе; что происходятъ тайныя сборища недовольныхъ и что, если дѣла пойдутъ такимъ порядкомъ, то здѣсь непремѣнно долженъ произойти какой-нибудь переворотъ. Ловкій Толстой, судьба коего также, какъ и кн. Меншикова, зависитъ вполнѣ отъ положенія Царицы, сумѣлъ извлечь существенную выгоду изъ этихъ явственныхъ признаковъ движенія. Предложивъ учрежденіе Верховнаго Совѣта, предсѣдательницею коего должна быть Царица, и совершенно равноправными членами—главные вельможи, онъ одновременно и укрѣпилъ власть своей Государыни въ настоящемъ и нѣкоторымъ обра-

[1]) См. А. Н. Филипповъ. Исторія Сената, стр. 23 и сл.

зомъ удовлетворилъ партіи. Ограничиваемая отнынѣ власть кн. Меншикова не станетъ болѣе возбуждать справедливой зависти, такъ какъ ему нельзя уже будетъ ничего рѣшать иначе, какъ съ единогласнаго согласія всего совѣта, который, подъ именемъ Царицы (Sous le nom de la Czarine), сдѣлается, въ сущности, истиннымъ господиномъ положенія. Вотъ къ чему привели, наконецъ, тайныя совѣщанія Толстого съ кн. Меншиковымъ и Голицынымъ и съ ад. Апраксинымъ". Около того же времени Лефортъ сообщаетъ, что проектъ учрежденія В. Т. Совѣта, исходившій будто-бы отъ Шафирова и Бассевича, былъ переданъ послѣднимъ для исполненія кн. Меншикову, который воспользовался имъ въ особенности въ тѣхъ цѣляхъ, чтобы лишить Ягужинскаго всякой власти и значенія [1]).

Не входя въ разсмотрѣніе тѣхъ личныхъ счетовъ, боровшихся за вліяніе при дворѣ, партій, благодаря которымъ не попали въ новое учрежденіе: Ягужинскій, такіе сенаторы, какъ Матвѣевъ, Мусинъ-Пушкинъ, Шафировъ, но за то былъ введенъ въ него Остерманъ, отмѣтимъ, однако, слѣдующее. Какъ справедливо, на нашъ взглядъ, утверждалъ еще А. Д. Градовскій „два элемента не могли ужиться съ первенствомъ Сената: военное управленіе и высшіе дворянскіе роды" или точнѣе говоря — старое родовитое боярство, привыкшее къ правящей роли въ государствѣ и то новое дворянство, въ лицѣ котораго, говоря словами кн. М. М. Щербатова, „стали не роды почтенны, а чины и заслуги и выслуги" („О поврежденіи нравовъ"). Новое учрежденіе давало нѣкоторый выходъ этой борьбѣ 2-хъ важнѣйшихъ элементовъ служилаго шляхетства данной эпохи. Именно, если при Екатеринѣ I, говоря образнымъ языкомъ того-же Щербатова — „упала гордость дворянская, видя себя управляема мужемъ, хотя достойнымъ, но изъ подлости происшедшимъ" (Меншиковымъ), то новое учрежденіе, введя въ свой составъ Д. М. Голицына, открывало возможность позднѣе, — въ царствованіе Петра II и при воцареніи Анны Іоанновны, проявиться старо-боярскимъ тенденціямъ, что едва-ли было мыслимо въ такомъ чуждомъ политическихъ тенденцій учрежденіи, какимъ былъ, по существу своему, Петровскій Сенатъ.

[1]) Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. LXIV, стр. 199 и сл., 253 и сл., т. III, стр. 432 и сл.

Но помимо личныхъ счетовъ партій, сказавшихся въ созданіи надъ Сенатомъ верховнаго учрежденія и вводившихъ въ составъ этого учрежденія тѣхъ или иныхъ лицъ, былъ, какъ намъ кажется, цѣлый рядъ обстоятельствъ, требовавшихъ образованія такого учрежденія уже по принципіальнымъ соображеніямъ. Мысль о немъ зародилась уже при Петрѣ Великомъ, при чемъ, если до учрежденія Сената такъ называемая Ближняя канцелярія представляла собою „съѣздъ министровъ“—„на консилію“; если извѣстны другіе подобные „съѣзды“ по отдѣльнымъ вѣдомствамъ, то учрежденіе Сената вовсе не уничтожило возможности подобныхъ „консилій“ въ будущемъ, особенно, когда Петръ Великій не бывалъ „въ отлучкѣ“, такъ какъ министры того времени,—президенты коллегій и другія высшія лица, не слились съ Сенатомъ, а стояли—одни подъ нимъ, а другіе рядомъ, какъ равные (президенты „двухъ воинскихъ коллегій и Иностранной“ и пр.). Правда, въ 1718 г. былъ изданъ указъ, коимъ президенты коллегій вводились въ составъ Сената, но, какъ уже извѣстно, эта попытка оказалась неудачною и по указу 12 января 1722 г. въ Сенатѣ оставлены лишь президенты трехъ вышеуказанныхъ коллегій и временно — Бергъ-коллегіи (т. е. кн. Меншиковъ, адм. Апраксинъ, Головкинъ, Брюсъ), да и тѣ не были обязаны присутствовать въ Сенатѣ постоянно. Такимъ образомъ, это присутствіе президентовъ трехъ государственныхъ коллегій не имѣло послѣдствіемъ ихъ слитія съ остальнымъ составомъ Сената, а лишь означало, что съ этого указа началось нѣкоторое отличеніе этихъ трехъ коллегій отъ прочихъ, отличеніе, разросшееся послѣ Петра въ обособленіе, неподчиненіе Сенату.

Затѣмъ еще при Петрѣ Великомъ былъ данъ Именной указъ (13 февраля 1720 г.), которымъ повелѣвалось призывать въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ, „когда (будутъ) важныя дѣла“, или „такія государственныя дѣла тайныя, что Его Императорское Величество высокою особою присутствовать будетъ“, всѣхъ, или нѣсколько, по важности дѣла, тайныхъ совѣтниковъ дѣйствительныхъ и „отъ всѣхъ надлежитъ быть совѣту“ [1]). Если-бъ

[1]) П. С. З., № 3518. Указъ этотъ далъ поводъ нѣкоторымъ изъ нашихъ ученыхъ говорить о существованіи тайнаго совѣта, какъ учрежденія, уже при Петрѣ Великомъ. Такъ, Н. М. Коркуновъ, въ рецензіи своей на изслѣдованіе А. Н. Филиппова, Исторія Сената, разбирая взглядъ автора,—что „административная практика еще до формальнаго созданія такого учрежденія (какъ В. Т. Совѣтъ) знала совѣщанія высшихъ сановниковъ между собою, а равно и съ носителемъ Верховной власти“ и пр., и что „учрежденіе Верховнаго

этотъ указъ осуществился на практикѣ, то, конечно, Петровскому времени удалось бы имѣть учрежденіе говоря словами проф. Коркунова,- „призывавшее къ обсужденію политическихъ дѣлъ, ex officio, всѣхъ дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ, значеніе коихъ опредѣлялось не личными придворными отношеніями, а непосредственнымъ знакомствомъ съ дѣлами по сенатскому управленію", между тѣмъ, какъ „составъ В. Совѣта (образованнаго при Екатеринѣ) опредѣлялся исключительно усмотрѣніемъ власти. Близость ко двору и личное вліяніе— вотъ что открывало въ него доступъ". Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ данныхъ, позволяющихъ видѣть въ совѣщаніяхъ (которыя должны были время отъ времени происходить въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ „по дѣламъ важнымъ", или „тайнымъ") особое учрежденіе, какъ думаетъ проф. Коркуновъ. Совѣщанія, о которыхъ говоритъ указъ 20 февраля 1720 г. несомнѣнно, бывали, но они не имѣли постояннаго характера и не пріобрѣли твердой и опредѣленной организаціи, восполнявшей недостатокъ учрежденія съ политическими задачами, обсуждавшаго и рѣшавшаго законодательные вопросы. Это обстоятельство давало намъ право утверждать ранѣе и держаться и нынѣ того взгляда, что, если бывшіе при Петрѣ Великомъ совѣщанія высшихъ сановниковъ между собою, а равно и съ носителемъ Верховной власти, и указывали на возможность образованія (въ будущемъ) уже болѣе опредѣленнаго Тайнаго Совѣта, то при Петрѣ Великомъ такого учрежденія создано не было. Еслибъ его можно было видѣть, какъ говоритъ Коркуновъ, въ совѣщаніяхъ, создававшихся при Иностранной коллегіи по указу 13 февраля 1720 г., то было бы непонятно, почему Петръ, какъ справедливо указываетъ Н. П. Павловъ-Сильванскій, „думалъ одно время объ учрежденіи особой высшей законодательной коллегіи" и въ

Т. Совѣта лишь оформило de jure то, что ранѣе существовало, какъ фактъ, ввидѣ тайныхъ совѣтовъ"—приходитъ къ выводу, что „нельзя сказать, чтобы въ установленной Петромъ I организаціи государственнаго управленія не было особаго учрежденія для обсужденія „важныхъ государственныхъ дѣлъ". Учрежденіемъ В. Т. Совѣта, не восполнялся недостатокъ прежней организаціи—а примѣнялся установленный Петромъ вполнѣ опредѣленный порядокъ обсужденія такихъ дѣлъ и, сравнивая между собою „Тайный Совѣтъ", установленный указомъ 1720 г., съ В. Т. Совѣтомъ, нельзя не отдать преимущества петровскому учрежденію" (Ж. М. Н. Просв., 1895 г., сент., стр. 131 и сл.). Къ этому мнѣнію примыкаетъ В. Н. Латкинъ, говорящій „о существованіи Петровскаго Тайнаго Совѣта, созданнаго указомъ 1720 г.". Учебникъ исторіи русскаго права, (СПБ., 1909 г., стр. 325, прим. 1).

Его меморіяхъ находимъ такую знаменательную замѣтку: „о коллегіи такой (подумать), которая-бъ смотрѣла, что исправить, перемѣнить, отставить, вновь сдѣлать, наченши отъ порядковъ прибыли, даже до чистоты и украшенія во всемъ государствѣ". Но ни „такая коллегія, ни тайный совѣтъ Петромъ учреждены не были, не смотря на совѣты иностранцевъ", добавляетъ тотъ же авторъ, высказывая соображеніе, что „при Немъ не было особенной надобности въ образованіи верховнаго совѣта. Особенное учрежденіе съ компетенціею позднѣйшаго Верховнаго Совѣта уже существовало: это былъ Кабинетъ Государя" [1]), съ чѣмъ можно согласиться. Затѣмъ подававшіеся Петру не только до указа 13 февраля 1720 г., но и позднѣе проекты о созданіи надъ Сенатомъ верховнаго учрежденія [2]) едва ли говорятъ въ пользу той мысли, что такое учрежденіе уже было осуществлено, для обсужденія „важныхъ государственныхъ дѣлъ", при Иностранной коллегіи на основаніи означеннаго указа. Да и самъ текстъ послѣдняго, съ его чисто-факультативнымъ призывомъ ad hoc, то всѣхъ, то нѣсколькихъ „тайныхъ дѣйствительныхъ совѣтниковъ", также не говоритъ въ пользу этой мысли, а скорѣе свидѣтельствуетъ о томъ, что, наряду съ высшимъ исполнительнымъ органомъ, каковымъ былъ Сенатъ при Петрѣ, необходимо было законодательное учрежденіе, обладающее функціями верховнаго установленія и контролирующее дѣятельность всѣхъ коллегій, не исключая Сената. При Петрѣ нужда въ такомъ постоянномъ учрежденіи едва-ли, впрочемъ, чувствовалась особенно остро. Петръ, какъ мы уже знаемъ, либо самъ составлялъ свои указы, либо, повелѣвъ кому-нибудь составить проектъ закона, очень тщательно затѣмъ его разсматривалъ и подвергалъ передѣлкѣ. Что касается контроля надъ дѣятельностью учрежденій, не исключая и Сената, то, зорко слѣдя за дѣломъ правленія государствомъ и направляя его по своей волѣ, Государь то лично наблюдалъ за всѣмъ, то организовывалъ такъ или иначе особую систему надзора, опять-таки собирая всѣ ея нити въ своихъ рукахъ. Въ сущности Петръ не de jure, но и de facto сосредоточивалъ въ самомъ себѣ и въ своемъ Кабинетѣ какъ учредитель-

[1]) Н. П. Павловъ-Сильванскій, „Проекты реформъ" и пр., стр. 65 и сл.

[2]) Объ этихъ проектахъ см. А. Н. Филипповъ. Исторія Сената, стр. 13 и сл.; ср. также Э. Н. Берендтса „Баронъ А. Х. ф. Люберасъ и его записки объ устройствѣ коллегій въ Россіи" (СПБ., 1891 г.), стр. 18 и сл.

ныя, такъ и законодательныя функцiи Верховной власти, являясь въ то же время грознымъ судьею своего высшаго исполнительнаго и распорядительнаго органа Сената. Но Великiй Государь отлично понималъ, что такъ не можетъ продолжаться постоянно, почему и былъ озабоченъ какъ созданiемъ особаго верховнаго учрежденiя, такъ и организацiею контроля надъ дѣятельностью Сената. Такая организацiя была дана въ институтѣ генералъ- и оберъ-прокурора, по отношенiю же къ означенному особому учрежденiю была, какъ намъ кажется, лишь брошена въ указѣ 13 февраля 1720 г. широкая мысль, неосуществившаяся при жизни Государя, а послѣ Его смерти съуженная и эксплоатированная въ интересахъ немногихъ правящихъ сильныхъ персонъ.

III. Официальныя объясненiя причины учрежденiя Верховнаго Тайнаго Совѣта.

Обратимся теперь къ Именному указу 8 февраля 1726 года, коимъ учреждался В. Т. Совѣтъ [1]). Указъ этотъ подробно мотивируетъ причину созданiя новаго учрежденiя. Именно, здѣсь прежде всего напоминается, что Петръ въ 1711 г. „для своихъ частыхъ тогда военныхъ походовъ и отлучекъ изволилъ опредѣлить правительство Сената въ нѣсколькихъ персонахъ". Первоначально это „собранiе" Сената состояло, „кромѣ тайныхъ дѣйствительныхъ совѣтниковъ и тайныхъ совѣтниковъ, изъ другихъ знатнѣйшихъ и повѣренныхъ персонъ, которыя, кромѣ правленiя государственныхъ внутреннихъ дѣлъ, никакого другого дѣла не имѣли и всегда были при своемъ дѣлѣ неотлучно; а тайные дѣйствительные совѣтники бывали тогда въ походахъ за Его-же Величествомъ, а въ нынѣшнемъ сенатскомъ собранiи почитай всѣ тайные дѣйствительные совѣтники" [2]). Такимъ образомъ, указъ констатируетъ вполнѣ справедливо, что при Петрѣ Великомъ былъ опредѣленный составъ членовъ Сената, находившихся „при своемъ дѣлѣ неотлучно";

[1]) П. С. З., № 4830.

[2]) Утвержденiе указа, что „въ нынѣшнемъ сенатскомъ собранiи почитай всѣ тайные дѣйствительные совѣтники" — вѣрно, см. А. Н. Филипповъ. Исторiя Сената прим. 3, стр. 17 и сл.

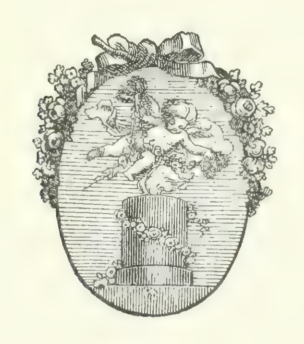
между тѣмъ теперь Сенатъ почти исключительно состоитъ изъ „тайныхъ дѣйствительныхъ совѣтниковъ“, которымъ нѣтъ возможности заниматься только сенатскими дѣлами. Причина этого по объясненію указа лежала въ томъ, что имъ „и кромѣ сенатскаго правленія есть немалый трудъ въ слѣдующихъ дѣлахъ: 1) что они часто имѣютъ, по должности своей, яко первые министры, тайные совѣты о политическихъ и другихъ важныхъ государственныхъ дѣлахъ; 2) изъ нихъ-же засѣдаютъ нѣкоторые президентами въ первыхъ коллегіяхъ, а именно въ двухъ военныхъ, въ сухопутной, да въ морской, и въ третьей -политической (т. е. Иностранной), отчего въ первомъ и весьма нужномъ дѣлѣ—въ тайномъ совѣтѣ—немалое чинится помѣшательство, да и въ Сенатѣ въ дѣлахъ продолженіе отъ того, что они, за многодѣльствомъ, не могутъ чинить вскорѣ резолюціи на государственныя внутреннія дѣла“. Указъ отмѣчаетъ фактъ, подтверждаемый и другими свѣдѣніями, что „первые министры“ того времени,—или „первые сенаторы“, какъ иначе называетъ ихъ тотъ-же указъ—еще ранѣе основанія В. Т. Совѣта (согласно указу 13 февраля 1720 г.), составляли изъ себя „тайные совѣты“ и не сливались всецѣло и нераздѣльно съ остальнымъ составомъ Сената. Уже при Петрѣ Великомъ эти „первые сенаторы“, обычно „тайные дѣйствительные совѣтники“, играли роль министровъ, стоявшихъ во главѣ особыхъ частей управленія, которыя, хотя и были построены коллегіально, однако, не могли мѣшать ихъ президентамъ играть роль личныхъ довѣренныхъ органовъ Верховной власти, если не всегда de jure, то во всякомъ случаѣ de facto. Кто-же эти „первые сенаторы“, являвшіеся „первыми министрами“ эпохи? Это, прежде всего, конечно, кн. А. Д. Меншиковъ—президентъ Военной коллегіи и генералъ-фельдмаршалъ; гр. Ѳ. М. Апраксинъ—президентъ Адмиралтейской коллегіи и генералъ-адмиралъ; гр. Г. И. Головкинъ—Иностранной и канцлеръ; баронъ А. И. Остерманъ—его товарищъ и вице-канцлеръ; наконецъ, гр. П. А. Толстой и кн. Д. М. Голицынъ—лица, въ разное время занимавшія важныя и отвѣтственныя должности министровъ, если не по названію, то по существу дѣла. Эти „первые сенаторы“ и вошли первоначально въ составъ новообразованнаго В. Т. Совѣта. Это не значитъ, конечно, что всѣ министры того времени явились

членами В. Т. Совѣта—его составъ, какъ въ началѣ, такъ и позднѣе, былъ результатомъ сложныхъ партійныхъ счетовъ и не былъ основанъ на широкой мысли Петра Великаго, высказанной въ указѣ 13 февраля 1720 г.,—но этотъ составъ интересенъ потому, что онъ вскрываетъ одну въ высшей степени важную причину учрежденія В. Т. Совѣта: министры, прежде „первые сенаторы", не должны входить въ составъ Сената, не должны составлять одной общей коллегіи со „вторыми" сенаторами; наоборотъ, они должны быть свободны отъ заботъ по рѣшенію текущихъ обыденныхъ дѣлъ администраціи и, въ качествѣ лицъ, вѣдающихъ „политическія и другія важныя дѣла", должны составлять свой особый „тайный совѣтъ", какъ это бывало и при Петрѣ, но не въ видѣ, однако, постояннаго учрежденія.

Нельзя, затѣмъ, не обратить вниманія еще на одну черту новаго учрежденія, на которую нашли нужнымъ указать сами члены только-что образованнаго В. Т. Совѣта въ своемъ извѣстномъ „мнѣніи не въ указъ", поданномъ 16 марта того-же 1726 г. Императрицѣ. Во второмъ пунктѣ этого „мнѣнія не въ указъ", одобреннаго, однако, Екатериною, говорится слѣдующее: „понеже Ея Величество во ономъ Тайномъ Совѣтѣ первое президентство сама управляетъ . . . и того ради Т. Совѣтъ толь наименьше за особливое коллегіумъ или инако почтенъ быть можетъ, понеже оной токмо Ея Величеству ко облегченію въ тяжкомъ Ея правительства бремени служитъ, всѣ дѣла скорѣе отправлены и рѣшены и болѣе, нежели отъ одного, къ Ея Величества безопасности и государства приращенія разсужденіе имѣть то будетъ, дабы толь безопаснѣе высокимъ Ея именемъ указы выходили" [1]). Изъ этого акта ясно видно, что В. Т. Совѣтъ (какъ впослѣдствіи и Кабинетъ) основывается съ цѣлію имѣть учрежденіе, стоящее въ непосредственномъ отношеніи къ носителямъ Верховной власти, какъ стоялъ при Петрѣ Великомъ Сенатъ къ своему основателю. Послѣ Него, при слабыхъ носителяхъ Верховной власти, Сенатъ не могъ занимать такого положенія, частію вслѣдствіе его болѣе многочисленнаго и менѣе довѣреннаго, чѣмъ въ В. Т. Совѣтѣ, состава, а частію и потому, что сенаторы имѣли свои особыя функціи по рѣшенію текущихъ, обыденныхъ дѣлъ законодательныхъ, судебныхъ и

[1]) Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. LV, стр. 93.

административныхъ, отнимавшихъ у нихъ все время и вниманіе. Петръ Великій, понимая это, учредилъ должность генералъ-прокурора, назначеніемъ котораго, между прочимъ, являлось установленіе непосредственной связи Сената съ Верховною властію. При Петрѣ Великомъ, при томъ зоркомъ вниманіи, которое Онъ постоянно удѣлялъ дѣятельности Сената, — эта связь черезъ третье лицо была вполнѣ достаточна; послѣ Петра Великаго оказалось неудобнымъ, — въ виду, преимущественно, личныхъ счетовъ партій, а частію и вслѣдствіе характера самихъ носителей Верховной власти, поручить представительство этой связи одному лицу, почему должность генерала-прокурора уничтожается фактически и знаменитый Ягужинскій получаетъ другое назначеніе.

ГЛАВА II.

Отношенiе Сената къ Верховной власти. Отношенiе Сената къ Верховному Тайному Совѣту.

Отношенiе Сената къ Верховной власти.

По учрежденiи Верховнаго Тайнаго Совѣта Сенатъ не стоитъ уже въ непосредственномъ отношенiи къ носителямъ Верховной власти послѣ Петра Великаго, а именно къ Императрицѣ Екатеринѣ I и Императору Петру II, и лицо Монарховъ этихъ закрывается для него новымъ властнымъ учрежденiемъ, въ самомъ наименованiи своемъ обозначеннымъ терминомъ „верховнаго" установленiя. Въ этомъ установленiи, составленномъ изъ „первыхъ сенаторовъ", по Манифесту 8 февраля 1726 г. должна была присутствовать сама Государыня, подобно тому, какъ Петръ Великiй присутствовалъ въ своемъ Правительствующемъ Сенатѣ. На всѣхъ доношенiяхъ, „которыя изъ Сената и изъ другихъ коллегiй или канцелярiй приходить могутъ и до вершенiя Т. Совѣта принадлежатъ, должно было внизу подписывать: къ поданiю въ В. Т. Совѣтѣ", — какъ гласитъ указъ отъ 28 марта, хотя они и пишутся прямо на имя Государыни, подъ титуломъ „Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйшее доношенiе изъ Сената", т. е., Сенатъ сносится съ Государынею только черезъ В. Т. Совѣтъ. Воля Государыни обычно вообще проявляется черезъ В. Т. Совѣтъ и въ указахъ, идущихъ изъ него, за подписанiемъ Государыни, въ концѣ неизмѣнно ставятся слова: „данъ въ Нашемъ В. Т. Совѣтѣ"; въ указахъ, „которые не будутъ за собственною рукою" Государыни,

по датумѣ, пишется „по Нашему указу“. Новая Должность Сената отъ 7 марта того же года, повелѣваетъ Сенату доносить Государынѣ „въ В. Т. Совѣтѣ“, представляя свое мнѣніе о дѣлахъ, на которыя „нѣтъ ясныхъ указовъ, или какое (дѣло) новое и весьма важное, которое собственному Нашему рѣшенію подлежитъ“ (п. 2). Произведя установленные выборы должностныхъ лицъ, Сенатъ представляетъ кандидатовъ „Намъ въ В. Т. Совѣтѣ“ (п. 6). Генералъ-или оберъ-прокуроръ Сената, въ случаѣ несоблюденія Сенатомъ правилъ о вершеніи дѣлъ и непринятія его предложеній, опять таки „доноситъ Намъ въ В. Т. Совѣтѣ“ (п. 8) [1]. Не продолжая дальнѣйшаго перечисленія указовъ, характеризующихъ все вышесказанное, ввиду того обстоятельства, что намъ не разъ придется ихъ касаться по разнымъ поводамъ, замѣтимъ вообще, что говорить объ отношеніи Сената къ Верховной власти въ періодъ правленія В. Т. Совѣта значитъ, въ сущности, говорить объ отношеніи его къ названному учрежденію, такъ какъ Сенатъ сносится теперь съ Императорскимъ Величествомъ только черезъ В. Т. Совѣтъ, какъ и воля Монарховъ доходитъ до Сената лишь черезъ это учрежденіе; нѣкоторые указы, объявленные, въ первое время по учрежденіи В. Т. Совѣта, изъ Кабинета Ея Императорскаго Величества, являются исключеніями, подтверждающими общее положеніе [2]). Поэтому мы и обратимся теперь къ характеристикѣ отношенія Сената къ Верховному Тайному Совѣту.

Отношеніе Сената къ Верховному Тайному Совѣту.

Уже указъ 8 февраля 1726 г., коимъ учреждался Верховный Тайный Совѣтъ, хотя и кратко, но вполнѣ опредѣленно установилъ подчиненное отнынѣ положеніе Сената по отношенію къ Совѣту. Именно, „изъ первыхъ сенаторовъ“ образуется „при дворѣ Нашемъ“, какъ говоритъ указъ, „для внѣшнихъ“ и „для внутреннихъ государственныхъ важныхъ дѣлъ“— В. Т. Совѣтъ, „при которомъ Мы будемъ сами присутствовать“;

[1]) П. С. З., №№ 4830, 4847, 4862.

[2]) О нихъ см. въ изслѣдованіи А. Н. Филиппова, Исторія Сената въ правленіе В. Т. Совѣта и Кабинета, ч. I, стр. 155 и сл. и въ брошюрѣ „Къ вопросу о В. Т. Совѣтѣ“ (М., 1896 г.), стр. 53 и сл.

назначается далѣе особый составъ сенаторовъ, „которые всегда при одномъ сенатскомъ правленіи будутъ"; Сенатъ, наравнѣ съ коллегіями и „прочими мѣстами" получаетъ отъ Совѣта „указы", а самъ обращается къ нему съ „доношеніями"; онъ ставится, наконецъ, въ равное положеніе къ тремъ первымъ коллегіямъ (Военной, Адмиралтейской и Иностранной), съ которыми долженъ сноситься взаимно „промеморіями".

Какъ извѣстно, Сенатъ не отнесся совершенно пассивно къ этому указу, полагавшему начало его послѣдующему паденію; между нимъ и Совѣтомъ произошло кратковременное, но характерное пререканіе, на которомъ необходимо остановиться, прежде чѣмъ мы перейдемъ къ очерку дальнѣйшаго преобразованія Сената. А. Д. Градовскій, основываясь на краткомъ извлеченіи изъ протоколовъ В. Т. Совѣта, напечатанныхъ въ то время, когда онъ писалъ свое изслѣдованіе о „Высшей администраціи XVIII в. и генералъ-прокурорахъ", говоритъ, что Сенатъ, получивъ указъ 8 февраля объ учрежденіи Совѣта, послалъ экзекутора объявить, что „Сенатъ, оставаясь въ прежнемъ своемъ состояніи и достоинствѣ, принять того указа не можетъ". Въ этой передачѣ, повторявшейся и другими, возраженіе Сената на названный выше указъ получаетъ тотъ смыслъ, что Сенатъ, сознавая свои права и достоинство, не могъ подчиниться указу, столь значительно умалявшему его прежнее значеніе. Подлинные протоколы Совѣта, нынѣ изданные, рисуютъ, однако, дѣло иначе. Такъ, по записи 12 февраля, къ вновь назначенному въ Совѣтъ („для закрѣпы" его протоколовъ) В. П. Степанову пріѣхалъ на домъ экзекуторъ Сената Елагинъ и пытался возвратить ему присланный въ Сенатъ Именной указъ объ учрежденіи Совѣта, такъ какъ-де сенаторы его принять и „по оному чинить" исполненія не могутъ „для того, что присланъ къ нимъ указъ, велѣно Сенату быть въ прежнемъ состояніи и достоинствѣ". Степановъ, конечно, не принялъ отъ Елагина возвращаемаго Сенатомъ Именного указа, ссылаясь на то, что указъ этотъ сама Императрица „апробовать изволила", а того указа, на который ссылается Сенатъ въ своемъ возраженіи, онъ не знаетъ, почему и предлагаетъ Елагину отправиться съ нимъ къ тѣмъ особамъ, „которыя тотъ указъ подписали".

Далѣе произошла между Степановымъ и Елагинымъ сцена, малосоотвѣтствующая достоинству тѣхъ учрежденій, отъ имени

коихъ оба они дѣйствовали. А именно, когда Степановъ предложилъ Елагину отправиться съ нимъ къ членамъ В. Т. Совѣта, послѣднiй объявилъ, что „ему ни къ кому ѣхать не велѣно, а велѣно отдать указъ ему, д. ст. совѣтнику, и ежели онъ его не приметъ, то онъ его положитъ. И д. ст. сов. паки ему сказалъ, что онъ (указа) весьма принять не можетъ и ежели онъ (указъ) оставлять будетъ, то онъ ему (его) за пазуху положитъ. И онъ, экзекуторъ, то видя, сказалъ, что принужденъ онъ тотъ указъ паки отвезть и положить на столѣ въ Сенатѣ. Спустя его экзекутора, того-жъ числа, онъ, д. ст. сов., ко всѣмъ учрежденнымъ особамъ В. Т. Совѣта ѣздилъ и о всемъ томъ донесъ, которыя тотъ его поступокъ апробовали, и согласились утре донести о томъ Ея Императорскому Величеству самой, и приказали взять экземпляръ того указу въ Сенатъ, который сама Ея Императорское Величество апробовать изволила". Далѣе изъ протокола отъ 13 февраля видно, что члены В. Т. Совѣта въ этотъ день были (за исключенiемъ Остермана, „который еще за болѣзнiю не выѣзжалъ") у Государыни и доложили Ей о всемъ происшедшемъ, а равно и о томъ, „что указъ въ Сенатъ посланъ такой, какъ Ея Императорское Величество сама оный апробовать изволила, который экземпляръ Ея Величеству паки показывали. И Ея Императорское Величество изволила опредѣлить быть всему такъ, какъ въ томъ Ея Императорскаго Величества указѣ изображено и послать въ Сенатъ тайнаго кабинетъ-секретаря Макарова, чтобъ онъ имъ о томъ Ея Величества соизволенiи объявилъ, и дабы по тому поступали и болѣе Ея Величества о томъ не трудили докладомъ" [1]). С. М. Соловьевъ, передавая содержанiе указанныхъ двухъ протоколовъ, добавляетъ къ нимъ лишь ту подробность, что Сенату былъ объявленъ 9 февраля указъ, въ которомъ „повелѣно отправлять дѣла по указамъ, регламентамъ и сенатской должности, а не написано, чтобы Сенатъ подчиненъ былъ В. Т. Совѣту" и что въ тотъ-же день, когда Макаровъ былъ посланъ въ Сенатъ съ указаннымъ повелѣнiемъ, „Императрица словесно повторила сенаторамъ это повелѣнiе исполнять указъ временно, пока дана будетъ подробная инструкцiя" [2]).

[1]) Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. LV, стр. 27 сл.

[2]) С. М. Соловьевъ. Исторiя Россiи, XVIII, изд. 3, стр. 288.

Изъ всего вышеизложеннаго, несомнѣнно, что Сенатъ, возвращая Совѣту указъ 8 февраля, столь умалявшій его права, ссылался при этомъ вовсе не на „свое прежнее состояніе и достоинство“ вообще,—что́ придавало его ссылкѣ нѣкоторый видъ протеста противъ измѣненія его прежняго значенія, а на указъ самой Императрицы, подтверждавшій это его „прежнее состояніе и достоинство“. Является естественный вопросъ, что это за указъ Императрицы отъ 9 февраля, стоящій, повидимому, въ противорѣчіи съ Ея-же Именнымъ указомъ отъ 8 февраля (объ учрежденіи Совѣта), въ которомъ подчиненное Совѣту положеніе Сената было столь ясно обозначено? Къ сожалѣнію, этотъ указъ доселѣ не найденъ; С. М. Соловьевъ не дѣлаетъ опредѣленной ссылки на первоисточникъ своихъ добавленій къ приведеннымъ выше протоколамъ В. Т. Совѣта. Если мы, однако, сравнимъ содержаніе этого указа 9 февраля, на который ссылался Сенатъ, съ однимъ изъ пунктовъ извѣстнаго „мнѣнія не въ указъ“, то это видимое противорѣчіе между названными двумя указами, можетъ быть, какъ намъ кажется, устранено. Именно, въ пунктѣ 11-мъ этого „мнѣнія“ говорится, что „какъ Сенатъ, такъ и всѣ прочія коллегіи, по обыкновенному до сего времени учрежденію и подчиненію въ совершенномъ такомъ дѣйствіи и власти оставлены быть имѣютъ, чтобъ оныя всѣ происходящія дѣла, которыя по уставамъ и прочимъ состоявшимся указамъ, регламентамъ и инструкціямъ, вершены быть могутъ, и впредь вершили и въ дѣйство производили, и во всемъ поступали, какъ блаженныя памяти Его Императорскаго Величества въ 1718-мъ году декабря 22-го дня публикованный указъ повелѣваетъ“.

И такъ, болѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ учрежденія Совѣта (именно 16 марта),—притомъ уже послѣ того, какъ Сенатъ получилъ новое положеніе о своей „Должности“, послѣ того, какъ у него отнято было наименованіе „Правительствующаго“ [1]) и произошли другія перемѣны въ отношеніяхъ Сената къ Совѣту,—„мнѣніе не въ указъ“ продолжаетъ утверждать, что все остается по прежнему, и притомъ почти въ тѣхъ-же выраженіяхъ, какъ и указъ 9 февраля, на который ссылался Сенатъ. Иначе говоря, не только 9 февраля, т. е. тотчасъ по

[1]) Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. LV, стр. 95, П. С. З., №№ 4847, 4853.

учрежденіи Совѣта, но и позднѣе, находили возможнымъ, не впадая въ противорѣчіе съ указомъ объ учрежденіи Совѣта и другими распоряженіями, ставившими Сенатъ въ подчиненное положеніе къ Совѣту,—утверждать, что все остается по прежнему. Почему-же возможно было такое утвержденіе? Не повторяя здѣсь всѣхъ соображеній, высказанныхъ уже по этому вопросу [1]), замѣтимъ, что такое утвержденіе представлялось допустимымъ, между прочимъ, потому, что, поставивъ надъ Сенатомъ Совѣтъ, не имѣли затѣмъ готоваго плана преобразованія ихъ взаимныхъ отношеній и, мало вникая въ сущность происшедшей перемѣны, могли въ данное время утверждать совершенно спокойно, что въ Сенатѣ все будетъ оставлено „въ совершенно такомъ дѣйствіи и силѣ", какъ было прежде. Что такого плана первоначально не было, видно уже изъ того, что перемѣны, какія сталъ испытывать въ своемъ положеніи Сенатъ, произошли не сразу.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Сенатъ, на счетъ власти и компетенціи котораго развивалась власть и компетенція Совѣта, былъ учрежденіемъ, уже вполнѣ опредѣленно сложившимся къ концу царствованія Петра Великаго. Совѣтъ постепенно, и, такъ сказать, по мѣрѣ надобности, по мѣрѣ того, какъ все болѣе и болѣе растущая власть его сталкивалась съ властью Сената, опредѣлялъ свои отношенія къ нему. Этимъ вызывается необходимость изложить происшедшія измѣненія хронологически, коснувшись сначала тѣхъ перемѣнъ, какія претерпѣлъ Сенатъ при Екатеринѣ I, а затѣмъ, обозрѣвъ ихъ общіе результаты, перейти къ царствованію Петра II.

Уже отправляя Сенату указъ 8 февраля, Совѣтъ позаботился сдѣлать распоряженіе, чтобы указъ этотъ былъ немедленно объявленъ „всему Сенату, дабы за тѣмъ не было остановки въ посылкѣ нужнѣйшихъ Ея Императорскаго Величества указовъ изъ В. Т. Совѣта" [2]). „Остановки", однако, происходили не разъ по разнымъ причинамъ, какъ при исполненіи указовъ Совѣта, такъ и въ другихъ дѣлахъ, находившихся въ завѣдываніи Сената. Такъ, напр., 15 февраля Сенатъ донесъ Совѣту, что онъ затруднился „чинить резолюціи" по поданнымъ ему изъ трехъ первыхъ коллегій „доношеніямъ", такъ какъ указъ 8 февраля требуетъ, чтобы коллегіи эти сносились съ Сенатомъ не

[1]) См. А. Н. Филипповъ. Исторія Сената, стр. 149 сл.
[2]) Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. LV, стр. 25.

„доношеніями", а „промеморіями", почему Сенатъ и ждетъ отъ Совѣта повелѣнія о возвращеніи этихъ „доношеній" обратно въ тѣ коллегіи, изъ коихъ они поступили. Совѣтъ соглашается съ Сенатомъ и постановляетъ „возвратить" ихъ обратно, добавляя, что коллегіи эти впредь должны „о самыхъ важныхъ дѣлахъ требовать рѣшенія въ В. Т. Совѣтѣ, а о прочихъ сноситься по прежнему съ Сенатомъ". Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, весьма ясно намѣчается путь, по которому шелъ Совѣтъ, распространяя свое верховенство надъ Сенатомъ и другими учрежденіями: постепенно, отъ случая къ случаю, ограничивалъ онъ предѣлы ихъ компетенціи, нерѣдко плохо мотивируя причины тѣхъ измѣненій, какія вносились въ эти учрежденія по предложенію отдѣльныхъ членовъ Совѣта. Такъ, напр., 18 февраля состоялся указъ о подчиненіи генералъ-провіантмейстера Военной коллегіи; 23 февраля берутся изъ Сената „малороссійскія дѣла". Прежде, „по опредѣленію" Петра Великаго, генералъ-провіантмейстеръ „токмо зависѣлъ отъ Сенату"; при подчиненіи его Военной коллегіи -чего весьма желалъ Меншиковъ, — измѣненіе стараго порядка мотивируется просто лишь тѣмъ, что изъ дѣлъ „нынѣ усмотрѣно, что отъ него, генералъ-провіантмейстера, какъ въ Сенатѣ, такъ особливо въ Военной коллегіи, о провіантѣ никакого извѣстія не имѣется, отъ чего можетъ легко случиться какая въ томъ остановка". Такъ частный, и при томъ весьма обыкновенный тогда, случай недоставленія Сенату свѣдѣній даетъ поводъ къ важному измѣненію самаго порядка подчиненія. Во второмъ случаѣ Совѣтъ, вообще интересуясь малороссійскими дѣлами, находитъ, что между ними „есть важныя и секрету подлежащія . . . особливо касающіяся до турецкихъ дѣлъ", почему они и должны быть взяты изъ Сената въ Совѣтъ. Несомнѣнно, что „секрету подлежащія дѣла", особенно иностранныя, должны были сосредоточиваться въ Совѣтѣ, но отобраніе этихъ дѣлъ отъ Сената дѣлается какъ-то случайно, только потому, что въ это время Совѣтъ интересуется малороссійскимъ вопросомъ, какъ это можно заключить изъ журнала Совѣта по данному вопросу [1]).

Интересно отмѣтить, что даже такой важный указъ, какъ указъ 14 марта о наименованіи Сената „Высокимъ", а не Правитель-

[1]) Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., стр. 37 и сл., 48, 59 и сл.

ствующимъ [1]), вышелъ изъ тогдашней административной практики, а не былъ созданъ по непосредственной инициативѣ Совѣта. Именно, 7 марта Совѣту было донесено, что Сенатъ не принялъ промеморіи изъ Иностранной коллегіи „за тѣмъ, что (въ ней) Правительствующій (Сенатъ) не написанъ“. Меншиковъ при этомъ заявилъ, что по той-же причинѣ Сенатъ не принимаетъ промеморій отъ Военной коллегіи; спрошенный по этому поводу оберъ-прокуроръ Сената Бибиковъ также признался, что причиною непринятія промеморій является именно этотъ отказъ Сенату въ наименованіи его „Правительствующимъ“; что, наконецъ, „самимъ имъ отставить то (наименованіе) невозможно, понеже и изъ Кабинета къ нимъ пишутъ еще (Сенатъ) Правительствующимъ“. Черезъ нѣсколько дней, а именно 11 марта, по этому вопросу былъ сдѣланъ докладъ Императрицѣ, съ указаніемъ именно на то, что „Сенатъ не принимаетъ промеморій, въ которыхъ не написано Правительствующій“; Императрица спросила кабинетъ-секретаря, „какъ о томъ написано во мнѣніи В. Т. Совѣта“; затѣмъ, по выслушаніи послѣдняго, утвердила его, въ результатѣ чего и явился Именной указъ 14 марта о наименованіи Сената „Высокимъ“ [2]).

Здѣсь, такимъ образомъ, мы видимъ, что у Сената отнимаютъ первоначально присвоенное ему право на наименованіе „Правительствующимъ“ произвольно, повидимому, не безъ вліянія нѣкоторыхъ членовъ Совѣта, президентовъ двухъ указанныхъ коллегій. Кабинетъ Императрицы не принимаетъ участія въ этомъ отнятіи и продолжаетъ обращаться къ Сенату по прежнему, какъ къ Сенату „Правительствующему“. Тогда Совѣтъ, ссылаясь на „остановку“ въ дѣлахъ изъ-за пререканій Сената, относительно этого наименованія, съ указанными учрежденіями, составляетъ „мнѣніе“ объ его измѣненіи; „мнѣніе“ это утверждается Екатериною: практика, можетъ быть, преднамѣренная, идетъ здѣсь впереди законодательнаго разрѣшенія вопроса. Далѣе въ разъясненіе и дополненіе указовъ 8 февраля и 14 марта дается Именной указъ отъ 28 марта о формѣ сношеній Совѣта съ Сенатомъ и коллегіями [3]). Всѣ вышеназванные указы, а равно и явившійся, въ промежутокъ между этими указами, указъ

---

[1]) П. С. З., № 4853.

[2]) См. выше, стр. 348, 2 примѣчаніе.

[3]) П. С. З., № 4862.

„о Должности“ Сената составляютъ вмѣстѣ цѣлый циклъ мѣропріятій, направленныхъ противъ Сената почти одновременно [1]). При этомъ, если указъ 8 февраля (объ учрежденіи В. Т. Совѣта) и 14 марта (о наименованіи Сената „Высокимъ“), хотя и опредѣленно, но довольно кратко говорятъ о подчиненномъ положеніи Сената по отношенію къ Совѣту, то указы „о должности“ Сената и порядкѣ сношеній Совѣта съ Сенатомъ и коллегіями, въ связи съ нѣкоторыми пунктами „мнѣнія не въ указъ“ (10—12), развиваютъ эту мысль въ подробностяхъ. Затѣмъ до послѣднихъ мѣсяцевъ царствованія Екатерины I, —а именно до 6 марта 1727 г., когда послѣдовалъ весьма важный указъ объ утвержденіи должности генералъ-рекетмейстера (Екатерина скончалась 6 мая того же года) нѣтъ особенно значительныхъ распоряженій Совѣта по отношенію къ Сенату: хотя Совѣтъ и продолжаетъ такъ или иначе воздѣйствовать на Сенатъ, но каждая изъ мѣръ въ отдѣльности не представляетъ большой важности, характеризуя лишь, въ цѣломъ, общее положеніе Сената относительно Совѣта [2]).

Остановимся на обзорѣ содержанія важнѣйшихъ узаконеній, касавшихся Сената, и прежде всего—обширнаго указа „о должности Сената“, опредѣляющаго отношенія Сената къ В. Т. Совѣту и коллегіямъ, а равно и устанавливающаго права Сената по выбору разнаго рода должностныхъ лицъ. При этомъ сравнимъ содержаніе второй „Должности“ Сената, данной при Петрѣ 27 апрѣля 1722 г.,

[1]) Говорить это, не значитъ не утверждать,—какъ думаетъ проф. Алексѣевъ (въ брошюрѣ „Легенда объ олигархическихъ тенденціяхъ В. Т. Совѣта“ и пр. стр. 99 и сл.),—что, указъ 8 февраля есть „первое мѣропріятіе, направленное противъ Сената,—В. Т. Совѣтомъ (это повторяетъ за нимъ и кн. Вяземскій—„В. Т. Совѣтъ“, стр. 143), такъ какъ самого В. Т. Совѣта до этого указа не существовало. Въ изслѣдованіи А. Н. Филиппова, Исторія Сената, прямо и категорично отмѣчено, что какъ разбираемый указъ, такъ и другія узаконенія, направленныя противъ Сената, даны изъ Кабинета Императрицы, при чемъ объяснено, чѣмъ это было вызвано“ (стр. 155 и сл. срав. также его же брошюру „Къ вопросу о В. Т. Совѣтѣ“, М., 1896 г. стр. 53 и сл.).

[2]) Таково, напр., распоряженіе объ уничтоженіи сенатской роты, стоившей въ годъ болѣе 3-хъ тысячъ; Совѣтъ нашелъ, что довольно оставить Сенату 10 человѣкъ курьеровъ, присылая для карауловъ „по одному капральству“ (Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. LV, стр. 313; ср. т. LVI, стр. 541); далѣе указъ о немедленномъ рапортованіи Сенатомъ Совѣту объ исполненіи указовъ (т. LV, стр. 396); о неподачѣ въ Совѣтъ Сенатомъ доношеній по дѣламъ, на которыя имѣются „точные указы“ (стр. 425); о подачѣ въ Совѣтъ изъ Сената „перечневыхъ вѣдомостей“ о приходѣ и расходѣ денегъ (т. LVI, стр. 541); о наблюденіи Сенату за недержаніемъ долговременно въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ колодниковъ (ib., стр. 599); о бытіи сенатскому экзекутору Елагину при Совѣтѣ (т. LXIII, стр. 45) „для взысканія по посланнымъ въ Сенатъ и коллегіи указамъ исполненія и репортовъ“ (ib., 94) и мн. другія.

съ „Должностью“, данною Екатериною I-ою 7 марта 1726 г., такъ и съ тѣми постановленіями „мнѣнія не въ указъ“ и указа 28 марта о формѣ сношеній Совѣта съ Сенатомъ, которыя касаются разбираемыхъ вопросовъ и которыя, явившись нѣсколько позднѣе послѣдней Должности“, дѣлаютъ въ ней нѣкоторыя исправленія. Сравнивая эти „Должности“ (1722 и 1726 г.г.), мы беремъ два основныхъ момента въ исторіи Сената, моментъ его окончательнаго сложенія при Петрѣ Великомъ и моментъ его перваго паденія послѣ Петра Великаго, что, конечно, дастъ намъ возможность ясно видѣть и различіе ихъ положенія.

Какъ въ „Должности“ 1722 г., такъ и въ „Должности“ 1726 г., хотя и говорится въ пунктѣ первомъ о составѣ Сената и лицахъ, могущихъ присутствовать въ его засѣданіяхъ, но въ содержаніи этихъ пунктовъ, однако, есть и различія: по Петровской „Должности“ Сенатъ состоитъ изъ „тайныхъ дѣйствительныхъ и тайныхъ совѣтниковъ“; по Екатерининской—изъ тѣхъ „знатныхъ и повѣренныхъ персонъ“, которымъ „отъ Насъ нынѣ и впредь повелѣно будетъ“. Различіе это вполнѣ объяснено уже въ указѣ 8 февраля, который составляетъ В. Т. Совѣтъ изъ „тайныхъ дѣйствительныхъ совѣтниковъ“ [1]). Несовсѣмъ понятно другое: Екатерининская „Должность“ Сенату, подобно Петровской, продолжаетъ еще нѣсколько разъ упоминать (п. 1, 3 и 8) о генералъ-прокурорѣ, хотя фактически Ягужинскій уже не отправляетъ своей должности ни въ Сенатѣ, ни въ Совѣтѣ, съ учрежденіемъ котораго, по вѣрному замѣчанію одного изъ современниковъ, „отъ его должности ему осталось одно только названіе“; затѣмъ вскорѣ и самъ Ягужинскій получаетъ другое назначеніе. Можно предположить, что Екатерина I, согласившись съ Меншиковымъ на исключеніе Ягужинскаго изъ числа членовъ вновь образованнаго Совѣта, не рѣшилась почему-либо вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожить его должности, которая, какъ извѣстно, и позднѣе de jure не была упразднена: найдено достаточнымъ просто не назначать на вакантную должность другого генералъ-прокурора [2]). Затѣмъ 2-ой пунктъ „Должности“ касается важнаго вопроса объ отношеніи Сената къ Совѣту. Сенатъ, по этому пункту, долженъ отправлять свои обязанности „со всякимъ прилежаніемъ

[1]) П. С. З., № 4830; ср. Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. LV, стр. 204.

[2]) См. А. Н. Филипповъ. Исторія Сената, стр. 159 и сл.

и ревностію по указамъ, Уложенію и государственнымъ правамъ, развѣ такое дѣло случится, на которое нѣтъ ясныхъ указовъ или какое новое и весьма важное, которое Нашему рѣшенію подлежитъ, о такомъ доносить Намъ въ В. Совѣтъ, представляя свое мнѣніе, и требовать резолюціи". Это опредѣленіе повторяется затѣмъ и въ пунктѣ 10-мъ „мнѣнія не въ указъ", съ тѣмъ, впрочемъ, важнымъ отличіемъ, что здѣсь подчеркивается, что „новыя подати, или иныя какія учрежденія имѣютъ быть опредѣлены въ В. Т. Совѣтѣ", т. е. Совѣтъ находитъ нужнымъ, хотя кратко, но оттѣнить свое значеніе, какъ верховнаго финансоваго учрежденія [1]). Эта особенность обращаетъ на себя вниманіе потому, что „Должность" попрежнему оставляетъ Сенатъ высшимъ ревизіоннымъ учрежденіемъ, которое должно „имѣть счетомъ въ полномъ вѣдѣніи" своемъ всѣхъ „генераловъ-кригсъ комиссаровъ, казначеевъ и цалмейстеровъ . . . такожъ и ревизіонъ-контору" (п. 13), что, въ дѣйствительности, скоро уничтожается [2]), такъ что и здѣсь „Должность" (какъ это надо отмѣтить по отношенію къ генералъ-прокурору и рекетмейстеру) утверждаетъ еще за Сенатомъ то, что, естественно, должно было затѣмъ выйти изъ его вѣдомства.

Новая „Должность" Сената говоритъ, наконецъ, о правахъ Сената по выборамъ разнаго рода лицъ на государственную службу. Такъ, по пункту 5-му, Сенатъ выбираетъ кандидатовъ на должности президентовъ, вице-президентовъ, совѣтниковъ „штатскихъ коллегій", представляя ихъ на утвержденіе Совѣта; по пункту 6-му — тоже постановлено относительно выбора кандидатовъ въ губернаторы, вице-губернаторы, оберъ-коменданты и коменданты, при чемъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, эти выборы должны производиться Сенатомъ по сношенію съ Военною коллегіею. Затѣмъ, тѣ-же пункты перечисляютъ рядъ должностей, которыя замѣщаются самимъ Сенатомъ безъ представленія Совѣту. Здѣсь также „Должность" 1726 г. не вполнѣ отвѣчаетъ дѣйствительности, повторяя, въ общемъ, постановленія „Должности" 1722 г. (п. 6). Такъ, напр., по пункту 6-му, Сенатъ „выбираетъ и объявляетъ" воеводъ въ провинціи; въ дѣйствительности-же выборы ихъ производились

[1]) „Мнѣніе не въ указъ" см. въ Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. LV, стр. 93 и сл.
[2]) См. А. Н. Филипповъ. Исторія Сената, стр. 163 и сл., примѣчанія.

въ Совѣтѣ, по особому порядку, имъ установленному. Такъ, далѣе, и въ отдѣльныхъ случаяхъ, когда Сенатъ по своей „Должности" имѣлъ самъ право на назначеніе того или другого лица на одну изъ указанныхъ въ пунктѣ шестомъ должностей, онъ представлялъ лишь своихъ кандидатовъ Совѣту: напр., въ іюлѣ мѣсяцѣ 1726 г. понадобилось назначить президента въ Курскій надворный судъ, что вполнѣ было во власти Сената: онъ, однако, обращается въ Совѣтъ „съ всеподданнѣйшимъ доношеніемъ", въ которомъ только указываетъ своего кандидата. Нечего говорить, конечно, что Сенату не принадлежитъ право баллотировки „въ вышніе чины", такъ какъ выборъ въ послѣдніе даже и по „Должности" принадлежитъ Совѣту (п. 5). Впрочемъ, многія изъ указанныхъ въ 6-мъ пунктѣ должностей исчезаютъ, такъ что, если сама „Должность" Сената 1726 г. быстро отживаетъ свой вѣкъ, то не менѣе быстро исчезаютъ упоминаемыя въ ней учрежденія и лица. Это приводитъ насъ опять-таки къ тому выводу, что преобразованія велись безъ намѣченнаго ранѣе плана, что, учреждая В. Т. Совѣтъ, не знали еще, какъ и куда направитъ онъ свою дѣятельность, что будетъ оставлено имъ въ дѣйствіи, и что исчезнетъ. Иначе, чѣмъ объяснить, что столь многое, о чемъ упоминается въ „Должности", какъ относительно Сената, такъ и другихъ учрежденій, такъ быстро исчезаетъ? Зачѣмъ было и издавать ее, когда столь скоро многое изъ упоминаемаго въ ней оказалось чѣмъ-то устарѣлымъ?

Но если, такимъ образомъ, новая „Должность" Сенату была уставомъ, частью повторявшимъ постановленія Петровской „Должности" 1722 года, безъ особаго вниманія къ тому, что совершалось кругомъ, то указъ 28 марта 1726 года о формѣ сношеній Совѣта съ Сенатомъ и коллегіями являлся естественнымъ дополненіемъ къ указу 8 февраля; впрочемъ, указъ 28 марта объявлялъ во всеобщее свѣдѣніе лишь то, что Совѣтъ самъ для себя выработалъ въ своемъ „мнѣніи не въ указъ"; поэтому въ немъ почти дословно говорится о сношеніяхъ Совѣта съ Сенатомъ то, что было установлено самимъ Совѣтомъ и затѣмъ утверждено Императрицею [1]). Такъ, говоря объ указахъ В. Т. Совѣта, состоявшихся „хотя въ присутствіи

[1]) А. Н. Филипповъ. Исторія Сената, стр. 165, прим. 23.

Ея Величества, хотя въ отсутствіи", указъ 8 февраля устанавливаетъ, что надлежитъ: „1) въ Сенатъ и во всѣ коллегіи и въ прочія мѣста, куды будетъ подлежать, посылать указы, съ такимъ изображеніемъ, въ заглавіи: Указъ Ея Императорскаго Величества, состоявшійся въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ (и именовать въ какое мѣсто, куда); 2) а изъ Сената и изъ другихъ всѣхъ коллегій писать, о чемъ самомъ важномъ случится, по сему: „доношеніе въ Верховный Тайный Совѣтъ"; 3) изъ Сенату же, въ военныя, сухопутную и морскую, и иностранную (коллегіи) и изъ оныхъ въ Сенатъ писать промеморіями", т. е. здѣсь, въ порядкѣ сношеній, Сенатъ уравнивается со всѣми прочими коллегіями [1]). Что-же касается указа отъ 28 марта, то въ немъ, во 1-хъ, вновь подчеркнуто, что В. Т. Совѣтъ есть Совѣтъ при особѣ Императрицы („въ которомъ Мы сами присутствуемъ и президентство имѣемъ"), сообразно съ чѣмъ все въ Совѣтѣ дѣлается именемъ Ея Величества, и всѣ „репорты, доношенія или представленія", идущіе въ Совѣтъ, поступаютъ на имя Императрицы („имѣютъ прямо на имя Наше писаны быть"), а, во 2-хъ, установлена форма указовъ, отправляемыхъ въ Сенатъ и другія коллегіи изъ Совѣта, какъ за подписью Государыни, такъ и безъ оной [2]). Указъ этотъ вполнѣ опредѣленно обрисовываетъ непосредственность отношеній Верховнаго Тайнаго Совѣта къ Верховной власти, а, слѣдовательно, и подчиненность Сената, поставленіе его въ одинъ рядъ съ прочими коллегіями, поскольку дѣло касалось его отношеній къ Совѣту, такъ какъ Совѣтъ одинаково всѣмъ имъ даетъ указы „именемъ Нашимъ" (т. е. Императрицы).

Переходя отъ обзора этихъ первоначальныхъ и вмѣстѣ важнѣйшихъ узаконеній, касавшихся Сената, къ послѣдующимъ, замѣтимъ, что изъ нихъ обращаютъ на себя вниманіе прежде всего мѣры, имѣвшія цѣлію развить въ подробностяхъ идею верховенства Совѣта въ области финансоваго

[1]) П. С. З., № 4830.

[2]) Указы, идущіе изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта въ Сенатъ и въ другія мѣста— „за собственною Нашею рукою"—начинаются такъ: „Божіею Милостію, Мы, Екатерина, Императрица и Самодержица Всероссійская и прочая и прочая и прочая"; „въ срединѣ, гдѣ пристойно и къ сенсу будетъ", т. е., гдѣ надо по смыслу, прибавляется въ указѣ выраженіе: „повелѣваемъ" (или, какъ часто встрѣчается еще „указали Мы",—„Е. И. В. указала" и т. п.); въ концѣ неизмѣнно ставится „данъ въ Нашемъ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ" (тогда-то); въ указахъ, „которые не будутъ за собственною Нашею рукою... по датумѣ будетъ писано: по Нашему указу".

управленія, чѣмъ подрывалось прежнее значеніе Сената; сдѣлать, далѣе, Совѣтъ сосредоточіемъ всѣхъ дѣлъ высшаго управленія.

Извѣстна роль Петровскаго Сената въ области верховнаго финансоваго управленія: Сенатъ долженъ былъ заботиться объ усиленіи средствъ государственнаго казначейства; онъ распоряжался доходами и расходами государства, являлся высшимъ органомъ контроля надъ приходомъ и расходомъ государственныхъ суммъ. Всѣ эти функціи Сената, естественно, переходятъ теперь къ Совѣту: уже указъ 15 іюля 1726 г. запрещаетъ чрезвычайные расходы безъ именного или совѣтскаго указа; указъ 4 января 1727 г. требуетъ подачи Сенатомъ въ Совѣтъ еженедѣльныхъ перечневыхъ вѣдомостей о движеніи государственныхъ доходовъ и расходовъ, конечно, для того, чтобъ Совѣтъ зналъ о состояніи государственнаго казначейства и могъ, сообразно съ этимъ, распоряжаться его суммами; наконецъ, указъ 24 февраля того же года, учреждая Ревизіонъ-коллегію, подчиняетъ ее Верховному Тайному Совѣту, требуя, чтобы „оная обо всемъ состояніи ея дѣлъ помѣсячно въ Верховный Тайный Совѣтъ репортовала“ [1]). Какъ извѣстно, въ 1722 году Петръ нашелъ, что „Ревизіонъ - коллегіи (надлежитъ) быть при Сенатѣ, понеже едино дѣло есть, что Сенатъ дѣлаетъ, и не разсмотря тогда учинено было“. Но Сенатъ, въ его многотрудной и разнообразной дѣятельности, повидимому, мало успѣвалъ въ этой контролирующей роли въ данной области, почему указомъ 7 іюля 1725 г. было вновь повелѣно: „Оберъ-ревизіонъ-контору учинить по прежнему коллегіею, дабы крѣпкое смотрѣніе было за приходами и расходами“. Съ учрежденіемъ В. Т. Совѣта, по новой „Должности“ Сената 1726 г., однако, было повелѣно „ревизіонъ-контору имѣть счетомъ въ полномъ вѣдѣніи въ Сенатѣ“, т. е. возстановленъ былъ вновь Петровскій порядокъ. Сенатъ, какъ это видно изъ его „доношенія“ Совѣту отъ 10 октября 1726 г., ничего не имѣя противъ этой важной обязанности, возложенной на него „Должностью“, представилъ, однако, Совѣту, что въ ревизіонъ-конторѣ въ данное время никого нѣтъ, кромѣ канцелярскихъ служителей (почему „взысканія счетовъ имѣть некому“)

[1]) П. С. З., №№ 4930, 4998, 5017, п. 9.

и что, не смотря на то, что по указу 1725 г. въ Ревизіонъ-коллегіи должны были быть особый президентъ, вице-президентъ и совѣтники, ихъ до сихъ поръ назначено не было, т. е., иначе говоря, фактически этой коллегіи не существовало вовсе. Представляя кандидатовъ для назначенія въ эту коллегію, Сенатъ всеподданнѣйше просилъ, „дабы, по силѣ указа (1725 г.), повелѣно было ревизіонъ-контору учинить коллегіею, дабы (она) надъ счетами и взысканіемъ имѣла прилежное смотрѣніе", повидимому, полагая, что это не поведетъ къ изъятію изъ его вѣдомства высшаго контроля надъ новою коллегіею, на что прямо указываетъ ссылка Сената, въ его доношеніи, на вышеприведенный 13 пунктъ его „Должности". Совѣтъ согласился съ Сенатомъ о необходимости возстановленія Ревизіонъ-коллегіи, добавивъ, однако, въ Именномъ указѣ 24 февраля 1727 г. (коимъ это возстановленіе было сдѣлано), что новая коллегія „репортуетъ" о состояніи своихъ дѣлъ прямо и непосредственно Совѣту. Знаменательно, что мотивъ, приведенный Совѣтомъ для оправданія этой мѣры, косвенно (и едва-ли несправедливо) осуждалъ предшествующую дѣятельность Сената, говоря, что „понеже ревизія неменьше, чѣмъ экономія (нужна), а у насъ только она именемъ, а въ самомъ дѣлѣ счету никогда не бывало и отъ того происходитъ, что и по сіе время нѣтъ совершеннаго извѣстія о приходѣ и расходѣ и объ остаткахъ; того ради учредить Ревизіонъ-коллегію"... [1]). Подчиняя ее непосредственно себѣ, Совѣтъ, несомнѣнно, надѣялся, что, подъ его главенствомъ, дѣла государственнаго контроля пойдутъ лучше; но эта надежда, однако, на дѣлѣ плохо оправдалась [2]).

Если указанныя мѣры, въ связи съ другими, сдѣлали, во всякомъ случаѣ, изъ Совѣта сосредоточіе всѣхъ дѣлъ высшаго финансоваго управленія, то другія, и изъ нихъ прежде всего уничтоженіе должностей генералъ-прокурора и генералъ-рекетмейстера, о чемъ мы будемъ имѣть случай говорить особо, продолжали разрушать прежнюю организацію Сената. Надо вообще замѣтить, что Совѣтъ былъ склоненъ, по разнымъ причинамъ, уменьшать штатъ Сената и уничтожать существующія при немъ учрежденія, безъ особенно внимательнаго изученія, насколько это вообще возможно

[1]) П. С. З., №№ 4753, 4847, п. 13; Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. LVI, стр. 554 и сл.; П. С. З., № 5017, п. 9.

[2]) См. А. Н. Филипповъ. Исторія Сената, стр. 170 и сл.

сдѣлать безъ ущерба для дѣла. Когда, напр., въ январѣ 1727 г. въ Совѣтѣ былъ поднятъ вопросъ о назначенiи „протекторомъ“ фабрикантовъ сенатора Новосильцева и соединенiи Мануфактуръ-коллегiи съ Комерцъ-коллегiею, то было найдено, что „для того конторѣ при Сенатѣ быть не для чего“, но Новосильцевъ можетъ о фабрикантахъ „старанiе имѣть какъ въ коллегiи (т. е. въ Комерцъ-коллегiи), такъ и въ Сенатѣ безъ особливой конторы“, обходясь при этомъ тѣми подьячими, которые есть налицо въ Сенатѣ; затѣмъ въ февралѣ послѣдовалъ указъ объ отдачѣ дѣлъ Мануфактуръ-коллегiи въ Комерцъ-коллегiю. Однако, уже въ мартѣ „усмотрѣно, что тѣмъ дѣламъ при Комерцъ-коллегiи быть неприлично“ и вновь повелѣно имъ быть „при Сенатѣ, впредь до опредѣленiя, въ вѣдомствѣ сенатора Новосильцева, и при той конторѣ оставить секретаря, да канцеляриста и 2-хъ копiистовъ, чтобы фабрики не пришли въ слабое состоянiе своимъ дѣйствомъ“. Впрочемъ, не далѣе, какъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ (а именно въ iюнѣ того-же года), эта, столь недавно уничтоженная, а затѣмъ вновь возстановленная, контора обращается уже къ Сенату съ заявленiемъ, что „тѣми служительми (ей) управиться невозможно“, и требуетъ къ нимъ „прибавки“. Изъ этого примѣра, какъ, впрочемъ, и изъ многихъ другихъ, ясно, что рѣшенiя Совѣта не всегда бывали достаточно хорошо продуманы; неудивительно поэтому, что ему приходилось, подъ давленiемъ необходимости, быстро отъ нихъ отказываться. Не говоря уже о томъ, что передача дѣлъ Мануфактуръ-коллегiи въ Комерцъ-коллегiю (къ чему Совѣтъ прибѣгнулъ въ интересахъ сокращенiя штатовъ) была мѣрою совершенно для дѣла непригодною, само соображенiе Совѣта о томъ, что мануфактурныя дѣла не нуждаются „въ особливой конторѣ“ при Сенатѣ, скоро оказалось неосновательнымъ, и Совѣтъ, поневолѣ, долженъ былъ возстановить ее. Между тѣмъ, несомнѣнно, что всѣ эти перемѣны, разрушая прежнюю организацiю учрежденiй, вообще, и Сената—въ частности, не могли содѣйствовать упорядоченiю государственнаго управленiя [1]).

Стремясь сдѣлаться сосредоточiемъ всѣхъ дѣлъ верховнаго управленiя, Совѣтъ заботился какъ о собранiи всякаго рода свѣдѣ-

---

[1]) Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. LXIII, стр. 51, 363, 656; П. С. З., № 4928.

ній, быстромъ полученіи отвѣтовъ на его указы, такъ и объ упорядоченіи способа сношеній его съ Сенатомъ и т. п. Такъ, уже 23 февраля 1726 г., Совѣтъ постановляетъ, что „ради скорости“ полученія „вѣдомостей“ изъ Сената и коллегій, по разнаго рода запросамъ, нѣтъ нужды посылать къ нимъ письменные указы, а достаточно призывать въ Совѣтъ изъ Сената и коллегій ихъ оберъ-секретарей и секретарей, приказывая имъ „на словахъ“ доставлять Совѣту тѣ или иныя свѣдѣнія. Эта мѣра, конечно, была разумна, и Совѣтъ заимствовалъ ее изъ практики Петровскаго Сената, также призывавшаго въ свою канцелярію разныхъ лицъ. Когда затѣмъ вскорѣ (а именно уже въ началѣ іюля мѣсяца) обнаружилось, что Сенатомъ „на многіе посланные изъ Совѣта къ нему указы репортовъ, какъ о полученіи оныхъ, такъ и о исполненіи по тѣмъ указамъ не подано“, то Совѣтъ потребовалъ отъ Сената объясненій по поводу этого замедленія, приказавъ въ то же время „чинить исполненіе немедленно“. При дальнѣйшемъ изслѣдованіи, однако, оказалось, что Сенатъ, какъ словесно доносилъ Совѣту одинъ изъ его членовъ, не виноватъ въ промедленіи, такъ какъ еще до полученія названнаго указа въ Совѣтъ „были приношены (репорты) не по одно время, токмо подать (ихъ) не успѣли“.

Система личныхъ сношеній съ учрежденіями, которую установилъ Совѣтъ, была, такимъ образомъ, ему не всегда подъ силу: принесенные „репорты“, по которымъ, обыкновенно, давались объясненія представителями тѣхъ или иныхъ учрежденій, не всегда попадали вовремя къ докладу. На это обратила вниманіе, въ одномъ изъ засѣданій Совѣта, сама Екатерина I, потребовавшая, „чтобы Совѣтомъ на сенатскія доношенія, какъ скоро можно, чинились резолюціи“. Совѣтъ оправдывался, во 1-хъ, тѣмъ, что важныя дѣла нельзя рѣшать „безъ всего собранія“ (а такое—не всегда могло состояться), а, во 2-хъ, тѣмъ, что Сенатъ подаетъ иногда „доношенія“ по такимъ предметамъ, на которые имѣются „точные указы“; ихъ приходится затѣмъ, по разсмотрѣніи, возвращать обратно, и, такимъ образомъ, въ теченіи дѣлъ происходитъ большое замедленіе. Вслѣдствіе этого, было предписано впредь такихъ доношеній отъ Сената не принимать. Однако, и это предписаніе нелегко было привести въ исполненіе, такъ какъ обнаружилось, что, когда сенаторы не дѣлаютъ лично докладовъ Совѣту по прине-

сеннымъ имъ доношеніямъ, они оставляютъ ихъ въ совѣтской канцеляріи, которая разсматриваетъ ихъ уже спустя долгое время послѣ подачи. Совѣтъ поэтому нашелъ, что на будущее время, при пріемѣ этихъ доношеній отъ сенаторовъ, долженъ находиться сенатскій оберъ-секретарь или секретарь; доношенія принимаются совѣтскимъ оберъ-секретаремъ Ан. Масловымъ, который просматриваетъ ихъ, и если-бы при этомъ оказывалось, что „которыхъ доношеній за чѣмъ принять не надлежитъ", то они должны были быть тотчасъ возвращены обратно сенатскому оберъ-секретарю или секретарю „съ расписками"; если дѣло касалось доношеній, на которыя имѣлись „точные указы", то изъ нихъ должны были дѣлаться Сенатомъ особые „экстракты", которые вмѣстѣ съ „ненадлежащими" доношеніями Сената, „по случаю" (т. е. при удобномъ случаѣ), могли затѣмъ подлежать всеподданнѣйшему докладу, съ цѣлію, конечно, болѣе строгаго надзора за дѣятельностью Сената.

Все разсказанное выше отлично рисуетъ тогдашніе порядки дѣлопроизводства: Сенатъ, несмотря на свое высокое положеніе, не знаетъ точно, когда онъ долженъ обращаться къ Совѣту; Совѣтъ занимается понапрасну разсмотрѣніемъ неподлежащихъ его вѣдомству дѣлъ; самый порядокъ сношеній устанавливается не сразу, а лишь черезъ пять мѣсяцевъ послѣ образованія Совѣта, именно съ 8 іюля 1726 г.[1]). Интересно также, что когда, по возбужденному Сенатомъ вопросу, долженъ-ли онъ „чинить исполненіе" только по именнымъ указамъ, объявленнымъ ему изъ Совѣта, или же долженъ также исполнять именные словесные указы, полученные „отъ разныхъ персонъ"—Совѣтъ Именнымъ указомъ 4 августа 1726 г. отвѣтилъ, чтобы „въ важныхъ дѣлахъ не вѣрили" словеснымъ указамъ, объявленнымъ „безъ подписанія Нашея собственныя руки, или всего В. Т. Совѣта", но позднѣе, однако, посылалъ указы въ Сенатъ не за подписью всего В. Т. Совѣта; сенаторы указывали на это Совѣту, и послѣдній временно соблюдалъ тогда законъ [2]).

Закончивъ обзоръ важнѣйшихъ мѣропріятій, касавшихся отношеній Сената къ В. Т. Совѣту, надо сказать, что частію путемъ

[1]) Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. LV, стр. 59, 396, 428, 403, 425.

[2]) Подробности по сему вопросу см. А. Н. Филипповъ. Исторія Сената, стр. 182 и сл.

указовъ, исходившихъ изъ Кабинета Императрицы, частію путемъ указовъ самого В. Т. Совѣта, удалось весьма быстро (едва въ какіе-нибудь пятнадцать мѣсяцевъ), безъ опредѣленнаго заранѣе и вполнѣ яснаго плана, разрушить прежнюю организацію Сената: компетенція его была сведена къ наименѣе важнымъ дѣламъ управленія, его учрежденія частію были уничтожены, частію искалѣчены, его общее значеніе было сильно подорвано законодательствомъ Совѣта. У Сената, впрочемъ,—какъ это увидимъ дальше—оставалось еще обширное поле для дѣятельности (хотя и подъ верховенствомъ другого учрежденія), что уже само по себѣ указываетъ ясно на необходимость его существованія. Вообще преобразованіе прежняго положенія Сената въ государствѣ, а, слѣдовательно, и организація его отношеній къ В. Т. Совѣту велись безпорядочно, съ постоянными отступленіями и колебаніями, безъ достаточнаго уваженія къ закону. Сенатъ, напр., долженъ былъ настаивать передъ Совѣтомъ на исполненіи указа 4 августа; къ концу царствованія Екатерины, Совѣтъ былъ, хотя временно, принужденъ уступить его требованію. Но едва умираетъ Императрица, какъ Совѣтъ, безъ всякаго уже стѣсненія, пользуясь малолѣтствомъ Петра II, здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, вообще измѣняетъ только-что установившійся порядокъ: уже 12 мая 1727 г., едва проходитъ недѣля послѣ кончины Екатерины, въ Совѣтѣ ставится вновь вопросъ о томъ, должны-ли отправляемые изъ Совѣта указы подписывать всѣ присутствующіе, или, „по прежнему учрежденію“, лишь одинъ Степановъ; „повелѣли“, конечно, послѣднее, какъ болѣе удобное для Совѣта, нисколько не стѣсняясь ни указомъ 4 августа, ни его позднѣйшимъ подтвержденіемъ со стороны Императрицы [1]).

Царствованіе Петра II вообще давало больше простора самостоятельнымъ дѣйствіямъ Совѣта. Что же касается Сената, то его преобразованіе, собственно говоря, заканчивается въ цѣломъ уже въ первое царствованіе; второе только развиваетъ и дополняетъ въ подробностяхъ ту основную идею верховнаго господства и „генеральнаго управленія и надзиранія“ Совѣта за всѣмъ, на которой строилось это преобразованіе въ Екате-

[1]) Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. LXIII стр. 481.

рининское царствованіе. Частію это объясняется тѣмъ, что сама идея эта,—по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ проводилъ ее на практикѣ Совѣтъ,—была столь несложна, что для ея осуществленія, по отношенію къ Сенату, достаточно было одного краткаго царствованія, при условіи, конечно, полнаго согласія на это осуществленіе со стороны носительницы Верховной власти; частію это объяснялось уже обстоятельствами самаго царствованія Петра II. Притомъ Сенатъ теперь былъ учрежденіемъ съ совершенно подорваннымъ значеніемъ. Онъ продолжалъ, конечно, и теперь, еще, наряду съ другими учрежденіями, испытывать на себѣ власть Совѣта, но Совѣтъ могъ спокойнѣе, чѣмъ прежде, относиться къ Сенату. Это сказывается какъ въ томъ, что Совѣтъ болѣе охотно, чѣмъ прежде, отдаетъ теперь на обсужденіе, или даже рѣшеніе, Сената различные вопросы, такъ и въ томъ, что онъ готовъ въ это время идти иногда даже на расширеніе его компетенціи. Объясненіе этого лежитъ, между прочимъ, въ томъ, что Совѣтъ, уничтожая одни учрежденія (какъ, напр., Кабинетъ, преображенскую канцелярію), или, болѣе чѣмъ прежде, подчиняя себѣ другія (какъ, напр., Военную или Адмиралтейскую коллегіи), нуждался въ установленіи, которому онъ могъ-бы передать часть дѣлъ для обсужденія или даже рѣшенія,—въ тѣхъ случаяхъ, конечно, когда такая передача казалась самому Совѣту возможною и удобною. Совѣтъ, передавая изъ громадной массы дѣлъ, постепенно входившихъ въ кругъ его вѣдомства, тѣ или иныя дѣла Сенату и расширяя черезъ это компетенцію послѣдняго, не рисковалъ, конечно, ничѣмъ, такъ какъ въ его власти была постоянная возможность взять ихъ обратно. Эти уступки Сенату только еще рельефнѣе оттѣняли верховное положеніе одного учрежденія по отношенію къ другому, давая, вмѣстѣ съ тѣмъ, Совѣту выходъ изъ затрудненія, которое, естественно, являлось у него, вслѣдствіе все бо́льшаго и бо́льшаго скопленія, подъ его вѣдомствомъ, разнообразныхъ дѣлъ верховнаго управленія. Мы коснемся распоряженій Совѣта о компетенціи Сената въ главѣ о кругѣ его вѣдомства.

Касаясь отношенія Сената къ В. Т. Совѣту, нельзя не остановиться на тѣхъ внѣшнихъ формахъ сношеній, какія установились на практикѣ. Мы уже указывали, что Совѣтъ вообще развивалъ систему личныхъ сношеній съ тѣми или иными ли-

цами и учрежденіями. Сенатъ, конечно, чаще другихъ долженъ былъ входить въ сношенія съ Совѣтомъ, обычно, путемъ доклада однимъ или нѣсколькими его членами тѣхъ или иныхъ „доношеній“, справокъ и т. д. Первоначально, когда вновь учрежденный Совѣтъ только-что началъ дѣйствовать, въ засѣданія его допускались сенаторы, являвшіеся съ докладами по тому или иному дѣлу; они присутствовали при преніяхъ и даже, кажется, вліяли своимъ присутствіемъ на рѣшенія Совѣта, пока 28 марта герцогъ Голштинскій не сдѣлалъ предложенія о недопущеніи этого впредь, чтó и было единогласно принято Совѣтомъ [1]). Затѣмъ, согласно этому рѣшенію, установился такой порядокъ: „сенаторы приходятъ сами“ въ Совѣтъ и подаютъ свои „доношенія“, послѣ чего „ихъ отпущаютъ“, приступая къ разсмотрѣнію этихъ „доношеній“ лишь позднѣе, когда оказывается это удобнымъ, по ходу занятій. Указомъ 8 іюля 1726 г. этотъ порядокъ былъ нѣсколько измѣненъ: Совѣтъ сталъ требовать, чтобы при сенаторахъ, во время подачи ими доношеній, находился оберъ-секретарь или секретарь (объ основаніяхъ этого требованія было говорено выше). Но сенаторы являлись въ Совѣтъ не только для подачи письменныхъ доношеній, а и для дачи словесныхъ объясненій, обычно, въ тѣхъ случаяхъ, когда, получивъ какіе-либо запрсы отъ Совѣта, они находили для себя удобнымъ дать словесное объясненіе. Случалось, что они приносили свои доношенія „не по одно время“, но или не успѣвали „подать“ ихъ, или получали отъ Совѣта повелѣніе явиться, для выслушанія его рѣшенія, въ другой разъ. Вообще, Совѣтъ, въ качествѣ верховнаго учрежденія, относился къ членамъ Се-

[1]) Въ журналѣ этого засѣданія читаемъ, что были „допущены господа сенаторы (такіе-то) и оберъ-прокуроръ Бибиковъ съ доношеніями и тѣмъ доношеніямъ слушанъ реестръ“: но еще „до впущенія тѣхъ сенаторовъ, Его Королевское Высочество изволилъ объявить мнѣніе свое, что, когда въ В. Т. Совѣтъ приходить будутъ сенаторы съ дѣлами, то-бъ при нихъ тѣхъ дѣлъ не читать и объ нихъ не разсуждать, дабы они того, что В. Т. Совѣтъ разсуждать станутъ, прежде времени не вѣдали; но, принимая-бъ у нихъ доношенія о дѣлахъ, ихъ отпускать, и тѣ дѣла слушать безъ нихъ, и потомъ, когда потребно будетъ, оныхъ призывать, на что всѣ согласились и по сему поступать опредѣлили“ (Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. LV, стр. 144 и сл.). Вообще-же журнальныя записи Совѣта, отмѣчая случаи присутствія сенаторовъ въ засѣданіяхъ Совѣта,—какъ это видно, между прочимъ, и изъ вышеуказаннаго заявленія герцога Голштинскаго,—не говорятъ ничего почти о ихъ роли въ засѣданіяхъ Совѣта; по одной изъ записей, однако, можно заключить о нѣкоторомъ ихъ вліяніи на рѣшенія Совѣта; именно, Совѣтъ, выслушавъ объясненіе сенаторовъ, нашелъ необходимымъ послѣ этого отложить свое рѣшеніе до слѣдующаго засѣданія (ib., стр. 87, 92 и сл.).

подъ сія почты, а изъ Сената в нашъ Верховный Тайный совѣтъ подавать краткіе репорты по вся недѣли; а напослѣдъ для всенароднаго извѣстия манифестъ публиковать, и присягу учинить надлежитъ, тому при семъ прилагается печатныхъ два листа и повелѣваемъ нашему Сенату учинить о томъ по сему нашему указу; данъ в нашемъ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ мая 8 дня 1727 года; [illegible]

Анна

Елисаветъ

Карлъ Фридерихъ

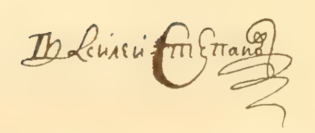
[illegible]

[illegible]

Генералъ Адмиралъ Графъ Апраксинъ

Канцлеръ Графъ Головкинъ

[illegible]

Указъ Сенату отъ 8-го мая 1726 г. за подписями Императора Петра II и дочерей Петра Великаго Анны и Елисаветы о восшествіи на престолъ Петра II.

ната такъ, какъ находилъ это для себя болѣе удобнымъ, мало стѣсняясь формальностями. Онъ принималъ отъ нихъ одни доношенія и отсылалъ обратно—другія; онъ отдавалъ сенаторамъ, являвшимся въ Совѣтъ, частныя челобитья „для указнаго и скораго рѣшенія", приказывалъ исполнять свои указы въ томъ видѣ, въ какомъ онъ ихъ давалъ, не взирая на возраженія Сената, давалъ предписанія сенаторамъ подать свое мнѣніе, предварительно „призвавъ (въ Сенатъ) Комерцъ-коллегію и магистратъ", для общаго обсужденія даннаго вопроса и т. д. [1]).

Такъ складывались отношенія Сената къ Совѣту въ первый годъ созданія послѣдняго. Еще недавно всесильный Сенатъ, даже внѣшне, по формѣ сношеній сошелъ теперь на степень второстепенной коллегіи: сенаторы ждутъ, когда ихъ „допустятъ" до верховнаго учрежденія; нерѣдко, прождавши понапрасну, они уходятъ, не получивъ отвѣта на свои „доношенія"; иногда Совѣтъ не находитъ нужнымъ ихъ тотчасъ разсматривать, и Сенатъ по нѣскольку разъ, въ явный ущербъ своему дѣлопроизводству, обращается къ Совѣту вторично и т. д., ждетъ его рѣшеній и не можетъ ихъ дождаться. Недопущеніе сенаторовъ, хотя бы, съ правомъ совѣщательнаго голоса, повидимому, представляло извѣстныя неудобства, почему въ одномъ изъ важнѣйшихъ указовъ эпохи,—именно въ указѣ отъ 9 января 1727 г. „объ улучшеніи внутреннихъ дѣлъ государства",—мы находимъ, между прочимъ, такое именное повелѣніе: „какъ для сихъ (а именно для дѣлъ по организаціи государственнаго контроля), такъ и прочихъ случающихся важныхъ дѣлъ призывать въ В. Т. Совѣтъ, по однова или по дважды въ недѣлю, для совѣту сенаторей; тако-жъ изъ духовной, воинскихъ и штатскихъ коллегій президентовъ, вице-президентовъ и совѣтниковъ, смотря по случаю и важности дѣла, что до того принадлежитъ. И чтобы всѣ помянутыя дѣла съ наилучшимъ порядкомъ и (къ) пользѣ Нашей и государственной отправлены быть могли, того ради при томъ Всемилостивѣйше повелѣваемъ и подтверждаемъ, дабы, оставя всѣ партикулярныя страсти и несогласія, ради общаго благопо-

[1]) Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. LV, стр. 93, т. LVI, стр. 537, т. LV, стр. 87, 92, 378, 429; т. LVI, стр. 513, т. LXIII, стр. 480, т. LVI, стр. 311.

лучія государства, со всякимъ вѣрнымъ сердцемъ, по чистой совѣсти, крѣпко за тѣ дѣла приняться и прилежать неусыпно" [1]). „Партикулярныя страсти", о которыхъ говоритъ Именной указъ, давали себя знать въ это время борьбою въ самомъ Совѣтѣ Меншикова съ герцогомъ Голштинскимъ и другими; онѣ-же, конечно, вліяли на отношенія Совѣта къ наиболѣе близкой, хотя и подчиненной ему коллегіи Сенату. Екатерина пытается измѣнить это отношеніе, категорически настаивая на постоянномъ призывѣ сенаторовъ „для совѣту" въ В. Т. Совѣтъ; но нѣсколько мѣсяцевъ, протекшихъ со времени изданія этого указа до смерти Императрицы, были, конечно, недостаточны, чтобы эта попытка могла осуществиться въ сколько-нибудь широкихъ размѣрахъ [2]). Въ царствованіе Петра II характеръ подчиненія Сената Совѣту проявляется въ болѣе рѣзкихъ формахъ, чѣмъ при Екатеринѣ I [3]). О „совѣтахъ" съ сенаторами нѣтъ и рѣчи, раздаются лишь категорическія приказанія сдѣлать то или то, съ повелѣніемъ удерживать жалованье у сенаторовъ наравнѣ съ членами прочихъ неисправныхъ коллегій. Затѣмъ канцелярія Сената ближе соединяется и болѣе, чѣмъ прежде, подчиняется канцеляріи Совѣта.

Если сенаторы являются съ доношеніями въ Совѣтъ, если сенатскіе секретари постоянно должны быть на службѣ у Совѣта и дѣйствовать „по приказамъ" его оберъ-секретаря, то неудивительно встрѣтить, конечно, такую запись въ подлинныхъ протоколахъ Сената: 1729 г., августа 11, оберъ-прокуроръ Воейковъ, „въ Сенатѣ словесно объявилъ, что онъ по приказу ихъ, Высокаго Сената, къ присутствующимъ В. Т. Совѣта министрамъ на дворы ѣздилъ и докладывалъ о казенныхъ товарахъ, о поташѣ, смольчугѣ и трескѣ, порознь въ домѣхъ . . . и по тому докладу изволили приказать о продажѣ или отсылкѣ за море въ комиссію тѣхъ казенныхъ товаровъ опредѣленіе учинить Сенату, усмотря какъ лучше, безъ упущенія времени, понеже-де и такъ безъ опредѣленія продолжилось" . . . . [4]). На этой записи, между прочимъ, наглядно видно, какъ измѣнилось, даже внѣшне, положеніе Сената и свя-

[1]) Сб. отд. рус. яз. и слов. Имп. Академіи наукъ, т. IX, стр. 97 и сл.
[2]) Примѣры ея осуществленія см. А. Н. Филипповъ. Исторія Сената, стр. 209.
[3]) Ibidem, стр. 211 и сл.
[4]) М. А. М. Ю., кн. 112/1993, л. 75 и сл.

занныхъ съ нимъ органовъ: генералъ-прокуроръ, этотъ могущественнѣйшій „чинъ“ Имперіи, это „око Государево“ замѣняется при Сенатѣ теперь оберъ-прокуроромъ. Послѣдній почтительнѣйше докладываетъ, ѣздя „на дворы“, министрамъ Верховнаго Тайнаго Совѣта сенатскія дѣла; Совѣтъ отдаетъ ему свои приказанія для передачи Сенату и т. д. Отъ величія прежняго Сената, съ его высокопоставленными генералъ-прокуроромъ, генералъ-рекетмейстеромъ и пр., остается лишь тѣнь...

Ковчегъ печати времени
Екатерины I.

ГЛАВА III.

Устройство и дѣлопроизводство Высокаго Сената.

I. Составъ Сената; назначенія сенаторовъ. II. Свѣдѣнія о службѣ лицъ, назначавшихся сенаторами. III. Вопросъ о жалованьѣ сенаторовъ. IV. Канцелярія Высокаго Сената. V. Сенатская контора. VI. Дѣлопроизводство Высокаго Сената.

I. Составъ Сената: назначенія сенаторовъ.

акъ уже указывалось нами, однимъ изъ мотивовъ учрежденія В. Т. Совѣта была необходимость формальнаго выдѣленія изъ общаго состава прежняго Сената „первыхъ сенаторовъ", или „первыхъ министровъ", имѣвшихъ и „кромѣ сенатскаго правленія" немало обязанностей, и образованіе въ немъ особаго состава такихъ сенаторовъ, „которые всегда при одномъ сенатскомъ правленіи будутъ" [1]). Поэтому, вполнѣ понятно, что, непосредственно послѣ образованія изъ этихъ „первыхъ сенаторовъ" В. Т. Совѣта, послѣдовало назначеніе новыхъ постоянныхъ членовъ Сената. Такими членами были первоначально опредѣлены Антонъ Эммануиловичъ Девіеръ, Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ, кн. Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій, кн. Алексѣй Михайловичъ Черкасскій, Андрей Ивановичъ Ушаковъ, кн. Григорій Дмитріевичъ Юсуповъ, Иванъ Ильичъ Дмитріевъ-Мамоновъ и Семенъ Андреевичъ Салтыковъ [2]). Затѣмъ, указомъ 23 марта того-же года были назначены Васи-

[1]) П. С. З., № 4870.

[2]) См. А. Н. Филипповъ. Исторія Сената, стр. 226, прим. 1.

лій Яковлевичъ Новосильцевъ и Юрій Степановичъ Нелединскій-Мелецкой, указомъ 15 іюня Өедоръ Васильевичъ Наумовъ [1]). Изъ Петровскихъ сенаторовъ, не вошедшихъ въ составъ вновь созданнаго Совѣта, одинъ—именно гр. И. А. Мусинъ-Пушкинъ—остается до конца изучаемой эпохи въ Москвѣ членомъ Сенатской конторы; другой—гр. А. А. Матвѣевъ—получаетъ теперь новое назначеніе. Такимъ образомъ, преобразованный Сенатъ состоитъ первоначально изъ одиннадцати „присутствующихъ персонъ"—число вполнѣ достаточное, если принять во вниманіе, что значительное количество дѣлъ, вѣдавшихся Сенатомъ при Петрѣ Великомъ, отошло теперь къ Совѣту, и если вспомнить, что и Петровскій Сенатъ рѣдко состоялъ изъ бóльшаго числа. Указанный составъ, впрочемъ, оставался безъ измѣненія лишь недолго. По разнымъ причинамъ, но сенаторы выбывали изъ состава учрежденія довольно быстро и уже въ приговорѣ Сената отъ 8 мая 1728 г. (т. е. всего черезъ два года и три мѣсяца послѣ указа о новомъ составѣ Сената изъ 11 персонъ) читаемъ, что въ Сенатѣ „приказали въ В. Т. Совѣтъ подать доношеніе, что прежде сего въ Сенатѣ въ присутствіи было 9 персонъ, а нынѣ засѣданіе имѣютъ токмо три персоны, а въ Сенатѣ имѣются дѣла переносныя изъ коллегій неправовершеныя, по которымъ изъ тѣхъ трехъ персонъ объявляютъ свойство съ челобитчики и другія законныя причины; а по указу 714 г. велѣно дѣла слушать и рѣшить не меньше 3-хъ персонъ; и по силѣ того указу оставшимся 2-мъ персонамъ тѣхъ переносныхъ дѣлъ слушать и рѣшать немочно; того ради, дабы челобитчикамъ волокиты, а въ дѣлахъ остановки не было, не соизволитъ-ли В. Т. Совѣтъ, для слушанія и рѣшенія таковыхъ дѣлъ, призывать въ Сенатъ коллежскихъ президентовъ, опричь тѣхъ коллегій президентовъ, которыхъ переносныя дѣла прежде рѣшили, и требовать резолюціи" [2]). В. Т. Совѣтъ въ царствованіе Екатерины, самъ проектировавшій подобную мѣру, нашелъ теперь возможнымъ увеличить составъ Сената назначеніемъ сначала четырехъ новыхъ,—а затѣмъ позднѣе и еще одного—

[1]) Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. LV, стр. 134, 362.

[2]) М. А. М. Ю., кн. 97/1978, л. 27; о перемѣнахъ въ составѣ сенаторовъ см. А. Н. Филипповъ. Исторія Сената, стр. 227 и сл.

сенаторовъ [1]): нуждаясь въ дѣятельномъ, хотя и покорномъ помощникѣ, Совѣтъ долженъ былъ озаботиться увеличеніемъ его рабочихъ силъ, тѣмъ болѣе, что теперь не было уже мѣста для ревниваго отношенія къ Сенату, какъ со стороны всего Совѣта, такъ и его отдѣльныхъ членовъ. Замѣтимъ кстати, что несмотря на то, что Совѣтъ, послѣ указаннаго ходатайства Сената, увеличилъ его составъ, послѣдній иногда всетаки оказывался недостаточнымъ для рѣшенія дѣлъ, какъ это видно изъ архивныхъ данныхъ.

Несомнѣнно, что Сенатъ —какъ это было еще при Петрѣ, часто засѣдалъ не въ полномъ своемъ составѣ, такъ какъ сенаторы, частію по нерадѣнію, частію по обремененію ихъ разными порученіями и другимъ причинамъ, не бывали въ Сенатѣ [2]). Во всякомъ случаѣ указанными назначеніями заканчивается, для изучаемаго времени, увеличеніе состава Сената, и послѣдній остается почти безъ всякихъ перемѣнъ (выходитъ только изъ Сената Нелединскій-Мелецкой) до воцаренія Анны Іоанновны, когда, съ возстановленіемъ Правительствующаго Сената, составъ его значительно увеличивается, при чемъ въ число членовъ Сената частію входятъ лица, выбывшія изъ его состава въ предшествующее царствованіе (а именно, А. И. Ушаковъ, Г. Д. Юсуповъ, С. А. Салтыковъ). Такимъ образомъ, съ мая 1728 г. Сенатъ состоитъ сначала изъ 8, а затѣмъ изъ 9-ти членовъ. Лица, опредѣленныя сенаторами, не всегда могли бывать на его засѣданіяхъ непосредственно по своемъ назначеніи; такъ, напр., И. Г. Головкинъ появляется въ Сенатѣ лишь 23 января 1730 г., что объясняется, конечно, тѣмъ, что Головкинъ былъ назначенъ сенаторомъ, будучи нашимъ „полномочнымъ министромъ“ въ Голландіи, откуда и не могъ скоро вернуться; позднее появленіе въ Сенатѣ, послѣ своего назначенія, И. И. Шереметева объясняется, кажется, его болѣзнію, вслѣдствіе которой онъ былъ ранѣе уволенъ въ Москву на жительство, впредь до выздоровленія.

Исполненіе сенаторами, кромѣ ихъ прямыхъ обязанностей, всякаго рода порученій и должностей, кромѣ возможныхъ

[1]) На основаніи Высочайше утвержденныхъ пунктовъ отъ 17 мая 1728 г. въ Сенатъ назначены т. с. И. Г. Головкинъ, кн. М. М. Голицынъ, А. А. Плещеевъ и д. ст. с. И. П. Шереметевъ (Арх. Сен., Указы и протоколы В. Т. С., кн. В., л. 328); 4 сентября того же года сенаторомъ назначенъ кн. Ив. Гр. Долгорукій (ib., л. 655).

[2]) См. А. Н. Филипповъ. Исторія Сената, стр. 200 и сл.

случаевъ болѣзни, нерадѣнія по службѣ и т. п., приводитъ въ концѣ концовъ къ тому, что все бремя сенатскаго правленія выносилось на плечахъ 4—5 лицъ, распредѣляясь, сообразно съ измѣненіями въ составѣ Сената, различно въ то и другое царствованіе. Такъ, если при Екатеринѣ I, Дмитріевъ-Мамоновъ, Салтыковъ, Девіеръ, кн. Долгорукій, Новосильцевъ, Нелединскій-Мелецкой и Наумовъ, обычно составляютъ присутствіе Сената, то, при Петрѣ II, съ іюля 1727 г., до назначенія новыхъ сенаторовъ въ маѣ 1728 г., присутствіе Сената образуется лишь изъ Дмитріева-Мамонова, Новосильцева, Салтыкова, Черкасскаго и Нелединскаго-Мелецкого; съ сентября 1727 г. выбываетъ Салтыковъ, и наступаетъ время наименѣе посѣщаемыхъ собраній Сената. Затѣмъ, съ іюня 1728 г. въ Сенатѣ не присутствуетъ Нелединскій-Мелецкой, и съ этого времени до конца изучаемой эпохи, Дмитріевъ-Мамоновъ, Черкасскій, Новосильцевъ, Плещеевъ, Голицынъ,—позднѣе Шереметевъ и И. Гр. Долгорукій, -образуютъ полное присутствіе Сената. Характерно здѣсь отмѣтить, во 1-хъ, что начало и конецъ изучаемаго періода существованія Сената знаменуется болѣе усерднымъ посѣщеніемъ членами его засѣданій и что, во 2-хъ, во весь этотъ періодъ были члены, непрерывно несшіе на себѣ тяжесть сложнаго сенатскаго правленія. Ихъ было немного, конечно, а именно всего трое (Дмитріевъ-Мамоновъ, Новосильцевъ, Черкасскій), но они, присутствуя почти постоянно въ засѣданіяхъ Сената, составляли собою какъ-бы ядро его [1]).

Какъ это само собою понятно, сенаторы въ эпоху правленія В. Т. Совѣта, въ общемъ, не были, да и не могли быть, „первыми персонами“ времени, ни по своему служебному и общественному положенію, ни по своему значенію и дарованіямъ. По служебному значенію, это лица третьяго и четвертаго класса,—подобно президентамъ коллегіи,—тогда какъ члены Совѣта принадлежатъ къ особамъ первыхъ двухъ классовъ [2]), при чемъ,

[1]) А. Н. Филипповъ. Исторія Сената, стр. 231 и сл.

[2]) См., напр., Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. LXIX, стр. 605 и сл. Въ цитируемомъ протоколѣ Совѣта помѣщенъ списокъ присутствующихъ въ Совѣтѣ, Сенатѣ и 4-хъ коллегіяхъ лицъ, съ подраздѣленіемъ ихъ по классамъ; дополняя его по отношенію къ другимъ, не упомянутымъ здѣсь сенаторамъ, укажемъ здѣсь на челобитье Совѣту сенатора, кн. Ив. Гр. Долгорукаго, который, прося о жалованьѣ, между прочимъ, указываетъ на то, что всѣ сенаторы, которые обрѣтаются у дѣлъ вмѣстѣ съ нимъ, „имѣютъ чины тайныхъ совѣтниковъ и статскихъ дѣйствительныхъ совѣтниковъ“ (ibid., т. LXXXIV, стр. 712); ср. еще запросъ

по указу 26 февраля 1728 г., дѣйствительные тайные совѣтники, присутствующіе въ Совѣтѣ, кромѣ того, „имѣютъ первенство передъ полными генералами по жизнь свою“, тогда какъ прочіе (т. е. лица, которыя не состоятъ членами Совѣта) имѣютъ съ ними „мѣсто и предсѣданіе по старшинству“, т. е., иначе

Кн. А. М. Черкасскій.

говоря, сенаторъ, если-бы онъ и былъ „полнымъ генераломъ“, стоялъ-бы всетаки ниже члена Совѣта; это чисто внѣшнее различіе между членами Совѣта и Сената должно было обозначать ту глубокую внутреннюю разницу, которая, естественно, существовала между членами верховнаго и подчиненнаго учрежденія.

гр. Матвѣева о рангахъ сенаторовъ, сдѣланный имъ Кабинету (ibid., т. LV, стр. 204); въ случаѣ назначенія сенаторами лицъ V класса, они весьма скоро производились въ слѣдующій чинъ (см., напр., о Нелединскомъ и Наумовѣ, ibidem, т. LXIII, стр. 363, П. С. З., № 5245).

II. Свѣдѣнія о службѣ лицъ, назначавшихся сенаторами.

Любопытно также, для оцѣнки служебнаго положенія сенаторовъ, прослѣдить, изъ какого рода должностей непосредственно могли назначаться тѣ или иныя лица членами Сената и на какія должности они поступали по выбытіи изъ него? Конечно, свѣдѣнія, сюда относящіяся, не могутъ имѣть вполнѣ рѣшающаго значенія для сужденія о значеніи должности сенатора, такъ какъ нѣкоторыя назначенія могли быть результатомъ личныхъ счетовъ партій (каковы, напр., назначенія кн. А. Г. Долгорукаго, И. Гр. Долгорукаго, кн. М. М. Голицына и др.) и иныхъ соображеній; но, въ общемъ, эти свѣдѣнія не лишены важности, какъ показатели взглядовъ эпохи на данный вопросъ. Наиболѣе пригодными кандидатами въ сенаторы, по этимъ взглядамъ, считались президенты коллегій и губернаторы; изъ сенаторовъ-же назначали губернаторами, или давали разнообразныя порученія, требовавшія большихъ знаній и опытности. Такъ было при Петрѣ Великомъ и послѣ Него, не только въ изучаемую нами эпоху, но и гораздо позднѣе. Въ виду той связи, какая существовала между Сенатомъ и коллегіями съ одной стороны, и Сенатомъ и мѣстными правительственными учрежденіями –съ другой, нельзя не признать, что вышеуказанные кандидаты, говоря вообще, были, дѣйствительно, наиболѣе пригодными съ точки зрѣнія служебной опытности [1]). Далѣе, Сенатъ, въ качествѣ коллегіи, хотя и подчиненной, но все же ближайшей къ Совѣту, долженъ былъ, конечно, привлекать къ себѣ не только дѣльцовъ, но и людей знатныхъ по своему происхожденію и связямъ, людей, которые еще не попали въ „первыя персоны“ государственнаго управленія, но которые могли на это, рано или поздно, расчитывать. Таковы были представители двухъ правящихъ фамилій эпохи –кн. А. Г. Долгорукій, И. Г. Долгорукій и кн. М. М. Голицынъ (младшій). Первый, отецъ извѣстнаго любимца Петра II, Ивана Ал. Долго-

[1]) Примѣры указаны у А. Н. Филиппова. Исторія Сената, стр. 233.

рукаго, „всѣмъ былъ обязанъ приближенію, фавору", какъ замѣчаетъ С. М. Соловьевъ; второй сынъ Петровскаго сенатора и посланника Россіи въ Польшѣ, Гр. Ѳ. Долгорукаго родству; предшествовавшая административная карьера того и другого едва-ли давала право на сенаторское званіе; но для нихъ оно могло быть лишь необходимою ступенью для перехода въ члены Совѣта [1]).

Кн. В. Л. Долгорукій.

Надо вообще замѣтить, что, если сенаторамъ того времени нельзя отказать въ большой служебной опытности, то, во всякомъ случаѣ, въ цѣломъ, составъ сенатскаго присутствія не блещетъ особо-выдающимися именами, оставившими какой-либо замѣтный слѣдъ въ исторіи. Измѣненіе во внѣшнемъ положеніи учрежденія въ государствѣ отражается властно на измѣненіи его состава. При Петрѣ Великомъ, когда Сенатъ стоялъ такъ высоко, онъ вмѣщалъ, время отъ времени, въ себѣ весьма много лицъ, особенно почему-либо выдавшихся на государственно-общественномъ служеніи отечеству: часть

[1]) См. А. Н. Филипповъ. Исторія Сената, стр. 234 и сл.

этихъ лицъ вошла потомъ въ число членовъ новаго Верховнаго Тайнаго Совѣта, замѣнившаго Сенатъ въ качествѣ верховнаго учрежденія Имперіи; но, кромѣ этихъ лицъ, въ составъ Петровскаго Сената входили такія лица, какъ Я. В. Брюсъ, П. П. Шафировъ, Я. Ф. Долгорукій, В. Л. Долгорукій и др., не говоря уже о томъ, что генералъ-прокуроромъ Сената являлся тогда, какъ извѣстно, столь энергичный и выдающійся человѣкъ, какъ П. И. Ягужинскій. При Аннѣ Іоанновнѣ, когда Манифестомъ 4 марта 1730 г. Сенатъ былъ временно возстановленъ, онъ не только количественно,—состоя изъ 21 члена,—превосходилъ Сенатъ предшествующей эпохи паденія, но и качественно, по своему составу, вмѣщалъ въ себѣ не только многихъ, прежде-бывшихъ въ немъ лицъ, но и знаменитыхъ членовъ уничтоженнаго В. Т. Совѣта; въ него-же вошли П. И. Ягужинскій, ген.-фельдмаршалъ кн. И. Ю. Трубецкой, Г. П. Чернышевъ и др. Если для „министровъ Тайнаго Совѣта" обратное возвращеніе въ столь униженный ими Сенатъ не могло казаться особенно лестнымъ (тѣмъ болѣе, что возстановленный Сенатъ скоро долженъ былъ уступить свою первенствующую роль новому учрежденію -Кабинету), то для Сената это количественное и качественное увеличеніе его силъ, хотя бы и временно, не означало во всякомъ случаѣ ничего иного, какъ усиленія его общаго значенія.

Какъ извѣстно, „Должность" Сената 1722 г. устанавливала, что „Сенату надлежитъ состоять изъ тайныхъ дѣйствительныхъ и тайныхъ совѣтниковъ". Однако, не только указанные штатскіе, но и военные чины Имперіи, одинаково, какъ теперь, такъ и позднѣе, находятъ доступъ къ сенаторскому званію [1]), причемъ кандидаты въ члены Сената представлялись Совѣту либо Сенатомъ, либо Совѣтъ самъ предлагалъ Императрицѣ, кому быть сенаторомъ [2]). Были случаи назначенія сенаторами и дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ. Сенаторы утверждались въ своемъ званіи носителями Верховной власти; первоначальный составъ Сената, образованный одновременно съ учрежденіемъ Совѣта, былъ избранъ, впрочемъ, самою Екатериною. О своемъ избраніи се-

[1]) Такъ, И. И. Бутурлинъ, Ѳ. И. Наумовъ были дѣйств. стат. совѣтники; гр. М. Г. Головкинъ, кн. А. Гр. Долгорукій, А. Л. Плещеевъ—тайные; А. Э. Девіеръ, И. И. Дмитріевъ-Мамоновъ, А. И. Ушаковъ, И. Гр. Долгоруковъ—генералъ-майоры и т. д. Послѣдній, впрочемъ, сдѣлавшись сенаторомъ, былъ переименованъ въ дѣйствительные стат. совѣтники.

[2]) Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. LV, стр. 45, 362.

наторы лично извѣщались Совѣтомъ, при чемъ Сенатъ получалъ иногда отъ Совѣта, кромѣ указа, особыя увѣдомленія. Послѣ назначенія, сенаторы приводились, въ присутствіи одного изъ членовъ Совѣта, къ присягѣ, формула которой была одинакова какъ для членовъ Совѣта, такъ и Сената; увольнялись сенаторы именными указами. Въ случаѣ возбужденія судебнаго преслѣдованія противъ сенаторовъ, дѣло ихъ разбиралось, либо въ особыхъ комиссіяхъ, либо въ чрезвычайныхъ или „вышнихъ" судахъ [1]).

III. Вопросъ о жалованьѣ сенаторовъ.

Остановимся, въ заключеніе, на вопросѣ о жалованьѣ, которое получали сенаторы. Вопросъ этотъ былъ довольно запутанъ и разрѣшался Совѣтомъ для каждаго отдѣльнаго случая особо. Хотя Совѣтъ вскорѣ по своемъ основаніи занялся разсмотрѣніемъ новаго сенатскаго штата (именно, въ засѣданіи 23 мая 1726 г. „начатъ былъ слушать штатъ сенатскій"—какъ выражается журналъ Совѣта), но тогда былъ рѣшенъ лишь вопросъ о размѣрѣ жалованья оберъ-прокурору („имѣетъ оный даванъ быть по его дѣйствительному чину"); для всѣхъ-же остальныхъ штатскихъ чиновъ оставлены ихъ прежніе оклады [2]). Это рѣшеніе, однако, на практикѣ вызывало нѣкоторыя недоразумѣнія и пререканія между сенаторами, почему Сенатъ по каждому отдѣльному случаю входилъ за разрѣшеніемъ вопроса въ Совѣтъ. Такъ, уже вскорѣ послѣ означеннаго указа Совѣта, сенаторъ И. И. Бутурлинъ просилъ о выдачѣ ему жалованья „на прошедшую генварскую треть", по окладу его прежней должности, какъ президента Комерцъ-коллегіи. Сенатъ, обсудивъ вопросъ, съ своей стороны нашелъ, что „покамѣстъ сенаторамъ въ штатѣ учинены будутъ оклады, надлежитъ ему (Бутурлину) давать прежній его окладъ"; къ этому мнѣнію, однако, не присоединился кн. Черкасскій [3]). Такъ какъ мнѣніе

[1]) Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., стр. 134, 362 и др.; т. LXXXIV, стр. 193 и сл.; П. С. З., №№ 4842, 5084.

[2]) Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. LV, стр. 302 и сл.

[3]) Ibid., стр. 438 и сл.; кн. Черкасскій по поводу этого рѣшенія высказалъ, что „ежели оному Бутурлину, за отправленіе дѣлъ сенатскаго правленія, дать по его рангу жало-

Сената было основано на точномъ смыслѣ Петровскаго указа 14 декабря 1724 г., на который ссылался и самъ Совѣтъ въ своемъ рѣшеніи, то послѣдній и согласился съ мнѣніемъ Сената. Петровскій-же указъ былъ основанъ на трехъ положеніяхъ: во 1-хъ на томъ, что „коллежскимъ чинамъ должна даваться половина жалованья противъ армейскихъ чиновъ"; во 2-хъ на томъ, что „чинамъ, у которыхъ нѣтъ денегъ на рукахъ" (т. е., которые не занимаютъ казначейскихъ должностей), надлежитъ получать жалованье „противъ ихъ ранговъ", т. е. чиновъ, и, наконецъ, въ 3-хъ на томъ, что, если воинскіе чины поступили прямо съ дѣйствительной службы въ штатскую и при томъ „къ такимъ дѣламъ, гдѣ жалованье меньше, то имъ (надлежитъ) имѣть первое жалованье" [1]). Такимъ образомъ, указъ Петра Великаго требовалъ изслѣдованія вопроса о предыдущей службѣ каждаго лица при опредѣленіи размѣра его послѣдующаго жалованья. Поэтому-то Сенатъ и разсматривалъ вопросъ о каждомъ претендентѣ отдѣльно. При этомъ могло случиться, что при разрѣшеніи вопроса о жалованьѣ принимались во вниманіе особыя спеціальныя постановленія по отношенію къ данному лицу или цѣлому ряду лицъ, прошедшихъ извѣстнаго рода службу. Такъ было, напр., когда возникъ, въ ноябрѣ слѣдующаго года, вопросъ, откуда и въ какомъ размѣрѣ выдавать жалованье генералъ-полиціймейстеру и сенатору А. Э. Девіеру. Разсмотрѣвъ особыя постановленія по этому вопросу, Совѣтъ рѣшилъ [2]) давать ему жалованье „противъ прочихъ генералъ-майоровъ полное". Что, дѣйствительно, по каждому отдѣльному случаю производилось изслѣдованіе и требовалось послѣдующее „доношеніе" Совѣту, это видно какъ изъ указанныхъ примѣровъ, такъ и изъ другихъ [3]). Въ одномъ изъ подобныхъ „доношеній" (по поводу назначенія жалованья Ю. С. Нелединскому и Ѳ. В. Наумову), мы находимъ, между прочимъ, перечень всѣхъ

ванье, то надлежитъ и прочимъ обрѣтающимся у тѣхъ же дѣлъ въ Сенатѣ по ихъ рангамъ дать жалованье, понеже какъ онъ, такъ и прочіе въ Сенатѣ обрѣтающіеся многіе, кромѣ сенатскихъ дѣлъ, другихъ дѣлъ не имѣютъ".

[1]) П. С. З., № 4613.

[2]) Что это рѣшеніе было уже основано не на указѣ 14 декабря 1724 г., а на особыхъ постановленіяхъ о жалованьѣ генералитету по табели 1712 г. и по указу Петра Великаго отъ 13 ноября 1724 г., см. Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. LVI, стр. 330.

[3]) См., напр., доношеніе Сената Совѣту по вопросу о жалованьѣ сенаторамъ Ю. С. Нелединскому, Ѳ. В. Наумову (Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. LXIII, стр. 363 и сл.), А. М. Черкасскому (т. LXIX, стр. 761 и сл.) и И. Гр. Долгорукому (т. LXXXIV, стр. 712).

сенаторовъ, съ краткимъ указаніемъ основаній, по которымъ каждый изъ нихъ получалъ жалованье [1]); при этомъ Сенатъ, примѣняя Петровскій указъ 1724 г. къ названнымъ двумъ сенаторамъ, находитъ, что имъ надлежитъ давать жалованье „по рангамъ ихъ", т. е. по чинамъ, „противъ армейскихъ въ полы" (т. е. въ половину). Не останавливаясь на вопросѣ о назначеніи жалованья кн. А. М. Черкасскому, такъ какъ этотъ случай былъ рѣшенъ аналогично съ предшествующимъ, укажемъ на любопытное постановленіе Совѣта по челобитью о жалованьѣ сенатора, кн. И. Гр. Долгорукаго. Послѣдній, въ своемъ челобитьѣ, указывая на то, что ему, при назначеніи его сенаторомъ, „чина никакого не пожаловано и жалованья не опредѣлено", просилъ о назначеніи ему полнаго жалованья по прежнему его чину генералъ-майора, такъ какъ онъ, не имѣя за собою деревень, содержать себя половиннымъ жалованьемъ, какъ того требовалъ указъ 1724 г.,—не можетъ; Совѣтъ удовлетворяетъ это челобитье, переименовавъ въ то-же время кн. Долгорукаго въ дѣйствительные статскіе совѣтники [2]). Такъ сказывалось отсутствіе опредѣленныхъ, по штату, окладовъ жалованья для сенаторовъ, при разрѣшеніи вопроса на практикѣ. Совѣтъ здѣсь, какъ и въ другихъ подобныхъ вопросахъ, не давая общаго разрѣшенія ихъ законодательнымъ порядкомъ, или довольствовался частными постановленіями по отдѣльнымъ случаямъ, или примѣнялъ, впредь до установленія новыхъ штатовъ, прежде дѣйствовавшій порядокъ назначенія жалованья.

[1]) Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. LXIII, стр. 363 и сл.; именно, Сенатъ въ своемъ „доношеніи" Совѣту по этому вопросу указываетъ, что „по справкѣ въ Сенатѣ" оказалось, что „сенатскіе члены, генералъ-майоры Дмитріевъ-Мамоновъ, Салтыковъ, Девіеръ, жалованье получаютъ по тѣмъ своимъ чинамъ изъ Военной коллегіи; Новосильцевъ—президентское, Мануфактуръ-коллегіи, по рангу дѣйствительнаго штатскаго совѣтника, по указу 1724 г., декабря 14 дня, противъ армейскихъ полковъ половинное; статскому-же дѣйствительному совѣтнику Бутурлину, по указу... 17 іюня 1762 г., на нынѣшній 1726 годъ, выданъ прежній его окладъ, который онъ получалъ въ бытность президентомъ Комерцъ-коллегіи".

[2]) Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. LXIX, стр. 761 и сл., т. LXXXIV, стр. 712.

IV. Канцелярія Высокаго Сената.

Какъ мы знаемъ, съ учрежденіемъ Сената была образована при немъ обширная канцелярія, съ оберъ-секретаремъ во главѣ, первоначально изъ дьяковъ и подьячихъ, а позднѣе изъ секретарей и другихъ лицъ. Эта канцелярія и при Петрѣ Великомъ,—сообразно съ измѣненіями въ устройствѣ Сената и другихъ учрежденій, такъ или иначе съ нимъ связанныхъ,—постоянно измѣнялась какъ въ своемъ составѣ, такъ и въ порядкѣ распредѣленія дѣлъ между столами и повытьями. Учрежденіе В. Т. Совѣта не могло не отразиться какъ на устройствѣ этой канцеляріи, такъ и на числѣ лицъ, входившихъ въ ея составъ, уже по тому обстоятельству, что канцелярія В. Т. Совѣта,—какъ это нами указывалось,—время отъ времени, пополнялась чинами и служителями Сенатской канцеляріи. Въ составѣ послѣдней для Совѣта былъ вполнѣ готовый контингентъ лицъ, знавшихъ порядки тогдашняго дѣлопроизводства; Совѣтъ, принявъ въ свое верховное управленіе значительную часть дѣлъ, вѣдавшихся прежде Сенатомъ, считалъ правильнымъ пользоваться и канцеляріею Сената [1]), и сенатскими суммами, для своихъ собственныхъ потребностей. Къ началу царствованія Петра II, по одному точному списку, доставленному Совѣту Сенатомъ, канцелярія послѣдняго состояла, во главѣ съ 2 оберъ-секретарями и 1 экзекуторомъ, изъ 4-хъ секретарей, 1 переводчика, 3-хъ протоколистовъ, 2-хъ лицъ „за регистраторовъ", 8 канцеляристовъ, 2-хъ лицъ „за канцеляристовъ", 27 копіистовъ и 3-хъ „юнкоровъ" (молодыхъ людей, обучавшихся „приказному дѣлу"); затѣмъ „у прокурорскихъ и экзекуторскихъ дѣлъ" былъ одинъ бухгалтеръ и 2 копіиста; въ архивѣ Сената находился 1 секретарь, 1 лицо „за регистратора" и 3 копіиста; наконецъ, при Сенатѣ состояло еще три конторы съ своимъ особымъ канцелярскимъ штатомъ [2]). Такимъ образомъ, канце-

[1]) Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. LXIII, стр. 515.

[2]) Ib., стр. 654 и сл., въ 3-хъ конторахъ, состоявшихъ при Сенатѣ, находилось: въ герольдмейстерской: 1 секретарь, 1 лицо „за переводчика", 2 канцеляриста и 2 подканцеляриста, 4 копіиста; въ печатной конторѣ: 1 секретарь, 1 канцеляристъ и 1 лицо „за

лярія Сената къ іюню 1727 г. состояла изъ 50 человѣкъ, если не считать экзекуторской и секретарской части канцеляріи, о которыхъ скажемъ особо; изъ нихъ указомъ 8 іюня взятъ „къ дѣламъ въ канцелярію В. Т. Совѣта" одинъ канцеляристъ и 2 копіиста и осталось такимъ образомъ 47 человѣкъ.

Если мы сравнимъ канцелярію Сената за это время съ канцеляріею Сената въ 1711 г., въ моментъ его учрежденія, то увидимъ, что она уменьшилась съ этого времени почти вдвое, такъ какъ въ 1711 г. общій составъ канцеляріи Сената, или т. наз. „подьячихъ трехъ статей" (получившихъ позднѣе тѣ же наименованія, какія отмѣчены нами выше для отдѣльныхъ лицъ канцелярскаго состава Сената въ изучаемое время) равнялся 83-мъ человѣкамъ [1]). Это уменьшеніе весьма характерно и наглядно рисуетъ передъ нами данную эпоху жизни Сената, когда онъ, по составу своихъ личныхъ силъ, являлся учрежденіемъ меньшихъ размѣровъ, чѣмъ былъ даже въ моментъ своего образованія; на этомъ, впрочемъ, дѣло не останавливается, и по указу 28 мая 1728 г. изъ Сената, „для умноженія (т. е., вслѣдствіе умноженія) въ канцеляріи В. Т. Совѣта дѣлъ", берется одинъ изъ оберъ-секретарей (Матвѣй Козминъ), одинъ изъ секретарей (Ив. Богдановъ), одинъ канцеляристъ и 2 копіиста [2]); наряду съ уменьшеніемъ канцелярскаго состава, уменьшалась также сумма, назначенная на содержаніе канцеляріи Сената: она частію берется на содержаніе канцеляріи Совѣта [3]), частію назначается на другія нужды [4]).

Обращаясь къ экзекуторской и секретарской части сенатской канцеляріи, мы видимъ, что первая остается безъ перемѣнъ, вторая-же усиливается: такъ, при учрежденіи Сената былъ только одинъ оберъ-секретарь и только въ 1721 г. къ нему прибавленъ еще второй; секретарей-же было 2 [5]); въ

канцеляриста", 4 копіиста; наконецъ, въ мануфактуръ-конторѣ, какъ извѣстно уже, недолго существовавшей при Сенатѣ, находился 1 секретарь, 1 копіистъ и 2 канцеляриста (ib.); свѣдѣнія о жалованьѣ, получавшемся всѣми названными лицами, указываются тамъ-же.

[1]) П. С. З., № 2453.

[2]) Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. LXXIX, стр. 402.

[3]) П. С. З., № 4965.

[4]) Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. LVI, стр. 606.

[5]) А. Н. Филипповъ. Исторія Сената, стр. 243 и сл.; экзекуторъ Сената Ѳ. Елагинъ берется, впрочемъ, временно въ Совѣтъ („для исправленія всякихъ дѣлъ, понеже изъ Сената и изъ коллегій, по требованіямъ, чинится многое замедленіе"—какъ объясняетъ журналъ Со-

разсматриваемое время, до вышеприведеннаго указа 28 мая 1728 г., первыхъ было тоже двое (Матвѣй Козминъ и Абрамъ Сверчковъ), вторыхъ-же 5 человѣкъ. Увеличеніе состава секретарской части сенатской канцеляріи, въ то время, какъ составъ всѣхъ канцелярій вообще и сенатской—въ частности, уменьшался, стоитъ, надо думать, въ прямой связи съ особою ролью, какую должны были теперь исполнять при Совѣтѣ—кромѣ своихъ обычныхъ обязанностей при Сенатѣ,—оберъ-секретари и секретари послѣдняго [1]).

Какъ распредѣлялись дѣла сенатской канцеляріи между отдѣльными лицами, входившими въ составъ ея, сказать вполнѣ опредѣленно мы не можемъ, такъ какъ въ архивныхъ дѣлахъ Сената объ этомъ не сохранилось почти никакихъ свѣдѣній. Что касается бѣдности за это время законодательныхъ опредѣленій, то объясненіе лежитъ въ томъ, во 1-хъ, что правительство въ это время интересовалось „коллежскими" учрежденіями лишь съ одной стороны,—со стороны возможно бо́льшаго сокращенія ихъ штатовъ,—и весьма мало обращало вниманія на все остальное; а во 2-хъ, въ томъ, что эти учрежденія, по отношенію къ ихъ внутреннему дѣлопроизводству, къ роли отдѣльныхъ чиновъ ихъ канцелярій и т. д., получили свои уставы лишь въ концѣ царствованія Петра Великаго, почему и не представлялось вообще необходимости ихъ кореннаго пересмотра. Обращаясь къ наиболѣе важному здѣсь вопросу объ обязанностяхъ оберъ-секретарей Сената, мы видимъ, что сенатская „Должность" 1726 г., говоря о нихъ, въ сущности, не даетъ ничего новаго; новостью была лишь ихъ роль по отношенію къ В. Т. Совѣту, что обозначилось, однако, не сразу и при томъ гораздо позднѣе. Въ архивныхъ-же документахъ самого Сената, мы находимъ лишь одну собственноручную записку оберъ-прокурора, И. И. Бибикова, отъ 20 декабря 1726 г., въ которой имъ распредѣляются дѣла всѣхъ учрежденій между двумя оберъ-секретарями Сената, Мат. Сем. Козминымъ и Абр. Ст. Сверчковымъ [2]).

вѣта причину этого, Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., LXIII, стр. 45), но затѣмъ, черезъ четыре мѣсяца, по минованіи въ немъ надобности, возвращается обратно къ дѣламъ Сената (ib., стр. 515).

[1]) А. Н. Филипповъ. Исторія Сената, стр. 246; срав. также Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. LXXIX, стр. 261, 320 и др.

[2]) Записка гласитъ буквально слѣдующее: „у перваго оберъ-секретаря, у Козмина, коллегіи: Иностранная, Воинская съ артиллерійскою и провіантскою канцеляріею; Адмиралтейская, Каморъ, Комерцъ, Бергъ, Вотчинная, Юстиція, Малороссійская; конторы—ревизіонъ, рекетмейстерская, новозавоеванныхъ провинцій и комисскія дѣла. У второго

Смыслъ этого распредѣленія тотъ, что оберъ-секретари, обязанные по закону приготовлять дѣла къ докладу Сенату и исправлять протоколы засѣданій, должны дѣлать это, каждый по отношенію къ тѣмъ учрежденіямъ, дѣла которыхъ исключительно поручены имъ оберъ-прокуроромъ Сената, какъ начальникомъ сенатской канцеляріи (за фактическимъ упраздненіемъ въ это время должности генералъ-прокурора). Въ этомъ распредѣленіи дѣлъ между оберъ-секретарями нельзя не видѣть нѣкотораго шага впередъ, сравнительно съ предшествующимъ временемъ, когда генералъ-прокуроръ Ягужинскій, требуя у Сената учрежденія должности второго оберъ-секретаря, жаловался на безпорядокъ, происходившій вслѣдствіе того, что одинъ оберъ-секретарь, съ одной стороны, не успѣвалъ справиться съ надзоромъ и управленіемъ канцеляріей, а съ другой —былъ постоянно занятъ приготовленіемъ дѣлъ къ докладу Сенату [1]). Неизвѣстно, какъ были распредѣлены дѣла въ Петровскомъ Сенатѣ послѣ учрежденія въ 1721 г. должности второго оберъ-секретаря; весьма вѣроятно предположить, что до вышеупомянутой записки 1726 г. они не были еще совершенно точно размежеваны между двумя оберъ-секретарями. Дальнѣйшая практика указала, однако, на необходимость такого размежеванія, въ результатѣ чего, конечно, теченіе дѣлъ пріобрѣло бóльшую правильность, да и сами оберъ-секретари,—завѣдуя дѣлами извѣстныхъ, имъ ввѣренныхъ, учрежденій, дѣлая по нимъ доклады Сенату и составляя, при посредствѣ секретарей, соотвѣтственные протоколы по тѣмъ или инымъ дѣламъ, разрѣшавшимся въ Сенатѣ, наконецъ, присутствуя затѣмъ при докладѣ сенатскихъ дѣлъ въ Совѣтѣ и записывая резолюціи послѣдняго, - получали возможность не только пріобрѣтать большой навыкъ въ дѣлахъ, но и обогащаться спеціальными свѣдѣніями [2]). Не

оберъ-секретаря, у Сверчкова,—Синодъ, магистратъ, полиція, строельныя дѣла, дворцовая, медицинская и ямская канцеляріи; мануфактуръ, герольдмейстерская контора—Иванъ Бибиковъ“ (М. А. М. Ю., ж. и пр. С., 80/1961, л. 142); на слѣдующемъ листѣ записано, что, по указу 1 іюня 1726 г., Сверчковъ назначенъ былъ въ комиссію уложенія: по указу 11 октября велѣно давать ему оберъ-секретарское жалованіе (ib., л. 143).

[1]) С. А. Петровскій. О Сенатѣ, стр. 73.

[2]) Не только протоколы Сената, но и „доношенія“ его Совѣту, обыкновенно, составлялись и подписывались однимъ изъ оберъ-секретарей Сената, смотря по тому, какого, именно, учрежденія касался тотъ или иной протоколъ или доношеніе (Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. LXXIV, стр. 357, 653 и др.; т. LXXXIX, стр. 49).

удивительно поэтому, что мы видимъ оберъ-секретарей Сената весьма долговременно остающимися на своихъ мѣстахъ.

Какъ извѣстно, уже при Петрѣ Великомъ, въ обычномъ составѣ сенатской канцеляріи, время отъ времени, дѣлались приращенія, путемъ образованія особыхъ столовъ и конторъ, для завѣдыванія тѣми или иными дѣлами, которыя поручались непосредственному наблюденію и вѣдомству самого Сената. Таковы были, напр., ревизіонъ-контора, доимочный столъ и другія подобныя учрежденія. Въ разсматриваемое время мы встрѣчаемся съ тѣмъ-же явленіемъ, при чемъ эти конторы и особыя отдѣленія сенатской канцеляріи еще болѣе случайно, чѣмъ при Петрѣ Великомъ, возникаютъ и столь же быстро и неожиданно исчезаютъ, что особенно ярко сказалось на судьбѣ мануфактуръ и ревизіонъ-конторы [1]), хотя можетъ быть отмѣчено, въ той или иной мѣрѣ, и по отношенію къ другимъ учрежденіямъ. Если ревизіонъ-контора просуществовала при Сенатѣ, –да и то номинально, лишь одинъ годъ; если мануфактуръ-контора то уничтожалась, то вновь ненадолго возстановлялась, то почти то же самое повторяется и въ другихъ случаяхъ. Едва въ февралѣ 1727 г. учреждается, напр., при В. Т. Совѣтѣ особая доимочная канцелярія, для сбора недоимокъ (что ранѣе, при Петрѣ Великомъ, вѣдалъ при Сенатѣ особый „доимочный столъ"), какъ уже въ іюлѣ слѣдующаго года это „весьма важное дѣло", требовавшее, по сознанію самого Совѣта, „немалаго и скораго разсмотрѣнія", вновь отдается въ вѣдомство Сената [2]); черезъ нѣсколько лѣтъ, именно указомъ 24 декабря 1735 г., эта канцелярія присоединяется къ канцеляріи конфискаціи, оставаясь, впрочемъ, въ подчиненіи у Сената. Такъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, учрежденіе то выходитъ изъ вѣдомства Сената, то вновь отдается въ его „дирекцію", при чемъ, въ послѣднемъ случаѣ, оно то составляетъ какъ-бы особое отдѣленіе при его канцеляріи, то присоединяется къ канцеляріи другого учрежденія [3]).

[1]) Объ этомъ см. А. Н. Филипповъ. Исторія Сената, стр. 168 и сл., 174 и сл.; 178.

[2]) Именно, указомъ 17 февраля 1727 г. повелѣно „доимочной канцеляріи" быть „при нашемъ В. Т. Совѣтѣ", подъ „особливо вышнею дирекціею Нашего д. т. с. Толстого" (Сбор., т. LXIII, стр. 121), а указомъ 23 іюля 1728 г. повелѣно „доимочной канцеляріи быть въ дирекціи Высокаго Сената" (П. С. З., № 5312).

[3]) О самой канцеляріи конфискаціи и ея отношеніи къ Сенату, см. инструкцію 7 августа 1730 г. (П. С. З., № 5631; срав. № 6849).

Не касаясь всѣхъ случайно возникавшихъ и быстро исчезавшихъ конторъ и иныхъ отдѣленій сенатской канцеляріи, остановимся кратко лишь на судьбѣ тѣхъ, которыя существовали уже при Петровскомъ Сенатѣ: одни изъ нихъ остались, другія безслѣдно исчезли. Такъ, въ дѣлахъ Сената мы не находимъ ни малѣйшихъ слѣдовъ существованія такъ называемой „секретной экспедиціи", образованной въ 1711 г., конечно, потому, что „важныя, секрету подлежащія" дѣла этой экспедиціи берутся въ Совѣтъ, который вообще вѣдаетъ теперь всѣ иностранныя и политическія дѣла; исчезаетъ контора розыскныхъ дѣлъ, учрежденная въ 1724 г., потому, вѣроятно, что дѣла, подлежавшія прежде ея вѣдомству, подлежали теперь или компетенціи самого Совѣта, или особыхъ судовъ, имъ назначенныхъ. Остается при Сенатѣ еще „печатная контора". Едва былъ образованъ В. Т. Совѣтъ, какъ возникъ уже вопросъ, „гдѣ быть" Сенатской типографіи и печати, „которою грамоты, указы и промеморіи печатаются внутрь Имперіи, со взятіемъ пошлинъ", но онъ разрѣшенъ былъ въ томъ смыслѣ, что типографія и печать должны остаться при Сенатѣ, съ тѣмъ, впрочемъ, чтобы жалованныя грамоты и привилегіи на вотчины, сочиненныя въ Сенатѣ и другихъ „принадлежащихъ мѣстахъ", приносились „для апробаціи" въ Совѣтъ. Поэтому и теперь, какъ при Петрѣ Великомъ, указы Сената и коллегій, передъ разсылкою ихъ, поступали въ печатную контору, гдѣ къ нимъ прилагались печати и брались пошлины; эта контора остается при Сенатѣ и въ послѣдующее время. Совѣтъ, взявъ на себя „апробацію" текста сочиненныхъ грамотъ, а также и указовъ (въ тѣхъ случаяхъ, конечно, когда форма послѣднихъ „сочинялась" Сенатомъ), благоразумно оставилъ всѣ хлопоты по ихъ экспедиціи за сенатскою канцеляріею и состоящими при Сенатѣ типографіею и печатною конторою [1]).

[1]) Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. LV, стр. 35, 59, 260; П. С. З., № 8026.

V. Сенатская контора.

Если указанныя выше конторы (какъ и другія, имъ подобныя) являлись естественнымъ дополненіемъ къ общему составу сенатской канцеляріи,—дополненіемъ, вполнѣ необходимымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда на послѣднюю возлагались какія-либо особыя дѣла и порученія, —то такъ наз. „Сенатская контора“ или „Контора сенатскаго правленія“, какъ она нерѣдко называется въ памятникахъ, была особою частью самого Сената, подобно тому, какъ конторы коллегій были частями послѣднихъ. Какъ извѣстно, необходимость такихъ частей вызывалась удаленностью центральныхъ учрежденій отъ Москвы. Поэтому, когда послѣднія были въ Петербургѣ, ихъ конторы находились въ Москвѣ, какъ и наоборотъ, —переѣздъ Двора и центральныхъ учрежденій въ Москву приводилъ обыкновенно къ тому, что въ Петербургѣ оставались ихъ конторы [1]).

Мы уже знаемъ, что еще при Петрѣ, по указу 19 января 1722 г., въ виду тѣхъ неудобствъ, какія представляло нахожденіе Сената и коллегій въ Петербургѣ, было повелѣно устроить въ Москвѣ ихъ „конторы“ и затѣмъ поставить надъ конторами коллегій одного „члена изъ Сената“ и „имѣть Сенатскую контору для сего управленія и исполненія указовъ сенатскихъ“; при этомъ члены всѣхъ этихъ конторъ должны были перемѣняться „погодно“. Еще до учрежденія В. Т. Совѣта, по указу 5 іюля 1725 г., въ Сенатскую контору членомъ былъ опредѣленъ гр. Ив. А. Мусинъ-Пушкинъ, старѣйшій изъ сенаторовъ. Въ августѣ 1726 г. Сенатъ,—основываясь на вышеназванномъ указѣ Петра и Именномъ указѣ Екатерины объ отправленіи въ Москву, на смѣну гр. Мусину-Пушкину, другого сенатора, представлялъ, какъ кандидата, кн. Алексѣя Долгорукаго; при этомъ Сенатъ, въ своемъ „доношеніи“, объявилъ „мнѣніе, что въ той конторѣ,

[1]) Такъ, при переѣздѣ Двора въ Москву въ 1728 г., указомъ 7 іюня было повелѣно „коллегіямъ Военной, Юстиціи, Камеръ и Бергъ, и Ревизіонъ и доимочной канцеляріи быть къ Москвѣ нынѣшнимъ лѣтнимъ путемъ, взявъ съ собою нужныя дѣла, безъ которыхъ пробыть невозможно. А въ С.-Петербургѣ отъ тѣхъ коллегій, кромѣ Ревизіонъ и доимочной, быть конторамъ“ (Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. LXXIX, стр. 418).

для лучшаго управленія, надлежитъ быть изъ сенатскихъ членовъ двумъ человѣкамъ, того ради, чтобъ въ дѣлахъ поспѣшнѣе управленіе было, и ежели кто заболитъ, то другой могъ-бы безъ остановки дѣла отправлять“. . . . Сенатъ въ это время состоялъ изъ 8 членовъ, и Совѣтъ согласился, что двое изъ нихъ могли-бы быть отправлены въ Москву для занятій въ Сенатской конторѣ. Екатерина, однако, не только не нашла возможнымъ исполнить этого требованія, но, вопреки своему собственному и Петровскому указамъ, оставила Мусина-Пушкина въ Москвѣ „по прежнему“, приказавъ лишь состоять при немъ его сыну Платону [1]). Такъ, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, мотивы коихъ не всегда доступны изслѣдованію, то возвращались къ Петровскимъ узаконеніямъ, то отступали отъ нихъ. Во всякомъ случаѣ Сенатскую контору оставили въ рукахъ престарѣлаго гр. Мусина-Пушкина, который самъ тяготился своею должностью [2]), и не исполнили предложенія Сената объ усиленіи, для успѣха дѣла, ея штата изъ числа наличныхъ сенаторовъ. Въ этой конторѣ, какъ при Петрѣ Великомъ, подъ предсѣдательствомъ гр. И. А. Мусина-Пушкина засѣдало два члена (асессора) -сынъ его, Платонъ, и С. Шейдяковъ, и состояла особая канцелярія. Какъ можно судить по архивнымъ даннымъ, въ это время Сенатская контора оставалась въ тѣхъ-же отношеніяхъ къ Сенату, какъ было установлено при Петрѣ Великомъ, и выполняла при Сенатѣ тѣ же функціи, какъ и раньше. Находясь въ полномъ подчиненіи Сенату, контора должна была строго наблюдать за исполненіемъ его указовъ въ губерніяхъ, ближайшихъ къ Москвѣ; она должна была, далѣе, слѣдить внимательно за правомѣрностью дѣйствій московскихъ конторъ, коллегій и канцелярій, — „понеже для такихъ дѣлъ та контора и учинена“,—какъ гласитъ одинъ интересный приговоръ Сената, относящійся къ данному вопросу [3]); она должна была, наконецъ, сообщать Сенату всѣ свѣдѣнія, какія ему потребуются. Понятно, поэтому, что во всѣхъ случаяхъ, возбуждающихъ какое-либо сомнѣніе или затрудненіе, Сенатская контора обращается къ Сенату, какъ учрежденію, которому принадлежитъ право на окончательное разрѣшеніе подобныхъ вопросовъ.

[1]) П. С. З., № 3887, Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. LVI, стр. 601 и сл.
[2]) С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XVIII, изд. 3, стр. 283.
[3]) См. А. Н. Филипповъ. Исторія Сената, стр. 253, прим. 43.

Какъ составная часть Сената, какъ-бы его Московскій или Петербургскій департаментъ (смотря по мѣсту нахожденія Сената), контора исполняетъ его порученія и сообщаетъ ему все, что, по ея мнѣнію, можетъ имѣть значеніе. Въ цѣломъ, Сенатская контора облегчаетъ для Сената сношенія съ учрежденіями и лицами, находившимися въ Москвѣ и въ другихъ мѣстахъ, лежавшихъ ближе къ ней, чѣмъ къ Петербургу. Если почему-либо эти сношенія вызываютъ затрудненія, послѣднія разрѣшаются либо Сенатомъ, когда это разрѣшеніе не выходитъ изъ предѣловъ его компетенціи, либо Совѣтомъ, къ которому Сенатъ обращается со своимъ „доношеніемъ" и требуетъ „указу". Такой, напр., случай былъ, когда Военная коллегія вступила въ пререканія съ Сенатскою конторою, по поводу сношеній послѣдней съ нею „указами, а не промеморіями". Сенатъ, не рѣшая самъ этого пререканія, вошелъ въ Совѣтъ со своимъ доношеніемъ, результатомъ чего и было повелѣніе Совѣта, чтобы Сенатская контора сносилась съ двумя военными и Иностранною коллегіями „промеморіями", о чемъ Сенатъ затѣмъ послалъ свое „вѣдѣніе" конторѣ и свои „промеморіи" указаннымъ коллегіямъ. Только что приведенный указъ интересенъ еще и въ томъ отношеніи, что, устанавливая порядокъ сношеній Сенатской конторы съ тремя коллегіями, онъ требуетъ, чтобы первая сносилась съ ними такъ, „какъ и Высокій Сенатъ съ коллегіями тѣми сносится", т. е., иначе говоря, Сенатская контора, какъ часть Сената, и въ порядкѣ сношеній должна уподобляться своему цѣлому. Характерно отмѣтить также, что В. Т. Совѣтъ въ бытность свою въ Москвѣ, пока туда не прибылъ Сенатъ, относился къ Сенатской конторѣ такъ, какъ онъ относился-бы къ самому Сенату: онъ принималъ, напр., доклады членовъ Сенатской конторы и отдавалъ имъ свои повелѣнія; онъ приказывалъ навести нужныя ему справки прямо въ Сенатской конторѣ [1]) и т. д. Въ общемъ, Сенатская контора осталась теперь такимъ же учрежденіемъ, какимъ она была и при Петрѣ Великомъ.

[1]) А. Н. Филипповъ. Исторія Сената, стр. 253 и сл.

VI. Дѣлопроизводство Высокаго Сената.

Обращаясь къ вопросу о дѣлопроизводствѣ Сената въ изучаемое время, надо вообще замѣтить, что архивныя свѣдѣнія по этому вопросу настолько скудны, что не представляется возможности, —если не повторять здѣсь постановленій сенатской „Должности“ 1726 г.,—дать сколько-нибудь обстоятельный очеркъ этого дѣлопроизводства. Отъ этого періода не сохранилось до насъ ни входящихъ, ни исходящихъ журналовъ Сената, ни реестровъ вершеныхъ и невершеныхъ дѣлъ, ни подробныхъ протоколовъ Сената, изъ коихъ можно было-бы судить о преніяхъ, порядкѣ голосованія и пр. Если-бы мы и могли считать часть этихъ документовъ утраченными случайно, или не найденными пока, то отсутствіе въ архивахъ другой части — кажется, находитъ себѣ объясненіе просто въ томъ, что „многія книги“, предписанныя для веденія Петромъ Великимъ, были теперь „отставлены“, какъ въ этомъ откровенно сознался самъ оберъ-прокуроръ Сената. А именно, въ предложеніи его Сенату отъ 7 декабря 1726 г. читаемъ слѣдующее: „въ канцеляріи сенатской, у прокурорскихъ дѣлъ, опредѣленъ былъ секретарь Ив. Хрипуновъ, который въ маѣ сего года, по челобитью, отъ дѣлъ уволенъ, а по усмотрѣнію его, оберъ-прокурорскому, изъ прежнихъ записныхъ книгъ многія отставлены, а учиненъ вновь порядокъ, и Высокому Сенату объявленъ, по которому возможно и безъ секретаря и съ убавкою подьячихъ исправиться, что уже съ іюля мѣсяца сего 1726 г. и правитъ взятый изъ прежде-бывшихъ розыскныхъ канцелярій канцеляристъ Ив. Савинъ, и чтобы онаго Савина опредѣлить бухгалтеромъ и учинить ему окладъ триста руб., да при немъ быть копіистамъ тремъ“ [1]). Конечно, здѣсь говорится только о канцеляріи оберъ-прокурора, но можно предположить, что то же было и въ канцеляріи Сената, такъ какъ многое изъ предписаннаго при Петрѣ не было ей подъ силу, какъ вслѣдствіе уменьшенія ея состава, такъ и потому, что сама канцелярія Сената должна была играть служебную роль по отношенію къ Совѣту, причемъ

[1]) М. А. М. Ю., кн. 80/1961, л. 61.

эта служебная роль обозначалась съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе. Такъ, если при Екатеринѣ I секретари Сената должны были только присутствовать при пріемѣ доношеній отъ сенаторовъ, то при Петрѣ II секретарская часть какъ сенатской, такъ и синодской и коллежскихъ канцелярій ближе соединяется и еще больше подчиняется канцеляріи Совѣта: секретари этихъ учрежденій должны присутствовать постоянно при рѣшеніяхъ Совѣта „для сочиненія“ резолюцій; они должны далѣе, подъ присмотромъ оберъ-секретаря Совѣта, составлять всѣ вѣдомости и справки, потребныя для Совѣта, исправляя ихъ немедленно „по его приказамъ“.

Изъ журналовъ Совѣта видно также, что дѣлопроизводство въ Сенатѣ отличалось медленностью, и Совѣту приходилось требовать отъ Сената объясненій, „для чего по указамъ въ надлежащее время не репортовано“, „для чего (рѣшеніемъ) такъ умедлено“ и т. п.; изъ нихъ видно также, что Совѣту приходилось (при Петрѣ II) „выговаривать“ сенаторамъ „за несидѣнье“ въ собраніи, требовать отчетности о времени засѣданій, исполненія ихъ „должности“. Въ журнальной записи Совѣта отъ 17 іюля 1727 г. читаемъ, напр., что „впущенъ былъ сенатскій оберъ-прокуроръ Воейковъ и выговаривано ему о неисправленіи дѣлъ сенатскихъ, и что съѣзды бываютъ не по вся дни, и то пріѣзжаютъ поздно, и что по счетамъ на Меерѣ такой великой суммы не взыскиваютъ и опустили, и для чего онъ должности своей не исполняетъ“, и, наконецъ, приказано „должность его и неисправленіе расписать, а для лучшаго, во отправленіи сенатскихъ дѣлъ усмотрѣнія, подавать журналы по вся дни, кто, въ которыхъ часахъ пріѣзжать будутъ и какое отправленіе чинили“. Когда позднѣе, а именно черезъ годъ, обнаруживается неисполнительность Сената, Совѣтъ посылаетъ „спросить въ Сенатѣ, для чего не сидятъ и давно ль засѣданія не было“ [1]). Но кромѣ медленности въ рѣшеніи дѣлъ, „несидѣнья“ сенаторовъ, можно отмѣтить и несоблюденіе нѣкоторыхъ другихъ формъ дѣлопроизводства, установленныхъ при Петрѣ. Такъ, напр., мы только въ рѣдкихъ случаяхъ встрѣчаемъ записи отдѣльныхъ мнѣній сенаторовъ [2]); не видно также, чтобъ соблюдалось строго Петровское правило какъ о подписи сенатскихъ приговоровъ всѣми членами Сената,

[1]) См. А. Н. Филипповъ. Исторія Сената, стр. 211 и сл.
[2]) М. А. М. Ю., кн. 74/1955, л. 174.

такъ и о посылкѣ ихъ на домъ къ отсутствующимъ сенаторамъ. За отсутствіемъ журналовъ засѣданій, трудно отвѣтить на вопросъ, какъ происходило голосованіе рѣшеній и баллотировка на должности. Далѣе, хотя мы и видимъ подписи оберъ-секретаря и секретарей Сената подъ т. н. „выписками" изъ дѣлъ и приговорами Сената, но не можемъ сказать, крѣпили-ли они эти выписки и приговоры прежде доклада Сенату дѣла, какъ того требовали Петровскія узаконенія. Рѣшеніе дѣлъ по большинству голосовъ, конечно, соблюдалось и теперь [1]); но изъ архивныхъ данныхъ видно, что Сенатъ вообще часто засѣдалъ не въ полномъ своемъ составѣ, такъ какъ сенаторы, частію по нерадѣнію, частію по обремененію ихъ разными порученіями и другимъ причинамъ, не бывали въ Сенатѣ [2]). Между положительными сторонами сенатскаго дѣлопроизводства, унаслѣдованными отъ Петровской эпохи, можно указать на развитіе системы личныхъ сношеній Сената съ представителями учрежденій, которые, наряду съ отдѣльными должностными лицами и свѣдущими людьми, нерѣдко приглашались въ Сенатъ, благодаря чему происходилъ живой обмѣнъ мыслей между сенаторами и призывавшимися въ его засѣданія лицами.

[1]) Изъ одного дѣла, разсматривавшагося въ Сенатѣ, видно, что при его рѣшеніи были „поданы голоса несогласные и на обѣ стороны по 2 персоны, а прочіе сенаторы у того дѣла не присутствуютъ", кн. М. М. Голицынъ „за свойствомъ", а гр. И. П. Шереметевъ и кн. И. Г. Долгоруковъ потому, что они „объявили, что имъ вступать въ дѣло не надлежитъ, понеже то дѣло вышеобъявленными Высокаго Сената мнѣніями уже къ рѣшенію окончено до присутствія ихъ въ Сенатѣ", т. е., иначе говоря, голосованіе происходило до ихъ прибытія въ Сенатъ (М. А. М. Ю., журн. и прот. Сената, кн. 106/1987, л. 42).

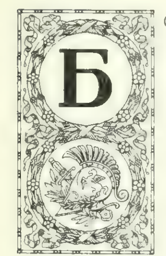
[2]) См. А. Н. Филипповъ. Исторія Сената, стр. 200 и сл., примѣчаніе.

ГЛАВА IV.

Учрежденія и лица, состоящія при Высокомъ Сенатѣ.

I. Незамѣщеніе должности генералъ-прокурора Сената и связанныя съ этимъ перемѣны въ положеніи оберъ-прокурора Сената. II. Генералъ-рекетмейстеръ и его контора; перемѣны въ ихъ положеніи. III. Фискалы и ихъ положеніе при Высокомъ Сенатѣ. IV. Герольдмейстеръ и его контора.

I. Незамѣщеніе должности генералъ-прокурора Сената и связанныя съ этимъ перемѣны въ положеніи оберъ-прокурора Сената.

Большія перемѣны происходятъ въ изучаемое время въ учрежденіяхъ и лицахъ, состоявшихъ при Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго: одни изъ нихъ, какъ генералъ-прокуроръ или губернскіе комиссары, исчезаютъ вовсе; другіе, какъ оберъ-прокуроръ и генералъ-рекетмейстеръ, сливаются въ одно лицо, при чемъ первое изъ указанныхъ лицъ получаетъ теперь совершенно иное положеніе при Сенатѣ, чѣмъ было прежде; наконецъ, третьи, какъ фискалы, становятся менѣе, чѣмъ прежде, замѣтными въ своей дѣятельности. Наибольшее значеніе имѣютъ здѣсь, конечно, незамѣщеніе должности генералъ-прокурора и связанныя съ этимъ перемѣны въ положеніи при Сенатѣ оберъ-прокурора и генералъ-рекетмейстера, почему мы и остановимся прежде всего на изслѣдованіи даннаго вопроса.

Какъ уже указывалось выше, должность генералъ-прокурора, съ учрежденіемъ Совѣта, фактически никѣмъ не отправля-

лась, и гр. П. И. Ягужинскій получилъ другое назначеніе [1]). Что это назначеніе лишало его возможности исполнять свою прежнюю должность, и что возвращенія его въ Сенатъ вовсе не предполагалось, отлично показываетъ слѣдующее рѣшеніе Совѣта: обсуждая 23 мая 1723 г. будущій сенатскій штатъ, Совѣтъ рѣшилъ „отставить окладъ, который данъ генералъ-прокурору, понеже оный имѣетъ данъ быть по его дѣйствительному чину отъ придворнаго штата“, т. е., иначе говоря, Ягужинскій долженъ былъ отнынѣ получать содержаніе свое не какъ генералъ-прокуроръ, окладъ котораго уничтожается вовсе въ штатѣ Сената, а какъ оберъ-шталмейстеръ. Это рѣшеніе особенно интересно потому, что, всего за мѣсяцъ передъ этимъ, Ягужинскій ходатайствовалъ у Совѣта о выдачѣ ему на текущій годъ жалованья „изъ положенной суммы въ штатѣ сенатской канцеляріи, пока придворный штатъ опредѣлится“. Совѣтъ, удовлетворивъ это ходатайство, поспѣшилъ вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожить генералъ-прокурорскій окладъ въ штатѣ Сената. Если принять во вниманіе, что опредѣленіе штатовъ дѣлалось вообще у насъ весьма медленно, то нельзя не удивляться той поспѣшности, съ какою Совѣтъ отнесъ жалованье Ягужинскаго на счетъ будущаго новаго придворнаго штата и уничтожилъ окладъ генералъ-прокурорскаго жалованья, выдавъ, впрочемъ, его Ягужинскому почти за годъ впередъ, и при томъ именно „изъ прежней положенной сенатской суммы въ штатѣ“ (ib.). Эти дѣйствія Совѣта ясно показываютъ, что онъ, съ одной стороны, не находилъ нужнымъ вообще, по понятнымъ причинамъ, сохранять при Сенатѣ должности генералъ-прокурора, хотя и не рѣшался ее уничтожить юридически, почему и прибѣгнулъ лишь къ исключенію ея изъ штата, а съ другой — не хотѣлъ возвращенія къ ея исполненію гр. П. И. Ягужинскаго.

Какъ-бы то ни было, въ описываемую эпоху Сенатъ не имѣетъ генералъ-прокурора, этого, — какъ выражался Петръ Великій, — „ока Нашего и стряпчаго о дѣлахъ государственныхъ“. Носители Верховной власти смотрятъ теперь, если не на все, то на многое очами своего Верховнаго Тайнаго Совѣта, который стоитъ между ними и Сенатомъ и заботится „о дѣлахъ государственныхъ“ (нерѣдко, впрочемъ, съ своей особой точки зрѣнія); иначе

[1]) Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. LV, стр. 208.

говоря, бо́льшая и важнѣйшая часть функцій генералъ-прокурора выполняется теперь Совѣтомъ. Но генералъ-прокуроръ, кромѣ указанной своей роли, имѣлъ еще другую, можетъ быть, менѣе важную, но не менѣе, однако, существенную для благоустройства самого Сената, по крайней мѣрѣ: онъ былъ прежде всего, по отношенію къ Сенату, высокопоставленнымъ и независимымъ начальникомъ его канцеляріи; онъ наблюдалъ за дѣятельностью самого Сената; онъ имѣлъ право предлагать Сенату о „сочиненіи ясныхъ указовъ“ на тѣ случаи, на которые ихъ не имѣлось; онъ простиралъ, наконецъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, свой надзоръ на всѣ учрежденія Имперіи, перенося рѣшеніе соотвѣтствующихъ дѣлъ въ Сенатъ. Поскольку все это касалось Сената, естественно, что, съ исчезновеніемъ генералъ-прокурора, образовалась большая пустота, которая не могла быть заполнена тѣмъ, что обязанности исчезнувшаго могущественнаго „чина“ Имперіи исполнялъ теперь оберъ-прокуроръ Сената. Правда, оберъ-прокуроръ, и по узаконеніямъ Петровскаго царствованія, являлся ближайшимъ помощникомъ генералъ-прокурора, замѣняя послѣдняго въ его отсутствіи изъ Сената и раздѣляя съ нимъ его функціи [1]). Но была большая разница въ постановкѣ теперь той и другой должности, какъ внутри самого Сената, такъ, въ особенности, внѣ его, почему исчезновеніе изъ Сената генералъ-прокурора имѣло своимъ послѣдствіемъ полное пригнетеніе института прокуратуры вообще. Это косвенно отражалось и на самомъ Сенатѣ, такъ какъ, по справедливому вполнѣ замѣчанію историка Петровскаго Сената, „время высокаго положенія генералъ-прокурора есть вмѣстѣ съ тѣмъ время процвѣтанія, наибольшей энергіи и дѣятельности самого Сената; время упадка генералъ-прокуроровъ при ближайшихъ преемникахъ Петра время униженія Сената“ [2]). Мы уже имѣли случай не разъ отмѣчать выше внѣшнія черты этого униженія, поскольку оно нашло себѣ выраженіе въ отношеніяхъ сенаторовъ и оберъ-прокурора Сената къ Совѣту; но, вглядываясь глубже, изучая самую дѣятельность оберъ-прокурора, замѣнившаго теперь собою прежняго генералъ-прокурора въ Сенатѣ, мы видимъ, что простая командировка знаменитаго Ягужинскаго сначала „въ походъ за Ея Импера-

[1]) П. С. З., № 3979, п. 12.
[2]) С. А. Петровскій. О Сенатѣ, стр. 185.

торскимъ Величествомъ", по должности оберъ-шталмейстера, а затѣмъ отправленіе его посломъ въ Польшу и неназначеніе на его мѣсто никого другого, сдѣлали для паденія Сената едва-ли не болѣе, чѣмъ всѣ другія мѣропріятія Совѣта по отношенію къ Сенату. Сенатъ не только теперь „лишался своего докладчика и доступа къ Государынѣ", какъ справедливо замѣчаетъ объ этомъ А. Д. Градовскій [1]), что было вполнѣ понятно, въ виду созданія Верховнаго Тайнаго Совѣта; но онъ и внутри себя, въ нѣдрахъ своей собственной организаціи, потерпѣлъ серьезное умаленіе правъ, чего вовсе не требовалось, по существу дѣла, и что явилось болѣе результатомъ партійныхъ счетовъ и притязаній, чѣмъ необходимымъ слѣдствіемъ реформы.

Но, если фактическая передача функцій генералъ-прокурора Сената его оберъ-прокурору вела за собою паденіе института прокуратуры не только въ Сенатѣ, но и вообще, то соединеніе,— на основаніи указа 7 марта 1727 г.,—въ лицѣ оберъ-прокурора Сената обязанностей генералъ-рекетмейстера, налагая на перваго излишнія тягости, временно убивало развитіе дѣятельности одного изъ важнѣйшихъ институтовъ Петра Великаго. Извѣстно, какъ мотивировалъ Наказъ рекетмейстеру, данный 5 февраля 1722 г., необходимость созданія его должности и порученія ея „персонѣ знатной", какъ гласилъ другой указъ Петра. Разсматривая эту мотивировку, съ одной стороны, и припоминая важныя обязанности института прокуратуры при Сенатѣ, съ другой, должно прійти, во 1-хъ, къ тому выводу, что эти мотивы продолжали дѣйствовать и послѣ Петра Великаго, почему для уничтоженія должности не было достаточныхъ основаній; а во 2-хъ, что поручать наличному представителю сенатской прокуратуры, оберъ-прокурору, исполненіе сложныхъ обязанностей генералъ-рекетмейстера значило лишь ронять значеніе должности и обезсиливать лицо, на которое возлагалось исполненіе этихъ обязанностей. Правда, какъ мы уже указывали, расширеніе дѣятельности Совѣта, обращеніе къ нему всѣхъ за милостями, естественно, уменьшало значеніе Сената и вело къ разрушенію его прежняго строя, въ которомъ генералъ-рекетмейстеръ, подобно упраздненному de facto генералъ-прокурору, игралъ громадную роль, теперь, по мнѣнію Совѣта, становив-

[1]) А. Д. Градовскій, Высшая администрація, стр. 139.

шуюся почти излишнею. Но то, что было естественно, съ точки зрѣнія политики самого Совѣта, вовсе не отвѣчало нуждамъ самаго дѣла, тѣмъ болѣе, что распоряженія Совѣта здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, были полумѣрами: если-бы, напр., Совѣтъ перевелъ должность генералъ-рекетмейстера изъ Сената въ свое вѣдомство, оставивъ на этой должности „персону знатную", то онъ, —не нанося ущерба „управленію дѣлъ челобитчиковъ" и не спутывая круга вѣдомствъ отдѣльныхъ должностей, довелъ-бы лишь до конца предѣлы своей компетенціи въ дѣлахъ этого рода. Въ этомъ былъ-бы извѣстный смыслъ; отдавая-же „дѣла челобитчиковъ" въ руки оберъ-прокурора, онъ лишь затруднялъ послѣдняго, безъ пользы для дѣла, самъ тяготясь въ то же время приливомъ челобитій непосредственно въ Совѣтъ.

Резюмируя кратко сущность происшедшаго, надо сказать, что въ Сенатѣ прежнее устройство рекетмейстерскихъ дѣлъ было разрушено; въ Совѣтѣ-же оно не нашло своей новой и законченной организаціи.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, перейдемъ къ очерку дѣятельности оберъ-прокурора и вмѣстѣ генералъ-рекетмейстера (со времени указа 7 марта 1727 г.), чтобы выяснить положеніе сенатской прокуратуры въ это время. Остановимся прежде всего на постановленіяхъ сенатской „Должности" 1726 г., какъ общаго устава Сената, которымъ должны были (по крайней мѣрѣ, по закону) нормироваться отношенія какъ самого Сената, такъ и всѣхъ связанныхъ съ нимъ лицъ и учрежденій; затѣмъ коснемся постановки прокуратуры на практикѣ.

По сенатской „Должности", во 1-хъ, канцелярія Сената должна была находиться „въ дирекціи у генералъ-прокурора и у оберъ-прокурора", „понеже (въ ней) президенту быть невозможно"; во 2-хъ, черезъ посредство генералъ-прокурора или оберъ-прокурора должны были вноситься на рѣшеніе Сената всѣ дѣла изъ „штатскихъ" коллегій (т. е. изъ всѣхъ коллегій, кромѣ первыхъ трехъ) въ тѣхъ случаяхъ, когда въ нихъ „случатся дѣла, которыхъ въ тѣхъ коллегіяхъ рѣшить не могутъ", и, наконецъ, въ 3-хъ, генералъ-прокуроръ, или оберъ-прокуроръ,—обязательно присутствуя въ засѣданіяхъ Сената (куда, по „Должности", допускаются еще только секретари, во главѣ съ оберъ-секретаремъ, и протоколисты),—должны, имѣя на столѣ песочные часы, наблюдать за продолжительностью преній и пра-

вильностью голосованія. Найдя какія-либо отступленія отъ закона, они „напоминаютъ“ объ этомъ сенаторамъ, „а ежели кто не послушаетъ, то генералъ-прокурору или оберъ-прокурору, того дѣла не допуская до вершенія, доносить Намъ, въ В. Т. Совѣтѣ“. Когда-же, позднѣе, обязанности оберъ-прокурора были соединены съ рекетмейстерскою должностью, оберъ-прокуроръ, какъ рекетмейстеръ, долженъ былъ, получивъ челобитныя „на неправый судъ коллегій и канцелярій, которыя къ коллегіямъ не подчинены“, представлять ихъ Сенату на разрѣшеніе, расписавъ ихъ „пунктами“ и „сдѣлавъ выписку такъ, какъ въ его должности написано“. Таковы, въ краткихъ словахъ, обязанности сенатской прокуратуры по „Должности“. Согласно общему ея характеру, здѣсь повторено то, что было узаконено еще при Петрѣ Великомъ [1]). Изучая какъ постановленія „Должности“, такъ и другихъ узаконеній, относящихся къ обязанностямъ оберъ-прокурора и генералъ-рекетмейстера, мы должны прійти къ тому выводу, что по закону почти все остается какъ-будто по прежнему. Но, конечно, уже одинъ фактъ учрежденія В. Т. Совѣта, къ которому долженъ былъ теперь обращаться непосредственно представитель сенатской прокуратуры, и замѣна генералъ-прокурора менѣе значительнымъ, и по своему рангу [2]), и по значенію, лицомъ, придаютъ всѣмъ этимъ, оставшимся de jure дѣйствующими, узаконеніямъ другой смыслъ на практикѣ. Такъ, напр., едва-ли оберъ-прокуроръ могъ исполнять по отношенію къ „Высокому“ Сенату ту контролирующую роль, какую исполнялъ знаменитый генералъ-прокуроръ по отношенію къ Сенату „Правительствующему“. Въ архивныхъ документахъ нѣтъ указаній на то, чтобы оберъ-прокуроръ слѣдилъ за преніями и

[1]) П. С. З., № 4847, п. 1, 3, 8 и № 3978, п. 1, 2, 9.

[2]) Совѣтъ, отлично понимая, что положеніе оберъ-прокурора при „Сенатѣ Высокомъ“ совсѣмъ не таково, какимъ было положеніе генералъ и оберъ-прокурора при „Сенатѣ Правительствующемъ“, хотѣлъ, по отношенію къ послѣднему, отмѣтить это различіе даже внѣшне, самимъ классомъ должности. Поэтому, въ журналѣ 30 января 1727 г. читаемъ, что въ Совѣтѣ „разсужденіе имѣли, когда А. Бибиковъ будетъ дѣйствительно опредѣленъ въ оберъ-прокуроры въ Сенатъ, или кто другой, то во ономъ чину (т. е. въ должности оберъ-прокурора) имѣть (ему) бригадирскій классъ, понеже прежній оберъ-прокуроръ опредѣленъ и былъ при Правительствующемъ Сенатѣ“ (Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. LXIII, стр. 73; срав. т. LVI, стр. 99); „разсужденіе“ Совѣта было затѣмъ приведено въ исполненіе, какъ это видно изъ указа 7 марта того-же года „при Сенатѣ быть оберъ-прокуроромъ изъ генераловъ-рекетмейстеровъ Матвѣю Воейкову . . . и быть тому чину въ рангѣ бригадирскомъ“ (П. С. З., № 5023); по „Табели“ же „о рангахъ“ оберъ-прокуроръ состоялъ въ рангѣ генералъ-майора (ibid, № 3890).

голосованіемъ, чтобы онъ пытался понуждать сенаторовъ къ болѣе внимательному исполненію ихъ обязанностей. Можно, конечно, предположить, что подобныя понужденія дѣлались словесно, а потому и не оставили слѣдовъ въ дѣлопроизводствѣ Сената. Въ отдѣльныхъ случаяхъ это, можетъ быть, и было такъ; но, говоря вообще, едва-ли оберъ-прокуроръ могъ энергично исполнять и дѣйствительно исполнялъ свои обязанности по контролю за дѣятельностью Сената; по крайней мѣрѣ, Совѣтъ прямо упрекаетъ его въ томъ, что „онъ должности своей не исполняетъ", что „съѣзды (сенаторовъ) бываютъ не по вся дни, и то пріѣзжаютъ поздно" [1]).

Упрекъ былъ, несомнѣнно, справедливъ; но оберъ-прокуроръ могъ-бы сказать въ свое оправданіе, что Совѣтъ самъ взялъ на себя обязанности генералъ-прокурора Сената, что онъ нынѣ самъ наблюдаетъ, въ качествѣ верховнаго учрежденія, за дѣятельностью Сената. Если этотъ контроль не вполнѣ удается всемогущему Совѣту, то какъ-же это можетъ быть поставлено въ вину оберъ-прокурору, тѣмъ болѣе, что составъ Сената такъ малочисленнъ, и сенаторы отвлекаются отъ своихъ обязанностей другими занятіями, а самъ оберъ-прокуроръ, по отношенію къ нимъ, далеко не является особенно „знатною персоною"...

Но, если контроль прокуратуры надъ дѣятельностью Сената фактически не существовалъ вовсе, то другая обязанность оберъ-прокурора—наблюденіе, въ качествѣ „директора", надъ дѣятельностью сенатской канцеляріи выполнялась имъ болѣе или менѣе энергично. Мы отмѣчали уже, что оберъ-прокуроръ распредѣлялъ между оберъ-секретарями Сената завѣдываніе отдѣльными учрежденіями. Изъ другихъ архивныхъ документовъ видно, что оберъ-прокуроръ заботился о замѣщеніи вакантныхъ должностей въ сенатской канцеляріи, предлагая Сенату своихъ кандидатовъ; что онъ сокращалъ, когда находилъ нужнымъ, съ согласія Сената, штатъ канцеляріи, вводилъ тѣ или иныя измѣненія въ порядкѣ веденія канцелярскихъ книгъ, опредѣлялъ на испытаніе въ канцелярію служащихъ; ему, какъ начальнику канцеляріи, объявлялись указы, имѣвшіе отношеніе къ канцеляріи; наконецъ, если при Сенатѣ образовывалась новая контора, онъ принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы она не бездѣй-

[1]) Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. LXIX, стр. 70.

ствовала. Такъ, напр., когда Мануфактуръ-коллегія была превращена въ контору при Сенатѣ, оберъ-прокуроръ Воейковъ вошелъ въ Сенатъ съ обширнымъ предложеніемъ относительно собранія свѣдѣній о числѣ фабрикъ и заводовъ, условіяхъ ихъ основанія, количествѣ рабочихъ рукъ, на нихъ занятыхъ, и т. д., при чемъ предлагалъ Сенату, по полученіи этихъ свѣдѣній, „учинить разсмотрѣніе, отъ которыхъ фабрикъ имѣется государственная польза и прибыль, и отъ которыхъ нѣтъ“ и, сообразно съ этимъ, вызывать „охочихъ людей“ на содержаніе однѣхъ фабрикъ и „отрѣшать“ другія и т. д.

Какъ извѣстно, генералъ-прокуроръ, по Петровскимъ узаконеніямъ, наряду съ самимъ Сенатомъ, простиралъ свою контролирующую власть на всѣ государственныя учрежденія, имѣя въ ихъ составѣ цѣлый штатъ подчиненныхъ ему прокуроровъ, которые и доносили ему о замѣченныхъ ими отступленіяхъ отъ указовъ, неисполнительности и пр. Пока существовали учрежденія, какъ надворные суды, Главный магистратъ, гдѣ были прокуроры, и пока прокуроры оставались въ коллегіяхъ, стоявшихъ „подъ Сенатомъ“, а. слѣдовательно, и подъ дѣйствіемъ сенатской прокуратуры въ ея измѣненномъ образѣ, до тѣхъ поръ и контроль оберъ-прокурора оказывалъ свое дѣйствіе. Въ дѣлахъ Сената сохранились указанія на донесенія прокуроровъ различныхъ учрежденій: оберъ-прокурору, который докладывалъ ихъ затѣмъ Сенату, а послѣдній уже дѣлалъ по нимъ свои постановленія. Эти донесенія, отлично характеризуя тогдашніе порядки дѣлопроизводства, вмѣстѣ съ тѣмъ ясно показываютъ все значеніе института прокуратуры для новыхъ учрежденій, введенныхъ въ дѣйствіе въ Петровское царствованіе. Прокуратурѣ приходилось внимательно слѣдить и за правильностью формъ дѣлопроизводства, и за внѣшнимъ порядкомъ въ учрежденіяхъ. Какъ при Петрѣ Великомъ, такъ и теперь, прокуроры должны были обращать вниманіе на то, чтобы „не на столѣ токмо дѣла вершились, но чтобы по онымъ самыя дѣйства по указамъ, какъ скоро возможно, исполнены были“. Вообще, они должны были являться блюстителями законности въ учрежденіяхъ [1]).

Не подлежитъ, такимъ образомъ, сомнѣнію, что, по крайней мѣрѣ, въ началѣ правленія В. Т. Совѣта, оберъ-прокуроръ, черезъ

[1]) Фактическія данныя, подтверждающія все вышесказанное, см. А. Н. Филипповъ, Исторія Сената, стр. 268 и сл.

посредство подчиненныхъ ему прокуроровъ, продолжалъ (какъ это дѣлалось раньше имъ и генералъ-прокуроромъ) такъ или иначе воздѣйствовать на пресѣченіе замѣченныхъ безпорядковъ въ коллегіяхъ и судахъ. Было, конечно, большое различіе между его дѣятельностью нынѣ и его дѣятельностью, вмѣстѣ съ генералъ-прокуроромъ, при Петрѣ Великомъ. Въ то время какъ прежде генералъ-прокуроръ (вмѣстѣ съ оберъ-прокуроромъ), имѣя право, по пункту 10-му своей „Должности", на возбужденіе законодательныхъ вопросовъ, принималъ, черезъ Сенатъ, общія мѣры къ усовершенствованію порядка дѣлопроизводства въ коллегіяхъ [1]), оберъ-прокуроръ лишь осуществлялъ, по отношенію къ нимъ, свою контролирующую роль, и отъ него нельзя было ожидать иниціативы въ дѣлахъ законодательныхъ; она принадлежитъ теперь всецѣло самому Совѣту, который являлся самъ постоянно въ роли генералъ-прокурора Имперіи.

Какъ-бы то ни было, —хотя и не по собственному почину, а лишь вслѣдствіе донесенія прокуроровъ, хотя и не въ видѣ общихъ мѣръ, а лишь путемъ сенатскихъ указовъ о пресѣченіи отдѣльныхъ открывавшихся злоупотребленій, но оберъ-прокуроръ Сената всетаки осуществлялъ свой надзоръ за учрежденіями Имперіи, имѣя въ лицѣ ихъ прокуроровъ цѣлый штатъ „доносителей". Затѣмъ, однако, одни изъ учрежденій, гдѣ этотъ штатъ дѣйствовалъ, прекращаютъ свое существованіе совершенно (таковы надворные суды, Главный магистратъ) [2]); другія, какъ коллегіи, если и остаются, то штаты ихъ вообще сильно сокращаются, при чемъ находящіеся налицо прокуроры получаютъ новыя должности, а преемники имъ вовсе не назначаются. Понятно, поэтому, что контролирующая роль оберъ-прокурора, замѣнившаго собою прежняго генералъ-прокурора, совершенно падаетъ по отношенію къ учрежденіямъ, стоявшимъ „подъ Сенатомъ", и послѣдній, хотя и продолжаетъ дѣятельно заботиться о надзорѣ за ними, уже не находитъ въ своей прокуратурѣ той помощи, какую онъ имѣлъ раньше. Оберъ-прокуроръ, если и дѣлаетъ Сенату о чемъ „представленія", то

[1]) Таково, напр., предложеніе генералъ-прокурора и оберъ-прокурора Сенату „о раздѣленіи между коллежскими членами трудовъ въ рѣшеніи дѣлъ"; результатомъ этого предложенія явился указъ 11 іюля 1726 г., П. С. З., № 4917; само предложеніе было подано Сенату еще въ 1725 г.

[2]) Надворные суды были уничтожены указомъ 24 февраля 1727 г., П. С. З., № 5017, п. 5, Главный магистратъ—указомъ 9 августа того-же года, № 5142.

лишь является простою передаточною инстанціею между Совѣтомъ и Сенатомъ. При этомъ бросается въ глаза тотъ интересный фактъ, что такъ какъ время исчезновенія прокуратуры изъ коллегій и судовъ [1]) почти совпадаетъ со временемъ возложенія на оберъ-прокурора обязанностей генералъ-рекетмейстера, то и самъ оберъ-прокуроръ является съ этого времени, приблизительно съ половины 1727 г., не столько носителемъ оберъ-прокурорской должности, сколько генералъ-рекетмейстеромъ Сената.

II. Генералъ-рекетмейстеръ и его контора: перемѣны въ ихъ положеніи.

Обращаемся теперь къ генералъ-рекетмейстеру и его конторѣ. Первоначально, а именно до указа 6 (7) марта 1727 г., этотъ институтъ дѣйствовалъ при Сенатѣ на прежнихъ Петровскихъ основаніяхъ: генералъ-рекетмейстеръ, какъ требовала его „Должность", принималъ „челобитья на коллегіи и канцеляріи въ неправомъ вершеніи", докладывалъ о нихъ Сенату, бралъ затѣмъ ихъ къ себѣ, дѣлалъ изъ нихъ „подлинныя и перечневыя выписки" и, наконецъ, представлялъ ихъ, при докладѣ, Сенату, требуя его рѣшенія. Какъ раньше, такъ и теперь „герольдмейстерской и рекетмейстерской конторъ дѣла рѣшаются за подписаніемъ всего Сената", при чемъ,—сообразно измѣнившимся отношеніямъ къ тремъ первымъ коллегіямъ,—къ нимъ посылаются (по дѣламъ этихъ конторъ) промеморіи, а къ прочимъ коллегіямъ и канцеляріямъ—указы за подписью начальниковъ этихъ конторъ и сенатскаго оберъ-секретаря. Если вслѣдствіе доклада Сенату генералъ-рекетмейстера оказывалось необходимымъ взять подлинное дѣло изъ даннаго учрежденія, оно бралось, и затѣмъ генералъ-рекетмейстеръ, сдѣлавъ изъ него выписку, докладывалъ его Сенату снова. Если, наконецъ, ген.-рекетмейстеръ, при исполненіи своей должности, встрѣчалъ на практикѣ

[1]) Объ этомъ см. А. Н. Филипповъ. Исторія Сената, стр. 278 и сл.; срав. также списокъ членовъ прокуратуры, начиная съ ген.-прокурора и кончая прокурорами надворныхъ судовъ, представленный Сенатомъ В. Т. Совѣту въ 1729 г. (Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. XCIV, стр. 753 и сл.).

какія-либо неудобства, онъ докладывалъ о нихъ Сенату, который и измѣнялъ постановленія „Должности“, сообразно съ его представленіемъ [1]). Такъ было первоначально; но порядокъ, установленный „Должностью“ Сената и Наказомъ генералъ-рекетмейстера, не могъ долго оставаться неизмѣннымъ, такъ какъ Сенатъ и его рекетмейстерская контора не были уже единственнымъ мѣстомъ, куда должны были поступать челобитья, пройдя всѣ установленныя закономъ инстанціи; челобитья направляются теперь также и въ Совѣтъ.

Уже къ концу царствованія Екатерины I самъ В. Т. Совѣтъ жалуется „на умноженіе челобитчиковъ при канцеляріи“ его [2]), при чемъ констатируетъ тотъ важный фактъ, что сюда поступаютъ также и тѣ челобитья, которыя относятся къ компетенціи Сената, или даже коллегій. Иначе, конечно, и быть не могло. Не говоря уже о томъ, что населеніе, какъ при Петрѣ Великомъ, такъ и позднѣе, во 1-хъ, плохо осваивалось со сложностью новыхъ инстанцій, а, во 2-хъ, не могло отказаться отъ привычки обращаться къ Верховной власти съ своими нуждами и печалями. Оно, конечно, живо почувствовало измѣненіе въ положеніи дѣлъ, поняло, что Сенатъ съ своими конторами совсѣмъ уже не является теперь тѣмъ, чѣмъ былъ онъ прежде. Поэтому, оно не не только шло, минуя коллегіи и Сенатъ, прямо въ Совѣтъ со своими челобитьями, но и обжаловывало рѣшенія Сената передъ Совѣтомъ, какъ это видно, напр., изъ одного любопытнаго челобитья, поданнаго Совѣту церковными причетниками и поповскими дѣтьми разныхъ посадовъ и уѣздовъ Сѣвской провинціи. Сенатъ, въ августѣ 1727 г., отказалъ челобитчикамъ въ выключкѣ ихъ изъ-за помѣщиковъ и далъ указъ „о бытіи ихъ на прежнихъ церковныхъ земляхъ, ибо они на полки расписаны и книги окончаны“, по которымъ они были записаны за помѣщиками. Челобитчики, однако, подали то же челобитье Совѣту; послѣдній переслалъ его Сенату, который, подтверждая свой прежній приговоръ, долженъ былъ объявить имъ „съ запискою“, что, если они „впредь будутъ о томъ подавать Е. И. В. прошенія, за то будутъ жестоко наказаны“ [3]).

[1]) Примѣры въ доказательство всего вышеозначеннаго см. А. Н. Филипповъ, Исторія Сената, стр. 280, примѣчанія; срав. П. С. З., №№ 4932, 4974.

[2]) Ibid., стр. 173.

[3]) М. А. М. Ю., кн. 90/1971, л. 118 и об.; 16 октября 1727 г.

Изъ многихъ данныхъ видно, что Совѣтъ, въ своемъ стремленіи быть центромъ управленія, поддерживалъ этотъ приливъ челобитій къ нему, лишь пытаясь, —когда онъ сталъ казаться ему обременительнымъ,—урегулировать его движеніе, не отстраняясь, однако, вовсе отъ пріема челобитій. Такъ, указъ 26 октября 1726 г., —констатируя, что у Совѣта не достаетъ времени разсматривать „повседневно" челобитныя, которыя подаютъ „всякихъ чиновъ люди Намъ самимъ и Нашему В. Т. Совѣту", назначаетъ для ихъ пріема особый день, при чемъ повелѣваетъ „бить челомъ о такихъ дѣлахъ, которыя не подлежатъ до Сената и до коллегій и до прочихъ судебныхъ мѣстъ". Ограниченіе это было, конечно, очень существенно, но, въ дѣйствительности, оно никѣмъ не выполнялось, такъ что менѣе чѣмъ черезъ полгода Совѣту пришлось назначить особое лицо для разбора вопроса, куда какая челобитная должна быть отослана. Позднѣе, въ одномъ изъ своихъ указовъ, Сенатъ также констатировалъ, что, наряду съ челобитными, поступающими прямо въ Сенатъ, другія идутъ первоначально въ Совѣтъ, откуда уже пересылаются затѣмъ въ Сенатъ [1]). Кромѣ того, указанное ограниченіе едва ли было особенно вразумительно для всѣхъ. Легко было, конечно, требовать въ указѣ, чтобы въ Совѣтъ шли лишь челобитья о дѣлахъ, которыя „не подлежатъ до Сената" и другихъ учрежденій; но при той постоянной ломкѣ, какая тогда происходила по отношенію къ учрежденіямъ и ихъ вѣдомству, было трудно всегда знать вполнѣ точно и опредѣленно, что „подлежитъ" и что „не подлежитъ до Сената". Можно поэтому отмѣтить случаи, когда сами учрежденія, -даже центральныя,—не говоря уже о частныхъ лицахъ, не знали, что вѣдается тѣмъ или инымъ

[1]) „Понеже поданныя въ В. Т. Совѣтъ разныхъ чиновъ людей челобитныя присылаются для разсмотрѣнія въ Сенатъ, также и особо въ Сенатъ подаются, а по слушаніи въ Сенатѣ оныхъ является, что многимъ челобитчикамъ о дѣлахъ своихъ, по указамъ, надлежало прежде бить челомъ въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ и губерніяхъ, а иные просятъ о томъ, на что и указы не слѣдуютъ, отчего въ настоящихъ въ Сенатѣ дѣлахъ чинится остановка; а въ Инструкціи рекетмейстерской, въ п. 3-мъ написано: которые челобитчики будутъ бить челомъ на подчиненныя къ коллегіямъ канцеляріи и конторы, не бивъ челомъ во оныхъ коллегіяхъ, къ которымъ они подчинены, на челобитныхъ ихъ подписывать, что имъ бить челомъ въ тѣхъ коллегіяхъ, къ которымъ они присутственны . . . приказали: по силѣ рекетмейстерской Инструкціи, присланныя изъ В. Т. Совѣта и впредь присылаемыя, тако жъ которыя поданы будутъ въ Сенатъ разныхъ чиновъ людей челобитныя, разсматривать д. ст. с. и оберъ-прокурору Воейкову и чинить по силѣ Инструкціи рекетмейстерской неотмѣнно" (М. А. М. Ю., кн. 104/1985, л. 20 и об.; 4 декабря 1728 г.); П. С. З., № 5188.

учрежденіемъ, и обращались не туда, куда слѣдовало. Адмиралтейская коллегія жалуется, напр., Сенату, что „подчиненныя Сенату канцеляріи, а именно, отъ строеній, провіантская и артиллерійская", сносятся съ нею не такъ, какъ надлежало-бы по закону; Сенатъ отвѣчаетъ коллегіи, что такъ какъ двѣ послѣднія канцеляріи подчинены не Сенату, а Военной коллегіи, то пусть коллегія и „требуетъ указу отъ той коллегіи". Примѣръ этотъ не былъ единственнымъ; бывали случаи, когда и самъ Сенатъ ошибался въ рѣшеніи подобныхъ вопросовъ.

Какъ-бы то ни было, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что челобитья шли теперь двоякимъ путемъ—въ Совѣтъ и Сенатъ, съ большимъ перевѣсомъ ихъ числа въ пользу перваго. Сначала рекетмейстеръ, а затѣмъ оберъ-прокуроръ, исполнявшій его обязанности, находились вслѣдствіе этого въ очень странномъ положеніи: съ одной стороны, они по закону продолжали состоять при Сенатѣ, съ другой фактически они, по преимуществу, являлись исполнителями повелѣній Совѣта, то передающаго, черезъ нихъ (въ особенности—черезъ второго), поступившія въ Совѣтъ челобитья на разсмотрѣніе Сената, то просто приказывающаго оберъ-прокурору сообщить ихъ Сенату „къ исполненію". Неудивительно, что у кабинетъ-секретаря Макарова является даже мысль, какъ-бы превратить генералъ-рекетмейстера изъ лица, состоящаго при Сенатѣ, въ лицо, состоящее при Совѣтѣ, а кн. Меншикову кажется, что обязанности оберъ-прокурора и рекетмейстера почти совпадаютъ. Изъ протоколовъ В. Т. Совѣта видно, что 2 марта 1727 г. кн. Меншиковъ, освѣдомившись, что на вакантную тогда должность рекетмейстера никто еще не назначенъ, приказалъ оберъ-секретарю Маслову (докладывавшему ему о дѣлахъ Совѣта, которыя состоялись въ его отсутствіе) объявить въ Совѣтѣ „свое разсужденіе", что лучше всего было бы, еслибъ члены Совѣта согласились поручить эту должность сенатскому оберъ-прокурору. Послѣдній, по разсужденію Меншикова, и безъ того дѣлаетъ Сенату представленія „о всякихъ дѣлахъ"; поэтому „приличнѣе быть имѣетъ ему и челобитныя принимать въ неправыхъ вершеніяхъ на коллегіи, также и прочія, гдѣ по которымъ бить челомъ надлежитъ, разсматривая, помѣчать и отсылать" . . . При этомъ Меншиковъ находилъ, что обязанности оберъ-прокурора и генералъ-рекетмейстера очень схожи, такъ какъ, по

его мнѣнію, „почитай-то все дѣло одно: и рекетмейстеръ въ Сенатъ приходитъ, а представлять долженъ (о дѣлахъ) оберъ-прокурору; отъ того двойныхъ людей для одного дѣла, и на нихъ жалованія, происходить напрасно не будетъ".

„Разсужденіе" Меншикова, при его всемогуществѣ, было закономъ для собранія, и вотъ уже 6 марта состоялся указъ Совѣта о соединеніи должности генералъ-рекетмейстера съ должностью оберъ-прокурора Сената, при чемъ указъ этотъ мотивированъ тѣми же соображеніями, какія высказалъ и Меншиковъ въ своемъ „разсужденіи". Рекетмейстерская контора при этомъ уничтожалась, „чтобы напраснаго жалованья не происходило", какъ добавляетъ указъ въ поясненіе.

Остановимся на указанной мѣрѣ Совѣта болѣе подробно. Хотя Меншиковъ и находилъ, что должность генералъ-рекетмейстера совпадаетъ съ должностью оберъ-прокурора и что съ ея уничтоженіемъ не будетъ „двойныхъ людей для одного дѣла", но, конечно, это было совершенно невѣрно. Обязанности оберъ-прокурора, соединенныя въ это время, кромѣ того, съ исполненіемъ должности генералъ-прокурора, были совершенно отличны отъ обязанностей рекетмейстера. Важное для правильнаго движенія государственнаго механизма начало раздѣленія функцій между различными магистратами, положенное въ основу Петровскихъ реформъ, нуждалось въ дальнѣйшемъ развитіи, при чемъ не слѣдовало думать о тѣхъ небольшихъ сокращеніяхъ въ бюджетѣ, которыя получились отъ уничтоженія той или другой должности. Все болѣе и болѣе увеличивающееся число челобитій, поступавшихъ въ Совѣтъ, ясно указывало, что при немъ необходимо лицо, которое разсматривало-бы эти челобитья, почему временно и былъ назначенъ къ исполненію этой обязанности оберъ-секретарь Совѣта Масловъ. Расширеніе дѣятельности Совѣта, обращеніе всѣхъ къ нему за милостями, естественно, уменьшало значеніе Сената и вело къ разрушенію его прежняго строя, въ которомъ генералъ-рекетмейстеръ (подобно упраздненному фактически генералъ-прокурору) игралъ громадную роль, теперь ставшуюся, по мнѣнію Совѣта, почти излишнею. Совѣту слѣдовало-бы не уничтожать этой должности, а перевести ее изъ Сената къ себѣ, что затѣмъ и предлагалъ Макаровъ и съ чѣмъ согласился Совѣтъ, забывъ, однако, что отдѣльно этой должности уже не

существовало тогда [1]). Конечно, если смотрѣть на генералъ-рекетмейстера только какъ на лицо, передающее Сенату приказанія Совѣта, то можно было поручить исполненіе этой нетрудной обязанности оберъ-прокурору. Это и было въ теченіе долгаго времени, пока Сенатъ не почувствовалъ на самомъ себѣ всего неудобства такого положенія дѣлъ, почему и приказалъ оберъ-прокурору, исполнявшему въ это время обязанность генералъ-рекетмейстера, строго слѣдить за соблюденіемъ его „Должности", т. е., иначе говоря, докладывать Сенату по обстоятельствамъ каждой челобитной лишь тогда, когда имъ исполнены всѣ требуемыя „Должностью" дѣйствія. Но эти дѣйствія могли, конечно, съ успѣхомъ исполняться лишь тогда, когда генералъ-рекетмейстеръ и его контора, съ цѣлымъ штатомъ служащихъ, только и занимались разборомъ челобитій, составленіемъ выписокъ и пр. Теперь же не было ни отдѣльнаго рекетмейстера, ни его конторы; слѣдовательно, требуя отъ оберъ-прокурора точнаго исполненія рекетмейстерской должности, Сенатъ поневолѣ превращалъ перваго въ рекетмейстера, что могло быть сдѣлано, однако, лишь въ ущербъ сложнымъ обязанностямъ оберъ-прокурора Сената. Къ такимъ неудобнымъ послѣдствіямъ приводила политика Совѣта по отношенію къ Сенату.

Изъ предшествующаго очерка выясняется частію и роль оберъ-прокурора Сената по отношенію къ Совѣту: онъ объявляетъ Сенату указы Совѣта по должности какъ оберъ-прокурора, такъ и ген.-рекетмейстера. Когда, напр., въ Совѣтѣ обнаруживается медленность по исполненію его указовъ самимъ Сенатомъ или другими учрежденіями [2]), когда Сенатъ бездѣйствуетъ, или мало дѣйствуетъ, члены Совѣта приказываютъ оберъ-прокурору объявить объ этомъ Сенату для принятія соотвѣтствующихъ мѣръ; когда въ Совѣтъ поступаютъ челобитья, онъ передаетъ ихъ черезъ него, какъ рекетмейстера,

[1]) А. Н. Филипповъ. Исторія Сената, стр. 171—174, стр. 283, 284, прим. 81. Замѣтимъ также, что въ 1727 г., съ момента уничтоженія рекетмейстерской конторы, и въ послѣдующее время, оберъ-прокуроръ Сената, какъ показываютъ многія данныя, является передъ нимъ, преимущественно, въ качествѣ рекетмейстера.

[2]) Напр., 16 января 1730 г., кн. В. Л. Долгорукій приказалъ оберъ-прокурору Воейкову объявить Сенату немедленно, для наведенія справокъ, о слѣдующемъ: еще въ маѣ мѣсяцѣ 1729 г. былъ посланъ въ Нижній-Новгородъ къ кн. С. Гагарину одинъ указъ Совѣта; указъ этотъ былъ имъ полученъ, однако, лишь въ декабрѣ, почему и необходимо было „изслѣдовать гдѣ, и кѣмъ, и для чего оный указъ такъ долговременно былъ удержанъ" (М. А. М. Ю., кн. 117/1998, л. 75).

Сенату для разсмотрѣнія или исполненія. Сообразно съ этимъ, указы Совѣта называютъ Воейкова то оберъ-прокуроромъ, то рекетмейстеромъ [1]). Трудно уловить, однако, какую-либо существенную разницу въ роли этого лица при Совѣтѣ и роли любого изъ сенаторовъ, которымъ Совѣтъ также объявлялъ свои указы Сенату, или передавалъ челобитья.

III. Фискалы и ихъ положеніе при Высокомъ Сенатѣ.

Переходя къ судьбѣ другого учрежденія Петровскаго времени, а именно—къ судьбѣ фискалата, напомнимъ, что съ 1724 г., когда генералъ-фискалъ А. Мякининъ вступилъ въ отправленіе своей должности, фискалы снова стали подъ вѣдѣніе Сената и то же продолжалось во время правленія В. Т. Совѣта. Представляется въ высшей степени знаменательнымъ тотъ фактъ, что въ царствованіе Екатерины I Совѣтъ какъ бы вовсе игнорировалъ фискалатъ, и генералъ-фискалъ Мякининъ, пока онъ не былъ отрѣшенъ отъ должности и преданъ военному суду по указу 9 іюня 1727 г., ни разу не былъ призванъ въ Совѣтъ; да и вообще въ Совѣтѣ шла рѣчь о фискалахъ, а равно они сами призывались въ его засѣданія только лишь тогда, когда представлялось необходимымъ изслѣдовать вопросъ объ обычныхъ въ то время злоупотребленіяхъ ихъ своею властію [2]). Въ царствованіе Петра II, какъ видно изъ журнала Совѣта отъ 9 іюня 1729 г., приказано было, между прочимъ, взять изъ Сената вѣдомости о прокурорахъ и о фискалахъ; 13 іюня эта вѣдомость была уже заслушана Совѣтомъ, причемъ относительно фискаловъ разсуждено —выслать ихъ всѣхъ къ Москвѣ „на смотръ" [3]). Высылка эта, какъ значится въ протоколѣ Совѣта отъ 23 іюля, мотивировалась тѣмъ, что „при бывшемъ оберъ-фискалѣ Нестеровѣ многіе провинціалъ-фискалы и фискалы опредѣлены по его при-

[1]) См., напр., Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. LXIII, стр. 85, 469; т. LXXIX, стр. 127; т. LXXXIV, стр. 57, 354 и сл., 644 и др.

[2]) Ibid., т. LXIII, стр. 688, т. LVI, стр. 569, т. LXIII, стр. 677, т. LXIX, стр. 61, 330 и др.

[3]) Ibid., т. XCIV, стр. 678, 753 и сл.

хотямъ безъ высшаго указа, а потомъ губернаторы и воеводы, изъ нихъ отставливая, опредѣляли другихъ собою же, а кто гдѣ нынѣ имѣется, и по какимъ указамъ опредѣлены, о томъ въ В. Т. Совѣтѣ и въ Сенатѣ извѣстія не имѣется". Вслѣдствіе этого, было повелѣно „изъ всѣхъ губерній и провинцій и городовъ, кромѣ завоеванныхъ, всѣхъ провинціалъ-фискаловъ и фискаловъ, тако жъ которые отъ фискальства и отставлены, а нынѣ ни у какихъ дѣлъ (не) обрѣтаются, а хотя которые и у дѣлъ по опредѣленіямъ губернаторскимъ и воеводскимъ, а не по указамъ сенатскимъ, кромѣ тѣхъ, кои изъ купечества для однихъ купеческихъ дѣлъ, всѣхъ выслать въ Москву въ Сенатъ на поверстный срокъ". Сенатъ долженъ былъ немедленно представить прибывшихъ на смотръ въ В. Т. Совѣтъ, собравъ отъ нихъ свѣдѣнія, „кто изъ какихъ чиновъ, и гдѣ въ службѣ, или у дѣлъ были, и въ которомъ году, и по какому указу въ фискалы опредѣлены, и сколько кому нынѣ отъ роду лѣтъ". Сенатъ исполнилъ указъ, представивъ, при доношеніи своемъ отъ 15 декабря того же года, со всѣми указанными свѣдѣніями, прибывшихъ въ Москву фискаловъ. В. Т. Совѣтъ, разсмотрѣвъ доношеніе Сената, повелѣлъ всѣхъ высланныхъ „разобрать въ Сенатѣ и изъ нихъ, которые были изъ шляхетства, годныхъ опредѣлить въ военную службу и къ дѣламъ, кто куда достоинъ, а негодныхъ, написавъ въ валовой списокъ, отпустить въ дома до указа; а которые изъ дѣтей боярскихъ, тѣхъ годныхъ написать въ солдаты; а кто куда опредѣлены и въ дома отпущены будутъ, о томъ въ В. Т. Совѣтъ репортовать, а негодныхъ изъ людей боярскихъ представить въ В. Т. Совѣтѣ" [1]).

Такимъ образомъ, кромѣ завоеванныхъ провинцій, провинціалъ-фискалы и фискалы оставлены въ губерніяхъ, провинціяхъ и городахъ лишь изъ купечества, для однихъ купеческихъ дѣлъ [2]). Такое отношеніе В. Т. Совѣта къ фискалату показываетъ, что онъ, съ одной стороны, раздѣлялъ со многими русскими людьми того времени пренебреженіе къ учрежденію, а, съ другой, повидимому, не находитъ нужды его поддерживать, имѣя въ рукахъ своихъ много другихъ средствъ для наблюденія за дѣятельностью лицъ и учрежденій. Весьма возможно также, что общая

[1]) Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. XCIV, стр. 804, т. CI, стр. 336; ср. П. С. З., № 5494.

[2]) Мы не касаемся фискаловъ военныхъ, коимъ позднѣе, при Аннѣ Іоанновнѣ, дается особая инструкція (П. С. З., № 6187).

тенденція Совѣта къ сокращенію штатовъ нашла себѣ выраженіе и по отношенію къ фискалату. Можно спросить, конечно, почему, при такомъ отношеніи къ фискалату, фискалы не были уничтожены вовсе, и Совѣтъ ограничивался лишь незамѣщеніемъ должности генералъ-фискала и опредѣленіемъ къ другимъ дѣламъ наличныхъ провинціалъ-фискаловъ и фискаловъ. Объясненіе этого лежитъ въ общемъ направленіи политики Совѣта: то-же, что мы видимъ по отношенію къ фискалату, отмѣчено уже нами по отношенію къ прокуратурѣ: какъ здѣсь, такъ и тамъ Совѣтъ довольствовался фактическимъ уничтоженіемъ должностей, не касаясь вопроса по существу.

Обратимся теперь къ архивнымъ дѣламъ, чтобы опредѣлить отношеніе института фискаловъ къ Сенату. Фискалы, во главѣ съ генералъ-фискаломъ, находятся въ вѣдомствѣ Сената; понятно, поэтому, что къ послѣднему поступаютъ всѣ жалобы на фискаловъ, обильныя и въ это время. Сенатъ производитъ изслѣдованіе, отрѣшаетъ отъ должности виновныхъ и наказываетъ ихъ; затѣмъ опредѣляетъ на ихъ мѣсто другихъ и дѣлаетъ въ подлежащихъ случаяхъ о нихъ „доношенія" Совѣту. Общее впечатлѣніе, получаемое изъ изученія отношенія Сената къ фискалату, то, что Сенатъ, подобно Совѣту, терпитъ существованіе института, слѣдитъ за злоупотребленіями его агентовъ, но, конечно, никакими своими мѣрами или предложеніями Совѣту не способствуетъ его развитію. Злоупотребленія-же фискаловъ продолжали быть велики, почему и требовали отъ Сената большаго вниманія къ учрежденію. Чтобы не быть голословными, укажемъ на нѣсколько процессовъ, возбужденныхъ противъ фискаловъ. Напр., оберъ-фискалъ Михаилъ Косой, приговоренный къ вѣчной ссылкѣ, обвинялся въ цѣломъ рядѣ преступленій. Такъ, будучи въ Москвѣ оберъ-фискаломъ, онъ „бралъ къ себѣ на домъ многихъ купецкихъ людей и держалъ подъ карауломъ безвинно", какъ, наоборотъ, людей, „явившихъ въ кражахъ, не отсылалъ къ суду"; онъ-же, Косой, „вымысля прежде небывалые мучительные ошейники желѣзные съ длинными спицами, держалъ въ нихъ разныхъ чиновъ людей, а въ допросѣ сказалъ, что онъ сдѣлалъ ихъ для легкости, а не для мученія". Когда передъ нимъ нѣкій Степанъ Калмыкъ былъ обвиненъ въ воровствѣ, то онъ, вмѣсто изслѣдованія дѣла и отсылки его къ суду, опредѣлилъ его въ

Московскую большую таможню въ фискалы. Наконецъ, онъ обвинялся въ томъ, что, вопреки своей „Должности“, принималъ доношенія „о дѣлахъ, гласъ о себѣ имѣющихъ“. Въ другомъ дѣлѣ, объ увольненіи смоленскаго провинціалъ-фискала Аѳ. Сафонова, обнаружилось (вслѣдствіе жалобы вяземскаго купечества), что Сафоновъ, между другими своими „нападками“ на купечество, постоянно, „злобствуя, выбираетъ въ фискалы изъ купечества, изъ первостатейныхъ людей, и по вся годы требуетъ ходоковъ, и изъ Вязмичь посадскихъ людей, Ерофѣя Фатова, взялъ къ себѣ для письма, который обрѣтается при немъ 7 лѣтъ, и даютъ они, купцы, оному Фатову годовую плату, да за него-же всякія подати и подушныя деньги платятъ и службы служатъ, а изъ другихъ-де Смоленской губерніи городовъ у онаго Сафонова въ услуженіи изъ посадскихъ людей никого не имѣется“. Не касаясь другихъ не менѣе любопытныхъ образцовъ дѣятельности фискаловъ, во главѣ съ ихъ генералъ-фискаломъ Мякининымъ [1]), замѣтимъ еще, что, пока послѣдній исправлялъ свою должность (до отдачи его подъ судъ), намъ встрѣчаются довольно часто въ дѣлахъ Сената различныя свѣдѣнія, какъ по дѣламъ самого фискалата, такъ и по доношеніямъ фискаловъ, касающимся ихъ тайнаго наблюденія за дѣятельностью отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ учрежденій; но послѣ его осужденія, такихъ доношеній въ Сенатъ почти не поступаетъ, и у насъ нѣтъ указаній, остается-ли въ должности помощникъ Мякинина, оберъ-фискалъ Михаилъ Андреевъ.

IV. Герольдмейстеръ и его контора.

Переходимъ, наконецъ, къ герольдмейстеру и его конторѣ, существо обязанностей и дѣятельность которыхъ не потерпѣли въ описываемую эпоху никакихъ важныхъ измѣненій по причинамъ, указаннымъ уже нами выше. Такъ, мы видимъ, что герольдмейстеръ,—какъ требовала того еще инструкція 1722 г. [2]), —забо-

[1]) См. А. Н. Филипповъ. Исторія Сената, стр. 291 и сл., примѣч.
[2]) П. С. З., № 3896.

тится о составленіи списковъ служилаго сословія государства, о неуклоненіи лицъ этого сословія отъ службы, о школахъ для недорослей, о составленіи гербовъ дворянамъ. Замѣтно далѣе, что и Сенатъ не остается равнодушнымъ къ дѣятельности этого учрежденія и цѣлымъ рядомъ указовъ разъясняетъ и дополняетъ существующія узаконенія о „Должности" герольдмейстера, входя, въ подлежащихъ случаяхъ, за разрѣшеніемъ въ Совѣтъ. Чувствуется, что живое, нетерпящее отлагательствъ, дѣло, порученное герольдмейстеру и его конторѣ, требовало къ себѣ большаго вниманія и отъ Сената, такъ какъ герольдмейстеръ, „будучи при Сенатѣ", постоянно напоминалъ о себѣ Сенату, а послѣдній, нестѣсняемый Совѣтомъ въ своихъ отношеніяхъ къ первому, не оставлялъ его „представленій" безъ движенія. Для подтвержденія всего сказаннаго приведемъ важнѣйшія данныя, характеризующія взаимныя отношенія Сената и герольдмейстера.

Какъ при Петрѣ Великомъ, такъ и теперь, главное вниманіе герольдмейстера и Сената было обращено на составленіе списковъ лицъ служилаго сословія и наблюденіе за ихъ службою. По 7-му пункту „Должности" Сената, „на убылыя мѣста" гражданскихъ должностей, — когда коллегіи и другія учрежденія представятъ свои списки съ требованіями о назначеніи, по 2 или по 3 человѣка „достойныхъ", — представляются кандидаты Сенату герольдмейстеромъ [1]). Уже по одному этому герольдмейстеръ долженъ былъ заботиться объ исправномъ содержаніи списковъ дворянъ (какъ, впрочемъ, и всѣхъ служилыхъ людей). Сенатъ, въ разъясненіи указаннаго пункта „Должности", предписываетъ герольдмейстерской конторѣ держаться извѣстныхъ правилъ въ порядкѣ представленія кандидатовъ, а равно и заботиться о томъ, чтобы не всѣ находящіяся „не у дѣлъ" лица отпускались въ свои деревни [2]). Далѣе, Сенатъ, чтобы облегчить герольдмейстеру исполненіе обязанностей по составленію и содержанію списковъ въ порядкѣ, предписываетъ являться въ

[1]) П. С. З., № 4847.

[2]) „Герольдмейстерской конторѣ офицеровъ и дворянъ, которые написаны въ валовомъ спискѣ и отпущены въ домы, представлять ко опредѣленію къ дѣламъ по порядку, усматривая, кто кого прежде былъ отпущенъ, и быть изъ нихъ, для опредѣленія къ дѣламъ и посылокъ, въ Москвѣ человѣкъ до 20-ти всегда безотлучно (указъ этотъ, отъ 13 декабря 1728 г., относится ко времени пребыванія Совѣта и Сената въ Москвѣ), съ перемѣнами по третямъ года, дабы, когда понадобится къ дѣламъ опредѣлить, отъ долговременной высылки (въ Москву) во опредѣленіи остановки не было" (М. А. М. Ю., кн. 104/1985, л. 65).

герольдмейстерскую контору всѣмъ подьячимъ, находящимся „не у дѣлъ“, а коллегіямъ и канцеляріямъ прислать въ Сенатъ ихъ именные списки. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Сенатъ, вопреки своимъ прежнимъ указамъ, находитъ нужнымъ расширить компетенцію герольдмейстера по отношенію къ военнымъ чинамъ и защищать его права противъ притязаній Военной коллегіи, которая, какъ извѣстно, вообще стояла весьма независимо по отношенію къ Сенату какъ въ это время, такъ и раньше [1]). Вообще въ герольдмейстерской конторѣ не только собирались всѣ свѣдѣнія о движеніи по государственной службѣ и велись списки служащихъ и отставныхъ, которые, когда въ томъ встрѣчалась надобность, представлялись Сенату, но и производились „смотры“ служилаго сословія.

Такъ какъ, далѣе, герольдмейстеръ и его контора, согласно еще Петровскимъ узаконеніямъ, продолжали дѣйствовать и теперь подъ главенствомъ Сената, то на окончательное усмотрѣніе и рѣшеніе послѣдняго поступали всѣ дѣла, разсматривавшіяся герольдмейстеромъ. Особенно много отнимали вниманія у Сената смотры недорослей, отставныхъ военныхъ чиновъ, годныхъ къ штатской службѣ, и подьячихъ, представляемыхъ герольдмейстерскою конторою. Поэтому такъ обычна въ приговорахъ Сената формула, что „Высокій Сенатъ, смотря, по представленію герольдмейстерской конторы“, или „герольдмейстера“ (такихъ-то лицъ), приказалъ написать однихъ „въ валовой списокъ и отпустить до указу въ домъ“, другихъ — „за старостью отъ дѣлъ уволить“, третьихъ — „опредѣлить“, или „отослать для опредѣленія къ дѣламъ“ въ такое-то учрежденіе. Если Сенатъ получалъ самъ извѣстіе, что такое-то лицо, потребованное на службу, не явилось, или объ этомъ ему дѣлалось представленіе герольдмейстеромъ, онъ приказывалъ герольдмейстерской конторѣ „послать въ тѣ города“, гдѣ розыскиваемый имѣлъ деревни, „къ воеводамъ указы и велѣть имъ выслать его немедленно“; Сенатъ-же приказывалъ конторѣ озаботиться высылкою тѣхъ или иныхъ лицъ, требуемыхъ на службу, или, наоборотъ, послать указъ объ оставленіи данныхъ лицъ „въ тѣхъ городахъ по прежнему“, когда они оказывались къ службѣ ненужными; Сенату, наконецъ,

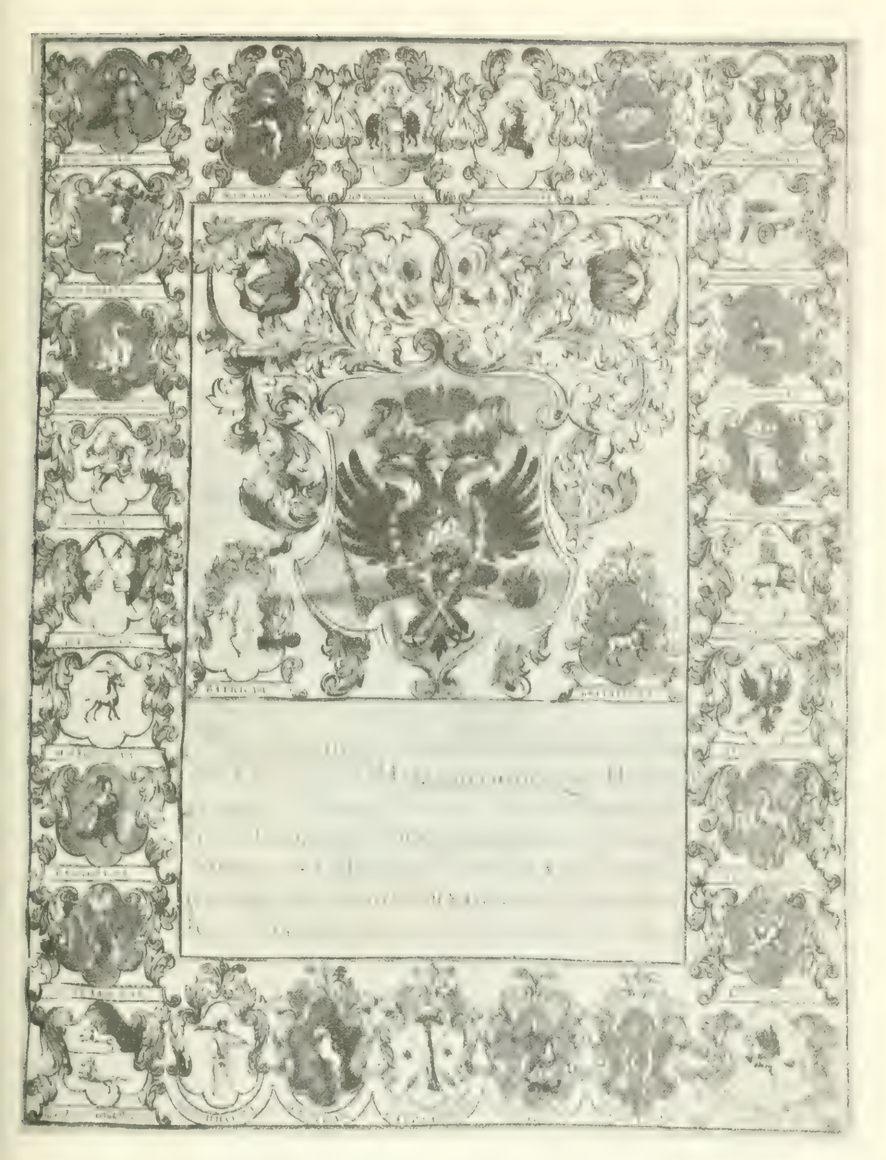
[1]) Весьма любопытные указы Сената, относящіеся къ этому, см. А. Н. Филипповъ, „Исторія Сената“, стр. 294 и сл.

принадлежало право „повышать рангами“ при отставкѣ, „смотря по службѣ“, почему герольдмейстеръ, дѣлая объ этомъ представленіе Сенату, долженъ былъ привести всѣ данныя о службѣ лица, выходящаго въ отставку, и указать соотвѣтствующія узаконенія и прецеденты.

Нами было отмѣчено выше, что, по 7-му пункту „Должности“ Сената, герольдмейстеръ былъ обязанъ представлять кандидатовъ „на убылыя мѣста“. Это постановленіе „Должности“ принадлежитъ къ немногимъ, исполнявшимся на практикѣ. Поэтому, въ указахъ Сената читаемъ требованія, обращенныя къ герольдмейстеру о посылкѣ дворянъ на службу „для отправленія судебныхъ дѣлъ“, о представленіи кандидатовъ въ воеводы, въ асессоры и т. д. Поскольку сохранялись права самого Сената на представленіе кандидатовъ Совѣту, или права его по назначенію на должности, постольку и самъ Сенатъ могъ требовать, конечно, исполненія означеннаго пункта „Должности“. Вообще Сенатъ, какъ это ясно уже изъ обзора его указовъ герольдмейстеру и его конторѣ, былъ весьма склоненъ придерживаться по отношенію къ указанному институту своей прежней практики; поэтому и указы Сената по герольдмейстерскимъ дѣламъ содержатъ постоянно весьма обильныя ссылки на прежніе приговоры Сената [1]).

Согласно еще инструкціи 1722 г., на герольдмейстерѣ лежала обязанность составленія гербовъ отдѣльныхъ фамилій и сохраненія прежнихъ. Позднѣе, въ 1727 г., послѣ того, какъ было повелѣно именовать полки не именами ихъ полковыхъ командировъ, а именами городовъ, на герольдмейстера возложено было составленіе гербовъ тѣхъ городовъ, которые ихъ не имѣли, до конфирмаціи же общаго „гербовника“ Совѣтомъ предоставлено было полкамъ имѣть старыя знамена. Насколько извѣстно, такого общаго гербовника не было, однако, составлено; но составленіе гербовъ отдѣльнымъ городамъ и лицамъ продолжало и теперь составлять заботу Сената и герольдмейстера, при чемъ Совѣтъ предполагалъ, по примѣру иностранныхъ государствъ, брать съ дипломовъ и гербовъ особую пошлину, кромѣ расходовъ по составленію гербовъ. Еще при Петрѣ Великомъ, къ дѣлу „геральдическаго художества“ по составленію гербовъ,

[1]) См. А. Н. Филипповъ. Исторія Сената, стр. 296 и сл., примѣчанія.

Титульный листъ грамоты 1725 г., подписанной Екатериною I, на пожалованіе баронскаго титула гофмейстеринѣ Климентовои.

былъ опредѣленъ гр. Сантій, въ качествѣ товарища герольдмейстера, который затѣмъ продолжалъ дѣйствовать на этомъ поприщѣ и въ изучаемую эпоху, будучи въ то-же время оберъцеремоніймейстеромъ Двора. Интересно отмѣтить при этомъ, что составленіе гербовъ и печатей городамъ и частнымъ лицамъ новозавоеванныхъ балтійскихъ провинцій доставляло немало хлопотъ Сенату и гр. Сантію, и заставляло Сенатъ входить за разъясненіемъ недоумѣній въ Совѣтъ, а послѣднему, въ свою очередь, приходилось вызывать гр. Сантія къ себѣ для объясненій [1]).

Если, согласно „герольдическимъ регуламъ", герольдмейстерскій товарищъ, такъ или иначе, но всетаки исполнялъ ту часть Инструкціи 1722 г., которая относилась къ гербамъ и печатямъ, то насколько исполнялъ самъ герольдмейстеръ постановленіе инструкціи „объ учиненіи краткой школы", гдѣ-бы обучалась опредѣленная часть шляхетства „економіи и гражданству", остается совершенно неизвѣстнымъ. Есть только одинъ указъ Сената, предписывавшій герольдмейстерской конторѣ отсылать въ школу навигаціонныхъ наукъ дворянскихъ дѣтей отъ 12 до 17-ти лѣтъ, представляя Сенату вѣдомости, „сколько, когда и въ какія лѣта (ихъ) отослано будетъ". Впрочемъ, „великій недостатокъ въ коллежскихъ чинахъ", благодаря которому на вакантныя мѣста опредѣлились люди къ даннымъ дѣламъ „незаобычайные" (т. е., неимѣющіе никакого навыка въ канцелярскомъ дѣлопроизводствѣ), заставилъ въ 1728 г. самъ Совѣтъ, по предложенію гр. Остермана, озаботиться выборомъ во всѣ коллегіи лицъ „изъ молодаго шляхетства" для обученія „гражданству" [2]). Конечно, обученіе въ коллегіяхъ молодыхъ людей имѣло чисто-практическій характеръ; но оно, хотя немного, восполняло недостатокъ въ школѣ „для гражданскихъ дѣлъ", которую долженъ былъ основать, по инструкціи, герольдмейстеръ еще при Петрѣ Великомъ, но которая, однако, не была основана ни при Немъ, ни послѣ Него.

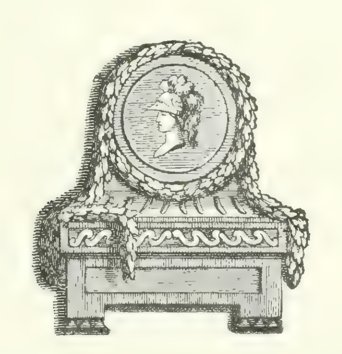
Въ общемъ, герольдмейстеръ и его контора [3]) были и теперь тѣмъ-же, чѣмъ были раньше. Этому, кромѣ отношенія самого Совѣта къ данному учрежденію, способствовало и то обстоя-

[1]) А. Н. Филипповъ. Исторія Сената, стр. 299, и сл.

[2]) П. С. З., № 5106; Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. LXXIX, стр. 335.

[3]) О составѣ ея въ изучаемое время см. Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. LXIII, стр. 656.

тельство, что герольдмейстеромъ въ разсматриваемый періодъ продолжалъ оставаться Иванъ Никифоровичъ Плещеевъ, назначенный на эту должность еще Петромъ Великимъ и лишь въ 1731 г. замѣненный Квашнинымъ-Самаринымъ. Болѣе спокойное теперь, чѣмъ при Петрѣ Великомъ, время требовало отъ герольдмейстера, конечно, гораздо меньше заботъ по устройству служилаго класса въ порядкѣ, предписанномъ его „инструкціей". Частію по этой причинѣ, частію „за недостаткомъ людей",— какъ выражался журналъ Совѣта,—П. Н. Плещеевъ былъ Совѣтомъ выставленъ въ качествѣ кандидата въ президенты доимочной канцеляріи и затѣмъ утвержденъ въ этой должности, по указу 17 февраля 1727 г., оставаясь въ то-же время герольдмейстеромъ Сената [1]). Съ этого времени мы видимъ его постоянно въ Совѣтѣ докладывающимъ дѣла названной канцеляріи; но какъ герольдмейстеръ Сената, Плещеевъ не имѣлъ къ Совѣту почти никакого отношенія [2]).

[1]) Имп. Русс. Ист. Общ., т. LXIII, стр. 52, 121; т. LXIX, стр. 69, 840.

[2]) Ibid., т. LXIII, стр. 376, 811; т. LXIX, стр. 391, 517, 928 и др.; въ журналѣ 17 іюля 1727 г. читаемъ, что „герольдмейстеръ Плещеевъ представлялъ (Совѣту) имена о сотенныхъ дворянахъ; разсуждено, которые здѣсь, а не у дѣлъ, тѣхъ отпустить въ домы до указу, а которые въ домѣхъ, тѣхъ до указу-же не высылать" (ibid, стр. 69). Этотъ случай является, насколько намъ извѣстно, единственнымъ, такъ какъ герольдмейстерскія дѣла поступали въ Совѣтъ непосредственно изъ Сената, что́, конечно, было вполнѣ правильно.

ГЛАВА V.

Кругъ вѣдомства Высокаго Сената, въ связи съ его дѣятельностью.

I. Общія замѣчанія о компетенціи Высокаго Сената. II. Дѣла, восходившія изъ Высокаго Сената въ Верховный Тайный Совѣтъ. III. Кругъ дѣлъ, разрѣшавшихся самимъ Высокимъ Сенатомъ: 1. Компетенція Сената въ дѣлахъ, имѣвшихъ ближайшее отношеніе къ законодательству и его примѣненію на практикѣ. 2. Компетенція Сената въ области управленія государствомъ. 3. Кругъ вѣдомства Сената въ судебной области.

I. Общія замѣчанія о компетенціи Высокаго Сената.

зслѣдованіе вопроса о кругѣ вѣдомства Высокаго Сената въ правленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта представляетъ немалыя трудности какъ по отсутствію вполнѣ точныхъ законодательныхъ опредѣленій предѣловъ компетенціи Сената, съ одной стороны, такъ и въ виду постоянныхъ колебаній правительственной практики Совѣта, съ другой. Совѣтъ касался вопроса о кругѣ вѣдомства Сената лишь постольку, поскольку считалъ это необходимымъ для утвержденія своего верховенства надъ Сенатомъ. Естественнымъ слѣдствіемъ этого было то, что, и при существованіи Совѣта, за Сенатомъ оставалась еще обширная область дѣятельности, на которую Совѣтъ, говоря вообще, не простиралъ своихъ воздѣйствій и которая обезпечивала за Сенатомъ особое мѣсто въ строѣ государственныхъ учрежденій Имперіи. Понятно, поэтому, что кругъ вѣдомства Сената не можетъ быть просто обозначенъ ссылками на именные и совѣт-

скіе указы, относящіеся къ компетенціи Сената, и чтобъ дать общее заключеніе по вопросу, приходится слѣдить шагъ за шагомъ за повседневною дѣятельностью Сената, изучая содержаніе совѣтскихъ протоколовъ и сенатскихъ приговоровъ, живописующихъ эту дѣятельность наглядно. Въ виду того, что это уже сдѣлано въ ученой литературѣ [1]), въ настоящей главѣ будетъ дано лишь сжатое изложеніе всего того, что можетъ дать понятіе о компетенціи Сената.

Прежде всего, обращаясь къ интересующему насъ вопросу, надо замѣтить, что Сенату приходилось нерѣдко отдавать часть своего времени разсмотрѣнію дѣлъ, вовсе не относящихся къ предметамъ его вѣдомства. Общею чертою всѣхъ этихъ дѣлъ, несмотря на разнообразіе ихъ содержанія, было то, что учрежденія и лица, обращавшіяся къ Сенату за удовлетвореніемъ своихъ нуждъ, продолжали разсматривать Сенатъ, какъ верховную инстанцію, нисколько не справляясь съ фактами тогдашней дѣйствительности, поставившими Сенатъ совсѣмъ въ другое положеніе, чѣмъ то, какое онъ занималъ прежде, въ царствованіе Петра Великаго. Какъ и слѣдовало ожидать, между этими дѣлами наибольшее число падало на дѣла, касавшіяся всякаго рода „дачъ“ (т. е. выдачъ), требованія о которыхъ постоянно продолжали поступать въ Сенатъ. Послѣдній, какъ извѣстно, распоряжался при Петрѣ Великомъ всѣми государственными доходами и расходами. Свыкнувшись съ этимъ порядкомъ, даже высшія учрежденія и лица плохо усвоивали новое положеніе дѣлъ, и Сенату постоянно приходилось напоминать имъ объ этомъ. Ограничиваясь лишь однимъ примѣромъ, отмѣтимъ, что въ 1726 г. Военная коллегія обратилась къ Сенату съ требованіемъ о прибавкѣ окладного жалованья яицкимъ казакамъ „противъ донскихъ казаковъ, по препорціи числа людей“. Изъ сенатскаго приговора видно, что въ данномъ случаѣ названная коллегія лишь повторила свое требованіе отъ начала 1725 г., когда Сенатъ, въ удовлетвореніе ея желанія, прибавилъ къ прежнему окладу жалованья яицкихъ казаковъ 546 р. 75 к., „который окладъ въ штатъ и внесенъ (былъ) по тому же, Правительствующаго Сената, опредѣленію“ [2]). Но те-

[1]) А. Н. Филипповъ. Исторія Сената въ правленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта, стр. 305—486.

[2]) Ibid, стр. 307 и сл.

перь времена были уже не тѣ. Сенатъ, конечно, не могъ удовлетворить желанію коллегіи, почему и заявилъ послѣдней, что „нынѣ Высокій Сенатъ, сверхъ вышеписаннаго, прибавки никакой собою учинить не можетъ; а ежели, по разсужденію Военной коллегіи, онымъ казакамъ подлинно такое жалованье учинить надлежитъ, о томъ оной коллегіи (надлежитъ) докладывать Ея Императорскому Величеству въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ“.

Конечно, не одни дѣла верховнаго финансоваго управленія отошли теперь отъ Сената; отошли отъ него вообще всѣ дѣла верховнаго управленія. Плохо понимая, однако, характеръ происшедшей перемѣны, учрежденія продолжали обращаться къ Сенату по прежнему за разрѣшеніемъ подобныхъ дѣлъ. Такъ, напр., Адмиралтейская коллегія обратилась къ Сенату съ промеморіею „о принятіи отъ адмиралтейства въ полное вѣдѣніе въ Бергъ-коллегію Бѣлозерскихъ, Тырпицкихъ и Олонецкихъ Петровскихъ желѣзныхъ заводовъ со всѣми приписанными къ нимъ волостьми и г. Олонцемъ“. Не желая завѣдывать этими заводами, коллегія требовала, однако, отъ Сената, чтобы „потребные съ тѣхъ заводовъ къ адмиралтейству, по ординарнымъ и запроснымъ росписямъ, припасы были отпусканы въ адмиралтейство по настоящимъ цѣнамъ безъ задержанія“. Сенатъ, принявъ во вниманіе, что указанные заводы были отданы коллегіи „для собственныхъ адмиралтейскихъ нуждъ“, въ силу прежнихъ именныхъ и сенатскихъ указовъ, не нашелъ возможнымъ удовлетворить ея требованіе и предложилъ ей,— „ежели она въ нихъ нужды не имѣетъ“,—самой ходатайствовать предъ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ „объ отрѣшеніи отъ своего вѣдомства оныхъ заводовъ“. Очевидно, что въ данномъ случаѣ, какъ и въ другихъ подобныхъ, Сенатъ совершенно правильно не бралъ на себя иниціативы въ перерѣшеніи постановленій именныхъ и собственныхъ указовъ прежняго времени, когда онъ былъ еще Сенатомъ „Правительствующимъ“, предоставляя учрежденіямъ самимъ обращаться за этимъ къ Верховному Тайному Совѣту.

Съ учрежденіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта измѣнились также и отношенія Сената къ тремъ первымъ коллегіямъ, что наглядно выразилось уже въ самомъ порядкѣ сношеній ихъ съ Сенатомъ. Однако, и эти измѣненія либо были мало извѣстны,

либо плохо усвоивались учрежденіями и лицами, до которыхъ это касалось, почему въ Сенатъ постоянно поступали дѣла, касавшіяся этихъ коллегій и не касавшіяся его. Сенату приходилось по отношенію къ этого рода дѣламъ играть роль какой-то передаточной инстанціи, напоминая лишь иногда обращавшимся къ нему, что разрѣшеніе ихъ просьбъ не подлежитъ нынѣ его компетенціи [1]).

Если въ значительномъ числѣ случаевъ обращеніе къ Сенату вызывалось, главнымъ образомъ, плохимъ усвоеніемъ учрежденіями и лицами всѣхъ тѣхъ перемѣнъ, какія происходили въ это время по отношенію къ компетенціи Сената, то обращеніе къ нему съ цѣлымъ рядомъ другихъ дѣлъ, не стоявшихъ уже ни въ какой связи съ происшедшими перемѣнами, свидѣтельствовало наглядно о маломъ, вообще, знакомствѣ обращавшихся къ Сенату съ вопросомъ о кругѣ вѣдомства отдѣльныхъ учрежденій. Сенату и въ подобныхъ случаяхъ приходилось терпѣливо разсматривать эти дѣла и указывать просителямъ на тотъ путь, по которому они должны идти, чтобы направить свои дѣла въ надлежащее мѣсто. Напримѣръ, Сенатъ получилъ въ іюлѣ 1728 г. изъ Псковской провинціи запросъ, въ какія мѣстности Сибири надлежитъ отсылать осужденныхъ преступниковъ; Сенатъ пересылаетъ этотъ запросъ въ Новгородскую губернскую канцелярію, предписывая въ то же время Псковской провинціальной канцеляріи „впредь о такихъ, неподлежащихъ до Сената дѣлахъ, мимо губерніи, въ Сенатъ не писать подъ штрафомъ“ [2]).

Въ общемъ, Сенатъ въ это время былъ не только экспедиціонною коллегіею Совѣта, не только исполнялъ разнообразныя порученія Совѣта по дѣламъ, подлежавшимъ рѣшенію послѣдняго, но и занимался поневолѣ разборомъ многочисленныхъ дѣлъ, не входившихъ вовсе въ кругъ его вѣдомства.

[1]) А. Н. Филипповъ. Исторія Сената, стр. 310 и сл.
[2]) М. А. М. Ю., кн. 99/1980, л. 172 и др.

II. Дѣла, восходившія изъ Высокаго Сената въ Верховный Тайный Совѣтъ.

Обращаясь послѣ общихъ замѣчаній къ вопросу о предѣлахъ вѣдомства самого Сената, надо сказать, что всѣ дѣла, подлежавшія компетенціи Сената, необходимо подраздѣлить на 2 большія группы: на дѣла, восходившія на разрѣшеніе Совѣта, какъ верховнаго учрежденія Имперіи, и дѣла, разрѣшавшіяся самимъ Сенатомъ. Какъ это само собою понятно, законодательныя опредѣленія предѣловъ вѣдомства Сената касались, главнымъ образомъ, дѣлъ первой группы, такъ какъ для самого Совѣта прежде всего было важно установить отношеніе къ нему Сената. Въ общемъ, однако, и эти опредѣленія, очеркъ коихъ былъ уже нами сдѣланъ ранѣе, представляются недостаточно полными и ясными, почему Сенату приходилось входить въ Совѣтъ за разрѣшеніемъ многихъ дѣлъ государственнаго управленія. Самъ Верховный Тайный Совѣтъ обладалъ очень смѣшанными функціями: онъ и законодательствовалъ, онъ и правилъ страною, какъ верховная инстанція всѣхъ исполнительныхъ учрежденій, онъ являлся, наконецъ, высшимъ судебнымъ трибуналомъ. Понятно, что и Сенатъ входилъ въ Совѣтъ за разрѣшеніемъ всѣхъ дѣлъ законодательства и верховнаго управленія. Совѣтъ, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, то расширялъ, то съуживалъ предѣлы компетенціи Сената, какъ это мы уже имѣли случай не разъ отмѣчать выше. Неизмѣннымъ оставалось лишь то, что всѣ дѣла, которыя „состоятъ"—какъ выражался Сенатъ въ своихъ доношеніяхъ—„въ особой милости Императорскаго Величества" и которыхъ „Сенатъ собою рѣшить не можетъ", должны были поступать изъ Сената „на имя Императорскаго Величества, однако-жъ, къ поданію въ Тайномъ Совѣтѣ" [1]). Достигнувъ постепенно того, что какъ въ законодательствованіи, такъ и въ управленіи верховномъ, власть Государей дѣйствовала непосредственно черезъ Совѣтъ, закрывъ для Сената совершенно доступъ къ лицу Монарховъ, Совѣтъ

[1]) Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. LV, стр. 91.

обозначилъ этимъ, въ сущности, яснѣе, чѣмъ всѣми своими законодательными опредѣленіями, кругъ дѣлъ, долженствовавшихъ поступать изъ Сената на его разрѣшеніе.

Верховное значеніе Совѣта прежде всего выразилось, конечно, въ сосредоточіи въ своихъ рукахъ законодательной дѣятельности, почему теперь „первообразное предначертаніе законовъ“, выражаясь словами нашего Свода, не столько „составлялось по особому Высочайшему усмотрѣнію и непосредственному повелѣнію“, сколько по волѣ Совѣта. Это, впрочемъ, не исключало возможности, что такое „предначертаніе“ могло „пріять свое начало отъ общаго теченія дѣлъ“, разсматривавшихся въ Сенатѣ или другихъ учрежденіяхъ. И вотъ мы, дѣйствительно, видимъ, что Сенатъ постоянно входитъ въ Совѣтъ со своими доношеніями о необходимости измѣненія, дополненія или отмѣны существующихъ законовъ, представляя иногда и проекты новыхъ узаконеній. На этой сторонѣ дѣятельности Сената особенно ясно сказывается измѣненіе въ положеніи и значеніи учрежденія, сравнительно съ предшествовавшею эпохою. Сенатъ теперь въ вопросахъ о законодательствѣ, —во всѣхъ дѣлахъ „о новыхъ податяхъ или иныхъ какихъ новыхъ учрежденіяхъ“, во всемъ томъ, „о чемъ уставу и опредѣленія не имѣется“, говоря словами „мнѣнія не въ указъ“, долженъ былъ обращаться къ Совѣту и часто, представляя свои законопроекты, безуспѣшно ждать ихъ утвержденія [1]). Въ Сенатъ постоянно поступали отъ подчиненныхъ ему учрежденій доношенія, въ которыхъ указывалось на необходимость отмѣны, измѣненія или дополненія дѣйствующихъ узаконеній или изданія новыхъ. Нѣкоторыя изъ этихъ узаконеній шли еще отъ времени Петровскаго царствованія, другія были изданы въ послѣдующее время. Жизнь наглядно показывала, что они неудобны для исполненія въ томъ или иномъ отношеніи, и Сенату ничего не оставалось иного, какъ входить за разрѣшеніемъ всѣхъ недоразумѣній практики въ верховное учрежденіе Имперіи,—въ Совѣтъ. Не касаясь примѣровъ обращенія къ Сенату со стороны учрежденій, заставлявшихъ его, въ свою очередь, входить въ Совѣтъ со своими мнѣніями [2]), остановимся лишь на случаѣ, который относился до одного изъ

---

[1]) Объ этомъ см. А. Н. Филипповъ. Исторія Сената, стр. 215 и сл., 222, 224 и др.
[2]) Они указаны ibid., стр. 317 и сл.

установленій, состоявшихъ при Сенатѣ. Когда указомъ Верховнаго Тайнаго Совѣта было повелѣно уничтожить такъ называемую „сенатскую роту", Сенатъ не могъ не отвѣтить Совѣту обстоятельнымъ „доношеніемъ", въ которомъ доказывалъ, что „всѣмъ тѣмъ курьерамъ (надлежитъ) быть при Сенатѣ по прежнему, понеже безъ того числа ни по которому образу пробыть (Сенату) не можно", такъ какъ „изъ той роты не токмо въ Петербургѣ (состоятъ) при Сенатѣ и въ Москвѣ при Сенатской конторѣ, но и въ конторахъ, а именно, въ герольдмейстерской, рекетмейстерской, въ Ревизіонъ-коллегіи и доимочномъ столѣ, въ печатной конторѣ и въ типографіи; сверхъ же того бывали (задержки), за недостаткомъ курьеровъ, и въ посылкахъ съ указами въ губерніи и провинціи, да въ разсылкахъ, какъ изъ Сената, такъ и изъ конторъ разныхъ чиновъ по людей, до которыхъ дѣла касаются; къ тому же случается задержаніе штатскихъ коллегій служителей за неучиненіе счетовъ и другихъ потребныхъ въ Сенатъ вѣдомостей..." и т. д. Совѣтъ долженъ былъ признать справедливость заявленій Сената, почему и приказалъ оставить при немъ изъ „сенатской роты 40 человѣкъ" [1]).

Переходимъ къ дѣламъ управленія. Несомнѣнно, что власть верховнаго управленія теперь почти всецѣло сосредоточивается въ Совѣтѣ; у Сената, однако, остается громадное поле для дѣятельности, „въ дѣлахъ управленія подчиненнаго". Разнообразіе этой дѣятельности создаетъ множество случаевъ, требующихъ обращенія Сената къ Совѣту, какъ верховному учрежденію. То Сенатъ подаетъ Совѣту доношенія о заслуженномъ жалованьѣ разныхъ чиновъ, то представляетъ ему кандидатовъ на должности, то обращается „къ высокой милости Императорскаго Величества" по различнымъ челобитьямъ, къ нему поступавшимъ, то, наконецъ, дѣлаетъ представленія по всякаго рода текущимъ дѣламъ управленія, рѣшеніе коихъ не входитъ въ предѣлы его компетенціи, или находитъ препятствіе въ какихъ-либо обстоятельствахъ. Перечислять всѣ случаи такихъ обращеній Сената въ Совѣтъ не представляется, конечно, необходимымъ; важно, однако, указать на главнѣйшія категоріи такихъ обращеній и отмѣтить тѣ мотивы, какими руководствовался при этомъ Се-

[1]) М. А. М. Ю., кн. 74/1955, л. 113 и сл.; Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. LVI, стр. 537, 606.

натъ. Едва ли не чаще всего Сенатъ, представляя то или иное дѣло въ Совѣтъ, указывалъ на то, что его рѣшеніе „состоитъ въ высокой Вашего Императорскаго Величества милости“, почему Сенатъ по этому дѣлу „собою рѣшенія учинить не можетъ (или, иначе,—„того ради Сенатъ по тому прошенію не токмо рѣшенія, ниже мнѣнія своего, подписать не можетъ“), а всеподданнѣйше требуетъ о томъ Вашего Императорскаго Величества указа“. Нерѣдки, далѣе, ссылки на то, что „Сенатъ собою той (просимой) дачи (деньгами, товарами и т. п.) произвесть не можетъ, понеже по указу 15 іюля 1726 г.... денегъ, товаровъ и другихъ вещей безъ указа, за собственноручнымъ Вашего Императорскаго Величества или всего Верховнаго Тайнаго Совѣта подписаніемъ, кромѣ опредѣленныхъ окладныхъ дачъ, ни на какіе чрезвычайные расходы отпускать не велѣно“ и т. п. Съ такими именно заключеніями отсылалъ Сенатъ, обыкновенно, въ Совѣтъ многочисленныя прошенія учрежденій и лицъ о сверхсмѣтныхъ кредитахъ, затѣмъ челобитья о выдачѣ „награжденій“ за особую службу и жалованья „за прошлые годы“, просьбы о снятіи недоимокъ или о подтвержденіи жалованныхъ грамотъ и тому подобныя дѣла, которыя частію не касались никогда, а частію вышли теперь изъ круга вѣдомства Сената. Сенату ничего не оставалось иного, какъ представлять ихъ на разрѣшеніе Совѣта, хотя не всегда можно объяснить себѣ, почему эти дѣла продолжали еще поступать въ Сенатъ [1]).

Постоянныя перемѣны въ компетенціи учрежденій, уничтоженіе однихъ и возникновеніе другихъ также создавали цѣлую категорію дѣлъ, по которымъ Сенату приходилось обращаться за рѣшеніями къ Совѣту. Указами 1724 и 1725 гг. было, напр., опредѣлено всѣ „строельныя“ (т. е. строительныя) работы, „вѣдомыя въ городовой или полиціймейстерской канцеляріи Петербурга“, производить изъ такъ называемой „соляной суммы“, которая отпускалась изъ Штатсъ-конторы Кабинету; указомъ же 25 мая 1727 г., даннымъ изъ Совѣта, было повелѣно „въ Кабинетъ ни о какихъ дѣлахъ впредь до указу не писать“. Это повелѣніе поставило въ большое затрудненіе канцелярію отъ строеній, которая должна была пріостановить временно свои

---

[1]) Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. LXIII, стр. 32; т. LXXXIV, стр. 536 и мн. др.; т. LVI, стр. 163.

работы. Чтобъ выйти изъ такого положенія, она обратилась къ Сенату съ запросомъ, у кого она должна требовать необходимыя ей суммы на постройки у Сената или Совѣта. Тогда Сенатъ самъ входитъ въ Совѣтъ съ требованіемъ разрѣшить вопросъ, „гдѣ повелѣно будетъ той канцеляріи о денежной казнѣ и рѣшеніи такихъ дѣлъ требовать указа“ [1]).

Немалое число дѣлъ, восходившихъ изъ Сената въ Совѣтъ, касалось, далѣе, опредѣленій на службу, увольненій въ отставку или въ отпускъ и т. п. Нѣкоторыя дѣла объ опредѣленіяхъ на службу, начавшіяся еще тогда, когда Сенатъ стоялъ во главѣ управленія государствомъ, и продолжавшіяся почему-либо позднѣе, наглядно показываютъ, какъ измѣнилось положеніе Сената въ изучаемую эпоху, сравнительно съ предшествующимъ временемъ. Сенатъ, напр., указами, данными въ 1724—25 гг., опредѣлилъ послать въ Сибирь, по требованію губернатора ея, кн. Долгорукаго, 14 „царедворцевъ“ для назначенія ихъ къ тѣмъ или инымъ дѣламъ, по его усмотрѣнію. Изъ этихъ царедворцевъ, однако, по разнымъ причинамъ, не дошло до Сибири ни одного человѣка, почему въ 1727 г. сибирскій губернаторъ вновь повторилъ предъ Сенатомъ свое требованіе о присылкѣ ихъ, указывая на то, что, „за неимѣніемъ въ городахъ управителей, въ дѣлахъ имѣется немалая остановка и продолженіе“. Сенатъ, соглашаясь вполнѣ съ необходимостью удовлетворить требованіе кн. Долгорукаго, не рѣшается, однако, самъ исполнить этого, а обращается въ Совѣтъ съ доношеніемъ, въ которомъ излагаетъ всѣ обстоятельства дѣла и представляетъ списокъ своихъ кандидатовъ, заканчивая свой докладъ обычнымъ вопросомъ: „и о томъ Ваше Императорское Величество что повелите?“ [2]). Какъ видно изъ доношенія Сената Совѣту, всѣ лица, о которыхъ шла рѣчь, предназначались на должности ниже вице-губернатора, т. е., иначе говоря, —на должности, которыхъ замѣщеніе лежало въ компетенціи Сената [3]); но здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, права Сената, опредѣленныя его собственною „Должностью“, не соблюдались Совѣтомъ...

Кромѣ указанныхъ категорій дѣлъ, восходившихъ на разсмотрѣніе и утвержденіе Совѣта, остается отмѣтить еще одну,

[1]) М. А. М. Ю., кн. 87/1368, л. 706.
[2]) Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. LXIII, стр. 233 и сл.
[3]) См. п. 6 „Должности“ Сената 1726 г., П. С. З., № 4847.

Доклад Его императорскому величеству.

Понеже Генерал фелтмаршал и кавалер князь Василей Володимерович Долгорукой привез с собою в монетах гилянских из тамошних доходов 165821 рубль 55 копеек персидской монеты, и отдал на монетной двор для переделу в российскую монету, от которого переделу прибыли будет около сорока пяти тысяч рублев; того ради всепокорнейшее свое мнение вашему императорскому величеству доносим, что за труды его Генерала фелтмаршала, которые он имел в тамошних провинциях, и за верные службы и за вывоз такой немалой суммы надлежит пожаловать ему из вышеписанных прибылных денег двадцать тысяч рублев, а генерал лейтенанту Левашову две тысячи рублев;

Генерал адмирал граф Апраксин

граф Гаврило Головкин

князь Василей Долгорукой

Быть Петр

Андрей Остерман

князь Алексей Долгорукой

получен июля в 31 1728

Помѣтка Императора Петра II на докладѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта отъ 31-го iюля 1728 г.

подъ которую пойдутъ дѣла самаго разнообразнаго содержанія, имѣющія, однако, ту общую черту, что всѣ они потому вызываютъ Сенатъ на восхожденіе съ своими доношеніями въ Совѣтъ, что существующіе указы, изданные повелѣніями Императорской власти, Совѣта или даже прежняго „Правительствующаго" Сената, оказываются на практикѣ „сопряженными съ великими неудобствами въ исполненіи", а Сенатъ не можетъ устранить этихъ неудобствъ безъ рѣшенія свыше. Иногда эти неудобства кажутся Сенату столь нетерпимыми, что онъ беретъ на себя пріостановку дѣйствій этихъ указовъ впредь „до будущаго опредѣленія", а самъ немедленно представляетъ Совѣту докладъ по такому дѣлу. Конечно, подобные случаи встрѣчались въ практикѣ Сената весьма рѣдко: чувствуя всесиліе Совѣта, Сенатъ предпочиталъ обращаться къ нему за разрѣшеніемъ всѣхъ недоразумѣній по исполненію дѣйствующихъ узаконеній: однако, такіе случаи бывали. Такъ, напр., въ іюлѣ 1726 г. Сенатъ, давая, по доношенію Миниха, свое позволеніе на пропускъ дровъ, нарубленныхъ по берегамъ Ладожскаго канала, предписываетъ „впредь до указу по тѣмъ канальнымъ берегамъ лѣсу и дровъ въ отвозъ не рубить" и вмѣстѣ съ тѣмъ постановляетъ „доложить о томъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, повелѣно-ль будетъ въ рубкѣ тѣхъ дровъ и лѣсу, по берегу канальному, позволеніе учинить". Такое разрѣшеніе вопроса только для даннаго случая было, конечно, вполнѣ разумно: представлялось неудобнымъ оставлять нарубленныя дрова на берегу канала впредь до разрѣшенія общаго вопроса Совѣтомъ, такъ какъ этимъ прежде всего ставились въ большое затрудненіе рубщики лѣса, обязавшіеся поставить ихъ въ срокъ, „по подряду въ дворцовую канцелярію"; издавать же новый общій указъ не лежало, въ данномъ вопросѣ, въ компетенціи Сената; и вотъ Сенатъ, чтобы выйти изъ затрудненія здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ [1]), долженъ принимать ту или иную временную и предварительную мѣру.

Но если случаи вышеуказанныхъ предварительныхъ и временныхъ распоряженій Сената были весьма рѣдки и вызывались лишь самыми настоятельными нуждами, то, наоборотъ, обращенія Сената къ Совѣту за разрѣшеніемъ тѣхъ или иныхъ (иногда со-

[1]) О нихъ см. А. Н. Филипповъ. Исторія Сената, стр. 327 и сл.

вершенно незначительныхъ) затрудненій практики были постоянны, и доношенія о нихъ изъ Сената въ обиліи сохранились, какъ въ его приговорахъ, такъ и протоколахъ Совѣта. Сенатъ дѣлаетъ, напр., Совѣту представленіе о починкѣ ветхихъ крѣпостей въ Сибири, или о числѣ депутатовъ въ комиссію объ уложеніи; онъ, далѣе, указываетъ на затрудненія, встрѣчающіяся при сношеніяхъ ревизующаго сенатора, гр. Матвѣева, съ Сенатскою конторою, спрашиваетъ, куда ему дѣвать старинныя книги; онъ, наконецъ, представляетъ Совѣту свои соображенія о замѣнѣ находящихся въ Гилянѣ казаковъ, „ихъ-же братіею" другими казаками и т. д. [1]).

Переходимъ теперь къ обзору судебной дѣятельности Сената, поскольку послѣдняя завершалась обращеніемъ къ рѣшеніямъ Совѣта. Прежде всего, конечно, Сенатъ долженъ былъ входить въ Совѣтъ, какъ верховное учрежденіе Имперіи, по тѣмъ судебнымъ дѣламъ, которыя „состояли въ Высокой милости Императорскаго Величества". Такъ, по дѣлу нѣкоего Худеяровскаго, Сенатъ, соглашаясь съ доводами челобитчицы, жены Худеяровскаго, что надлежитъ мужа ея „отъ каторжной работы свободить, понеже онъ глазами слѣпъ", и послать его съ женою и дочерью въ ссылку въ Сибирь (такъ какъ нынѣ его жена съ дочерью „скитаются межъ дворъ и пропитанія не имѣютъ"), добавляетъ, однако, что „мнѣнія своего о томъ написать не можетъ", конечно, потому, что „оное состоитъ изъ высокой Вашего Императорскаго Величества милости", т. е. право помилованія принадлежитъ лишь Верховной власти. Обстоятельства, вызывавшія Сенатъ на обращеніе къ Высочайшей милости въ Совѣтѣ, представляютъ немалый интересъ для характеристики отношеній Сената къ Совѣту въ области судебной, почему мы и остановимся кратко на одномъ или двухъ случаяхъ этихъ обращеній. Въ 1726 г., въ Рижскомъ гофгерихтѣ было рѣшено дѣло о наслѣдственныхъ маетностяхъ фонъ-Фитингофа. На рѣшеніе это одинъ изъ наслѣдниковъ, Э. фонъ-Фитингофъ, подалъ жалобу въ Сенатъ, указывая на то, что гофгерихтъ рѣшилъ дѣло въ его отсутствіе, а именно—когда онъ былъ „за моремъ для обученія и, по учиненной сентенціи, въ надлежащемъ срокѣ, того дѣла онъ перенесть (въ высшую инстанцію)

[1]) А. Н. Филипповъ. Исторія Сената, стр. 332 и сл.

и адвоката опредѣлить, за малолѣтствомъ, не зналъ", почему онъ и проситъ нынѣ „по тому дѣлу дать вновь судъ съ головы, въ Юстицъ-коллегіи". Сенатъ, принявъ во вниманіе, что „по шведскимъ правамъ вновь дѣла слѣдуются изъ Государевой милости", переноситъ это дѣло въ Совѣтъ, который уже самъ и разрѣшаетъ его вновь пересмотрѣть въ Юстицъ-коллегіи особымъ „опредѣленнымъ для иноземческихъ дѣлъ членамъ". Въ другомъ дѣлѣ, Сенатъ подаетъ Совѣту свое мнѣніе о необходимости отпустить „вины" нѣкоторымъ якутскимъ жителямъ, такъ какъ они подходятъ подъ милостивый указъ 1725 года, по которому „всѣ фискальскія и доносителевы дѣла по 1721-ый годъ оставлены", на что указываетъ Сенату Камеръ-коллегія, представляя означенное дѣло на его разрѣшеніе; Сенатъ опять-таки не можетъ рѣшить этого дѣла самъ, а подаетъ о немъ доношеніе въ Совѣтъ [1]).

Но не одни дѣла, „состоявшія въ особой милости Императорскаго Величества" восходили изъ Сената въ Совѣтъ: по указу 8 октября 1726 г. повелѣно, чтобы „о винахъ", присужденныхъ къ смертной казни, или къ политической смерти, „не чиня экзекуціи, подавались для доклада Ея Императорскаго Величества въ Верховный Тайный Совѣтъ краткіе экстракты". Вопросъ объ этихъ приговорахъ возникъ вскорѣ послѣ учрежденія Совѣта, а именно —уже въ началѣ іюня того же 1726 года, по слѣдующему очень характерному поводу: 10 іюня Екатерина узнала, что въ этотъ день назначено казнить черезъ сожженіе нѣкоего Бѣляева, и потребовала отъ Юстицъ-коллегіи „точнаго извѣстія", „какъ оный осужденъ и за что"; затѣмъ Императрица, выслушавъ доношеніе прокурора коллегіи по этому дѣлу, спросила: „для чего, въ присутствіи Ея въ резиденціи, такою казнію, которая не всегда случается, человѣка хотятъ отъ коллегіи сжечь, необъявя" Ей, причемъ высказала, что, „хотя-бы кому надлежало и политическую смерть учинить", а именно—„вырѣзавъ ноздри, сослать въ вѣчную каторжную работу", то „и о такихъ надлежитъ, прежде экзекуціи, докладывать" Ей, конечно, тогда, когда Государыня „изволитъ быть въ резиденціи". Послѣ этого Юстицъ-коллегія обратилась къ Сенату за разъясненіемъ, „гдѣ и черезъ кого" она должна докладывать Императрицѣ о подобныхъ дѣ-

[1]) А. Н. Филипповъ. Исторія Сената, стр. 132 и сл.

лахъ. Сенатъ, въ свою очередь, вошелъ „съ доношеніемъ" въ Совѣтъ, въ результатѣ чего и явился вышеприведенный указъ. При Екатеринѣ, Совѣтъ, дѣйствительно, послѣ этого указа, представлялъ на утвержденіе Императрицы приговоры о смертной казни [1]). Надо думать, однако, что, издавая свой указъ, Совѣтъ лишь повиновался ясно выраженной волѣ Императрицы, а самъ вовсе не находилъ нужнымъ вообще брать на себя ревизію приговоровъ, хотя и по многочисленнымъ, но во всякомъ случаѣ обыкновеннымъ преступленіямъ, которыя влекли за собою тогда смертную казнь и въ особенности—политическую смерть. Этимъ и объясняется, вѣроятно, то обстоятельство, что уже въ слѣдующемъ году, въ царствованіе Петра II, Совѣтъ отмѣняетъ свое постановленіе и отсылаетъ въ Сенатъ всѣ полученные имъ изъ коллегій и канцелярій экстракты о колодникахъ, приговоренныхъ къ помянутымъ наказаніямъ, повелѣвая Сенату разсмотрѣть ихъ „немедленно, а, разсмотря, учинить по государственнымъ правамъ"; затѣмъ, приказываетъ „впредь изъ коллегій и канцелярій о такихъ колодникахъ краткія выписки, для разсмотрѣнія, подавать въ Сенатъ, а въ губерніяхъ такія дѣла разсматривать губернаторамъ съ товарищи" [2]). Здѣсь Совѣтъ возстановляетъ, такимъ образомъ, прежній порядокъ утвержденія приговоровъ Сенатомъ, находя, вѣроятно, что, съ одной стороны, право апелляціи на Сенатъ Совѣту достаточно гарантируетъ интересы осужденныхъ, а съ другой,—что этотъ порядокъ ничѣмъ не умаляетъ судебнаго значенія самого Совѣта, на утвержденіе котораго идутъ всѣ приговоры по дѣламъ важнымъ. Затѣмъ Совѣтъ счелъ нужнымъ, въ началѣ слѣдующаго 1728 г. (а именно указомъ 5 января),—когда Сенатъ представилъ ему на утвержденіе списокъ нѣсколькихъ лицъ, приговоренныхъ къ политической смерти и другимъ наказаніямъ, вновь подтвердить, что „впредь о такихъ колодникахъ, которые являться будутъ не въ важныхъ дѣлахъ, чинить рѣшеніе по указамъ Сената; а о важныхъ, со мнѣніемъ, докладывать" Совѣту.

Отмѣченный нами выше указъ приводитъ къ вопросу о томъ, какія дѣла назывались тогда „важными" и какъ относился къ нимъ Совѣтъ, въ качествѣ верховнаго судебнаго учрежденія. Что касается перваго вопроса, то, какъ это видно, между прочимъ, изъ

[1]) П. С. З. № 4964; Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. LVI, стр. 123 и сл., стр. 569.
[2]) П. С. З., № 5218; Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. LXIX, стр. 60.

указа 24 мая 1727 г., къ дѣламъ „важнымъ“ относились дѣла по такъ называемымъ „первымъ 3-мъ пунктамъ“: „первое, ежели кто за кѣмъ злое умышленіе на здоровье Его Императорскаго Величества, второе объ измѣнѣ, третье о возмущеніи или бунтѣ“ [1]. Подобно Петровскому Сенату, Совѣтъ, въ царствованіе Екатерины I, —когда существовала преображенская канцелярія,—занимался политическими дѣлами лишь въ очень рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ. Наоборотъ, при Петрѣ II, Совѣтъ сталъ посвящать этимъ дѣламъ много вниманія, то являясь первою инстанціею по наиболѣе важнымъ изъ нихъ (дѣламъ первыхъ двухъ или трехъ пунктовъ), то высшею, назначающею предварительное слѣдствіе, или же ревизующею приговоръ Сената, или другого суда, коему было поручено разсмотрѣніе дѣла по существу. Общее выраженіе въ законѣ этотъ установившійся на практикѣ порядокъ нашелъ, однако, лишь въ указѣ 4 апрѣля 1729 г., коимъ уничтожалась преображенская канцелярія. Въ этомъ указѣ повелѣвалось, чтобъ въ случаѣ, если, при закрытіи учрежденія, окажутся „такія дѣла, что они ни малаго времени терпѣть не могутъ, о тѣхъ той канцеляріи секретарямъ докладывать немедленно“ Совѣту. Совѣтъ, такимъ образомъ, временно, принимаетъ на себя рѣшеніе текущихъ и нетерпящихъ отлагательства дѣлъ закрываемаго учрежденія. Что же касается до тѣхъ дѣлъ, „которыя вновь приходить будутъ“, то, если они будутъ „состоять въ первыхъ 2-хъ пунктахъ, о нихъ должно было немедленно докладывать“ въ Совѣтѣ, а „о прочихъ, которыя меньшей важности,—въ Сенатѣ“ [2]. Такимъ образомъ, изъ политическихъ дѣлъ Сенатомъ рѣшались дѣла по третьему пункту, при чемъ Сенатъ не всегда зналъ, какія дѣла онъ долженъ былъ представлять съ своимъ „мнѣніемъ“ въ Совѣтъ на утвержденіе и какія разрѣшать самъ, ввиду неясности самого понятія —„дѣла меньшей важности“ [3].

---

[1]) П. С. З., №№ 5224, 5078.
[2]) П. С. З., № 5397.
[3]) См. А. Н. Филипповъ. Исторія Сената, стр. 336 и сл.

III. Кругъ дѣлъ, разрѣшавшихся самимъ Высокимъ Сенатомъ.

1. Компетенція Сената въ дѣлахъ, имѣвшихъ ближайшее отношеніе къ законодательству и его примѣненію на практикѣ.

Мы коснулись круга дѣлъ, хотя и подлежавшихъ компетенціи Сената, но восходившихъ на разрѣшеніе Совѣта, какъ верховнаго учрежденія Имперіи. Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію круга дѣлъ, разрѣшавшихся самимъ Сенатомъ. Какъ уже ясно изъ предыдущаго, съ учрежденіемъ Совѣта всего болѣе потерпѣла умаленіе функція Сената, имѣвшая то или иное отношеніе къ законодательству. Совѣтъ, на ряду съ дѣлами верховнаго управленія, сосредоточилъ въ себѣ и законодательную дѣятельность. Правда, для Сената, какъ это не разъ отмѣчалось нами, оставалась очень почетная и важная обязанность по составленію, на основаніи совѣтскихъ порученій, разнаго рода законопроектовъ, инструкцій и т. д.; кромѣ того, сама практика управленія постоянно заставляла Сенатъ входить въ Совѣтъ съ своими „мнѣніями" объ измѣненіи, дополненіи или отмѣнѣ дѣйствующихъ узаконеній; иначе говоря, Сенатъ, и въ эту эпоху его паденія, силою вещей принималъ посильное и, въ общемъ, весьма значительное участіе въ дѣлахъ законодательства. Но въ цѣломъ, какъ ни была важна роль Сената въ законодательной дѣятельности Совѣта, это была роль подчиненнаго учрежденія,—роль зависимая, гдѣ Сенату во всемъ приходилось дѣйствовать по приказу Совѣта, ждать его рѣшеній. Во всякомъ случаѣ, изъ дѣлъ государственнаго управленія, имѣвшихъ ближайшее отношеніе къ законодательству и его примѣненію на практикѣ, въ компетенцію Сената входитъ прежде всего забота объ обнародованіи законовъ; онъ является, далѣе, хранителемъ законовъ, разъясняетъ ихъ смыслъ, заботится о правильности ихъ толкованія подчиненными мѣстами и лицами, разрѣшаетъ всѣ затрудненія и сомнѣнія, могущія явиться при примѣненіи закона въ жизни, и т. п.

Характерно, что въ указанной сферѣ Сенатъ и теперь дѣйствуетъ вполнѣ самостоятельно. Конечно, всѣ дѣйствія Сената (насколько это доступно наблюденію изслѣдователя) ограничены дѣйствующимъ законодательствомъ; но поскольку они находятъ въ послѣднемъ свое основаніе, постольку Сенатъ и свободенъ, почему, лишь выходя за границу существующихъ законовъ, онъ обращается къ Совѣту, какъ законодательному учрежденію, что уже мы имѣли случай не разъ отмѣчать выше. Изучая многочисленные приговоры Сената и сопоставляя ихъ съ дѣйствовавшими тогда узаконеніями, мы видимъ, что дѣла этого рода имѣли важное значеніе въ ряду другихъ дѣлъ высшаго управленія, подлежавшихъ компетенціи Сената. Замѣтимъ также еще, что если между указанными выше дѣлами мы поставили на первое мѣсто обнародованіе законовъ, то сдѣлали это, во 1-хъ, потому, что въ данной области Сенатъ описываемой эпохи остался, въ общемъ, тѣмъ, чѣмъ онъ былъ при Петрѣ Великомъ (что весьма знаменательно уже само по себѣ), а во 2-хъ,—и потому, что заботы по обнародованію законовъ играли важную роль въ повседневной дѣятельности Сената, вызывая его на многочисленныя и нерѣдко весьма хлопотливыя мѣропріятія.

Какъ же было фактически организовано обнародованіе законовъ? Какъ извѣстно, еще при Петрѣ Великомъ на Сенатѣ лежала обязанность печатанія, а затѣмъ и разсылки указовъ „ко всенародному объявленію"; извѣстно также, что, несмотря на мѣры, предпринимавшіяся какъ Петромъ Великимъ, такъ и Сенатомъ, для публикаціи законовъ („дабы никто впредь невѣдѣніемъ не отговаривался"), незнаніе законовъ населеніемъ составляло неискоренимое зло времени [1]). Какъ при Петрѣ Великомъ, такъ и теперь, всѣ законодательные акты раздѣлялись на двѣ группы: на „указы публикованные", знаніе коихъ было обязательно для всѣхъ, и указы, инструкціи, наказы и т. д., объявляемые только тѣмъ мѣстамъ и лицамъ, до которыхъ они относились и которыя ихъ, въ свою очередь, должны были знать. Сенатъ въ данное время постоянно получалъ отъ Совѣта (а въ царствованіе Екатерины I иногда—и изъ Кабинета) указы, въ тѣхъ формахъ, какія тогда были установлены. Получивъ эти указы, Сенатъ,—если въ са-

---

[1]) П. С. З., №№ 2785, 3978 (п. 8); ср. А. Н. Филиппова, изслѣдованіе и „О наказаніи по законодательству Петра Великаго", стр. 133 сл.

момъ указѣ не было отмѣчено, что онъ долженъ былъ быть объявленъ „во всенародное извѣстіе“, приступалъ къ разсмотрѣнію вопроса, къ какому разряду указовъ долженъ быть отнесенъ присланный указъ. Поэтому въ приговорахъ Сената мы находимъ почти постоянно либо точныя опредѣленія относительно мѣстъ разсылки указовъ (иногда, впрочемъ, эти опредѣленія относительно мѣстъ разсылки указовъ дѣлались и въ такой формѣ: „послать, куда надлежитъ“), либо,—если указъ подлежалъ „всенародному объявленію“, весьма подробныя указанія на порядокъ публикаціи законовъ и правительственныхъ распоряженій, конечно, послѣ того, какъ они были напечатаны и къ нимъ приложена была государственная печать. Какъ извѣстно уже, въ вѣдомствѣ Сената находилась особая типографія и печатная контора, въ которую и поступали изъ Сената указы, подлежавшіе напечатанію; иногда эти указы отдавались для напечатанія въ типографію Св. Синода. Распоряженія Сената относительно разсылки напечатанныхъ указовъ и другихъ актовъ иногда (въ случаяхъ особой ихъ важности) были сложны и доставляли затѣмъ Сенату немало заботъ по наблюденію за исполненіемъ въ точности предписанныхъ мѣръ по „всенародному объявленію“ указовъ. Такъ, напр., когда Сенатъ получилъ изъ Совѣта указъ объ отсрочкѣ платежа подушной подати и объ окончаніи переписи душъ, указъ, въ которомъ Совѣтъ прямо предписывалъ „о томъ въ народѣ во всѣхъ городахъ и уѣздахъ публиковать“,—то онъ тотчасъ сдѣлалъ распоряженіе о посылкѣ „печатныхъ листовъ“ въ губерніи и провинціи съ „нарочными курьерами“, далъ имъ прогонныя деньги и послалъ о томъ, „куда надлежитъ“, указы. Вмѣстѣ съ этимъ, Сенатъ распорядился собрать „у генералитета и офицеровъ, обрѣтающихся у переписного дѣла“, подробныя свѣдѣнія, „для чего они, по прежде посланнымъ Ея Императорскаго Величества указамъ, того переписного дѣла понынѣ не окончали“, чтобы потомъ, „учиня изъ ихъ репортовъ и вѣдомостей выписку, взнесть въ Верховный Тайный Совѣтъ при доношеніи“ [1]). Такъ, почти всякій именной или совѣтскій указъ вызывалъ Сенатъ на цѣлый рядъ дѣйствій, то по напечатанію, то по его разсылкѣ.

[1]) П. С. З., № 5010, М. А. М. Ю., кн. 82/1963, л. 57 и сл.

Получивъ свѣдѣнія, что посланные указы почему-либо не дошли по своему назначенію, Сенатъ затѣмъ производилъ изслѣдованіе, кѣмъ и когда была сдѣлана разсылка указовъ, „репортовано-ли“ ему о ихъ полученіи; наконецъ, приказывалъ произвести вторичную ихъ разсылку. Такой случай произошелъ, напр., съ манифестами и „присягами“ (т. е. присяжными листами) въ маѣ 1727 г. Сенатъ приказалъ своей конторѣ отправить Манифестъ о восшествіи на престолъ Петра II, вмѣстѣ съ присяжными листами, въ Московскую и другія губерніи; въ іюнѣ, однако, въ Сенатъ поступило доношеніе, что „въ тое губернію указовъ и манифестовъ и присягъ какъ изъ Сената, такъ и изъ Военной коллегіи, въ присылкѣ нѣтъ, и какъ штатскіе, такъ и гварнизонныхъ полковъ военные служители у присягъ еще не были, и оная губернія имѣетъ опасеніе, не утратились-ли оные какимъ случаемъ въ пути“. Въ Сенатъ поступали также изъ коллегій заявленія о необходимости публикованія тѣхъ или иныхъ указовъ въ извѣстной формѣ. Разсмотрѣвъ эти заявленія и найдя ихъ основательными, Сенатъ дѣлалъ затѣмъ соотвѣтствующія распоряженія. Разсматривая въ цѣломъ всѣ дѣйствія Сената по обнародованію законовъ, мы видимъ, что, какъ при Петрѣ Великомъ, такъ и теперь всѣ мѣры Сената сводились въ этомъ отношеніи, къ распоряженіямъ о напечатаніи законовъ, а затѣмъ и къ разсылкѣ ихъ правительственнымъ учрежденіямъ, которыя уже сами принимали мѣры къ ихъ „всенародному объявленію“, если послѣднее было необходимо. Только въ рѣдкихъ, сравнительно, случаяхъ разсылку общихъ указовъ Сенатъ бралъ на себя; наоборотъ, указы самого Сената, какъ и именные и совѣтскіе указы, относившіеся ко второй группѣ указовъ („указы не публикованные“), разсылаются, обыкновенно, Сенатомъ самимъ [1]).

Какъ уже указывалось, Сенатъ являлся, по своей „Должности“, „хранителемъ законовъ“. Поэтому, естественно, что на немъ лежали заботы, какъ по разъясненію смысла закона и правильности его толкованія подчиненными мѣстами и лицами, такъ и по устраненію всѣхъ затрудненій практики относительно при-

[1]) Примѣры въ подтвержденіе всего вышесказаннаго объ обнародованіи законовъ см. А. Н. Филипповъ. Исторія Сената, стр. 344 и сл.

мѣненія законовъ въ жизни. Изъ архивныхъ данныхъ видно, что, съ одной стороны, подчиненныя Сенату мѣста и лица постоянно обращаются къ Сенату, какъ къ хранителю законовъ, за разъясненіями недоразумѣній практики, а съ другой, самъ Сенатъ, усматривая изъ производства дѣлъ какія-либо отступленія отъ закона, возвращаетъ учрежденія и лицъ на стезю законности. Впрочемъ, здѣсь, какъ и въ другихъ вопросахъ, собственная иниціатива Сената проявлялась весьма рѣдко.

Далѣе, Сенату приходится восполнять своими толкованіями недостатки или недомолвки законовъ, то указывая мѣстамъ и лицамъ на законы, ими позабытые, которыхъ знаніе уничтожило-бы самую необходимость обращенія ихъ къ Сенату; то, наконецъ, сопоставляя рядъ указовъ и выводя изъ нихъ правильное пониманіе законовъ, съ умысломъ или безъ умысла, искажаемыхъ подчиненными учрежденіями и лицами [1]). При этомъ, нельзя не отмѣтить еще слѣдующаго характернаго явленія, съ которымъ приходилось считаться Сенату, какъ хранителю законовъ: состояніе законодательства было, въ частныхъ случаяхъ, таково, что Сенатъ не могъ прямо и категорически отвѣчать на обращенные къ нему запросы по разрѣшенію затрудненій, встрѣченныхъ на практикѣ, почему и долженъ былъ предлагать учрежденіямъ,—„до генеральнаго опредѣленія“ (т. е. до тѣхъ поръ, пока Сенатъ, собравъ всѣ данныя и доставивъ соотвѣтствующій законопроектъ, представитъ его на обсужденіе и рѣшеніе Совѣта), довольствоваться тѣми узаконеніями, какія существуютъ, мирясь, такъ сказать, со всѣми ихъ недомолвками и недостатками, въ виду, конечно, того обстоятельства, что они не могутъ быть устранены сразу, безъ полнаго и основательнаго пересмотра дѣйствующихъ указовъ. Въ 1727 г., напр., были выбраны въ Петербургскую ратушу бургомистръ Як. Медовщиковъ и бурмистры Лукьяновъ и Ржевитиновъ, которымъ „былъ объявленъ Его Императорскаго Величества указъ, чтобъ они въ той ратушѣ были и дѣла управляли, какъ указы повелѣваютъ“. Что легко было предписать на словахъ, то оказалось, однако, труднымъ исполнить на дѣлѣ: едва прошелъ мѣсяцъ, какъ Медовщиковъ подалъ доношеніе въ Сенатъ, „чтобъ о нихъ (т. е. бургомистрѣ и бурмистрахъ) опредѣлить указомъ, и по

[1]) А. Н. Филипповъ. Исторія Сената, стр. 350 и сл.

какой формѣ, и въ какія дѣла вступать, о томъ-бы дать (имъ) инструкцію". Сенатъ затруднился это сдѣлать тотчасъ, почему и предписалъ означеннымъ лицамъ „до будущаго опредѣленія дѣла управлять по Уложенію, указамъ и по формѣ суда . . . и которые имѣются въ бывшемъ Главномъ магистратѣ Уложенье, указы и прочее, что къ ихъ суду надлежитъ, принять по описи". . . Сенатъ, такимъ образомъ, призналъ, что требованіе объ инструкціи вполнѣ основательно, но не нашелъ возможнымъ предложить имъ ожидать этой инструкціи, такъ какъ ея составленіе очень-бы затянуло дѣло (между тѣмъ какъ Сенату было извѣстно, что „купцы нигдѣ не могутъ суда себѣ получить"), почему онъ и предписалъ членамъ ратуши самимъ, до поры до времени, разбираться въ существующихъ указахъ и Уложеніи [1]).

Если въ цѣломъ рядѣ случаевъ обращеніе къ Сенату вызывалось неполнотою и неясностью законовъ то, какъ характерную черту едва-ли не всего XVIII вѣка, надо отмѣтить еще обращеніе къ Сенату подчиненныхъ учрежденій и лицъ съ запросами по тѣмъ предметамъ, на которые имѣлись „точные указы", управомочивавшіе ихъ на извѣстныя дѣйствія. Случалось, что самъ Сенатъ поступалъ такъ по отношенію къ Совѣту; но то же надо отмѣтить и относительно подчиненныхъ ему учрежденій и лицъ. Это вызываетъ Сенатъ, между прочимъ, на слѣдующее, уже общее, распоряженіе. Припоминая, что еще по указу 23 сентября 1721 года запрещено было „взносить въ Сенатъ доношенія" по такимъ дѣламъ, „которыя надлежитъ вершить по Уложенію и по пунктамъ" („дабы отъ такихъ дѣлъ нужнымъ государственнымъ дѣламъ остановки не было"), и лишь дозволено „взносить такія дѣла, развѣ о которыхъ въ Уложеніи и пунктахъ нимало не упомянуто", и что, далѣе, по указу 31 іюля 1724 г. были точно опредѣлены случаи доношеній изъ коллегій въ Сенатъ, послѣдній вновь подтверждаетъ коллегіямъ и канцеляріямъ дѣйствіе этихъ указовъ и предписываетъ на всѣ тѣ дѣла, „на которыя (онѣ) указы имѣютъ, отнюдь въ Сенатъ доношеній не подавать, подъ штрафомъ, по Генеральному регламенту" [2]).

---

[1]) М. А. М. Ю., кн. 92/1973, л. 26, другіе примѣры см. А. Н. Филипповъ. Исторія Сената, стр. 358 и сл.

[2]) М. А. М. Ю., кн. 83/1964, л. 156 и сл., П. С. З., № 4279.

2. Компетенція Сената въ области управленія государствомъ.

Обращаясь къ кругу вѣдомства Сената въ области управленія государствомъ, надо сказать, что, за исключеніемъ дѣлъ, отошедшихъ къ Совѣту, какъ верховному учрежденію, у Сената осталось обширное поле дѣятельности, не только по отношенію къ цѣлому ряду административныхъ учрежденій, ему подчиненныхъ, но и по отношенію ко многимъ задачамъ управленія, выполнявшимся Сенатомъ, хотя и подъ главенствомъ Совѣта, но самостоятельно.

Въ Сенатѣ сходятся всѣ нити управленія подчиненными ему какъ центральными, такъ и мѣстными учрежденіями, и Онъ, какъ органъ административной юстиціи того времени, слѣдитъ неустанно и постоянно за законностію ихъ дѣйствій. Частію такая постановка вопроса о компетенціи Сената, въ ея подробностяхъ, есть результатъ законодательства Петровской эпохи, частію выраженіе тѣхъ новыхъ условій дѣятельности, какимъ долженъ былъ удовлетворять Сенатъ послѣ учрежденія Верховнаго Тайнаго Совѣта. Контроль Сената надъ коллегіями и канцеляріями,—поскольку всѣ онѣ остаются подъ его властію,—сказывается сильно и теперь, какъ естественное выраженіе всегда живо чувствовавшейся у насъ потребности въ такомъ учрежденіи, члены коего (говоря словами одного Петровскаго указа) „смотрѣли-бы надъ коллегіями, яко свободные отъ нихъ“, направляя ихъ дѣятельность по пути законности. Какъ ни много измѣненій внесло въ положеніе Сената учрежденіе Совѣта, раздѣленіе коллегій на 2 разряда (стоящихъ „подъ Сенатомъ“ и рядомъ съ нимъ), потребность общаго независимаго руководительства и контроля надъ законностью управленія переросла эпоху паденія Сената. Сенатъ объединялъ, въ той или иной мѣрѣ, всѣ дѣйствія учрежденій, какъ ему подчиненныхъ, такъ и стоявшихъ съ нимъ рядомъ. Если, по условіямъ времени, ослабла въ значительной степени его надзирающая роль по отношенію къ послѣднимъ, то все же не могли быть прерваны совершенно его отношенія къ нимъ. Широкая постановка компетенціи Сената, которая установилась на

практикѣ еще при Петрѣ Великомъ—и лишь верхи которой отошли къ Совѣту [1]), — продолжала сказываться и теперь, почему дѣла финансовыя и военныя, торговля и промыслы, заботы о благоустройствѣ и благосостоянiи государства и т. п. входятъ, въ той или иной мѣрѣ, въ кругъ вѣдомства Сената, невольно поражая изслѣдователя своею пестротою и разнообразiемъ. Изъ круга этихъ дѣлъ необходимо выдѣлить въ особую группу дѣла финансоваго управленiя, какъ потому, что дѣла эти занимаютъ наиболѣе замѣтное, и при томъ совершенно отдѣльное, мѣсто среди другихъ предметовъ вѣдомства Сената, такъ и потому, что принадлежность ихъ къ его компетенцiи придавала весьма своеобразный отпечатокъ его дѣятельности. Если Сенатъ вообще можетъ быть названъ органомъ высшаго управленiя, объединяющимъ всѣ учрежденiя и контролирующимъ дѣятельность подчиненныхъ ему учрежденiй, то, въ частности, онъ, несомнѣнно, являлся, кромѣ того, высшимъ органомъ финансоваго управленiя, поскольку послѣднее не входило въ компетенцiю Совѣта.

Сенату прежде всего, какъ уже сказано, принадлежали управленiе и надзоръ за подчиненными ему мѣстами и лицами, при чемъ Сенатъ завѣдывалъ какъ внѣшнимъ благоустройствомъ учрежденiй (напр., постройкою зданiй), такъ и внутренними распорядками ихъ. Такъ, онъ пополняетъ или измѣняетъ ихъ составъ, устанавливаетъ предѣлы ихъ компетенцiи, даетъ имъ къ руководству и исполненiю тѣ или иные указы. Особенно тщательно приходится Сенату наблюдать, чтобы учрежденiя опредѣляли штатное число своихъ канцелярiй „безъ излишества“, съ тою цѣлiю, конечно, „чтобы въ дачѣ жалованья излишняго убытку не было“. Поэтому Сенатъ внимательно обсуждаетъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, вопросъ о составѣ канцелярiй, отказывая въ увеличенiи его безъ нужды. Когда, напр., Московская ратуша представила въ Сенатъ сочиненный ею штатъ, Сенатъ возвратилъ его обратно, поставивъ ей на видъ, что „въ поданномъ штатѣ показано многое число служителей“, между тѣмъ какъ указъ Совѣта требовалъ составлять штаты „безъ излишества“ [2]).

---

[1]) Конечно, говоря вообще, такъ какъ Совѣтъ нерѣдко не ограничивался только этимъ, а вмѣшивался и во второстепенныя дѣла.

[2]) М. А. М. Ю., кн. 98/1979, л. 8 и об., другiе примѣры см. А. Н. Филипповъ. Исторiя Сената, стр. 368 и сл.

Уничтоженіе учрежденій приводитъ Сенатъ къ заботамъ по распредѣленію, какъ оставшихся за штатомъ чиновъ и служителей, такъ и дѣлъ, вѣдавшихся этими учрежденіями; ему приходится постоянно разрѣшать вопросъ о выдачѣ прогонныхъ денегъ. Къ Сенату обращались также учрежденія за разрѣшеніемъ вопросовъ о вѣдомствѣ данныхъ дѣлъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда, безъ указа Сената, „чинить" исполненіе присланныхъ указовъ учрежденія были „опасны" (т. е. опасались) [1]).

Сенату затѣмъ принадлежало, за ограниченіями, введенными Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, назначеніе и утвержденіе въ должности, перемѣщеніе и увольненіе въ отставку и въ отпуски служащихъ лицъ. По „Должности" (п. 5 и 6) Сенатъ назначалъ на мѣста ниже совѣтника коллегіи и на другія должности въ провинціальныхъ учрежденіяхъ. Изъ приговоровъ Сената видно, что имъ назначались асессоры коллегій, секретари какъ этихъ учрежденій, такъ и различныхъ канцелярій, комиссары, подьячіе и пр. Въ большинствѣ случаевъ эти назначенія дѣлались по ходатайству разныхъ учрежденій и лицъ, при чемъ особенно характерны были ходатайства изъ провинцій. Въ тѣхъ случаяхъ, когда назначеніе на должность зависѣло не отъ Сената, а между тѣмъ нужды дѣла требовали немедленнаго назначенія кого-либо на данное мѣсто, назначеніе дѣлалось временно, „до указу" [2]).

Для характеристики времени представляютъ интересъ отпуски и увольненіе со службы. Тогдашніе отпуски бывали почти всегда продолжительны и вызывались серьезными, обычно, экономическими причинами. Сенатъ,—если соотвѣтственное учрежденіе могло обойтись безъ даннаго лица, легко разрѣшалъ эти отпуски, при чемъ, когда отпускъ давался по болѣзни, происходило освидѣтельствованіе просящаго, и только послѣ этого онъ отпускался. Иногда отпуски обставлялись извѣстными условіями: такъ, напр., калужскій воевода, Дм. Бестужевъ-Рюминъ, просился въ двухмѣсячный отпускъ „для самыхъ его нуждъ". Сенатъ соглашался его отпустить, „буде въ той провинціи важныхъ дѣлъ не имѣется, а въ небытность его управлять товарищу его". Что касается увольненія отъ службы, то оно допускалось, обыкновенно, только въ

---

[1]) А. Н. Филипповъ. Исторія Сената, стр. 372.

[2]) Ib., стр. 373 и сл.

случаѣ дряхлости, неизлѣчимой болѣзни, съ особаго освидѣтельствованія.

Нельзя не остановиться особо на роли Сената, какъ высшаго контролирующаго учрежденія. Чрезвычайно разнообразны были поводы вмѣшательства Сената въ порядки устройства и дѣлопроизводства подчиненныхъ ему учрежденій, и совершенно необходимо было существованіе высокопоставленнаго, закономѣрно-дѣйствующаго учрежденія, чтобы пресѣкать наиболѣе значительныя злоупотребленія этихъ учрежденій и направлять ихъ дѣятельность,—по мѣрѣ силъ и возможности,—на выполненіе требованій закона. Сенатъ, напр., убѣждался изъ своихъ постоянныхъ сношеній съ учрежденіями о полной неисправности вѣдомостей расходовъ, почему и предписывалъ Штатсъ-конторѣ „учинить всѣмъ окладнымъ и неокладнымъ расходамъ генеральную книгу, означа каждую коллегію и канцелярію, и губерніи, и провинціи . . . и ту книгу подать въ Сенатъ для разсмотрѣнія и апробаціи"; или, замѣтивъ, что Юстицъ-коллегія разсылаетъ въ губерніи „невершеныя дѣла и колодниковъ, которыя до рѣшенія и слѣдованія той коллегіи подлежатъ", приказывалъ ей впредь не допускать этого; или, наконецъ, требовалъ, чтобъ учрежденія доставляли ему доношенія, надлежащимъ образомъ подписанныя, и т. д. Безпорядки, какъ во внѣшнихъ сношеніяхъ учрежденій, такъ и во внутреннемъ ихъ дѣлопроизводствѣ, бывали временами весьма значительны, и Сенату приходилось постоянно пресѣкать ихъ тѣми или иными способами, почему контроль Сената надъ дѣятельностью учрежденій былъ, поневолѣ, дѣятеленъ. Говоримъ „поневолѣ" потому, что въ большинствѣ случаевъ Сенатъ, занятый разнородными дѣлами, какъ совѣтскими, такъ и собственными, малочисленный по составу, не могъ самъ отдавать много времени этому контролю, а лишь пресѣкалъ тѣ безпорядки и злоупотребленія, на которые ему указывали другіе, или о которыхъ онъ узнавалъ попутно изъ общаго теченія дѣлъ. Мы не видимъ, напр., чтобы Сенатъ самъ назначалъ общую ревизію дѣлопроизводства отдѣльныхъ учрежденій, не замѣчаемъ почти ни въ чемъ его собственной инціативы: контроль надъ дѣятельностью учрежденій развивался какъ бы самъ собою, вслѣдствіе настоятельныхъ требованій практической жизни. Не удивительно поэтому, что въ указахъ и приговорахъ Сената мы встрѣчаемъ постоянно ссылки на учрежденія и на лицъ, обратившихъ вниманіе Сената на тѣ или

иные безпорядки въ дѣлопроизводствѣ подчиненныхъ ему мѣстъ, а также—указанія на то, что Сенатъ,—разсматривая, по тому или иному поводу, дѣла коллегій и канцелярій, или обращаясь къ нимъ съ тѣми или другими требованіями, замѣчалъ отступленія отъ закона и административныхъ распоряженій. Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, Сенатъ шелъ, такъ сказать, по теченію тогдашней административной жизни, работая, хотя и дѣятельно, но безъ собственнаго почина надъ ея усовершенствованіемъ. Интересно, что указанія на недостатки дѣлопроизводства учрежденій шли нерѣдко отъ частныхъ лицъ [1]), имѣвшихъ съ ними сношенія.

Наряду съ частными жалобами на медленность дѣлопроизводства, нарушеніе указовъ и пр., поступали въ Сенатъ свѣдѣнія объ этомъ и отъ правительственныхъ учрежденій и лицъ. Сенатъ первоначально принималъ мѣры къ понужденію учрежденій и устраненію замѣченныхъ безпорядковъ; затѣмъ, въ случаѣ ихъ недостаточности, налагалъ штрафы, приказывалъ арестовать членовъ тѣхъ или другихъ учрежденій и т. п. Еще въ маѣ мѣсяцѣ 1727 года было, напр., повелѣно Сенатомъ послать изъ Юстицъ-коллегіи указы во всѣ надворные суды о немедленной разсылкѣ имѣющихся у нихъ дѣлъ и служителей въ надлежащія мѣста. Въ декабрѣ того же года поступило въ Сенатъ доношеніе бѣлгородскаго губернатора, извѣщавшаго, что онъ, на основаніи полученнаго указа, „многажды“ писалъ въ Курскій надворный судъ о разсылкѣ дѣлъ и служителей по принадлежности, что, не довольствуясь этимъ, послалъ даже для понужденія тѣхъ судей особаго нарочнаго, но все это на судей мало дѣйствуетъ и, какъ его извѣщаетъ курскій воевода, они отдаютъ послѣднему дѣла „выборомъ“ (т. е. тѣ, какія находятъ удобнымъ отдать), почему „за тою неотдачею дѣлъ въ сочиненіи вѣдомостей и въ счетѣ пошлинныхъ денегъ имѣется остановка“. Сенатъ приказываетъ не отпускать судей изъ Курска никуда, впредь до отдачи всѣхъ дѣлъ въ надлежащія мѣста, „а приказныхъ служителей держать въ канцеляріи подъ карауломъ безвыходно“.

Провинціальныя учрежденія вообще доставляли Сенату, какъ контролирующей инстанціи, много хлопотъ. До Сената дохо-

---

[1]) А. Н. Филипповъ. Исторія Сената, стр. 379 и сл.

дятъ, напр., свѣдѣнія, что къ такому-то воеводѣ въ теченіе 2-хъ лѣтъ послано шесть указовъ о высылкѣ нужнаго лица, а „онъ его не выслалъ и ни о чемъ не отвѣтствовалъ"; или онъ узнаетъ, что воеводы не живутъ на мѣстахъ своей службы, иногда же, будучи назначены на мѣста, долговременно на нихъ не являются; либо къ нему поступаютъ свѣдѣнія о превышеніи мѣстными властями своихъ полномочій, или жалобы на ихъ „непорядочные поступки" и т. д. Нѣкоторыя изъ этихъ дѣлъ весьма характерно обрисовываютъ тогдашніе порядки и на нихъ необходимо указать болѣе подробно. Такъ, Сенату сдѣлалось извѣстнымъ, что казанскій губернаторъ, столь знаменитый А. П. Волынскій, вопреки п. 6-му инструкціи губернаторамъ, „перемѣнилъ собою" козмодемьянскаго воеводу Обухова, при чемъ сдѣлалъ это „по одному доношенію свіяжскаго воеводы Козлова, который писалъ на него, Обухова, злопамятствуя за прежнія съ нимъ ссоры". Далѣе, какъ по этому письму, такъ и „по затѣйнымъ словамъ на него, Обухова, вѣдомаго вора Киселевскаго, велѣлъ губернаторъ изслѣдовать о немъ, Обуховѣ, свіяжскому же воеводѣ Козлову, на котораго отъ него, Обухова, показано прежъ сего письменное подозрѣніе". Сенатъ приказываетъ Волынскому „отвѣтствовать на срокъ, по Регламенту, для чего онъ его, Обухова, не описався въ Сенатъ, безъ указу, противно инструкціи, отрѣшилъ" [1]).

Въ Сенатъ вообще поступаютъ „многія челобитныя" на воеводъ. Эти челобитныя, рисуя отлично нравы тогдашней администраціи, въ то же время, несомнѣнно, служатъ показателями важности того значенія, какое имѣлъ Сенатъ, въ качествѣ органа надзора за законностью управленія. Злоупотребленія властью со стороны администраціи, особенно провинціальной, были громадны и постоянны. Необходимо было учрежденіе, достаточно самостоятельно поставленное, чтобы съ одной стороны слѣдить, а съ другой—пресѣкать эти злоупотребленія. Изъ дѣла нижегородскаго вице-губернатора Ржевскаго, на преслѣдованіи коего Сенатъ настаивалъ предъ Совѣтомъ, видно, между прочимъ, что,—не смотря на указъ 25 февраля 1721 г., которымъ повелѣвалось губернаторамъ „никакихъ податей безъ вѣдома Сената не накладывать",—Ржевскій такія подати наклады-

---

[1]) А. Н. Филипповъ. Исторія Сената, стр. 383 и сл.

валъ и „до разоренья уѣздныхъ людей допускалъ“; затѣмъ тратилъ казенныя деньги на постройки „безъ указу“, а подрядчикамъ ихъ не платилъ и т. д. Изъ другого дѣла узнаемъ, что еще въ 1710 г. бывшій казанскій губернаторъ, гр. Апраксинъ, положилъ брать съ винныхъ подрядчиковъ пошлину, по гривнѣ съ рубля со всей подрядной цѣны, и что эта пошлина бралась до 1728 г., пока „нынѣ казанцы и синбиряне гостиной сотни, Ив. Микляевъ съ товарищи“ („которые имѣютъ винокуренные заводы и вино ставятъ . . . на кружечные дворы подрядомъ“) не подали прошенія въ Камеръ-коллегію о снятіи съ нихъ этой пошлины. Камеръ-коллегія, представляя дѣло Сенату, должна была сознаться, что такъ какъ эта „пошлина сбирана съ нихъ токмо по опредѣленію губернаторскому“ и не основана на какихъ-либо указахъ, то она и должна быть снята, тѣмъ болѣе, что это будетъ полезно для интересовъ казны. Сенатъ также долженъ былъ съ этимъ согласиться.

Донимая населеніе незаконными сборами, мѣстныя власти отягощали его также незаконными назначеніями на службу [1]). Помимо жалобъ населенія на мѣстныхъ правителей, Сенату приходилось разрѣшать взаимныя столкновенія отдѣльныхъ вѣдомствъ и такимъ образомъ контролировать ихъ дѣйствія. Въ однихъ случаяхъ, напр., воеводы жалуются, что имъ не отдаютъ дворянъ для службы полковые офицеры, „обрѣтающіеся на вѣчныхъ квартирахъ въ провинціяхъ“; въ другихъ — доносятъ Сенату, что ихъ суду не подчиняются „царедворцы и прочихъ чиновъ люди, обрѣтающіеся въ командѣ“ генераловъ, посылаемыхъ изъ центра въ провинціи, почему Сенату приходится энергично настаивать на отсылкѣ этихъ чиновъ „въ воеводское управленіе“, а самимъ штабъ-и оберъ-офицерамъ предлагать, черезъ Военную коллегію, не вмѣшиваться въ губернаторское и воеводское управленіе. Или, наоборотъ, посланные изъ центра доносятъ Сенату, что они не могутъ исполнить возложенныхъ на нихъ порученій (по сбору, напр., съ раскольниковъ и бородачей установленнаго оклада), такъ какъ имъ не доставляютъ изъ губерній и провинцій „никакихъ вѣдомостей“, несмотря на ихъ многократныя требованія. „Ослушниковъ“ указовъ было много; они являлись не только среди взаимно-сталкивавшихся учрежденій, но и между част-

[1]) А. Н. Филипповъ. Исторія Сената, стр. 386 и сл.

ными лицами, не повиновавшимися требованіямъ правительственныхъ мѣстъ. Сенату, здѣсь и тамъ, постоянно приходилось энергично стоять на стражѣ законности [1]).

Таковъ былъ, въ главныхъ чертахъ, кругъ вѣдомства Сената по отношенію къ подчиненнымъ ему учрежденіямъ и лицамъ. Сенату, однако, въ качествѣ центральнаго учрежденія, съ весьма смѣшанными функціями управленія, приходилось такъ или иначе, но постоянно, соприкасаться съ учрежденіями, de jure ему равными, какъ Св. Синодъ и „три первыя коллегіи". Въ свою очередь, всѣ они должны были постоянно по дѣламъ, подвѣдомственнымъ какъ имъ, такъ и учрежденіямъ, стоявшимъ „подъ Сенатомъ", сноситься съ нимъ. Если сношенія этихъ учрежденій съ Сенатомъ вызывались, преимущественно, необходимостью испросить его посильное содѣйствіе на приведеніе въ исполненіе тѣхъ или иныхъ ихъ требованій, то Сенатъ, самъ нерѣдко вынужденный прибѣгать для этой цѣли къ содѣйствію учрежденій, ему равныхъ, шелъ въ своихъ отношеніяхъ къ нимъ дальше: не столько, можетъ быть, по закону, сколько по традиціямъ Петровскаго времени и нуждамъ разсматриваемой эпохи, Сенатъ правительствовалъ и здѣсь, вводя въ дѣятельность этихъ учрежденій извѣстное единство дѣйствій, разъясняя смыслъ законовъ и административныхъ распоряженій, отказывая, наконецъ, въ своемъ согласіи на содѣйствіе дѣяніямъ, казавшимся ему незакономѣрными. Правда, весьма нерѣдко все это имѣло мало положительныхъ послѣдствій, такъ какъ Сенатъ не обладалъ по отношенію къ этимъ учрежденіямъ почти никакой властью принужденія; но это не останавливало Сената и не съуживало круга его вѣдомства: какъ хранитель законовъ, пекущійся „о повсемѣстномъ наблюденіи правосудія", онъ простиралъ свое дѣйствіе и на данную область [2]).

Остановимся теперь еще на одномъ родѣ дѣлъ, подлежащихъ компетенціи Сената, а именно на дѣлахъ финансовыхъ, такъ какъ этотъ родъ дѣлъ, какъ намъ представляется, особенно ярко отражаетъ положеніе Сената въ разсматриваемое время. Обозрѣвая, въ цѣломъ, кругъ вѣдомства Сената въ области финансоваго управленія, надо сказать, что ему принадлежало общее завѣдываніе

[1]) А. Н. Филипповъ. Исторія Сената, стр. 389 и сл.

[2]) Ibid., стр. 394 и сл.; ср. стр. 354 и сл.

государственными доходами и расходами, торговлею и промышленностью, поскольку все это допускалось Совѣтомъ [1]), какъ верховнымъ учрежденіемъ Имперіи, и поскольку специальныя финансовыя учрежденія, подчиненныя Сенату, находили себя вынужденными обращаться къ нему, какъ къ высшему центральному правительственному мѣсту, непосредственно соприкасающемуся съ ними, за разъясненіемъ законовъ, недоразумѣній практики и т. п. Понятно, поэтому, что, чѣмъ являлся Сенатъ вообще по отношенію къ названнымъ учрежденіямъ, тѣмъ былъ онъ для нихъ также и въ области финансоваго управленія. Но, конечно, этимъ однимъ не могла исчерпываться здѣсь его компетенція. Она шла далѣе, какъ въ силу тѣхъ особыхъ полномочій, какія время отъ времени получалъ Сенатъ отъ Совѣта (напр., по завѣдыванію доимочнымъ дѣломъ), такъ и въ силу особенностей самого дѣла, оставшагося за нимъ частію еще отъ Петровскаго времени. Чтобы болѣе наглядно пояснить сказанное, коснемся отдѣльно круга дѣлъ Сената, какъ по завѣдыванію государственными доходами, такъ затѣмъ—и расходами.

Завѣдываніе государственными доходами, несомнѣнно, отнимало теперь у Сената весьма много вниманія, какъ потому, что реформа податной системы, предпринятая Петромъ Великимъ, не была вполнѣ закончена и требовала не только отъ Совѣта, но и отъ Сената значительныхъ усилій при примѣненіи ея на практикѣ, такъ и потому, что Совѣтъ, притянувъ къ своему верховному вѣдомству столь многое, не могъ, естественно, справиться со всѣмъ. Дѣло активнаго финансоваго управленія осталось за Сенатомъ во всѣхъ его подробностяхъ и мелочахъ, часто, однако, весьма важныхъ на практикѣ. Не удивительно, поэтому, что подушная подать, всякіе сборы и пошлины, регаліи и т. д., не только по отношенію къ ихъ организаціи на практикѣ, но и по отношенію къ своевременному поступленію, отчетности и другимъ вопросамъ, вызывали постоянно Сенатъ на тѣ или иныя, доступныя его компетенціи, мѣропріятія. Едва-ли при этомъ не болѣе всего приходилось Сенату заниматься вопросами, касающимися подушной подати, какъ въ силу важности ея въ государственномъ и народномъ хозяйствѣ эпохи, такъ и по массѣ дѣлъ, возникавшихъ при примѣненіи въ жизни указовъ, до

[1]) Объ этомъ см. А. Н. Филипповъ. Исторія Сената, стр. 100 и сл., 168 и сл., 174 и сл., 198 и сл.

нея относившихся [1]). Кто, гдѣ, въ какомъ размѣрѣ и порядкѣ долженъ былъ нести подушную подать вотъ рядъ вопросовъ, возникавшихъ, между прочимъ, на практикѣ, создававшихъ пререканія и сомнѣнія и, въ концѣ концовъ, разрѣшавшихся Сенатомъ. Конечно, эта забота Сената объ упорядоченіи взиманія, поступленія и направленія подушной подати, а равно и расходованія собранной по закону, простиралась не на одну только указанную подать, но касалась всякихъ другихъ сборовъ и пошлинъ, а равно и регалій. Такъ, относительно всѣхъ ихъ, Сенатъ устанавливалъ нерѣдко мѣсто вѣдомства тѣхъ или иныхъ сборовъ и порядокъ ихъ взиманія (посылая, напр., сборщиковъ ясака къ башкирамъ, предписывалъ имъ сбирать его „по древнему ихъ башкирскому обыкновенію"). Онъ назначалъ также сроки для взноса „всякихъ сборовъ и платежей прежняго дѣла мѣдными копѣйками", опредѣлялъ мѣста взиманія пошлинъ, издавалъ указы, какъ о порядкѣ зачета внесенныхъ пошлинъ, такъ и объ отмѣнѣ или замѣнѣ одного сбора другимъ, принималъ, наконецъ, мѣры противъ безпошлиннаго провоза товаровъ.

Заботясь о законности сборовъ и не допуская отягощенія населенія излишними пошлинами и податями, Сенатъ въ то-же время, какъ общая и высшая инстанція, вѣдавшая государственные доходы, занимался изысканіемъ средствъ къ увеличенію этихъ доходовъ, или принималъ мѣры къ тому, чтобы казенное добро не растрачивалось безполезно, не теряло своей цѣны и пр. Отсюда возникалъ цѣлый рядъ указовъ, касавшихся отдачи казенныхъ угодій въ оброчное содержаніе, ихъ переоброчки, продажи казеннаго имущества, принятія мѣръ противъ корчемства и т. д. Между регаліями въ особенности монетное дѣло создавало, какъ при Петрѣ Великомъ, такъ и при преемникахъ Его, немало затрудненій правительству. Сенату приходилось заниматься этимъ дѣломъ первоначально лишь мимоходомъ, въ качествѣ вообще инстанціи, наблюдавшей за правильностью дѣйствій и исполнительностью тѣхъ или иныхъ учрежденій. Поэтому лишь обнаруженіе такой неправильности, или неисполнительности, заставляло Сенатъ касаться этого „монетнаго" или „денежнаго дѣла", какъ тогда говорили. Но вотъ Именнымъ указомъ, даннымъ Совѣту 12 декабря 1727 г., повелѣно было „всему денежному дѣлу быть въ вѣдом-

[1]) А. Н. Филипповъ. Исторія Сената, стр. 407 и сл.

ствѣ и о исправленіи онаго попеченіе имѣть въ Сенатѣ", въ особенности заботясь объ исполненіи указа Совѣта по этому дѣлу, который состоялся 10 сентября того-же года [1]). Это повелѣніе создаетъ для Сената новую обширную сферу дѣятельности.

Переходимъ теперь къ завѣдыванію Сенатомъ государственными расходами. Если верховное руководительство Совѣта государственными доходами не помѣшало Сенату сохранить, какъ видно изъ всего предыдущаго, обширный кругъ вѣдомства въ относящихся сюда дѣлахъ, то въ области государственныхъ расходовъ компетенція Сената потерпѣла теперь значительное ограниченіе, сравнительно съ Петровскимъ царствованіемъ. Достаточно отмѣтить указы о запрещеніи, безъ разрѣшенія Совѣта, какихъ-либо сверхсмѣтныхъ расходовъ и расходовъ „на прошлые годы",—вмѣстѣ съ указами, требовавшими подачи ежедневныхъ перечневыхъ вѣдомостей о движеніи приходовъ и расходовъ [2]),—чтобы согласиться, что Сенатъ въ сферѣ этихъ дѣлъ не былъ уже тѣмъ, чѣмъ былъ онъ прежде. Это, конечно, было вполнѣ понятно, такъ какъ ни въ чемъ столь осязательно и наглядно не выражалась политическая мощь Совѣта, какъ въ распоряженіи государственными средствами. Однако, и здѣсь за Сенатомъ, какъ центральнымъ высшимъ учрежденіемъ, осталось немало заботъ, какъ по наблюденію за правильностію движенія штатныхъ и окладныхъ расходовъ, такъ и вообще по разрѣшенію тѣхъ или иныхъ вопросовъ, связанныхъ съ расходованіемъ государственной казны [3]). Прежде всего, къ Сенату обращались всѣ учрежденія за рѣшеніемъ вопроса, гдѣ, или „изъ какихъ доходовъ", взять денегъ для производства того или иного расхода. Медленное и безпорядочное поступленіе сборовъ, съ одной стороны, отсутствіе единаго, правильно организованнаго государственнаго казначейства, съ другой, производили то, что вопросъ этотъ представлялся весьма затруднительнымъ при разрѣшеніи его на практикѣ. Правда, не всегда и самъ Сенатъ могъ тотчасъ разрѣшить этотъ вопросъ; но, однако, онъ, въ качествѣ высшей финансовой инстанціи, всегда могъ навести сравнительно быстро надлежащія справки, чтобы затѣмъ,—

---

[1]) А. Н. Филипповъ. Исторія Сената, стр. 423 и сл., указъ отъ 10 сентября 1727 г.— П. С. З., № 5209; ср. ibid., № 5156.

[2]) П. С. З., №№ 4930, 4998, 5105, 5192.

[3]) См. А. Н. Филипповъ. Исторія Сената, стр. 434 и сл.

соображаясь вообще съ положеніемъ государственныхъ доходовъ, или съ состояніемъ суммъ, предназначенныхъ по штату на извѣстный предметъ расхода,—имѣть возможность дать тѣ или иныя указанія по вопросу.

Интересно также отмѣтить, что учрежденія и лица, входя въ Сенатъ съ требованіемъ объ открытіи кредита, почти постоянно указываютъ въ своихъ „мнѣніяхъ" и на тѣ источники, изъ коихъ могли-бы быть удовлетворены ихъ требованія. Порядокъ поступленія и расходованія государственныхъ доходовъ былъ, повидимому, такъ несовершененъ, подвергался такимъ постояннымъ измѣненіямъ, что требовалось, едва-ли не въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, обсудить, можно-ли или нѣтъ произвести данный расходъ изъ указываемаго источника.

Наряду съ вопросомъ, гдѣ взять денегъ для производства того или иного расхода, Сенатъ разрѣшалъ пререканія и о томъ, на штаты какого именно учрежденія долженъ падать извѣстный расходъ; обсуждалъ, далѣе, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, вопросъ о томъ, цѣлесообразенъ-ли данный расходъ, законна-ли будетъ та или иная выдача, своевременно-ли. наконецъ, расходованіе казенныхъ суммъ въ данный моментъ.

Завѣдывая государственными доходами и расходами, Сенатъ принималъ также значительное участіе въ развитіи торговли и промышленности, не только потому, что на торговлю и промышленность смотрѣли тогда, преимущественно, съ точки зрѣнія интересовъ фиска, но и потому, что Сенатъ и нынѣ продолжалъ быть главою центральныхъ торгово-промышленныхъ учрежденій, обращавшихся къ нему за разрѣшеніемъ тѣхъ или иныхъ вопросовъ практики.

Выше мы сдѣлали попытку изслѣдованія компетенціи Сената въ области финансоваго управленія, торговли и промышленности; коснемся теперь кратко другихъ предметовъ его административнаго вѣдомства. Надо вообще отмѣтить, что та широкая постановка компетенціи Сената, какая была дана при Петрѣ Великомъ, продолжала сказываться и теперь, почему предметы вѣдомства Сената невольно поражаютъ изслѣдователя своею пестротою и разнообразіемъ. Механизмъ государственнаго управленія, едва налаженный Великимъ Преобразователемъ, подвергается торопливой и не всегда послѣдовательной ломкѣ при Его ближайшихъ преемникахъ. Сенатъ подрывается въ своемъ прежнемъ верховномъ значеніи, но многочисленныя,

то крупныя, то мелкія, нужды управленія ежедневно требуютъ къ себѣ вниманія правительства, и никто, кромѣ Сената, какъ центральнаго органа, объединяющаго дѣятельность всѣхъ учрежденій, не можетъ дать того или иного удовлетворенія этимъ нуждамъ. Отсюда эта масса разнородныхъ промеморій, доношеній, челобитій и т. п., поступающихъ въ Сенатъ; отсюда эта неустанная его дѣятельность, направленная на то или иное ихъ разрѣшеніе. Возьмемъ, для примѣра, вопросъ о компетенціи Сената въ военномъ дѣлѣ.

Какъ уже извѣстно, еще со времени учрежденія коллегій весьма значительно съузились предѣлы компетенціи Сената въ данной области управленія. Учрежденіе Совѣта, а затѣмъ и измѣненія въ положеніи обѣихъ воинскихъ коллегій, особенно Военной, еще болѣе должны были повліять на обособленіе военнаго управленія отъ гражданскаго, а, слѣдовательно, косвенно — и на умаленіе здѣсь значенія Сената. Однако, положеніе Сената, какъ высшаго органа центральнаго управленія, обезпечивало за нимъ и нынѣ извѣстную роль въ данной области, такъ какъ никто, кромѣ него, не могъ болѣе успѣшно содѣйствовать тѣмъ или инымъ нуждамъ военнаго дѣла, то понуждая подчиненныя учрежденія къ дѣятельному исполненію соотвѣтствующихъ предписаній, то давая правильное толкованіе многочисленнымъ узаконеніямъ, при примѣненіи ихъ на практикѣ. Вслѣдствіе этого, и въ данное время, мы видимъ, что Сенатъ издаетъ обширные указы о производствѣ рекрутскихъ наборовъ, сборѣ „доимочныхъ рекрутъ"; разрѣшаетъ извѣстному разряду лицъ не нести рекрутской повинности; позволяетъ „зачитать въ рекрутскіе наборы" записанныхъ въ подушный окладъ „людей иностранныхъ націй, которые крестились"; заботится объ укомплектованіи крѣпостныхъ гарнизоновъ отставными солдатами, и т. д. Наряду съ этимъ идутъ указы о снабженіи полковъ провіантомъ и фуражемъ, безъ обремененія населенія, объ оказаніи всякой помощи, со стороны властей, провіантскимъ подрядчикамъ и объ урегулированіи вопроса о воинской постойной повинности. Промеморіи, доношенія и челобитья идутъ къ Сенату со всѣхъ сторонъ, и онъ въ этой области управленія, какъ и вездѣ, приходитъ на помощь нуждамъ и интересамъ практической жизни [1]).

[1]) А. Н. Филипповъ. Исторія Сената, стр. 451 и сл.

Обширенъ былъ кругъ вѣдомства Сената и въ области благоустройства государства и благосостоянія гражданъ. Отсюда возникалъ рядъ указовъ объ укрѣпленіи городовъ и остроговъ, о поимкѣ разбойниковъ, бродягъ и пр. Развитіе повальныхъ болѣзней, производившихъ тогда большія опустошенія среди населенія и домашняго скота, также заставляло Сенатъ принимать рядъ мѣръ. Любопытно кстати еще отмѣтить, что, оберегая населеніе отъ повальныхъ болѣзней, Сенатъ долженъ былъ оберегать его и отъ „несвидѣтельствованныхъ въ лѣкарскихъ искусствахъ лѣкарей", немало, конечно, приносившихъ вреда больнымъ своей неумѣлой помощью. Затѣмъ, слѣдуя еще Петровскому указу, Сенатъ „свидѣтельствуетъ дураковъ". Насколько можно судить по приговорамъ, „свидѣтельствованіе въ дурачествѣ" производилось, обычно, по просьбѣ родственниковъ, весьма заинтересованныхъ въ томъ, чтобы имѣнія не расточались безцѣльно безумными ихъ владѣльцами и на ихъ отчужденіе наложено-бы было Сенатомъ запрещеніе. Сенатъ приказывалъ привести передъ собраніе подозрѣваемое лицо и, когда „по усмотрѣнію сенаторовъ" такой-то „являлся безумнымъ", дѣлалъ затѣмъ соотвѣтствующее распоряженіе.

Заботясь о безопасности гражданъ и государства, Сенатъ, далѣе, согласно духу времени, развивалъ цѣлый рядъ мѣропріятій чисто-полицейскаго характера и входилъ во всѣ мелочи управленія, чтобы достичь здѣсь извѣстнаго порядка и благочинія. Такъ, Сенатъ разсматриваетъ, въ качествѣ высшей инстанціи, дѣла по цензурѣ, принимаетъ мѣры противъ распространенія раскола, заботясь о „сборахъ штрафныхъ денегъ съ неисповѣдающихся и размножающихъ раскольническую прелесть", и т. д. Какъ это понятно само собою, полицейскія мѣропріятія Сената были весьма разнообразны и касались самыхъ разнородныхъ вопросовъ внѣшняго порядка. Такъ, можно отмѣтить мѣры по очищенію городовъ отъ нищихъ и безпаспортныхъ, какъ и наоборотъ — заботы Сената о возвращеніи въ Петербургъ разныхъ „переведенцевъ", вызванныхъ для поселенія здѣсь при Петрѣ Великомъ, и затѣмъ разъѣхавшихся „собою безъ указа, въ прежнія мѣста"; заботы о мощеніи торговыхъ мѣстъ, о починкѣ свай петербургскихъ рѣчекъ и каналовъ, о постройкѣ каменныхъ жилищъ въ городахъ и т. п. [1]).

[1]) А. Н. Филипповъ. Исторія Сената, стр. 453 и сл.

3. Кругъ вѣдомства Сената въ судебной области.

Въ царствованія Екатерины I и Петра II высшимъ судебнымъ учрежденіемъ Имперіи является Верховный Тайный Совѣтъ, что создаетъ особыя отношенія къ нему Сената. Однако, у Сената остается и нынѣ судебная функція, менѣе исключительная и обширная, чѣмъ при Петрѣ Великомъ, но вполнѣ самостоятельная. Прежде всего Сенатъ является, какъ и раньше, апелляціонною инстанціею. Какъ извѣстно „Должность" Сената 1726 г., подобно Петровской „Должности" 1718 г. (въ пунктѣ 4-мъ), говоритъ, въ однихъ и тѣхъ-же выраженіяхъ, о порядкѣ подачи челобитій въ Сенатѣ черезъ рекетмейстера „на неправый судъ коллегій и канцелярій, которыя къ коллегіямъ не подчинены". Теперь, впрочемъ, наряду съ челобитными, поступавшими прямо въ Сенатъ, были такія, которые шли первоначально въ Совѣтъ, а откуда уже пересылались затѣмъ въ Сенатъ. Это имѣло своимъ послѣдствіемъ, во 1-хъ, то, что Сенатъ фактически уже переставалъ быть единственной апелляціонною инстанціею для названныхъ учрежденій (какъ того требовалъ указанный выше 4 пунктъ его „Должности"), а, во 2-хъ, нарушался порядокъ прохожденія челобитій черезъ рекетмейстера (чего также требовалъ указанный пунктъ „Должности"). Правда, для избѣжанія перваго неудобства, Совѣтъ повелѣвалъ „бить (ему) челомъ о такихъ дѣлахъ, которыя не подлежатъ до Сената", но на практикѣ достичь этого было весьма трудно. Что-же касается нарушенія порядка прохожденія челобитій черезъ рекетмейстера, то самъ Сенатъ засвидѣтельствовалъ, что челобитья не только пересылаются ему Совѣтомъ, но „и особо подаются", минуя рекетмейстера, вслѣдствіе чего Сенату приходится тратить много времени понапрасну на разборъ такихъ челобитій, которыя до него вовсе не относятся. Поэтому, Сенатъ пытается возстановить прежде-дѣйствовавшій порядокъ; но, насколько можно судить по имѣющимся даннымъ, это плохо ему удается, въ виду, между прочимъ, того обстоятельства, что рекетмейстеръ Сената несетъ на себѣ нынѣ еще и обязанности оберъ-прокурора. Такимъ образомъ, Сенатъ теперь, во 1-хъ, не является единственною апелляціонною

инстанціею для жалующихся „на неправый судъ коллегій и канцелярій“, а во 2-хъ, -наряду съ челобитными, поступающими въ Сенатъ отъ рекетмейстера, масса челобитій идетъ къ нему непосредственно; иначе говоря, у Сената только прибавилось больше дѣла, но порядка стало меньше. Послѣ этихъ общихъ замѣчаній перейдемъ къ компетенціи Сената, какъ апелляціонной инстанціи.

Указанный выше 4-ый пунктъ сенатской „Должности“ требовалъ, чтобы рекетмейстеръ, сдѣлавъ, согласно своей должности, выписку изъ надлежащаго дѣла, представлялъ ее Сенату „къ рѣшенію“. Сенатъ долженъ былъ по этому дѣлу „розыскивать“, т. е. произвести слѣдствіе, а затѣмъ, „когда придетъ до сентенціи (т. е. до рѣшенія), тогда учинить присягу предъ Богомъ въ правосудіи, и какъ оная учинена будетъ, рѣшить самою истиною по указамъ и регламентамъ“. . . Это требованіе „Дожности“ соблюдалось точно и теперь: когда Сенату приходилось приступать къ рѣшенію судебнаго дѣла, члены присутствія приносили присягу, которую затѣмъ и скрѣпляли своею подписью. Если дѣло шло установленнымъ „Должностью“ порядкомъ, то въ приговорѣ Сената по данному дѣлу обыкновенно читаемъ, что-де „Высокій Сенатъ,—слушавъ выписки учиненной и засвидѣтельствованной у рекетмейстерскихъ дѣлъ изъ взятаго (изъ такой-то коллегіи или канцеляріи), по челобитью (такого-то), въ неправомъ той коллегіи (или канцеляріи) рѣшеніи дѣла съ (такимъ-то) о (томъ-то)—приказали . . . (идетъ постановленіе Сената, подробно мотивированное), а приговоръ (даннаго учрежденія) отставить“... Самыя выписки дѣлались рекетмейстерскою конторою изъ подлинныхъ дѣлъ, которыя пересылались въ нее изъ соотвѣтствующихъ учрежденій по указамъ Сената. Но такой порядокъ на практикѣ нарушался: челобитья поступали и прямо въ Сенатъ, а онъ самъ уже дѣлалъ затѣмъ распоряженіе о присылкѣ ему выписокъ изъ подлиннаго дѣла. Послѣдствіемъ этого было то, что Сенату приходилось нерѣдко разсматривать дѣла, по которымъ надлежало прежде бить челомъ въ коллегіяхъ, канцеляріяхъ и т. д.; послѣдствіемъ-же обычнаго являлись заявленія челобитчиковъ, что-де „взнесена выписка неправильная, не изъ всего подлиннаго дѣла“, послѣ чего Сенатъ долженъ былъ вытребовать уже самое дѣло. Впрочемъ, челобитчики, жалуясь Сенату „на неправо-

вершенныя дѣла", сами иногда просили „о взятьѣ въ Сенатъ" дѣла (не дожидаясь, пока Сенатъ получитъ о немъ выписку отъ даннаго учрежденія), и Сенатъ соглашался на это.

Обращаясь къ содержанію жалобъ Сенату на „неправый судъ" подчиненныхъ ему учрежденій, надо замѣтить, что жалобы эти могли касаться какъ существа дѣла, такъ и нарушенія формъ судопроизводства, такъ какъ въ это время, какъ и при Петрѣ Великомъ, подъ апелляціею разумѣлась всякая жалоба высшему учрежденію на рѣшеніе низшаго, подчиненнаго первому, правительственнаго мѣста. Поэтому, какъ подъ „апелляціею на Сенатъ и первѣйшія три коллегіи",—о чемъ говорилъ 12-й пунктъ „мнѣнія не въ указъ",—такъ и подъ апелляціею Сенату „на неправый судъ коллегій и канцелярій", нельзя понимать того, что нынѣ разумѣется подъ этимъ выраженіемъ.

Являясь апелляціонною инстанціею „на неправый судъ коллегій и канцелярій", Сенатъ былъ, далѣе, въ извѣстныхъ случаяхъ, инстанціею, ревизующею приговоръ подчиненныхъ ему учрежденій. Совѣтъ, по желанію Екатерины I, долженъ былъ одно время взять на себя ревизію приговоровъ разныхъ учрежденій по преступленіямъ, которыя влекли за собою смертную казнь и т. н. „политическую смерть". Но это продолжалось недолго, и указомъ 31 декабря 1727 г. Совѣтъ, возвращая въ Сенатъ имѣвшіеся у него экстракты „объ осужденныхъ колодникахъ", повелѣваетъ разсмотрѣть ихъ и „впредь изъ коллегій и канцелярій о такихъ колодникахъ краткія выписки для разсмотрѣнія подавать въ Сенатъ". Ревизуя приговоръ, Сенатъ либо утверждалъ его, либо постановлялъ новый.

Какъ при Петрѣ Великомъ, такъ и въ данное время, Сенатъ являлся, наконецъ, первою инстанціею, съ одной стороны по дѣламъ, поручавшимся ему Совѣтомъ, а съ другой—по дѣламъ о преступленіяхъ по должности и менѣе значительнымъ политическимъ преступленіямъ. Но не только порученіе, данное Сенату Совѣтомъ о разсмотрѣніи того или иного дѣла, обращаетъ его въ судебную камеру; самъ Сенатъ, стоя во главѣ управленія, постоянно вынуждается къ производству слѣдствій, а затѣмъ и суда по преступленіямъ должности, менѣе значительнымъ преступленіямъ политическимъ и другимъ. Мы привели, напр., приговоръ Сената по дѣлу объ оберъ-фискалѣ Михаилѣ

Косомъ. Изъ подлиннаго протокола видно, что Сенатъ постановилъ этотъ приговоръ, „слушавъ дѣла и допросовъ“ о немъ, т. е., подробно изслѣдовалъ дѣло, согласно правиламъ тогдашней судебной процедуры. Когда Сенатъ находилъ нужнымъ, онъ вызывалъ въ мѣсто своего пребыванія доносителей, обвиняемыхъ и свидѣтелей и, обсудивъ, о чемъ съ нихъ надо снять допросъ, приказывалъ „дать имъ копію съ допросныхъ пунктовъ“. Затѣмъ онъ, либо держалъ первыхъ подъ карауломъ, либо отпускалъ всѣхъ ихъ „въ домы ихъ“ (въ важныхъ случаяхъ—какъ это было, напр., въ дѣлѣ Лизогуба „съ подпискою порукъ добрыхъ“), предписывая, „что когда ихъ по оному дѣлу спросятъ и имъ, за тѣми поруки, гдѣ повелѣно будетъ, явиться неотмѣнно“. Такъ какъ, далѣе, вызванные „для допросу въ свидѣтельствѣ“ могли принадлежать къ служилымъ людямъ, то Сенатъ предписывалъ соотвѣтствующему учрежденію (если предполагалъ, что въ ихъ свидѣтельствѣ вновь окажется еще необходимость) „въ дальнія отлучки отъ С.-Петербурга ихъ не посылать“, а когда они „по тому дѣлу будутъ потребны, чтобы паки присланы были въ Сенатъ“.

Впрочемъ, не только слѣдственныя, но и другія судебныя дѣйствія производились нерѣдко по приказу Высокаго Сената. Такъ, имъ давались указы о „непорицаніи прежнимъ наказаніемъ“, о производствѣ обрядовой казни надъ самоубійцами, о снятіи тѣла казненнаго съ висѣлицы и т. д. [1]).

Обозрѣвъ кругъ вѣдомства Высокаго Сената въ связи съ его дѣятельностью въ это время, попытаемся кратко обозначить ея общіе результаты. Какъ ясно изъ всего предъидущаго, Высокій Сенатъ всѣмъ ходомъ совершавшихся событій былъ отодвинутъ на второй планъ. Онъ, несомнѣнно, пересталъ быть „первымъ правительствомъ“, палъ, какъ главенствующее надъ всѣми учрежденіе... Но и въ годины паденія своего онъ сохранилъ, однако, важное значеніе въ области административнаго управленія Имперіею, несмотря на то, что часть дѣлъ отошла отъ него къ новому верховному учрежденію. Благодаря созданію этого учрежденія, дѣятельность Сената получила двоякій характеръ: если, съ одной стороны, онъ продолжалъ самостоятельно, — по закону, по крайней мѣрѣ,—разрѣшать рядъ

[1]) А. Н. Филипповъ. Исторія Сената, стр. 463 и сл.

дѣлъ, подлежавшихъ его компетенціи, то, съ другой, во многихъ случаяхъ онъ долженъ былъ обращаться за рѣшеніемъ къ Верховному Тайному Совѣту и играть, по отношенію къ нему, служебную роль. Наличность особой и самостоятельной функціи Сената въ правленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта показываетъ ясно, что въ эту эпоху, какъ и позднѣе, не только былъ нуженъ центральный органъ, объединяющій, во имя закона, дѣятельность всѣхъ учрежденій и контролирующій дѣйствія подчиненныхъ агентовъ власти, но и нужно было высшее учрежденіе, которое неустанно, изо дня въ день, исполняло-бы дѣло активнаго управленія и суда, которое, такъ или иначе, удовлетворяло бы нерѣдко мелкимъ, но настоятельнымъ, насущнымъ нуждамъ государственной и общественной жизни въ ея постоянномъ, никогда не замирающемъ кругооборотѣ. Мы видѣли, какъ раздроблялось вниманіе Сената по отдѣльнымъ, то важнымъ, то неважнымъ дѣламъ, выдвинутымъ заботами повседневной жизни. Изъ обзора всей совокупности дѣлъ, подлежавшихъ компетенціи Сената, и можно было вывести вполнѣ правильное, согласное съ дѣйствительностью, понятіе о дѣятельности Сената этого времени. Въ общемъ, какъ это ясно изъ всего предыдущаго, кругъ вѣдомства Сената, какъ бы онъ ни былъ раздробленъ на мелкія части по роду дѣлъ, былъ весьма значителенъ, несмотря на всю фактическую бѣдность состава Сената, недостатокъ средствъ, необходимость постоянно почти на все смотрѣть изъ-подъ рукъ Совѣта. Дѣятельность Сената въ данное время болѣе всего, однако, служитъ подтвержденіемъ той мысли, что однихъ политическихъ учрежденій, подобныхъ В. Т. Совѣту, недостаточно въ государственномъ строѣ, что какъ-бы ни было иногда законно ихъ существованіе, само по себѣ наряду съ ними должны существовать и правильно дѣйствовать правительственныя мѣста и лица, дѣлающія сложное дѣло административнаго управленія и суда, только во имя закона и въ разрѣшеніе нуждъ даннаго времени, ничего не зная о политикѣ.

Въ дѣятельности Сената въ данную эпоху можно, конечно, отмѣтить рядъ крупныхъ недостатковъ. Къ такимъ недостаткамъ надо отнести, напр., медленность въ рѣшеніи дѣлъ и въ исполненіи порученій, незначительность собственнаго почина Сената въ усовершенствованіи механизма управленія, малочисленность общихъ, и болѣе или менѣе широкихъ, мѣропріятій

въ его указной практикѣ и т. д. Но несомнѣнно, что Сенатъ и нынѣ, какъ при Петрѣ Великомъ, выносилъ на плечахъ своихъ всю тяжесть правленія, насколько, конечно, оно не вышло изъ предѣловъ его компетенціи. Что-же касается указанныхъ недостатковъ, то едва-ли отвѣтственность за нихъ можетъ пасть на одинъ только Сенатъ. Если волокита въ рѣшеніи дѣлъ и можетъ быть частію справедливо поставлена ему въ упрекъ (хотя въ этомъ отношеніи Сенатъ похожъ на всѣ учрежденія эпохи, не исключая самого Совѣта), то она, въ цѣломъ, объяснялась сложными обстоятельствами, между которыми немалую роль играли формы дѣлопроизводства. Затѣмъ, нельзя не обратить вниманіе на слѣдующее. Разъ въ государствѣ, наряду съ Сенатомъ, дѣйствуетъ верховное учрежденіе, которое беретъ на себя политическое руководительство въ дѣлѣ законодательства и управленія; разъ Сенатъ, силою вещей, принужденъ идти по теченію административной жизни, едва успѣвая отвѣчать на всѣ, хотя-бы и мелкія, но настоятельныя ея нужды, у него почти не остается ни силъ, ни возможности для осуществленія болѣе широкихъ задачъ управленія, если-бы даже онѣ и часто ставились на очередь, чего нельзя, однако, сказать о данномъ времени.

Какъ-бы, однако, мы ни смотрѣли на недостатки дѣятельности Сената, уже одно то обстоятельство, что въ основѣ ея лежало начало законности въ управленіи, невольно обращаетъ на себя вниманіе. Невсегда возможно, конечно, по состоянію первоисточниковъ, судить, насколько Сенатъ являлся хранителемъ законовъ по существу, а не по формѣ только. Но это постоянное и неуклонное стремленіе Сената исходить въ своей дѣятельности лишь отъ положеній закона, это неизмѣнное желаніе примирить нужды дѣйствительной жизни съ требованіями законовъ, хотя-бы путемъ временнаго разрѣшенія даннаго случая „впредь до указу“, или „до будущаго генеральнаго опредѣленія“; наконецъ, эти постоянныя попытки Сената ввести, во имя закона, извѣстное однообразіе и единство во всѣ подробности управленія — заставляютъ видѣть въ Сенатѣ изучаемой эпохи (несмотря на тяжелое подчиненное его положеніе) учрежденіе высокаго порядка. Въ этой идеѣ законности, лежавшей всегда въ основѣ дѣятельности Сената, надо искать, на нашъ взглядъ, и причину того, что Сенатъ, несмотря на превратности его

судьбы, уцѣлѣлъ надолго. Политическія вѣянія времени, такъ или иначе осуществившіяся въ созданіи В. Т. Совѣта, оказались весьма недолговѣчными; идея-же законности, которой долженъ былъ служить, по мысли своего Основателя, Сенатъ, была настолько неизмѣннымъ основаніемъ государственности, что, естественно, пережила не только В. Т. Совѣтъ, Кабинетъ, но и рядъ другихъ учрежденій, и послужила къ укрѣпленію положенія самого Сената среди прочихъ государственныхъ установленій.

Высокій Сенатъ нынѣ, помимо своей самостоятельной дѣятельности, стоялъ какъ сказано, въ служебной роли по отношенію къ В. Т. Совѣту. Одинъ изъ современниковъ этой эпохи исторіи Сената, Седеркрейцъ, шведскій посланникъ въ Россіи, утверждаетъ, что „такъ называемый русскій Сенатъ похожъ на особую коллегію, изъ которой исходятъ всѣ ордера и экспедиціи касательно внутреннихъ дѣлъ государства отъ имени секретаря или канцеляриста, завѣдующаго экспедиціею. Всѣ болѣе важныя внутреннія дѣла, производимыя въ В. Совѣтѣ, разрѣшаются окончательно тамъ-же, но экспедиція производится отъ Сената. Другія-же дѣла меньшей важности беретъ на себя и рѣшаетъ непосредственно послѣдній, вслѣдствіе чего дѣла пришли въ такую запутанность, что иногда ни Совѣтъ, ни Сенатъ не знаютъ, въ чемъ собственно заключаются ихъ занятія“ [1]). Мы считаемъ весьма преувеличеннымъ указанное мнѣніе Седеркрейца о запутанности дѣлъ между Сенатомъ и Совѣтомъ, такъ какъ пререканія о компетенціи между ними были, сравнительно, рѣдки, и Сенатъ отлично зналъ вообще предѣлы своего вѣдомства. Но изображеніе Сената, какъ экспедиціонной коллегіи при Совѣтѣ, вполнѣ вѣрно, и, конечно, такое положеніе не могло не отражаться на дѣятельности Сената и даже на его дѣлопроизводствѣ. Въ подлинныхъ „протоколахъ и журналахъ“ Сената всегда на первомъ мѣстѣ стоятъ приговоры его по исполненію указовъ Совѣта, которые иногда поступали въ такомъ обиліи и требовали отъ Сената столь сложныхъ распоряженій, что онъ, то все время, то большую часть его отдавалъ этимъ указамъ. По записи, напр., 2 іюня

---

[1]) Цитируемъ по „Государственному хозяйству“ П. Н. Милюкова, стр. 680, прим. 1.

1727 г., всѣ протоколы Сената касаются повелѣній Совѣта, присланныхъ Сенату; по записи 5 іюня, въ Сенатѣ составленъ журналъ о его распоряженіяхъ по 17 пунктамъ указа, присланнаго изъ Совѣта о пожалованіи разнымъ лицамъ недвижимостей изъ числа конфискованныхъ у гр. Девіэра, гр. Толстого и др.; затѣмъ 6 протоколовъ составлены по 6-ти указамъ изъ того-же Совѣта, одинъ—по промеморіи изъ Кабинета и 5—по „доношеніямъ" изъ коллегій и другихъ учрежденій; по записи 25 іюля 1726 г., одинъ протоколъ Сената касался именного указа, семь указовъ В. Т. Совѣта, бывшихъ частію отвѣтомъ на „доношенія" самого Сената, восемь остальныхъ протоколовъ содержали указы самого Сената на доношенія тѣхъ или иныхъ учрежденій и лицъ [1]). Какъ изъ этихъ, такъ и многихъ другихъ, примѣровъ видно, въ какой зависимости стояла дѣятельность Сената отъ Совѣта. Если мы при этомъ обратимъ вниманіе еще на то обстоятельство, что нерѣдко распоряженія Сената по приведенію въ исполненіе указовъ Совѣта были весьма сложны, что Сенату, кромѣ того, постоянно давались Совѣтомъ разнаго рода порученія и повелѣнія, измѣнявшія обычное теченіе его дѣятельности, то мы придемъ къ выводу, что не только по формѣ, но и по существу, отношеніе Сената къ Совѣту можетъ быть охарактеризовано, какъ вполнѣ подчиненное и зависимое.

Не столь, конечно, пассивна была роль Сената, когда ему приходилось составлять разнаго рода проекты докладовъ по вопросамъ, порученнымъ Совѣтомъ его обсужденію. Но и здѣсь Сенатъ, въ качествѣ подчиненной Совѣту коллегіи, былъ самостоятеленъ лишь въ предѣлахъ задачи, поставленной ему для разрѣшенія, при чемъ, какъ это само собою понятно, окончательное рѣшеніе вопроса принадлежало Совѣту. Дѣло дѣлалъ Сенатъ, но направлялъ и разрѣшалъ его Совѣтъ. Когда, напр., въ Совѣтѣ обнаружилось, что данная ранѣе этого „инструкція генералитету" устарѣла, такъ какъ „многія нынѣ учинены во управленіи противъ прежняго отмѣны", пересмотръ ея и согласованіе съ этими „отмѣнами" было поручено Сенату, съ повелѣніемъ ему „имѣть", по предмету этой весьма сложной инструкціи, „сношеніе съ Военною коллегіею"; но „слу-

[1]) М. А. М. Ю., журн. и проток. Пр. Сената, кн. 86/1967, л. 1—8, 9—33, кн. 73/1956, л. 199—223 и др.

шана, поправливана“, наконецъ, утверждена была она Совѣтомъ [1]).

Сила и важность дѣлового значенія Сената сказывались при этомъ постоянно; но не менѣе сказывалась здѣсь и правящая роль Совѣта, всегда стоявшаго надъ Сенатомъ. Въ Сенатѣ разработывались обширные проекты узаконеній. Такъ, напр., въ одномъ изъ подлинныхъ протоколовъ Сената сохранился обширный проектъ тѣхъ „способовъ“, какіе Сенатъ считалъ нужными примѣнить на практикѣ „для отвращенія безпорядковъ и народныхъ отягощеній“, происходившихъ отъ тогдашней организаціи „почтовой гоньбы“. На основаніи собранныхъ свѣдѣній, Сенатъ пришелъ, прежде всего, къ тому выводу, что уѣзднымъ людямъ, которые содержатъ почтовые станы, „чинятся великое разореніе и несносные убытки отъ того, что многіе люди, подъ видомъ государственнаго дѣла, на тѣхъ-же почтовыхъ подводахъ ѣздятъ для своихъ нуждъ, а усмотрѣть того во множествѣ проѣздовъ невозможно, отчего иногда для проѣзду нужнѣйшихъ курьеровъ въ подводахъ бываетъ недостатокъ, а лошади многія отъ надсады помираютъ и уѣздные люди въ содержаніи тѣхъ почтъ принимаютъ великую тягость“; затѣмъ,—что всѣ безпорядки и разоренія уѣзднымъ людямъ происходятъ большею частію отъ того, что „на ямскія и на почтовыя подводы прогонныхъ денегъ платежъ положенъ весьма невеликъ“ и пр. Поэтому Сенатъ, во мнѣніи своемъ, поданномъ Совѣту, предлагаетъ обширный проектъ измѣненій тогдашней „почтовой гоньбы“ [2]), весь проникнутый сознаніемъ важности правильной организаціи почты и желаніемъ облегчить населеніе, несущее на себѣ эту государственную повинность. При этомъ Сенатъ предлагаетъ ямской канцеляріи составленный ею проектъ („объ установленіи, по примѣру чужестранныхъ государствъ, вольной почты, какъ верховой, такъ и фурманной“) передѣлать „по силѣ вышеписаннаго опредѣленія“ Сената и подать ему „для произведенія онаго дѣла въ дѣйство немедленно“. Почему этотъ проектъ Сената не былъ утвержденъ Совѣтомъ,—неизвѣстно; можно указать лишь на нѣсколько узаконеній, послѣдовавшихъ послѣ этого проекта и частію воспроизводившихъ его мысли.

[1]) Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. LXIII, стр. 241, ib., т. LXXXIV, стр. 241; П. С. З., № 5333.

[2]) М. А. М. Ю., кн. 86/1967, л. 106—117 и об. (протоколъ 13 іюня 1727 г.).

Во всякомъ случаѣ правильной организаціи почты не было сдѣлано до самого конца царствованія Анны Іоанновны, т. е. почти до конца эпохи паденія Сената [1]). Такимъ образомъ, Сенатъ своимъ проектомъ, несомнѣнно, отвѣчалъ насущнымъ нуждамъ времени, касался одного изъ важныхъ вопросовъ народной жизни и касался, какъ намъ кажется, съ достаточнымъ серьезнымъ вниманіемъ къ дѣлу.

Мы остановились подробно на одномъ только изъ „доношеній" Сената Совѣту, вполнѣ ясно свидѣтельствующемъ о важности дѣлового значенія Сената; но такихъ „доношеній" можно указать много. Въ цѣломъ, они характеризуются обстоятельностію, какъ въ той части, которая содержитъ разнаго рода свѣдѣнія, справки съ законодательнымъ матеріаломъ и пр., такъ и въ той, гдѣ дается, въ заключеніе, собственное „мнѣніе" Сената, по тому или иному вопросу. Неудивительно поэтому, что Совѣтъ нерѣдко утверждалъ „мнѣнія" Сената, обстоятельно разработанныя въ его почтительныхъ „доношеніяхъ" [2]). Бывали также случаи, когда Совѣтъ долженъ былъ, подъ вліяніемъ, сенатскихъ „мнѣній", отказываться отъ своихъ собственныхъ указовъ. Такъ было, напр., съ указомъ объ уничтоженіи дьяковъ въ провинціальныхъ городахъ. Сенатъ донесъ Совѣту, что „воеводы требуютъ себѣ во всѣ провинціальные города секретарей"; Совѣтъ, — „для показанныхъ въ томъ доношеніи и мнѣніи резоновъ", долженъ былъ отмѣнить свой предыдущій указъ [3]).

Разсматривая, въ цѣломъ, дѣятельность Высокаго Сената, нельзя не придти къ тому заключенію, что В. Т. Совѣтъ совершенно не могъ замѣнить собою высшаго коллегіальнаго учрежденія, гдѣ-бы могли разработываться разнаго рода законопроекты и мнѣнія по различнымъ вопросамъ, а равно и сосредоточивались-бы всѣ сложныя функціи подчиненнаго управленія и контроля, поскольку онѣ нуждались въ одномъ общемъ органѣ, правомѣрно поставленномъ и дѣйствующемъ въ предѣлахъ закона.

---

[1]) П. С. З., №№ 5109, 6124, 8183.

[2]) См., напр., Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. LVI, стр. 135 и сл., 145 и сл., томъ LXIII, стр. 393 и сл., стр. 428 и сл.; т. LXIX, стр. 133 и сл.

[3]) Ibidem, т. LXXXIV, стр. 669 и сл.

ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩІЙ СЕНАТЪ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЯ

АННЫ ІОАННОВНЫ

И

ІОАННА АНТОНОВИЧА.

Анна

ГЛАВА I.

Вступленіе.

I. Возстановленіе Правительствующаго Сената по Манифесту 4 марта 1730 г.; его первоначальный составъ. II. Отношеніе Правительствующаго Сената къ Верховной власти до учрежденія Кабинета. Обзоръ дѣятельности Сената въ указанное время. III. Учрежденіе Кабинета министровъ; главные моменты его развитія.

I. Возстановленіе Правительствующаго Сената по Манифесту 4 марта 1730 г.; его первоначальный составъ.

Въ ночь съ 18 на 19 января 1730 г., въ началѣ перваго часа, скончался Императоръ Петръ II. Еще съ вечера стали съѣзжаться въ Московскій Лефортовскій дворецъ, гдѣ умиралъ четырнадцатилѣтній Монархъ, члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, архіереи, сенаторы, генералитетъ. Какъ только печальная вѣсть стала извѣстною, члены Верховнаго Тайнаго Совѣта предложили архіереямъ, бывшимъ во дворцѣ, прибыть на слѣдующее утро въ предполагаемое засѣданіе, а сами, образовавъ „осьмиличное собраніе", удалились въ особое совѣщаніе, на которомъ, послѣ нѣкотораго разсужденія, рѣшили призвать на тронъ вторую дочь Царя Іоанна Алексѣевича Анну, герцогиню Курляндскую, подъ условіемъ подписанія Ею ограничительныхъ „кондицій". „Кондиціи" эти вскорѣ были отосланы въ Митаву, гдѣ тогда пребывала Анна Іоанновна, и 25 января были Ею подписаны.

Манифестомъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, обнародованнымъ 4 февраля, вѣрноподданные извѣщались о принятіи Анною Іоанновною „россійскаго престола“, при чемъ въ немъ-же объявлялось, что, по прибытіи Государыни въ Москву, „будутъ выданы указы о приводѣ къ присягѣ“. Торжественный въѣздъ новой Императрицы въ Москву состоялся 15 февраля; на 20 число была назначена присяга жителей первопрестольной столицы по особой формѣ, въ коей не упоминалось о самодержавной власти; 22 числа, Сенатъ по повелѣнію Верховнаго Тайнаго Совѣта послалъ форму этой присяги съ присяжными листами въ губерніи и провинціи, а 25 февраля Анна Іоанновна уже „разодрала“ кондиціи, причемъ Сенатъ на другой-же день снова всюду разослалъ нарочныхъ съ приказомъ объ отобраніи подписанныхъ листовъ и о возвращеніи посланныхъ „присягъ“. Черезъ два дня, а именно 28 февраля, воспослѣдовалъ Высочайшій Манифестъ о „воспріятіи“ Императрицею „самодержавства“ и о „сочиненіи вновь присяги“, по формѣ коей вѣрноподданные должны были „въ вѣрности своей“ Императрицѣ, „яко Самодержавной Государынѣ, присягать, и на томъ Слово и Крестъ цѣловать, и ко оной подписываться“. Прошло еще 4 дня, и новый Манифестъ Государыни отъ 4 марта объявлялъ всенародно объ уничтоженіи Верховнаго Тайнаго Совѣта и объ опредѣленіи „для правленія Правительствующаго Сената, на такомъ основаніи и въ такой силѣ, какъ при Дядѣ Нашемъ, блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Петрѣ Великомъ, Императорѣ и Самодержцѣ Всероссійскомъ, былъ“ [1]).

Всѣ вышеуказанныя даты наглядно показываютъ, съ какою быстротою развивались на Москвѣ, въ первые полтора мѣсяца по кончинѣ Петра II, событія чрезвычайной важности, имѣвшія, однимъ изъ своихъ послѣдствій возстановленіе власти Правительствующаго Сената, съ повелѣніемъ ему „во управленіи поступать по „Должности“, данной при Его-же Императорскомъ Величествѣ, и по Уложенію и указамъ, которому Правительствующему Сенату всякъ ихъ указамъ да будетъ послушенъ, подъ жестокимъ наказаніемъ или смертію, по винѣ смотря“.

[1]) П. С. З., №№ 5499, 5508, 5509, 5510. Подробное изслѣдованіе объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ призваніе на престолъ Анны Іоанновны, см. въ сочиненіи Д. А. Корсакова: Воцареніе Императрицы Анны Іоанновны (Казань, 1830 г.).

Божiею Милостiю Мы Анна, императрица и самодержица всеросiйская, и протчая, и протчая, и протчая.

Указали верховный совѣтъ, и высокiй Сенатъ отставить, а вместо того для управленiя быть правителствующему сенату, в которомъ присутствовать и сверхъ имянно даннымъ, и учинить присягу такую каковую учинили при деде нашемъ блаженныя и вечнодостойныя памяти Петре Великомъ императоре и самодержце всеросiйскомъ въ 1711 году Марта 2 дня, которой формуляръ при семъ, такожъ и во управленiи поступать по должности данной сенату при его императорскомъ величестве, и по уложенiю, и указамъ, а что о томъ нашемъ определенiи въявлять публиковать в народъ особыми печатными указами

Анна

Марта 4 дня
1730 году

Манифестъ отъ 4-го марта 1730 г. объ упраздненiи Верховнаго Тайнаго Совѣта и Высокаго Сената и о возстановленiи Правительствующаго Сената.

Мы не имѣемъ возможности касаться подробно указанныхъ событій и объяснять ихъ значеніе. Считаемъ, однако, необходимымъ отмѣтить, какъ смотрятъ въ литературѣ нашей на происхожденіе „кондицій“, поднесенныхъ для подписанія Аннѣ Іоанновнѣ, а равно и на характеръ ограниченія Ея власти въ пользу Верховнаго Тайнаго Совѣта.

Что касается происхожденія „кондицій“, то обыкновенно думаютъ, что „кондиціи“ были взяты со шведскаго образца и что верховники стремились „одѣться въ шведское платье“ [1]. Не отрицая вліянія шведскаго государственнаго устройства на образъ мыслей автора „кондицій“, кн. Д. М. Голицына, надо, однако, на нашъ взглядъ, принять во вниманіе то обстоятельство, что дѣятельность Верховнаго Тайнаго Совѣта въ царствованіе Екатерины I и особенно—Петра II была такова, что прямо наводила Совѣтъ на мысль о возможности закрѣпить за собою юридически то, что предъ кончиною Петра II принадлежало ему фактически, а печальное положеніе Анны Іоанновны въ Митавѣ, въ качествѣ уже давно вдовствующей герцогини Курляндской, давало верховникамъ право расчитывать на успѣхъ при предложеніи Ей „короны россійской“ на выработанныхъ ими условіяхъ. На нашъ взглядъ, шведскій образецъ потому и пригодился для верховниковъ, что въ немъ кратко и точно было кодифицировано почти все то, чѣмъ уже владѣлъ Совѣтъ задолго до призванія Анны на престолъ.

Далѣе, большинство ученыхъ справедливо смотритъ на „кондиціи“, какъ на олигархическую затѣю, участники которой хотѣли закрѣпить Верховную власть за Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ. Этотъ взглядъ на „кондиціи“ былъ очень распространенъ и среди современниковъ событія, и никому иному, какъ знаменитому А. П. Волынскому, приписываются, напр., слова, что, „Боже сохрани, чтобъ не сдѣлалось, вмѣсто одного самодержавнаго Государя, 10 самовластныхъ и сильныхъ фамилій; и тогда мы, шляхетство, совсѣмъ пропадемъ и будемъ принуждены горше прежняго идолопоклонничать и милости просить“... Иначе рѣшаетъ вопросъ П. Н. Ми-

[1]) А. Д. Градовскій, Высшая администрація, стр. 145; Д. А. Корсаковъ, Воцареніе Императрицы Анны Іоанновны, стр. 284 и сл.; П. Н. Милюковъ, Верховники и шляхетство (въ книгѣ: „Изъ исторіи русской интеллигенціи“, СПБ., 1907 г., стр. 7 и сл.).

люковъ, полагающій, что „въ цѣляхъ задуманнаго переворота не было ничего олигархическаго"; эту мысль раздѣляетъ также В. Е. Якушкинъ, думающій, что верховники „преслѣдовали не только свои личныя цѣли, имѣли въ виду не созданіе олигархіи, а введеніе опредѣленнаго конституціоннаго строя на аристократическихъ основахъ" [1]). Поскольку, однако, цѣли ихъ реформы раскрылись въ самихъ „кондиціяхъ", онѣ, несомнѣнно, были олигархическаго характера. Гадать-же о томъ, насколько склонны были бы въ будущемъ верховники подѣлиться властію съ шляхетствомъ, которое добивалось участія въ управленіи и съ которыми кн. Д. М. Голицынъ и другіе члены Верховнаго Тайнаго Совѣта не съумѣли вовремя сговориться,—не приходится, такъ какъ сами „кондиціи" были скоро уничтожены и политическая роль дворянства надолго замерла совершенно.

Нельзя также обойти молчаніемъ того обстоятельства, что въ челобитной, поданной 25 февраля Аннѣ Іоанновнѣ шляхетствомъ о возстановленіи самодержавія, говорилось также и о необходимости уничтоженія Верховнаго Тайнаго Совѣта, возстановленіи Правительствующаго Сената и увеличеніи числа его членовъ до 21 лица. „Только всеподданнѣйше Ваше Императорское Величество просимъ", читаемъ въ этой челобитной, „чтобъ соизволили сочинить, вмѣсто Верховнаго Тайнаго Совѣта и Высокаго Сената, одинъ Правительствующій Сенатъ, какъ при Его Величествѣ, блаженной памяти Дядѣ Вашего Императорскаго Величества Петрѣ Первомъ было, и пополнить его довольнымъ числомъ, 21 персоною. Таkожде нынѣ въ чины и впредь на упалыя мѣста (вакансіи) въ оный Правительствующій Сенатъ и въ губернаторы и въ президенты повелѣно-бы было шляхетству выбирать баллотированіемъ, какъ то при Петрѣ Первомъ установлено" [2]). Это желаніе шляхетства исполняется по Манифесту 4 марта, въ которомъ, наряду съ уничтоженіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта и возстановленіемъ Правительствующаго Сената, „на такомъ основаніи и въ такой силѣ", какъ было при Петрѣ, назначается къ присутствованію въ Сенатѣ 21 персона [3]).

[1]) В. Е. Якушкинъ, Государственная власть и проекты государственной реформы (СПБ., 1906 г.), стр. 19 и сл.

[2]) См. текстъ этой челобитной у Д. А. Корсакова, ibid., стр. 275.

[3]) Арх. Сен., Высоч. ук. и повел., кн. 32, л. 2 и 3.

Обратимся теперь къ этому возстановленному Правительствующему Сенату, разсмотримъ его составъ и коснемся его дѣятельности до учрежденія Кабинета министровъ.

На другой день, послѣ Манифеста 4 марта, еще недавно Высокій, а нынѣ вновь „Правительствующій" Сенатъ представлялъ собою необычайное зрѣлище: зала его засѣданій, гдѣ послѣ Петра Великаго едва можно было насчитать трехъ или четырехъ скромныхъ сенаторовъ, вдругъ наполнилась блестящими рядами знаменитыхъ людей времени, изъ коихъ нѣкоторые нѣсколько недѣль тому назадъ, въ качествѣ членовъ всесильнаго Верховнаго Тайнаго Совѣта, предлагали „корону россійскую" избранной ими Государынѣ, теперь-же Ею были отосланы въ столь-униженный ихъ политикою Сенатъ... По ироніи исторіи бывшимъ верховникамъ приходилось съ перваго засѣданія заниматься вопросами, касавшимися возстановленія порядковъ стараго Петровскаго Сената, какъ это мы увидимъ изъ дальнѣйшаго.

Возстановленный Сенатъ долженъ былъ, согласно шляхетской челобитной, состоять, какъ уже сказано, изъ 21 персоны [1]). Здѣсь, наряду съ прежними сенаторами, какъ кн. Черкасскій, Новосильцовъ, Ушаковъ, кн. Юсуповъ, Салтыковъ, Дмитріевъ-Мамоновъ, въ Сенатъ входятъ гордые „верховные господа", какъ знаменитый дипломатъ Петровскаго царствованія князь Вас. Л. Долгорукій, какъ извѣстные полководцы-фельдмаршалы, кн. М. М. Голицынъ и кн. Вас. Вл. Долгорукій, или кн. Дм. М. Голицынъ, такъ много поработавшій надъ проведеніемъ „кондицій", какъ канцлеръ гр. Головкинъ, вице-канцлеръ гр. Остерманъ [2]); кромѣ того сюда входятъ: и столь извѣстный генералъ-прокуроръ Петровскаго царствованія, гр. П. И. Ягужинскій, и еще третій фельдмаршалъ—кн. И. Ю. Трубецкой, не говоря уже

[1]) А именно: изъ канцлера гр. Г. И. Головкина, трехъ фельдмаршаловъ: князей Мих. Мих. Голицына, Вас. Влад. Долгорукаго, Ив. Юр. Трубецкого, кн. Вас. Лук. Долгорукаго, кн. Дм. Мих. Голицына, гр. А. И. Остермана, гр. П. И. Ягужинскаго, кн. Ив. Ѳ. Ромодановскаго, кн. Алек. Мих. Черкасскаго, Григ. Петр. Чернышева, Ив. Ильича Дмитріева-Мамонова, кн. Григ. Дм. Юсупова, Сем. Анд. Салтыкова, А. И. Ушакова, кн. Ю. Ю. Трубецкого, кн. И. Ѳ. Борятинскаго, кн. Гр. Алекс. Урусова, Сем. Ив. Сукина, гр. Мих. Гавр. Головкина, Вас. Як. Новосильцова (Арх. Сен., Высоч. ук. и повел., кн. 32, л. 2 и 3).

[2]) Изъ членовъ бывшаго В. Т. Совѣта въ составъ возстановленнаго Сената не вошли только мало-значительные сами по себѣ кн. Ал. Григ. Долгорукій, отецъ извѣстнаго любимца Петра II, князя Ивана Алексѣевича, да кн. Мих. Влад. Долгорукій, вскорѣ назначенный въ Казань генералъ-губернаторомъ; впрочемъ, послѣдній былъ членомъ В. Т. Совѣта всего около $1^1/_2$ мѣсяца.

о всѣхъ другихъ болѣе или менѣе значительныхъ лицахъ, введенныхъ сюда Манифестомъ 4 марта 1730 г.

Взглянувъ на это выдающееся по именамъ и многочисленное по составу собраніе Сената, прочтя въ указѣ о желаніи новой Императрицы идти по стопамъ своего Дяди, „блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Петра Великаго", можно было предположить, что Сенату предстояло нынѣ и почетная правительственная роль, въ качествѣ верховнаго учрежденія, и широкое, неотъемлемое вліяніе на всѣ сферы государственной жизни; можно было подумать, что передъ нами попытка создать особый государственный совѣтъ, — попытка опровергнуть ходячее мнѣніе, которое вылилось впослѣдствіи въ извѣстномъ афоризмѣ гр. Завадовскаго, что въ Россіи „отъ самой кончины Петра I, во всѣ времена властолюбивые люди, пользуясь довѣренностью государскою, стремились къ тому, чтобы имъ, а не мѣстамъ, властвовать"....
Но созданіе такого совѣта было не по плечу времени, и вотъ скоро составъ этого блестящаго Сената измѣняется, а надъ самимъ Сенатомъ, уже по указу 18 октября 1731 г., становится новое учрежденіе „Кабинетъ Ея Императорскаго Величества", какъ обычно называютъ первоисточники того времени вновь созданный Кабинетъ трехъ министровъ. Мы отмѣтимъ позднѣе тѣ цѣли, какія преслѣдовались учрежденіемъ Кабинета; теперь-же укажемъ на тѣ измѣненія, какія послѣдовали въ составѣ Сената.

Блестящій по именамъ и многочисленный по составу Правительствуюшій Сенатъ начала царствованія Анны заставлялъ думать, какъ мы сказали, о важной роли въ правленіи государствомъ вновь возстановленнаго Петровскаго Сената. Однако, самъ этотъ составъ оказался недолговѣченъ. Онъ былъ, повидимому, временной уступкою шляхетскимъ желаніямъ, съ одной стороны, и отражалъ въ себѣ лишь затруднительность положенія новаго правительства, съ другой. Кажется, знаменитости эпохи, какъ „верховные господа", такъ и другія выдающіяся лица, не входившія въ упраздненный В. Т. Совѣтъ, были первоначально введены въ Сенатъ только потому, что на первыхъ порахъ не нашлись еще, что съ ними дѣлать, или же не желали нѣкоторымъ изъ нихъ сразу показать своей немилости, а потому и послали ихъ временно засѣдать въ Сенатѣ. Какъ вѣрно замѣтилъ С. М. Соловьевъ, „25 февраля (день „разодранія" кондицій) поставило новое правительство во враждебныя отношенія къ двумъ самымъ

виднымъ фамиліямъ—Голицыныхъ и Долгорукихъ; обѣ желательно было удалить; но боялись дѣйствовать круто и начинать царствованіе опалами, соображали, противъ которой изъ двухъ фамилій и противъ кого именно изъ ея членовъ можно безопаснѣе начать преслѣдованіе. Разумѣется, безопаснѣе всего было начать съ Долгорукихъ" [1]). И вотъ уже 8 апрѣля 1730 г. знаменитый дипломатъ и виднѣйшій дѣятель по воцаренію Анны Іоанновны, князь Василій Лукичъ, только-что посаженный въ Сенатъ, назначается сибирскимъ губернаторомъ, чтобы быть вскорѣ,—всего черезъ нѣсколько дней,—вмѣстѣ съ другими членами фамиліи, сосланнымъ въ свои дальнія деревни, а затѣмъ позднѣе и казненнымъ [2]). Правда, при этомъ первоначально былъ пощаженъ другой сенаторъ той же фамиліи, знаменитый фельдмаршалъ кн. Василій Владиміровичъ, но это продолжалось недолго: уже въ слѣдующемъ году онъ былъ сосланъ. Нѣсколько болѣе церемонились съ Голицыными, и только въ 1737 г., говоря словами того же историка, „имѣли наслажденіе добраться до князя Дмитрія Михайловича" [3]); но этотъ столь видный „верховникъ", неволею посаженный въ Сенатъ и, вѣроятно, весьма тяжело себя здѣсь чувствовавшій, еще задолго до своей ссылки, самъ почти пересталъ бывать въ засѣданіяхъ Сената [4]) и,—какъ говорилось, между прочимъ, въ обвинительномъ противъ него актѣ,—„отговаривался всегда болѣзнію, не хотя Государынѣ и государству, по должности своей, служить, положенныхъ дѣлъ на него не отправлялъ" (другой Голицынъ, также сенаторъ, извѣстный фельдмаршалъ, братъ названнаго, скончался въ концѣ 1730 г.). Такъ быстро исчезли изъ Сената, по тѣмъ или инымъ причинамъ, четыре крупныя личности изучаемаго времени, представители двухъ виднѣйшихъ нашихъ фамилій высшаго дворянства.

Недолго оставался здѣсь и еще одинъ изъ выдающихся людей Петровскаго царствованія, —гр. П. И. Ягужинскій, это „око" Петра, которымъ Великій Государь хотѣлъ „все видѣть" въ созданномъ

[1]) Исторія Россіи, т. XIX, изд. 3 (М., 1895 г.), стр. 310.

[2]) Арх. Сен., Высоч. ук. и повел., кн. 32, л. 23, 25, 34 и др.

[3]) Исторія Россіи, т. XX, изд. 3 (М., 1887 г.), стр. 399.

[4]) Изъ книгъ „журналовъ и протоколовъ Сената" за время съ марта 1730 года по декабрь 1736 г. (М. А. М. Ю., кн. 119/2000—218/2099) видно, что князь Дмитрій Михайловичъ лишь весьма рѣдко, особенно съ 1732 г., посѣщалъ засѣданія Сената, по цѣлымъ мѣсяцамъ отсутствуя по болѣзни.

имъ Сенатѣ. Уже указомъ 2 октября 1730 г. Ягужинскій „изъ членовъ сенатскихъ“ назначается къ исправленію должности генералъ-прокурора Сената [1]). И это возстановленіе важной весьма должности генерала-прокурора, исчезнувшей въ правленіе В. Т. Совѣта, и назначеніе на нее столь выдающагося лица, какъ Ягужинскій, могло бы разсматриваться, какъ желаніе придать извѣстный блескъ и значеніе возрожденному Сенату. Въ дѣйствительности же, однако, это назначеніе, лишивъ Сенатъ одного изъ выдающихся его членовъ, вовсе не способствовало тому, что отъ него ожидалось, и не способствовало по той простой причинѣ, что уже въ концѣ слѣдующаго года Ягужинскій удаляется „въ почетную ссылку“, будучи назначенъ посланникомъ въ Берлинъ, а должность генералъ-прокурора остается незамѣщенною до конца царствованія Анны Іоанновны, когда, 28 апрѣля 1740 г., кн. Н. Ю. Трубецкой назначается генералъ-прокуроромъ Сената [2]). Такъ остается въ теченіе почти десятилѣтія безъ исполненія Манифестъ Императрицы отъ 2 октября 1730 г., въ которомъ краснорѣчиво изображалось, что Великій Дядя Государыни „нетунѣ чинъ... генералъ-прокурора и ему помощника... при Сенатѣ учредить изволилъ“ [3]), и такъ богато оказывается начало царствованія актами, то мало продуманными, то безрезультатными, издававшимися, повидимому, безъ всякаго соображенія о томъ, насколько будетъ удобно самому новому правительству жить и править съ сильнымъ и многочисленнымъ Сенатомъ, а равно и съ дѣятельнымъ и энергичнымъ его генералъ-прокуроромъ.

Послѣ всѣхъ указанныхъ перемѣнъ въ составѣ Сената остается еще одна весьма крупная личность эпохи гр. Андр. Ив. Остерманъ; но уже указомъ 18 октября 1731 г. онъ, вмѣстѣ съ двумя другими сенаторами, канцлеромъ гр. Головкинымъ и кн. Черкасскимъ, назначается членомъ вновь созданнаго (по сказанію современниковъ, —по его же иниціативѣ) Кабинета. Такъ не проченъ оказывается въ своемъ составѣ возстановленный Сенатъ, и не проченъ именно въ той своей части, которая являлась наиболѣе выдающеюся по своему значенію. Сенатъ, впрочемъ, и послѣ этихъ перемѣнъ, остается почти

[1]) П. С. З., № 5625.
[2]) Арх. Сен., Высоч. ук. и повел., кн. 57, л. 580.
[3]) П. С. З., № 5625.

во все время правленія Кабинета довольно многочисленнымъ, чѣмъ рѣзко отличается отъ Сената предшествующей эпохи правленія В. Т. Совѣта, что совершенно понятно: Кабинетъ трехъ, а нерѣдко, въ дѣйствительности, и двухъ министровъ не могъ брать на себя, особенно въ первые годы своего существованія, заботъ о всѣхъ сложныхъ административныхъ и иныхъ дѣлахъ управленія, а потому и нуждался въ многолюдномъ и дѣятельномъ органѣ. Сенатъ пополнялся поэтому, время отъ времени, новыми членами, по преимуществу, дѣловыми людьми, прошедшими предварительно черезъ длинный рядъ должностей центральной или мѣстной администраци [1]). Но Сенатъ дальнѣйшихъ лѣтъ царствованія Анны никогда не подымался, однако, по своему составу, до той высоты, на какую поставилъ его Манифестъ 4 марта 1730 г., временно вмѣстивъ въ него цѣлый рядъ наиболѣе выдающихся людей.

Сенатъ послѣдующаго времени, при всемъ его важномъ, преимущественно дѣловомъ значеніи, сталъ, по учрежденіи Кабинета, подъ его руководство. Если до этого учрежденія Сенатъ стоитъ въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ Верховной власти, то, послѣ созданія Кабинета, его положеніе сильно измѣняется, какъ это будетъ указываться нами въ послѣдующихъ очеркахъ. Едва-ли, въ виду всего вышеизложеннаго, можно согласиться съ мнѣніемъ А. Д. Градовскаго, утверждавшаго, что „по уничтоженіи Совѣта Императрица имѣла твердое намѣреніе царствовать въ духѣ Петра I. Результатомъ было возстановленіе Сената на прежнемъ основаніи“ [2]). Скорѣе надо предполагать, что было намѣреніе, не разъ прорывавшееся и въ позднѣйшемъ Аннинскомъ законодательствѣ, прикрыться этимъ великимъ именемъ, неособенно внимательно вникая въ то, насколько возможно, или даже удобно, по обстоятельствамъ времени, править въ духѣ Петра и съ помощью Его учрежденій. Конечно, Сенатъ Петра Великаго былъ возстановленъ и долженъ былъ дѣйствовать по „Должности“ своего Основателя, минуя законодательство Екатерины I и Петра II. Но это, однако, продолжалось столь недолго, сопровождалось вскорѣ

[1]) Арх. Сен., Высоч. ук. и повел., кн. 32, л. 12; другія назначенія будутъ отмѣчены ниже.

[2]) А. Д. Градовскій. Высшая администрація и пр., стр. 146.

такими уклоненіями отъ началъ Петровскаго времени, что говорить о „твердомъ намѣреніи царствовать въ духѣ Петра I" не приходится. Быстрое измѣненіе состава Сената, а затѣмъ учрежденіе Кабинета министровъ, во всякомъ случаѣ нанесли большой ударъ первоначальному положенію Правительствующаго Сената.

II. Отношеніе Правительствующаго Сената къ Верховной власти до учрежденія Кабинета. Обзоръ дѣятельности Сената въ указанное время.

„Опредѣленіе Правительствующаго Сената на такомъ основаніи и въ такой силѣ, какъ при Дядѣ Нашемъ", указанное Манифестомъ 4 марта 1730 г., должно было имѣть, естественно, однимъ изъ самыхъ важныхъ своихъ послѣдствій установленіе непосредственныхъ отношеній Правительствующаго Сената къ Императрицѣ. Оно и можетъ быть констатировано съ первыхъ дней дѣятельности Правительствующаго Сената по уничтоженіи Верховнаго Тайнаго Совѣта. Изъ журналовъ Сената, которые начинаются съ 5 марта 1730 г., видно, что туда непосредственно поступаютъ именные указы и Высочайшія повелѣнія, объявляемые тѣми или другими сенаторами. „Канцлеръ гр. Гаврила Ивановичъ отдалъ указъ, за подписаніемъ Ея Величества собственныя руки, подъ которымъ реестръ, кому присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ"; онъ-же „объявилъ, что Ея Императорское Величество пожаловала кравчаго В. Ѳ. Салтыкова въ дѣйствительные тайные совѣтники, и быть ему въ Московской губерніи генералъ-губернаторомъ; генералъ-майору кн. Алексѣю Шаховскому присутствовать въ Сенатѣ; кн. Мих. Мих. Голицынъ объявилъ указъ, написанный въ Военную коллегію, за подписаніемъ Ея Величества собственной руки, о бытіи ген.-лейтенанту Семену Андреевичу (Салтыкову) въ генералахъ, и разсудили тотъ указъ оставить здѣсь, а въ Военную коллегію послать указъ изъ Правительствующаго Се-

ната“ —таковы записи, встрѣчающіяся въ журналахъ и свидѣтельствующія о вышеуказанномъ [1]).

Далѣе, изъ тѣхъ-же журнальныхъ записей видно, что Императрица имѣла намѣреніе присутствовать, по примѣру своего Дяди, въ засѣданіяхъ Правительствующаго Сената, а иногда это намѣреніе и осуществляла. Такъ, въ журналѣ отъ 17 марта читаемъ, что „присланный отъ Ея Императорскаго Величества гв.-майоръ Шепелевъ собранію объявилъ, что Ея Императорское Величество указала Правительствующему Сенату объявить, что сего числа въ Сенатѣ присутствовать не изволитъ, а когда изволитъ присутствовать—о томъ объявлено будетъ впредь особо“. Нѣсколькими строками ниже отмѣчено, что „прибылъ графъ Гав. Ив. Головкинъ и объявилъ, что Ея Императорское Величество изволитъ завтрашній день присутствовать въ Сенатѣ“ [2]). Одна изъ записей о пребываніи Государыни въ Сенатѣ гласитъ слѣдующее: „Ея Императорское Величество изволила присутствовать и засѣдать въ своемъ мѣстѣ. При томъ изволила отдать пункты и указала по онымъ о сбавкѣ подушныхъ денегъ, разсмотря, доложить Ея Императорскому Величеству; изволила-жъ дать указъ о благочестивомъ содержаніи православныя вѣры и прочаго, что касается ко святой церкви, и по прочтеніи оныхъ министры за такую Ея Императорскаго Величества милость благодарили; изволила слушать реестръ докладамъ и указала тѣ доклады взнесть, со временемъ, въ домъ Ея Императорскаго Величества и тогда разсматривать изволитъ. Потомъ изволила отсутствовать“ [3]).

Случалось, что часть сенаторовъ отправлялась къ Императрицѣ для доклада по дѣламъ лично. Такъ, „19 марта въ Сенатѣ собранія не было, а были во дворцѣ графъ Гаврило Ивановичъ, князь Василій Володиміровичъ, баронъ Андрей Ивановичъ, князь Алексѣй Михайловичъ и поднесли

[1]) М. А. М. Ю., Журналы Правительствующаго Сената за весь 1730 г., кн. 18/1899, л. 2, 4 об., 6. Изрѣдка сенаторы объявляли Высочайшія повелѣнія Сенату не сами, а черезъ оберъ-секретаря, вѣроятно, будучи отвлечены отъ засѣданій какими либо важными порученіями и дѣлами. Такъ, 17 марта „оберъ-секретарь Козьминъ объявилъ что тайный дѣйств. совѣтникъ и кавалеръ кн. А. М. Черкасскій приказалъ собранію объявить, что Ея Императорское Величество указала у Никольскихъ воротъ пролому не закладывать, а сдѣлать въ томъ мѣстѣ ворота, а прежнія ворота задѣлать; приказали: о томъ губернской канцеляріи приказать, и приказано“ (л. 96).

[2]) Ibid., л. 31 об.

[3]) Ibid., л. 40 об.

Ея Императорскому Величеству доклады, а именно: 1) объ опредѣленіи судныхъ приказовъ по прежнему; 2) объ опредѣленіи воеводъ съ перемѣною; 3) объ опредѣленіи въ С.-Петербургѣ въ оберъ-коменданты, на мѣсто князя Урусова, генералъ-майора Порошина, или кого Ея Императорское Величество укажетъ; 4) морского флота о капитанѣ Остенсѣ (Остенсенѣ) и о поручикѣ Шпрингерѣ, которые за вины осуждены къ смерти; 5) о пожалованіи прежняго чина капитану Салову; 6) объ осужденныхъ къ смерти по канальному дѣлу кондукторахъ и прочихъ; 7) о пожалованіи Саввѣ Владиславичу деревень, вмѣсто взятаго у него двора; 8) о сбавкѣ на нынѣшній 730 г. подушныхъ денегъ; 9) чтобъ въ движимыхъ и недвижимыхъ быть раздѣлу по прежнему. При томъ Ея Императорское Величество изволила отдать указъ, за подписаніемъ собственныя Своего Величества руки, о бытіи въ Сенатѣ ген.-майору Алексѣю Тараканову" [1]).

Какъ частью видно изъ приведенныхъ данныхъ, Сенатъ входилъ къ Государынѣ самъ съ своими докладами, а равно и съ формулярами указовъ, подлежавшихъ Ея подписанію. Первоначально это дѣлалось черезъ одного или нѣсколькихъ сенаторовъ; но 1 іюня былъ данъ Сенату именной указъ, который подраздѣлилъ всѣ дѣла, разсматриваемыя Сенатомъ, на двѣ категоріи: во 1-хъ,—на дѣла, на которыя „рѣшительные пункты въ Уложеніи, уставахъ, регламентахъ и указахъ находятся и которыя по тому и безо всякой остановки отправлены быть имѣютъ", во 2-хъ,—на такія, „на которыя рѣшительныхъ пунктовъ нѣтъ, или вновь поставляемыя, которыя безъ Нашего всемилостивѣйшаго соизволенія и указа отправлены быть не могутъ". По первой категоріи дѣлъ Сенатъ, за подписью своею, подаетъ лишь еженедѣльно по субботамъ „репортъ, сколько въ прошедшую недѣлю рѣшено и отправлено такихъ дѣлъ". Что же касается второй категоріи дѣлъ, то „репортъ" о нихъ,—съ указаніемъ, „какія дѣла въ Сенатѣ находятся, или и въ той недѣли вошли, которыя безъ собственнаго рѣшенія (Императрицы) и указа не могутъ быть отправлены, объявляя о нихъ матерію",—привозится въ лѣтнюю резиденцію Государыни (въ Измайловѣ) также по субботамъ. Пріѣзжать и докладывать объ этихъ дѣлахъ надлежало,

[1]) М. А. М. Ю., Журналы Пр. Сената за весь 1730 г., кн. 18/1899, л. 43 и об.; срав. П. С. З., №№ 5521, 5522, 5525.

„смотря по важности дѣлъ, всему Сенату, или нѣсколькимъ изъ сенатскихъ членовъ, однако-жъ, не менѣе 5 или 6 человѣкъ“ [1]).

Какъ видно изъ этого указа, между Сенатомъ и Государыней не стоялъ въ это время никто. Изъ другихъ данныхъ мы можемъ усмотрѣть, что доклады Государынѣ изъ Сената идутъ уже съ первыхъ дней его возстановленія, а въ его журналахъ мы находимъ какъ о нихъ, такъ и о подношеніи къ подписи формуляровъ указовъ, такія, напр., свѣдѣнія: „о взятьѣ двора у Саввы Владиславича и о дачѣ ему деревень... написать докладъ“; „о раздѣленіи однодворцамъ недвижимаго имѣнія написать докладъ“; „слушанъ учиненный докладъ о колодникахъ, которые сказываютъ „слово и дѣло“, который взяли еще на размышленіе“; „указы, которые объявляются отъ Ея Величества, тѣ подносить къ подписанію Ея Величества“; „въ С.-Петербургѣ объ оберъ-комендантѣ написать докладъ; при слушаніи протокола морского флота о капитанѣ Остенсенѣ и лейтенантѣ Шпрингерѣ приказали доложить Ея Императорскому Величеству“; „докладъ о сбавкѣ подушныхъ денегъ сочинить начерно, противъ записки Ея Императорскаго Величества“ [2]) и т. д. Какъ только-что приведенные, такъ и многіе другіе, доклады Сената были затѣмъ утверждены Императрицею или послужили основаніемъ для Ея именныхъ указовъ [3]).

Мы уже говорили, что съ 5 марта 1730 г., когда открылись засѣданія возстановленнаго Правительствующаго Сената, стали вестись журналы, по образцу тѣхъ, которые ранѣе велись въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ. Журналы эти весьма обширны и съ большою обстоятельностью воспроизводятъ все, что дѣлалось въ Сенатѣ [4]). Не имѣя возможности воспользоваться сколько-нибудь подробно всѣмъ тѣмъ матеріаломъ, какой ими дается для характеристики повседневной дѣ-

[1]) П. С. З., № 5566.

[2]) М. А. М. Ю., Журналы Пр. Сената за весь 1730 г., кн. 18/1899, л. 4 и об., 5, 12, 31, 40 об. и мн. др.

[3]) Арх. Сен., Высоч. ук. и повел., кн. 32, л. 14, 15, 18, 27, 76—88 и мн. др.; сравн. П. С. З., №№ 5521, 5523, 5579, 5580, 5581 и мн. др.

[4]) Кромѣ вышеуказанныхъ журналовъ за весь 1730 г., представляющихъ собою начисто переписанный, хотя и никѣмъ не подписанный, обширный томъ, сохранилось еще 3 тома журналовъ за 1731 г. въ черновомъ видѣ (М. А. М. Ю., Протоколы Пр. Сената, кн. 19/1900, 20/1901, 21/1902).

ятельности Сената до учрежденія Кабинета министровъ, остановимся хотя на немногомъ.

Общее впечатлѣніе, получаемое при изученіи этихъ журналовъ Сената, снова именуемаго „Правительствующимъ", то, что возвращенное къ прежней своей высокой роли учрежденіе сразу выступаетъ какъ таковое и всѣми своими дѣйствіями показываетъ, что расчитываетъ на продолжительное существованіе. Уже въ первомъ своемъ засѣданіи семнадцать наличныхъ сенаторовъ [1]), прочтя Манифестъ 4 марта и приказавъ его напечатать, а равно выслушавъ „реестръ, кому присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ", „потомъ слушали Должности и указы, принадлежащіе Правительствующему Сенату, и разсуждали, что поступать надлежитъ по Должности сенатской прошлаго 1722 г., разсмотря нѣкоторые пункты. Потомъ разсуждали, надлежитъ-ли быть въ Сенатѣ оберъ-прокурору и генералъ-прокурору и рекетмейстеру и слушали ихъ „Должности" и разсудили, что рекетмейстеру быть надлежитъ и поступать по своей Должности. Послѣ того слушали указъ о баллотированіи и совѣтывались секретно. Потомъ приказали: протоколамъ, которые закрѣплены, а указовъ по нихъ не послано изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, тако-жъ которыя дѣла слушаны, а протоколы еще не закрѣплены, тѣмъ сдѣлать росписи къ первому собранію и всѣмъ невершенымъ дѣламъ сдѣлать валовую роспись; противъ того-жъ сдѣлать приказать и въ бывшемъ Высокомъ Сенатѣ. Сдѣлать вѣдомость, что́ было въ Правительствующемъ Сенатѣ какихъ служителей по чинамъ, потомъ какъ учрежденъ Верховный Тайный Совѣтъ, что было зъ ономъ, тако-жъ и въ Высокомъ Сенатѣ, и что гдѣ нынѣ налицо".

Изъ этихъ начальныхъ постановленій, сдѣланныхъ Сенатомъ уже въ первомъ своемъ засѣданіи послѣ Манифеста 4 марта, видно, что хотя Сенатъ и говоритъ о томъ, что надлежитъ поступать

[1]) Первый журналъ Пр. Сената начинается словами: „5 марта, канцлеръ графъ Гаврило Ивановичъ (Головкинъ), князь Михайло Михайловичъ (Голицынъ), князь Василій Володиміровичъ (Долгорукій), князь Иванъ Юрьевичъ (Трубецкой), князь Василій Лукичъ (Долгорукій), князь Дмитрій Михайловичъ (Голицынъ), Павелъ Ивановичъ (Ягужинскій), князь Алексѣй Михайловичъ (Черкасскій), Григорій Петровичъ (Чернышевъ), Иванъ Ильичъ (Дмитріевъ-Мамоновъ), князь Григорій Дмитріевичъ (Юсуповъ), Семенъ Андреевичъ (Салтыковъ), Андрей Ивановичъ (Ушаковъ), князь Иванъ Өедоровичъ (Борятинскій), Семенъ Ивановичъ (Сукинъ), графъ Михайло Гавриловичъ (Головкинъ), Василій Яковлевичъ (Новосильцовъ), были у присяги въ Благовѣщенскомъ соборѣ;—потомъ были въ собраніи всѣ, кромѣ Семена Андреевича" (М. А. М. Ю., Протоколы Пр. Сената, кн. 19/1900, л. 2).

по II-ой „Должности", но изъ нея онъ возстановляетъ лишь рекетмейстера и умалчиваетъ о генералъ- и оберъ-прокурорахъ, живо еще, повидимому, памятуя о надоѣдливомъ контролѣ Ягужинскаго. Императрицѣ пришлось позднѣе, а именно въ Манифестѣ 2 октября, самой напоминать о необходимости имѣть при Сенатѣ генералъ-и оберъ-прокуроровъ, при чемъ „покамѣстъ особливый ге-

Гр. П. И. Ягужинскій.

нералъ-прокуроръ опредѣленъ будетъ" Государынею, Ею повелѣвается „имѣть въ должности его надзираніе, изъ членовъ сенатскихъ, генералу Ягужинскому, а въ его дирекціи, въ должности оберъ-прокурора, быть статскому совѣтнику Маслову" [1]). Нельзя не обратить вниманія и на другое постановленіе, а именно — на постановленіе, требующее представленія протоколовъ не только Высокаго Сената, но и Верховнаго Тайнаго Совѣта, для ихъ закрѣпленія, по соотвѣтствующемъ утвержденіи, что

[1]) П. С. З., № 5625; что касается генералъ-рекетмейстера, то уже 6 апрѣля Императрица утвердила докладъ Сената о бытіи имъ ст. сов. Алексѣю Бибикову. Арх. Сен., Высоч. ук. и повел., кн. 32, л. 26.

потомъ и дѣлалось [1]). Сенатъ здѣсь, несомнѣнно, разсматриваетъ себя, какъ учрежденіе, замѣняющее Верховный Тайный Совѣтъ, что видно также изъ вышеприведеннаго его общаго приговора, что „указы, которые объявляются отъ Ея Величества, тѣ подносить къ подписанію Ея Величества", какъ это обыкновенно и дѣлалось въ правленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта.

Нельзя не отмѣтить еще, что въ самомъ тонѣ журналовъ Правительствующаго Сената за это время слышится явно измѣненіе его положенія, сравнительно съ предыдущими царствованіями. Такъ, мы читаемъ здѣсь: „призванъ ген.-майоръ Иванъ Бибиковъ и о бытии ему въ Бѣлгородѣ губернаторомъ указъ сказанъ"; „экзекутору быть тому-жъ, который былъ при Сенатѣ"; „на полки гвардіи окладной провіантъ давать натурою, а деньги на тотъ провіантъ въ провіантскую канцелярію отпускать изъ Камеръ-коллегии"; „слушали докладу о наслѣдствахъ и разсуждали: которыя дѣла рѣшены по указамъ до сего времени, тѣмъ надлежитъ быть такъ, а съ сего времени —о раздѣленіи чинить по Уложенію, а ежели-жъ отцы, дѣти или братья между собою похотятъ подѣлить, въ томъ дать имъ на волю"; „приказали собраніемъ: морскимъ офицерамъ, которые въ отпуску въ домы, быть въ Москвѣ до коронаціи Ея Императорскаго Величества и о томъ имъ объявить"; при слушаніи протокола объ охтенскихъ плотникахъ приказали: „за которыхъ плотниковъ денегъ изъ казны не плочено,—тѣхъ отдать помѣщикомъ".

Читая многочисленныя распоряженія Правительствующаго Сената за данный періодъ, надо совершенно забыть время правленія Верховнаго Тайнаго Совѣта и перенестись мыслію къ Петровскому времени. Такъ, напр., возобновляются, по волѣ Государыни, конференціи Сената съ Синодомъ и въ журналѣ отъ 16 іюня мы читаемъ, что въ Сенатѣ „разсуждали обще, чтобъ въ Синодѣ членомъ быть 11 персонамъ, а игумнамъ и протопопамъ не быть, и при томъ Синодъ предлагалъ, чтобы въ вышеписанномъ числѣ быть архіереомъ 6 человѣкомъ и, ежели имъ быть перемѣннымъ, то бъ перемѣняться изъ нихъ каждый годъ по одной персонѣ, которые въ 6 лѣтъ всѣ перемѣнятся", и пр. [2]). Какъ при Петрѣ, Сенатъ, выслушавъ доношеніе

[1]) М. А. М. Ю., Журналы Пр. Сената за весь 1730 г., кн. 18/1889, л. 5, 6 об., 30 об. и сл.

[2]) Ibid., л. 165; срав. Арх. Сен., Высоч. ук. и повел., кн. 32, л. 47.

кого-либо и найдя нужнымъ знать мнѣніе соотвѣтственной коллегіи, предписываетъ ей обсудить данное доношеніе сообща и подать „общее мнѣніе“ въ Сенатъ. „Впущенъ былъ генералъ-лейтенантъ Генинъ“ (Генингъ), говоритъ, напр., журналъ отъ 17 апрѣля, и „слушано доношеніе его о сибирскихъ горныхъ заводахъ и сенатское 729 г. —о слободахъ, кои были приписаны къ тѣмъ заводамъ, а потомъ отрѣшены, и приказали: то доношеніе отослать въ Бергъ-коллегію, которой велѣть, обще съ нимъ, генераломъ Генинымъ, разсмотря, учинить вѣдомость, какъ оные заводы сначала происходили, и во сколько стали, и выручено денегъ, и куда оныя употреблялись, и въ какомъ состояніи нынѣ находятся, и впредь тѣ заводы какимъ образомъ въ добромъ порядкѣ, безъ приписныхъ слободъ, содержать можно или отдать въ компанію, и на какихъ кондиціяхъ, и изъ той отдачи будетъ ли въ казну какая прибыль или убыль, о томъ, подписавъ общее мнѣніе, подать въ Сенатъ немедленно“ [1]).

Если вопросъ, переданный на разсмотрѣніе коллегій, долженъ былъ восходить на Высочайшее разрѣшеніе, а самъ Сенатъ былъ другого мнѣнія, чѣмъ коллегіи, то онъ, заслушавъ ихъ мнѣнія, представлялъ Императрицѣ свое, вмѣстѣ съ „коллежскими мнѣніями“. Такъ, „по слушаніи коллежскихъ мнѣніевъ, по чему брать за насильное владѣніе людей и крестьянъ, разсуждено: на тѣхъ, кто насильно завладѣетъ людьми и крестьянами, а подати платили тѣ завладѣнные сами, за то брать по 20 руб., а за которыхъ подати платились отъ обидимаго, или оставшими крестьяны, за тѣхъ брать противъ бѣглыхъ. Тому мнѣнію согласились: (идетъ перечисленіе 9 сенаторовъ, обсуждавшихъ вопросъ) и приказали: написать въ докладъ Ея Императорскому Величеству, прописавъ указы и коллежскія мнѣнія пунктами“ [2]).

Уничтоженіе В. Т. Совѣта приводило, естественно, къ тому, что дѣла, имъ вѣдавшіяся, перешли къ Сенату. Но кромѣ того Императрицею давалось Сенату не мало особыхъ и сложныхъ порученій. Такъ, 1 іюня 1730 г. повелѣно было, „послѣдуя намѣренію“ Петра, немедленно „начатое уложеніе окончивать и опредѣлить къ тому добрыхъ и знающихъ въ дѣлахъ людей, по разсмотрѣнію Сената“, при чемъ, „коль скоро какую главу окон-

[1]) М. А. М. Ю., Журналы Пр. Сената за весь 1730 г., кн. 18/1889, л. 95 об. и сл.
[2]) Ibid., л. 97.

чаютъ, слушать (ее) въ Сенатѣ всѣмъ собраніемъ и, утвердя по крайнему разсужденію и подписавъ, взносить“ къ Императрицѣ на апробацію. Въ тотъ же день повелѣно было, далѣе, учредить изъ членовъ Правительствующаго Сената „особую комиссію, которой взять за основаніе Дяди Нашего, Императора Петра Великаго, штатъ и регламенты и уставы коллежскіе, составить штатъ коллегій и канцелярій и затѣмъ представить на разсмотрѣніе общаго собранія Сената, гдѣ, поставя на мѣрѣ, взнесть къ Намъ, для Нашей всемилостивѣйшей конфирмаціи“. Наконецъ, въ этотъ же день послѣдовалъ Именной указъ о раздѣленіи канцеляріи Пр. Сената на пять департаментовъ („о духовныхъ дѣлахъ, о военныхъ, сухопутныхъ и морскихъ, дѣлахъ, о Камеръ-коллегіи дѣлахъ и доходахъ и расходахъ государственныхъ, о юстиціи и челобитчиковыхъ дѣлахъ, о купецкихъ дѣлахъ и государственныхъ заводахъ, фабрикахъ и бергверкахъ“ [1]). Не говоря о рядѣ другихъ порученій [2]), остановимся нѣсколько подробнѣе на раздѣленіи канцеляріи на департаменты и на вопросѣ о составленіи уложенія.

Указъ объ этомъ раздѣленіи создавалъ для Сената довольно сложную работу по распредѣленію дѣлъ между новыми частями канцеляріи, обозначенному въ указѣ лишь „на примѣръ“, какъ въ немъ говорится, а равно и по устройству, согласно этому раздѣленію, канцеляріи Сената. Каждый департаментъ долженъ былъ состоять изъ 4 или 5 сенаторовъ, которые должны были разсматривать дѣла и подготовлять ихъ для рѣшенія въ полномъ собраніи. Сенатъ неоднократно занимался вопросами, связанными съ указомъ о раздѣленіи на департаменты, и 18 августа былъ данъ имъ указъ о порядкѣ отправленія дѣлъ въ каждомъ департаментѣ [3]). Сенаторы сами распредѣлили себя по департаментамъ, и распредѣленіе было утверждено Императрицею [4]). Когда 16 іюля былъ „слушанъ (въ Сенатѣ) указъ и расписаніе о департаментахъ“, то при томъ „кн. Дмитрій Михайловичъ (Голицынъ) и Василій Яковлевичъ (Новосильцовъ)

[1]) П. С. З., №№ 5567, 5568, 5570.

[2]) Такъ, напр., по образованіи особой комиссіи объ арміи, на Сенатъ было возложено разсмотрѣніе ея проекта (ibid., 5571); или, самому Сенату было поручено заняться вопросомъ о распредѣленіи нищихъ и высылкою изъ богадѣленъ тунеядцевъ (ibid., № 5594) и мн. др.

[3]) П. С. З., № 5606.

[4]) Списокъ сенаторовъ по департаментамъ см. въ Гос. Арх., разр. XVI, № 159.

предлагали, чтобъ въ ихъ департаментъ опредѣлить секретаря Ѳедора Антонова, и разсуждено въ томъ департаментѣ быть секретарямъ Ивану Богданову, да оному Антонову", а „при росписи о секретаряхъ сенатскихъ кн. Алексѣй Михайловичъ (Черкасскій) приказалъ Семена Моисеева написать въ его департаментъ", т. е. каждый изъ сенаторовъ входилъ въ опредѣленный департаментъ.

Сенатъ „разсуждалъ" также о томъ, „которому департаменту гдѣ быть". Когда Масловъ доложилъ, что „росписи о дѣлахъ по департаментамъ учинены" и спросилъ Сенатъ, „оныя общимъ-ли собраніемъ слушать и размѣчать изволятъ, или въ департаментахъ разсмотрятъ", то „разсуждено, что оныя сами разсмотрятъ всякій своего департамента". Затѣмъ, „по разсужденіи положили: въ общія собранія съѣзжаться въ недѣлѣ два дни, а именно во вторникъ и пятокъ, и въ первый день слушать военныя и юстицкія дѣла, а въ другой — Камеръ-и Комерцъ (коллегій), а духовныя въ тѣ-жъ дни, когда случится, а въ прочіе дни въ департаментахъ" [1]).

Если Сенату пришлось немало „разсуждать" о распредѣленіи дѣлъ по департаментамъ Сенатской канцеляріи, то и отдѣльные ея департаменты возбуждали не разъ передъ Сенатомъ вопросъ относительно ихъ компетенціи. С. И. Сукинъ и кн. А. И. Шаховской, напр., „отъ юстицкаго департамента" предлагали обсудить такіе вопросы: 1) „которые люди бьютъ челомъ о переносѣ въ Сенатъ изъ коллегій неправо вершеныхъ дѣлъ, по тѣмъ челобитнымъ о взятьѣ тѣхъ дѣлъ изъ департамента-ль указы посылать или по общимъ Правительствующаго Сената приговорамъ, какъ напредъ сего было? 2) генералъ-рекетмейстеръ объявляетъ многія челобитныя въ волокитахъ и о прочихъ дѣлахъ, кои касаются до другихъ департаментовъ, и оныя гдѣ разсматривать? 3) справки во исполненіе дѣлъ прямо отъ департамента чинить ли? И разсуждали: на 1-ое, — кои подавать будутъ челобитья на неправыя коллегій рѣшенія, оныя генералъ-рекетмейстеру разсматривать по Инструкціи и кто объявилъ о неправомъ рѣшеніи именно, по тѣмъ челобитнымъ докладывать общему собранію; на 2-ое, генералъ-рекетмейстеръ

[1]) М. А. М. Ю., Журналы Пр. Сената за весь 1730 г., кн. 818/1899, л. 210 и сл.; срав. П. С. З., № 5587.

имѣетъ поступать по Должности; на 3-ье, справки съ коллегіями и канцеляріями, о чемъ надлежитъ, чинить департаментомъ отъ себя, не докладывая общему собранію. При томъ разсуждали-жъ, что входящія доношенія всѣ надлежитъ принимать и записывать въ сенатской канцеляріи, а потомъ отдавать, куда что надлежитъ" (по департаментамъ) [1]).

Указъ о распредѣленіи дѣлъ Сената по департаментамъ безъ уничтоженія его единства, представлялъ самъ по себѣ интересную попытку улучшенія его дѣлопроизводства. Что вышло, однако, изъ этой попытки позднѣе, мы пока не будемъ говорить. Во всякомъ случаѣ, нельзя не отмѣтить, что Сенатъ весьма внимательно отнесся къ приведенію этого указа въ исполненіе.

Остановимся еще на распоряженіяхъ Сената по составленію проекта уложенія. Въ журналѣ отъ 28 іюля читаемъ: „въ Сенатѣ разсуждали, что къ сочиненію уложенія надлежитъ призывать членовъ изъ коллегій къ тѣмъ главамъ, которыя къ которой коллегіи принадлежатъ. При томъ впущенъ былъ Иванъ Позняковъ, да оберъ-секретарь Сверчковъ, и спрашиваны, что они дѣлаютъ, и на оное доносили, что сведена глава о богохульникахъ, которую при томъ объявили; при томъ же онъ, Позняковъ, подалъ докладъ и изъ прежнихъ указовъ объ уложеньи экстрактъ, которое и слушано, при томъ слушана роспись о главахъ. И разсуждали, что по 1-му титулу о законодателѣ быть не надобно. Разсуждали-жъ, что надлежащую до духовности главу надлежитъ разсматривать Синоду, или опредѣлить съ свѣтскими изъ духовныхъ персонъ. Притомъ смотрѣна форма главы о богохульникахъ и приказано имъ, чтобъ сводили по той формѣ, токмо, что касается изъ Кормчей книги до гражданства, того тако-жъ не выписывали и шли-бъ по оглавленіи титулъ по титулѣ, на основаніи прежняго Уложенія, разныя по приличности главы" [2]). Затѣмъ указами отъ 8 августа и 10 декабря, Сенатъ назначаетъ членовъ уложенной комиссіи, а „для скораго сочиненія и окончанія того уложенія опредѣляетъ присутствовать изъ членовъ Правительствующаго Сената по одной персонѣ, съ перемѣною понедѣльно" [3]).

[1]) М. А. М. Ю., Журналы Пр. Сената за весь 1730 г., кн. 818/1899, л. 249 об.
[2]) Ibidem, л. 239.
[3]) П. С. З., № 5654.

Обозрѣвая, въ цѣломъ, дѣятельность Сената въ теченіе девятнадцати съ половиною мѣсяцевъ съ его возстановленія, въ качествѣ „правительствующаго" установленія, до учрежденія Кабинета надо сказать, что она не была безплодною.

Количественно эта дѣятельность выразилась прежде всего болѣе чѣмъ въ ста докладахъ, поданныхъ Императрицѣ и въ громадномъ большинствѣ своемъ удостоившихся Ея утвержденія [1]). Кромѣ того, цѣлый рядъ докладовъ послужилъ основаніемъ для тѣхъ или иныхъ манифестовъ и именныхъ указовъ, какъ это частію отмѣчено въ нихъ самихъ [2]), а частію видно изъ журналовъ Сената за это время. Затѣмъ, Сенатъ самъ издалъ немало указовъ, утвердилъ, по разсмотрѣніи, рядъ инструкцій, мнѣній и мн. др. Что касается содержанія докладовъ и указовъ Сената, то между ними встрѣчаются важныя по существу и обстоятельные по мотивировкѣ и по приводимымъ даннымъ [3]). Интересно, что какъ сама Императрица, такъ и Правительствующій Сенатъ почти постоянно ссылаются на Петровское законодательство въ указанныхъ своихъ актахъ, игнорируя, по возможности, законодательство предыдущихъ двухъ царствованій.

Казалось-бы, дѣятельность Сената за указанный періодъ времени, не вызывавшая никакихъ нареканій, должна была укрѣпить его положеніе. Въ дѣйствительности-же случилось обратное. Современники склонны были, какъ мы это увидимъ изъ дальнѣйшаго, приписывать измѣненіе въ положеніи Сената исключительно политикѣ Остермана. Не отрицая важной роли, какую игралъ Остерманъ въ этомъ измѣненіи, замѣтимъ, что послѣ того какъ Ягужинскому не удалось удержаться въ должности генералъ-прокурора, —который снова долженъ былъ быть съ одной стороны посредствующимъ звеномъ между Верховною властью и Сенатомъ, а съ другой магистратомъ, контролирующимъ дѣйствія послѣдняго, — вопросъ о замѣнѣ генералъ-прокурора чѣмъ-либо самъ собою ставился на очередь. Сношеніе Государыни съ Сенатомъ въ той формѣ, какая была установлена по указу 1 іюня 1730 г., пред-

[1]) См., напр., Опись Высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ, хранящимся въ С.-Петербургскомъ Сенатскомъ архивѣ, т. II (СПБ., 1875 г.), между №№ 3738—4058, а равно и журналы Сената за это время.

[2]) П. С. З., №№ 5522, 5528, 5596, 5600, 5626 и др.

[3]) П. С. З., №№ 5513, 5521, 5547, 5573, 5590, 5597, 5606 и др.

ставлялось практически довольно затруднительнымъ. Затѣмъ врученіе Правительствующему Сенату правленія государствомъ въ томъ объемѣ, въ какомъ оно было при Петрѣ Великомъ, безъ возможности руководить его дѣятельностью такъ, какъ руководилъ ею Петръ, отдавало, въ сущности, все въ руки Сената. Нужно было учрежденіе, которое ближе-бы, чѣмъ Сенатъ, стояло къ Верховной власти, которое, получая отъ нея непосредственно указанія, само-бы могло руководить Сенатомъ, съ одной стороны, контролировать его дѣйствія съ другой. Такое учрежденіе и не замедлило явиться въ лицѣ Кабинета министровъ. Исторію его установленія мы и изложимъ теперь кратко.

III. Учрежденіе Кабинета министровъ; главные моменты его развитія.

Едва Верховный Тайный Совѣтъ и Высокій Сенатъ были „отставлены“ по Манифесту 4 марта 1730 г. и едва Правительствующій Сенатъ, въ указанномъ его составѣ, началъ дѣйствовать, какъ въ обществѣ уже стали ходить неопредѣленные слухи о новомъ учрежденіи, которое должно было, повидимому, измѣнить предѣлы компетенціи только что возстановленнаго Сената и стать надъ нимъ, при чемъ къ этимъ слухамъ, такъ или иначе, но почти всегда примѣшивалось имя знаменитаго Остермана [1]). Прошло, однако, болѣе полутора года прежде, чѣмъ эти слухи получили офиціальное подтвержденіе и было создано въ видѣ Кабинета министровъ, или, по терми-

[1]) Въ мартѣ 1730 г. Маньянъ, напримѣръ, сообщалъ уже французскому правительству, что „Царица не сформировала еще Кабинета, какъ того ожидали“ (Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ. т. LXXV, стр. 521). Клавдій Рондо доносилъ въ маѣ мѣсяцѣ того же года, „что изъ хорошаго источника слышалъ, что вскорѣ для совѣщаній о государственныхъ дѣлахъ будетъ назначенъ Кабинетъ, и тогда секретныхъ дѣлъ на разсмотрѣніе Сената болѣе представлять не станутъ“. „Многіе полагаютъ“, добавляетъ онъ, „что это было бы сдѣлано немедленно, но гр. Остерманъ предварительно старается отправить П. И. Ягужинскаго посломъ въ Польшу, дабы не вводить его въ составъ Кабинета“ (ibid., LXVI, стр. 193). Въ то же почти время де-Лирія, въ донесеніи своемъ въ Испанію, сообщалъ, что „говорятъ объ образованіи Кабинета или частнаго совѣта, который будетъ состоять изъ 4-хъ или 5 личностей, между которыми, конечно, будутъ великій канцлеръ (гр. Головкинъ), Остерманъ и кн. Черкасскій“ („XVIII вѣкъ“, т. III, стр. 62).

нологіи первоисточниковъ того времени, Кабинета Ея Императорскаго Величества—новое учрежденіе „для порядочнаго отправленія всѣхъ государственныхъ дѣлъ, которыя къ собственному Нашему (т. е. Императрицы) опредѣленію и рѣшенію подлежатъ“ [1]). Впрочемъ, въ неоформенномъ видѣ, въ качествѣ особаго секретаріата, или совѣта при особѣ Государыни, Кабинетъ дѣйствовалъ уже почти непосредственно послѣ возстановленія власти Правительствующаго Сената и при томъ едва ли не за цѣлый годъ до своего офиціальнаго учрежденія. По крайней мѣрѣ, въ одномъ позднѣйшемъ документѣ, а именно въ докладѣ, поданномъ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ при Ея воцареніи [2]), было категорически констатировано, что „потомъ (т. е. послѣ обнародованія Манифеста 4 марта) почти черезъ цѣлый годъ тайно содержался въ рукахъ Остермана Кабинетъ и указы именные и резолюціи многія писаны были рукою, при немъ, Остерманѣ, обрѣтающагося секретаря Сергѣя Семенова“. Есть и другія данныя, подтверждающія фактъ существованія Кабинета, если и не за годъ, то по крайней мѣрѣ, за нѣсколько мѣсяцевъ [3]),—до его учрежденія по указу 18 октября 1731 г.,—въ томъ-же, повидимому, неоформенномъ видѣ, о коемъ говоритъ вышеприведенный докладъ.

Интересно также отмѣтить, что даже тогда, когда рѣшено было этотъ „тайносодержимый“ Кабинетъ превратить въ учрежденіе, съ опредѣленными точно составомъ и функціями,—что́ и приведено было въ исполненіе указомъ 18 октября того-же года,—этотъ послѣдній указъ былъ объявленъ лишь самимъ кабинетъ-министрамъ да Сенату; и только двѣ съ половиной недѣли спустя, въ третьемъ засѣданіи уже самого Кабинета 6 ноября, между нѣсколькими

---

[1]) „Бумаги Кабинета министровъ Императрицы Анны Іоанновны 1731—1740 г.г.“, собранныя А. Н. Филипповымъ изъ различныхъ архивовъ, изданы за время съ 1731 по 1739 г.г. въ „СборникѣИмператорскаго Русскаго Историческаго общества“, въ десяти томахъ, обнимающихъ томы CIV (І-й томъ означенныхъ „Бумагъ“), CVI (ІІ-й томъ), CVIII (ІІІ-й томъ), CXI (IV-й томъ), CXIV (V-й томъ), CXVII (VI-й томъ), CXX (VII-й томъ), CXXIV (VIII-й томъ), CXXVI (IX-й томъ) и CXXX (X-й томъ „Бумагъ“ и пр.). Въ дальнѣйшемъ изложеніи ссылки будутъ дѣлаться для краткости въ такомъ порядкѣ: „Бумаги Кабинета министровъ“, т. I и сл.

[2]) См. А. Н. Филипповъ, „Докладъ Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ о возстановленіи власти Прав. Сената“—Журналъ Мин. Народ. Просв., 1897 г., кн. 2, стр. 289.

[3]) Такъ, напр., еще въ указѣ 10 августа 1731 г. говорилось о подчиненіи соляной конторы вѣдомству Кабинета („соляной конторы быть подъ вѣдѣніемъ Нашего Кабинета“.—П. С. З., № 5827).

проектами именныхъ указовъ, поднесенными Государынѣ, былъ подписанъ Ею указъ Сенату объ учрежденіи Кабинета, съ повелѣніемъ послать о томъ „въ пристойныя мѣста, куда надлежитъ, указы"; иначе говоря,—объявить о событіи не „во всенародное извѣстіе", какъ тогда говорилось, а лишь для свѣдѣнія „пристойнымъ" учрежденіямъ [1]). Все это не было, повидимому, простою случайностью, а являлось, съ одной стороны, естественнымъ отраженіемъ, -какъ увидимъ далѣе, тѣхъ обстоятельствъ времени, при коихъ оно создалось, а съ другой, - слѣдствіемъ тѣхъ личныхъ качествъ, какія отличали его творца и главнаго дѣятеля, особенно въ первые годы, Остермана. Возникнувъ первоначально въ видѣ особаго и неофиціальнаго секретаріата Императрицы (въ коемъ должна была сильно нуждаться бывшая Герцогиня Курляндская, неожиданно и при необычайныхъ условіяхъ вступившая на Всероссійскій Престолъ) и просуществовавъ такъ нѣкоторое время подъ главенствомъ Остермана, Кабинетъ превратился затѣмъ въ постоянное учрежденіе, состоящее „при дворѣ Нашемъ".

Интересно сравнить содержаніе объявленнаго „пристойнымъ мѣстамъ" указа 6 ноября 1731 г. [2]) съ указомъ о Кабинетѣ отъ 18 октября. Первый лаконически гласилъ, что новое учрежденіе создается „для лучшаго и порядочнѣйшаго отправленія всѣхъ государственныхъ дѣлъ, къ собственному Нашему всемилостивѣйшему рѣшенію подлежащихъ, и ради пользы государственной и вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ", и будетъ состоять изъ трехъ членовъ, выбранныхъ „изъ министровъ Нашихъ"; иначе говоря, въ указѣ этомъ было лишь отмѣчено, изъ кого будетъ состоять Кабинетъ и указано— въ самыхъ, впрочемъ, широкихъ и неопредѣленныхъ чертахъ— на цѣль учрежденія Кабинета и его компетенцію. Если изъ этихъ сдержанныхъ выраженій было ясно, что Кабинетъ явится учрежденіемъ, стоящимъ въ непосредственномъ отношеніи къ Верховной власти, то не было упомянуто ни о положеніи кабинетъ-министровъ въ новомъ учрежденіи, ни о роли ихъ по отношенію къ существующимъ учрежденіямъ вообще и по отношенію къ только-что возстановленному въ качествѣ верховнаго учрежденія, Правительствующему Сенату въ частности. Въ этомъ отношеніи,

[1]) См. Бумаги Кабинета министровъ, т. I, стр. XXXIV, примѣчаніе 4.
[2]) П. С. З., № 5871.

какъ указъ 6 ноября, такъ и всѣ послѣдующія законодательныя опредѣленія, касавшіяся Кабинета, представляютъ собою почти полную противоположность актамъ, сопровождавшимъ появленіе въ свѣтъ Верховнаго Тайнаго Совѣта: и обстоятельный указъ 8 февраля 1726 г. объ учрежденіи Тайнаго Совѣта, и рядъ другихъ узаконеній, послѣдовавшихъ за этимъ указомъ, ясно и опредѣленно, сравнительно съ актами, касавшимися Кабинета, обрисовывали какъ роль Совѣта по отношенію къ другимъ учрежденіямъ эпохи, въ особенности къ Сенату, такъ и положеніе его въ государствѣ.

Официальное извѣщеніе объ учрежденіи Кабинета отъ 6 ноября было настолько кратко, что изъ него были даже выброшены слова указа 18 октября, слова, вполнѣ отвѣчавшія дѣйствительному положенію Кабинета по крайней мѣрѣ, въ первое время — что эти вновь созданные кабинетъ-министры будутъ, съ одной стороны, докладчиками передъ Императрицею „о всѣхъ дѣлахъ и о всемъ прочемъ, что и Нашимъ интересамъ и пользѣ государства и подданныхъ Нашихъ касаться будетъ", а съ другой, будутъ объявлять, кому надлежитъ, Ея резолюціи: — точно также найдено излишнимъ упоминать о времени собраній Кабинета и о „присяжной" членовъ Кабинета „къ Намъ, своей самодержавной Государынѣ Императрицѣ, должности". Неопредѣленность облика, съ которымъ рождалось въ свѣтъ новое учрежденіе, была, повидимому, удобна въ томъ отношеніи, что позволяла затѣмъ практикѣ жизни дорисовывать въ его устройствѣ то, что не было обозначено, или обозначено лишь эскизно, самимъ законодателемъ. Не удивительно поэтому, что въ теченіе своего недолгаго существованія (отъ 1731 до 1741 г.г.), слагаясь постепенно и медленно, по мѣрѣ измѣненія условій времени, Кабинетъ пережилъ, по крайней мѣрѣ, три, весьма непохожихъ одинъ на другой, момента своего развитія.

Но если такъ лакониченъ былъ, — даже по сравненію съ указомъ 18 октября [1]), — указъ 6 ноября, официально извѣщавшій „пристойныя мѣста" объ учрежденіи Кабинета, то, можетъ быть, послѣдующіе указы болѣе подробно и опредѣленно

[1]) Текстъ Именного указа объ учрежденіи Кабинета министровъ 18 октября 1731 г. см. въ „Бумагахъ Кабинета министровъ", т. I, стр. 1; срав., ibidem, т. III, стр. LVI, примѣчаніе 6.

касались устройства и компетенціи Кабинета, отношеній его къ Императорской власти и учрежденіямъ, съ коими ему приходилось сноситься? Хотя нѣтъ сомнѣнія, что въ силу, прежде всего, своей близости къ Императрицѣ, Кабинетъ очень скоро сдѣлался сосредоточіемъ всѣхъ дѣлъ верховнаго управленія Имперіи, законодательные акты, касавшіеся Кабинета, не были значительны по своему содержанію. Производя большія перемѣны во всемъ строѣ тогдашняго управленія, вліяя на дѣятельность всѣхъ учрежденій времени и, прежде всего, какъ это мы увидимъ ниже, на дѣятельность Сената, Кабинетъ очень мало измѣнялъ что-либо въ юридическихъ основаніяхъ этого строя и въ характерѣ „должностей“ этихъ учрежденій.

Повидимому, это было сдѣлано не безъ цѣли: видимо, законодатель хотѣлъ принять мѣры, чтобы новое учрежденіе выступило на арену государственной жизни тихо и незамѣтно, не возбуждая особенно ничьего вниманія. Надо употребить поэтому много усилій, чтобы, изучая не столько законодательныя опредѣленія, касавшіяся Кабинета, сколько практику его дѣятельности, получить возможность выяснить себѣ какъ устройство учрежденія, такъ и его роль среди другихъ учрежденій эпохи.

Мы не можемъ останавливаться подробно на исторіи развитія дѣятельности Кабинета [1]; но позволимъ себѣ лишь указать его важнѣйшіе этапы, въ виду того, что они не остались безъ вліянія на положеніе самого Сената.

Первымъ такимъ этапомъ надо считать время отъ основанія Кабинета, т. е. отъ 18 октября 1731 г., до изданія указа 9 іюня 1735 г. Въ этотъ небольшой промежутокъ времени подъ вѣдѣніе Кабинета было отдано нѣсколько правительственныхъ мѣстъ, представлявшихся важными по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, но во всякомъ случаѣ второстепенныхъ въ ряду другихъ учрежденій Имперіи; за нимъ было обезпечено нѣсколькими указами полученіе свѣдѣній по движенію какъ судебныхъ, такъ и всѣхъ прочихъ дѣлъ, разрѣшавшихся во всѣхъ „правительствахъ“, не исключая и Сената; повелѣно было доставлять ему тѣ или иныя свѣдѣнія, казавшіяся почему-либо вообще важными, и предста-

[1]) Объ этомъ см. предисловіе А. Н. Филиппова къ т. I „Бумагъ Кабинета министровъ“; срав. также статью его: „Кабинетъ министровъ и Правительствующій Сенатъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ“ въ „Сборникѣ правовѣдѣнія и общественныхъ наукъ“ (М., 1897 г.), стр. 12 и сл.

влять „на смотръ“ недорослей и отставныхъ офицеровъ; введено два лица въ его канцелярію; даны нѣкоторыя средства на необходимые расходы. Если къ этому прибавить еще нѣсколько указовъ подобнаго-же характера, то этимъ будетъ исчерпано все содержаніе законодательныхъ опредѣленій, касавшихся новаго учрежденія въ первую половину царствованія Анны Іоанновны. Все это было, въ общемъ, довольно блѣдно, какъ-то случайно и мало опредѣленно, особенно по сравненію съ законодательными и иными постановленіями, касавшимися того учрежденія, мѣсто коего долженъ былъ, хотя отчасти, занять Кабинетъ, т. е. Верховнаго Тайнаго Совѣта. Было ясно, впрочемъ, одно: Кабинетъ будетъ ближайшимъ офиціальнымъ совѣтомъ Императрицы; онъ, сосредоточивая въ себѣ всѣ свѣдѣнія о движеніи дѣлъ въ учрежденіяхъ и докладывая о нихъ время отъ времени Государынѣ, получитъ возможность отдавать именемъ Императрицы приказы всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, а главное—контролировать всѣ дѣйствія тѣхъ и другихъ, хотя-бы прямо и опредѣленно изданныя узаконенія его на это и не уполномочивали.

На этой благодарной для развитія учрежденія почвѣ и началась его дѣятельность. Поэтому, насколько блѣдна и бѣдна была вообще указная дѣятельность Кабинета въ первые годы его существованія, настолько богата и всестороння была его приказная дѣятельность. То въ силу своего положенія, какъ ближайшаго и постояннаго совѣта при Императрицѣ, то въ силу особыхъ (большею частію словесныхъ) Ея повелѣній, испрошенныхъ министрами на докладахъ, Кабинетъ постоянно отдавалъ—тоже по большей части словесно—приказы всѣмъ тѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, не исключая и Сената, какимъ только находилъ это нужнымъ. Полученныя отъ нихъ свѣдѣнія и мнѣнія (чрезъ Государыню, или непосредственно) онъ дѣлалъ предметомъ своихъ обсужденій, а затѣмъ и докладовъ Императрицѣ. Ничего не передѣлывая и ни на что, повидимому, не покушаясь, онъ держалъ учрежденія и лица подъ постояннымъ контролемъ и достигалъ простыми средствами очень важныхъ, съ своей точки зрѣнія, результатовъ. Кажется, въ этомъ больше всего сказался большой практическій умъ творца Кабинета, Остермана.

Близость Кабинета къ Императрицѣ, естественно, приводила къ тому, что Кабинетъ былъ учрежденіемъ, черезъ которое

выражалась воля Государыни въ большинствѣ случаевъ тогдашней государственной жизни. Обычно, придя съ доклада Государыни, или получивъ отъ Нея „указъ“ или „записку“, сами министры затѣмъ, путемъ своихъ приказовъ и писемъ, объявляли Ея волю соотвѣтствующимъ учрежденiямъ и лицамъ. Указовъ кабинетъ-министровъ и ихъ резолюцiй на докладахъ, челобитьяхъ и пр. въ данное время еще нѣтъ; общею и нормальною формою законодательныхъ опредѣленiй и административныхъ распоряженiй являются именные указы, Высочайше утвержденные доклады. Хотя почти всегда эти акты Монаршей воли проходятъ, такъ или иначе, черезъ Кабинетъ,—объ этомъ, однако, не упоминается въ нихъ ни однимъ словомъ, что очень характерно для пониманiя той роли и того положенiя, какое занималъ въ это время Кабинетъ по отношенiю къ Императорскому Величеству.

Второй перiодъ въ исторiи учрежденiя открывается знаменитымъ указомъ 9 iюня 1735 г. и продолжается до конца царствованiя Анны Iоанновны. Какъ извѣстно, указомъ этимъ повелѣвалось „никакихъ Нашихъ словесныхъ указовъ, кромѣ тѣхъ, которые за подписанiемъ собственныя Наши руки, или за руками Нашихъ кабинетныхъ министровъ, будутъ, не принимать и въ дѣйство не производить“ [1]). Этотъ указъ показываетъ, что Анна Iоанновна, въ первые годы своего царствованiя обходившаяся, по крайней мѣрѣ, официально, безъ подобнаго уполномочiя кого-либо дѣйствовать, въ сферѣ законодательства и управленiя, рядомъ съ собою, кончила тѣмъ, чѣмъ начала Императрица Екатерина I, которая еще указомъ 4 (5) августа 1726 г. повелѣла „объявленiямъ словеснымъ или письменнымъ, безъ подписанiя Нашея собственныя руки, или всего Нашего В. Т. Совѣта, отнюдь не вѣрить“ [2]). Цѣлый рядъ данныхъ и соображенiй заставляетъ придти вообще къ тому выводу, что если слова Елисаветинскаго Манифеста 12 декабря 1741 г. (коимъ уничтожался Кабинетъ министровъ и дѣйствительно возстановлялся Правительствующiй Сенатъ) о томъ, что—Кабинетъ сочиненъ (былъ) въ равной силѣ, какъ былъ В. Т. Совѣтъ, „токмо имя перемѣнено“,—и могутъ быть признаны, хотя съ оговорками, спра-

[1]) П. С. З., № 6745.
[2]) Ibidem, N. 4945.

ведливыми, то лишь въ приложенiи къ Кабинету второй половины царствованiя Анны, когда онъ получилъ новыя полномочiя.

Надо вообще замѣтить, что указъ 9 iюня 1735 г., коимъ указы, подписанные тремя министрами, приравнивались къ именнымъ, представляетъ собою нѣчто новое въ томъ отношенiи, что онъ, взамѣнъ частныхъ полномочiй, какiя имѣли кабинетъ-министры нѣсколько ранѣе, давалъ полномочiе общее. Какъ видно изъ документовъ, напечатанныхъ за 1733—1734 г., именные указы и Высочайшiя повелѣнiя, подписанные кабинетъ-министрами, начинаютъ появляться уже съ 1733 г., при чемъ подписанiе ихъ дѣлалось каждый разъ по особому повелѣнiю Императрицы, на что есть указанiя въ нѣкоторыхъ Ея рескриптахъ, данныхъ министрамъ Кабинета [1]). Указъ 9 iюня лишь обобщилъ разъ навсегда для названнаго учрежденiя тотъ порядокъ подписанiя, какой сталъ слагаться на практикѣ уже ранѣе. Этого, съ одной стороны, требовала все болѣе и болѣе развивающаяся съ годами дѣятельность Кабинета; съ другой, это казалось вполнѣ допустимымъ во вторую половину царствованiя Анны Iоанновны. Если послѣ событiй, сопровождавшихъ воцаренiе новой Государыни, и послѣ шума, надѣланнаго „затѣйками“ В. Т. Совѣта, въ теченiе первыхъ 3—4 лѣтъ не находили возможнымъ, по крайней мѣрѣ офицiально, выставлять какое-либо учрежденiе въ качествѣ верховнаго, если самъ основатель Кабинета, Остерманъ, довольствовался тѣмъ, что управлялъ всѣмъ фактически, не затрагивая по закону компетенцiи учрежденiй, то во вторую половину царствованiя можно было дать указанныя полномочiя учрежденiю, которое не заявляло никакихъ притязанiй, подобныхъ притязанiямъ В. Т. Совѣта, и которое, далѣе, являлось, съ одной стороны, установленiемъ докладывающимъ, а съ другой объявляющимъ Императорскiе указы и резолюцiи, но и только.

Обращаясь къ третьему перiоду существованiя Кабинета министровъ—отъ кончины Анны Iоанновны до его уничтоженiя при Елисаветѣ Петровнѣ, надо сказать, что ему, несмотря на кратковременность царствованiя Императора-младенца Iоанна Антоновича, пришлось пережить двѣ крупныя перемѣны: ре-

[1]) Бумаги Кабинета министровъ, т. II и III.

генство Бирона и правленіе Анны Леопольдовны. Эти перемѣны не замедлили прежде всего отразиться на составѣ Кабинета: если по смерти Анны Іоанновны Кабинетъ оставался въ томъ же составѣ, въ какомъ онъ былъ уже въ концѣ Ея царствованія [1]), то со сверженіемъ 8 ноября 1740 г. герцога Бирона, естественно, въ немъ не могъ оставаться А. П. Бестужевъ-Рюминъ, угодливость коего передъ фаворитомъ не была ни для кого тайною. Какъ извѣстно, гр. Минихъ свергнулъ Бирона, а самъ, въ новомъ для Россійской Имперіи званіи „перваго министра въ Его Императорскаго Величества консиліяхъ", сталъ президентомъ Кабинета, въ которомъ, кромѣ Остермана и Черкасскаго, явился еще новый министръ, гр. М. Г. Головкинъ, сынъ канцлера и бывшаго члена В. Т. Совѣта и Кабинета. Впрочемъ, и знаменитый фельдмаршалъ гр. Минихъ,—въ это время занятый массою другихъ должностей и порученій и принужденный вести съ Остерманомъ тяжелую борьбу въ Кабинетѣ за преобладаніе, что вскорѣ весьма его утомило,—уже въ началѣ слѣдующаго года оставилъ государственную службу, и Кабинетъ до конца царствованія Іоанна Антоновича оставался въ указанномъ выше составѣ трехъ министровъ, при чемъ, въ сущности, душою учрежденія являлся, по прежнему, одинъ Остерманъ. Эти перемѣны въ составѣ какъ Кабинета, такъ и „правительства" или регентства, начинали отражаться и на положеніи Кабинета, какъ учрежденія. Регентство Бирона, президентство Миниха, а затѣмъ и фактическій захватъ Остерманомъ власти въ Кабинетѣ, при слабомъ правительствѣ Анны Леопольдовны, обѣщали различное направленіе роста и дѣятельности учрежденія; говоримъ—обѣщали, такъ какъ, въ дѣйствительности, кратковременность и эфемерность всѣхъ этихъ затѣй, быстро смѣнявшихъ другъ друга, не могли серьезно повліять въ томъ или иномъ смыслѣ на развитіе Ка-

[1]) Первоначально, при своемъ учрежденіи, Кабинетъ министровъ состоялъ изъ гр. Г. И. Головкина, гр. А. И. Остермана и кн. А. М. Черкасскаго. По смерти гр. Г. И. Головкина, по настоянію Бирона, чтобъ уничтожить вліяніе Остермана, въ Кабинетъ былъ введенъ гр. П. И. Ягужинскій (по Именному указу 20 апрѣля 1735 г.); послѣ его смерти, послѣдовавшей 6 апрѣля 1736 г., до 30 апрѣля 1738 г. Кабинетъ состоялъ изъ двухъ министровъ; въ этотъ день назначенъ былъ кабинетъ-министромъ А. П. Волынскій, казненный 27 іюня 1740 г.; 18 августа того же года на его мѣсто явился въ Кабинетъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ, заклятый врагъ Остермана; въ этомъ составѣ Кабинетъ оставался до кончины Анны Іоанновны, послѣдовавшей 17 октября 1740 г.

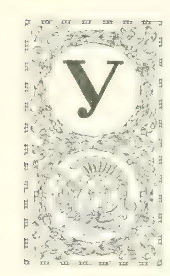
бинета. Нельзя поэтому придавать большого значенія замысламъ Бирона по отношенію къ Кабинету, какъ думалъ это Градовскій. Во всякомъ случаѣ, въ регентство Бирона, какъ и въ правленіе Анны Леопольдовны, Кабинетъ потерпѣлъ нѣкоторыя измѣненія, сдѣлавшись не чѣмъ инымъ, какъ совѣтомъ регентствъ. Какъ это отразилось на Сенатѣ, объ этомъ скажемъ въ слѣдующей главѣ особо.

ГЛАВА II.

I. Отношеніе Сената къ Верховной власти по учрежденіи Кабинета. II. Отношеніе Сената къ Кабинету.

I. Отношеніе Сената къ Верховной власти по учрежденіи Кабинета.

чрежденіе 18 октября 1731 г. Кабинета министровъ первоначально не внесло никакихъ измѣненій по закону въ отношеніе Сената къ Верховной власти. Сенатъ, согласно Манифесту 4 марта 1730 г., продолжалъ именоваться „Правительствующимъ". Онъ входилъ съ своими докладами и отчетами о дѣятельности непосредственно къ Императрицѣ, почему въ началѣ ихъ мы находимъ, обычно, такое обращеніе: „Ея Императорскому Величеству, Самодержицѣ Всероссійской, всеподданнѣйшее доношеніе изъ Сената", или „Репортъ Ея Императорскому Величеству изъ Сената". Въ самомъ Именномъ указѣ объ учрежденіи Кабинета, „для порядочнаго отправленія всѣхъ государственныхъ дѣлъ, которыя къ собственному Нашему опредѣленію и рѣшенію подлежатъ", ни однимъ словомъ не упоминалось о Сенатѣ. Въ свою очередь, всѣ резолюціи на всеподданнѣйшіе доклады Сената давались самою Государынею, и передъ нами цѣлый рядъ не „резолюцій кабинетъ-министровъ на всеподданнѣйшіе доклады", какъ это будетъ позднѣе (со второй половины 1735 г.), но, по прежнему (какъ было отъ 4 марта 1730 по 18 октября 1731 г.), рядъ „Высочайше утвержденныхъ докладовъ Правительствующаго Сената". Все это совершенно про-

тивоположно тому, что было сдѣлано при учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта и на что нами уже указывалось. Если не знать о журналахъ Кабинета за 1731—1733 г., а равно и о реестрахъ входящихъ и исходящихъ бумагъ его [1]), то можно притти къ тому заключенію что Кабинетъ министровъ въ первые годы своей дѣятельности не имѣлъ никакого касательства ко „всеподданнѣйшимъ доношеніямъ и репортамъ“ Сената и другихъ учрежденій, съ одной стороны, ни къ именнымъ указамъ и къ Высочайшимъ повелѣніямъ и резолюціямъ на доношеніяхъ Сената, съ другой. Наоборотъ, журналы Кабинета, а также указанные реестры показываютъ, что хотя всѣ указы этого времени именные и всѣ резолюціи Высочайшія резолюціи, они, однако, не проходятъ мимо Кабинета, несмотря на то, что въ нихъ самихъ объ этомъ офиціально не упоминается.

Въ первые два мѣсяца по учрежденіи Кабинета, когда Императрица почти постоянно присутствовала въ его засѣданіяхъ, въ журналахъ Кабинета мы читаемъ такія отмѣтки: 4 ноября 1731 г. Кабинетъ „приказалъ изготовить указы въ Сенатъ и въ коллегіи“, а 6 ноября, когда Государыня прибыла въ Кабинетъ,—„въ то прибытіе чтены Ея Императорскому Величеству изготовленные въ Сенатъ и въ коллегіи именные указы, и тѣ указы Ея Императорскаго Величества собственною своею рукою подписать изволила“, при чемъ на нихъ, какъ и на всѣхъ послѣдующихъ, нѣтъ отмѣтокъ, подобныхъ тѣмъ, какія дѣлались по отношенію къ именнымъ указамъ времени правленія Верховнаго Тайнаго Совѣта („данъ въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ“ и т. п.). Или, напр., относительно прохожденія всеподданнѣйшихъ докладовъ черезъ Кабинетъ, въ журналѣ отъ 16 ноября записано, что „Ея Императорскому Величеству чтены сенатскіе доклады, которые, слушавъ, изволила указать слѣдующее“. . . (идутъ краткія формулы этихъ указаній); въ журналѣ же отъ 18 числа сказано, что „Ея Императорское Величество изволила подписать на сенатскихъ докладахъ слѣдующія резолюціи, о которыхъ докладовано 16 ноября“ [2]), И такихъ примѣровъ можно указать множество.

[1]) Эти документы впервые напечатаны А. Н. Филипповымъ въ „Бумагахъ Кабинета министровъ“, т. I и II.

[2]) Бумаги Кабинета министровъ, т. I, стр. 5, 20, 24 и мн. др.

Изъ Кабинета-же отдаются, далѣе, словесныя повелѣнія Императрицы Сенату, почему и читаемъ, напр., въ журналахъ Кабинета, что „призванъ изъ Сената оберъ-секретарь Матвѣй Козминъ, которому приказано указомъ Ея Величества объявить сенаторамъ и коллежскимъ президентамъ и членамъ, коимъ велѣно ѣхать въ С.-Петербургъ, дабы они ѣхали немедленно“ [1]).

Съ 1732 г. Анна Іоанновна перестаетъ посѣщать засѣданія Кабинета, что, впрочемъ, нисколько не вліяетъ на характеръ взаимныхъ отношеній Императрицы и Ея офиціальнаго совѣта, почему и не вноситъ никакихъ измѣненій въ порядокъ прохожденія всеподданнѣйшихъ доношеній и рапортовъ Сената черезъ Кабинетъ и исхожденія оттуда проектовъ Высочайшихъ на нихъ резолюцій и именныхъ указовъ. Переставъ быть мѣстомъ доклада Государыни, Кабинетъ остался учрежденіемъ, чрезъ посредство коего объявлялась воля Государыни, гдѣ изготовлялись проекты именныхъ указовъ и резолюцій и гдѣ собирались, по приказамъ министровъ, всякаго рода справки и разъясненія, какъ по поводу тѣхъ или иныхъ „входящихъ“ въ Кабинетъ бумагъ, такъ и вслѣдствіе разнаго рода вопросовъ, возникавшихъ по Высочайшему усмотрѣнію, или по докладу министровъ. „Гг. министры носили къ Ея Императорскому Величеству для подписанія указы, которые Ея Величество собственною своею рукою подписать изволила“; или еще чаще министры „ходили къ Ея Величеству съ докладами и для подписанія указовъ, которые Ея Величество изволила подписать“ — вотъ стереотипныя фразы, встрѣчающіяся въ громадномъ большинствѣ журналовъ, и съ нѣкоторыми варіантами („ходили для подписанія изготовленныхъ указовъ“, „ходили съ иностранными дѣлами“ и т. п.), неизмѣнно отмѣчающія, какъ близость Кабинета къ Государынѣ, такъ и основную функцію его членовъ, по крайней мѣрѣ — въ первые годы его существованія.

Если доклады по вступавшимъ на разсмотрѣніе Кабинета дѣламъ, а равно и сочиненіе именныхъ указовъ и Высочайшихъ резолюцій обусловливали постоянныя, изо дня въ день повторявшіяся, личныя сношенія кабинетъ-министровъ съ Императрицею, то близость Кабинета къ Ней, естественно, приводила къ тому, что послѣдній былъ, какъ сказано, учрежденіемъ, чрезъ посредство

[1]) Бумаги Кабинета министровъ, т. I, стр. 110.

коего выражалась Высочайшая воля въ большинствѣ случаевъ тогдашней государственной жизни. Въ значительной мѣрѣ поводомъ къ выраженію этой воли были тѣ же доклады, какъ это съ очевидностью удостовѣряется журналами; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ никакой связи между докладами и послѣдующими указами Государыни въ журналахъ не отмѣчается, и, наоборотъ, въ самихъ указахъ иногда устанавливается, что основаніемъ для послѣднихъ послужили какія-либо свѣдѣнія и доношенія, полученныя Государынею помимо Кабинета („слышали Мы", „Намъ извѣстно учинено было"). Впрочемъ, такихъ указовъ, какъ письменныхъ, такъ и словесныхъ, было немного и, въ общемъ, они не отличались значительностью содержанія (исключеніе представляютъ указы, коими призывались въ чрезвычайныя собранія Кабинета посторонніе лица); сравнительно, немного также было указовъ, объявленныхъ Кабинету другими лицами, напр., гр. Минихомъ, оберъ-прокуроромъ Сената Масловымъ и др.; обычно-же, то придя съ доклада Государыни, то получивъ отъ Нея „указъ" или „записку", сами министры затѣмъ, путемъ своихъ приказовъ и писемъ, объявляли тѣ или иныя распоряженія соотвѣтствующимъ учрежденіямъ и лицамъ. Конечно, между этими учрежденіями первое мѣсто занималъ Сенатъ какъ по количеству, такъ и по важности получаемыхъ имъ именныхъ указовъ и Высочайшихъ повелѣній.

Вообще, обзоръ дѣятельности Кабинета министровъ за первые годы приводитъ къ такому заключенію. По своемъ учрежденіи Кабинетъ не только не издавалъ указовъ, но и не объявлялъ самъ Высочайшихъ указовъ или резолюцій. Во 2-ой годъ мы находимъ всего двѣ объявленныхъ кабинетъ-министрами Высочайшихъ резолюціи и одинъ указъ самого Кабинета Камеръ-коллегіи, объявленный, впрочемъ, во исполненіе именного указа; далѣе, нѣсколько „предложеній" и „сообщеній" кабинетъ-министровъ Сенату, Св. Синоду и разнымъ должностнымъ лицамъ. Въ третій годъ мы встрѣчаемъ 5 указовъ Кабинета, одно объявленное имъ Высочайшее повелѣніе, нѣсколько сообщеній въ Сенатъ Высочайшихъ повелѣній. Въ 1734 г. число указовъ самого Кабинета увеличивается, становясь, впрочемъ, болѣе замѣтнымъ,— въ связи съ другими актами кабинетской дѣятельности, лишь въ первой половинѣ 1735 г., чѣмъ, такъ сказать, подготовляется постепенно возможность изданія указа 9 іюня.

Если, такимъ образомъ, говоря вообще, мы можемъ отмѣтить въ первую половину царствованія Анны Іоанновны лишь довольно рѣдкое проявленіе указной дѣятельности Кабинета, и если въ это время, какъ и до созданія Кабинета, доминирующими законодательными и административными актами попрежнему являются именные указы, Высочайше утвержденные доклады Сената, а равно и указы самого Сената, то это служитъ (въ связи съ другими данными) указаніемъ на то, что въ данный періодъ своего существованія Кабинетъ не получилъ еще возможности выходить изъ той роли чисто-совѣщательнаго учрежденія, состоящаго „при дворѣ Нашемъ“, о которой говорилъ какъ указъ 6 ноября, такъ и особенно указъ объ учрежденіи Кабинета 18 октября; онъ не дѣйствовалъ еще, какъ случилось позднѣе, отъ своего имени, частію получивъ на то новыя полномочія. Это не значитъ, конечно, что въ данное время нельзя отмѣтить вліянія Кабинета, во всѣхъ этихъ Высочайше утвержденныхъ докладахъ Сената, коими такъ изобилуетъ изучаемый періодъ существованія Кабинета, а равно и въ именныхъ указахъ самой Императрицы; но это значитъ, что въ это время, по крайней мѣрѣ по закону, Кабинетъ офиціально не стоялъ еще между Государынею и Сенатомъ.

Какой выводъ надо сдѣлать изъ всего вышесказаннаго для характеристики отношенія Сената къ Верховной власти за указанные годы существованія Кабинета? Конечно, тотъ, что формально это отношеніе остается такимъ, какимъ оно было по Манифесту 4 марта 1730 г. Но у Сената теперь нѣтъ права доклада Государынѣ дѣлъ ни въ томъ видѣ, какъ это было установлено по именному указу 1 іюня того же года, ни въ томъ, въ какомъ оно практиковалось ранѣе, по возстановленіи Правительствующаго Сената, когда отдѣльные сенаторы сообщали ему Высочайшія повелѣнія и именные указы, а равно сами докладывали Ей о дѣлахъ.

Присвоеніе, по Именному указу 9 іюня 1735 г., указамъ трехъ кабинетъ-министровъ силы именныхъ указовъ, распространенное въ практикѣ и на резолюціи министровъ, отражалось и на отношеніи Правительствующаго Сената къ Верховной власти. Хотя самъ Сенатъ продолжалъ входить къ Ея Величеству со своими „всеподданнѣйшими доношеніями и репортами“, но получалъ на нихъ, наравнѣ съ Высочайшими

резолюціями, резолюціи, подписанныя кабинетъ-министрами [1]). Сенатъ, напр., вошелъ со всеподданнѣйшимъ доношеніемъ 29 іюля 1735 г., въ которомъ просилъ Ея Величество „оборонить его“ отъ ложныхъ челобитій, ссылаясь на соотвѣтствующіе законы Петра. Кабинетъ-министры кладутъ на это, именемъ Государыни, резолюцію, а именно приказываютъ челобитчиковъ „за то, что они, не удовольствуясь правосудіемъ Правительствующаго Сената, били челомъ Ея Величеству неправо, привесть къ наказанію и сказать имъ указъ, что они за такую ихъ продерзость достойны жестокаго наказанія; однако-жъ, Ея Императорское Величество, по высокому своему милосердію, наказанія чинить имъ не указала, а потому, не чиня наказанія, свободить“ [2]).

Именные указы съ этого времени исходятъ не только отъ Государыни, но и отъ кабинетъ-министровъ. Послѣдніе также сообщаютъ Сенату, какъ и другимъ учрежденіямъ, Высочайшія повелѣнія, при чемъ въ этихъ сообщеніяхъ прямо уже обозначаются, что они идутъ „изъ Кабинета Ея Императорскаго Величества“. Такъ, напр., 15 мая 1736 г. Сенатъ получилъ такое сообщеніе: „Изъ Кабинета Е. И. В. въ Правительствующій Сенатъ.—Е. И. В. указала поданную отъ княгини Настасьи Кантемировой челобитную отослать, для разсмотрѣнія, въ Сенатъ и имѣющееся невершеное дѣло въ Юстицъ-коллегіи взять въ Сенатъ и, разсмотря, рѣшить по регламентамъ и указамъ, сущею правдою, безо всякой манности и посягательства, какъ челобитчицѣ, такъ и отвѣтчику, и оная челобитная при семъ и Правительствующему Сенату симъ сообщается“ [3]).

Такъ измѣнялись, въ послѣдовательномъ своемъ развитіи, отношенія Правительствующаго Сената къ Верховной власти въ царствованіе Анны Іоанновны.

[1]) Бумаги Кабинета министровъ, т. IV–X, passim.

[2]) Ibid., т. IV, стр. 352 и сл.

[3]) Ibid., т. V, стр. 215.

II. Отношенiе Сената къ Кабинету.

Мы уже отмѣчали въ предыдущихъ очеркахъ, какъ незамѣтно выступало первоначально на арену государственной дѣятельности новое учрежденiе Кабинетъ министровъ, созданный по указу 18 октября 1731 г. Этотъ характеръ выступленiя сказался и на Правительствующемъ Сенатѣ. Въ первомъ засѣданiи Кабинета отъ 3 ноября было „приказано всѣ указы, отправляемые за собственною Е. И. В. рукою и подписанныя-же на докладахъ и прошенiяхъ резолюцiи, по записанiи въ книгу, отдавать для исполненiя въ Сенатъ, и въ прочiя принадлежащiя здѣсь мѣста, тамошнимъ секретарямъ, съ расписками, и въ тѣхъ указахъ, въ коихъ ко исполненiю надлежитъ, внизу приписывать, что по тому учинено будетъ, (и) о томъ въ Кабинетъ репортовать", при чемъ изъ Сената эти рапорты подаются понедѣльно [1]). Затѣмъ, въ слѣдующихъ двухъ засѣданiяхъ, — одновременно съ указомъ отъ 6 ноября, которымъ Правительствующiй Сенатъ извѣщался объ учрежденiи Кабинета министровъ и объ опредѣленiи въ оный министровъ, Кабинетъ изготовилъ и поднесъ, какъ уже отмѣчалось выше, къ подписи Императрицы еще три указа въ Сенатъ и въ коллегiи [2]). Одинъ изъ этихъ указовъ требовалъ доставленiя во вновь учрежденный Кабинетъ всѣхъ сенатскихъ и прочихъ инструкцiй, воинскихъ и гражданскихъ регламентовъ, печатнаго Уложенiя, гражданскихъ штатовъ, а также картъ Россiйской Имперiи; другой — повелѣвалъ передать Кабинету, въ точныхъ копiяхъ, всѣ именные указы и Высочайшiя повелѣнiя, состоявшiеся съ 1730 г. по 1 ноября 1731 г., и, наконецъ, третiй, наиболѣе важный, касался передачи въ Кабинетъ реестровъ всѣхъ производящихся въ Сенатѣ, Св. Синодѣ, коллегiяхъ, канцелярiяхъ и приказахъ

[1]) Бумаги Кабинета министровъ, т. I, стр. 3.

[2]) Указъ объ учрежденiи Кабинета, данный Сенату 6 ноября, а равно 1-й и 3-iй изъ названныхъ указовъ см. въ „Бумагахъ Кабинета", т. I, стр. 6 и сл.; указъ о передачѣ въ Кабинетъ именныхъ указовъ и Высочайшихъ повелѣнiй съ 1730 г. по 1 ноября 1731 г. см. въ П. С. З., № 5867.

судебныхъ дѣлъ и о представленіи впредь такихъ реестровъ ежемѣсячно [1]).

Если первые два указа имѣли цѣлью поставить новое учрежденіе въ извѣстность относительно существующихъ узаконеній, то послѣдній хотѣлъ сдѣлать Кабинетъ средоточіемъ свѣдѣній о движеніи судебныхъ (или „челобитчиковыхъ") дѣлъ, не опредѣляя ближе, что долженъ былъ дѣлать съ ними Кабинетъ. Впрочемъ, черезъ нѣсколько дней, Именнымъ указомъ 11 ноября, который повелѣно было „во всей Нашей Имперіи публиковать и въ судныя мѣста разослать изъ Нашего Сената", нашли нужнымъ объяснить это болѣе подробно. Повторяя, между прочимъ, почти буквально слова послѣдняго указа, новый указъ добавляетъ, что „ежели гдѣ такая неправда, въ судахъ происходящая, и волокита, по поданнымъ въ Кабинетъ Нашъ репортамъ, сыщется, то, всеконечно, какъ нижніе, такъ и вышніе суды за преступленія штрафованы будутъ по государственнымъ правамъ и указамъ безъ пощады" [2]).

Такимъ образомъ, по этому указу Кабинетъ выступалъ передъ всѣми какимъ-то высшимъ всероссійскимъ судебнымъ мѣстомъ, отыскивающимъ „по репортамъ" происходящую въ судѣ неправду и волокиту „для всемилостивѣйшаго усмотрѣнія" и резолюціи „по челобитчиковымъ дѣламъ" самой Государыни.

---

[1]) Въ виду важности этого указа, приведемъ его цѣликомъ: „Указъ Нашему Сенату. Понеже Мы, по учрежденіи Нашего Кабинета, имѣя попеченіе о вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, заблагоразсудили изо всѣхъ обрѣтающихся здѣсь судебныхъ правительствъ, для всемилостивѣйшаго Нашего въ челобитчиковыхъ дѣлахъ усмотрѣнія, безволокитно-ль онымъ рѣшенія бываютъ, собирать въ Кабинетъ Нашъ краткіе реестры помѣсячно. Того ради Нашему Сенату всемилостивѣйше повелѣваемъ, учиня всѣмъ имѣющимся при Сенатѣ челобитчиковымъ дѣламъ такіе краткіе реестры, съ объявленіемъ, съ котораго времени каждое дѣло вступило по нумерамъ, и кто именно челобитчики, и о чемъ дѣло состоитъ, и въ низу подписавъ перечневую вѣдомость, взнесть въ Кабинетъ Нашъ въ немедленномъ времени. Противъ того-жъ и въ другія во всѣ здѣшнія судебныя мѣста предложить симъ Нашимъ указомъ изъ Сената, чтобы такіе же краткіе реестры, какъ изъ Синода, такъ изъ коллегій и канцелярій и приказовъ, гдѣ такія дѣла имѣются, подали въ Кабинетъ Нашъ немедленно. А по подачѣ тѣхъ первыхъ реестровъ, какъ изъ Сената и изъ Синода, такъ и изъ прочихъ вышеозначенныхъ коллегій, канцелярій и приказовъ о рѣшеніи тѣхъ дѣлъ и какія прибудутъ, подавать краткіе-жъ репорты помѣсячно, и при томъ накрѣпко и всемилостивѣйше подтверждаемъ, дабы во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ судъ производился безволокитно и во всемъ поступали, какъ о томъ въ прошломъ 1730 г. апрѣля 23 и іюля 30 всемилостивѣйшими Нашими указами (о нихъ— П. С. З., № 5546 и 5600) объявлено. Анна". Этотъ указъ вошелъ частію въ Именной указъ 11 ноября 1731 г. (П. С. З., № 5872).

[2]) П. С. З., № 5872.

Состояніе тогдашняго правосудія, какъ это констатируется рядомъ указовъ и другими данными [1]), несомнѣнно, давало поводъ къ созданію такого учрежденія. Этотъ поводъ найдено было удобнымъ указать и публично, и такимъ образомъ въ глазахъ всѣхъ первоначально Кабинетъ былъ облеченъ, хотя и важною, но спеціальною миссіею, тогда какъ общій указъ объ его учрежденіи объявлялся лишь „пристойнымъ мѣстамъ“...

Если мы къ вышесказанному добавимъ, что 30 декабря повелѣно доставлять въ Кабинетъ ежемѣсячно рапорты и реестры о рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ дѣлахъ [2]), чѣмъ всѣ учрежденія, не исключая Сената и Св. Синода, были поставлены—какъ это ясно изъ дѣлъ Кабинета подъ общій (хотя и не непосредственный) контроль учрежденія, отнынѣ получившаго возможность наблюдать за движеніемъ всѣхъ, а не только судебныхъ дѣлъ, время отъ времени представляя по содержанію этихъ рапортовъ доклады Императрицѣ; если, далѣе, отмѣтимъ, что 30 апрѣля 1733 г. приказано представлять „Намъ самимъ въ Кабинетѣ Нашемъ“ назначенныхъ Сенатомъ воеводъ, „а безъ того опредѣленія никуда (ихъ) не отпускать“ [3]); наконецъ, если мы укажемъ, что было повелѣно доставлять въ Кабинетъ донесенія по управленію Малороссіею по важнымъ дѣламъ, а по прочимъ въ Сенатъ, то передъ нами будутъ едва-ли не всѣ важнѣйшіе указы, такъ или иначе касавшіеся Сената (о другихъ—скажемъ особо). Чтобы понять положеніе Сената по отношенію къ Кабинету, надо изучать не законодательныя объ этомъ опредѣленія, а повседневную практику ихъ постоянныхъ взаимныхъ сношеній, что мы и попытаемся вкратцѣ сдѣлать.

Прежде всего въ Сенатъ стали поступать изъ Кабинета требованія о доставленіи ему тѣхъ или иныхъ нужныхъ свѣдѣній. Обычно это дѣлалось черезъ секретаря Кабинета В. Козлова, который приказывалъ тому или иному секретарю Сената, являвшемуся въ Кабинетъ съ дѣлами, или спеціально имъ призванному, сообщить Сенату о доставленіи требуемаго. Вотъ, напр., что читаемъ въ „Запискѣ приказомъ изъ Кабинета Ея Императорскаго Величества“ отъ 27 декабря 1731 г. Между цѣлымъ ря-

[1]) П. С. З., №№ 5546, 5565, 5600 и др.; срав. также Бумаги Кабинета министровъ т. I, стр. 112, 116, 276, 517 и др.

[2]) Ibid., стр. 106.

[3]) П. С. З., № 6384; въ 1734 г. указъ этотъ былъ отмѣненъ.

домъ распоряженій, отданныхъ Сенату, о которыхъ мы скажемъ ниже, „въ Кабинетѣ секретарь В. Козловъ секретарю Сената Д. Невѣжину приказывалъ:—4) въ которомъ числѣ сколько будетъ по чинамъ у присяги,— по вся дни подавать въ Кабинетъ репорты“...; или другому секретарю Мокѣеву приказано: „въ Сенатѣ списать копію съ трактатовъ, и съ табели, и о Кирасирскомъ полку и прислать въ Кабинетъ завтрея“; или „принесть изъ Сената вѣдомость,—въ 719 году, или послѣ, было опредѣленіе, сколько въ Сибири велѣно быть вице-губернаторамъ, тремъ или двумъ“ и т. п. [1])... Затѣмъ, вмѣстѣ съ требованіями о доставленіи тѣхъ или иныхъ свѣдѣній, оправдываемыми, конечно, необходимостью для Кабинета, при докладѣ дѣлъ Государынѣ, имѣть всѣ нужныя данныя подъ руками, въ Правительствующій Сенатъ тѣмъ-же порядкомъ стали поступать „приказанія“ или „приказы“ кабинетъ-министровъ, первоначально найденные Сенатомъ, по своей формѣ, неудобо-исполнимыми, такъ какъ они не соотвѣтствовали сенатской „Должности“. Рѣшено было поговорить о томъ съ кабинетными министрами [2]), но дѣло осталось и послѣ этого, какъ кажется, въ томъ же положеніи, по крайней мѣрѣ, для приказовъ меньшей важности [3]).

Приказы Кабинета въ высшей степени характерны, такъ какъ показываютъ ясно, что онъ уже съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности,—и при томъ тогда, когда законодательные акты совсѣмъ умалчивали объ отношеніяхъ его къ Сенату и оставляли все въ послѣднемъ „на прежнемъ основаніи“ (кромѣ, разумѣется, новой обязанности, на него возложенной, „доставленія репортовъ“ Кабинету о рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ дѣлахъ и т. п.),—отлично понялъ свое значеніе, какъ учрежденія, стоявшаго непосредственно предъ лицомъ Верховной власти, и обращался съ Сенатомъ, какъ съ подчиненнымъ ему мѣстомъ. Эти „министерскіе приказы“, какъ называетъ ихъ одна запись, ни-

[1]) Бумаги Кабинета министровъ, т. I, стр. 101.

[2]) Въ журналахъ Правительствующаго Сената за 1732 г. уже 10 февраля (т. е. черезъ три мѣсяца послѣ учрежденія Кабинета) читаемъ слѣдующую запись: „разсуждали, что изъ Кабинета о разныхъ дѣлахъ отдаются черезъ секретаря приказы оберъ-секретарю и секретарямъ (Сената) словесно“, при чемъ замѣчено, что, по пункту 12-му „Должности“, „словесно ничего исполнять не велѣно“, и „положили о томъ говорить съ кабинетными министрами“ (М. А. М. Ю., журналы Правительствующаго Сената, кн. 24/1905, л. 20).

[3]) См., напр., „Записку кабинетскимъ приказомъ и прочему за 1732 г.“; ibid., д. по б. Каб., кн. 18/1095, л. 126.

сколько не удивляютъ Сенатъ сами по себѣ; онъ только находитъ „сумнительнымъ“, что они отдаются словесно. И такъ продолжается во все время существованія Кабинета.

Каковы были эти приказы по своему содержанію, достаточно видно изъ нѣсколькихъ примѣровъ. Въ декабрѣ 1731 г., напр., „въ Кабинетѣ секретарь В. Козловъ секретарю Д. Невѣжину приказывалъ: 1) чтобы по поданной въ Кабинетѣ челобитной подполковника ф. Бремзена дѣло разсмотрѣть; 2) дѣло гр. Апраксина чтобы рѣшить до отъѣзда (Двора) въ С.-Петербургъ...; 5) въ Петербургъ съ указами и присягами нарочнаго не посылать, а отдать тѣ указы и присяги о приводѣ всѣхъ чиновъ въ Петербургѣ генералъ-фельдцейхмейстеру, понеже онъ того числа отправляется; 6) Марниса, который держится по доимкѣ, чтобы отдать на знатныя поруки, по указу“... Или, напр., въ февралѣ слѣдующаго года, между „приказами кабинетскими“ читаемъ слѣдующіе [1]: „о Фиковой женѣ (женѣ извѣстнаго Генриха Фика) отправить изъ Сената указъ въ такой силѣ, чтобы оная съ дѣтьми жила въ оставленной ей мызѣ Полъ, и посмотрѣть за ними, какъ выѣдутъ, и тотъ указъ вручить генералъ-фельдцейхмейстеру гр. Миниху, а во первыхъ доложить, его сіятельства, она, Фикова жена, со всѣми-ли дѣтьми въ С.-Петербургѣ“; „чтобы г.г. сенаторы, которымъ велѣно присутствовать (по именному указу) для разсужденія о пяти-копѣечникахъ, для онаго были въ Кабинетѣ въ нынѣшній четвертокъ... Тако жъ въ Кабинетѣ извѣстно, что г.г. сенаторы нынѣ въ Сенатѣ присутствуютъ для слушанья показанныхъ дѣлъ отъ генерала Дебріеннія и изъ тѣхъ дѣлъ, что нынѣ слушано будетъ, взнесено было-бъ утре въ Кабинетъ доношеніе“. Наконецъ, въ мартѣ того же года, между прочимъ, было приказано „прислать на письмѣ извѣстіе, зачѣмъ вѣдомость о вотчинахъ къ Невскому монастырю медлится“ (т. е. зачѣмъ не подается), и т. п.

Разсматривая внимательно эти „приказы“, въ связи съ другими данными, можно видѣть отчасти ходъ дѣлопроизводства

[1]) Бумаги Кабинета министровъ, т. I, л. 136 и сл., л. 52 и сл. Въ записи журнала 27 декабря 1731 г. читаемъ, что „въ Кабинетѣ Ея И. Величества секретарь В. Козловъ отдалъ въ Правительствующій Сенатъ секретарю Ив. Богданову.... челобитную вдовы Ненилы Бодышковой (Бодышко), которою требуетъ, чтобы долговъ, имѣющихся на мужѣ ея, Яковѣ Бодышко, на ней не взыскивать, а взыскивать по компаніи на товарищѣ мужа ея, Францѣ Фандортѣ; по той челобитной приказъ объявилъ министерской, чтобы разсмотрѣніе о томъ учинить въ Сенатѣ“ (ibid., листъ 35).

въ Кабинетѣ и Сенатѣ. Еще въ 1726 г. подалъ, напр., нѣкій Бремзенъ жалобу на рѣшеніе гофгерихта, а затѣмъ и Юстицъ-коллегіи, по дѣлу его съ генераломъ Лешерномъ, вслѣдствіе чего дѣло и было взято Сенатомъ къ себѣ „на разсмотрѣніе“, но послѣднее, по обыкновенію, затянулось. Бремзенъ подалъ новое челобитье въ Кабинетъ на Высочайшее имя, а Кабинетъ приказалъ въ декабрѣ 1731 г. Сенату разсмотрѣть это дѣло. Сенатъ въ мартѣ слѣдующаго года разсмотрѣлъ его и потомъ представилъ, черезъ Кабинетъ, свой докладъ Императрицѣ, „всеподданнѣйше требуя указу о всемилостивѣйшей Ея И. Величества конфирмаціи“ этого доклада, что и послѣдовало въ видѣ Высочайшей резолюціи: „учинить по сему“ [1]). Конечно о посредствующей роли Кабинета здѣсь ни слова еще не упоминается.

Изъ отмѣтокъ, частію сохранившихся на записяхъ, видно, какъ относился Сенатъ къ „кабинетскимъ приказамъ“. По отношенію, напримѣръ, къ приказу „о Фиковой женѣ“ читаемъ, что секретарь Сената Невѣжинъ въ тотъ же день „доносилъ“ гр. Миниху о приказаніи Кабинета, на что послѣдній „объявилъ, дабы изъ Сената о томъ только прислать указъ (о проживаніи жены Фика въ оставленной ей мызѣ), а отправленіе ихъ (жены и дѣтей) учинено будетъ отъ его сіятельства; о томъ указъ къ нему (гр. Миниху) отосланъ“. Относительно замедленія отвѣтомъ о вотчинахъ Невскаго монастыря замѣчено, что „о деревняхъ къ Невскому монастырю вѣдомость медлится за тѣмъ, что изъ Св. Синода не сообщено, а изъ прочихъ мѣстъ справки собраны“.

Бывали случаи, когда промедленія Сената давали поводъ къ указамъ самой Императрицы, и тогда Сенату приходилось, хотя и черезъ Кабинетъ, входить со „всеподданнѣйшимъ доношеніемъ“ и объяснять подробно и обстоятельно причину промедленія. Такъ, напр., въ одномъ изъ такихъ „доношеній“ отъ 27 сентября 1732 г. читаемъ слѣдующее: „Вашимъ Императорскимъ Величествомъ изъ Кабинета отданы въ Сенатъ, черезъ оберъ-секретаря Кириллова, 2 реестра о доношеніяхъ, кои поданы въ Сенатъ изъ Военной коллегіи и изъ канцеляріи артиллеріи и фортификаціи, да экстрактъ по даннымъ-же доношеніямъ . . . гр. Миниха, на которыя

[1]) П. С. З., № 6000.

указовъ (Сената) не получено, и объявленъ .... указъ, чтобы, справившись, подать въ Кабинетъ В. И. В., зачѣмъ по такимъ доношеніямъ въ Сенатѣ рѣшенія не учинено. И потому В. И. В. указу Сенатъ всеподданнѣйше при семъ доношеніи взноситъ экстрактъ, учиненный изъ вышеупомянутыхъ реестровъ, со справками изъ дѣлъ". Изъ дальнѣйшаго содержанія „доношенія" видно, что Сенатъ по однимъ дѣламъ уже успѣлъ послать указы „прежде отданія тѣхъ реестровъ" изъ Кабинета, по другимъ не постановилъ своего рѣшенія „за важными справками", имъ во время не полученными, при чемъ долженъ былъ объяснить всѣ обстоятельства, помѣшавшія достать эти справки [1]).

Такъ, наряду съ собственными весьма сложными и многочисленными дѣлами, Сенату приходилось постоянно то исполнять тѣ или иныя порученія Кабинета по доставленію разнаго рода справокъ и свѣдѣній, то отправлять, по приказамъ Кабинета, указы, то, наконецъ, объяснять, нерѣдко путемъ всеподданнѣйшихъ доношеній, причины медленности своего дѣлопроизводства и т. д. Все это, естественно, приводило къ тому, что „приказы г.г. кабинетныхъ министровъ" или „министерскіе приказы" держали Сенатъ въ подчиненіи къ Кабинету, какъ учрежденію, непосредственно стоявшему предъ Верховною властію.

Какъ было указано выше, Сенатъ получалъ отъ Кабинета не только словесные приказы, но и письменныя сообщенія. Въ первый періодъ дѣятельности Кабинета преобладали эти двѣ формы сношеній, а кабинетскіе указы давались рѣдко. Нельзя, однако, не отмѣтить, что подъ скромною формою „сообщеній", которая заставляла думать о равенствѣ двухъ сносящихся между собою учрежденій, въ дѣйствительности нерѣдко скрывались тѣ же указы, какъ это легко видѣть изъ ихъ текста. Напримѣръ, въ одномъ такомъ „сообщеніи" говорится, что Ея Величеству было донесено отправленнымъ въ Украйну кн. Шаховскимъ, что, при переписи населенія, „явилось въ Трубчевскомъ уѣздѣ поселившихся на дворцовой землѣ малороссіянъ немалое число, которыми никто не владѣетъ, живутъ свободно, кормятся ремесломъ; только де берутъ съ нихъ дворцовыхъ волостей управители колесами и куфами, а сколько ихъ

[1]) М. А. М. Ю., дѣла Пр. Сената по бывш. Кабинету, кн. 6/1083, л. 628, 633.

мѣстечекъ и душъ, по переписи, явилось, и почемъ на годъ доходовъ платили, о томъ при ономъ доношеніи экстрактъ". Затѣмъ ко всему вышеизложенному, носящему, дѣйствительно, характеръ сообщенія, добавлено: „того ради изъ Кабинета Е. И. В. черезъ сіе Правительствующему Сенату сообщается, дабы опредѣлено было, по оному экстракту,... о показанномъ... управителямъ колесами и куфами платежѣ изслѣдовать: оные съ нихъ доходы по какимъ указамъ сбираются, и въ казну-ль Е. И. В. доходили, и въ пріемѣ того имъ квитанціи даются-ли; буде-жъ оное сбирали съ нихъ партикулярные люди собою, о томъ бы учинено было надлежащее взысканіе, какъ указы повелѣваютъ, и для того съ онаго экстракта сообщается при семъ копія". Получивъ это „сообщеніе" Кабинета, содержащее во второй своей части указъ Сенату о производствѣ слѣдствія, Сенатъ приказалъ „о сборахъ тѣхъ изслѣдовать брянскому воеводѣ съ обрѣтающимся при томъ городѣ на штабномъ дворѣ офицерами" и учинить надлежащее взысканіе, приславъ Сенату немедленно доношеніе о томъ, „что учинено будетъ"...[1]), чтобы затѣмъ, конечно, своевременно подать о немъ рапортъ въ Кабинетъ.

Обратимся теперь къ выясненію вопроса, когда Сенатъ считалъ себя обязаннымъ входить въ Кабинетъ. По указу 6 ноября 1731 г., объявленному Сенату, къ компетенціи Кабинета, какъ совѣта „при дворѣ Нашемъ", принадлежали дѣла, „къ собственному Нашему всемилостивѣйшему рѣшенію подлежащія". Поэтому Сенатъ входитъ съ докладами на Высочайшее имя (хотя, въ дѣйствительности, и черезъ Кабинетъ) во всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, которыя онъ считаетъ подлежащими рѣшенію Верховной власти. Прежде всего, конечно, такими дѣлами являются дѣла, на которыя имѣются именные указы и которыя

[1]) М. А. М. Ю., Журн. и прот. Сената, кн. 166/2947, л. 139, 141, 19 и 21 февраля 1733 г. Поэтому въ тѣхъ случаяхъ, когда Сенату, дѣйствительно, сообщалось что-либо безъ особаго при этомъ указа сдѣлать то или то, нерѣдко это дѣлалось въ формѣ извѣщенія или „объявленія". Напр., 17 октября 1734 г., Сенатъ получилъ такое „объявленіе": „изъ Кабинета Ея И. Величества Правительствующему Сенату—сего октября 16 дня по посланному Ея И. В. указу, за подписаніемъ Ея И. Величества собственныя руки, къ смоленскому вице-губорнатору кн. С. Козловскому, велѣно ему ѣхать, не мѣшкавъ, прямо сюда ко двору Ея Величества, а на мѣсто его Ея И. В. изволила опредѣлить въ вице-губернаторы смоленскаго коменданта, бригадира Ѳ. Шепелева, а на мѣсто его Авр. Шамордина, и о томъ Правительствующему Сенату объявляется, для отправленія о томъ указовъ, куда надлежитъ" (ibid., д. Пр. Сената по бывш. Кабинету, кн. 6/1083, л. 706).

могутъ быть перерѣшены тѣмъ же путемъ, какимъ они были рѣшены первоначально. Однажды обнаружилось, напр., что въ Военной коллегіи „учинена отмѣна“ воинскихъ пунктовъ относительно нѣкоторыхъ условій обмундированія, и что Военная коллегія, вмѣстѣ съ особою комиссіею, Сенату „предлагали передъ образцовыми, и противъ воинскихъ пунктовъ, отмѣну учинить“. „Однако же, о томъ“,—читаемъ, между прочимъ, въ докладѣ Сената Императрицѣ, „не доложа В. И. В., Сенатъ собою отмѣны никакой учинить не можетъ потому, что о обоихъ оныхъ дѣлахъ воинскіе пункты и штатъ и генеральнаго кригсъ-комиссаріата инструкція отъ В. И. В. конфирмованы“ [1]). Далѣе, на Высочайшее имя идутъ всѣ тѣ дѣла, на которыхъ „указа не положено“, какъ тогда говорилось, или которыя вызывали въ Сенатѣ какія-либо сомнѣнія и т. п. [2]). При этомъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда учрежденіе, по поводу коего возникало какое-либо сомнѣніе, было подчинено непосредственно Кабинету, Сенатъ входилъ съ своимъ докладомъ объ этомъ на Высочайшее имя. Напр., въ мартѣ 1732 г. Сенатъ доложилъ Императрицѣ, что де „по именному . . . указу велѣно медицинской канцеляріи быть въ вѣдомствѣ Кабинета Вашего Величества и ни откуда (въ нее) повелительныхъ указовъ не посылать“; между тѣмъ Военная коллегія донесла Сенату, что въ медицинскую канцелярію поступило одно требованіе генерала ф. Вейсбаха, пересланное ею въ коллегію, а изъ послѣдней, съ ея „мнѣніемъ“, переданное въ Сенатъ. Сенатъ, имѣя въ виду вышеприведенный Именной указъ, обращается съ докладомъ къ Государынѣ [3]). Такимъ образомъ въ этомъ періодѣ Кабинетъ, по крайней мѣрѣ, офиціально еще не стоитъ между Сенатомъ и Верховною властію...

[1]) П. С. З., № 6441 . . . „А Сенатъ . . . безъ особливаго В. И. Величества указа того учинить не можетъ и требуетъ Всемилостивѣйшаго В. И. Величества указу“ (ibid., № 6323)—говорится въ другомъ подобномъ докладѣ Сената, поданномъ Императрицѣ по поводу челобитья нарвскихъ жителей объ отдачѣ имъ церкви.

[2]) По именному указу велѣно было „счесть“ особо назначеннымъ лицамъ бывшій кригсъ-комиссаріатъ и провіантскую канцелярію, но при этомъ не было опредѣлено, „въ чьей дирекціи тѣмъ комиссіямъ быть и кому репортовать“, почему Сенатъ „о томъ всеподданнѣйше требуетъ указу“ (П. С. З., № 6155); или, напр., именными указами велѣно было недорослямъ и отставнымъ офицерамъ являться на смотръ въ Петербургѣ „у герольдмейстерскихъ дѣлъ“; Сенатъ, докладывая объ этомъ, спрашиваетъ, должно ли этихъ недорослей и офицеровъ „въ Сенатѣ разсматривать (какъ было прежде), или В. И. В. предоставлять“ (ib., № 6127) и т. д.

[3]) П. С. З., № 6014.

Но если такъ было формально, то что дѣлалось на самомъ дѣлѣ и какъ сносился Сенатъ съ Кабинетомъ? Въ одной журнальной записи отъ 3 сентября 1733 г. читаемъ, напр., что „въ Кабинетъ Ея И. В. къ господамъ министрамъ отъ Правительствующаго Сената посыланъ оберъ-секретарь М. Козминъ для докладу, что повелѣно по указу Е. И. В. вице-адмиралу Змаевичу галеры и будары въ указное число достальное число готовить въ назначенныхъ въ Е. И. В. указѣ мѣстахъ, а по прежнимъ указамъ строены были во Брянску прамы и галеры, которыя потомъ другими указами строеніемъ отставлены, а въ нынѣшнемъ Е. И. В. указѣ о достройкѣ тѣхъ судовъ не изображено, и тѣ суда достраивать ли; и о томъ... докладовано" гр. Остерману и кн. Черкасскому, при чемъ „объявлена учиненная въ Сенатѣ о тѣхъ судахъ выписка". Въ другой записи, отъ 3 декабря того же года, читаемъ, что „по приказу Правительствующаго Сената секретарь Д. Невѣжинъ посыланъ былъ въ Кабинетъ Ея Императорскаго Величества съ доношеніемъ" гр. Миниха, на которомъ „подписана резолюція Ея Императорскаго Величества о порученіи въ Украйнѣ исправлять дѣла, назначенныя въ томъ доношеніи, генералу-квартирмейстеру Дебринію обще съ тѣми, которымъ до сего времени такія исправленія поручены, и съ приложенною при томъ спецификаціею, съ такимъ приказомъ, чтобъ спросить господъ министровъ, вышеописанная Ея Императорскаго Величества резолюція на одно-ль то доношеніе, или и на спецификацію?" Какъ изъ приведенныхъ, такъ и изъ ряда другихъ имъ подобныхъ записей [1]), видно, что Сенатъ нерѣдко входитъ съ докладами въ Кабинетъ по вопросамъ, разрѣшеннымъ Высочайшими указами и резолюціями, и требуетъ у него разъясненія тѣхъ недоразумѣній, какія ими вызываются на практикѣ, такъ какъ никто, кромѣ Кабинета, черезъ посредство коего прошли всѣ эти вопросы прежде, чѣмъ быть разрѣшенными Высочайшею волею, и не можетъ дать по ихъ поводу авторитетныхъ указаній. И Кабинетъ даетъ эти указанія Сенату, какъ инстанція не только высшая, но и знающая вполнѣ ходъ всего дѣла, возбудившаго недоразумѣніе. Такъ, по вопросу

[1]) М. А. М. Ю., Жур. и прот. Сената, кн. 173/2054, л. 13 и об., л. 14, л. 41; ibid., дѣла Пр. Сената по бывш. Кабинету, кн. 18/1095, л. 222.

Сената о судахъ, два кабинетные министра, по прочтеніи выписки Сената, „изволили приказать Правительствующему Сенату донесть, что о вышеписанныхъ указахъ (о судахъ) они извѣстны, токмо нынѣ нужды никакой не признали, а изволили-бъ Правительствующій Сенатъ приказать суды додѣлывать въ тѣхъ мѣстахъ, о которыхъ именно въ указѣ изображено; а о тѣхъ брянскихъ судахъ, для лучшей предосторожности, не изволитъ ли Правительствующій Сенатъ сношенія учинить съ генераломъ Вейсбахомъ, надлежитъ-ли оныя, для нынѣшняго случаю, додѣлывать"; по вопросу, возбужденному гр. Минихомъ, Кабинетъ предложилъ, „чтобъ Правительствующій Сенатъ изволилъ призвать въ Сенатъ всѣхъ присутствующихъ въ Военной коллегіи и съ ними обще разсуждать, тѣ дѣла по прежнему-ль положенію исправлять надлежитъ, или что изъ вышеписанной спецификаціи дополнить надлежитъ"...

Отвѣтъ Кабинета по первому вопросу не удовлетворилъ, однако, Сената, и онъ вновь отправилъ оберъ-секретаря „для докладу о брянскихъ судахъ", указывая, что „о достройкѣ оныхъ отъ генерала Вейсбаха разсужденія требовать не можно, понеже оный генералъ и самъ отправленъ отъ Кабинета Ея Императорскаго Величества". Выслушавъ этотъ докладъ, тѣ же министры „изволили сказать, что какъ о тѣхъ судахъ И. Ю. Трубецкому и бар. П. П. Шафирову (двумъ сенаторамъ, изъ коихъ второй только-что былъ назначенъ къ присутствію въ Сенатѣ) говорено, такъ и нынѣ объявляютъ свое разсужденіе, что тѣ суда нынѣ надо-бъ оставить, и отъ генерала Вейсбаха разсужденія о нихъ не требовать".

Интересно также отмѣтить, что въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣлось Высочайшее повелѣніе, въ предѣлахъ коего Сенатъ долженъ былъ дѣйствовать, Кабинетъ отклонялъ отъ себя участіе въ дѣлѣ. Такъ, напр., Сенатъ послалъ въ Кабинетъ оберъ-секретаря „для доклада" съ „инструкціею о заготовленіи въ Украйнѣ 7 магазиновъ провіанта", поручивъ ему спросить министровъ, „изволятъ-ли тое инструкцію, выслушавъ, и обще съ Правительствующимъ Сенатомъ подписать". Въ Кабинетѣ въ это время былъ одинъ Остерманъ, который, выслушавши докладъ, „изволилъ приказать Правительствующему Сенату донести, что въ закрѣпленіи инструкціи можно обойтись и безъ ихъ сіятельства подписки, понеже оной надлежитъ сочинен-

ной быть по силѣ Ея Императорскаго Величества указу“ [1]). Въ свою очередь, Сенатъ, въ случаѣ столкновенія приказа Кабинета съ именнымъ указомъ, отказывался рѣшать дѣло и входилъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ. Такъ, напр., изъ Кабинета была прислана въ Сенатъ челобитная графини Настасьи Матвѣевой (о дачѣ ей послѣ ея мужа изъ недвижимаго имѣнія „четвертаго жеребья“) „съ такимъ приказомъ,

Гр. А. И. Остерманъ.

чтобъ по той челобитной въ Вотчинной коллегіи (дѣло) разсмотрѣть и со мнѣніемъ подать въ Сенатъ, а въ Сенатѣ рѣшить, какъ Вашего Императорскаго Величества указы повелѣваютъ, а ежели зачѣмъ рѣшить невозможно, доложить Вашему Императорскому Величеству“. Разсматривая челобитье гр. Матвѣевой, Сенатъ увидѣлъ, что еще въ 1730 г. (челобитье разсматривалось въ 1732 г.) было Высочайше повелѣно,—вслѣдствіе челобитья же пасынка просительницы, гр. Ѳ. Матвѣева,—„того ихъ дѣла безъ указа Вашего Императорскаго Величества не рѣшить“.

[1]) М. А. М. Ю., Жур. и прот. Пр. Сената, кн. 174/2055, л. 28.

Хотя Сенатъ и не имѣлъ Высочайшаго указа, на который была сдѣлана ссылка въ челобитной „однакожъ, по нынѣшнему изъ Кабинета Вашего Императорскаго Величества словесному объявленію, Сенатъ опредѣленія учинить не можетъ, а всеподданнѣйше на оное требуетъ всемилостивѣйшаго Вашего Императорскаго Величества указу". Въ послѣдовавшей на этотъ докладъ резолюціи былъ черезъ нѣсколько дней вновь повторенъ прежній приказъ, отданный изъ Кабинета [1]). Конечно, указанный выше порядокъ сношеній между Кабинетомъ и Сенатомъ не былъ чѣмъ-либо постояннымъ и твердо-сложившимся, такъ какъ Кабинетъ вообще мало стѣснялся формальными соображеніями; но отмѣченныя черты его все-же проявлялись нерѣдко на практикѣ.

Какъ указывалось выше, 30 декабря 1731 г. послѣдовалъ именной указъ о доставленіи въ Кабинетъ изъ Сената и другихъ учрежденій „репортовъ" о ихъ дѣятельности, а равно и реестровъ о рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ дѣлахъ. Этотъ указъ оказалъ большое вліяніе на развитіе значенія Кабинета, такъ какъ позволялъ ему неустанно слѣдить за дѣятельностью всѣхъ учрежденій, не исключая и Сената. „Репорты" послѣдняго не были простою формальностью, но, въ общемъ, весьма точно и обстоятельно передавали все то, что въ каждую недѣлю было сдѣлано Сенатомъ. Объ обширности этихъ рапортовъ можетъ дать понятіе указаніе, напр., на то, что книга ихъ за 1732 г. имѣетъ 2346 листовъ, а книга реестровъ рѣшеннымъ дѣламъ за 1735 г. составляетъ 807 листовъ; или, напр., указаніе на то, что „репортъ Ея Императорскому Величеству" занимаетъ 35 листовъ и даетъ отчетъ за время съ 27 мая по 1 іюня 1734 г. [2]). Рапорты эти имѣютъ, обыкновенно, такую форму. Сначала указывается, „что учинено" за данное время по указамъ „Ея Императорскаго Величества" или по сообщеніямъ изъ Кабинета. Затѣмъ перечисляется, что рѣшено по вѣдѣніямъ изъ Московской Сенатской конторы, по доношеніямъ тѣхъ или иныхъ учрежденій и лицъ, по предложеніямъ оберъ-прокурора

[1]) М. А. М. Ю., Жур. и прот. Пр. Сената, кн. 152/2033, л. 17 сл.; срав. Бумаги Кабинета, т. I, стр. 510.

[2]) М. А. М. Ю., дѣла Пр. Сен. по быв. Каб., кн. 32/1109, кн. 53/1130, л. 365—388 и сл.; „Репорты" эти частію напечатаны А. Н. Филипповымъ: Бумаги Кабинета министровъ, т. I, стр. 182 и сл., 245 и сл., 403 и сл.; срав. также всеподданнѣйшее доношеніе отъ 26 декабря 1731 г. „съ реестромъ о челобитчиковыхъ дѣлахъ", ib., стр. 97.

Сената, по представленію герольдмейстерской конторы и другихъ подвѣдомственныхъ Сенату учрежденій и лицъ, наконецъ, по челобитчиковымъ дѣламъ. Общее заключеніе, къ которому надо придти, изучая, по архивнымъ даннымъ, отношенія между Кабинетомъ и Сенатомъ будетъ то, что, если не офиціально, то фактически, Кабинетъ, уже въ этотъ періодъ своего существованія, стоитъ между Верховною властію и Сенатомъ, владѣя въ то же время всѣми средствами для контроля надъ его дѣятельностью. Оставалось превратить фактъ въ право, что и было достигнуто Кабинетомъ во вторую половину царствованія Анны Іоанновны.

Какъ указывалось выше, второй періодъ дѣятельности Кабинета начинается съ указа 9 іюня 1735 г., коимъ повелѣвалось „никакихъ Нашихъ словесныхъ именныхъ указовъ, кромѣ тѣхъ, которые за подписаніемъ собственныя Нашей руки, или за руками всѣхъ трехъ Нашихъ кабинетныхъ министровъ, будутъ, не принимать и въ дѣйство не производить“ [1]). Поводомъ къ этому указу послужило то обстоятельство, что Императрицѣ сдѣлалось извѣстно, что „во многихъ мѣстахъ объявляются словесные Наши указы“, а это могло вести на практикѣ къ разнаго рода неудобствамъ [2]). Вопросъ о словесныхъ именныхъ указахъ возбуждался нѣсколько разъ съ начала XVIII вѣка. Еще Петръ Великій, указомъ 11 декабря 1724 г., повелѣлъ, „буде кто впредь станетъ въ Сенатѣ или коллегіяхъ и канцеляріяхъ объявлять Его Величества словесные указы о дѣлахъ (идетъ перечисленіе ихъ), того ни по чьему объявленію, безъ подписанія собственныя Его Императорскаго Величества руки, не дѣлать, развѣ о какихъ малыхъ дѣлахъ“... Позднѣе, по указу 4 (5) августа 1726 г.,—по тому-же поводу, по которому былъ данъ указъ 9 іюня 1735 г., повелѣно было „объявленіямъ словес-

[1]) П. С. З., № 6745.

[2]) Вотъ одинъ изъ примѣровъ неудобствъ, вытекавшихъ изъ объявленія словесныхъ именныхъ указовъ разными персонами. Гр. Минихъ, въ іюлѣ 1732 г., донесъ Сенату, что Государыня „изволила указать ему сдѣлать для шествія (Ея) на каналъ отъ С.-Петербурга до Шлюссельбурга по берегу Невы дороги“, а затѣмъ объявилъ секретарю Сената, что „на то строеніе“ надо ему 10 т. р. Сенатъ приказалъ отпустить эту сумму изъ наличныхъ денегъ Штатсъ-конторы; но контора эта объявила, что „по приказу изъ Кабинета тѣхъ денегъ до указу отпускать не велѣно“ и, между тѣмъ, какъ „министры, такъ и другія лица требуютъ денегъ, а Сенатъ, за вышеобъявленнымъ приказомъ изъ Кабинета,.... тѣхъ денегъ выдать не можетъ“, то онъ и требуетъ „всеподданнѣйше... всемилостивѣйшаго указу“ (М. А. М. Ю., журн. и пр. Пр. Сената, кн. 150/2031, л. 51).

нымъ или письменнымъ, безъ подписанія Нашея собственныя руки, или всего Нашего Верховнаго Тайнаго Совѣта, отнюдь не вѣрить" [1]). Если Петръ, находившійся въ полномъ обладаніи всѣхъ своихъ державныхъ правъ, запрещалъ въ важныхъ случаяхъ дѣлать что-либо „по чьему объявленію", „безъ подписанія собственныя" Его „руки", то ни Екатерина I, ни Анна Іоанновна не могли обойтись, какъ уже отмѣчалось выше, безъ указанныхъ уполномочій, даваемыхъ министрамъ.

Указъ 9 іюня, уравнивая съ именными указы, подписанные тремя кабинетъ-министрами, повелѣвалъ въ то же время собрать въ Сенатъ обстоятельные рапорты обо всѣхъ словесныхъ именныхъ указахъ, объявленныхъ въ „государствованіе" Императрицы, и потомъ подать ихъ немедленно въ Кабинетъ. Характерно, однако, что исполненіе этого указа встрѣтило возраженіе со стороны извѣстнаго А. И. Ушакова, завѣдывавшаго тогда Тайною канцеляріею. Послѣдній доложилъ Кабинету, что въ Тайной канцеляріи имѣются словесные именные указы, о которыхъ „никому неизвѣстно, и хранятся оные секретно; для чего Тайная канцелярія, безъ именного Ея Императорскаго Величества указу (т. е. безъ особаго спеціальнаго повелѣнія, относящагося къ этимъ указамъ), объ ономъ и Сенату объявить опасна" [2]). Кабинетъ-министры рѣшили тогда не требовать именныхъ указовъ изъ Тайной канцеляріи. Затѣмъ, еще черезъ 3 недѣли разъяснено, что указъ 9 іюня „двору Нашему и къ дѣламъ придворнымъ не слѣдуетъ", т. е. не примѣняется, почему указы, словесно объявленные оберъ-гофмаршаломъ и гофмаршаломъ „о правленіи двора Нашего и о дѣлахъ придворныхъ", надлежало „исполнять неотмѣнно попрежнему". Такимъ образомъ, указъ 9 іюня 1736 г. долженъ былъ лишь „слѣдовать до Сената и до другихъ коллегій и канцелярій и прочихъ судебныхъ мѣстъ".

Если уже раньше Кабинетъ фактически, какъ совѣтъ при особѣ Государыни, постепенно дѣлался средоточіемъ верховнаго управленія, то теперь онъ выступалъ офиціально, какъ единый органъ этого управленія. Указъ 9 іюня было повелѣно „объявить во всѣ мѣста", т. е. во всѣ коллегіи и канцеляріи,

[1]) П. С. З., № 4945.
[2]) П. С. З., № 6753.

для исполненія, и если согласиться съ тѣми учеными, которые говорятъ, что уже учрежденіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта была проведена у насъ грань между управленіемъ верховнымъ и управленіемъ подчиненнымъ и что все то, что относилось къ области непосредственной дѣятельности Императрицы, относилось, слѣдовательно, и къ вѣдѣнію Верховнаго Тайнаго Совѣта, то въ указѣ 9 іюня, уравнивавшемъ указы Государыни съ указами трехъ кабинетъ-министровъ (въ дѣйствительности, даже двухъ, такъ какъ третьяго министра не было, по крайней мѣрѣ, въ теченіе половины изучаемаго періода), это начало выступило съ новою силою. Всѣ правительственныя лица и учрежденія, за исключеніемъ, отчасти, Св. Синода, явились теперь по отношенію къ Кабинету органами подчиненнаго управленія, и акты кабинетскаго дѣлопроизводства полны живыми свидѣтельствами этого положенія. Всякаго рода представленія, доношенія, сообщенія (въ сущности, тѣ же доношенія), доклады и пр. поступаютъ то непосредственно въ Кабинетъ, то на имя Императрицы отъ всѣхъ, какъ центральныхъ, такъ и мѣстныхъ, коллегіальныхъ и личныхъ, органовъ управленія. „Ея Величеству, Самодержицѣ Всероссійской, всеподданнѣйшій репортъ“ (или „докладъ“) и т. д., или „Ея Императорскому Величеству, Самодержицѣ Всероссійской, въ высокоучрежденный Кабинетъ, всеподданнѣйшій экстрактъ“, или, проще, „въ Кабинетъ Ея Императорскаго Величества“ (изъ Сената и другихъ учрежденій) „всеподданнѣйшее доношеніе“ или „сообщеніе“ таковы заглавія этихъ актовъ, обращенныхъ подъ разными наименованіями, то къ Императрицѣ черезъ Кабинетъ, то къ Ея Кабинету непосредственно. Смотря по важности этихъ актовъ, Кабинетъ либо докладываетъ о нихъ Императрицѣ, испрашивая Ея указа, либо отвѣчаетъ самъ на нихъ указами и резолюціями, безразлично, поступили-ли они на имя Государыни или на имя самого Кабинета. Правительствующій Сенатъ постоянно обращается непосредственно къ Императрицѣ со своими доношеніями, къ Кабинету-же съ сообщеніями, являющимися, въ сущности, тѣми-же доношеніями.

Сообразно съ измѣненіемъ офиціальнаго положенія Кабинета и признаніемъ за его указами отмѣченнаго уже выше значенія, преобладающею формою сношеній являются теперь указы Кабинета по тѣмъ вопросамъ, которые онъ возбуждалъ самъ,

а равно и его резолюціи, какъ на доношенія Сената Государынѣ, такъ и на сообщенія его Кабинету. Какъ тѣ, такъ и другіе подписываются наличными министрами. Сообщенія и приказы, словесные и письменные, по-прежнему, встрѣчаются, но не доминируютъ, какъ въ предыдущій періодъ. Съ учрежденіемъ, по указу 24 іюня 1735 г., должности „совѣтниковъ“ кабинетской канцеляріи, послѣдніе нерѣдко „объявляютъ“, словесно и письменно, приказы Кабинета Сенату [1]), при чемъ,— что особенно характерно, — становятся сами между Кабинетомъ и Сенатомъ, отдавая послѣднему свои распоряженія до доклада Кабинету. Напр., „оберъ-секретарь Сената Севергинъ доложилъ Сенату, что-де 6 октября 1739 г. въ Кабинетѣ Ея Императорскаго Величества ему, оберъ-секретарю, было объявлено отъ д. с. с. фонъ-Бреверна (который состоялъ тогда совѣтникомъ канцеляріи Кабинета), чтобъ по доношенію Новгородской губерніи о предосторожности въ Олонецкомъ уѣздѣ.... отъ появившейся на людяхъ смертной заразы подтверждено было и изъ Правительствующаго Сената въ Новгородскую губернію“. Можно предположить, что здѣсь фонъ-Бревернъ передавалъ оберъ-секретарю приказъ самого Кабинета, который Сенатъ тотчасъ и исполнилъ: былъ заготовленъ протоколъ (содержавшій текстъ предполагаемаго къ отправленію указа), который присутствовавшіе сенаторы, выслушавъ, „апробовали и приказали оный объявить въ Кабинетѣ Ея Императорскаго Величества, съ которымъ и посланъ былъ помянутый-же оберъ-секретарь“... До сихъ поръ предъ нами одинъ изъ обычныхъ случаевъ взаимныхъ сношеній Кабинета и Сената. Но,— какъ видно изъ журнала Сената отъ 8 октября того-же года, гдѣ описано все вышесказанное,— дальше произошло слѣдующее: Севергинъ, возвратясь, донесъ, „что онъ тотъ прото-

[1]) Вотъ одинъ изъ такихъ письменныхъ приказовъ изъ Кабинета: „Господа кабинетные министры приказали, чтобъ изъ Пр. Сената въ Адмиралтейскую коллегію, о командующихся (sic) нынѣ въ Брянскъ, по требованію тамошней конторы, матросахъ посланъ былъ указъ, дабы оныхъ, для представленныхъ причинъ, о крайнемъ здѣсь при флотѣ недостаткѣ въ матросахъ, туда не посылать; и когда тѣ матросы для спуска внизъ по Днѣпру до пороговъ судовъ надобны, то мочно исправить оное работники, которыхъ въ пропитаніи лучше довольствовать и провизію морскую, которая потребна на матросовъ, мочно употребить на нихъ, а чтобъ не разбѣжались, придать къ нимъ на суда солдатъ и сверхъ того ихъ препоручить круговою порукою, и чтобъ тамъ, куда надлежитъ, указы послать. Подписано (на подлинникѣ) тако: Бревернъ. Марта 31 дня 1739 г.“ (Моск. Гл. Арх. Мин. ин. дѣлъ, дѣла бывш. Кабинета, 1739 г., № 46, л. 43).

колъ объявилъ помянутому д. ст. с. фонъ-Бреверну, который онъ, фонъ-Бревернъ, оставилъ у себя и объявилъ, что онъ по оному доложитъ господамъ министрамъ; однако-жъ де, чтобъ такое отправленіе, какъ въ ономъ протоколѣ написано, немедленно учинить, а ежели господа министры изволятъ разсудить, что къ тому еще дополнить, то-де можетъ быть отправлено впредь, на другой почтѣ". — „Приказали", добавляетъ къ этому журналъ, „о томъ съ чернаго протокола написать другой и къ подписанію доложить, а по подписаніи отправленіе по оному учинить сего-жъ числа"... [1]). Потому-ли, что вопросъ, на который давалось опредѣленіе въ упомянутомъ протоколѣ, требовалось разрѣшить быстро, по какой-ли другой причинѣ, но Сенатъ безпрекословно принялъ предложеніе (чтобъ не сказать больше) „совѣтника канцеляріи" и на основаніи его послалъ свой указъ.

Необходимо также отмѣтить, что вопросъ о формѣ сношеній Кабинета съ Сенатомъ въ концѣ этого періода обсуждался въ Кабинетѣ, при чемъ найдено было нужнымъ выдѣлить Правительствующій Сенатъ и его контору, какъ равно и Св. Синодъ, изъ ряда прочихъ учрежденій, что и понятно. Сенатъ въ это время все болѣе и болѣе являлся по отношенію къ Кабинету въ роли его ближайшаго и необходимаго помощника, къ которому самъ Кабинетъ постоянно долженъ былъ обращаться съ разнообразными порученіями, ясно свидѣтельствующими о силѣ, по крайней мѣрѣ, дѣлового значенія учрежденія; поэтому равнять, какъ его, такъ и Св. Синодъ, съ прочими учрежденіями, въ порядкѣ сношеній, и Кабинету казалось неудобнымъ. И вотъ въ одной кабинетской записи читаемъ, что „1739 г. іюня 17 дня приказано отъ господъ кабинетъ-министровъ въ Кабинетѣ записать въ журналъ, чтобъ за подписаніемъ ихъ, господъ кабинетъ-министровъ, о всякихъ дѣлахъ сообщеніями писать въ Правительствующій Сенатъ и въ Сенатскую контору и въ Св. Правительствующій Синодъ, а въ коллегіи, канцеляріи и конторы и въ губерніи, провинціи и въ прочія мѣста писать указами" [2]). Въ сущности, съ этого времени, какъ и раньше, эти „сообщенія" были тѣми же ука-

[1]) Сен. Арх. (СПБ., 1889 г.), т. II, стр. 25 и сл., № 15.

[2]) М. А. М. Ю., дѣла Пр. Сената по бывш. Кабинету, кн. 108/1185, л. 129; ср. Бумаги Кабинета, т. IX, стр. 563, и П. С. З., № 7869.

зами, такъ какъ почти всегда, извѣщая Сенатъ о томъ или иномъ фактѣ, или о „разсужденіи“ Кабинета по его поводу, Кабинетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и приказывалъ, или указывалъ, Сенату поступить здѣсь такъ или иначе; но сношенія посредствомъ сообщеній, по крайней мѣрѣ внѣшне, выдѣляли Правительствующій Сенатъ и Св. Синодъ изъ ряда другихъ учрежденій Имперіи [1]).

Какъ указано выше, на сообщенія Сената Кабинету, а также и на его доклады Ея Величеству, Кабинетъ отвѣчаетъ резолюціями, обозначавшимися на этихъ докладахъ или сообщеніяхъ. Высочайше утвержденные доклады Сената, хотя и встрѣчаются попрежнему, но уступаютъ, количественно, свое мѣсто резолюціямъ Кабинета. Резолюціи послѣдняго, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, лишь утверждаютъ мнѣнія Сената. Въ тѣхъ-же случаяхъ, когда Кабинетъ не соглашался въ чемъ-либо съ мнѣніемъ Сената, или когда не представлялось возможности въ самой резолюціи отмѣтить разницу между мнѣніемъ Сената и рѣшеніемъ Кабинета, послѣдній посылалъ особое „разсужденіе“ свое по данному вопросу Сенату, который и передѣлывалъ докладъ, или доношеніе, согласно этому „разсужденію“ [2]). Такъ, напр., въ одной

[1]) Какъ намъ кажется, это сдѣлалось не безъ вліянія А. П. Волынскаго. Раньше, до вступленія Волынскаго въ Кабинетъ, когда всѣмъ здѣсь правилъ Остерманъ, не любившій Сената, практика отношеній къ послѣднему весьма колебалась, что отражалось и на формѣ сношеній.

[2]) Иногда въ Кабинетѣ въ подобныхъ случаяхъ составлялись такія параллельныя записи: „1737 г., генваря 11 дня, прислано въ Кабинетъ изъ Сената определеніе объ опредѣленіи въ службу архіерейскихъ и монастырскихъ слугъ, поповскихъ и прочихъ такихъ дѣтей, которое въ Кабинетѣ слушано.

Въ опредѣленіи сенатскомъ, между прочимъ, написано:

1) чтобы для произведенія на умершія мѣста при церквахъ въ попы и прочій церковный причетъ изъ недѣйствительныхъ толикое-жъ число, сколько дѣйствительно служащихъ при каждой церкви быть опредѣлено, по разсмотрѣніи въ церковную службу достойныхъ; 2) которые изъ помянутыхъ чиновъ до сего времени опредѣлены въ Синодѣ и въ прочихъ подчиненныхъ Синоду мѣстахъ и въ архіерейскихъ домѣхъ канцеляристами, тѣхъ въ службу не брать.

Отъ Кабинета Правительствующему Сенату въ разсужденіе представлено:

чтобъ на убылыя мѣста писать изъ дѣтей при церквахъ опредѣленныхъ, а чего не достанетъ, то изъ недѣйствительныхъ.

Изъ подьячихъ и изъ другихъ чиновъ только тѣхъ не брать, которые до состоянія сего указа опредѣлены. А дѣтей ихъ переписать, чтобъ сколько ихъ можно вѣдать. И ежели что изъ того за благо принято будетъ, то-бъ тому и опредѣленіе учинили“.

(М. А. М. Ю., дѣла Пр. Сената по бывш. Кабинету, кн. 18/1095, л. 520).

записи кабинетскихъ приказовъ читаемъ, что „приказано отъ гг. кабинетъ-министровъ поданное изъ Сената доношеніе объ отысканіи земли въ Америкѣ, по доношенію жида Абрагама, возвратить для того, что разсужденіе сенатское весьма не въ такой силѣ, какъ по указу, данному за собственною Ея Императорскаго Величества высокою рукою [1]), имѣть повелѣно, понеже надлежитъ о томъ разсуждать: 1) о возможности произведенія онаго, какимъ образомъ отправленныхъ туда людей пропитывать, ибо тамъ хлѣбъ не родится, а тамошняго коренья ѣсть не обыкли; 2) не можетъ-ли быть отъ другихъ государей, которые близъ тѣхъ мѣстъ населенія имѣютъ,за противно принято быть; 3) какая польза государству отъ того произойти можетъ; 4) сыскивать способы, кто изъ купцовъ компаніею товары свои отпустить пожелаютъ и на своихъ собственныхъ проторяхъ одинъ или нѣсколько кораблей купецкихъ отправить пожелаютъ. И когда все сіе будетъ разсуждено, тогда надлежитъ доложить Ея Императорскому Величеству, а безъ того никакой резолюціи учинить невозможно". Въ другомъ случаѣ поданный Сенатомъ докладъ Кабинету о дачѣ жалованья бывшему президенту Комерцъ-коллегіи, Ильѣ Исаеву, повелѣно возвратить „для того, что, имѣя о такихъ дѣлахъ точные указы, представлять не надлежитъ" [2]). Нерѣдки случаи возвращенія докладовъ или доношеній Сената для дополненія ихъ тѣми или иными данными, а также и „мнѣніями" самого Сената, когда ихъ представлено почему-либо Кабинету не было [3]).

Обращаясь къ указамъ, или сообщеніямъ Кабинета Сенату, надо замѣтить, что они по большей части содержали въ себѣ разнаго рода порученія по разсмотрѣнію (а иногда и рѣшенію) тѣхъ или иныхъ прошеній, доношеній и т. д., которыя поступали въ Кабинетъ, а также требовали представленія мнѣній Сената, собранія справокъ и пр. Въ Кабинетъ, напр., поступило прошеніе нѣкоего лифляндца Роламба о разсмотрѣніи въ Сенатѣ дѣла по пожалованной еще Петромъ I сыну его

[1]) Именно, 20 декабря 1736 г. повелѣно было Императрицею разсмотрѣть въ Сенатѣ два донесенія Абрагама о никѣмъ не занятой въ Америкѣ землѣ на одномъ островѣ, на которомъ возможно устроить поселеніе для развитія русской торговли въ томъ краѣ (Бумаги Кабинета, т. V, стр. 632).

[2]) Оба указанныхъ случая см. М. А. М. Ю., журналы Пр. Сената, кн. 65/1142, л. 538 и сл., 19 апрѣля 1738 г.

[3]) Ibid., дѣла Пр. Сената по бывш. Кабинету, кн. 18/1095, л. 384 и сл.

„маетности Пурце или Изенгофъ“. Кабинетъ отослалъ это прошеніе въ Сенатъ съ своею резолюціею, въ которой требовалъ по нему „немедленное разсмотрѣніе и рѣшеніе учинить“ и указывалъ, какъ должно быть разрѣшено это дѣло, „ежели“, впрочемъ, „обстоятельства дѣла такъ, какъ въ ономъ прошеніи показано, состоятъ“ [1]). Или, напр., еще въ маѣ 1738 г. Кабинетъ сообщилъ Сенату, вслѣдствіе доношенія генерала Румянцова, о необходимости отправить въ Малую Россію и въ великороссійскія губерніи, „къ Украйнѣ лежащія“, указы о сыскѣ бѣглыхъ изъ слободскихъ полковъ и отсылкѣ ихъ немедленно на прежнія жилища. Затѣмъ, черезъ полгода гр. Минихъ сообщилъ, что „въ нѣкоторыхъ малороссійскихъ мѣстахъ по Днѣпру и въ слободскихъ полкахъ по Донцу имѣется опасная (т. е. заразительная) болѣзнь, отъ которой надлежитъ имѣть осторожность, и что, ежели нынѣ бѣжавшихъ изъ слободскихъ полковъ и живущихъ въ Малой Россіи обывателей на прежнія жилиша ихъ вывозить, то немалой опасности отъ помянутой болѣзни подвержено; къ тому же, хотя оные въ нынѣшнее время туда и вышлются, то паки разбѣгутся“; поэтому Минихъ просилъ „высылку бѣглыхъ впредь до способныхъ конъюктуръ оставить“. Сообщая объ этомъ Сенату, Кабинетъ требуетъ его „мнѣнія“, указывая въ то же время, что по его „разсужденію“ возможно, при извѣстныхъ условіяхъ, удовлетворить прошеніе гр. Миниха [2]). Или, какъ читаемъ въ одномъ „сообщеніи“ Каби-

[1]) Приведемъ цѣликомъ эту резолюцію Кабинета, какъ образецъ другихъ, ей подобныхъ: „По сему прошенію (копія его приложена къ резолюціи) въ Пр. Сенатѣ немедленное разсмотрѣніе и рѣшеніе учинить, и ежели обстоятельства дѣла такъ, какъ въ ономъ прошеніи показано, состоятъ, и въ оной маетности Пурце ему, Роламбу, нетокмо одна его часть, но и прочія сонаслѣдниковъ части,—понеже сіе въ опредѣленное время о томъ не явилось,—изъ особливой къ нему милости, возвратно пожалованы, и на такомъ-же основаніи учиненная имъ и на одно его имя продажа той маетности надлежащимъ порядкомъ конфирмована, то въ томъ ему, Роламбу, отъ стороны сонаслѣдниковъ его нынѣ никакого спору быть (не можетъ) и оные, потерявъ свое, иногда имѣющее въ той маетности право, по причинѣ такому ему, Роламбу, всемилостивѣйшей учиненной реституціи, и потому воспослѣдованной и конфирмованной продажи, никакой претензіи на него, Роламба, учинить не могутъ“.—„Подписано тако: А. Остерманъ, кн. А. Черкасскій, Ар. Волынской. Апрѣля 9 дня, 1739 г.“ (Моск. Гл. Арх. Мин. ин. дѣлъ, дѣла бывш. Кабинета, 1739 г., связка № 46, л. 45 и сл.).

[2]) „Съ того его, генерала-фельдмаршала, доношенія прилагается при семъ, для надлежащаго Пр. Сената разсужденія, копія; какимъ-же образомъ о семъ дѣлѣ въ Пр. Сенатѣ поступить заблагоразсуждено будетъ, о томъ требуется въ Кабинетъ сообщеніе о томъ мнѣнія; а по разсужденію Кабинета,—ежели въ платежѣ подушныхъ денегъ, которыя въ слободскихъ полкахъ сбираются отъ того, что высылкою нынѣ изъ

нета Сенату, „при собраніи гг. кабинетныхъ министровъ и генерала и кавалера Ушакова было распечатано доношеніе, на конвертѣ коего значилось: „къ поданію Ея И. Величества“, а конвертъ этотъ былъ вложенъ въ другой, „подписанный на имя Кабинетъ-секретаря Ан. Яковлева“, и въ немъ была „цыдулка, другою рукою написанная, чтобъ по вложенному при томъ доношенію, гдѣ надлежитъ, доложить немедленно“. Въ доношеніи было извѣстіе „о нѣкоторыхъ интересныхъ дѣлахъ и народныхъ обидахъ“, посланное отъ воронежскаго купца Я. Гарденина на секретарей Даниловыхъ и другихъ лицъ. Кабинетъ передаетъ это „доношеніе“ Сенату для изслѣдованія, съ приказаніемъ подать въ Кабинетъ о немъ экстрактъ [1]).

Въ длинномъ ряду указовъ, а позднѣе — сообщеній, Кабинета Сенату обращаютъ на себя особенное вниманіе тѣ, въ которыхъ первый поручаетъ второму, то одному, то вмѣстѣ съ собою, или съ другими учрежденіями, разсмотрѣть тѣ или иные вопросы, требующіе законодательнаго или административнаго разрѣшенія. Такъ, Сенату дается Кабинетомъ указъ о разсмотрѣніи представленія извѣстнаго Татищева объ отдѣленіи отъ Казанской губерніи Уфимской, Вятской и Камской провинцій (тогдашнія губерніи, какъ извѣстно, подраздѣлялись на провинціи); или требуется отъ него разсмотрѣніе вѣдомостей, представленныхъ Штатсъ-конторою относительно содержанія Двора, придворныхъ конюшенъ, гвардейскихъ полковъ и пр., съ приказаніемъ доставить заключеніе о возможной отмѣнѣ или сокращеніи расходовъ по нѣкоторымъ статьямъ; либо приказывается обдумать, вмѣстѣ съ Адмиралтейскою и Комерцъ-коллегіями, какія мѣры надо предпринять, чтобы прекратить разбои русскихъ людей на Каспійскомъ морѣ; или, наконецъ, предписывается „обще“ съ Св. Синодомъ разсмотрѣть представленіе казанскаго губернатора о школѣ и мѣрахъ обращенія иновѣрцевъ въ христіанство, и т. д.

Малой Россіи бѣглыхъ удержатся, остановки и препятствія не будетъ—мнится, что для показанныхъ въ доношеніи ген.-фельдмаршала, гр. фонъ-Миниха, причинъ, до указу (т. е. временно) на то поступить возможно“ (ibid., связка № 45, л. 5 и об.); срав. Бумаги Кабинета, т. IX, стр. 96.

[1]) Небезъинтересно, для характеристики тогдашнихъ нравовъ, добавить, что Сенатъ, исполняя приказъ Кабинета, нашелъ нужнымъ также „наикрѣпчайше изслѣдовать“ не только по существу доноса, но и по вопросу о томъ, кто его, Гарденина, такое доношеніе писать и подъ такимъ видомъ посылать научалъ и пр. (М. А. М. Ю., журн. и пр. Сената, кн. 261/2142, л. 472).

Эти порученія, постоянно даваемыя Кабинетомъ Сенату, въ связи съ тѣми общими совѣщаніями членовъ обоихъ учрежденій, какія время отъ времени практикуются какъ въ разсматриваемый періодъ, такъ и раньше, и результатомъ коихъ являются указы, подписанные Кабинетомъ и Сенатомъ вмѣстѣ [1]), служатъ, на нашъ взглядъ, отличною иллюстраціею того важнаго значенія, какое и въ это время, какъ и раньше (въ правленіе В. Т. Совѣта), признается за Сенатомъ, безъ дѣятельной и постоянной помощи коего Кабинетъ трехъ, а нерѣдко и двухъ, министровъ обойтись не можетъ въ управленіи сложными и многочисленными дѣлами обширнаго государства. Кабинетъ могъ, конечно, -частію въ силу своего положенія при особѣ Государыни, частію въ силу ревности министровъ, о которой такъ откровенно, какъ укажемъ ниже, засвидѣтельствовалъ А. П. Волынскій, –сосредоточить въ своей канцеляріи самыя разнообразныя дѣла управленія; но всегда разсматривать ихъ подробно и обстоятельно, а затѣмъ и давать по всѣмъ этимъ дѣламъ свои мотивированныя мнѣнія и рѣшенія, не было у него ни времени, ни силъ. Поэтому одни изъ этихъ дѣлъ онъ отдавалъ на рѣшеніе Сената, по другимъ требовалъ представленія „мнѣній", со всѣми нужными данными и справками, какъ отъ Сената, такъ и отъ другихъ учрежденій, которыя съ нимъ „обще" ихъ разработывали.

Кабинетъ, такимъ образомъ, слагая съ себя всю тяжесть подготовительныхъ работъ по составленію этихъ мнѣній и докладовъ, весьма нерѣдко очень обширныхъ и сложныхъ, оставлялъ, однако, за собою общее руководительство дѣлами, направляя ихъ по своему и наблюдая за быстрымъ, по возможности, ихъ разрѣшеніемъ. Близость къ Верховной власти давала, конечно, Кабинету возможность настаивать на исполненіи своихъ требованій. Когда, напримѣръ, обнаружилось, что Сенатъ медлитъ расплатою съ подрядчиками, поставлявшими матеріалъ для строенія Кронштадтскаго канала,— несмотря на доношенія Адмиралтейской коллегіи и сообщеніе Кабинета Сенату по поводу этого, —„приказано отъ гг. кабинетъ-

[1]) Примѣры „общихъ" разсужденій Сената съ другими учрежденіями см. П. С. З. № 7183; М. А. М. Ю., жур. и приг. Сената, кн. 202/2033, л. 4.; ib., дѣла Пр. Сената по быв. Кабинету, кн. 98/1175, л. 560. По отдѣльнымъ вопросамъ совѣщанія членовъ Кабинета и Сената, а затѣмъ и общія „мнѣнія", постановлялись не въ Кабинетѣ, а на дому у отдѣльныхъ министровъ (напр., у А. И. Остермана).

министровъ объявить гг. сенаторамъ, чтобъ они (подрядчиковъ) удовольствовали деньгами, а ежели подрядчики заплатою вскорѣ удовольствованы не будутъ и станутъ просить въ Кабинетѣ, тогда о семъ представлено будетъ Ея И. Величеству" [1]). Или, когда въ другой разъ обнаружились безпорядки въ управленіи секретарской части Сената, Кабинетъ, сдѣлавъ замѣчаніе, чтобы впредь секретари „не такъ дѣла слѣдовали, чтобъ токмо указы объ исполненіи отправлены и потомъ забвенію преданы, но дабы всегда о всякомъ дѣлѣ въ память имѣть и стараться и представлять, чтобъ они въ тѣхъ мѣстахъ, дѣйствительно, исполнены были",—потребовалъ отъ Сената немедленнаго доставленія ему ихъ формулярныхъ списковъ.

Иногда замѣчанія, дѣлавшіяся Сенату хотя и отъ имени Государыни, но, однако, черезъ Кабинетъ, принимали рѣзкую форму. Такъ было 11 декабря 1738 г., когда былъ „призыванъ въ Кабинетъ оберъ-прокуроръ (Сената) Соймоновъ, которому объявлено, что Ея Императорскому Величеству извѣстно учинилось, что гг. сенаторы въ присутствіи своемъ въ Правительствующемъ Сенатѣ неблагочинно сидятъ, и когда читаютъ дѣла, они тогда объ нихъ не внимаютъ для того, что имѣютъ между собою партикулярные разговоры и при томъ крики и шумы чинятъ, а потомъ велятъ тѣ дѣла читать вновь, отчего въ дѣлахъ продолженіе и остановка чинится. Тако жъ въ Сенатъ пріѣзжаютъ поздно и не дѣла дѣлаютъ, но ѣдятъ сухіе снятки, крендели и рябчики и указныхъ часовъ не высиживаютъ, а оберъ-прокуроръ Соймоновъ въ томъ имъ, по должности своей, не воспрещаетъ и, ежели-бъ кто изъ сенаторовъ предложенія его не послушалъ, на нихъ не протестуетъ. Того ради Е. И. В. указала объявить ему со гнѣвомъ и дабы впредь никому въ томъ не упущалъ и о скорѣйшемъ исправленіи дѣлъ трудъ и радѣніе имѣлъ; а ежели кто изъ сенаторовъ что противно будутъ чинить, о томъ бы протестовалъ и записывалъ въ журналъ и всеподданнѣйше Е. И. В. доносилъ" [2]).

Въ заключеніе позволимъ себѣ привести взглядъ современниковъ на взаимныя отношенія между Правительствующимъ

[1]) М. А. М. Ю., дѣла Пр. Сената по быв. Кабинету, кн. 18/1095, л. 511, 1 іюля 1737 г.

[2]) Бумаги Кабинета министровъ, томъ VIII, стр. 477; срав. А. Н. Филипповъ, „А. П. Волынскій, какъ кабинетъ-министръ" (Историч. Вѣстн., 1901 г., май, стр. 566 и сл.).

Сенатомъ и Кабинетомъ. По словамъ извѣстнаго доклада, поданнаго Елисаветѣ Петровнѣ, „по учрежденіи сперва Верховнаго Тайнаго Совѣта, а потомъ Кабинета (ибо хотя имена разныя, а дѣйство почти одно въ обоихъ было), Сенатъ остался уже не въ такой силѣ, какъ прежде было блаженныя и вѣчно достойныя памяти отъ Государя Императора Петра Великаго учреждено. Но всѣ подлежащіе къ собственному Ея Величества дѣлъ рѣшенію доклады подаваемы были чрезъ Кабинетъ, изъ которыхъ многіе, по разсужденію министровъ, возвращены были съ ихъ резолюціями и иные-жъ и безъ резолюцій паки были отдаваемы, съ одними словесными приказами ко изъясненію; а по инымъ въ Кабинетѣ справки собиралися и объ одномъ дѣлѣ бывало взношено изъ Сената докладовъ или сообщеній по два и по три, но по многимъ, нужнѣйшимъ, чрезъ долгое время резолюціи получаемо не было; а по инымъ, хотя резолюціи и получалися, токмо зѣло темныя, съ такими затруднительными запросами, что не токмо въ нѣсколько мѣсяцевъ, но ниже чрезъ нѣсколько лѣтъ, исправиться не можно. Сверхъ-же того, мимо Сената, прямо изъ Кабинета, посыланы были не токмо въ коллегіи, но и въ самыя подчиненныя мѣста, и въ губерніи и въ провинціи, о разныхъ дѣлахъ указы, по которымъ чинено исполненіе, о чемъ въ Сенатѣ и извѣстія никакого не было, и репорты, тако-жъ и доклады, подаваны мимо Сената изъ тѣхъ мѣстъ прямо въ Кабинетъ, а Сенату о томъ вѣдать было не давано, отъ чего произошли великіе непорядки. Еще же о разныхъ дѣлахъ, не давая Сенату знать, чинены въ разныхъ мѣстахъ многія слѣдствія, кои, по окончаніи, велѣно было изъ тѣхъ мѣстъ присылать прямо въ Кабинетъ; но какъ въ Кабинетъ бывали присыланы, тогда изъ онаго присыланы были для разсмотрѣнія въ Сенатъ, отъ чего въ сенатскихъ настоящихъ дѣлахъ многое помѣшательство и остановка произошла, ибо что было надлежало, разсмотря, рѣшить которой коллегіи, то все, по резолюціямъ кабинетнымъ, принуждено разсматривать въ Сенатѣ. Что-жъ должно было прежде разсмотрѣно быть въ Сенатѣ, яко то постановленіе новыхъ регламентовъ, инструкцій и прочаго, къ вѣчности подлежащаго, то изъ коллегій и изъ прочихъ мѣстъ подавано было прямо въ Кабинетъ, гдѣ и апробовано бывало. И тако никакихъ непорядковъ не токмо за всѣмъ государствомъ, но и за ближними

коллегіями Сенату усмотрѣть невозможно и чрезъ такое учрежденіе обѣихъ тѣхъ мѣстъ (яко то Верховнаго Совѣта, а потомъ Кабинета) не иное что, но токмо дѣламъ продолженіе и бѣднымъ челобитчикамъ лишняя волокита послѣдовала" [1]).

Если сопоставить эти слова со словами А. П. Волынскаго въ его „генеральномъ проектѣ" преобразованія, что министры „натащили на себя много дѣлъ, и неподлежащихъ" имъ, „а что съ ними дѣлать—сами не знаютъ" [2]), а также принять во вниманіе приведенные нами выше факты отношеній Кабинета къ Сенату, то всѣ эти мнѣнія современниковъ найдутъ себѣ достаточное оправданіе, въ особенности по отношенію ко второй половинѣ дѣятельности Кабинета. Конечно, въ приведенномъ выше докладѣ нѣкоторыя замѣчанія не должны приниматься цѣликомъ, такъ какъ представляются слишкомъ субъективными. Такъ, на нашъ взглядъ, нельзя вполнѣ согласиться съ мнѣніемъ доклада, что послѣ учрежденія Кабинета „послѣдовала бѣднымъ челобитчикамъ лишняя волокита", такъ какъ изъ другихъ данныхъ извѣстно, что самъ Сенатъ былъ весьма склоненъ къ промедленіямъ въ рѣшеніи „челобитчиковыхъ дѣлъ", а Кабинетъ очень энергично побуждалъ его рѣшать эти дѣла быстрѣе. Наоборотъ, утвержденіе доклада, что коллегіи ускользали изъ-подъ сенатскаго контроля, благодаря пріемамъ дѣлопроизводства, принятымъ Кабинетомъ, а также что Сенатъ былъ утруждаемъ производствомъ дѣлъ, начатыхъ Кабинетомъ „мимо Сената"и пр., представляется совершенно вѣрнымъ, хотя опять-таки самъ Сенатъ не очень-то успѣшно справлялся съ этимъ контролемъ надъ коллегіями.

Вполнѣ вѣрно и то, что Кабинетомъ отдавались приказы о производствѣ сложныхъ слѣдствій о разнаго рода злоупотребленіяхъ, разбираться-же въ собранныхъ матеріалахъ по этимъ слѣдствіямъ приходилось Сенату, который этимъ сильно отвлекался отъ собственныхъ дѣлъ [3]). Заслуживаетъ упоминанія, конечно, и тотъ фактъ, что, хотя Императрицею и велѣно было Сенату „важныя дѣла слушать и мнѣнія свои письменно давать и съ тѣмъ посылать и разсужденія требовать отъ кабинетъ-министровъ",

[1]) А. Н. Филипповъ, Докладъ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ (Журн. Мин. Н. Просв., 1897 г., № 2, стр. 287 и сл.).

[2]) Д. А. Корсаковъ, „А. П. Волынскій", Древняя и Новая Россія, 1877 г., № 8.

[3]) А. Н. Филипповъ, Новыя данныя о Кабинетѣ министровъ Императрицы Анны Іоанновны. Русская Мысль, 1901 г., кн. XII, стр. 8 и сл.; сравн. Бумаги Кабинета, т. X, стр. XXXVII и сл.

почему кабинетъ-министры нѣсколько разъ „обще съ Сенатомъ и опредѣленія крѣпили“, но,—по заключенію доклада,—„онаго чинено зѣло мало“... Впрочемъ, самъ Сенатъ, въ своихъ докладахъ, постоянно требовалъ этого „общаго разсужденія“.

Въ общемъ приведенный выше докладъ, въ связи съ другими данными, наглядно показываетъ, какую путаницу въ отношенія между инстанціями вводилъ своими распоряженіями Кабинетъ министровъ, какъ непосильно было ему выполненіе той громадной задачи, какую онъ бралъ на себя по управленію и контролю, и какъ, наконецъ, ему самому поневолѣ приходилось вновь обращаться къ Сенату, какъ единственному учрежденію, которое могло, худо или хорошо, разобраться въ этой путаницѣ и въ этой массѣ сложныхъ дѣлъ управленія. Современники живо чувствовали на самихъ себѣ всѣ невыгоды этихъ „помѣшательствъ и остановокъ“ въ дѣлахъ, а потому, естественно, рѣзко ихъ осуждали, требуя возстановленія Правительствующаго Сената „на прежнихъ основаніяхъ“, данныхъ Петромъ Великимъ.

Царствованіе Іоанна Антоновича не могло внести большихъ перемѣнъ во взаимныя отношенія Кабинета и Сената, какъ по своей кратковременности, такъ и потому, что оно само распалось на два непродолжительныхъ регентства [1]); но нѣкоторыя измѣненія могутъ быть, однако, уловлены. Сенатъ теперь, какъ и со второй половины царствованія Анны, не стоитъ въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ Верховной власти и сносится съ нею черезъ Кабинетъ, являющійся сначала совѣтомъ герцога Бирона, а затѣмъ—принцессы Анны Леопольдовны. Въ правленіе перваго онъ получаетъ „именные Е. И. В. указы, за подписаніемъ, именемъ Е. И. В., его высочества регента Россійской Имперіи и герцога Курляндскаго, Лифляндскаго и Семигальскаго“, а равно и его резолюціи на доклады Пр. Сената, причемъ какъ эти доклады, такъ и формуляры указовъ вносятся въ Кабинетъ и оттуда, по утвержденіи, возвращаются въ Сенатъ. Въ журналѣ Сената, отъ 24 октября 1740 г., читаемъ, напр., что „оберъ-секретарь Севергинъ Пр. Сенату доносилъ, что взнесенный изъ Сената въ Кабинетъ печатный указъ о правосудіи изъ Каби-

[1]) Какъ извѣстно, Елисавета Петровна, по докладу Пр. Сената, повелѣла именовать время съ 17 октября по 9 ноября 1740 г. „правленіемъ бывшаго герцога Курляндскаго“, а время съ 9 ноября 1740 г. по 25 ноября 1741 г.—„правленіемъ принцессы Анны Браунівейгъ-Люнебургской“ (П. С. З., № 8478).

нета возвращенъ съ нимъ, который г.г. кабинетъ-министры, апробовавъ, изволили приказать напечатать и въ надлежащія мѣста разсылать немедленно"; или, „по сообщенію изъ Кабинета Е. И. В." Сенатъ „приказалъ: по приложенному при ономъ реестру секретарей и канцелярскихъ служителей и чиновъ, собравъ въ Сенатъ, отослать въ учрежденную комиссію для приготовленія къ погребенію Императрицы Анны Іоанновны" [1])... Въ указанныхъ случаяхъ, какъ и во многихъ другихъ, мы видимъ тѣ же формы сношеній Кабинета и Сената, какія установились во второй половинѣ царствованія Анны Іоанновны; поэтому мы не будемъ на нихъ останавливаться.

Но есть, какъ сказано, и нѣкоторыя измѣненія. Въ журналѣ Сената отъ 31 октября 1740 г. отмѣчено, что одни сенаторы „вышли" изъ Сената, а другіе не были на засѣданіи „затѣмъ, что, по повѣсткѣ, поѣхали въ аппартаментъ его высочества регента Россійской Имперіи, герцога Курляндскаго" [2]). Регентъ Имперіи чувствовалъ, повидимому, необходимость въ содѣйствіи наличныхъ высшихъ учрежденій и лицъ. Это наглядно выражалось какъ въ совѣщаніяхъ, какія онъ имѣлъ съ сенаторами, такъ и въ рядѣ слѣдующихъ характерныхъ фактовъ. Манифестъ о кончинѣ Анны Іоанновны явился изъ Кабинета „за подписаніемъ всего министерства и генералитета" (въ числѣ послѣдняго были и сенаторы); приговоръ Кабинета о титулованіи регента Россійской Имперіи, Эрнста-Іоганна Бирона, былъ отданъ въ Кабинетѣ оберъ-секретарю Сената за подписаніемъ „собранія кабинетъ-министровъ, св. Синода, Пр. Сената, генералъ-фельдмаршаловъ и прочаго генералитета". Въ журнальныхъ записяхъ Сената отмѣчено событіе, не имѣвшее прецедента въ предыдущее царствованіе: 6 ноября 1740 г., за три дня до своего низложенія, „въ собраніе Пр. Сената изволилъ прибыть его высочество регентъ Россійской Имперіи, герцогъ Курляндскій, при немъ гг. кабинетные министры (Черкасскій и Бестужевъ-Рюминъ), и въ присутствіе свое его высочество изволилъ слушать доклады Пр. Сената....., на которыхъ его высочество и резолюціи подписать изволилъ" (въ царствованіе Анны Іоанновны сенаторы призывались

[1]) Сенатскій Архивъ (СПБ., 1889 г.), т. II, стр. 52 и сл.; срав. также стр. 57 и сл., 68 и сл.
[2]) Ibidem, стр. 79.

въ Кабинетъ, но сами министры не являлись въ Сенатъ) [1]. Эти и другіе, имъ подобные, факты свидѣтельствуютъ о стремленіи Бирона и его Кабинета опираться на авторитетъ другихъ учрежденій и лицъ, въ чемъ не нуждался Кабинетъ при Аннѣ...

Что касается слѣдующаго момента—правленія Анны Леопольдовны и ея „перваго министра" гр. Миниха и потомъ гр. Остермана, то совершенно невѣрнымъ является утвержденіе покойнаго А. Д. Градовскаго (вполнѣ, впрочемъ, оправдываемое для его времени, когда такъ мало было извѣстно архивныхъ актовъ сенатской дѣятельности), что „вновь преобразованный Кабинетъ, подъ руководствомъ энергичнаго фельдмаршала, наполнилъ государство и присутственныя мѣста своими указами, иногда переходящими въ регламентаторскую дѣятельность; рѣдко въ теченіе всего управленія Анны Леопольдовны можно встрѣтить сенатскій указъ—все занято распоряженіями Кабинета" [2]). Рѣдко,—если удовольствоваться данными Полнаго собранія законовъ, какъ приходилось дѣлать А. Д. Градовскому; не менѣе часто, чѣмъ прежде,—если обратиться къ подлиннымъ документамъ дѣлопроизводства Сената [3]). При этомъ также нельзя упускать изъ вида и того обстоятельства, что, какъ извѣстно, гр. Минихъ уже указомъ 3 марта 1741 г. былъ уволенъ отъ всѣхъ „воинскихъ и статскихъ дѣлъ", пробывъ менѣе 4-хъ мѣсяцевъ „первымъ министромъ", а затѣмъ остальное время правленія Анны Леопольдовны настоящимъ главою Кабинета являлся, попрежнему, Остерманъ. Естественно, что отношенія Кабинета къ Сенату, поскольку на нихъ отражались перемѣны въ составѣ перваго, уже въ силу этого стали принимать тотъ же характеръ, какой установился ранѣе, а именно съ 1735 г. Еслибы правленіе Бирона продолжалось далѣе, то можно предположить, что значеніе Сената нѣсколько усилилось бы; наоборотъ, еслибы правленіе Анны Леопольдовны было болѣе продолжительно, то незначитель-

[1]) Сенатскій Архивъ (СПБ.; 1889 г.), т. II, стр. 43 и сл., стр. 103 и сл.

[2]) А. Д. Градовскій, Высшая администрація и пр., стр. 161.

[3]) Какъ въ вышеуказанномъ II томѣ Сенатскаго Архива (стр. 113—647), такъ и въ слѣдующихъ томахъ III, IV и V (стр. 1—300), мы находимъ множество сенатскихъ приговоровъ и указовъ, опровергающихъ вполнѣ мнѣніе Градовскаго; срав. также статьи А. И. Пестова. „Императорскій Кабинетъ" и В. С. Лазовскаго: „Правительствующій Сенатъ" въ книгѣ „Внутренній бытъ русскаго государства съ 17 октября 1740 г. по 25 ноября 1741 г." (М., 1886 г.).

Императоръ Іоаннъ Антоновичъ.

ность личности правительницы, въ связи съ большимъ авторитетомъ и энергіею Остермана, стоявшаго во главѣ созданнаго имъ Кабинета, могло-бы повести къ большему измѣненію въ положеніи Сената, какъ цѣлаго. Въ бумагахъ Остермана сохранился проектъ именного указа, безъ даты, но имѣющій въ концѣ своемъ слова „Именемъ Его Императорскаго Величества", т. е. Іоанна Антоновича. Проектъ этотъ, сообщенный Остерману, имѣлъ цѣлью раздѣлить Сенатъ на 4 экспедиціи. Въ отвѣтъ на него, Остерманъ написалъ, между прочимъ, слѣдующее: „по содержанію" (проекта) „изъ Сената 4 Сената или 4 экспедиціи учреждено (быть имѣетъ) и чего сіи экспедиціи рѣшить не могутъ, то въ пятомъ, а именно въ полномъ собраніи рѣшено быть имѣетъ. Всякая изъ сихъ экспедицій въ четырехъ персонахъ, а пятая изъ всѣхъ четырехъ вмѣстѣ состоять имѣютъ; одинъ изъ сенаторовъ помѣсячно надзираніе надъ всѣми 4 канцеляріями имѣть, а потомъ въ того мѣсто, который его смѣнитъ, вступить долженъ. Изъ сего польза быть можетъ; однакожъ, при томъ о многомъ упомянуть потребно"... Затѣмъ Остерманъ говоритъ по поводу проекта такъ: „Я во всю мою жизнь къ тому склоненъ былъ, чтобъ въ коллегіяхъ и въ самомъ Сенатѣ дѣла между членами въ нѣкоторые департаменты раздѣлены были, какъ то въ другихъ краяхъ отправляется, и такимъ образомъ дѣла скорѣе и при томъ съ совершеннымъ разсмотрѣніемъ отправляемы будутъ. Мои малыя мнѣнія къ тому клонятся, что для скорѣйшаго и порядочнаго разсмотрѣнія дѣлъ потребно, чтобъ при коллегіяхъ начали ихъ инструкціи и порядокъ, какимъ дѣла отправляются, разсматривать и притомъ потребное прибавлять, а излишнее убавлять. По тому дѣла и въ Сенатѣ учредить можно. Множество членовъ не всегда рѣшитъ, и нѣкогда въ отправленіи оныхъ вящше препятствуетъ, нежели спѣшествуетъ" [1]). Такимъ образомъ, измѣненія въ устройствѣ Сената должны были быть весьма значительны. Они не осуществились, и Сенатъ въ слѣдующее царствованіе получилъ иное положеніе; но ихъ нельзя не отмѣтить, такъ какъ они бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на взглядъ Остермана на Сенатъ въ правленіе Анны Леопольдовны, когда, въ сущности, по увольненіи гр. Миниха, настоящимъ регентомъ былъ онъ самъ.

[1]) Гос. Арх., разр. XVI, № 156, л. 1 и сл.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о взаимныхъ отношеніяхъ Кабинета и Сената въ указанное регентство.

Сенатъ, по прежнему, получаетъ „отъ г.г. кабинетныхъ министровъ“ приказы и сообщенія, вноситъ въ Кабинетъ свои доклады и проекты указовъ, инструкцій и пр. [1]). Резолюціи на докладахъ, а равно и именные указы подписываются самою правительницею, именемъ Государя [2]). Въ журналѣ отъ 29 апрѣля 1741 г. читаемъ, что кн. Черкасскій разсматривалъ поданную изъ Сената „инструкцію ген.-майору Шипову, какъ ему, будучи въ Сибири губернаторомъ, поступать, и мнѣніе свое объявилъ“ на отдѣльные пункты, несогласное съ мнѣніемъ Сената. Или, другой кабинетъ-министръ, гр. М. Г. Головкинъ, „слушавъ поданную изъ Сената вѣдомость о доимкахъ, изволилъ разсудить: быть (по отдѣльнымъ пунктамъ) по мнѣнію сенатскому“, или „учинить по мнѣнію сенатскому“. Въ журналѣ отъ 16 іюня сказано, что „взносятся изъ Сената, для подписанія, Ея Императорскому Высочеству, Государынѣ Великой Княгинѣ и Правительницѣ всея Россіи, патенты штатскимъ чинамъ, которые контрасигнируетъ первый изъ сенаторовъ, генералъ Чернышевъ. А понеже воинскимъ чинамъ патенты контрасигнируетъ Военной коллегіи вице-президентъ ген.-лейт. Игнатьевъ, а сверхъ того оные изволитъ подписывать Е. И. Высочество генералиссимусъ и по тому оные предлагаются для подписанія Е. И. В., а понеже Е. И. Выс. генералиссимусъ не токмо надъ военными, но и надъ всѣми штатскими чинами главную дирекцію имѣетъ, того ради, мнится, что и штатскимъ чинамъ патенты Е. И. В. такъ, какъ и воинскимъ чинамъ, подписывать пристойно, токмо чтобъ та Е. И. Выс. подписка была не весьма низка, но повыше контрасигнированія“ [3]). Въ Сенатъ же отсылаются Кабинетомъ челобитья для соотвѣтствующаго разсмотрѣнія и рѣшенія по указамъ [4]); отъ него запрашиваются всякаго рода вѣдомости, справки, мнѣнія, причемъ Кабинетъ, не соглашаясь иногда съ сообщеніями Сената, требуетъ представленія новыхъ. Такъ, въ январѣ 1741 г., Сенатъ сообщилъ Кабинету о необходимости

[1]) Арх. Сен., Высоч. указы и повел. въ копіяхъ, копіи съ журналовъ 1741 г., кн. 140, л. 1, 8, 13 об., 14, 20, 58 и мн. др.

[2]) Сенатскій Архивъ, т. II, стр. 115, 377, 457 и др.; т. III, стр. 89, 185 и мн. др.

[3]) Арх. Сен., Высоч. указы и повел. въ копіяхъ, кн. 140, л. 131 и сл., л. 9 об., 11 об., 177 об. и сл.

[4]) Ibidem, л. 84, 127, 148 и сл., 178 и сл.

возвратить изъ оренбургской экспедиціи взятыхъ изъ тобольскаго гарнизона 613 ч. рядовыхъ съ оберъ-и унтеръ-офицерами въ виду неспокойствія среди калмыковъ. Кабинетъ, найдя, что „нынѣ оныхъ людей изъ той оренбургской экспедиціи, для опасности башкирскаго неспокойствія, отлучить невозможно", потребовалъ „для того въ Пр. Сенатѣ имѣть разсужденіе, чтобъ отъ вышеупомянутыхъ калмыковъ надлежащая предосторожность учинена была, кромѣ тѣхъ людей, другими имѣющимися въ Сибирской губерніи служилыми людьми, или, сыскавъ другой къ тому потребный способъ, немедленное о томъ опредѣленіе учинить; а ежели затѣмъ рѣшенія учинить будетъ невозможно, то какъ оную предосторожность имѣть—представить въ Кабинетъ". Въ другой разъ, обсудивъ сообщеніе Сената о прокурорахъ, Кабинетъ потребовалъ представленія ему мнѣнія, „надлежитъ-ли впредь онымъ прокурорамъ быть и во всѣхъ-ли мѣстахъ, и буде не надлежитъ, то, вмѣсто оныхъ, для лучшаго порядка, какіе чины потребно опредѣлить" [1]).

Разсматривая, въ цѣломъ, журналы какъ Кабинета, такъ и Пр. Сената за 1741 г., нельзя не замѣтить, что, если формально отношенія указанныхъ учрежденій остались тѣми-же, какими они были во второй половинѣ царствованія Анны Іоанновны, то Кабинетъ прибѣгалъ теперь къ помощи Сената едва-ли не въ бо̀льшей степени, чѣмъ раньше, а самъ Сенатъ разрѣшалъ цѣлый рядъ дѣлъ, независимо отъ Кабинета.

Ковчегъ печати времени
Анны Іоанновны.

[1]) Арх. Сен., Высоч. указы и повел. въ копіяхъ, кн. 140, л. 14 об., 30.

ГЛАВА III.

Устройство и дѣлопроизводство Сената по учрежденіи Кабинета.

I. Составъ Сената; раздѣленіе его на два Сената. II. Вопросъ о департаментахъ. III. Назначеніе сенаторовъ; вопросъ о ихъ жалованьѣ. IV. Сенатская контора. V. Канцелярія Сената. VI. Дѣлопроизводство Сената.

I. Составъ Сената; раздѣленіе его на два Сената.

Мы уже имѣли случай отмѣчать, какъ непроченъ оказался первоначальный составъ Сената, имѣвшій 21 члена. Съ образованіемъ 18 октября 1731 г. Кабинета онъ равнялся уже всего 12 человѣкамъ, при чемъ, по отъѣздѣ Государыни изъ Москвы въ Петербургъ, это число подраздѣлилось на 2 равныя части. Именно,— въ журналѣ Кабинета отъ 17 ноября 1731 г. читаемъ, что „отъ Е. И. В. прислана записка, писанная собственною Е. В. рукою, кому изъ членовъ сенатскихъ Е. И. В. изволила указать ѣхать за собою въ С.-Петербургъ, и приказано изъ той записки переписать имена особъ на бѣлый реестръ и чтобъ имъ стать тамъ генваря къ 19 числу 1732 г.“ [1]). Собственноручной записки Государыни мы, къ сожалѣнію, не нашли; но въ Государственномъ архивѣ сохранилась роспись „напримѣръ, кому изъ сенаторей Ея И. В. въ С.-Петербургъ слѣдовать и которымъ оставаться въ Москвѣ“. Изъ этой росписи, составленной, повидимому, Остерманомъ передъ образованіемъ Кабинета (такъ какъ въ

[1]) Бумаги Кабинета министровъ, т. I, стр. 23.

него, въ качествѣ сенаторовъ, входятъ еще 3 будущихъ кабинетъ-министра), видно, что въ Петербургъ должны были отправиться: ген.-фельдмаршалъ кн. В. Вл. Долгорукій, кн. Д. М. Голицынъ, А. И. Ушаковъ, кн. Ю. Ю. Трубецкой, гр. М. Г. Головкинъ и кн. А. И. Шаховской, а въ Москвѣ должны остаться: ген.-фельдмаршалъ кн. Ив. Ю. Трубецкой, Г. П. Чернышевъ, кн. И. Ѳ. Борятинскій, В. Я. Новосильцовъ, кн. Г. А. Урусовъ и С. И. Сукинъ. При этомъ относительно Г. П. Чернышева въ росписи замѣчено: „а буде генерала Чернышева, для многодѣльства въ губерніи (онъ былъ московскимъ генералъ-губернаторомъ), въ томъ числѣ не числить, которому и кромѣ сенатскаго сидѣнья довольно дѣла будетъ, къ тому-жъ и взыскивать на губерніи какихъ-либо неисправъ несвободно будетъ, когда самъ губернаторъ сидѣть будетъ въ Сенатѣ; да и оставшіе 5 человѣкъ довольны будутъ для исправленія въ Сенатѣ, ибо о важныхъ (дѣлахъ) описываться будутъ въ Петербургъ, и при блаженныя памяти Е. И. В., когда былъ опредѣленъ сенаторъ въ Москвѣ, то при немъ опредѣлено было только 2 изъ коллежскихъ членовъ“ [1]). Если судить по подписямъ сенаторовъ на приговорахъ начала 1732 г., то составъ Московскаго Сената былъ утвержденъ безъ большихъ измѣненій, а именно: мы не находимъ въ немъ лишь кн. И. Ѳ. Борятинскаго, да, по указу отъ 7 декабря 1731 г., въ Сенатъ этотъ введенъ гр. И. Г. Головкинъ [2]). Что касается Сената Петербургскаго, то въ немъ не было уже кн. В. Вл. Долгорукаго, заключеннаго, согласно Манифесту отъ 23 декабря того же 1731 г., въ Шлиссельбургскую крѣпость [3]).

И этотъ составъ, въ свою очередь, очень скоро измѣняется. Такъ, кн. А. И. Шаховской 23 декабря 1732 года отправляется въ Малороссію, которою затѣмъ и управляетъ до своей смерти, послѣдовавшей 26 апрѣля 1737 г.; по указу 2 апрѣля 1733 г. къ присутствованію въ Сенатѣ назначается А. Л. Нарышкинъ, 31 августа—бар. Петръ Пав. Шафировъ, бывшій сенаторомъ еще при Петрѣ и разжалованный въ 1723 г.; 26 іюля 1736 г.—кн. Б. Григ. Юсуповъ; 21 мая 1739 г. —гр. П. И. Мусинъ-

[1]) Гос. Арх., разр. IX, № 31.

[2]) М. А. М. Ю., журн. и приг. Сената, кн. 153/2034, passim; Бумаги Кабинета, т. I, стр. 66.

[3]) П. С. З., № 5916.

Пушкинъ; значительное, наконецъ, пополненіе Сената происходитъ въ послѣдній годъ царствованія Анны Іоанновны, когда, по Именному указу отъ 3 марта 1740 г., „въ прибавокъ къ нынѣшнимъ сенаторамъ“ въ Сенатъ къ присутствованію назначаются: М. И. Леонтьевъ, М. С. Хрущевъ, И. И. Бахметевъ, М. И. Философовъ, П. М. Шиповъ и Н. И. Румянцевъ [1]).

Кн. Я. П. Шаховской.

Въ царствованіе Іоанна Антоновича въ составъ Сената входили изъ бывшихъ ранѣе сенаторами: гр. М. Г. Головкинъ (назначенный, впрочемъ, 9 ноября 1740 г. кабинетъ-министромъ), А. Л. Нарышкинъ, М. И. Леонтьевъ (назначенный въ январѣ кіевскимъ ген.-губернаторомъ), Ѳ. И. Наумовъ, В. Я. Новосильцовъ, М. И. Философовъ и П. М. Шиповъ; съ 1 ноября къ нимъ присоединился В. И. Стрешневъ. Далѣе, новое и весьма значительное приращеніе своего состава Сенатъ получилъ по Именному указу отъ 17 сентября 1741 г., которымъ въ него были назначены:

[1]) Бумаги Кабинета министровъ, т. II, стр. 162, 411; т. V, стр. 352; Арх. Сен., Высоч. указы и повел. кн. 53, л. 112; кн. 57, л. 178 и сл.

кн. М. М. Голицынъ, кн. Г. А. Урусовъ, гр. П. С. Салтыковъ, А. М. Пушкинъ, кн. Я. П. Шаховской, кн. А. Д. Голицынъ. Интересно, что указъ такъ мотивировалъ эту мѣру: указанныя лица опредѣлены, „въ прибавленіе къ обрѣтаюшимся нынѣ сенаторамъ", „понеже въ Нашемъ Сенатѣ, для исправленія врученныхъ оному многихъ государственныхъ дѣлъ, сенаторовъ обрѣтается недовольно, а которые и есть, но и тѣ обязаны другими положенными на нихъ комиссіями и, слѣдовательно, въ Сенатѣ такъ часто, какъ того нужное исправленіе дѣлъ требуетъ, присутствовать не могутъ, отчего въ сенатскихъ дѣлахъ остановка происходитъ" [1]).

Какъ видно изъ предыдущаго, съ 19 января 1732 г. должны были функціонировать два Сената Петербургскій и Московскій, при чемъ, по Высочайшей резолюціи отъ 14 декабря 1731 г. на докладъ Сената, отношеніе этихъ двухъ Сенатовъ опредѣлялось слѣдующимъ образомъ: „какъ при Сенатѣ, такъ и при коллегіяхъ забирать дѣла и вѣдомости, въ чемъ имѣетъ быть нужда по разсмотрѣнію, а оставшимъ здѣсь (т. е. въ Москвѣ) сенатскимъ членамъ дѣла рѣшать по Должности сенатской такія, на что имѣются точные указы и регламенты, а чего однимъ рѣшать будетъ неможно, о томъ писать въ Сенатъ къ полному собранію" [2]). Въ архивныхъ документахъ встрѣчаются какъ отдѣльныя рѣшенія того и другого Сената, въ отмѣченныхъ выше случаяхъ, такъ и общія, почему и читаемъ такіе приговоры: „Пр. Сенатъ, по общему съ обрѣтающимся въ С.-Петербургѣ Пр. Сенатомъ мнѣнію, согласно приказали" . . . [3]).

Взаимныя отношенія двухъ Сенатовъ отлично характеризуются слѣдующими приговорами Петербургскаго Сената: выслушавъ 25 января 1732 г. два „репорта", полученныхъ изъ Москвы, „разсуждали, что такіе репорты Е. И. В. имѣютъ быть подаваны при репортахъ-же здѣшняго собранія. Что же тѣ репорты слушаны и впредь слушаны быть надлежатъ, и то не для какого усмотрѣнія, но токмо для того, чтобъ можно было вѣдать, какія въ Москвѣ въ Сенатѣ рѣшатся дѣла". Черезъ два дня было постановлено „сообщить въ Москву въ Сенатъ вѣдѣніе,

[1]) Внутренній бытъ русскаго государства и пр., стр. 142 и сл.

[2]) П. С. З., № 5905.

[3]) М. А. М. Ю., журн. и пр. Пр. Сената, кн. 154/2035, л.л. 26, 45, 63 и мн. друг.; кн. 158/2039, л. 150 (общій приговоръ) и др.

что отсель вѣдѣнія будутъ присылаться за оберъ-секретарскою (рукою) и изъ Москвы-бъ изъ Сената сюда потому-жъ (посылали) за оберъ-секретарскою рукою" [1])...

Хотя Сенатъ, въ вышеназванномъ докладѣ, и указывалъ, что „когда весь Сенатъ былъ въ С.-Петербургѣ, тогда на Москвѣ была Сенатская контора, въ которой былъ изъ сенатскихъ членовъ одинъ", но Императрица не обратила вниманія на это указаніе и не послѣдовала, въ данномъ случаѣ, примѣру своего Дяди, учредившаго Сенатскую контору. Такое раздѣленіе Сената продолжалось, впрочемъ, не долго, а именно до 8 іюня 1733 г., когда, по Именному указу, повелѣно было всѣмъ „обрѣтающимся въ Мсcквѣ сенаторамъ" вернуться къ 15 іюля въ Петербургъ, „а, пріѣхавъ, присутствовать здѣсь въ общемъ собраніи по прежнему, а въ Москвѣ оставить отъ Сената контору" [2]). О дѣйствіяхъ послѣдней мы скажемъ особо. Такимъ образомъ, раздѣленіе Сената на Сенатъ Московскій и Петербургскій продолжалось всего 1½ года и закончилось возвращеніемъ къ старому Петровскому порядку.

II. Вопросъ о департаментахъ.

Мы уже говорили, что по Именному указу 1 іюня 1730 г. повелѣно было „въ Пр. Сенатѣ, по примѣру другихъ государствъ, всѣ дѣла раздѣлить (сенаторамъ) между собою по разнымъ департаментамъ", причемъ „на примѣръ" указано 5 департаментовъ и предположено, что присутствіе каждаго департамента составляютъ 4 или 5 сенаторовъ. Потому ли, что указъ объ этомъ носитъ въ Полномъ собраніи законовъ наименованіе указа „о раздѣленіи Сената на департаменты и о назначеніи каждому департаменту особаго рода дѣлъ", или потому, что дѣлопроизводство Сената за это время было мало изучено по архивнымъ даннымъ, но этому указу въ литературѣ нашей придано было, какъ намъ кажется, не надлежащее толкованіе: говорилось, а нерѣдко говорится и теперь, о раздѣленіи Сената

[1]) М. А. М. Ю., журналы Пр. Сената за весь 1732 г., кн. 20/1905, л. 1—5.
[2]) П. С. З., № 6434.

на 5 департаментовъ. Въ дѣйствительности-же Сенатъ оставался и послѣ этого указа единымъ, а были расписаны на 5 департаментовъ лишь дѣла, вѣдавшіяся Сенатомъ, при чемъ при каждомъ департаментѣ были образованы особыя канцеляріи. Какъ должны были вестись дѣла въ этихъ департаментскихъ канцеляріяхъ, объ этомъ мы скажемъ, когда коснемся ихъ устройства. Что же касается самого Сената, то организація его, по указу, является слѣдующею.

Въ каждомъ департаментѣ должно было быть, какъ сказано, отъ 4 до 5 сенаторовъ, „которыхъ должность въ томъ состоять будетъ, что когда въ Пр. Сенатъ какія дѣла войдутъ, касающіяся до ихъ департамента, то они напередъ между собою оныя сами разсмотрятъ, надлежаще изслѣдуютъ и, однимъ словомъ сказать, все то изготовятъ, что къ полному рѣшенію и опредѣленію онаго потребно, а потомъ, со объявленіемъ своего мнѣнія, въ полномъ собраніи Пр. Сенату для рѣшенія предложатъ". Департаменты эти, такимъ образомъ, не рѣшаютъ сами никакихъ дѣлъ, а лишь подготовляютъ ихъ къ докладу въ общемъ собраніи. Указъ подробно мотивируетъ причины введенія этого новаго порядка разсмотрѣнія дѣлъ, а равно и указываетъ на тѣ благія послѣдствія, какія должны были-бы произойти отъ его примѣненія на практикѣ. Такъ какъ, говоритъ указъ, всѣ дѣла въ Пр. Сенатѣ „опредѣляются по докладамъ и выпискамъ, учиненнымъ канцелярскими служителями", то отсюда происходятъ нѣкоторыя „прегрѣшенія, отъ которыхъ, и безъ всякой вины Пр. Сената, въ резолюціяхъ временемъ какія несходства произойти могутъ, къ тому-жъ отъ множества дѣлъ какъ государственныхъ, такъ и челобитчиковыхъ, которыя надобно слушать и рѣшить всему собранію, не достаетъ столько времени, въ которое бы могли рѣшить государственныя безъ продолженія времени, а челобитчиковы -безъ волокиты". Благими же послѣдствіями предварительнаго разсмотрѣнія дѣлъ въ особыхъ департаментахъ явится то, что „черезъ сіе . . . всякія прегрѣшенія въ канцеляріи Пр. Сената упредятся . . . всякія дѣла съ лучшимъ основаніемъ и благоугоднымъ правосудіемъ . . . безволокитно и безъ остановки рѣшены и отправлены будутъ . . . Пр. Сенату великое облегченіе учинится" [1]). Одновременно съ этимъ указомъ

[1]) П. С. З., № 5570.

наличные сенаторы были распредѣлены Сенатомъ по департаментамъ [1]), затѣмъ самъ Сенатъ подыскалъ имъ помѣщенія, опредѣлилъ составъ ихъ канцелярій, приказалъ „департаменты расписать оберъ-секретарямъ по себѣ на двое, велѣлъ уборы въ департаменты, что надлежитъ, купить“. Затѣмъ, новый рекетмейстеръ вошелъ въ Сенатъ съ представленіемъ, въ которомъ, —указавъ, что рекетмейстерская контора приписана къ четвертому департаменту, и въ ней „со опредѣленія рекетмейстера, іюля по 27 число, отъ разныхъ челобитчиковъ принято 1375 челобитенъ и нынѣ многія-жъ подаютъ челобитныя о разныхъ дѣлѣхъ“, —запросилъ Сенатъ, долженъ-ли онъ „по тѣмъ челобитнымъ, въ томъ-ли одномъ опредѣленномъ департаментѣ докладывать, или тѣ челобитныя ему, рекетмейстеру, отсылать, по силѣ дѣлъ, въ разные департаменты, и по онымъ челобитнымъ въ рекетмейстерской конторѣ справки и выписки сочинять, или въ департаментахъ оное повелѣно будетъ чинить?“ —Сенатъ, обсудивъ этотъ вопросъ, постановилъ 8 августа 1730 г., что „по поданнымъ и впредь подаваемымъ ему, генералъ-рекетмейстеру, челобитнымъ, которыя надлежатъ къ рѣшенію Пр. Сената, о чемъ надлежитъ, справки чинить ему и, учиня въ рекетмейстерской конторѣ выписки, докладывать въ департаментахъ, въ которомъ о какомъ дѣлѣ надлежитъ; и о томъ ему, генералъ-рекетмейстеру, и въ департаменты съ сего опредѣленія дать копіи“ [2]). Дѣла, расписанныя по департаментамъ, разсматривались въ нихъ и потомъ вносились на рѣшеніе общаго собранія. Въ журналахъ Сената за 1730 г. мы читаемъ поэтому отмѣтки, что сенаторы слушали доклады „по дѣламъ военнаго департамента“, „духовнаго департамента“, „отъ

[1]) „Въ журналѣ отъ 8 іюля 1730 г. записано: имѣли разсужденіе, кому быть въ департаментахъ и положили: въ I департаментѣ—гр. Гаврилу Ивановичу (Головкину), Григорію Петровичу (Чернышеву), князю Юрію Юрьевичу (Трубецкому); во II—кн. Василію Владиміровичу (Долгорукому), Павлу Ивановичу (Ягужинскому), кн. Алексѣю Ивановичу (Шаховскому); въ III—кн. Дмитрію Михаиловичу (Голицыну), Василію Яковлевичу (Новосильцову), кн. Григорію Алексѣевичу (Урусову); въ IV—кн. Ивану Юрьевичу (Трубецкому), Семену Ивановичу (Сукину), Андрею Ивановичу (Ушакову); въ V—гр. Андрею Ивановичу (Остерману), кн. Алексѣю Михаиловичу (Черкасскому), гр. Михаилу Гавриловичу (Головкину)“; въ журналѣ отъ 13 іюля отмѣчено, что „гр. Головкинъ объявилъ, что Е. И. В. указала кн. Урусову присутствовать въ юстицкомъ департаментѣ“ (М. А. М. Ю., журналы Пр. Сената за весь 1730 г., кн. 18/1899, л. 148,210); ср. списокъ, хранящійся въ Госуд. архивѣ, разр. XVI, № 159.

[2]) М. А. М. Ю., дѣла Пр. Сената за 1730 г., кн. 5/609, л. 557 об. и сл.; срав. П. С. З., № 5603.

каморъ-коллежскаго", „юстицкаго департамента", или „по выпискамъ отъ—департамента", „по предложенному отъ—департамента доношенію", „по предложенному дѣлу" и т. п. Надо, впрочемъ, замѣтить, что дѣла, внесенныя изъ департаментовъ, вовсе не доминируютъ надъ дѣлами, поступавшими прямо въ общее собраніе. Въ черновыхъ-же журналахъ за 1731 г. совсѣмъ нѣтъ указаній на поступленіе дѣлъ изъ департаментовъ, а есть лишь указанія, что „даны записки" о рѣшеніи дѣлъ „въ такой-то департаментъ" [1]).

Это обстоятельство наводитъ на мысль, что въ указанномъ году дѣла перестали разсматриваться въ департаментахъ, а въ нихъ поступали только рѣшенія общаго собранія, по принадлежности, согласно приговору Сената отъ 18 августа о порядкѣ отправленія дѣлъ въ канцеляріи Сената. Частью на это могло повліять уменьшеніе состава Сената, который былъ въ концѣ 1731 г. уже недостаточенъ для пяти департаментовъ. Раздѣленіе Сената, съ начала 1732 г., на два Сената,—Московскій и Петербургскій,—продолжавшееся $1^1/_2$ года, должно было совершенно разрушить этотъ новый порядокъ предварительнаго разсмотрѣнія дѣлъ въ департаментахъ, введенный указомъ 1 іюня 1730 г.

III. Назначеніе сенаторовъ; вопросъ о ихъ жалованьѣ.

Назначеніе сенаторовъ дѣлалось именными указами, данными Сенату, при чемъ если Государыня присутствовала сама въ Кабинетѣ, то Она иногда объ этомъ и объявляла; когда же кабинетъ-министры ходили „вверхъ къ Е. И. В. съ докладами и указами", Императрицею подписывались, между прочимъ, указы и о назначеніи сенаторовъ [2]). Поскольку сказывалось въ этихъ назначеніяхъ вліяніе кабинетъ-министровъ, рѣшить

[1]) М. А. М. Ю., журн. Пр. Сената за весь 1730 г., кн. 18/1899, л. 255 и сл., 279 и сл., 288, 307, 309, 333, 367 об.; ibid., журн. Пр. Сената 1731 г., за январь—апрѣль, кн. 19/1900, л. 5, 50 и сл., 51 об. и сл., 86 об., 119 об., 123, 171 об., 190 и сл., 202, 215.

[2]) Бумаги Кабинета министровъ, т. I, стр. 65 и сл., т. II, стр. 160, 162, т. V, стр. 352; Арх. Сен., Высоч. указы и повел., кн. 53, л. 112, кн. 57, л. 178 и сл.

трудно; но оно, во всякомъ случаѣ, едва-ли было значительно, такъ какъ Анна Іоанновна была натура весьма властная и самолюбивая, строго оберегавшая свои прерогативы, къ числу коихъ принадлежали какъ выборъ, такъ и назначеніе сенаторовъ. При вступленіи въ должность сенаторы приносили присягу по формѣ, установленной при Петрѣ.

Въ вопросѣ о жалованьѣ сенаторовъ мы не находимъ въ оба царствованія никакихъ законодательныхъ опредѣленій и, въ общемъ, онъ стоялъ такъ, какъ стоялъ и въ предыдущія царствованія, при чемъ сенаторы, подобно другимъ служащимъ, получали иногда свое „заслуженное" жалованье спустя долгое время. На этой почвѣ, между прочимъ, разыгрался слѣдующій характерный эпизодъ. Изъ донесенія Сената, поданнаго 19 декабря 1738 г., Императрица „съ великимъ неудовольствіемъ" усмотрѣла, что въ 1737 г., „по опредѣленіямъ сенатскимъ, изъ государственныхъ доходовъ, которые чрезъ Штатсъ-контору въ расходъ употребляются, издержано на заплату жалованья сенаторамъ и другимъ чинамъ на прошлые годы и прочія чрезвычайныя дачи 51.321 р." Между тѣмъ, „не разсмотрѣвъ прошлыхъ лѣтъ расходовъ, есть-ли отъ произведенія жалованья остатокъ, изъ котораго-бъ они могли свое жалованье получить, и не требуя отъ Насъ о такихъ выдачахъ указа, изъ общей государственной суммы сами сенаторы себѣ побрали и нижнимъ чинамъ, которые, на то смотря, на прошлые-жъ годы стали себѣ жалованье просить, выдали"... Какъ видно изъ журнала Кабинета отъ 26 февраля 1739 г., г. секретарь Эйхлеръ (кабинетъ-секретарь Императрицы) принесъ подписанный отъ Е. И. В. указъ Сенату (изъ котораго приведены вышеозначенныя данныя) для подачи отвѣта, „для чего, въ противность указамъ, изъ общей государственной суммы въ 1737 г. въ жалованье на прошлые годы и на другіе чрезвычайные расходы немалыя денежныя дачи учинены, и объявилъ, что Е. И. В. изволила указать надлежащій по тому указу отвѣтъ изъ Сената подать, конечно, въ три дня, отъ сего числа" [1]). Затѣмъ о томъ-же на другой день была послана совѣтникомъ канцеляріи Кабинета, фонъ Бреверномъ, записка оберъ-прокурору Сената. Однако, 1 марта Сенатъ подалъ въ Кабинетъ „репортъ", что

[1]) П. С. З., № 7765; Бумаги Кабинета, т. IX, стр. 208.

„по именному Е. И. В. указу отвѣта о чрезвычайныхъ расходахъ въ 3 дня учинить невозможно“. Изъ журнала 27 марта видно, что вѣдомость объ этихъ расходахъ не была подана и къ этому числу, а Кабинетъ потребовалъ, чтобъ ее „подали сего дня, или утре рано“. Вѣдомость „объ издержанныхъ на заплату жалованья сенаторамъ и другимъ чинамъ“ была, наконецъ, доставлена Кабинету 3 апрѣля, а 2 мая ее разсматривалъ Остерманъ, давшій о ней не лишенный язвительности отзывъ, изъ коего беремъ только то, что относится до вопроса о жалованьѣ сенаторовъ. Именно, въ 3-мъ пунктѣ своего „разсужденія“, Остерманъ говоритъ: „Что надлежитъ до выдачи за прошлые годы жалованья сенаторамъ и другимъ персонамъ, то примѣчается, что прямой штатъ Сенату не учиненъ, въ которомъ иные и безъ жалованья присутствовали, и потому приличнѣе было-бы о такихъ прошедшихъ годахъ напередъ доложить особливо, понеже оныя выдачи до ихъ, сенаторовъ, самихъ касались; а въ прочемъ разсуждается, что когда одному жалованье дается, то и другому, который въ такихъ же дѣлахъ обрѣтается, жалованье дать надлежитъ“. Въ 5 пунктѣ своего „разсужденія“ онъ добавляетъ, что, „для упрежденія всѣхъ такихъ случаевъ и непорядковъ, потребно безъ упущенія времени сочинить штатъ, о которомъ столь многими частыми именными указами изъ году въ годъ въ Сенатъ подтверждено“ [1]). Это „разсужденіе“ въ немногихъ словахъ отлично рисуетъ положеніе вопроса о жалованьѣ сенаторовъ въ данное время. Конечно, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Остермана, что было-бы „приличнѣе“ доложить о жалованьѣ, чѣмъ брать его самовольно; но едва-ли слѣдовало ставить членовъ Сената въ столь тяжелое положеніе, въ какомъ они были, не получая долго жалованья „прошедшихъ лѣтъ“, тѣмъ болѣе, что въ это время весьма успѣшно собирались съ народа „доимки“ за прежніе годы. Въ царствованіе Іоанна Антоновича вопросъ о сенаторскомъ жалованьѣ оставался также неразрѣшеннымъ и сенаторы получали его по ихъ рангамъ, при чемъ это жалованье колебалось отъ 3.600 р. до 1.277 р. 62½ коп. [2]). Что же касается вышеприведеннаго эпизода съ жалованьемъ сенаторовъ въ царствованіе Анны, то онъ разрѣшился такъ: въ журналѣ Кабинета отъ 20 мая 1739 г. сказано, что „списано съ руки г. секре-

[1]) Бумаги Кабинета, т. IX, стр. 209, 214, 290, 317, 447 и сл.

[2]) Внутренній бытъ русскаго государства, стр. 143 и сл.

таря Эйхлера (очевидно, Высочайшее повелѣніе) и велѣно по сему, куда надлежитъ, послать указы: 1) жалованье сенаторамъ и прочимъ статскимъ чинамъ и приказнымъ служителямъ прежде, нежели удовольствованы будутъ Военная, Адмиралтейская коллегія и артиллерія, не получать изъ наличныхъ въ Штатсъ-конторѣ денегъ, а получать впредь жалованье изъ доимочныхъ денегъ, собираемыхъ прошлыхъ лѣтъ, кабацкихъ и таможенныхъ; 2) которые сенаторы жалованье себѣ побрали безъ именного Е. И. В. указу, съ тѣхъ оное жалованье возвратить". Въ 1740 г. двумъ сенаторамъ, по рангу генералъ-лейтенантовъ, было назначено по 2160 р., а четыремъ, по рангу генералъ-маіоровъ, по 1800 р. въ годъ [1]).

Сенаторы нынѣ, какъ и раньше, помимо своихъ прямыхъ обязанностей, несли и другія, а равно исполняли самыя разнообразныя порученія. Такъ, напр., „для содержанія лучшаго порядка и побужденія кадетскаго въ наукахъ", два раза въ годъ назначены были публичные экзамены кадетамъ, на которыхъ долженъ былъ присутствовать, по указу 6 іюля 1737 г., одинъ изъ сенаторовъ [2]). Нѣкоторые изъ сенаторовъ занимали должности президентовъ коллегій (напр., бар. Шафировъ) или канцелярій (напр., Нарышкинъ былъ президентомъ канцеляріи отъ строеній). Не удивительно, поэтому, что они не всегда могли присутствовать въ засѣданіяхъ Сената, о чемъ и отмѣчалось въ его журналахъ [3]).

IV. Сенатская контора.

Какъ уже указывалось, Московскій Сенатъ, просуществовавъ въ царствованіе Анны $1^1/_2$ года, былъ замѣненъ, по Именному указу 8 іюня 1733 г., Сенатскою конторою. Эта контора играла

[1]) Бумаги Кабинета, т. IX, стр. 476; П. С. З., № 7813; Арх. Сен., Высоч. указы и повел., кн. 59, л. 123.

[2]) Бумаги Кабинета, т. IX, стр. 309.

[3]) Въ журналахъ читаемъ, напр., такія отмѣтки: „Александръ Львовичъ (Нарышкинъ) изволилъ присылать, что сей день въ собраніе быть не изволитъ, понеже будетъ въ лѣтнемъ Е. И. В. саду при смотрѣніи работъ" (А. Н. Филипповъ „Журналы Пр. Сената за 1737 г.", М., 1910 г., т. I, стр. 289). Или—„А. И. Ушаковъ изволитъ присутствіе имѣть въ Тайной канцеляріи", ibid., т. II (М., 1911 г.), стр. 197, 200 и др.; или „графъ Михайло Гавриловичъ (Головкинъ) изволилъ присылать, что онъ сей день въ собраніи быть не изволитъ, понеже будетъ во дворцѣ" (л. 17) и мн. др.

въ названное царствованіе большую роль и была поставлена по отношенію къ Сенату въ болѣе самостоятельное положеніе, чѣмъ это было при Петрѣ и Его ближайшихъ преемникахъ. Она была фактически какъ бы вторымъ Сенатомъ. Поэтому, прежде чѣмъ говорить о канцеляріи Сената, какъ это мы дѣлали раньше, остановимся на очеркѣ, касающемся положенія его конторы.

Указъ 8 іюня 1733 г., возстановившій Сенатскую контору въ Москвѣ, повелѣвалъ въ ней „быть изъ сенатскихъ членовъ генералу и оберъ-гофмейстеру графу Салтыкову [1]), которому при томъ поступать и надъ тамошними коллегіями и конторами и во всемъ смотрѣніе имѣть по прежней, данной въ 1723 г. оставшему-же въ Москвѣ сенатскому члену, Инструкціи“ [2]). Казалось бы, что ссылка на „Инструкцію“ достаточно ясно указывала на подчиненное положеніе этой конторы по отношенію къ Сенату. Но уже черезъ нѣсколько дней, а именно —19 іюня, С. А. Салтыковъ, минуя Сенатъ, самъ вошелъ со „всеподданнѣйшимъ доношеніемъ“ о назначеніи въ Сенатскую контору 2-хъ асессоровъ, согласно Инструкціи, „изъ лучшихъ людей“, указывая, что „въ Москвѣ дѣлъ довольное число“, на что послѣдовала резолюція Государыни объ опредѣленіи „въ помянутую Московскую Сенатскую контору, къ сенатскому члену въ товарищи, тайнаго совѣтника Степана Вельяминова и ген.-майора Алексѣя Панина“ [3]). Далѣе, Именной указъ 22 сентября 1735 г. призналъ, что присутствованіе въ Сенатской конторѣ коллежскихъ президентовъ, какъ тогда практиковалось, вызываетъ остановку въ дѣлахъ коллегій, почему повелѣлъ постоянно присутствовать въ ней, кромѣ гр. С. А. Салтыкова, кн. И. Ѳ. Борятинскому, генералъ-поручикамъ М. Я. Волкову, Ив. В. Панину, а „коллежскимъ президентамъ быть только при ихъ настоящихъ дѣлахъ“ [4]).

На этотъ указъ, опять-таки минуя Сенатъ, поступилъ въ Кабинетъ всеподданнѣйшій докладъ гр. С. А. Салтыкова. Въ докладѣ этомъ гр. Салтыковъ, отмѣтивъ, что кн. И. Ѳ. Борятинскій назначенъ въ Глуховъ (на мѣсто кн. А. И. Шаховского), а генералъ-поручикъ Панинъ умеръ, писалъ, что „во исправле-

[1]) Семенъ Андреевичъ Салтыковъ опредѣленъ былъ членомъ Пр. Сената по Манифесту 4 марта 1730 г., 14 апрѣля 1733 г. пожалованъ въ графы, 8 іюня назначенъ присутствующимъ въ Сенатской конторѣ въ Москвѣ.

[2]) П. С. З., № 6434.

[3]) Бумаги Кабинета, т. II, стр. 343 и сл.

[4]) П. С. З., № 6892.

ніи дѣлъ присутствуетъ только двое", и справедливо указывалъ, что двумъ рѣшать челобитчиковы дѣла, поступаюшія изъ коллегій, по силѣ законовъ, нельзя. Ранѣе, согласно 5-му пункту „Инструкціи", члены коллегій призывались въ контору по одному человѣку и „присутствовали въ недѣлю по одному дню, а иногда и по два"; но послѣ указа 22 сентября 1735 г. такой призывъ прекратился, а „нынѣ въ Сенатской конторѣ время отъ времени тѣхъ неправорѣшенныхъ дѣлъ весьма умножается". Вслѣдствіе этого, гр. С. А. Салтыковъ просилъ разрѣшенія призывать въ Сенатскую контору членовъ коллегій, утверждая, что ихъ въ Москвѣ „довольное число" и въ текущихъ дѣлахъ „остановки никакой быть не можетъ". Высочайшею резолюціею отъ 4 іюля 1736 г. на этомъ докладѣ и было разрѣшено призывать въ контору членовъ коллегій, „для слушанія спорныхъ дѣлъ, опричь тѣхъ, на кого будетъ челобитье, и рѣшить такія дѣла по общему мнѣнію" [1]).

Съ возстановленіемъ должности генералъ-губернатора въ Москвѣ и съ назначеніемъ на эту должность генералъ-фельдмаршала кн. И. Ю. Трубецкого, ему 25 мая 1739 г. повелѣно присутствовать въ Сенатской конторѣ „такъ, какъ онъ здѣсь въ Сенатѣ былъ" [2]); черезъ нѣсколько дней, 30 мая, повелѣно было, по два дня въ недѣлю, присутствовать въ Сенатской конторѣ также и московскому вице-губернатору кн. Б. Г. Юсупову. Въ 1740 г. въ числѣ членовъ Сенатской конторы находимъ Н. И. Румянцова и Н. П. Салтыкова.

Канцелярія Сенатской конторы состояла изъ оберъ-секретаря, двухъ секретарей, актуаріуса, протоколиста и нѣсколькихъ канцеляристовъ. При конторѣ была особая типографія, комиссія „о подушной доимкѣ" и пр. [3]).

Сенатская контора стояла въ такихъ-же отношеніяхъ къ Кабинету, какъ и самъ Сенатъ. Гр. С. А. Салтыковъ то входилъ черезъ Кабинетъ къ Государынѣ съ своими „всеподданнѣйшими доношеніями", то писалъ Кабинету, а самъ Кабинетъ сносился съ конторою сообщеніями, отдавая ей, какъ и Сенату, разнаго рода приказы и требуя доставленія всякаго рода свѣдѣній. Кабинетъ, напр., приказываетъ конторѣ „разсмотрѣть и рѣшить" безъ продолженія по сущей правдѣ" дѣло Овчинни-

[1]) П. С. З., № 7003.
[2]) П. С. З., № 7819.
[3]) Внутренній бытъ русскаго государства, стр. 157 и сл.

кова съ товарищами, жаловавшимися „на наглый грабежъ и разореніе,—за отнятіемъ пустошей, посѣяннаго хлѣба и сѣна"— нѣкоего Савелова [1]); требуетъ скорѣйшаго окончанія конторою слѣдствія о поставленныхъ въ генеральный кригсъ-комиссаріатъ вещахъ, несходныхъ съ установленными образцами [2]). Или, на сообщеніе конторы „о турецкихъ плѣнныхъ, разосланныхъ по разнымъ замосковнымъ городамъ", въ отвѣтъ, въ свою очередь, сообщаетъ, какъ ихъ содержать, сколько давать имъ денегъ на пропитаніе и пр. [3]). Или, разсмотрѣвъ всеподданнѣйшее прошеніе жены бывшаго копіиста Бураго о пересмотрѣ дѣла мужа ея съ кн. Еникѣевымъ, по поклепному иску послѣдняго о разбоѣ, предписываетъ Сенатской конторѣ „о всемъ томъ, также и по прочимъ объявленнымъ въ прошеніи резонамъ, въ тонкость разсмотрѣть и, подписавъ свое мнѣніе, для апробаціи представить въ Кабинетъ, а его, Бураго, до изслѣдованія того въ Пензу не посылать, а буде посланъ—возвратить". Сенатъ, получивъ эту челобитную съ резолюціею Кабинета, оставляетъ съ нея себѣ копію, а ее препровождаетъ при вѣдѣніи въ Сенатскую контору [4]). Но такъ было далеко не всегда, и Кабинетъ сносился съ конторою и непосредственно, частію потому, что при Аннѣ Іоанновнѣ во главѣ Сенатской конторы стояло такое довѣренное лицо, какъ гр. С. А. Салтыковъ, постоянно писавшій не только въ Кабинетъ, но и самой Государынѣ, а частію потому, что малочисленный по составу и обремененный множествомъ работы Кабинетъ не могъ самъ входить въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ этихъ дѣлъ, почему онъ охотно предоставлялъ ихъ разсмотрѣніе какъ Сенату, такъ и его конторѣ, поставивъ послѣднюю въ равное положеніе съ Сенатомъ.

Весьма важное постановленіе объ отношеніи Сенатской конторы къ Кабинету министровъ и къ самому Сенату состоялось въ Кабинетѣ въ царствованіе Іоанна Антоновича. Сенатская контора представила въ Кабинетъ 10 января 1740 г., т. е. еще въ царствованіе Анны, сообщеніе о жалованьѣ приказнымъ служителямъ сыскного приказа. Кабинетъ 28 марта

[1]) Бумаги Кабинета, т. VI, стр. 161—163.

[2]) Арх. Сен., Высоч. указы и повел., кн. 47, л. 407.

[3]) Бумаги Кабинета, т. VIII, стр. 75 и сл.

[4]) Ibidem, т. IX, стр. 93 и сл.; сравн. также письма каб.-министровъ къ гр. С. А. Салтыкову; ibid., т. IV, стр. 167, 171, 187—189, 201, 204, 211 и мн. др.

слѣдующаго года положилъ на этомъ сообщеніи такую резолюцію: „По сему сообщенію объ опредѣленіи жалованья сыскного приказа служителямъ надлежитъ разсмотрѣть Пр. Сенату... И понеже о такихъ дѣлахъ Сенатской конторѣ, мимо Сената, въ Кабинетъ представлять весьма неприлично, того ради надлежитъ изъ Пр. Сената въ тое контору писать, чтобъ впредь изъ оной, мимо Сената, въ Кабинетъ ни о чемъ не писали, развѣ особливо какое дѣло отъ Кабинета Сенатской конторѣ вручено и объ ономъ прямо въ Кабинетъ писать повелѣно будетъ; а кромѣ того о всякихъ дѣлахъ представляли бы и общаго разсужденія требовали отъ Пр. Сената, а чего Сенатъ собою рѣшить не можетъ, о томъ со мнѣніемъ своимъ представлять въ Кабинетъ".

Несмотря на категоричность этой резолюціи, указывавшей Сенатской конторѣ ея настоящее отношеніе къ Сенату, она продолжала входить прямо въ Кабинетъ съ своими докладами, очевидно, помня живо еще практику предыдущаго царствованія. Такъ, изъ журнала Кабинета отъ 6 іюня видно, что означенная контора вошла въ Кабинетъ съ докладомъ о награжденіи трехъ лицъ рангами. Кабинетъ, ссылаясь на вышеуказанную свою резолюцію, отослалъ этотъ докладъ „для разсмотрѣнія" въ Пр. Сенатъ [1]). Здѣсь Кабинетъ министровъ ставилъ Сенатскую контору въ то положеніе къ Сенату, въ какомъ она должна была находиться по смыслу Петровской „Инструкціи" члену Сената, въ ней засѣдающему, и изъ котораго она вышла въ предъидущее царствованіе.

Но не только по отношенію къ Кабинету, а и по отношенію къ коллегіямъ, канцеляріямъ и конторамъ, Сенатская контора въ царствованіе Анны занимаетъ то же положеніе, какое и самъ Сенатъ. Коллежскіе прокуроры доносятъ, напр., въ контору, что „въ коллегіяхъ интересныя и о колодникахъ дѣла отправляются медленно, а паче сочиненіемъ счетовъ и репортовъ и прочихъ, по указамъ, вѣдомостей, отправляютъ слабо". Затѣмъ и отъ челобитчиковъ „въ конторѣ Пр. Сената непрестанно происходитъ какъ письменно, такъ и словесно, докука, что дѣла ихъ, за нечастымъ въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ президентовъ и членовъ присутствіемъ, а во время присутствія ихъ — за недо-

[1]) П. С. З., № 8356; Арх. Сен., Высоч. указы и повел. въ копіяхъ, кн. 140, л. 174.

вольнымъ сидѣньемъ, рѣшеніемъ продолжаются, отчего имъ, челобитчикамъ, чинится напрасная волокита и убытки". Напоминая, что указы Сената требуютъ „засѣданіе и выѣздъ имѣть по Регламенту, въ указные часы", гр. С. А. Салтыковъ съ товарищами подтверждаетъ всѣмъ учрежденіямъ о съѣздѣ ежедневно въ установленное время, „а въ понедѣльникъ, въ среду и въ пятокъ, для упущенія (т. е. вслѣдствіе упущенія) въ вершеніи такихъ дѣлъ, покамѣстъ въ томъ исправятся, съѣзжались бы и пополудни и сидѣли по тому же числу часовъ, какъ и пополуночи, неотмѣнно, безъ всякихъ отговорокъ" и дѣла рѣшали; онъ требуетъ въ то же время представленія въ контору Пр. Сената „еженедѣльныхъ репортовъ о томъ сидѣньѣ" [1]). Другимъ указомъ контора требуетъ, какъ и самъ Сенатъ, отъ всѣхъ учрежденій подачи ей доношеній „токмо о такихъ дѣлахъ, на которыя точныхъ указовъ" не имѣется и „затѣмъ рѣшенія учинить не можно", препровождая также при этихъ доношеніяхъ всѣ необходимыя данныя, „приводя на каждый пунктъ самые къ тому приличные указы безъ проронки", такъ какъ практика показала, что контора обременяется (какъ опять-таки и самъ Сенатъ) доношеніями безъ соотвѣтствующихъ данныхъ, доношеніями, въ которыхъ отъ нея требуютъ изъяснительныхъ указовъ, „а для чего тѣхъ дѣлъ рѣшить не можно, и такой подписки что болѣе того приличныхъ указовъ нѣтъ—не объявляютъ". Пославъ соотвѣтствующіе указы въ коллегіи, канцеляріи, конторы и приказы, гр. С. А. Салтыковъ „съ товарищи въ то же время постановилъ о томъ въ С.-Петербургъ въ Пр. Сенатъ сообщить вѣдѣніе" [2]).

Если въ указанныхъ случаяхъ Сенатская контора дѣйствовала въ отношеніи учрежденій, бывшихъ частію въ Москвѣ, такъ, какъ дѣйствовалъ бы самъ Сенатъ, и являлась какъ бы вторымъ Сенатомъ, подобнымъ тому, какой былъ въ началѣ царствованія Анны, почему и сообщала ему о своихъ дѣйствіяхъ „вѣдѣнія", то Сенатъ не всегда былъ склоненъ смотрѣть на такой порядокъ одобрительно. Въ 1737 г., декабря 23, Сенатъ, заслушавъ челобитье кн. Волконскаго о назначеніи его на службу, приказалъ его, Волконскаго, Сенатской конторѣ, по требованію

[1]) П. С. З., № 6573.
[2]) П. С. З., № 6751.

Московской губернской канцеляріи, къ дѣламъ не отсылать, „понеже въ 1732 г., по именному Е. И. В. указу, велѣно ему быть въ отставкѣ, тако-жъ и другихъ такихъ, которые отъ дѣлъ отставлены, оной конторѣ, безъ сношенія съ Пр. Сенатомъ, къ дѣламъ не определять“ [1]).

Вообще, несмотря на политику Кабинета по отношенію къ Сенатской конторѣ, Сенатъ видѣлъ въ ней теперь, какъ и раньше, ближайшее къ себѣ учрежденіе, черезъ которое онъ получалъ всѣ нужныя ему свѣдѣнія и достигалъ быстраго исполненія посылаемыхъ имъ указовъ, а равно и могъ предпринимать тѣ или иныя нужныя мѣры. Гр. С. А. Салтыковъ донесъ, напр., Кабинету о большомъ пожарѣ, бывшемъ въ Москвѣ 29 мая 1737 г., во время котораго сгорѣло въ присутственныхъ мѣстахъ много дѣлъ. Сенатъ, получивъ также изъ другого источника свѣдѣнія объ этомъ пожарѣ, послалъ въ Кабинетъ экзекутора „объявить репорты“, дошедшіе изъ Москвы до него. Кабинетъ приказалъ Сенату и впредь подавать ему извѣстія о пожарахъ, а Сенатъ послалъ въ свою контору „вѣдѣніе, дабы изъ оной конторы объ учиненіи описей (сгорѣвшихъ дѣлъ и прочаго) во обрѣтающіяся въ Москвѣ коллегіи, и канцеляріи, и конторы посланы были указы“; по полученіи ихъ, Сенатская контора должна была „немедленно прислать ихъ въ Сенатъ“ [2]).

Указанный случай представляетъ интересъ и въ томъ отношеніи, что онъ наглядно изображаетъ, въ какомъ положеніи стоялъ гр. С. А. Салтыковъ къ Сенату и Кабинету. Въ качествѣ главы Сенатской конторы онъ долженъ былъ сообщать Сенату всѣ свѣдѣнія, какія послѣдній требовалъ отъ него. Какъ главноначальствующій въ Москвѣ, съ одной стороны, и опять таки какъ глава Сенатской конторы — съ другой, онъ доносилъ также о всемъ Кабинету, а если какимъ либо дѣломъ заинтересовывалась Государыня, то — и Ей самой. Такъ, на указанный пожаръ обратила большое вниманіе Императрица, повелѣвшая „обстоятельно Е. В. доносить, что чего погорѣло“. Въ виду этого, Кабинетъ приказалъ гр. Салтыкову, „начавъ отъ самой Сенатской

[1]) П. С. З., № 7452.

[2]) Бумаги Кабинета, т. VI, стр. 344; П. С. З., №№ 7270, 7271. Позднѣе, а именно въ 1738 г., когда дѣла эти были разобраны, Кабинетомъ было приказано Сенату описи дѣламъ „принять и разсмотрѣть, не можно ли иныхъ дѣлъ изъ другихъ мѣстъ получить, а потомъ положить въ сохраненіе въ архивъ для справокъ“ (ibidem, № 7513).

конторы, даже до послѣдняго приказнаго мѣста . . . всѣ дѣла перебрать и переписать именно, что какихъ писемъ и дѣлъ изъ казны сгорѣло, и что осталось . . . .; прислать . . роспись . . ., какія казенныя строенія и какія казенныя вещи, запасы, провіантъ и другое сгорѣло, всему со обстоятельствы; во всѣхъ погорѣлыхъ мѣстахъ учредить крѣпкіе караулы для удержанія всякаго воровства, насильственнаго грабежа, разбоя и тому подобнаго“. . . .

Въ другомъ случаѣ, въ виду бывшаго въ 1735 г. голода въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, Сенатъ послалъ конторѣ свое „вѣдѣніе“ о подтвержденіи ею всюду „крѣпкими указами, дабы въ пропитаніи неимущихъ людей и крестьянъ чинено было по силѣ состоявшихся Е. И. В. указовъ неотмѣнно . . . ., дабы таковые неимущіе пропитанія безъ призрѣнія отъ глада не умирали“, при чемъ, если-бъ оказалось, что опредѣленной на покупку хлѣба суммы денегъ было недостаточно, то Сенатская контора, „смотря по нуждѣ“, можетъ сама назначить нѣкоторую на покупку хлѣба сумму, приказавъ раздавать тотъ хлѣбъ „совершенно неимущимъ людямъ и крестьянамъ“ [1]).

Въ царствованіе Анны былъ предпринятъ цѣлый рядъ мѣръ къ искорененію нищенства. Такъ какъ въ Москвѣ нищихъ было особенно много, то, между прочимъ, Сенату было повелѣно Императрицею, „учиня свое мнѣніе, доложить Е. И. В., какимъ образомъ все сіе впредь въ добромъ порядкѣ содержать“. Сенатъ потребовалъ отъ своей конторы извѣстія, что ею учинено для исполненія этого Именного указа, ей своевременно сообщеннаго; „буде-же дѣйствительнаго исполненія понынѣ еще не учинено, то какъ о высылкѣ изъ богадѣленъ тунеядцевъ, такъ впредь какимъ образомъ въ добромъ порядкѣ оныхъ содержать надлежитъ, разсмотря, прислать со мнѣніемъ въ Пр. Сенатъ вѣдѣніе немедленно“ [2]).

Въ общемъ, повторяемъ, Сенатская контора въ царствованіе Анны Іоанновны занимаетъ весьма важное мѣсто, являясь какъ бы вторымъ Сенатомъ.

[1]) П. С. З., № 6747.
[2]) П. С. З., № 7621.

V. Канцелярія Сената.

Указъ 1 іюня 1730 г., вводившій, какъ уже мы знаемъ, раздѣленіе всѣхъ дѣлъ, подлежавшихъ вѣдомству Сената, на пять департаментовъ, повелѣвалъ въ то же время „по тѣмъ департаментамъ канцелярскимъ служителямъ быть тѣмъ же, какъ нынѣ въ канцеляріи сенатской“ [1]). Иначе говоря, этимъ указомъ предполагалось образованіе, на ряду съ канцеляріею Сената, пяти особыхъ департаментскихъ отдѣленій. Сенатъ не замедлилъ развить это предположеніе въ цѣлую и довольно сложную организацію, переносившую, какъ намъ кажется, центръ тяжести дѣлопроизводства на эти департаментскія канцеляріи, что вовсе не было согласно съ духомъ указа. Въ самомъ дѣлѣ, указъ 1 іюня хотѣлъ, чтобъ дѣла рѣшались не по докладамъ и выпискамъ канцелярскихъ служителей, а по докладамъ самихъ сенаторовъ. Однако, на практикѣ все сводилось къ тому, что эти доклады и выписки стали подготовляться по означеннымъ канцеляріямъ, а самъ Сенатъ, — ни словомъ не упоминая о порядкѣ предварительнаго разсмотрѣнія дѣлъ сенаторами отдѣльныхъ департаментовъ, занялся подробнымъ устройствомъ департаментскихъ канцелярій. Чтобъ не быть голословными, остановимся прежде всего на приговорѣ Сената отъ 18 августа 1730 г., которымъ это устройство вводилось [2]).

Приговоръ Сената разсматриваетъ — конечно, вполнѣ правильно указъ 1 іюня не какъ актъ, установившій раздѣленіе Сената на департаменты, а какъ расписаніе „для лучшаго исправленія порядка“, всѣхъ дѣлъ на пять департаментскихъ отдѣленій канцеляріи, почему и даетъ послѣдней подробную инструкцію о дѣлопроизводствѣ по этимъ отдѣленіямъ, или департаментамъ. Это былъ первый необходимый шагъ; имъ, конечно, нельзя было ограничиваться, но Сенатъ именно на немъ и остановился.

Прежде всего Сенатомъ приказывается всѣ „доношенія изъ коллегій и канцелярій, которыя на Москвѣ и въ С.-Петербургѣ,

[1]) П. С. З., № 5570.

[2]) П. С. З., № 5606, пунктъ 1; ср. М. А. М. Ю., дѣла Пр. Сената, кн. 5/608, л. 563 и сл., гдѣ помѣщенъ указанный приговоръ.

подавать въ тѣ департаменты, о какихъ дѣлахъ въ который департаментъ надлежитъ; а присланныя доношенія изъ губерній и провинцій подавать въ сенатской канцеляріи, которыя, распечатывая, того-же дни записывать въ книгу и отдавать въ департаменты, какія дѣла къ которымъ подлежатъ,—тѣхъ департаментовъ секретарямъ съ расписками; а которыя дѣла не къ тѣмъ департаментамъ, но къ сенатской канцеляріи будутъ подлежать, тѣ, замѣтя, записавъ въ книгу, вносить въ реестръ и докладывать Пр. Сенату въ общемъ собраніи" [1]).

Такимъ образомъ, этотъ приговоръ различаетъ канцелярію Сената отъ канцелярій департаментовъ и первой приказывается отдавать въ послѣднія всѣ резолюціи общаго присутствія Сената, откуда онѣ снова возвращаются, вмѣстѣ съ протоколами, „для закрѣпы" въ общемъ собраніи, но, однако, хранятся въ сенатской канцеляріи, которая отдаетъ въ департаментъ лишь точные списки протоколовъ (п. 3). Указы, основанные на приговорахъ Сената, отправляются, попрежнему, изъ сенатской канцеляріи экзекуторомъ, но при этомъ, впрочемъ, секретари департаментскихъ канцелярій обязаны, вмѣстѣ съ нимъ, слѣдить за исполненіемъ указовъ (п. 4). Указы, полученные отъ Е. И. В., хранятся въ подлинникахъ въ сенатской канцеляріи, а списки съ нихъ передаются секретарямъ въ означенные департаменты, по принадлежности. Сенатская канцелярія сочиняетъ затѣмъ „репорты" о рѣшенныхъ дѣлахъ, а равно и доклады „о тѣхъ дѣлахъ, которыхъ Пр. Сенатъ собою рѣшить не можетъ" и „которые оставить за расписаніемъ въ с.-петербургской канцеляріи" (п. 5—7). Наконецъ, послѣдній пунктъ этого указа возлагаетъ на секретарей и подьячихъ какъ общей сенатской, такъ и департаментскихъ канцелярій, заботу „о нужныхъ дѣлахъ, а именно: 1) которыя еще не рѣшены; 2) какой указъ въ полное дѣйствіе еще не произведенъ; 3) куда, о чемъ указъ отправленъ, а отвѣту—исполнено ли по оному—не получено;

[1]) Пунктъ 2-ой: „Когда въ сенатской канцеляріи въ общемъ присутствіи Пр. Сената какія дѣла слушаны и на оныя резолюція учинена, или что приказано будетъ сдѣлать, то протоколистамъ записывать въ журналъ исправно и ясно, дабы исполнять было можно безъ погрѣшенія; и изъ тѣхъ журнальныхъ записокъ выписывая, для сочиненія протоколовъ, или какого другого исправленія, отдавать тѣхъ департаментовъ секретарямъ того-жъ дня, дабы тѣ протоколы сочинены и исправно высмотрѣны и, для закрѣпы, къ другому собранію готовы быть могли, чего на нихъ взыскивать и смотрѣть оберъ-секретарямъ, кому которые по департаментамъ надлежатъ".

4) что сдѣлать, или о чемъ справляться отъ Пр. Сената приказано будетъ, и то исполнено-ль, или зачѣмъ не исполнено, и о прочемъ о всемъ, о чемъ нужда къ докладу требуетъ, о всѣхъ такихъ неисправленіяхъ выписывать и, съ расписки, объявлять оберъ-секретарямъ; и о томъ по часту имъ напоминать, не отговариваясь отнюдь тѣмъ, что которое дѣло къ докладу въ генеральномъ реестрѣ написано, или взысканіе, по посланнымъ указамъ, къ одному экзекутору надлежитъ, понеже хотя которое дѣло въ генеральномъ реестрѣ и написано, тако-жъ взысканіе на посланные указы исполненія должно и экзекутору имѣть. Однако-жъ, больше того о всемъ о томъ надлежитъ знать и напоминать тому, кто у себя какое дѣло имѣетъ въ рукахъ, и все то взыскано будетъ на немъ. Тако-жъ и сіе накрѣпко подтверждается, дабы во всѣхъ концептахъ, какъ въ сочиненіи выписокъ и въ выписываніи къ тому приличныхъ указовъ въ репортахъ и въ докладѣхъ, которые отъ Сената Е. И. В. подаваны быть имѣютъ, во отправляемыхъ указѣхъ и въ прочихъ дѣлахъ, всѣ нужныя обстоятельства опущены не были, но должны всячески о томъ, съ прилежнымъ трудомъ и попеченіемъ, исполнять безо всякія лѣности. И того всего за ними смотрѣть оберъ-секретарямъ“ (п. 7).

Мы остановились подробно на вышеприведенномъ приговорѣ Сената потому, что, независимо отъ вопроса, отступалъ ли онъ, или нѣтъ отъ основной мысли указа 1 іюня,—онъ представляетъ собою важную попытку раздѣленія сенатскихъ канцелярій по роду дѣлъ, подлежавшихъ вѣдомству каждой, что, конечно, должно было бы привести къ извѣстному внѣшнему порядку и къ выработкѣ у канцелярскихъ чиновниковъ Сената нѣкоторой опытности по разбору спеціальныхъ вопросовъ, отнесенныхъ къ компетенціи той или другой департаментской канцеляріи. Но Сенатъ, кажется, напрасно трудился надъ подробною разработкою вопроса объ устройствѣ этихъ канцелярій, такъ какъ онѣ просуществовали недолго. Именно, о нихъ упоминается въ журналахъ Сената со второй половины 1730 г. (съ іюля мѣсяца) по вторую половину 1731 г. (по августъ мѣсяцъ), такъ какъ на поляхъ этихъ журналовъ время отъ времени идутъ отмѣтки, что по рѣшеннымъ дѣламъ въ общемъ присутствіи Сената „записки даны“ въ воинскій, юстицкій, камеръ-коллежскій департаменты, или „въ департаментъ о ко-

мерціи“ [1]). Съ сентября же мѣсяца въ журналахъ о департаментскихъ канцеляріяхъ нѣтъ упоминанія. Затѣмъ, когда съ 11 октября до конца того же года Сенатъ, между прочимъ, занялся вопросомъ о штатѣ сенатской канцеляріи, о чемъ мы скажемъ ниже особо, въ разсужденіяхъ Сената о департаментскихъ канцеляріяхъ не говорится уже ни слова, какъ будто онѣ теперь не существуютъ вовсе. Существовали ли эти департаменты еще въ это время, —мы сказать не можемъ; но они, очевидно, вовсе не интересуютъ Сенатъ, вѣроятно, потому, что образованіе вскорѣ Кабинета, а равно и предстоявшее раздѣленіе Сената на два (Московскій и Петербургскій), вносили много новаго въ положеніе самого Сената. Какъ уже указывалось, число сенаторовъ къ началу 1732 г. не превышало 12 человѣкъ. Этого состава, конечно, было недостаточно для пяти департаментовъ.

Во всякомъ случаѣ, если образованіе пяти департаментскихъ канцелярій, съ точнымъ опредѣленіемъ, какія дѣла должны быть отнесены къ какой изъ нихъ, и заслуживаетъ вниманія по своей идеѣ, то оно было весьма непродолжительно, а потому и не могло оказать большой пользы.

Какъ же приводился въ исполненіе указъ 1 іюня 1730 г. на практикѣ по отношенію къ своей основной мысли? Что сенаторы бывали въ департаментахъ, на это есть нѣкоторыя, весьма, впрочемъ, немногія указанія въ журналахъ Сената [2]); но что они тамъ дѣлали, — на это, къ сожалѣнію, нельзя отвѣтить сколько нибудь положительно, такъ какъ отмѣтки о внесенныхъ въ общее собраніе дѣлахъ ничѣмъ не свидѣтельствуютъ о подготовкѣ ими самими докладовъ для общаго собранія Сената. Общее собраніе, напр., разсматривало дѣла „по выпискѣ отъ департамента комерціи“, „по предложенному отъ юстицкаго департамента доношенію“, „по предложенному отъ воинскаго

[1]) М. А. М. Ю., журналы Пр. Сената за весь 1730 г., кн. 18/1899, л. 231 и сл.; протоколы Пр. Сената за январь—по май, кн. 19/1900, л. 5, 44 об., 50 и сл., 59, 89 и сл.; 119 и сл., 171 об., 190 об. и др.; протоколы Пр. Сената май—по сентябрь, кн. 20/1901, л. 2, 4, 26 и сл., 39 и мн. др.; протоколы Пр. Сената съ сентября по конецъ года, кн. 21/1902, passim.

[2]) Въ журналѣ отъ 23 іюля 1730 г. читаемъ, что сенаторы прибыли въ Сенатъ въ 9-мъ часу, „вышли въ департаменты въ томъ же часу“; 3 августа—„пришли изъ департаментовъ для секретнаго дѣла“ и т. п. (М. А. М. Ю., журналы Пр. Сената за весь 1730 г., кн. 18/1899, л. 231, 246 об.).

департамента дѣлу" [1]) и т. п.; но кто составлялъ эти выписки, экстракты и пр., объ этомъ въ журналахъ ничего не говорится, и едва ли это умолчаніе можетъ быть толкуемо въ пользу предположенія о буквальномъ исполненіи указа 1 іюня, такъ какъ какіе либо слѣды этого исполненія остались бы. Къ сожалѣнію, мы ихъ пока не нашли.

Обращаясь къ устройству канцеляріи Сената, надо сказать, что если не касаться вышеуказанныхъ департаментскихъ канцелярій, то оно, въ общемъ, было такимъ, какимъ являлось въ концѣ правленія В. Т. Совѣта.

Но уже вскорѣ по возстановленіи Пр. Сената, послѣдній занялся вопросомъ о пересмотрѣ штата своей канцеляріи. Въ архивныхъ бумагахъ сохранилась очень интересная „журнальная записка о штатахъ" отъ 1731 г., воспроизводящая обширнѣйшія разсужденія сенаторовъ по этому вопросу, обсуждавшемуся ими съ 11 октября до 16 декабря этого года [2]). Возьмемъ изъ этой записки только то, что относится къ Сенату и его канцеляріи. Такъ, 11 октября въ Сенатѣ, между прочимъ, „слушали штатъ сенатской канцеляріи, сколько какихъ чиновъ и какіе оклады, и что всей суммы положено, и какія экспедиціи", т. е. штатъ 1725 г.; потомъ слушали указъ о разсмотрѣніи штата [3]). При этомъ кн. Д. М. Голицынъ „говорилъ, что надлежитъ поставить на мѣрѣ оклады и чтобъ давать по указу 1724 г. въ Москвѣ противъ с.-петербургскихъ вполы". На это, однако, кн. В. Вл. Долгорукій и прочіе (кн. А. М. Черкасскій, С. Н. Сукинъ, кн. Г. А. Урусовъ, кн. Ю. Ю. Трубецкой) возражали, что надо „наложить ровно какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, понеже гдѣ присутствіе Е. И. В., тутъ все дороже, такъ какъ въ Москвѣ нынѣ находится". Затѣмъ кн. А. М. Черкасскій „разсуждалъ о штатѣ сенатской канцеляріи, что надлежитъ назначить оклады оберъ-секретарю, секретарю, пе-

[1]) М. А. М. Ю., журналы Пр. Сената за весь 1730 г., кн. 18/1899, л. 288, 295 и об., 307, 333, 367 об.

[2]) Записка эта приложена къ „журналамъ Пр. Сената за весь 1732 г." (М. А. М. Ю., кн. 24/1905, л. 463—532), но она воспроизводитъ, какъ сказано, разсужденія Сената, по вопросу о штатахъ учрежденій, имѣвшія мѣсто еще въ 1731 г. (ibid., протоколы Пр. Сената, съ сентября по конецъ 1731 г., кн. 21/1902, с. 84 и сл.).

[3]) Повидимому, указъ отъ 20 сентября 1731 г. (Арх. Сен., Высоч. указы и повел., кн. 34, л. 6), подтверждавшій указъ отъ 1 іюня 1730 г., по которому повелѣно было образовать особую комиссію изъ членовъ Пр. Сената для пересмотра штатовъ на Петровскихъ началахъ (П. С. З., № 5568).

ревodчику, протоколисту, регистратору и копіисту, потомъ расписать по экспедиціямъ безъ излишества, и изъ того можно будетъ усмотрѣть, какую положить сумму". Повидимому, кн. А. М. Черкасскій подразумѣваетъ здѣсь подъ экспедиціями сенатской канцеляріи ея департаменты. Если это такъ, то этимъ подтверждается вышеуказанный нашъ взглядъ на эти департаменты, какъ на особыя отдѣленія сенатской канцеляріи. Далѣе кн. Дмитрій Михаиловичъ разсуждалъ, „что надлежитъ прежде разсмотрѣть о числѣ людей, коликимъ быть, а оклады положить противъ прежняго". Оберъ-прокуроръ Масловъ указалъ, что „Петръ Великій назначилъ на сенатскую канцелярію 13 т. р., а оклады на примѣръ, въ такомъ разсужденіи, чтобъ хотя малымъ числомъ людей дѣло было поправлено, тобъ тѣмъ (людямъ) раздѣлить ту всю сумму по трудамъ". Имъ же были поставлены на обсужденіе вопросы, не награждать ли за службы чѣмъ нибудь однимъ, деньгами или деревнями, а также и о томъ, „суммою-ль класть на каждое мѣсто или оклады учинить?" Въ отвѣтъ на второй вопросъ кн. Голицынъ замѣтилъ, что „изъ обоихъ къ которому нибудь соглашаться готовъ", а кн. Черкасскій „разсуждалъ, что не лучше ли положить акциденціи (т. е. отъ дѣлъ дозволенные доходы), а изъ окладовъ убавить; а ежели акциденцій не класть, то оклады сдѣлать больше, а прочіе о положеніи акциденцій не соглашались", на что кн. Голицынъ замѣтилъ, что „можно и противъ прежняго положить съ прибавкою, токмо чтобъ взятковъ не было, а намѣреніе о штатѣ, чтобъ убавить людей и для сохраненія суммы". Потомъ „разсуждали, чтобъ учинить оклады въ Сенатѣ: оберъ-секретарю - 1.200 р., секретарю—600 рублей; токмо не утвердили для того, что будетъ противъ прежняго, а штатъ велѣно разсматривать, видно по всему, что для убавки по штату, и разсуждали объ убавкѣ изъ положенной по штату суммы, а затѣмъ, что оной суммы останется, и на ту остаточную сумму служителей въ Сенатѣ и въ прочихъ мѣстахъ расписать по экспедиціямъ и показать на сколько человѣкъ расписано будетъ" [1]).

Мы остановились на этихъ „разсужденіяхъ" сенаторовъ о штатѣ въ виду того, что они отлично характеризуютъ взгляды на вопросъ, въ то время еще новый, а также показываютъ,

[1]) М. А. М. Ю., журналы Пр. Сената за весь 1732 г., кн. 24/1905, л. 463 и сл.

почему Сенатъ тогда, да и позднѣе, относился, какъ это видно, между прочимъ, и изъ преній, весьма скептически къ общему пересмотру своего штата, вслѣдствіе ясной для него тенденціи объ убавкѣ штата, тогда какъ развитіе дѣятельности требовало его усиленія. Неудивительно поэтому, что когда Масловъ предложилъ убавить штатъ сенатской канцеляріи „тысячи на 3, только бы суммою положить", нѣкоторые сенаторы на это возражали и указывали, что „сенатскимъ служителямъ оклады, для многихъ трудностей, не могутъ съ прочими быть сравнены".

Обратившись, послѣ этихъ разсужденій, къ слушанію штата сенатской канцеляріи, сенаторы согласились „изъ положенной, по штату, на жалованье сенатской канцеляріи, и коллегій, и канцелярій, и конторъ суммы убавить $^1/_5$ и расписать по экспедиціямъ на число служителей". Затѣмъ, между другимъ, „согласились же розыскной конторѣ (при Сенатѣ) не быть, Сенатской конторѣ не быть" и пр. [1]).

Минуя чрезвычайно интересныя пренія о штатахъ коллегій и канцелярій, приведемъ лишь нѣкоторыя данныя по вопросу „о штатѣ гг. сенаторовъ", который, по ихъ порученію, былъ составленъ Масловымъ. По выслушаніи проекта, Масловъ спросилъ, слѣдуетъ ли Г. П. Чернышева „въ тотъ штатъ класть, или останется на ген.-губернаторскомъ жалованьѣ". При этомъ кн. Черкасскій замѣтилъ, что слѣдуетъ разсматривать „о коллежскихъ членахъ, а о Сенатѣ въ докладъ представить такимъ образомъ: которые засѣдаютъ воинскіе и у другихъ командъ будучи, тѣмъ остаться при томъ жалованьѣ, кому какое опредѣлено, а кои засѣдаютъ изъ статскихъ, тѣмъ полное, противъ воинскихъ, или половинное получать,—о томъ оставить на соизволеніе; къ тому представить, что и изъ воинскихъ, сидя у одного дѣла, несутъ такой же трудъ, какъ и статскіе.—И тому разсужденію согласились" [2]). Такого доклада, однако, по неизвѣстной причинѣ, представлено Государынѣ не было; вопросъ о штатѣ сенаторовъ вообще и его канцеляріи въ частности разрѣшенъ не былъ и все осталось попрежнему.

Что касается дѣйствительнаго состава сенатской канцеляріи и ея жалованья, то вполнѣ точныя свѣдѣнія мы имѣемъ

[1]) М. А. М. Ю., Журналы Пр. Сената за весь 1732 г., кн. 24/1905, стр. 465 и сл.
[2]) Ibid., стр. 466 и сл.

отъ 1737 г.; поэтому, не касаясь предыдущихъ мелкихъ измѣненій, приведемъ лишь эти свѣдѣнія. Въ указанное время въ канцеляріи Сената состояло два оберъ-секретаря, получавшихъ по 1.200 р. въ годъ жалованья; секретарей было 6, изъ нихъ одинъ получалъ 600 р., 4—по 550 р. и одинъ—500 р., переводчикъ—300 р., 2 протоколиста—по 300 р., регистраторъ—250 р.; 5 канцеляристовъ получали по 230 р., 4—по 200 р., 4—по 160 р.; изъ подканцеляристовъ 3 получали по 120 р., шесть—по 100 р., копіисты—10 чел. по 50 р., 9 ч. по 40 р.; 12 дворянъ, „обрѣтающихся" при Сенатѣ, получали по 70 р., 3 сторожа—по 24 р. [1]). Указанные дворяне обучались въ Сенатѣ „приказнымъ дѣламъ, тако-жъ въ учрежденной при Сенатѣ школѣ—надлежащимъ наукамъ"; они исполняли при Сенатѣ обязанности копіистовъ.

Сенатъ самъ назначалъ своихъ секретарей и канцелярскихъ служителей и переводилъ ихъ съ одной должности на другую. Такъ, напр., по приговору Сената отъ 1 сентября 1737 г. велѣно было „рекетмейстерскихъ дѣлъ секретарю Максиму Данилову быть у дѣлъ въ Пр. Сенатѣ и, о томъ сказавъ ему указъ, привесть его къ присягѣ, а рекетмейстерскія дѣла управлять до указу обрѣтающемуся при Сенатѣ у собиранія о рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ дѣлахъ вѣдомостей секретарю А. Протасову" [2]). Пока Сенатъ раздѣлялся на два Сената, это вызывало, естественно, измѣненіе въ распредѣленіи дѣлъ между его секретарями и оберъ-секретарями. Разсуждая 25 февраля 1732 г., что „оберъ-секретарь Кирилловъ, сверхъ сенатскихъ дѣлъ, обязанъ другими дѣлами при комиссіи комерціи и для исправленія тѣхъ дѣлъ бываетъ часто въ отлучкахъ, отчего во исправленіи настоящихъ сенатскихъ дѣлъ бываетъ остановка и неисправленіе", Сенатъ приказалъ: „опредѣлить къ тѣмъ дѣламъ другого оберъ-секретаря Сверчкова, который нынѣ при сочиненіи уложенія, и быть ему при тѣхъ дѣлахъ, покамѣстъ сенатская канцелярія будетъ въ С.-Петербургѣ" [3]).

Если самъ Сенатъ находился подъ наблюденіемъ Кабинета и получалъ отъ него, въ той или иной формѣ, приказы, то еще

[1]) П. С. З., № 7404. Уплата жалованья должна была производиться изъ положенной суммы, по силѣ состоявшагося въ 1725 г. указа, „по состоянію той суммы", т. е., иначе говоря,—по штату 19 февраля 1725 г. (ibid., № 4659).

[2]) М. А. М. Ю., журн. и пр. Пр. Сената, кн. 227/2108, л. 27.

[3]) Ibid., кн. 142/2023, л. 147.

болѣе это можно сказать о канцеляріи Сената. Въ Сенатѣ, напр., оберъ-секретарь доложилъ 5 августа 1737 г., по данной ему въ Кабинетѣ запискѣ, слѣдующій „приказъ г.г. кабинетъ-министровъ: 1) сенатскіе бы секретари въ исправленіи дѣлъ трудились и впредь бы не такъ дѣла слѣдовали, чтобъ только указы о исполненіи отправлены и потомъ забвенію преданы, но дабы всегда о всякомъ дѣлѣ въ памяти имѣть и стараться и представлять, чтобъ они въ тѣхъ мѣстахъ, дѣйствительно, исполнены были; 2) о секретаряхъ сенатскихъ тотчасъ подать вѣдомость: сколько кому отъ роду лѣтъ, и съ котораго кто году при штатскихъ дѣлахъ были, и при какихъ именно, и чрезъ сколько лѣтъ, и за какія заслуги, до секретарскихъ чиновъ дошли, расписавъ по порядку, сколько времени писарями и копіистами и въ прочихъ канцелярскихъ чинахъ служили и въ которомъ году въ секретари пожалованы, и къ какимъ дѣламъ, и послѣ того, по какимъ опредѣленіямъ въ Сенатъ взяты, и нынѣ какіе кто изъ нихъ дѣла отправляютъ" [1])... Этотъ приказъ былъ немедленно исполненъ.

Требованіе доставленія списковъ канцелярскихъ служителей, во главѣ съ оберъ-секретарями и секретарями, было вызвано слѣдующей, весьма нелестной аттестаціею канцелярскаго персонала учрежденій, не исключая и Сената. Именной указъ, данный Сенату 21 октября 1737 г., гласилъ, что „Е. И. В. извѣстно учинилось, что въ Сенатѣ, Синодѣ.... секретарей и канцелярскихъ служителей достоиныхъ, кто смыслъ и разсужденіе имѣютъ, и, по званіямъ чиновъ своихъ, врученныя имъ дѣла исправлять могутъ, весьма мало; а прочіе, хотя и ничего не разумѣютъ, однакожъ, будучи подъ опекою своихъ благодѣтелей, за свои къ нимъ партикулярныя услуги, а иные сродниковъ и свойственниковъ, обще съ достойными въ штатѣ числятся и равное съ ними жалованье получаютъ, а дѣлъ ничего не дѣлаютъ, для того, что недостатокъ ума ихъ до того не допущаетъ" [2]).... Кажется, эта злая характеристика меньше всего относилась къ Сенату, такъ какъ среди его оберъ-секретарей и даже секретарей въ это время было немало людей выдающихся [3]).

[1]) М. А. М. Ю., дѣла Пр. Сената по бывш. Кабинету, кн. 18/1095, л. 586, формулярные списки секретарей, ibid., 587—595.

[2]) П. С. З., № 7410.

[3]) Таковы были, напр.: Анисимъ Масловъ, изъ оберъ-секретарей Сената назначенный оберъ-прокуроромъ Сената; Иванъ Кирилловъ, авторъ извѣстнаго сочиненія „Цвѣту-

Впрочемъ, и самъ указъ, сдѣлавъ приведенную характеристику, далѣе говоритъ, что „въ губерніи и провинціи въ секретари едва ли не всѣ такіе произведены“, т. е. какъ бы выдѣляетъ секретаріатъ центральныхъ учрежденій [1]). Да и вообще, при тѣхъ сложныхъ и отвѣтственныхъ работахъ, какія лежали на немъ въ Сенатѣ, обязанности его могли, конечно, исполнять только люди, „смыслъ и разсужденіе имѣющіе“....

VI. Дѣлопроизводство Сената.

Дѣлопроизводство Сената въ правленіе Кабинета частью характеризуется тѣми же чертами, какія ему были присущи ранѣе, частью можно отмѣтить въ немъ нѣкоторыя крупныя измѣненія. Изъ этихъ измѣненій прежде всего необходимо остановиться на одномъ, а именно на заведеніи въ Сенатѣ журналовъ засѣданій.

Въ терминологію нашего дѣлопроизводства уже при Петрѣ вошли слова журналъ и протоколъ; но понятіе журнала, однако, долго смѣшивалось съ понятіемъ протокола. Подъ журналомъ въ дѣлопроизводствѣ учрежденій надо разумѣть дневную записку, или дневникъ, въ которомъ кратко, но точно, обозначается все то, что дѣлалось въ засѣданіи того или иного установленія въ данный день. Подъ протоколомъ же надо понимать подробное изложеніе всѣхъ обстоятельствъ одного какого либо дѣла, или вопроса, возбудившихъ, при своемъ обсужденіи, болѣе или менѣе пространныя пренія и вызвавшихъ поэтому выдѣленіе ихъ изъ общей журнальной записки даннаго дня въ особую запись. Въ дѣлопроизводствѣ Пр. Сената при

щее состояніе Всероссійскаго Государства“ (послѣ Петра); Петръ Елесовъ, авторъ хотя и вовсе неизвѣстнаго въ литературѣ, но тѣмъ не менѣе замѣчательнаго трехтомнаго рукописнаго „Алфавита указамъ и резолюціямъ Петра Великаго, подлежащимъ къ вѣчному храненію“, который находится въ Архивѣ Сената. (Опись документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Сенатскомъ Архивѣ, Отд. I, т. I, ст. 646; т. II, ст. 692).

[1]) Позднѣе, а именно 3 іюня 1738 г., по предложенію оберъ-прокурора, Сенатъ назначилъ испытаніе въ Сенатѣ и въ Сенатскои конторѣ секретарямъ и канцелярскимъ служителямъ коллегій и губернскихъ учрежденій въ знаніи ими дѣлопроизводства (П. С. З., № 7590).

Петрѣ I не предполагалось веденія журналовъ, но требовалось лишь составленіе протоколовъ на отдѣльные вопросы, подлежавшіе разсмотрѣнію и рѣшенію Сената [1]). Конечно, Петръ зналъ отлично, что такое журналъ, и если не велъ его вообще самъ, то неоднократно исправлялъ походные журналы, которые велись Его кабинетъ-секретаремъ Макаровымъ. Затѣмъ въ Генеральномъ регламентѣ коллегіямъ предписывалось регистратору, между прочимъ, завести „книгу-журналъ“ (повседневную записку), въ которую вносить „вкратцѣ“ все то, что „въ регистратурѣ (въ записныхъ книгахъ) искать надобно“ (гл. XXXIII); но здѣсь журналъ имѣлъ другое назначеніе и не долженъ былъ воспроизводить всего того, что было въ засѣданіяхъ самого Сената. Кромѣ того, въ томъ же „Генеральномъ регламентѣ“ было допущено, какъ намъ кажется, смѣшеніе двухъ указанныхъ понятій, а именно — журнала и протокола. Мы уже отмѣчали выше (стр. 156), что понимаетъ Регламентъ подъ словомъ протоколъ. Изъ постановленія Регламента видно, что протоколъ содержитъ въ себѣ, во 1-хъ, перечневое, т. е. краткое, изображеніе всего того, что происходило въ данномъ засѣданіи, являясь такимъ образомъ журналомъ засѣданія, или же, во 2-хъ, когда дѣло „великой важности“, онъ пространно касается одного только этого дѣла, т. е. представляетъ собою уже не журналъ даннаго засѣданія, а протоколъ по одному дѣлу.

Законъ, такимъ образомъ, придавалъ слову протоколъ два различныхъ смысла. Обычно въ Сенатѣ при Петрѣ только и велись протоколы по отдѣльнымъ дѣламъ, да и то рѣдко, такъ какъ записи ограничивались одними приговорами. Если мы не ошибаемся, въ дѣлопроизводствѣ Сената различіе между журналами и протоколами было введено лишь послѣ Петра Великаго, а именно—съ уничтоженіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта и съ возстановленіемъ, по Манифесту 4 марта 1730 г., власти и значенія Пр. Сената.

Надо замѣтить, что въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, въ 6-мъ пунктѣ знаменитаго „мнѣнія не въ указъ“ отъ 16 марта 1726 г., —который долженъ былъ быть руководствомъ въ дѣло-

[1]) „Указали для лучшаго порядка, какъ въ Сенатѣ, такъ. . . всѣмъ дѣламъ чинить протоколы, когда какое дѣло рѣшить“. . . . (П. С. З., № 2791).

производствѣ В. Т. Совѣта, —мы встрѣчаемся снова съ тѣмъ и другимъ терминомъ—журналъ и протоколъ. Пунктъ этотъ гласитъ, что „въ Тайномъ Совѣтѣ надобно два протокола держать: одинъ образомъ журнала, который подписывать не надлежитъ, другой-же —объ учиненныхъ въ Тайномъ Совѣтѣ резолюціяхъ, который Тайному Совѣту закрѣплять“ [1]). В. Т. Совѣтъ пытается уже различить протоколъ—журналъ отъ протокола, какъ такового, причемъ здѣсь проводится разница между ними съ формальной точки зрѣнія: первый не подписывается членами Совѣта, второй подписывается. Затѣмъ изъ практики совѣтскаго дѣлопроизводства видно, что журналъ, дѣйствительно, содержалъ въ себѣ перечень всѣхъ дѣлъ, разсмотрѣнныхъ Совѣтомъ въ засѣданіи даннаго дня, а протоколъ составлялся по отдѣльному вопросу, разсмотрѣнному и разрѣшенному Совѣтомъ [2]). Такой журналъ велся и въ Кабинетѣ министровъ. Верховники, войдя, послѣ уничтоженія В. Т. Совѣта, въ составъ Пр. Сената, завели тамъ тотчасъ-же и журналы [3]), въ только-что указанномъ смыслѣ этого слова, которые никѣмъ изъ сенаторовъ не подписывались, чѣмъ они уже внѣшне, формально, отличались отъ протоколовъ, не говоря, конечно, о различіи ихъ по содержанію. Чтобъ понять дальнѣйшую судьбу вопроса о журналахъ Пр. Сената, надо обратить вниманіе на нижеслѣдующія обстоятельства.

По Высочайшему повелѣнію, объявленному изъ Кабинета Пр. Сенату 17-го мая 1737 г., было указано взять въ Сенатъ изъ Юстицъ-коллегіи дѣло княгини Настасьи Кантемиръ съ пасынкомъ ея, кн. Константиномъ Кантемиромъ, о недвижимомъ имѣніи и, вмѣстѣ съ челобитною ея, разсмотрѣть его въ Сенатѣ „сущею правдою, безъ всякой манности и посягательства какъ челобитчицѣ, такъ и отвѣтчику“. Затѣмъ, 26-го ноября того же года, повелѣно было означенное дѣло, съ подлежащими экстрактами и резолюціями, прислать въ Кабинетъ, а 29-го числа

[1]) Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. LV, стр. 94.

[2]) Ibid., стр. 97, 100, 106 и сл., 118, 135 и мн. др.

[3]) Въ Московскомъ архивѣ Министерства юстиціи сохранился журналъ Пр. Сената за 1730 г., на первомъ листкѣ коего написано: „журналъ присудствія Пр. Сената марта съ 5 числа 1730 г.“ (т. е. съ возстановленія Сената въ своей власти, по Манифесту 4 марта 1730 г.). М. А. М. Ю., кн. 18/1899. Указъ Сената отъ 18 августа того же года уже ясно отличаетъ журналъ отъ протокола (П. С. З., № 5606, п. 2 и 3).

состоялся Именной указъ „объ учрежденіи вышняго суда, по челобитью л.-гв. поручика кн. Константина Кантемира, для разсмотрѣнія дѣла его съ мачехою о четвертой части“, какъ сказано въ журналѣ Кабинета [1]). Судъ этотъ,—состоявшій изъ адмирала гр. Головина, об.-шталмейстера кн. Куракина, об.-егермейстера Волынскаго, гофмаршала Шепелева и ген.-полицеймейстера Салтыкова, обнаружилъ, между прочимъ, что „въ Сенатѣ то дѣло неправильно рѣшено“. Вслѣдствіе чего изъ Кабинета былъ объявленъ Именной указъ объ оштрафованіи нѣкоторыхъ чиновъ какъ Сената, такъ и Юстицъ-коллегіи [2]). Изъ этого указа, датированнаго 1-мъ числомъ января мѣсяца 1737 г., мы узнаемъ, что когда оберъ-секретарь Пр. Сената Даниловъ „отъ сенаторовъ къ тому дѣлу (т.-е. къ дѣлу кн. Н. Кантемиръ съ ея пасынкомъ) былъ призванъ и увидѣлъ ихъ сенаторскія неправильныя разсужденія, тогда имъ, по должности своей, представлялъ; но изъ тѣхъ его представленій самое нужнѣйшее, по Уложенному пункту, что-бъ безъ суда никого не винить, и въ журнальной запискѣ не явилось. А по указу 733 г. велѣно оберъ-секретарямъ и секретарямъ свои представленія записывать при самихъ судьяхъ“. Оберъ-секретарю Данилову было тогда-же объявлено Высочайшее повелѣніе, „что-бъ онъ впредь во всѣхъ дѣлахъ добрый порядокъ имѣлъ и всѣ права и указы предостерегалъ; ежели-жъ когда по какому-нибудь сенаторы разсуждать будутъ въ противность указовъ, тогда, не боясь никого, но, по своей къ Е. И. В. и государству вѣрности и присяжной должности, имъ представлять, что то ихъ разсужденіе государственнымъ правамъ и указамъ противно, и въ чемъ именно -изъяснить подлинно. И ежели они того его представленія за благо не примутъ и останутся при своемъ прежнемъ разсужденіи, то ему тотчасъ о томъ своемъ представленіи въ журналѣ записать и подъ тою запискою руку свою подписать. И для того всѣ тѣ журнальныя записки ежедневно надлежитъ ему разсматривать и сенаторамъ ежедневно-жъ предлагать, что-бъ они апробовали и сами своими руками подписывали, и всегда бъ такія журнальныя записки были вѣрныя, а не такія,

[1]) См. „Бумаги Кабинета министровъ“, т. V, стр. 215, 573, 578, 580; срав. П. С. З., № 7113.

[2]) Бумаги Кабинета министровъ, т. V, стр. 649.

какія по сіе время имѣлись, что и самъ Сенатъ на нихъ не утверждается, какъ то нынѣ въ вышнемъ судѣ усмотрѣно“ [1]).

Изъ текста приведеннаго Именного указа ясно видно, во 1-хъ, что „журнальныя записки“, которыя велись въ Сенатѣ до начала 1737 г., отличались неполнотою, да при томъ были настолько недостовѣрны, „что и самъ Сенатъ на нихъ не утверждается“, и, во 2-хъ, что, было повелѣно внести впредь порядокъ въ веденіе журналовъ и принять мѣры, чтобы „всегда-бъ такія журнальныя записки были вѣрныя“. Этотъ Именной указъ затѣмъ былъ въ точности исполненъ, и съ 1737 г. началось веденіе въ Сенатѣ обстоятельныхъ журналовъ, прекрасно рисующихъ порядокъ внутренняго дѣлопроизводства названнаго учрежденія. Какъ видно изъ журнала отъ 3-го января того-же года, Сенатъ, во исполненіе указа отъ 1-го января, опредѣлилъ: „поступать какъ въ Сенатѣ, такъ и въ Юстицъ-коллегіи, во всѣхъ дѣлахъ такъ, какъ въ томъ указѣ изображено, и журнальныя записки каждаго дни вести порядочно и для апробаціи Пр. Сенату представлять ихъ на другой день прежде слушанія другихъ дѣлъ и, какъ апробуютъ и подпишутъ, тогда докладывать по прочимъ дѣламъ; противъ того-жъ поступать и въ Юстицъ-коллегіи“ [2]). Съ начала 1737 г. журналы, дѣйствительно, ведутся въ Сенатѣ „порядочно“, какъ въ этомъ не трудно убѣдиться изъ напечатаннаго нынѣ ихъ текста. Журналъ каждаго дня неукоснительно воспроизводитъ составъ присутствія Пр. Сената, время прихода и ухода сенаторовъ изъ засѣданій, затѣмъ отмѣчаетъ, откуда и какія дѣла поступаютъ на его разсмотрѣніе, показываетъ, съ какими лицами и по какимъ поводамъ Сенатъ имѣлъ непосредственныя сношенія, обозначаетъ, наконецъ, предѣлы компетенціи учрежденія въ томъ видѣ, какъ она слагалась и видоизмѣнялась не по закону только, но и на практикѣ. Если къ этому прибавить, что журналъ каждаго дня не только скрѣпляется по листамъ секретарями Сената, но и подписывается самими сенаторами и оберъ-секретарями, то въ указанныхъ документахъ мы имѣемъ вполнѣ точныя данныя для сужденія о томъ,

[1]) П. С. З., № 7143.

[2]) А. Н. Филипповъ, „Журналы Правительствующаго Сената за 1737 г.“, т. I, (М., 1910 г.), т. II. (1911 г.). Упоминаемый журналъ отъ 3 января, ibid, т. I, стр. 4 и сл.

чѣмъ былъ Сенатъ въ это время и что онъ дѣлалъ. Такихъ документовъ сенатскаго дѣлопроизводства мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, ни за время Петровскаго царствованія, ни за время Его ближайшихъ преемниковъ.

Начатое съ 1737 г. „порядочное веденіе" журналовъ Сената продолжалось и позднѣе. Журналы 1740 г. и слѣдующихъ лѣтъ частью изданы, частью издаются въ „Сенатскомъ Архивѣ".

Если такой характеръ имѣютъ журналы Сената съ 1737 г. до конца изучаемаго нами періода въ исторіи учрежденія, то спрашивается, каковы журналы за 1730—1736 г.г.? Именной указъ 1737 г. констатируетъ, что записки, которыя велись прежде (во всякомъ случаѣ—въ 1736 г.), были таковы, что „и самъ Сенатъ на нихъ не утверждается". Онѣ, несомнѣнно, не имѣютъ офиціальнаго характера, такъ какъ за одни годы (напр., за 1731 и 1733 г.г.) онѣ являются въ видѣ черновыхъ замѣтокъ, наскоро сдѣланныхъ секретарями, за другіе (напр., за 1732 г.), хотя и переписаны набѣло, но никѣмъ, однако, не скрѣплены по листамъ, а тѣмъ паче—не подписаны сенаторами и оберъ-секретарями. Но онѣ, впрочемъ, не могутъ быть и совершенно игнорируемы, такъ какъ даютъ богатѣйшій матеріалъ для сужденія о повседневной дѣятельности Сената, составѣ его присутствія и пр. Пользуясь ими, слѣдуетъ, однако, насколько возможно, провѣрять ихъ свѣдѣнія другими данными и, при совпаденіи тѣхъ и другихъ, дѣлать изъ нихъ соотвѣтствующіе выводы. Такъ, напр., судить о дѣлахъ, подлежавшихъ рѣшенію Сената, мы можемъ не только по указаннымъ журналамъ, но какъ по приговорамъ, такъ и по „репортамъ", подававшимся Сенатомъ Императрицѣ; составъ присутствія Сената можно опредѣлить какъ по журналамъ, такъ и по приговорамъ, и т. д.

Введеніе въ Сенатъ журналовъ его засѣданій было крупнымъ шагомъ къ усовершенствованію формъ его дѣлопроизводства въ царствованіе Анны. Не менѣе важнымъ является весьма строгое соблюденіе правилъ о составленіи протоколовъ, выслушиваніи ихъ и, наконецъ, о подписаніи. Журналы съ 1737 г. содержатъ въ себѣ стереотипныя фразы, коими заканчиваются ихъ „журнальныя записки": „по вышеписаннымъ разсужденіямъ о чемъ надлежитъ, сочинить протоколы съ обстоятельствомъ

и предложить къ закрѣпѣ"; „слушали и подписали... протоколовъ... доношеній... сообщеній" (столько-то); „слушали и подписали... протоколовъ, да журнальныя записки" и т. п. Вообще въ дѣлопроизводствѣ этого времени мы замѣчаемъ не мало внѣшнихъ улучшеній. Такъ, напр., ведутся по отдѣльнымъ „экспедиціямъ" канцеляріи обстоятельныя книги входящимъ въ Пр. Сенатъ дѣламъ по особымъ формамъ. Въ нихъ означены рубрики, „которымъ числомъ крѣплены протоколы", „указы Сената въ какой силѣ посланы" и „которымъ числомъ крѣплены", находимъ „званія мѣстамъ, куда указы посланы", и когда, „съ кѣмъ посланы, или на почтѣ отправлены", каковъ „о репортованіи поверстный и указный сроки", „въ которыхъ числахъ о полученіи репортовано", „какія понужденія и исполненія были въ которыхъ числахъ", „зачѣмъ не исполнено", отмѣтки—„исполнено" [1]). Если не всѣ эти рубрики и не всегда являются заполненными, то веденіе самыхъ книгъ указываетъ на попытку упорядоченія дѣлопроизводства въ Сенатѣ. Замѣтимъ еще, что въ это время Сенатомъ создаются формы „репортамъ" и доношеніямъ, подаваемымъ въ Сенатъ изъ губернскихъ и провинціальныхъ учрежденій [2]).

Но если, съ внѣшней стороны, можно отмѣтить рядъ улучшеній въ дѣлопроизводствѣ и вообще болѣе строгое исполненіе предписанныхъ формъ его, то, на ряду съ этимъ, нельзя не указать и на его недостатки, частью стоящіе въ связи съ обиліемъ всякаго рода сложныхъ канцелярскихъ дѣйствій. Такъ, медленность дѣлопроизводства Сената отличала его теперь, какъ и раньше. Въ Сенатъ, напр., вступило въ 1732 г. въ Петербургѣ 1.900 дѣлъ; изъ нихъ рѣшено 1.502, остались нерѣшенными на слѣдующій годъ 398; въ Москвѣ вступило 2.043 дѣла, изъ нихъ рѣшено 1.444, остались безъ рѣшенія 599, причемъ въ этотъ счетъ не вошли дѣла прежнихъ лѣтъ [3]). Жалобы на медленность рѣшенія дѣлъ идутъ отовсюду, и, напр., Именной указъ отъ 6 мая 1736 г. прямо говоритъ, что Императрицѣ „извѣстно учинилось, что какъ въ Сенатѣ", такъ и въ другихъ

[1]) П. С. З. № 7155; М. А. М. Ю., „входящая Пр. Сената за январь, февраль, мартъ 1733 г.", кн. 45/2328 и др. Указанная книга за 3 мѣсяца содержитъ 252 листа.

[2]) П. С. З., № 7713; срав. также формы вѣдомостей изъ Юстицъ-коллегіи о рѣшенныхъ дѣлахъ, ibid, № 7224.

[3]) Гос. Арх., разр. IX, № 31, черновыя бумаги и разныя справки по перепискѣ Императрицы Анны и Іоанна-Эрнста Бирона, бывшей у секретаря Ав. Полубояринова, л. 9.

учрежденіяхъ, челобитчиковы дѣла „медленно производятся и колодниковъ по челобитчиковымъ, тако жъ по татинымъ и разбойнымъ дѣламъ, весьма умножились и сидятъ не токмо по году и по два, но и по десяти лѣтъ и больше, между которыми есть не весьма въ важныхъ дѣлахъ, а иные и безвинно такъ долго страждутъ" ... [1]).

Какъ относились сенаторы къ разсмотрѣнію дѣлъ, это весьма рельефно изображено въ доношеніи, поданномъ Императрицѣ въ Кабинетъ оберъ-прокуроромъ Сената, Анисимомъ Масловымъ, 17 сентября 1733 г. Оберъ-прокуроръ указываетъ въ немъ, что „г.г. сенаторы въ канцелярію собираются гораздо поздно и, опоздавъ, пріѣзжаютъ не вдругъ и одинъ другого дожидаются, сидя безъ дѣла праздно; а какъ персоны 2 или 3 соберутся, то, хотя и начнутъ какое дѣло слушать, но потомъ станутъ приходить другіе и для всякаго тѣ дѣла начинаютъ слушать вновь, отчего только замедленіе чинится и время происходитъ напрасно; къ тому жъ который придетъ поздно и того дѣла слушать сначала не засталъ, то силы всего того дѣла знать не можетъ, и для того разсужденіемъ своимъ чинитъ затрудненіе". Масловъ отмѣчаетъ при этомъ, что въ Сенатѣ дѣлъ весьма много, а особливо нужныхъ, которыя „время не терпятъ, и потребно трудъ имѣть непрестанный", и что при Петрѣ, когда дѣлъ накоплялось много, Сенатъ имѣлъ засѣданія „въ день по дважды"; это онъ рекомендуетъ дѣлать и теперь, прося „сверхъ того подтвердить, чтобы въ осеннее и зимнее время съѣзжались, конечно, въ седьмомъ часу пополуночи, или и ранѣе, когда нужда потребуетъ" [2]). Интересно здѣсь отмѣтить, что за $1^1/_2$ года передъ этимъ „доношеніемъ" сами сенаторы обсуждали тотъ же вопросъ о времени своего пріѣзда въ Сенатъ и пришли къ заключенію о необходимости съѣзжаться одновременно; но, какъ видно изъ предыдущаго, не соблюдали своего собственнаго рѣшенія [3]).

[1]) П. С. З., № 6952.

[2]) Бумаги Кабинета министровъ, т. II, стр. 457.

[3]) Вопросъ этотъ обсуждался 12 и 16 января 1731 г., при чемъ въ первомъ засѣданіи „согласились для отправленія дѣлъ въ Сенатъ съѣзжаться въ каждой недѣли по 4 дня (въ понедѣльникъ, вторникъ, четвергъ и пятницу) пополуночи въ 7-мъ часу, безъ повѣстокъ; во второмъ-же засѣданіи дополнили это постановленіе такъ: съѣзжаться пополуночи въ 8-мъ часу, чтобъ въ 8 часовъ дѣла слушать совершенно, а ежели кому изъ сенаторей, за отсутствіемъ къ другимъ дѣламъ, или за болѣзнію, или другою какою

Доношеніе Маслова не осталось втунѣ, и на него 12 октября послѣдовалъ Именной указъ, прошедшій, конечно, черезъ Кабинетъ. Указъ этотъ, повторяя свѣдѣнія, изложенныя Масловымъ, о позднемъ и неодновременномъ пріѣздѣ сенаторовъ въ засѣданія, „накрѣпко" повелѣваетъ „въ опредѣленные дни съѣзжаться въ Сенатъ, кончае всему собранію въ одинъ часъ, а именно—въ 7 ч. пополуночи, дабы съ начала 8-го часа всѣмъ дѣйствительно въ слушаніи и рѣшеніи дѣлъ вступать возможно было безъ остановки, и сидѣть пять часовъ, до 1-го часа пополудни" [1]. Указъ этотъ, однако, не соблюдался въ точности, и мы видимъ, напр., въ журналахъ, что одинъ сенаторъ прибылъ въ 8-мъ часу, три въ 9-мъ, два другихъ еще позднѣе, даже въ 11-му часу. Что касается извѣщенія о причинахъ неприбытія, то оно, обычно, присылалось въ день засѣданія [2].

Если сенаторы, съ одной стороны, собирались на засѣданія неодновременно, то, съ другой, они собирались на нихъ нерѣдко въ недостаточномъ числѣ. Это заставило оберъ-прокурора Сената Маслова „словесно предложить", въ засѣданіи отъ 25 ноября 1732 г., такую мѣру: „которыя дѣла важныя, а сенаторы не всѣ въ собраніи, а кои присутствуютъ, тѣ не согласятся, о такихъ—ходить-бы секретарямъ къ сенаторамъ, кои не присутствовали, на дворы и требовать ихъ разсужденія, а куда болѣе . . . (голосовъ?) будетъ, тѣмъ и оканчивать по указамъ, дабы въ такихъ дѣлахъ продолженія не было" [3]. Въ журналахъ Сената нѣтъ указаній, какъ отнеслись сенаторы къ этому предложенію; повидимому, они на него ничего не отвѣтили. Тогда Масловъ вошелъ къ Императрицѣ съ доношеніемъ по тому же вопросу. Въ этомъ доношеніи онъ указалъ, между прочимъ, слѣдующее: „нынѣ въ С.-Петербургѣ сенаторей обрѣтается 7 персонъ; токмо полнаго собранія никогда не бываетъ, и рѣдко когда случается, чтобъ изъ оныхъ въ собраніи бывало по 3 или по 4, но больше по 2 персоны, о чемъ да изволите В. И. В. извѣстны быть изъ приложенныхъ при семъ прошедшихъ двухъ

нуждою, въ который день быть неможно, о томъ присылати со объявленіемъ, кому зачѣмъ быть неможно, дабы въ ожиданіи время напрасно не происходило" (М. А. М. Ю., журналы Пр. Сената, кн. 19/1900, л. 442, 445 об.).

[1]) Бумаги Кабинета министровъ, т. II, стр. 502; П. С. З., № 6499.

[2]) А. Н. Филипповъ, Журналы Пр. Сената за 1737 г., т. I, стр. 25 и сл., 41 и сл., 53, 56 и мн. др.

[3]) М. А. М. Ю., журн. Пр. Сената за весь 1732 г., кн. 24/1905, л. 428.

недѣль репортовъ [1]); прочіе-жъ за болѣзнію, а другіе бываютъ при дворѣ В. И. В. на дежурствѣ, и что обязаны другими дѣлами, по всѣ дни въ Сенатѣ не присутствуютъ и, хотя по силѣ сенатской Должности, которые сенаторы, за болѣзнью, въ Сенатѣ не бываютъ, къ тѣмъ дѣла и резолюціи на дворы посылаются; однако-жъ, часто случается, что, за тѣми своими болѣзнями, дѣлъ слушать и резолюціи накладывать не могутъ; а которыя государственныя дѣла требуютъ довольнаго и основательнаго разсужденія, по такимъ, безъ общаго всѣхъ собранія, заочно согласиться весьма трудно".

Таковы были недочеты сенатскаго дѣлопроизводства въ началѣ царствованія Анны. Они продолжали сказываться и позднѣе, какъ мы видѣли это на исторіи съ журналами; ихъ можно отмѣтить и въ концѣ царствованія. Такъ, оберъ-секретарь Сената Севергинъ, ссылаясь на приговоръ отъ 27 іюля 1739 г.,—по которому приказывалось „по протоколамъ, которые пока всѣми Пр. Сената руками не подписаны, отправленія не чинить" [2])—доложилъ слѣдующее: „многіе журналы подписаны руками г.г. сенаторовъ, отъ двухъ до трехъ персонъ, а въ прочихъ подписанія не имѣется, и хотя-де по нужнымъ дѣламъ, для скорости, протоколы сочиняются и всѣми руками г.г. сенаторовъ подписаны бываютъ, и по нихъ надлежащія исполненія чинятся, однакожъ то не безъ сомнѣнія, что журналы не ото всѣхъ подписаны", хотя оберъ-секретари постоянно понуждаютъ протоколистовъ требовать у сенаторовъ подписанія журналовъ. Между тѣмъ, можетъ случиться, что кто-либо изъ сенаторовъ потребуетъ журналъ, „а у онаго и подписанія его нѣтъ, то можетъ взыскаться на нихъ, оберъ-секретаряхъ". Сенатъ, затребовавъ отъ протоколистовъ объясненій, „для чего оные журналы не всѣми руками подписаны" (хотя причина была понятна и безъ всякихъ объясненій), предложилъ затѣмъ сенаторамъ подписывать журналы, т. е. распространилъ свой указъ и на журналы, а именно—запретилъ чинить исполненіе не только по протоколамъ, не подписаннымъ руками всѣхъ сенаторовъ, но и по журналамъ [3]).

[1]) „Репорты" эти, вмѣстѣ съ доношеніемъ Маслова, см. въ Бумагахъ Кабинета министровъ, т. I, стр. 484 и сл.

[2]) П. С. З., № 7559.

[3]) П. С. З., № 7937.

Вообще въ дѣлопроизводствѣ Сената какъ въ царствованіе Анны Іоанновны, такъ и Іоанна Антоновича [1]), наряду съ усовершенствованіями, подобными веденію журналовъ и протоколовъ, можно отмѣтить немало недостатковъ. Такъ, оно отличалось, какъ уже говорилось, попрежнему, медленностью; затѣмъ сенаторы мало вникали сами въ разсматриваемыя ими дѣла, вслѣдствіе чего канцелярія пріобрѣтала неподобающее ей значеніе; формализмъ заглушалъ нерѣдко сущность коллегіальнаго разсмотрѣнія дѣлъ. Въ 1736 г. бар. П. П. Шафировъ подалъ, напр., особое мнѣніе по дѣлу кн. Голицыной, въ которомъ, между прочимъ, далъ яркое изображеніе того, во что превращалось иногда требуемое закономъ обсужденіе дѣлъ въ общемъ собраніи Сената. Шафировъ въ этомъ мнѣніи указывалъ, что къ нему пріѣхалъ герольдмейстерской конторы секретарь М. Даниловъ и объявилъ отъ имени кн. И. Ю. Трубецкого „подписанное отъ многихъ г.г. сенаторовъ опредѣленіе, купно съ подписанною присягою, по челобитью кн. А. И. Голицыной и дѣтей ея съ бывшимъ ихъ крѣпостнымъ, изъ увольненныхъ отъ нея, г-жи Голицыной, человѣкомъ Бабкинымъ, по которому онъ, Бабкинъ, осужденъ—бить кнутомъ и отдать ей, помѣщицѣ“ . . . „Понеже о семъ отданномъ дѣлѣ“, пишетъ Шафировъ далѣе, „при мнѣ было начато слушать на прошлой недѣлѣ въ собраніи Пр. Сената и чтено одно о томъ отъ Юстицъ-коллегіи мнѣніе и тако предложено отъ меня, нижеподписавшагося, что надлежитъ о томъ спорномъ дѣлѣ слушать обстоятельную выписку и рѣшить по указамъ, а не по одному мнѣнію Юстицъ-коллегіи, на которое отъ него, Бабкина, челобитье есть, и на то другіе присутствующіе члены Пр. Сената, согласясь, изволили приказать, ту выписку сочиня, предложить къ слушанію въ собраніи; но потомъ ни той выписки, ни опредѣленія, до подписанія, мнѣ сообщить не изволили, но уже всѣ, подписавъ, ко мнѣ послѣднему оное опредѣленіе прислать и сообщить мнѣ, нижеподписавшемуся, приказали, какъ мнѣ оный секретарь объявилъ, и тако я, прочевъ оное подписанное опредѣленіе и усмотря, что оное опредѣлено безъ общаго согласія и не въ собраніи, но по дворамъ, не сообща мнѣ о томъ нимало, какъ указы повелѣваютъ о такихъ спорныхъ дѣлахъ чинить, подписано и по моему усмотрѣнію сумнительно и несогласно съ

---

[1]) О послѣднемъ см. „Внутренній бытъ русскаго государства“, стр. 223 и сл.

Е. И. В. указами, и тако я на то прочихъ г.г. сенаторовъ мнѣніе согласиться не могу, но предоставляю слѣдующее о томъ дѣлѣ по чистой моей совѣсти и по присягѣ должности Пр. Сенату мнѣніе мое . . . .“ [1]).

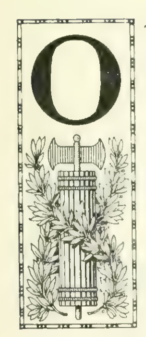
[1]) М. А. М. Ю., журн. и пр. Сената, кн. 208/2089, л. 346 и сл.

ГЛАВА IV.

Учрежденія и лица, состоявшія при Сенатѣ.

1. Генералъ-рекетмейстеръ и его контора. II. Герольдмейстеръ и его контора; отношеніе къ Кабинету. III. Генералъ-прокуроръ и оберъ-прокуроръ.

1. Генералъ-рекетмейстеръ и его контора.

Открывъ на другой день послѣ Манифеста 4 марта 1730 г. засѣданіе и обсуждая свои „Должности“ и указы, Пр. Сенатъ, какъ мы уже говорили, прежде всего призналъ, что „рекетмейстеру быть надлежитъ и поступать по своей „Должности“ [1]). Затѣмъ, 8 апрѣля, Сенатъ вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ которомъ указалъ, что Петромъ въ 1722 г. „для пріема челобитій, которыя подаваны Е. В., тако жъ на колежское и канцелярское неправое вершенье и волокиты, учиненъ былъ генералъ-рекетмейстеръ подъ вѣдѣніемъ сенатскимъ и о должности его учинена особливая Инструкція, а нынѣ генералъ-рекетмейстера не имѣется. А понеже такія челобитныя многіе подаютъ и утруждаютъ В. И. В. непрестанно, также и въ Сенатѣ отъ такихъ-же многихъ челобитчиковъ въ настоящихъ дѣлахъ остановка происходитъ, того ради В. И. В., для опредѣленія во оный чинъ, представляются кандидаты: бригадиръ Ѳедоръ Полибинъ, статскій совѣтникъ Степанъ Колычевъ, Алексѣй Бибиковъ, совѣтникъ Алексѣй Ржевскій, стольникъ Се-

[1]) См. выше, стр. 492, 497.

менъ Карповъ". На это послѣдовало 10 апрѣля резолюція: „Опредѣлить Бибикова" [1]). По полученіи этой резолюціи, Сенатъ уже 16 апрѣля приказалъ „для всенароднаго извѣстія на Москвѣ публиковать печатными указами" объ опредѣленіи Алексѣя Бибикова генералъ-рекетмейстеромъ, а равно о дѣйствіи его по Должности, данной Петромъ, и „по состоявшимся къ его Должности пополнительнымъ указамъ".

Такое скорое обнародованіе указа о назначеніи генералъ-рекетмейстера, вмѣстѣ съ ссылкою Сената на Петровскія о немъ узаконенія, стояло въ прямой связи съ массою челобитныхъ, поступавшихъ какъ къ новой Государынѣ, такъ и къ возстановленному Ею Сенату. Указъ Сената поэтому объявляетъ теперь о препровожденіи челобитенъ Бибикову, а не Сенату („Пр. Сенату такихъ челобитенъ, и которыя надлежитъ подавать въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ, никому не подавать"), при чемъ напоминаетъ, что „если у кого дѣла рѣшены неправдою, въ противность указамъ и Уложенію, или у кого дѣла долговременною волокитою не рѣшены", „то тѣ лица должны подавать (какъ это требовалось и Петровскими указами) свои челобитья съ явными доказательствы" [2]). Въ ноябрѣ того-же года Сенатъ даетъ новый указъ, хотя по частному, но характерному поводу, имѣвшему мѣсто въ тогдашней практикѣ по рекетмейстерскимъ дѣламъ. А именно постоянно случалось, что „челобитчики къ выпискамъ, которыя изготовлены къ рѣшенію дѣлъ ихъ, долговременно рукъ не прикладываютъ, не показавъ никакой законной причины, и хотя въ томъ иныя и подъ карауломъ бываютъ, однакожъ, упрямствомъ своимъ рукъ къ тѣмъ выпискамъ не прикладываютъ". Конечно, это создаетъ медленность производства дѣлъ по челобитнымъ въ самомъ Сенатѣ, который и принимаетъ энергичныя противъ этого мѣры. Челобитчики, не прикладывающіе рукъ къ указаннымъ выпискамъ, держатся подъ карауломъ лишь въ теченіе недѣли. Если они „упрямствомъ своимъ" въ теченіе этого срока руки своей, къ выпискамъ по дѣламъ, не приложатъ, то выписки (оговоривъ отказъ ихъ въ подписи) должны „крѣпить" всѣ судьи и сенатскій секретарь, а затѣмъ дѣла уже безостановочно докладываются къ слу-

[1]) М. А. М. Ю., журн. и прот. Пр. Сената, кн. 120/2001, л. 23 и сл.
[2]) П. С. З., № 5534.

шанію и рѣшенію. Въ концѣ царствованія Анны, по указу 17 октября 1739 г., была принята Сенатомъ еще одна мѣра противъ волокиты: челобитчиковы дѣла докладываются Сенату не въ порядкѣ хронологическаго ихъ поступленія, а „что можетъ прежде поспѣть“ [1]).

Хотя Сенатъ самъ возбудилъ вопросъ о назначеніи генералъ-рекетмейстера и о бытіи ему, согласно Петровскимъ узаконеніямъ, „подъ вѣдѣніемъ Сената“, но онъ, несомнѣнно, тяготился обязанностью разсмотрѣнія докладовъ генералъ-рекетмейстера по челобитнымъ, что и понятно. Челобитныхъ было много. Изъ донесенія оберъ-прокурора Маслова Государынѣ конца 1732 г., напр., узнаемъ, что въ это время нерѣшенныхъ государственныхъ дѣлъ въ Сенатѣ было 209, а челобитчиковыхъ—289 [2]). Разсмотрѣніе челобитій, конечно, отвлекало Сенатъ отъ разрѣшенія дѣлъ государственныхъ. Не удивительно, поэтому, что у Сената возникла мысль избавить себя отъ разсмотрѣнія челобитій. Такъ, при обсужденіи вопроса о штатахъ учрежденій, въ Сенатѣ, между прочимъ, заговорили и о рекетмейстерской конторѣ. Приведемъ вкратцѣ любопытныя мнѣнія по этому вопросу, здѣсь высказанныя. Когда, 25 октября 1731 г., „разсуждали объ апелляціи, гдѣ оной быть“, то кн. Д. М. Голицынъ высказалъ ту мысль, что надо „учинить для апелляціи Расправную палату, а въ Сенатѣ изъ приказовъ (которые предполагалось возстановить) апелляціи быть не надлежитъ. Притомъ статскій совѣтникъ (т. е. оберъ-прокуроръ Масловъ, который, обычно, такъ именуется въ журналахъ) говорилъ, что „напередъ сего которыя дѣла въ Расправную палату изъ приказовъ переносили, съ тѣми приходили и докладывали тѣхъ приказовъ служители, а особыхъ не было. Князь-же Дмитрій Михаиловичъ говорилъ, чтобъ Юстицъ-коллегіи не быть, а для судныхъ дѣлъ быть другому судному приказу, понеже одному приказу въ судныхъ дѣлахъ исправиться невозможно, а для апелляціи на судные и на вотчинные приказы учинить Расправную палату, а на Расправную палату апелляціи въ Сенатъ“, и „что для облегченія сенатской канцеляріи всѣ челобитчиковы дѣла отъ

[1]) П. С. З., №№ 5640, 7921.
[2]) Бумаги Кабинета, т. II, стр. 485.

Сената отрѣшить и рекетмейстерской конторѣ не быть, понеже оная дѣлаетъ справки и выписки и докладываетъ въ Сенатъ, а къ сенатскому правленію тѣ дѣла не надлежатъ" [1]). Очевидно, кн. Д. М. Голицынъ придавалъ весьма высокое значеніе возстановленному Сенату, почему и желалъ, чтобы онъ ничѣмъ не отвлекался отъ рѣшенія „государственныхъ дѣлъ". . .

Желаніе это, впрочемъ, частію, и при томъ на весьма короткое время, сбывается въ слѣдующее царствованіе, когда по указу 12 ноября 1740 г. „при дворѣ Нашемъ" создается особая должность рекетмейстера, на которую назначается подполковникъ Фенинъ, съ производствомъ въ полковники. Мотивъ учрежденія этой должности объяснялся въ указѣ тѣмъ, что, несмотря на многія запрещенія, на Высочайшее имя продолжали поступать челобитныя, „кои до собственной Нашей резолюціи не касаются, но могли-бы рѣшены быть въ учрежденныхъ мѣстахъ". Поэтому, „для минованія излишняго Намъ затрудненія" и указано было быть особому рекетмейстеру при Дворѣ, обязанному представлять на Высочайшее усмотрѣніе только тѣ челобитныя, которыя „до собственной резолюціи Нашей касаются", а прочія „по разсмотрѣніи, отсыланы были-(бы) для рѣшенія въ Сенатъ". Объ этомъ было повелѣно Сенату публиковать „въ народѣ", что имъ и было 17 ноября исполнено [2]). Благодаря этому указу, начинаютъ различаться „придворныя рекетмейстерскія дѣла" отъ просто „рекетмейстерскихъ дѣлъ", подчиненныхъ генералъ-рекетмейстеру, состоящему при Сенатѣ, которымъ въ это время былъ кн. Ѳ. А. Щербатовъ [3]).

Черезъ двѣ недѣли послѣ учрежденія должности придворнаго рекетмейстера, 27 ноября, послѣдовалъ очень важный указъ Сенату, которымъ устанавливалось принесеніе жалобъ рекетмейстеру Фенину на волокиту не только въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ, но и въ самомъ Сенатѣ, такъ какъ объ этой волокитѣ, по словамъ указа, „Намъ слышать не инако, какъ зѣло прискорбно, за что тѣхъ коллегій и канцелярій и самого Сената члены, а паче—секретари и служители, тяжко отвѣтствовать должны". Едва только этотъ указъ сталъ приводиться въ исполненіе,

[1]) М. А. М. Ю., журн. Прав. Сената за весь 1732 г., кн. 24/1905, л. 515 об. и сл.
[2]) П. С. З., № 8288; срав. Сен. Арх., т. II, стр. 126, 219.
[3]) Сен. Арх., ibid., 296, 429; т. III, стр. 169, 365.

какъ новый Именной указъ, данный Кабинету 4 марта 1741 г., повелѣлъ рекетмейстеру Фенину „съ сего времени въ той должности не быть, и которыя дѣла, по указамъ Нашимъ, къ нему приходили, тѣхъ изъ всѣхъ мѣстъ подавать, по прежнему, отколь куда надлежитъ; тако-жъ и челобитчикамъ свои прошенія подавать въ тѣхъ мѣстахъ, кому гдѣ, по прежнимъ указамъ, повелѣно“ [1]). Такъ неустойчива была политика Кабинета и такъ быстро мѣнялись однѣ его мѣры на другія. Интересно, что когда формуляръ указа объ уничтоженіи должности придворнаго рекетмейстера былъ внесенъ изъ Сената въ Кабинетъ „для апробаціи“, кабинетъ-министръ гр. М. Г. Головкинъ приказалъ справиться, —„печатные указы (объ учрежденіи при Дворѣ рекетмейстера) съ барабаннымъ-ли боемъ публикованы и буде съ барабаннымъ боемъ, то такимъ-же образомъ публиковать“ и объ уничтоженіи должности. Сенатъ приказалъ объ этомъ уничтоженіи должности нѣсколько печатныхъ указовъ „отослать въ полицеймейстерскую канцелярію и велѣть такимъ образомъ публиковать, какъ и прежде о бытіи оному Фенину при дворѣ Е. И. В. рекетмейстеромъ публиковано было“ [2]).

Возвращаясь, послѣ этихъ замѣчаній, къ царствованію Анны, остановимся на нѣкоторыхъ характерныхъ эпизодахъ его по отношенію къ рекетмейстерскимъ дѣламъ. Вскорѣ по назначеніи А. Бибикова генералъ-рекетмейстеромъ, 23 апрѣля 1730 г., послѣдовалъ Манифестъ, въ коемъ приводился длинный рядъ указовъ (начиная съ Петра Великаго и кончая указомъ отъ 12 марта 1730 г.), запрещавшихъ подачу челобитій на Высочайшее имя и устанавливавшихъ инстанціи. Но челобитчики снова, „презирая вышеобъявленные указы, оставя надлежащія судебныя мѣста, не только о важныхъ, но и о самыхъ малыхъ дѣлахъ подаютъ самой Намъ челобитныя“.... Манифестъ перечисляетъ „опредѣленные суды“, куда надо подавать челобитныя, указывая, сообразно съ измѣненіемъ въ устройствѣ судебныхъ мѣстъ, на тѣ, которыя дѣйствуютъ теперь, а именно —въ городахъ челобитья подаются воеводамъ, „а буде воеводы учинятъ неправду —губернаторамъ“, на послѣд-

[1]) П. С. З., №№ 8293 и 8346.

[2]) Сенатскій Архивъ, т. III, стр. 43 и сл. Другія подробности по вопросу о придворномъ рекетмейстерѣ см. въ книгѣ „Внутренній бытъ русскаго государства“, стр. 14 и сл.

нихъ - „въ Юстицъ-коллегію, а о прочихъ дѣлахъ въ коллегіи; а на коллежскія неправыя рѣшенія, также на канцелярскія, которыя не подчинены коллегіямъ, бить челомъ въ Сенатъ и подавать челобитныя опредѣленному къ тому генералъ-рекетмейстеру“ [1]). Манифестъ этотъ еще лишній разъ показываетъ, какъ упорна была борьба съ привычкою населенія обращаться къ Верховной власти со своими нуждами.

Казалось-бы, что обиліе челобитій, поступавшихъ, несмотря на всѣ запрещенія, на Высочайшее имя, съ одной стороны, обремененіе Сената множествомъ дѣлъ, съ другой, требовали постоянной дѣятельности рекетмейстера. Однако, на практикѣ выходило иначе. Такъ, 30 января 1736 г. генералъ-рекетмейстеръ А. Ю. Бибиковъ былъ назначенъ иркутскимъ вице-губернаторомъ. Сенатъ вошелъ 12 іюля съ представленіемъ объ опредѣленіи другого лица на его мѣсто; затѣмъ онъ повторилъ свое представленіе 18 декабря 1737 г., и лишь 23 апрѣля 1738 г., на всеподданнѣйшемъ доношеніи, была подписана Государынею резолюція о пожалованіи въ генералъ-рекетмейстеры Юстицъ-коллегіи совѣтника кн. Ѳедора Щербатова, съ произвоствомъ ему жалованья въ 680 р. въ годъ. Такимъ образомъ, слишкомъ два года эта важная должность была, по неизвѣстной причинѣ, незамѣщенной, несмотря на представленіе Сената, что „для исправленія челобитчиковыхъ дѣлъ рекетмейстеръ нужно потребенъ“ [2]), а кн. Ѳ. Щербатовъ, назначенный на эту должность, былъ намѣченъ Сенатомъ въ числѣ другихъ кандидатовъ. Это можетъ служить указаніемъ на то, что задержка представленія лежала не въ личностяхъ представленныхъ кандидатовъ, а въ чемъ-либо другомъ.

Представленіе Сената интересно еще въ томъ отношеніи, что къ нему приложена подробная справка о рангахъ генералъ-рекетмейстеровъ и о ихъ жалованьѣ, начиная съ времени Петра Великаго, причемъ указаны и лица, занимавшія эту должность. Князю Щербатову жалованье было назначено, какъ и другимъ, въ размѣрѣ жалованья его предшественника, съ прибавкою, впрочемъ, очевидно, для округленія суммы, противъ прежняго, 45 к. въ годъ (Бибиковъ получалъ 679 р. 55 к.) . . .

[1]) П. С. З., № 5546.

[2]) Бумаги Кабинета министровъ, т. V, стр. 48 и сл., 314; т. VI, стр. 728; т. VII, стр. 344 и сл.

При генералъ-рекетмейстерѣ состояла контора, въ которой, кромѣ секретаря, было 2 канцеляриста, 1 подканцеляристъ и 4 копіиста. Впрочемъ, составъ этой, какъ и другихъ конторъ, время отъ времени измѣнялся. Въ общемъ, генералъ-рекетмейстеръ и его контора стояли къ Сенату въ томъ-же отношеніи, какъ это было при Петрѣ.

II. Герольдмейстеръ и его контора: отношеніе къ Кабинету.

Герольдмейстеръ и его контора продолжали состоять теперь, какъ и раньше, подъ вѣдомствомъ Сената, получая въ то же время, подобно самому Сенату, приказы отъ Кабинета и представляя послѣднему на смотръ недорослей, дворянъ и др. Такъ, напр., 4 января 1731 г., т. е., вскорѣ по учрежденіи Кабинета, въ немъ „былъ смотръ представленнымъ отъ герольдмейстера Квашнина-Самарина отставнымъ кавалергардамъ и недорослямъ и, что учинено,—о томъ подписано на реестрѣ". Или, напр., 7 января бывшій въ Кабинетѣ канцлеръ гр. Головкинъ „смотрѣлъ представленныхъ отъ герольдмейстера отставныхъ офицеровъ и не опредѣленныхъ на службу недорослей и о томъ реестръ для подписанія (Государынею) приказалъ взять въ С.-Петербургъ, а здѣсь о невысылкѣ ихъ туда въ Сенатъ дать извѣстіе" [1]). Нерѣдко отмѣтки о службѣ тѣхъ или иныхъ лицъ дѣлались Кабинетомъ на спискахъ, представленныхъ изъ Сената, какъ это видно изъ текста записей журналовъ, гласящихъ, что „въ Кабинетѣ .... размѣчали на смотровыхъ спискахъ объ отставныхъ штабъ-и оберъ-офицерахъ, куда кого опредѣлить и отставить надлежитъ" и т. п.;—тоже видно и изъ заглавій списковъ („списокъ представленнымъ изъ Сената отставнымъ . . . ") [2]). Реестры или списки эти утверждались, по докладу Кабинета, Императрицею и отсылались въ Сенатъ для исполненія. Составленіе списковъ, а равно и наблюденіе -со-

[1]) Бумаги Кабинета министровъ, т. I, стр. 128, 132 и сл., 135.
[2]) Ibidem, стр. 387, 389 и сл.

гласно утвержденному Императрицею или Кабинетомъ расписанію, (въ которомъ точно обозначалось, куда кто назначенъ, или отставленъ), за послѣдующею службою занесенныхъ въ списокъ лицъ лежало на обязанности герольдмейстера и его конторы. Герольдмейстеръ, предварительно внесенія списковъ въ Кабинетъ, докладывалъ ихъ Сенату.

Надо еще отмѣтить, что не только Сенатъ, но и герольдмейстеръ, а иногда и герольдмейстерская контора, представляли въ Кабинетъ списки недорослей, отставныхъ офицеровъ и др., которые затѣмъ, „по смотру въ Кабинетѣ“, такъ или иначе, распредѣлялись, согласно расписанію [1]).

Когда указомъ 30 апрѣля 1733 г. повелѣно было „во всѣ городы въ воеводы опредѣлять Сенату, по прежнимъ . . . указамъ, а кто куда назначенъ будетъ, тѣхъ, при отправленіи ихъ въ тѣ городы, представлять въ Кабинетѣ, а безъ того представленія никуда не отпускать и для того, которые нынѣ отправляются изъ Москвы, (тѣмъ) быть въ С.-Петербургѣ“, Сенатъ высылалъ воеводъ на смотръ въ Петербургъ, отправляя при этомъ краткіе формулярные ихъ списки, которые составлялись въ герольдмейстерской конторѣ, а затѣмъ подписывались герольдмейстеромъ, представлявшимъ, въ свою очередь, кандидатовъ въ воеводы Сенату [2]). Таковы были отношенія герольдмейстера къ Кабинету и Сенату въ ихъ повседневной практикѣ.

Обращаясь къ законодательству о герольдмейстерѣ и его конторѣ, надо вообще замѣтить, что оно не отличалось какими-либо новыми началами, а продолжало развивать положенія Петровскаго времени, внося въ нихъ лишь нѣкоторыя частныя измѣненія. Первый указъ, сюда относящійся, именно указъ отъ 7 января 1732 г., прямо напоминалъ всѣмъ, что „многими указами“ предшественниковъ Императрицы было повелѣно недорослямъ, которые пришли въ указные годы, такожъ и малолѣтнимъ, „являться и записываться въ Нашемъ Сенатѣ у герольдмейстера“, такъ какъ было извѣстно, что „многіе недоросли и понынѣ у герольдмейстера не явились; изъ полковъ многіе отставлены молодые, а къ герольдмейстеру не

[1]) Бумаги Кабинета министровъ, т. II, стр. 578; т. III, стр. 13, 476.
[2]) Ibidem., стр. 429 и сл., 454 и сл., 557 и сл..

отосланы и къ дѣламъ не опредѣлены“. Указъ повелѣваетъ недорослямъ, имѣющимъ 15 лѣтъ и болѣе, а равно и отставнымъ съ 1725 по 1730 г.г., явиться въ іюнѣ мѣсяцѣ въ Сенатъ въ Петербургѣ, „подъ опасеніемъ Нашего гнѣва, кромѣ тѣхъ, которые нынѣ въ Кабинетѣ Нашемъ на смотру были “[1]). Затѣмъ, Сенатъ 22 іюня того же года предписываетъ герольдмейстерской конторѣ составить „исправный списокъ, находящимся въ отставкѣ генералитету, штабъ, оберъ и унтеръ-офицерамъ, и кои въ ихъ рангахъ, и царедворцамъ“ и прислать ихъ въ Петербургъ въ Сенатъ, мотивируя свое требованіе тѣмъ, что находящіеся въ Петербургѣ списки „не исправны“. Приказывая также взять подобные списки изъ Военной и Адмиралтейской коллегій, изъ артиллеріи и полковыхъ гвардейскихъ канцелярій, Сенатъ предписываетъ сравнить ихъ съ тѣми, которые будутъ присланы изъ Москвы, для пополненія возможныхъ пробѣловъ, а „впредь изъ вышеписанныхъ мѣстъ“ сообщать указанные списки въ герольдмейстерскую контору немедленно [2]).

Согласно Петровскимъ узаконеніямъ, герольдмейстеръ и его контора находятся въ подчиненіи Сенату и теперь, поскольку, конечно, здѣсь не было налицо вмѣшательства Кабинета, нерѣдко вообще спутывавшаго установившіяся по закону отношенія. Поэтому герольдмейстерская контора входитъ въ Сенатъ съ доношеніями по всѣмъ дѣламъ объ организаціи службы. Такъ, въ одномъ такомъ доношеніи читаемъ, что Сенатъ постоянно требуетъ отъ конторы „къ разнымъ дѣламъ и въ посылкѣ штабъ- и оберъ-офицеровъ, а также и дворянъ, а за несыскомъ ихъ въ представленіи чинится остановка“. Контора, поэтому, представляетъ Сенату, чтобы дворяне были расписаны „по третямъ для житья въ Москвѣ, къ опредѣленію всякихъ дѣлъ и посылокъ, человѣкъ по 20, и жить бы имъ въ Москвѣ съ перемѣною по третямъ года, выключая изъ того тѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, которымъ нынѣ надлежитъ ѣхать для смотра въ Петербургъ“ и которые должны быть внесены въ указанные третные списки по возвращеніи. Сенатъ соглашается съ этимъ представленіемъ конторы, добавляя лишь, что въ списки эти должны вноситься и тѣ дворяне, которые уволены отъ службы

[1]) П. С. З., № 5927.
[2]) П. С. З., № 6102.

„для смотрѣнія домовъ ихъ“ на извѣстное время, „по прошествіи сроковъ“ [1]).

Въ концѣ царствованія Анны, по частному, какъ тогда нерѣдко бывало, случаю, конторѣ приказывается Сенатомъ „впредь, какъ изъ офицеровъ, такъ и изъ дворянъ, никуда безъ опредѣленія Пр. Сената (къ дѣламъ) не отсылать“ [2]). На контору же возлагается Сенатомъ обязанность извѣщать губернаторовъ и провинціальныхъ воеводъ о штабъ и оберъ-офицерахъ и рядовыхъ,—„кои, по разсмотрѣнію Пр. Сената, назначены къ дѣламъ и отпущены въ домы“,—„кто, когда и на какой срокъ отпущены“, чтобы они могли ихъ „скорѣе сыскать, когда объ опредѣленіи кого къ дѣламъ указы получатъ“ [3]). Въ концѣ марта 1740 г. въ герольдмейстерской конторѣ было приказано учинить погодный списокъ „объ отставныхъ генералитетѣ, штабъ и оберъ-офицерахъ, кто съ котораго года въ службу вступилъ, и въ которомъ году отъ воинской службы отставленъ, и по отставкѣ кто гдѣ у дѣлъ былъ, и у какихъ именно, и сколько времени, тако-жъ и о шляхетствѣ учинить списокъ же, кто въ которомъ году былъ на смотрѣ, а по смотру куда назначенъ, и у какихъ дѣлъ, и сколько же времени, и имѣть тотъ спискъ на сенаторскомъ столѣ“ [4]).

Въ царствованіе Анны Кабинетъ обнаруживалъ не разъ стремленіе къ лучшей организаціи статской службы и привлеченію къ ней молодыхъ силъ. Что касается перваго, то 23 іюля 1739 г. Сенатъ,—выслушавъ экстрактъ герольдмейстерской конторы, ему доложенный по резолюціямъ Кабинета, а равно и мнѣніе герольдмейстера,—по вопросу объ опредѣленіи къ статскимъ дѣламъ отставныхъ, далъ ему нѣсколько руководящихъ указаній. Во 1-хъ, ссылаясь на Петровскій указъ отъ 17 января 1722 г., герольдмейстеру было приказано выбрать 120 человѣкъ [5]) изъ отставныхъ отъ службы („кромѣ тѣхъ, которые вовсе отставлены“) и дворянъ „лучшихъ знатныхъ и пожиточныхъ людей“, „росписать ихъ пополамъ“ и велѣть имъ жить, либо въ Москвѣ, либо въ Петербургѣ, смотря

[1]) П. С. З., № 6222.
[2]) П. С. З., № 7726.
[3]) П. С. З., № 7799.
[4]) П. С. З., № 8049.
[5]) При Петрѣ, впрочемъ, было опредѣлено выбрать 100 ч.

по тому, чьи деревни куда ближе, перемѣняясь погодно по 30 чел. въ годъ. Въ этихъ лицахъ герольдмейстеръ долженъ имѣть контингентъ людей, которыхъ онъ, „безъ продолженія времени“, могъ тотчасъ представлять на тѣ или другія должности. Если, по смотрамъ сенатскимъ „какіе-либо отставные штабъ и оберъ - офицеры написаны будутъ къ статскимъ дѣламъ, изъ тѣхъ герольдмейстеру, выбирая лучшихъ и пожиточныхъ людей, писать во сто-жъ человѣкъ, впредь для житья въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ на убылыя мѣста“. Губерніи и провинціи доставляютъ герольдмейстеру списки, „сколько имъ надобно, и къ какимъ дѣламъ, офицеровъ и дворянъ“, а герольдмейстеръ выбираетъ изъ нихъ годныхъ къ службѣ „безъ излишества“ и т. д. Наконецъ, герольдмейстеръ долженъ былъ представлять Сенату свое мнѣніе объ опредѣленіи на службу въ губерніяхъ и провинціяхъ молодыхъ людей [1]).

Не меньшаго вниманія заслуживаютъ приказы, отданные изъ Кабинета о службѣ молодыхъ людей. Если не ошибаемся, первое повелѣніе было отдано Анною Іоанновною 23 мая 1739 г. изъ Кабинета. Въ этомъ повелѣніи было указано, во 1-хъ, выбирать до 20 человѣкъ „изъ русскихъ кадетскаго корпуса, достойныхъ впредь для посылки къ министрамъ, обрѣтающимся при чужестранныхъ дворахъ, и для того особливо оныхъ обучать латинскаго, французскаго, нѣмецкаго языковъ, географіи и прочимъ политическимъ наукамъ“; во 2-хъ, изъ того же корпуса выбрать еще 20 человѣкъ, которые бы „способны были къ гражданству, и оныхъ потому же обучать языкамъ и прочему, что къ гражданству потребно, дабы потомъ можно было оныхъ въ секретарскую должность въ Сенатъ, а потомъ членами въ коллегіи и канцеляріи производить“, и, въ 3-хъ, въ Военную коллегію выбрать достойныхъ людей изъ молодыхъ и пр. [2]). Приведенное повелѣніе Государыни нашло свое дальнѣйшее и весьма краснорѣчивое развитіе въ приказѣ, отданномъ знаменитымъ кабинетъ-министромъ А. П. Волынскимъ. Въ журналѣ Кабинета отъ 13 августа того же года сказано, что „его превосходительство, оберъ-егермейстеръ А. П. Волынскій приказалъ: 1) о выборѣ изъ кадетскаго корпуса къ чужестраннымъ дворамъ, ко обрѣтающимся тамо россійскимъ

[1]) П. С. З., № 7858.
[2]) Бумаги Кабинета министровъ, т. IX, стр. 500.

министрамъ, тако жъ нѣкоторыхъ и для опредѣленія въ коллегіи и къ статскимъ дѣламъ, изъ такихъ, которые изъ русскихъ знатнаго шляхетства и довольно обучены языкамъ латинскому, французскому и нѣмецкому и учили юриспруденцію или гражданскую исторію и генеалогію, и чтобы были остраго ума, 30 человѣкъ, съ расписаніемъ, кто способны особливо къ политическимъ дѣламъ; 2) выбрать изъ кадетскаго корпуса, изъ россійскаго шляхетства, не изъ знатныхъ фамилій, но чтобъ были остраго ума и понятные къ наукамъ, 30 человѣкъ, которые совершенно умѣютъ ариѳметикѣ и геометріи и рисовать, а при томъ, чтобъ и языки иностранные, латинскій и французскій и нѣмецкій, совершенно умѣли такъ, чтобъ могли о строеніяхъ архитектурныхъ иностранныя книги читать и разумѣть, и, выбравъ оныхъ, представить Еропкину въ науку архитектуры, а лѣтами чтобъ были не выше 18-ти лѣтъ" [1]). Намъ кажется, что этотъ „приказъ" вполнѣ достоенъ имени Волынскаго, какъ великаго патріота, особенно, если принять во вниманіе то время, какое переживала тогда Россія. По справедливому замѣчанію С. М. Соловьева, время Бирона и господства иностранцевъ въ царствованіе Анны Іоанновны „останется самымъ темнымъ временемъ въ нашей исторіи XVIII вѣка, такъ какъ тогда страдалъ народный духъ, чувствовалось иго запада, болѣе тяжелое, чѣмъ прежнее иго съ востока, иго татарское". Въ самомъ дѣлѣ, вопреки основной аксіомѣ государственной политики, по которой дѣло правленія государствомъ должно находиться въ рукахъ своихъ, направляться къ осуществленію народныхъ цѣлей, въ данный періодъ иноземцы захватываютъ въ свои руки всю полноту Верховной власти; въ это время совершенно забывается завѣтъ Петра Великаго о неназначеніи на высшія мѣста иноземцевъ. Вспоминая обстоятельства царствованія Императрицы Анны Іоанновны, нельзя не придать значенія этимъ приказамъ Волынскаго о выборѣ 60-ти русскихъ дворянъ „остраго ума" и „понятныхъ къ наукамъ" для веденія дѣлъ „политическихъ, гражданскихъ и архитектурныхъ". Если мы, далѣе, сопоставимъ съ этимъ „приказомъ" тѣ планы о правящей роли дворянства, какіе возникали вообще въ горячей головѣ Волынскаго, и вылились, между прочимъ, въ мечту объ

---

[1]) Бумаги Кабинета министровъ, т. X, стр. 99.

обширномъ закономѣрно-поставленномъ и закономѣрно-дѣйствующемъ Сенатѣ, составленномъ изъ представителей родовитыхъ фамилій, если отмѣтимъ также, что въ знаменитомъ „генеральномъ проектѣ" преобразованія государства, надъ которымъ вообще много трудился Волынскій, есть одно мѣсто, которое гласитъ, что надо „знатное шляхетство посылать обучаться въ чужія земли разнымъ наукамъ и гражданскимъ правамъ, чтобъ у насъ были свои природные министры" и что „отъ иноземцевъ государство въ худомъ состояніи", то нельзя не придать важности этому приказу. Кажется, что и повелѣніе самой Императрицы, выше нами указанное, было сдѣлано не безъ вліянія Волынскаго. Этотъ „приказъ" задавалъ герольдмейстеру съ его конторою, а равно и самому Сенату, серьезную и плодотворную работу. Скорое, послѣ того, паденіе Волынскаго не могло, однако, способствовать приведенію его плана въ исполненіе.

Изъ дѣлъ, подлежавшихъ компетенціи герольдмейстера и его конторы, заслуживаетъ также упоминанія дѣло о составленіи гербовъ. Еще при Петрѣ, въ 1722 г., былъ опредѣленъ въ товарищи къ герольдмейстеру гр. Санти и „въ бытность свою въ герольдмейстерской конторѣ сочинялъ Россійской Имперіи провинціямъ и городамъ, на полковыя знамена и разнымъ фамиліямъ гербы". Графъ Санти былъ при конторѣ до іюня мѣсяца 1727 г. Послѣ него сочиненіе гербовъ было пріостановлено; гербы, имъ сочиненные, были „не апробованы и въ которомъ какая фигура изображена какого ради случая—тому описанія не учинено". Черезъ одиннадцать слишкомъ лѣтъ, 23 ноября 1738 г., Сенатъ вошелъ въ Кабинетъ съ сообщеніемъ о состояніи вопроса о гербахъ, указавъ, что послѣ гр. Санти осталась „книга печатная регуловъ геральдическихъ", отосланная Сенатомъ для перевода въ Академію наукъ, которая, однако, сообщила ему, что „за безмѣрною обширностью матеріи, также для незнанія переводчиковъ сей науки, оной книги перевесть невозможно". Герольдмейстерская контора, принимая во вниманіе, что „многіе городы своихъ гербовъ не имѣютъ", представила Сенату о необходимости назначить для продолженія дѣла, начатаго гр. Санти, новаго „герольдмейстерскаго товарища". Кандидатомъ на должность она указала иноземца Іоганна-Кондрата Генингера, „который-де въ геральдической наукѣ и въ знаніи чужестранныхъ языковъ, а особливо латинскаго, нѣмецкаго, французскаго, и

въ англійскомъ, искусенъ, также исторію, географію, политику, генеалогію, церемоніалъ и рисованіе знаетъ, который бы могъ недостающіе гербы дополнить, фамиліямъ новые сдѣлать, или старые въ порядокъ привести и шляхетскую юность сей наукѣ обучить".

Указавъ, далѣе, что въ Сенатѣ билъ челомъ о назначеніи на ту же должность нѣкій Яганъ-Готфридъ Гейнцельманъ, Сенатъ „представляетъ Кабинету Е. И. В. и требуетъ общаго разсужденія, не повелѣно-ли будетъ изъ оныхъ кого одного, на мѣсто . . . графа Сантія, для сочиненія гербовъ и ко исправленію вышеозначенной должности въ герольдмейстерскіе товарищи опредѣлить". Резолюціею Государыни, контрасигнированною тремя кабинетъ-министрами, повелѣно „произвесть въ совѣтники помянутаго въ семъ докладѣ Генингера". Одновременно, Сенатъ приказываетъ: сочиненные гр. Санти гербы хранить въ герольдмейстерской конторѣ, пославъ ихъ копіи въ Академію наукъ [1]). Генингеръ, впрочемъ, остается недолго въ должности и уже по указу 19 ноября 1740 г. замѣняется Гейнцельманомъ, причемъ ему „въ помощь" придается адъюнктъ Академіи Василій Ададуровъ [2]).

Въ царствованіе Іоанна Антоновича Петръ Андреевичъ Квашнинъ-Самаринъ увольняется, по указу 6 ноября 1740 г., отъ должности герольдмейстера и на его мѣсто назначается Никита Михайловичъ Желябужскій.

Кромѣ указанныхъ лицъ, въ составъ герольдмейстерской конторы входятъ: 1 секретарь, 1 переводчикъ, 2 канцеляриста, 3 подканцеляриста, „живописный мастеръ" и копіисты.

III. Генералъ-прокуроръ и оберъ-прокуроръ.

Возстановленіе, по Манифесту 4 марта 1730 г., Правительствующаго Сената „на такомъ основаніи и въ такой силѣ", какъ при Петрѣ, предполагало, естественно, и возстановленіе должности генералъ-прокурора.

[1]) Бумаги Кабинета министровъ, т. X., стр. 533—535; П. С. З., № 7442.
[2]) Сенатскій Архивъ, т. II, стр. 93, 156, 180, 483.

Прошло, однако, полгода, прежде чѣмъ Именной указъ Императрицы отъ 2 октября возбудилъ вопросъ о прокуратурѣ, вообще, и при Сенатѣ, въ частности, выставивъ, какъ мотивъ, что „нынѣ небезъизвѣстно Намъ есть, что въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ въ государственныхъ дѣлахъ слабое чинится управленіе и челобитчики по дѣламъ своимъ справедливаго и скораго рѣшенія . . .получить не могутъ и бѣдные, отъ сильныхъ утѣсняемы, обиды и разоренія претерпѣваютъ"; при Петрѣ же, для отвращенія всего этого, былъ учрежденъ „чинъ генералъ-прокурора и ему помощника оберъ-прокурора при Сенатѣ, а въ коллегіяхъ . . . прокуроровъ". Откровенно признавая, что „Намъ неизвѣстно, какимъ-же указомъ оный чинъ, по кончинѣ Дяди Нашего и Государя, отставленъ и отрѣшенъ", Императрица повелѣла, „по опредѣленію" Петра, быть при Сенатѣ генералъ- и оберъ-прокурорамъ, а при коллегіяхъ и другихъ судебныхъ мѣстахъ прокурорамъ, и дѣйствовать по данной имъ „Должности". Указъ категорически объявлялъ также, что прокуроры въ коллегіи и канцеляріи „опредѣлятся немедленно", въ Сенатѣ-же, „покамѣстъ особливый отъ насъ генералъ-прокуроръ опредѣленъ будетъ, имѣть въ должности его надзираніе изъ членовъ сенатскихъ генералу Ягужинскому, а въ его дирекціи, въ должности оберъ-прокурора, быть статскому совѣтнику Маслову" [1]). Это „покамѣстъ" продолжалось однако, какъ извѣстно, почти 10 лѣтъ.

Мы уже отмѣчали обстоятельства, благодаря которымъ „чинъ генералъ-прокурора" былъ фактически „отставленъ" въ правленіе В. Т. Совѣта. Разсмотримъ теперь обстоятельства возстановленія гр. П. И. Ягужинскаго въ его должности.

Объ обстоятельствахъ этихъ есть немало свѣдѣній въ донесеніи иностранныхъ пословъ при Русскомъ дворѣ. Такъ, напр., Лефортъ доноситъ польскому королю, курфюрсту саксонскому, съ большою радостью, что онъ „съ основаніемъ (avec raison) добивался дружбы Ягужинскаго: теперь онъ назначенъ генералъ-прокуроромъ, подъ властію котораго Сенатъ", что вліяніе Ягужинскаго растетъ, а вліяніе Остермана, съ которымъ онъ велъ борьбу, падаетъ... К. Рондо, сообщая англійскому правительству о назначеніи Ягужинскаго, говоритъ, что „теперь Ягужинскій первое по власти лицо послѣ Е. В.; онъ вправѣ войти

---

[1]) П. С. З., № 5623.

въ любую коллегію и пересмотрѣть въ ней всѣ дѣла; коллегіи должны слушаться его приказаній; даже Сенатъ не можетъ предпринять ничего безъ его согласія". Скоро, однако, борьба между двумя указанными лицами, которыя, по словамъ того же Рондо, „сойтись между собою никакъ не могутъ", принимаетъ такой оборотъ, что, если вѣрить Лефорту, Ягужинскій встрѣчаетъ (въ концѣ 1731 г.) „съ радостью" вѣсть о назначеніи посломъ въ Берлинъ, „вмѣсто ссылки въ Сибирь". По донесенію Рондо, передающему разные слухи о причинахъ назначенія Ягужинскаго въ Берлинъ, назначеніе это, во всякомъ случаѣ, означаетъ немилость къ нему и торжество Остермана, нашедшаго возможность не допустить своего врага въ ново-образованный Кабинетъ министровъ, хотя самъ Ягужинскій находилъ, что „никто больше него не имѣлъ права засѣдать въ новомъ учрежденіи" [1]).

Обращаясь къ дѣятельности гр. П. И. Ягужинскаго, въ качествѣ генералъ-прокурора Аннинскаго царствованія, надо сказать, что она не оставила замѣтныхъ слѣдовъ, частію по ея кратковременности, частію по тому, что Ягужинскій, если вѣрить сказаніямъ иностранцевъ, былъ въ это царствованіе занятъ, по преимуществу, упроченіемъ своего положенія при Дворѣ. Время было очень смутное, полное всяческихъ неожиданностей; дѣло вообще отступало теперь на задній планъ передъ интригами. Естественно, что и Ягужинскій не могъ играть въ Сенатѣ той роли, какую онъ игралъ при Петрѣ. „Легко замѣтить", писалъ Лефортъ, „что назначеніе членовъ Сената было сдѣлано только для виду, чтобъ дать время удалить негодныхъ лицъ" [2]). Эти слова могутъ быть распространены и на генералъ-прокурора, тѣмъ болѣе, что самъ указъ о возстановленіи означенной должности считалъ назначеніе Ягужинскаго временнымъ. Въ виду совокупности всѣхъ этихъ обстоятельствъ, нельзя было ожидать отъ него особенной энергіи. Изъ предложеній его Сенату, вообще довольно незначительныхъ и касавшихся лишь текущихъ дѣлъ,

[1]) Сборн. Имп. Русс. Ист. Общ., т. V, стр. 385 и сл.; ср. также донесенія какъ Лефорта, такъ и другихъ саксонскихъ уполномоченныхъ, ibid., 394 и сл.; т. LXVI, стр. 193, 212, 233, 271, 398 и сл.

[2]) „Il est facile d'entrevoir, que la nomination des membres du Sénat n'est qu'un pro-forma, pour donner le temps d'expulser les pièces de rebut" (ibid., т. V, стр. 374); другія свѣдѣнія о Ягужинскомъ въ это время см. у В. Н. Строева, „Бироновщина и Кабинетъ министровъ" (М., 1909 г.), ч. I, стр. 82 и сл.

можно отмѣтить только одно: 1 ноября 1730 г. онъ говорилъ въ Сенатѣ о необходимости назначенія въ губерніи прокуроровъ и о выборѣ въ эти должности кандидатовъ [1]). Прокуроры затѣмъ были назначены, и это принесло свою долю пользы.

Впрочемъ, сенатская прокуратура имѣла въ 1730—35 г.г. весьма энергичнаго представителя въ лицѣ оберъ-прокурора Маслова, который постоянно слѣдилъ за дѣятельностью самого Сената и его канцеляріи, какъ это частью мы имѣли уже случай отмѣчать. Со смертію Маслова, послѣдовавшей 5 ноября 1735 г., преемникъ его не былъ почему-то назначенъ немедленно, и только 11 апрѣля 1738 г. на эту должность опредѣлили Ѳедора Ивановича Соймонова, которому было указано: „всѣ дѣла по той должности отправлять по прежде апробованной Инструкціи, а жалованье ему давать, пока онъ при томъ дѣлѣ будетъ, почему бывшій дѣйств. ст. сов. Масловъ получалъ“ [2]). По указу 3 ноября 1740 г., въ новое уже царствованіе, на мѣсто Соймонова былъ назначенъ Иванъ Ивановичъ Бахметевъ, а 17 сентября 1741 г. его смѣнилъ Иванъ Онуфріевичъ Брылкинъ [3]). Что касается должности генералъ-прокурора, то на нее былъ назначенъ Именнымъ указомъ отъ 28 апрѣля 1740 г. генералъ-лейтенантъ кн. Никита Юрьевичъ Трубецкой, съ переименованіемъ въ дѣйствительные тайные совѣтники [4]). Таковы главные даты въ исторіи прокуратуры при Сенатѣ за разсматриваемое время, поскольку дѣло идетъ о лицахъ, ее представлявшихъ.

Обратимся теперь къ дѣятельности сенатской прокуратуры въ царствованіе Анны и прежде всего остановимся на дѣятельности Маслова. Она оставила по себѣ слѣды какъ въ рядѣ всеподданнѣйшихъ докладовъ, такъ и предложеній его Сенату.

О первыхъ мы уже говорили. Что же касается вторыхъ, то изъ многихъ предложеній Маслова укажемъ хотя на нѣкоторыя. Масловъ постоянно получалъ отъ прокуроровъ коллегій донесенія о замѣченныхъ ими въ этихъ учрежденіяхъ непорядкахъ, а равно и свѣдѣнія о протестахъ ихъ „на непорядочные розыски“ и другія замѣченныя ими неправильности въ

[1]) М. А. М. Ю., журн. и прот. Прав. Сената, кн. 18/1899 г., л. 419 об.; другія предложенія, ibid., л. 439; кн. 19/1900 г., л. 17 и сл., кн. 20/1901 г., л. 1 и сл.

[2]) Бумаги Кабинета министровъ, т. VII, стр. 301.

[3]) Арх. Сен., Высоч. указы и повел., кн. CXXXIII, л. 3; кн. CXLIII, л. 228.

[4]) Ibidem, кн. 57, л. 580. О штатѣ канцеляріи генералъ-прокурора въ 1740—41 г.г. см. „Внутренній бытъ русскаго государства“, стр. 144 и сл.

веденіи и рѣшеніи дѣлъ. На основаніи этихъ донесеній и протестовъ онъ дѣлалъ затѣмъ свои „представленія“ Сенату, который ихъ разсматривалъ и давалъ свои „опредѣленія“ [1]). Такъ, 2 мая 1733 г. Масловъ предложилъ на обсужденіе Сената письмо прокурора Камеръ-коллегіи Мельгунова, извѣщавшаго, что „прежней Камеръ-коллегіи дѣла, паче книги и вѣдомости, лежатъ не токмо не въ надлежащемъ сохраненіи, но въ такой палатѣ, черезъ которую всякихъ чиновъ люди и колодники . . . . . . непрестанно проходятъ, а дѣла разбросаны по землѣ и (лежатъ) въ разломанныхъ сундукахъ и коробахъ, безъ замковъ и безъ крышекъ, и караула не имѣется, и уже нѣкоторыя дѣла найдены внизу“ (въ ямѣ). Мельгуновъ обращалъ на все это вниманіе коллегіи; но такъ какъ ею по этому дѣлу „никакого дѣйствія не учинено“, то онъ обратился къ Маслову, который просилъ „надлежащаго рѣшенія“ по дѣлу у самого Сената. Послѣдній предписалъ немедленно описать дѣла старой Камеръ-коллегіи, приказалъ держать канцелярскихъ служителей до окончанія описи „подъ карауломъ безъ выпуска“, затѣмъ предложилъ своей конторѣ произвести въ Москвѣ разслѣдованіе, „чего ради коллегія, по предложеніямъ прокурора Мельгунова, слѣдствія и рѣшенія не учинила“. Такъ какъ, далѣе, изъ разсмотрѣнія дѣла обнаружилось, что регистраторъ Ржаниновъ, допустившій безпорядокъ въ храненіи дѣлъ и оказавшій „продерзость“ по отношенію къ прокурору, былъ „по приказу прокурора Мельгунова наказанъ отъ ефрейтора тростью и о томъ онъ, Ржаниновъ, къ рекетмейстерскимъ дѣламъ подалъ челобитную“, то Сенатъ приказалъ: „освидѣтельствовавъ, буде подлинно за неисправу и продерзость Ржаниновъ наказанъ, то учинить (ему) наказаніе—бить батоги, чтобъ другимъ того чинить было неповадно“ [2]). Какъ все это дѣло, такъ и рѣшеніе Сената живо обрисовываютъ тогдашніе канцелярскіе порядки и отношенія.

Въ другомъ предложеніи Маслова, сдѣланномъ Сенату 13 августа 1733 г., оберъ-прокуроръ напоминаетъ „о превеликихъ доимкахъ и недоборахъ“, учинившихся „отъ несмотрѣнія прежнихъ президента и членовъ (старой Камеръ-коллегіи) въ сборахъ таможенныхъ, кабацкихъ и прочихъ“, а равно и объ Имен-

[1]) Арх. Сен. Высоч. указы и повел. въ копіяхъ, „книга записная предложеній 1733, 1734 и 1735 г.г.“, кн. 66, л. 1 и сл., 6 и сл., 10 и сл., 18, 38 и сл., и мн. др.

[2]) Ibid., л. 5—6.

номъ указѣ, на основанiи коего велѣно „таможенныхъ и кабацкихъ головъ и бурмистровъ и прочихъ сборщиковъ, которые таможни и кабаки содержали на вѣрѣ, съ 1719 по 1732 г., счесть немедленно“, между тѣмъ какъ „счетъ производится слабо“, предложенiя прокурора коллегiи о счетѣ не исполняются, члены коллегiи „засѣданiй не имѣютъ“. Сенатъ, выслушавъ это предложенiе, предписалъ между прочимъ, окончить счетъ въ 1733 г. и „для того съѣзжаться (президенту и членамъ) въ коллегiю, кромѣ воскресныхъ и господскихъ праздниковъ, по вся дни не токмо съ утра до обѣда, но и послѣ обѣда“, при чемъ Сенатской конторѣ предлагалось указанныхъ лицъ, въ случаѣ неисполненiя приговора Сената, штрафовать [1]). Масловъ затѣмъ непрестанно заботился о томъ, чтобы коллегiи не оставались безъ президентовъ, членовъ и прокуроровъ, дѣлалъ Сенату представленiя, въ случаѣ, если мѣста оставались почему либо вакантными, просилъ о снабженiи вновь назначенныхъ инструкцiями и пр. [2]).

Независимо отъ представленiй прокуроровъ, оберъ-прокуроръ самъ вносилъ предложенiя въ Сенатъ вообще по приведенiю въ дѣйствiе какъ именныхъ, такъ и сенатскихъ указовъ, предлагая „способы въ разсужденiе“, чтобы достичь по нимъ дѣйствительнаго исполненiя, и Сенатъ, обычно, принималъ во вниманiе весьма здравыя сужденiя Маслова по тѣмъ или инымъ вопросамъ тогдашней административной практики [3]). Очень ревностно заботился Масловъ и объ умноженiи доходовъ казны, о своевременномъ сборѣ подушныхъ денегъ и т. п. [4]).

Оберъ-прокуроръ проявлялъ немало заботъ и объ охранѣ частныхъ интересовъ, если узнавалъ о ихъ нарушенiи. Такъ, въ предложенiи Сенату отъ 23 октября 1733 г., онъ пишетъ, что „получилъ отъ рыльскаго воеводы Михаила Волжина письмо о нападкахъ бѣлогородскаго губернатора на рыльскаго купца Василiя Мальцева“, добавляя, что „хотя оное писано ко мнѣ и партикулярно, однакожъ, по должности своей, умолчать о томъ опасенъ“. „Нападки“, между прочимъ, состояли въ томъ, что „губернаторъ приказывалъ къ нему, Мальцеву, словесно, черезъ бурмистра Секерина, чтобъ въ деревни его,

[1]) Арх. Сен. Высоч. указы и повел. въ копiяхъ, кн. 66, л. 7 и сл., срав. также л. 31 и сл.
[2]) Ibid., л. 18 об. и сл., 47 об.
[3]) Ibid., л. 26 об. и сл., 29 об. и сл.
[4]) Ibid., л. 40 и сл., 143 и сл., 46 и сл., 52 и сл., 65 и сл.

гдѣ имѣются хоромы, и въ новопостроенную церковь прислалъ стеколъ, чрезъ купца Кузнецова, чтобъ ему-жъ, губернатору, прислалъ что и отъ денегъ". Масловъ предлагаетъ Сенату произвести по поводу дѣйствій губернатора „слѣдствіе" [1]. Это, конечно, былъ частный, хотя и характерный случай тогдашней жизни, но бывали донесенія, вскрывавшія болѣе общія и крупныя злоупотребленія. Такъ, изъ письма Григорія Писарева Масловъ доложилъ Сенату по управленію Сибирью, между другими, такія свѣдѣнія: „комиссары и сборщики съ ясашныхъ людей берутъ взятки и чинятъ обиды и разоренья, тако жъ и воеводы и головы берутъ немалыя взятки, отчего несутъ тамошніе жители обиду и разореніе, и у многихъ брали женъ и дѣтей въ холопы, и ни въ которомъ городѣ, какъ въ Якутску, что въ 2 года тысячъ по 15 и больше воеводы наживаютъ" [2].

Подобныя свѣдѣнія поступали, впрочемъ, и прямо въ Кабинетъ. Такъ, Кабинету было донесено изъ Якутска, что „ежели тѣ ихъ, сборщиковъ, лихоимственныя взятки пресѣчены не будутъ, то всѣ ясашные люди со временемъ переведутся, какъ и въ другихъ сибирскихъ городахъ перевелись", что нѣкоторые сборщики „брали съ нихъ по 2 и по 3 ясака въ годъ, и многія несносныя обиды чинили и били ихъ". Когда извѣстный дѣятель Петровской эпохи, продолжавшій свою службу и при Аннѣ, В. Н. Татищевъ, проѣзжалъ, напр., въ 1734 г. по башкирскимъ и татарскимъ землямъ, „татары вездѣ его спрашивали, скоро ли нынѣшняго воеводу перемѣнятъ, понеже-де онъ — великій грабитель, а бить челомъ на него не смѣютъ, отчего бы не учинилось, какъ при Аристовѣ, бунту" [3].

Конечно, въ предложеніяхъ Маслова Сенату не указывается обычно какихъ-либо особо-широкихъ мѣръ къ пресѣченію злоупотребленій власти, безпорядковъ въ дѣлопроизводствѣ и т. п.; но во всякомъ случаѣ, когда онъ узнаетъ о тѣхъ или другихъ, онъ немедленно доводитъ объ этомъ до свѣдѣнія Сената и требуетъ ихъ пресѣченія.

Согласно общему характеру царствованія, проявлявшему ревностныя заботы о взысканіи недоимокъ, объ открытіи

[1]) Арх. Сен., Высоч. указы и повел. въ копіяхъ, кн. 66, л. 33 об. и сл.
[2]) Ibid., л. 48 и сл.
[3]) Бумаги Кабинета министровъ, т. II, стр. 209, т. III, стр. 465.

новыхъ источниковъ доходовъ и уменьшеніи расходовъ, оберъ-прокуроръ Сената, завѣдывавшій при томъ вообще взысканіемъ недоимокъ, прилагаетъ наибольшее стараніе въ этой области, не упуская ничего, чтобъ достичь наилучшихъ результатовъ. Обративъ, напр., вниманіе (какъ видно изъ его представленія Сенату отъ 29 ноября 1734 г.) на то, что наши войска „нѣсколько времени обрѣтаются въ Польшѣ", гдѣ „съ противной партіи собирается провіантъ и фуражъ и контрибуція", а, слѣдовательно, остаются неизрасходованными ассигнованныя, по штату, деньги на провіантъ и фуражъ, онъ предлагаетъ Сенату потребовать отъ Военной коллегіи счетъ удержаннымъ въ Польшѣ деньгамъ, а равно и доставить свѣдѣнія, сколько понынѣ собрано съ тамошнихъ жителей „провіанта и фуража натурою и деньгами", чтобъ дознаться, сколько денегъ „надлежитъ быть въ остаткѣ". Сенатъ тотчасъ приказываетъ исполнить это предложеніе Маслова [1]).

Въ послѣдніе годы царствованія Анны, при оберъ-прокурорѣ Соймоновѣ, а потомъ и при генералъ-прокурорѣ кн. Трубецкомъ, сенатская прокуратура продолжала, въ общемъ, дѣйствовать по отношенію къ учрежденіямъ и лицамъ въ направленіи, установившемся при Масловѣ, почему и въ это время мы находимъ немало „предложеній" Сенату со стороны оберъ-прокуроровъ и генералъ-прокурора, подобныхъ вышеуказаннымъ [2]).

Мы не будемъ касаться предложеній оберъ-прокурора Сенату, относившихся къ отдѣльнымъ случаямъ, а отмѣтимъ только одно, имѣвшее общій характеръ. Оберъ-прокуроръ Соймоновъ, 21 апрѣля 1738 г., обратилъ вниманіе Сената на то, что „во многихъ мѣстахъ нынѣ прокуроровъ нѣтъ" и что по закону оберъ-секретари и секретари учрежденій обязаны дѣлать представленія ихъ членамъ, въ случаѣ, если ихъ „разсужденія" по какому либо вопросу явятся „государственнымъ правамъ и указамъ противны", а когда члены останутся при прежнихъ своихъ мнѣніяхъ, то записывать свои представленія въ журналъ. Такъ какъ это не выполнялось, то оберъ-прокуроръ просилъ Сенатъ

[1]) Арх. Сен., Высоч. указы и повел. въ копіяхъ, кн. 66, л. 73 и сл.; срав. также предложеніе его о „состояніи доимочныхъ дѣлъ", л. 110 и сл.

[2]) См., напр., „реестръ предложеній въ Сенатъ отъ г. оберъ-прокурора Соймонова"; М. А. М. Ю., кн. 150/8251, passim; „разныя предложенія и ордера генералъ-прокурора (собственно—оберъ-прокурора) Пр. Сенату 1738—39 г.г.", ibid., кн. 24/8125, passim.

„объ исполненіи того во всѣ мѣста подтвердить". Сенатъ приказалъ оберъ-секретарямъ и секретарямъ поступать не только по своей „Должности", но и по „Должности" прокурорамъ, данной 26 октября 1733 г., и буде они „какое производеніе въ противность указамъ признаютъ, записывая въ протоколъ, представлять въ Пр. Сенатѣ къ прокурорскимъ дѣламъ".

Надо еще отмѣтить, что въ представленіи оберъ-прокурора Сенату обращаетъ вниманіе на себя его ссылка на 8-ой пунктъ указанной выше „Должности" прокурорамъ. По этому пункту оберъ-секретари и секретари учрежденій должны были вообще дѣлать, въ указанныхъ выше случаяхъ, свои представленія президентамъ и членамъ коллегій, губернаторамъ и, сверхъ того, прокурорамъ, „гдѣ они быть опредѣлены". Но такъ какъ прокуратура не вездѣ и не всегда въ указанное царствованіе имѣла своихъ представителей въ учрежденіяхъ, не исключая и Сената, то, въ сущности, секретаріатъ учрежденій нерѣдко являлся въ роли прокуроровъ. Сенатъ, въ своемъ указѣ отъ 24 апрѣля 1738 г., подтверждаетъ необходимость исполненія вышеотмѣченнаго пункта, давая ему распространительное толкованіе [1]).

Что касается наблюденія оберъ-прокурора за самимъ Сенатомъ, то оно было первоначально слабо и вызвало, какъ мы знаемъ, въ концѣ 1738 г., строгое замѣчаніе Соймонову, объявленное, черезъ Кабинетъ, отъ имени Императрицы (см. выше, стр. 539). Соймоновъ сталъ тогда дѣйствовать болѣе активно и въ августѣ слѣдующаго года была изготовлена для представленія въ Кабинетъ, весьма любопытная „вѣдомость" о количествѣ указовъ Императрицы и сообщеній Кабинета, исполненныхъ Сенатомъ за время съ 12 апрѣля 1738 г. (когда Соймоновъ вступилъ въ должность) по 1 августа 1739 г. Изъ вѣдомости этой видно, что съ 1730 г. по 12 апрѣля 1738 г. въ Сенатѣ, изъ числа полученныхъ указовъ и сообщеній, не было учинено исполненія по 79 именнымъ указамъ и по 126 сообщеніямъ изъ Кабинета. Въ отмѣченное же время было исполнено: первыхъ—76, вторыхъ—118, итого —194, „а затѣмъ не исполнено и чинятся справки и производятся выписки" по 3 именнымъ указамъ и по 8 кабинетскимъ сообщеніямъ. „Да въ бытность его, г. оберъ-прокурора" было получено 121 имен-

[1]) П. С. З., № 7567; этотъ указъ подтверждался и позднѣе, напр., 7 мая 1740 г.; ibid., № 8098.

ной указъ и 270 сообщеній изъ Кабинета; изъ первыхъ осталось безъ исполненія (къ 1 августа 1739 г.) три указа, изъ вторыхъ—четыре сообщенія [1]). Такимъ образомъ, если не по существу, то формально, Сенатъ и его оберъ-прокуроръ были въ указанные мѣсяцы весьма исполнительны.

Какъ уже упоминалось, генералъ-прокуроръ кн. Н. Ю. Трубецкой былъ назначенъ на свою должность 28 апрѣля 1740 г., т. е. менѣе, чѣмъ за полгода до кончины Анны. За это время можно, однако, отмѣтить нѣсколько его всеподданнѣйшихъ докладовъ, а также сообщеній Кабинету. Изъ нихъ характерны его доклады о назначеніи нѣсколькимъ сенаторамъ жалованья, о хожденіи его, вмѣстѣ съ президентомъ, вице-президентомъ и асессоромъ Комерцъ-коллегіи, „на гостинъ дворъ, въ портовую таможню и во всѣ построенные по обѣимъ сторонамъ Невы пенечные амбары" для провѣрки казенныхъ вѣсовъ, результатомъ чего явилось сообщеніе Кабинета Сенату о принятіи мѣръ къ снабженію „портовъ и знатныхъ городовъ правдивыми вѣсами" и нѣкоторые другіе доклады [2]). По отношенію къ канцеляріи Сената можно отмѣтить слѣдующія его предложенія. Въ предложеніи отъ 18 сентября 1740 г. кн. Трубецкой напомнилъ, что, по указу 12 января 1722 г., въ Сенатѣ и въ Сенатской конторѣ полагались экзекуторы, а нынѣ ихъ нѣтъ; между тѣмъ, чувствуется нужда въ „какъ понужденіи сенатской канцеляріи служителей во исполненіи, по опредѣленіямъ Сената, дѣлъ, такъ и во взысканіи на коллегіяхъ и прочихъ правительствахъ, по посланнымъ изъ Сената указамъ, исполненія", въ чемъ именно и состоитъ должность экзекутора. Сенатъ утверждаетъ представленныхъ кн. Трубецкимъ кандидатовъ [3]). Въ другомъ предложеніи, отъ 2 августа, генералъ-прокуроръ указывалъ, что въ сенатской канцеляріи, по штату 1725 г., поло-

[1]) М. А. М. Ю., „разныя предложенія и ордера ген.-прокурора" и пр., кн. 24/81252, л. 332 и сл.

[2]) Арх. Сен., Высоч. указы и повел., кн. 59, л. 123, кн. 60, л. 45, кн. 61, л. 9, 166 и сл.; П. С. З., № 8240. Изъ другихъ предложеній отмѣтимъ предложеніе ген.-прокурора о выборѣ въ кадетскомъ корпусѣ „великороссійской націи" кадетовъ 20-ти человѣкъ, съ тѣмъ, чтобы „обучать оныхъ одной юриспруденціи и ариѳметикѣ, нужныхъ къ гражданской службѣ частей, а въ прочія науки и къ воинской экзерциціи, такъ и на караулы, (ихъ) не употреблять". Предложеніе мотивируется крайнею нуждою въ лицахъ, обученныхъ юриспруденціи (М. А. М. Ю., журн. и прот. Пр. Сената, кн. 262/2143, л. 123, приговоръ отъ 11 августа 1740 г.).

[3]) Ibidem, кн. 263/2143, л. 83 и сл.

жено быть регистраторамъ, но „нынѣ въ канцеляріи сенатской ни одного не имѣется, а правитъ ту должность подканцеляристъ Савинъ и регистратура безъ всякаго смотрѣнія находится"; между тѣмъ, „регистраторскій чинъ весьма въ канцеляріи нужный и безъ него обойтиться зѣло трудно". Сенатъ также утверждаетъ представленнаго кандидата [1]).

Заканчивая нашъ обзоръ дѣятельности сенатской прокуратуры въ правленіе Кабинета, надо вообще отмѣтить, что ея положеніе въ Сенатѣ, въ данное время, болѣе соотвѣтствовало духу Петровскихъ узаконеній, чѣмъ положеніе оберъ-прокурора въ правленіе В. Т. Совѣта. Если Сенатъ, въ это правленіе, на что уже нами указывалось, не находилъ въ своей прокуратурѣ той помощи, какую онъ получалъ раньше, то въ правленіе Кабинета эта помощь имѣлась на лицо. Затѣмъ и значеніе оберъ-прокуроровъ, замѣняющихъ генералъ-прокурора, стоитъ нынѣ, по отношенію къ Сенату, гораздо выше, чѣмъ это было въ правленіи В. Т. Совѣта, такъ какъ они, по тѣмъ или инымъ причинамъ, но во всякомъ случаѣ болѣе энергично, осуществляютъ свой контроль и надъ Сенатомъ, и надъ его канцеляріею. Сенатская прокуратура вообще оживаетъ, сравнительно съ предшествующимъ временемъ, и это оживленіе является какъ бы предвозвѣстникомъ ея важной роли во второй половинѣ XVIII вѣка.

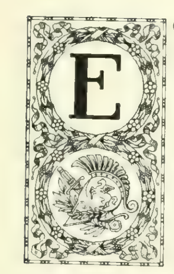
[1]) М. А. М. Ю., журн. и прот. Пр. Сената, кн. 262/2144.

ГЛАВА V.

Кругъ вѣдомства Сената, въ связи съ его дѣятельностью.

I. Общія замѣчанія о компетенціи Сената. II. Компетенція Сената въ дѣлахъ, имѣвшихъ ближайшее отношеніе къ законодательству и его примѣненію на практикѣ. III. Компетенція Сената въ области управленія. IV. Кругъ вѣдомства Сената въ судебной области.

I. Общія замѣчанія о компетенціи Сената.

Если держаться буквальнаго смысла Манифеста 4 марта 1730 г., повелѣвавшаго возстановленному Правительствующему Сенату быть „на такомъ основаніи и въ такой силѣ“, какъ было при Петрѣ, и „во управленіи поступать по Должности“, отъ Него данной, то вопросъ о компетенціи Сената рѣшается самъ собою: она должна была быть такою, какою установилась при Петрѣ, со времени учрежденія коллегій и утвержденія Имъ II-ой „Должности“ Сената, поскольку Его послѣдующее законодательство не измѣнило ея предѣловъ. Это и можно утверждать, говоря вообще, по отношенію къ кругу вѣдомства Сената за время съ 4 марта 1730 г. до 18 октября 1731 г., когда былъ учрежденъ Кабинетъ министровъ. Созданіе Кабинета поставило компетенцію Сената въ зависимость отъ круга вѣдомства новаго учрежденія, надъ нимъ вставшаго. Но въ этомъ новомъ учрежденіи кругъ вѣдомства обозначался, по указамъ 18 октября и 6 ноября, какъ „порядочное отправленіе всѣхъ государственныхъ дѣлъ, которыя къ собственному Нашему опредѣленію

и рѣшенію подлежатъ". Такое опредѣленіе функцій новаго учрежденія уже само по себѣ отличалось большою растяжимостью и неопредѣленностью, почему и могло вызывать, да и, дѣйствительно, иногда вызывало на практикѣ, недоразумѣнія, тѣмъ болѣе возможныя, что у насъ, помимо обычныхъ государственныхъ дѣлъ, восходившихъ „къ опредѣленію и рѣшенію" Монарховъ, свободно могли также подлежать такому восхожденію (по взглядамъ не только XVIII вѣка, но и позднѣйшаго времени) рѣшительно всѣ дѣла и отношенія, которыя въ данное время почему-либо останавливали на себѣ вниманіе Государей и затѣмъ относились къ предметамъ то постояннаго, то случайнаго вѣдомства учрежденій и лицъ, непосредственно стоявшихъ передъ Монархомъ. Отсюда понятно, какъ, въ частности, широка и многообразна должна была быть компетенція Кабинета и какъ трудно поддавалась она сколько-нибудь точному опредѣленію. Мы не изслѣдуемъ здѣсь предѣловъ этой компетенціи [1]); но мы должны, однако, имѣть въ виду, что указанныя ея особенности отражались и на кругѣ вѣдомства, и на дѣятельности Сената. Чѣмъ бы ни занимался Кабинетъ, какіе бы вопросы управленія въ немъ ни ставились на очередь, все это, такъ или иначе, сказывалось на Сенатѣ, то расширяя, то съуживая кругъ его вѣдомства. Послѣ смерти гетмана Даніила Апостола, послѣдовавшей 17 января 1734 г., Кабинету предстояло, напр., рѣшить вопросъ, „быть или не быть гетману въ Малороссіи". Чрезвычайное совѣщаніе, созванное 29 января въ Кабинетѣ, постановило поднести на Высочайшее утвержденіе „всеподданнѣйшее мнѣніе", въ которомъ, между прочимъ, говорилось: „гетману впредь быть не разсуждается, а быть правленію, вмѣсто чина гетманскаго, во шти персонахъ состоящему, а именно—изъ 3-хъ великороссійскихъ, изъ 3-хъ малороссійскихъ; тому правленію быть подъ вѣдѣніемъ Сената, въ особливой конторѣ. И сіе содержать секретно, а въ указахъ и въ прочихъ письмахъ не показывать, что намѣреніе имѣется гетмана не выбирать"... [2]). Государыня утверждаетъ указанное мнѣніе, весьма расширяющее кругъ вѣдомства Сената

[1]) Подробное изображеніе компетенціи Кабинета, какъ по дѣламъ внѣшнимъ, такъ и по дѣламъ внутренняго управленія, см. въ статьяхъ А. Н. Филиппова: „Новыя данныя о Кабинетѣ министровъ Императрицы Анны Іоанновны" (Русская мысль, 1901 г., кн. VI и XII).

[2]) Бумаги Кабинета министровъ, т. III, стр. 14, 21 и сл.

и возлагающее на него новыя обязанности [1]). Или, напр., въ началѣ марта 1732 г., т. е. всего черезъ 1/2 года по учрежденіи Кабинета, оберъ-прокурору Сената, Анисиму Маслову, поручено взять въ свое особое завѣдываніе дѣла о недоимкахъ, разсматривавшіяся весьма медленно въ Сенатѣ; 10 октября того же года ему поручено „съ поспѣшеніемъ, безъ всякаго упущенія", собирать всѣ дѣла о недоимкахъ и предлагать объ ихъ взысканіи и наложеніи штрафовъ на виновныхъ Сенату, донося о выполненіи этого порученія самой Императрицѣ [2]), чѣмъ, до конца жизни, Масловъ и занимался съ большимъ усердіемъ, постоянно требуя отъ Сената нарочитаго вниманія къ этого рода дѣламъ. Если въ первомъ случаѣ мы видимъ примѣръ расширенія компетенціи Сената, то во второмъ находимъ указаніе направить дѣятельность Сената на извѣстный родъ дѣлъ, болѣе другихъ занимающихъ вниманіе Кабинета.

Бывало иногда, что Кабинетъ забывалъ о непосредственно подчиненныхъ ему учрежденіяхъ и отсылалъ въ Сенатъ для рѣшенія дѣла, ему подвѣдомственныя, т. е. относилъ къ компетенціи Сената то, что къ ней вовсе не принадлежало. Такъ, напр., А. И. Ушаковъ переслалъ въ Сенатъ челобитную „крестьянской жены Ѳ. Фалалѣевой, да вдовы Авдотьи Еремѣевой дочерей, о потоплой соли и невзысканіи за ту соль денегъ"; Сенатъ переслалъ эту челобитную „для разрѣшенія" въ соляную контору, подчиненную непосредственно Кабинету. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, уже изъ Кабинета, была прислана вторая челобитная Авдотьи Еремѣевой, которую Сенатъ также отослалъ въ соляную контору, приказавъ „о томъ во извѣстіе взнесть въ Кабинетъ... въ которомъ и то объявить, что по именному Е. И. В. указу... повелѣно медицинской канцеляріи быть въ вѣдомствѣ Кабинета Ея И. Величества такъ, какъ и соляная контора состоитъ, и для того во оную ни откуда повелительныхъ указовъ посылать не велѣно" [3]), а, слѣдовательно, Сенатъ не можетъ ей отдавать своихъ приказаній.

Ограничиваясь вышеприведенными немногими примѣрами, замѣтимъ вообще, что многочисленные указы и приказы, поступавшіе изъ Кабинета, не могли не вліять на компетенцію

---

[1]) П. С. З., № 6540, п.п. 2 и 3.
[2]) Бумаги Кабинета министровъ, т. I, стр. 448.
[3]) М. А. М. Ю., журн. и прот. Пр. Сената, кн. 251/2132, л. 44.

Сената, а равно и на направленіе его дѣятельности. Кабинетъ нерѣдко требовалъ отъ Сената, чтобъ онъ дѣлалъ то, что первый считалъ въ данный моментъ наиболѣе важнымъ или спѣшнымъ. Изъ журналовъ Сената видно, что бывали дни, когда онъ, оставивъ текущія дѣла управленія, преимущественно занимался приведеніемъ въ исполненіе указовъ и сообщеній Кабинета.

Однако, несмотря на все это, у Сената оставался собственный кругъ вѣдомства, если не независимый всегда и во всемъ отъ воздѣйствій Кабинета, то, во всякомъ случаѣ, достаточно обширный и настоятельно вызывавшій его на непрестанную и многостороннюю дѣятельность. Сенаторы обозначали этотъ кругъ словами: „настоящія государственныя дѣла".

Къ очерку компетенціи Сената мы теперь и обратимся.

II. Компетенція Сената въ дѣлахъ, имѣвшихъ ближайшее отношеніе къ законодательству и его примѣненію на практикѣ.

Въ правленіе Кабинета, какъ и въ правленіе В. Т. Совѣта, Сенатъ не разъ разсматриваетъ разнаго рода законопроекты и подаетъ о нихъ свои „мнѣнія". Затѣмъ, практика управленія теперь, какъ и въ предыдущія два царствованія, заставляетъ Сенатъ входить въ Кабинетъ съ требованіями объ измѣненіи, дополненіи или отмѣнѣ законовъ. Если и можно здѣсь отмѣтить какую-либо разницу въ компетенціи Сената, то разницу чисто количественную, а не качественную. Кабинетъ чаще, чѣмъ В. Т. Совѣтъ, отдаетъ на предварительное обсужденіе Сената тѣ или иные законопроекты, такъ какъ самъ, менѣе чѣмъ В. Т. Совѣтъ, имѣетъ возможность заниматься ихъ разсмотрѣніемъ. Напр., кн. Б. Г. Юсуповъ, назначенный въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1738 г. московскимъ вице-губернаторомъ, въ мартѣ слѣдующаго года представилъ въ Кабинетъ обширное доношеніе „о поправленіи въ сборахъ государственныхъ доходовъ, и какія въ томъ происходятъ неисправности, и за какими невозможно-

стями, и объ опредѣленіи къ нему, для исправленія множественныхъ, по указамъ, дѣлъ, помощниковъ и приказныхъ служителей". Резолюціею Кабинета отъ 29 марта Сенату предписывается „о всемъ томъ, чего требуетъ кн. Юсуповъ, справясь съ указами и прежними опредѣленіями, разсмотрѣть, при чемъ и ему, кн. Юсупову, быть и опредѣленіе учинить въ Пр. Сенатѣ въ самой скорости, а чего Пр. Сенатъ собою учинить не можетъ, о томъ мнѣніе свое, для апробаціи, подать въ Кабинетъ" [1]). Подчеркнутыя слова указываютъ, что на доношеніе кн. Юсупова нельзя было отвѣтить какою либо справкою съ существующими узаконеніями. Оно требовало, по внимательномъ обсужденіи, законодательнаго разрѣшенія, которое не было въ компетенціи Сената, но для котораго онъ долженъ былъ изготовить проектъ. Такъ, Юсуповъ предлагалъ „учредить особую экспедицію для немедленнаго исправленія о подушномъ сборѣ дѣлъ по Московской губерніи", „опредѣлить оберъ-коменданта, или коменданта для исправленія гарнизонныхъ и провіантскихъ дѣлъ" и т. п. Въ апрѣлѣ того же года Сенатъ внесъ въ Кабинетъ обширный по дѣлу экстрактъ, представляющій отвѣтъ на каждый пунктъ доношенія кн. Юсупова. Съ нѣкоторыми изъ „разсужденій" Сената Кабинетъ согласился; по другимъ („о камерирахъ и прочихъ, подобныхъ тому судьяхъ") затребовалъ отъ него новыхъ мнѣній. Между прочимъ, Кабинетъ нашелъ необходимымъ опредѣлить, въ помощь вице-губернатору, двухъ человѣкъ совѣтниковъ, а равно и коменданта, несмотря на то, что „въ Москвѣ оберъ-комендантомъ и комендантомъ быть, по новоапробованному воинскому стату, и не положено", почему и приказалъ Сенату „вышеписанныхъ помощниковъ, выбравъ, представить въ Кабинетъ немедленно и о всемъ томъ, что по вышеобъявленному общему разсужденію учинить опредѣлено, подать доношеніе для конфирмаціи Е. И. В." [2]). Въ данномъ случаѣ Кабинетъ, отдавая на предварительное обсужденіе Сената доношеніе Юсупова, предлагаетъ потомъ Сенату,—частію на основаніи его же разсужденій, частію на основаніи указаній самого Кабинета, выработать законопроектъ по возбужденнымъ въ доношеніи вопросамъ для конфирмаціи его Государынею.

---

[1]) Бумаги Кабинета министровъ, т. IX, стр. 275, 293 и сл.

[2]) Ibidem., стр. 429—446.

Большею частію, впрочемъ, процессъ представленія Сенатомъ мнѣній по возбужденнымъ законодательнымъ вопросамъ ставился проще. Такъ, другой вице-губернаторъ, Лангъ, управлявшій Иркутскою провинціею, представилъ „на высокомудрое разсужденіе“ Кабинета „пункты“, въ коихъ требовалъ запрещенія какъ покупки купцами мягкой рухляди по улусамъ, такъ и отправки изъ провинціальныхъ канцелярій людей „по деревнямъ и кочевьямъ“ для сбора съ „ясачныхъ людей“ слѣдуемаго ясака, и находилъ, что этотъ ясакъ инородцы должны сами приносить „въ городы и остроги, въ которыхъ они присудны“, а равно и дѣлалъ рядъ другихъ предложеній, „Е. И. В. высокому интересу“ полезныхъ. Кабинетъ предписываетъ Сенату „по сему доношенію разсмотрѣть и со мнѣніемъ представить въ Кабинетъ Е. И. В.“. На эту резолюцію Кабинета, данную 11 октября 1739 г., Сенатъ въ началѣ слѣдующаго года представляетъ сообщеніе въ Кабинетъ, въ которомъ подробно и обстоятельно на каждый „пунктъ мнѣніе свое подписываетъ“, а по „которымъ (пунктамъ) прежде были опредѣленія, о тѣхъ въ томъ же экстрактѣ (представленномъ Сенатомъ) показано именно“, т. е. Сенатъ весьма основательно отмѣчаетъ, какіе пункты Ланга требуютъ новыхъ узаконеній и какіе могутъ быть разрѣшены на основании существующихъ. Высочайшая резолюція на этомъ сообщении частію утверждаетъ мнѣнія Сената, частію вноситъ въ нихъ нѣкоторыя измѣненія [1]). Во всякомъ случаѣ, Сенатъ, какъ видно изъ указанныхъ и многихъ другихъ примѣровъ, весьма облегчаетъ своими мнѣніями и разсужденіями законодательствованіе Кабинета.

Разсматривая обширныя мнѣнія Сената по поводу законодательныхъ вопросовъ, препровождавшихся на его обсужденіе, было бы невѣрно думать, что онъ охотно шелъ на разработку этихъ вопросовъ, требовавшихъ нерѣдко сложныхъ справокъ и соображеній. Аннинское время вообще — не время широкихъ задачъ въ области государственнаго управленія. Поэтому тамъ, гдѣ требовались коренныя измѣненія, возбужденные вопросы оставались безъ движенія, частію помимо воли Сената, какъ это, напр., можно утверждать по отношенію къ

[1]) Бумаги Кабинета министровъ, т. X, стр. 351 и сл.; П. С. З., № 8017, стр. 20—31; Арх. Сен., Высоч. указы и повел., кн. 57, л. 97—111.

вопросу о штатахъ, весьма обстоятельно обсуждавшихся Сенатомъ и намѣчавшихъ рядъ преобразованій въ учрежденіяхъ, а частію, по винѣ самого Сената. Приведемъ одинъ примѣръ. Въ Кабинетъ поступило два доношенія смоленскаго губернатора А. Б. Бутурлина [1]), интересныхъ какъ по своему тону, довольно необычному въ официальныхъ бумагахъ, такъ и, особенно, потому, что авторъ касается не только нуждъ своей губерніи, но и вообще тяжелаго положенія нашихъ губернаторовъ въ тридцатыхъ годахъ XVIII столѣтія. Эти доношенія его, представленныя въ Кабинетъ изъ Смоленска 8 и 29 ноября 1739 г. и сопровождавшіяся: первое — „регистромъ коллегіямъ, канцеляріямъ и конторамъ, изъ которыхъ указами повелѣвается изъ губерніи всякаго исправленія", а второе — „копіею о изнеможеніи въ продолженіи счета", показываютъ, что онъ, управляя своимъ обширнымъ краемъ, сумѣлъ подмѣтить общіе недостатки въ постановкѣ должности губернаторовъ, сильно вредившіе дѣлу управленія, и смѣло указалъ на нихъ Кабинету.

Кратко резюмируя какъ содержаніе данныхъ доношеній, такъ и судьбу ихъ [2]), надо сказать, что въ одномъ доношеніи, поданномъ 8 ноября 1739 г., Бутурлинъ жалуется на невыносимое положеніе губернаторовъ, подчиненныхъ (вмѣстѣ съ воеводами) не болѣе и не менѣе, какъ пятидесяти четыремъ мѣстамъ, откуда „на каждой недѣлѣ получаемой почты бываетъ различныхъ требованій нѣсколько десятковъ, съ сильнымъ взысканіемъ угрозительнымъ, съ положеніемъ и правежемъ штрафовъ, не принимая никакихъ законныхъ причинъ, не различая съ малымъ дѣломъ великаго, точію едино предписуя себѣ власть данную, что велѣно имъ штрафовать безъ доклада сенатскаго" . . . Авторъ, по его словамъ, принужденъ, „для самого дѣла, симъ доношеніемъ высокій Ея И. В. Кабинетъ со всеподданнѣйшимъ прошеніемъ утруждать" и

[1]) Александръ Борисовичъ Бутурлинъ занималъ въ 1735—1740 гг. важный, по тому времени, постъ смоленскаго губернатора. Какъ извѣстно, Бутурлинъ еще при Петрѣ былъ однимъ изъ довѣренныхъ „денщиковъ" Его. Послѣ смерти Петра, онъ продолжалъ успѣшно двигаться по служебной лѣстницѣ, былъ возведенъ Елисаветою Петровною въ графы и затѣмъ назначенъ главнокомандующимъ русскими войсками, посланными въ Пруссію. Какъ бы ни смотрѣть на его дѣятельность при Елисаветѣ, ему во всякомъ случаѣ нельзя отказать въ служебной опытности и большой дѣловитости.

[2]) Подробно объ этомъ см. статью А. Н. Филиппова, „Положеніе губернаторовъ въ тридцатыхъ годахъ XVIII вѣка", въ „Сборникѣ статей въ честь В. О. Ключевскаго". (М., 1910), т. I, стр. 43—56.

напомнить Кабинету, что до указа 1737 г. по губернаторской инструкціи (1728 г.) были „подвержены губернаторы подъ главную команду Пр. Сената, откуда, за неисправность, и штрафъ всякій налагательный послѣдовалъ, что, не безъ разсмотрѣнія здраваго, по заслугѣ каждому слѣдовало“... Въ другомъ доношеніи, отъ 29 ноября того же года, сопровождавшемся обширною „копіею о изнеможеніи въ продолженіи счета“, авторъ его указываетъ, между прочимъ, что „отъ перемѣнныхъ формъ (въ книгахъ) великія затрудненія и остановка въ окончаніи счетовъ слѣдуютъ“ и затѣмъ, „сколько ни рачительствуешь“, „никакъ не только на срочное число“ нельзя счета „къ довершенію привесть“, но „за многодѣліемъ продолжается въ немалое время, и такъ годъ отъ году губернскихъ приходовъ и расходовъ денежной казны досконально познать не безъ труда, а расходчики межъ того уже иные многіе померли и отлучились по разнымъ мѣстамъ, на что болѣе никакого способу не пріискивая, какъ точію, ежели Высочайшимъ произволеніемъ Ея И. В-ва Кабинета оставленъ будетъ годовой репортъ посылкою въ Камеръ-коллегію, ибо обстоятельные мѣсячные репорты отъ губерніи присылаются, по которымъ свободно смѣтить и видѣть можно о всемъ годовомъ приходѣ и расходѣ денежномъ, тако жъ и о прибавкѣ срока въ отправленіи счетовъ“... [1]).

Какъ отнесся Сенатъ къ первому доношенію, требовавшему серьезной реформы и возбуждавшему, между прочимъ, вопросъ о крайней необходимости возстановленія ранѣе бывшаго порядка подчиненія губернаторовъ и воеводъ Пр. Сенату, или говоря его словами—о необходимости „подвергнуть ихъ подъ единый штрафъ, по прежнему, Пр. Сената“?—Казалось бы, что уже одно это предложеніе Бутурлина должно было быть благосклонно принято Сенатомъ, тѣмъ болѣе, что онъ въ пользу его выдвигалъ то соображеніе, что „одному только Сенату государственныя неможенія и обстоятельства дѣлъ открыты“, тогда какъ всѣ прочія учрежденія, -„не принимая никакихъ законныхъ причинъ“ и „не различая съ малымъ дѣломъ великаго“, но „точію едино предписуя себѣ власть данную, что велѣно имъ штрафовать безъ доклада сенатскаго“, не соблюдаютъ

[1]) Текстъ этихъ доношеній, полностью, см. въ „Бумагахъ Кабинета министровъ“, т. X, стр. 610 и сл., 687 и сл.

здѣсь никакой мѣры въ „положеніи и правежѣ штрафовъ" и отвлекаютъ мѣстныхъ правителей отъ исполненія „нужнѣйшихъ дѣлъ", на нихъ возложенныхъ. Ни Кабинетъ, ни Сенатъ, однако, не хотѣли предлагаемыхъ перемѣнъ, при чемъ первый просто отклонилъ отъ себя рѣшеніе этого труднаго дѣла, передавъ его Сенату „для учиненія рѣшенія", какъ онъ это дѣлалъ не разъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, а Сенатъ отдѣлался формальной отпискою по дѣлу [1]).

Что касается второго доношенія, ярко изображавшаго безвыходное положеніе губернаторовъ въ дѣлѣ срочной отчетности приходовъ и расходовъ денежной казны во ввѣренныхъ имъ губерніяхъ, то оно было отложено рѣшеніемъ на неопредѣленное время. Замѣтимъ, однако, что мысль Бутурлина о необходимости губернаторамъ быть подъ единымъ штрафомъ Пр. Сената не пропала совершенно. При Елисаветѣ Петровнѣ, по указу 31 августа 1742 г., штрафы съ губернаторовъ и воеводъ стали налагаться уже Пр. Сенатомъ [2]). Что касается доношенія Бутурлина по поводу отчетности губернаторовъ, то несомнѣнно, что однимъ исправленіемъ формъ, а равно увеличеніемъ числа лицъ, завѣдывающихъ денежной отчетностью по сбору и расходу денегъ, наконецъ измѣненіемъ сроковъ подачи отчетовъ, едва ли можно было уничтожить „изнеможеніе въ продолженіи счетовъ", какъ думалъ Бутурлинъ. Необходимо было совершенно выдѣлить всякія финансовыя операціи изъ функцій губернаторовъ и ихъ канцелярій, поручивъ ихъ веденіе особымъ учрежденіямъ, что и дѣлается при Екатеринѣ II. Но даже въ той узкой, сравнительно, постановкѣ, какая придавалась Бутурлинымъ вопросу и могла принести извѣстную пользу, онъ не былъ разсмотрѣнъ ни Сенатомъ, ни Кабинетомъ.

Законодательную функцію, вообще, приходилось выполнять Кабинету, представлявшему на утвержденіе Императрицы свои проекты. Но такъ какъ онъ не имѣлъ достаточно времени для разработки этихъ проектовъ, то и отдавалъ ихъ въ Сенатъ. Лишь изрѣдка случалось, что онъ самъ опредѣлялъ норму новаго закона, и тогда на долю Сената выпадало только составленіе указа, его публикація, внесеніе въ Уложеніе. Такъ, напр., когда изъ

[1]) А. Н. Филипповъ, Положеніе губернаторовъ въ тридцатыхъ годахъ XVIII в., ib., стр. 50 и сл.

[2]) П. С. З., № 8906.

одного доношенія Сената обнаружилось, что ни въ Уложеніи, ни въ указахъ нѣтъ закона о наказаніи воровъ-гробокопателей, то резолюціею Кабинета, утвержденною Императрицею, Сенату было повелѣно, „сочинивъ указъ, публиковать, что ежели кто впредь въ такомъ воровствѣ явится, такихъ казнить смертію. И сей пунктъ внесть въ Уложеніе“ [1]).

Мы касались доселѣ законодательныхъ вопросовъ, поступавшихъ въ Сенатъ изъ Кабинета. Были, однако, случаи, когда Сенатъ самъ возбуждалъ такіе вопросы, получивъ доношеніе отъ подчиненныхъ ему лицъ о необходимости дополненія или измѣненія существующихъ законовъ, а равно и составленія новыхъ. Конечно, это не были какіе-либо общіе вопросы; но каково бы ни было ихъ юридическое значеніе, то или иное разрѣшеніе ихъ вызывалось, по большей части, нуждами повседневной жизни, а потому и требовало вниманія Сената. Такъ, Юстицъ-коллегія лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ донесла Сенату, что въ нее постоянно поступаютъ прошенія частныхъ лицъ о бракахъ „въ такихъ колѣнахъ, которые по мірскимъ законамъ запрещены“, но на которые прежде давалъ „диспензацію“ шведскій король. Сенатъ, разсмотрѣвъ это донесеніе, представляетъ всеподданнѣйшій докладъ о необходимости разрѣшать такіе браки, указывая, что такое разрѣшеніе „нынѣ состоитъ въ волѣ Е. И. В.“ [2]). Въ другомъ случаѣ Сенатъ убѣждается, что назначенный, по Инструкціи Ревизіонъ-коллегіи, срокъ различнымъ учрежденіямъ для подачи „въ ревизію счетныхъ списковъ“ недостаточенъ, почему и входитъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ о продленіи, „для показанныхъ отъ коллегій и канцелярій невозможностей“, сроковъ для подачи означенныхъ списковъ [3]). Въ третьемъ случаѣ, обративъ вниманіе, что „въ Уложеніи и въ указахъ не положено, по чему имать за насильное владѣніе людей и крестьянъ (кромѣ бѣглыхъ)“, постановляетъ приговоръ о подачѣ Е. И. В. доношенія, что, „по мнѣнію сенатскому, буде кто кого завладѣетъ людьми и крестьяны безъ земли, за то ихъ насильное владѣніе надлежитъ взыскивать противъ того, что по указамъ велѣно платить за бѣглыхъ, понеже отъ такого насильнаго владѣнія обидимые,

---

[1]) Бумаги Кабинета министровъ, т. IX, стр. 117.
[2]) П. С. З., № 6485.
[3]) П. С. З., № 6855.

чьи тѣ люди и крестьяне, имѣютъ разореніе равное, какъ и отъ бѣглыхъ" [1]).

Сенатъ въ описываемое время, какъ и раньше, являлся хранителемъ законовъ, наблюдалъ за ихъ примѣненіемъ на практикѣ. давалъ инструкціи учрежденіямъ и лицамъ [2]). Если оказывалось, что кѣмъ-либо и гдѣ-либо примѣнялись законы отмѣненные, Сенатъ требовалъ исполненія новыхъ [3]). Если примѣненіе законовъ въ жизни вызывало недоразумѣнія, Сенатъ разъяснялъ ихъ [4]).

На Сенатѣ лежала также забота объ обнародованіи законовъ. Способами этого обнародованія являлись: печатаніе законовъ, объявленіе ихъ съ барабаннымъ боемъ на площадяхъ, чтеніе въ церквахъ, прибитіе листовъ по городскимъ воротамъ, разсылка по учрежденіямъ. Особенно замѣтнымъ является печатаніе законовъ и затѣмъ выпускъ напечатанныхъ законовъ въ свѣтъ для разсылки по учрежденіямъ и для продажи. Относительно печатанія законовъ обращаетъ на себя вниманіе указъ Сената отъ 3 января 1737 г., гласящій: „ежели о чемъ опредѣлено будетъ для публикованія въ народъ, печатать указы, и какъ о томъ съ сочиненной формы напечатается первый листъ, то оный, не публиковавъ, объявлять въ Кабинетѣ Е. И. В., и когда апробуется, тогда публики чинить, а прежде того не публиковать, и тѣхъ указовъ, прежде публики, никому не отдавать, и того смотрѣть накрѣпко экзекутору" [5]). Указъ этотъ очень рельефно изображаетъ зависимость Сената отъ Кабинета. По Высочайше утвержденнымъ 6 февраля 1735 г. докладамъ Академіи наукъ, Сенатъ долженъ былъ отдать въ нее для напечатанія, во 1-хъ, „прежнее Уложеніе, также уложеніе сводное съ указами, изъ Сената выправя", а затѣмъ, во 2-хъ, указы съ 1725 по 1735 г., чтобъ Академія могла пополнить ими „книжки указовъ", изданныя за время съ 1714 по 1725 г. [6]). Позднѣе нѣсколько, а именно—по указу 6 мая

[1]) П. С. З., № 7104.

[2]) П. С. З., №№ 6414, 6420, 6425, 6488, 6564, 6617, 6678, 6797, 7072, 7181, 7516 и мн. друг.

[3]) П. С. З., № 6524.

[4]) П. С. З., № 7118.

[5]) П. С. З., № 7147; о разсылкѣ напечатанныхъ указовъ „во всѣ судебныя мѣста и въ губерніи и провинціи", съ допущеніемъ въ продажу „оставшихся за отсылкою", см. ib., № 6923.

[6]) П. С. З., №№ 6686 и 6687.

1738 г., самъ Сенатъ, для ускоренія печатанія, приказалъ указныя книги съ 1714 по 1722 г. печатать въ Академической, а съ 1723 г. въ Академической и Сенатскихъ типографіяхъ, при чемъ на представленіе Академіи о „сообщеніи“ (соединеніи) Сенатской типографіи съ Академической, Сенатъ отвѣтилъ отказомъ, ссылаясь на то, что „при Сенатѣ, для всегдашняго печатанія и скорѣйшаго отправленія публичныхъ и по многимъ нарядамъ указовъ, обойтиться никакъ невозможно, чего ради нынѣ оная типографія и новыми литерами удовольствована“ [1]). Развитіе обнародованія законовъ путемъ напечатанія ихъ и выпуска въ свѣтъ для продажи, замѣтное для данной эпохи, представлялось весьма важнымъ въ интересахъ осуществленія Петровскаго правила, что невѣдѣніемъ законовъ никто не долженъ отговариваться.

Интересно, что, когда Соборное уложеніе было вновь напечатано, Сенатъ 29 мая 1737 г. вошелъ въ Кабинетъ съ сообщеніемъ о необходимости скорѣйшаго выпуска его въ свѣтъ, такъ какъ, „въ Академію приходя, разныхъ чиновъ люди требуютъ о продажѣ онаго Уложенія непрестанно“. Надо замѣтить, что задержка въ выпускѣ Уложенія объяснилась тѣмъ, что „къ тому Уложенію не присовокуплено житіе Государя Царя Алексѣя Михайловича для того, что еще все не окончено, за подлежащими справками“, между тѣмъ, это „житіе“ должно было быть напечатаннымъ при новомъ изданіи, согласно Высочайше утвержденному докладу „шефа“ Академіи Корфа и сенатскому приговору. Кабинетъ утвердилъ докладъ Сената, предписавъ, однако, „подтвердить указами“ о немедленномъ собраніи „справокъ житія Государя Царя Алексѣя Михайловича“... [2]).

Мы уже отмѣчали, что Сенатъ, еще до образованія Кабинета, на основаніи Именного указа отъ 1 іюня 1730 г. [3]), занялся вопросомъ о составленіи уложенія. Дѣло, однако, плохо подвигалось впередъ, и во всеподданнѣйшемъ доношеніи, отъ 27 января 1738 г., Сенатъ, представляя Императрицѣ „отвѣтъ, что по прежнимъ“ Е. И. В. указамъ „о самонужнѣйшихъ дѣлахъ въ Сенатѣ исполнено и что еще исполнить надлежитъ“, относительно уложенія долженъ былъ сказать: „къ сочиненію

[1]) П. С. З., № 7576.

[2]) Бумаги Кабинета министровъ, т. VI, стр. 366.

[3]) П. С. З., № 5567.

новаго уложенія опредѣлены тайный совѣтникъ Новосильцовъ съ нѣкоторыми членами, да оберъ-секретарь Аврамъ Сверчковъ, и нѣкоторыя главы сочинены и къ апробаціи вознесены въ Сенатъ, а другія сочиняются". Высочайшая резолюція на этотъ пунктъ, а равно и на пунктъ о сочиненіи Лифляндскаго уложенія, которое тогда было предпринято, гласила, что „о сочиненіи Россійскаго и Лифляндскаго уложеній надлежитъ стараться и напредь, яко самонужнѣйшее дѣло, о правомъ судѣ и о розыскахъ, разсматривать и оканчивать надлежитъ, понеже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ безвинно многіе люди страждутъ и кровь проливается" [1]).

III. Компетенція Сената въ области управленія.

Въ области управленія государствомъ компетенція Сената и въ это время отличается тою же широкою постановкою, какая ей дана была Петромъ. Вліяніе Кабинета сказывается здѣсь не столько въ какихъ либо важныхъ юридическихъ ограниченіяхъ этой компетенціи, сколько въ направленіи дѣятельности Сената на тѣ стороны управленія, какія представляются Кабинету наиболѣе важными. При этомъ на первомъ мѣстѣ надо указать его попытку къ упорядоченію государственнаго бюджета, которая ставила Сенату цѣлый рядъ задачъ для разрѣшенія. Такъ, въ цѣляхъ наибольшаго развитія доходовъ казны, и Кабинетъ, а по его приказамъ, и Сенатъ весьма много занимались финансовыми вопросами, причемъ, въ цѣломъ, все дѣло ограничивалось здѣсь, главнымъ образомъ, чисто внѣшними, фискальными и нерѣдко случайными мѣрами по усиленному взысканію недоимокъ, всякаго рода сборовъ, а равно и по наложенію бо̀льшихъ, чѣмъ прежде, налоговъ и пошлинъ, по расширенію конфискацій и проч. Всѣ эти мѣры хотя и приносили казначействамъ тѣхъ или иныхъ учрежденій лишнія деньги, но нисколько не улуч-

[1]) Бумаги Кабинета министровъ, т. VII, стр. 200, 203 и 209.

шали государственнаго хозяйства страны. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда пытались отъ этихъ усиленныхъ взысканій налоговъ и ихъ недоимокъ, или отъ пресѣченія злоупотребленій администраціи при ихъ сборахъ, перейти къ чему-либо общему и болѣе важному, дѣло плохо подвигалось впередъ. Любопытнымъ примѣромъ, въ доказательство сказаннаго, можетъ служить серьезная, по идеѣ, попытка составленія „государственной о всѣхъ доходахъ книги", о чемъ говоритъ Именной указъ отъ 27 ноября 1732 г. Еще въ 1724 г. была составлена „всѣмъ государственнымъ доходамъ генеральная табель и притомъ по городамъ и провинціямъ окладная книга", по которой Петръ „государственные повсегодные расходы въ штатъ расположить изволилъ". Но такъ какъ, по свидѣтельству того же указа, „съ того времени по той книгѣ доходы ни въ которомъ году въ казну Нашу сполна не доходили и годъ отъ году умалялись, такъ что нѣсколько милліоновъ въ доимкѣ осталось", то въ 1731 году было повелѣно: „о всѣхъ тѣхъ государственныхъ доходахъ учинить вновь вѣдомости и по онымъ свидѣтельствовать, гдѣ какіе сборы предъ прежнимъ временемъ прибыли, или для чего умалились, и по тѣмъ вѣдомостямъ сдѣлать обстоятельную окладную книгу". Хотя эту книгу было повелѣно изготовить къ началу 1732 г., но въ концѣ ноября того же года было засвидѣтельствовано, что „не токмо та книга понынѣ не сочинена, но и вѣдомостей изъ губерній къ сочиненію ея не прислано, а которыя и присланы, о тѣхъ доносятъ, что явились неисправны". Указъ передаетъ дѣло собранія вѣдомостей, ихъ освидѣтельствованія и разработки Сенату и повелѣваетъ, чтобъ книга была „совершенно окончена" и прислана „для всемилостивѣйшей апробаціи къ началу 1733 г." [1]). Но проходитъ не только одинъ или два года, а все царствованіе Анны, и „окладной книги" доходамъ и расходамъ такъ и не было составлено. Между тѣмъ, не зная количества доходовъ, поступившихъ въ тѣ или иныя казначейства, нельзя было вести сколько нибудь правильнаго государственнаго хозяйства, особенно въ виду того обстоятельства, что тогда не существовало единаго государственнаго казначейства, въ которое поступали бы всѣ доходы государства и изъ котораго производились бы

[1]) Бумаги Кабинета министровъ, т. I, стр. 504 и сл.

всѣ расходы на государственныя нужды [1]). Изъ бумагъ Кабинета, нынѣ напечатанныхъ, видно, что какъ Кабинетъ и Сенатъ, такъ и другія подчиненныя имъ учрежденія, часто не знали, сколько находится налицо денегъ по тѣмъ или инымъ статьямъ государственныхъ доходовъ, сколько ихъ надо добрать, сколько затѣмъ надлежитъ, по штатамъ или чрезвычайнымъ кредитамъ, израсходовать денегъ на тѣ или другія потребности и сколько ихъ, дѣйствительно, израсходовано и т. д. Тѣмъ не менѣе, настоять на составленіи Сенатомъ общей „окладной книги“ доходовъ, равно какъ и составить штаты расходовъ по всѣмъ учрежденіямъ, Кабинету не удалось. Въ результатѣ дѣятельность Кабинета и Сената съ его оберъ-прокуроромъ, по изысканію источниковъ новыхъ доходовъ, ихъ сборамъ, а также и собиранію недоимокъ, иногда за много лѣтъ, если временно и обогащала казну, то вовсе не приводила къ дѣйствительному упорядоченію дѣла. Само собираніе недоимокъ подвигалось впередъ довольно плохо, и изъ одного доношенія Адмиралтейской коллегіи отъ конца 1738 г. видно, что, при общей незначительности тогдашняго государственнаго бюджета, недоимокъ накопилось, по отношенію къ одному только адмиралтейству, съ 1731 по 1738 г., около $2^1/_2$ милліоновъ рублей [2]).

Мы не имѣемъ возможности подробно останавливаться на дѣятельности Сената по отношенію ко всѣмъ вышеуказаннымъ вопросамъ фискальной политики Кабинета и скажемъ лишь, что она отнимала у Сената много времени и вниманія, заставляла его отдавать этой дѣятельности едва ли не исключительное вниманіе, откуда и вытекало обиліе сенатскихъ докладовъ и указовъ, касавшихся, такъ или иначе, вопросовъ фиска, какъ это видно частью изъ напечатанныхъ, а еще болѣе изъ архивныхъ данныхъ.

Изъ всѣхъ мѣръ, предпринимавшихся въ указанной выше сферѣ дѣлъ, заслуживаетъ больше всего вниманія упомянутое составленіе государственной окладной книги. Это составленіе было совершенно необходимо, и Кабинетъ справедливо указывалъ Сенату, что „первое государства основаніе и самое нужнѣйшее дѣло, дабы знать, сколько въ годъ какихъ доходовъ собрано быть можетъ, и на какія дачи употреблены

[1]) См. Высочайшую резолюцію отъ 14 марта 1739 г., Бумаги Кабинета, т. IX, стр. 251.
[2]) Ibidem, стр. 8.

быть имѣютъ, и что за тѣмъ изъ году въ годъ оставаться будетъ; но когда въ томъ прямого основанія нѣтъ, то въ сборѣ доходовъ, тако-жъ и въ расходахъ, ни малѣйшаго порядка быть не можетъ, да и взыскивать ни на комъ ничего невозможно". Но, какъ сказано выше, окладная книга не была составлена Сенатомъ. Кабинетъ склоненъ былъ ставить это ему въ вину и утверждалъ, что „сіе важное и нужное дѣло продолжается, повидимому, не отъ затрудненія какого, но отъ нерадѣнія —для того, что черезъ девять лѣтъ довольно времени минуло, и ежели-бъ въ томъ трудъ и радѣніе приложено было, то-бъ не токмо къ сочиненію тому потребныя вѣдомости собраны, но и окладная книга и статьи давно сочинены и апробованы были". Сенатъ, однако, оправдывался и утверждалъ, что онъ „прилежное стараніе имѣлъ и какъ Штатсъ-контору, такъ и прочія мѣста, до которыхъ то исправленіе (вѣдомостей) принадлежитъ, неослабно понуждалъ; токмо такихъ вѣдомостей, за вышепоказанными невозможностями, до нынѣ не подано, которыхъ не получа, разсмотрѣніе учинить не можно" [1]). Въ оправданіи Сената была доля правды, такъ какъ относительно мѣръ понужденія онъ дѣлалъ все, что могъ. Причина неудачи лежала глубже и заключалась въ общей хаотичности тогдашняго хозяйства государства. Не только не было „ни малѣйшаго порядка" въ сборѣ доходовъ и въ ихъ расходованіи, но и сама отчетность, какъ это видно, между прочимъ, изъ приводившагося выше донесенія А. Б. Бутурлина, находилась въ такомъ состояніи, что разобраться въ ней и составить „вѣрныя вѣдомости" доходовъ и расходовъ было дѣломъ чрезвычайной трудности. Еслибъ знаменитый оберъ-прокуроръ Масловъ, которому принадлежитъ и самая мысль о составленіи окладной книги [2]), прожилъ долѣе, дѣло этого составленія могло бы значительно подвинуться впередъ, ввиду особой его энергіи. Послѣ него въ Сенатѣ не было лица, которое могло бы взять въ свои руки разрѣшеніе указанной трудной задачи.

Заговоривъ о Масловѣ, который, въ качествѣ оберъ-прокурора и лица завѣдывавшаго спеціально сборомъ „доимокъ", больше всего понуждалъ Сенатъ къ усиленной дѣятельности въ данной области, мы должны замѣтить, что Масловъ и здѣсь обнару-

[1]) Бумаги Кабинета министровъ, т. IX, стр. 248—251.

[2]) Ibidem, т. I, стр. 486.

жилъ широту взгляда. По поводу доклада Сената о взысканіи недоимокъ съ откупщиковъ и ратушъ, онъ возстаетъ противъ способа взысканія этихъ недоимокъ, предложеннаго Сенатомъ, и рисуетъ поразительную картину послѣдствій примѣненія этого способа. „Ежели, по учиненной сенатской резолюціи, которая В. И. В. подана для всемилостивѣйшей апробаціи, такую многочисленную доимку на откупщикахъ и на ратушахъ править нынѣ всю вдругъ, то купецкихъ домовъ до 20-ти тысячъ, или и больше, можетъ вовсе разориться, ибо взысканіе доимки инако чиниться не можетъ, что у тѣхъ, которые платить не въ состояніи, отписываютъ и продаютъ дворы и пожитки; а понеже изъ тѣхъ должниковъ большая часть не въ состояніи и ежели у такого превеликаго числа людей отписывать и продавать дворы, заводы и пожитки, то купить будетъ некому и во многіе годы не токмо всего, ниже малой части, ибо мало не все купечество тою доимкою обязаны и явные тому примѣры есть, что у которыхъ должниковъ дворы и пожитки уже прежде отписаны, многіе лѣтъ по 10-ти и по 15-ти безъ продажи продолжаются и пропадаютъ“. Далѣе Масловъ указываетъ на Переяславль-Рязанскій, въ которомъ прежде было „не малое купечество“, а нынѣ некого выбрать въ бурмистры, такъ какъ осталось всего 4 купеческихъ дома, у которыхъ дома и пожитки не отписаны за доимки, а у многихъ подданныхъ все описано, да и описанное безъ продажи „гніетъ“ и т. д. Масловъ думаетъ, что „когда такимъ случаемъ (т. е. „немилосерднымъ“ и „вдругъ общимъ взысканіемъ доимокъ“) купечество вовсе разорится, то и крестьяне паче нынѣшняго въ худое состояніе придутъ, понеже россійское купечество всю свою комерцію больше черезъ крестьянъ имѣютъ и отъ нихъ всякіе товары покупаютъ и тѣмъ довольствуются — крестьяне купцами, а купцы—крестьянами; войски же В. И. В., сухопутныя и морскія, съ купечествомъ и крестьянами такъ обязаны, что за единый корпусъ человѣческій почитать надлежитъ, ибо какъ людьми, такъ жалованіемъ, провіантомъ, мундиромъ и амуниціею, и вся артиллерія содержится ими; итако купечество, крестьяне и войско одно безъ другого въ состояніи быть не можетъ“ [1]). Въ резолюціи по

[1]) Бумаги Кабинета министровъ, т. II, стр. 205 и сл.

этому докладу сказано, что „о вышеозначенной доимкѣ, по сему представленію, должно разсматривать въ Сенатѣ ст. сов. Маслову и, по разсмотрѣнію, экстракты, съ приложеніемъ своего мнѣнія, подать въ Кабинетъ", т. е., иначе говоря, признана справедливость замѣчаній Маслова на „сенатскую резолюцію".

Таковы были послѣдствія мѣръ по сбору налоговъ и недоимокъ среди купечества, практиковавшихся Сенатомъ подъ давленіемъ Кабинета. Не лучше они были и по отношенію къ помѣщикамъ, хотя и не по винѣ Сената, какъ это видно изъ его всеподданнѣйшаго доклада отъ 1733 г., гдѣ, между прочимъ, сообщается относительно Ярославской провинціи, что „многіе-де обыватели подаютъ доношенія, чтобы земли ихъ и домы описать на В. И. В., понеже-де платить имъ подушныхъ денегъ нечѣмъ и некѣмъ". Произведено было слѣдствіе, изъ котораго мы узнаемъ о порядкѣ, какимъ производилось взысканіе подушныхъ,— порядкѣ, по всѣмъ даннымъ, не представлявшемъ ничего особеннаго, необычайнаго, и лишь обратившемъ на себя вниманіе по своему исключительному результату — отказу плательщиковъ - дворянъ отъ ихъ домовъ и земель. „Обрѣтающіеся у сбора подушныхъ денегъ" офицеры доносятъ, что эти „деньги на томъ полковомъ дворѣ съ обывателей взыскиваются неослабно", а „оставшіеся въ неплатежѣ тѣхъ денегъ сами помѣщики, и приказчики, и старосты многіе держатся подъ карауломъ безъ выпуска; тако-жъ и въ уѣздѣ, за высылкою плательщиковъ, посланные изъ того полкового двора урядники и солдаты имѣются безвыходно, по которому правежу имѣющіеся въ томъ дистриктѣ сами помѣщики въ полковомъ дворѣ доношеніями объявляютъ, что подушныхъ денегъ послѣ переписи, за умершихъ и бѣглыхъ людей и крестьянъ, платить имъ нечѣмъ, и чтобы за ту доимку помѣстья ихъ описать" [1]).

Особенно замѣчательнымъ является поданный Масловымъ Государынѣ „проектъ о худомъ состояніи крестьянъ Смоленской губерніи и прочихъ мѣстъ". Масловъ указываетъ, что въ Смоленской губерніи крестьяне разбѣгаются, а оставшіеся „ѣдятъ траву и гнилую колоду", что, не смотря на указы, въ коихъ обѣщалось прощеніе, „бѣглые крестьяне изъ-за польскаго рубежа не токмо не возвращаются, но и сверхъ прежняго

[1]) Бумаги Кабинета министровъ, т. II, стр. 117 и сл.

многіе бѣгутъ къ нимъ за рубежъ, ибо поляки, видя такую крестьянскую скудость, публикуютъ и лестью своихъ вольностей къ себѣ жить подговариваютъ, объявляя, что имъ (крестьянамъ) даютъ дворы готовые и всякую ссуду и въ платежѣ податей льготы, лѣтъ по 10-ти и больше, и развозятъ ихъ въ дальнія мѣста, внутрь своей страны". Причину бѣдности и „несостоянія крестьянъ" Масловъ объяснялъ тѣмъ, что „1) отъ начала подушной подати за убылыхъ подушныя деньги принуждены были платить оставшіе; 2) помѣщики, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, крестьянъ своихъ въ работы употребляли и оброки съ нихъ сбирали, кто какъ хотѣлъ, по своей волѣ, а въ нужный случай вспоможенія имъ не чинили...; 3) при сборахъ подушныхъ денегъ и рекрутъ офицеры не токмо, по своимъ инструкціямъ и указамъ В. И. В., отъ постороннихъ обидъ крестьянъ не охраняли, но паче сами многое утѣсненіе и обиды изо взятокъ имъ чинили, о чемъ на многихъ письменныя жалобы произошли"... [1]).

Такимъ образомъ, офиціальный актъ констатируетъ, что крестьянамъ приходилось нести „многое утѣсненіе и обиды" при сборахъ съ нихъ подушныхъ денегъ и рекрутъ; тяжесть налоговъ и рекрутчины еще усугублялась отъ „постороннихъ обидъ", наносимыхъ сборщиками. Неудивительно, что крестьяне убѣгали, когда къ этому представлялась малѣйшая возможность. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда они, будучи обнадежены „милостивыми" указами, возвращались, то и при возвращеніи подвергались новымъ „обидамъ и разореніямъ" [2]). Мы, къ сожалѣнію, не можемъ останавливаться на тѣхъ мѣрахъ, какія предлагались Масловымъ въ дополненіе къ представленію Сената объ отсрочкѣ во взысканіи подушныхъ денегъ; но мы должны, однако, отмѣтить, что Масловъ, говоря о тяжкомъ положеніи крестьянъ Смоленской губерніи, констатировалъ, что онъ по „Должности" своей „Сенату неоднажды представлялъ, и хотя о томъ въ разныя времена, разныя разсужденія происходили и, для совѣту, о томъ въ Кабинетѣ собраніе имѣли и положили доложить В. И. В., съ представленіемъ нѣкоторыхъ способовъ, но и по нынѣ то продолжается (въ теченіе мѣсяца) безъ окончанія".

[1]) Бумаги Кабинета Министровъ, т. III, стр. 288 и сл.

[2]) См., напр., указъ, данный ф. Бисмарку, ibid., стр. 489 и сл.

Замѣтимъ въ заключеніе, что нѣкоторыя мѣры, предложенныя Масловымъ, были осуществлены послѣ его смерти; въ это же время въ дѣятельности самого Сената въ данной области мы не находимъ никакихъ особоважныхъ мѣропріятій, которыя шли бы дальше простого сбора недоимокъ, прекращенія нѣкоторыхъ злоупотребленій при ихъ сборѣ и т. п., да и вообще иноземный дворъ Анны, съ Ея Кабинетомъ, дававшій тонъ дѣятельности Сената, въ этой области едва-ли интересовался бóльшимъ. Въ концѣ царствованія Анны, подъ „дирекціею Сената“, была учреждена особая „доимочная комиссія“, существовавшая и въ слѣдующее царствованіе [1]).

Перейдемъ теперь къ другой функціи Сената, -къ его контролю надъ дѣятельностью центральныхъ и мѣстныхъ учрежденій. Эта функція осуществлялась имъ нынѣ не въ меньшей, если не въ большей, чѣмъ въ предыдущее время, степени. Кабинетъ, если иногда и вмѣшивался непосредственно въ управленіе, какъ это не разъ отмѣчалось нами, преслѣдовалъ волокиту въ рѣшеніи дѣлъ и назначалъ слѣдствія по обнаруженнымъ злоупотребленіямъ и т. п., то вмѣстѣ съ тѣмъ требовалъ отъ Сената внимательнаго наблюденія за подчиненными послѣднему учрежденіями. На Сенатъ возлагалась также обязанность составленія для каждой коллегіи и канцеляріи инструкцій [2]).

Наличность прокуратуры при Сенатѣ и ея иное, чѣмъ было въ правленіе В. Т. Совѣта, положеніе также способствовали развитію дѣятельности Сената въ области надзора за управленіемъ, входившей въ его компетенцію еще съ Петра. Укажемъ нѣкоторыя черты этой дѣятельности.

Прежде всего Сенатъ предписывалъ слѣдить за своевременнымъ приходомъ и выходомъ изъ коллегій и канцелярій членовъ, причемъ дежурнымъ секретарямъ даже ставилось въ обязанность „какъ днемъ, такъ и ночью, быть всегда безотлучнымъ, а въ которыхъ мѣстахъ имѣется по одному секретарю, въ тѣхъ быть потому-жъ неотлучнымъ дневальнымъ канцеляристамъ“ [3]). Затѣмъ, для установленія наблюденія за исполненіемъ указовъ, Сенатомъ приказывалось „подавать исправные

[1]) П. С. З., №№ 7676, 7273.

[2]) П. С. З., № 5919.

[3]) П. С. З., №№ 7080, 7351, 8140.

репорты прокурорамъ, а гдѣ оныхъ нѣтъ,—президентамъ, что самымъ дѣйствомъ, по симъ посланнымъ указамъ, будутъ во всѣхъ мѣстахъ исправлять, и дѣла вестись, а о челобитчикахъ, по порядочному-ль реестру, или выборомъ, и для чего кои дѣла волочатъ, и за какими законными причинами, и колодниковъ долговременно (будутъ) держать" [1]).

Такъ какъ коллегіи и другія учрежденія, оправдываясь въ неисправностяхъ своихъ по рѣшенію дѣлъ, жаловались часто на неисполнительность губернаторовъ и воеводъ, то Сенатъ вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ о разрѣшеніи коллегіямъ штрафовать губернаторовъ, „не представляя въ Сенатъ, дабы, смотря на то, губернаторы въ порученныхъ имъ дѣлахъ, и въ сборахъ, и по посланнымъ указамъ въ отвѣтахъ, прилежно и рачительно поступали", причемъ, въ свою очередь, губернаторы должны штрафовать за неисполнительность „своей губерніи воеводъ" [2]). Этотъ докладъ былъ утвержденъ; онъ вызвалъ, какъ мы уже знаемъ изъ донесенія смоленскаго губернатора Бутурлина, большія и справедливыя противъ себя неудовольствія.

Сенатъ въ царствованіе Анны неоднократно подтверждалъ, „чтобъ изъ коллегій и канцелярій приходили съ доношеніями такими, которыя, по Должности, Сенату рѣшеніемъ подлежатъ, а изъ губерній писали только о тѣхъ дѣлахъ, которыя къ коллегіямъ не принадлежатъ". Такъ какъ на практикѣ эти подтвержденія плохо дѣйствовали, то Сенатъ установилъ указомъ 28 августа 1740 г. особое расписаніе, „въ которые дни изъ коллегій, канцелярій, конторъ, комиссій, учрежденныхъ въ С.-Петербургѣ, съ дѣлами въ Пр. Сенатъ приходить", а равно и указалъ, какія дѣла въ какомъ порядкѣ и кѣмъ докладываются Сенату, гдѣ они записываются и пр. [3]).

Сенатомъ устанавливался порядокъ сношенія между учрежденіями, опредѣлялись правила о запискѣ и храненіи въ крѣпостной конторѣ подлинныхъ крѣпостныхъ актовъ и о выдачѣ съ нихъ копій, сочинялись формы книгъ, и т. п. [4]). Вообще Сенатомъ разрѣшались всѣ пререканія и недоразумѣнія между

[1]) П. С. З., № 7080.
[2]) П. С. З., № 7240.
[3]) П. С. З., № 8219; срав. также №№ 6751, 6758, 6788, 7258.
[4]) П. С. З., №№ 6820, 6487, 6855 и мн. др.

учрежденіями, если только для этого разрѣшенія были законныя основанія въ существующихъ регламентахъ и указахъ; въ противномъ случаѣ, Сенатъ входилъ съ всеподданнѣйшими докладами.

Сенатъ распоряжался также выдачею жалованья членамъ коллегій, канцелярій и конторъ, при чемъ опредѣлялъ, на какую треть года (обычно послѣднюю или предпослѣднюю изъ истекшихъ), откуда и по какому штату, или въ какомъ размѣрѣ, должно было быть выдано это жалованье [1]).

Что касается наказаній и штрафовъ, налагавшихся на членовъ коллегій и канцелярскихъ чиновниковъ, а равно и на разныхъ лицъ губернской и провинціальной администраціи, то они довольно часто примѣнялись Сенатомъ, въ виду того, что угрозы, щедро расточаемыя въ указахъ, мало помогали, и учрежденію, стоявшему надъ коллегіями и мѣстнымъ властямъ, поневолѣ приходилось прибѣгать къ наказаніямъ, при чемъ этихъ наказаній не избѣгали и служащіе въ самой сенатской канцеляріи. Подьячій сенатской канцеляріи продержалъ, напр., у себя въ теченіе двухъ недѣль нужную вѣдомость, готовую уже къ отправленію. Сенатъ, принявъ во вниманіе, что „въ томъ умыслу его, кромѣ простоты, никакого не находится", постановилъ, смягчая требованіе 50 главы Генеральнаго регламента (по которому назначалось „жестокое наказаніе"), „бить его батогами и, сверхъ того, изъ подканцеляристовъ написать въ копіисты" [2]). Въ 1733 г. нѣсколько губернаторовъ, а также московскій генералъ-губернаторъ Г. П. Чернышевъ, были оштрафованы Сенатомъ за неприсылку „на срокъ и послѣ сроку" доимочныхъ вѣдомостей, при чемъ Чернышевъ уплатилъ тысячу рублей [3]). Въ другомъ случаѣ Сенатомъ былъ наложенъ штрафъ на воронежскаго вице-губернатора Пашкова „за безуказный его въ деревню отъѣздъ". Пашковъ оправдывался, но штрафъ этотъ всетаки было велѣно съ него взыскать „по прежнему сенатскому рѣшенію, несмотря ни на какія его отговорки" [4]). Съ нѣкоего Дубасова, за самовольное устройство имъ на Волгѣ заставы и остановку „пло-

[1]) М. А. М. Ю., журналы и прот. Пр. Сената, кн. 149/2030, л. 62; кн. 143/2024, л. 27 и др.; кн. 153/2034, л. 1 и др.; кн. 191/2072, л. 32 и др.

[2]) Ibid., кн. 151/2032, л. 19.

[3]) Ibid., кн. 183/2064, л. 11 и сл.; ср. указъ Сената 11 іюня 1734 г. о взысканіи штрафовъ съ губернаторовъ, вице-губернаторовъ и воеводъ, П. С. З., № 6587.

[4]) М. А. М. Ю., журналы и прот. Пр. Сената, кн. 190/2071, л. 75.

вущихъ купецкихъ людей“, велѣно „взять штрафа на $^1/_3$ года изъ его жалованья“ и т. д. [1]). Кромѣ штрафовъ были случаи и отрѣшенія отъ должности [2]).

Относительно производства въ чины надо отмѣтить, что Именнымъ указомъ отъ 30 декабря 1731 г. повелѣно было „впредь о произведеніи въ полковники и въ другіе военные вышніе чины докладывать Е. И. В. изъ Военной коллегіи, не представляя въ Сенатъ“ кандидатовъ, какъ это было раньше [3]).

По вопросу о назначеніи на должности надо сказать, что до Именного указа 22 января 1734 г. Сенатъ долженъ былъ представлять въ Кабинетъ „опредѣляемыхъ въ городы воеводъ и къ разнымъ дѣламъ въ секретари“; съ этого времени „разрѣшено опредѣлять ихъ Сенату „по прежнему“, при чемъ указъ выражалъ надежду, что выбираемы Сенатомъ будутъ „люди добрые и къ управленію порученныхъ имъ дѣлъ достойные и въ прежнихъ дѣлахъ исправные“, „не по страстямъ или прихотямъ“ [4]). На должности же генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ и вице-губернаторовъ Сенатъ, обыкновенно, представлялъ кандидатовъ въ Кабинетъ. Если Кабинетъ не утверждалъ этихъ кандидатовъ, то онъ возвращалъ докладъ о нихъ обратно, приказывая „вмѣсто тѣхъ кандидатовъ, выбравъ, представить другихъ“. Сенатъ, однако, иногда отстаивалъ своихъ кандидатовъ. Такъ было, когда пришлось представлять кандидатовъ на мѣсто сибирскаго губернатора П. И. Бутурлина. Кабинетъ не утвердилъ представленіе Сената. Послѣдній, однако, замѣнивъ двухъ прежнихъ кандидатовъ новыми, указалъ снова двухъ ранѣе представленныхъ, добавивъ, что онъ ихъ „къ тому за достойныхъ признаваетъ, а, кромѣ ихъ, другихъ способныхъ къ представленію не находитъ и объ опредѣленіи изъ нихъ одного требуетъ Е. И. В. указу“ [5]). Такимъ образомъ, по отношенію къ мѣстной администраціи, назначенія Сената идутъ, начиная съ воеводъ и ихъ товарищей [6]).

[1]) М. А. М. Ю., журналы и прот. Пр. Сената, кн. 191/2072, л. 141; сравн. ibid., кн. 231/2112, л. 127.

[2]) Ibid., кн. 200/2081, л. 134.

[3]) П. С. З., № 5920.

[4]) П. С. З., №№ 5920, 6538.

[5]) М. А. М. Ю., журн. и прот. Пр. Сената, кн. 232/2113, л. 78.

[6]) Ibid., кн. 223/2104, л. 284; срав. еще приговоръ о кандидатахъ въ губернаторы, ibid., кн. 238/2119, л. 68.

Что касается центральныхъ учрежденій, то президенты и вице-президенты коллегій и совѣтники назначились Высочайшими указами, какъ по всеподданнѣйшимъ докладамъ Сената, такъ и безъ оныхъ [1]). Асессоры, до Именного указа 24 мая 1734 г., назначались Сенатомъ, но такъ какъ Императрицѣ сдѣлалось извѣстно, что въ Сенатѣ „произведено многое число изъ секретарей въ асессоры и въ прочіе чины“, то, по вышепоименованному указу, повелѣно „впредь такихъ произвожденій“ безъ представленія въ Кабинетъ и безъ Высочайшей конфирмаціи „отнюдь не чинить“, при чемъ Сенатъ долженъ былъ представить вѣдомость, сколько съ 1726 по 1737 г. было опредѣлено „изъ секретарей въ совѣтники и въ асессоры и въ другіе чины . . . тако жъ въ воеводы и въ товарищи къ губернаторамъ и вице-губернаторамъ и воеводамъ“ и пр., съ показаніемъ окладовъ всѣхъ должностей [2]).

Какъ извѣстно, 31 декабря 1736 г. былъ изданъ Манифестъ о порядкѣ пріема въ службу шляхетскихъ дѣтей и увольненіи изъ оной. Указомъ этимъ впервые обязательная служба дворянъ была ограничена двадцатью пятью годами. Какъ видно изъ журналовъ Сената за 1737 г., ему приходилось неоднократно разсуждать по поводу приведенія въ дѣйствіе названнаго указа. Не касаясь этихъ разсужденій, остановимся на приговорѣ Сената отъ 11 февраля. Въ этотъ день Сенатомъ былъ „слушанъ Именной указъ о недоросляхъ, объ отдачѣ малолѣтнихъ для наученія отцамъ и родственникамъ и о представленіи ихъ на смотръ, и о прочемъ, и при томъ разсудили: 1) справиться, гдѣ учреждены какія школы и академіи, и какія въ нихъ науки, также и о школахъ въ гарнизонахъ для солдатскихъ дѣтей, и имѣть разсужденіе, гдѣ еще надлежитъ къ тому учредить школы и академіи; 2) герольдмейстеру приказали: объ обрѣтающихся здѣсь недоросляхъ учинить расписаніе, кто какихъ лѣтъ, и чему наученъ, и сколько за кѣмъ душъ, и изъ нихъ назначить, которые способны, для опредѣленія въ коллегіи и канцеляріи къ приказнымъ дѣламъ, и которыхъ отецъ или родственники желаютъ, по силѣ онаго указу, взять для науки къ себѣ и оставить для домашней экономіи, и представить ихъ всѣхъ съ тѣмъ расписаніемъ въ будущій понедѣльникъ на смотръ“ [3]).

[1]) П. С. З., № 6899; Бумаги Кабинета министровъ, т. V, стр. 351, 353.
[2]) П. С. З., № 7262.
[3]) П. С. З., № 7142; А. Н. Филипповъ, „Журналы Пр. Сената за 1737 г.,“ т. I, стр. 94.

Мы остановились довольно подробно на дѣятельности Сената въ области финансоваго управленія и контроля надъ учрежденіями, какъ наиболѣе выдающихся его административныхъ функціяхъ. Но Сенатъ имѣлъ и цѣлый рядъ другихъ. Обозрѣвая ихъ кратко, мы видимъ его заботящимся о постройкѣ „указнаго числа" судовъ къ опредѣленному сроку и приказывающимъ „работныхъ людей собрать, также и бѣглыхъ выслать, и кои впредь побѣгутъ, высылать къ работамъ, по силѣ прежде посланныхъ изъ Сената указовъ, немедленно, дабы, за неимѣніемъ при строеніи судовъ работныхъ людей, не учинилось остановки..." Мы читаемъ въ его журналахъ, что имъ „слушано доношеніе лейбъ-гвардіи коннаго полку полковой канцеляріи о дачѣ подъ отправляемыя изъ того полку къ арміи три роты, подъ патронные ящики, подъ фурманы и паквагены и подъ прочія казенныя тягости и подъ провіантъ, тако жъ до Новгорода подъ сѣдла, въ прибавокъ къ подъемнымъ лошадямъ, ямскихъ подводъ до Новгорода по 90, а отъ Новгорода по 70 лошадей, приказали: подводы давать ямскія, а гдѣ ямскихъ не достанетъ, то уѣздныя"... Далѣе встрѣчаемъ „доношеніе изъ Комерцъ-коллегіи о писаніи ко обрѣтающимся отъ двора Ея И. В. въ Лондонѣ, въ Амстердамѣ и въ Гамбургѣ министрамъ о присылкѣ въ тое коллегію, какимъ образомъ содержатся портовыя и внутренняго сбора книги, формъ; приказали: о писаніи о томъ къ министрамъ въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ послать указъ..." [1]). Въ другомъ случаѣ, мы находимъ сенаторовъ обсуждающими инструкцію л.-гвардіи прапорщику Караваеву, отправляющемуся въ Нарву къ заключенному въ Ивангородѣ князю В. Вл. Долгорукому [2]). Въ указахъ Сената мы можемъ отмѣтить распоряженія о расширеніи въ Москвѣ улицъ, о дѣланіи колодезей и о постройкѣ зданій; о чисткѣ каналовъ и о починкѣ мостовъ катор-

[1]) А. Н. Филипповъ. „Журналы Пр. Сената за 1737 г.", т. I, стр. 48, 59, 86 и др.

[2]) Въ этой инструкціи читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: „1) его, кн. Василья Долгорукаго, до церкви допущать, ... но при немъ быть неотлучно и до разговоровъ его, кн. Долгорукаго, ни съ кѣмъ не допускать, а впредь для его, кн. Долгорукаго, въ церкви сдѣлать особливый чуланъ, дабы тамъ никого, кромѣ его, Долгорукаго, не было; тако-жъ и священника на квартиру къ нему, Долгорукому, для служенія завтреней и вечеренъ допущать; только смотрѣніе имѣть, дабы разговоровъ онъ не имѣлъ; 2) доктора или лѣкаря къ нему, Долгорукому, для пользованія, когда нужда востребуетъ, допускать же и при томъ быть ему, Караваеву, самому неотлучно; 3) людей его, кн. Долгорукаго, для покупокъ не отпускать, а посылать для оныхъ изъ имѣющихся при ономъ Караваевѣ капрала и изъ солдатъ..." (ibidem, стр. 36).

жными и наемными рабочими; о назначенiи на линейныя работы и для построенiя слободъ служилыхъ людей, опредѣленныхъ въ ландмилицкую службу; о сборѣ фуража въ Ингерманландiи; объ опредѣленiи къ кабацкимъ, таможеннымъ и канцелярскимъ сборамъ людей добрыхъ, по выбору купечества; о срокахъ ярмарокъ Макарьевской и др.; о вызовѣ желающихъ устроить желѣзные заводы; о судоходствѣ по Ладожскому каналу; о раздѣлѣ движимыхъ и недвижимыхъ имѣнiй по Уложенiю и т. д., и т. д. Всѣ эти, взятые только въ видѣ примѣра, приговоры, указы и доклады Сената наглядно показываютъ, какъ разнообразна была его компетенцiя въ области управленiя государствомъ. Она касалась всѣхъ сторонъ государственнаго хозяйства и благоустройства, отвѣчала на всѣ вопросы, выдвигаемые обыденною жизнью, и, если не отличалась глубиною взглядовъ и задачъ, то, во всякомъ случаѣ, посильно служила разрѣшенiю этихъ вопросовъ на практикѣ, воочiю указывая на необходимость высшаго центральнаго учрежденiя, объединяющаго всѣ нити управленiя. Широкая, хотя и довольно неопредѣленная компетенцiя, данная Сенату Петромъ, продолжала сказываться и теперь.

IV. Кругъ вѣдомства Сената въ судебной области.

Сенатъ въ царствованiе Анны Iоанновны и Iоанна Антоновича являлся, какъ и прежде, высшею апелляцiонною инстанцiею, и указы строго подтверждаютъ объ обращенiи къ суду Сената, лишь пройдя всѣ установленныя инстанцiи [1]). Въ общемъ здѣсь соблюдались прежнiя правила (см. выше, стр. 466 и сл.), но съ нѣкоторыми, однако, важными измѣненiями. Такъ, во 2-мъ пунктѣ „Инструкцiи" рекетмейстеру, данной въ 1722 г., было сказано, что рекетмейстеръ принимаетъ челобитья на коллегiи и канцелярiи „въ неправомъ вершенiи дѣлъ", беретъ

[1]) П. С. З., № 5546, 5600 и др.; срав. разборъ В. С. Иконникова сочиненiя В. М. Грибовскаго: „Высшiй судъ и надзоръ въ Россiи въ первую половину царствованiя Императрицы Екатерины II" (оттискъ изъ „Отчета о XLV присужденiи наградъ гр. Уварова, СПБ., 1905 г., стр. 11—16).

затѣмъ къ себѣ, „съ докладу сенатскаго“, дѣла и дѣлаетъ изъ нихъ выписки, къ которымъ челобитчики и члены коллегій прикладываютъ руки, въ доказательство, что „та выписка изъ того дѣла учинена право“. Эта процедура создавала, однако, большую волокиту. Многіе, отдавъ челобитья въ неправомъ вершеніи ихъ дѣлъ, „за дѣломъ больше не ходятъ, а иные и съ Москвы съѣзжаютъ“, или посылаются куда либо по дѣламъ службы, выписокъ же безъ нихъ не дѣлаютъ, „понеже (имъ), яко челобитчикамъ, надлежало давать гербовую бумагу и смотрѣть выписокъ, правильно-ли сдѣланы“. Затѣмъ, многіе изъ „виноватыхъ“ челобитчиковъ, когда выписки уже сдѣланы, начинаютъ оспаривать ихъ правильность, а посланные по дѣламъ службы „такое продолженіе (дѣлъ) въ прибытокъ себѣ ставятъ, что покамѣстъ дѣла ихъ вершатся, и хотя обвинены будутъ, однако жъ, нѣсколько лѣтъ деревнями или другимъ чѣмъ владѣютъ“.

Эту очень интересную въ бытовомъ отношеніи справку о примѣненіи на практикѣ указаннаго 2-го пункта „Инструкціи“ рекетмейстеру мы находимъ въ Именномъ указѣ отъ 30 іюля 1730 г., измѣняющемъ этотъ пунктъ. Такъ, исходя изъ того факта, что въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ и безъ того спорныя дѣла вершатъ по такимъ выпискамъ, „къ которымъ съ обѣихъ сторонъ, какъ отъ истца, такъ отъ отвѣтчика, руки приложены“, указъ повелѣваетъ рекетмейстеру докладывать Сенату о челобитныхъ, поданныхъ на неправое вершенье. Буде Сенатъ признаетъ, что челобитья подлежатъ его разсмотрѣнію, то подлинныя дѣла и выписки берутся изъ коллегій и канцелярій, которые обязаны выдать ихъ въ теченіе 2—3-хъ дней рекетмейстеру, а онъ немедленно докладываетъ ихъ Сенату. Рекетмейстеръ не долженъ былъ затѣмъ дѣлать никакихъ выписокъ и не могъ принимать никакихъ новыхъ челобитій, при чемъ повелѣвалось „судить и разсматривать въ Нашемъ Сенатѣ только, правильно ли по тѣмъ выпискамъ отъ коллегій и канцелярій тѣ дѣла вершены, дабы отъ того челобитчикамъ, какъ понынѣ чинилось, напрасной излишней волокиты не было“ [1]). Можно согласиться, что этотъ новый порядокъ значительно уменьшалъ „волокиту по челобитчиковымъ дѣламъ“; но нельзя не видѣть, что онъ въ то же время значительно сокращалъ, въ данной области, судебную

[1]) П. С. З., № 5600.

власть Сената, который теперь долженъ былъ дѣйствовать только въ предѣлахъ, установленныхъ для него указаннымъ закономъ.

Въ качествѣ высшей апелляціонной инстанціи, Сенатъ слѣдилъ также за тѣмъ, чтобъ челобитья не задерживались въ низшихъ инстанціяхъ, а, слѣдовательно, могли своевременно доходить и до него. Такъ, Сенатъ обнаружилъ, что „когда въ судахъ челобитчиковъ дѣла рѣшены бываютъ, которымъ рѣшеніемъ челобитчики и отвѣтчики являются недовольные, а просятъ о переносѣ тѣхъ дѣлъ къ вышнимъ судамъ, представляя, что рѣшены неправо, но ихъ по тѣмъ прошеніямъ къ разсмотрѣнію такихъ дѣлъ не допускаютъ, а требуютъ прежде пошлинъ". Въ виду этого, Сенатъ 12 ноября 1730 г. приказываетъ, слѣдуя извѣстному Именному указу о правосудіи, отъ 1 іюня того же года, — переносить дѣла, въ случаѣ челобитья въ неправомъ вершеньи, „безъ платежа съ перваго вершенья пошлинъ, а брать ту пошлину, какъ за первое, такъ и за второе рѣшеніе, съ истца, или съ отвѣтчика, кто виноватъ будетъ, и съ судей" [1]). Въ интересахъ скорѣйшаго разрѣшенія дѣлъ по апелляціямъ, Сенатъ указомъ отъ 4 сентября 1733 г. требуетъ, чтобъ челобитчики, жалующіеся на неправое вершенье подчиненныхъ юстицъ-конторѣ мѣстъ или губерній, переносили свои жалобы „въ ту контору въ указный срокъ, по близости губерній и провинцій, смотря по разсмотрѣнію мѣстъ", причемъ, они или ихъ повѣренные должны находиться въ этихъ мѣстахъ безотлучно до разсмотрѣнія ихъ дѣлъ. Сенатъ подтверждаетъ также „указъ о формѣ суда", по отношенію „писанія" челобитій пунктами [2]).

Являясь высшей апелляціонною инстанціею, Сенатъ былъ первою инстанціею какъ по дѣламъ о преступленіяхъ по должности, такъ и по тѣмъ дѣламъ, которыя Высочайшею властью повелѣвалось ему разсмотрѣть. Въ этомъ отношеніи обращаетъ на себя вниманіе Именной указъ отъ 7 января 1737 г. такого содержанія: „Понеже, по слѣдствію въ Нашемъ вышнемъ судѣ, князь Дмитрій Голицынъ явился не токмо передъ Нами и передъ государствомъ, но и передъ Самимъ Богомъ въ важныхъ преступленіяхъ, которыя, какъ по Закону Божію, такъ и по правамъ гражданскимъ, терпимы быть не могутъ, того ради указали Мы его,

[1]) П. С. З., № 5646.
[2]) П. С. З., № 6477, 7139.

князя Дмитрія, судить по государственнымъ правамъ и указамъ въ Сенатѣ кабинетному министру (кн. А. М. Черкасскому), сенаторамъ, вышняго суда членамъ, обще съ генералитетомъ и флагманами и коллежскими президентами, которымъ при семъ прилагается реестръ, а о преступленіяхъ его, князь Дмитріевыхъ, экстрактъ, и засѣдать имъ въ томъ судѣ всѣмъ по своимъ рангамъ, а что по тому суду будетъ опредѣлено, подписавъ сентенцію, для Нашего разсмотрѣнія и апробаціи подать Намъ" [1]). Затѣмъ, „1737 г., генваря въ 8 день,..... присутствующее собраніе въ Сенатѣ, слушавъ объявленнаго о винахъ и преступленіяхъ кн. Д. Голицына экстракту и изъ указовъ выписки,.. разсуждая, согласно приговорили: за всѣ его вышеозначенныя вины и преступленія,... лиша его чиновъ и отобравъ кавалеріи, казнить смертію и все движимое и недвижимое его имѣніе отписать на Е. И. В." [2]). Смертная казнь, какъ извѣстно, была замѣнена кн. Д. М. Голицыну Государынею заключеніемъ въ Шлиссельбургѣ [3]).

Если въ указанномъ случаѣ, какъ совершенно исключительномъ, въ Сенатъ были призваны, для суда надъ кн. Д. М. Голицынымъ, многія другія лица, во главѣ съ „кабинетнымъ министромъ кн. А. М. Черкасскимъ", то можно указать примѣры, когда Сенату одному приказывалось „разсмотрѣть" то или другое прошеніе, „слѣдствіемъ (его) окончать и рѣшеніе учинить по указамъ" [4]).

Сенатъ былъ, наконецъ, нынѣ, какъ и ранѣе, инстанціею, ревизующей судебные приговоры подчиненныхъ ему учрежденій [5]). Приговоры о смертной казни представлялись на утвержденіе Сената. Такъ, нѣкій латышъ Яганъ Алуевъ „жилъ блудно" съ женою лифляндца Юносова и по согласію съ нею... онаго мужа убилъ до смерти". Юстицъ-коллегія приговорила „отсѣчь имъ голову и о такой казни публиковать" въ той мызѣ, гдѣ они жили. Сенатъ утвердилъ этотъ приговоръ [6]). Въ другомъ подобномъ случаѣ онъ

[1]) М. А. М. Ю., журн. и прот. Пр. Сената, кн. 219/2100, л. 34; реестръ членовъ суда, л. 35, экстрактъ изъ слѣдствія, л. 36, 37 об.; срав. Арх. Сен., Высоч. указы и повел., кн. 47, л. 29.

[2]) М. А. М. Ю., Журн. и прот. Пр. Сената, кн. 219/2100, л. 46.

[3]) П. С. З., № 7151.

[4]) Бумаги Кабинета министровъ, т. X, стр. 451 и сл.; Арх. Сен., Высоч. указы и повел., кн. 59, л. 399, и др.; М. А. М. Ю., дѣла Пр. Сената по быв. Кабинету, кн. 6/1083, л. 807 и сл.

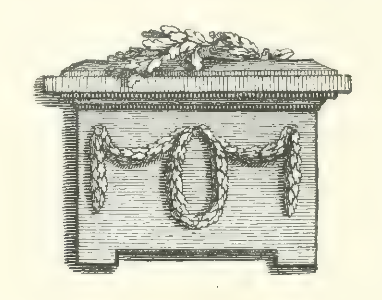
[5]) Ibidem, журн. и прот. Пр. Сената, кн. 219/2130, л. 59 и сл.

[6]) Ibidem, журн. и прот. Пр. Сената, кн. 224/2105, л. 89.

нашелъ возможнымъ смягчить приговоръ, и „вмѣсто смертной казни“ приказалъ „сослать вѣчно въ каторжную работу“ [1]).

Сенатъ наблюдалъ за скорѣйшимъ рѣшеніемъ дѣлъ въ судномъ приказѣ и за тѣмъ, „чтобъ колодники долговременно не держались и отъ продолжительнаго задержанія безгодною смертію не помирали“; приказывалъ судьямъ сидѣть 2 раза въ день, разрѣшалъ вопросы о подсудности, освобождалъ отъ пытокъ. Такъ, нѣкій смоленскій шляхтичъ, Матвѣй Шукевичъ, былъ освобожденъ отъ пытки „за обращеніе его въ благочестивую греческаго исповѣданія вѣру и дабы онъ непоколебимо въ сей благочестивой вѣрѣ состоялъ“, при чемъ его велѣно было послать въ дальній монастырь, гдѣ „и содержать, не постригая“, —пыткѣ онъ подлежалъ „за объявленіе, якобы видѣннаго имъ, чрезъ Св. апостола Матвѣя откровенія“ и будто полученнаго, по тому откровенію, отъ образа Пречистыя Богородицы, написаннаго по римскому обычаю, -здравія, для чего былъ присланъ изъ Св. Синода „къ гражданскому суду въ Юстицъ-коллегію“ [2]).

Обозрѣвъ кратко дѣятельность Сената, мы можемъ придти къ тому же общему заключенію, какое высказали о дѣятельности его въ правленіе В. Т. Совѣта: сложное дѣло государственнаго управленія и суда постоянно нуждалось въ закономѣрно-поставленномъ и закономѣрно-дѣйствующемъ учрежденіи. Такимъ учрежденіемъ являлся Сенатъ и теперь, несмотря на всѣ свои недостатки, при чемъ Кабинетъ долженъ былъ обращаться къ помощи его еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ В. Т. Совѣтъ.

[1]) М. А. М. Ю., дѣла Сената по быв. Кабинету, кн. 192/2073, л. 18; кн. 249/2130, л. 59 и др.

[2]) П. С. З., №№ 6410, 5992; М. А. М. Ю. журн. и прот. Пр. Сената, кн. 217/2098, л. 142.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Текстъ документовъ, воспроизведенныхъ въ первомъ томѣ (факсимиле).

I.

Собственноручный Высочайшій указъ Петра Великаго, отъ 22 февраля 1711 года, объ учрежденіи Правительствующаго Сената и о бытіи при ономъ розрядному столу вмѣсто розряднаго приказа, и по два комиссара изъ губерній (П. С. З., 1711 г., № 2321).

Указъ объявить послѣдующей

Определили быть для отлучекъ Нашихъ Провительствуюшиї Сенатъ для упъравъления

Г(ос)подинъ граѳъ Мусинъ Пушкинъ
Господинъ Стрешнеѳъ
Господинъ кнезь Петръ Голицынъ
Господинъ к. Михайла Долгорукой
Господинъ Племянникоѳъ
Господинъ к. Григорей Волконской
Господинъ Самаринъ
Господинъ Василей Апухътинъ
Господинъ Мелницкой
Оборъ секъретарь сего Сената Анисимъ Щукинъ

1.

Моско(в)скую гудернию упъравълять і доносить Сенату Василью Ершову

2.

На кнезь Петрова мѣсто Голицына господинъ Курбатоѳъ

3.

Вмѣсто приказу розрядного быть столу розрядному при вышеписанномъ Сенатѣ.

4.

Также со всѣхъ губерней к вышеписанному суду для спросу і принимания указовъ быть по два камисара з губерниї.

Въ Преображенскомъ въ 22 февраля 1711.

Сей Великого Государя имянной указъ вышепомянутымъ господамъ в ближной канцеляриі сказанъ того жъ числа. Записать в книгу, а сей подлинной указъ держать в сохранениі.

Хранится въ Архивѣ Сената, Высоч. указы и повел., кн. 1, л.л. 53 и 54.

II.

Послѣдняя страница перваго опредѣленія Правительствующаго Сената отъ 1 марта 1711 г. (П. С. З., 1711 г., № 2326).

. . . . . на тѣхъ даточныхъ взять изъ оружейной палаты. Графъ Иванъ Мусинъ-Пушкинъ

Тихонъ Стрешневъ
Князь Петръ Голицынъ
Григорей Племянніковъ і вмѣсто князь Михай(ла)
Долгурукова приписую
Князь Григорей Волконской
Василей Опухтинъ
Михайла Самаринъ

Хранится въ Московскомъ Архивѣ Мин. Юст., Дѣла Сената, кн. 1.

III.

Письмо Петра Великаго Сенату, отъ 19 мая 1711 г., по поводу рекрутскаго набора, съ выговоромъ за неточное сообщеніе о положеніи дѣла и повелѣніемъ назначить надъ денежными дворами новаго управителя и завести лучшій порядокъ въ „прибыльныхъ“ дѣлахъ.

Господа Сенатъ

Писмо ваше писанное из Москвы апрѣля отъ 30-го дня до насъ дошло, в которомъ пишете, что рекруты в Ригу по указу вы отправили. А понеже

Господинъ Генералъ Ѳелтьмаршалъ и губернаторъ князь Меншиковъ к намъ писалъ нынѣ апрѣля отъ 16-го дня, что в Ригу в прибавку к смоленскимъ и арханьелогороцкимъ рекрутамъ явились толко с одной Казанской губерниі и то не всѣ, ис которыхъ многое число в бегахъ, чему при семъ ис тѣхъ писемъ прилагается экстрактъ, а з другихъ губерней еще ничего не явилось, того для весма вамъ надобно отомъ старатца, и вмѣсто беглецовъ велите з губерней высылать вновь, дабы указное число конечно было ісполнено.

і зело дивълюсь что пише(те), какъ старыя судьі, послано а то позабыли что дошли ль іли у васъ уже та клятва вышла ізъ души которую недавъно учинили. Надъ денежными дворами учините нового управителя придаѳъ добрыхъ равъныхъ товарыщей такожъ и в протчихъ прибылныхъ дѣлѣхъ усмотрение і доброй порядокъ учините, какъ я далъ вамъ указъ при отъѣзде своемъ понеже денги суть жизнью войны.

Петръ.

ізъ Яворова въ 19 д. маія 1711.

Хранится въ Архивѣ Сената, Высоч. указы и повел., кн. 4, л. 19 и 20.

IV.

Собственноручное письмо Петра Великаго отъ 8 іюня 1711 г. съ благодарностью за успѣшное веденіе дѣлъ съ увѣдомленіемъ о соглашеніи съ Польскимъ королемъ и проч.

Господа Сенатъ.

Писмо ваше маія отъ 16 дня намъ вручено і за ісправъленья дѣлъ благодарстую в чемъ і въ(п)редь надлежитъ вамъ трудитца і въсе заранее совъременемъ ізготовълять понеже пропушание времени смерти невозвратной подобно. Брегадиру Осипову і другимъ началникомъ которыя сергиевъской взяли для потѣхи надлежитъ послать жалаванья по пъримѣрамъ прежнимъ такихъ дѣлъ.

О здѣшнихъ конъюнъктурахъ объявъляю что мы чрезъ 9 дней бытия своево въ Ярославълѣ с королеѳскимъ величествомъ і сенатора полскими потребное опъределили к новой сей войнѣ і соверша оное прибыли сюда третьево дни і сегодня пойдем в путь свой. Генералъ ѳ. м. Шереметеѳъ уже въ Ясахъ которого встрѣтилъ господарь волоской с войскомъ і случась выдалъ публичныя уневерсалы в своем господарствѣ протиѳъ турокъ [і такъ слава Богу початакъ доброй в семъ дѣле] чего і отъ протчихъ християнъ ожидаемъ. Генералъ Вейдъ с пѣхотою уже сими часы чаю Днестръ перебираетца к которому въ 4-мъ дни мы случимся і пойдемъ к ѳелтъмаршалу в случение. Писалъ ко мнѣ царь мелетинской о вывозе тѣла сына ево что надобна вамъ жестоко говорит

Пиперу і Реіншилту [дабы ево сѣдую старость чемъ потѣшить] о іхъ варварствѣ что і надъ мертвыми немилость кажутъ, а въ примѣръ імъ сказать что бывъшей въ іхъ службѣ принцъ Виртемберской когда умеръ то не точию задержанъ но с великою честию отпушено ево тѣло к матери ево.

Piter.

Ізъ Бреславъля въ 8 д. іюня 1711.

P. S. Писалъ адмиралъ г. Апраксинъ чтобъ на содержание казакоѳъ і калмыкъ дать нѣсколко денегъ что учините по согласию с нимъ.

Хранится въ Архивѣ Сената, Высоч. указы и повел., кн. 4, л. 24 и 25.

V.

Собственноручный указъ Петра Великаго сенаторамъ, пребывающимъ въ С.-Петербургѣ, отъ 11 іюня 1712 г., о преданіи суду членовъ Сената, присутствующихъ въ Москвѣ, за неисполненіе Высочайшаго указа о высылкѣ дворянина Головнина.

Указъ Господамъ Сенату, здѣ пребывающимъ

Понеже в апърѣле мѣсеце посыланъ былъ подъячей Александръ с собственнымъ моей руки писмомъ в сенатъ к Москвѣ для высылки сюды дворянина Головънина [с которого указу копия прилагаетца] по которому указу таварыши ваши которыя на Москвѣ не токмо в два сиї мѣсецы оного дворянина сюды выслали (которой на Москвѣ живетъ) но ниже отвѣту на оной указъ учинили того ради надлежитъ оныхъ вамъ судить яко преслушникоѳъ нашего указу і какоѳъ декретъ іздасться, о томъ писать к намъ.

Петръ.

въ Питербурхѣ въ 11-й день іюня 1712.

Хранится въ Архивѣ Сената, Высоч. указы и повел., кн. 5, л. 62.

VI.

Собственноручный указъ Петра Великаго Сенату, отъ 30 октября 1712 г., объ исправленіи дѣлъ по предложенію адмирала (гр. Апраксина).

Господа Сенатъ

Понеже для важныхъ дѣлъ приѣдетъ к вамъ господинъ адмиралъ по которого предложению неотмѣнна все ізправте, понеже зѣло нужно.

Петръ.

Ізъ Карсъбада въ 30. д.
октебря 1712.

Хранится въ Архивѣ Сената, Высоч. указы и повел., кн. 5, л. 115.

VII.

Письмо Цесаревича Алексѣя Петровича Сенату, отъ 22 марта 1712 г.

Господа Сенатъ

Пісмо ваше чрезъ Петра Анѳимава я получилъ и за отправленія его і с нимъ людей моихъ васъ зѣло благодарстую

Алексѣй.

С Торуня въ к҃в (22) 1712.

Мѣсяцъ не указанъ. Хранится въ Архивѣ Сената, Высоч. указы и повел., кн. 6, л. 19.

VIII.

Собственноручный Высочайшій указъ Петра Великаго Сенату, отъ 16 апрѣля 1717 г., объ отвращеніи притѣсненій о временныхъ податяхъ и немедленномъ разбирательствѣ дѣлъ по доносамъ фискальскимъ, касательно растраты казенныхъ денегъ (П. С. З., 1717 г., № 3080).

Понеже какъ я слышу по посторонним вѣдомостямъ что в губернияхъ несносныя правяжи чинятца [в чемъ мнѣ за такою далностью а въ своемъ государстве будучи за сею тяжкою войною усмотрить невозможно] отчего не

точию разоренья государству но отъ Бога не безъ гнѣву что я по совести своей не могъ оставить вамъ сие писать дабы вы в томъ горазда смотрѣли понеже іного дѣла не імѣете точию одно правъление которое ежели не смотрително будете дѣлать то предъ Богомъ а потомъ і здѣшнего суда не ізбежите что же надлежитъ до зборовъ денежныхъ в томъ наіпаче смотрить надобно ібо і безъ великого отягчения людемъ денегъ сыскать мочно в чемъ паче всего трудъ приложите ібо в семъ дѣле не малую опълошку імѣете я одно дѣла вамъ предъявълю что нынѣ у города дѣлѣлаетца что какъ руския такъ іноземцы не запълатя пошлинъ отъѣзжаютъ взявъ писма для отсрочки, отчего многия тысячи тратятца а когда за сие примятесь много такихъ прорѣхъ сыщете к томужъ возможно [ежели нужда в денгахъ] на въсякие промыслы положить на въвремя прибаѳку пошлины такъ же поголовъшину по городамъ (какъ то во въсемъ свѣте ведетца) [кромѣ деревень] і іныя сему подобныя отчего разоренья государству не будетъ, в чемъ паки подтвержаю дабы неусыпъное старание в томъ імѣли такъже в такихъ дѣлехъ которыя денежной траты касаютца о которыхъ ѳискалы будутъ доносить чтобъ немедленноя інквизиция была і эксекуция.

Петръ.

Ізъ Кале въ 16. д. апърѣля 1717.

Хранится въ Архивѣ Сената, Высоч. указы и повел., кн. 7, л. 216—217.

IX.

Собственноручный указъ Петра Великаго Сенату, отъ 21 января 1718 г., о спрашиваніи необходимыхъ для сочиненія коллегій свѣдѣній, вмѣсто Брюса, у Фика.

Господа Сенатъ

При отъѣздѣ своемъ я писменна вамъ оставилъ для колегій указъ дабы брали вѣдение у генерала Брюса какъ оныя сочинять, а понеже онъ нынѣ отъѣѣхалъ в Ѳинляндию то безъ него берите вѣдомости і спрашивайте у Ѳика которой оныя вывезъ ізъ Швеціі.

Петръ.

Ізъ Преображенского
въ 21. д. генваря 1718.

Хранится въ Архивѣ Сената, Высоч. указы и повел., кн. 7, л. 281.

X.

Собственноручный указъ Петра I Сенату, отъ 6 февраля 1718 г., о взятіи подъ караулъ сенатора Михаила Самарина и объ опечатаніи его писемъ и проч.

Господа Сенатъ

Михайла Самарина велите взять за караулъ крѣпъкой губернатору к. Меншикову і всѣ ево писма і протчее перепечатать

Петръ.

ізъ Преображен-
ского въ 6 д. ѳевъраля 1718.

Получено ѳевраля 11 дня 1717 года.

Въ помѣтѣ о полученіи указанъ годъ 1717.

Хранится въ Архивѣ Сената, Высоч. указы и повел., кн. 7, л. 282.

XI.

Указъ Петра Великаго оберъ-секретарю Щукину, отъ 23 февраля 1720 г., о разсмотрѣніи архіереями, обще съ Сенатомъ, проекта Устава Духовной коллегіи (собственноручный).

Указъ оборъ секретарю Сената.

По получениї сего объяви преосвященнымъ архиеереомъ і господамъ Сенату дабы проэктъ духовъной колегиї при семъ вложенной завътра выслушали такъ ли оному быть і ежели что не такъ покажетца чтобъ ремарки поставили і на каждой ремаркъ экспликацию вины дѣла.

Петръ.

Въ 23. д. ѳевъраля 1720.

Получено ѳевраля тогожъ числа.

Хранится въ Архивѣ Сената, Высоч. указы и повел., кн. 12, л. 154.

XII.

Указъ Петра Великаго Сенату, отъ 24 февраля 1720 г., о подписанiи архiереями и Сенатомъ проекта Устава Духовной коллегiи. (собственноручный)

Господа Сенатъ

Понеже вчерась отъ васъ я слышалъ что проэктъ о духовной колегиї какъ архиеереі такъ і вы слушали і приняли всѣ за благо того ради надлежитъ архиеереомъ и вамъ оной потписать которой потомъ и я закрепълю а лутче бъ два потписать і одинъ оставить здѣсь а другой послать для потписания протчимъ архиеереомъ

Петръ.

въ 24 д. ѳевъраля 1720.

Хранится въ Архивѣ Сената, Высоч. указы и повел., кн. 12, л. 155.

XIII.

Именной Высочайшiй указъ Петра Великаго о должности Сената 27 апрѣля 1722 г. (П. С. З., 1722 г., № 3978).

Послѣдняя страница.

. . . . . тамо по званию своему быть не подобало;

12. В Сенатѣ никакое дѣло iсполнено быти надлежитъ словесно но все писменно; понеже Сенату в такихъ важныхъ поведенияхъ вельми нужно iмѣть всякое опасение i осторожность, дабы нашъ интересъ ни в чемъ не повредить, и того ради всѣмъ членамъ не прiити к тяжкому отвѣтствованию, такожъ и намъ ни в чемъ бы сумнително быти могло;

Петръ.

Поступать по сей, а старую ради ее неполности отставить.

В Москвѣ в Сенатѣ, Апрѣля 27 дня 1722 года,

Подпись и резолюцiя собственноручныя.

Хранится въ ковчегѣ въ залѣ Общаго собранiя Правительствующаго Сената.

XIV.

Именной Высочайшій указъ Петра Великаго, отъ 27 апрѣля 1722 г. о должности генералъ-прокурора (П. С. З., 1722 г., № 3979).

Послѣдняя страница.

. . . . . о тѣхъ предлагать Сенату, чтобъ учинилъ на тѣ дѣла ясные указы (противъ указу апреля 17 1722 которой всегда на столѣ держитца) [1]) и какъ сочинятъ доносить намъ, и ежели в пополнение сей инструкціи что усмотритъ о томъ доносить же;

11.

И понеже сеи чинъ яко око наше и стряпчеи о дѣлахъ государственныхъ, того радї надлежитъ вѣрно поступать, їбо перво на немъ взыскано будетъ, и ежели в чемъ поманитъ или инако какимъ образомъ ниесть должность свою вѣдениемъ и волею преступитъ, то яко преступникъ указа и явной разоритель государства наказанъ будетъ, будеже весма не вымысломъ то оному в вину неставить, понеже лутче доношениемъ ошибитца нежели молчаниемъ, однакожъ ежели то часто будетъ употреблять, то не без вины будетъ.

12.

Оберъ прокуроръ есть помощникъ генералу прокурору въ ево дѣлахъ, а в небытность ево долженъ дѣла ево отправлять

Петръ.

В Москвѣ въ 27 д. апрѣля 1722.

Хранится въ ковчегѣ въ залѣ Общаго собранія Правительствующаго Сената.

[1]) Напечатанное въ круглыхъ скобкахъ приписано Императоромъ на полѣ документа и особымъ знакомъ отнесено на соотвѣтствующее мѣсто.

XV.

Именной Высочайшій указъ Екатерины I, отъ 7 марта 1726 г. о должности Сената (П. С. З., 1726 г., № 4847).

Послѣдняя страница.

. . . . . И не объявлять, а ежели кто сие учинитъ тотъ штраѳованъ будетъ.

16. Впротчемъ всѣ имъ врученныя дѣла к лутчимъ государственнымъ интересамъ исправлять, сколко возможность и сила допуститъ, дабы ничто опущено не было, такъ какъ честнымъ и добрымъ людемъ надлежитъ. И чтобъ пред Богомъ и государствомъ могли по присяжной своей должности чистой отвѣтъ дать, и для того имѣть в Сенатѣ на столѣ книги съ реэстрамі, а имянно:

Инструкция Сенату;
Указы и регламенты;
Указы на дѣла конецъ имѣющия;

Екатерина.

В Санктъ Питербурхе.

Марта въ 7 день 1726.

в Сенате получена того жъ числа.

Хранится въ Архивѣ Сената, Высоч. указы и повел., кн. 29, л. 173.

XVI.

Именной указъ, объявленный изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта Сенату, отъ 14 марта 1726 г., о именованіи Сената Высокимъ, а не Правительствующимъ (П. С. З., 1726 г., № 4853).

Послѣдняя страница.

. . . . . Промемориями, а изъ другихъ доношениями писать в Высокіи Сенатъ. И о томъ послать указы в Сенатъ, и в первые три коллегіи, иностранную, в военную и адмиралтейскую, отъ Верховного тайного совѣта, а в протчие коллегіи и куды надлежитъ ради вѣдома велѣть дать знать изъ Сената;

Карлъ Ѳридерихъ
Александръ
Меншиковъ
Генаралъ Адмиралъ граѳъ Апраксинъ

Канцлѣръ граѳъ Головкинъ
Князь Дмитрей Галицынъ
Графъ Петръ Талъстой

Василей Степановъ

Хранится въ Архивѣ Сената, Высоч. указы и повел., кн. Е., л. 8.

XVII.

Именной Высочайшій указъ, отъ 8 мая 1727 г., объявленный изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта Сенату о порядкѣ приведенія всякихъ чиновъ людей къ присягѣ, по случаю вступленія на Всероссійскій престолъ Императора Петра II (П. С. З., 1727 г., № 5072).

Послѣдняя страница.

. . . . . по вся почты, а изъ Сената в нашъ Верховный тайный совѣтъ подавать краткие жъ репорты по вся недѣли; а каковъ для всенародного извѣстия маниѳестъ публиковать и присягу учинить надлежитъ, тому при семъ прилагается печатныхъ два листа и повелѣваемъ нашему Сенату учинить о томъ по сему нашему указу; данъ в нашемъ Верховномъ тайномъ совѣтѣ маия 8 дня 1727 года.

Петръ Анна
Елисаветъ
Карлъ Ѳридерихъ.
Александръ
Меншиковъ
Генаралъ Адмиралъ граѳъ Апраксинъ
Канцлѣръ граѳъ Головкинъ
Князь Дмитрей Галицынъ

Василей Степановъ

Хранится въ Архивѣ Сената, Высоч. указы и повел., кн. 29, л. 273 обр.

XVIII.

Докладъ Верховнаго Тайнаго Совѣта Императору Петру II, отъ 31 іюля 1728 г., о пожалованіи изъ прибыльныхъ отъ передѣла денегъ генералъ-фельдмаршалу В. В. Долгорукову 20000 рублей и генералу-лейтенанту Левашеву 2000 рублей.

Докладъ его императорскому величеству.

Понеже генералъ ѳелтьмаршалъ и ковалеръ князь Василей Володимеровичь Долгоруковъ привезъ с собою в Москву Гилянскихъ і Бакинскихъ доходовъ 165821 рубль 55 копѣекъ персидской манеты, і отданъ на манетной дворъ для передѣлу в россійскую манету, отъ которого передѣлу прибыли будетъ около сорока пяти тысячь рублевъ; того ради всеподданнѣйшее свое мнѣние Вашему Императорскому Величеству доносимъ что за трудъ ево, генерала ѳелтьмаршала которой онъ имѣлъ в тамошнихъ провинцияхъ, и за вѣрные службы і за збор такой немалой суммы надлежитъ пожаловать ему ізъ вышеписанныхъ прибылныхъ денегъ дватцать тысячь рублевъ, да генералу лейтнанту Левашову двѣ тысячи рублевъ;

Генаралъ адмаралъ граѳъ Апраксинъ
Граѳъ Гаврило Головкинъ
Князь Василей Долгорукой
видалъ Петръ
Андрей Остерманъ
Князь Алексей Долгорукай

Полученъ іюля въ 31 день 1728 г.

Хранится въ Архивѣ Сената, Высоч. указы и повел., кн. 31, л. 139.

XIX.

Манифестъ 4 марта 1730 г. объ уничтоженіи Верховнаго Тайнаго Совѣта и Высокаго Сената, и о возстановленіи по прежнему Правительствующаго Сената (П. С. З., 1730 г., № 5510).

1.

Божіею Милостію Мы Анна, императрица и самодержица всеросіиская, и протчая, и протчая, и протчая.

Указали Верховный Совѣтъ и Высокій Сенатъ отставить, а вмѣсто того для управленія быть Правителствующему Сенату, в которомъ присудствовать нижеимянованнымъ, и учинить имъ присягу такую какову учинили при дяде нашемъ блаженныя и вѣчнодостоиныя памяти Петрѣ Великомъ Императорѣ

и самодержце всеросіискомъ в 1711-мъ году марта 2 дня, которой ѳормуляръ присемъ, такъ же во управленій поступать по должности данной Сенату при его жъ императорскомъ величествѣ, и по уложенью и указомъ, а чтобъ о томъ нашемъ опредѣленій вѣдали публиковать в народъ особыми печатными указами.

Анна.

Марта 4 дня
1730 году

Хранится въ Архивѣ Сената, Высоч. указы и повел., кн. 32, л. 2.

Иллюстраціи, помѣщенныя въ первомъ томѣ.

Геліогравюры (внѣ текста):

Его Императорское Величество Государь Императоръ Николай Александровичъ.
съ фотографіи Буассона и Эгглеръ.

Императоръ Петръ I Великій.
съ картины работы Martin le Jeune (Pierre-Denis) 1725 г., изображающей Полтавскую битву и находящейся въ Зимнемъ Дворцѣ.

Фототипіи (внѣ текста):

Императоръ Петръ I Великій,
съ портрета работы Купецкаго 1711 года, находящагося въ залѣ Общаго собранія Правительствующаго Сената.
(Описаніе см. т. V. Стр. 37).

Императрица Екатерина I Алексѣевна,
съ портрета, находящагося въ залѣ Общаго собранія Правительствующаго Сената.

Императоръ Петръ II Алексѣевичъ.
съ портрета работы Людденa, находящагося въ Романовской галлереѣ Зимняго Дворца.

Императрица Анна Іоанновна.
съ портрета работы Каравакка, находящагося въ Романовской галлереѣ Зимняго Дворца.

Императоръ Іоаннъ III (VI) Антоновичъ,
съ миніатюры работы Соловьева на титульномъ листѣ грамоты 1741 года на пожалованіе графскаго достоинства фельдмаршалу Миниху. Оригиналъ хранится въ гербовомъ отдѣленіи департамента Герольдіи Правительствующаго Сената.
(См. титульный листъ т. V).

Автотипіи и рисунки (въ текстѣ).

Портреты:

Брюсъ, графъ, Яковъ Вилимовичъ, съ портрета, принадлежащаго Н. Гартонгу. Стр. 126.

Голицынъ, князь, Дмитрій Михаиловичъ, изъ „Историческаго альбома портретовъ извѣстныхъ лицъ XVI—XVIII в., фотографированныхъ художникомъ А. М. Лушевымъ“. С.П.Б. 1870 г. Стр. 133.

Головкинъ, графъ, Гавріилъ Ивановичъ, съ гравюры Н. Иванова изъ „Собранія портретовъ, изд. Платономъ Бекетовымъ“. Стр. 101.

Долгорукій, князь, Василій Лукичъ, съ гравюры Г. Афонасьева, изд. Платона Бекетова. Стр. 390.

На гравюрѣ надпись: „Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ, Верховнаго Тайнаго Совѣта членъ и датскаго ордена слона кавалеръ“.

Долгорукій, князь, Яковъ Өеодоровичъ, съ гравюры Мещерякова по древнему портрету, находящемуся въ Московской оружейной палатѣ. Изъ собранія П. Я. Дашкова. Стр. 124.

Меншиковъ, свѣтлѣйшій князь, Александръ Даниловичъ, съ портрета, находящагося въ Гатчинскомъ Дворцѣ. Стр. 93.

Остерманъ, графъ, Андрей Ивановичъ (Heinrich-Iohann), съ гравюры Н. Иванова. Изъ „Собранія портретовъ, издаваемыхъ Платономъ Бекетовымъ“. Стр. 527.

Черкасскій, князь, Алексѣй Михаиловичъ, съ гравюры Н. Иванова, изд. П. Бекетова. Стр. 388.

На гравюрѣ надпись: „Князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій, Великій Канцлеръ, Кабинета Министръ и Сенаторъ“.

Шаховской, князь, Яковъ Петровичъ, съ гравюры Аргунова, по портрету Осипова. Изъ собранія П. Я. Дашкова. Стр. 550.

Ягужинскій, графъ, Павелъ Ивановичъ, съ гравюры Афонасьева, изд. П. Бекетова. Стр. 217.

На гравюрѣ надпись: „Графъ Павелъ Ивановичъ Ягушинскій, Генералъ Аншефъ, Генералъ Прокуроръ, Оберъ-Шталмейстеръ, Кабинетъ-Министръ и Конной Лейбъ-Гвардіи Подполковникъ“.

— Изъ альбома портретовъ А. М. Лушева. С.П.Б. 1870 г. Стр. 493.

Виды зданій, грамоты, медали и др. рисунки:

Видъ Коломенскаго дворца, гдѣ родился Петръ Великій, съ гравюры Ө. Гильфердинга въ Императорской публичной библіотекѣ. Стр. 54.

Строенія приказовъ, въ Московскомъ Кремлѣ, съ гравюры Пикара 1721 г. (См. подробное описаніе въ т. V, стр. 4). Изъ собранія П. Я. Дашкова. Стр. 61.

Грамота (титульный листъ) 1725 г., подписанная Императрицею Екатериною I и контрасигнованная канцлеромъ Головкинымъ на пожалованіе баронскаго титула гофмейстеринѣ Евдокіи Климентовой, воспитательницѣ Великой Княгини Анны Петровны. Оригиналъ хранится въ Архивѣ Сената. Стр. 429.

Медаль, на рожденіе Петра Великаго (оборотная сторона). Изъ книги „Медали на дѣянія Петра Великаго". Ю. Иверсена, СПБ. 1872 г. стр. 68.

На лицевой сторонѣ медали: Alexius Michaelis Filius D. g. Tzar Et Magnus Dux Totius Russiae. Рядомъ расположенныя и обращенныя вправо изображенія Царя Алексѣя Михаиловича и Царицы Наталіи Кирилловны въ богатомъ древне-русскомъ нарядѣ; Царь съ короною на головѣ, въ правой рукѣ держитъ скипетръ, въ лѣвой державу. Внизу между завитками: P. P. Werner fecit N. На оборотной сторонѣ: парящій въ облакахъ геній со звѣздочкой надъ головой вручаетъ Россіи, представленной въ видѣ колѣнопреклоненной женщины, съ зубчатою короною на головѣ, новорожденнаго Царевича, лежащаго на подушкѣ. Позади олицетворенной Россіи щитъ съ Россійскимъ гербомъ. Надпись: Spes Magna Futuri. Petrus Alixii Filius Natus 30 Maii MDCLXXII.

Медаль эта по свидѣтельству Иверсена не современна тому событію, которое она изображаетъ, а изготовлена въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны.

— на вступленіе на престолъ Петра I (оборотная сторона). Изъ той же книги Иверсена. Стр. 118.

На лицевой сторонѣ: Petrus Alexii Filius D. G. Tzar Et Magnus Dux Totius Russiae. Увѣнчанное лаврами поясное изображеніе Царя въ латахъ и мантіи, обращенное вправо (Въ обрѣзѣ руки: „В. К." Василій Клементовъ).

На оборотной сторонѣ: Mea Meum Ascendis in Altum. Царь въ латахъ, съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ, ведетъ олицетворенную Россію, держащую въ лѣвой рукѣ щитъ съ Россійскимъ гербомъ, на гору, на вершинѣ которой стоитъ храмъ славы. Позади обѣихъ фигуръ видно восходящее солнце. Надпись: Imperii Habenas Capessit XXVII Aprilis CIϽIϽCLXXXII. Эта медаль, съ обозначеннымъ на ней 1682 годомъ, принадлежитъ, по происхожденію своему, ко времени царствованія Императрицы Елисаветы.

— на учрежденіе коллегій (оборотная сторона). Изъ той же книги Иверсена. Стр. 170.

На лицевой сторонѣ: „Петрусь Первый Божіею Мілостю Імператоръ Росіискіи". Увѣнчанное лаврами грудное изображеніе Царя, въ латахъ и мантіи, обращенное вправо (въ обрѣзѣ К. О.).

На оборотной сторонѣ: „На лентѣ трилистникъ. Добродетель Творитъ Благодушна". Въ полѣ орелъ съ птенцами въ гнѣздѣ, освѣщенный лучами солнца. Въ обрѣзѣ: Anno. 1717. D. 20. Dez.

Изъ дневника Петра Великаго видно, что послѣднимъ правительственнымъ распоряженіемъ Петра I передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, 15 декабря 1717 г., въ Москву, куда онъ прибылъ 21 декабря, было назначеніе президентовъ во всѣ коллегіи, учрежденныя незадолго передъ тѣмъ по шведскому образцу и по плану, выработанному Люберасомъ.

Медаль, на возстановленіе спокойствія въ государствѣ (оборотная сторона). Изъ книги Иверсена. Стр. 331.

На лицевой сторонѣ: „Петрусь Первыи Божіею мілостію Імператоръ Россіискіи“. Увѣнчанное лаврами грудное изображеніе Петра Великаго, въ латахъ и мантіи, обращенное вправо. Въ обрѣзѣ руки К. О.

На оборотной сторонѣ: „Велічество. Твое Везде Ясно“. Въ полѣ крутая гора, вершина которой проходитъ сквозь облака. На верху горы корона, озаренная лучами солнца. Въ обрѣзѣ: Ann. 1718. D. 20 Dez.

Зерцало, съ печатными оттисками Петровскаго времени съ указовъ 17 апрѣля 1722 г. и 21 января 1724 г., о храненіи правъ гражданскихъ и о соблюденіи благочинія, напечатанными на бумагѣ въ Санктпетербургѣ при Сенатѣ 27 января 1724 г. подъ стекломъ въ бронзовой литой рамѣ съ рельефными украшеніями. Хранится въ залѣ Общаго собранія Правительствующаго Сената. Стр. 299.

Часы песочные, работы Петровской эпохи. Хранятся въ залѣ Общаго собранія Правительствующаго Сената. Стр. 339 (см. т. V).

Ковчегъ, серебряный, отъ печати къ диплому на пожалованіе дворянскаго достоинства Скорнякову-Писареву (до принятія Петромъ I титула Императора). Оригиналъ хранится въ гербовомъ отдѣленіи департамента Герольдіи Правительствующаго Сената. Стр. 264.

— серебряный, отъ печати къ диплому на пожалованіе Императрицею Екатериною I, баронскаго титула гофмейстеринѣ Климентовой. Оригиналъ хранится въ гербовомъ отдѣленіи департамента Герольдіи Правительствующаго Сената. Стр. 383.

— серебряный, отъ печати къ диплому на пожалованіе (Императрицею Анною Іоанновной) дворянскаго достоинства Фишеру. Оригиналъ хранится въ гербовомъ отдѣленіи департамента Герольдіи. Стр. 547.

Концовки изъ собранія виньетокъ при дѣлѣ канц. ген.-прокурора 1797 г. № 151 (Арх. Сен., дѣла М. Ю.) о покупкѣ для Сенатской типографіи частной типографіи гр. А. И. Мусина Пушкина (См. т. II, стр. 721).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

ПРЕДИСЛОВІЕ . . . . I—XI

ВВЕДЕНІЕ . . . . 1—43

Составилъ С. Ѳ. Платоновъ.

Правительствующій Сенатъ въ царствованіе Петра Великаго.

Составилъ А. Н. Филипповъ.

ГЛАВА I.

Вступленіе . . . . **47—68**

I. Происхожденіе Правительствующаго Сената . . . 47—52

II. Первоначальное значеніе Правительствующаго Сената; связь новаго учрежденія съ губернскою реформою 1708—1710 г.г. . . . . 52—68

ГЛАВА II.

Отношеніе Правительствующаго Сената къ Верховной власти. Отношеніе къ Св. Правительствующему Синоду . . . . **69—118**

I. Петръ Великій и Сенатъ во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ „при отлучкахъ“ Государя . . . . . . 69—94

Стран.

II. Петръ Великій и Сенатъ, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, въ присутствіе Государя въ столицахъ . . 94—106
III. Отношеніе Правительствующаго Сената къ Святѣйшему Правительствующему Синоду . . . . . . 107—118

ГЛАВА III.

Устройство Правительствующаго Сената . . . . . 119—170

I. Составъ Правительствующаго Сената; назначеніе, права и обязанности сенаторовъ . . . . 119—136
II. Канцелярія Правительствующаго Сената . . . . 137—158
III. Расправная палата . . . . 159—167
IV. Сенатская контора . . . . 168—170

ГЛАВА IV.

Учрежденія и лица, состоявшія при Правительствующемъ Сенатѣ . . . . 171—264

I. Губернскіе комиссары . . . . 171—178
II. Фискалы . . . . 178—202
III. Первоначальная организація надзора за Правительствующимъ Сенатомъ и генералъ-прокуроръ . . . 203—225
IV. Генералъ-рекетмейстеръ и его контора . . . . . 226—249
V. Герольдмейстеръ; происхожденіе должности и ея функціи . . . . 249—264

ГЛАВА V.

Кругъ вѣдомства Правительствующаго Сената, въ связи съ его дѣятельностью . . . . 265—331

I. Первоначальный кругъ вѣдомства Правительствующаго Сената въ области управленія . . . . . . 265—277
II. Кругъ вѣдомства Правительствующаго Сената, въ области управленія, по учрежденіи коллегій. . . . 227—295
III. Вопросъ о законодательной власти Сената при Петрѣ. Участіе Сената въ законодательствѣ . . . . . . 295—326
IV. Кругъ вѣдомства Сената въ судебной области. . . 326—331

ГЛАВА VI.

Дѣлопроизводство Правительствующаго Сената . . . . 332—341

Высокій Сенатъ въ царствованія Екатерины I и Петра II.

Составилъ А. Н. Филипповъ.

ГЛАВА I.

Стран.

Вступленіе . . . . **345—359**

I. Взгляды современниковъ на положеніе Сената по образованіи Верховнаго Тайнаго Совѣта . . . . . 345—349

II. Ближайшія обстоятельства образованія Верховнаго Тайнаго Совѣта . . . . 349—356

III. Офиціальныя объясненія причины учрежденія Верховнаго Тайнаго Совѣта . . . . 356—359

ГЛАВА II . . . . **360—383**

I. Отношеніе Сената къ Верховной власти . . . . . 360—361

II. Отношеніе Сената къ Верховному Тайному Совѣту . 361—383

ГЛАВА III.

Устройство и дѣлопроизводство Высокаго Сената . . . . **384—406**

I. Составъ Сената; назначеніе сенаторовъ . . . . . 384—388

II. Свѣдѣнія о службѣ лицъ, назначавшихся сенаторами . . . . 389—392

III. Вопросъ о жалованьѣ сенаторовъ . . . . 392—394

IV. Канцелярія Высокаго Сената . . . . 395—400

V. Сенатская контора . . . . 401—403

VI. Дѣлопроизводство Высокаго Сената . . . . 404—406

ГЛАВА IV.

Учрежденія и лица, состоящія при Высокомъ Сенатѣ . . **407 431**

I. Незамѣщеніе должности генералъ-прокурора Сената и связанныя съ этимъ перемѣны въ положеніи оберъ-прокурора Сената . . . . 407—416

II. Генералъ-рекетмейстеръ и его контора; перемѣны въ ихъ положеніи . . . . 416—422

III. Фискалы и ихъ положеніе при Высокомъ Сенатѣ . . 422—425

IV. Герольдмейстеръ и его контора . . . . 425—431

ГЛАВА V. Стран.

Кругъ вѣдомства Высокаго Сената, въ связи съ его дѣятельностью . . . . **432—475**

I. Общія замѣчанія о компетенціи Высокаго Сената . 432—435

II. Дѣла, восходившія изъ Высокаго Сената въ Верховный Тайный Совѣтъ . . . . 436—445

III. Кругъ дѣлъ, разрѣшавшихся самимъ Высокимъ Сенатомъ . . . . 446—475

1. Компетенція Сената въ дѣлахъ, имѣвшихъ ближайшее отношеніе къ законодательству и его примѣненію на практикѣ . . . . 446—451

2. Компетенція Сената въ области управленія государствомъ . . . . 452—465

3. Кругъ вѣдомства Сената въ судебной области. . 466—475

Правительствующій Сенатъ въ царствованія Анны Іоанновны и Іоанна Антоновича.

Составилъ А. Н. Филипповъ.

ГЛАВА I.

Вступленіе . . . . **479—509**

I. Возстановленіе Правительствующаго Сената по Манифесту 4 марта 1730 г.; его первоначальный составъ. 479—488

II. Отношеніе Правительствующаго Сената къ Верховной власти до учрежденія Кабинета. Обзоръ дѣятельности Сената въ указанное время . . . . 488—500

III. Учрежденіе Кабинета министровъ; главные моменты его развитія . . . . 500—509

ГЛАВА II . . . . **510—547**

I. Отношеніе Сената къ Верховной власти по учрежденіи Кабинета . . . . 510—515

II. Отношеніе Сената къ Кабинету . . . . 516—547

ГЛАВА III.

Устройство и дѣлопроизводство Сената по учрежденіи Кабинета . . . . **548—586**

I. Составъ Сената; раздѣленіе его на два Сената . . 548—552

Стран.

II. Вопросъ о департаментахъ . . . . 552—555
III. Назначеніе сенаторовъ; вопросъ о ихъ жалованьѣ. . 555—558
IV. Сенатская контора . . . . 558—565
V. Канцелярія Сената . . . . 566—575
VI. Дѣлопроизводство Сената . . . . 575—586

ГЛАВА IV.

Учрежденія и лица, состоявшія при Сенатѣ . . . . . 587—610

I. Генералъ-рекетмейстеръ и его контора . . . . . 587—593
II. Герольдмейстеръ и его контора; отношеніе къ Кабинету . . . . 593—600
III. Генералъ-прокуроръ и оберъ-прокуроръ . . . . . 600—610

ГЛАВА. V.

Кругъ вѣдомства Сената, въ связи съ его дѣятельностью . 611—640

I. Общія замѣчанія о компетенціи Сената . . . . . 611—614
II. Компетенція Сената въ дѣлахъ, имѣвшихъ ближайшее отношеніе къ законодательству и его примѣненію на практикѣ . . . . 614—623
III. Компетенція Сената въ области управленія. . . . 623—636
IV. Кругъ вѣдомства Сената въ судебной области. . . 636—640

Приложенія

Текстъ документовъ, воспроизведенныхъ въ первомъ томѣ (факсимиле). . . . . 643—655
Иллюстраціи, помѣщенныя въ первомъ томѣ. . . . . . 657—660

